З.А.АБРАМОВА

ЖИВОТНОЕ И ЧЕЛОВЕК

В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ ЕВРОПЫ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ

Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры

Труды
Том XV

З.А.Абрамова

ЖИВОТНОЕ И ЧЕЛОВЕК

В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ ЕВРОПЫ

Европейский Дом
Санкт-Петербург
2005

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 04-06-87042.

Издание подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Абрамова З.А. **Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы.** СПб.: Европейский Дом, 2005, 352 с., илл.

Монография посвящена одному из видов единого и сложного многогранного явления – древнейшего творчества человека: искусству малых форм в его фигуративном воплощении. В ней затронуты общие проблемы: заслуживает ли палеолитическое искусство называться (и соответственно быть) искусством, является ли оно историческим источником и чем отличается от монументального наскального искусства. Рассмотрены проблемы хронологического и локального порядка, развитие сюжетов во времени (эпоха верхнего палеолита от 35 000 до 10 000 лет назад) и пространстве (Европа от Атлантики до Уральского хребта). Представлена классификация изображений: сюжеты, техника исполнения (скульптура, барельеф, гравюра); использованный материал; манера исполнения (реализм, натурализм, схематизм – их различие); вопросы стиля и существования «школ». На основе искусства выделены историко-культурные области: Франко-Кантабрия, средиземноморское побережье Иберийского полуострова и Апеннинский полуостров; бассейны Рейна и Дуная; Моравия; центр Русской равнины: бассейны Дона и Днепра. На основании мадленского искусства Франции, единственного, обладающего достаточным материалом, впервые широко рассмотрены сочетания образов человека и животных и различных видов животных между собой, гравированных на одной основе.

Книга обильно иллюстрирована, снабжена полноценной библиографией и может быть полезной не только для специалистов и студентов, но и всех интересующихся древнейшим прошлым человечества.

На обложке: изображения человека и льва из Ла Марш (по: Pales, 1976, pl. 2; 1989, pl. 2).

Оригинал-макет подготовлен ЗАО «ФИП-2» при участии издательства «Европейский Дом».

ISBN 5-8015-0186-X

© З.А. Абрамова, 2004
© Европейский Дом, 2005

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
INSTITUTE OF HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Proceedings
Volume XV

Zoya A.Abramova

ANIMAL AND MAN

IN THE PALAEOLITHIC ART OF EUROPE

Evropeiskiy Dom
St.Petersburg
2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение • **5**

Глава I. Палеолитическое искусство.
Некоторые общие вопросы • **11**

Глава II. Хронология и природный фон
палеолитического фигуративного искусства • **30**

Глава III. Периодизация и основные особенности
фигуративного искусства Европы • **55**

Франция • 55

Бельгия • 103

Нидерланды • 110

Великобритания • 110

Испания • 111

Кантабрийская Испания • 111

Средиземноморское побережье Испании • 146

Португалия • 155

Италия • 156

Швейцария • 175

Германия • 181

Австрия • 202

Чехия • 203

Словакия • 213

Восточно-Европейская равнина • 218

Россия • 219

Украина • 239

Молдова • 246

Глава IV. Мадленское искусство малых форм Франции.
Взаимосвязи изображений человека и животных • **255**

Заключение • **321**

Литература • **323**

Список сокращений • **350**

Abstract • **352**

ВВЕДЕНИЕ

Искусство эпохи палеолита – сложное и многомерное проявление духовной жизни древнего человека – изучается более 150 лет, но тайны его еще далеко не раскрыты. В современной науке феномен палеолитического искусства представляет самостоятельную область первобытной археологии, которая, наряду с материальной культурой, является важнейшим источником для освещения различных сторон жизни верхнепалеолитических охотников-собирателей Европы и в силу массовости и разнообразия исходных данных – основным источником для понимания духовного развития Homo sapiens sapiens. Это древнейшее на земле художественное творчество обладает большим своеобразием, «лица необщим выраженьем», по сравнению со всеми видами исторических и этнографических изобразительных искусств и требует особых подходов в его оценке. Сразу оговоримся, что наш подход чисто археологический, а не искусствоведческий, хотя это обстоятельство отнюдь не уменьшает права считать художественное творчество палеолита искусством. Следует исходить из положения, что это полное жизни творчество именно искусство своей эпохи, искусство самоутверждения человека разумного, впервые порвавшего узы животного царства и выразившего в изобразительном творчестве свое отношение к окружающему миру, себе самому и особенно к зверю, который, с одной стороны, снабжал его всем необходимым для жизни, а, с другой стороны, был опасным и угрожающим. Необъятность материала заставляет нас ограничиться фигуративным искусством, т.е. изображениями человека/женщины и животных, реалистических в своей основе, касаясь знакового (символического) искусства лишь по необходимости. Фигуративное искусство существовало более 20 тысяч лет от первых робких проявлений в начале верхнего палеолита (36-32 тыс. л. н.) через блестящий расцвет в разное время на разных территориях до угасания в конце плейстоцена (12 тыс. л. н.). Древнейшие художники были величайшими анималистами, они настолько ярко и отчетливо передавали характерные особенности зверя, что даже нам, людям XXI века передается их восхищение грацией лошадей и оленей, величавостью и мощью мамонтов и бизонов, страх перед силой пещерных львов и медведей. Имея перед глазами эти образы, нельзя не удивляться определенной, если не неумелой, то значительно менее впечатляющей трактовкой образа человека. Исключение составляют изображения женщины, реалистически передающие черты зрелого существа, как бы предназначенного для продолжения рода. Собственно мужские образы единичны. Определенное место занимают различные антропоморфы без признаков пола, которые мы объединяем под общим названием человек. Иногда они обладают зооморфными чертами, образуя слитный (композитный) образ.

Второе ограничение касается невозможности полного охвата материалов и по другой причине. Как известно, палеолитическое искусство представлено в двух видах: малых форм – художественных предметов, происходящих из культурных слоев поселений (l'art mobilier, art portable) и монументальным, нанесенным на стенах пещер, гротов, скальных навесов (l'art parietal, cave art). Искусство малых форм, которому посвящена книга, выраженное в мелкой пластике и гравюре, всегда находилось в тени великолепных красочных росписей и полных жизненной силы гравюр монументального искусства Франции и Испании. До сих пор нет ни одной работы, обобщающей произведения фигуративного искусства малых форм всей Европы; обычно они привлекаются в качестве дополнений к тому или иному сюжету наскального искусства и исключительно в виде истинных шедевров. Справедливости ради следует заметить, что и данная работа не может претендовать на исчерпывающий охват материалов – они огромны и в некоторых случаях недоступны.

Таким образом, здесь впервые в истории науки воссоздана, по возможности, целостная картина развития палеолитического фигуративного искусства малых форм всей Европы от Атлантического побережья до центра Русской равнины. Дана общая характеристика палеолитического искусства, как она представляется на современном этапе (глава I). Рассмотрены некоторые теоретические вопросы, недостаточно освещенные в специальной литературе и, прежде всего, является ли палеолитическое искусство искусством. Утвердительно отвечая на этот вопрос, автор считает, что палеолитическое искусство, бесспорно, обладало

эстетической составляющей, оно существовало в конкретных условиях времени и пространства, его историчность достаточно хорошо освещена в зарубежной и отечественной литературе. В отличие от нефигуративного «знакового», орнаментального искусства, символы которого, за редчайшим исключением, не поддаются дешифровке, фигуративное искусство представлено образами, дефиниция которых в большинстве случаев ясна и определенна. Главная черта этого анималистического в основе искусства – его реализм.

В работе впервые детально обосновано различие двух видов искусства, обладающего каждый своими специфическими чертами. Первый вид – монументальное, чаще всего, пещерное, где примененная техника исполнения: – роспись, барельеф, гравюра, пикетаж зависела от самой скальной породы. В некоторых пещерах применялась лепка из глины и нанесение гравюр на глинистое покрытие потолка, стен и даже пола пальцами или острым предметом. Второй вид – искусство малых форм включает скульптуру, барельеф, гравюру и в исключительных случаях роспись. И фигуративные сюжеты, и абстрактные орнаменты наносились как на бытовые или сакральные предметы, так и на бесформенные осколки кости, рога оленей, бивня мамонта, на гальки, плитки и обломки различных пород камня. Установлено крайне неравномерное распространение обоих видов искусства: монументальное широко представлено в пещерах и навесах Франции, Испании, Италии и в единичных пещерах Чехии, Румынии и России. Искусство малых форм встречается во многих странах Европы. В очень редких случаях отмечается наличие обоих видов искусства в одном памятнике. В пещерах художник располагал скальным полотном, фигуры наносились на неподвижную основу. В поселениях любая основа налагала свои ограничения, но ею можно было манипулировать. Мастер располагал обилием материала как органического, так и минерального происхождения. Это диктовало и больший размах технических приемов, детально рассмотренных в работе. В отличие от искусства малых форм привязка наскальных изображений к культурно-хронологической периодизации очень сложна, и в этой связи все большее значение приобретают новые методы радиоуглеродного датирования. Помимо женских, мужских и человеческих, разнообразие сюжетов классифицировано по видам животных. Из-за недоступности ряда источников оказалось невозможным уточнить количественные соотношения, хотя очевидно существенное расхождение в обоих видах искусства. Большое значение имеет и различие контекстов. Если в настенном искусстве точно устанавливаются внутренние связи, создающие организацию панно, то в культурном слое связь между предметами утрачена и ее трудно восстановить, несмотря на все ухищрения планиграфии. Мотивация двух видов искусства также различна: один для коллективного, другой для домашнего использования. Следовательно, по самой своей природе эти два вида представляют различные исторические источники, отражающие социальное бытие: большого объединения и его малой ячейки.

Рассмотрено современное состояние проблемы происхождения палеолитического искусства которая, по сути дела, является общей проблемой возникновения искусства, как формы общественного сознания, отсюда и различные трактовки и подходы.

Большой раздел работы посвящен хронологии памятников, содержащих произведения древнейшего творчества, на основе наиболее полно изученной территории Франции (глава II). Хронология является краеугольным камнем всех дальнейших исследований. В основе изучения относительной и абсолютной хронологии лежит стратиграфия памятника и детальный анализ культурного слоя как естественного, так и антропогенного образования. Хроноклиматические рамки каждого археологического слоя устанавливаются на основании данных геологии (седиментологии) и биостратиграфии (палинология, антракология, палеозоология, микропалеонтология и т.д.). В последние десятилетия исключительное значение приобрели различные физико-химические методы. Проработав все эти данные по отдельным регионам Европы, автор приходит к выводу, что такие рамки часто имеют только локальную значимость. Их различия обнаруживают противоречия, делающие глобальные гипотезы случайными, если не невозможными. Даже такая укоренившаяся схема как подразделения ледниковой эпохи, основанная на оледенениях Альп, не является общезначимой для всей Европы. В частности, это касается подразделений вюрма, особенно второй его половины, к которой относится эпоха верхнего палеолита. Поэтому необходим конкретный подход к каждому памятнику, чтобы приступить к созданию региональных схем и корреляций.

В этом разделе особо выделены две темы. Одна из них затрагиваст антропологический материал и его возможности для датирования памятников или отнесения их к той или иной культуре.

Рассмотрены характерные черты верхнепалеолитического человека Франции (типы кро-маньон, комб-капель, шанселад), Италии (вероятная ошибочность выделения негроидного типа гримальди), Моравии (типы брно и пшедмость), России (разновидности кро-маньонского типа в Костенках 2 и в Сунгире). Вторая тема касается радиоуглеродного метода датирования, единственно пригодного и оправданного для определения абсолютного возраста органических образцов, происходящих из культурных слоев стоянок. Вместе с тем, являясь полноценным источником информации, радиоуглеродные датировки могут привлекаться для решения хронологических проблем палеолита только после всесторонней аналитической оценки всех результатов. Сравнение радиометрических дат с данными седиментологии, палинологии, палеозоологии и собственно археологии показывает в ряде случаев несовместимость в секвенциях окружающей среды. Необходимым условием являются поиски аргументов, которые могли бы показать реальную одновременность естественных и антропогенных данных внутри одного комплекса. Только после этого и после установления региональных особенностей могут быть выработаны корреляционные схемы в масштабах Европы.

Следующий большой раздел работы посвящен периодизации верхнего палеолита Европы (глава III). В географическом плане выделены особые области, где развитие археологических культур имеет свою специфику и свою хронологию. Это Западная Европа, куда входят современные Франция, Бельгия, Нидерланды, Великобритания и Кантабрийская Испания; Средиземноморье: восточное и южное побережья Испании, южное побережье Франции, Италия; Центральная Европа: Швейцария, Германия, Австрия, Чехия, Словакия; Восточная Европа: европейская часть России, Украина, Молдова. Внутри каждой крупной области могут быть обозначены отдельные центры, объединяющие довольно многочисленные поселения с произведениями фигуративного искусства. Повсюду эти памятники рассматриваются согласно трем историко-культурным этапам: древнему, среднему и позднему, в очень широком плане соответствующих ориньяку, граветту и солютре-мадлену Франции с различными отклонениями на той или иной территории.

По всем данным наиболее показательна территория Франции с ее основополагающим уникальным памятником – гротом Истюриц (Атлантические Пиренеи), обладающим полной секвенцией культурных слоев, насыщенных инвентарем и в том числе произведениями искусства всех эпох. Множество других стоянок характеризуют различные этапы развития искусства. Отметим здесь лишь главные: ориньяк I – ориньяк IV в окрестностях Лез Эйзи (Дордонь) и единичные ориньякские памятники в других департаментах Франции; более широко распространен перигор и особенно граветт с его подразделениями и такими всемирно известными стоянками как Брассампуй (Ланды) и Лоссель (Дордонь); солютре, где важное место занимает Рок-де-Сер (Шаранта). Мадленские стоянки столь многочисленны, что потребовалось рассмотрение их по департаментам, тем более, что оказалось трудным определить точное положение многих из них в хронологических подразделениях мадлена, предложенных еще А. Брейлем в 1912 г. и с тех пор и до сего времени подвергаемых коррективам. Мадлен – эпоха наибольшего расцвета искусства в палеолите Франции с такими гигантами, как Ла Мадлен и Ложери Бас в Дордони, Эспалюнг, Эспелюг и Ла Ваш в Пиренеях, Брюникель в Керси, Ла Марш во Вьенне.

Обобщая данные по другим территориям, отметим, что ориньякское искусство Южной Германии (Гайсенклостерле, Фогельхерд и Холенштайн-Штадель) существенно отличается от французского. Единичные находки из других стран, относящиеся к древнему этапу (женская фигурка из Гальгенберга в Австрии и человеческая головка из Костенок 14, слой IVб), не дают оснований для сопоставлений.

Средний этап развития включает граветтское искусство окаймляющих Францию Бельгии, Германии и Кантабрийской Испании, также достаточно бедное для выделения локальных различий; но это оказалось возможным для средиземноморской зоны, особенно восточного и южного побережья Иберийского полуострова. Крупный центр граветтского искусства охватываст Австрию, Моравию и Словакию, где существовали обширные поселения с богатейшим инвентарем, но единичными женскими изображениями (Виллендорф 2, Пшедмость, Петржковице, Мораваны). Уникальность этому центру придают памятники с серийным производством фигурок животных и человека, вылепленных из глины и затем обожженных (Дольни Вестонице, Павлов). С этими памятниками связано выделение особого подразделения археозоологии, для которого мы предлагаем название «артзоология». Оно основано на сравнительном анализе найденных в одном

культурном слое изображений животных и остатков четвертичной фауны. Как пример совпадения можно привести памятники костенковско-авдеевской культуры на Русской равнине, о которой скажем ниже; как пример определенных отклонений на поселениях упомянутой павловской культуры; как пример существенных различий в разновременных стоянках Западной Европы, что может отчасти объясняться неполнотой данных.

Памятники костенковско-авдеевской культуры, называемые на Западе «восточным граветтом», существовавшие в центре Средне-Русской возвышенности в бассейнах Оки (Зарайская), Дона (Костенки 1 и 13), Сейма (Авдеево), Десны (Хотылево 2), дали серии реалистических скульптур женщин и животных. К той же эпохе, но не культуре, отнесены такие стоянки Костенковско-Борщевского района как Костенки 4 (I слой), 11 (II слой), 21 (III слой); а также Молодова 5 (VII слой) на левом берегу Днестра на Украине и несколько более поздняя стоянка Косоуцы 2 на правом берегу Днестра в Молдове.

Солютре, помимо Франции, распространено только на территории Испании, хотя, видимо, существует некий хронологический сдвиг. Для испанского Леванта при бедности других стоянок большое значение имеет грот Парпальо с его многочисленными каменными плакетками, несущими гравюры животных.

Развитие мадленского искусства Франции оказало заметное влияние на прилежащие территориальные образования в Бельгии, Швейцарии и Кантабрийской Испании, хотя ни одно из них не было прямым эквивалентом французского. В каждом из этих образований улавливаются своеобразные локальные черты внутри особой этнокультурной области. Искусство средиземноморской Испании скорее родственно мадленскому, в отличие от Италии, где выделяется область развития эпиграветта, неразрывно и постепенно выросшего из граветта. В приледниковой зоне Европы на территории Германии развивается искусство, которое может быть отнесено к особой фации мадлена, с такими памятниками как Гённерсдорф-Андернах и распространением специфических женских изображений от Рейна до Тюрингии и Польши. Таким изображениям в определенной степени соответствуют фигурки из пещеры Пекарна в Моравии и стоянок Мезин и Межирич на Украине, которые ни в коем случае не могут считаться эпиграветтскими. Они вместе с соответствующими памятниками позднего периода в России входят в особую этнокультурную область, основой экономики которой продолжал оставаться мамонт.

Анализ материалов привел к раскрытию неравномерности развития культур и установлению этно-культурных областей в разные периоды и на разных территориях в рамках единого по своей сущности палеолитического искусства малых форм. Именно в палеолитическом искусстве, может быть, больше, чем в материальной культуре (жилища, повседневная утварь и охотничье вооружение), обнаруживаются локальные особенности и своеобразие памятника. Неравномерность развития проявляется на всех этапах существования фигуративного искусства. Если на раннем этапе оно представлено достаточно спорадически в виде отдельных точек в Западной, Центральной и Восточной Европе, то на среднем этапе в Центральной и Восточной Европе развиваются два достаточно выразительных, но ограниченных территориально центра, а на позднем этапе один более обширный центр охватывает Западную Европу. Именно на основании произведений искусства, как фигуративных, так и знаковых и орнаментальных, намечаются очертания этнокультурных областей в палеолите Европы на разных хронологических этапах развития.

Как уже говорилось, в поздний период фигуративное искусство достигло своего апогея в мадлене Франции по разнообразию материалов, технических приемов, сюжетов, стилей, художественного совершенства. Наличие многочисленных гравюр позволило выделить в особую главу (IV) раздел, касающийся сочетаний человек/женщина – животное и различных видов животных между собой, гравированных на одной основе. Среди них особое значение имеют композиции и сцены, включающие различные фигуры, объединенные одним действием. Первое место по количеству и разнообразию сочетаний принадлежит лошади. Наибольшее количество сочетаний лошадь имеет с северным оленем, что еще раз подчеркивает отличие искусства малых форм от монументального, где в организации панно преобладает пара лошадь – бык/бизон. В малых формах главная пара лошадь – северный олень вполне соответствует фауне, представленной в культурных слоях, и роли этих животных в жизни мадленских обществ Западной Европы.

Изучение палеолитического искусства требует собственного методологического подхода. Основой исследования служит сбор возможно полного объема документов. Особенно большое значение имеет необходимость непосредствен-

ного ознакомления с материалом: увидеть собственными глазами, подержать в руках, испытывая чувство, знакомое каждому археологу. Мною проработаны коллекции из музеев России и Украины, в 1980 г. посещена Капова пещера. Благодаря любезности Б. Климы, К. Валоха, М. Оливы удалось осмотреть произведения искусства из стоянок Чехии. Особую благодарность приношу французским коллегам и, прежде всего, проф. Андре Леруа-Гурану, пригласившему меня в 1974 г. для чтения лекций по палеолиту СССР в Коллеж де Франс и организовавшему незабываемую поездку по пещерам Дордони, Ло и Арьежа, в которой участвовали в роли пилота Ж.-Ф. Ле Муэль и на разных этапах А. Ламинь-Эмпрер, Б. и Ж. Деллюк и Д. Виалю. Посещение пещер началось с Арьежа (Портель, Фонтане, Нио, Тюк д'Одубер и Труа-Фрер), и эта часть путешествия под руководством Ж. Клотта с участием Р. Симонне и Р. Бегуэна, внука знаменитого графа А. Бегуэна, отражена в печати (Абрамова, 1980). В Ло были посещены пещеры Пеш-Мерль и Куньяк, в Дордони – Комбарелль, Фон-де-Гом, Ляско, Руффиньяк, Комарк и навесы Ла Грез и Кап-Блан.

Во время командировки во Францию в 1986 г. А. де Люмлей организовал мою поездку в Лез Эйзи, где Б. Деллюк уделила много сил и внимания для показа 13 пещер Дордони. Среди них на первом месте стоит вторичное посещение Ляско, на этот раз вместе с искусственной репликой ее главной части – Ляско II. В окрестностях Лез Эйзи были осмотрены Бернифаль, Су-Гран-Лак, Бара-Баау, Сен-Сирк, а также Пижонье и Маммут в Сен-Фрон-де-Домм к востоку от Периге, Виллар и Габийю к западу от Периге и вновь открытые местными спелеологами Фонсак, Жовель, Ла Фон Маржекс к северо-западу от Периге.

В 1987 г. во время международной конференции в г. Фуа (Арьеж) посещены Мас д'Азиль, Марсулас и Гаргас. В 1988 г. состоялась конференция в Периге, и было большим счастьем увидеть Ляско еще раз. В 1995 г. во время конференции в Тулузе были организованы экскурсии в Нио и Пеш-Мерль. Несомненной удачей было снова посетить эти великолепные памятники, но первые впечатления во время путешествия с А.Леруа-Гураном остались наиболее яркими и живыми.

Во время командировок во Францию, которые за одним исключением (1986 г.) состоялись по приглашению французской стороны, были осмотрены экспозиции и некоторые коллекции в Музее Человека в Париже, Музее Национальных Древностей в Сен-Жермен-ан-Ле, музеях Периге, Лез Эйзи, Фуа, Мас д'Азиль. Естественно, осмотр был беглым, часто через стекло витрины, и в этой связи вспоминается ответ А. Леруа-Гурана на мои сетования о недостатке времени: «Я всю жизнь занимаюсь этой темой, но еще не все охватил» - так велики и разбросаны по разным музеям и частным коллекциям, не говоря уже о зарубежных, сокровища палеолита Франции. Поэтому подавляющее большинство материалов изучено по литературным источникам. Если по наскальному искусству Франции имеются великолепные монографии таких выдающихся памятников как Фон-де-Гом, Комбарелль, Ляско, Руффиньяк, Нио и недавно открытые Коске и Шове, то искусство малых форм неисчислимо и составить его полный список невозможно. Существует монография Э. Пьетта с описанием и прекрасным воспроизведением коллекций, раскопанных или приобретенных им из пещер Гурдан, Лорте, Эспалюнг-Арюди, Мас д'Азиль, Брассампуй (Piette, 1907), хранящихся в особом зале Музея Национальных Древностей и ставших темой каталога, составленного М.Шолло (Chollot, 1964). Каталог палеолитических шедевров из пещер и навесов Дордони и Ло, хранящихся в Британском Музее – блестящая работа А.Сивкинг (Sieveking, 1987). В последние годы появляются публикации материалов из Музеев и частных собраний США, в свое время приобретенных во Франции. Многочисленные открытия опубликованы в местных журналах различных научных центров Франции, не поступающих в российские библиотеки.

Выразительное палеолитическое искусство широко представлено в Испании, особенно в Кантабрийском районе, тесно связанном с юго-западной Францией. Здесь также существуют большие лакуны в литературе. Доступны лишь отдельные монографии о таких известных пещерах как Альтамира (Cartailhac, Breuil, 1906), Экаин и Альчерри (Altuna, 1997), Нерья (Sanchidrian Torti, 1994) и статьи во французских журналах. Искусство малых форм представлено в сводной работе И. Барандиарана (Barandiaran, 1973) и во множестве статей.

Сведения о памятниках Италии содержатся в работах П. Грациози, П. Леонарди, М. Мусси и др. Материалы Германии и Швейцарии обобщены Г. Бозински (Bosinski, 1982), Бельгии – М. Лежен (Lejeune, 1987). Они дополняются статьями других исследователей.

Таким образом, речь не может идти о корпусе фигуративного искусства – это невозможная на данный момент задача, которая под силу лишь

интернациональной группе специалистов, имеющих доступ к первоисточникам и всей совокупности научной литературы. Хотя наша работа основана на достаточно репрезентативной выборке данных, ее следует рассматривать как первый шаг в области решения поставленных задач. При этом надо иметь в виду, что изучение хронологии – основы всего исследования – в отдельных регионах не может быть равноценным: если коллекции палеолита России, Украины, Молдовы, Чехии, Австрии, в определенной степени Германии, собраны в большинстве случаев в лессовых отложениях в благоприятных стратиграфических условиях, то для датировки многих местонахождений в пещерах и скальных навесах Западной Европы, раскопанных на рубеже XIX – XX веков, возникают немалые трудности.

Приношу искреннюю и глубокую благодарность отечественным и зарубежным исследователям, одарившим меня дружеским расположением, особенно П.П. Ефименко, А.П. Окладникову, М.Д. Гвоздовер, Н.Д. Праслову, А.А. Синицыну, Андре и Арлетт Леруа-Гуранам, Анетт Ламинь-Эмпрер, Анри Дельпорту, Жану Клотту, Герхарту Бозински, Игнасио Барандиарану, Энн Сивкинг, Марилен Лежён, Хансу-Георгу Банди, Карелу Валоху, Богуславу Климе и многим другим. Сердечно благодарю сотрудников библиотеки ИИМК РАН во главе с Л.М. Всевиовом за постоянную помощь.

ГЛАВА I. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Палеолитическое искусство – одно из самых загадочных явлений в истории человечества – изучается более 100 лет и привлекает постоянное внимание и интерес как специалистов, так и широкой публики. Изучение палеолитического искусства Европы зародилось во Франции и по мере новых открытий распространилось на обширные территории, включая и Северную Азию от Атлантического побережья до Забайкалья. В настоящее время это самостоятельная область первобытной археологии, которая, как особая разновидность материальной культуры, является важнейшим историческим источником для освещения определенных сторон жизни верхнепалеолитических охотников–собирателей. В сущности, мы не знаем ничего, кроме материальных фактов, но в силу массовости и разнообразия исходных данных эти факты позволяют подойти к пониманию духовной культуры, без чего невозможно представить все дальнейшее развитие Homo sapiens sapiens.

Изучение палеолитического искусства началось вместе с раскопками памятников верхнего палеолита в середине 50-х годов XIX в. в юго-западной Франции. Именно тогда первобытная археология обогатилась одним из самых сенсационных своих открытий. В слоях, оставленных верхнепалеолитическим человеком, вместе с орудиями труда и охоты, изготовленными из камня, кости и рога, обнаружили мелкие скульптуры и гравированные предметы, несомненно относящиеся к области художественной деятельности. Встреченные ликующим энтузиазмом одних, недоверием и скептицизмом других, тех, для которых «троглодит» и «искусство» были понятиями несовместимыми, предметы изобразительного творчества с каждым новым открытием завоевывали все большее признание как достоверное свидетельство духовной жизни древнего человека.

Более того, оказалось, что палеолитические охотники не ограничивались мелкими объектами: на стенах пещер, гротов, скальных навесов, которыми изобилуют горные массивы Франции и Испании, они создавали красочные фрески, высекали барельефы и острым орудием прорезали графические изображения («гравюры»). Впервые в истории человечества в конце XIX в. – начале XX в. на склонах Пиренеев и Кантабрийских гор последовали одно за другим открытия этого «настенного» творчества, затем распространившиеся на территории Франции, Испании, Италии и в единичных случаях достигшие Чехии, Румынии и даже Южного Урала.

В недавние годы в Европе было отмечено также наскальное искусство вне пещер, на открытом воздухе. Поскольку одним из первоначальных аргументов против подлинности росписей на потолке открытой одной из первых пещеры Альтамира, было отрицание того, что они могли сохраняться столь долгое время, считалось, что на открытом воздухе многотысячелетнее выветривание и эрозия скальных поверхностей должны были уничтожить и гравюры. Но с начала 1980-х годов был обнаружен целый ряд местонахождений с выбитыми (техникой «пикетаж») или гравированными фигурами на скальных выходах в долине р. Коа притоке Дуэро в Португалии, Доминго Гарсия, Сиего Верде и др. в соседних районах Испании и Форналь-О во французских Пиренеях. Развернувшаяся в печати бурная дискуссия склоняется к признанию палеолитического возраста этих изображений.

Следует упомянуть, что памятники древнейшего искусства не ограничиваются территорией Европы. На необозримых просторах Северной Азии встречены редкие верхнепалеолитические стоянки с произведениями искусства, не имеющими большого значения: Черноозерье II и Ачинская в Западной Сибири, пещеры Алтая (Денисова, Усть-Канская), ряд памятников в долине Енисея, среди которых выделяется Майнинское поселение с найденной в 5-м культурном слое (возраст порядка 16 000 л. н.) глиняной человеческой фигуркой. Лишь в Прибайкалье, в верхнем течении Ангары, две известные, родственные по культуре стоянки Мальта и Буреть дали серии фигурок женщин и птиц из бивня мамонта и одну гравюру этого животного на обработанной пластине бивня. В нижнем течении Ангары на стоянке Усть-Кова открыта грубая статуэтка мамонта. Самая восточная находка – скульптурная головка медведя – сделана на стоянке Толбага в Забайкалье, если не считать случайно обнаруженного бивня со странной гравированной фигурой мамонта на р. Берелех в Якутии и украшений из 6-7 слоев стоянки Ушки I на Камчатке, отнесение которых к палеолиту сомнительно (Абрамова, 1962; Abramova, 1995). Если искусство малых форм Сибири хорошо известно, хронология и локальные особенности таких памят-

ников как Мальта и Буреть отчетливо обоснованы, то наскальное искусство еще не получило полного признания, несмотря на новые открытия. Можно думать, что Северная Азия стилистически это иной мир, иная образность, хотя сюжеты Шишкинских писаниц на р. Лена те же, что и в Европе – бык и лошадь. Нельзя обойти вниманием и единственную пещеру с наскальными росписями – Хойт-Ценкер-Агуй, расположенную южнее – в Монголии (Окладников, 1972).

И на других территориях, сначала робко, но постепенно набирая силу, появляются открытия, отнесенные к позднему плейстоцену, а иногда и значительно более раннему времени. Отсылая читателя к сводкам этих открытий П. Бана (Bahn, 1991) и Р.Беднарика (Bednarik, 1994), добавим два фигуративных изображения, найденных в Японии и не попавших в эти работы: сланцевую человеческую фигурку, выполненную точечной оббивкой из стоянки Ивато (Борисковский, 1994: рис. 92, 1) и глиняную головку лошади из стоянки Дзадзираги с датой около 18 000 л. н. (Vandiver, 1990: 247).

В последние годы возродился интерес к наскальному искусству аборигенов Австралии, но, если даже признать, что австралийское искусство является самым древним в мире, то это, как справедливо заметил М. Лорбланше (Lorblanchet, 1993: 10), не имеет никакого значения, поскольку европейское палеолитическое искусство лучше и точнее датируется с помощью AMS. Отдавая должное всем первоначальным проявлениям искусства на других континентах, они не идут ни в какое сравнение с наиболее ярким, выразительным и достоверным искусством верхнего палеолита Европы.

Естественно, что это древнейшее искусство обладает большим своеобразием, «необыкновенностью» и требует особых подходов к его оценке, но это отнюдь не уменьшает его права называться искусством. Вопрос о законности применения этого понятия к палеолиту был недавно поднят О. Соффер и М. Конки (Soffer, Conkey, 1997): насколько справедливо, спрашивают они, сохранять обозначение «доисторическое палеолитическое искусство» для появившихся в глубокой древности образов и символов, закодированных в материальной культуре доистории? Отвечая на этот вопрос отрицательно, известные американские исследовательницы считают, что столетие изучения не породило теории об этом «искусстве», а только создало несколько конфликтующих между собой утверждений. Предлагая заменить термин "Prehistoric Art" на "Prehistoric Imagery", авторы стремятся определить направления для раскрытия последнего и для отделения этого набора археологических свидетельств жизненных путей прошлого от приписывания ему такой категории как искусство. О. Соффер и М. Конки полагают, что установление такой категории с самого начала основано на неоправданных предположениях, ограничивающих понимание предмета обсуждения. Именно поэтому они предлагают называть корпус данных prehistoric imagery и, если использовать термин искусство, то ставить его в кавычки, объясняя свое возрастающее неудовлетворение прежними подходами к изучению этого явления и недостаточным вниманием, которое будто бы существует по отношению к конкретным условиям пространства и времени (т.е. когда и где образы были воспроизведены), неоправданными и лишенными историчности и контекста ссылками. Мне эти упреки кажутся необоснованными именно в той части, которая касается палеолитического искусства Европы и Северной Азии, а только оно и заслуживает название палеолитического искусства.

Противопоставляя prehistoric imagery и prehistoric art, О. Соффер и М. Конки утверждают, что, хотя многие из образов действительно эстетически привлекательны, называть их искусством ошибочно и ограниченно. За термином искусство скрываются, по их мнению, два предположения. Первое – искусство это феномен, допускающий функцию, в которой распознается и особо выделяется эстетическая сфера, но, как они считают, этого нельзя допустить в случае доистории. Для аргументации этого положения они привлекают этнографические данные из «незападных культур», которые, согласно авторам статьи, явно показывают обратное, так как большая часть этих культур не делает различий, установленных западной наукой. Они не имеют эквивалентного термина для понятия «искусство» и часто не дифференцируют эстетическое и символическое, священное и утилитарное и т.д. Единственное, что они допускают в древнем imagery – то, что оно было создано в недрах светского мира. Следовательно, если мы не можем согласиться, что его первая функция была эстетической, значит, это не искусство. Известно, что на Земле нет общества с палеолитической культурой и любые этнографические параллели не могут объяснить явления, особенно учитывая то, что все «незападные» культуры прошли длительный путь духовного развития. Нельзя не вспомнить и слова А. Леруа-Гурана: «Всякое изображение есть отражение идеологической ситуации, в которой религиозное, социальное и эстетическое тесно связаны» (цит. по Delporte, 1990: 239).

Второе предположение, которое О. Соффер и

М. Конки считают ошибочным, касается идеи, что древнее «искусство» в чем-то необыкновенное и поэтому подвергается необыкновенным оценкам. Например, объявление Ляско «первым шедевром в истории искусства человечества» означает ничто иное, как наши культурные категории и конструкции, а не контексты социальных действий доистории, внутри которых производство таких образов имело место и смысл. В этой связи напомним работы П.П. Ефименко и других отечественных авторов. А. Леруа-Гуран, кстати, уделял большое внимание контексту.

Для тех, кто видел монументальные фрески или внимательно рассматривал произведения малых форм и даже для тех, кто знаком лишь с публикациями, но понимает, что законы прекрасного приложимы и к столь глубокой древности, не возникает вопроса искусство ли это? Имеем ли мы вообще право называть эту древнейшую творческую деятельность искусством, а создателей настенных росписей, гравюры и мелкой пластики – художниками? Утвердительный ответ на этот вопрос был дан А.П. Окладниковым еще во времена дискуссии, развернутой в нашей печати в 50-х годах XX в. (Окладников, 1952, 1954), ныне уже забытой, поскольку противники признания палеолитического искусства как искусства обнаружили элементарное незнание и игнорирование археологического материала. Их основной аргумент – явление имело чисто утилитарный характер. Нет смысла возвращаться к старой дискуссии, но оказывается, что и в наши дни находятся ученые, без сомнения, знающие материал, но не видящие в нем эстетического начала. Думается, что О. Софер и М. Конки не стали бы развивать эти взгляды, если бы были знакомы с трудами А.П. Окладникова и в особенности с его книгой «Утро искусства» (1967).

В главе VII этой книги, носящей название «По законам красоты», опираясь на богатое наследие верхнего палеолита, А.П. Окладников прослеживает определенную художественную традицию, передававшуюся веками и тысячелетиями из поколения в поколение. Накопленный предшественниками творческий опыт не пропадал бесследно, а сохранялся и перерабатывался. В завершающую палеолит мадленскую эпоху произошло виртуозное завоевание формы, линии и цвета, возникли композиции, имеющие повествовательное содержание. С этим связана и другая чисто художественная проблема – проблема декоративного единства пещерных изображений, эстетическая гармония в распределении объемов и цветовых пятен. В качественно иной форме, но с еще большей свободой и определенностью декоративное начало выступает в малых формах, среди которых заметное место принадлежит персональным украшениям, эстетический характер которых невозможно отрицать.

Палеолитическое искусство – анималистическое по существу – включает также изображения человека и абстрактные фигуры, за которыми утвердилось обозначение «знаки». Эти три категории представлены в той или иной степени выразительности с первых шагов появления искусства и существуют на всем протяжении верхнего палеолита. Образы растительного мира единичны и трудно определимы. В наскальном искусстве им могут соответствовать некоторые зубчатые знаки, в искусстве малых форм – гравированные фигуры, напоминающие ветки или листья. Изредка встречаются и изображения отдельных предметов. Таким образом, искусство палеолита делится на фигуративное с образами, дефиниция которых ясна, и нефигуративное, символы которого не поддаются за редчайшими исключениями прямой расшифровке. Правда это деление далеко от того, чтобы быть абсолютным. Переходные формы с тенденцией к схематизму и стилизации отмечены А. Брейлем и позже Ж.-А. Люке. Их механизм проанализирован А. Леруа-Гураном. Часто такие фигуры остаются неопределенными, если они не вписываются в непрерывную «цепь стилизации».

Нефигуративное (геометрическое или абстрактное) искусство является специфической областью исследования, требующей особого подхода (см. работы А. Леруа-Гурана, Ж. и С. Совэ), поэтому мы исключаем его из нашего рассмотрения, привлекая только примеры, бесспорно связанные с женским образом (вульвы, клавиформы).

Фигуративное искусство, по определению А. Дельпорта, воспроизводит реальный сюжет, живой или мертвый, простой или сложный. Оно обладает характерными чертами, общими с формами искусства, которые квалифицируются как реалистические, натуралистические, описательные и т.д. (Delporte, 1990: 33). Животные, вне зависимости от природы и техники передачи, составляют подавляющее большинство сюжетов. Они почти всегда изображены в профиль, в отдельных случаях профильное тело имеет голову в фас. При этом фигуры животных демонстрируют разнообразные позы и даже состояния, одни кажутся неподвижными, другие полны движения и жизненности, третьи рассматриваются как изнуренные, погибающие или мертвые.

Из человеческих фигур наибольшее внима-

ние привлекают женские, часто с подчеркнутыми чертами женщины-матери. Мужские изображения, изолированные или включенные в охотничьи сцены, достаточно редки. К ним примыкают обобщенные фигуры без признаков пола и отдельные головы с различными деформациями; антропоморфные и составные гибридные фигуры, обладающие зооморфными чертами. Следует заметить, что взятые в целом изображения человека отнюдь не являются столь малочисленными, как иногда думают. Если рассматривать человека, не противопоставляя всем животным, а как часть одушевленной природы, наряду с любым ее представителем, то количественно изображения человека уступают только немногим травоядным и далеко опережают хищников.

Характерными чертами палеолитического фигуративного искусства являются:

- отсутствие масштаба: на одном и том же настенном панно, на одном и том же предмете можно видеть рядом крупные и мелкие фигуры, которые никак не соотносятся с реальными размерами сюжетов;

- отсутствие базовой линии. На одном и том же панно фигуры могут быть ориентированы различно, т.е. каждое животное нарисовано с его собственной базовой линией. В малых формах предмет должен быть повернут так, чтобы изображение обрело твердую «землю», которой будет служить край основы. Это применимо и к разверткам гравюр на круглом предмете;

- большая редкость реалистических сцен с указанием на окружающую среду. Как пример такого жанра следует упомянуть гравюру, изображающую оленей, переходящих реку, где резвятся лососи, на развертке просверленного жезла из Лорте. Это, пожалуй, единственная «пейзажная» зарисовка. Пейзаж полностью отсутствует в палеолитическом искусстве, хотя некоторые схематические рисунки на кусках бивня трактуются как планы местности (Павлов, Межирич).

Один из наиболее удивительных аспектов палеолитического искусства заключается в разнообразии воплощения: фигуры могут быть полностью закончены, или намечены эскизно, или даже в виде одной линии (главным образом, шейно-спинной), за которой угадывается образ животного; они могут быть снабжены деталями или переданы в общих чертах; изолированы или сгруппированы беспорядочно или в виде вереницы, расположенной в одну линию, противостоящими или смотрящими в разные стороны; перекрывающие друг друга в большей или меньшей степени.

Другая характерная черта – использование естественных форм. Предполагается, что в пещерах причудливые скальные выступы внушили палеолитическому художнику идею образа животного или его части. И в искусстве малых форм природные желваки с очертаниями, напоминающими какой-либо образ, послужили основой для одной из первых гипотез происхождения искусства.

Определяя специфические черты фигуративного искусства палеолита, необходимо остановиться на вопросе главной его характеристики – реализма. Еще Г. де Мортилье утверждал, что это натуралистическое искусство стремится к прямой имитации природы (Mortillet, 1883: 415). Этот тезис был широко принят и развит в трудах его последователей. Для нас особый интерес представляют размышления психолога и философа Ж.-А. Люке, который настаивал на первостепенной роли эстетической ценности искусства в глазах палеолитического человека. Единственный точный аспект произведений – это стиль. Чтобы изучить их эстетический характер и психологическое содержание, понять то, что эти формы изображений обозначают в менталитете людей палеолита, Люке привлекает для сравнения рисунки детей, с одной стороны, и рисунки современных людей, находящихся на первобытной стадии. «Предмет даже в трех измерениях всегда представляется глазу в аспекте окрашенного поля, ограниченного контуром определенной формы, он имеет только два измерения. То, что составляет третье измерение видимого предмета, это не впечатление, а идея» (Luquet, 1926: 15). Люке назвал интеллектуальным реализмом ситуацию, когда выбор фигуративных деталей проявляется в изображении того, что известно, но не всегда видно. Различные деформации, которые, без сомнения, были намеренными, предназначались для передачи анатомической реальности: она не была видна, но знали, что она есть. Визуальный реализм – это то, что непосредственно видно. А. Ламинь-Эмпрер отметила, что исследования Люке внесли существенный вклад в проблему перехода от реализма интеллектуального к реализму визуальному, от ориньякского к мадленскому искусству (Laming-Emperaire, 1962: 159).

В реалистическом характере сюжетного палеолитического искусства не сомневались ни А. Брейль, ни А. Леруа-Гуран. К их оценкам мы не раз обратимся в дальнейшем. Здесь же отметим, что А. Дельпорт настаивал на существовании в палеолите истинных шедевров. Произведения, которые заслуживают это название, состоят в единстве гармонии, стиля и техники. Такая квалификация творений столь глубокой древности совершенно

оправданна в том смысле, что их документальный интерес широко, иногда даже полностью вытеснен их эстетическим качеством (Delporte, 1990: 74).

Есть и другие мнения. Например, П. Ако и А. Розенфельд оспаривают наличие реализма как характерной черты палеолитического наскального искусства. Они считают слишком упрощенным говорить о жизненности изображений, поскольку такое определение не принимает в расчет условности положений, выбранных палеолитическими художниками. «Было бы сверхупрощением определять палеолитическое искусство как «натуралистическое» или «реалистическое». Все искусство, по дефиниции, «стилизованное» и все утверждения, касающиеся «реализма» и т.д., должны находиться внутри контекста стилизации» (Ucko, Rosenfeld, 1967: 48). Из приведенной цитаты видно, что авторы ставят знак равенства между натурализмом и реализмом, это часто встречается в работах других западных специалистов. Мне представляется, что именно условности, «стилизация» и делают палеолитическое искусство далеким от натурализма действительно реалистическим.

А.П. Окладников подробно рассмотрел существенную разницу в применении к древнейшему творчеству понятий «реализм» и «натурализм», выделив две специфические черты реалистического направления: 1. лаконизм и скупость в передаче деталей, когда палеолитический мастер отбирал самое важное, наиболее существенное, с его точки зрения, только абсолютно необходимое («он был творцом, а не рабом натуры»); 2. выразительная сила экспрессии, стремление передать не только форму в статике, но и движение, динамику. Отсюда вывод: в верхнем палеолите возникло качественно новое восприятие мира, эстетическое отношение к действительности. «Именно это отношение к миру, оценка всего происходящего в природе и обществе по законам красоты, явилась одним из важнейших свойств человека как общественного существа ...» (Окладников, 1967: 114).

Палеолитическое искусство Европы, единое по существу, представлено в двух отличающихся друг от друга видах. Первый – монументальное настенное искусство (l'art pariétal), чаще всего пещерное, где примененная техника исполнения зависела от самой скальной породы: росписи и барельефы встречаются на гладких и твердых стенах известняка и сланца, а на мягких и рыхлых песчаниках процарапывалась гравюра (условное название французского происхождения, на самом деле это графика – более или менее глубокое прорезание, а также точечное выбивание – «пикетаж»). Гравюра наносилась на любую породу. В ряде пещер департамента Арьеж во Франции применялась лепка из глины и гравюра на глине, что, возможно, объясняется хорошей сохранностью глубоких и трудно доступных полостей.

Второй вид – искусство малых форм (l'art mobilier), которое, исходя из французского термина, не следует переводить как «мобильное» - оно не может передвигаться само по себе, а mobilier в широком смысле этого слова обозначает движимое (в частности, имущество). Если пользоваться современными обозначениями, его скорее можно отнести к декоративно-прикладному искусству. Оно включает круглую скульптуру, размеры которой редко превышают 30 см, резьбу и в исключительных случаях роспись, которая очевидно плохо сохраняется в земле. Фигуративные образы, как и абстрактные орнаменты, наносились и на бытовые предметы (костяные и роговые наконечники копий, копьеметалки, просверленные жезлы, подвески) и на бесформенные обломки кости, рога, бивня мамонта, гальки, плитки (плакетки) и обломки камня.

Иногда выделяют некоторые произведения искусства, кстати, редко встречающиеся, как переходные между двумя видами. Речь идет о крупных скальных блоках с остатками изображений, упавших с потолка или стен скальных навесов и погребенных в культурном слое или лежащих на его поверхности. На наш взгляд, они принадлежат к наскальному искусству – ими нельзя манипулировать, что является характерной чертой искусства малых форм. Напротив, нет никаких оснований относить к первому виду крупные кости мамонта, орнаментированные красной краской из украинских лессовых стоянок Мезин и Межирич – их вполне могли передвигать с места на место и устанавливать по собственному желанию внутри жилищ.

Бесспорно представляющие одно целое, выраженное таким понятием как «палеолитическое искусство», эти два вида существенно различны в своих проявлениях и, возможно, были вызваны к жизни различной мотивацией. К сожалению, в научной литературе этому вопросу не уделяется должного внимания. Наоборот, в доказательство той или иной мысли исследователи заимствуют примеры из того и другого вида искусства, не делая различий между ними и не учитывая хронологического разрыва и местные особенности. Однако, анализ распространения, локализации, контекста, способа передачи (технических приемов), соотношения изображений между собой («ассоциации»), их организация показывает различную мотива-

цию, особое предназначение, т.е. ставят их в ранг различных исторических источников.

Распространение двух видов палеолитического искусства крайне неравномерно. Монументальное искусство связано с горными районами, изобилующими пещерами и скальными навесами, хотя далеко не всегда даже широкое развитие карстовых систем и наличие полостей разного рода приводит к обнаружению настенных изображений.

Иберийский полуостров - первый обширный регион с особым сосредоточением памятников на Кантабрийском побережье, где на большем или меньшем удалении от океана открыты такие пещеры как Альтамира, Эль Кастильо, Эль Пендо, Тито Бустийо, Альчерри, Экаин и др. Несколько пещер отмечено к северо-западу и юго-западу от Мадрида, в их числе Лос Казарес и Ла Грнега. На юге Испании в последние годы в дополнение к давно известным пещерам Ла Пилета и Ардалес в Малаге обнаружены гроты в Альмерии и Мурсии, а также в самой южной точке у Гибралтара.

Если горная страна Испания богата палеолитическим наскальным искусством, то в Португалии известен лишь один грот Эскураль в провинции Алентежу.

Наиболее обильно палеолитическое искусство в южной половине Франции в виде трех главных групп. На северном склоне Пиренеев расположены такие гиганты как Нио, Труа-Фрер, Тюк д'Одубер, Портель и др. К северу от этой группы располагается район Дордонь-Керси с всемирно известными святилищами: Ляско, Руффиньяк, Фон-де-Гом, Комбарелль, Пеш-Мерль, Куньяк и множеством других. Восточнее расположен район Ардеша, не особенно выразительный до недавнего времени, до открытия пещеры Шове в центре района и пещеры Коске недалеко от Марселя, вход в которую подтоплен водами Средиземного моря. Обе пещеры сохранили в неприкосновенности свою настенную живопись. На остальной территории Франции отмечены лишь отдельные, достаточно удаленные друг от друга гроты, из которых замечательны Арси-сюр-Кюр (Йонна) и Англь-сюр-Англен (Вьенна).

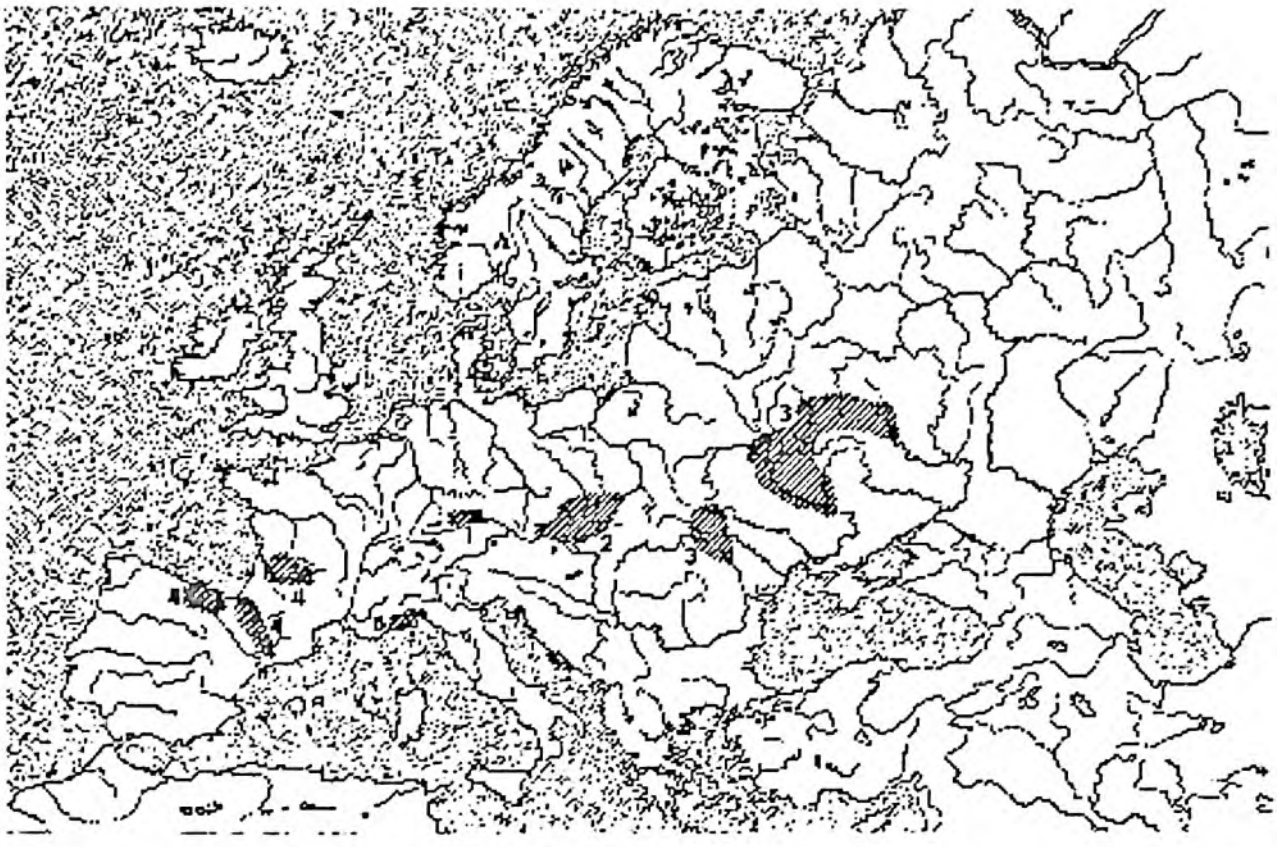
Любопытно, что в Альпах, ни в Германии, ни в Швейцарии, ни в Италии памятники наскального искусства не обнаружены. Правда, в Германии недавно в граветтском слое грота Хеле-Фельс (Баден-Вюртемберг) отмечено несколько фрагментов известняка, видимо, упавших со стен, сохранивших следы заполировки от трения пещерных медведей и беспорядочные нарезки, сделанные человеком. Пока еще в предварительных публикациях нет доказательств, что нарезки были нанесены на стенах, а не после того, как фрагменты попали в слой, где могли служить подставками для резания.

Имеется также упоминание, что на стене навеса Виллабруна на северо-востоке Италии сохранились остатки красной росписи. Этот навес содержит захоронение с мужским скелетом, покрытым крупными камнями, один из которых был раскрашен красным геометрическим узором в виде елочки. Подобный расписной блок был найден в нижней части археологического отложения, видимо, конца палеолита (Mussi, Zampetti, 1997: 226, 228). На северо-западе Италии, в одном из гротов Гримальди, а именно в Кавильоне обнаружена гравюра лошади (там же: 220), Что касается остальной территории Италии, то памятники наскального искусства встречены лишь на юге Апеннинского полуострова (гроты Пагличчи, Романелли, Ромито) и на острове Сицилия (Аддаура, гроты Монте Пеллегрино: Нисеми и Леванцо).

Как одну из еще слабо известных вех распространения настенного искусства на восток следует упомянуть рисунок оленя в гроте Бычи Скала в Моравском карсте (Oliva, 1996a: 120, fig. 2). Неожиданными и удивительными были более ранние открытия несомненно палеолитических росписей в пещере Кучулат в долине р. Сомеш на северо-западе Румынии в 1979 г. и в пещерах Южного Урала: Каповой в 1959 г. и Игнатьевской в 1980 г.

Искусство малых форм распространено значительно шире, охватывая Иберийский и Апеннинский полуострова и всю приледниковую зону Евразии вплоть до Забайкалья и Камчатки. Интересно, прежде всего, проследить соотношение двух категорий искусства в одних и тех же памятниках. В связи с этим, необходимо сделать предварительные замечания: хотя все подсчеты не являются абсолютно точными и окончательными, можно надеяться, что незначительные колебания не изменят общей картины, палеолитическое искусство берется в целом без хронологических и культурных подразделений, этот специальный вопрос будет рассмотрен в другом месте; из анализа исключаются украшения, как предметы не имеющие никаких соответствий в наскальном искусстве, тем более, что существует много стоянок, не содержащих других произведений искусства, кроме украшений, и включение их изменило бы картину.

Начав с крайнего юго-запада Европы, Португалии, я не располагаю данными о нахождении в пещере Эскураль с росписями и гравюрами на стенах произведений искусства малых форм. Един-

Карта-схема I. Распространение очагов палеолитического искусства на территории Европы: *1 – ориньякский центр в юго-западной Германии; 2 – граветтский центр в Моравии, Словакии и Нижней Австрии; 3 – Днепровско-Донской центр в России и Украине; 4 – мадленские центры в Дордони и Пиренеях (Франция) и в Кантабрии (Испания); 5 – граветтский центр в Лигурии (Италия) (по: Jelinek, 1988, fig. 42).*

ственная галька с неопределенными гравюрами происходит из слоя верхнего солютре пещеры Кальдейрао.

В Испании из 40 пещер и навесов, не всегда обладающих культурными слоями, только в восьми обнаружены мелкие произведения, и три из них (Альтамира, Эль Кастильо, Тито Бустийо) дают прямые аналогии. Еще в 10 верхнепалеолитических памятниках, особенно в пещере Парпальо, обнаружены малые формы.

Значительно более богата ими Франция с широким территориальным рассеянием и основным сосредоточением в южной половине страны. Подсчет памятников, как и в Испании, из-за состояния и доступности первоисточников достаточно грубый, но в целом отражает то, что известно в настоящее время. Из 70 пещер и навесов с наскальным искусством только в шести нет культурных слоев. Почти в 20 из них стратиграфия сохраняет мелкие художественные предметы, но прямого соответствия между двумя видами искусства нигде не отмечено. Более того, Ж. Клотт, досконально изучивший палеолитическое искусство, пришел к выводу, что различия между наскальными и малыми формами, даже внутри одной пещеры, составляют важную проблему в иконографии палеолита (Bahn, 1990: 8).

В Италии только в трех гротах с наскальными изображениями (Пагличчи, Кавальо и Романелли) обнаружены произведения малых форм, но лишь в Романелли обе категории могут быть подвергнуты сравнению. Из 11 верхнепалеолитических стоянок в четырех найдены украшения, в остальных: Тальенте, Полезини, Джованна, Вадо алл'Арансио, Дальмиери, Санта Мария ди Аньяно и Толентино художественные предметы в целом немногочисленны. Кроме того, выразительная группа женских статуэток, найденных давно в гротах Гримальди и Парабита и на поверхности в Савиньяно и Тразимено, к сожалению, не обладает стратиграфической привязкой.

Резким контрастом с насыщенностью палеолитическим искусством на территории Франции, но соответствуя в определенной степени ее северной части , выступает Великобритания, где известны редкие произведения искусства малых форм из старых раскопок пещер Робин Гуда и Пин-Хоул в Кресвелл-Крагс. Можно упомянуть также пещеру Модер Гранди'с Парлор с достаточно спорными гравировками на костях. В Нидерландах лишь на одной стоянке Гельдроп III найден галечный ретушер с тонкой гравировкой женской фигуры.

Значительно лучше положение в южной части Бельгии, где отмечено более 10 стоянок преимущественно в гротах (Тру-Магрит, Тру де Нутон, Тру дю Фронталь, Шалё и др.) с выразительными гравюрами и единичными скульптурами.

В верхнем палеолите Германии можно насчитать около 30 пещерных и открытых стоянок с произведениями искусства малых форм. Из них особенно примечательны расположенные на западе напротив друг друга на разных берегах Рейна Гённерсдоф и Андернах; группа стоянок на востоке в бассейне р. Заале (Небра, Ёлькниц, Заальфельд и др.) и группа гротов на юге в верховьях Дуная (Фогельхерд, Гайсенклостерле, Холенштайн, Петерсфельс). Эти южные стоянки граничат с пещерами, расположенными в северо-западной Швейцарии, такими как Кесслерлох, Швайцерсбильд, Фройденталь, Рислисбергхеле.

Далее, в западной Чехии заслуживает внимания стоянка Хостим, но основная группа стоянок открытого типа расположена в Моравии: Петржковице, Пшедмость, Павлов, Дольни-Вестонице, к ним можно добавить гроты Кульна и Пекарна. Эта группа памятников вытянута в меридиональном направлении и в определенной степени находит продолжение в Польше, где основные верхнепалеолитические стоянки сосредоточены в районе Кракова. Из них только в двух давно известных гротах: Машицка и Маммутова найдены единичные бессюжетные произведения искусства. К ним можно добавить сделанные в последние годы открытия стилизованных женских статуэток в лессовых мадленских стоянках (Kozlowski, 2001).

К югу от моравской группы на левобережье Дуная в Австрии наибольший интерес представляют пещера Гуденус и две стоянки открытого типа Виллендорф и Гальгенберг с их женскими фигурками. Женская статуэтка найдена и в Моравanах на территории Словакии. В Венгрии, несмотря на широко представленные верхнепалеолитические памятники, лишь на стоянке Шагвар у Балатона и в гроте Янкович в Бюкских горах представлены единичные произведения искусства, не имеющие фигуративного характера.

Далее на территории Молдовы в верховьях бассейнов Прута и Днестра отмечено 4 стоянки верхнего палеолита с немногими произведениями искусства малых форм, главным образом, украшениями. В гроте Брынзены найдена загадочная фигурка из бивня мамонта, не имеющая аналогий, и на стоянке Косоуцы по одной фигурке женщины и бизона из камня.

В Крыму и на Кавказе (Грузия) в редких навесах под скалами и в небольших гротах обнаружены разнообразные украшения, но нет фигуративных сюжетов.

Памятники Украины дают различные интересные материалы. Это, прежде всего, многослойная стоянка Молодова 5, где в слоях III, VI и VII отмечены антропоморфные изображения как в скульптуре, так и в гравюре. Из старых раскопок Киево-Кирилловской стоянки сохранились обломки гравированных бивней, на одном из которых нанесена сложная композиция. В бассейне Днепра находятся также стоянки Мезин и Межирич с остатками жилищ из крупных костей мамонта, со скульптурными поделками из бивня мамонта, сложным орнаментом и костями мамонта с нанесенными красной краской геометрическими узорами.

В России культура Мезина-Межирича находит соответствия в стоянках бассейна Десны: Юдиново, Елисеевичи, Супонево, Тимоновка, обладающими такими же остатками конструкций из костей мамонта и, наряду с редкими фигуративными изображениями, развитым резным геометрическим орнаментом на бивне. Особо стоит стоянка Хотылево 2 с ее женскими статуэтками, зооморфными навершиями стержней и своеобразным гравированным орнаментом. Она обнаруживает определенное сходство с расположенными восточнее памятниками единой археологической культуры: Авдеево на Сейме и Костенки 1 на Дону, исключительно богатыми произведениями искусства из бивня и мягкого камня: фигурками женщин и животных, особенно мамонта, скульптурными и орнаментированными предметами. Костенки 1 находится в центре многочисленных и разнокультурных стоянок Костенковско-Борщевского района, часть которых (Костенки 4, 11, 13 и др.) содержит выразительные произведения искусства. В 100 км выше по течению Дона расположена стоянка Гагарино, особенно интересная своими женскими статуэтками. В бассейне Оки находится Зарайская стоянка с замечательной фигуркой бизона. Из других значительных стоянок Русской равнины необходимо упомянуть Сунгирь к востоку от Москвы с ее погребениями, фигурками животных и узорными дисками, вырезанными из бивня мамонта. Далее на восток на Урале в стоянке Островская (им. Талицкого) и в некоторых гротах, в том числе Каповой и Игнатьевской, отмечены немногочисленные произведения искусства, главным образом, украшения.

Таким образом, распространение памятников с произведениями искусства малых форм крайне неравномерно и представляет определенные гео-

графические скопления (карта-схема I), которые кратко отмечены выше. Интересно, что изолированные стоянки вне этих скоплений редко бывают репрезентативными.

Первое фундаментальное различие между двумя категориями искусства, заключенное в локализации произведений, самоочевидно. В пещерном искусстве художник располагал более или менее обширными пространствами скальной стены, а в ряде случаев, и потолка и пола. Даже если он пользовался узкими кулуарами, закоулками или нишами, неподвижная основа была достаточно широкой для изображения крупных фигур. Одни из них наносились художниками в нормальном положении стоя или на коленях, для других мастеру приходилось взбираться на выступ или карниз. В ряде случаев логично предположение об использовании лестниц или подмостков в тех ситуациях, когда изображения находятся на высоком потолке или над опасными провалами. Это исключает мысль о художнике-одиночке, втайне от соплеменников пробиравшемся в глубины полости.

Чаще всего, сцена или композиция ("ансамбль") находится в прямой связи с природой и формой "полотна". Нередко для создания образа использовались и достаточно крупные естественные рельефы стен: выступы и впадины на неровных скальных поверхностях путем незначительной подправки превращены в фигуры животных или странных антропоморфных существ (см., например, Альтамиру, а также голову лошади в Руффиньяке, круп лошади в Фон-де-Гом, фигуру бизона в Кастильо и др.).

В искусстве малых форм подвижность основы, возможность ею манипулировать, поворачивать под разными углами зрения давали значительно больший простор для нанесения образа, большую свободу действий. Мастер располагал обилием материалов как органического (бивень, рог, кость, зубы, раковины моллюсков), так и минерального (гальки, желваки, плитки сланца, известняка, песчаника и др.) происхождения. Иногда они применялись в первоначальном виде, но чаще естественные формы основы при помощи небольшой подправки превращались в зримые образы: мамонт в Елисеевичах или медведь в Толбаге, женщины в Косоуцах или Марсанжи, антропоморфные головки в Костенках 1 или Истюриц. Во всех этих примерах памятники отделены друг от друга значительными расстояниями и хронологическими рамками. Известны случаи применения для скульптур редких или экзотических материалов, видимо, привлекших внимание своими эстетическими качествами: стеатита, янтаря, гагата и даже зуба кашалота (Мас д'Азиль).

Разнообразие материалов диктовало и больший размах технических приемов, ряд которых был общим для обоих видов искусства. Это, прежде всего, применение красящих веществ - живопись, наиболее зрелищная и впечатляющая в наскальном искусстве, где она представлена в виде собственно живописи, монохромной или полихромной, и рисунка по контуру, выполненного одной краской: черной или красной. Существует и смешение этих вариантов, часто дополненное гравировкой. В настоящее время палеолитическим пигментам и связующим материалам уделяется большое внимание, особенно в работах М. Меню и Ф. Вальтера из Лаборатории Лувра, а также К. Куро и Ж. Онoратини. В отечественной литературе этот вопрос разрабатывается Н.Д. Прасловым. В пещерных росписях, помимо древесного угля, широко применялись окиси железа и марганца, давшие большое разнообразие красных, желтых, коричневых, фиолетовых и черных оттенков. В отношении способа нанесения красящего вещества можно отослать к работам К. Барьера. Составы связующих веществ тщательно изучены в пещере Нио, где установлено на основе воды наличие трех "рецептов" применения различных материалов и показана возможность, исходя из этих анализов, установить относительную древность сюжетов (Clottes, 1995).

По сути дела, те же пигменты представлены и в поселениях. Иногда охра и уголь расплывались по слою и размытые пятна краски сохранились на предметах. В таких случаях трудно решить обязаны ли следы красной краски на статуэтке из Виллендорфа или на барельефе "женщины с рогом" из Лоссель пребыванию их в культурном слое или они являются результатом намеренного действия палеолитических людей. Последнее бесспорно в случае находки в гроте Бадегуль: поверхность каменной плитки была покрыта слоем охры и на нем, как на своеобразной грифельной доске, нанесены изображения, снова покрытые охрой, чтобы процарапать новые рисунки. К числу несомненных красочных образов относится фрагмент тазовой кости северного оленя из Ложери-Бас с гравюрой лошади, обведенной по внутреннему контуру широкой полосой охры. В этом образце интересно применение столь частого в наскальном искусстве сочетания живописи и гравюры. Другие примеры росписей в искусстве малых форм во Франции единичны: две плакетки из Труа-Фрер и маленький блок из навеса Виньо в Эйзи. В Испании, помимо одной находки из Салитре, исключительно важное значение имеют плакетки из Парпальо.

На Русской Равнине можно упомянуть лишь тонкую сланцевую плитку из подъемного материала со стоянки Талицкого с широкими полосами красной краски. Следы подобной полосы наблюдаются на пластинке сланца из культурного слоя этой стоянки. Уже упоминались красочные орнаменты на костях из Мезина и Межирича. Фигуративные изображения здесь полностью отсутствуют. В целом, редкость окрашенных предметов, скорее всего, объясняется условиями сохранности в культурном слое.

Менее зрелищна, чем живопись, но значительно более широко распространена графика, в данном случае, искусство вырезать резцом контур на твердом материале. Долгое время эта техника, названая гравюрой, описывалась суммарным образом, и только в последние годы появился ряд серьезных работ. Так, К. Барьер четко различил в настенной гравюре две главные формы, связанные с природой пещерных стен: рисунок, нанесенный пальцем на глинистом покрытии, и рисунок, вырезанный кремневым орудием, гравюра собственно говоря, в которой выделяется несколько вариантов.

Рисунок пальцем хорошо представлен в пещерах Гаргас и Руффиньяк, на знаменитом "Потолке Иероглифов" в Пеш-Мерль и в многочисленных французских и кантабрийских гротах. Линия могла быть нанесена одним или несколькими пальцами. Природа и хрупкость основы объясняют плохую сохранность рисунков, особенно, когда они представлены на полу, как в пиренейских пещерах Монтеспан, Нио, Бедейяк.

Гравюра на скальной поверхности распространена значительно шире и варьирует в зависимости от природы и физических свойств скалы, типа и техники использования орудий и, наконец, от формы сечения и размеров, ширины и глубины надрезов. Эталонное морфологическое, технологическое и экспериментальное исследование ориньякских гравированных блоков выполнено Б. и Ж. Деллюками (Delluc B. et G., 1978).

В искусстве малых форм особенности гравюры также зависят от многих условий и, прежде всего, от основы, на которую она нанесена. Серия гравированных плакеток из глины собрана в глубокой части пещеры Бедейяк, и не исключено, что они могли быть отделены от пола - отложений слоистой глины с зернами кварца. Изображения сформированы пальцами и, судя по фотографиям, это, скорее, техника барельефа. Разнообразная гравюра на камне крайне развита в Западной Европе – на бесчисленных плитках и гальках. Особенно обильны гравировки в мадленском искусстве Франции, так же широко представленные на основах органического происхождения, в том числе и на орудиях из рога северного оленя и кости. Эти материалы давали возможность применения технических приемов, переходных к рельефу, в частности, так называемой техники "поднятого фона" (champlevé).

Если в литературе гравюре уделено большое внимание, то изучение барельефа, горельефа и различных переходных форм разработано недостаточно. Дефиниция рельефа и его отличие от гравюры и плоской скульптуры остаются неточными. Любопытно, что если в искусстве малых форм такие предметы единичны, в монументальных произведениях они, хотя и не многочисленны, но исключительно репрезентативны. Достаточно напомнить барельефные изображения на каменных блоках, отделенных от стены: выразительные женские фигуры в Лоссель, великолепные ансамбли из Рок-де-Сер и Англь-сюр-Англен, а также уцелевшие на стенах образы женщин из последнего навеса и особенно из грота Ла Магдален.

В целом, различие между рельефом и круглой скульптурой не более отчетливо, чем то, которое отделяет рельеф от гравюры, но скульптура в чистом виде представлена в пещерном искусстве только в виде лепки, а в искусстве малых форм составляет неотъемлемую и выразительную категорию: широко известны статуэтки людей, особенно женщин, и животных, сложные скульптурные композиции из бивня, рога, кости, различных пород камня.

Что касается лепки, т.е. создания скульптур в объеме из пластической, сравнительно мягкой или размягченной субстанции, в данном случае глины, то оно наиболее зрелищно в мадленских гротах Пиренеев: обошедшие все издания по палеолитическому искусству медвежонок из Монтеспан и бизоны из Тюк д'Одубер. Мелкие фигурки также ограничены в своем распространении. На лессовых стоянках Дольни-Вестонице и Павлов в Чехии было налажено производство статуэток из глины, многие из них обожжены. Одна глиняная человеческая фигурка обнаружена в Майнинской стоянке на Енисее. И огромное расстояние, и хронологический разрыв (25-24 тыс. л. н. в первом случае и 16 тыс. л. н. во втором) свидетельствуют о том, что в Сибири люди пришли к осознанию пластических свойств глины без внешних влияний.

Что касается хронологии и периодизации, то естественно, что палеолитическое искусство в двух своих ипостасях не могло оставаться неизменным. Даже для узко очерченной территории нельзя

установить единой непрерывной линии развития. Основные вехи культурно-хронологической периодизации разработаны во Франции на базе совокупности данных из раскопок стоянок верхнего палеолита. Подстилает свиту ориньяк (35-27 тыс. л. н.) с его последней фазой, частично сосуществующей с граветтом (27-20 тыс. л. н.). А. Леруа-Гуран выделил позднюю фазу граветта внутри периода 20-18 тыс. л. н. – интер-граветто-солютре. Солютре, сменивший эпоху ориньяко-граветта, не имеет связи ни с той, ни с другой культурой, его длительность невелика – от 18 до 15 тыс. л. н., когда возникает мадлен, разделенный на ранний, средний и поздний, заканчивающий свое существование к 10-му тысячелетию – общепринятой границе плейстоцена-голоцена.

Эта культурная хронология была признана и в других странах, хотя очевидно, что повсюду имеются определенные сдвиги и во временных рамках, и несоответствия в культурных особенностях. Развитие верхнего палеолита на Апеннинском полуострове, например, или в Восточной Европе и особенно в Сибири шло по своим законам. Даже в наиболее близкой к Франции Испании кантабрийский ориньяк более древний: для слоя 18 Эль Кастильо, содержащем многочисленные произведения искусства, получены даты: 40 000 ± 2 100, 38 500 ± 1 800; 37 700 ± 1 800. Любопытно, что образцы краски, снятые с трех бизонов на стенах этой пещеры, датированы методом AMS вокруг 13 тыс. л. н.

Вопрос привязки наскальных изображений к культурно-хронологической периодизации очень сложен. Только в исключительных случаях можно говорить о тождестве фигур на стенах и на предметах из культурных слоев (классический пример: лани из Альтамиры и Эль Кастильо). При радиоуглеродном датировании нет уверенности, что собранные на полу пещеры или в культурном слое древесные угли соответствуют по времени настенному искусству. Даже если наскальные изображения перекрыты культурным слоем или в культурном слое находятся обвалившиеся блоки с остатками фигур, речь может идти лишь об относительной хронологии. По счастливому совпадению данных, достаточно точно установлено существование ориньякского искусства между 35 и 25 тыс. л. н. в навесах на р. Везер во Франции. В недавно открытом многослойном навесе Ла Винья в Астурии очень важно наличие слоев граветта, ранее практически неизвестного на западе Кантабрии. Ориньякские и граветтские слои в этом навесе перекрывают настенные гравюры, которые, таким образом, не могут быть поздними по времени.

Все большее значение приобретает метод радиоуглеродного датирования AMS по крошечным образцам краски, снятым с росписей. Так, получены сходные даты из Пеш-Мерль и Куньяк, что подтверждает приблизительную одновременность некоторых фигур из этих гротов Керси и их граветтский возраст. По последним данным, этот метод позволил получить около 70 датировок из 6 французских (Нио, Портель, Пеш-Мерль, Куньяк, Шове, Коске) и 5 испанских (Альтамира, Эль Кастильо, Лас Монедас, Лас Чименеас, Ковасилья) пещер. Но если даты испанских памятников хорошо соответствуют прежним представлениям о несколько сдвинутом в сторону омоложения солютрейском и о мадленском возрасте, то во Франции очень древние даты пигментов в недавно открытых пещерах Коске и Шове ставят много вопросов. Как и в отношении Пеш-Мерль и Куньяк, здесь затрагивается проблема хронологии стилей, которой столько внимания уделял А. Леруа-Гуран (Leroi-Gourhan, 1965).

Разнообразие сюжетов как в монументальном искусстве, так и в искусстве малых форм, использованное А.Леруа-Гураном для последовательности стилистических особенностей, может быть подразделено на три основные группы: животные, человек, знаки. Ввиду неточности и разнообразия дефиниций отдельных изображений, недоступности ряда источников невозможно осветить количественные соотношения этих групп и количественные различия сюжетов в обоих видах палеолитического искусства. Наибольшее внимание всегда уделялось самой представительной и самой впечатляющей группе изображений животных, в особенности в наскальном искусстве. Подсчеты А.Леруа-Гурана свидетельствуют и об общих тенденциях, и о значительных региональных вариациях. Сравнению подверглись материалы из четырех районов: Перигор, Керси, Пиренеи и Кантабрия. По числу особей фигуры лошади и бизона являются доминирующими видами в Перигоре и Пиренеях, в Кантабрии на первом месте стоит лань, в Керси - мамонт. Лошадь значительно преобладает над бизоном в Перигоре, но уступает ему в Пиренеях и в Керси. В Кантабрии они находятся почти в равных количествах. Мамонт занимает третье место в Перигоре, почти сравниваясь с бизоном, что несомненно обязано многочисленным мамонтам в пещере Руффиньяк. Северного оленя почти вдвое больше, чем благородного, в Перигоре и Пиренеях, но значительно меньше в Кантабрии

и в Керси. Носороги присутствуют в Перигоре, в Пиренеях всего один, полностью отсутствуют в Кантабрии и в Керси. Хищники: медведь и лев более многочисленны в Перигоре и в Пиренеях, чем в двух других районах, хотя надо отметить, что группа Керси в целом значительно беднее остальных. К тому же эти данные не учитывают ни хронологии, ни, следовательно, условий окружающей среды. Сравнительные данные для двух видов искусства представлены единственно для стиля IV, соответствующего мадлену: в наскальном искусстве количественная последовательность в порядке убывания включает лошадь, бизона, мамонта, а в искусстве малых форм за лошадью следует северный олень, который в первой категории занимает девятое место и только затем бизон, а мамонт находится на четырнадцатом месте. Таким образом, в искусстве малых форм животный мир дает количественные показатели, отличные от представленных в наскальном искусстве даже при допущенной одновременности двух ансамблей. Это лишь небольшой фрагмент сравнительного анализа, к которому надо подходить с осторожностью, необходимы большие усилия многих исследователей, опирающиеся на точность определений тех или иных рисунков, исключая из рассмотрения "сомнительные" или "неопределенные". В целом, можно отметить, что в искусстве малых форм более четко проявляются локальные различия, более часто представлены мелкие животные.

Вторая группа – человеческие образы, которые обычно рассматриваются как чрезвычайно редкие. Это, может быть, правильно, если противопоставлять их общему количеству фигур животных, но в сумме они встают в ряд даже с наиболее представительными видами, как особая составляющая животного мира.

Основываясь на доступных материалах, можно предложить единственно возможное количественное сопоставление данных по палеолитическому искусству Франции, учитывая технику исполнения и не претендуя на абсолютную точность. В наскальном искусстве 104 изображения человека распределяются в следующие сюжеты. Из 21 образа женщины нет ни одного живописного, но зато представлено 9 выразительных барельефов (2 на стенах гротов Ла Магдален, 4 на упавших блоках в Лоссель и 3 полустилизованных фигуры, лишенных головы на стенах навеса Англь-сюр-Англен) и 12 гравюр (6 с элементами стилизации и 6 сведенных к профилю). К 11 мужским образам отнесены 3 красочных контура, барельефная раскрашенная голова из Англь-сюр-Англен, барельеф из Лоссель и 6 гравюр. Обобщенные человеческие фигуры представлены двумя барельефами и тремя гравюрами. Наиболее репрезентативна группа человекоподобных силуэтов с искаженными чертами. В нее входят 5 красочных контуров и 62 гравюры, из которых 34 - целые или почти целые фигуры и 28 голов с различной степенью фантастической деформации.

В искусстве малых форм изображения человека более многочисленны - 255, главным образом, за счет уникального искусства мадленского навеса Ла Марш, откуда происходит 108 гравировок на каменных плитках и плакетках. 68 женских изображений включают 9 статуэток, 2 барельефа и 57 гравюр, из которых 40 более или менее реалистические и 17 – схематические силуэты. Значительно больше, чем в наскальном искусстве, и мужских изображений: 2 барельефа и 18 гравюр. Самая представительная группа – это обобщенно-человеческие образы различного рода – 163: фигурки – 10, скульптурные головки – 5, к ним можно добавить и естественный профиль гальки из Тюк д'Одубер; барельефы – 3 фигуры и 3 головы; гравировки – 142 (целые фигуры, головы, лица, 1 рука и 4 ноги, возможно, фрагменты целых изображений). И последняя группа – антропоморфно-зооморфная – состоит из одной статуэтки и трех гравюр, т.е. соотношение двух последних групп прямо противоположно.

Наряду с животными и человеком одним из важнейших сюжетов наскального искусства являются различные абстрактные фигуры - знаки, называемые тектиформами (шалашеобразными), клавиформами (дубинообразными), "гербами" и др. Их пытаются интерпретировать как изображения жилищ или ловушек, предельно упрощенные женские профили и т.д. А. Леруа-Гуран разделил эти, по его определению, "геометрические фигуры символического характера" на три группы: тонкие мужские, толстые женские и не имеющие отношения к намеренной графике ряды точек и коротких палочек. Их топографическое распределение в пещерах соответствует определенной организации.

В малых формах отдельную группу составляют разнообразные скульптурные поделки, имеющие, возможно, символический характер, особенно связанный со знаком пола. Знаки, гравированные на предметах, достаточно редки, выражены простейшими формами и менее изучены. Широкого развития достигает гравированный, иногда исключительно сложный геометрический орнамент, который в ряде случаев может быть осмыслен как изображение змей, текущей воды, пле-

тения и других реальных явлений.

Самым существенным в противопоставлении двух видов искусства является различный контекст. В монументальном искусстве сюжеты закреплены на скальных плоскостях навечно, создавая часто ансамбли, имеющие, как это показали М. Рафаэль, А. Ламинь-Эмпрер и А. Леруа-Гуран, внутренние связи, т.е. их определенную организацию. Здесь присутствует выбор и использование пространства. А в культурном слое связь между предметами утрачена, несмотря на все ухищрения планиграфии. Она может быть воссоздана условно, как это сделано в отношении крупных блоков С.Н. Замятниным из Лоссель или Л. Анри-Мартеном из Рок-де-Сер. В остальных случаях находки в лессовых и любых других отложениях могли быть смещены как природными, так и антропогенными факторами. Что касается предметов, как бы оставшихся неприкосновенными в жилищах, ямах-хранилищах, мелких ямках, остается неясным были ли они "спрятаны" намеренно или выброшены за ненадобностью, последнее исключает все предположения о связях. Наличие однородных произведений искусства вокруг очагов, может скорее свидетельствовать лишь о месте их изготовления, как это было, например, с антропоморфными головками в первом жилом комплексе Костенок 1 (Абрамова, 1966: 71). Для решения вопроса о связях в искусстве малых форм необходим тщательный анализ всего комплекса находок в ограниченном пространстве.

Все вышеизложенное позволяет перейти к основным вопросам мотивации двух видов палеолитического искусства. А. Дельпорт предложил разделить историю исследования мотивации на две фазы: доструктуралистскую и структуралистскую, а рубеж между ними обозначил 1950 г., когда появилась первая идея М. Рафаэля о существовании организации изображений в наскальном искусстве палеолита (Delporte, 1990: 188). В первой фазе были противопоставлены две основные тенденции объяснения: «искусство для искусства» и магическое или религиозное значение, выявленное главным образом, на основании этнографических наблюдений. Не останавливаясь на этих широко известных тенденциях, отметим лишь, что полемика между сторонниками различных теорий привела выдающегося исследователя палеолита А. Брейля к признанию в его итоговой работе, что они не противопоставляются и не взаимоисключаются, они только дополняют друг друга (Breuil, 1952: 21-25).

Исследование организации и мотивации палеолитического искусства на новом этапе началось с того, что М. Рафаэль впервые заметил сочетания и конструкцию в наскальных ансамблях (Raphael, 1986), но только А. Леруа-Гуран выработал новые методы, настаивая на точном анализе и объективной критике источников (Leroi-Gourhan, 1965). Вначале его исследования были ориентированы в классической манере на хронологию изображений животных. По его собственному признанию, именно в процессе этой работы он ознакомился со взглядами А. Ламинь-Эмпрер, которая увидела намеренный характер композиций некоторых животных в главных панно Ляско и других гротов. А. Ламинь-Эмперер развила понятие сочетаний лошадь-бизон и женщина-бизон и установила их размещение: предназначенные для обзора и как бы спрятанные (Laming-Emperaire, 1962). Со своей стороны, А. Леруа-Гуран уделил особое внимание знакам, их важной роли, морфологической классификации, выделению среди них мужских и женских.

Новая система явилась, следовательно, результатом реального сотрудничества, но это не означает, что Леруа-Гуран и Ламинь-Эмпрер не расходились во взглядах. Социологическая интерпретация была у них различной. Они сохранили понятие «святилища» по отношению к пещерам с наскальным искусством, но не приняли магико-религиозное значение. Для них это, скорее, понятие архитектурное, образованное отчетливыми и более или менее повторяющимися ансамблями изображений. Гипотезы Ламинь-Эмпрер и Леруа-Гурана конструируют наскальное искусство в зависимости от дуализма: мужского и женского начал, который касался одновременно изображений животных и знаков. Ламинь-Эмпрер не считала убедительной гипотезу придания знакам половой принадлежности, более того, она пришла к выводу что, «Организация фресок относится к структуре более сложной, чем половой дуализм « (Laming-Emperaire, 1970: 198). Противопоставление «мужское – женское», «бизон – лошадь» было для нее выражением не мировой, а социальной системы, любой из компонентов представлял социальную группу, естественно состоящую из двух полов. Крупный ученый, внесший большой вклад в изучение древней истории Южной Америки, и обаятельная женщина Анетт Ламинь-Эмпрер погибла в 1977 г. и не успела развить свои взгляды, которые безусловно заслуживают более тщательного рассмотрения, если вспомнить неизвестные ей работы А.М. Золотарева.

Построения Леруа-Гурана и Ламинь-Эмпрер подверглись критике с различных точек зрения: структуры и топографии пещер, описания, локали-

зации и сочетания фигур животных и знаков; методологии и трактовки информации; дефиниции и содержания изображений, но именно на их основе выросли новые гипотезы, развивающие дальше структуру и организацию наскального искусства.

Очень существенны разработки Д. Виалю и Ж. Совэ. Д. Виалю, анализируя арьежские гроты, установил, что они не подчиняются единственной модели святилища, каждый из них составляет «оригинальную модель», собственную структуру и природную принудительность, которую определяет «архитектурное пространство» (Vialou, 1986). Работы Ж. и С. Совэ носят скорее методологический характер. Они посвящены семиологии – учению о знаках и тем самым дополняют и расширяют представления Леруа-Гурана о географическом распределении и культурных вариациях изображенных видов животных, подтверждая его главную гипотезу (Sauvet G. et S., 1979).

Столь же важными представляются выводы Л.-Р. Нужье и К. Барьера, основанные на тщательном изучении пещеры Руффиньяк. Ими создана новая концепция, в которой каждое изображение имеет свое собственное, индивидуальное конкретное значение. Но их группировка обладает более сложным смыслом в зависимости от их взаимоотношений, связей с топографией (контекстом), взаимным расположением, раскрывающим их повествовательный (мифологический) или ритуальный характер. Пещера трактуется как символический источник жизни и смерти: животные, выходящие из нее, рождены к жизни; входящие в ее глубины – обречены смерти (Barrière, 1982). В этой концепции снова проявляется дуализм символической мифологии, но с иной трактовкой, может быть, более близкой психологии мадленского человека.

Условия нахождения, неполнота и фрагментарность источников в искусстве малых форм не просто затрудняют, но делают невозможным создать систему организации предметов даже в одном культурном слое. Единственные связи, о которых можно говорить, это сочетание гравированных образов на одной и той же основе, но это случается очень редко (см., например, женщина – мужчина на костяной пластинке из Истюриц, на обратной стороне которой два бизона, следующие один за другим; женщина и северный олень на кости из Ложери-Бас и некоторые другие). Можно говорить также о более широких сопоставлениях, например, о сочетаниях фигурок женщины и мамонта на стоянках Русской равнины (Abramova, 1984).

Таким образом, по самой своей природе настенное искусство и искусство малых форм являются различными видами исторических источников. Первое носит повествовательный характер. Оно было предназначено в глубине необитаемых пещер или в гротах и навесах для дифференцированных кругов зрителей и участников различных ритуальных действий и было подчинено определенной концепции, связанной с коммуникативными действиями. Нахождение изображений в особо потаенных и трудно доступных местах не противоречит этому, оно может свидетельствовать лишь об особых обрядовых таинствах.

Искусство малых форм носит бытовой «домашний» характер, в нем нет ничего мифологического. Мастер, изготовляя, например, то или иное орудие из кости или рога, не лишал себя удовольствия украсить его или фигуративными сюжетами или орнаментом. Широкое распространение этого искусства, большая свобода действий в использовании всегда находящегося под рукой материала и в применении различных приемов, сочетающихся с совершенством исполнения, значительная фрагментарность изделий, часто не случайная, но и намеренная, все это свидетельствует о повседневном назначении этих произведений, применяемых, очевидно, в обрядовых действиях на замкнутом жилом пространстве с ограниченным числом участников. Почти полное отсутствие связей между двумя видами искусства, возможно, заключалось в том, что художник, воплощавший свои идеи на пещерных стенах, не нуждался в изготовлении их реплик в малых формах, на поселениях были свои цели и задачи.

Как всякое явление палеолитическое искусство имеет свое начало и конец. Одним из самых сложных разделов в рассматриваемой теме продолжает оставаться **проблема происхождения**, которая, по сути дела, является проблемой происхождения искусства, как формы общественного сознания. Если, как заметил А. Дельпорт, ученые мало-помалу отвечали на вопрос «кто?» и «когда?» начал создавать искусство, то оставались вопросы «почему?» и «зачем?», которые стали основными направлениями работ западных авторов (Delporte, 1990: 187). Но, по словам А.Д. Столяра «Мы не знаем ни одной работы, которая ставила бы ведущей целью изучение отправной для всей истории искусства темы, его становления, работы, которая пыталась бы представить возникновение изобразительной деятельности ab ovo в виде реального конкретно-исторического процесса» (Столяр, 1985: 9). На невозможность подхода не только к решению этой проблемы, но и вообще к пониманию

сущности искусства палеолита, оказал бесспорное влияние А. Леруа-Гуран, сравнивший современного исследователя древнейшего изобразительного творчества с инопланетянином, осматривающим христианскую церковь. Предположим, говорит он, что инопланетянин посетил двадцать, сто церквей и пришел бы к заключению, что материальные свидетельства соответствуют какой-то связной системе, что здания одинаково ориентированы, что их части являются постоянными, что кресты и картины отвечают определенной цели. Но он никогда не восстановил бы христианской идеи. Он мог бы только утверждать существование некоей в высшей степени символической вещи, стоящей за этими недоступными пониманию проявлениями мысли. «Он пришел бы, без сомнения, к удивительно ложной конструкции христианства» (Leroi-Gourhan, 1964: 80-81).

Вместе с тем, в бесчисленных работах, посвященных палеолитическому искусству на Западе, уже давно ставилась и тема его происхождения. Связанная с именем Ж. Буше де Перта гипотеза «простого этапа», т.е. наличия природных предметов, напоминающих определенные образы; и выдвинутые в начале XX в. А. Брейлем и его последователями, затем разработанные Ж.-А. Люке и другими гипотезы «макарон» - извилистых линий на глиняных потолках пещер, «руки» - негативных и позитивных отпечатков кистей рук, «искусство для искусства», «охотничьей магии», «магии плодородия» и пр. лишь пытались объяснить причины, но не сам процесс. Это убедительно показал глубокий критический анализ всей истории вопроса, проделанный А.Д. Столяром (1985). О том же свидетельствуют и новейшие разработки в западной литературе, краткий обзор которых дал недавно Л.Б. Вишняцкий (1998), но в основном попытки решить эту трудную задачу взяла на себя российская наука, я бы сказала даже, в ее рамках «ленинградская школа археологии». Благодаря ее усилиям, «инопланетянин» постепенно осваивает язык и менталитет древних землян.

А.П. Окладников писал: « истоки художественной деятельности коренятся в том, что составляет сущность и основу искусства – в творческой фантазии и в способности наслаждаться прекрасным – в эстетическом чувстве» (Окладников, 1967: 30). Он особо подчеркивал накопление технического опыта в производстве орудий труда, как одной из важнейших предпосылок возникновения новой художественной формы деятельности.

Исключительно важен вклад в рассмотрение этой проблемы А.Д. Столяра. Его многолетние работы, отраженные в фундаментальном труде (1985), являются первым исследованием, непосредственно направленным на изучение происхождения изобразительного искусства в конкретном понимании вопроса. Вместе с тем, это первая оригинальная гипотеза. А.Д. Столяр рассматривает возникновение искусства в тесной связи с развитием сознания. Для появления изображений нужны были не только технические навыки, т.е. освоение изобразительных действий. Не в меньшей степени была необходима гигантская работа сознания множества поколений по формированию образов, давших творчеству само его содержание. До исследований А.Д. Столяра просто декларировалось как нечто очевидное, само собой разумеющееся положение о том, что искусство палеолита имело глубочайшие корни. Из работы в работу кочевало перечисление ашельских и мустьерских находок, которые сводились к кускам красной и желтой охры, обломкам костей с параллельными нарезками, каменным плиткам с пятнами краски и т.д. Считалось, что поскольку эти предметы не имеют утилитарного значения, они относятся к духовной жизни. Мало того, что они не являются произведениями искусства, они сами по себе не могут объяснить возникновения изобразительного творчества. К тому же среди этих до-верхнепалеолитических находок в Европе нет ни одного достоверного фигуративного изображения.

А.Д. Столяру удалось создать связную систему, в которой разрозненные факты получили исчерпывающее и убедительное истолкование. Из блестящей догадки о роли «натурального макета» в возникновении изобразительной деятельности выросла логически стройная гипотеза творческого сознания. Основной смысл заключен в выявлении трех ступеней развития творчества: 1) «натуральное творчество» нижнего палеолита; 2) «натуральный макет» как переходная форма к анималистической скульптуре и 3) «глиняный период» как база верхнепалеолитического искусства.

А.К. Филиппов подходит в поисках решения проблемы с других позиций: с позиций эстетического отношения, тесно связанного с технологическим аспектом. Он утверждает: «... первобытное искусство ... как лучшая и выразительная форма знаково-символической деятельности создающая мир образов, связанных с эмоционально-духовной ориентацией человека в обществе, возникло в самом начале верхнего палеолита. Оно органически слито как с технологией становления совершенных вещей, так и с мифопорождением» (1991: 5).

Возникновение эстетического представляется не менее сложной проблемой. А.К. Филиппов признает, что на самом раннем этапе мы не знаем никакого материального проявления эстетической деятельности и вынуждены опираться лишь на различные изменения и дифференциацию технологических процессов, отраженных в функционально-кинематической структуре каменного орудия, в его форме. В ашело-мустьерское время эстетическое отношение материализуется в целостных, геометрически-правильных формах. Более того, согласно А.К. Филиппову, мустьерские условные обозначения (знаки) были включены человеком в сферу элементарного эстетического отношения к действительности. Возможности, это и так, но из определения эстетического полностью исчезает понятие прекрасного. В целом, гипотеза А.К. Филиппова включает сложное сплетение технологических, эстетических и мифологических компонентов.

В последние годы проблему происхождения изобразительной деятельности широко разрабатывает Я.А. Шер. Он исходит из глубинного формирования психо-физиологических предпосылок искусства. Речь и изобразительная деятельность – исключительно человеческие формы поведения, неизвестные живой природе, т.е. новые для природы способы создания, хранения, переработки и передачи информации. «И речь, и искусство могли появиться только при достижении человеком определенного, весьма высокого уровня асимметрии и дифференциации полушарий мозга» (1998: 114). И далее: « Способность к изобразительной деятельности накапливалась в виде неявных психофизиологических изменений в аппарате восприятия и воспроизведения образов» (там же: 135). Правда, Я.А. Шер сразу оговаривается, что вряд ли можно надеяться на реконструкцию «эмбрионального» искусства традиционными для археологии методами, т.е. на основе каких-то материальных свидетельств его зарождения. Он замечает, что почти все исследователи первобытного искусства сходятся в одном: искусство не могло возникнуть внезапно, «из ничего», но «из ничего» – это метафора и в данном случае речь идет об особой внезапности, поскольку внезапно появились материализованные следы художественной деятельности. И вывод, почти афоризм: «прежде, чем материализоваться, искусство должно было созреть в сознании человека» (там же: 136).

Таким образом, по необходимости предельно кратко и естественно схематично представлены возможные пути возникновения палеолитического искусства. Чем же оно закончилось? Можно ли говорить о внезапности его исчезновения? Объяснение более редкому посещению пещер и дальнейшему прекращению их декорации обычно находят в изменении природных условий в конце плейстоцена. Археологически эти изменения отражены, как отмечает М. Гонзалес-Моралес, в возрастании значения собирательства, трансформации мобильности человеческих групп, связанной с источниками сырья и использования других ресурсов. Происходит прогрессивное осваивание новых территорий, исчезновение таких стадных животных, обеспечивавших базис существования, как северный олень и его замещение немигрирующими видами, охота на которых включает меньшую мобильность. Все эти изменения предполагают или уменьшение конкуренции или уменьшение периодических агрегаций, как механизма широкомасштабной социальной организации. Кульминация этого процесса, видимо, и привела к быстрому исчезновению монументального искусства и всего обильного анималистического творчества, представленного в пещерах. За этим вскоре следует почти полное прекращение фигуративного искусства малых форм (Gonzalez Morales, 1997: 197).

Очень любопытны идеи, высказанные А. Маршаком. В сложной культуре Homo sapiens sapiens первыми двумя великими революциями могут быть названы: а) широко распространенный взрыв появления образа и символа в верхнем палеолите Европы и б) начало земледелия в ограниченной области Среднего Востока непосредственно после плейстоцена. А. Маршак предполагает, что обе революции были концептуально связаны и, возможно, эволюционно отличны от процессов, которые происходили в среде охотничье-собирательских культур, отмеченных в этнографии. Эти предположения могут помочь объяснить почему европейские позднепалеолитические культуры заканчиваются, когда плейстоценовые «календарные рамки» и сопровождающая их концептуальная основа распались, а также объяснить «внезапное» на вид появление и распространение земледелия на Среднем Востоке на основании равноценно долгой, но концептуально отличной культурной подготовки (Marshack, 1997: 86).

Уже достаточно давно я взяла на себя смелость сказать: «Палеолитическое искусство возникает как яркая вспышка пламени в глубине веков. Необычайно быстро развившись от первых робких шагов к полихромным фрескам, искусство так же резко и исчезло. Оно не находит себе непосредственного продолжения в последующие эпохи» (Абрамова, 1972: 28). И действительно, существует ра-

зительный контраст между шедеврами палеолита как в монументальном, так и в «малом» искусстве во всех его технических проявлениях (скульптура, включая барельеф, и графика) со знаковыми изображениями мезолита (раскрашенные гальки азиля) и схематическими фигурами неолита. Даже если пытаться искать аналогии на других, отдаленных территориях, то, видимо, нигде не удастся найти следы прямой преемственности. Пещерные святилища были забыты и, за отдельными исключениями, не посещались до исторических времен. В мезолите и неолите изображения переносятся на открытые скальные плоскости Испанского Леванта, Северной Африки, Кавказа, Северной Европы, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Появляются связные сцены, живописные охотничьи, магические, бытовые действия и ритуалы. И, может быть, во многом был прав А. Леруа-Гуран, отстаивающий тезис уникальности палеолитического искусства. То, что это было именно искусство, подчиняющееся общим законам развития, свидетельствуют его отголоски в творчестве гениальных художников современности.

Несколько замечаний о методике. Первичный уровень исследования основан на определении того, что изображено без всякого углубления в вопросы зачем и с какой целью, то-есть с самого начала делается попытка объективной дефиниции фигуры – ее сюжета, темы, образа. По сути дела, это первая и решающая стадия в процессе анализа и на этой чрезвычайно субъективной стадии строятся все дальнейшие ступени. Одна из наиболее трудных для решения методических проблем – это выбор атрибутов рассматриваемых изображений, который должен подчиняться двум правилам: 1) однородности, т.е. нормализации условностей и 2) точности дефиниций.

Изображения животных и, тем более, людей далеки от того, чтобы быть правдивыми «портретами». Хотя большинство фигур животных остаются определимыми, палеолитические художники использовали в их передаче два условных процесса: 1) то, что А. Леруа-Гуран назвал аббревиатурой, а А. Дельпорт синекдохой: вместо целой фигуры воспроизводится лишь одна какая-либо часть (шейно-спинная линия или рога); 2) преувеличение, иногда чрезмерное, некоторых морфологически отличительных черт того или иного вида (массивность передней части тела бизона, длинные рога самца горного козла и т.д.). Присутствуют и другие условности, как изображение анатомических деталей, которые обычно не видны, но которым художник придавал большое значение («интеллектуальный реализм» Люке).

В изображениях животных главным является определение рода в принятой систематике, поэтому необходимо учитывать только те образы, которые передают характерные черты: к целым фигурам могут быть добавлены ацефальные или частично поврежденные, а также отдельные головы. Из дальнейшего анализа должны быть исключены сомнительные, а также неопределимые фигуры или незначащие части фигур, не дающие никакого указания на род.

Достаточно часто вместо определения рода указывается более высокий ранг систематики. Так, если нельзя отличить благородного оленя от северного указывается подсемейство Cervinae и даже семейство Cervidae; если нельзя отличить бизона от первобытного быка, изображение относят или к роду Bos или к подсемейству бычьих Bovinae или к семейству полорогих Bovidae и т.д. Такие общие определения очень затрудняют подсчеты.

Точной дефиниции рода животного мешают особенности палеолитического искусства как, например, отсутствие масштаба, когда различие строится именно на размерах (пещерный или бурый медведь, волк или лисица и т.д.). В некоторых случаях чрезмерные различия в размерах не влияют на идентификацию (например, бизоны в Черном Салоне Нио). Существует и намеренное отстранение изображения от анатомической реальности. В ряде случаев представлены составные фигуры, в которых скомбинированы атрибуты различных родов, или фантастические фигуры, не имеющие эквивалентов в природе – их немалое количество заставляет думать, что они не были нарисованы случайно или неумело, но они не могут быть причислены к тому или иному роду и, по необходимости, должны быть выделены особо.

Что касается человеческих изображений, то даже хорошо известные реалистические образы женщин в большинстве своем менее определенны и точны, чем многие из фигур животных. Это, безусловно, не является следствием неспособности или неумения, а свидетельствует о задаче художника придерживаться определенных условностей для создания образа. Напомним такие детали, как ягодичный выступ или объемистые груди в фигурах женщин. Во многих случаях, как отметил А. Леруа-Гуран, «условность доминирует над изображением» (Leroi-Gouthan, 1965: 153) и это еще более мешает идентификации. В изображениях человека, прежде всего, требуется обнаружение первичных и вторичных половых признаков без установления дальнейшей детализации: возраста,

состояния и т.д., что относится уже к следующей ступени анализа.

В наскальном искусстве, наряду с художественными шедеврами, имеются действительно неумело выполненные произведения, иногда в виде неясных силуэтов. То же отмечено и в искусстве малых форм, где на гравированных каменных плакетках, например, прорисованы и совершенно пропорциональные, легко определимые фигуры, и изображения выполненные грубыми и неумелыми линиями. И те, и другие могут быть найдены в одном слое, что отвергает возможность различной хронологии. Это давно известное явление интерпретируется, например, как наличие «школ» или «мастерских» с их мэтрами и учениками (Лимёй – Capitan, Bouyssonie, 1924: 39) или как «более или менее выраженные и однообразные копии, многократно повторяющиеся и искажающие оригинал» (Breuil, 1905). В многочисленных случаях трудно решить, касаясь неопределимых фигур животных, отсутствие ли это мастерства у художника или намеренная попытка передать неопределенную форму.

Бесспорно влияние основы на выбор и форму изображения, на позу человека или животного, на наличие атрибутов. А. Леруа-Гуран приводит удивительный пример в этой области из Ложери-Бас: «Эта фигура иллюстрирует сложность в идентификации субъектов: если это фрагмент копьеметалки и поза была обусловлена формой предмета, то животное может принадлежать к семейству кошачьих и даже к молодым жвачным; но, если форма передает точную позу животного, то это может быть только медведь» (Leroi-Gourhan, 1965: 62, fig. 51). И далее идет уже субъективный выбор автора: если подпись под рисунком говорит о «хищнике, возможно, медведе», то в том же тексте (с. 63) Леруа-Гуран просто называет скульптуру медведем.

В наскальном искусстве художники использовали естественные формы шероховатой поверхности стен пещер, трещины, впадины и выступы, натеки кальцита и это приводит к тому, что современный исследователь может конструировать из природных явлений воображаемую фигуру, о которой и не помышлял древний художник. Следует учитывать и то, что произведения, уцелевшие до наших дней, подверглись многочисленным повреждениям, значительно их изменивших. Иногда изображение обновлялось и это тоже затрудняло понимание фигур.

В искусстве малых форм использованные материалы редко сохраняются целыми. Просверленные жезлы, копьеметалки, гравированные кости в большинстве нередко разбиты и разломаны так, что до нас дошли только частичные изображения, допускающие различные идентификации. Ж. Клотт отмечает, что на процесс идентификации влияют две главные, но не взаимоисключающие позиции, зависящие от того: рассматриваются ли внутренние или внешние характеристики изображений. Помимо этого, существуют инстинктивные тенденции, общие для всех исследователей, которые обуславливают этот процесс (Clottes, 1989a: 38). Внутренние характеристики человека и животных – это отличительные черты их форм и поз, из которых мы образуем ментальные образы. Последние могут быть отличны от тех дефиниций, которых придерживались палеолитические художники. На фигуру животного, хорошо совпадающую с тем образом, который сложился у современного исследователя, он немедленно реагирует и объявляет: «это бизон (лошадь, горный козел...)». Здесь многое зависит от опыта и квалификации специалиста. Таким образом, первоначальное определение образа почти инстинктивно и на этом уровне мнение авторитета может играть значительную роль. Например, мнение А. Брейля продолжает использоваться в поддержку многих идентификаций из-за его несравненного опыта в изучении искусства палеолита. Но, как замечает Ж. Клотт, оценка авторитета не гарантия того, что даже лучший специалист застрахован от ошибок. Процесс определения сюжета связан с созданием ментальных образов, но чем больше доказательств из области зоологии или первобытного искусства, тем больше открывается возможностей и тем больше шансов избежать неправильной идентификации.

Критерии внешние по отношению к самим изображениям строятся на основании не ментальных образов, а учитывая некоторые соображения. Например, различие между изображениями медведей пещерного и бурого не может быть сделано только по рисунку, следует установить существовал ли пещерный медведь в мадлене (Ucko, Rosenfeld, 1967: 94) – это уже палеонтологическая проблема. Для подкрепления дефиниции часто используется археологический контекст, изобразительный или топографический. В качестве первого примера можно привести схематические женские фигуры из Гённерсдорфа, которые познаются лишь при помощи сравнения с ранее известными; в качестве второго – две мужские фигуры из Портель, расположенные на одной стене недалеко друг от друга.

Особую опасность таит в себе то, что почти

все исследователи поддаются искушению произвольных интерпретаций, связанному с тенденцией отрицать неотчетливость изображений и извлекать из произведения больше сведений, чем оно может дать. М.Лорбланше отметил: «Находясь перед путаницей линий, нанесенных пальцем или гравированных, ум ищет инстинктивно формы и мотивы. Немедленно он отказывается от неразборчивости. Это может привести доисторика к тенденциозным интерпретациям» (Lorblanchet, 1984a: 44). Такая ситуация особенно касается естественных форм или линий, имеющих сомнительную подлинность. Иногда определения, однажды предложенные под вопросом, в дальнейшем легко усваиваются и приобретают статус четко установленных. (К сожалению, это происходит в археологии и вне области изучения палеолитического искусства). В качестве примера можно привести многочисленные красные «рисунки» из пещеры Мейриер Сюперьер (Тарн-и-Гаронна), которые, как доказала группа исследователей (Clottes, Garcia et al., 1981), являются естественными образованиями. Иногда даже опытные специалисты могут быть обмануты проецированием ментальных образов (пример – антропоморф в Нио, которого на самом деле нет). Очень рискованна и интерпретация поз и положений из-за постоянного отсутствия линии почвы.

Поэтому неудивительно, что идентификация одного и того же сюжета может быть неодинаковой у различных авторов. Это расхождение во мнениях переносится в списки – подсчеты изображений на памятнике и тогда возникают странные вариации. Показателен пример пещеры Марсулас. В первоначальный список (Megos et al., 1947) входят: 21 бизон, 11 лошадей, 1 бык/бизон, 2 горных козла, 2 лани, 1 благородный олень и 16 человеческих изображений. В более полной версии (Plenier, 1971) насчитывается 32 бизона, 32 лошади, 1 бык или бизон, 3 горных козла, 1 лань, 1 благородный олень, 17 человеческих существ, 1 серна, 1 фантастическое животное. К этому списку А. Пленье добавила 1 животное семейства кошачьих, 1 женщину, 1 серну, 1 птицу и 1 вульву – все сомнительной идентификации. Они не были включены в список Д. Виалю (Vialou, 1981: 506), хотя и основанный на работе А. Пленье. Виалю упоминает 30 бизонов, 26 лошадей, 2 горных козла, 12 гуманоидов, 5 неопределенных животных, 9 неопределенных мотивов и 26 неопределенных группировок линий. В этом случае строгость в идентификации привела к значительно уменьшенному списку видов и к высокой пропорции неопределимых фигур. Здесь отчетливо видна проблема применения данных для статистических подсчетов. Ж. Клотт справедливо заметил, что «предельная строгость предпочтительнее неточности, отсутствие информации значительно менее вредно для исследования, чем ошибочная информация» (Clottes, 1989a: 47, прим. 7).

Как уже говорилось, палеолитическое искусство разделено на три главные категории: изображения животных, людей и знаков. А. Ламинь-Эмпрер и А. Леруа-Гуран положили начало определению взаимосвязей внутри этих категорий и между категориями в настенном искусстве в связи с топографией пещер. Это требовало развития статистического метода, который может быть плодотворным лишь при условии четкой идентификации представленных изображений. Рассматривая применение этого метода к палеолитическому искусству, нетрудно заметить, что он сводится лишь к процентным отношениям того или иного вида или рода к общему числу изображений, точно так же как в материальной культуре подсчитывается процент, например, скребков по отношению к общему числу орудий и при этом не учитывается масса привходящих обстоятельств. Даже, если называть такой метод «статистическим», подсчеты не могут быть точными. Это зависит от фрагментарности изображений; неясности и субъективности в определении (см. приведенный выше пример с Марсулас); неясности, заложенной самим рисунком, в котором отсутствуют узнаваемые характерные черты. Поэтому в своем анализе мы будем опираться лишь на четко идентифицированные фигуры, специально оговаривая сомнительные случаи, которые не будут включаться в необходимые подсчеты.

ГЛАВА 2. ХРОНОЛОГИЯ И ПРИРОДНЫЙ ФОН ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ФИГУРАТИВНОГО ИСКУССТВА

Предшествующее современной эпохе – голоцену – хронологическое подразделение в геологической истории Земли – верхний плейстоцен имеет длительность 120 000 лет и включает межледниковье рисс-вюрм и вюрмское оледенение. Этот период соответствует последней части эпохи позитивного палеомагнетизма Брюнес с короткими эпизодами инверсии Блан (114 000-118 000 лет), Мунго (30 000 лет) и Лашамп (14 000-13 500 лет назад). В начале верхнего плейстоцена, соответствующего древнему рисс-вюрму развиваются мустьерские культуры, появляются первые свидетельства духовной жизни неандертальцев – погребения. К концу верхнего плейстоцена или позднего вюрма (40 000-11 800 назад) относится появление первых современных людей (Homo sapiens sapiens), создавших высоко развитые культуры верхнего палеолита с великолепным образцами древнейшего искусства. Граница между плейстоценом и голоценом проходит в конце большого ледникового периода непосредственно перед первым крупным климатическим потеплением. Она соответствует осцилляции аллерёд в хронологии Блитт-Сернандера в Северной Европе, отмеченной датой 11 800 лет назад или 9 800 лет до н. э.

Хроноклиматические рамки верхнего палеолита основаны на данных геологии и биостратиграфии (палинологическая, палеозоологическая, микропалеонтологическая биозональности), а также на различных физико-химических методах (стадии изотопов и количественные датировки). Необходимо иметь в виду, что такие рамки часто имеют только локальную значимость и их различия демонстрируют противоречия, делающие широко масштабные синтезы случайными, если не невозможными.

Человек, особенно первобытный, является неотъемлемой частью природы и его развитие тесно связано с окружающей средой. Основное значение для интерпретации палеоокружающей среды, с ее климатом, флорой и фауной, имеет стратиграфия памятника. Именно из стратиграфических разрезов, сохраняющих остатки человеческой деятельности в слоях, называемых культурными или археологическими, происходят все аналитические данные других наук, называемых смежными. Эти стратиграфические секвенции часто рассматривались как эквивалент «археолого-седиментационных комплексов» без специального рассмотрения их однородности, седиментационного окружения и различий в седиментационной динамике, которые руководили их аккумуляцией или отвечали за их сохранность. Однако, эта информация очень важна для оценки данных о палеоокружающей среде и о представительности археологических материалов, которые содержатся в отложениях. Именно по этой причине, например, климатические интерпретации (и корреляции, которые могут быть из них выведены), построенные на пыльцевых спектрах из отложений, нарушенных процессами солифлюкции или криотурбации, оказываются неадекватными.

В эпоху верхнего палеолита на территории Европы выделяются особые области, где развитие археологических культур имеет свою специфику. Это Западная Европа, куда входят современные территории Франции, главным образом, ее юго-запад, и прилегающая Кантабрийская зона Испании; Средиземноморье: восточные области Испании, южное побережье Франции, Италия; Центральная Европа: Германия, близкая к Западу, и Чехия, тяготеющая в культурном плане к Востоку; Восточная Европа, включающая европейскую часть России, Украину и Молдову. Внутри каждой из крупных областей могут быть выделены самостоятельные центры. Существует мнение, что значительные изменения в характере археологических культур совпадают со значительными изменениями в географической среде. Так, для Восточной Европы заметное влияние на развитие культур оказал период максимума последнего оледенения. Всегда ли имелась такая зависимость нам предстоит выяснить, хотя можно считать установленным, что в конце плейстоцена имела большое значение для смены культур аллерёдская осцилляция, во времена которой произошло вызревание мезолита.

Проблема хроноклиматологии может быть рассмотрена на примере палеолита Франции не только потому, что эта страна является родиной науки о палеолите, но, прежде всего, потому что она служила и служит образцом методических и методологических изысканий в области применения естественных наук к изучению культурного слоя памятников.

Ф. Джинджан обобщил результаты, касающиеся хроноклиматологии верхнего палеолита Франции до максимума последнего оледенения следующим образом (Djindjian, 1999: 314): вюрмский интерстадиал, локализованный вокруг 38 000 лет назад (хенгело-ле котте), установлен в отложениях пещер или скальных навесов в начале значительных хиатусов или изменений. В период 34 000-31 500 лет назад холодный и сухой климат характеризуется сильными криокластическими явлениями, которые легко прослеживаются в секвенциях скальных навесов. Следующая умеренная осцилляция (арси, денекамп), существовавшая в период 31 500-30 500 лет назад, ассоциируется с изменением пород, наличием умеренной фауны крупных млекопитающих и современных видов грызунов. После краткого холодного периода между 30 500 и 29 500 лет назад наступает другая умеренная и более влажная осцилляция мезьер от 29 500 до 28 500 лет назад, которая часто характеризуется хиатусами в секвенциях, происходящих от значительных эрозионных процессов, уничтоживших нижележащие культурные слои. В течение этого периода приходят к завершению ориньякские индустрии (Ла Ферраси, Ле Фактёр, Пато, Рок де Комб).

Граветтские индустрии (ранний граветт) появляются в начале следующего холодного и сухого периода между 28 500 и 26 000 лет назад Последняя слабая умеренная (?) осцилляция – тюрсак датируется между 26 000 и 24 000 лет назад Она выявлена седиментологическими и палинологическими анализами в отдельных навесах, но не палеозоологическими данными, что вызывает сомнение в ее реальном климатическом значении. С осцилляцией тюрсак обычно ассоциируется средний граветт с резцами ноай. Затем возвращается ледниковый климат, за которым следует максимум оледенения позднего вюрма, датируемый 20 000 лет назад С периодом между 24 000 и 21 000 лет назад ассоциирован поздний граветт.

Как противовес, необходимо привести мнение Ж.-Ф. Риго, что благодаря новым аналитическим методам, многие из прежних интерпретаций данных оказываются основанными на ошибочных постулатах (Rigaud, 1999: 326). Например, обилие обвалов в литостратиграфии пещерных памятников не может больше интерпретироваться как результат морозобойных процессов во время крайне холодной фазы, поскольку микроскопический анализ отложений и изучение седиментационной динамики ведет к различным интерпретациям этих данных. Более того, за немногими исключениями (Griggo, 1996), мы часто неспособны характеризовать и выразить в цифрах данные палеоокружающей среды в климатических терминах и точно определить имеют ли эти наблюдаемые флуктуации какое-либо значение на строго локальной шкале стоянки или они применимы на региональной или более общей шкале.

Ж.-Ф. Риго приводит несколько иные данные о периоде 40 000-25 000 лет назад, который соответствует ориньякскому и граветтскому заселению юго-западной Франции. Период, следующий за суровой холодной стадией изотопа кислорода OIS_4, названный «интерстадиалом вюрм II/III» или «вюрмским интерстадиалом» в течение долгого времени характеризовался развитием почвы во времена климатического оптимума, после которого наступала эрозионная фаза и фаза седиментации в конце «интерстадиала» (Laville, 1975a). «Интерстадиал ле котте» пыльцевой зональности мог соответствовать части этого интерстадиала между 36 000 и 34 500 лет назад.

Температурные флуктуации, выведенные из анализов изотопной кривой, установленной по кернам северо-восточной Атлантики и пыльцевые данные из Лез Эшет, показывают, что OIS_3 характеризуется заметной климатической нестабильностью, имеющей тенденцию к общему похолоданию. Эта нестабильность успокаивается к концу стадии понижением температуры, которое ускоряется и становится более выраженным, достигая высшей точки в течение OIS_2. Но, кажется, что имеется расхождение в мнениях между специалистами по морскому четвертичному периоду и теми, кто работает на континентальных отложениях, об изменении от OIS_3 к OIS_2. Для первых это изменение должно было произойти к 29 000 лет назад, в то время как вторые относят его к 23 000 лет назад На основании данных ледяного керна климатическая динамика этого периода характеризуется сериями осцилляций, которые становятся более холодными и менее влажными. Это трудно коррелировать с данными, отмеченными в континентальных отложениях.

В континентальной окружающей среде это ухудшение также характеризовалось первой фазой климатической нестабильности, в течение которой в общем холодном контексте незначительно более влажные периоды чередовались с умеренно сухими. Эти климатические флуктуации могут быть представлены осцилляциями арси, кессельт-мезьер и тюрсак, которые были установлены палинологией, но быстрый темп этих климатических флуктуаций, слабое разрешение и неопределенность хронологического восприятия делают часто труд-

ным установление точных корреляций между памятниками.

После осцилляции тюрсак вторая фаза этого ухудшения соответствует прогрессирующему началу более холодных и сухих условий. Процент древесных участков уменьшается, а теплолюбивая лесная флора приходит в упадок. Максимум последнего оледенения указан на юго-западе Франции наличием вечной мерзлоты, непрерывной в северной Аквитании и прерывистой в южной, демонстрируя особенно суровые условия со средней годовой температурой, возможно, ниже –6 С° в северо-восточной Аквитании.

Учитывая все данные Ж.-Ф. Риго дает предварительно следующую климатическую последовательность: 1. 39 000 - 34 000 лет назад – «вюрмский интерстадиал», в котором интерстадиал ле котте должен представлять флювиальную фазу, характеризующуюся умеренным влажным климатом с 45 % лесных участков с разнообразной фауной, где северный олень, кабан и благородный олень существовали бок о бок, но где также отмечены лошадь, бизон, мамонт, шерстистый носорог, мегацерос; 2. 34 000 - 31 000 лет назад – возвращение холода, сопровождаемое понижением процента лесных участков и преобладанием в фауне северного оленя, лошади и бизона, приводит к суровым и сухим условиям; 3. 31 000 - 30 000 лет назад – умеренное и не очень влажное климатическое улучшение, соответствующее осцилляции арси пыльцевой зональности, в течение которой процент лесных участков заметно возрастает вновь. В фауне присутствует бык, косуля, благородный олень и северный олень; 4. 30 000 - 29 000 лет назад – возвращение сухого холода, приведшего к понижению процента лесных участков. В фауне встречаются северный олень, бизон и лошадь; 5. 29 000 - 27 000 лет назад – установление периода климатической стабильности с общей холодной и влажной тенденцией, с немного более высоким процентом лесных участков и преобладанием в фауне северного оленя, благородного оленя и косули. Именно в этот период должна быть помещена осцилляция кессельт-мезьер, хотя по данным юго-западной Франции невозможно найти ее точное место в этом климатическом контексте; 6. 27 000 - 24 000 лет назад – период умеренного климатического улучшения, отмеченного, прежде всего, более высокой влажностью, более высоким процентом древесных участков (40 %). Фауна характеризуется северным оленем, лошадью, благородным оленем. Этот период соответствует осцилляции тюрсак пыльцевой зональности; 7. 24 000 - 20 000 лет назад – начало более стабильных и суровых условий, определенно более холодных с несколькими более влажными пульсациями. Процент древесных участков обычно более низкий, в фауне преобладает северный олень; 8. 20 000 - 19 000 лет назад – период с немного менее заметным холодом и возрастанием влажности, послужившими причиной увеличения процента лесных участков и возвращения благородного оленя. Этот период может быть осцилляцией ложери в палинологической зональности; 9. 19 000 - 18 000 лет назад – период крайнего холода, соответствующего последнему ледниковому максимуму с очень низким процентом лесных участков и фауной с северным оленем (более мелкого размера), бизоном, лошадью, мамонтом, антилопой-сайга и песцом. Заключительный этап верхнего палеолита, связанный с развитием мадленской культуры, будет представлен ниже на примере ряда памятников.

Рассмотрим вклад различных дисциплин в хронологию и характеристику природной среды верхнего палеолита.

СЕДИМЕНТОЛОГИЯ

На территории Франции наибольшее значение для нашей темы имеет юго-запад, где выходящие на поверхность преимущественно карбонатные образования вторичного и третичного периодов объясняют исключительную плотность форм карстовой эрозии: глубоких пещер и гротов. Расширенные потоками воды в различные моменты четвертичного периода подземные галереи подверглись внешним климатическим влияниям особенно в местах выхода на поверхность. Другие полости, начатые речной эрозией, постепенно превращались в навесы под скалами, подвергаясь перигляциальному воздействию. Природа и структура относительно однородного, чаще всего песчанистого или глинистого заполнения глубоких галерей отражает обычно спокойную, исключительно аллювиальную седиментацию при условии стабильности температуры. Только наличие размывания, затвердевания или сталагмитовых корок («полов») указывает на большие климатические события. Значительно более разнообразны отложения, аккумулированные во входах в гроты и навесы под скалами. Они отражают многочисленные климатические вариации, следующие друг за другом в перигляциальной окружающей среде верхнего плейстоцена. Формации криокластических обвалов различных размеров и форм чередуются с песчанистыми и глинистыми отложениями иногда большой мощности. Эти различия в строении,

структуре и диспозиции свидетельствуют о двух фундаментальных этапах, неоднократно повторяющихся в течение заполнения: – фаза эрозии и седиментации, в которую вторгается морозное растрескивание известняковых скал, размывание, солифлюкция, воздействие человека, и – фаза вторичного повреждения отложений по мере образования или позже по причине морозного выветривания, криотурбации, вышелачивания и растворения отложений. Сходные процессы происходят и в других не известняковых породах, в частности, песчаниках (Laville, 1976).

Анри Лавилль касается отложений, в которых стратиграфические наблюдения служат базой для седиментологических, палеоботанических, палеозоологических и археологических исследований. Он напоминает, что в юго-западной Франции интерстадиал вюрм II – III совпадает с переходом от среднего к верхнему палеолиту, вюрм III и вюрм IV соответствуют развитию верхнепалеолитических культур: ориньяка, перигора (граветта), солютре и мадлена, к которым он причисляет и азиль. Наша тема начинается с вюрма III, отложения которого свидетельствуют об особенно активной и крайне разнообразной седиментации: глинистые отложения чередуются с формациями криокластических обвалов, иногда представленных рядами упавших блоков. Различия в строении, структуре и диспозиции, которые характеризуют эти отложения, являются результатом многочисленных климатических вариаций во время заселения гротов и навесов перигорцами и ориньякцами, а в конце стадии носителями солютрейской культуры.

В виду обилия и разнообразия материалов А. Лавилль вынужден анализировать данные по отдельным регионам юго-запада Франции: Перигор, Шаранта, Ло-и-Гаронна, Нижние Пиренеи. Остановимся лишь на тех, которые имеют непосредственное отношение к затронутой теме и могут служить эталонами.

В Перигоре на основании стратиграфических и седиментологических характеристик 14 гротов и навесов А. Лавиллем было выделено 14 климатических фаз, которые следовали одна за другой между последними проявлениями интерстадиала вюрм II–вюрм III и началом «интерстадиала» вюрм III–вюрм IV (Laville, 1973). Заполнение Большого навеса **Ла Ферраси** зафиксировано работами А. Дельпорта в разрезе 22 м шириной и 7 м толщиной (высотой). На мустьерских слоях, которые датируются вюрмом II, лежит мощный комплекс отложений, включающих значительную часть секвенции древнего перигора, ориньяка и верхнего перигора. Седиментационный контекст здесь крайне разнообразен, отмечаются различия в строении, которые существуют между отложениями древнего перигора, представленного преимущественно щебнем и криотурбированными глинами; ориньяка I с криокластическими материалами и ориньяка II снова с более тонким строением. Несколько слоев, обозначенных как H, содержащие ориньяк III, состоят из обвалившихся блоков и непосредственно перекрываются красными глинистыми песками слоев D и F с инвентарем ориньяка IV. Нагромождение блоков перед навесом образует слои E и D с инвентарем перигора типа фон-робер. Выше лежит формация мелкого промытого щебня (слои C4 – B1), содержащая горизонты верхнего перигора с тронкированными изделиями и резцами типа ноай (Delporte, 1969). В целом, отложения Большого навеса Ла Ферраси относятся к семи первым климатическим фазам вюрма III.

Отложения навеса **Фактёр** в Тюрсак также охватывают значительную часть вюрма III и ориньякско-перигорской секвенции (Delporte, 1968a). Заполнение начинается материалами криокластической эрозии, имевшей место в суровых условиях второй климатической фазы вюрма III. Вариации строения, которые существуют в вышележащих отложениях характеризуют фазы 2-7 вюрма III.

Часть заполнения главной галереи **Фон-де-Гом** образовалась в самом начале вюрма III. Раскопки позволили идентифицировать два слоя древнего перигора и слой ориньяка I (Prat, Sonneville-Bordes, 1969). Седиментационный контекст исключительно аллювиального происхождения был отложен в течение двух первых климатических фаз вюрма III.

Абри Пато охватывает наиболее полную по содержанию археологическую секвенцию вюрма III, содержащую ориньяк древний, ориньяк средний, ориньяк развитый, перигор средний с остриями граветт, перигор верхний, протомадлен и протосолютре (Movius, 1975). Из исследования отложений, проведенного В.Р. Фаррандом, вытекает, что они образованы во время десяти первых климатических фаз вюрма III (Laville, 1976: 260).

Навесы **Ложери-От** Восточный и Западный содержат значительное заполнение, охватывающее последнюю часть вюрма III, «интерстадиал» вюрм III – вюрм IV и начало вюрма IV. Отложения вюрма III дали культурные остатки перигора VI, протомадлена, ориньяка V, протосолютре, нижнего солютре и среднего солютре, заключенные в

секвенцию на разрезе мощностью около 3 м. Первые горизонты перигора VI образованы мелким окатанным щебнем, заключенным в глинистый песок. Нет сомнений, что они одновременны концу фазы вюрм III. Верхние части этих горизонтов, как и вышележащие протомадленские отложения содержат огромные блоки, характерные для суровых условий фазы IV. Остальная секвенция образована наслоениями текстуры альтернативно или грубой, или более тонкой, она соответствует последовательности фаз IX-XIV в перигоре.

Были прослежены и климатические изменения, связанные с культурными слоями обоих навесов Ложери-От: - климат холодный и очень сухой на уровне слоев, включающих перигор VI, протомадлен, ориньяк V и протосолютре (слои 42-33 и основание слоя 32 Ложери-От Восточного и слои 23-13 Ложери-От Западного; - климатическое улучшение в начале нижнего солютре, затем более суровые условия к концу (верх слоя 32 и слой 31 Ложери-От Восточного и слой 12 Ложери-От Западного); - новый возврат холода, сопровождаемого большой влажностью в начале среднего солютре, за которым в конце следовала другая климатическая деградация (слои 30 и 29 Ложери-От Восточного и 11-8 Ложери-От Западного). Эти палеоклиматические интерпретации были во всех пунктах подтверждены палинологическими данными, полученными М.-М. Пакеро (Paquerau, 1969).

Проявления «интерстадиала» вюрм III–вюрм IV встречены только в очень редких памятниках, но А. Лавиллю удалось уточнить некоторые характерные черты. В Ложери-От Восточном, слои 28-23 и Ложери-От Западном, слои 7-3, с остатками верхнего солютре, очень бедны обломками камня и гравием, но обогащены частицами меньше 2 мм в диаметре. Такое сильное изменение известняка указывает на значительные процессы разложения. Седиментологические характеристики одновременных отложений этого климатического периода позволяют установить климат очень влажный с довольно слабым потеплением. Это привело А. Лавилля к выводу, что на юго-западе Франции нет никакого общего мерила ни с двумя предшествующими вюрмскими интерстадиалами, ни с определенными периодами климатического ухудшения стадий I, II, III вюрмского оледенения (Laville, 1976: 262). В другом месте он отмечает климатический оптимум во время отложения слоев, включающих солютре верхний и финальный (слои 28-22 Ложери-От Восточного и слои 7-2 Ложери-От Западного) (Laville, 1973: 329).

В гротах и навесах юго-запада Франции отложения вюрма IV отмечены стадиями 0, I, II, III, IV, V и VI мадленской культуры и азилем. Эти отложения иногда значительной мощности представляют многочисленные стратиграфические подразделения, в которых отражены климатические вариации, следующие одна за другой в течение соответствующего периода. Здесь необходимо иметь в виду, что, если достаточная изученность климатической эволюции периода развития от мадлена 0 до мадлена V дает возможность установления корреляции между сопоставимыми отложениями в региональном масштабе, то интерпретация событий, одновременных мадлену VI и азилю, ставит много проблем. В первой части вюрма IV климатические осцилляции проявляются в объеме, сравнимом с объемом осцилляций предшествующих вюрмской стадии, затем они следуют друг за другом в значительно более быстром темпе в более влажном контексте, поэтому всякая попытка синтеза окажется предварительной.

В Перигоре можно отнести к самому началу вюрма IV последние слои финального солютре и первые проявления мадлена (мадлен 0) Ложери-От, которые по сравнению с нижележащими седиментами обогащены угловатыми обломками морозного растрескивания. Этот холодный эпизод (слои 21-18 Ложери-От Восточного и 0-1 Западного) относится к климатической фазе перигор I вюрма IV. Далее седиментационный контекст с мадленом I (слои 17-9 Ложери-От Восточного) оказывается отчетливо обедненным обломками известняка, которые очень изменены и залегают в тонкой матрице. Это характерно для климата мягкого и влажного (фаза перигор II вюрма IV). Растрескавшийся от мороза щебень в слоях 8-4 Ложери-От Восточного свидетельствует о климатическом ухудшении, синхронном мадлену II и об установлении отчетливо суровых условий во время мадлена III (слои 3 и 2 Ложери-От). Речь идет о проявлении холодного и сухого климата фазы перигор IV вюрма IV , к которой также относятся отложения **Ложери-Бас** и первые формации осыпи обломков пород, лежащей на скальном дне большого навеса Ла Мадлен (седименты, с которыми связаны культурные остатки мадлена IV из Ложери-Бас и **Ла Мадлен**, характерные для условий умеренных и влажных (фаза перигор IV вюрма IV). В Ложери-Бас продукты морозного растрескивания представлены слабо, поверхность их выветрелая. В Ла Мадлен соответствующие отложения представлены исключительно аллювием. В Ложери-Бас стерильные отложения, непосредственно перекрывающие слой мадлена IV, так же как и слой мадлена V, состоят

из угловатых криокластических обломков. В Ла Мадлен слой блоков, подвергнутых морозобойному растрескиванию, включает такой же инвентарь. В обоих случаях, речь идет о результате холодных условий (фаза перигор V вюрма IV).

В Перигоре несколько гротов и навесов содержат остатки мадлена VI, соответствующие развитой стадии вюрма IV: Ла Мадлен (верхние слои), Кап Блан и др., а также слои с мадленским и азильским инвентарем в Пон д'Амбон. Эти отложения, иногда достигающие значительной мощности, образованы слоями как с грубой, так и тонкой текстурой. В них устанавливаются следы многочисленных климатических флуктуаций. Корреляции между этими различными седиментами могут быть представлены лишь гипотетически (Laville, 1976: 265).

В департаменте Ланды исключительный интерес представляет навес **Дюрюти** с его крайне важной археологической секвенцией, где Р. Арамбуру обнаружил слои мадлена III, IV и VI (Arambourou, 1976а, б). Отложения с культурными остатками мадлена III (слой 5) образованы обломками песчаника и известняка, иногда очень крупными, заключенными в светло-желтую матрицу – продукт разложения этих пород. Слой кажется результатом климатических пульсаций: за очень холодным эпизодом следовало смягчение климата, которое вызвало начало почвообразования и явления иллювизации в верхней части отложений. Затем фаза эрозии разрушила часть иллювиального горизонта. Слой 4, содержащий мадлен IV, соответствует, согласно К. Тибо, по меньшей мере, трем влажным фазам, разделенным более холодными эпизодами. Он отделен от слоев мадлена VI формацией крупных обломков, приспособленных позже новыми насельниками навеса для образования ступеней, чтобы компенсировать естественные неровности пола. Этот слой соответствует климатическому эпизоду особенно суровому. В слое 3 представлен мадлен VI. Многочисленные гальки, намеренно принесенные мадленцами для создания вымостки, вместе с обломками пород создали слой толщиной до 60 см, соответствующий в реальности нескольким климатическим флуктуациям: в начале холодный эпизод, затем влажная фаза, второй холодный, но на этот раз и влажный эпизод и, наконец, последняя фаза, влажная и умеренная, за которой должен был последовать еще более мягкий эпизод, повлекший почвообразование и выщелачивание.

В департаменте Шаранта отложения, соответствующие вюрму IV, изучены наиболее полно в навесах **Монгодье** и **Шер-а-Кальвен**. В первом, слои 2bis-1 соответствуют, согласно А. Дебенату, слабо развитой стадии вюрма IV и во всяком случае предшествуют заполнению в Шер-а-Кальвен. Как считает Дебенат (Laville, 1976: 265) секвенция была отложена во время двух холодных климатических осцилляций, разделенных менее холодным и более влажным эпизодом. Заполнение Шер-а-Кальвен состоит из 9 седиментационных формаций, в которых Ж.-М. Бувье выделил 8 археологических слоев, отнесенных им к верхнему мадлену. Изучение седиментов показало, что они были отложены в течение семи климатических фаз: слой H показывает климат холодный, затем влажный в конце отложения, слои G и F – климат более мягкий и влажный, слой E – климат холодный, слой D – климат мягкий и влажный, слой C – климат холодный и сухой, слой B – климат более мягкий, а конце отложения – более сухой (Bouvier, Debénath, 1969).

В департаменте Жиронда заполнение вюрма IV отмечено М. Ленуаром в ряде гротов и навесов (Lenoir, 1970). В **Абри Морен** наиболее глубокий слой B с мадленом V является формацией, богатой заглаженными и выветрелыми обломками породы. Он был отложен при довольно холодном климате с возрастающей влажностью, которая достигла своего максимума после отложения этой формации и перед отложением слоя A. Слой A (мадлен VI) содержит мало продуктов морозобойного растрескивания. В нем отмечается ослабление действия холода так же как стабильность сильной влажности, что проявляется в содержании щебня и обломков с измененной поверхностью. Обломки становятся более крупными в верхней части слоя, где, наряду с ними, встречаются и блоки большого диаметра. Слой A1 более богат немного эродированными, часто трещиноватыми элементами известняка. Изменение поверхности блоков, которое отмечается в верхней части отложения, указывает на возрастающую влажность, существующую во время отложения верхнего слоя, элементы которого принесены по большей части с соседнего плато.

Отложения навеса **Пиль-Бурс** в Сен-Жермен-ла-Ривьер содержат верхний мадлен в основании слоя обломков среднего диаметра, ассоциированных с глинистой матрицей. Именно в этом заключаются признаки холодного и влажного климата. Эта формация перекрывается слоем обломков более крупных в нижней части слоя, чем в верхней, свидетельствующем о климате первоначально холодном и становящемся более влажным (слой 3). Слой 2 снова представляет более крупную текстуру, с многочисленными плитками известняка. То же самое происходит в нижней части слоя 1, в то

время как средняя часть того же слоя обеднена коллоидами и содержит только редкие обломки, что свидетельствует об уменьшении холода и возрастающей влажности. Вышележащий слой, бедный продуктами морозного выветривания с большим содержанием кальцитовых стяжений, указывает на условия более мягкие, становящиеся все более и более влажными, повлекшими также принос песчанистых отложений потоками воды.

Из других территорий Франции можно упомянуть схему, разработанную Ж.-К. Мисковски для Прованса (Miskovsky, 1976). Вюрм III начинается с очень влажного климата, благоприятствующего отложению глинистых песков. Затем климат становится более аридным и отложения включают значительные криокластические обвалы. Установлены два очень холодные периода: вюрм IIIa и вюрм IIIb, разделенных короткой более умеренной климатической осцилляцией, в течение которой морозобойные явления отчетливо ослабели. Интерстадиал вюрм III–вюрм IV соответствует новому умеренному периоду, который благоприятствовал образованию тонких сталагмитовых «полов» на поверхности заполнения гротов. Фактически, этот переходный период очень редко представлен в отложениях стоянок. В вюрме IV седименты состоят из чередования криокластического щебня и эоловых песков. Начало этого периода характеризуют крупные обвалы с небольшим количеством глины или тонкого ила. Самый конец вюрма IV или начало пост-ледниковья обнаруживает очень суровый и очень влажный климат, который спровоцировал интенсивную эрозию заполнения гротов, уносящих наиболее часто отложения более древние, особенно отложения вюрма IV (15 000-10 000 лет назад). Наиболее характерны заполнения гротов **Бом-Бон** и **Бувери**.

В Лангедоке, юго-восточные окраины известняков Центрального Массива сохранили много гротов и навесов под скалами, обитаемых с начала верхнего палеолита. Исследования отложений позднего вюрма дали первые результаты палеоклиматической эволюции (Brochier, 1976). В гротах **Улен** и **Сальпетриер** сохранилась почти полная стратиграфическая серия от вюрма III до конца вюрма IV. Гроты **Крузад** и **Фигье** также содержали отложения этой эпохи, но старые раскопки дают мало сведений. Точные данные получены в гротах **Канекод, Газель, Шабо**. Отмечается раздробленный характер этих секвенций и наличие лакун, которые не всегда обязаны размыванию: в особых условиях седиментация останавливается. Недостаточная корреляция между всеми местонахождениями не позволяет дать детальные и уверенные хроностратиграфические рамки для вюрма III и начала вюрма IV.

Вюрм III отчетливо подразделяется на два холодных эпизода, разделенные улучшением климата, которое немного предшествует первым слоям верхне-перигорской культуры. Первый эпизод оказывается более влажным, он отмечен сильно криокластическими отложениями. Илы и глины, принесенные водой, и щебень с измененной поверхностью являются свидетелями менее суровых условий. Холод постепенно становится более сухим. В Сальпетриере сильная эолизация отмечает конец этого периода.

Климатические условия интерстадиала вюрм III–вюрм IV мало известны, засвидетельствованы только размыванием слоев среднего солютре в Сальпетриере и значительной лакуной в Канекоде. В гроте Улен слои среднего и верхнего солютре были включены в карстовые илы и глины с редким щебнем. Начало вюрма IV отмечено очень суровыми условиями, которые продолжались до 13 000 лет назад. К концу этого периода в Сальпетриере и в Улен имело место падение сводов. Климат в целом немного влажный. Сухие условия более выражены в гроте Сальпетриер, где более ощутима роль ветра. В гротах Ардеша и Гарда к этому периоду относятся слои эпиграветта и сальпетриера, гротах Од – древнего и среднего мадлена. Не прослеживается никакого отчетливого климатического улучшения (осцилляция бёллинг), отделяющего эту холодную фазу от сурового периода, который за ним следует. Криокластический слой грота Эббу, датированный 12 980±220 лет назад, содержит несколько редких сталагмитизированных конкреций, упавших со стены. Следы этой осцилляции, отмеченной М. Эскалон-де-Фонтоном в Сальпетриер, очень слабые, по сути дела, единственные следы этой осцилляции в Лангедоке. Конец вюрма IV (дриаса II) и позднеледниковье с очень суровым климатом отмечают образование значительных криокластических слоев, одновременных верхнему мадлену в гротах **Коломбье**, Улен, Сальпетриер. К концу этого периода очень заметна влажность. Улучшение климата, которое произошло на уровне 12 000 лет, было слишком коротким (5-8 веков). Азиль, как и в других местонахождениях юга Франции появился, тем не менее, когда климат был еще холодным.

Нет обобщающей работы по Пиренеям. В Пиренеях подавляющее большинство памятников исследовано в конце XIX в. и их стратиграфия установлена точным образом только в редких случа-

ях. Систематическому исследованию отложения пиренейских гротов почти не подвергались. Вместе с тем, Пиренейская цепь, которая простирается между Атлантическим океаном и Средиземным морем, отделяя Иберийский полуостров от Европейского континента, бесспорно, представляет географическое структурное единство и большое разнообразие ландшафтов позволяет существование почти всех экологических типов, представленных в Европе. В то же время цепь подразделяется на отдельные районы со своими экологическими особенностями: на северном склоне Пиренеи Средиземноморские, Центральные Пиренеи (Арьеж), западные или Атлантические Пиренеи; на южном склоне Каталония, Арагон, Наварра и Страна Басков, которые принадлежат уже Испании.

В отличие от сложной тектоники Альп Пиренейская цепь в целом достаточно проста, но структурное единство всегда сопровождалось большим разнообразием скальных пород и почв, климата и растительности. Оледенения и климатические вариации пост-ледниковья привели к большим пертурбациям. В настоящее время геологи и географы оспаривают количество фаз, в частности, опротестовывают хронологию Пенка. Особенно интересна в этом отношении долина Арьежа, где наличие древних массивов перед главной цепью создало коридор с юго-востока на северо-запад, который почти не имеет эквивалента в остальной цепи: различие между склоном, находящимся в тени, и склоном, освещенным солнцем, здесь особенно показательно. Долина прорезает массив известняков с отвесными формами. Во время оледенений ледник протекал по дну долины и люди могли находить убежище в многочисленных, часто обширных гротах (Gaussen H., 1974). Хронологии и окружающей среде верхнего палеолита Пиренеев будет уделено особое внимание в разделе, посвященном культурно-хронологическим подразделениям.

ПАЛИНОЛОГИЯ

Седиментация в гротах и навесах под скалами, подверженная эрозии и различного рода опустошениям, часто дает лишь прерывистые палинологические секвенции, т.е. фрагментарную документацию развития растительности и климата прошлых эпох. Кроме того, изучение поступания пыльцы и ее тафономии (изменение и перемещение после отложения) в археологических культурных слоях показывает, что пыльцевые спектры, происходящие из этих седиментов, должны быть подвергнуты критическому анализу перед их палеоэкологической интерпретацией и их хронологической атрибуцией.

М.Ф. Санчез Гони настаивает на том, что спектр может рассматриваться как приемлемый для экологических реконструкций, лишь когда он соответствует определенным статистическим критериям (минимум 100 зерен и 20 пыльцевых таксонов, минимум 1000 зерен в поврежденном комплексе) и имеет экологическую связность. С одной стороны, пропорция и типы таксонов, представленных в спектре, должны сосуществовать в определенной растительной формации (внутренняя связность), с другой стороны, спектр должен быть связным по отношению к аналогичным современным спектрам и/или к ископаемым спектрам, происходящим из пыльцевых секвенций озер и торфяников (внешняя связность). Доверие к этим секвенциям должно быть гарантировано хорошей сохранностью пыльцы, пыльцевым богатством и типом седиментации (Sanchez Goni, 1994: 380).

Для облегчения интерпретации палинологических диаграмм принято разделение их на зоны, но Мария Фернанда Санчез Гони считает, что реконструкция растительности, согласно пыльцевой зональности, должна принимать во внимание данные по концентрации пыльцы и изучение современного пыльцевого «дождя». Принято, что оценка AP (древесной растительности) выше 75 % указывает на густой лес в окрестностях памятника. Если эта оценка ниже 20 %, она свидетельствует об обширных открытых пространствах. При наличии промежуточных оценок трудно уточнить идет ли речь о парках, рощицах или полянах. Реконструкция требует также рассмотрения физической среды, в которой развилась растительность (высота, орография, природа почв). Современная экология растительных формаций, идентифицированных по пыльцевым зонам, позволяет относить их к климатическим эпизодам: межледниковым (лес с опадающей листвой), межстадиальным (бореальный лес, хвойные и береза) или стадиальным (ледники, степь или тундра).

Хронологическая позиция пыльцевых зон, происходящих из археологических культурных слоев, может основываться, по убеждению Санчез-Гони, только на сравнении с непрерывными пыльцевыми секвенциями влажной среды. Это сравнение представляется единственным пригодным путем для включения таких зон в главные климатические события плейстоцена. Пыльцевой спектр не может быть отнесен к хроноклиматической фазе на основании результатов других дисциплин (фауны, радиоуглеродного анализа, материальной культуры

и т.д.). Ряд авторов (Coûteaux, 1977; Straus, 1985; Moure Romanillo, 1990) констатировали, что стратиграфическая атрибуция пыльцевых спектров, основанная на результатах других дисциплин, приводит к парадоксальной ситуации: образцы могут быть отнесены к климатической фазе предварительно и даже независимо от их анализа.

Данные о растительности второй половины верхнего палеолита во Франции также следует представить по отдельным регионам и, прежде всего, наиболее изученного юго-запада. Мари-Мадлен Пакеро (Paquereau, 1976) отмечает, что вюрм III составляет период долгий и сложный с климатической точки зрения. Непрерывной палинологической секвенции, охватывающей этот период полностью, пока не открыто и все палинологические исследования касаются только Дордони и, по сути дела, тех памятников, которые представлены в разделе седиментологии. Напомним, что в течение вюрма III выделяется последовательность из 14 флористических фаз.

В **Ла Ферраси** и **Ле Фактёр** (Тюрсак) три благоприятных эпизода (II, IV и VI) разделены фазами возвращения холода и сухости. Первая благоприятная осцилляция отмечена в Ле Фактёр увеличением количества древесной пыльцы (сосна обыкновенная, ольха, орешник, слабое наличие дуба, вяза и бука). Многочисленные злаковые и водные растения отчетливо указывают на влажность. Арлетт Леруа-Гуран отнесла этот эпизод к осцилляции арси, датированной в **Арси-сюр-Кюр** 28 240 лет назад (Leroi-Gourhan Arl. et A., 1964). В Ла Ферраси этот влажный эпизод лучше отмечен термически (30 % древесной пыльцы, наличие липы, клена, плюща, папоротников во влажных местах, отсутствующих в Тюрсак). Вторая фаза климатического потепления представлена лучше, чем предшествующая. Об этом свидетельствуют многочисленные и разнообразные лиственные (орешники, ольха, дуб, вяз, липа, бук, ясень, клен). Интересно наличие морской сосны, орехового дерева и умеренных кустарников: крушины, бересклета, самшита. Травянистая флора более разнообразна и включает многочисленные розоцветные, бобовые, папоротники подлеска. Этот эпизод считается параллельным осцилляции кессельт-штильфрид B, установленной в многочисленных европейских диаграммах. Третий эпизод потепления занимает место в верхней части секвенции Ле Фактёр и Ла Ферраси. В первой эта фаза слабо отмечена термически. Радиоуглеродный возраст 21 232 лет до н. э. получен для начала осцилляции, названной тюрсак. В Ла Ферраси сходная фаза включает два мягких и влажных эпизода, разделенных похолоданием. В целом, условия кажутся более умеренными, чем в Ле Фактёр. М.-М. Пакеро убеждена, что речь идет о различных микроклиматах (Paquéreau, 1976: 528). Эпизоды, разделяющие мягкие осцилляции, представляют условия очень холодные и сухие (фазы I, III, V). Они характеризуются слабым процентным отношением древесной пыльцы, преобладанием сложноцветных и цикориевых, наличием степных элементов (солнцецвет, подмаренник, армерия и более редко эфедра). Третий эпизод является, может быть, немного менее степным.

Продолжение климатической эволюции вюрма III представлено в **Ложери-От Западном**, где в основании отмечена фаза VI. В этом комплексе суровые условия, установившиеся после осцилляции тюрсак, прерываются четырьмя благоприятными эпизодами (фазы VIII, X, XII и XIV). Процентное отношение древесных пород высокое и лиственные породы (дуб, клен, ясень, спорадически морская сосна, орешник и самшит в фазе XII) многочисленны, так же как кустарники и папоротники. Последняя фаза улучшения, заканчивающая вюрм III – наиболее умеренная. Пыльца древесных достигает 41 % и список лиственных более обилен. Тем не менее, отмечается, что повышение температуры не должно было быть сильным. Травянистая флора передает значительную влажность (злаковые, осоковые, влаголюбивые, папоротники сырых почв). Как мы видели, стратиграфические и седиментологические исследования стоянки Ложери-От показывают возможное появление этой фазы в интерстадиале вюрм III–вюрм IV. Но в целом, в Перигоре этот интерстадиал отмечен слабым потеплением и особенно сильной влажностью. Эпизоды климатического ухудшения (фазы VII, IX, XI, XIII) оказываются очень суровыми и сухими. В Ложери-От Западном преобладают цикориевые, а полынь развивается только в течение последнего холодного эпизода.

Палинологические диаграммы вюрма IV, изученные в Дордони, позволяют выделить 9 климатических фаз. Эти осцилляции умножаются к концу периода во время прогрессивного улучшения климата позднеледниковья. Единственная диаграмма Ложери-От Восточного представляет непрерывную секвенцию, охватывающую весь вюрм IV. Фаза I – очень холодная и сухая с малым облесением и обильной травянистой солнцелюбивой и степной флорой. Мягкие и влажные условия установились в фазе II. Возрастает число лиственницы, в особенности орешника и ольхи, представлены также немногочисленные дуб, вяз, тополь, клен,

Таблица 1.

Фазы растительности в течение вюрма III, вюрма IV и начала пост-ледниковья на юго западе Франции (Paquéreau, 1976: fig. 3).

Фаза			Растительность	Главные стоянки
Постледниковье			Лесная стадия. Облесение все более и более плотное	
Вюрм IV	Дриас верхний	VII	Пейзаж очень светлого парка	
	Аллерёд	VI	Лес умеренно светлый	
	Дриас средний	V	Лужайки, прерии. Сосна, некоторые лиственные	
	Бёллинг	IV	Пейзаж парка довольно плотного	
	Дриас нижний	III	Лужайки сухие. Сосна, некоторые лиственные	
		II	Парковый пейзаж	
		I	Степи. Сосна, некоторые лиственные	
Интерстадиал Вюрм III-IV		XIV	Пейзаж плотного парка	
Вюрм III		XIII	Степи. Сосна, некоторые лиственные	
		XII	Пейзаж парка довольно плотного	
		XI	Степи. Сосна, некоторые лиственные	
		X	Парковый пейзаж	
		IX	Степи. Сосна, редкие лиственные	
		VIII	Пейзаж светлого парка	
		VII	Степи. Сосна, редкие лиственные	
	Осцилляция тюрсак	VI	Пейзаж парка довольно плотного	
		V	Степи. Сосна, редкие лиственные	
	Осцилляция кессельт	IV	Пейзаж парка довольно плотного	
		III	Степи. Сосна, редкие лиственные	
	Осцилляция арси	II	Парковый пейзаж	
		I	Степи. Сосна, редкие лиственные	

Ложери-От Восточный; Дюрюти; Мура; Ляско; Ложери-От Западный; Мальпас; Тюрсак; Ла-Ферраси

ясень, бук, морская сосна, ореховое дерево. Встречаются некоторые кустарники (плющ, крушина) и многочисленные споры хвоща и Scolopendrium. Из травянистых особенно представлены злаковые и влаголюбивые. Правдоподобно, что эта фаза одновременна осцилляции ляско.

Продолжение вюрма IV обнаруживает последовательность классических фаз европейского позднеледниковья. Фаза III (нижний дриас) отчетливо показывает климатическое ухудшение с флорой, близкой к флоре фазы I. Фазы IV, V и VI представляют первое улучшение (пре-бёллинг), возвращение холода и фазу, отмеченную бóльшим потеплением – осцилляцию бёллинг. Пре-бёллинг оказывается мягким и очень влажным с развитием сосны, березы и ивы. Осцилляция бёллинг лучше отмечена древесной пыльцой (30 % в общем). Лиственные более многочисленны, дуб представляет на диаграмме тонкую, но непрерывную кривую, встречаются также вяз, тополь, крушина и иногда бересклет и самшит.

Фаза VII, охарактеризованная отчетливым возвращением холода, соответствует среднему дриасу, условия которого менее суровы, чем в нижнем

дриасе. Некоторые лиственные, особенно береза и ива появляются наряду с сосной. Травянистые кажутся довольно типичными: полынь уменьшается в числе, степные элементы исчезают или становятся в течение этой фазы очень редкими. Фаза VIII представляет умеренную и влажную осцилляцию аллерёд. Иногда эта фаза оказывается сложной. Согласно резкому возрастанию пыльцы кустарников и особенно березы это развитие кажется заторможенным, затем лиственные эволюционируют, быстро достигая в спектре 50 % и более. Многочисленны теплолюбивые лиственные (смешанные дубовые леса, ясень, бук, клен, ореховое дерево, самшит, дуб зеленый, крушина, бересклет). В Ложери-От Восточном в течение аллерёда представлено несколько меньших осцилляций, что говорит о возможности существования пре-аллерёда. Фаза IX – верхний дриас, похолодание отчетливо менее значительное, чем средний дриас, но приведшее к явному отступанию лиственницы. В травянистой флоре злаковые преобладают, осоковые и влаголюбивые содержатся иногда в довольно значительном проценте. Полынь и степные виды отсутствуют или встречаются очень редко. Следовательно, сухость не кажется слишком сильной. Развитие кустарниковой флоры подчеркивает последнее климатическое ухудшение (Paquéreau, 1976: fig. 3).

Мы уже останавливались на взглядах М.Ф. Санчез Гони, которая основывает свою критику главным образом на французских материалах. Она утверждает, что в настоящее время не существуют ботанические и еще менее климатические критерии, чтобы дифференцировать различные стадиалы и интерстадиалы верхнего плейстоцена. Отнесение пыльцевых спектров к определенным эпизодам плейстоцена до сих пор опирается на культурные остатки и абсолютные датировки так же как и на сравнение со спектрами, происходящими из археологических слоев (Sanchez Goni, 1994: 395, 397).

Санчез Гони ссылается при этом на работы Арлетт Леруа-Гуран, которая предложила путь исследования, основанный на двух этапах: на первом культурный контекст, радиоуглеродная датировка или геологическое изучение позволяют предварительно отнести спектры к какому-то моменту верхнего плейстоцена; на втором, более детальная хронологическая атрибуция этих спектров необходима для закрепления их в системе последовательных и предварительно установленных осцилляций. Чем более частыми будут осцилляции, тем более велика возможность точной датировки археологических слоев(Leroi-Gourhan Arl., 1980). Отсюда ясно, что вся хронологическая атрибуция основана на идентификации осцилляций. По этому поводу Арлетт Леруа-Гуран писала: «Невозможно пытаться расположить различные хронологические периоды индустрий французского верхнего палеолита, если они включены в периоды, длившиеся 10 000 лет; надо , напротив, пытаться разделить их на короткие периоды в несколько тысячелетий, несмотря на трудности и поля ошибок радиоуглеродного метода» (Leroi-Gourhan Arl., 1968: 129).

М.Ф. Санчез Гони, напротив, считает, что палинология не должна зависеть от археологической хронологии, абсолютных датировок и геологических заключений. С одной стороны, неизвестно одновременна ли пыльца археологическим остаткам, с другой стороны, специалисты иногда сомневаются в отнесении остатков к той или иной культуре. Более того, абсолютные датировки часто совпадают своими полями ошибок с несколькими культурами. Таков случай, например, с датировками мадлена верхнего, финального и азиля в Кантабрии. Наконец, в настоящее время не существует седиментологических критериев для отнесения слоев к точным периодам плейстоцена.

Что касается второго этапа, система, предложенная Арл. Леруа-Гуран, базируется на двух гипотезах. Первая – эти осцилляции действительно существовали, вторая – они датировались эпохой, которая их определяла. На основании этих предпосылок Арл. Леруа-Гуран вместе с Ж. Рено-Мисковски создала палинологическую хронологию, принятую и дополненную другими авторами. Хронология основывается на идентификации многочисленных климатических фаз (хенгело, ле котте, арси, кессельт, тюрсак, ложери, ляско, англь-сюр-англен, пребёллинг, бёллинг, дриас II, аллерёд), большая часть основана впервые на определенных уровнях французского верхнего палеолита. Санчез Гони утверждает, что большая часть этих плохо стратифицированных с палинологической и хронологической точек зрения фаз не осветила хронологию, а повлекла за собой обратный эффект. В каждой диаграмме часто слабые индексы климатического улучшения могут быть отнесены к той или другой осцилляции, очень близкой по времени (например, англь-сюр-англен / пребёллинг / бёллинг).

Некоторые факты заставили Санчез Гони поставить под сомнение климатические фазы, предложенные прежде по археологическим критериям. Она выдвинула два критических замечания:

1. фазы, расположенные между 25 000 лет и голоценом (тюрсак, ложери, ляско, англь-сюр-англен, пребёллинг, дриас II) не зарегистрированы в эталонных пыльцевых секвенциях Средней и Южной Европы , непрерывных и хорошо подкреплен-

ных хронологически, благодаря многочисленным радиоуглеродным датировкам по типу отложений, примененной методологии и богатству пыльцы, палинологическая связность результатов, полученных в этих секвенциях, доверительна. Следовательно, можно резонно предположить, что, если такие климатические осцилляции существовали в этот период (25 000-10 300 лет назад), эталонные секвенции должны были их зафиксировать, но этого нет. Данные фазы оспариваются также в исследовании океанических кернов и геоморфологическом изучении лессов. Что касается осцилляций между 60 000 и 25 000 лет назад, они еще не охарактеризованы с ботанической и хронологической точек зрения. Если осцилляции хенгело, ле котте, арси и кессельт существовали, они не могут быть коррелированы с осцилляциями, обнаруженными в эталонных секвенциях;

2. можно предположить, что отложения в гротах и навесах были существенными для регистрации климатических фаз. Но рассматривая палинологические диаграммы, согласно которым эти фазы идентифицированы, видно явственное отсутствие палинологических аргументов, чтобы поддержать идентификацию. С этой целью Санчез Гони детально изучила анализы стоянок-эпонимов (Sanchez Goni, 1994: 398-400) и пришла к неутешительному выводу, что палинологические исследования не дают убедительных результатов и что спектры, происходящие из пещерных отложений, не согласуются со стратиграфией, основанной по существу на материальной культуре и/или на радиоуглеродных датировках. Поэтому палинолог должен считаться с тем, что спектры седиментов не являются отражением реальной растительности.

Эволюция растительности в эпоху верхнего плейстоцена в Пиренеях изучена недостаточно и известные точные данные касаются главным образом позднеледниковья. Северный склон Пиренеев прорезан многочисленными долинами, которые образуют участки с оригинальными климатическими характеристиками, определенной высотной ситуацией и экспозицией. Немалое значение имеет отдаленность от Атлантики и близость Средиземноморья (Jalut, 1974).

В горной цепи единственная пещера **Истюриц** в Атлантических Пиренеях дает пыльцевой спектр от конца вюрма II и кончая межледниковьем, хотя и разделенный большими интервалами. Истюриц будет подробно рассмотрена в археологическом разделе. Здесь остановимся лишь на тех немногих памятниках с палеолитическим искусством, пыльца которых изучена (Jalut, 1976). Из них наибольший интерес представляет **Лурд**, где 5 культурных слоев на основании единственной радиоуглеродной даты 17 515±150 (GrN 1834) относятся к вюрму III–вюрму IV. Древесная пыльца составляет 10-20 % от всей учтенной пыльцы, она принадлежит, главным образом, сосне, в меньшей степени березе, пыльца дуба найдена в самых глубоких уровнях. Флора преимущественно травянистая, в ней преобладают злаковые, осоковые и сложноцветные, среди которых полынь занимает важное место.

Дриас древний (15 000-12 000 лет назад) представлен в гротах **Истюриц**, **Лурд**, **Ла Ваш**, **Бельвис** и др. Этот период холодный и сухой с очень слабым лесным и кустарниковым покровом, иногда менее 2 %. Травянистые светолюбивые виды очень обильны. Тем не менее, местами появляется редкая пыльца таких термофильных и мезофильных деревьев как орешник, дуб, бук. В течение древнего дриаса фаза климатического улучшения, соответствующая бёллингу, не может быть охарактеризована отчетливо, хотя наличие пыльцы дуба, ольхи и орешника показывает существование рефугиумов.

Аллерёд (12 000-10 800 лет назад) отмечен в ряде местонахождений возрастанием леса. В Стране Басков (**Ле Моура**) и в районе Лурда распространяются сосна и береза, образующие относительно светлый лес с обильными травянистыми светолюбивыми растениями. На высоте 500-600 м в нижней долине Викдесос в Арьеже (**Ла Ваш**) недатированные уровни, отнесенные к аллерёду, показывают большое количество пыльцы деревьев, составляющие 50 % всей учтенной пыльцы. Мезофильные лиственные (орешник, дуб, липа, вяз) достигают локально исключительно высоких процентов (орешник – 10 %, липа – 15 %). Выше 1 300 м в восточном конце Пиренеев сосна (Pinus uncinata) занимает преобладающее место и кажется, что к середине аллерёда ее верхняя граница близка к современной (около 2 200 м).

Дриас поздний (10 800-10 000 лет назад) соответствует последней фазе позднеледниковой климатической деградации. Это похолодание вызвало на средних и верхних высотах регрессию субальпийского леса и распространение травянистых видов, но в целом климатические условия менее суровые, чем в древнем дриасе.

В областях Юры, Бургундии, Вогезов умеренная осцилляция, развивающаяся в конце среднего вюрма, сопоставляется с интерстадиалом хенгело (Leroi-Gourhan Arl., 1968) и ее конец отмечает границу между вюрмом II и вюрмом III, которая соответ-

ствуст переходу от мустье к верхнему палеолиту.

Поздний вюрм (вюрм III: 37 000-17 000 лет назад). Начало позднего вюрма совпадает с появлением таких культур как шательперрон, древний ориньяк и нижний перигор, лишенных в этом регионе фигуративного искусства. Палинологический анализ из грота Рен в **Арси-сюр-Кюр** (Leroi-Gourhan Arl. et A., 1964) показывает сухость, которая продолжается от границ интерстадиала хенгело до интерстадиала кессельт (прежний паудорф). Первая половина вюрма III особенно холодная. Это эпоха степей с очень распространенными злаковыми (NAP=98 %). Затем в составе степной растительности происходят изменения: злаковые и цикориевые дают место крайне обильному чертополоху (70 %). Редкие деревья с опадающей листвой почти полностью исчезли, холодный климат стал еще более сухим, чем прежде. Затем наступает значительное потепление, что отмечается появлением леса (AP=20 %), состоящего преимущественно из сосны, но пропорции теплолюбивых лиственных заметно повышаются. Этот интерстадиал арси продолжается почти две тысячи лет между 32 000 и 30 000 лет назад. Ориньяк достигает своего апогея, его упадок отмечается в новом похолодании. Палинологические секвенции в гроте Рен заканчиваются серией коротких и сближенных осцилляций, соответствующих интерстадиалу кессельт (29 000-26 000 лет назад). Он более протяженный, чем предшествующее потепление, но кажется менее теплым. В начале интерстадиала появляется новая культура граветт.

В Альпах отмечен образец растительности от интерстадиала кессельт, датированного 26 250 лет назад до мелкой осцилляции, получившей дату 23 550 лет назад Эта последняя определенно соответствует осцилляции тюрсак, отмеченной Арл. Леруа-Гуран в навесе Фактёр и датированной 23 120 лет назад Этот умеренный период одновременен в Дордони перигорской культуре с резцами ноай (верхний граветт).

Две других осцилляции встречаются в конце вюрма III: интерстадиал ложери, который совпадает по времени с развитием солютрейской культуры, датированной 19 250 лет назад в **Абри Фрич** (Эндр), и интерстадиал ляско, датированный в знаменитой «Сикстинской капелле палеолита» 17 000 лет назад. Пейзаж, существовавший в течение этих двух хронологически близких осцилляций, был достаточно лесным. Сосна и орешник характеризуют первую, орешник преобладает во второй. В обеих осцилляциях представлены такие теплолюбивые формы как бук, ясень, дуб и ореховое дерево.

Позднеледниковая фаза (вюрм IV или финальный вюрм), не будучи умеренной, отмечает определенное потепление по отношению к климатическому ансамблю вюрма III. Вюрм IV одновременен во всем своем протяжении развитию мадленской культуры, представляющей апогей четвертичного искусства. Позднеледниковье характеризуется серией климатических осцилляций, которые описаны, прежде всего, в торфяниках Северной Европы. Хронология различных фаз хорошо известна, благодаря многочисленным радиоуглеродным датировкам. В Альпах растительность холодных эпизодов (дриас) – степная, в то время как период аллерёд представлен в виде двух различных эпизодов: первый с преобладанием березы, второй – сосны.

Грот **Сен-Тибо-де-Куз** (Савойя) позволил установить достаточно полную пыльцевую секвенцию позднеледниковья: - дриас I (дриас древнейший). Климат деградировал после интерстадиала, сопоставляемого с ляско. Параллельно шло сокращение леса и распространение степи; - бёллинг – потепление, которое следует за предшествующей холодной фазой, представлено двумя различными пульсациями. Во время первой в гроте был отложен культурный слой с инвентарем верхнего мадлена, по которому получены две радиоуглеродные даты: 11 350 лет до н. э. и 11 220 лет до н. э. Отмечено развитие соснового леса и наличие ряда теплолюбивых деревьев; - дриас II (средний или древний) – плохо представлен в результате эрозии. Из-за полного отсутствия деревьев в образцах климат кажется очень суровым; - аллерёд – последняя умеренная осцилляция плейстоцена выражена здесь в трех пульсациях. Редкий лес включает преимущественно сосну и березу. Инвентарь с азильскими остриями появляется в самом начале аллерёда и развивается на всем протяжении этого климатического улучшения. Начало потепления датировано в гроте 9 9950 лет до н. э., а конец 8 800 лет до н. э. Эти две даты совпадают практически с границами обычно принятых для осцилляции аллерёд; -дДриас III (верхний или поздний) – последнее вюрмское похолодание, которым заканчивается ледниковая эпоха.

В навесе **Кампалу** (Дром), согласно частичному палинологическому анализу, ботаническая секвенция показывает, что в начале аллерёда еще существовал финальный мадлен, уступивший место во второй части этого потепления пост-мадленской культуре. В гроте **Тай** анализ пыльцы установил, что финальный мадлен располагается в середине холодного эпизода дриас II. Азильский инвентарь,

эволюционируя без заметного периода от мадлена, появляется в конце дриаса II и продолжается до начала потепления аллерёд (Girard, 1976).

ПАЛЕОЗООЛОГИЯ

Одним из существенных компонентов культурного слоя являются кости животных, представляющих, по преимуществу, остатки охотничьей добычи. Все они принадлежат к так называемому «мамонтовому комплексу», включающему элементы арктической фауны: песца, лемминга, белой куропатки, а также северного оленя и овцебыка. Фаунистический комплекс на протяжении всего верхнего плейстоцена менялся настолько мало, что он не может служить для целей дробной хронологии, однако ряд его представителей является важным индикатором экологических и климатических условий. Поэтому, прежде всего, необходимо рассмотреть данные о наиболее значительных составляющих комплекс и в дальнейшем, при археологической характеристике памятника, во-первых, показать, что дает палеозоологический материал для понимания условий существования людей и, во-вторых, провести сравнительный анализ представительности костей и изображений животных, т.е. сравнение «кулинарного» и «фигуративного» образцов, по выражению А. Дельпорта.

Отряд Proboscidea. Хоботные.

Род мамонты (Mammuthus) появляется во Франции в нижнем плейстоцене и делится на три хронологических вида, которые следуют один за другим: M. meridionalis (нижний плейстоцен), M. trogonterii (средний плейстоцен) и M. primigenius (верхний плейстоцен). М. Беден замечает, что последний вид, кажется, возникает только с вюрмским оледенением и исчезает в течение вюрма IV. Интересно, что во Франции вюрмский мамонт имеет значительно меньшие размеры, чем предшествующие виды (Beden, 1976: 416-418). Ф. Дельпеш упоминает, что на юго-западе Франции наиболее поздняя находка мамонта происходит из фауны мадленской стоянки Гар де Куз (Дордонь). Речь идет о фрагменте моляра, который не был найден в стратиграфическом положении, но может быть датирован в пределах 12 000 лет назад (Delpech, 1979: 174).

Отряд Perissodactyla. Непарнокопытные.

Отмечены представители лишь двух семейств Rhinocerotidae – носорожьи и Equidae – лошадиные.

К семейству носорожьих принадлежит единственный вид Coelodonta antiquitatis (или Rhinoceros tichorhinus) – шерстистый или носорог «с полным окостенением носовой перегородки» – ископаемый вид хорошо известный во Франции, начиная с рисса. В вюрме он часто встречается в палеолитических стоянках. Общие размеры крупные, но не достигают размеров носорога Мерка, существовавшего до древнего вюрма. Имел очень длинный, низко поставленный череп, массивные конечности и характерные зубы. Предпочтительный биотоп этого животного – холодная степь с преобладанием злаковых в растительности, но иногда отмечен в среде скорее лесной (Guérin, 1976: 405-408).

Семейство Лошадиные. Familia Equidae.

Род Лошади. Equus caballus.

Ф. Прат отмечает, что фактически это семейство еще довольно плохо известно во Франции в течение рисс-вюрма и первой стадии вюрма. Остатки лошадей, найденные в местонахождениях вюрма II и начала вюрма III, обозначены как подвид Equus caballus germanicus – животное средних размеров (1,4-1,5 м в холке), очень крепкое. По некоторым данным, его происхождение связано с крупными довюрмскими лошадьми мосбахской группы. Далее следует Equus caballus gallicus, выделенная Ф. Пратом на основе изучения остатков из костной брекчии **Солютре**. По сравнению с предшествующей эта лошадь менее крупная и тяжелая была объектом охоты в конце вюрма III и в вюрме IV и часто изображалась на стенах пещер (характерный пример – лошадь из **Комбарелль**). В двух мадленских стоянках (**Сен-Жермен-ла-Ривьер** и **Дюрюти**) найдены кости лошади более крупной и более стройной, чем галльская. Значение этих плохо определенных костей еще не установлено.

Кости лошади находятся в слоях, относящихся к ледниковым фазам, но также и в отложениях умеренных и теплых эпизодов. Иногда вместе с ними залегают остатки северного оленя, иногда лесных животных, таких как благородный олень, косуля и кабан. Тем не менее, в очень обобщенном представлении кажется, что степь (прерия) составляла наиболее благоприятную среду для развития вида (Prat, 1976a: 409-415).

Отряд Artiodactyla – парнокопытные.

Включает два подотряда: Ruminanta – жвачные и Nonruminanta – нежвачные. Жвачные в свою очередь включает два семейства: Bovidae – полорогие и Cervidae – оленьи. Полорогие делятся на два подсемейства: Bovinae – собственно быки и Caprinae – козлиные.

Подсемейство собственно быков не образует на территории Франции однородного ансамбля, где одни и те же линии развития прослеживаются от начала до конца четвертичного периода. В тече-

ние среднего и верхнего плейстоцена постепенно появляются формы, которые лежат в основе современной фауны. Палеолитические стоянки, особенно многочисленные в вюрме IV, дали обильный, хорошо датированный, но представленный по преимуществу фрагментами, материал. Напротив, чисто палеонтологические местонахождения с целыми костями, не всегда датированы с точностью.

В среднем и верхнем плейстоцене крупные бычьи представлены во Франции двумя различными родами: первобытный бык (Bos primigenius) и бизон (Bison priscus). Изучение их хронологического распределения и их эволюции затруднено тем, что палеозоологам приходится иметь дело с изолированными костями: за исключением некоторых частей черепа, дорсальных позвонков и метаподий, каждый элемент скелета бизона напоминает свой гомолог у первобытного быка. Поэтому часто специалист не имеет возможности выполнить простую идентификацию рода.

Согласно Б. Куртену, первобытный бык мог произойти от индийских плиоценовых бычьих. Он очень редок в до-рисских периодах, отмечен в риссе I, II и в рисс-вюрме. В древнем вюрме его кости представлены на юго-востоке Франции. На юго-западе страны наличие первобытного быка кажется определенным в конце вюрма IV (**Дюрюти, Морен**). Но и раньше крупный бык был известен людям верхнего палеолита, которые часто изображали его как на стенах пещер (например, в **Ляско**), так и на предметах малых форм.

В группе бизонов прослеживается тесная связь с виллафранкским лептобосом. Степной бизон – Bison priscus был представлен во Франции с начала поствилланфранского времени, его остатки известны в горизонтах рисса I, II и рисс-вюрма. В течение древнего вюрма на юго-востоке Франции он кажется более редким, чем первобытный бык (был упомянут с оговоркой в фауне грота **Турналь** в Биз). На юго-западе Франции бизон обилен в начале вюрма III в департаменте Ло и в Перигоре и представлен в конце вюрма III, в вюрме III-IV и в начале вюрма IV в Перигоре. Именно в течение вюрма IV он нашел на равнинах Аквитании оптимальную окружающую среду для своего развития. Конец вюрма IV, тем не менее, отмечен в этой провинции непрерывной регрессией, более сильной в припиренейском поясе, чем в районе Жиронды. Возможно, бизон оставил юго-запад Франции в самом конце вюрма IV или в начале постледниковья.

Если первобытный бык и бизон сосуществовали в течение некоторых периодов плейстоцена, развитие первого в конце вюрма III в условиях менее холодных и более влажных позволяет предположить, что этот вид плохо выдерживал слишком суровый и сухой климат. Бизон, напротив, особенно хорошо адаптировался к условиям холодной степи, которая господствовала на равнинах Аквитании в течение вюрма , за исключением его финального этапа (Delpech, Heintz, 1976a: 389-390).

Род Ovibos moschatus – овцебык или мускусный бык составляет особую группу, которую иногда относят к бычьим и даже выделяют в отдельное подсемейство. Согласно Ж. Вире, сходство между современными быками и овцебыками является результатом конвергенции. Отмеченный в миндельскую эпоху в Германии, овцебык представлен во Франции только в стоянках позднего вюрма. На юго-западе кости этого вида определены Э. Арле в маленьком гроте в ложбине **Горж д'Анфер**, где они находились вместе с остатками северного оленя и мадленским инвентарем. В **Ложери-От** Д. Пейрони отметил наличие овцебыка в солютрейском слое (там же: 391-392).

Подсемейство козлиных – Caprinae включает собственно горного козла, серну и антилопу-сайга. Горные козлы, принадлежащие роду Capra, виду ibex L. pyrenaica, в течение холодных плейстоценовых периодов хорошо адаптировались к жизни на склонах и распространили область обитания на районы не горные, но с достаточно выраженным рельефом. В до-вюрмский период горный козел был сравнительно редок, упоминается в рисс-вюрме грота Лазаре. Многочисленный на юго-востоке Франции в вюрме I, он появляется на юго-западе в конце этой ледниковой стадии (**Комб-Греналь**). Остатки горного козла находят вместе с костями северного оленя в многих местонахождениях вюрма II. Палеозоологи отмечают, что это животное является банальным элементом фауны позднего вюрма. На юго-западе этот вид представлен в начале вюрма III в Ло и в Перигоре, затем в Перигоре стал более редким, но не исчез полностью, а в Ло численность горного козла варьировала мало. Интересно, что во все периоды он не представлен в Жиронде, т.е. там нет костных остатков, но о том, что палеолитические люди знали о нем, свидетельствуют великолепные изображения горного козла на стенах пещеры **Пер-нон-Пер**. Трудно сказать с какого времени он освоил Пиренеи, но в конце вюрма IV его кости находятся в культурных слоях гротов в изобилии.

Следует заметить, что существует различие между Capra ibex и Capra pyrenaica, которое до настоя-

щего времени при отсутствии костей лодыжки не может быть установлено. Тем не менее, в Перигоре настенные изображения и редкие кости лодыжек показывают, что большая часть горных козлов принадлежит альпийскому типу (Delpech, Heintz, 1976a: 390).В другом месте Ф. Дельпеш указывает, что последние следы горного козла в Дордони восходят к дриасу II (**Гар де Куз**, слой H), но неизвестно идет ли речь об альпийской или о пиренейской форме. На северной границе Пиренеев с дриаса II пиренейская форма горного козла нашла свой рефугиум, отмеченный в **Лез Эглиз** (Delpech, 1979: 174).

Род Серна Rupicapra, вид rupicapra. Вынужденная покинуть горы из-за развития ледников во время больших плейстоценовых похолоданий, серна, как и горный козел, нашла убежище в областях, где холод был менее сильным. Хронологическое и географическое распространение серны сходно с областью и временем обитания горного козла, но ее остатки в общем значительно более редки. Однако, в противоположность горному козлу, серна дошла до Шаранты, где она представлена в мадленской фауне грота **Фей (Рок де Маркамп)**. Альпийская серна и пиренейская серна уже были дифференцированы в верхнем плейстоцене, но при современном уровне знаний различие подвидов может быть установлено уверенно только по фрагментам черепа, а они крайне редки в фауне стоянок. В течение плейстоцена область обитания горного козла и серны распространялась и на негористые районы и даже далеко от гор, где климатические условия были более суровыми. Сильное уменьшение или быстрое исчезновение горного козла и сохранение серны могут указывать на возрастание влажности. Отсутствие серны и наличие горного козла, возможно, соответствуют более сухому климату (Delpech, Heintz, 1976a: 391).

Род Сайга Saiga, вид tatarica. В настоящее время антилопа-сайга занимает аридные степи и полупустыни Центральной Азии. В течение плейстоцена этот вид особенно хорошо адаптировался к открытым сухим условиям, существовавшим в течение третьей стадии рисса и четвертой стадии вюрма на равнинах и побережье юго-западной Франции. Он был мало чувствителен к интенсивному холоду, который царил здесь перед вюрмом IV. Найдя, главным образом, географические зоны со сглаженным рельефом антилопа-сайга исключительно широко заселила в вюрме IV Аквитанию и особенно район Жиронды (там же). Второе расселение сайги Ф. Дельпеш более подробно рассмотрела в другом месте. Сайга пришла в юго-западную Францию с севера или северо-запада в начале вюрма IV. Область ее обитания простиралась к востоку от района Лакав, вероятно, в «климатическом максимуме» дриаса II, но ограничивалась периодом в 14 500-14 000 лет назад в Жиронде и в Дордони (конец дриаса I). Неизвестно, что случилось с этим видом в течение бёллинга, видимо, он встретился с трудностями в долинах аквитанского бассейна. К 12 500 лет назад (дриас II) кости сайги находят на юго-западе Дордони (**Гар де Куз**, слой H) и именно в это время она определенно покинула юго-западный район. К тому же можно думать, что на подходе к постледниковью в еще холодном контексте, благоприятствующем обильному выпадению влаги, сайга не могла перенести такое повышение сырости (Delpech, 1979: 171).

К подотряду жвачных относится и семейство оленьих.

Все виды этого семейства, известные с миндельского оледенения, представлены в плейстоцене. Фаунистический материал происходит из многочисленных стоянок и может быть точно помещен в стратиграфический контекст, но изучение этих кухонных остатков затруднено их значительной фрагментарностью.

Подсемейство оленьих. Subfamilia Cervinae.

Род Настоящие олени. Cervus Cervus L.

Подрод Благородный олень. Cervus elaphus L. Существовал во Франции с миндель-рисса. Этот вид оленя относительно небольших размеров был обилен как на средиземноморском юге, так и в Перигоре. Он хорошо представлен в этих двух регионах и в начале вюрма II, но в Перигоре преобладал северный олень, а на юго-востоке последний, по-видимому, появился позже. В вюрме II благородный олень оказывается более крупным, чем в вюрме I. В позднем вюрме размеры его не являются постоянными и причины этого не установлены. Варьирует и его представительность по периодам и районам. Среди стоянок, богатых костями благородного оленя упоминаются в Дордони: Большой навес в **Ла Феррасси** (слои E4-D2, раскопки А. Дельпорта, перигор с остриями фон-робер, вюрм III) и навес **Пон-д'Амбон** (слои 4 и 3, верхний мадлен и азиль, конец вюрма IV-начало поствюрма); в Ландах: навес **Дюрюти** (азиль-начало поствюрма); в Арьеже: навес **Род II** (слои, датированные концом вюрма IV или началом поствюрма). Что касается экологии, то наличие благородного оленя указывает в общем на климат не холодный и влажный, благоприятствующий развитию леса, но в противоположность косуле, он мог существовать и при суровых условиях, хотя и в небольших количествах (Delpech, Heintz, 1976б: 402, 403).

Мегацерос. Megaceros giganteus. Наличие большерогого оленя отмечено на юго-западе Франции в нескольких местонахождениях, датируемых или началом вюрма III или концом вюрма IV. При отсутствии фрагментов черепа или рогов остатки мегацероса редко могут быть определены ниже рода. Тем не менее, правдоподобно, что это животное представлено во Франции в конце верхнего плейстоцена (там же: 402). Ф. Дельпеш уточняет датировку на основании единственного верхнего премоляра мегацероса, найденного в слое B1 **Абри Морен** (мадлен V), относящегося, вероятно, к дриасу II (или его возможному эквиваленту на юго-западе). Ей не удалось найти его остатков ни в одном из более поздних комплексов (там же: 174). Для экологии мегацероса можно предположить довольно низкие температуры, передающие климат влажный, умеренный или умеренно холодный.

Род Косули. Genus Capreolus. Косуля. Capreolus. Относительно хорошо представлена в течение вюрма I, становится более редкой в вюрме II. Кажется, что она никогда не была обильной во время позднего вюрма, но довольно часто упоминается в фаунистических списках начала вюрма III и самого конца вюрма IV. Ф. Дельпеш дает некоторые уточнения экологии косули. Холодные и влажные условия, сопровождаемые довольно заметными отклонениями температуры, так же как холодный и сухой климат, ни в коей мере не подходят для этого животного. В конце вюрма, как и в наши дни, наличие косули кажется связанным с лесной средой (там же: 401, 403).

Род Лоси. Genus Alces. Лось. Alces alces. Отмечен во Франции до рисса включительно. Позже он представлен в самом конце вюрма и в начале поствюрмского времени особенно в гротах Верхней Гаронны, Эн и Дром. Он появляется в лесной, более или менее холодной влажной среде, наиболее благоприятной для его развития (Desbrosse, Prat, 1974: 153).

Род Северные олени. Genus rangifer. Северный олень. Rangifer tarandus. У современных северных оленей различаются несколько географических подвидов и две экологические группы: тундровые с тонкими рогами округлого сечения и лесные, которые находят в зимнее время убежище в лесу и обладают короткими плотными рогами уплощенного сечения. По мнению Ж. Бушю, в течение верхнего плейстоцена во Франции существовали и те, и другие, различаясь размерами и формами рогов (Bouchud, 1966). Это мнение оспаривается, поскольку появились новые, хорошо датированные материалы, происходящие из слоев, отложенных в точных климатических условиях. Ф. Дельпеш полагает, что вариации размеров рогов были обязаны прямому воздействию окружающей среды, затрагивающему единственную форму северного оленя (Delpech, Heintz, 1976б).

Наиболее древние останки этого животного, открытые во Франции, датированы миндельским оледенением. Что касается вюрма, то на юго-западе северный олень редкий в вюрме I обилен в вюрме II (**Комб Греналь**), на юго-востоке он, кажется отсутствует в вюрме I, встречается в вюрме II, но никогда в таком количестве как на юго-западе. В течение вюрма III и вюрма IV северный олень играл особо важную роль в жизни палеолитического общества. Эта эпоха была даже названа первыми исследователями в конце XIX в. совершенно справедливо для юго-западной Франции «Веком Северного Оленя». Однако, недавние работы позволили обнаружить существование в течение ряда периодов географические зоны предпочтения для северного оленя и некоторые районы, доставляющие ему в тот же момент более трудные условия жизни. Так, в начале вюрма III северные олени многочисленны в департаменте Ло (**Рок де Комб**) и значительно более редки в Дордони (**Ла Ферраси**). Обильно представленные в конце вюрма III и в начале вюрма IV в Дордони (**Ложери-От**) северные олени испытывали, тем не менее, в течение этого периода влияние неблагоприятной окружающей среды: их средние размеры уменьшились довольно сильно. В конце вюрма IV кажется, что в наибольшей части юго-запада царил климат, в совершенстве подходящий северному оленю: его остатки находят в большом числе во многих стоянках и его средние размеры снова возрастают (Delpech, Heintz, 1976б: 403).

Ф. Дельпеш установила, что в течение дриаса I северные олени страдали от очень суровых условий, тогда как, начиная с беллинга и до дриаса III окружающая среда была для них благоприятной. Сравнения между северными оленями из мадлена VI **Дюрюти**, с одной стороны, и **Морен** и **Гар де Куз**, с другой, привели Ф. Дельпеш к интересным результатам. Фактически олени, обитавшие на юге Ландов в конце вюрма IV, – более крупные, чем жившие в тот же период в Жиронде и Дордони. Отсюда следует, что они были изолированы и что подступы к Пиренеям составляли в самом конце плейстоцена особенно благоприятный для развития этого животного биотоп. Правдоподобно, что в пре-бореале северные олени еще жили на северо-пиренейской границе, не подвергаясь сильному влиянию климата, тогда как большие стада отошли к северу. Но когда условия стали слишком неблагоприятными, эти животные, кото-

рые занимали географические островки в регионе, ставшем царством видов умеренного климата, не могли присоединиться к сородичам, ушедшим далеко к северу. Последние представители северных оленей на юго-западе должны были вымереть на месте (Delpech, 1979: 174). Что касается палеоэкологии, этот, по существу, холодостойкий вид мог выдерживать относительно высокие летние температуры, но при холодных условиях возрастание или сухости или влажности в связи с краткими, но частыми повышениями температуры были для него особенно неблагоприятными (Delpech, Heintz, 1976б: 403).

Отряд парнокопытных. Ordo Artiodactyla. Подотряд Нежвачных. Subordo nonruminanta. Семейство свиные. Familia Suidae. Род Кабаны. Sus scrofa ferus. Ф. Дельпеш отмечает, что по семейству свиных французского четвертичного периода никогда не было выполнено никакого детального исследования. Одной из главных причин этого является относительная редкость костных остатков в культурных слоях стоянок. Начиная с рисса европейские животные этого семейства принадлежат к роду Sus, которые, согласно Б. Куртену, были характерны для фауны межледниковых и межстадиальных лесов. Тем не менее вид, Sus scrofa представлен и в стадиальных фазах, например, в вюрме III: в ориньяке II **Рок де Комб** вместе с костями северных оленей и крупных быков и в ориньяке II и III **Ла Феррраси** вместе с крупными быками и благородным оленем. В мадлене VI (вюрм IV): в **Абри Морен** довольно частые кости кабана отмечены вместе с остатками северного оленя и крупных быков, в **Гар де Куз**, достаточно редкий кабан существовал вместе с северным и благородным оленями, в **Дюрюти** немногочисленные кости кабана встречены с этими же двумя видами оленей (Delpech, 1976: 384-385). Таким образом, хотя кабан и считается лесным видом, его экологическая ценность невелика, особенно, учитывая его редкость, как в фауне, так и в искусстве.

Отряд Carnivora. Хищные.

Вся современная фауна отряда хищных уже существовала в верхнем плейстоцене: волк и лисица из семейства собачьих; барсук, куница, ласка, хорек из семейства куньих; рысь и дикая кошка из семейства кошачьих. Но ископаемая фауна более богата, т.к. она дополняется видами, исчезновение которых можно отметить в разные периоды: красный волк (Cuon alpinus), лев (Felis spelaea) и пантера (Felis pardus) исчезли в вюрме III; рысь, песец и росомаха появлялись в течение холодных флуктуаций, но исчезли с территории Франции с ее умеренным послеледниковым климатом, чтобы найти рефугиумы в Северной Европе; пещерная гиена вымерла в течение позднего вюрма.

Исчезнувшие во время верхнего палеолита виды были слишком хорошо адаптированы к особому климату или теплому как красный волк, лев, пантера или к холодному, как песец, рысь, росомаха. Следует учитывать, что человек уменьшал источник пищи крупных хищников, охотясь на ту же дичь. Обеднение фауны также повлекло за собой исчезновение гиены как животного-падальшика. Процветание куньих может объясняться их способностью прятаться от человека, благодаря малым размерам и небольшими экологическими потребностями (Bonifay, 1976: 374).

Среди хищных особо рассматриваются животные из семейства медвежьих, представленных в палеолите двумя видами: пещерные и бурые медведи. В археологических слоях кости медведя обычно достаточно редки и для пещерных памятников трудно решить вопрос являются ли они остатками охотничьей добычи или речь идет об естественном заселении пещер медведями для зимней спячки. Для пещерных медведей решение достаточно ясно: они заселяли подземные полости в отсутствие человека. Но время их вымирания четко не установлено, во всяком случае пещерные медведи жили в течение вюрма III и, возможно, начала вюрма IV. Кости в изобилии представлены в слоях нижнего перигора с остриями шательперрон,в частности в главной галерее **Фон-де-Гом**. Фаланги и зубы пещерного медведя отмечены в мадленском слое зала Сен-Мартен в **Истюриц**. Бурый медведь значительно более редок и слишком мало данных, чтобы установить его климатическое значение. Он встречается в отложениях интерстадиала рисс-вюрм. В умеренном или умеренно-холодном контексте в стоянках вюрма I он встречается с лесными видами (благородный олень, косуля, кабан), но его можно встретить и в мадлене VI, например, в стоянке **Гар де Куз**, где обилен северный олень. Примеры можно умножить, чтобы показать, что бурый медведь был, возможно, формой эвритермной, т.е. способной переносить значительные колебания температуры внешней среды (Prat, 1976: 376б-383).

Отряд Лагоморфы.

Как отмечает Ж. Шалин, лагоморфы не были во Франции объектом особых исследований. Они относительно малочисленны, за исключением нескольких местонахождений, где они изобилуют в качестве охотничьих остатков палеолитического человека.

Семейство Заячьи. Familia Leporidae. Заяц-беляк. Lepus timidus würmiensis упомянут в ряде вюрмских стоянок, в частности в перигорском слое **Абри дю Шассёр** в Шаранте. Известны его очень редкие изображения в искусстве малых форм. В современных условиях обитает в тундровой, лесной и в большей части лесостепной зоны Восточной Европы, Азии и Северной Америки. Распространение зайца-беляка в западной Европе ограничивается Альпами, Ирландией, Шотландией и Скандинавией (Chaline, 1976a: 419).

Семейство Пищуховые. Familia Ochotonidae. Степная (малая) пищуха Ochotona pusilla мигрирует во Францию во время наиболее холодных фаз вюрма. Она, видимо, не представляла особого интереса для палеолитического человека из-за своих малых размеров, но важна для нас по своему экологическому и климатическому значению, поскольку в современных условиях это обитатель степей Заволжья, Южного Урала и Северного Казахстана (Chaline, 1976б: 419).

Отряд Rodentia – грызуны.

Составляет почти половину общего числа видов, как в современной фауне млекопитающих, так и среди ископаемых. Особенно многочисленны и разнообразны их остатки в культурных слоях пещерных памятников верхнего палеолита (Громов, 1948: 422). Особенно показательно для установления климатических условий подсемейство полевок – Microtinae, принадлежащих к семейству мышиных – Muridae. Фаунистический комплекс полевок соответствует среднему и верхнему плейстоцену, в течение которых он распространился на все северное полушарие. Ж. Шалин подразделил его на четыре различных типа ассоциаций и представил резюме климатической хронологии и миграции видов, характерных для Франции (Chaline, 1976б: 423-424). К сожалению, его регурдийский комплекс не связан с другими хронологическими показателями и только в редких случаях указывает формы, на основании которых сделано заключение о климате.

Птицы.

В интерстадиале вюрм II-вюрм III, представленном в гроте **Жиньи-сюр-Сюран** (Юра), очень высокий процент холодостойких видов птиц, отмеченный в начале, прогрессивно уменьшается, затем снова возрастает в вюрме III. Это потепление сопровождается распространением форм не лесных, как это происходит обычно, а форм открытых пространств или степей (сокол-белогорлик, кобчик, пустельга, куропатка, перепел, журавль, жаворонок). Во время накопления слоя лесные формы прогрессивно уменьшаются в числе и почти полностью исчезают в вюрме III. Фауна вюрма III довольно немногочисленна. В средиземноморских районах климат не кажется очень холодным (**Крузад**), но он немного холоднее в Центральном Массиве (**Котье**) и очень холодный в Юре (**Жиньи**). Во время вюрма IV в районе Рона-Альпы находится серия стоянок, где сохранились кости птиц (**Сен-Роман, Ла Коломбьер, Пьер-Шатель, Кампалу, Ле Дёз Аван** от 13 450±300 лет назад до 12 350±200 лет назад. Здесь очень отчетливо проявляется в течение времени уменьшение холодостойких видов от 74 % в Сен-Роман до 28 % в Дёз-Аван. Процент лесных видов возрастает в обратном направлении, но нерегулярно, определенно в зависимости от географических условий. Их очень мало в Ла Коломбьер (4 %) и очень много в Дёз-Аван (50 %).

В районе Аквитании стоянки мадлена VI (**Абри Морен, Жорнал, Габийю и Гар де Куз**) характеризуются обилием снежной совы, представленной почти исключительно когтями и предпоследними фалангами. Эта сова встречается вместе с арктическими или степными формами, такими как белощекая казарка или степной сарыч. Наконец, в самом конце вюрма или начале голоцена в Провансе была обнаружена относительно теплая сухая фаза, о чем свидетельствует наличие одного редкого вида – дрофы бородатой в трех разных стоянках Воклюза: **Эден-Рок, Рокетт и Абри де Рош** (Mourer-Chauviré, 1976: 433).

Рыбы.

Рыбы представлены преимущественно пресноводными видами. Ж. Десс и Дж. Гранье приводят список из 25 местонахождений, преимущественно мадленских, в которых определены кости рыб: лосось, речная форель, хариус, сиг-песочник, щука, плотва, угорь, речной налим, речной угорь (Gesse, Granier, 1976).

Что касается морской фауны, то, несмотря на более длинный список видов, документы также недостаточны, как и для пресноводных видов. Очень мало известно о рыбах Атлантического побережья. Стоянок с морской фауной мало и они почти все средиземноморские. Кроме того, существует огромный хиатус между возрастом самой древней стоянки – **Валлоне**, датированной интерстадиалом донау-гюнц, и другими – голоценовыми.

Наземные моллюски.

Раковины, которые сохраняются в культурных слоях, не могут обнаружить эволюцию видов моллюсков в четвертичную эпоху и тем самым иметь хронологическое значение. Но именно моллюски являются великолепным климатическим ин-

дикатором, серии раковин позволяют установить масштабы климатических вариаций. В слоях, датированных другими методами, содержащих достаточно большое количество видов малакофауны, обнаруживаются ассоциации различных видов. Для палеоарктической области Франции установлено 4 вида ассоциаций: межледниковая, переходная, межстадиальная и ледниковая (Puissegur, 1976).

Межледниковые ассоциации включают многочисленные виды моллюсков (от 20 до 60) и некоторые из них имели очень точные климатические требования, в том, что касается, главным образом, тепла, влажности и растительного покрова. Если речь идет о сплошных лесах, то находят преимущественно, виды, которые могут жить только в лесу. Если речь идет об открытых лесах или склонах, заросших кустарником, то обильными будут другие виды. Степные стоянки характеризуются особым сочетанием видов. Хотя малакофауна различных межледниковий и голоцена очень сходна, некоторые виды оказываются характерными для точно определенных эпох.

В переходные времена, которые отделяют холодный период от теплого – или наоборот – можно найти по степени влажности климата несколько типов ассоциаций. Виды, которые их составляют, имеют не точные климатические требования и их часто встречают в настоящее время. Но нередко они образуют особые ассоциации, где некоторые виды играли первостепенную роль и в таком случае ассоциация обозначалась по названию этого вида. Таким образом, установлены лесостепная и ее разновидность степная ассоциация. В качестве примера приведем ассоциацию Abila secule с Punctum pygmaeum, Vallonia costata, часто Cochlicopa lubrica и Clausilla parvila, которая встречается в позднеледниковые периоды и особенно в вюрмское позднеледниковье. Она соответствует фазе, где климат был еще холодным и определенно очень сухим.

Межстадиалы характеризуются несколькими типами ассоциаций, которые имеют место в самом центре оледенений или, напротив, они относительно близки к межледниковью, прошедшему или будущему. Например, в начале вюрма существовала, по меньшей мере, одна фаза потепления, достаточно выраженная в Центре-Востоке Франции и в Бургундии, где особенно произошло возобновление леса в стоянках, где откуда исчез. Относительно богатая ассоциация открытого леса, включающая несколько строго лесных видов, обосновалась вслед за ассоциацией с Arianta, Bradybaena и Chondrula tridens. Возможно, что теплолюбивые виды могли существовать неподалеку в каких-то рефугиумах, т.к. в начале вюрмского оледенения холод не был очень интенсивным и атлантическое влияние еще чувствовалось. К тому же продолжительность не была достаточной, чтобы предшествующие фауна и флора полностью исчезли.

В течение оледенений, собственно говоря, находятся два типа ассоциаций, согласно более или менее влажному климату. Ассоциация с Pupilla, бедная видами, где преобладает род Pupilla, P. muscorum, P. alpicola, P. loessica, P. sterri. Они сопровождались Trichia hispida и Succinea oblonga, часто с вариантом elongata. Эта ассоциация характеризует лессовую степь плениглициала, где средняя годовая температура должна была находиться между -2° и 0° с большими отклонениями. Вторая ассоциация с Columella columella соответствует более влажным фазам с субарктическим климатом и тундровой растительностью. Средняя годовая температура должна размещаться вокруг 0°.

В течение вюрмского оледенения Ж.-Ж. Пюиссегур встретил эти две ассоциации только в лессах на востоке Франции и в лионских лессах. Далее к Западу и в Парижском Бассейне в особенности находится в первом только Pupilla muscorum и во втором – Columella columella и Vertigo parcedentata редки. Это определенно объясняется более выраженным атлантическим влиянием, которое смягчало суровость климата и уменьшало отклонения. В целом, изучение малакофауны, обнаруживая большие климатические флуктуации, позволяет лучше понять человека в его окружающей среде. Эти изменения климата совпадают иногда с миграциями населения. Блестящая работа Ж.-Ж. Пюиссегура, посвященная французским материалам, может быть распространена и на другие территории.

АНТРОПОЛОГИЯ

Наиболее замечательным событием эпохи верхнего палеолита, которая простиралась от второй половины интерстадиала вюрм II–вюрм III (40 000 лет назад) до конца вюрма IV (11 000 лет назад), является возникновение Homo sapiens sapiens – человека современного вида, последней вехи долгой эволюции антропогенеза. Морфологическая характеристика отчетливо отличает его от предшествующей формы – неандертальца. Первый хроно-культурный этап верхнего палеолита Франции – ориньяко-перигорский, длившийся до 20 000 лет назад, дает наиболее известные антропологические типы людей, получившие название, согласно памятникам, где они были найдены: человек комб-капелль, гримальди и особенно кро-маньо-

он. К этому же этапу принадлежат останки человека из слоя перигор VII **Абри Пато**, относящийся ко времени перед концом вюрма IV.

Второй этап включает солютре с небольшим количеством находок и мадлен (17 000 – 11 000 лет назад), наиболее широко распространенный и наиболее богатый антропологическим материалом. Находки начинаются с мадлена III (начало вюрма IV). Они часто хорошо сохранились в погребениях и точно датированы верхнепалеолитическим временем. Обилие и разнообразие материала привело к тому, что первоначально были выделены так называемые «расы», связанные с французскими стоянками-эпонимами. Жинетт Билли справедливо замечает, что рассмотрение истории этих «рас» представляет собой изложение в некотором роде хронологии открытий, сделанных во Франции в течение более века (Billy, 1976: 595). Скелеты, раскопанные в 1888 г. в навесе **Кро-Маньон**, не являются самыми первыми открытиями, им предшествовали находки в навесе **Ла Мадлен** в 1864 г. и в **Брюникеле** в 1865 г., но учитывая их большое сходство с современными людьми, они были сначала объявлены неолитическими. Такая же участь могла постигнуть и скелеты в Кро-Маньон, если бы их особые характерные черты не привлекли внимание Поля Брока. В настоящее время широко известно значение типа кро-маньон для изучения палеолитического человека. Кро-маньонцы не только представляют фундаментальную группу в палеолите Европы, но некоторые авторы прослеживают их черты у современного человека.

«Раса» Шанселад, предложенная Лео Тестю в 1889 г. на основании мадленского скелета из **Абри Раймонден**, передает морфологию, отличную от морфологии кро-маньонца, поскольку она рассматривалась как родственная эскимосам. Разгоревшейся борьбе мнений положило конец заключение Анри-Виктора Валлуа, который показал, что человек из Шанселада не отличается значительно от других верхнепалеолитических сюжетов. Однако, замечает Ж. Билли, морфология его черепа остается достаточно изолированной в контексте французских материалов и в настоящее время существует тенденция сближать его с типом комб-капелль.

Исторически третьим человеческим типом в верхнем палеолите считалась «негроидная раса» из **Гримальди**, предложенная Р. Верно. Хотя Верно подчеркнул негроидные особенности двух скелетов, найденных в **Гроте Детей** в Бауссе Руссе, по отношению к основному кро-маньонскому комплексу Гримальди, рассматривали в качестве реально специфических критериев прогнатизм и массивность зубных арок и зубов, аутентичность которых была отклонена доскональным анализом Р. Легу (Masset, 1989).

Человек из **Комб-Капелль**, на основании которого создали «расу» такого наименования, был открыт в Монферране в 1909 г. По его стратиграфическому положению в слое нижнего перигора – это самый древний представитель верхнего палеолита во Франции.

Таким образом, установлены 4 разновидности Homo sapiens sapiens, которые составляют только 2 фундаментальных морфологических единства: тип комб-капелль и тип – кро-маньон, появившиеся в первой половине верхнего палеолита. Дадим их краткое описание.

У кро-маньонского человека череп очень объемистый и умеренно долихокранный. Черепной свод низкий с уплощенным теменем имеет, кроме того, заметно уплощенное основание. Лоб в профиль выпуклый и вертикальный. Крайне широкое и низкое лицо контрастирует с относительно длинным и узким черепом. Это кранио-фасиальная дисгармония составляет одну из самых заметных черт типа кро-маньон. В качестве специфического критерия упоминаются очень низкие орбиты в форме трансверсально поставленного вытянутого прямоугольника. Носовая кость выступающая. Обычно отмечают и определенный прогнатизм верхней челюсти. Кро-маньонцы всегда высокого роста: между 1.71 м (**Кро-Маньон**) и 1.77 м (**Гримальди**). Кости обладают большой крепостью и признаками замечательной мускулатуры. Тазовые кости широкие и сильно уплощенные в передне-заднем направлении. Пропорции конечностей обнаруживают очень длинное предплечье по отношению к плечевой кости и очень длинную голень по отношению к бедру. Кроме того, ноги пропорционально более развиты, чем руки. В этой столь особенной морфологии уже появляются современные по существу черты, такие как подбородочный выступ или вертикальный выпуклый лоб. Другие специфические черты: высокий рост, кранио-фасиальная дисгармония, низкая орбита и узкий нос могут рассматриваться как результат эволюционной специализации, но у кро-маньонцев существуют некоторые черты, напоминающие неандертальские. Такие архаичные черты находятся еще в конце ориньяко-перигорского этапа, как об этом свидетельствует скелет из **Абри Пато**.

Человек из **Комб-Капелль** характеризуется гармоничным черепом: коробка длинная, высокая и узкая. Немного выпуклый лоб слегка скошен.

Лицо вытянутое. Надбровные дуги заметно выступают над орбитой средней высоты. Корень носа продавлен, носовое отверстие широкое с предносовой ямкой. На массивной нижней челюсти отмечается наличие очень развитого подбородочного треугольника. Средний рост не превышает 1.65 см. Конечности характеризуются удлиненностью дистального сегмента и бедренная кость имеет сильно развитый пилястр. В целом, человек из Комб-Капелль кажется очень отличным от кро-маньонца, но у него, так же как у последнего, существует сочетание примитивных и развитых характерных черт. Поэтому трудно уточнить, какой из этих двух морфологических типов верхнего палеолита наиболее продвинулся на пути Homo sapiens sapiens.

Сравнение средних характеристик популяций ориньяко-перигорского этапа с населением солютре-мадленского периода обнаруживает трансформации в росте/телосложении и краниофасиальных показателях, которые произошли в течение верхнего палеолита. Полученные данные не имеют статистического значения по причине малого количества материала, но, тем не менее, дают направление эволюции, отмечая систематическое уменьшение главных размеров черепа. В течение верхнего палеолита череп фактически уменьшается в объеме и прогрессивно теряет свою характерную массивность. Череп становится менее широким и более коротким, но высота свода практически не эволюционирует. Лоб становится более узким, он выпрямляется и надбровные дуги уменьшаются. Происходит грацилизация лицевого массива с прогрессирующим смягчением фундаментальных черт истинных кроманьонцев: лицо низкое, нос широкий, орбиты низкие и четырехугольные. Происходит и некоторое уменьшение роста. Допускается объяснение, что генетические трансформации обуславливались влиянием окружающей среды.

За исключением скелета ребенка из **Фигье** и останков человека из **Плакар**, солютрейский возраст которых окончательно не определен, вся полнота антропологического материала из второго этапа французского верхнего палеолита относится к мадлену. Среди наиболее целых и наиболее известных упоминаются в Дордони скелеты из **Ложери-Бас** и **Шанселад** (мадлен IV, так же как погребение молодой женщины из **Кап Блан**, относящееся к верхнему мадлену). Женский скелет из **Сен-Жермен-ла-Ривьер** (Жиронда) отнесен к мадлену III, а скелеты из **Мас д'Азиль** (Арьеж) и **Брюникель** (Тарн-и-Гаронна) датируются мадленом V. Наконец, мужской скелет из **Вейрье** (Верхняя Савойя), остатки человека из **Ла Мадлен** и скелет из **Абри Дюрюти** (Ланды) принадлежат мадлену VI. Ряд ископаемых: скелеты из **Рок-де-Сер** (Шаранта) и череп из **Ото** (Эн) считаются верхне-мадленскими без точного уровня. За исключением находок в Шанселаде и Вейрье, все мадленские останки – женские, составляющие однородный ансамбль (Vallois, 1972), как с метрической, так и с описательной точки зрения. Их определяют по черепу со смягченным рельефом и умеренным объемом черепной коробки. Свод удлиненный, но низкий с затылочным шиньоном небольших размеров. Наиболее часто контур свода яйцевидный со стертостью теменных бугров. Лоб широкий, возвышающийся над крайне смягченными надбровными дугами. Другие рельефы также мало отчетливы. Лицевой массив характеризуется поперечным расширением верхней части, что придает ему дисгармоничное строение. Что касается роста, который считается невысоким, большая часть характерных черт мадленской группы бесспорно сближается с характеристиками телосложения кроманьонской группы. Ж. Билли указывает, что идентичность далека от абсолютной, но можно видеть в этих «мадленских кроманьонцах» (Валлуа), реплику, сообразную первоначальному типу, все специфические черты которого затушеваны прогрессирующей грацилизацией.

Мужской скелет из Шанселада обозначен в этом ансамбле сильно отличающимися кранио-фасиальными характеристиками. Он заметно долихокранный с очень высоким сводом черепа. Лицо, также высокое и совершенно ортогнатное, находится в гармонии с черепом. Соответственно орбиты высокие и носовое отверстие узкое. Кости конечностей массивные и короткие. Рост всего 1.6 м. Этот особый аспект шанселадского мужчины в течение долгого времени привлекал внимание антропологов, придававших ему статус расового прототипа. Учитывая многочисленные черты сходства с человеком из Комб-Капелль: рост, яйцевидный череп, округлость затылка и строение свода, пропорции лицевого массива появилась тенденция рассматривать шанселадского человека как мадленского потомка комб-капелльца. Его изолированное положение среди французских кроманьонцев, во всяком случае, является эквивалентом такой же изоляции человека из Комб-Капелль в ориньяко-перигорское время. Человек из Шанселада, конечно, далек от кроманьонской популяции, но не может рассматриваться как морфологически изолированный. Он сближается не только с географически близким сюжетом из Комб-Капелль, что дает место гипотезе об их генетическом родстве, но он напоминает

в особенности лептодолихоморфный ансамбль из Центральной Европы (Дольни-Вестонице, Брно, Оберкассель), в определенной степени мужские погребения из Грота Детей в Гримальди и Костенок 14 (Billy, 1992).

Итак, во Франции широко представленный кроманьонский тип существует до финальной фазы мадлена, а комб-капелльский тип, родство которого с неандертальцами контрастирует со степенью законченности его черепного профиля, представлен лишь одной находкой. Для нашей темы особо интересен физический облик людей, обладавших способностью к художественному творчеству.

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ

Одним из решающих моментов в понимании истории первобытного общества является установление места палеолитических памятников в хронологической последовательности. Если до сих пор рассматривались методы относительного датирования, то теперь необходимо обратиться к определению абсолютного возраста. Единственным методом, пригодным и оправданным для верхнего палеолита, является радиоуглеродный метод, применяемый к образцам, происходящим из культурных слоев стоянок. В недавно изданном исключительно важном труде (Синицын, Праслов, ред., 1997) изложены достоинства и недостатки этого метода датирования. Приведем несколько общих положений, полезных для понимания его значения.

Как отметил Ю.С. Свеженцев, этот метод датирует не историческое событие, а концентрацию радиоуглерода в исследуемом образце, а вернее, констатирует момент прекращения обмена радиоуглерода с окружающей средой, т.е. факт смерти организма («человека, животного, дерева, раковины и т.д.» (там же: 12). Диапазоны значений радиоуглеродных датировок являются в настоящее время наиболее точными из всех естественно-научных хронологических массивов, используемых в археологии, но они не могут считаться абсолютно достоверными. Нельзя забывать, что радиоуглеродный метод, как и большинство хронометрических методов датирования, дает результаты не в единицах физического времени, т.е. календарных лет, а в условных единицах времени, в данном случае, радиоуглеродного возраста. На практике радиоуглеродной дате соответствует какой-либо промежуток лет (интервал). На основании калибровочных кривых, построенных на дендрохронологии, можно переводить радиуглеродные даты в календарные вплоть до 18 000 лет. Из-за отсутствия дендрообразцов для этого периода трудно проверить соответствия радиоуглеродных дат календарному возрасту. На помощь приходит сравнение радиоуглеродных дат с иониевыми, установленными на ленточных глинах или кораллах. Для промежуточного времени от 10 000 до 20 000 лет установлено, что радиоуглеродные даты моложе иониевых на 800-1 000 лет, а в интервале 30 000-40 000 лет на 1 500 лет, т.е. реальный возраст должен удревняться. В интервале 29 000-35 000 лет радиоуглеродные даты остаются приблизительно постоянными (там же: 13).

Трудности в определении возраста памятников внутри протяженности верхнего палеолита (40 000-10 000 лет) заключаются в ряде обстоятельств. В культурных слоях часто отсутствуют образцы, содержащие углерод (древесина, уголь, торф и пр.). Наиболее распространенными материалами для датирования являются кость, обожженная кость, костный уголь, а также зубы и бивни мамонта. Самый массовый материал – кость от долгого пребывания в земле минерализуется, происходит деградация структуры органической части – коллагена, необходимого для дальнейшей обработки, часто довольно длительной и касающейся также очистки образца от загрязнения более молодым углеродом. Наиболее точных результатов можно достичь, получив серию дат для одного памятника по разным материалам и в разных лабораториях. Но и в таких условиях трудно избежать разброса на несколько тысячелетий, что может зависеть от множества факторов: расположения датированного образца в культурном слое, степени его сохранности, точности отбора и т.д. «В конце концов разброс серийных дат, конечно, в определенных пределах, что вполне естественно и закономерно, это заложено в самых принципах метода; измерение концентрации ^{14}C почти не воспроизводится» (там же: 15). Поэтому, являясь полноценным и исключительно важным источником информации, радиоуглеродные датировки, как отметил А.А. Синицын (там же: 6) могут привлекаться для решения хронологических проблем палеолита только после всесторонней оценки достоверности образцов.

Роль радиоуглеродного датирования при всей ее значимости не столь однозначна, как представляется многим археологам, которые ставят абсолютные даты во главу угла при решении многих проблем, касающихся не только хронологии и периодизации, но и миграционных и палеодемографических процессов. Как справедливо замечает П. Петит (Pettitt, 1999: 21), любое общее обсуждение радиоуглеродных дат для того или иного ар-

хеологического периода будет предварительным, поскольку многие, если не большинство дат, не опубликованы. Те даты, которые доступны, даются иногда не систематически: отсутствуют лабораторные номера и детальная информация о стратиграфическом положении образца. При недостаточной информации часто трудно оценить надежность опубликованных дат как для отдельного памятника, так и для сопоставления памятников одного региона или одного периода.

П. Петит останавливается на проблемах в радиоуглеродном датировании археологических стоянок в период 30 000-20 000 лет назад, связанных с широкими факторами: методология датирования и стратиграфические данные. Датирование любого археологического материала старше 25 000 лет назад включает главную проблему, заключающуюся в отсутствии материала известного возраста, для которого истинная дата была бы получена независимыми средствами. Установлено, что загрязнение более поздними материалами является главным препятствием для поиска истинного (т.е. точного) радиоуглеродного возраста. В рассматриваемый период 1 % загрязнения в 28 000 лет назад должен увеличивать активность углерода14 на свыше 30 %, что сводит дату, по меньшей мере, к 20 000 лет назад Следовательно большинство радиоуглеродных дат свыше 20 000 лет должно быть переоценено.

Обсуждаемый временной ряд средней поры верхнего палеолита не является однородным периодом и археологически и в смысле радиоуглеродной методологии. Следует помнить, что проблем, возникающих в результате загрязнения и малых количеств сохранившегося коллагена значительно больше в 30 000 лет, чем в 20 000. Чем больше древность образца, тем крупнее допущенная ошибка в определении и, если в период 30 000-28 000 лет средняя ошибка будет ±800 лет, то в период 22 000-20 000 она фактически в два раза меньше. Из этого следует, что наше восприятие хронологической природы ориньяка и солютре будет различаться просто как результат условно выраженной лабораторной ошибки, дающей рост широко различающихся рядов ошибок.

Для серии дат, используемых П. Петитом, 85 % были получены по образцам кости, рога, бивня, зуба. Для этого материала очищение аминокислотами было значительно более легким, когда образцы были малыми, что требовалось для AMS датирования. Это было отражено в тенденции, наблюдаемой в 1980-х годах для Оксфордской лаборатории, которые находятся в добром согласии с датами из других лабораторий, в частности для Абри Пато.

Итак, чем древнее образец, подвергнутый датированию, тем более радиационный фон будет отражен в результате – фактор значительно влияющий на кость, по причине того, что малое количество коллагена, из которого углерод был извлечен, осталось в образцах этого периода. Именно из-за низких количеств коллагена создалась тенденция использовать крупные образцы и это часто приводило к объединению образцов для получения средних дат, которые были лишены смысла, особенно, в датированных секвенциях, состоящих из относительно тонких стратиграфических разрезов. Примером этого является обширная серия образцов из **Ла Ферраси**, датированная в лаборатории Жифсюр-Ивет. При датировании **Абри Пато**, одной из наиболее интенсивно датированных стоянок этого периода в лаборатории Гронингена были использованы крупные объединенные образцы как обожженных, так и необожженных костей животных, в то время как AMS даты были получены по аминокислотам, извлеченным и очищенным из гидролизованного коллагена, выделенного из отдельных костей. Согласованность дат Гронингена и Оксфорда впечатляет, т.е. результаты в общем совпадают внутри стандартного отклонения образцов.

Некоторое число радиоуглеродных дат может оказаться вне ожидаемого ряда/секвенции отдельной стоянки и это часто связывает стратиграфические проблемы с радиоуглеродным датированием материала. По сравнению с древними костями, имеющими малое количество коллагена, костный уголь – в сущности, чистый углерод – является почти идеальным образцом для установления большой стратиграфической вариабельности. Главная проблема – это загрязнение более поздними, внедренными сверху материалами, в особенности мелких размеров, из-за чего может происходить инверсия дат. К тому же было замечено, что отклоняющиеся даты в стратиграфической секвенции получены по очень малым образцам. Эта проблема касается не только стоянок на открытом воздухе, но и пещерных отложений.

П. Петит упоминает, что доступная ему база данных из 491 образца для периода 30 000-20 000 лет в процессе детального сравнения оказалась неоднообразной по природе. Возникают проблемы, связанные с различной манерой публикаций. 150 дат были перечислены в различных изданиях без указания материала образца, многие без детальной культурной атрибуции и некоторые без лабораторного номера. Различные страны и регионы имеют различные традиции исследований и эти различия в определенной мере отражены в радиоуглеродной базе данных.

Остановимся здесь лишь на том, что касается Франции, где представлено серийное датирование последовательных отложений в таких многослойных памятниках как Ла Ферраси и особенно Абри Пато, обладающим датами, полученными в Гронингене и в Оксфорде. Результаты двух лабораторий были постоянными, лишь с немногочисленными отступлениями, и демонстрирующими ориньякское заселение, которое заканчивается к 28 000 лет. Перигор IV начинается по крайней мере, именно в 28 000 лет, возраст 27 000-26 000 лет приписывается слоям с резцами ноай, финальный перигор относится к 24 500-24 000 лет и протомадлен – 22 000-21 000 лет. Н. Давид опирается в Абри Пато на средний возраст 27 000 лет перигора с резцами ноай, который он рассматривает как интрузивное движение популяции, прерывающее постепенно эволюцию от перигора IV к перигору VI (David, 1985). Надо сказать, что во Франции относительно хорошо понятая хронология была установлена для перигора V и VI, в то время как перигор IV еще плохо определен в хронологическом смысле, хотя он кажется датированным между 28 000-26 000 лет (Delporte, 1976), но существуют и альтернативные культурные группировки (см. Rigaud, 1999 и Djindjian, 1999) или, возможно, немного более ранним временем, как показывает Абри Пато.

Для солютре нет дат раньше 23 000 лет. Лишь одна дата в 23 000-22 000 лет известна из Грута до Кальдерао в Португалии. Солютрейские памятники, относящиеся к этому времени, найдены, кроме Португалии, в Кантабрии и южной Франции. Сюда можно включить также протомадлен Абри Пато, слой М2, линза 2, датируемый 22 000±600 лет назад (OxA-162).

Что касается позднего солютре и мадлена, попадающих в рамки 19 000-12 000 лет назад, то радиоуглеродные даты в большинстве случаев совпадают с хронокультурным определением памятника в существующем дробном подразделении мадлена, основанного на других критериях. Подчеркнем, что определение возраста культурного слоя того или иного памятника будет достоверным только при совпадении всех показателей, имеющих к нему отношение.

Радиоуглеродные даты для культурных слоев касаются и содержащихся в них произведений искусства малых форм. Сложнее обстоит дело с датированием настенного искусства, не затронутого отложениями. Существенный сдвиг произошел со времени получения первой радиоуглеродной даты около 15 000 лет для южно-африканских росписей, сделанных древесным углем. Для датировки был применен уже упоминавшийся метод AMS, требующий небольшого количества материала. Недавно было обнаружено, что обычная техника очищения образца не может быть применена, если образец содержит существенное количество оксалатов (солей щавелевой кислоты).

Со времени первых результатов были применены новые инструментальные техники датировок наскальных росписей, большая часть которых, но не все, основана на радиоуглероде, были датированы многочисленные изображения, в основу которых положен древесный уголь. Была использована химическая обработка материалов плазмой. Полученное химическое извлечение применялось и для неорганических пигментов. Опубликовано более 100 дат радиоуглеродным методом по углистым фрагментам из палеолитических пещер Франции и Испании, которые располагаются между 35 000 и 12 000 лет назад (Rowe, 2001 с обширной библиографией).

ГЛАВА III. ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ФИГУРАТИВНОГО ИСКУССТВА ЕВРОПЫ

ФРАНЦИЯ

Как по первенству открытия и осмысления палеолитического искусства, так и по обилию и разнообразию материалов основополагающее место в этом разделе принадлежит Франции. Французская периодизация верхнего палеолита издавна служит опорной базой для других районов Европы. Рассмотрим памятники Франции (карта-схема 2), согласно принятой периодизации, начиная с южной припиренейской зоны и кончая крайним севером на границе с Бельгией.

Из эталонных памятников палеолита Франции совершенно исключительное значение имеет двухкамерный и многослойный грот **Истюриц** в Атлантических Пиренеях. Грот находится в 10 км к юго-востоку от г. Аспарена и представляет собой верхний уровень карстовой системы, промытой р. Арберу (приток р. Адур) и включающей грот Оксосельхайя на среднем уровне и грот Эрберуа на нижнем.

Грот Истюриц длиной 120 м и шириной 50 м разделен на две параллельные галереи обломками обвала. Северная галерея называется Залом Истюриц или Большим Залом, южная галерея – Залом Сен-Мартен. Каждая галерея обладает независимым входом и собственной стратиграфией (рис. 1).

Карта-схема 2. Историческое и административное деление территории Франции (по: Gallia Préhistoire, t. 29, f. 2, 1986: 496).

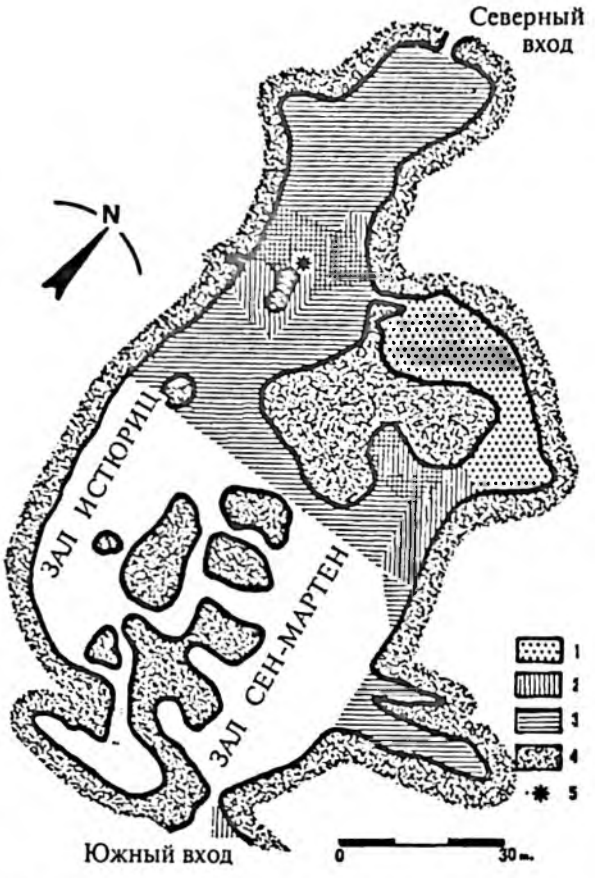

Рис. 1. План грота Истюриц (по: Passemard, 1944: fig. 1; Delporte, 1980-1981: fig. 1).

Условные обозначения: 1 – разработка фосфоритов; 2 – раскопки Э. Пассемара; 3 – раскопки Р. де Сен-Перье; 4 – скальная стена; 5 – настенные гравюры.

Несмотря на катастрофическую по объему добычу фосфатов в глубине пещеры в 1895-1898 гг., уничтожившую часть заполнения, грот не утратил своего значения: именно это обстоятельство послужило причиной открытия уникального даже для Франции памятника: в научных обществах было представлено несколько мадленских находок, которые, к сожалению, потом бесследно исчезли. Они привлекли внимание Эдуарда Пьетта, но он не решился на исследование «таинственной» пещеры и только в 1913 г. Эма-Ноэль Пассемар предпринял работы в Зале Сен-Мартен (Passemard, 1944). С 1928 по 1950 гг. раскопки в обоих залах производил Рене де Сен-Перье, опубликовавший три великолепные монографии (Saint-Périer, 1930, 1936; Saint-Périer R. et S., 1952). Позже Анри Дельпорт произвел тщательный анализ планов раскопок Пассемара и Сен-Перье, которые мы объединили на рис. 2 и в табл. 2, и дал согласование слоев различных стратиграфических разрезов (Delporte, 1980-81: 22-23, fig. 2).

Описание культурных слоев начнем со слоя SIII Зала Сен-Мартен, который Р. де Сен-Перье отнес к ориньяку типичному (Saint-Périer, 1952: 201-224). Находки залегают в слое темной глины толщиной 50-70 см. Погребенный под другими слоями в плохо проветриваемом зале слой был очень влажным, но, тем не менее, обработанные костяные предметы и фаунистические остатки хорошо сохранились. Очаги редки или мало различимы, но уголь был рассеян достаточно широко.

Фауна довольно богата и разнообразна, но животные, предназначенные для пропитания ограничены почти исключительно лошадью. Северный олень встречается значительно меньше, чем в других слоях. Благородный олень редок. Остатки быка, ближе не определенного, представлены метакарпальными и метатарсальными костями, а также молярами. По одному моляру определен носорог. Отмечена фаланга серны. Хорошо представлены хищники, особенно лисица и песец. На ограниченном участке слоя залегали 9 челюстей лисицы и 2 песца. Имеются в достаточном количестве и другие их кости. Определены кости пещерного медведя и пещерной гиены, а также волка (клык, фрагмент лучевой) и лесной кошки (фрагмент нижней челюсти). Из птиц отмечены филин, ворона, альпийская клушица, сорока.

К единичным произведениям искусства (рис. 3) может быть отнесена маленькая подвеска из сланца, которая напоминает голову животного, мастер несомненно хотел подчеркнуть это сходство (Saint-Périer, 1952: fig. 118, 9). Два фрагмента камня рассматриваются как заготовки скульптур, достаточно сомнительных, но, тем, не менее, производящих впечатление головы лошади и фигурки мамонта (там же: 118, 10 и 8).

Слой V Большого Зала (средний ориньяк) залегает в основании стратиграфической колонки и соответствует слою «А» Э. Пассемара (там же: 169-187). Литологически это слой глинисто-песчанистый, плотный, толщиной 60-80 см, заполненный массами сталагмитов и объемистыми блоками обвала. Он продолжался от гравированного столба (рис. 2д) до древней стены (рис. 2м) во всю ширину зала. В заполнении слоя местами прослеживались черные прослойки, почти горизонтальные, реже в виде западин, представляющих очаги с более обильными культурными остатками, включающими кремневые орудия, многочисленные отбросы производства, кости, несущие часто следы погрызов гиены, немного обработанных костей, уголь. Р. де Сен-Перье приходит к заключению, что поселение людей здесь не было непрерывным, а чередовалось с приходом пещерных медведей и гиен. Уход людей, без сомнения, был вызван обвалами сводов и потоками воды.

Фауна обильна и разнообразна с преобладанием лошади (зубы, челюсти, фрагменты трубчатых костей), хорошо представлен бык (первобытный бык или бизон), северный олень, меньше костей благородного оленя и серны. Особенно интересна

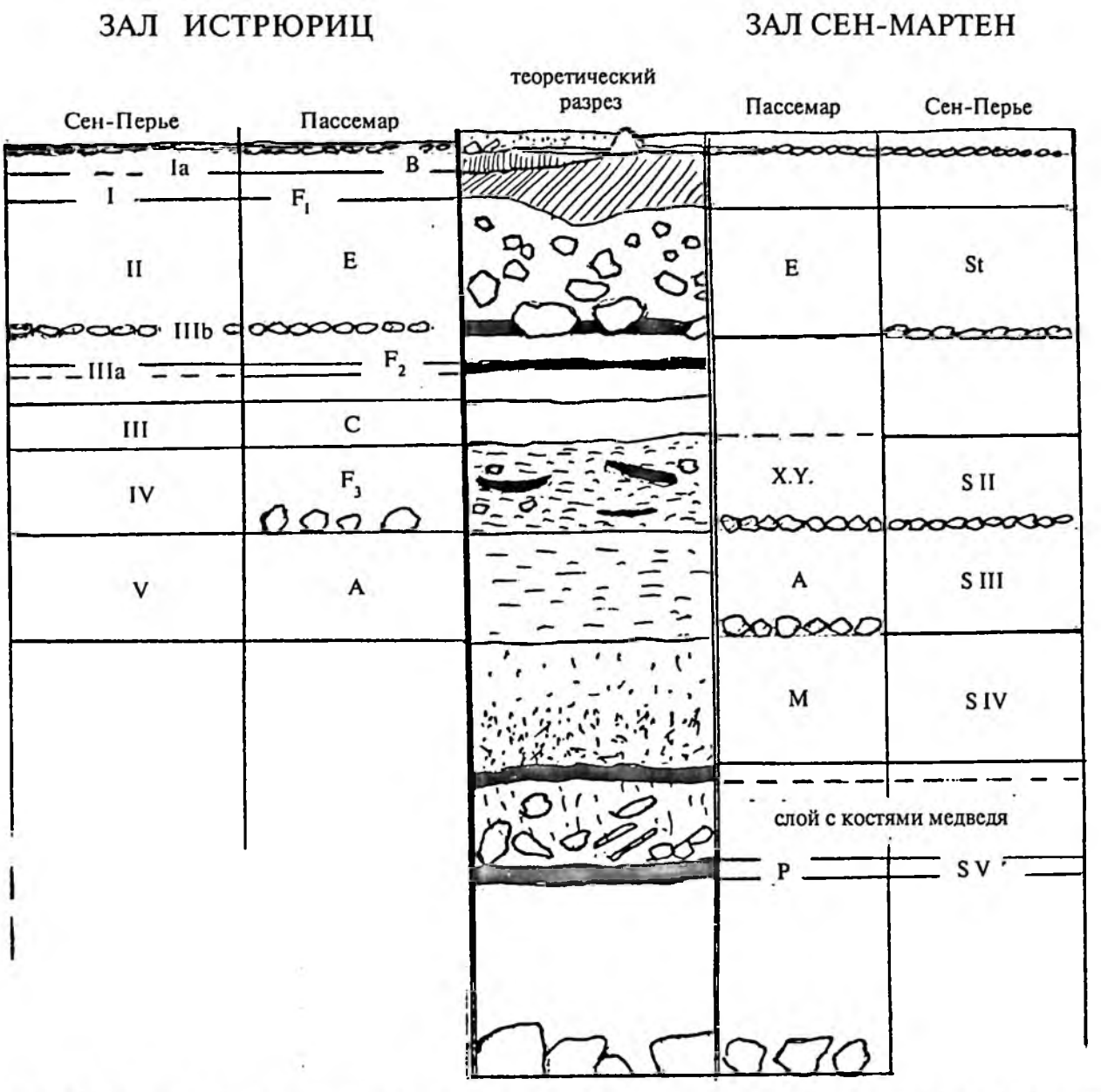

Рис. 2. Истюриц. Общая стратиграфия двух залов и сопоставление слоев раскопок Э. Рассемара и Р. де Сен-Перье (по: Delporte, 1980-1981: fig. 2).

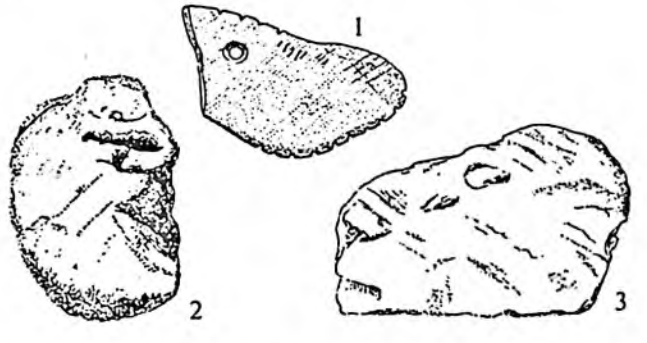

Рис. 3. Истюриц. Зал Сен-Мартен, слой SIII, ориньяк типичный:

1 – подвеска из сланца (голова лошади ?);

2 – заготовка скульптуры мамонта (?) из камня;

3 – заготовка скульптуры (голова лошади ?) из камня.

находка остатков гигантского оленя-мегацероса (часть нижней челюсти со всеми молярами и премолярами и фрагмент рога, распиленный человеком), Отмечены 2 зуба и 1 кость носорога хорошей сохранности и 1 окатанный моляр молодой особи мамонта. Из хищников заметное место принадлежит лисице и волку, а также пещерным медведю и гиене. Единичны кости бурого медведя (нижний резец), пещерного льва (Felis leo, верхний клык молодой особи) и пантеры (Felis pardus – правая целая метакарпальная кость особи больших размеров). Многочисленны остатки птиц: дневных хищников (пустельга, сокол-сапсан, сарыч), воробьиных (ворона, альпийская клущица), а также тетерева и серой куропатки. Особенно много костей речной утки. Р. де Сен-Перье замечает, что этот культурный слой представляет собой самое древнее заселение

Табл. 2.

Зал Истории или Большой (Северный) Зал.

Сен-Перье		Пассемар	
	Древние отвалы и глина. Прерывистый сталагмит.	O.	Поверхность: керамика, предметы из бронзы и железа. Сталагмит.
Ia.	Уровень очень черный с несколькими предметами финального мадлена и азиля.	B.	Слой ила с крупными кремнями.
I.	Слой черный, очень плотный, каменистый, богатый кремнем и костью (толщина: 0.05-0.6 м): мадлен V.	F1.	Слой черный с большими очагами: мадлен.
II.	Слой угловатого щебня, сухой и сероватый или заключенный в красную глину (толщина: 0.1-1.0 м): мадлен IV и следы мадлена III.	E.	Обвалы зольные, черные, жирные: мадлен.
	В основании буроватый ил с многочисленными плоскими камнями (вымостка) и редкими солютрейскими изделиями (уровень IIIb?).		
	Глина стерильная (толщина 0.3-0.4 м).		Глина стерильная.
IIIa.	Глина серая, очень плотная (отложение ручья) с многочисленными стерильными зонами (толщина: 0.3-2.0 м): солютре.	F2.	Тонкая линия очагов: солютре.
			Глина пластичная, стерильная.
III.	Глина влажная, сходная с IIIa, но с более значительными следами заселения: финальный ориньяк.	C.	Глина, трудно отделяемая от предшествующей, менее темная и менее богатая находками, чем следующий слой: ориньяк
IV.	Масса черная, сухая, пылеватая; охра, обожженные кости; западины очагов с гальками, обожженными огнем; очень обильное искусство, значительная популяция: граветт.	F3.	Уровень черный, с очагами в западинах; много кости; плотная популяция: ориньяк.
	Стерильный слой (толщина 0.15-0.20 м).		Щебень и фрагменты известняка.
V.	Глина песчанистая, плотная, светло-желтая, со сталагмитовыми массами и объемистыми блоками; седимент, близкий к III; несколько западин и особенно линии очагов; прерывистое заселение (толщина 0.6-0.8 м). Средний ориньяк.	A.	«Слой трюфельный», идентичный слою из Зала Сен-Мартен; кремень заключенный в ил: ориньяк
	Стерильный ил (толщина 2.5 м).		Стерильный ил (толщина более 5 м).

Зал Сен-Мартен или Южный Зал.

Сен-Перье		Пассемар	
D.	Глина (толщина 0.04-0.2 м): керамика, просверленные кружки бронзового века.		Глина стерильная.
	Сталагмит (максимальная толщина 0.3 м): керамика и человеческие кости (бронзовый век).		Сталагмит.
SI.	Очень черный с красными пятнами, иногда брекчиевидными; кости, зола (толщина: 0.25-0.6 м): древний мадлен.	E.	Известняковый обвал, идентичный обвалу другого зала: мадлен.
	В основании почти непрерывные плоские камни, сталагмит, два солютрейских изделия.		
	Слой стерильный (?).		
SII.	Глина сероватая: тонкая линия очагов; мало камней и костей (толщина 0.2-0.6 м): средний ориньяк	XY.	Ил золистый, серый или беловатый, очень бедный. Ориньяк.
	Глина стерильная, иногда сталагмитизированная.		Блоки и щебень.
SIII.	Глина темная с желтыми прослойками, более тяжелыми и более жирными, чем слой SII; кость плохо сохранилась: типичный ориньяк.	A.	Ил бурый более окрашенный, чем M, с костями и углем; это слой «трюфельный»: ориньяк.
	В основании слой более светлый, более бедный: инвентарь шательперронского вида.		
	Стерильный (толщина 0.1-0.15 м).		Блоки обвала.
SIV.	Желтая земля с блоками обвала (толщина 0.5-0.6 м): мустье типичное.	M.	Уровень толстый: ил более светлый в своей верхней части: мустье.
	Стерильный слой (толщина 0.25-0.3 м).		
	Слой с костями пещерного медведя и редкими мустьерскими кремнями (толщина 0.2 м).		Илы менее желтые с костями пещерного медведя и несколькими мустьерскими кремнями.

человеком Большого Зала. Здесь представлено несколько неясных гравюр, нанесенных на костяные осколки и каменные фрагменты (рис. 4). Фигуративное значение их сомнительно (там же: fig. 96, 97).

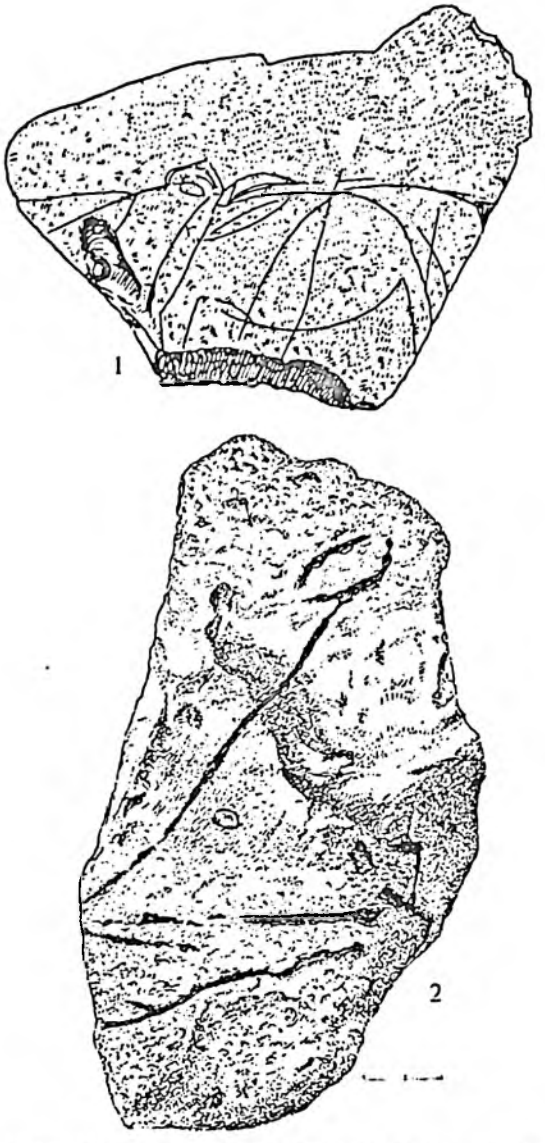

Рис. 4. Истюриц. Большой Зал, слой V, средний ориньяк:
1 – гравюра мамонта (?) на камне;
2 – гравюра волка или лисицы на камне.

Слой IV Большого Зала, определенный Р. де Сен-Перье как слой верхнего ориньяка или граветта (там же: 80-168), лежит непосредственно на слое V, но полностью отличается от него: насколько тот влажный, этот сухой и состоит более из черной золы, чем земли. Он насыщен костными отбросами, по преимуществу мелкими и покрытыми патиной желтой, оранжевой или рыжеватой, рассеянными фрагментами красной охры и обожженных костей. Культурные остатки образуют компактные скопления на дне западин очагов, отмеченных крупными обожженными гальками. Средняя толщина слоя 50-60 см.

В фаунистических остатках лошадь наиболее обильно представлена очень большим количеством зубов, верхних челюстей, костей конечностей; отмечается, что встречаются особи молодые, взрослые и старые. Вслед за лошадью идет северный олень, но мало костей хорошей сохранности и сброшенных рогов. Интересно, что нет крупных рогов самцов, в противоположность наблюдениям, сделанным по мадленской фауне Большого Зала. Это может свидетельствовать о том, что миграции северных оленей в граветтское время отличались от ритма миграций в мадлене. Очень обильный благородный олень уступает в числе северному, все его кости плохой сохранности. Большое количество верхних челюстей и разбитых костей конечностей могло принадлежать как первобытному быку, так и бизону, иногда особям крупных размеров. Определенно, что бизону принадлежит несколько различных костей, в том числе необычайно крупный позвонок, а первобытному – 1 копыто. Иногда указывается число особей: серна – 6-7 особей; гигантский олень – 1-2 особи по обломкам рогов; мамонт – 1-2 особи по молярам, кроме того, упоминаются пластинка бивня и корень зуба; шерстистый носорог – 1-2 особи по молярам. Косуля определена по фрагментам верхней и нижней челюстей, заяц по трем костям конечностей. Из хищников наиболее многочисленны лисица (25-28 особей) и песец (8-9 особей). Значительным числом особей представлены волк (10), и пещерные медведь (6) и гиена (5-6), определенные преимущественно по зубам. Кости бурого медведя принадлежали 4-5 особям, пещерного льва – 1 особи (клык и 2 метатарсальные кости). Лесная кошка определена по одной сломанной плечевой кости, куница по двум костям конечностей, альпийский волк по нижнему левому клыку.

В слое IV отмечено большое разнообразие птиц, определенных часто по 1-3 костям, но некоторые виды представлены несколькими особями. Отряд дневных хищников включает беркута, бурого грифа, мохноногого канюка, восточноевропейского сарыча, пустельгу обыкновенную, сокола-сапсана, белоголового сипа. Из ночных хищников отмечены белая сова и сова болотная или степная (Asio accipitrinus или flammeus) – особенно интересная тем, что в настоящее время «ее можно встретить и в тундре, и в степях, и в плавнях больших южных рек. Она встречается всюду, где есть кустарники, удобные для гнездования, и открытые места, богатые мелкими грызунами, для охоты» (Формозов, Житков, 1940: 201-202). К отряду воробьиных принадлежат ворон, альпийская клушица (12 особей), галка (3-4 особи), клушица; к семейству фазановых – один из видов серой куропатки (Perdrix graeca); к семейству перепончатолапых – турпан, крохаль, белолобый гусь.

Скульптура в этом слое определенно требует оговорок по причине, прежде всего, химического изменения поверхности первичного материала

– мягкого песчаника. Большая часть фрагментов неопределенна и не имеет никакой художественной ценности. Тем не менее, их форма напоминает очертания голов или фигур животных и, может быть, именно поэтому они были подобраны обитателями грота. Иногда самая малая подправка могла в их глазах «оживить» образ и придать камням определенное значение. Так, одна из плиток песчаника с очень поврежденной поверхностью, возможно, представляла барельеф мамонта (рис. 5,1), а несколько обломков костей и песчаника – головы лошадей (рис. 5,2-4) и бизона (рис. 5,5).

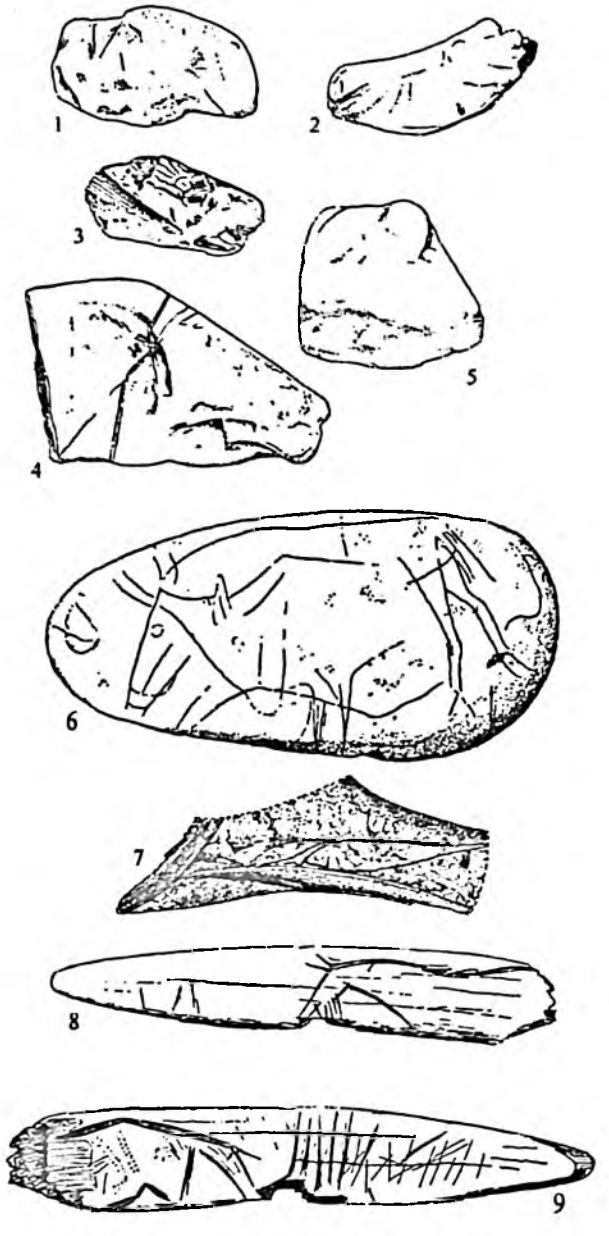

Рис. 5. Истюриц. Большой Зал, слой IV, верхний ориньяк (гравстт):

1 – скульптура мамонта (?) и песчаника;

2 – скульптура голова лошади из кости;

3, 4 – барельефы головы лошади (?) на плакетках песчаника;

5 – скульптура головы бизона из песчаника;

6 – гравюра быка на гальке;

7 – гравюра двух рыб на роге северного оленя;

8, 9 – гравюры лошади и быка (?) на орудии из ребра.

В слое собрано более сотни необработанных обломков костей, покрытых простыми прямолинейными нарезками без какого-либо декоративного намерения. В то же время поражает их регулярность, группировка и тонкость линий. На других осколках видны различные знаки, а на каменных основах – нарезки геометрического характера. Отмечено несколько гравюр типа вульв, характерных для ориньякских слоев памятников в окрестностях Лез Эйзи (см. ниже). На камнях встречаются также неправильные или неумелые фигуры животных, часто сохранившихся неполностью из-за излома плиток. Фигуры нанесены тонкими линиями, но переплетения контуров редки. Суммарность, неумелость и неполнота изображений, полученная намеренной фрагментацией основ, затрудняют идентификацию животного. В этих гравюрах отсутствуют художественность и точность, хотя встречаются редкие исключения, как маленькая сланцевая галька, служившая отжимником и гравированная на двух сторонах: на одной – представлена голова оленя, на другой – передняя часть первобытного быка скорее, чем бизона, задняя часть другого быка и голова и ноги третьего животного (рис. 5,6). Характерно, что и другие рисунки неотчетливы или незакончены. Из фигуративных сюжетов можно отметить двух рыб на обломке рога северного оленя (рис. 5,7)– тема, широко распространенная в мадлене Франции, но редкая в предшествующие мадлену эпохи. Интересен также сюжет, нанесенный на двух фасах ребра с заостренным концом: на одном фигура лошади в левый профиль с обломанной задней частью, на другом – фигура быка, по Р. де Сен-Перье, более похожая на лошадь (рис. 5, 8-9) также в левый профиль, но с обломанной передней частью (там же: fig. 81-85).

Слой III Большого Зала – финальный ориньяк (Р. и С. Сен-Перье) или верхний перигор (А. Дельпорт). Представлен влажной глиной со следами непрерывной заселенности. Фаунистические остатки обычны и не очень многочисленны. Лучше других представлены лошадь и северный олень (зубы, фрагменты челюстей и кости конечностей, часто в плохом состоянии). Для северных оленей особо указана, помимо нижних челюстей взрослых особей, одна нижняя челюсть с молочными зубами. Благородному оленю принадлежат фрагменты нижних челюстей, многочисленные разбитые кости и крупные обломки рогов. Обильны и кости косули, более редки остатки серны. Быки без дальнейшего уточнения определены, главным образом, по многочисленным зубам, сайга по единственной целой метакарпальной кости. Из хищников наиболее обильны кости лисицы (15-20 особей) и песца (4-5 особей). Меньше костей волка, но особо отмечаются очень крупные размеры некоторых из них

и наличие молодых особей. Бурый медведь представлен только одним целым премоляром, черный хорек – целой нижней челюстью, пещерный лев – фрагментом нижней челюсти с одним премоляром. Неожиданно много костей лесной кошки (от 2-3 особей). Кости пещерного медведя принадлежат 4-6 особям. От пещерной гиены осталось два зуба. Как и в других слоях хорошо представлены птицы, хотя и не столь разнообразные: беркут, пустельга обыкновенная, ворон, альпийская клушица (15-16 особей), галка, клушица, тундровая куропатка, белолобый гусь и несколько костей утки.

Из скульптур в этом слое представлены только две заготовки из песчаника: маленькая округлая головка человека, на которой можно рассмотреть черты лица (рис. 6,1), и грубые наметки головы лошади (рис. 6,2), на мой взгляд, очень сомнительные (там же: fig. 33, 1 и 2). Что касается гравюр, то здесь также, как и в предыдущем слое, осколки костей без обработки и более редко орудия несут элементарные рисунки, по большей части неумелые, но определенной формы, нанесенные с очевидной заботой. Отмечаются поиски декоративных мотивов с моделью, заимствованной у природы, почти исключительно у животного мира, более или менее деформированной, трактованной условно. Наряду с многочисленными и разнообразными линиями и знаками, имеются формы животных, выраженные посредством рогов быков и оленей или ушей, нарисованных в общем с достаточной точностью. В этом слое не найдено ни одной фигуры животного на кости и только две гравюры на камне легкого прочтения: передняя часть серны (рис. 6,3) и голова медведя (рис. 6,4), переданные изолированными линиями и ясным рисунком. Другие фигуры на камнях в сложном переплетении линий с трудом поддаются дешифровке (там же: fig. 30-33).

Слой IIIa Большого Зала определен как солютрейский (Saint-Périer, 1952: 9-35). Это слой компактной зеленовато-серой глины, за которым следовал мадленский слой, очень отличный по составу, сухой, щебнистый, насыщенный костями. Местами глина оказывалась стерильной на площади более 2 м² на толщину 30-40 см, затем следовали находки не характерных кремневых орудий, неожиданно встречались участки с лавролистными наконечниками, иногда сопровождаемыми костяными орудиями. В некоторых местах тонкий слой буроватого ила или плоские каменные плитки вклинивались между мадленским слоем и серой глиной, иногда прорезанной карманами с мадленскими находками. Редкие и рассеянные солютрейские листовидные наконечники находятся в основании мадленского слоя.

Как заметил Р. де Сен-Перье, чувствуется, что первобытный человек, оставивший этот слой, уже стоял на пути создания реалистических фигур, он уже познал радость творения того, что он считал прекрасным. Об этом свидетельствуют, по мнению Сен-Перье точность контуров и тонкость линий голов лошади, серны, бизона на осколках костей (там же: fig. 9-14). Возможно, оценка этих

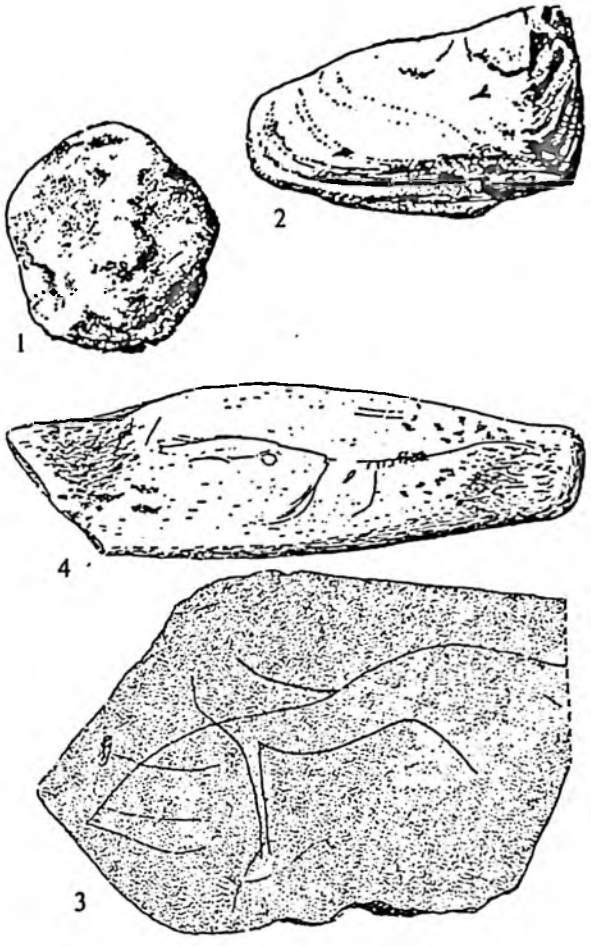

Рис. 6. Истюриц. Большой Зал, слой III, финальный ориньяк (верхний перигор):
1 – голова человека;
2 – заготовка головы лошади из песчаника;
3 – частичная гравюра серны на каменной плитке;
4 – набросок головы медведя на каменном отжимнике.

произведений несколько преувеличена, трудно судить по прорисовкам, не видя оригинала, но важно отметить, что здесь впервые появляется гравюра, соединенная с барельефом, и даже чистый барельеф (рис. 7, 1-5). Это наглядно подчеркивает достижения солютрейской культуры. Лучшим из барельефов бесспорно является фигура лошади в левый профиль на плитке песчаника (рис. 7,6). Голова унесена изломом основы. Четко переданы детали ног и сильно выпуклый живот, как это часто бывает на палеолитических изображениях лошади (там же: fig. 11, 8).

Слой IIIa с неопределенными границами имел различный облик, который принимал однородный характер только при внезапном появлении солютрейских наконечников. Он хорошо прослеживался вдоль стен грота на ширину около 3 м и

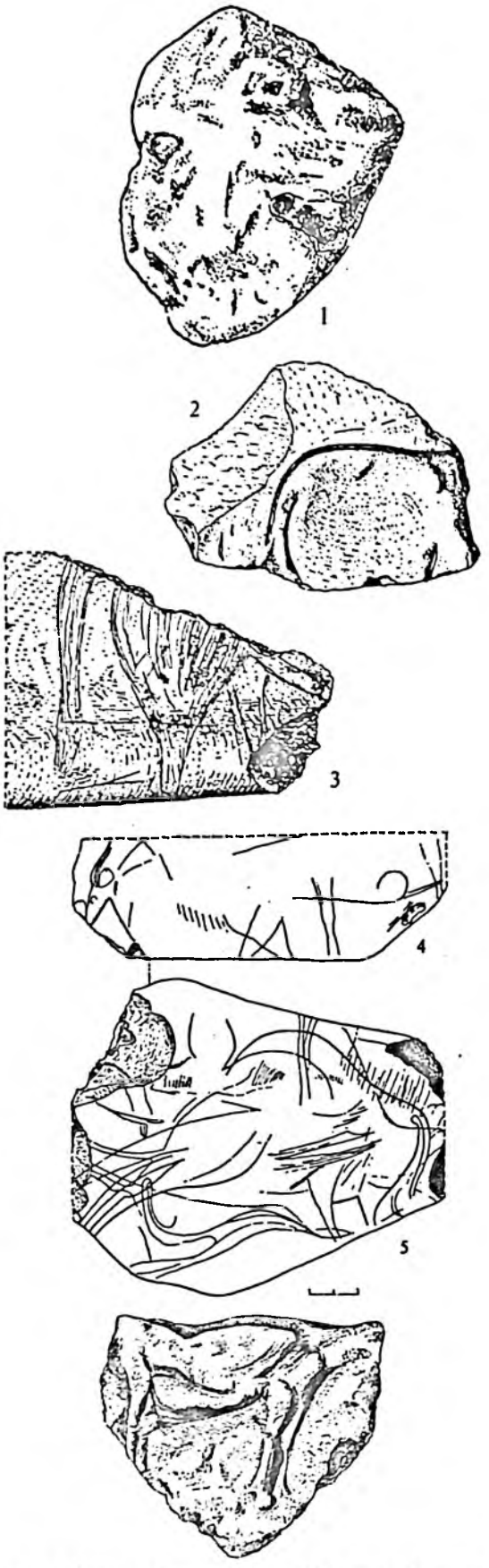

Рис. 7. Истюриц. Большой Зал, слой IIIa, солютре типичный:
1 – скульптурная голова человеко-бизона;
2 – часть гравюры оленя на камне;
3 – часть гравюры лошади на кости;
4 – гравюра горного козла на камне;
5 – гравюра бизона на камне;
6 – барельеф лошади на камне.

в области каменного столба (рис. 2д). Не исключено, что большая часть слоя IIIa является переотложенной. Фауна этого слоя не имеет никаких различий с фауной вышележащего слоя III, она представлена малым числом определимых фрагментов: северный олень, лошадь, бык. Ничто не напоминает обилия лошадей в Солютре, что определенно связано с особыми условиями обитания и со способами охоты. Тем более и возраст костной брекчии в Солютре относится к верхнему перигору, т.е. граветту.

Мадленские слои Большого Зала описаны суммарно, за исключением произведений искусства (Saint-Périer, 1936). После снятия мощного слоя обвала и верхних наслоений был обнаружен тонкий черный культурный слой I, залегающий на стерильной прослойке толщиной 25 см и затем серый очень плотный культурный слой II. Почти вся северная часть Большого Зала, где производились раскопки, содержала сталагмитовый покров толщиной от 10 см до более 1 м, свидетельствующий о длительной инфильтрации дождевой воды со свода. Этот мощный покров предохранил отложения Большого Зала от разрушений, которым подвергся Зал Сен-Мартен. Повсюду в ровной части грота сталагмит лежал непосредственно на слое I. На склоне слой I был перекрыт стерильным слоем глины толщиной 20-30 см, принесенной потоком. Толщина культурного слоя I от 5 до 50 см. Он черный, очень плотный, щебнистый, богатый кремнем и костью.

Между гравированным каменным столбом и правой стенкой внутри слоя I находился обширный карман 5 м диаметром и 20 см глубиной, заполненный еще более темной и жирной сажистой массой. Этот прослой по физическому виду и характеру инвентаря позволил обозначить его как Ia. Верхняя часть прослоя была в контакте со сталагмитовой коркой, основание лежало на тонком слое I.

Под слоем I без какой-либо заметной стерильной прослойки залегал совершенно отличный слой II, образованный мелким угловатым щебнем как сухим и сероватым, так и заключенным во влажную и вязкую красную глину с обильным мадленским инвентарем. Толщина слоя варьировала от 10 см до 1 м, в зависимости от степени разрушения свода и приноса глины потоками. В основании слоя плоские камни, образующие часто почти непрерывную вымостку, отделяют его от нижележащей очень плотной серой глины.

Фауна описана обобщенно для обоих мадленских слоев (Saint-Périer, 1936: 11-20). Костные остатки были крайне обильны и тут и там, но фрагментация такова, что только малое число их могло быть определено. Она была значительно большей в верхнем слое, чем в более древнем, что также наблюдалось в мадленских пещерах Леспюг. Оча-

ги с обожженными костями были более многочисленны в верхнем слое. Среди определимых костей позвонки и ребра крупных травоядных млекопитающих встречались часто на склоне и около выхода из пещеры и в исключительных случаях на ровном участке. Это позволяет предположить, что расчленение туш происходило у входа и на открытом воздухе.

Лошадь очень обильна в обоих слоях, но особенно в слое II, где ее костей встречено более, чем любого другого животного. Многочисленны фрагменты верхних и нижних челюстей, кости конечностей. Особи всех возрастов, много молодых, даже несколько мертворожденных жеребят. Как и в Зале Сен-Мартен, лошадь из Большого Зала ближе к лошади Солютре, чем Гримальди. Кабан представлен только в слое I обломком верхней челюсти и клыком молодого животного. Косуля – немногочисленна в обоих слоях. Благородный олень более часто встречается в слое I и особенно в его верхней части. Он представлен особями всех возрастов, некоторые из них очень крупные. Северный олень обилен в обоих слоях, но становится более редким в верхней части слоя I, в той мере как благородный олень становился более частым. Рога, всегда разбитые, наиболее часто сброшенные, когда речь идет о больших рогах взрослых, возможно, самцов; напротив, рога самок и молодых особей по большей части соединены с лобной костью. Нижние челюсти почти всегда разбиты в одном и том же месте одним и тем же образом, как это было отмечено в Зале Сен-Мартен и в Леспюг. Кости конечностей очень многочисленны, но имеется только одна целая кость – метакарпальная, соответствующая северному оленю средних размеров. Серна довольно часто встречается в двух слоях фрагментами верхних и нижних челюстей. Горный козел представлен в слое II обломком метатарсальной и целой метакарпальной костями. Многочисленные кости относятся к крупному Bovidé в обоих слоях, но трудно установить различие между бизоном и первобытным быком. Волк – остатки верхних челюстей и кости конечностей в обоих слоях принадлежат особям больших размеров. Обилие метакарпальных, метатарсальных костей и фаланг позволяет думать, что они были принесены в пещеру вместе со шкурами. Лисица – кости очень многочисленны в обоих слоях. Наличие многих длинных не разбитых костей заставляет считать, что это животное не входило в пищевой рацион. Пещерный медведь – несколько очень фоссилизованных клыков могло быть подобрано мадленцами и вряд ли они одновременны слою II, где найдены. Но метакарпальные кости и фаланги кажутся менее древними и принадлежат, может быть, особи, убитой ими. Во всяком случае пещерный медведь очень редок в этом слое и отсутствует в слое I. Пещерная гиена представлена двумя клыками в слое II. Хорек обычный – кости и нижние челюсти встречены в обоих слоях. Felis leo – первая фаланга из слоя II относится к льву, третья фаланга из слоя I к Felidé размеров льва. Известно, что лев жил в Пиренеях до зари неолита. Заяц – нижние челюсти в двух слоях имеют размеры современного зайца.

Птицы многочисленны в обоих слоях и очень разнообразны в отличие от рыб, от которых встречено только 7 неопределимых позвонков. Из дневных хищников определены: сокол-белогорлик (чеглок), пустельга, беркут и др. Среди ночных хищников присутствуют неясыть, белая сова, обильная в обоих слоях и особенно в слое I, сова болотная,, филин и др. Из других птиц отмечены ворон, серая ворона, альпийская клушица, наиболее обильная в обоих слоях) более 400 плечевых костей), белая и тундровая куропатка и др.

Наличие нескольких бореальных видов уточняет характер климата. Вместе с остатками снежной совы, горного тетерева, крохаля присутствуют формы более умеренного климата, такие как куропатки, скворец, дрофа, но надо учитывать сезонные вариации и миграции, иногда очень значительные в том, что касается птиц. С другой стороны, если в целом фауна одна и та же в обоих слоях, то, тем не менее, в слое I и особенно в его верхней части наблюдаются некоторые модификации, указывающие на смягчение климата.

Большая часть моллюсков находится смешанной в обоих слоях, но Helix, исключительные в слое II, образовывали местами в верхней части слоя I довольно значительные скопления, заставляющие думать о раковинных кучах азильского периода. Их обилие и наличие под сталагмитовой коркой отвергает гипотезу об их спонтанном захоронении. Определения моллюсков произведены Л. Жерменом: Littorina littoralis – очень обильная в слое II; Purpura lapillus – несколько экземпляров в обоих слоях; Pecten maximus – довольно многочисленные фрагменты створок в слое II; Chlamys islandica – многочисленные фрагменты в слое II, но только один в слое I. На большей части сохранилась красная окраска; Helix (Cepea) nemoralis – весь комплекс, за исключением одного экземпляра, близкого к H. hortensis. Кроме того, имеется несколько ископаемых моллюсков, окатанных и плохо сохранившихся, определенных М. Коттро: Cyprea sp., Cyprea (Trivia), Turritella (Haustator) sp., Turritella (Haustator) cf. turris Bast?, Pectunculus (Axinaea) sp.

Мадленский слой Зала Сен-Мартен (Saint-Périer, 1930) также был полностью перекрыт сталагмитовой коркой, мощность которой достигала 30 см. Это слой очень черный, отмеченный местами красными пятнами, обязанными скоплениям

охры, насыщенный разбитыми костями, мелкими булыжниками, кремнем, золой, углем, кальцинированными костями, составляющими крайне плотную и связную среду. Верхняя часть слоя особенно инфильтрована сталагмитом; в некоторых местах он проникал до основания слоя, который образовывал только вязкую брекчию. Сен-Перье упоминает, что из этой брекчии невозможно было извлечь предметы, не поломав их.

Мощность слоя сильно варьирует, он особенно толстый около стен, как если бы там находилось основное место обитания. В глубине зала мощность в среднем 25 см, в нескольких метрах от стены толщина начинает уменьшаться, хотя местами прослеживаются западины диаметром 60-80 см и глубиной до 50 см. К центру зала слой постепенно выклинивается. В основании мадленского слоя идет почти непрерывная вымостка плоских камней различных размеров, но не превышающих 30-40 см длины. Мадленский слой, таким образом, отчетливо заключен между сталагмитовой коркой и каменной вымосткой, которая перекрывает глинистый слой ориньяка. Однородность его полная на всем протяжении зала, он относится к хорошо определенной фазе мадлена.

Фауна (Saint-Périer, 1930: 21-26). Мадленский слой содержал много костей по всей его толщине и почти на всем протяжении. С некоторым сомнением отнесен к мамонту продолговатый фрагмент зубной эмали, который, кажется мог происходить от пластины моляра слона. Интересно, что маленькая плитка сланца из этого слоя имеет неполную гравюру головы мамонта. Шерстистый носорог – 4 верхних моляра, из которых два больших размеров найдены в зале Сен-Мартен. Остатки носорогов уже были найдены при добыче фосфатов и затем Э. Пассемаром в мадленском слое (Passemard, 1922: 21). Лошадь – животное значительно более часто представленное. Собрано очень большое число зубов, костей конечностей, всегда фрагментированных и остатки черепов животных всех возрастов. Судя по количеству остатков, лошадь была предпочтительным пищевым объектом и в то же время наиболее часто изображаемым. Кабан – М. Буль отметил лишь один резец, который является единственным в своем роде. Косуля – одно основание рога и фаланга очень крупной особи. Благородный олень – 3 конца базилярных отростков, фаланга и фрагмент верхней челюсти с двумя задними молярами. Северный олень – на следующем месте после лошади. Крупные рога, т.е. рога самцов, почти все являются сброшенными, как это наблюдалось и в Леспюг. Собрано много разбитых костей конечностей, фрагменты верхних челюстей и особенно большое число нижних челюстей, всегда разбитых одинаковым образом. Единственная целая кость – метакарпальная принадлежит молодой особи. Серна довольно обильна. Найдены фрагменты верхних и нижних челюстей, изолированные зубы и обломки костей конечностей. Сайга – только одна фаланга была отнесена М. Булем к этому виду. Отмеченная до тех пор в субпиренейских местонахождениях лишь в Леспюг, теперь площадь ее распространения в палеолите достигла Бискайского залива. Горный козел – нет ни одной кости этого животного, но просверленные резцы Caprides правдоподобно являются зубами горного козла. Это животное изображено на двух гравюрах и в виде одной головы в технике contour découpé. Bovidé sp. – довольно значительное число костей конечностей и зубов принадлежат какому-то быку, некоторые особи – очень большого размера. 2 моляра и фрагмент лодыжки могут принадлежать бизону, но это не полностью доказано. В слое встречены изображения и бизона, и первобытного быка. Волк представлен только клыками, некоторые из них просверлены. Лисица очень обильна. Наличие целых костей конечностей позволило сравнить их с костями современной лисицы: ископаемая лисица заметно более высокая на лапах, как это было отмечено в Леспюг и в других местах. Напротив, нижние челюсти не обнаруживают никаких важных отличий от современной лисицы. Песец – М. Буль отнес к этому виду фрагментированные две нижние и одну верхнюю челюсть, а также две лучевых кости. Поскольку песец редко встречается в палеолите Франции, эта находка расширяет область его распространения на юго-запад. Пещерный медведь, столь обильный в нижних слоях Истюриц, еще существовал и в мадлене, что подтверждается находкой фаланг и зубов в безукоризненных стратиграфических условиях. Гиена пещерная представлена зубами и левой лучевой костью, она, видимо, посещала пещеру в отсутствие человека. Кроме того, найдена нижняя челюсть летучей мыши, отнесенной М. Булем к роду ночниц и нижняя челюсть водяной крысы.

Кости птиц были почти все локализованы в двух маленьких галереях, в самом зале оказалось только несколько костей. Определены коготь крупного дневного хищника размером с орла, единичные кости ворона и клушицы. Альпийская клушица представлена всеми длинными костями, все целые. Из тетеревиных отмечена куропатка, из перепончатолапых Anas boschas, крохаль, Puffinus griseus, Gavia septentrionalis или immens, Larus sp. и Larus argentatus.

В слое собрано 20 позвонков рыбы довольно крупных размеров. Моллюски включают немного видов, главным образом, ископаемых: Perisphinctes sp. (Proceritus ?), Trivia europaea или, может быть, affinis, Turritella (Haustator), Turritella terebralis, Cerithium (Potamides) paparevascens, Sipho sp., Cassis Grateloupi, Cardium sp., Dentalium sp. Эти

раковины встречаются в раковистых известняках миоцена Борделе и Ландов, следовательно, в районе не очень отдаленном от Истюриц. Кроме того, найдены Littorina littorea в большом количестве, (все просверлены); Pecten islandicus.

В целом, фауна соответствует холодному климату, что подтверждается наличием песца и моллюска Pecten islandicus, который в настоящее время живет исключительно на севере. Он уже был встречен в Мас д'Азиль Э. Пьеттом и позже А. Брейлем в Куэто де ла Мина в Испании и в Истюриц Э. Пассемаром. Остатки морских птиц объясняются соседством Атлантики, расположенной в одном дне ходьбы от Истюриц. Обилие лошади, существование мамонта, носорога, гиены придают этому ансамблю архаичный облик, позволяющий, по мнению Р. де Сен-Перье, поместить его в древнюю пору мадлена. Остается рассмотреть, подтверждает ли это заключение каменный и костяной инвентарь.

Если в течение всего периода мадлена оба Зала были обитаемы одновременно, то в предшествующие эпохи они кажутся двумя различными стоянками: каждый из них сохранил несколько слоев различного возраста. Один из залов оставался необитаемым в течение долгих промежутков времени, во втором население было, видимо, многочисленным. В другие периоды был заселен только один зал. Определенно, что каждый из залов находился в различных условиях температуры, влажности, обводнения, вентиляции, более или менее благоприятных для пребывания человека. Так, в Большом Зале в основании слоя граветта и в нижележащем слое обнаружены толстые сталагмитовые корки, означающие большую инфильтрацию воды; а под самым древним слоем этого зала находились остатки сильных обвалов как в форме скоплений мелких камней, так и в виде длинных плит от расколовшихся блоков. С другой стороны, обвал входа в Зале Сен-Мартен в конце типичного ориньяка погрузил этот зал в абсолютную темноту и он лишился прямого и легкого контакта с поверхностью. Если два слоя представлены еще после этого слоя типичного ориньяка, то один – бедный, а второй – очень тонкий, мадленский, в то время как Большой Зал был долго заселен и в ориньяке, и в мадлене. Существовавшие узкие проходы между двумя залами могли быть засыпаны или трудно проходимы в некоторые периоды. Мадленское искусство Истюриц настолько велико и разнообразно, что мы можем только частично коснуться его в главе, посвященной сочетаниям образов.

Перейдем к периодизации палеолита Франции, рассматривая расположение памятников на картах-схемах 3 – 5.

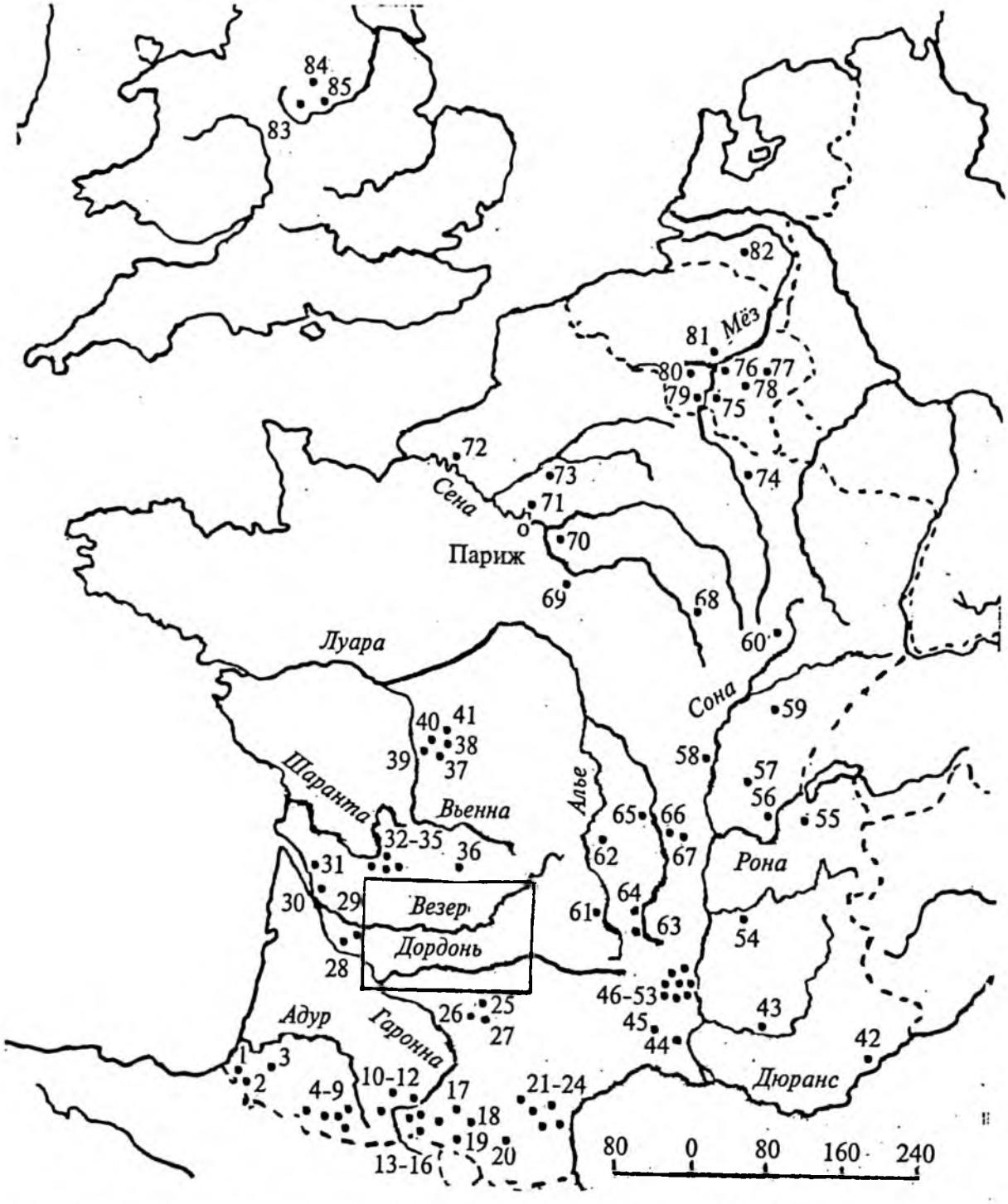
Ориньяк – одно из первых культурных подразделений в рамках верхнего палеолита Европы. Установление этой эпохи в 1865-1906 гг. было достаточно трудным, хотя раскопки таких памятников как Ориньяк (стоянка–эпоним, Верхняя Гаронна), Ла Шез (Шаранта) и Ле Котте (Вьенна) обнаружили сходный инвентарь. Стратиграфия не была установлена с точностью и хронологическое положение ориньяка было показано только в 1906 г. А. Брейлем и А. Рюто, как непосредственно следующего за мустье. А. Брейль различал в ориньяке три главные фазы, основываясь на материалах раскопок Ла Ферраси, Солютре, Пер-нон-Пер, Брассампуй и бельгийских стоянок Спи, Тру-Магрит и др., которые следовали друг за другом между мустье и солютре: ориньяк древний, средний и верхний. (Breuil, 1906a, 1907).

В 1933 г. Д. Пейрони, раскопав почти полную последовательность ориньяка в Ла Ферраси и в Ложери-От, обнаружил различия в составе инвентаря установленных им трех фаз. Он ограничил термином ориньяк среднюю фазу А. Брейля и ввел термин перигор для двух других (Peyrony, 1933, 1936, 1939). На основании стратиграфии указанных памятников Д. Пейрони смог подразделить ориньяк на следующие фазы: ориньяк I (древний) – слой F Ла Ферраси, ориньяк II – слой H Ла Ферраси, ориньяк III – слой H' Ла Ферраси, ориньяк IV – слой H'' Ла Ферраси и самый поздний – ориньяк V, представленный слоем D в Ложери-От. Каждое подразделение определялось наличием или отсутствием типичных орудий и процентами представительности отдельных групп инвентаря, при этом основной упор делался на костяной инвентарь. Затем исследования Д. де Сонвиль-Борд с помощью сравнительных графиков местонахождений Дордони (Sonneville-Bordes, 1960) и изучение А. Дельпортом материалов Абри Фактер в Тюрсак (Delporte, 1968a) показали существенные изменения в каменном инвентаре, имеющие хронологическое значение.

Для нас наибольший интерес представляет хронологическое положение древнейших на территории Франции произведений искусства – гравированных каменных блоков, сосредоточенных в навесах под скалами (абри) в окрестностях Лез Эйзи (рис. 8). Эта тема была разработана Б. и Ж. Деллюками, отметившими, что хотя половина этих блоков (27 из 54) имеют точное стратиграфическое положение, нельзя установить эволюцию графических изображений в течение ориньякской эпохи (Delluc B. et. G., 1978). Блоки распределены следующим образом:

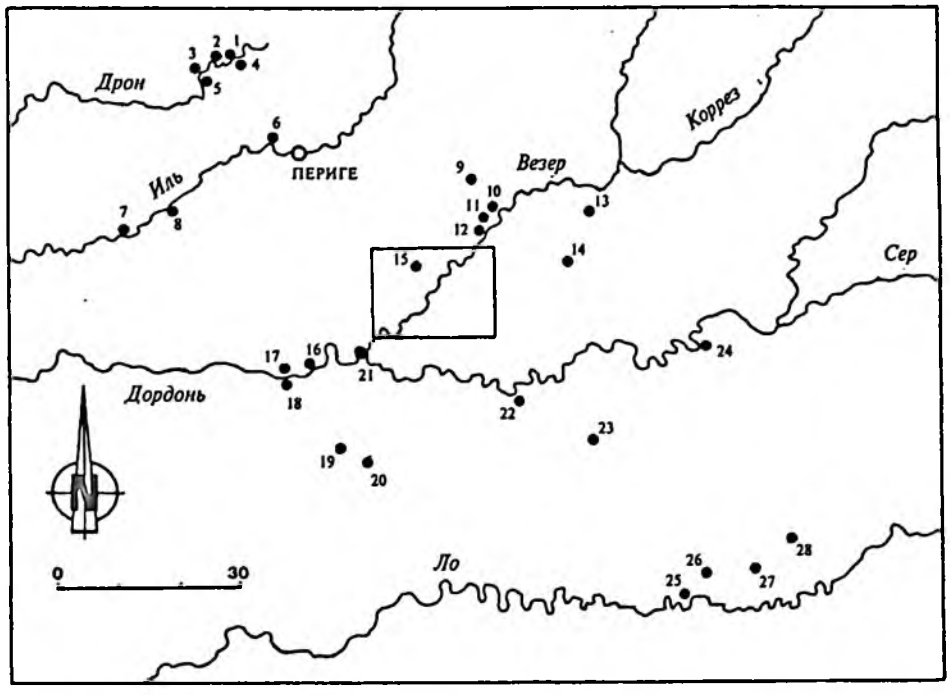
Ориньяк I характеризуется главным образом костяными наконечниками с расщепленным основанием и достаточно четко определяется в стоянках.

Стратиграфическое положение орнаментированных блоков в чисто ориньякском памятни-

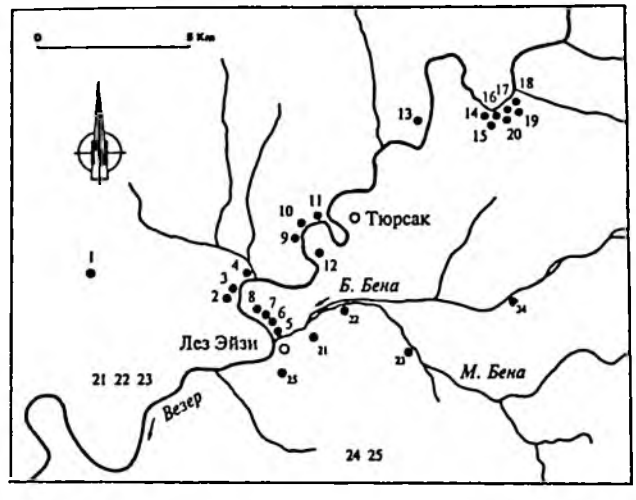
Карта-схема 3. Распространение памятников палеолитического искусства во Франции (1-74), Бельгии (75-81), Нидерландов (82) и Великобритании (83-85):

1 – Истюриц; 2 – Дюрюти; 3 – Брассампуй; 4 – Сен-Мишель-д'Арюди; 5 – Эспелюг, Лурд, Оренсан; 6 – Лабастид; 7 – Лорте; 8 – Буа дю Канте; 9 – Гаргас; 10 – Леспюг; 11 – Ориньяк; 12 – Гурдан, Монтеспан; 13 – Марсулас; 14 – пещуры р. Вольп: Труа-Фрер, Тюк д'Одубер, Энлен; 15 – Мас д''Азиль; 16 – Портель; 17 – Фонтане; 18 – Масса, Бедейяк; 19 – Нио, Ла Ваш; 20 – Кона де Бельвис; 21 – Канекод; 22 – Газель; 23 – Турналь де Биз; 25 – Фонталес; 26 – Брюникель, Монтастрюк, Курбе, Лафай; 27 – Ла Магдален; 28 – Ла Фостен, Фонтарно; 29 – Абри Морен; 30 – Пиль-Бурс, Сен-Жермен-ла-Ривьер; 31 – Рок де Маркамп, Пер-нон-Пер; 32 – Шер-а-Кальвен; 33 – Рок-де-Сер; 34 – Вашон; 35 – Плакар, Ла Щез, Монгодье; 36 – Абри Меж, Ла Мэри, Тейжат; 37 – Ла Марш; 38 – Ла Гаренн, Сен-Марсель; 39 – Буа-Раго; 40 – Абри Фрич; 41 – Англь-сюр-Англен; 42 – Бувери; 43 – Комбетт; 44 – Сальпетриер; 45 – Бом Датрон; 46 – Коломбье; 47 – Шабо; 48 – Улен; 49 – Фигье; 50 – Юшар; 51 – Дёз Аван; 52 – Эббу; 53 – Тет де Льон; 54 – Кампалу, Тай; 55 – Вейрье; 56 Ото; 57 – Ла Коломбьер; 58 – Солютре; 59 – Арле; 60 – Фаринкур; 61 – Нешер; 62 Дюриф а Энваль; 63 – Бло; 64 – Рон дю Барри; 65 – Гут Роффа; 66 – Роше де ла Кай; 67 – Винь Брен; 68 – Арси-сюр-Кюр; 69 – Марсанж; 70 – Пенсеван; 71 – Этиоль; 72 – Гуй; 73 – Вербери; 74 – Рок ла Тур; 75 – Тру Магрит; 76 – Тру де Нутон; 77 – Гойе; 78 – Си Верлен; 79 – Тру де Шалё; 80 – Колеоптер; 81 – Юккорн; 82 – Гельдроп III-1; 83 – Пин Хоул; 84 – пещера Робин Гуда; 85 – Модер Гранди'с Парлор (по: Dictionnaire de la Préhistoire, 1988, Doc. 8, 13, 14).

Карта-схема 4. Распространение памятников палеолитического искусства в Перигоре, Коррезе и Ло (Франция; по: Dictionnaire de la Préhistoire, 1988, Doc. 9):

1 – Фурно дю Дьябль; 2 – Рошрёй; 3 – Пон д'Албон; 5 – Ребеьр; 6 – Раймонден; 7 – Габийю; 8 – Сольвьё; 9 – Жоливе; 10 – Бажегуль; 11 – Лашо; 12 – Белькэйр; 13 – Мервёй; 14 – Эклозюр; 15 – Руффиньяк; 18 – Суси; 17 – Рош Лаленд; 18 – Гар де Куз; 19 – Комб-Капель; 20 – Термо-Пиала; 21 – Лимёй; 22 – Мартин; 23 – Куньяк» 24 – Мюра; 25 – Пергусет; 26 – Пеш-Мерль; 27 – Кюзуль; 28 – Сент-Элали.

Карта-схема 5. Распространение памятников палеолитического искусства в районе Лез Эйзи (Франция, по: Dictionnaire de la Préhistoire, 1988, Doc. 10):

1 – Ла Ферраси; 2 – Горж д'Анфер; 3 – Ложери-Бас; 4 – Ложери-От; 5 – Кро-Маньон; 6 – Пато; 7 – Шато дез Эйзи; 8 – Кроз а Гонтран; 9 – Селье; 10 – Ла Мадлен; 11 – Виллепен; 12 – Фактер (Тюрсак); 13 – Ляско; 14 – Бланшар; 15 – Кастане; 16 – Ла Сукет; 17 – Сержак; 18 – долина Рош; 19 – Лабатю; 20 – Реверди; 21 – Фон-де-Гом; 22 – Комбарелль; 23 – Сирёй; 24 – Лоссель; 25 – Ла Мут.

ке **Бланшар** точно неизвестно, но нижний слой ориньяк I дал предмет из рога северного оленя, трактуемый как изображение фаллоса. В абри **Кастане** в нижнем слое – ориньяк I не было гравированных блоков, но только блоки с кольцами и в особенности блок 1, на котором нанесена серия мелких ямок. Десквамационные плитки с гравюрами и росписью были обнаружены Д. Пейрони в стерильном слое В этого навеса, разделяющем два ориньякских слоя I и II. Они свидетельствуют о декорированности свода во время первоначального заселения – в ориньяке I (Peyrony, 1935: 438).

В слое F – ориньяк I в **Ла Ферраси** Д. Пейрони нашел фрагмент известнякового камня, на выровненном фасе которого сохранились две черные параллельные полоски (Peyrony, 1934: 52). Большой обработанный кусок рога северного оленя, найденный в этом слое, который Д. Пейрони

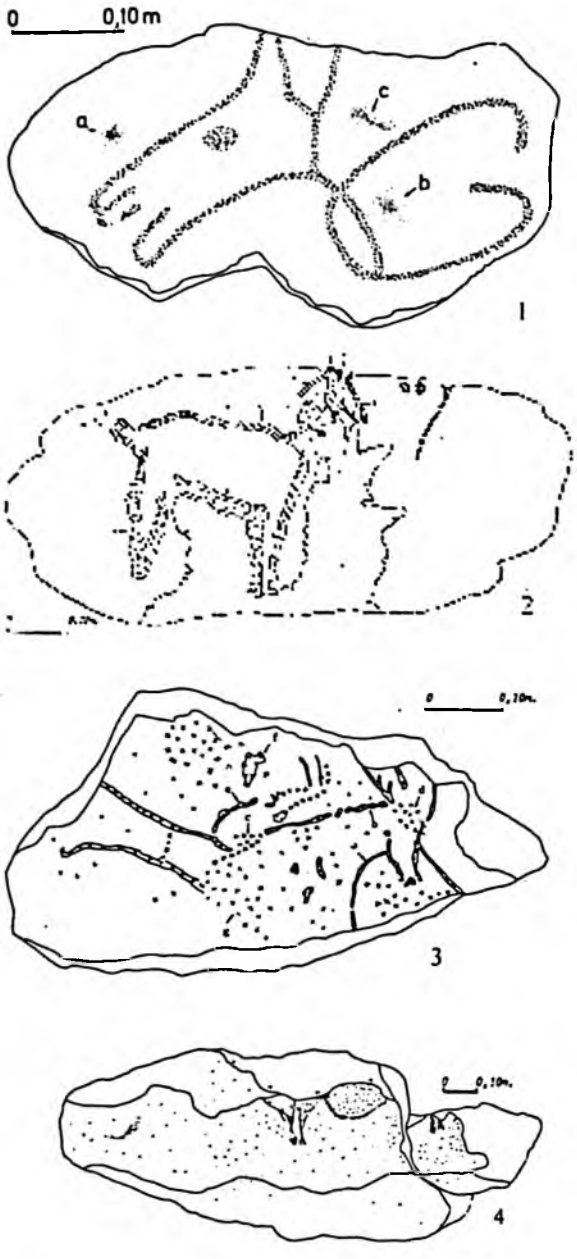

Рис. 8. Окрестности Лез Эйзи. Ориньяк. Изображения животных на блоках камня:
1 – Селье,
2 – Белькейр,
3, 4 – Бланшар
(по: Delluc B. et G., 1978: fig. 72, 67, 6 и 22 соответственно).

определил как часть женской статуэтки (см. Абрамова, 1966, № 69, табл. VI, 8), был отнесен К. Леруа-Прост к предметам, аналогичным найденным в Кастане и в Бланшар и служившим лощилами, полировальниками или отжимниками (Prost, 1971: 7).

В абри **Рен в Белькейр** гравированный блок был найден в стерильном слое, расположенном между слоем, который вполне возможно относится к ориньяку I и слоем ориньяка II или III типа Ферраси (Sonneville-Bordes, 1960: 96). Следовательно, гравированный блок или связан с нижним слоем – ориньяк I, на поверхности которого он лежит, или соответствует верхнему слою ориньяк II или III, под которым он был захоронен, или он происходит из бедного промежуточного слоя, не установленного в процессе раскопок. Поэтому нет оснований включать этот блок с полной определенностью в ориньяк I.

В абри **Селье** гравированные блоки были найдены в слое II, содержащем костяные наконечники с расщепленным основанием (Collie, 1928: 66-67). Серия предметов из раскопок Г.Л. Колли была передана в Музей Лез Эйзи и опубликована Д. Пейрони. Разрез, данный Д. Пейрони, не совпадает с разрезом в статье Г.Л. Колли, согласование разрезов настолько затруднительно, что К. Леруа-Прост считает стратиграфию этой стоянки крайне сомнительной, а Сонвиль-Борд принимает согласование между слоем II Колли и слоем А Пейрони и их близость к ориньяку I Ла Ферраси (Sonneville-Bordes, 1960: 88). Если гравированные блоки, опубликованные Пейрони, происходят из раскопок Колли в 1927 года слоя II, а это очень правдоподобно, как отмечают Б. и Ж. Деллюки (Delluc B. et G, 1978: 426), то их смело можно датировать ориньяком I. С другой стороны , возможно, что слой II Колли не был однородным, как заметил сам Колли, и что его верхняя часть относится к более развитому ориньяку и в таком случае гравированные блоки окажутся более поздними.

В итоге, утраченный позже фрагмент камня с черными полосками из Ла Ферраси, гравированные или окрашенные черным и красным десквамационные плитки из стерильного слоя, перекрывающего слой ориньяка I в абри Кастане, которые также не сохранились, и поделка из рога северного оленя в абри Бланшар – вот единственные свидетельства искусства в ориньяке I, ясно показывающие отсутствие сюжетов.

Ориньяк II. Только в двух стоянках: абри Кастане и Большой навес Ла Ферраси были найдены гравированные блоки. По их имени названы две фации ориньяка II, имеющие различия в инвентаре (Sonneville-Bordes, 1960: 105). Из ориньяка II в абри **Кастане** происходят два блока, один с росписью, другой с гравировкой. Здесь нет других образов, кроме так называемых вульв, которые бесспорно относятся к знаковым. В ориньяке II **Ла Ферраси** – несколько блоков, и все гравированы почти исключительно знаками пола.

Ориньяк III. Большой навес **Ла Ферраси** – единственный памятник, содержащий этот слой, который иногда обозначается как ориньяк IV. Он дал наибольшее количество гравированных блоков, кроме которых на одной плитке и двух фрагментах камня различаются красные и черные линии. Здесь также нет никакого изобразительного сюжета.

Ориньяк IV. Обособленность его каменного и костяного инвентаря оспаривается, но слой H" из **Ла Ферраси** соответствует заселению в Большом навесе позже слоев F, H и H'. В этом слое найдено несколько блоков, один из которых со следами росписи утерян. На трех блоках представлены маловыразительные линии и лишь один блок (№ 16) представляет вполне вероятно фрагментарный образ – нижнюю часть животного с двумя передними и двумя задними ногами.

Помимо описанных, существует еще целая серия блоков, которые определенно можно датировать ориньяком, но их точное стратиграфическое положение неизвестно. Шесть блоков из **Селье** происходят из верхней части слоя II Колли или слоя A Пейрони, их принадлежность к ориньяку I не доказана. Вполне возможно они относятся к более поздней фазе ориньяка. Образы, гравированные на этих блоках, представляют большой интерес. Речь идет, главным образом, о сокращенных изображениях животных: горного козла и лошади (?), наряду с вульвами. Б. и Ж. Деллюки отмечают сходство одних типов вульв с найденными в ориньяке II Ла Ферраси и других – в ориньяке II абри Кастане. Аналогичные изображения были и в абри Бланшар. Точная дата изображения животного на блоке из Белькейр также неизвестна. Блок может принадлежать как к ориньяку I, так и к ориньяку II и III, но в любом случае это одно из древнейших, если не самое древнее, изображение животного в Европе.

Окрестности **Лез Эйзи** являются исключительными. В других районах Франции фигуративные изображения из культурных слоев ориньяка чрезвычайно редки, обнаружены, чаще всего, в конце XIX – первой трети XX века и находятся в нечетких стратиграфических условиях при смешении ориньякской и перигорской идентификации. Обычно к ориньяку относят изображение передней части крупного травоядного из **Терм-Пиала** (блок утерян) и к среднему ориньяку гравюры животных, дешифрованные Д. Пейрони на блоках из отвалов абри **Пуассон**. Блоки также утрачены, за исключением гравюры северного оленя (Peyrony, 1932a, fig. 8).

В небольшом гроте **Лоссель** были найдены на блоках гравюра «головы лошади», почти скульптурная «голова лошади» и гравированная «лань», изученные Г. Лаланном, к которым Ж. Буиссони добавляет блок с гравюрой птицы («ворона») и другой блок, несущий две головы животных («травоядное и кошачье?») (Lalanne, Bouyssonie, 1946-1947). По мнению Деллюков, они почти уверенно не могут быть отнесены к ориньяку (Delluc B. et G., 1978: 409). Скорее, они одновременны широко известным человеческим барельефам из Лоссель (перигор). То же можно сказать и о блоке с двумя человеческими фигурами из Терм-Пиала из-за его сюжета и «граветтского» профиля женского силуэта слева и особенно из-за техники изображения этой фигуры (там же: 430).

Можно упомянуть еще несколько отнесенных к ориньяку памятников с произведениями искусства. Два из них находятся в Шаранте: грот **Ла Шез**, называемый гротом Буржуа-Делоне по имени первых исследователей (Bourgeois, Delaunay, 1865) и грот **Ла Рош Курбон** (рис. 9, Clouet, 1935); два в южной части Франции: грот **Крузад** (Од), раскопанный давно и изученный Д. Саки (Sacchi, 1984, 1988) и грот **Сальпетриер** (Лангедок), где после многих любительских/грабительских раскопок в начале XX в., методические работы М. Эскалон де Фонтона привели к обнаружению сложной стратиграфии и обоснованию особой культуры (Escalon de Gonton, 1976).

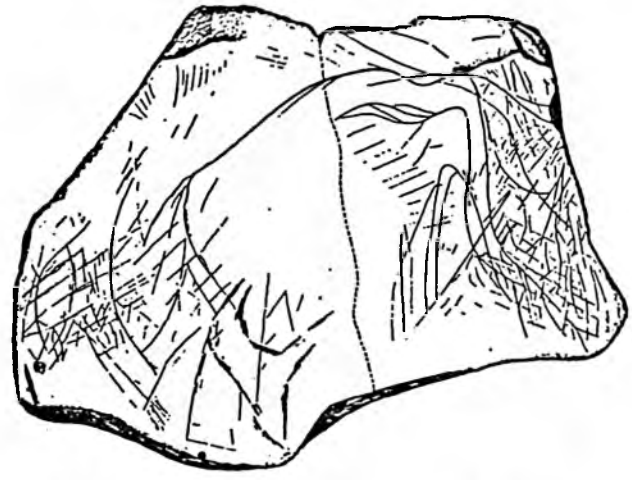

Рис. 9. Ла Рош Курбон. Ориньяк типичный. Гравюра мамонта.

Перигордийская (граветтская) ***эпоха*** (культура) распространена на территории Франции значительно шире. Ее существование, как уже говорилось, было установлено Д. Пейрони в 1933 г. Основываясь, главным образом, на стратиграфии навесов Ла Ферраси и Ложери-От Д. Пейрони показал, что ориньяк А. Брейля состоял в действительности из двух различных культур, развивавшихся параллельно: типичный ориньяк и перигор. В последнем он выделил 5 фаз, следовавших одна за другой в виде непрерывной технологической традиции в производстве кремневых орудий.

Понятия нижний перигор (перигор I или шательперрон) с остриями шательперрон и верхний перигор (IV и V) остаются пригодными и в настоящее время, несмотря на некоторые разночтения. Средний перигор (II и III) подвергнут сомнению, прежде всего, в работах Д. де Сонвиль-Борд. Ей удалось доказать, что перигор II (слой E **Ла Ферраси** и стоянка **Бос-дель-Сер**), который характеризуют пластинки типа дюфур, фактически является

древним ориньяком. Раскопки Ф. Борда в **Ложери-От** и Х. Мовиуса в абри **Пато** показали, что перигор III (слой B в Ложери-От) является верхним перигором, названным перигором VI, который должен был следовать после перигора V в Ла Феррасси. Таким образом, вопрос культурной непрерывности между нижним и верхним перигором еще требует своего разрешения.

А. Леруа-Гуран, характеризуя шательперрон, подробно остановился на эстетических проявлениях в эту эпоху (Leroi-Gourhan, 1965: 79-80). Он отметил, прежде всего, удивительное различие между желтоватыми глинами заключительной фазы мадленской эпохи и насыщенными охрой слоями шательперрона. Наибольшее количество плиток гематита, фрагментов желтой, красной, фиолетовой охры, «карандашей» двуокиси марганца происходит не из ориньякских или граветтских слоев, а именно из шательперронских. Однако, ни одна из тысяч осмотренных каменных плиток не была окрашена, а стены навесов обнаруживают окраску только вследствие контакта со слоями.

Сбор ископаемых и минералов странной формы, уже засвидетельствованный в слое зубчатого мустье в гроте Гиены в **Арси-сюр-Кюр**, продолжается и в шательперроне. Широко развиты украшения, включающие клыки лисицы, волка, гиены, медведя, резцы быков, лошади, байбака, медведя. Некоторые просверлены, но большая часть имеет зарубки и прорези для подвешивания. Мелкие метаподии и фаланги северного оленя также превращены в подвески. Особый интерес представляют кольца, вырезанные из кости, а также трубочки из длинных костей птиц с обрезанными эпифизами – возможные пронизки.

Среди сотен фрагментов костей и бесчисленных плиток известняка не найдено ни одного свидетельства фигуративного искусства, хотя часто встречаются обломки костей с параллельными нарезками типа «охотничьих отметок». Одна плакетка известняка покрыта 12 мелкими правильными нарезками, другая плитка и диафиз бедренной кости мамонта несут пучки неправильных линий и являются единственными представителями графики, отнюдь не изобразительной.

Иная картина в верхнем перигоре, представляющем разнородные фации, существовавшие примерно от 27 до 22 000 лет назад. В настоящее время выявлены секвенции верхнего перигора, но, к сожалению, или не имеющие искусства или с единичными предметами в отдельных слоях, как, например, в Тюрсак (рис. 10, 1) или в абри Пато (рис. 10, 2).

Среди памятников верхнего перигора наиболее интересен **Лоссель** на правом берегу р. Большой Бены, состоящий из большого и малого навесов. Большой навес был раскопан в 1894 г. Э. Ривьером, затем Г. Лаланном с 1908 по 1914 гг. После смерти Лаланна Ж. Буиссони дал наиболее полную публикацию материалов (Lalanne, 1910, 1911, 1912; Lalanne, Bouyssonie, 1946-1947).

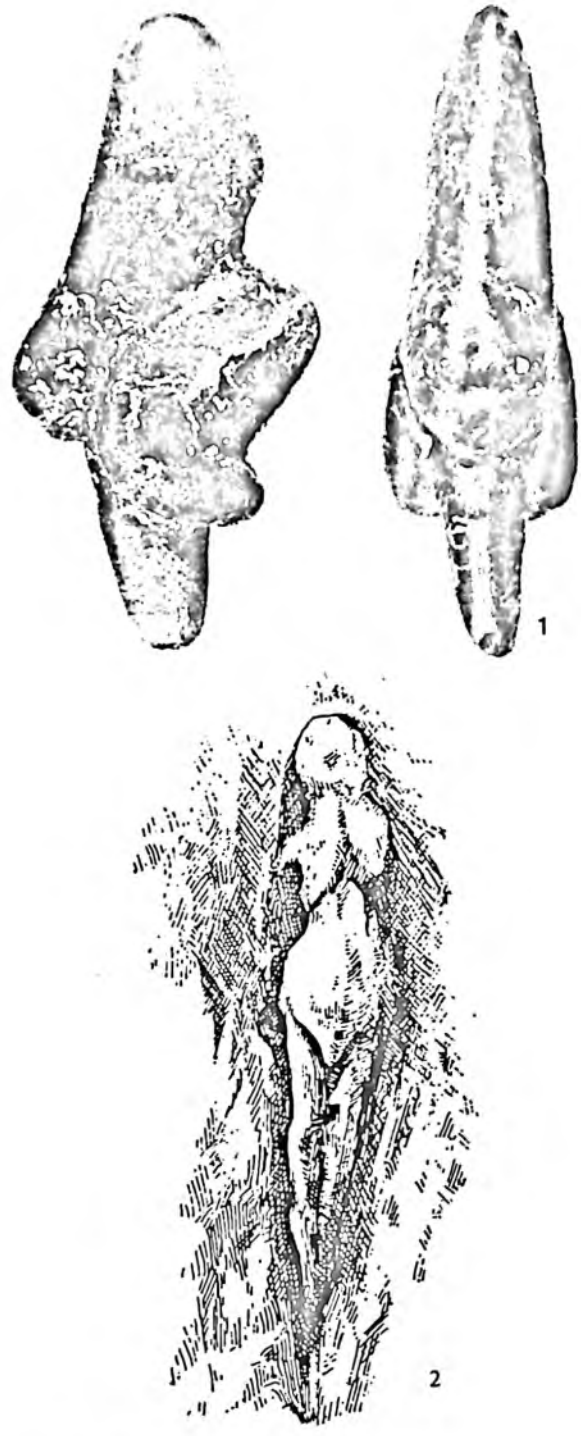

Рис. 10. Граветт:
1 – статуэтка женщины. Тюрсак;
2 – барельеф женщины. Абри Пато.

Стратиграфия, описанная А. Брейлем, интерпретирована в соответствии с современным пониманием Д. де Сонвиль-Борд следующим образом (Sonneville-Bordes, 1960):

Ориньякский слой толщиной 0.65 см в центре перекрывает почти полностью более древние

слои. Стерильный слой из обвалов и мелкого щебня толщиной около 0.80 м отделяет его от мустьерских слоев, за исключением западной части. Там существует слой нижнего перигора, отложенный непосредственно, судя по разрезу Лаланна, на скальное дно. Кажется, что он был отделен от ориньяка тем же щебнистым слоем. Далее над слоем ориньяка лежит щебнистый стерильный слой мощностью 1.2 м, перекрытый слоем верхнего перигора толщиной 0.8 м, который простирается по всей длине навеса. Именно из него происходят знаменитые барельефы (рис. 11). Стерильный щебнистый слой 0.9 м отделяет его от солютрейского слоя. Д. де Сонвиль-Борд отмечает, что во время раскопок не было сделано никакого разделения этого перигорского слоя, инвентарь которого, насчитывающий 10 621 орудие, по Буиссони, был собран в целом.

Рис. 11. Граветт, барельефы. Лосселъ.

Следует остановиться и на стратиграфии другого навеса в Дордони – абри Лабатю, который находится на левом берегу ложбины Рош (левый берег р. Везеры), недалеко от известных ориньякских навесов Бланшар и Кастане. Навес раскапывался в 1912-1914 гг. по поручению Л. Дидона фермером из Кастельмерля М. Кастане, который производил раскопки в свободное время, посылая Дидону свои отчеты. Отчеты, к счастью, сохранились, изложенная в них стратиграфия опубликована Софи Деллюк (Delluc S., 1987): под гумусом (0.3 м) залегал светлый солютрейский слой (0.15 м) с погребением ребенка; под ним слой обвала очень мощный у стены (2.30 м) и постепенно утоньшающийся к ручью (0.10 м). Ниже идут слои верхнего перигора (или граветта) – три слоя, разделенные тонкими горизонтами обломков: слой «крупных костей» (0.10-0.20 м), изобилующий костями крупных размеров, сочленениями и «разрезанными ребрами»; слой «в середине» (0.10-0.25 м) и нижний слой (0.05-0.10 м). Два верхних слоя различаются только в отчетах Кастане конца 1913 года. Опираясь на характерный инвентарь С. Деллюк считает возможным отнести нижний слой к перигору IV, средний – к перигору V с резцами ноай и слой «крупных костей» к развитому верхнему перигору (там же: 210).

Из других местонахождений Франции следует упомянуть **Ларо** (Вьенна, рис. 12, 1а, б), **Вашон** (Шаранта, рис. 12, 2), **Абри де ла Бержери** (Ло), **Винь-Брен** (Луара), **Абри дю Бло** (Верхняя Луара), **Леспюг** (Верхняя Гаронна, рис. 13), **Гаргас** (Верхние Пиренеи), в большей части которых сюжетные произведения искусства единичны и отнесены к перигору на основании сопровождающего инвентаря.

Исключение составляет грот Пап в **Брассампуй** (Ланды), где серия женских статуэток найдена в четких стратиграфических условиях. Эта знаменитая стоянка находится в бассейне р. Адур и в настоящее время представляет собой полость шириной 8 м у входа и около 4 м высотой. Она углубляется на 4-5 м и делится затем на два расходящихся кулуара, один их которых достигает 20 м в длину. Открытый в 1880 г. грот подвергся неоднократным, иногда грабительским, иногда так называемым научным раскопкам. Нельзя не привести самый плачевный эпизод в истории изучения памятника. В 1892 г. при проведении в г. По Конгресса Французской Ассоциации для развития наук президент секции антропологии доктор Мажито решил организовать в Брассампуй экскурсию с проведением коллективных раскопок. Вот как описывал сам Мажито это событие: «...не надо было возбуждать интерес и пыл конгрессменов. Мы присутствовали при настоящем доисторическом набеге. Каждый из нас выбрал угол и с

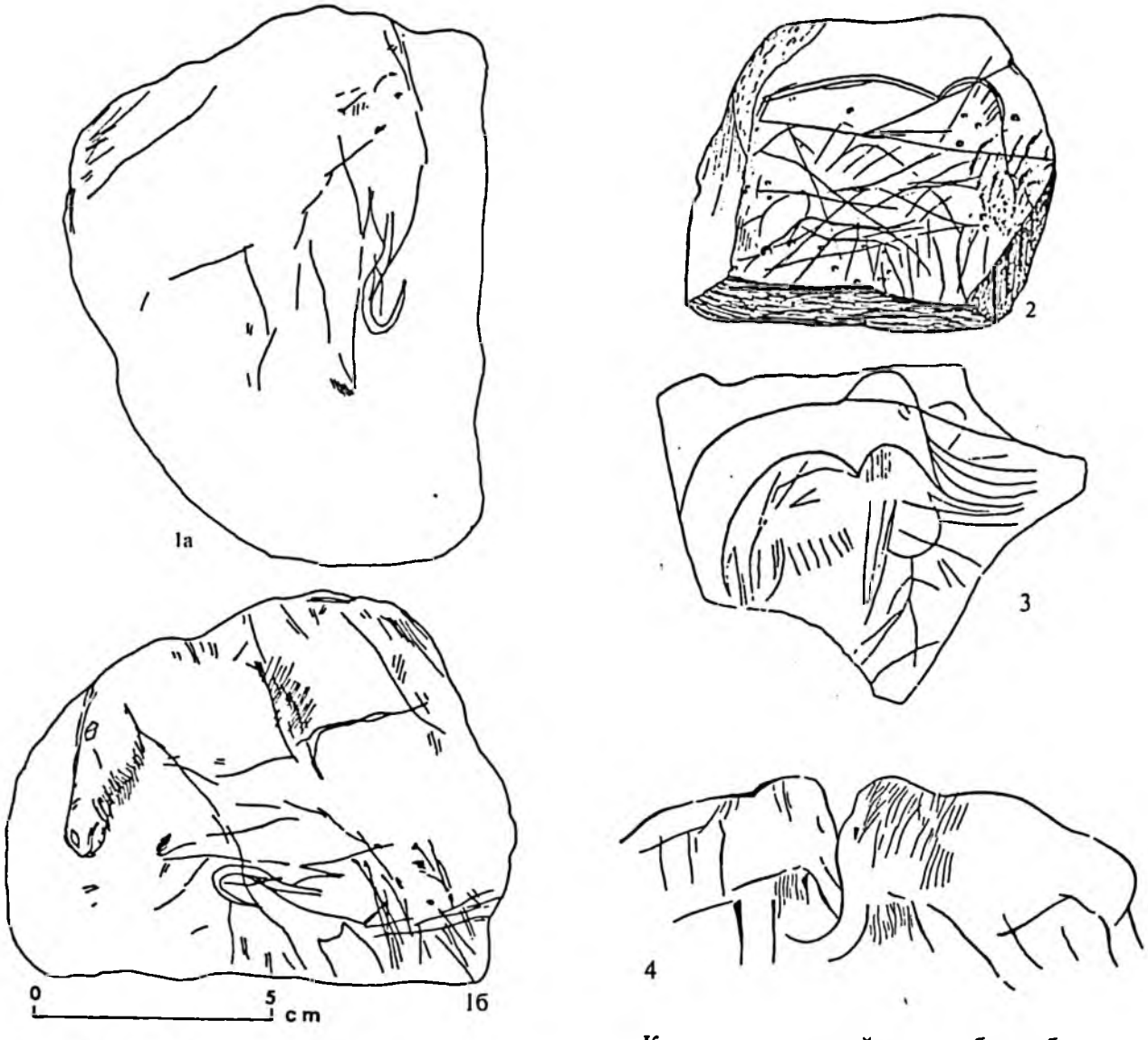

Рис. 12. Граветт. Гравюры на камне:
1 – а) мамонта, б) лошадь. Ларо;
2 – мамонт. Вашон;
3 – мамонт. Ложери-От. Протомадлен;
4 – гравюра мамонтов на просверленном жезле. Ложери-От.

импровизированными орудиями приступил к раскопкам склона. Некоторые более дальновидные археологи принесли скребки и кирки. Работали за свой счет, для своей собственной коллекции, т.к. знали, что найденные предметы будут оставлены счастливым раскопщикам». Между участниками не было доверия, поскольку, продолжает Мажито «в конце дня показывали украдкой некоторым из нас два наиболее замечательных предмета, оба из бивня мамонта: один типа тщательно вырезанного веретена, другой, еще более любопытный, представлял нижнюю часть статуэтки человека» (цит. по: Delporte, 1980: 7). А. Дельпорт добавляет, что во время этого достопамятного сеанса, были найдены, кроме других предметов, два фрагмента статуэток человека. Условия их нахождения неизвестны.

К счастью, в дальнейшем к работам был привлечен Эдуард Пьетт, один из самых уважаемых доисториков конца XIX в., который уже прославился раскопками пещер припиренейской зоны и созданием первой научной периодизации палеолита Франции, основанной на стратиграфии. По серии разрезов, выполненных в траншее перед гротом, четкая стратиграфия представлена в обобщенном виде следующим образом(сверху вниз, в м): A – гумус (0.10); B – желтый ил (2.0-2.5), соответствующий продолжению мадленских слоев грота; C – желтая земля со щебнем (0.9), содержащая солютрейские наконечники. На опубликованном разрезе (Piette, 1895a) этот слой представлен только во внешнем конце траншеи, в направлении дороги, что не согласуется с находкой солютрейского наконечника при входе в грот на глубине 2.5-3 м, к тому же солютрейские кремни были встречены в самом гроте и даже в Большой галерее; D, E, F – желтая глина со щебнем (1.0-2.2) и многочисленными кремнями «типов мадлен, солютре и мустье». По опубликованным описаниям можно думать, что среди них было острие гравет и

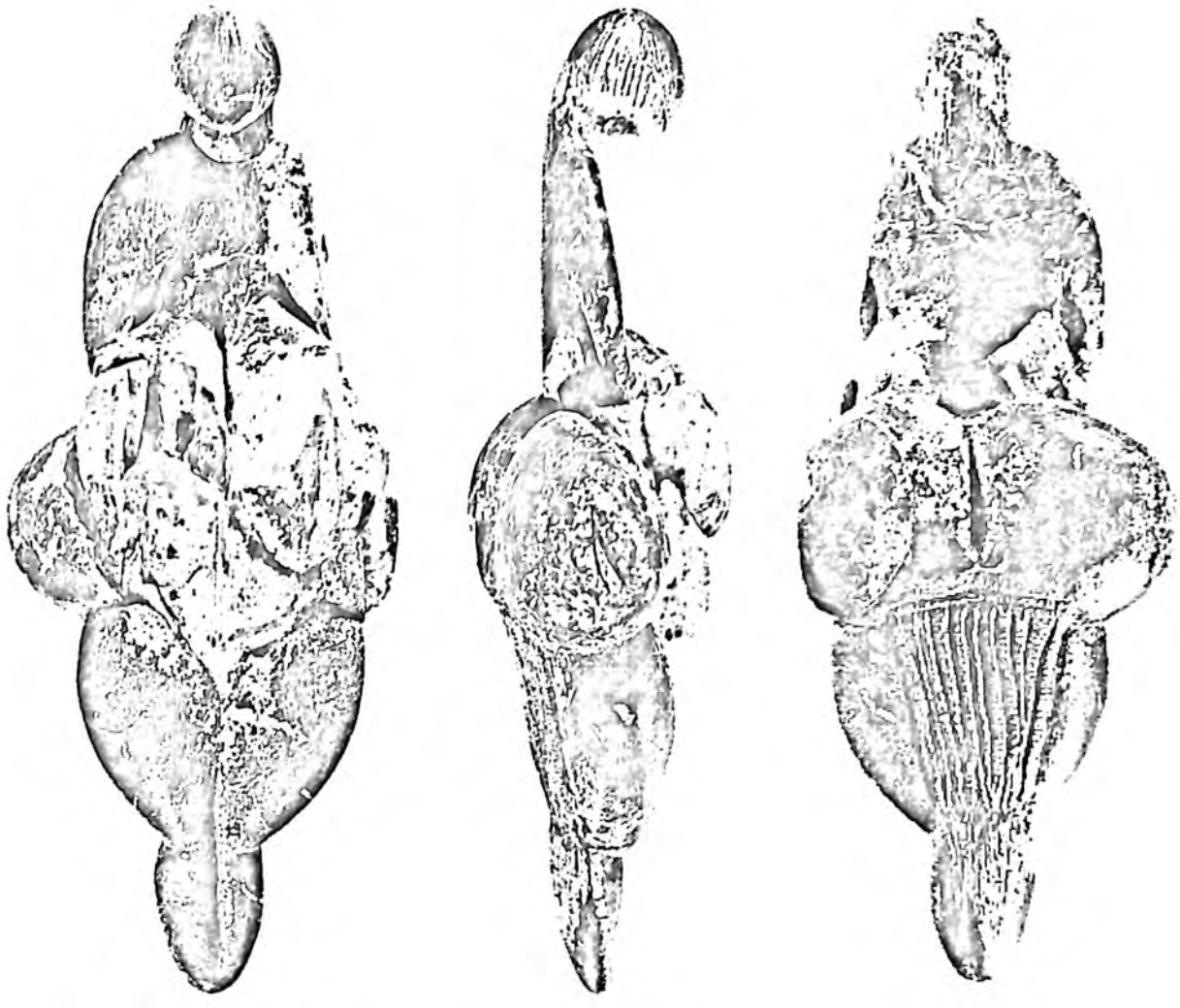

Рис. 13. Граветт. Статуэтка женщины из бивня мамонта. Грот Ридо в Леспюг.

несколько ладьевидных скребков. Слой содержал также орудия из кости и бивня. Он должен быть разделен на три части, поскольку только средняя часть E (0.4) содержала женские статуэтки. В нижней части F (0.3) находились преимущественно мустьерские скребла. Кажется, что в самой верхней части лежащего над слоем E слоя D располагался горизонт с крупными кремневыми пластинами, аналогичными отмеченным в Большой галерее. В целом, отложения слоя D, E, F Пьетт обозначил как «assise éburnéenné», нечто вроде фации солютре (напомним, что в те времена ни ориньяк, ни тем более, перигор еще не были выделены); G – стерильная пластичная глина (0.25) и H – стерильный щебень.

Начиная с 1895 г. производились раскопки в Большой галерее грота, заполнение которой сначала слабое (Piette, 1895б), достигло затем 2 м и было разделено на три слоя (Piette, Laporterie, 1897): 1. Верхний слой (0.6) с гравюрами, дал костяной наконечник с двумя гранями; 2. средний слой (0.5) с редкими солютрейскими наконечниками и ладьевидными скребками. В средней части слоя отмечен горизонт с крупными пластинами. Пьетт считал этот слой очень сложным, объединяющим «слой со скульптурами в рельефе, слой с гравюрами и предметами, вырезанными по контуру и солютрейский слой с лавролистными наконечниками» (Piette, 1895б: 170);. 3. нижний слой (до 0.7 м), содержащий наряду с кремневыми орудиями много фрагментов бивня, среди них новую человеческую фигурку. Глубокая часть Большой галереи содержала отложения, непотревоженные водой, животными или другими факторами, но не представляющими реального стратиграфического интереса. Анализ стратиграфии привел А. Дельпорта (Delporte, 1980: 10, 12) к следующим заключениям: 1. В основании слоя F представлена очень бедная мустьерская индустрия архаичного облика; 2. В слое F довольно обильная ориньякская индустрия включает многочисленные скребки, в том числе типичные ладьевидные и пластины с ориньякской ретушью; 3. В слое E, т.е. в слое, который дал статуэтки (рис. 14), и в слое D инвентарь верхнего перигора определен значительным количеством резцов и серий острий с притупленной спинкой (граветт). Возможно, в верхней части слоя D находится горизонт с крупными пластинами, которые

напоминают пластины из слоя переходного периода между ориньяком, перигором и солютре (прото-мадлен Абри Пато); 4. Слой С – солютрейский и отчетливо делится на две части: в основании средний солютре с полиморфными листовидными наконечниками и в верху – поздний солютре с наконечниками с боковой выемкой; 5. Мадленский слой с редкими костяными наконечниками и гравюрами анималистического характера, но без гарпунов. Он может быть датирован мадленом IV. В противоположность тому, что представлено в других стоянках южного региона, в Брассампуй нет следов мадлена V и VI и азиля, но об этом речь пойдет ниже.

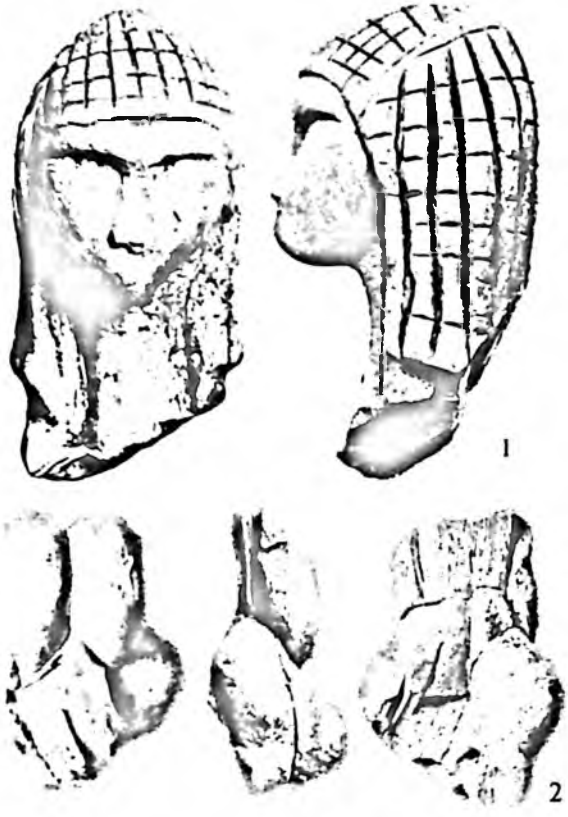

Рис. 14. Граветт: 1 – головка и 2 – обломок статуэтки из бивня мамонта. Брассампуй.

Солютрейская эпоха или культурное подразделение верхнего палеолита, которое во франко-кантабрийской области располагается между верхним перигором (граветтом) и мадленом. Как особая индустрия солютре была определена впервые в 1864 г., когда Э. Ларте и Г. Кристи проводили раскопки в Лез Эйзи. В 1866 г. была установлена связь между «метательными наконечниками» из Ложери-От и подобными орудиями, найденными Ф. Арселеном и А. де Ферри на стоянке **Солютре**. И, таким образом, Солютре «наиболее атипичная стоянка во Франции», по выражению Ф. Смита, стала стоянкой-эпонимом. Относительное положение солютре в палеолитической последовательности затем долго обсуждалось: одни видели в солютрейских наконечниках совершенствование мустьерских остроконечников и помещали солютре сразу после мустье, другие, отмечая сходство с каменным инвентарем Дании, считали солютре переходной эпохой между мадленом и неолитом. Стратиграфическое положение солютре было правильно и окончательно определено А. Брейлем во время «ориньякских баталий» на Конгрессах в Периге (1905 г.) и в Монако (1906 г.).

Географическое распространение солютре ограничено Францией и Иберийским полуостровом, причем максимальная плотность наблюдается между Луарой и Пиренеями. В древнем солютре отмечены два главных центра: Дордонь (**Ложери-От, Лоссель, Бадегуль**) и нижняя долина Роны (**Фигье, Шабо, Улен, Сальпетриер**). Начиная со среднего солютре происходит освоение более северных областей. На севере Дордони (**Фурно дю Дьябль**), Корреза, Шаранты (**Плакар, Рок-де-Сер**) этот средний солютре эволюционирует к позднему. Средний солютре в деп. Вьенна, Эндр и в Майенна (**Сольж**), которое представляет самое северное распространение этой культуры (со стоянкой Сен-Сюльпис-де-Тавьер, недавно открытой в Эссон), может быть более поздним по сравнению с солютре юго-запада и, возможно, не перерастает в обычный поздний солютре. Стоянка-эпоним Солютре также может представлять оригинальную линию развития, о чем свидетельствует ее инвентарь. На юге, в пиренейской зоне (Брассампуй, Истюриц) и в Кантабрии солютре представлен в своей средней, но особенно в поздней и финальной стадиях. Совершенно специфическая региональная фация отмечена в Испанском Леванте, особенно в Парпальо и в Амброзио.

Солютрейская эпоха имеет ограниченную продолжительность. Она начинается около 21 000 лет назад и оканчивается во Франции около 18 000 лет назад. В **Ложери-От** протосолютре существует в холодную и сухую фазу, но в верхних слоях прослеживается тенденция к более умеренному режиму. Поздний солютре одновременен интерстадиалу ложери (вюрм III–вюрм IV). Средний солютре на стоянке Солютре, датируемый 19 590 ± 280 лет назад, должен был существовать в том же самом интерстадиале. В Испании поздний солютре мог продолжаться до интерстадиала ляско (интерстадиал чуфин датирован 17 480±120 лет назад).

Солютрейцы оставили исключительные по совершенству произведения наскального искусства. Наиболее известные – фризы животных в технике барельефа из **Рок-де-Сер** (Шаранта) и Фурно дю Дьябль (Дордонь). Местонахождение Рок-де-Сер состоит из серии гротов и навесов, которые открываются в южной экспозиции в долину маленького притока р. Эшель. Долина довольно узкая и неглубокая. Находится в 15 км к юго-вос-

току от Ангулема. В 1908 г. А. Фавро обнаружил в вестибюле грота Рок солютрейский слой, перекрывающий мощные ориньякские отложения (Favraud, 1908) и это залегание послужило одним из аргументов А. Брейля в пользу последовательности ориньяк – солютре (Breuil, 1909). С 1909 г. Леон Анри-Мартен начал систематические археологические исследования в долине р. Рок. С 1950 г. раскопки были продолжены его дочерью Жерменой Анри-Мартен вместе с Раймондом Лантье. Подводя итоги многолетних работ Софи Тимула отмечает, что старые раскопки, проводимые неразработанной методикой, отсутствие регистрации и точности условий расположения находок, случайный анализ различных топографических секторов, различные категории данных обусловили потерю значительной структурной и этнографической информации. В настоящее время невозможно провести пространственный анализ отработанных участков площади по археологическим данным и вследствие этого выявить связи, существовавшие между структурами и их одновременное или разновременное использование в пределах времени заселения (Tymula, 1998: 143).

Следует заметить, что правый берег долины Рок интенсивно посещался в палеолите. Гроты и навесы под скалами, уцелевшие и обвалившиеся, на протяжении 350 м служили длительными местами обитания, кратковременными убежищами, местами для погребений и «святилищ». Л. Анри-Мартен открыл в 1927 г. на склоне, который лежит ниже грота Ла Фонтен нечто вроде искусственного навеса, составленного блоками обвала. В части наиболее близкой к гроту залегало три солютрейских слоя с лавролистниками и наконечниками с боковой выемкой, разделенные стерильными слоями. Самый нижний слой лежал прямо на скале – «платформе». Именно на нем находилась серия блоков, составляющих барельефный фриз, так же как несколько гравированных плакеток. Ряд других блоков залегал среди обвалов на склоне (Henri-Martin, 1927а, б, 1928а, б, в). Этот участок, обозначенный как «жилище-святилище», дал следующую стратиграфию: нижний культурный слой ограничен, главным образом, естественной платформой у подножья скалы, в то время как склон состоял из отложений, образовавшихся позже. Толщина слоя 10-35 см, его максимальная площадь около 47 м^2. Очаг, заполненный костным углем и сверху черной золой, несомненно находился в жилище. Заселение платформы резко прервалось обвалом части потолка навеса. После сильных обвалов скала продолжала подвергаться медленной десквамации, спровоцированной химическими изменениями окружающей среды и сильным воздействием ветра. Эти отложения перекрыли обвалившиеся блоки на толщину около 70 см и в верхней части слоя обнаружены остатки нового солютрейского заселения – средний культурный слой, толщиной 10 см, состоящий из тонких углистых прослоек и бедный находками. Протяженность его 2.5 м. Новая серия обвалов положила конец этой временной охотничьей остановке. Седиментация продолжалась на толщину 50 см, погребая обрушившиеся массы известняка. Последнее очень краткое заселение стоянки характеризуется культурным слоем толщиной 5 см и протяженностью 1.5 м – верхний слой или «верхний очаг» Анри-Мартена. Весь разрез достигал толщины 3.4 м (Tymula, 1998).

Прежде удаления известняковых обвалов, которые еще покрывали платформу, Анри-Мартен обнаружил пять блоков с барельефами животных хорошей фактуры, но небольших размеров: длина самой крупной фигуры 66 см. Блоки лежали обработанным фасом вниз на культурном слое и позади них находились большие аппарели (рис. 15). По предположению Анри-Мартена, они служили первоначально цоколями для блоков с барельефами, высота которых не более 1 м. Затем блоки были опрокинуты или самими солютрейцами, оставившими нижний слой, или новыми пришельцами. Возник вопрос о чем идет речь: или об искусстве на блоках, отделенных от стены во время отступания скального фронта и обработанных позже солютрейцами, заселявшими этот склон долины Рок, или о фрагментах фриза, оторвавшихся от стены навеса естественным путем во время обвала потолка святилища?

Контрольные раскопки, выполненные в 1951 г. Ж. Анри-Мартен и Р. Лантье (Lantier, 1952) обнаружили барельефы, еще связанные со скальной стеной, на которой они были выполнены. Это наиболее убедительный аргумент для признания настенной природы блоков с барельефами. К сожалению, зоны, сохранившиеся от обрушения, были вырублены в виде двух блоков (R и S) и переданы в Музей Национальных Древностей в Сен-Жермен-ан-Ле под Парижем. Тем не менее, фотографии показывают размещение этих зон на вертикальной стене. Фриз фактически упал, когда стена раскололась на блоки (Debenath, Tournepiche, без года). А. Брейль был убежден в существовании непрерывного настоящего настенного фриза (Breuil, 1952). С. де Сен-Матюрен также пришла к заключению о настенной природе барельефов, сопоставив наблюдения Анри-Мартена со своими собственными, которые она сделала во время раскопок Англь-сюр-Англен (Saint-Mathurin, 1975: 24).

С. Тимула отмечает, что со стратиграфической точки зрения обвал потолка скального навеса произошел во время заселения его солютрейцами или спустя некоторое время после того как они его покинули, перекрыв, таким образом, основной культурный слой. Этот естественный процесс так-

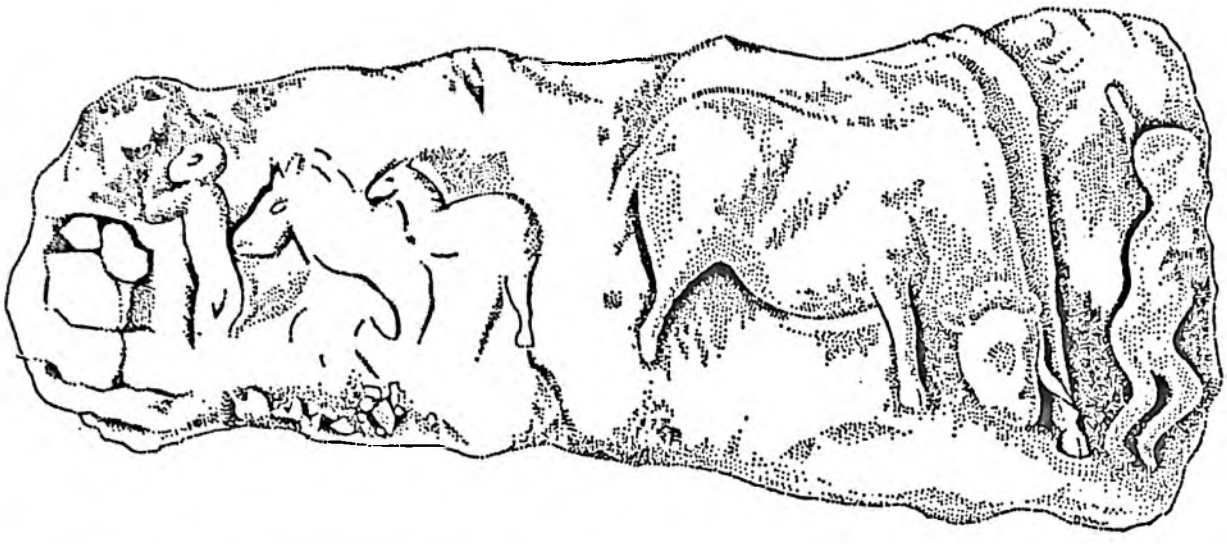

Рис. 15. Солютре: барельеф на каменном блоке. Ро-де-Сер.

же наблюдался на протяжении 20 м между двумя гротами Рок и Вьерж, свидетельствуя о распространении навеса под скалами или линии навесов и об одновременном отступании скального фронта. Кроме того, расположение блоков с барельефами должно было бы ограничить протяженность культурного слоя. Напротив, слой продолжается до скальной стены под обвалами известняка, усиливая, таким образом, идею о стратиграфической неодновременности культурного слоя и барельефной стеной прежде отступания скального фронта. Анри Мартеном было сделано интересное наблюдение, касающееся пространственного распространения каменных орудий, находящихся под блоками с барельефами (Henri-Martin, 1928a: 55). С другой стороны, стяжения, которые покрывали барельефы во время их открытия и в которых были заключены культурные остатки, свидетельствуют о стабильности блоков после их обвала. Настенная природа барельефов подтверждается еще одним фактом. Большая часть барельефов – неполная вследствие естественных изломов, которые произошли при разрушении навеса. С. Тимула убедительно продемонстрировала это на примере блоков A, B и C (Tymula, 1998: 158-160). В течение отрезка времени, которое невозможно определить хронологически из-за отсутствия радиоуглеродных датировок культурных слоев, платформа была недоступна для заселения. Со стратиграфической точки зрения этот интервал несомненно может быть поставлен в параллель с захоронением правого конца барельефного фриза, расположенного под гротом Рок.

В заключение следует сказать, что Рок-де-Сер расположен в 21 км к северо-востоку от грота Плакар, который находится на левом берегу р. Тардуар в урочище Рошбертье, на таком же расстоянии на юго-запад от навеса Шер-а-Кальвин на левом берегу долины Жерсак и в 80 км на юго-восток от Фурно дю Дьябль. Солютрейский фриз в Рок-о-Сер и мадленский фриз в Шер а Кальвен являются единственными памятниками этого рода, известными в шарантских скальных навесах.

Фурно дю Дьябль – палеолитическое местонахождение, расположенное на двух террасах у скального утеса на правом берегу р. Дордони. В 1863 г. оно привлекло внимание П. де Вибрая и только значительно позже стало очевидным наличие солютрейского поселения. После многочисленных любительских раскопок Д. Пейрони начал в 1919 г. его систематические исследования и в 1924 г. обнаружил на верхней террасе первый обвалившийся блок с фигурой быка. Стратиграфия верхней террасы представлена следующим образом (Peyrony, 1932б): непосредственно на скале лежит бурый слой мощностью 0.85 м с остатками позднего солютре. Он был подразделен на три слоя почти равной толщины: 1. нижний, очень твердый и плотный, образующий брекчию в основании; 2. средний, красноватого цвета, того же состава, что и предыдущий; 3. верхний, темно-бурый. Их перекрывает тонкий слой мадлена V или непосредственно на солютрейском или отделенный от него несколькими сантиметрами мелких обломков известняка. Поверх лежит гумус и обвал мощностью 1.4 м.

По своей естественной топографии верхняя терраса представляла нечто вроде навеса, огражденного блоками в виде стены. Площадь 12 x 7 м кажется полностью соответствующей жилищу и Д. Пейрони отметил расположение культурных остатков, позволяющее предположить наличие перегородок, сделанных из ветвей. Внутри жилища находились три блока – один с росписью и два с гравюрами-барельефами. Н. Ожуля отметил, что до настоящего времени мало произведений палеолитического настенного искусства представляет такой интерес в хронологическом плане как изо-

бражения на одном блоке. Скрупулезные для того времени раскопки позволили локализовать очень точно его положение. Блок лежал в основании горизонта позднего солютре I и опирался на скальную глыбу, которая сама лежала на двух первых слоях (поздний солютре I и II). Отсюда логично вывести заключение, что гравюры и барельефы этого блока являются произведениями первых поселенцев финальной фазы позднего солютре (18 000 – 17 000 лет назад) (Aujoulat, 1984: 91).

Другая стоянка Дордони **Бадегуль** отличается от предыдущих своим искусством не на блоках обвала, а на мелких плитках-плакетках. Она состоит из трех навесов в известняковом утесе, возвышающемся над долиной р. Серы около дер. Су-ле-Рок. Известное с 1834 г. местонахождение почти полностью опустошено старыми раскопками. В 1907 г. Д. Пейрони нашел в центральном навесе солютрейский слой (Peyrony, 1908). Затем после ряда работ других ученых А. Шенье провел многолетние исследования уже значительно поврежденных напластований того же центрального навеса (Cheynier, 1949). Любопытно, что стратиграфия, опубликованная и Пейрони и Шенье, обнаруживает значительное сходство. По Шенье, в основании лежит слой SI, насыщенный кремневым инвентарем. Он отнесен к протосолютре, аналогичному протосолютре Ложери-От Восточного (слои G и 22). Из костей животных в этом слое отмечены мамонт, благородный и северный олени, челюсть молодого хищника (дикой кошки), несколько костей птиц. Слоя древнего солютре здесь нет, после стерильных отложений идут слои S II и S III, представляющие средний солютре, такой же как в Ложери-От Западном (слои 15 и 22) и Ложери-От Восточном (слои 30-22). Слои насыщены кремневым и костяным инвентарем, имеется серия плакеток известняка с тонкими гравюрами (рис. 16, 1). Обильны остатки благородного и северного оленей, единичны кости лошади, бизона и серны. Упоминаются волк, лисица, заяц, птица и позвонок лосося. Вышележащие слои S IV и S V Шенье соответствуют, возможно, слоям A и C Пейрони. Речь идет о позднем солютре. Произведения искусства редки. Древний мадлен соответствует слоям S VI и S VII Шенье и слоям D и F Пейрони. Слой S VI рассматривают как постоянный эпизод в эволюции мадлена, он достаточно хорошо развит в Дордони и выделен под названием бадегульской культуры (этапа).

Из других солютрейских памятников необходимо остановиться на стоянке на открытом воздухе **Солютре** в деп. Сона-и-Луара, расположенной у подножия высокого скального утеса. Она была обнаружена в 1866 г. и столь ранняя известность принесла ей плачевную участь. Любители раскопок разрыли ее вдоль и поперек так, что при возобновлении научных раскопок в 1968 г. «местонахождение представляло участок как бы подвергшийся бомбежке» (Joly, 1970: 432). Как продолжение неблагоприятных обстоятельств от старых раскопок сохранилась лишь малая часть документации; коллекции в целом остались неизданными; характеристики как стратиграфические, так и археологические оказались почти неизвестными. В 1968 г. участок был приобретен государством и раскопки были начаты Ж. Комбье. В результате строго научных работ этого высококлассного специалиста установлено, что стоянка расположена на перигляциальном склоне и общая структура представляет два конуса выноса, относящиеся соответственно к вюрму III и вюрму IV. Культурные слои простираются на площади не менее 1 га и отложения достигают нескольких метров толщины. Установленная стратиграфия показывает, что в основании лежит мустье и переходная индустрия, которая могла принадлежать культуре, близкой к перигору. Затем идет типичный ориньяк, выше которого, в брекчии, состоящей из костей лошади, залегал финальный перигор. Солютре, который перекрывает этот слой, подразделяется на два уровня: средний солютре и более развитой солютре. Секвенция заканчивается верхним мадленом.

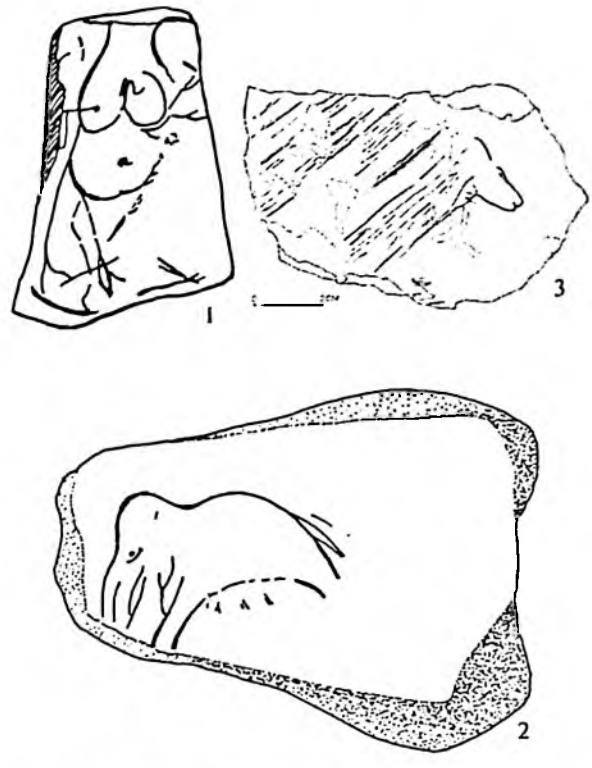

Рис. 16. Солютрейская гравюра на каменных плитках:
1 – фигура женщины. Бадегуль;
2 – фигура мамонта. Планшепорт;
3 – голова горного козла. Кабрере.

Хронологическая последовательность была дополнена палинологическим анализом и радио-

углеродными датировками. Поздний перигор, заключенный в типичном лессе, с одной стороны, и в брекчии из костей лошади с другой, был датирован в первом случае 24 050±600 лет назад и во втором – 22 650±500 лет назад. Спорово-пыльцевой анализ, произведенный на отложениях, происходящих из брекчии, указывает на очень открытый пейзаж, слегка облесенный, который может соответствовать климатическому улучшению, отнесенному к осцилляции тюрсак. Средний солютре был датирован 19 530±280 лет назад. Пыльца показывает лесной покров, состоящий из редких лиственных, но особенно из хвойных с преобладанием сильвестровой сосны. Эта флора согласуется с интерстадиалом вюрм III–вюрм IV. Мадленские слои датированы 14 360±280, 13 680±240 и 12 580±260 лет назад. Последняя дата получена в секторе, где представлено скопление костей лошади – специализированное место разделки добычи. Пыльца свидетельствует о более влажном климате, который может быть связан с климатическим улучшением бёллинг (Combier, 1976a).

В целом, солютре не богато произведениями фигуративного искусства, изображения часто достаточно неопределенны, как об этом свидетельствуют гравюры на каменных плитках мамонта (рис. 16, 2) из **Планшепорт** (Коррез) и оленя (рис. 16, 3) из **Кабрере** (Ло).

В конце плейстоцена на территории Западной Европы и особенно во Франции широкое распространение получила ***мадленская эпоха***, искусство которой достигло высокого совершенства. Уже в 1863 г. Э. Ларте установил, что культурные слои, которые он раскопал в навесе **Ла Мадлен** (Лез Эйзи, Дордонь), обладали оригинальным и очень богатым каменным и костяным инвентарем. Признание мадленской культуры (эпохи, заканчивающей палеолит) осталось непоколебимым при дальнейших очень широких и плодотворных исследованиях и обычно, когда говорят о палеолитическом искусстве малых форм, имеют в виду именно произведения из мадленских культурных слоев.

А. Брейль установил хронологическое развитие мадлена на основании стоянки Плакар в Шаранте для ее древних разделов и стоянок Ла Мадлен и Виллепен в Дордони для поздних, которые он выделил, опираясь, главным образом, на эволюцию многочисленного и разнообразного костяного инвентаря; в частности, роговые наконечники копий и гарпуны представляют очевидные морфологические различия. Д. Пейрони уточнил эту схему, включив каменный инвентарь слоев I' , II" и III" стоянки Ложери-От в классификацию Брейля.

Прежде чем перейти к краткой характеристике этапов мадлена, необходимо остановиться на понятии «протомадлен» – термине , имеющем двойной смысл в зависимости от его применения тем или иным автором. Вначале этот термин был использован Д. Пейрони для обозначения слоя D в Ложери-От. Этот слой в западной части навеса был отделен от слоя B' – перигора III_2 слоем мелких обломков толщиной от 0.4 до 1.0 м и от солютрейского слоя крупным обвалом, в то время как в восточной части он очень близок к солютрейскому слою, отличаясь от него с трудом. По общему облику инвентаря и по находке просверленного жезла из рога северного оленя с гравировкой в легком рельефе двух противостоящих мамонтов мадленского, по его оценке, стиля, Пейрони полагал, что этот инвентарь имел с настоящим мадленом определенные связи. Ф. Борд, раскопавший подобный слой в Ложери-От Восточном, поставил вопрос: представлены ли в нем первые шаги мадлена или речь идет об эволюции верхнего перигора? Присутствие усеченных пластин и пластинок с притупленной спинкой, отсутствие поперечных грубых резцов позволило ему, хотя и с оговорками, принять второе предположение. А. Шенье вкладывал в этот термин иной смысл: он называл протомадленскими все индустрии, которые разделяют солютре и средний мадлен.

Для хронологии мадлена, как и более ранних эпох, большое значение имеют характерные черты костяного и каменного инвентаря, на основании которых выделены следующие подразделения (Breuil, 1913):

Мадлен I – роговые наконечники копий с одной скошенной гранью в основании, а также с заостренным или линзовидным основанием, заштрихованным в виде елочки. Кремневый инвентарь довольно грубый, орудия изготовлены преимущественно из отщепов. Имеются выразительные поперечные резцы, проколки с несколькими жальцами и особенно характерные raclettes – отщепы, обработанные крутой ретушью. Типичен слой I Ложери-От.

Мадлен II – роговые наконечники копий толстые с коническим основанием и часто с продольным желобком. Кремневый инвентарь отличается малым количеством орудий из отщепов и появлением орудий на пластинах и пластинках – эта тенденция развивается до конца мадлена. Появляются пластинки с притупленной спинкой, зубчатые, усеченные пластинки, двугранные резцы и скребки на пластинах.

Мадлен III – роговые наконечники копий с продольным желобком и с одной или двумя скошенными гранями в основании. Одни из них короткие с длинной гранью (тип люссак-англь), другие длинные и тонкие. Впервые появляются полукруглые палочки (baguettes), еще не орнаментированные. Из кремневых орудий характерны разнообразные резцы, иногда на сечениях пластин и особенно новые формы орудий: более или менее

разносторонние треугольники, самый длинный край которых – зубчатый.

Подразделения мадлена IV, V и VI, по Брейлю, основаны, главным образом, на морфологии роговых орудий, обычно называемых гарпунами. В настоящее время требуется известная осторожность в использовании этих «руководящих ископаемых».

Мадлен IV – наконечники копий с расщепленным основанием, на которых имеется серия тонких зубцов – тогда эти орудия рассматриваются как протогарпуны. Широко развивается использование кости, рога, бивня мамонта. Полукруглые палочки, копьеметалки, просверленные жезлы часто украшены не только орнаментом, но и сюжетными образами. Появляются просверленные кружки и изображения животных, вырезанные по контуру из тонких костей (contours découpés). Кремневый инвентарь остается достаточно стабильным и включает крупные резцы на пластине, двугранные резцы на сечении, скребки одинарные или двойные, скребки-резцы, пластинки с притупленной спинкой.

Мадлен V – длинные наконечники копий с округлым сечением и двумя гранями в основании, гарпуны с двойным рядом зубцов. Продолжают существовать и формы, появившиеся в мадлене IV.

Мадлен VI подразделен Брейлем на два этапа: VIa и VIb по морфологии зубцов на гарпунах: зубцы, близко прилегающие к стержню, и зубцы угловатые и отдаленные от стержня. Костяной инвентарь не столь обилен. Исчезают полукруглые палочки, вырезанные контуры и кружки. Наконечники копий утолщаются, их сечение становится квадратным. Кремневый инвентарь, напротив, обогащается новыми формами орудий: имеющие черешок наконечники типа тейжат, угловые резцы на сечении из тонких отщепов (тип «клюв попугая»). В заключительном периоде VIb кремневый инвентарь характеризуется короткими ногтевидными скребками, серией тонких мелких орудий геометрических форм (треугольники, прямоугольники, сегменты круга), пластинками с притупленной спинкой. Развиваются мелкие острия с дугообразным краем типа азильских или «ножа виллепен»». Количество резцов уменьшается, количество скребков становится преобладающим.

В свете недавних открытий эти подразделения считаются слишком искусственными. Мадлен I, II, III, который Брейль установил главным образом по цвету отложений в Плакар, особенно модифицирован. При изучении слоя D в Ложери-От Д. Пейрони предчувствовал очень древний мадлен, назвав его протомадленом. Если определение этой индустрии еще остается нерешенным, Бадегуль и Абри Фрич дают уточнение о начале мадлена V, названного, как уже говорилось, бадегульским этапом (или культурой).

Ф. Борд выделил этап мадлен О в Ложери-От Восточном в слоях 18-20, отложенных во время очень сурового климата в начале вюрма IV. Он следует за верхним солютре, существовавшим в умеренном климате вюрма III/IV. Инвентарь включает большую часть орудий, характерных для мадлена I, но без пластинок с притупленной спинкой и с очень редкими raclettes. Следующий за ним эпизод, который относится к более мягкому климату, соответствует бадегульскому этапу (бывший мадлен I).

Бадегульский этап, созданный А. Шенье на основании раскопок в Бадегуле и распространенный на Абри Лашо, как момент протомадлена, включает несколько последовательных эпизодов, которые, начиная с конца солютре идут до апогея мадленской культуры (мадлен IV, V, VI). Большинство авторов видит в бадегуле культуру независимую от мадлена, происходящую из финального солютре. Эта культура, согласно А. Лавиллю и радиоуглеродным датировкам, одновременна истинному мадлену (древнему и началу среднего), который довольно быстро ее ассимилировал.

Древний мадлен в современном толковании термина сводится к бывшему мадлену II. С этапом мадлен III возникает проблема регионализации. Действительно, хотя кремневый инвентарь не очень отличается от инвентаря мадлена II, возрастает количество типов в костяном инвентаре. Некоторые из них, как, например, наконечники типа люссак-англь определяют локальные комплексы в рамках обширной культуры с сильными творческими тенденциями.

К 14 000 лет назад относится расцвет и наибольшее распространение мадленской культуры. В кремневом инвентаре не происходит решающих изменений, но костяной инвентарь и искусство показывают постоянные поиски творческой мысли. Местонахождения среднего и верхнего мадлена очень многочисленны и их следует рассматривать по региональному признаку.

Начнем с признанного центра – департамента Дордонь, где несомненно наибольший интерес представляет стоянка–эпоним **Ла Мадлен** – обширный навес, расположенный на правом берегу р. Везеры недалеко от дер. Тюрсак. Открытый в 1863 г. навес неоднократно подвергался раскопкам, из которых особенно следует отметить работы Д. Пейрони с 1910 г., установившие наличие трех культурных слоев мадлена (IV, V, VI) и показавшие значение памятника для изучения мадленского искусства (Capitan, Peyrony, 1928). Несмотря на мнение об исчерпанности стоянки, раскопки Ла Мадлен, начатые в 1968 г. Ж.-М. Бувье обнаружили боковые зоны, в частности, западную, которая смыкается с навесом Виллепен, и переднюю часть стоянки, где культурные слои простираются до

склона к современной Везере. Стратиграфический разрез до скального основания обнаружил 9 литологических слоев, содержащих 4 дополнительных горизонта заселения, неизвестных до того, и 14 археологических слоев. Бувье разделил археологические слои на три ансамбля (снизу вверх): 1) А – слой, местами толщиной 1 м, в целом, отнесенный к среднему мадлену (мадлен IV, по Брейлю), хотя в основании найдено несколько раклет, а в верхней части резцы в виде клюва попугая. Радиоуглеродная дата для этого 14 литологического слоя Бувье – 13 940±300 лет назад (Ly-922) соответствует концу мадлена IV; 2) В – ансамбль, составленный объединением двух зон, одна перед навесом, другая внутри. Имеются две даты: одна для начала мадлена V (слой 13): 13 120±190 лет назад (Ly-921); другая для конца мадлена V (слой 8): 12 800±240 лет назад (Ly-920); 3) С – ансамбль различной толщины (0.5-1.5 м), соответствующий верхнему мадлену (мадлен VI Брейля) и финальному эпизоду с азильскими чертами. Дата 12 690±260 лет назад (Ly-919) была получена для основания этого третьего ансамбля. Кремневый инвентарь однороден для всех трех ансамблей. Инвентарь из кости и рога очень богат и свидетельствует о медленной трансформации одной и той же культуры (Bouvier, 1979). Что касается фауны, то имеются данные раскопок Д. Пейрони (Capitan, Peyrony, 1928). В основании нижнего слоя отмечены многочисленные, очень фрагментированные остатки зайца крупных размеров. Нижний слой: медведь – 1 кость, волк – несколько костей, лисица, лошадь – многочисленные остатки взрослых и молодых особей, очень немного костей крупного быка, ближе не определенного, северный олень – обильные остатки, серна – одна челюсть, сайга (?), птицы: альпийская куропатка и орел. Средний слой: медведь – 1 моляр, возможно, бурого медведя, волк, лисица, рысь – фаланга, лошадь – 2 особи, кабан – 1 нижний клык, крупный бык – несколько костей, северный олень – многочисленные кости, в том числе зубы взрослых особей и молочные зубы, серна – рога и другие остатки, заяц, птицы, среди которых обильны кости ворона. Верхний слой: волк – клык и фаланга, лисица, лошадь – 3 особи, кабан – челюсть, крупный бык, северный олень (30 особей), благородный олень, заяц – 4 особи, птицы: галка, альпийская куропатка, филин. Работа Ф. Дельпеш, посвященная изучению 8 111 костных остатков из раскопок Бувье (Delpeche, 1975) осталась мне недоступной. Статья К. Бойль специально посвящена расчленению и разделке туш северных оленей и лошадей на стоянке, позволяющих установить различные стратегии существования в верхнем мадлене (Boyle, 1994).

Большой интерес представляет стоянка **Лимёй** (Бержерак) при слиянии рек Дордони и Везеры. Она расположена на довольно крутом холме, возвышающемся на 50 м выше уровня обеих долин. Открыта Э. Ривьером и раскапывалась в 1909-1913 г. Л. Капитаном и Ж. Буиссони, которые закладывали траншеи между домами дер. Лимёй (Capitan, Bouyssonie, 1924). Здесь представлены три слоя заселения, но блоки сильных обвалов представляли значительные трудности для установления стратиграфического разреза. Выше обвалов находится культурный слой с большим количеством гравированных известняковых блоков и плиток различной величины и формы. В смеси с ними залегают щебень, песок, окатанные булыжники, разбитые кости, каменный и костяной инвентарь. Наличие зольных очагов, концентраций находок и костей животных в анатомической связи доказывает, что стоянка сохранилась на месте, хотя и была устроена на обвалах. Культурный слой перекрыт различными напластованиями: темным слоем с большим количеством кремней мадленского облика, но без гравированных плиток. Затем идет песчаный слой, видимо, отложенный рекой во время исключительной силы паводка, и, наконец, гумус. Определенная М. Булем фауна включает довольно многочисленные остатки северного оленя, отмечены благородный олень, лошадь и представленные единичными костями серна, горный (?) козел, крупный бык, волк, лисица, заяц и пр. Довольно много костей птиц: орла, ястреба, крупной снежной куропатки и др. Найден позвонок, видимо, лососевой рыбы. Кремневый и костяной инвентарь однороден и характерен для позднего, но не финального мадлена. Среди кремневых орудий подавляющее большинство принадлежит двугранным резцам, хотя имеются и резцы типа клюва попугая. Довольно много резцов-скребков. Имеются проколки с четко выделенным жальцем и редкие пластинки с притупленным краем. Костяной инвентарь характеризуется гарпунами с двойным рядом зубцов. Роговые стержни часто орнаментированы. На единственном просверленном жезле прорисованы в барельефной технике фигуры трех северных оленей, лошади и двух рыб. Особая ценность этой коллекции заключается в гравюрах, вырезанных преимущественно на известняке и значительно реже других породах. Коллекция гравированных камней из Лимёй, хранящихся в Логановском Музее Антропологии была детально проанализирована Жилем Тозелло, часть их была опубликована впервые, в интерпретацию некоторых гравировок, опубликованных Л. Капитаном и Ж. Буиссони внесены определенные уточнения (Tosello, 1992).

Два местонахождения в коммуне Лаленд выбраны нами для характеристики поздней и финальной фазы мадлена (мадлен V и VI).

Грот **Ла Рош** (или **Бироль**) находится на правом берегу Дордони между стоянками Суси и Гар

де Куз. Раскопанный около 1930 г. Л. Пейрилем и А. Дельми, он не стал предметом специального изучения и добытые коллекции оказались рассеянными. Блок, гравированный стилизованными женскими фигурами, хранится в Музее Эйзи. Он опубликован Д. Пейрони вместе с костяным инвентарем (Peyrony, 1930). Небольшая серия инвентаря описана Д. де Сонвиль-Борд. Каменный инвентарь включает такие характерные орудия как резцы типа клюва попугая и мадленские наконечники с боковой выемкой, идентичные орудиям из слоя мадлена VI Ла Мадлен. Костяной инвентарь, собранный без указания на слой, включает, по Пейрони, иглы, шилья, долота, лощила, полукруглые палочки, основание гарпуна с одним рядом зубцов, гарпуны с двумя рядами зубцов, иногда угловатых, длинные наконечники из рога северного оленя, как с одной, так и с двумя гранями, просверленные жезлы. Существование финального мадлена VI бесспорно, но можно ли говорить о мадлене IV, как допускал Пейрони, на основании находки наконечника с одной гранью? Сонвиль-Борд считает, что слой мадлена IV абсолютно не был засвидетельствован, поскольку такие наконечники встречаются до конца мадлена. Наличие мадлена V только возможно: гарпуны с одним рядом зубцов существуют и в мадлене VI (Sonneville-Bordes, 1960: 449-450).

Местонахождение **Гар де Куз** включает грот и два навеса, перед которыми простирается площадка. Грот и западный навес были опустошены в древности. В 1912 г. Д. Пейрони исследовал восточный навес и площадку. С 1957 г. раскопки были возобновлены на площадке сначала П. Фиттом, затем Ф. Бордом. Стратиграфия близка секвенциям стоянок на открытом воздухе при слиянии рек Куз и Дордонь. В основании песчанистый слой H соответствует верхнему мадлену (мадлен V), датированному 12 430±320 лет назад. Выше слои G-B общей мощностью 70 см включают главные археологические отложения, относящиеся к мадлену VI. Слой C был датирован 11 730±310 лет назад. Очень обильный каменный инвентарь, изученный Д. де Сонвиль-Борд, позволил ей установить эволюцию последних мадленских этапов Перигора. Характерной чертой каменного инвентаря является высокая пропорция пластин (60-75 %). Резцы, особенно двугранные, более многочисленны, чем скребки. Проколки и микропроколки встречаются чаще, чем орудия типа бек и цинкен (Fitte, Sonnville-Bordes, 1962). Женская гравюра на каменной плитке встречена на границе слоев H и G1 и, следовательно, относится к самому началу мадлена VI (Bordes, Fitte,Laurent, 1963). Фаунистические остатки распределены на две серии. В основной нижней серии отмечены крупные быки – 4 особи, благородный олень – 2 особи, северный олень – не менее 60 особей, лошадь – 4 особи. В верхнем слое костей меньше, но северный олень также значительно преобладает, лошади и волка по 2 особи, крупного быка и благородного оленя – по одной кости. Из птиц отмечены сова-белянка и снежная куропатка. Определивший кости Ф. Прат сделал следующие примечания по некоторым видам. Ряд костей благородного оленя имеет крупные размеры. К относительно многочисленным основаниям рогов северного оленя всегда прикреплен фрагмент лобной кости, нет ни одного сброшенного рога. Стволы рогов по большей части тонкие, что может указывать на их возможную принадлежность самкам тундрового северного оленя. Лошадь из Гар де Куз очень близка мелкой, но могучей лошади из Солютре. Сова-белянка, известная в настоящее время только в арктической зоне, была отмечена несколько раз в Брюникель, Ла Ваш, Лимёй, Рошрёй, Морен. В целом, как замечает Ф. Прат, фауна почти не отличается от той, которая уже была встречена в верхне-мадленских слоях Перигора. Если лошадь, быки, волк – виды повсеместные и не дают точных сведений о климате, то северный олень (преобладающая тундровая форма), сова-белянка, снежная куропатка свидетельствуют о суровом климате. Смягчение климата, наблюдаемое в самом конце мадлена, здесь еще не начиналось (Prat, 1962).

Следующий большой центр распространения мадлена – южная зона Франции, охватывающая северные предгорья Пиренеев. Она может быть подразделена на три области: Атлантические Пиренеи, Верхние Пиренеи и Арьеж.

Департамент Атлантические Пиренеи и баскская провинция Гуипускоа расположены в центре Западных Пиренеев. Вне прибрежных территорий и равнин Адура и горных потоков – это страна средних гор, образованных известняками юрского и мелового периодов на французском склоне, мелового и эоценового – на испанском. В поздне-ледниковое время здесь отмечено распространение мадленских поселений в гротах и навесах, уже с мадлена IV, иногда ставших первым появлением верхнепалеолитического человека в низких горах. Одни стоянки известны здесь издавна, другие находятся в процессе раскопок или готовятся к публикации. В настоящее время, как отметила Ж. Марсан (Marsan, 1979), нет достаточных геологических, палинологических и хронологических данных, чтобы представить полную картину хроно-стратиграфических корреляций.

Мы уже касались уникального эталонного памятника Истюриц, характеризующего все эпохи верхнего палеолита. В другом важном местонахождении Атлантических Пиренеев **Эспалюнг** или **Сен-Мишель д'Арюди** представлены только мадленские слои. Эта пещера расположена на высоте 450 м в одной из скал массива Лару. Современный

вход на 30 м выше долины горного потока Оссо ведет в длинную галерею, заканчивающуюся большим залом. После появления в 1864 г. заметки об этой полости Ф. Гарригу поставил в ней несколько шурфов и обнаружил четкую стратиграфию. В 1873 г. по случаю научного конгресса, проходящего в г. По, Э. Картальяк провел экскурсию в долине Оссо, во время которой участники посетили пещеру под руководством Гарригу и «провели раскопки» (по отчету Э. Картальяка), затем «к большому сожалению к пяти часам каждый покинул грот с собранными кремнями и костями» (цит. по: Marsan, 1980: 181). В том же году начались работы Э. Пьетта и в нише большого зала обнаружена следующая стратиграфия – под слоем сталагмита идут 6 культурных слоев, содержащих наряду с кремневым, специфический костяной инвентарь и своеобразные произведения искусства. Слой F – прерывистые линзы содержали плоские гарпуны с отверстиями, изготовленные из рога благородного оленя – азиль. Слой E - с тонкими цилиндрическими гарпунами, иглами с ушком и очень редкими гравюрами – верхний мадлен. Слой D – тонкий, содержащий наконечники с расщепленным основанием, иглы, лопаточки, «неумело сделанные» гравюры – верхний мадлен. Слой C – с многочисленными вырезанными по контуру головами лошади. Слой B – с барельефами и декором в виде спиралей на роговых палочках. Слой A – с произведениями круглой скульптуры. Слои A, B и C, по всей вероятности, относятся к среднему мадлену.

Ж. Марсан удалось установить некоторые закономерности в распространении костяного инвентаря в соседних памятниках: наличие в долине Оссо наконечника с расщепленным основанием, который со временем исчезает (Эспалюнг, слой D; Истюриц, слои F_1^1 и Ia), наличие и исчезновение наконечников с одной скошенной гранью в основании (Эспалюнг, Уртиага); наличие полукруглых неорнаментированных палочек в верхних слоях Истюриц (F1) и Уртиага (D); наличие гарпунов с одним рядом зубцов в более поздних слоях (Уртиага D). Некоторые типы могли иметь региональное значение, как наконечники с расщепленным основанием; другие, вероятно, теряли свою традиционную хронологическую ценность, как гарпуны с одним рядом зубцов или полукруглые палочки. В результате Марсан, учитывая некоторые редкие хронологические данные, предлагает следующую предварительную корреляцию: слой F в Эспалюнг, слой B (Пассемара) и слой Ia (Сен-Перье) в Истюриц, как и слой C в Уртиаге, возможно могут относиться к аллереду; слой E в Эспалюнг и слой F1 в Истюриц – к дриасу II, а слой D в Эспалюнг и слой E в Уртиаге должны быть древнее дриаса II (Marsan, 1979: 687, табл.).

В департаменте Верхние Пиренеи судьба пещер была аналогичной. Давно известные и многократно поврежденные любительскими (грабительскими) раскопками, они иногда в последние годы исследованы заново и полученные результаты заслуживают внимания.

Верхний палеолит представлен в этом районе в настоящее время только мадленскими памятниками, за исключением грота Гаргас, который содержит слои, отнесенные А. Брейлем к шательперрону, ориньяку и граветту. В позднем палеолите охотники заселяли гроты на высоте между 380 и 570 м в долинах пиренейского пьемонта. Карстовая топография и зоны обитания в них очень разнообразны. Согласно первым радиоуглеродным датировкам, полученным для Верхних Пиренеев, Андре Клот и Жак Омнес разделили памятники на две группы (Clot, Omnès, 1979): первая группа включает Лабастид и, по крайней мере, нижние слои Оренсан, которые отнесены ими к среднему мадлену, между 14 700 и 13 680 лет назад. Эти даты несколько древнее дат 14 050 – 13 290 лет назад, полученных для мадлена IV навеса Дюрюти (Ланды).

Во вторую группу входят грот Буа де Канте (Эспеш) и локус I Эспелюг в границах 13 640 и 12 360 лет назад. Клот и Омнес заключают, что с типологической точки зрения трудно определить относятся ли культурные слои к мадлену IV или к верхнему мадлену (например, мадлену V), но в в то же время склоняются в пользу второй атрибуции. В фауне преобладает северный олень в отличие от первой группы, где олени не очень многочисленны. Кроме того, в отложениях стоянок первой группы не было отмечено никакого значительного сталагмитового пола. Он появляется к концу этого периода в виде частичных кальцинированных образований: кальцинация культурного слоя в контакте со стенами в Оренсан и в Эспелюг (классическое местонахождение), слоев 3 или/и 5 Эспеш, образование пола в глубине этого грота и пола в локусе I Эспелюг. Очень толстый сталагмитовый пол (0.3-1.0 м), который запечатывает все заполнение в Лорте, очевидно, более поздний, может быть одновременен полу во входе в Эспелюг.

Оренсан (Баньер-де-Бигор). В 1 км к югу от г. Баньер-де-Бигор находится известковая скала Оренсан, поврежденная карьерами, которые полностью разрушили серию гротов, среди них так называемый Нижний грот. Расположенный на высоте 570 м или 13 м над тальвегом р. Адур грот был открыт в 1869 г. в момент его разрушения и сразу же исследован братьями пасторами Эмилиеном и Шарлем Фроссарами (Frossard, 1870-1871). Стратиграфия описана с относительной точностью: 1. Верхний слой серовато-желтопалевый с фрагментами известняка и несколькими гальками – 1.5 м;

2. Средний слой серо-черный, или очень черный или переходящий в пепельно-серый – 0.6 м. Частично пронизан сталагмитами и насыщен щебнем и гальками. В нижней части прослеживаются тонкие черные прослойки, разделенные стерильными прослойками, что свидетельствует о неоднократном заселении грота и отложении очагов, насыщенных культурными остатками; 3. Нижний слой – желтый пластичный глинистый ил, насыщенный щебнем и гальками. Пройден до толщины в 1.5 м. Только в самой верхней части встречались отдельные кремни и кости. Обильная фауна млекопитающих определена Э. Ларте. Особенно много костей благородного оленя и быков, относительно часто встречается горный козел, имеются серна, косуля и кабан, редко северный олень. В целом, учитывая, что могли существовать стратиграфические различия, можно предположить, что климат был не очень холодным и заселение человека может относиться к концу вюрма. Раскопки, проведенные с замечательной для того времени точностью, позволили А. Дельпорту научно обработать те коллекции из Нижнего грота Оренсан, которые хранятся в Музее Национальных Древностей (Delporte, 1975). Детальный сравнительный анализ привел его к следующим заключениям. Если нижний мадлен (I – III) остается практически неизвестным в пиренейском регионе, то мадлен средний и верхний (IV – VI), напротив, очень широко представлен. Каменный инвентарь Оренсан, согласно кумулятивным графикам, очень близок инвентарю из Сен-Мишель д'Арюди и грота Ла Ваш (зал Гарригу). Можно предположить определенное своеобразие в каменном инвентаре пиренейского финального мадлена, которое может простираться и на весь верхний мадлен. Что касается костяного инвентаря, то кажется, что определенное число критериев, предложенных А. Брейлем (Breuil, 1913) для периодизации мадлена, продолжает оставаться пригодным. Согласно радиоуглеродным датам, полученным по кости, материал из Оренсан относится к концу дриаса I – 13 910±230 лет В.Р. и 14 280±300 лет назад.

Эспелюг (Лурд) – классический грот пиренейского мадлена находится в окрестностях знаменитого Лурда. Он издавна подвергался набегам любителей сокровищ или курьезов. Впервые Э. Ларте и А. Милн-Эдвардс провели в 1860-1862 гг. серьезные исследования, за которыми последовали работы многих других археологов. Все исследователи наблюдали, что заполнение грота состояло из бурых отложений, насыщенных фосфатами, зубами и бесчисленными костями животных, расщепленным кремнем. Повсюду, особенно в центре грота отмечены зола, уголь, обожженные плитки песчаника. Уже в 1864 г. Ф. Гарригу и Л. Мартен установили 2 уровня в костеносных отложениях. Работы в Эспелюг были возобновлены в наши дни Ж. Омнесом. По этому поводу Ж. Клотт заметил, что предпринять снова изучение памятника, разрушенного в древности – работа неблагодарная, но очень полезная. Ж. Омнес нашел, собрал и описал всю полноту материала, происходящего с этой стоянки, добавив много неизданного. Разумеется, отсутствие точных указаний о стратиграфии не может быть компенсировано в настоящее время и обильный инвентарь, многочисленные произведения искусства и фаунистические остатки не могут быть отнесены к той или иной фазе, поскольку в Эспелюг смешаны слои среднего и верхнего мадлена.

Обширные залы Эспелюг, освещенные дневным светом, безвозвратно разрушены превращением пещеры в подземную часовню, но Омнесу удалось найти в узком отвершке в 25 м от зала Эскалье культурный слой, который был вскрыт на площади 2,5 м². Культурные остатки залегали в глинистом известняковом слое толщиной 10-15 см, подстилаемом сталагмитовой коркой. Фауна крупных млекопитающих, по определению А. Клота, включала северного оленя, лошадь, крупного быка, благородного оленя, горного козла, серну, волка, лисицу, песца, ласку. Количественно бедные и фрагментированные кости представляют по одной особи. Фауна, смешанная с холодостойкими видами, соответствует разнообразному биотопу скального массива (горный козел, серна), поблизости от долины (бык, лошадь). Подчеркнуто наличие песца, который редко встречается в мадленских слоях Пиренеев (Лабастид, Оренсан, Эспеш). Определены также единичные остатки лагоморф, медяницы и рыбы мелких размеров. Изученная Ж. Шалином микрофауна носит лесной отпечаток с очень поздними привнесениями. Радиоуглеродная дата, выполненная по кости, является, возможно, наиболее точным элементом датировки 13 170±200 лет назад (Ly-1406). Она со всей вероятностью помещает стоянку в начало верхнего мадлена. Об этом говорит и ее близость к датировкам из малого грота Эспелюг, где очень обилен северный олень и имеются расщепленные костяные наконечники. Грот Эспелюг относится к мадлену V (Omnès et al., 1980, 1984).

Центральные или Арьежские Пиренеи очень богаты пещерами с великолепными настенными изображениями. К их числу относятся такие всемирно известные гиганты как Нио, Мас д'Азиль, пещеры р. Вольп (Труа-Фрер, Тюк д'Одубер, Энлен) и многие другие. В некоторых из них обнаружены культурные слои с обильными и разнообразными произведениями искусства малых форм. Первый Международный Коллоквиум, посвященный именно «искусству на предметах», состоялся в 1987 г. в г. Фуа, столице департамента. На откры-

тии выставки в Музее Арьежа, расположенном в средневековом замке Фуа, Р. Ноди, президент местного Генерального Совета, отметил большую роль Арьежа в развитии доисторической науки. С 1857 по 1861 г. в двух первых пещерах Масса и Ла Ваш были найдены остатки деятельности древнего человека, которые в дальнейшем получили определение как палеолитические. В их числе была и гравюра на гальке, открытая в 1865 г. в Масса и представленная в 1867 г. на Международной выставке в Париже.

Пещеры р. Вольп. Исключительно важна для изучения палеолитического искусства сложная система полостей в Монтескье-Авантес в южной части предгорий Центральных Пиренеев, где с востока на запад тянутся невысокие горные хребты (Bégouen, Clottes, 1991).В одном из них р. Вольп прорыла значительную гидрографическую сеть на трех уровнях: - нижний, до сих пор активный, обширных размеров, без следов пребывания человека; - средний, особенно развитый в нижней по течению зоне, примерно в 3 м над уровнем воды, частично затапливается в период сильных паводков. В высоких зонах этого горизонта в **Тюк д'Одубер** находятся гравюры, росписи и следы человеческого заселения; - верхний уровень состоит из пещер **Энлен** (на востоке), **Труа-Фрер** (в центре) и верхней галереи Тюк д'Одубер (на западе).

Все три пещеры являются продолжением одна другой и вместе с тем существенно различаются между собой. В то время как Труа-Фрер является одной из наиболее представительных в области настенного искусства, в Энлен нет ни одного произведения на стенах, но зато найдено огромное количество гравированных плакеток. В Тюк д'Одубер на верхнем уровне, известном своими знаменитыми глиняными бизонами, нет искусства на предметах. Они встречены исключительно в отложениях культурного слоя на среднем уровне, где отмечены и настенные изображения, поэтому оба вида искусства рассматриваются как одновременные, относящиеся к среднему мадлену (мадлен IV Брейля). Проблема Труа-Фрер не так проста. Здесь были найдены только два предмета: кальцитовая плакетка с фигурой бизона и фрагмент кости с головой лошади (Bégouen, Clottes, 1980). Все остальные предметы, опубликованные ранее(Bégouen, Breuil, 1958), происходят из пещеры Энлен, где к настоящему времени обнаружено свыше 1 000 гравированных плакеток, опубликованных лишь в малой степени. Хотя возможны и другие входы в Труа-Фрер, единственный определенный в настоящее время вход ведет через Энлен. Это уникальный случай тесной связи двух видов искусства, представленных в особом Святилище и в прилегающей пещере, заселенной мадленцами.

Именно по этой причине для нашей темы так важна Энлен – большая пещера кулуарного типа. В 130 м от входа узкий и низкий проход длиной 60 м, усеянный на всем протяжении культурными остатками соединяет Энлен с Труа-Фрер. Вход расположен на высоте около 540 м на южном склоне долины р. Вольп в 1.5 км от г. Монтескье-Авантес. В 1912 г. А. Бегуэн писал, что в течение 50 лет эта пещера была раскопана во всех направлениях. Заполнение перемешано повсюду. Однако, ему удалось найти в Зале Мертвецов (получившем название по многочисленным погребениям бронзового века) фрагмент скульптуры животного из рога северного оленя. Он залегал in situ среди остатков древнего очага на глубине 10 см под слоем сталагмита толщиной 2 см, образующего современный пол пещеры. Фигурка лежала в буроватом очень легком слое, насыщенном щебнем, разбитыми и обоженными костями и пр. Этот однородный слой имел в одном месте около 30 см толщины. Под ним залегал зеленоватый глинистый слой с костями пещерного медведя и пещерной гиены. В радиусе одного метра вокруг фигурки были собраны в непереотложенном слое несколько обработанных предметов, в том числе вырезанная из лопатки голова лошади. А. Бегуэн считал, что все эти предметы характерны для конца первой трети мадленской эпохи. Фауна подтверждает такую датировку. Северный олень представлен, но в не очень большом количестве. Преобладают лошадь, первобытный бык и бизон. Найдены также кости волка, лисицы и пиренейской серны, зубы гиены (Bégouen, 1912). Между двумя мировыми войнами семья Бегуэн продолжила исследования пещеры Энлен. Особенно следует упомянуть работы Луи Бегуэна. В 1928 г. он нашел несколько предметов в отвалах предшествующих раскопок Ф. Реньоля или Д.Ф. Ко-Дюрбана, сброшенных в отвершек, ведущий в Труа-Фрер. Наиболее интересен осколок крупной кости, гравированный необычными мотивами, в которых видят изображения птиц, кузнечика и т.д. (Bégouen, Breuil, 1958, pl. XXXI, b). В числе находок отмечена мелкая скульптурная головка, возможно, молодого горного козла, украшавшая, копьеметалку (там же: pl. XXXII, a). В отвалах найден и обломок просверленного жезла с гравированной головой бизона (тамже: fig. 105). Удаляя отвалы Бегуэны нашли несколько нетронутых участков, где сталагмитовая корка толщиной 2 см перекрывала мадленский слой. В течение 1930-1931 гг. Л. Бегуэн продолжал исследования отвалов в том же проходе к Труа-Фрер, под которыми местами сохранились нетронутые участки. Датирующим элементом собранного инвентаря являются костяные кружки с отверстием в центре. Особое внимание, правда без репродукций, уделено гравированным каменным плакеткам. «Во вре-

мя предшествующих кампаний мы были поражены числом сланцевых плакеток, которые мы встретили в пещере, тогда как этот камень не находится здесь в естественных условиях. Следовательно, они должны были быть принесены человеком. Тщательный осмотр позволил А. Брейлю дешифрировать рисунки при косом освещении и в мокром состоянии. Нужен был опытный и тщательный взгляд Брейля, чтобы придти к таким результатам и часто мы, мой отец и я, следовали за его прочтением. Мы извлекли из грота эти несколько сотен плакеток. У Брейля не было времени в этом году для глубокого и полного изучения данных предметов, на которых особенно обнаруживаются гравюры голов бизонов. В согласии с ним, мы только отмечаем факт, который может иметь большое значение» (Bégouen L., 1933: 334). Наряду с легко прорисованными фигурами найдены и другие, более очевидные и с поистине художественными рисунками. Некоторые имеют следы росписи, а также гравюры на обломках костей, головы, вырезанные по контуру и единичные скульптуры. Несколько позже А. и Л. Бегуэны возвращаются к вопросу о гравированных и расписных плакетках пиренейского региона (Bégouen H. et L., 1935) и публикуют особо две мелкие фигурки из рога оленя (Bégouen H. et L., 1937), а Л. Бегуэн посвящает статью двум каменным плиткам с антропоморфными сюжетами (Bégouen L., 1939), которые затем привлекли внимание Р. Бегуэна и Ж. Клотта, продолжившими исследования пещеры Энлен с 1976 г. Ряд упомянутых предметов вошел в итоговую монографию, посвященную пещерам р. Вольп и вышедшую, благодаря А. Брейлю, уже после смерти графа Анри Бегуэна, последовавшей 4 ноября 1955 г. в возрасте 93 лет (Bégouen, Breuil, 1958).

Работы Робера, внука графа Бегуэна и сына Луи Бегуэна, предпринятые им совместно с Жаном Клоттом, тогда директором отдела доисторических древностей Миди-Пиренеев и сотрудниками дирекции Ж.-П. Жиро и Ф. Рузо, подтвердили, что речь идет об одном из самых значительных мадленских поселений Пиренеев. Совершенно исключительным фактом является нахождение поселения в глубокой пещере в двух ее расширениях: Зале Мертвецов (Salle de Morts) и Зале Глубины (Salle de Fond). Под массами старых отвалов были найдены обрывки довольно мощного культурного слоя среднего мадлена с очагами на разных уровнях, свидетельствующие, что мадленцы не заселяли пещеру непрерывно, а возвращались в нее неоднократно. Остатки мадленского слоя настолько насыщены культурными остатками, что не может возникнуть предположения, что это были места кратких и специализированных посещений, как это часто бывает в декорированных пещерах. Здесь нашли отражение все виды деятельности, традиционно связанные с повседневной жизнью: обработка кремня и кости, в том числе рога северного оленя, использование охры, возможное нанесение гравюр на плакетки. Особо отмечается, что основным топливом были кости животных – факт редкий для Франции (Clottes, 1979; Bégouen, Clottes, 1979a; Bégouen, Clottes et al., 1989).

В двух пунктах пещеры были взяты образцы для палинологического анализа: один под сталагмитовой коркой, перекрывавшей мадленский слой в около 100 м от входа; другой – в Зале Мертвецов в около 150 м от входа. Отмечено, что слой 3 – главное мадленское жилое пространство – совершенно однороден с палинологической точки зрения. В нижней зоне существовала прерия, где доминировали сложноцветные со злаковыми, полынью, мареновыми, солнцецветом. Это флора довольно сухая, но чувствуется влияние ручья (наличие зонтичных и ольхи, классических теплолюбивых видов: дуба, липы, ясеня, но особенно кустарников: орешников, крушиновых). Эти боскеты определенно были локализованы, поскольку представлены в малых процентах. Арлетт Леруа-Гуран делает вывод, что речь идет о периоде еще холодном, возможно, дриасе I. Образец из Галереи очень близок, но поскольку он находился в контакте со сталагмитом, речь идет о возрастании папоротников и водных зонтичных. На легкое потепление указывает пыльца Buis (1.5%), возможно свидетельствующая о самом начале бёллинга. Слой 2 очень отличен, он составлен двумя сталагмитовыми формациями. Наличие в нижней многочисленной пыльцы водных растений (осоковые, уруть) говорит о возможной близости воды. Деревья представлены видами, растущими на холмах (береза, граб, можжевельник), но особенно ивой – деревом, растущим на берегу реки и вода легко переносит ее пыльцу. Степные виды почти отсутствуют. Злаковые преобладают. Их сопровождает обилие зонтичных, которые росли на влажных почвах. Верхняя сталагмитовая формация была отложена в период, когда снаружи вода освободила часть участка, зона была осушена и завоевана папоротниками. Исходя из этих изменений в локальной окружающей среде, слой 2 не датируется ботанически (Leroi-Gourhan Arl., 1981).

Во время раскопок сохранившегося маленького сталагмитового массива в Зале Мертвецов Р. Бегуэн и Ж. Клотт обнаружили несколько слоев. Нижний слой 5 содержал остатки пещерного медведя, слой 3 – мадлен и слой 1 – бронзовый век. При описании костей из слоя 3 Ф. Дельпеш добавила к ним значительно более многочисленные кости из отвалов старых раскопок, которые четко отделяются и от более древних и от более поздних по состоянию фоссилизации (Delpech, 1981). Она приводит следующий список (количество костей из отвалов поставлено в скобки): северный олень

– 264 (1039), первобытный бык и бизон – 68 (171), лошадь – 15 (38), серна – 4 (91), пиренейский горный козел – (2), заяц – 1, лисица и песец – 16 (60), волк – 2 (3), пещерный медведь – 5 (27). Всего из 375 костей из слоя и 1341 из отвалов. Заслуживают внимания замечания Ф. Дельпеш по поводу некоторых составляющих этой фауны. Северный олень, отличающийся крупными размерами, представлен различными частями скелета. Это означает, что мадленцы приносили на стоянку целые трупы животных. Их расчленение засвидетельствовано следами на многих костях. Фрагменты рогов также несут признаки резания, т.е. интенсивную утилизацию этого вида сырья. Довольно многочисленны остатки крупных быков, но они почти все фрагментарны и редко дают уверенность в их отнесении к первобытному быку или бизону. По ряду признаков можно увидеть, что в Энлен имеются оба вида, причем бизон преобладает. Также подсчитаны вместе лисица и песец, хотя Дельпеш замечает, что более редкие и мелкие кости принадлежат песцу, а большое число остатков крупных размеров – лисице обыкновенной. Ф. Дельпеш указывает на редкость местонахождений, датируемых вюрмом IV, в которых сохранились четко определенные кости пещерного медведя в ассоциации с мадленским инвентарем, как, например, в Истюриц. При преобладании северного оленя, за которым среди копытных в порядке уменьшения следуют быки и лошадь, очень редки серна и горный козел. Характерно полное отсутствие лесных видов (благородный олень, косуля, кабан) и наличие песца. Такая ассоциация, по заключению Дельпеш, может указывать на холодный и достаточно сухой климат. Учитывая, что радиоуглеродная дата, полученная по углю, взятому в очаге, расположенном в нижней половине мадленского слоя 13 940±250 лет назад (Gif 4 124), фаунистическая ассоциация по своему климатическому значению и возрасту может быть датирована концом дриаса I. Обычно фауна Аквитании этого периода включает тех же трех крупных копытных, которые преобладают в Энлен. В то же время в Энлен нет остатков сайги, которые обильны в некоторых стоянках Жиронды, но известно, что этот вид редко существовал в пересеченной местности. Есть и другие вопросы. Первобытный бык – форма влажных прерий не мог жить в слишком суровых условиях, которые характеризуют дриас I. Северный олень отличается от своего более мелкого собрата, на которого охотились мадленцы Ложери-От в течение дриаса I. В Энлен большая часть костей копытных происходит из верхней части мадленского слоя, который образовался позже очага с приведенной выше датой. Не могли ли упомянутые животные существовать в течение первых проявлений климатической умеренно-холодной и влажной осцилляции пребёллинг или начало бёллинга? Помимо первой радиоуглеродной даты получены дата 13 900±120 лет назад (Gif-6030) для большого очага, расположенного у входа в Зал Мертвецов, и дата 13 400±120 лет назад (Gif-5770) для Зала Глубины (Bégouen, Clottes et al., 1989: 168).

Ла Ваш (Аллна) – небольшой грот в долине Викдессос, притока р. Арьеж в 4 км к юго-западу от г. Тараскон-сюр-Арьеж, напротив обширной знаменитой полости Нио. Известен издавна. В 1866 г. Ф. Гарригу, один из пионеров арьежской археологии, начал раскопки. В первом зале, названном впоследствии его именем, под сталагмитовой коркой он открыл мадленский слой, соответствующий или нескольким этапам заселения или длительному обитанию. Раскопки производились по методике той эпохи, т.е., прежде всего, были устремлены на сбор предметов и в первую очередь произведений искусства. Ф. Гарригу говорит о «мириадах» кремня, обильном костяном инвентаре и фауне, которая включает горного козла и северного оленя.

В 1940 г. Роман Робер, по совету А. Брейля, продолжил раскопки и открыл в 1941 г. второй зал с очень низким сводом, ускользнувший от прежних исследователей и названный по имени жены Робера Залом Моник. С 1950 г. в раскопках принял участие Луи-Рене Нужье. Археологический слой в Зале Моник запечатан полностью мощным сталагмитовым слоем, в некоторых местах смыкающимся с потолком, что предохранило его от какого-либо вмешательства животных, человека и других факторов. Во время образования этой кальцитовой корки вода, которая постоянно сочилась с потолка в этом влажном гроте, сыграла одновременно роль замечательной ловушки для пыльцы и очень важного элемента консервации. После удаления сталагмитовой корки культурный слой мощностью 60 см был вскрыт на площади 280 м^2 и подразделен на 4 условных горизонта I, II, III и IV. Систематические исследования по квадратной сетке обнаружили многочисленные обособленные очаги и так называемый «племенной очаг», открытый в 1955 г. и представляющий собой яму диаметром 2 м и глубиной 28-44 см, заполненную углем и многочисленными гальками, образующими нечто вроде купола и растрескавшимися от огня. Образцы угля из различных горизонтов, залегающие в оптимальных условиях, позволили получить точные радиоуглеродные датировки, первые в пиренейском районе. Горизонт II датирован в 10 500 лет до н. э. и горизонт IV 10 900 лет до н.э. (Лаборатория Университета в Гронингене). Палинологический анализ Арлетт Леруа-Гуран помещает культурный слой в Зале Моник от умеренной осцилляции бёллинг до конца дриаса II, т.е. подтверждает датировки (Leroi-Gourhan Arl., 1967). Леруа-Гуран замечает, что пыльца, однажды покрытая предохра-

нительной оболочкой кальцита, была защищена от всякой деструкции и после более 10 000 лет она представлялась под микроскопом в состоянии замечательной свежести; более того, образцы были крайне богаты содержанием пыльцы. Очень любопытен и полезен краткий обзор, географической и геологической ситуации грота в течение вюрмского периода, который делает А. Леруа-Гуран. Флора могла бы показаться очень холодной, если бы не ее нахождение в одном из пиренейских районов, наиболее затронутых оледенениями. Зона хребтов высотой 2000-3000 м питала различные бассейны, направленные на север. Обширные площади твердых скальных пород (гнейсы, кристаллические сланцы и граниты), расположенные под постоянными вюрмскими снегами, составлявшими мощные резервуары – ледники, которые устремлялись в узкие ущелья. В течение ледниковых эпизодов долина Арьежа была заполнена мощным языком льда, а долина Викдессос, прорытая в твердом ургонском известняке, немного расширилась около Нио и слилась с долиной Арьеж около Тараскона. Пещеры Нио и Ла Ваш располагались между 548 и 570 м высоты, а площадь арьежского ледника в этом месте могла превышать высоту в 900 м. Следовательно, лед в около 400 м толщиной покрывал пещеры в течение вюрмского максимума. Позднеледниковые морены находятся ниже по течению между Тарасконом и Фуа. Возможно, что таяние ледников началось около 18 000-17 000 лет назад, так же как и для скандинавского цикла (вюрм III-IV, по Борду, интерстадиал ляско), т.е. за 5 000 лет перед заселением грота Ла Ваш. Период потепления был прерван очень холодным эпизодом дриас I, который мог удержать ледник и определенно задержать таяние. Умеренные осцилляции: ляско и затем пре-бёллинг были, тем не менее, достаточны, чтобы нижняя долина Викдессос была освобождена от льдов, распространились древесные породы и грот Ла Ваш стал пригоден для обитания в эпоху бёллинг.

Поздняя фаза пиренейского горного мадлена Ла Ваш подтверждается фаунистическими остатками. Определения Э.-Ф. Коби фауны из раскопок 1958-1959 гг.: горный козел – 8 974 кости, серна – 501, северный олень – 405, благородный олень – 93, заяц – 96, бизон – 24; лошадь – 1. Горный козел составляет соответственно 85 % и 91 % состава млекопитающих, а северный олень – 5 % и 3 %. Отмечено также, что снежная куропатка составляла 95 % от всех костей птиц. Значение горного козла в пиренейском горном местонахождении показывает, что конец палеолита ни в коем случае не был кризисным периодом, который характеризуется исчезновением крупной охотничьей добычи и смягчением климата. Перед самым концом мадлена горный козел замещает здесь северного оленя, как в равнинных районах благородный олень (Nougier, Robert, 1965a).

Фауна из Зала Моник детально изучена Николь Пельог (Pailhaugue, 1995). 139 753 кости, по преимуществу остатки охотничьей добычи, включают не менее 29 таксонов млекопитающих, которым принадлежат 85 029 костей, и 21 таксон птиц – 54 724 фрагмента. Есть остатки рыб и ящериц. Хищники представляют 4 семейства: кошачьи – дикая кошка, рысь и Panthera sp. – малое число остатков; псовые: лисица (92 особи) и волк (8 особей) особенно многочисленны. Наличие песца указывает на суровые климатические условия, по крайней мере, для части периода заселения Зала Моник, он исчезает во время даже ограниченных климатических фаз потепления; красный волк – животное меньших размеров, чем волк, он встречен в местонахождениях отчетливо более древних, чем Ла Ваш, возможно, здесь пережиток; бурый медведь – 2 особи значительно больших размеров; куньи: редкие остатки горностая и росомахи. Парнокопытные: кабан (2 особи); оленьи: косуля (2 особи) – очень редки, остатки происходят из того же северо-западного сектора, что и половина костей кабана; благородный олень (9 особей) – преимущественно зубы и резцы. Вместе косуля и благородный олень составляют менее 12 % оленьих, в то время как северный олень – более 88 %. Палинологический анализ (Leroi-Gourhan Arl., 1967) показал, что развитие леса произошло отчетливо позже заселения Зала Моник, в течение которого оценка облесения иногда опускается ниже 5 % и никогда не превосходит 10 %. В таком биотопе косуля, наличие которой «как в наши дни кажется связанной с существованием лесной среды» (Delpech, 1975), как и кабан, не могут быть обильными. Дельпеш указывает также, что благородный олень редко представлен в Аквитании во время холодных и сухих климатических фаз, как это было в Ла Ваш. Среди травоядных северный олень (147 особей) занимает второе место после горного козла, хотя и отстает от него, по крайней мере в 13 раз. По своим крупным размерам он может быть сравним с северными оленями из позднеледниковья Дюрюти, превосходящими по величине животных этого вида из Гар де Куз и Абри Морен. Животные из семейства бычьих представлены, главным образом, козлиными, остатки которых распределяются между двумя горными формами – пиренейская серна и пиренейский горный козел. В непосредственном окружении грота были объединены три условия, которые кажутся необходимыми для хорошего развития вида: обильная пища, безопасность в скалистом окружении и небольшие снежные заносы на крутых склонах. Относительно малое число серны – минимум 85 особей или в 22 раза меньше, чем горный козел – соответствовало малому

демографическому развитию, а не выбору охотников: серны зависели от существования леса, под которым они проводили ночь во все сезоны года и где они находили пищу зимой. Быки редки (6 особей). Верхние моляры могут быть отнесены к первобытному быку. Определенно, что это крупные животные почти не должны были заходить в высокие арьежские долины с неровным рельефом. Из непарнокопытных представлена только лошадь – по крайней мере 3 особи. Мнение Ф.Э. Коби о наличии Equus hydruntinus не подтвердилось. Размеры лошади в позднем вюрме, по мнению Прата, не были очень большими. Эти животные, как и быки, предпочитали открытые степные пространства и были редки в горах. Среди лагоморф сильная диспропорция между зайцем-беляком (минимально 42 особи) и кроликом (минимально 5 особей) также иллюстрирует суровые климатические условия. Заяц был единственным из лагоморф, кто сумел адаптироваться к арктическим условиям. Малое число кроликов не противоречит этому, т.к. он ассоциируется с холодостойкими фаунами в конце позднего вюрма. Грызуны и насекомоядные (крот, дикобраз) редки. Напротив, большое число птиц замечательно: 49 % всех определимых остатков, что говорит о великолепных условиях сохранности костного материала in situ. Отчетливо доминируют горные формы: бородач (ягнятник), королевский орел, горный тетерев, зеленый дятел и др. представляют 98.5 % всех остатков птиц и из них 96 % принадлежат только куропаткам.

Радиоуглеродные датировки Ла Ваш имеют некоторые расхождения. Так, по углю из слоя II имеется дата 12 540±105 лет назад (GrN 2025), а слой IV – 12 850±140 лет назад (GrN 2026), в то время как по кости аналогичная дата 12 800±140 лет назад (Gif-7603) получена для слоя II. Даты AMS из той же лаборатории Жиф-сюр-Иветт – более древние: 13 490±120, 13 770±140 и13 650±130 лет назад.

Департамент Ланды примыкает с севера к департаменту Атлантические Пиренеи. В замечательном гроте **Брассампуй**, широко известном своим граветтским искусством (см. выше), сохранился и мадленский слой с гравюрами животных (Delporte, 1980).

Грот **Дюрюти** (**Сорд д'Аббе**), называемый также навесом, – одно из четырех палеолитических местонахождений, открытых Р. Потье в 1872 г. в Сорде у подножия утеса Пасту. Оно было частично раскопано в 1873 г. Э. Ларте и А. Шаплен-Дюпарком, отметившими в черном слое, насыщенном речными гальками, фауну и инвентарь, сходные с находками из Эйзи и Ла Мадлен в Дордони. Около человеческого черепа лежал гарпун с двумя ряда зубцов и поблизости 50 клыков медведя и пещерного льва, просверленных и по большей части гравированных. Р. Потье в эти годы раскапывал навесы Большой и Малый Пасту, а позже в 1900 г. А. Брейль и П. Дюбален изучали навес Дюфор. В 1958 г. Р. Арамбуру возобновил раскопки Дюрюти. «Этот скромный навес открывается на юго-юго-запад у подножия утеса на правом берегу долины горного потока Олорон. Под слоями медного века и азиля лежат три слоя мадлена, которые четко определены как мадлен VI, V и IV» (Arambourou, 1976a: 20).

Остановимся лишь на слое мадлена VI, включающем произведения искусства. Этот неизвестный ранее красный глинистый слой отложился во время относительно умеренного и влажного периода осцилляции бёллинг с мелкими холодными эпизодами. В тот период развивался сосновый лес с подлеском из орешника, ольхи, березы, ивы и различных лиственных кустарников. В фауне крупных травоядных преобладают животные подсемейства бычьих, особенно бизон. За ним следуют лошадь, северный олень. Много грызунов и птиц. Встречены зубы дельфина и раковины Pecten, свидетельствующие о посещении близкого морского побережья. Каменный инвентарь включает большую пропорцию микролитов – 52.6 %, меньше резцов – 29.9 %, почти исключительно двугранных. Скребки составляют 6.1 %, особенно на конце пластины, встречаются проколки, усеченные стрелки, ретушированные пластины. Несколько орудий изготовлено из горного хрусталя, другие из галек кварцита. Костяной инвентарь включает наконечники с округлым сечением с одной гранью в основании, полукруглые палочки, обычно орнаментированные, лощила, иглы с ушком, шилья. Собраны многочисленные гравированные предметы, некоторые в технике champlevé, так же как и круглые скульптуры из бивня и камня.

К Аквитании отнесен департамент Ло-и-Гаронна, расположенный к востоку от Ландов и к югу от Дордони. Памятники с мадленским искусством здесь немногочисленны (грот **Бори-дель-Рей**, навесы **Мартине** и **Рок Аллен**) и сами изображения редки и достаточно схематичны.

Департамент Жиронда лежит между Ландами с юга и Дордонью с востока. Памятники позднего палеолита этого района связаны с нижним течением р. Дордонь и ее притоков и тем самым являются прямым продолжением Перигора. М. Ленуар отметил, что легкость проникновения и продвижения по аллювиальной равнине; наличие скал с естественными убежищами в некоторых частях долины с благоприятным для обитания микроклиматом; биотоп, богатый стадами крупных травоядных животных; обилие воды в зоне контакта скал и рыхлых отложений; близость источников сырья, пригодного для изготовления каменного инвентаря (аллювиальные террасы Дордони, залежи озер-

ных известняков с кремнем) – были факторами, способствовавшими заселению этой территории в течение вюрма IV (Lenoir, 1982: 122; 1992).

Среди разновозрастных мадленских памятников с произведениями искусства: Сен-Жерменла-Ривьер (Пиль-Бурс), Фостен, Рок-де-Маркамп, Фонтарно и др., заслуживает особого внимания **Абри Морен** (Пессак-сюр-Дордонь) – маленький навес, открытый в 1956 г. Р. Деффаржем и раскопанный на пологом склоне в глубине долины. Его стратиграфия: в основании лежит слой В, разделенный на BI и BII, соответствующие двум мадленским поселениям. Выше слой А толщиной 80 см соответствует 4 горизонтам, причем AI – нижний и AIV – верхний. Вверху лежал тонкий эпипалеолитический слой. Изучение седиментации М. Ленуаром и фауны Ф. Дельпеш показало переход от холодных условий в нижней части отложений до более умеренных и влажных в верхней части. В мадленской фауне преобладают северный олень, сопровождаемый лошадью и бизоном. Наличие зайцев, волков и песцов указывает на довольно холодные условия. Многочисленны кости птиц, из которых особенно следует отметить сову-белянку и горного тетерева. По костям рыб определены лосось, форель, щука. Каменный инвентарь, изученный Д. де Сонвиль-Борд и Ж. Селерье, отнесен к верхнему и финальному мадлену. Он включает многочисленные пластинки с притупленной спинкой, пластинки ретушированные и заостренные, резцы типа лакан, becs и zinkens. Резцы более многочисленны, чем скребки. Наконечники с боковой выемкой встречаются в слое В вместе с резцами типа клюв попугая. Здесь же имеются и такие специфические орудия как гамбургский наконечник или наконечник типа малори. Костяной инвентарь обилен и разнообразен. Из 142 гарпунов 110 изготовлены из рога северного оленя и 2 из рога благородного оленя. В слое А встречены азильские гарпуны. Долота, лощила и многочисленные наконечники копий и дротиков, часто с двумя гранями в основании представлены во всех слоях. Произведения искусства великолепны по качеству. 74 костяных или роговых основ и 4 песчаника покрыты гравюрами, представляющими животных, растения, части человеческого тела, зубчатые знаки. Эти предметы встречены во всех уровнях стоянки в следующих количествах: BII – 5, BI – 4, AIV – 30, AIII – 27, AII – 7, AI – 2. Они происходят из раскопок Деффаржа, который вместе с Ж. Эльзьер выполнил первые дешифровки. Сонвиль-Борд и Лоран произвели описание с помощью прекрасных рисунков П. Лорана. Определения основы и изображенных видов установили или удостоверили Ф. Прат и Ф. Дельпеш. В результате появилась превосходная работа, которая может служить образцом публикации палеолитического искусства малых форм, собранного на многослойном памятнике (Deffarge, Laurent, Sonneville-Bordes, 1975). Значение Абри Морен в том, что он дал исключительную хронокультурную секвенцию с конца мадлена V (слой BII) и начала азиля (слой AI), представив полностью мадлен VI.

Вернемся в провинцию Южные Пиренеи, в которую помимо уже упоминавшегося Арьежа, входят департаменты Верхняя Гаронна, Тарн, Тарн-и-Гаронна, Ло.

В Верхней Гаронне, северной соседке Арьежа, еще сильны традиции пиренейского настенного искусства. В этой связи интересны две пещеры с сохранившимися культурными остатками первой половины мадлена. Это **Монтеспан** – грот-кулуар длиной 1.2 км, известный своими глиняными скульптурами в трудно доступном зале, и Марсулас – также грот-кулуар, но значительно более скромных размеров с гравюрами и своеобразными росписями на стенах.

Заслуживает внимания грот *Арпон* (грот **Гарпунов**) в Леспюг , маленькая полость, интенсивно заселявшаяся в палеолите. Р. де Сен-Перье начал ее изучение перед первой мировой войной и продолжил после 1918 г. (Saint-Perier, 1920). Здесь открыты 4 культурных слоя, разделенные мощными стерильными отложениями глины. Верхний слой А толщиной 60 см, насыщенный золой и обожженными гальками, соответствует нескольким последовательным заселениям, очевидно, не выделенным при раскопках. Мадленские и азильские гарпуны, каменный инвентарь с заметной микролитизацией и многочисленные остатки лошади, северного и благородного оленей свидетельствуют о поселениях верхнего и финального мадлена с некоторыми элементами азиля. Гравюры животных, главным образом, лошадей на роговых палочках и осколках костей близки к искусству малых форм мадлена Пиренеев.

Грот **Гурдан** знаменитый числом и совершенством произведений искусства малых форм, был раскопан Э. Пьеттом в 1871-1875 гг., избравшим его из-за расположения на границе равнины и гор. Естественно, методика была соответствующей: «Два или три дня работы обычно достаточны, чтобы вскрыть различные отложения грота, и можно, поставив траншеи, узнать за восемь дней самую сложную стратиграфию» (Piette, 1874: 313). Пьетт дал 6 разрезов Гурдан, что, без сомнения, было достаточно для той эпохи, но в действительности не могло служить для датировки каждого предмета. Эта методика, когда траншеи раскапывались за один час киркой, не могла сохранить предметы на месте. В первые дни Пьетт спускался в траншею и осматривал золу и брекчию, но затем сырость и неприятный запах, исходящий от раскопанных очагов, заставили его наблюдать за раскопками с

высоты крупного блока скалы, упавшего со свода. Он честно признается: «Трудно вообразить сколько интересных предметов было утеряно или раздроблено неопытными рабочими» (там же: 315). Рабочие продолжали раскопки и в длительные периоды отсутствия Пьетта под надзором доверенного лица, посылавшего ему отчеты. Пьетт впервые применил систему разбивки на метровые квадраты и в своих письменных инструкциях указывал где и на какую глубину надо копать, оставляя при этом контрольные участки («межевые знаки»). Археологическое богатство слоев позволило Э. Пьетту признать эту пещеру эталоном для обозначения одной из ступеней в классификации верхнего палеолита на основании фауны: внизу слой с северным оленем, затем слой с первобытным быком и лошадью и, наконец, слой с благородным оленем. Пьетт пытался классифицировать слои и по произведениям искусства: слой со скульптурами в рельефе, вырезанными контурами, просверленными кружками и простыми гравюрами. Все это было сгруппировано под названием гурданского этапа. Речь идет об искусстве среднего и верхнего мадлена, но в ряде случаев разделение затруднительно.

На границе департаментов Тарн и Тарн-и-Гаронна в непосредственных окрестностях **Брюникеля** находится средоточие мадленских стоянок, расположенных на берегах р. Авейрон. Спускаясь в долину встречают сначала справа большой вертикальный утес Рок де Курбе с несколькими полостями, одну из которых грот де Форж чаще называют Курбе. Немного ниже на том же правом берегу в центре другой скалы открывается грот Батют. Оба эти грота находятся в округе Пенн. Далее р. Авейрон круто поворачивает на север и на ее левом берегу возвышаются величественные скалы, которые увенчивает феодальный замок. Здесь же находится и д. Брюникель. Навесы Плантад и Лафай вместе с навесами Гандиль и Монтастрюк составляют так называемые Abris du Château – почти непрерывную линию скальных убежищ, расположенных ниже по течению деревни и замка (Cartailhac, 1903a).

Курбе (Пенн, Тарн). Виконт Ластик, владелец грота, начал его раскопки в 1863 г. В то время, это была единственная палеолитическая стоянка в Брюникеле. В 1864 г. Ластик пригласил на раскопки видных французских и английских ученых, в том числе А. Милн-Эдвардса и Э. Ларте, которые сообщили в Академию Наук о находке кости с легко узнаваемыми гравюрами лошади и северного оленя. Это было недвусмысленное доказательство существования человека перед тем, как северный олень исчез из этого района. По словам Э. Картальяка, англичане оказались более практичными, чем французы. Они адресовали в Британский Музей полные восхищения письма и таким образом эта первая коллекция оказалась в Англии (Cartailhac, 1903a: fig. 64-67). Ластик собрал вторую коллекцию, которая была представлена на Всемирной выставке в 1867 г. его дочерью, предложившей Э. Картальяку опубликовать ее (Cartailhac, 1903a: fig. 115-126). После смерти Ластика эта коллекция также была продана. Предметы, попавшие в Берлин, были утрачены во время II Мировой войны, но три вещи оказались в Британском Музее (Sieveking, 1987: N 452). А. Сивкинг сообщает, что в Коллекции Британского Музея имеется 68 предметов из Курбе. Большая часть коллекции Ластика происходит из самого верхнего «черного слоя», но к этому слою относится 1,5 м отложений и, хотя почти весь материал датируется мадленом, ясно, что несколько предметов из более раннего и более позднего этапов смешаны с этой серией. Имеются копьеметалки с головой лошади, более ранние, чем мадлен V, и значительное число гарпунов с двумя рядами зубцов, которые вместе с некоторыми наконечниками копий и фрагментами просверленных жезлов, могут быть отнесены к мадлену VI. Отмечается, что в Курбе самыми обычными являются полукруглые палочки, которые к тому же составляют наиболее орнаментированную группу. Если оставить в стороне серию копьеметалок, которые, возможно, происходят из основания «черного слоя», и менее диагностичные наконечники и фрагменты жезлов, то остальная коллекция замечательных изделий путем сравнения с предметами из стратифицированных стоянок, таких как Ла Мадлен и Ложери-Бас, может быть отнесена к мадлену V – периоду, который особенно характеризуется тонкими и детальными гравировками со сложными идеоматическими мотивами и, хотя они кажутся схематичными, в их основе почти всегда лежат реалистические сюжеты

Вслед за Курбе исследовались и другие навесы, из которых особенно большое значение имеет **Монтастрюк**. Раскопки производились в 1867 г. Пеккадо де л'Илем, богатейшая коллекция которого была продана в Британский Музей и издана в великолепном каталоге А. Сивкинг (Sieveking, 1987). Местонахождение восточной экспозиции у подножья утеса высотой 30 м состоит из двух частей: грота, полностью перекопанного и к югу от него, навеса, собственно говоря, длиной 33 м. Приступив к его раскопкам в 1947 г. Б. Бетирак обнаружил, что слои также были уничтожены и в навесе сохранились только отвалы, в которых, тем не менее, обнаружили гравюру на кости антилопы-сайги, которую можно отнести к мадлену IV. Раскопки были продолжены на террасе, где Бетирак описал следующую стратиграфию (снизу вверх): 1. флювиальные пески толщиной 3.4-4.2 м, включающие в нижней половине культурные остатки, может быть, мадлена III; 2. слой толщиной 0.15 м с обилием костей в основании, затем песок стано-

вится красноватым, появляется расщепленный кремень и местами характерные очаги с инвентарем мадлена IV. Фауна включает много костей лошади и северного оленя, а также кости крупного быка, челюсти благородного оленя и горного козла. Встречаются также лисица, заяц, байбак, птицы и рыбы; 3. слой еще песчанистый, заполненный блоками разной величины, в редких случаях окатанными, был отложен в период холодного и влажного климата. Максимальная толщина слоя 0.45-0.65 м; 4. слой песчанистый, отличается от предшествующих своим черным цветом и отсутствием обломков скалы. В нем изобилуют окатанные гальки, без сомнения, принесенные человеком, многие расколоты под действием огня. Очаги, богатые инвентарем (конец мадлена IV – мадлен VI) накопились один над другим на постоянную толщину 0.6 м. Фауна более однообразная, чем в слое 2, и почти исключительно состоит из остатков северного оленя и рыб. Редко встречаются кости лошади, кабана, серны, благородного оленя. Отмечается, что мадленцы предпочитали охоту на молодых животных. Почти все рога северного оленя – сброшенные, возможно, были подобраны в момент линьки. 90 % рогов несут следы резания, чтобы получить заготовки для орудий; 5. слой полностью образован белой золой толщиной 3-5 см.

В кремневом инвентаре слоя 2 преобладают двугранные резцы (bec de flûte), часто встречаются двойные орудия. Ретушированные пластинки, проколки и скребки редки. Отмечены 3 раклет. Костяной инвентарь обилен и разнообразен. Он отнесен к мадлену IV по наличию примитивных гарпунов с тонкими и слабо выделенными зубцами, наконечников с одной гранью в основании и полукруглой палочки, покрытой геометрическим орнаментом. Искусство развито и декоративное и изобразительное. Слой 4 очень богат кремневым инвентарем (на 6 м² более 2 000 орудий). Около трети орудий составляют пластинки с притупленной спинкой, но геометрические формы редки. Многочисленны скребки, резцы, главным образом, двугранные. Встречены проколки, наконечники с боковой выемкой и пр. Как и во всех мадленских стоянках Брюникеля, костяной инвентарь разнообразен, но слишком часто представлен в виде фрагментов: гарпуны, наконечники копий, шилья, иглы с ушком (Betirac, 1952).

Департамент Ло не богат мадленскими памятниками с искусством, а те, что есть, бедны находками. Два из них относятся к древнему мадлену: **Кюзуль** к мадлену I или бадегулю, **Камбу** к мадлену II-III, **Большой грот Бати** и **Лакав** к мадлену без точного определения, **Сент-Элали** к мадлену VI и **Мюра** (Рокамадур) к финальному мадлену. Последний представляет навес около 30 м длиной и 4 м шириной и маленький грот с тем же названием в нескольких метрах к западу от навеса у подножия небольшой скалы в долине р. Альзу. В 1914 и 1919 гг. А. Лемози раскопал часть глубоких слоев навеса и установил наличие серии из 7 перекрывающих друг друга культурных слоев, которые он все отнес к верхней фазе мадлена. В 1980 г. М.Лорбланше предпринял изучение материала и возобновил раскопки. Главный интерес навеса Мюра заключается в его многослойности – последовательности слоев финального мадлена, азиля и совтера, что позволяет проследить переход мадлен – азиль в искусстве малых форм, костяном и каменном инвентаре. Особенное значение имеют гравюры на кости, известняковых плакетках, гальках. Представленные зооморфные и антропоморфные фигуры трактованы как реалистически, так и схематически и в мадлене, и в азиле. Костяной инвентарь включает гарпуны с одним или двумя рядами зубцов и наконечники копий с двумя гранями в основании, типичные для верхнего мадлена. В каменном инвентаре происходит трансформация к азильским остриям, круглым скребкам и остриям типа тейжат вместе с резцами типа клюва попугая, скребками на длинных пластинках и пластинками с притупленной спинкой. М. Лорбланше различает две мадленских фазы, предшествующие эпипалеолитическим культурам (Lemozi, 1936; Leroi-Gourhan et al., 1988; Lorblanchet, 1984a; 1984б; Lorblanchet, Welté, 1990).

Фонталес (Сен-Антуан – Нобль-Валь) – навес, расположенный в 1 км выше по течению пос. Сен-Антуан – Нобль-Валь на левом берегу р. Авейрон в 20 км от Брюникеля. Внутренняя часть навеса, которую копал в 1865 г. В. Брен, была значительно повреждена анонимными любителями. Поэтому П. Даррас в 1936-1960 гг. проводил раскопки террасы на плавном склоне, который простирается на сотню квадратных метров перед навесом (Darasse, Guffroy, 1960). Стратиграфия (снизу вверх): Слой 1 толщиной 10 см, сильно окрашенный охрой, может соответствовать мадлену V; выше лежит мощный черный слой, подразделенный на слой 2 толщиной 40 см и слой 3 мощностью 15 см. Эти два слоя содержат многочисленные каменные и костяные орудия, произведения искусства и являются остатками последовательных поселений мадленских групп, но практически без перерыва. Фаунистические остатки прекрасной сохранности включают лошадь, бизона, северного оленя, серну, горного козла, благородного оленя, медведя, рыб, грызунов и птиц, среди которых особенно много куропатки. По предварительным определениям можно судить о господстве очень холодного климата в этом районе, где известно постоянное присутствие северного оленя. Остатки многих животных свидетельствуют о разнообразии в выборе добычи. Это изобилие было бы оправдано, если бы речь шла

о долговременном поселении, но продолжительность обитания здесь не могла быть длительной, поскольку отсутствие азильских гарпунов, крайняя редкость наконечников тейжат и азильских наконечников показывают, что мадлен Фонталес не являлся финальной фазой этой культуры. В то же время количество предметов в каждой категории инвентаря указывает на интенсивность заселения: 12 000 пластин и пластинок, 5 000 орудий, 200 гарпунов из рога северного оленя, 29 гарпунов из кости, 530 наконечников копий, 250 иголок с ушком, 16 просверленных жезлов и т.д. Искусство по своему стилю, имеющему тенденцию к схематизации, усиливает оригинальный аспект мадлена Фонталес (Taborin, Thiébault, 1988a).

В исторической области Лангедок – Руссильон могут быть упомянуты только департаменты Од и Гар. Заслуживают внимания 5 гротов, мадлен которых тесно связан с южной припиренейской зоной. В большинстве случаев они многослойные, со следами заселений предшествующих эпохе верхнего палеолита: в Крузад имеются ориньяк и граветт, в Биз возможный ориньяк и солютре, в Канекод I – ориньяк, в Кона де Бельвис – шательперрон. Лишь грот Газель дает единственный слой среднего мадлена. Заключительная фаза мадлена четко представлена в Кона де Бельвис (Sacchi, 1996).

Грот **Крузад** (Грюиссан) находится в горе Клап в округе Нарбонна на левом склоне лощины с пересыхающим ручьем. Он начинается узким кулуаром длиной 15 м, затем площадь расширяется и свод повышается. В 70-х годах XIX в. грот исследовался Теодором Руссо без выделения слоев и коллекция оказалась смешанной (Cartailhac, 1877a). Д. Саки удалось установить наличие четырех верхнепалеолитических слоев. Нижний (слой 10), лежащий на мустьерском слое, содержал ориньякский инвентарь с наконечниками с расщепленным основанием и типичными скребками (Sacchi, 1988).Из этого слоя происходит плакетка песчаника, покрытая сетью различных линий, которые, возможно, изображают ногу крупного травоядного (Sacchi, 1984, N 27). Выше после двух стерильных слоев залегает слой 7 – с остриями граветт, наконечником с боковой выемкой и пластинками с притупленной спинкой. Отделенный от него стерильным слоем желтой супеси лежит слой 5 с характерными для верхнего мадлена гарпунами с одним или двумя рядами зубцов, наконечниками копий с двумя гранями в основании, полукруглыми палочками. Этот слой включает, хотя и немногочисленные, изделия, не входящие в круг пиренейского искусства.

Большой грот Биз или грот **Турналь** (Биз) находится на левом берегу р. Сесс в 20 км к северо-западу от Нарбонны. Открытый в 1827 г. фармацевтом из Нарбонны Полем Турналем грот подвергся многочисленным раскопкам, существенно нарушившим сложную стратиграфию от мустье до неолита. Исследования, предпринятые в 1970-х годах безвременно ушедшим из жизни Андре Тавозо в 50 м от входа, показали всю сложность заполнения (Tavoso, 1979). Ни один из верхнепалеолитических слоев не может быть уверенно отнесен к ориньяку, хотя ориньякский инвентарь определенно представлен. Ясно засвидетельствован солютрейский слой. К среднему мадлену отнесен слой с полукруглыми палочками, иногда украшенными орнаментом в виде «протуберанцев», наконечники копий, просверленные жезлы и превосходный кремневый инвентарь. Возможно, из этого слоя происходит часть материала, собранного в 1874 г. Археологической Комиссией Нарбонны (Sacchi, 1984, fig. 124, 2; Cartailhac, 1877б, fig 134). Верхняя фаза мадлена представлена гарпунами с одним и двумя рядами зубцов, орнаментированными наконечниками копий и полукруглыми палочками. Учитывая региональный контекст радиоуглеродная датировка слоя 12 550±200 лет назад кажется несколько поздней ((Sacchi, 1988). Видимо, из этого слоя происходит осколок кости с гравюрами сайги и рыбы из раскопок Тавозо 1971 г. (Sacchi, 1984: 32).

Грот **Газель** (Саллель-Кабарде) или грот **Ла Кона де Маронье** находится на левом берегу пересыхающего ручья Сез. Эта обширная полость – одна из самых знаменитых для верхнего палеолита на юге Франции – была открыта в 1836 г. палеонтологом Марселем де Серром и привлекла внимание многих ученых, в том числе Ф. Реньо, Э. Картальяка, Л. Нелли, перед тем как послужила для добычи фосфатов. При возобновлении раскопок в 1967 г. Д. Саки сосредоточил внимание на центральном зале верхней галереи (Sacchi, 1976a, 1979a). Нижний культурный слой заключен в литологическом слое 7 – супесчаном, с большим содержанием щебня, окрашенном в черный цвет древесным углем. Фаунистические остатки, определенные М. Морелем, показывают широкое преобладание лошади и северного оленя. Достаточно хорошо представлен и благородный олень. Встречаются также бык или бизон, горный козел, серна, лисица, заяц, крот, полевки, куропатка и форель. Древесные угли принадлежат березе, иве, можжевельнику, сильвестровой сосне, т.е. практически без теплолюбивых форм. Растительность, таким образом, соответствует концу позднеледниковья, характеризующемуся суровыми климатическими условиями. Эти данные находятся в определенном противоречии с радиоуглеродной датой 7 слоя: 15 070±270 лет назад (Gif-2655).

Обильный и разнообразный инвентарь типичен для среднего мадлена (мадлен IV) пиренейской провинции. Это находит подтверждение в том, что ни одна из морских раковин, собранных в

Газель, не является специфически средиземноморской и наиболее многочисленные Littorines obtuses исключительно атлантического происхождения. Каменный инвентарь изготовлен из прекрасного светлого кремня, чуждого району. Богатый пластинками с притупленной спинкой (почти половина орудий), обычно микролитическими, инвентарь включает многочисленные резцы, наиболее часто двугранные, но также и на сечениях, проколки, преимущественно мелкие, скребки-резцы и скребки–тронкированные пластины, орудия с выемкой и др. Костяной инвентарь, изготовленный, главным образом, из рога северного оленя, состоит из многочисленных наконечников копий, среди которых преобладают орудия с одной гранью в основании и продольным желобком, полукруглые палочки, украшенные «протуберанцами», иглы с ушком. Имеются также прото-гарпуны, просверленные жезлы, обломок копьеметалки и др. Из произведений искусства интересны вырезанные по контуру головы лошади, гравюры лошадей, быков, медведя и горного козла на кости и на камне, по своему стилю близко напоминающие настенные изображения этого грота, открытые в 1947 г. спелеологами М. Каннаком и Ж. Рюффиелем.

Грот **Канекод I** (Виллардоннель) находится на левом берегу сухого ручья Рию, выходящего к р. Орбиель. Он долгое время не привлекал внимания ученых и пострадал от беспорядочных тайных раскопок. Лишь в 1966 г. к систематическим исследованиям приступил Д. Саки, обнаруживший 3 палеолитических слоя (Sacchi, 1976б, 1979б). В центральном зале сохранилась непотревоженная стратиграфия (снизу вверх): VI – мощный слой карстовой глины рыжеватого оттенка отложен на скальном дне во время умеренной и влажной фазы межстадиального типа (вюрм II/III?); V – тонкий слой эродированного гравия, включенного в глинистую матрицу сероватого цвета, с немногими фаунистическими остатками; IV – окатанный щебень, заключенный в глинистые рыжеватые отложения с инвентарем, характерным для ориньяка и датой 24 510±400 лет назад (Gif-2710); III – отделенный от предшествующего слоя почти непрерывной прослойкой копролитов медведя и гиены слой желтой глины с окатанным щебнем, ориньякским инвентарем и датой 22 950±330 лет назад (Gif-2709); II – отложенный после стерильного эпизода криокластический булыжник, конкреционный (II_1) или рыхлый (II_2), связанный глинистыми желтоватыми или буроватыми седиментами верхний культурный слой; I – прерывистая сталагмитовая корка и мелкие пятна серой земли. Представляющий для нашего изложения интерес слой II имеет радиоуглеродную дату 14 230±100 лет назад (Gif-2708). Согласно седиментологии и палинологии он был одновременен холодной фазе, тогда как определение древесных углей, произведенное Ж.Л. Верне, показывает умеренную флору, позволяющую поместить этот слой в фазу потепления, предшествующего бёллингу.

Сохранность фаунистических остатков в целом хорошая и фрагментарность не очень велика. По определению М. Мореля и Ф. Вилетта, северный олень широко преобладает (90 %). Найденные рога свидетельствуют о существовании двух разновидностей: тундровой и лесной. Нижние челюсти принадлежали животным всех возрастов, включая детенышей менее 1 года, что указывает на круглогодичную охоту. Затем идут лошадь крупных размеров, косуля, бык, горный козел, серна, кабан, из хищников пещерный и бурый медведи, пещерная гиена, лисица, из лагоморф заяц. Палинологический анализ, проведенный Жозетт Рено-Мисковски, показал, что число пыльцы деревьев очень низкое: преобладание сосны, несколько редких лиственных и наличие зеленого дуба. Поэтому климат, одновременный слою II, кажется холодным и затем влажным. Если принять во внимание культурный контекст и особенно точность изотопной датировки 12 280 лет до н. э., можно поместить эту климатическую фазу в параллель с холодным периодом вюрма IV, заключенным между фазами климатического улучшения для Северной Европы, пребёллингом и бёллингом, поскольку нет данных для сопоставления с южной зоной (Sacchi, 1979б: 193). Обильный и разнообразный археологический материал отнесен к среднему мадлену. В каменном инвентаре пластинки с притупленной спинкой насчитывают более половины орудий, некоторые из них являются разносторонними треугольниками, отличными от настоящих треугольников. Резцы, занимающие количественно второе место (свыше 12 %), наиболее часто двугранные. Затем идут орудия с выемкой, сложные орудия, ретушированные, иногда тронкированные пластины и проколки. Костяной инвентарь состоит, главным образом, из наконечников копий, иногда коротких с одной гранью в основании и продольным желобком, иногда очень тонких, изогнутых, заостренных с двух концов и с треугольным сечением Имеются два просверленных жезла, фрагмент копьеметалки –замечательное скульптурное изображение мамонта (Sacchi, 1975).

Грот **Кона де Бельвис** (Бельвис) находится на высоте 960 м над плато. Значительно перекопанный грабителями-любителями при входе и во входном зале он был определен как археологический памятник только в 1965 г. Раскопки Д. Саки, начатые в 1969 г. установили наличие двух культурных слоев. Нижний (слой 7) поврежден криотурбациями и сохраняет остатки архаического шательперронского инвентаря, отягощенного мустьерскими элементами. Четыре верхних слоя (4-1), которые

простираются по всей поверхности входного зала полностью отнесены к позднему мадлену (мадлен VI). Отмечается, что никакой эволюции от слоя к слою не обнаружено и критерии стратиграфического отличия основаны исключительно на окраске. Наиболее представителен слой 3, дата которого 12 270±280 лет назад (Gif-2950) согласуется с результатами, полученными из других компонентов (Sacchi, 1976в, 1979в). Фаунистические остатки очень фрагментарны, но дали значительное количество видов (определения М. Мореля, Ф. Вилетта и Ж. Весса). Со статистической точки зрения в макрофауне отмечено преобладание пиренейского горного козла, в меньшей степени серны. Представлены лошадь, быки, благородный и северный олени, лисица, заяц, а также птицы и рыбы. Наличие раковин Cardium edule и Pectunculus sp. указывает на контакты мадленцев с прибрежной зоной. По палинологии слои 2-4 принадлежат к древнему дриасу с климатом холодным и сухим. На средних высотах (1300-1700 м) анализы пыльцы показывают существование травянистой растительности, включающей степные элементы. Несмотря на суровость климата обнаруживается редкая пыльца дуба, бука и орешника. Определение древесных углей свидетельствует о наличии в близких окрестностях грота мезофильных и термофильных деревьев. Каменный инвентарь имеет сильную микролитическую тенденцию Основная группа орудий – пластинки с притупленной спинкой (70 %), часто сломанные, иногда тронкированные или зубчатые. Затем идут резцы (менее 7 %), в большинстве случаев двугранные, пластинки с ретушью, разносторонние микротреугольники, орудия с выемкой, долотовидные орудия и проколки. Костяной инвентарь включает гарпуны с одним или двумя рядами зубцов, наконечники копий с двумя гранями в основании и пр. Гравюры исключительно на костяной основе трактованы в синтетической или геометрической, иногда даже идеографической манере, в стиле, свойственном финальному мадлену.

В департаменте Гар известна только одна стоянка – навес **Сальпетриер** (Ремулен), хотя имеющая большое значение как особая линия развития верхнего палеолита юга Франции, но ее материалы в области искусства слишком бедны: всего три кости с гравюрами, происходящие из старых раскопок и отнесенные под вопросом к верхнему мадлену (Escalon de Fonton, 1959; Sacchi, 1984).

Из других южных пунктов следует упомянуть маленький грот **Комбетт** (Боннёй) в департаменте Воклюз в Провансе, где была найдена голова птицы, вырезанная по контуру из камня, отнесенная к древнему верхнему мадлену (Paccard, 1976).

Жан Комбье, ведущий специалист по палеолиту региона Соны – Роны, отметил, что искусство малых форм в верхнем палеолите обширной Ронской провинции характеризуется, прежде всего, своим рассеянием в пространстве и времени. На площади 90 000 км² из 20 отмеченных здесь пунктов только 5 дали довольно многочисленный и репрезентативный материал: Солютре, Ла Коломбьер, Гут Роффа, Кампалу и Дёз Аван (Combier, 1967, 1979, 1990). Рассмотрим эти эталонные памятники последовательно, двигаясь с юга на север, добавляя, по необходимости, некоторые другие.

Грот **Дёз-Аван** (Валлон) – единственная стоянка в департаменте Ардеш, известном своими настенными произведениями. Грот, поврежденный тайными раскопками, стал объектом спасательных работ. Он находится в известняковом массиве на левом берегу р. Иби около впадения ее в р. Ардеш. Под двумя поздними слоями лежит щебнистый слой с углистыми очагами, костями и мадленским инвентарем. Две радиоуглеродные датировки, полученные по углю и кости,: 12 350±200 лет назад и 12 320±600 лет назад совпадают и позволяют поместить культурный слой в деградирующую фазу среднего дриаса (Combier, 1977: 604)или начало аллерёда (Taborin, Thiébault, 1988б). Бедный кремневый инвентарь включает азильские острия и наконечники с боковой выемкой и противолежащими анкошами, что указывает на его принадлежность к финальному мадлену. Серия гравюр на кости, особенно на расщепленных ребрах, впервые отмеченная в Ардеше, обнаруживает по своему стилю близкое родство с пиренейским искусством, в первую очередь с гравюрами из грота Ла Ваш в Арьеже (Combier, 1990).

Навес **Кампалу** (Сен-Назер-ан-Ройан, департамент Дром) расположен на террасе высотой 12 м над уровнем р. Изер. Открыт в 1969 г. Раскопки производились Ж.-Э. и Ж. Брошье. Отложения мощностью 2 м содержали около 20 культурных слоев. Согласно изучению пыльцы, произведенному М. Жираром, эти слои образовались от конца дриаса II до аллерёда. Установлено наличие трех комплексов: в основании залегают 15 уровней обитания среднего и верхнего мадлена. Речь идет о слоях криокластических обвалов, часто переслаивающихся горизонтами наводнения. Отложения, пыльца, фауна свидетельствуют о пейзаже холодной степи и о близости реки. В фауне преобладает лошадь, затем следует северный олень. Бизон, сурок, горный козел, лось, волк, медведь и мамонт представлены единичными особями. Пыльца изучена только в верхней части этой серии, где наблюдается очень слабое присутствие лесных форм (4-5 %), исключительно сосны и березы. Самый нижний слой 3f довольно беден кремнем, но обладает прекрасным инвентарем из рога северного оленя, в том числе просверленный жезл и две полукруглые орнаментированные палочки. Инвентарь

всего слоя 3 может быть отнесен к классическому мадлену V. Произведения искусства включают как фигуративные темы на костяных основах, так и абстрактные или геометрические на костях или гальках. Фигуративные изображения по своему стилю близки к стилю IV древнему юго-запада Франции, но соответствуют здесь более поздней фазе мадлена (мадлен V-VI) (Combier, 1977: 623). Эти гравюры – первые известные во французских Альпах за исключением старых находок в Вейрье, значительно севернее (Brochiers, 1976: 170).

Вейрье (Вейрье, департамент Верхняя Савойя) – навесы у подножия горы Салев, известные с XIX в. и все отнесенные к финальному мадлену. Раскопки Госса показали, что культурный слой находился под отвалами карьера, который разрабатывался здесь с незапамятных времен. Фаунистические остатки включают лошадь, северного оленя, серну, козерога, медведя, косулю. Кремневый инвентарь – «мелкий и некрасивый по причине отдаленности Вейрье от местонахождений кремня» (Gosse, 1873: 353). Обильный и разнообразный костяной инвентарь включает просверленные жезлы с фигуративными изображениями.

В департаменте Луара несколько километров ущелья р. Луары выше по течению г. Роанн содержат в отложениях склонов на различных уровнях над водой стоянки, которые были раскопаны и изучены перед их затоплением при сооружении плотины Вильрест. Для нас наиболее интересна Гут Роффа.

Гут Роффа (Сен-Морис-сюр-Луар) открыта перед 1957 г. Раскопки были произведены в 1981 г. (Combier, 1990). Стратиграфия обнаруживает 4 мадленских слоя от древнего мадлена с раклет до финального мадлена. Стоянка занимает два берега небольшого ручья, называемого «Гут» на местном наречии, в 15 км выше Луары. Поднимаясь по склону к северу стоянка примыкает к скальному обнажению, но, по словам Ж. Комбье, речь ни в коем случае не идет о древнем навесе под скалой, которая не играла никакой роли в устройстве поселения. Стратиграфия (сверху вниз в м): 1. песок грубый, бежевого цвета, с прослойками буро-красной глины – 0.4-0.6; 2. песок илистый, темно-бежевый – 0.3; 3. слой гранитного щебня, содержащий несколько кремней, очевидно, переотложенных – 0.35; 4. песок светло-бежевый с мелким щебнем, рассеянным мадленским инвентарем, многочисленными костными углями и плохо сохранившимися костями; 5. блоки, достигающие иногда 60 см в длину в заполнении бежевого глинистого песка – 1.75. Ниже идут аллювиальные отложения с окатанным мустьерским инвентарем и холодостойкой фауной с северным оленем и мамонтом. Инвентарь Гут Роффа только каменный, не сохранилось ни одного костяного предмета. Интерес стоянки заключается в большом количестве гравированных плакеток сланца, которые найдены сконцентрированными около очагов. Они очень хрупкие, представлены, главным образом, во фрагментах и большинство фрагментов или не читается, или сводится к некоторым элементам: нога, голова, задняя часть, только частично опубликованными (Larue et al., 1955). Ансамбль относится, очевидно, к стилю IV Андре Леруа-Гурана и некоторые сопоставления возможны с Ла Коломбьер (Combier, 1976б).

Ла Коломбьер (Невиль-сюр-Эн, департамент Эн) – обширный навес, который известен с 1867 г., когда о нем упомянул А. Арселен. Он подвергся многочисленным любительским раскопкам, из которых более методичные проведены в 1913 г. профессором факультета наук Лионского Университета М. Майе и фармацевтом из Понсена Ж. Писсо. Их раскопки обнаружили чередование 4 культурных слоев и стерильных прослоек. Верхний слой B1, хотя и бедный, кажется принадлежащим верхнему мадлену, о чем свидетельствует каменный и костяной инвентарь. Отделенный от слоя B1 стерильной прослойкой, основной слой DIII (или DI) толщиной 50 см стал объектом различных дискуссий. М. Майе и Ж. Писсо нашли в нем знаменитые гравированные гальки и каменный инвентарь, включающий 12 000 орудий (Mayet, Pissot, 1915). В 1948 г. Х. Мовиус возобновил раскопки и обнаружил те же слои. Инвентарь слоя DI включает пластинки с притупленной спинкой (36 % всех орудий), большое количество резцов, некоторые на сечениях, что может сближать их с резцами ноай. В костяном инвентаре отмечены наконечники копий с желобком, часто орнаментированные шевронами. Найдена и одна гравированная галька (Movius, Judson, 1956). В 1975 г. новые исследования были предприняты Р. Деброссом на западном краю навеса с целью установления точной хронологии (Desbrosse, 1978).

Археологическая интерпретация последовательности трех мадленских слоев, как отметил Ж. Комбье, может быть только очень приблизительной, тем более, что инвентарь относится к довольно оригинальной фации и почти не имеет аналогий (Combier, 1976в: 54). Определенно, что слой D, собственно говоря (DI Мовиуса) был не столь богат и слои D' и D", раскопанные в 1913-1914 гг. дали только несколько кремней. Инвентарь слоя D особенно характеризуется тронкированными пластинами, иногда огромными, которые придают ему специфический вид, так же как резцы на поперечных сечениях, часто очень толстые. Многочисленны и заостренные пластины с плоским фасом, обработанные плоской ретушью треугольной формы, но не чешуйчатой как в финальном перигоре и древнем солютре. Пластинки с притупленной спинкой хорошо развиты. Костяной ин-

вентарь, собранный вместе с этим оригинальным набором орудий эпиграветтского облика несомненно мадленский. Наконечники копий с квадратным сечением и двумя гранями в основании напоминают орудия из грота Арле (департамент Юра), отнесенного к среднему мадлену. Что касается гравюр на гальках и кости мамонта, то они, согласно А. Леруа-Гурану, отчетливо относятся к «лучшему стилю IV», несмотря на некоторые особенности и «не отличаются от того, что можно ожидать в среднем мадлене» (Leroi-Gourhan, 1965: 285). При таких обстоятельствах можно поставить вопрос не являются ли даты, полученные по углю из очагов слоя D, хотя в свое время они были отвергнуты, 14 710±300 лет назад (Лаборатория Колумбийского Университета) и 13 390±300 лет назад (Ly-433) приемлемыми? Доступные материалы дают большую вероятность, что искусство из Коломбьер не граветтское, как полагали ранее, а относится к среднему мадлену (древнему дриасу) особой фации, как об этом писал еще в 1976 г. Ж. Комбье (Combier, 1976в).

Следует упомянуть так же грот **Ото** (департамент Эн), раскопанный еще в 1894 г. аббатом Турнье и ш. Гийоном. Ауна была изучена М. Булем, давшим в краткой рецензии и описание стратиграфии этого памятника (Boule, 1895). Ощая мощность отложений 2,35м, причем в нижних слоях преобладают кости северного оленя, в верхних – благородного оленя. Обильный инвентарь отчетливо мадленский. Из слоев 4 или 5 происходят просверленный жезл с фигурой ревущего благородного оленя, а из нижележащих слоев 5 и 6 – гальки, гравированные контурами животных, как в Ла Коломбьер (Desbrosse, 1976а, б; Taborin, Thiébault, 1988б).

Грот **Арле** (грот Граппен или Сен-Винсен, Арле, департамент Юра) находится в 200м от р. Сей, правого притока р. Соны. Около 1890 г. добыча строительного камня владельцем участка Д. Гереном открыла доступ во входной зал. В глубине кулуара были собраны фаунистические остатки, кремни и обработанные кости. В 1892 г. произведены первые раскопки, позволившие уточнить положение культурного слоя, «заключенного между двумя сталагмитовыми корками» и идентифицировать мадленский инвентарь (Girardot, 1893: 280). Входная зона была затем раскопана в 1913 г. по приказу принца Аренсбергского, ставшего владельцем стоянки и значительной коллекции, собранной Д. Гереном. В дальнейшем здесь велись эпизодические раскопки, которые, несмотря на важность стоянки, давали только краткие заметки. В течение 30 лет грот считался исчерпанным. В 1953-54 гг. серия зондажей Ж. Комбье установила наличие обрывков культурного слоя. Эти работы были продолжены (Millotte, 1960; Combier, Vuillemey, 1976). Упрощенный разрез в 12 м от входа показывает следующие отложения: 1. слой осадочной глины, прерывистый и местами переотложенный; 2. сталагмитовая корка, почти разложившаяся; 3. мадленский слой, зернистый и рыхлый, пестрый, бежево-бурый, смешанный с мелкими элементами известняка; 4. глинистый слой с крупными блоками известняка и костями крупных хищников, особенно пещерного медведя.

Фауна, собранная в мадленском слое, включает 20 видов, среди которых преобладают северный олень и лошадь. Встречаются бизон, шерстистый носорог (одна молодая особь), мамонт, кабан, сурок, бобр. Среди хищников достаточно хорошо представлены пещерный медведь, волк, лисица, песец, барсук (может быть, случайно) и куница. Мелкие грызуны дают более точные указания на климат: Ochotona pusilla и Citellus superciliosus, обитатели холодных бореальных степей со скудным растительным покровом. Microtus ratticeps указывает на существование болотистых зон при перигляциальном климате. Седиментологические и фаунистические данные отчетливо исключают фазу потепления как аллерёд и, может быть, бёллинг. Возможно, здесь представлена арктическая стадия дриаса древнего или среднего. Первая серия радиоуглеродных датировок получена по 4 образцам костей из раскопок М. Виллемей, переданных в Радиоуглеродную лабораторию Лиона. Эти даты оказались связными. Наиболее глубокий горизонт слоя 4 – первое заселение пещеры хищниками датирован 25 950±900 лет назад (Ly-499), вышележащий горизонт немного моложе, но в том же стратиграфическом единстве – 25 520±820 лет назад (Ly-498). Две серии костей, собранных в 10-15 и 15-20 м от входа в мадленском слое дали очень близкие даты: соответственно 15 320±370 лет назад (Ly-497) и 15 770±390 лет назад (Ly-599), что позволяет отнести слой к древнему дриасу (Allain et al., 1985: 110). Эти даты кажутся значительно более удревненными, чем можно было ожидать, примерно на 2 тысячелетия, особенно, если сравнить их с датой из Ла Коломбьер (Ly-433). Ла Коломбьер и по костяному инвентарю и по произведениям искусства имеет определенные связи с Арле. Расхождение будет менее сильным, если вспомнить другую дату для Ла Коломбьер, полученную Колумбийским Университетом (см. выше).

Что касается инвентаря, то в Арле представлен мадлен фации оригинальной и однородной по отношению к финальному мадлену, обычно существующему в мадленских памятниках Юры. Здесь неизвестно ни одного гарпуна, ни наконечника с зубцами с расщепленным основанием, копьеметалки или полукруглой палочки. Хорошо представлены, правда, во фрагментарном состоянии, наконечники с четырехгранным сечением. Некоторые обломки реутилизированы в долота. Все базаль-

ные фрагменты имеют две грани, часто заштрихованные в различной манере. Несколько наконечников, вырезанных из твердой части рога, имеют особую форму с полусферическим или треугольным сечением, отмеченную в Солютре. Многие из наконечников несут более или менее длинный и глубокий желобок. Другим характерным элементом служит очень разнообразный геометрический декор. Кремневый инвентарь включает скребки на конце длинной пластинки с краями, обработанными иногда чешуйчатой ретушью ориньякского типа. Резцы двугранные и на сломанной пластинке преобладают над резцами на усеченных пластинках; проколки довольно редки и жальца их не вытянутые. Бедность резцов и проколок отделяет этот инвентарь от мадлена развитого или финального, классических для востока Франции, а также для Швейцарии и Германии. Пластинки с притупленным краем многочисленны, часто их конец усечен. Этот инвентарь, как и обработанная кость имеет наибольшие связи с инвентарем Сен-Марсель и, напротив, мало сходства с инвентарем слоя D Ла Коломбьер

Помимо навеса **Кроз** (департамент Юра) единичные мадленские произведения искусства отмечены в других местонахождениях Франш-Конте: в навесе **Бом-Нуар** (департамент Верхняя Сона), навесе **Кабон** и гроте **Ринье** (департамент Ду), а также в Бургундии: **Солютре** (департамент Сона-и-Луара).

Овернь и Лимузен, занимающие промежуточное положение между провинциями Рона-Альпы и Шаранта, также бедны палеолитическим искусством. А. Дельпорт уже давно отметил, что часто рассматривают Центральный Массив как негостеприимную страну, которая служила убежищем только в редкие моменты климатических кризисов (Delporte, 1966). Но и до сих пор исследования этого района немногочисленны и остаются относительно малоизвестными. В Оверни заслуживают внимания два памятника в департаменте Верхняя Луара (Абри дю Бло и Рон дю Барри) и два в департаменте Пюи-де-Дом (Дюриф а Энваль и Нешер).

Абри дю Бло (Серзат) открыт в 1934-35 гг. владельцем одного из участков, расположенных под скалой, который искал источник. В 1956-57 гг. Ж. Комбье продолжил раскопки и прошел до глубины 6 м от современного уровня. Этот зондаж позволил ему установить стратиграфию, включающую слои верхнего палеолита, в том числе и финальный мадлен. Раскопки второго зондажа Ж. Комбье были продолжены с его согласия Р. де Байль дез Эрменсом и А. Дельпортом в 1965-1967 гг., собравшими обильный инвентарь (около 1 000 типичных орудий), отнесенный к региональной фации верхнего мадлена (Delporte, 1966, 1968б). Сложная стратиграфия раскопа III подробно описана А. Дельпортом (Delporte, 1972a). Наибольшее значение имеет открытие, по крайней мере, 7 горизонтов ранее неизвестной в Центральном Массиве протомадленской культуры. А. Дельпорт отмечает удивительное родство, которое существует между кремневым инвентарем Бло и протомадленским инвентарем Дордони. Костяной инвентарь, украшения и произведения искусства единичны. Интересен обломок подвески из бивня мамонта. В верхнем слое протомадлена найдена гравюра головы животного на каменной плакетке.

Грот **Рон дю Барри** (Полиньяк) расположен в базальтовом утесе на высоте 850 м. Его современная длина 43 м и ширина 14 м у входа. Известен издавна, но первое описание сделано Ф. Робером в 1836 г., в «Анналах Общества Агрокультуры Верхней Луары». В начале XX в. Ж. Пенид провел первые исследования, продолженные различными любителями. К счастью, ни один из них не дошел до палеолитических слоев из-за огромных обвалов свода. В 1965 г. А. Лаборд, инженер сельскохозяйственной службы в Пюи, поставил около входа маленький зондаж, а в 1966 г. Р. де Байль дез Эрменс начал систематические исследования (Bayle des Hermens, 1969). При подведении итогов 11-летних раскопок дано следующее описание стратиграфии: A, B, C – поствюрмские, смешанные; D – во многих местах отделен объемистыми обломками скалы. Он черного цвета, золистый, толщиной 0.7-0.8 м. Фауна хорошо сохранилась, но довольно фрагментарна. Не очень обильный инвентарь отнесен к финальному мадлену; E следует за D без стерильной прослойки, но отличается своим охристо-красным (или светло-бурым) цветом. Сохранились остатки очень тонких и размытых очагов. Фауна, микрофауна и кости птиц обильны, но слой особенно богат каменным и костяным инвентарем, позволяющим поместить его в верхний мадлен. Найдено несколько фрагментов черепной крышки ребенка 12 лет или молодой женщины. Именно здесь найден просверленный жезл со стилизованной женской фигурой; F1 – тонкий, плотный, практически стерильный; F2 образован разложившейся брекчией. Радиоуглеродная датировка по костным осколкам: 17 100±450 лет назад (Gif-3038) или 15 150 лет до н. э. Каменный и костяной инвентарь позволяет определить этот слой как древний мадлен (конец мадлена I – начало мадлена II), что согласуется с абсолютной датой; F3 состоит из обвала свода, на котором и обосновались мадленцы (Bayle des Hermens, 1979).

Фауна, обильная и разнообразная во всех слоях, изучена Т. Пулен (макрофауна), К. Мурер-Шовире (птицы) и Ж. Шалином (грызуны). Для верхнего мадлена имеется различие между слоем E, который может быть отнесен к дриасу II, и слоем D, соответствующим аллерёду. В слое E встре-

чены воротничковый лемминг и полевая мышь. Преобладающий северный олень сопровождается крупными быками, лошадью, горным козлом, мамонтом и песцом. В слое D лемминг исчез, северный олень представлен в малом количестве, в то время как появление обычной лисицы и европейского зайца указывает на более умеренный климат (Schmider, 1988a).

В каменном инвентаре слоя E более половины орудий составляют пластинки с притупленной спинкой, что особенно характерно для верхнего мадлена Оверни. Найдено и несколько азильских острий и даже одно острие типа петерсфельс, которое редко встречается в мадлене Франции. В целом, верхний мадлен плоскогорий Центрального Массива позволяет провести некоторые сравнения с определенными стоянками Дордони, в частности с мадленом VI Гар де Куз. Костяной инвентарь замечателен как по качеству изделий, так и по исключительно хорошей сохранности, хотя многие предметы фрагментированы. Наконечники копий имеют как одну, так и две грани в основании. Особое значение представляет находка трех гарпунов с одним рядом зубцов. Для слоя E имеются 3 радиоуглеродные даты: 12 180±280 лет назад (Gif 2071) или 10 430 лет до н. э. по углистой земле, происходящей из очень размытого очага № 1; 15 400±400 лет назад (Gif 2072) или 13 450 лет до н. э. по фрагментам обожженных костей из очага № 2; 12 800±170 лет назад (Gif-3492) или 10 850 лет до н. э. по обожженным костям из очага № 4 (Bayle des Hermens, 1979).

Продолжение раскопок слоя F2, лежащего прямо на обвале потолка привело к открытию в 1984 г., настоящего клада из сброшенных рогов северного оленя, включающего также многочисленные фрагменты со следами пиления, незаконченные или разбитые орудия, в том числе фрагменты наконечников, характерных для мадлена I. Здесь же находился просверленный рог оленя длиной 19.4 см с концом, имеющим форму головы птицы. Интересна находка фрагмента теменной кости человека с двумя просверлинами. Очевидно, речь идет о подвеске (Mazière, 1986).

Дюриф а Энваль (Вик-ле-Конт) – навес в числе многих других у подножия высоких скал в маленькой долине ручья Лепетад, притока р. Аллье. Здесь в 1928 г. были найдены следы среднего мадлена, а с 1969 г. начались раскопки Ива Бурделя. Отмечено залегание верхнего мадлена в передней части навеса («Sol de la Grange») и финальный мадлен в глубине навеса («Fond de l'abri»). Стратиграфия включает 17 слоев, некоторые из них подразделяются на горизонты (Bourdelle, 1979). Речь идет только о нетронутом участке на небольшой площади и только о финальном мадлене, который представлен в песчанистых слоях I-XII c. Самые верхние слои (I-IV) состоят из вулканического пепла и, следовательно, одновременны извержению местного вулкана Шон де Пюи. Анализы древесного угля из нижних слоев XII c и XII b дали две сопоставимые датировки: для XII c – 13 700±300 лет назад (Ly-727) и для XII b – 13 000±300 лет назад (Ly-425). Фауна немногочисленна, но остатки северного оленя представлены во всех слоях. Лошадь определена в верхних слоях, так же как заяц, волк и лисица, весьма вероятно, песец. Каменный инвентарь во всех слоях в целом однороден и соответствует финальному мадлену Оверни. Орудия мелких размеров, проколки редки, среди резцов наиболее многочисленны двугранные, хотя и ретушные часто встречаются. Пластинки с притупленной спинкой наиболее репрезентативны, несмотря на фрагментарность. Нет упоминаний о костяном инвентаре, но искусство достаточно хорошо представлено: помимо гравированных плакеток, в слое XI b найдена женская статуэтка (Delporte, 1972б, 1974).

Гравюры и скульптура из Энваль подробно проанализированы Л. Палем и М. Тассен де Сен-Перез, отметившими различие в предпочтениях: «Если принимать во внимание только внешний вид, самые древние мадленцы в Энваль уделяли больше интереса скульптуре, чем гравюре: миниатюрная статуэтка замечательной фактуры в слое XI b, фигурный камень в слое IX, полу-гравированный, полу-скульптурный «локоть» в слое VIII, голова лошади и тело горного козла, переданные барельефом в слое VII b. Выше нет ничего, кроме гравюр» (Pales, Tassin de Saint-Péreuse, 1979: 134). Они справедливо замечают, что, согласно только внешнему облику, можно было бы видеть здесь эволюцию, переход от одного жанра к другому. Но нельзя быть в этом уверенным по двум причинам. Во-первых, и этого было бы достаточно, нельзя делать заключение лишь на основании малой части раскопанного поселения, во-вторых, мастера из Энваль, выполняя гравюру, продолжали видеть объемы.

Нешер (Пюи-де-Дом) – точнее стоянка Ширель или Мулен-су-Ширель в Нешере – одна из наиболее давно известных во всем Центральном Массиве. Между 1835 и 1842 гг. аббат Круазе и М. Жобер установили здесь наличие обработанных костей и многочисленных фаунистических остатков. Позже раскопки были продолжены Помелем и Браваром, палеонтологами, которые, прежде всего, интересовались костями. В 1853 г. Круазе говорит о 50 фрагментах рогов северного оленя, а в 1855 г. уже о 150, причем «некоторые обработанные рукой человека и, возможно, применялись как орудия» (цит. по Daugas, 1979: 542). Новые уточнения даны Поммеролем в 1876 г.: «Имелись фрагменты, служившие оружием, с отверстием около

конца. Они принадлежали, главным образом, к отросткам рога и отверстия были сделаны сверлением с двух сторон» (там же). Не исключено, что из раскопок Круазе происходит отросток рога северного оленя с прекрасной гравюрой лошади, которую М. Буль видел в Лондоне, ошибочно приписав ее к коллекциям Британского Музея (Boule, Vernière, 1899: 395-396). Эту ошибку исправила А. Сивкинг, указав, что предмет хранится в Британском Музее Естественной Истории (Sieveking, 1987: 105).

В расположенной к западу от Оверни провинции Лимузен лишь департамент Коррез дал несколько памятников, обладающих произведениями искусства.

Грот **Эклозюр** (Лиссак) на высоте 200-210 м исследовался Л Бардоном и Ж. Буиссони в 1920 г., затем А. Шенье в 1939 г. Из-за многочисленных старых раскопок в нем не сохранилось никакой стратиграфии. Типологический анализ материалов, произведенный П. Андрю, установил наличие перигора с резцами ноай, солютре с лавролистными наконечниками и наконечниками с боковой выемкой, мадлен древний и средний (Andrieu, 1974). Сохранившийся здесь костяной инвентарь – случай исключительный для Коррез – состоит из коротких наконечников с боковым желобком, орнаментированных наконечников, палочек с полукруглым и квадратным сечением, лощил, шильев, иголок с ушком и предметов украшения. Фауна холодостойкая. Отмечено несколько гравюр на кости, отнесенных к мадлену III (Mazière, Raynal, 1979; Taborin, Thiébault, 1988в).

Навес **Белле** (Брив), расположенный на высоте 170-180 м, известен издавна и раскапывался, начиная с 1879 г. многими исследователями. Кумулятивные графики показывают промежуточное положение материала из Белле между Эклозюр (мадлен III) и Пюи де Лакам и может принадлежать к мадлену IV. Упоминается о наличии гравированных плиток (Mazière, Raynal, 1979).

Грот **Пюи де Лакам** или **Лакам** (Мальмор) находится на высоте около 210 м на правом берегу р. Коррез. Открыт в 1860 (1864?) г. Э. Массена, подвергся неоднократным любительским раскопкам. Около 1900 г. разработка песчаного карьера в нижней части склона перед гротом позволила Л. Бардону и Ж. Буиссони установить наличие солютрейского слоя и очагов мадленского возраста. В 1929 г. А. и Л. Киддер произвели раскопки во входе в грот и на склоне. Если в гроте три мадленских слоя были переотложены, то на склоне они оставались нетронутыми. В основании находился мощный очаг, устроенный с помощью галек (слой A). Выше слои B и C сохранили несколько вымосток. Слой D смешан с более поздними отложениями. Кремневый инвентарь довольно однородный сверху донизу, но отмечены количественные изменения. Скребки всюду менее многочисленны, чем резцы, которые возрастают в числе. Инвентарь, основанный на пластинках, особенно интересен. Так, в слое A пластинки с притупленной спинкой, в том числе тронкированные и зубчатые, удлиненные разносторонние треугольники, иногда зубчатые, многочисленны, но их число постоянно уменьшается в верхних слоях. По Д. де Сонвиль-Борд, слой A относится к мадлену III, слои B и C к среднему мадлену IV (Sonneville-Bordes, 1960: 399). Именно из слоя C, его верхней части происходят легко гравированные плитки песчаника (Mazière, Raynal, 1979, fig. 14, 2).

В провинции Пуату-Шаранта памятники с мадленским искусством малых форм так же немногочисленны и отмечены в департаменте Шаранта и Вьенна.

В департаменте Шаранта это гроты Плакар и Монгодье. **Плакар** (Вильоннер) – обширный грот, называемый иногда **Рошбертье**, находится в долине р. Тардуар, притока Шаранты. Исследования, начатые в 1874 г. Ж. де Фермоном были продолжены А. де Маре в 1876-1880 гг. Результаты, опубликованные Маре (Maret, 1880, 1881), были более детально рассмотрены А. де Мортилье (Mortillet, 1907). Маре установил наличие 7 палеолитических культурных слоев, разделенных обвалами свода. Отложения никогда не были переотложены, они в целом составляют 9 м мощности, из которых 6 м падает на долю обвалов. Культурные слои имели толщину от 18 до 60 см. Нижний, слой 1 – мустье, слои 2 и 3 – солютре, слои 4–7 – мадлен: 4-5 – нижний и 6-7 – верхний, расчлененные на основании обильного и репрезентативного костяного инвентаря, поскольку каменный инвентарь для всех четырех слоев был смешан. В 1910 г. Ж. Шове возобновил раскопки памятника. Интересно, что опубликованные А. де Маре и Ж. Шове стратиграфические разрезы замечательно согласуются: 4 мадленских слоя B, C, D, E Маре и 2, 3, 4, 5 Шове совпадают. Но трудно определить к каким фазам мадлена относятся эти различные слои и так же трудно уточнить из каких слоев происходят различные произведения искусства. А. Брейль по следам осадочных отложений на предметах установил классификацию, которая касается нижнего мадлена: мадлен I – слой сухого охристого щебня включал наконечники копий с овальным сечением, основанием в виде веера или “en lancette”, с нарезками в виде елочки; мадлен II: a) тот же слой без охры, b) слой желтый илистый, лессовидный, без конкреций и щебня содержал наконечники копий с коническим или пирамидальным основанием и с дорсальными желобками; мадлен III – слой серый, золистый заключал в себе короткие наконечники с длинной гранью в основании с бороздками или

без них; длинные тонкие наконечники, заостренные на двух концах, часто с глубокой одной или двойной бороздкой, боковыми или противолежащими, полукруглые палочки (Breuil, 1913).

Надо признать, что подразделения мадлена и поныне не очень точно установлены, поскольку они опираются, главным образом, на коллекции плохо стратифицированного инвентаря. А. Дельпорт полагает, что просверленные жезлы с изображениями животных могут быть классифицированы в мадлен нижний и средний. А. Брейль предпочитал отнести большую часть их к мадлену I, тогда как А. Дельпорт, учитывая сходство, которое существует с относительно хорошо датированными предметами, помещает их в мадлен III или мадлен IV (Delporte, 1970: 12-13). Произведения искусства относятся так же к мадлену III (см. Mons, 1976).

Грот **Монгодье** (Монброн) расположен на левом берегу р. Тардуар и вход в него напоминает огромную арку, над которой возвышается пик Монгодье. Был посещен Э. Ларте и Ж. де Фермоном в 1850 г. Раскопки, произведенные А. Годри, привели к открытию знаменитого жезла, украшенного тюленями, лососем и змеями, который был представлен А. Годри Академии наук в 1886 г. Позже Монгодье подвергся многочисленным раскопкам, но, за исключением Р. Пинто, ни один из доисториков не оставил детального отчета о произведенных работах. Не существовало ни публикаций, ни разреза, которые подтверждали бы многослойность грота, когда к исследованиям приступил Л. Дюпор (Duport, 1976). Оказалось, что памятник сложный, состоящий из нескольких гротов, перекрывающих друг друга. Для нас особый интерес представляет так называемый «первый этаж» под Гран Порш – навес, глубоко потревоженный старыми раскопками. Только в верхней части под огромными обвалами сохранился мадленский слой. Именно здесь Р. Пинто обнаружил в зондаже костяные изделия и гравированные кости, а Л. Дюпор стратиграфический разрез с двумя мадленскими и одним ориньякским слоями. Под мощными блоками обвала лежал непосредственно мадленский слой 1, плотный, желто-оранжевый с элементами известняка и кусками сталагмитовой корки в основании. Сразу под ним находился мадленский слой 2, более плотный, желтый, глинисто-песчанистый. В нем открыты два человеческих черепа, вместе с резцами, скребками, костяными шильями, иглой, наконечниками копий, гарпуном и гравированными костями (Bouvier, Duport, 1970). Во время раскопок 1975 г. в слоях 1 и 2 собраны гравированные кости, которые «могут быть отнесены к финальной фазе мадлена» (Duport, 1976: 153). Есть и другие более поздние сведения. Слева от входа в Гран Порш Дюпор обнаружил мадленский очаг около 1.2 м в диаметре с четкими границами, обозначенными гальками. Несколько каменных и костяных орудий и гравированных плиток гнейса лежали на его поверхности (Vandermeersch, 1983; Duport, 1987).

В департаменте Вьенна широко известны такие памятники как Ла Марш и Рок-о-Сорсье, исключительно богатые произведениями искусства, хотя в последнем случае они должны быть отнесены к настенному виду палеолитического творчества.

Грот **Ла Марш** (Люссак-ле-Шато), ставший знаменитым с 1937 г., когда Л. Перикар и С. Львов предприняли его раскопки и обнаружили сотни плакеток, фрагментов и блоков известняка, гравированных обычными для мадленского искусства сюжетами (Lwoff, 1942a; 1964). В исследованиях принял участие А. Брейль, компетентность и научная строгость которого были лучшими аргументами в пользу признания подлинности гравюр (Taborin, Thiebault, 1988г). К сожалению, методы раскопок того времени, сложность стратиграфии, нарушенность ее старыми раскопками оставили навсегда утраченными расположение плакеток по отношению друг к другу, их связь с каменным и костяным инвентарем и зольными очагами. Тем не менее, их пространственное расположение хорошо установлено. Они находились в зале шириной около 20 м и длиной около 10 м, освещенном дневным светом. Позже раскопки производил Л. Прадель, составивший собственную коллекцию (Pradel, 1959). Работы Л. Перикара, С. Львова и Л. Праделя показали наличие отложенного прямо на скальном дне грота черного, местами красноватого слоя, толщиной 15 см, на отдельных участках достигающего 70 см в естественных углублениях, где скапливались орудия из камня и кости. На основании инвентаря слой отнесен к мадлену III особой фации мадлена, хорошо представленной в местонахождениях департамента Вьенна. Каменный инвентарь характеризуется большим числом пластинок с притупленной спинкой, костяной инвентарь – мелкими наконечниками с длинной гранью в основании и продольным желобком (Lwoff, 1942б; 1962a). Слой был заполнен гравированными камнями. Не исключено, что некоторые гравюры другого стиля примешаны от более поздних мадленских слоев. Начиная с 1952 г. Л. Паль и М. Тассен де Сен-Перёз проделали гигантскую работу по дешифровке тысяч изображений в сложном переплетении линий. Удивительна иконография человека и различных видов животных по фигуративному богатству, передаче деталей и живости поз (Pales, Tassin de Saint-Péreuse, 1969, 1976, 1981, 1989).

Грот **Фадет** (Люссак-ле-Шато) – один из гротов в юрском известняке на берегу р. Пти-Мулен, рядом с развалинами замка Люссак. Он был

открыт в 1868 г. Амедеем Бруйе и в дальнейшем раскапывался неоднократно, в том числе А. Брейлем. Результаты этих работ в 1937 г. были опубликованы С. Львовым (Lwoff, 1962б). Грот сохранил на большей части скального дна слой красноватой или серой земли, довольно плотно сцементированной. В главной части грота в конгломерате найдены единичные гравюры. Работы в Фадет были возобновлены Ж. Эрво и А. Шолле. Очистка грота и удаление обвалов позволили им открыть более сотни плакеток и блоков известняка, из которых два были связаны со стенкой грота конкрециями. «Это искусство родственно искусству грота Ла Марш, расположенном в нескольких сотнях метров ниже по течению» (Airvaux, Chollet, 1983: 8).

Рок-о-Сорсье (Англь-сюр-Англен) – навес под скалами, расположенный в 1 км выше по течению г. Англь-сюр-Англен, по имени которого его часто обозначают, при слиянии рек Англен и Гартамп. Открытый в 1927 г. и частично раскопанный, навес простирается вдоль скалы на 50 м и состоит из двух частей: ниже по течению так называемый погреб Тайлебург и выше по течению навес Бурдуа. В 1929 г. Л. Руссо обнаружил в Тайлебурге мадленские слои под огромными обвалами. На упавших блоках имеются барельефные изображения бизонов, горных козлов, серн, кошачьих. Найдена также скульптурная мужская голова со следами гравировки и росписи. В 1947 г. раскопки были предприняты Дороти Гаррод, Сюзанной де Сен-Матюрен и Жерменой Анри-Мартен в менее потревоженном обвалами навесе Бурдуа. Открыта следующая стратиграфия: в основании на скале лежит слой D, отнесенный к мадлену III; на вымостке из речных галек глинисто-песчанистый слой C дал тот же инвентарь, что и слой D; еще выше слой обвала соответствует слою из Тайлебурга. На этом обвале лежит серия слоев B, которая свидетельствует, что навес Бурдуа был заселен и в более поздние фазы мадлена (мадлен V для B4 и мадлен VI для B3, B2 и B1). В Тайлебурге были только слои, предшествующие обвалу, в особенности мадлен III совершенно сходный со слоем D из Бурдуа. Каменный инвентарь мадлена III богат резцами, особенно двугранными, резцами-скребками и пластинками с притупленной спинкой, но своеобразный облик этому инвентарю придают крупные скребки, орудия типа пик из кремня, фрагменты длинных и толстых пластин, крупные отщепы леваллуа. Костяной инвентарь: наконечники копий с длинной гранью в основании с одним или двумя желобками, полукруглые палочки почти без орнамента, несколько просверленных жезлов и прочие очень близок инвентарю из Ла Марш. Слои верхнего мадлена более бедные, но типичные для этой фазы с резцами типа клюва попугая и наконечниками с боковой выемкой или черешком. Костяные наконечники длинные с двумя гранями в основании. Слои B3-B1 дали гарпуны с двумя рядами зубцов. Что касается природного окружения, то климат, определенный по пыльце и фауне, очень различается по слоям: мадлен III существовал в период довольно умеренный, где хорошо представлена древесная растительность. Напротив, сильное похолодание, как кажется, вызвало отступание леса в верхнем мадлене. Радиоуглеродная дата по кости из слоя D: 14 160±180 лет назад (обширную библиографию см. Iakovleva, Pinçon, 1997).

Грот **Буа-Раго** (Гуй) открыт в 1968 г. в долине маленького притока р. Вьенна и изучен А. Шолле и П. Бутэном. Несколько культурных слоев, переслоенных стерильными отложениями, содержали остатки финального мадлена и азиля (Chollet et al., 1979; Chollet, Airvaux, 1990). В детально описанной стратиграфии выделяется литологический слой 6 – песок, темный от очагов, насыщенный гальками, возможно, принесенными со стороны и уложенными человеком в виде вымостки. Слой содержит многочисленный инвентарь с типичными элементами финального мадлена. Пластинки с притупленной спинкой составляют более половины орудий. За ними следуют резцы двугранные, простые и двойные, скребки-резцы, скребки. Имеются микропроколки, острия типа ложери-бас, резцы типа клюв попугая, скребки на отщепах и ладьевидные скребки. В костяном инвентаре представлены гарпуны с двумя рядами зубцов, наконечники с двумя гранями в основании и обломок орнаментированного жезла. Из произведений искусства отмечены гравюры исключительно на кости. Фаунистические остатки представлены северным оленем и лошадью, среди редких позвонков рыб некоторые принадлежат лососю. Для слоя 6 получена радиоуглеродная дата по кости 10 180±160 лет назад (Gif-3579) с примечанием, что образец загрязнен корешками. Непосредственно выше слоя 6 лежит песчанистый слой 5, подразделенный на 3 горизонта, из которых средний (5b) представляет очень богатое поселение финального мадлена с обширными интенсивно черными площадками со следами огня (древесный уголь, зола, обожженные отщепы, кости и гальки), но без четко обозначенных очагов. Фауна обильна и довольно разнообразна: северный олень, лошадь, бык, снежная сова, лосось и особенно многочисленный заяц– остатки этого зверька образуют непрерывный пласт на площади в несколько квадратных метров, причем некоторые кости сохраняются в анатомической связи: отделы позвоночника, таз и крестец, конечности и т.д. Каменный инвентарь менее обилен, чем в слое 6: меньше пластинок с притупленной спинкой и таких специфических орудий финального мадлена как острия ложери-бас, но отмечено несколько наконечников с черешком. Тем не менее, кумуля-

тивные графики двух слоев показывают большую близость кремневого инвентаря. В костяном инвентаре сохраняются гарпуны из рога северного оленя с двумя рядами зубцов. Отмечены гравюры на камне, но лишь одна отнесена к сюжетному искусству. Любопытно, что это контур мамонта. Радиоуглеродная дата – 11 030±140 лет назад (Gif-2537), а не 10 030±140 лет назад, как это было ошибочно указано ранее (Delibrias et al., 1976: 1511).

Нельзя не упомянуть еще один грот **Шаффо** (Савинье), представляющий большой интерес для истории исследования палеолитического искусства, поскольку он известен со времени первых открытий Века Камня. Около 1834 г., за несколько лет до официального рождения науки о палеолите Анри Бруилье открыл в Шаффо, называемом также Пюи-о-Шаффо, обломок кости, гравированный ланями, идущими одна за другой. Проспер Мериме зарисовал эту гравюру, чтобы сообщить о ней И. Я. Ворсо на Антропологическом Конгрессе в Копенгагене (историю исследования см. Sait-Mathurin, 1971). Как и многие другие гроты Шаффо подвергся неквалифицированным раскопкам. Возможно, в нем содержались два разновременных поселения. Верхний слой более 1.5 м толщиной состоял из зольного конгломерата, насыщенного культурными остатками: десятки тысяч предметов инвентаря и сотни произведений искусства (Taborin, Thiébault, 1988д). Из сборов Гайара де ла Дионнери происходят три наконечника копий с антропоморфным декором, что, по мнению, Ж. Аллена, в совершенстве подтверждает наличие мадлена с navettes в Шаффо (Allain et al., 1985: 67). Возобновление работ в Шаффо привело к открытию внутри грота полной хроностратиграфической секвенции. Наиболее древний культурный слой (VII) был датирован 15 100±150 лет назад, что позволяет отнести этот горизонт к среднему мадлену. Вышележащий слой правдоподобно близок хронологически. Слои V и III могут быть отнесены к финальному мадлену. Слой I содержит инвентарь малых размеров, его морфологические характеристики позволяют думать об азиле (Airvaux, Chollet, 1985).

Провинция Центр охватывает 6 департаментов и много мадленских стоянок, но произведения искусства встречаются очень редко. Отметим лишь департамент Эндр, в котором два памятника являются объектом долгих и тщательных раскопок.

Навес **Фрич** (Полиньи-Сен-Пьер), открытый в 1960 г. Р. Фричем и исследуемый Ж. Алленом и Ф. Тротиньон дал 4 слоя древнего мадлена с раклетт (бадегуль), которые перекрывают 2 слоя солютре (Allain, Fritsch, 1967). Единственное изображение быка на фрагменте черепной крышки встречено в одном из слоев бадегульской культуры. Палинологический анализ, проведенный Арлетт Леруа-Гуран освещает последовательность различных климатических фаз: конец максимума вюрмского холода, интерстадиалы ложери и ляско и начало дриаса I. Изучение костей млекопитающих Терезой Пулен показывает ассоциацию видов, соответствующих холодному климату с повышением температуры в верхних уровнях. Каменный инвентарь, изученный Франсуазой Тротиньон, позволил ей рассмотреть вопрос о правомочности выделения первоначальной стадии древнего мадлена под названием бадегуль, надо ли включать его в мадленскую последовательность или можно предположить другое решение. Детальный анализ каменного инвентаря, слой за слоем проведен, по словам М. Перпер, классическим образом, приведшим к выделению трех последовательных фаз бадегуля в Абри Фрич: древний бадегуль без раклет, довольно близкий финальному солютре; средний бадегуль с многочисленными поперечными резцами на боковом сечении и верхний бадегуль с очень многочисленными раклет. Отмечено постоянное отсутствие пластинок с притупленной спинкой, в то время как в некоторых бадегульских местонахождениях они имеются. Ф. Тротиньон приходит к выводу о существовании двух культурных течений: солютре и бадегуля, одновременных и независимых, но могущих иногда взаимно влиять друг на друга (отсюда существование бадегуля с пластинками с притупленной спинкой (Trotignon et al., 1984; Pergère, 1986: 137).

Грот **Ла Гаренн** (Сен-Марсель) исследуется с 1946 г. Жаком Алленом, который открыл слои мадлена с наиболее выразительными в Европе наветт при датировке 13 000 лет назад. На северном своде грота дешифрирована гравированная голова лошади со всей очевидностью, по мнению Аллена, одновременная мадленскому заселению со своеобразными произведениями искусства малых форм. Ла Гаренн включает и другие местонахождения в долине р. Крез. Помимо открытых и раскопанных в древности, Ж. Аллен в 1948 г. открыл Большой навес и в 1956 г. – грот Бланшар (Allain et al., 1985).

Следует упомянуть два самых северных памятника Франции, расположенных в ее северо-восточной провинции Шампань-Арденн: Фаринкур в департаменте Верхняя Марна и Рок Ла Тур I в департаменте Арденны.

Грот **Ла Зузет** или Грот II **Фаринкур** находится на правом борту ложбины в 1 км к югу от дер. Фаринкур. В маленькой ротонде размерами 3.5x3 м сохранились остатки культурного слоя. П. Мутон и Р. Жоффруа начали его исследовать в 1956 г. и установили стратиграфию ранее выявленную А. Буиллеро (Mouton, Joffroy, 1956). Под стерильным слоем красной глины (слой А) почти без примеси щебня, толщиной 0.5-1.0 м лежит слой В,

состоящий из плиток известняка, упавших со свода толщиной 0.5-1.0 м. Ниже залегает мадленский культурный слой (С) толщиной 0.1-0.15 м с очагом слева от входа, который подстилается слоем D – щебень в серой аллювиальной очень плотной глине. Этого слоя нет в ротонде, где в основании разреза лежал только очень тонкий слой плиток. В мадленском слое собраны многочисленные кости северного оленя и других оленьих, быков, мамонта, а также волка, лисицы, дикой кошки. Степной облик фауны подтверждается наличием зайца и полевок. Авторы подводят итог, что речь идет о холодной степи, где жили песец, лемминги, снежная полевка. О том, что невдалеке был лес, свидетельствуют остатки куницы и садовой сони. Кости тетерева позволяют уточнить, что лес был хвойным. Из других птиц отмечены дикий голубь и куропатка. Каменный инвентарь характеризуется редкостью и архаичным обликом скребков на пластинах; обилием и разнообразием всех типов и микролитизацией проколок. Микропластинки с притупленным краем или усеченным концом являются исключением, но разносторонние треугольники образуют хорошо представленные серии. Они, как известно, являются классическим орудием мадлена III. Костяной инвентарь, несмотря на малую раскопанную площадь, обилен и хорошего качества. Отсутствуют наконечники копий, но довольно многочисленны отжимники, встречаются обломки полукруглых неорнаментированных палочек и прочие. Из раскопок Буиллеро происходят два фрагмента песчаника, один фаллического характера, другой – бесспорно представляет часть женской статуэтки. Следовательно, единственный культурный слой грота II Фаринкур датируется мадленом III или свидетельствует о продвижении носителей этой культуры на северо-восток Франции.

Рок Ла Тур I (Монтерме) – стоянка на открытом воздухе, на краю сланцевого плато, возвышающегося при слиянии рек Мёз (Маас) и Семуа в 20 км к северо-востоку от г. Шарлевилль-Мезьер, вблизи бельгийской границы. Согласно Жоржу Розуа, производившего раскопки, мадленской слой правдоподобно датируется бёллингом. Многочисленные каменные плакетки, принесенные более чем за 1 км, возможно, были использованы как вымостки. Кремень, полностью принесенный за 30-100 км, происходит с территории современной Бельгии и включает 15 разновидностей. В инвентаре пластинки с притупленной спинкой составляют 58 %. Проколок больше, чем резцов. Скребков немного. Несколько плакеток сланца гравированы фигурами животных в стиле IV позднем А. Леруа-Гурана, схематичными женскими изображениями и несколькими абстрактными знаками (Rozoy, 1989; 1990; Schmider, 1988б).

БЕЛЬГИЯ.

Территория Бельгии не богата произведениями палеолитического искусства и скорее является продолжением традиций, выраженных на территории Франции, чем самостоятельным локальным образованием (карта-схема III, NN 75-81). Особенно известен район Намюра, благодаря блестящим открытиям во второй половине XIX века, связанным с именем Эдуарда Дюпона, директора Института Естественных Наук в Брюсселе. Между 1860 и 1870 гг. были раскопаны многочисленные полости с целью не только установления культурной хронологии гротов, но и сбора в первую очередь произведений «четвертичного искусства». По словам М. Отта, этому благоприятствовали три главные фактора. Известняковые массивы Намюра насыщены естественными убежищами в форме или навесов или настоящих пещер, в отложениях которых сохранились культурные слои с остатками жизнедеятельности палеолитических охотников. Второй фактор – наличие многочисленных выходов разнообразных кремнистых пород, пригодных для изготовления орудий. Третий фактор заключался в крайне благоприятных условиях в Бельгии для развития науки о человеке. Эволюционные теории увлекали интеллектуальную среду. Процветающий и мощный буржуазный класс поддерживал изучение прошлого своей страны. Монография Э. Дюпона (Dupont, 1872) перевернула страницу первого этапа в исследовании палеолита Намюра (Otte, in Noiret et al., 1994).

В первой половине XX в. наступил спад интереса к прошлому и только после II мировой войны началась новая эпоха изучения палеолита Бельгии. Обильно представлен ориньяк в Спи, Гойе, Марш де Дам, Тру Магрит. В некоторых из этих памятников отмечен граветт – «пан-европейская культура», распространенная в Европе в средней фазе развития верхнего палеолита. Мадлен, датируемый между 15 000 и 12 000 лет назад, имел очевидно французское происхождение, о чем свидетельствуют пещеры Шалё, Фюрфоз, Тру де Сомм и др. Финальный верхний палеолит обнаруживает родство с памятниками Англии и Северной Германии.

Большая часть произведений палеолитического искусства, найденная в бельгийских стоянках, особенно в ориньякских и мадленских слоях, представляет собой различные подвески и предметы с орнаментом не фигуративного характера. Эти предметы варьируют по форме, первичному материалу (бивень, кость, зубы животных, ископаемые раковины, камень) и по своему орнаменту (от тонких изолированных нарезок до организованных серий в виде параллельных линий, мотивов – галочек или крестиков, сложных схематических узоров) (Lejeune, 1987).

Существенным является вопрос, когда здесь появляется изобразительное искусство. Он, прежде всего, касается антропоморфной статуэтки из грота Тру Магрит, которую большинство исследователей относит к граветтской (перигорской) эпохе. Лишь недавно М.Деве (Dewez, 1985) сделал попытку вернуть датировку в пользу ориньяка. К этому же мнению склонялся и М. Отт. Поскольку вопрос имеет принципиальное значение, остановимся на нем более подробно.

Грот Тру Магрит находится на правом берегу р. Лес недалеко от слияния ее с р. Маас (Мёз) в провинции Намюр. Впервые посетивший его в 1864 г. Э. Дюпон собрал кремни, ископаемую раковину и кости животных. Он констатировал, что владелец грота снял почти 1 м четвертичных отложений на всей площади. Получив разрешение на раскопки Э. Дюпон начал исследования в 1867 г. Согласно его описанию (Dupont, 1867), стратиграфия грота следующая (снизу вверх): A. Окатанные арденнские булыжники – 1 м; B. Стратифицированное глинисто-песчанистое отложение, содержащее слои с ископаемыми костями – 2.5 м; C. щебнистая глина с костями. Формация C была снята ранее почти полностью, верхняя часть формации B широко повреждена – «остались только слабые скопления у входа и в конце». Тем не менее, в этой формации B Дюпон видел 4 слоя, которые он интерпретировал как древние почвы, каждый раз перекрытые речными наносами. Он упоминает, что часть второго слоя формации B также была снесена. М. Деве особо подчеркивает это уточнение для понимания стратиграфической последовательности: если часть второго слоя была снесена, то она естественно находилась под первым слоем, а не над ним. Следовательно, Дюпон обозначает слои с ископаемыми костями стратифицированного отложения B сверху вниз. Не вдаваясь в различные точки зрения о культурной принадлежности слоев, четко суммированные М. Оттом (Otte, 1979), остановимся на интерпретации, данной М. Деве, которая представляется наиболее логичной. Что касается верхней формации C, то во всех своих работах Э. Дюпон располагает «век северного оленя», т.е. мадлен Шалё и Фюрфоз, в отложениях щебнистой глины, помещая его иногда в основание этих отложений. По поводу Тру Магрит он напоминает, что «речные» слои являются более древними, чем щебнистые слои с материалами «века северного оленя». Мадлен Тру Магрит, по крайней мере то немногое, что от него осталось (наконечники с двойной гранью и наконечники со ступенчатым основанием, иглы с ушком), должен происходить из формации C. С этим согласен и М. Отт.

Формация B включает 4 слоя, подразделенные на две группы: верхние и нижние. В подтверждение мысли, что численная нумерация слоев шла сверху вниз, М. Деве упоминает, что в сводной работе о стратиграфии гротов, которые он исследовал, Дюпон (Dupont, 1872: 129-132) перечисляет 19 стоянок и всякий раз, когда он делает различия между несколькими слоями, он начинает счет всегда сверху. Нет никакой причины думать, что Тру Магрит был описан по обратной системе, хотя формации пронумерованы снизу. Следовательно, Дюпон делал различия между последовательностью геологических отложений и стратиграфией археологических слоев. Поэтому М. Деве считает, что 1 слой – это самый поздний из «речных» слоев. По своей культуре инвентарь этого слоя может быть отнесен к мезьеру – северной фации верхнего перигора, которая была датирована на стоянке Эрмитаж 23 170±160 лет назад (GrN-9234).

М. Отт установил в Тру Магрит наличие серии орудий, характерных для финального ориньяка Бельгии: резцы carénés или busqués с многочисленными снятиями на двух фасах. М. Деве предложил отнести эти орудия к 2-му слою формации B. Известно, что финальный ориньяк датирован в Бельгии 24 530±470 (LV-721) в Тру дю Ренар (Otte, 1979: 102) и 25 440±680 (LV-1241) в гроте Halleux (Gilot, 1984, раскопки Туссена).

Именно 3-й слой формации B М. Деве относит к ориньяку типичному. Сам Дюпон сопоставлял наконечник из рога северного оленя с расщепленным основанием из Тру дю Сюро с таким же орудием, происходящим из «нижних», т.е. 3 и 4 слоев Тру Магрит. Но 4 слой содержал каменную индустрию мустье шарантьен типа кина (Ulrix-Closset, 1975). Формация A, по-видимому, не содержала фаунистических и археологических остатков.

После Э. Дюпона как археологи, так и любители неоднократно посещали грот, ставили шурфы, перебирали отвалы. Контрольный зондаж был поставлен в 1976 г. М. Туссеном. Полноценные раскопки произведены М. Оттом и Л. Страусом в 1991-1992 гг. В самом гроте вскрыты два мустьерских слоя (4 и 5) и два ориньякских (2 и 3), раскопанные также и на террасе. Для ориньякских слоев получена по радиоуглероду серия дат: для слоя 2 от 22 700±1150 (Gx-17017A) до 34 225±1925 (Gx-16537g), для слоя 3 – 27 900±400 (Gx-18540g) и >33 800 (Gx-18539g). Кроме того, получены даты по AMS – для верха слоя 2 – 17 900±200 (OxA-4040) по древесному углю и для середины слоя 3 – 41 300±1690 (CAMS-10352) по коллагену. Последняя дата считается наиболее пригодной, подтверждающей более древний возраст ориньяка (Otte et al., 2001: 104).

Что же представляет из себя фигурка, о которой известно только то, что она происходит из слоя 3 Э. Дюпона. Рисунок этой антропоморфной статуэтки из бивня высотой 9.8 см был впервые

опубликован Э. Дюпоном (Dupont, 1867, между страницами 132-133), фотография Э. Ван Оверлупом позже (Van Overloop, 1882: pl. 1). М. Деве замечает, что после этих публикаций голова фигурки была обломана и приклеена более склоненной вперед, чем первоначально (рис. 17). Эта фигурка не имеет никаких признаков пола и Дюпон никогда не рассматривал ее иначе как фигурку. Однако, Ж. Ван Веттер (Van Wetter, 1920: 90) отнес ее к типу стеатопигических: часть, которая ныне рассматривается как передняя, считалась им задней. Такая ориентировка была принята Ж. Гури (Goury, 1948: 322-323): «эта статуэтка представляет собой заготовку, которая заканчивается очень выступающим крупом». По А. Дельпорту (Delporte, 1979: 123-124), «выступ на туловище фигурки может быть ягодичным выступом, пол не указан...» и в то же время А. Дельпорт включает ее в палеолитический женский образ. Из контекста также вытекает, что он рассматривает ее и выступом вперед, говоря о «морде», скорее, чем о шиньоне по поводу легкого выступа на голове. Для М. Отта (Otte, 1979: 163-164) эта статуэтка одновременно и «антропоморф» и «не изобразительное» произведение: «цоколь соответствует, может быть, согнутым ногам в сидячем положении», голова имеет определенную моделировку, нос выделен... и глаза отмечены двумя треугольными выемками».

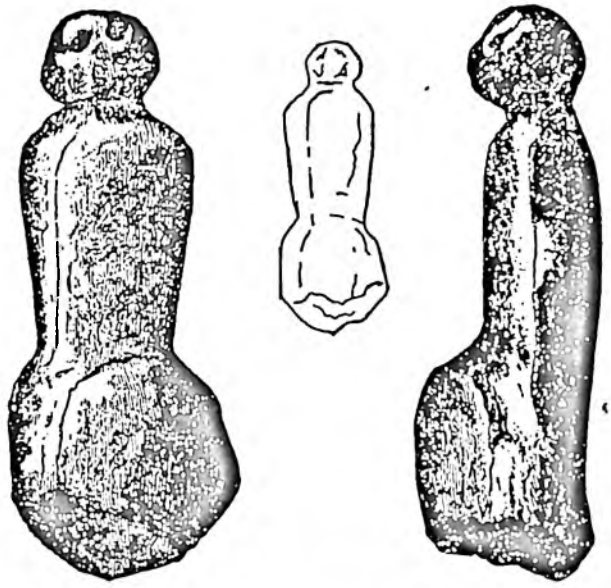

Рис. 17. Статуэтка чловска из рога. Тру-Магрит.

Отнесение фигурки из Тру Магрит к хронологической ступени ориньяка подкрепляется и ее стилистическими особенностями и, прежде всего, сходством с антропоморфной статуэткой из слоя 4 Фогельхерда. Определение этих двух фигурок как женских представляется логической ошибкой, спровоцированной убеждением, что все перигорские статуэтки – женские и, наоборот, все женские статуэтки – перигорские. В действительности, отнесение фигурки из Фогельхерда к перигору произошло из-за наличия в слое 4 «одного или двух острий граветт» (Delporte, 1979: 131). Видимо, прав М. Деве, говоря о том, что эти острия с притупленной спинкой находятся и в мадлене, они могли провалиться из мадленского слоя и тогда нет необходимости конструировать довольно призрачный перигорский слой в Фогельхерде.

Если принять, что фигурка из Тру Магрит – антропоморфное изображение, обладающее чертами фаллической схемы, то эта тема была развита в ориньяке, как свидетельствует, например, поделка из Абри Бланшар (Didon, 1913: fig. 6), имеющая много общего со статуэткой из Тру Магрит. В то же время, привлечение М. Оттом в качестве аналогий и антропоморфных фигурок из фаланг мамонта, найденных в Пшедмости, не представляется убедительным, тем более, что вряд ли можно признать эту аналогию за влияние ориньяка на павловскую культуру (Dewez, 1985: 128). Тем не менее, Марилиз Лежён включает фигурку из Тру Магрит в граветт, кажется именно на этом зыбком основании (Lejeune, 1987: 25), хотя в дальнейшем она соглашается с доводами М. Деве и дает убедительную таблицу ориньякских скульптур (Lejeune, 1995: fig. 12, 5), из которой следовало бы исключить фалангу мамонта из Пшедмости, несмотря на оговорку, что она граветтская. И М. Отта и М. Лежён ввело в заблуждение чисто внешнее сходство контуров, которое не учитывает формы исходного материала, имеющего легкую подправку. Ни о каком влиянии ориньякских скульптур на возникновение этого образа, существующего также в Авдееве, говорить не приходится. Даты, полученные для Тру-Магрит раскопками М. Отта и Л. Страуса, окончательно убедили м. Лежён в том, что фигурка принадлежит к ориньяку (Lejeune, 1997).

В граветтском слое **Эрмитаж (Юккорн)** в 1969 г. Ж Детекс-Жамоттом была найдена своеобразная поделка – конец рога оленя (?) длиной 7 см, выпуклая сторона которого представляет две маленькие просверлины 2.5 мм в диаметре, сообщающиеся между собой (рис. 18). Слегка скошенная линия длиной 3 мм прочерчена в 8.5 мм под просверлинами. Состояние сохранности с трудом позволяет обнаружить гравированные линии в естественных каннелюрах рога. Двойная просверлина и маленькая поперечная линия с первого взгляда напоминают схему человеческого лица, тем более, что общий силуэт изделия сходен с силуэтами некоторых стилизованных антропоморфных фигур (по М. Лежён, мезинские). Тем не менее, согласно М. Лежён, мы не знаем ни одного человеческого изображения этого типа и двойная перфорация могла быть предназначена для подвешивания предмета. Другая гипотеза, основанная на представлениях А. Леруа-Гурана, позволяет видеть здесь

ассоциацию мужского (общая форма изделия) и женского (округлые отверстия) символов (Lejeune, 1987: 31, fig. 21, 1-3).

Рис. 18. Конец рога оленя (?) с просверлинами. Юккорн.

Бельгия, по-видимому, оставалась незаселенной в течение наиболее сурового максимального оледенения. Пришедшие со стороны носители кресвельской или мадленской культуры начали осваивать долину р. Лес, начиная с конца дриаса I, когда появляются редкие кратковременные стоянки, главным образом, летние. В течение бёллинга мадленцы начинают осваивать естественные навесы и гроты, более широко распространенные в бассейне р. Маас, оставляя в культурных слоях обильный инвентарь. Типологическое сходство с инвентарем стоянок Парижского Бассейна и происхождение использованного сырья подчеркивают южные связи этих комплексов и даже направление миграционного движения (Otte, 1989). Благодаря заселению в гротах мадлен Бельгии оказался в более благоприятных условиях по сравнению с памятниками Парижского Бассейна в том, что касается сохранности произведений искусства.

Особенно замечательно появление наряду с орнаментальными абстрактными мотивами произведений изобразительного искусства, проявления которого найдены в 6 из 11 мадленских стоянок. 4 из них имеют радиоуглеродные даты, из которых самая древняя – 13 780±220 (LV 690) происходит из **Тру де Нутон** (Фюрфоз). Здесь во время раскопок Э. Дюпона в 1864 г. найден фрагмент рога северного оленя длиной 13.8 см, на котором выгравирована голова бизона в левый профиль (рис. 19). Можно видеть поставленный почти вертикально левый рог, профиль выпуклой головы, полуоткрытый рот и подгрудок, ограниченный волнистой линией. Это изделие, описанное Ф. Твиссельманом (Twiesselmann, 1975), хранится в Королевском Институте естественных наук в Брюсселе, где находятся и другие палеолитические шедевры. М. Лежён отмечает, что подобные гравированные профили голов бизонов известны в мадлене Франции, например, на фрагменте просверленного жезла из Истюриц (Lejeune, 1987: 35, fig. 25, 1, 2). Во время раскопок Э. Дюпона собрано значительное число костных остатков лошади, благородного оленя, серны и горного козла. Интересной находкой оказалось 150 фрагментов сброшенных рогов северного оленя. Некоторые из них несут следы обработки (пиления, нанесения бороздок) (Patou, 1992: 311). Любопытно, что среди костей не оказалось остатков бизона.

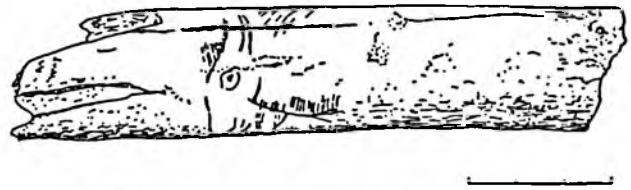

Рис. 19. Гравюра головы бизона на фрагменте рога северного оленя. Тру де Нутон.

Более подробные сведения имеются о гроте **Тру дю Фронталь**, который расположен на высоте 17 м над уровнем р. Лес, в том же известняковом массиве Фюрфоз. При раскопках 1864 г. Э. Дюпон нашел в мадленском слое гравированные плитки псаммита, из которых две соединились и позволили воссоздать гравюру задней части животного семейства бычьих в левый профиль (Lejeune, 1987: 35, fig. 26). Изображение довольно неумелое и отличается некоторыми особенностями, например, хвост напоминает скорее перевернутый рог оленя. Сохранившиеся обе задние ноги и круп заполнены параллельными косыми, а живот – перекрещивающимися линиями. Эта манера исполнения представлена, как отмечает М. Лежён, на некоторых французских изображениях из Абри Морен (Deffarge et al., 1975), грота Гуй в Нормандии (Martin, 1972) и Романелли в Италии (Acanfora, 1968).

Раскопки Ж.М. Леотара в 1986 и 1989 гг. обнаружили ниже грота мадленский слой с многочисленными плакетками слюдистого песчаника, служившие вымосткой. Фаунистические остатки из раскопа 1986 г. определены М. Пату (Patou, 1992), отметившей сильную фрагментированность костей: из 91 осколка 85 были менее 5 см в длину. Они происходят от диафизов длинных костей. Одна кость была обожжена. 39 определимых костей принадлежали, по крайней мере, 8 особям 5 различных видов: лошадь – 19 костей от по меньшей мере двух особей: молодой и взрослой; серна – 9 костей, главным образом зубов (7), от двух особей: молодой и взрослой. Из двух фаланг одна имеет следы погрызов лисицы; благородный олень – 3

кости посткраниального скелета взрослой особи; лисица обыкновенная – 5 костей (3 клыка, резец и обломок нижней челюсти) принадлежащие двум взрослым особям разного возраста: молодой и более старой; лагоморф – 3 кости (лопатка и 2 фрагмента метаподий) взрослой особи, определение вида невозможно. М. Пату отмечает, что костный материал был очень корродирован и деструкция костей значительна, как и в коллекции из раскопок Дюпона, где часть костей была обожжена. Старая коллекция, определенная Ван Бенденом (Dupont, 1872: 8) оказалась смешанной, включающей кости из постпалеолитических слоев, в том числе домашних животных. Вместе с тем, особенно следует отметить наличие северного оленя. Состав четвертичных видов обеих коллекций, по мнению М. Пату, не соответствует абсолютной датировке 10 720±120 лет назад, которая была получена по осколкам костей из старых раскопок. Этот фаунистический комплекс принадлежит скорее бёллингу (Patou, 1992: 311).

Наибольший интерес представляет грот **Тру де Шалё** в том же районе на правом берегу р. Лес в 10 м над ее уровнем. Раскопки Дюпона в 1867 г. обнаружили мадленский слой толщиной 30 см, состоящий из песка, пыли и золы и ограниченный сверху и снизу обвалами. Фауна содержала несколько холодостойких видов, таких, как северный олень и росомаха, но виды более умеренные с отчетливым преобладанием лошади встречены в большем числе. У входа в грот находился очаг диаметром 1.5 м, заполненный золой и древесным углем. На этом участке собрано много обожженных и необожженных костей, в том числе грызунов, окатанные булыжники, плитки песчаника и псаммита. На краю очага на плитке песчаника лежала целая локтевая кость мамонта. Каменный (резцы, скребки, пластинки с притупленной спинкой, очень большое число проколок) и костяной (наконечники копий со скошенными гранями в основании, острия, шилья, иглы) инвентари характерны для мадлена. Найдены также просверленные зубы и кости, два просверленных диска и различные ископаемые. Радиоуглеродные даты, полученные для этого слоя, имеют небольшие расхождения: 12 370±170 (LV 1.568), 12 710±150 (LV 1.569).

Самый знаменитый предмет из всего бельгийского палеолитического искусства – это крупная плитка псаммита, найденная в 1865 г. Э. Дюпоном. Она состоит из двух фрагментов (80 см общей длины, 47 см ширины) и имеет гравировки на обоих фасах (рис. 20). На одном представлено тонкое изображение идущего первобытного быка, которое частично перекрывает фигуру северного оленя. Обе фигуры даны в левый профиль. На другом фасе – три изображения, выполненные более неумело: крупная центральная фигура в правый профиль с сильно вогнутой седловиной ближе всего напоминает лошадь, под ее головой находится маленькая перевернутая фигура животного, возможно, горного козла в левый профиль с передними ногами, согнутыми под тело. Над спиной лошади, частично прорезая ее линию, нанесено изображение другой лошади, значительно меньших размеров. Ф. Твиссельман описывает их очень детально (Twiesselmann, 1951: 17-22). М. Лежён отмечает, что фигуры всех этих животных часто представлены в палеолитическом искусстве, но особенное впечатление мощи, которое исходит от изображения первобытного быка позволяет сблизить его с гравюрами из грота Тейжат в Дордони или с гравюрой на гальке из грота Газель (Lejeune, 1987: 35, fig. 27 и 28). К этим аналогиям следует добавить и фигуру быка из Ла Марш.

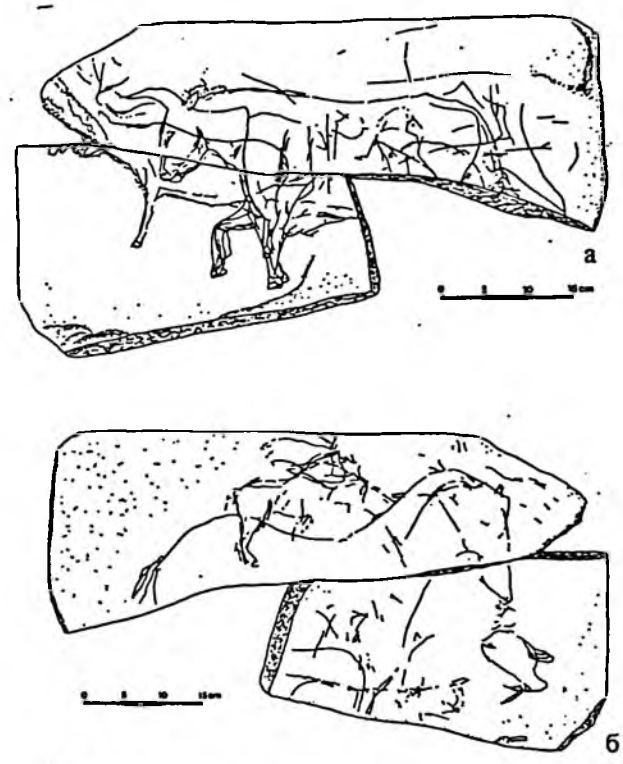

Рис. 20. Гравюры на плитке псаммита:
а) первобытный бык и северный олень,
б) две лошади и горный козел (?). Тру де Шалё.

Другое произведение искусства также было найдено Э. Дюпоном в 1865 г. Это плитка сланца длиной 13.2 см и шириной 6.5 см с расположенной в центре гравюрой передней части северного оленя в левый профиль (рис. 21). Голова и рога переданы реалистично. Голова, шея и часть туловища вместе с началом передних ног покрыты многочисленными мелкими штрихами, уверенно передающими шерсть. М. Лежён отмечает, что изображения северного оленя не редки во франко-кантабрийском искусстве, но гравюра из Шалё находит прямые аналогии, особенно в изображении рогов, с рисунком на просверленном жезле из Таингена (Кесс-

лерлох) в Швейцарии (Lejeune, 1987: 35, fig. 29). Третье изделие, открыто во время новых раскопок, предпринятых Льежским Университетом в июле 1987 г. Это фрагмент плитки песчаника длиной около 12 см, на котором различается гравюра части головы и передней ноги первобытного быка в левый профиль (Lejeune, 1987: 41, fig. 30).

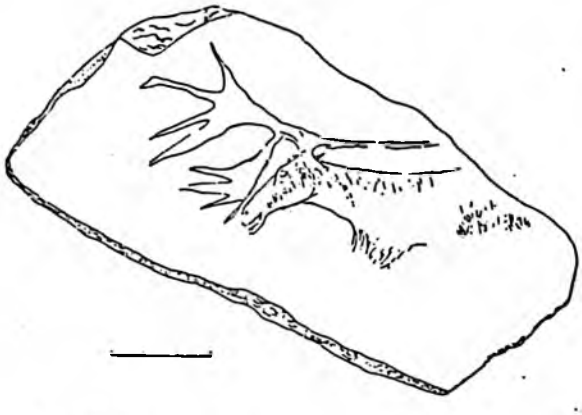

Рис. 21. Гравюра северного оленя на плитке сланца. Тру де Шалё.

Кроме этих гравюр, в Тру де Шалё найдена в 1865 г. Э. Дюпоном плакетка бивня мамонта, вырезанная в технике countours découpés в форме довольно массивного силуэта птицы с сериями параллельных коротких линий на поверхности. Достаточно редкая, эта тема, как отмечает М. Лежён (Lejeune, 1987: 41), известна как в искусстве малых форм (Гённерсдорф), так и в наскальном искусстве (Портель, Труа Фрер).

Есть краткие сведения, что произведенный недавно муляж кружка из бивня мамонта, найденного в слое 5 Тру де Шалё, позволил обнаружить гравюру мамонта на одном из его фасов. Описание и технологический анализ, так же как дискуссия об изображении мамонта в палеолитическом искусстве опубликованы К. Беллье с соавторами (Bellier et al., 1999; см. Otte et al., 2001: 110). Рисунков двух последних предметов мне найти не удалось.

В 1985 г. Служба Доистории Льежского Университета предприняла раскопки в Тру де Шалё. На площадке на краю террасы обнаружен очаг, вокруг которого рассеяны костные остатки и каменный инвентарь. Фауна из раскопок 1985-1986 гг. определена М. Пату (Patou, 1992). Из 1576 костей 1365 представляют осколки, 79 – фрагменты неопределимых костей и 132 определимых, принадлежащих 21 особи 8 различных видов. Лошадь – 60 костей: 42 от черепа и 18 от посткраниального скелета, которые позволили установить наличие, по крайней мере, 7 особей в возрасте: одна – 6 месяцев, одна – 18 месяцев, одна – 4-4.5 года, одна – 6 лет, две – более 10 лет и одна – более 15 лет. Следы каменных орудий наблюдались на мелком фрагменте черепа и первой задней фаланге. Маленькая сесамовидная кость была полностью обожжена. Изучение состава костей показало, что туши лошадей расчленялись не на стоянке, а на месте охоты. Та же констатация была сделана и Э. Дюпоном. Серна – 18 костей: 8 от черепа и 10 от посткраниального скелета (нога). Изучение зубов доставило минимальное количество особей – 4: 2 взрослых молодых и 2 более старых. Две кости задней ноги несут короткие и глубокие нарезки, нанесенные каменным орудием во время ее расчленения. Северный олень – 4 фрагмента рога и 3 кости, которые принадлежали, по крайней мере, двум особям: молодой и взрослой. Благородный олень – 2 кости от одной взрослой особи. Одна из костей имеет бороздку на внешней стороне, нанесенную каменным орудием во время расчленения задней ноги. Гиена – левый нижний клык и целая фаланга принадлежали молодой особи. Песец (?) – 5 зубов одной взрослой особи (отнесение их к этому арктическому виду не вполне уверенно). Волк – 1 премоляр взрослой молодой особи. Кролик – 35 остатков от 3 особей. Отмечается поздний характер этих костей, правдоподобно происходящих из неолитического слоя. В целом же, фаунистический материал в совершенстве согласуется с абсолютными датами 12 990 и 12 370 лет назад и со стадией бёллинг.

Еще одна стоянка, имеющая радиоуглеродные даты, отмечена в гроте Колеоптер, названном по имени находки, сделанной в гроте. Колеоптер – жесткокрылое насекомое, а сама находка представляет собой маленькую подвеску из бивня мамонта с гравировкой. Она полностью соответствует образу этого насекомого. Поврежденная в нижней части подвеска длиной 5 см должна была иметь овальную форму. Она гравирована центральной продольной линией и двойной продольной линией, по одну и другую сторону от центральной. Две поперечные параллельные линии заметны на одном конце. Два слегка скошенных отверстия располагаются посередине двух боков изделия. Подвеска была найдена Ж. Амаль-Нандреном и Ж. Серве в 1925 г. (Hamal-Nandrin, Servais, 1925). Даты, полученные для этого слоя: 12 150±150 (LV 686) и 12 400±110 (LV 717) (Lejeune, 1987: 35).

Во время раскопок третьего грота **Гойе** (коммуна Мозе) в 1867 г. Э. Дюпон обнаружил два произведения искусства (Dupont, 1869a, б). Древность раскопок не позволяет установить стратиграфию, но сами находки могут свидетельствовать о наличии одной или нескольких фаз заселения с конца верхнего палеолита: наконечники с двойной гранью в основании, наконечники с желобком, просверленный жезл, иглы с ушками, гарпуны. Гарпун с двумя рядами зубцов отнесен к кресвельской – заключительной фазе мадлена; другие изделия, смешанные в раскопках и старых коллекциях, мо-

гут быть отнесены к нижнему мадлену. Сходство с инвентарем стоянок Парижского Бассейна и Рейнской области несомненно (Art et Civilisations, 1984: 345). Одно из произведений искусства – просверленный жезл из рога северного оленя длиной 14 см с обломанным концом и отверстием 1.5 см на другом расширенном конце. На одном из фасов внутри глубоко вырезанной рамки отчетливо видно изображение рыбы из семейства лососевых в правый профиль. Второе представляет собой неполную гравюру горного козла, вырезанную на плитке псаммита, составленной из двух фрагментов: затылок и перекрещивающиеся длинные и узкие рога. М. Лежён отмечает, что единственный пример перекрещивающихся рогов, который ей удалось найти, это гравюра на кости из грота Оренсан, где изображены две головы горных козлов (Lejeune, 1987: 41, fig. 25).

В Бельгии имеется другая стоянка, названная Тру де Нутон, в отличие от первой находящаяся в Верлен (Люксембург). Она вошла в литературу как **Си-Верлен**. При раскопках в 1887-1888 гг. П. Дестине и Л. Морель (Destinez, Moreels, 1887-1888) обнаружили здесь костяное шило с обломанным острием, длиной 6.3 см и диаметром в навершии 6 мм. Навершие вырезано в виде мужской головы. На лице переданы глаза в виде двух овальных выемок, большой подтреугольной формы нос и рот в виде широкой щели со слегка выступающей нижней губой. Уши вырезаны в виде двух округлых боковых отверстий. Тонкие волнистые линии подчеркивают волосы, усы и бороду. На месте шеи представлено легкое сужение. Две вертикальные линии длиной 10 мм глубоко выгравированы на обоих фасах ниже этого сужения. М. Лежён отмечает, что палеолитические человеческие изображения обычно очень схематичны и единственный предмет, который можно сравнить с шилом из Си-Верлен, будет гравированная человеческая фигура на фрагменте кости из грота Пешиале в Дордони (Lejeune, 1987: 41-45, fig. 32). В каталоге Е. Сакказан делла Санта указывается, что предмет хранится в Льежском Университете, но подлинность его сомнительна (Saccasyn della Santa, 1947).

Из новейших доступных мне открытий следует упомянуть раскопки грота **Тру дю Сомм** (Намюр), начатые в 1989 г. Ж.-М. Леотаром и законченные в 1997-1998 гг. Лопес Байоном и Р. Миллер. Стоянка располагается на левом берегу р. Маас и состоит из двух гротов, связанных кулуаром. Тафономические анализы стоянки поддерживают гипотезу, что археологический материал находится во вторичном залегании по причине потоков грязи из верхнего грота. Поэтому серия датировок, полученная в Оксфордской лаборатории дает противоречивые результаты: и 12 000 и 21 000-23 000 лет назад. Фауна включает травоядных (лошадь, северный олень, горный козел, овцебык) и хищных. Имеется вымостка из плакеток псаммита и сланца. Два фрагмента плакеток соединяются и несут частичную гравюру овцебыка (Otte et al., 2001: 105, 107).

Навес **Мегарни** (провинция Льеж) раскапывался в XIX-XX вв. несколькими исследователями. Анализы стратиграфии и археологических материалов, проведенные М. Оттом, М. Деве и Э. Фейе (Otte et al., 1997), имели целью установить региональный и хронологический контекст памятника. При отсутствии абсолютных дат стратиграфия поддерживает помещение стоянки в позднеледниковье, распространяющееся от бёллинга до дриаса III. Как и в ряде других мадленских стоянок Бельгии имеются вымостки из плакеток псаммита. На кальцитовой конкреции нанесен возможный женский профиль. Отмечено наличие красок (блок охры, следы на плакетках). Комплекс представляет смешанный характер классического мадлена и крессвелла, поэтому для него предложено название финальный бельгийский палеолит.

Таким образом, из 8 мадленских стоянок Бельгии происходит 13 фигуративных изображений: 3 в скульптуре и 10 в гравюре. Скульптура представлена в двух вариантах: круглая в виде подвески из бивня (жук из Колеоптер) и навершие костяного шила (мужская голова из Си-Верлен); и в технике contour découpé плакетка из бивня (птица из Тру де Шалё). Основой для гравюры служила кость (фрагмент рога северного оленя из Тру де Нутон; просверленный жезл из Гойе, кружок из бивня из Тру де Шалё) и каменные плитки: псаммита (по одной из Тру дю Фронталь, Тру де Шалё, Гойе, Тру де Сомм) и по одной плитке сланца (Тру де Шалё), песчаника (Тру де Шалё), кальцитовой конкреции (Мегарни).

Что касается сюжетов, то они, хотя и немногочисленны, но достаточно разнообразны и в ряде случаев оригинальны: антропоморфы: мужская голова (Си-Верлен) и женский (?) силуэт (Мегарни), мамонт (Тру де Шалё), овцебык (Тру де Сомм), бизон (Тру де Нутон), первобытный бык (Тру дю Фронталь, Тру де Шалё), северный олень (Тру де Шалё), горный козел (Гойе), птица (Тру де Шалё), рыба (Гойе), насекомое (Колеоптер). Единственная плитка псаммита из Тру де Шалё гравирована с двух сторон и имеет в общей сложности 5 изображений: на одной стороне – первобытный бык и северный олень, на другой – 2 лошади и горный козел. Приплюсовав их к единичным изображениям, получим следующие цифры: антропоморф – 2 (мужчина и женщина?), мамонт – 1, овцебык – 1, бизон – 1, первобытный бык – 3, горный козел – 2, северный олень – 2, лошадь – 2, рыба – 1, птица – 1, насекомое – 1.

НИДЕРЛАНДЫ.

Единственная находка палеолитического искусства отмечена на стоянке **Гельдроп III-1** (Северный Брабант), раскопанной А. Воутерсом и А. Бомерсом (карта-схема III, N 82). Стоянка относится к аренсбургской культуре и может быть датирована между 9 000 и 8 000 лет до н. э. На очень плоской гальке размером 7.3x5.6x1.2 см, служившей отжимником, выгравирована фигура женщины в фас с разведенными в стороны руками и поднятой, также отведенной в сторону левой ногой (рис. 22). Голова, кисти рук и ступни ног отсутствуют. Линии тела тонкие и изящные. Отмечены груди, пупок и заштрихованный треугольник между ног, напоминающий набедренную повязку. А. Дельпорт замечает, что нет аргументов, чтобы à priori поставить под сомнение это изображение (Delporte, 1979: 124, fig. 72).

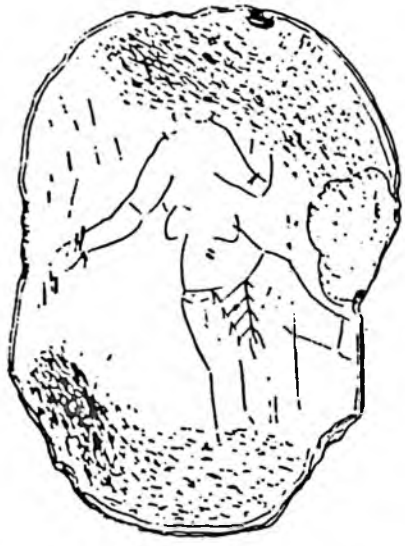

Рис. 22. Гравюра женщины на гальке-ретушере. Гельдроп III-1.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ.

В Англии известны только два достоверные произведения палеолитического искусства – мелкие гравюры на обломках костей. Они происходят из гротов в ущелье Кressвел-крагс на границе Дербишира и Ноттингеншира (карта-схема III, NN 83-85). Первые раскопки были произведены здесь в 1874-1879 гг. Ж.М. Мелло и В. Бойд Даукинсом (Dawkins, 1877). Тогда в пещере **Робин Гуда** была найдена первая гравюра – голова лошади, которая воспроизведена впервые в 3-м издании В. Солласа (Sollas, 1924: 536) с очень решительным утверждением, что это фальшивка. Гравюра нанесена на фрагменте ребра размерами 7.3x2.3x0.8 см. Сохранилась лишь половина изображения: голова, шея и передняя часть тела лошади в правый профиль. Грива и челка переданы тонкими параллельными штрихами; линия спины утроена и несет следы поперечных нарезок. Серия линий пересекает не только тело лошади, но и пространство перед нею, что напоминает изгородь (рис. 23). По мнению А. Сивкинг (Sieveking, 1987: 103), этот рисунок лошади характерен для мадленских гравировок Европы. Ближайшие параллели и по стилю, и по географической близости это головы лошадей из Ла Гранд Паруасс, Пенсеван (Brezillon, 1977) и Сепуа, Луарет (Allain, 1974, 1976: 1319, fig. 2). Обе показывают животных с короткой широкой головой и рисунок морды на плакетке из Сепуа, хотя и более элегантный, сходен с рисунком из пещеры Робин Гуда.

Рис. 23. Гравюра передней части лошади на фрагменте ребра. Пещера Робин Гуда.

В 1924 г. Л. Армстронгом начаты раскопки пещеры **Пин Хоул**, во внутреннем зале которой был обнаружен мощный слой с многочисленными очагами и «типичными прото-солютрейскими и ориньякскими орудиями, включающими превосходное острие фон-робер» (Armstrong, 1928a, б). В этом слое в 1928 г. была найдена гравировка на ребре крупного быка, обломанного с обоих концов и имеющего размеры 20.8x3.0x1.4 см. На узком конце выгравирована схематичная мужская фигура в правый профиль. Отчетливо заметны знак пола, рудиментарная рука и очень прогнатный профиль головы, нижняя челюсть передана двойной линией. Обычно эта фигура описывается как замаскированная. Поверхность кости несет многочисленные линии и следы подправки, но фигура человека совершенно отчетливая (рис. 24). А. Сивкинг замечает, что человеческие фигуры в палеолитическом искусстве обычно плохо нарисованы и этот экземпляр из Пин Хоул не делает исключения (Sieveking, 1987: N 854, pl. 130). Наиболее близкая аналогия – это гравюра человека из Ла Мадлен (Capitan, Breuil, Peyrony, 1924: fig. 39).

Необходимо упомянуть также находки Л. Армстронга в пещере **Модер Гранди'с Парло** (Armstrong, 1925 a, b; 1927). На трех фрагментах костей он увидел изображения бизона, северного оленя и носорога. Все они были фрагментарны и настолько неопределенны, что В. Бойд Даукинс задавался вопросом, не являются ли они простыми отпечатками корней. А. Брейль, который видел предметы, полагал, что северный олень – подлинная гравюра, сделанная человеком. Носорог, по его мнению, менее убедителен, а бизон в действительности представляет воздействия корней расте-

ний (Boule, 1925; Burkitt, 1925). В своем каталоге А. Сивкинг (Sieveking, 1987: 102, N 851) воспро-

Рис. 24. Гравюра мужской фигуры на фрагменте ребра. Пин Хоул.

изводит фрагмент кости размерами 2.7x2.0x0.5 см, на одной стороне которого прослеживается группа слабо выгравированных линий. Эти линии можно интерпретировать как фигуру животного (голова, шея и туловище какого-то оленя?) в левый профиль. А. Сивкинг замечает, что гравировка минимальная и предполагаемое животное может представлять случайную группировку линий. Л. Армстронг был убежден, что это изображение северного оленя. Две другие, опубликованные им гравировки – бизона и носорога, по словам Сивкинг, ни изобразительные, ни гравированные. Они изборождены линиями, которые, по мнению Сандры Ольсен, произведены какими-то естественными причинами, возможно, корнями или, может быть, были простыми повреждениями. Справедливости ради следует заметить, что Д. Гаррод не отвергала эти гравировки. Она осторожно замечает, что на одном фрагменте линии несомненно сделаны человеком и могут изображать фигуру оленя очень малых размеров, нарисованную тонкой довольно неопределенной чертой. Там, где Армстронг видел носорога, рог вырезан ясно и глубоко, но линия предполагающая морду, обязана действию корней. Третья гравировка, интерпретированная как голова бизона также очень смешана с несомненными отпечатками корней, поэтому трудно решить действительно ли она является работой человека (Garrod, 1926: 145)

ИБЕРИЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

ИСПАНИЯ

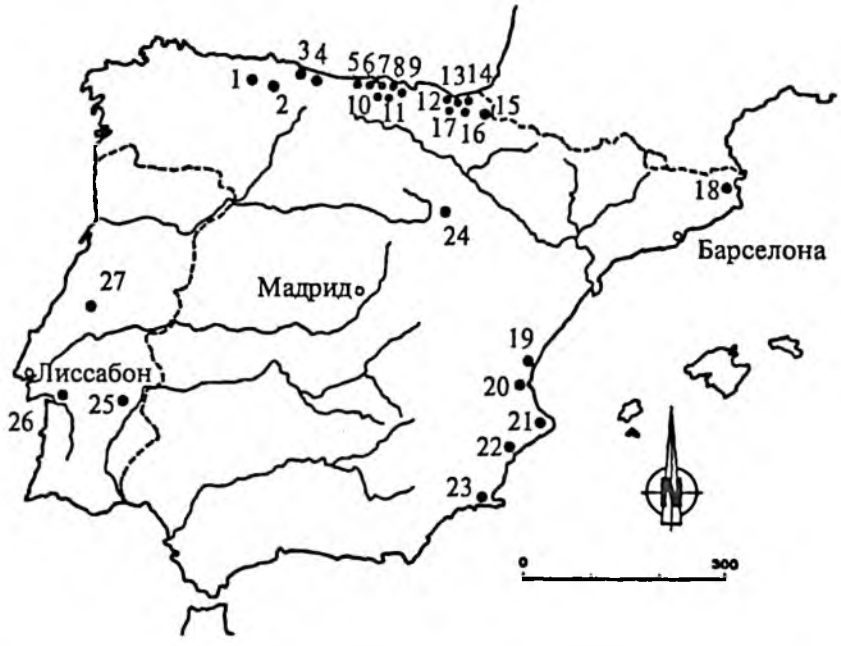
Палеолитическое искусство Испании отчетливо делится на две территориальные группы: Кантабрия в северо-западной части полуострова и средиземноморское побережье на востоке (карта-схема VI). На северном морском берегу от западной оконечности Пиренеев до крайнего запада Астурии простирается несколько горных хребтов, из которых наиболее значительны Кантабрийские Кордильеры высотой часто более 2 000 м над уровнем моря. Побережье представляет собой район, изрезанный многочисленными долинами, которые образованы реками, текущими по большей части с юга на север. В эпоху верхнего палеолита здесь царил холодный и влажный океанический климат, прерываемый сравнительно недолгими потеплениями, с богатой растительностью и разнообразным животным миром.

Средиземноморское побережье также гористое, но уровень гор более низкий, климат отличался сухостью и жарой с адаптированной к этим условиям флорой и фауной.

КАНТАБРИЙСКАЯ ИСПАНИЯ

Палеолитическое искусство малых форм Испании представлено главным образом в пещерах Кантабрии на узкой полосе длиной около 800 км от Кандамо и Палома на западе до Берроберрия на востоке. В 1973 г. вышел в свет превосходный каталог Игнасио Барандиарана, в котором учтены и систематизированы как реалистические, так и чисто орнаментальные мотивы (Barandarian, 1973). В 1987 г. П. Утрийя (Utrilla, 1987, 1990) дополнила каталог новыми сведениями, опираясь, преимущественно на работы А. Моуре-Романийо (Moure-Romanillo, 1982a, b; 1983; 1985). К 19 местонахождениям с фигуративными изображениями (Аицбитарте IV, Альтамира, Бальмори, Берроберрhиа, Болинкоба, Эль Кастильо, Контранкиль, Куэто де ла Мина, Эрмиттиа, Орнос де ла Пенья, Ла Палома, Эль Пендо, Салитре, Торре, Эль Валле, Уртиага, Морин, Коллюбиль, Сантимаминье) добавляются открытия, сделанные во время раскопок еще 12 местонахождений (Лас Кальдас, Экаин, Энтрефосез, Оскура де Аниа, Тито Бустийо, Ла Пила, Ла Винья, Эль Бучу, Эль Сиерро, Эль Юйо, Расканьо, Ла Риера). К тому же некоторые новые предметы были открыты во время пересмотра коллекций, происходящих из старых раскопок уже известных местонахождений (Эль Кастильо, Ла Палома , Уртиага, Ла Чора).

Объективные основания хронологии палеолитического искусства малых форм на кантабрийском берегу освещены в докладе П. Утрийя на коллоквиуме 1987 г. в г. Фуа (Utrilla, 1987: 83-103). Излагая общий взгляд на развитие искусства она ссылается на И. Барандиарана, который в своей уже ставшей классической монографии (Barandarian, 1973), резюмировал эволюцию кан-

Карта-схема VI. Распространение памятников палеолитического искусства на территории Иберийского полуострова. Испания: *1 - Лас Кальдас, Ла Винья, 2 - Палома, 3 - Пенья де Кандамо, 4 - Тито Бустийо, 5 - Альтамира, 6 - Кастильо, 7 - Юйо, 8 - Пендо, 9 - Морин, 10 - Ориос де ла Пенья, 11 - Расканьо, 12 - Эрмиттца, 13 - Уртиага, 14 - Экаин, 15 - Ацибитарте, 16 - Юолинкоба, 17 - Спнтимаминье, 18 - Реклау Вивер, 19 - Маллаэтес, 20 - Парпальо, 21 - Бенеито, 22 - Тоссаль де ла Рока, 23 - Амброзио, 24 - Витльальба (по: Dictioonnaire de la Prehistoire, 1988. Doc. 11);* Португалия: *25 - Эскураль, 26 - Токо до Паи Лопес, 27 - Кальдейрао (по: Zilhao, 1988. Fig. 5).*

табрийского палеолитического искусства следующим образом:

1) к ориньяко-перигору принадлежит то, что называют «линейным стилем» с граветтскими антропоморфными изображениями, как изображения пещеры Морин, частично изображенные лошади из Орнос де ла Пенья, ориньякская гравюра головы быка из Люменча и горного козла, нанесенного красной краской в Салитре. Эти очень редкие примеры имеют в некоторых случаях (Люменча) сомнительную хронологию;

2) в эпоху солютре появляются новые технические приемы, как гравюры заштрихованные или переданные не одной, а несколькими линиями, что ярко проявляется на фигурах ланей из Альтамиры. Эти приемы продолжаются без перерыва в течение нижнего мадлена, с которым они тесно связаны. К этой эпохе солютре-мадлена относят максимальное число кантабрийского наскального искусства, причем различия между нижним и верхним мадленом более значительны, чем между солютре и нижним мадленом. Среди декоративных мотивов этой эпохи характерно повторение таких сложных знаков как тектиформы, или таких простых как мотивы крестообразные, в виде V или в форме стрел, линии ломаные, простые или сложные. Фигуративные мотивы более редки, чем во время второго мадленского этапа и, кроме того, концентрируются, главным образом в Альтамире, Эль Кастильо и Ла Паломе. Это замечательные лани из Альтамиры и Эль Кастильо, быки из Альтамиры и Эль Юйо, горные козлы из Болинкобы и, возможно, стилизации рыб из Расканьо или змей в Камарго;

3) в течение цикла верхнего мадлена и азиля размеры изображений уменьшаются, больше внимания уделяется деталям. Темы становятся более сложными, с многофигурными композициями как в Торре, Эль Валле или Эль Пендо. В одну и ту же эпоху реалистическое искусство сосуществует с другими более схематичными изображениями, которые предвещают азильское искусство. Условности в изображении животных умножаются путем применения новых систем заполнения внутреннего пространства, как, например, в Эль Валле сетко-образная штриховка короткими и косыми черточками, чтобы передать шерсть, как и в Эль Пендо и в Торре. Эта штриховка сопровождается рядами точек и знаками на фигурах животных. Линейные штрихи для передачи деталей особенно касаются фигур лошадей (грива, шея, живот и двойные линии плеча), а для горных козлов и пиренейских серн – только головы. Что касается основ, то Барандиаран отметил преобладание предметов, зависящих от случайного использования.

С. Корчон (Corchón, 1981) приводит следующие главные принципы кантабрийского искусства малых форм: речь идет о системе, основанной на ассоциации, знаки и изолированные изображения редки; она соответствует бинарной системе с триадами в конце мадлена; среди знаков наиболее частая ассоциация – это ассоциация овалов и стрел с вариантами. Среди фигуративных изображений

центральным сюжетом является лошадь, наиболее многочисленным – лань; самые частые ассоциации реалистических сюжетов – это темы лошади и лани в течение нижнего мадлена и лошади и горного козла в течение финального мадлена, причем горный козел кажется замещающим лань, с которой он никогда не ассоциируется; имеются условные стилизованные изображения горного козла (вид в фас), змей, рыб и клавиформ.

При современном состоянии знаний знаменитые лани, гравированные на обломках лопаток оленя, принадлежат к фации эль юйо, названной кантабрийским мадленом III, как об этом свидетельствуют материалы из Эль Сиерро, Эль Юйо, Эль Кастильо. Менее определенно это для Альтамиры, поскольку гравированные лопатки находятся в неясной стратиграфической ситуации (рис. 25). Рассмотрим эти вопросы более подробно, основываясь на работе Пилар Утрийя (Utrilla, 1987).

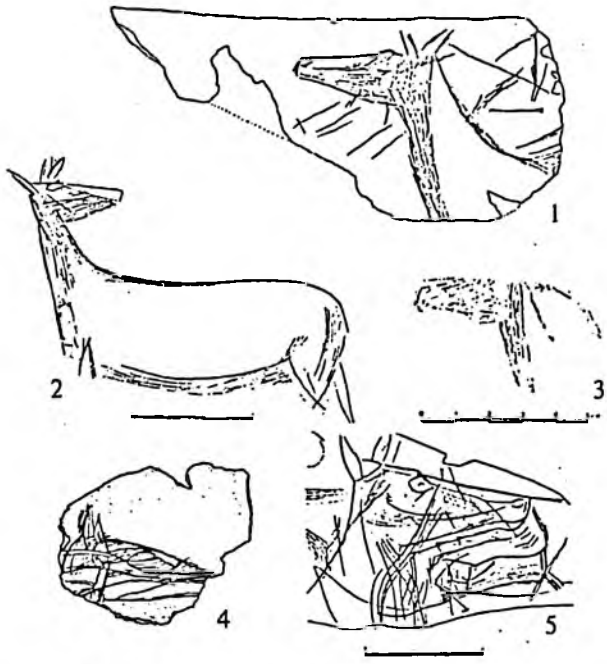

Рис. 25. Гравюры ланей на обломках лопаток:
1 – Альтамира;
2, 5 – Эль Кастильо;
3 – Эль Сиерро;
4 – Эль Юйо (по: Utrilla, 1987: fig 2)/

Техника множественной линии в виде штрихов, ограничивающая светлые и темные зоны или моделировку, хорошо известна как в наскальном искусстве, так и в искусстве малых форм. Имеется обширная литература по этой теме, поскольку речь идет о наиболее очевидной параллели между двумя видами палеолитического искусства, которая дает исключительную возможность для попытки датировать наскальные гравюры. Находка в пещере Альтамира лопаток, гравированных головами ланей, идентичных изображениям на стенах, привела к мысли, что лопатки могли служить для эскизов или кроки, которые затем художник воспроизводил на стенах той же самой пещеры.

Хронология лопаток из Альтамиры была установлена Эрмилио Алькальде дель Рио «в наиболее высокой части нижнего уровня» (финальное солютре) в контакте с «верхним уровнем» (нижний мадлен). Этикетки Музея Альтамиры относят к солютрейскому слою только 3 лопатки, в то время как 3 других помечены, как происходящие из мадленского слоя раскопок Г. Обермайера. Следует подчеркнуть также, что в этой зоне существует смешение солютрейских и мадленских предметов, возможно, обязанное процессам криотурбации, ускользнувшим от раскопщиков начала XX века. Это может объяснить появление наконечников с квадратным сечением в солютрейском слое и наконечников с одной центральной гранью в основании в мадленском слое.

Как бы там ни было, дискуссия о том относятся ли лопатки к концу солютре или началу мадлена почти не имеет смысла, так как, согласно общему мнению западных исследователей, две культуры являются частично одновременными и между ними существует меньше различий, чем между двумя мадленскими циклами, как это уже было отмечено выше.

В других кантабрийских местонахождениях лани и другие животные со штриховыми линиями появляются в слоях отчетливо мадленских. Таким образом, в Эль Кастильо 33 лопатки с гравюрами, опубликованные М. Альмагро (Almagro, 1976) были обнаружены в слое нижнего мадлена, хотя неизвестно на каком уровне, так как слой достигает 2 м толщины. Г. Обермайер не указал точного положения лопаток, но намекнул, что нижний мадленский слой может быть подразделен на многие горизонты. Согласно В. Кабрера (Cabrera Valdes, 1984), здесь можно различить по крайней мере 3 слоя: самый верхний характеризуется наконечниками с округлым сечением, средний – просверленными жезлами и копьеметалкой, нижний – наконечниками с квадратным сечением.

К 6 лопаткам из Альтамиры и 33 из Эль Кастильо следует добавить несколько изолированных экземпляров, происходящих из строго одновременных местонахождений. Лопатка с изображением головы лани из Эль Сиерро была найдена во время недавних раскопок в слое нижнего мадлена (Gomez-Fuentes, Bécares-Perez, 1979); лопатки, обнаруженные в слое 8 грота Эль Юйо (одна с головой лани, другая с возможной головой лошади), также со всей очевидностью могут быть отнесены к нижнему мадлену (Freeman, Gonzalez Echegaray, 1982). Другой очень интересный экземпляр был найден в переотложенном слое грота Расканьо. Речь идет об изображении задней части бизона, прорисованной быстрой и уверенной линией и затененной в

штриховой манере, которая характерна для рисунков ланей. Авторы публикации относят этот рисунок к слою 5 (очень древний мадлен) или к слою 4 (нижний классический мадлен) (Barandiaran, Gonzalez Echegaray, 1979). Что касается лопатки с изображением лани, обнаруженной в слое верхнего мадлена грота Оскура де Анна, то в другой публикации (Gomez Tabanera, 1980) на рисунке виден ансамбль коротких линий, передающих, возможно, шерсть – условный прием, характерный для той эпохи, к которой считается принадлежащим этот предмет. Все лопатки, найденные в стратиграфических условиях, кажутся ассоциированными с типичными наконечниками с квадратным сечением и одной скошенной гранью в основании, которые составляют наиболее типичное орудие фации юйо кантабрийского нижнего мадлена, названного мадленом IIIb в традиционных публикациях (Utrilla, 1981a). В Эль Сиерро и Эль Юйо, местонахождениях, раскопанных недавно, их стратиграфическое положение несомненно. Для этой культурной фации, столь обильной на кантабрийском побережье, имеются отчетливые характеристики каменного и костяного инвентаря. Помимо упомянутого костяного наконечника, в каменном инвентаре наиболее обильны и типичны нуклевидные скребки.

В Эль Кастильо, хотя отнесение этого местонахождения к нижнему мадлену очевидно, проблема более сложная, поскольку неизвестно к какому из трех подразделений слоя относятся лопатки. Если признать, что наконечники с квадратным сечением находятся в основании слоя, то в стратиграфии не остается места для уровня, который П. Утрийя называет «фацией кастильо бета», характеризующейся наконечниками с одной гранью и занимающей нижнюю треть мадлена (предполагаемое наследство солютре), согласно Г. Обермайеру. Неясно на каком местонахождении делал свои построения Обермайер для установления начала мадлена с этим типом наконечника. Если отстранить Эль Кастильо, остается только Расканьо, где Обермайер принимал участие в раскопках Вега дель Селья или Э. Эрнандес Пачеко. Возможно, он учитывал материалы грота Бальмори, в котором наконечники с одной центральной гранью найдены в слое с наконечниками с квадратным сечением типа эль юйо. Ранее П. Утрийя (Utrilla, 1979, 1981a) относила со значительными колебаниями лопатки из Эль Кастильо к фации кастильо бета, но находки в Эль Сиерро и Эль Юйо, так же как и нахождение в нижней части слоя Эль Кастильо наконечников с квадратным сечением заставили ее отказаться от этого положения. Тем не менее, она считает нужным указать, что эти наконечники с одной гранью являются типичными для финального солютре, судя по положению, которое они занимают в мадлене I Ложери-От, а не для начального мадлена. Здесь снова следует напомнить о процессе криотурбации, установленной М. Ойосом между финальным солютре и начальным мадленом Кантабрии, чтобы объяснить нахождение этих наконечников в двух культурах. Следовательно, стратиграфия Эль Кастильо не дает слоя верхнего солютре, непосредственно лежащего ниже мадлена, как это было в Альтамире, Эль Сиерро или Бальмори. В Альтамире лопатки появляются в слое, содержащем многочисленные наконечники с квадратным сечением и редкие изделия, типичные для солютре. Наличие лопаток и наконечников в верхней части слоя финального солютре может, как уже говорилось, объясняться криотурбацией.

Техника штрихованной линии применялась на плакетках шифера, которые появились в контексте мадлена V грота Тито Бустийо. А. Моуре (Moure, 1982a) опубликовал голову лошади и переднюю часть лани. Остатки множественной линии наблюдаются при соединении шеи и нижней челюсти лошади. Что касается лани, косые лучи, ограничивающие фас животного, занимают всю верхнюю часть плакетки. П. Утрийя не отрицает возможности, что наиболее очевидные примеры этой техники могли появиться в слое Ic Тито Бустийо, т.е. в этом местонахождении находится костяная индустрия более древнего облика, чем тот, который подсказывают гарпуны.

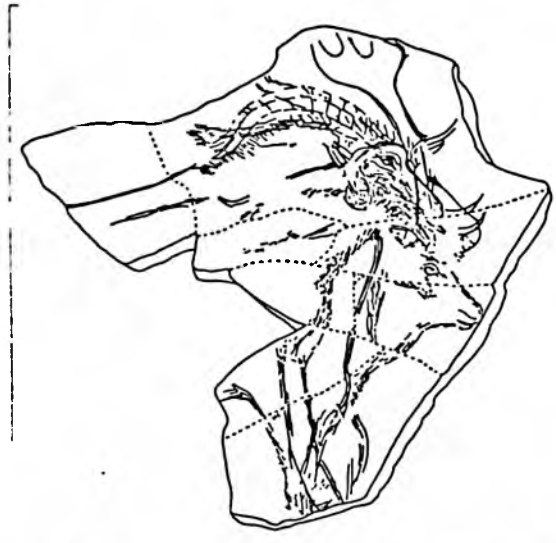

Рис. 26. Гравюры животных на каменной плакетке. Экаин.

В пещере Экаин представлен сходный случай. Х. Альтуна и Х.-М. Апельяниc (Altuna, Apellaniz, 1978) отмечают здесь горного козла, лошадь и благородного оленя, гравированных на плакетке камня, происходящей из слоя VIa, расположенного под слоем, датированным 12 050лет назад (рис. 26). На одной части силуэта горного козла видна множественная линия, но этот прием не достигает совершенства моделировки, характерной для ланей из Альтамиры и Эль Кастильо.

П. Утрийя полагает, что эти изображения из Тито Бустийо и Экаин не могут быть помещены в одну группу с изображениями из классических местонахождений, имеющих внутреннюю моделировку. Так же и некоторые примеры наскального искусства, собранные Алонсо Силио (Alonso Silio, 1982) (северные олени из Альчерри, некоторые благородные олени из Эль Бучу), не дают той же степени моделировки, как изображения из Сан Роман де Кандамо, Льонин, Эль Кастильо или Альтамиры. Эти последние представляют точные аналогии с изображениями искусства малых форм.

Что касается географического распространения этого стиля, следует отметить, что все очевидные экземпляры искусства малых форм с внутренней моделировкой при помощи штрихов, лучей или скобления располагаются в довольно ограниченной зоне. Пещера Эль Кастильо, без сомнения, была художественным центром, откуда выходил этот стилистический прием, как по ее доминирующему положению, так и по предпочтению, проявленному мадленцами в освоении грота и как жилища, и как святилища. Той же «школе» или тому же «мэтру» (по хорошо известной терминологии Апельяниса) принадлежали изображения из соседней пещеры Альтамира, столь сходной с Эль Кастильо по своему инвентарю нижнего мадлена, из Эль Сиерро, Расканьо и, может быть, Эль Юйо, местонахождений, расположенных недалеко друг от друга. С этим центром в Кастильо связан грот Куальвенти около Альтамиры, откуда Гарсиа Гинеа опубликовал жезл, идентичный жезлу из Эль Кастильо (Garcia Guinea, 1986). Из представленных сюжетов лани и благородные олени преобладают абсолютно. Они гравированные на лопатках. Несколько лошадей и бизонов дополняют репертуар фигуративных тем. Во Франции картина отличается, согласно А. Сивкинг (Sieveking, 1983), тем, что лошадь – главный сюжет. Множественная линия там не применялась и это кажется стилистическим приемом, характерным для кантабрийского побережья.

До начала 80-х годов на кантабрийском побережье к среднему мадлену относилось немного местонахождений. В исследовании П. Утрийя (Utrilla, 1981б) только слой 6 Эрмиттиа, Палома и бедный слой С Куэто де ла Мина определены как принадлежащие к традиционной фазе IV мадлена. Утрийя полагает, что в течение умеренного периода бёллинг человек жил на открытых стоянках по причине обвалов сводов в большинстве пещер в конце нижнего мадлена, проникая в пещеры только для нанесения росписей (стиль IV древний) или для обработки камня. Это было засвидетельствовано серией стерильных глинистых слоев, перекрывающих слои с обильными остатками нижнего мадлена типа юйо (местонахождения Расканьо, Эль Сиерро, Ла Риера, Куэто де ла Мина, Бальмори, Эль Кастильо, Альтамира и др.).

Тем не менее, открытия в долине Налон, сделанные в последние годы Хавьером Фортеа (Ла Винья) и Соледад Корчон (Лас Кальдас), свидетельствуют об очень богатом очаге среднего мадлена, который непосредственно соответствует сходным местонахождениям французских Пиренеев. Замечательный грот Тито Бустийо, раскопанный Альфонсо Моуре в долине Селья представляет произведения искусства малых форм и костяной инвентарь, позволяющие выделить фазу, предшествующую мадлену V. Возможно, к этой фазе относятся слои мадлена IV и мадлена V древнего из Тито Бустийо, благодаря присутствующим в них параллелям, которые рассматриваются как «руководящие ископаемые». В первую очередь это произведения в виде «contours découpés» - контур, вырезанный из кости.

Три предмета были открыты в Ла Винья, их датировка 13 300 лет назад, один более сомнительный экземпляр в слое IV Эль Юйо с датировкой 13 920 лет назад. Последний был найден в контексте святилища, к которому принадлежала знаменитая получеловеческая-полульвиная маска. А. Моуре считает, что этот экземпляр технически не соответствует contour découpé, даже если силуэт лани в совершенстве согласуется с естественной формой основы. Скульптурная подвеска, найденная в Тито Бустийо и выполненная на дистальном конце рога благородного оленя, также имеет большое сходство с вырезанными контурами, но она может быть включена и в раздел подлинных скульптур.

Вторая группа – плакетки. Согласно гипотезе А. Леруа-Гурана, за святилищами с плакетками следуют святилища с наскальным искусством, относящиеся к финальному мадлену. П. Утрийя считает, что на кантабрийском побережье могло быть иначе. Здесь, фаза, представляющая наибольшее обилие плакеток, соответствует среднему и верхнему первоначальному (IV и V древний) мадлену, поскольку их нашли 7 в Лас Кальдас (некоторые с изображениями северных оленей), несколько других в Ла Винья, 25 с гравюрами в Тито Бустийо (всего там найдено 83 экземпляра из шифера), 6 – в среднем мадлене Ла Палома и изолированные экземпляры в мадлене Уртиага, слой D; Аицбитарте IV, слой II и в Экаин, слой VIa.

Третья группа – скульптуры. Можно включить в эту группу фигуры в форме женских изображений из Лас Кальдас и Тито Бустийо, как и другие предметы en ronde bosse из тех же местонахождений.

С хронологической точки зрения новые открытия продолжают принадлежать почти исключительно к мадленскому времени. Нет ни одного

нового изделия из ориньяка, к которому относятся единичные старые находки из Орнос де ла Пенья, Салитре и Люменца. Ничего нового нельзя добавить и к перигору Морин. В свете редкости солютрейских местонахождений нельзя рассматривать с полной уверенностью отнесение к солютре подвески из Эль Бучу, поскольку солютрейские слои, за исключением лопаток из Альтамиры, хронология которых также сомнительна, дали только редкие предметы с фигуративным декором. Почти вся полнота изображений в кантабрийском регионе происходит из различных фаз мадлена (Moure-Romanillo, 1985: 124-125).

КАНТАБРИЙСКИЙ МАДЛЕН

Со времени первых исследований испанского кантабрийского палеолита стало очевидным, что ни его специфические характеристики, ни его последовательное развитие не были точной копией классической системы, установленной на основании французских материалов. В дальнейшем различные культурные этапы палеолита северной Испании были установлены и систематизированы исследованиями Л. Фримана для мустье, Ф. Хорда, С. Корчон и Л. Страуса для солютре, Х. Гонзалеса Эчегарай и А. Моуре-Романийо для мадлена.

Для кантабрийского мадлена выявлена следующая региональная последовательность. Нижний и средний кантабрийски мадлен традиционно определен как мадлен III французской схемы, хотя он хронологически более поздний и его инвентарь соответствует региональным ясно дифференцированным характеристикам. Этот горизонт был установлен в Эль Юйо (Gonzalez Echegaray, Janssens, 1958), Куэто де ла Мина (Vega del Sella, 1916), Ла Льозета (Jorda, 1957) и Альтамира (Gonzalez Echegaray, 1971).

В кантабрийском верхнем мадлене гарпуны появляются таким образом, что нельзя установить различие между мадленом V и VI для костяного инвентаря. В каменном инвентаре верхнего мадлена, собственно говоря, отсутствует еще микролитический материал, характерный для локального эпипалеолита: микроскребки, геометрические формы или настоящие азильские наконечники, хотя имеется значительное количество пластинок с притупленной спинкой. Моуре-Романийо полагает, что могли существовать две региональные фации, характеризующиеся соотношением скребков и резцов. Этот культурный горизонт представлен в слое 2 грота Морин, в слое 3 Отеро, в слое III Эль Пендо и в слое 1 Тито Бустийо.

В кантабрийском финальном мадлене прослеживается переход без нарушения непрерывности с азилем. В типично палеолитическом контексте с гарпунами с одним и двумя рядами зубцов происходит значительный процесс микролитизации (округлые скребки, микрограветты, азильские острия, ногтевидные скребки и т.д.), который ставит этот комплекс рядом с эпипалеолитом региона. Возможно, что кантабрийский финальный мадлен одновременен азилю Перигора, существуя в течение дриаса III, как на это указывают радиоуглеродные датировки. Речь идет о культурном эпизоде, хорошо представленном в кантабрийском регионе, особенно в слое 2 Отеро, в слое II Эль Линар, в слое 2 Уртиаги и др.

Хронологическое развитие кантабрийского мадлена совпадает с позднеледниковьем, как это видно из таблицы, составленной Моуре-Романильо (Moure Romanillo, 1979a: 738).

Хроностратиграфия и экология верхнего мадлена в кантабрийской Испании представляется следующим образом (Altuna, Barandiaran et al., 1979). Для верхнего мадлена наиболее древние даты от 12 400 до 11 500 лет назад получены для Тито Бустийо. Они не очень отдалены от дат нижнего мадлена, определенных по материалам Эль Юйо и Альтамиры. Для финального мадлена имеется более поздняя дата из слоя D Уртиаги (8 330 лет назад).

Послеледниковье	Пребореал	Кантабрийский азиль	6 700 лет до н.э.
Позднеледниковье	Дриас III Аллерёд Дриас II Бёллинг Дриас I	Кантабрийский финальный мадлен ↑ Кантабрийский верхний мадлен ↓ Кантабрийский нижний мадлен	8 000 лет до н.э. 12 300 лет до н.э. 13 500 лет до н.э.

В мадлене основой охотничьей экономики был благородный олень, замещенный горным козлом, главным образом, в скалистых биотопах, что находится в резком контрасте с Аквитанией, где основой экономики служил северный олень (Дордонь) или северный олень, лошадь и крупные быки (Жиронда, Ланды). Переход к азилю характеризуется полным исчезновением северного оленя, уменьшением горного козла даже в скалистых биотопах и небольшим возрастанием косули и кабана; но благородный олень остается в азиле основным источником мясной пищи (Altuna, 1979).

Палинологические анализы для палеолита кантабрийского побережья были выполнены Арл. Леруа-Гуран и Анаис Бойер-Клейн, первая из которых установила для верхнего мадлена пещеры

Морин отчетливое преобладание луговых видов над лесными: немного папоротника и много травянистых, удивительное обилие орешника. Для Тито Бустийо количество древесных, особенно сосен, заметно более высокое, но в конце данного этапа пропорции древесных уменьшаются и луговые виды преобладают. Финальный мадлен представлен в слое 2 Эль Пендо большой пропорцией луговых видов и малым числом деревьев: сосны и ольхи.

Если рассматривать сталагмитовые корки как указатель климата «умеренного и немного влажного», хотя и без глобального обобщения, последовательность гипотетически реконструируется следующим образом: развитие финального мадлена до аллерёда, по крайней мере, показывает что сталагмитовые корки Эль Отеро отложились при не слишком холодных условиях, иногда без стратиграфических разрывов с азилем (Ла Риера, Валле, Уртиага, Берроберрия), иногда с возможным оставлением некоторых пещер (хиатус между слоями 2 и 1 в пещере Морин, сталагмиты в Эль Кастильо и Эль Пендо).

Конец палеолита отмечен, как и во Франции, двумя главными событиями: тенденцией к прогрессивной микролитизации каменного инвентаря и уменьшением числа вариантов костяных типов. Микролитизация орудий не мешает тому, что некоторые из типологических групп, свойственных верхнему палеолиту, сохраняют их постоянные характерные черты: скребки, например, продолжают существовать в пост-палеолитическую эпоху, а резцы, напротив, постепенно уменьшаются в числе. Другие типологические группы сильно возрастают в процентном отношении по сравнению с группами в мадленское время. Это касается микропластинчатых типов с крутой ретушью и les crans и зубчатых всех размеров. Эти группы наиболее характерны для эволюции каменного инвентаря позднеледниковья.

Не легко различить мадлен верхний и мадлен финальный только на основе таких руководящих ископаемых как гарпуны, хотя в финальном мадлене появляется особая форма – гарпун с просверленной базой средних размеров или мелкий. В Стране Басков особый тип известен в Уртиаге. Наконечники верхнего мадлена имеют одну грань в основании, иногда продольные надрезы, некоторые с заостренным основанием. В финальном мадлене преобладают наконечники с двумя гранями в основании. В азиле эти традиционные наконечники иногда замещаются предметами из рога более крупных размеров с полигональным сечением. В финальном мадлене исчезают простые типы просверленных жезлов, в исключительных случаях встречаются отжимники типа, характерного для финального палеолита во Франции, особенно в Пиренеях.

Костяной инвентарь в Уртиаге, очень обильный, включает в финальном мадлене многочисленные наконечники с двумя гранями в основании, причем наконечников с округлым сечением в 3 раза больше, чем с полигональным, многочисленные палочки с плоско-выпуклым сечением, подвески, зубы и раковины. Гарпуны с одним рядом зубцов преобладают (только один с двумя рядами из 18 гарпунов), причем зубцы очень отделены от стержня и имеют изогнутую форму. В азиле костяной инвентарь характеризуется плоскими гарпунами с просверлинами в основании в виде петлицы, остриями на конце костяных осколков, наконечниками крупных размеров, часто с немного утолщенным основанием. Искусство отмечено общим обеднением, орнамент практически отсутствует. Гравюры на камне развиваются к более простым мотивам с почти полным исчезновением фигуративных сюжетов.

Что касается носителей мадленской культуры Кантабрии, то, вопреки богатству археологического материала, антропологические данные редки и фрагментарны (Garralda, 1992). Хронологически наиболее древние мадленские находки происходят из слоя 8 (нижний мадлен) грота Кастильо. Это две неполных лобных кости, очень мощных, соответствующих двум взрослым особям мужского пола в возрасте около 35-40 лет. Их сходные метрические и морфологические черты позволяют говорить о родственных связях. В другом гроте горы Кастильо – Пасьеге, тоже в нижне-мадленском слое найден маленький фрагмент черепа взрослой, возможно, мужской особи. От верхнего мадлена сохранились только отдельные зубы. В Тито Бустийо найдены коронки резца и верхнего премоляра, принадлежащие двум разным особям: ребенку и взрослому соответственно. Еще один резец с отложениями зубного камня отнесен к другому взрослому. Изолированные зубы найдены в гротах Кобалехос и Морин. Финальным мадленом датируются находки в Эль Пендо (часть черепа ребенка в возрасте около 10 лет, судя по сохранившимся зубам) и в Эралья (два правых зуба: первый моляр и верхний клык, очень изношенные и принадлежащие, вероятно, одной особи).

Отмечается, что ни одна из этих человеческих костей не была найдена в намеренном погребении. В целом, они дают немного информации. Образец слишком мал, чтобы говорить о высокой смертности детей между 6 и 10 годами или что возраст взрослых в момент смерти не должен был быть высоким. Для установления места этих мадленцев в эволюционном контексте популяций Западной Европы и в частности Испании Мария Долорес Гарральда приводит скудные антропологические остатки: из ориньяка Камарго (исчезнувший черепной свод) и Морин, солютре Ла Риера,

азиля Лос Казарес и эпипалеолита. В общем все они рассматриваются как кроманьоиды sensu lato, исключение делается только для некоторых эпипалеолитических представителей, морфология которых сближается с протосредиземноморцами. Учитывая интер- и интра-вариабельность популяций за весь долгий период М.-Д. Гарральда приходит к выводу, что мадленцы без труда вписываются в эволюционный контекст населения Кантабрии (Garralda, 1992: 68).

Перейдем к рассмотрению памятников кантабрийского верхнего палеолита, обладающих фигуративным искусством, в хронологическом порядке. Естественно, характеристики не являются исчерпывающими, они основаны на доступных мне источниках, значительно более ограниченных, чем французские, в силу многих причин и, прежде всего, отсутствия налаженного обмена специальной литературой.

К *ориньякской эпохе* отнесены 3 предмета, по одному из Орнос де ла Пенья, Салитре и Люменца, столь разнородные, что не дают возможности выявить типичные для эпохи черты.

Орнос де ла Пенья (Сан Феличе де Буэлна, Сантандер) – грот, известный наскальными изображениями. Археологическое местонахождение открыто Э. Алькальде дель Рио в 1903 г. Раскопки производились А. Брейлем, Г. Обермайером, Э. Алькальде дель Рио и Ж. Буиссони в 1909-1910 гг. под эгидой Института Палеонтологии Человека. Результаты известны только частично. Стратиграфия мощностью около 2 м представляет в основании мустьерский слой, затем слой среднего ориньяка, древнего солютре и «древнего» мадлена (Barandiaran, 1973: 132-135). Видимо, ориньякский слой дал обломок лобной кости лошади, на котором сохранилась гравюра задней части животного, скорее всего, лошади, полностью сходная с некоторыми рисунками, выполненными на стенах пещеры (Breuil, Obermaier, 1912, fig. 8; Barandiaran, 1973: lam. 52, 1).Из слоя, который И. Барандиаран обозначил как мадлен IV, происходит фрагмент палочки, на котором выгравирована голова оленя в левый профиль с элементами стилизации (Barandiaran, 1973: lam. 27, 4).

Салитре (Миеро, Сантандер) – грот, открытый и раскопанный в 1903 г. Л. Сиерро. И. Барандиаран отмечает, что нет ни одной статьи, описывающей раскопки и, тем не менее, грот часто упоминается в сводных работах по причине уникальной находки – обломка кости, на котором нанесен красной краской контур передней части благородного оленя. Он был открыт Х. Карбальо, как уточнил Л. Перико, в ориньякском слое. По новой интерпретации – это изображение горного козла (там же: 209-210, lam. 53, 9).

Люменца (Лекейтио, Бискайя). Местонахождение было открыто в 1912 г. Х.М. Барандиараном, раскопки производились, главным образом, в 1925-1926 гг. Т. де Арансади и Х.М. Барандиараном. Последний возобновил исследования в 1963 и 1964 гг. В стратиграфии отмечены следующие слои: F – материал отнесен к типичному ориньяку; E – материал трудно определимый или верхний солютре или мадлен III; D – мадлен V; C – мадлен VI; B – азиль. К слою F относится фрагмент рога с гравировками. На одной стороне представлена голова быка плохого исполнения, на другой стороне – серия линий изображает очень упрощенную фигуру животного. В 1927 г. в слое C – мадлен VI найдена плитка красного гематита с гравировками на обеих сторонах: на одной фигура лошади, на другой – лишь голова лошади на мощной шее (Barandiaran, 1967).

К *граветту* отнесен единственный памятник – **Куэва Морин** (Виллануэва-Виллескуза, Сантандер). Со времени первых раскопок, выполненных в 1918-1920 гг. графом Ла Вега дель Селья и в 1919 г. Х. Карбальо, этот грот рассматривается как одно из классических местонахождений Кантабрийской Испании. В 1966-1969 гг. раскопки на современном уровне были предприняты Х. Гонзалесом Эчегерай и Л. Фриманом (Gonzalez Echegaray, Freeman et al., 1971). Стратиграфия грота включает 22 слоя. В основании лежат мустьерские слои. Выше слой 10 отнесен к нижнему перигору с остриями шательперрон и ле котте. Его дата по радиоуглероду 36 350 лет назад. Слои 9, 8b и 8a характерны для кантабрийского архаичного ориньяка. Слои 7 и 6 имеют роговые наконечники копий с расщепленным основанием. Слой 7 датирован по C^{14} 29 515 и 28 055 лет назад. Найденные в верхней части слоя 5 и в слое 4 острия граветт и фон робер позволяют отнести их к верхнему перигору, т.е. граветту. Дата слоя 5 – 20 710 лет назад. В слое 4 найден плоский камень–отжимник с антропоморфной фигурой (рис. 27; Barandiaran, 1973: lam. 35, 1). Выше лежат тонкий слой солютре, мадлен и азиль (Bernaldo de Quiros et al., 1988). В мадленских слоях изобилуют предметы различного назначения с гравировками геометрического нефигуративного характера. Следует упомянуть также плоскую гальку–отжимник с гравированным контуром животного, скорее всего, семейства кошачьих – единственное произведение граветтской эпохи из знаменитой своими мадленскими шедеврами пещеры **Эль Кастильо** (Barandiaran, 1973: lam. 35, 2).

Вопрос о выделении *солютрейского искусства* очень сложен. С большим или меньшим основанием к нему можно отнести поделку из **Эль-Бучу** (Кангас де Онис, Овьедо, Астурия) – грота, открытого в 1916 г. К. Карденом. Грот хорошо известен своими палеолитическими наскальными

изображениями (Obermaier, Vega del Sella, 1918), отнесенными к стилю IV (Leroi-Gourhan, 1988). Недавнее изучение стратиграфии дало скульптуру – подвеску из клыка пещерного медведя, которая представляет неопределимую птицу. Крылья и голова вырезаны в барельефе и вся фигура адаптируется к естественной форме основы (Menéndez, Olábarri, 1983). Она была найдена в слое 5, не обладавшем достаточным количеством предметов для твердой археологической классификации. Тем не менее, основываясь на орудии солютрейской типологии в слое 7 и однородности остатков во всех раскопанных слоях, авторы исследования склонны отнести к этой эпохе и найденное произведение искусства (Moure-Romanillo, 1985: 115).

Рис. 27. Гравюра антропоморфа на каменном отжимнике. Куэва Морин.

Очень любопытный предмет найден в слое среднего солютре **Эль Пендо** – обломок скульптуры из рога северного оленя – обломок жезла с просверленным отверстием, сломанным посередине, или подвеска-амулет. Его плавные очертания напоминают гармоничную женскую фигуру, откуда происходит условное название «Венера из Эль Пендо» (Barandiaran, 1973: 177, lam. 46, 1; fig. 18).

Исключительно большое значение для понимания проблемы солютре – нижний мадлен имеет Альтамира.

Альтамира (Сантильяна дель Мар, Сантандер) – пещера, знаменитая своими уникальными настенными росписями, раскапывалась, начиная с 1868 г. ее владельцем графом Марселино де Саутуола, частично опубликовавшим найденные предметы (Sautuola, 1880). Э. Арле добавил еще несколько костяных наконечников с линейным орнаментом и два кремневых солютрейских наконечника. Фауна включала большое количество остатков благородного оленя, а также кости лошади, быка, лисицы и редко горного козла (Harlé, 1881). К этим сведениям Э. Картальяк и А. Брейль в своей великолепной монографии (Cartailhac, Breuil, 1906) присоединяют материалы из коллекции М. де ла Педраха, а также описание предметов, переданных в Институт Палеонтологии Человека в Париже М. Ботэном. Особый раздел посвящен раскопкам Альтамиры, произведенным Э. Алькальде дель Рио. Археологическая стоянка расположена почти полностью в непосредственном соседстве с входом. Она занимает вестибюль и первую часть галереи с росписями. Зондажи под обвалами около входа, дали мощный слой культурных остатков, состоящих, главным образом из угля, камней и обожженных костей, но мало кремневых или костяных орудий. По мере проникновения в пещеру отложения содержали меньше остатков очагов и более значительную пропорцию орудий.

Основные исследования были произведены на границе вестибюля и большого зала с фресками. Культурный слой отлагался в пустотах между блоками, упавшими со свода перед приходом человека. Известна трудность стратиграфических наблюдений в подобных условиях, поскольку слой включал серию более или менее прерывистых участков и находился на разных уровнях. Такая ситуация не всегда позволяет определить с уверенностью точный уровень находок. Тем не менее, были установлены два горизонта культурного слоя общей мощностью 0.8-1.2 м. Нижний горизонт толщиной 0.4-0.8 м – более слоистый и насыщенный фрагментами известняка. Тщательно обработанные каменные орудия обильны, отмечены многочисленные солютрейские формы. Костяной инвентарь скуден и не разнообразен, но именно в этом слое и найдены лопатки, гравированные фигурами ланей, умело выполненными тонкими штрихами. Верхний горизонт менее толстый. Заполнение содержало смесь углистых пеплов и обломки известняка. В изобилии представлены морские раковины, главным образом, Patelles и Littorines, но также несколько Pecten и редкие остатки ракообразных. Кости животных очень фрагментарны. Обработка каменных орудий менее тщательная, чем в нижнем горизонте, напротив, изделия из кости и рога северного оленя многочисленны и разнообразны. Найдены также гравюры, нанесенные обычно широкой и глубокой линией, но менее художественные, чем в нижнем горизонте. В обоих горизонтах обильны остатки красной железистой охры, многие фрагменты несут следы

использования. Охра прослеживается и на значительном числе галек, но нет ни одной намеренно окрашенной гальки как в Мас д'Азиль. Остатки черного марганца и желтой железистой охры найдены только в минимальных количествах.

Подробно опубликован каменный инвентарь только нижнего горизонта. Специфические формы свидетельствуют о его солютрейском возрасте. В инвентаре верхнего горизонта особо отмечены мелкие круглые скребки азильского типа, переходящие в крошечные дисковидные формы. Костяной инвентарь описан суммарно. Начиная с нижнего горизонта встречаются крупные заостренные кинжалы из рога оленя, имеются экземпляры длиной до 20 см. Найдены также наконечники с заостренным основанием и два обломка длинного шила, покрытого сериями насечек. Но самое большое число обработанных костей найдено в верхнем горизонте, хотя для многих нельзя обозначить с точностью их уровень. Это удлиненные шилья, палочки из рога оленя с округлым, полукруглым и квадратным сечением, одни с заостренным основанием, другие с одной гранью в основании, очень многочисленные и разнообразные. Верхний горизонт дал серию иголок, часто значительно более грубых и массивных, чем во французском мадлене. Мадленский слой Альтамиры включает многочисленные предметы с геометрическим, обычно прямолинейным орнаментом, несколько фигур, имеющих, по словам Картальяка и Брейля, вырождающийся «дегенеративный» характер и вырезанных глубокой линией. Эта характерная черта – глубокая линия, достаточно постоянна в верхнем слое, но отсутствует в графике нижнего слоя.

В 1924 и 1925 гг. Альтамира изучалась Г. Обермайером, результаты мне неизвестны. Согласно современным представлениям, древность раскопок затрудняет изучение стратиграфии. Принимается, что в основании залегает мустьерский слой, затем идет солютрейский и, наконец, слой, отнесенный к кантабрийскому нижнему мадлену (мадлен III) с просверленными жезлами с наконечниками со сложной орнаментацией. Солютрейский слой содержал классические кремневые наконечники с боковой выемкой. Обломки гравированной лопатки, сходные с гравюрами из Кастильо ставят проблему не были ли в кантабрийском районе верхний солютре и нижний мадлен одновременны в течение интерстадиала ляско. Солютрейский слой дал остатки тюленя, мадленский – благородного оленя и обильные раковины, в частности Patella. Слой нижнего мадлена датирован 15 000 лет назад (Bernaldo de Quiros, Cabrera Valdes, Leroi-Gourhan, 1988). Более точно мадленский слой датирован по радиоуглероду 14 520±260 лет назад (GifA-90047) и 14 480±250 лет назад (GifA-90057); солютрейский слой - 18 540±320 лет назад (GifA-90045) (Bernaldo de Quiros, 1996: 327).

Неоднократно упоминавшиеся фрагменты лопаток оленя с гравированными головами ланей происходят из верхнего уровня солютрейского слоя. Изображения реалистические, вырезанные в легкой, но уверенной манере с помощью последовательной штриховки. Особенно замечательны две из них в левый профиль со штриховкой головы и передней части тела. Первая – в настороженной позе с поднятыми ушами (Barandiaran, 1973: 69, lam. 52, 2); на второй изображены ноги бизона, тело которого в правый профиль уничтожено изломом лопатки (там же: 69-70, lam. 52, 5). У третьей также в левый профиль сохранилась только голова, значительно более детализированная, с миндалевидным глазом и штриховкой поверх затененной площади (там же: 70, lam. 52, 7). Она удивительным образом напоминает головы ланей в технике в технике вырезанного контура.

В мадленском слое привлекает внимание обломок просверленного жезла из рога благородного оленя, на развертке которого различаются две довольно схематичные головы пиренейских серн в левый и правый профиль в перевернутом положении и две задние части неопределимых животных (Cartailhac, Breuil, 1906: 254, fig. 176; Barandiaran, 1973: 79-80, lam. 33, 1). На обломке долота из рога выгравирована голова животного (лани или быка) в правый профиль (Cartailhac, Breuil, 1906: 254, fig. 203, 2; Barandiaran, 1973: 73, lam. 61, 1); на обломке костяного отжимника различается крошечная упрощенная голова животного, напоминающего лань (Barandiaran, 1973: 74, lam. 17, 3); фрагмент ребра с тонкими, но отчетливыми фигурами: слева голова и передняя часть горного козла в правый профиль, справа – странный контур с многочисленными штрихами (там же: 73-74, lam. 47, 8).

Эль Кастильо (Пуэнте Виезго, Сантандер). Грот с наскальными изображениями, составляющий часть ансамбля святилищ горы Кастильо, который включает гроты Лас Чименеас, Ла Пасьега, Лас Монедас. Наскальные росписи и гравюры были открыты в 1903 г. Э. Алькальде дель Рио, фигуры воспроизведены А. Брейлем. Грот длиной около 150 м состоит из галерей, связанных между собой зоной обвала. Вместе с тем, грот представляет одно из классических местонахождений палеолита Западной Европы. Он раскапывался в 1910-1914 гг. отрядом Института Палеонтологии Человека под руководством А. Брейля и Г. Обермайера и послужил основанием для создания относительной хронологии палеолита от ашеля до азиля. Отложения достигали 18-20 м толщины и состояли из 26 единиц, причем некоторые были достаточно толстыми, чтобы показать чередование стерильных прослоек и археологических слоев. Во время этих

работ и особенно в слоях финального верхнего палеолита были обнаружены многочисленные произведения искусства малых форм с изображениями животных, которые вместе со всеми другими полученными данными оставались неизданными. С 1980 г. В. Кабрера-Вальдес произвела пересмотр всех прежних материалов (Cabrera-Valdes, 1984) и предприняла раскопки Эль Кастильо. Над мощными мустьерскими слоями верхний палеолит начинается двумя слоями типичного ориньяка (18 и 16). За ним следуют два слоя верхнего перигора (14 и 12). Слой 14 характеризуется резцами ноай и остриями граветт, а слой 12 – отсутствием остатков благородного оленя. Не уточняется, к которому из этих слоев принадлежит уплощенная сланцевая галька, использованная как отжимник. На одной стороне гальки выгравирован контур животного семейства кошачьих в правый профиль (рис. 28, Barandiaran, 1973: 106, lam. 35, 2). Далее слой 10 относится к солютре. Что касается мадленских слоев 8, 7 и 6, то они свидетельствуют о долгом заселении. Слой 8 дал богатую коллекцию, отнесенную к древней эпохе кантабрийского мадлена (мадлен III). Открытые в нем произведения искусства включены И. Барандиараном в его сводную работу (Barandiaran, 1973), кроме тех, которые исчезли, и тех, ситуация которых была в то время неизвестна. Позже были установлены места находок предметов, хранящихся в Национальном Археологическом Музее Мадрида и в Институте Палеонтологии Человека в Париже. Речь идет особенно о великолепной серии обломков лопаток оленя, гравированных в стиле, совершенно сходном с манерой рисунков на лопатках из Альтамиры. Они были обнаружены во время раскопок 1911 г. и после ряда перемещений и превратностей, скрупулезно описанных М. Альмагро (Almagro, 1976), вернулись в Национальный Археологический Музей, где оставались неопознанными до 1973 г. В коллекцию входят 33 фрагмента, 20 из которых несут гравюры определенных животных, 3 – неопределенных и 10 покрытых линиями или группами линий без известного значения. Что касается сюжетов, то лучше всего представлены благородные олени (и особенно лани), горные козлы и лошади, к которым можно добавить возможное изображение быка. Техника гравюры – линия простая, единичная или повторяющаяся, и внутренняя штриховка. Тем не менее, такая техника свидетельствует о наличии некоторой системы моделирования и внутренней тени, локализованной в особенности на голове и шее. Она встречается как в искусстве малых форм, так и на стенах пещер Астурии и Кантабрии (Alonso Silio, 1982). Характерным примером является голова лани на обломке лопатки в правый профиль, достаточно хорошо детализированная (Barandiaran, 1973: 106-107, lam. 52, 6; Utrilla, 1987, fig. 2, 5).

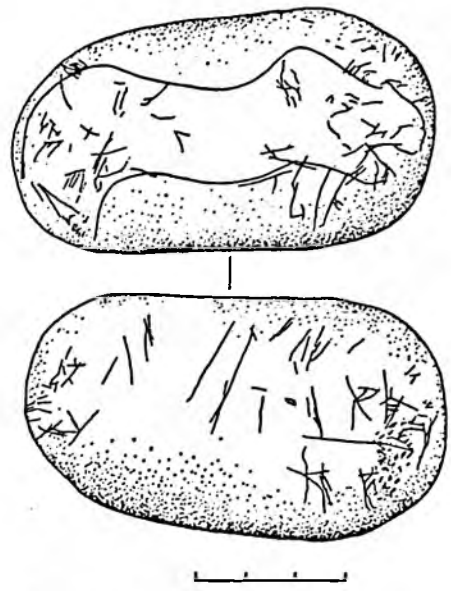

Рис. 28. Гравюра кошачьего на каменном отжимнике. Эль Кастильо.

Во время пересмотра коллекций к мадлену было отнесено долото с гравюрой головы лошади (?) и схематичной рыбой (Cabrera-Valdes, 1983: 368). Из того же слоя происходит плакетка черного известняка с гравированной головой лошади. Она представляет одну условность, очень характерную для кантабрийского палеолитического искусства: грива указана посредством двух линий, которые соответствуют границам шеи и шерсти (Cabrera-Valdes, 1978).

Лежащий выше слой 6 относится к кантабрийскому верхнему мадлену. Из него происходит 18 гарпунов, на одном из которых вырезан контур головы хищника: медведя или волка в левый профиль (Barandiaran, 1973: 108-109, lam. 23, 3) и исключительно важная находка: просверленный жезл из рога благородного оленя, практически целый, на котором остановимся ниже. Упоминается также сланцевая плакетка, гравированная фигурами лошадей. После этого слоя, определенного как мадлен V-VI, стратиграфическая последовательность заканчивается довольно скудными азильскими заселениями (слой 4) (Cabrera-Valdes, Leroi-Gourhan, 1988; см. также Moure-Romanillo, 1985: 117-119).

Эль Юйо (Игольо-Камарго, Сантандер). Палеолитическая стоянка находится в 8 км к западу от Сантандера. Это большая пещера, расположенная на высоте около 60 м над уровнем моря и в 5 км от современной береговой линии. Обвал ее входа около 14 000 лет назад запечатал стоянку, но человек спорадически проникал внутрь до открытия Альфредо Гарсия Лоренцо в 1953 г. Первые раскопки производились в 1955-1957 гг. П. Янсеном,

Х. Гонзалесом Эчегарай и П. Азпейтиа. В 1978 г. работы были возобновлены отрядом под руководством Гонзалеса Эчегерай и Л. Фримана, к которым присоединились И. Барандиаран и Р. Клайн.

Обширная пещера содержала свыше 3 м стратифицированных культурных отложений. 3 верхних слоя – постпалеолитические, 4-й слой и вся нижележащая свита, однообразно обозначены вариантом локального мадлена III – кантабрийского нижнего мадлена. Для слоев 7 и 4 были получены радиоуглеродные даты 14 400±180 и 13 920±240 лет назад соответственно. Эти даты, очевидно приемлемые, являются, тем не менее, более молодыми, чем даты кантабрийского нижнего мадлена в Расканьо и Альтамире (Freeman, Gonzalez Echegaray, 1982). Имеется еще одна дата для уровня VI: 13 350±700 (M-830) и дата 15 300±700 без указания слоя (Utrilla, 1989: 403). Свита отложений в Эль Юйо с обильными материалами: зерна, пыльца, фауна, позволили дать детальные реконструкции палеоклимата и палеоокружающей среды с более тонкими хронологическими подразделениями, чем прежде. Мадленские слои Эль Юйо особенно интересны наличием некоторого числа разнообразных структурных элементов. Так, в слое 4 в 1979 г. обнаружено «святилище» с уникальной свободно стоящей каменной «маской». Камень размерами 35x32x21 см намеренно трансформирован в получеловеческое лицо или «маску» (Gonzalez Echegaray, Freeman, 1981, fig. 2).

В 1982 г. обнаружены три произведения искусства. В слое 4 – контур вырезанный из ребра оленя, представляющий голову лани (Freeman, Gonzalez Echegaray, 1982, fig. 5 и 8; Utrilla, 1987, fig. 2, 6). Из слоя 8 происходят гравировки на маленьких фрагментах лопатки оленя с неполным изображением лошади (Freeman, Gonzalez Echegaray, 1982, fig. 1 и 6) и с головой лани (там же, fig. 2-4). Кроме того, И. Барандиаран опубликовал происходящий из слоя 4 фрагмент палочки с прямоугольным сечением, на котором выгравирована «трудная для прочтения фигура лошади» (Barandiaran, 1973: lam. 26, 6).

Открытие двух гравированных фрагментов лопаток позволяет отнести Эль Юйо к группе стоянок кантабрийского финального солютре/нижнего мадлена, которые имеют произведения искусства, сходные по стилю, теме, выбору материала и технике исполнения: Альтамира, Кастильо, Эль Сиерро и Расканьо. Они четко входят в кантабрийский нижне-мадленский контекст. Этого нельзя сказать о вырезанном контуре. По сюжету и стилю это изделие хорошо соответствует кантабрийским нижне-мадленским художественным произведениям, но по технике исполнения стоит далеко в стороне. Насколько известно, вырезанный контур не был отмечен прежде в более ранних слоях, чем мадлен IV (средний мадлен). Голова, вырезанная в этой технике в Эль Юйо не типична для подобных предметов из мадлена IV. Около двух десятков (и много больше, учитывая Лабастид, З.А.) таких изделий, происходят, главным образом, из стоянок во французских Пиренеях. По крайней мере, 90 % из них изображают головы лошадей и среди них, насколько известно, нет ни одного контура головы самки оленя. Головка из Эль Юйо тематически и стилистически принадлежит к художественной среде кантабрийского нижнего мадлена, к которому может быть определенно отнесена ассоциированная серия артефактов из «святилища» слоя 4, вопреки поздней радиоуглеродной дате. Что касается техники исполнения, то она заимствует элементы художественных традиций и мадлена III и мадлена IV и может занимать переходное место между ними (Freeman, Gonzalez Echegaray, 1982: 166).

Расканьо (Миронес-Миера, Сантандер) – грот, расположенный в узкой долине на правом берегу р. Миера, точно напротив маленькой деревушки Миронес. Этот район насыщен палеолитическими памятниками. Грот открыт и частично раскопан Ж. Карбалью в 1912 г., затем Л. Сиерра и Г. Обермайером в 1913 г. Только в 1974 г. Х. Гонзалес Эчегарай и И. Барандиаран начали исследование на современном уровне (Gonzalez Echegaray, Barandiaran et al., 1981). Раскопки производились в глубине вестибюля, там, где начинается галерея. Естановлена ясная и полная серия всего кантабрийского мадлена. Снаружи, где были заложены раскопки в начале XX в., был поставлен более глубокий зондаж, засвидетельствоваший, что пещера была заселена раньше верхнего палеолита (Gonzalez Echegaray, 1979).

Что касается мадленских отложений, то слой 5 представляет самый древний этап кантабрийского нижнего мадлена. Слой 6 дает хороший пример французского мадлена III. Эта индустрия уже встречалась в других местонахождениях региона, но в Расканьо хорошо увязываются и его характер и стратиграфическое положение. Инвентарь имеет близкие аналогии с инвентарем соответствующего слоя Эль Юйо. Слой 7 представляет период, мало известный, мало изученный в регионе, но в теоретическом плане близкий инвентарю французского мадлена VI. Видимо, речь идет о переходе от кантабрийского нижнего мадлена к верхнему мадлену, который теоретически может быть эквивалентом французского мадлена VI. До открытия этого слоя в Расканьо данная эпоха была плохо представлена и ее наличие в кантабрийской зоне казалось проблематичным. В слое 8 обнаружен достаточно богатый инвентарь. В нижнем горизонте найдены гарпуны с одним рядом зубцов, наконечники с подквадратным сечением и несколько гравированных костей. В верхнем горизонте также имеются

гарпуны с одним рядом зубцов, наконечники, в том числе один богато орнаментированный и т.д. Каменный инвентарь обычен для кантабрийского верхнего мадлена. В слое 9 представлен бедный каменный инвентарь с микролитами.

Палинологический анализ показал, что очень архаичный мадлен III слоя 5 одновременен умеренному периоду, в течение которого древесная пыльца не превышала 17 %, но наряду с сильвестровой сосной, дерева, преобладающего во всей секвенции, наличие орешника, можжевельника, ольхи подтверждает влажность. Об этом же свидетельствуют папоротники и злаковые. Можно предположить, что это конец интерстадиала ляско. Затем появляется холодный и сухой климат, особенно отмеченный в середине мадлена III и в начале мадлена VI с почти полным исчезновением деревьев и папоротников. Отмечены две слабые осцилляции. Первая, еле заметная в конце мадлена III в Кова Роза, стоянке в Астурии, раскопанной Ф. Хорда Серда. Климатическое улучшение отмечено здесь одновременным поднятием процентов деревьев, злаковых и папоротников. Вторая умеренная осцилляция располагается во времена мадлена VI, когда теплолюбивые орешник и дуб появляются вновь. Климатический хиатус мешает измерить интенсивность и продолжительность этого климатического улучшения, которое может быть бёллингом (Boyer-Klein, 1980). О фауне сказано лишь, что в нижнем мадлене она показывает интенсивную охоту на животных из подсемейства козлиных. В слое 6 отмечено огромное нагромождение костей горного козла.

Что касается радиоуглеродных датировок, то три горизонта, отнесенные к кантабрийскому нижнему мадлену, последовательно датированы 16 433, 15 188 и 15 173 лет назад. Выше лежит слой верхнего мадлена, датированный между 12 898 и 12 282 лет назад. Наконец, стратиграфическая последовательность заканчивается азильским слоем, датированным 10 558 и 10 486 лет назад, что соответствует дриасу III (Bernaldo de Quiros, Cabrera Valdes, 1988a).

Согласно заключению Гонзалеса Эчегарай, грот Расканьо представляет собой лагерь или сезонную охотничью стоянку в горах при наличии постоянного поселения в другом месте. Об этом свидетельствует редкость необработанных отщепов и отбросов производства по отношению к обилию орудий. Многочисленные следы работы на рогах благородного оленя сведены к подготовке для переноса их в поселение (Gonzalez Echegaray, 1979). Об этом говорит, видимо, и редкость произведений искусства. И. Барандиаран опубликовал два предмета из слоя мадлена VI старых раскопок: отросток, возможно, просверленного жезла, увенчанный скульптурной головкой молодого горного козла (рис. 29), и гарпун с одним рядом зубцов с гравюрой этого животного (Barandiaran, 1973, lam. 32, 2 и 23, 1). Из недавних раскопок воспроизведен фрагмент лопатки, гравированный задней половиной тела животного (бизона?). Хотя этот предмет был открыт вне зоны раскопок, опираясь на его характерные особенности считают возможным отнести его к нижнему мадлену (Utrilla, 1987, fig. 2, 8).

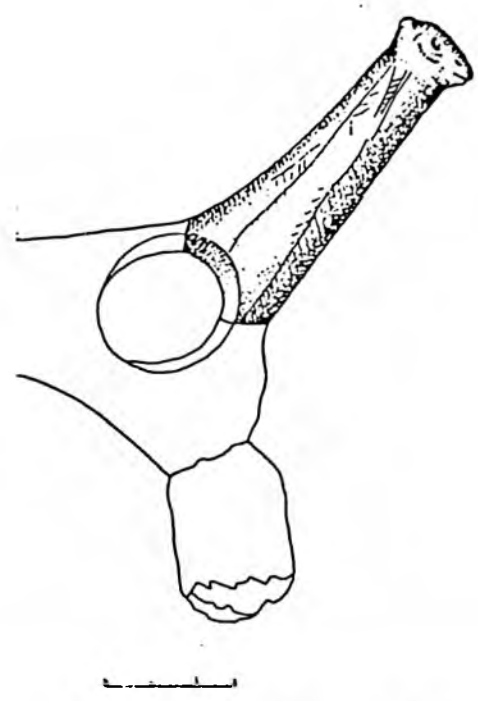

Рис. 29. Скульптурная голова козленка (?) на обломке просверленного жезла. Расканьо.

Грот **Эль Сиерро** (Рибадезилья, Астурия) находится в 3 км от Тито Бустийо. Первые разведочные работы были произведены в 1958-1959 гг. Ф. Хорда Серда и Х.А. Альваресом, продолженные в 1976 г. В 1976 г. Пилар Утрийя опубликовала стратиграфию грота, как синтез различных публикаций и материалов, хранящихся в Археологическом Музее Овьедо. Отмечены ориньякские, солютрейские и мадленские слои и наличие многих произведений искусства малых форм, «очень важных по их содержанию и их связи с наскальными изображениями зоны» (Balbin Behrmann, Alcolea et al., 2000: 386). В гроте отмечены следы краски на стенах и потолке. Грот имеет дату 8 762±575 лет до н. э. (GAK-2548). Единственное доступное мне произведение искусства с фигуративными мотивами – это левая лопатка благородного оленя, открытая в слое III нижнего мадлена. На одном фасе выгравированы две головы ланей с внутренним заполнением головы и передней части шеи по той же системе, что и на подобных предметах из Альтамиры и Эль Кастильо (Gomez-Fuentes, Becarez-Pérez, 1979).

Болинкоба (Абадиано, Бискайя) – грот, от-

крытый в 1931 г. Х.М. Барандиараном и раскапывавшийся им и П. Аранзади в 1932-1933 г., содержал следующую секвенцию верхнего палеолита. В основании слой F отнесен к верхнему перигору с резцами ноай и костяными наконечниками типа истюриц. Слой E может быть солютрейским без лавролистных наконечников и наконечников с боковой выемкой, а выше лежащий слой D содержит эти формы. Он перекрыт мадленским слоем C, богатым пластинками и пластинками с притупленной спинкой, а также резцами. Отсутствие характерных костяных орудий не позволяет уточнить уровень этого мадлена. Последовательность заканчивается тонким азильским слоем (Bernaldo de Quiros, Cabrera Valdes, 1988б). И. Барандиаран относит слой C к мадлену III и соответственно таким образом датирует происходящую из этого слоя уплощенную гальку, использованную в качестве отжимника. На поверхности гальки тонко прорезаны фигуры двух козлов, следующих один за другим в левый профиль. Левая фигура с опущенной головой и падающей линией спины не закончена. Правая фигура с четко детализированной головой более массивная и снабжена передней ногой. Обе имеют длинные извилистые рога (Barandiaran, 1973: 97, lam. 36, 4; 1984, fig. 1). В последней работе публикуется и рисунок другой стороны, на которой изображены линия спины и рога, скорее всего, также горного козла.

Энтрефосес (долина р. Налон, Астурия) – большой навес, где в террасовых отложениях недавние раскопки М. Гонзалеса Моралеса открыли стратиграфическую серию, образованную слоями E – A (Gonzalez Morales in Fortea, Corchon et al., 1987). Слой E дал материалы относительно архаичного нижнего мадлена, в то время как остальные отнесены к нижнему мадлену. В слое B, датированном по радиоуглероду 14 690±200 лет назад (Ly-2937) найдены замечательные произведения искусства: человеческая голова из желвака серо-красного кварцита размерами 12.4x8.4x6.85 см и просверленный жезл из рога оленя, на проксимальном конце которого вырезана скульптурная голова неопределимого животного (Fortea et al., 1990, fig. 1 et 2; Fortea Perez, 1996).

Имеются краткие сведения о гроте **Ла Гюэльга**, расположенного в большой известняковой скале с навесом перед входом. В навесе установлено 6 культурных слоев, получивших нумерацию снизу вверх (Fortea Perez, 1996). В слое 1 найден бифасиальный солютрейский наконечник с вогнутым основанием. Слой 2 очень беден находками. В слое 3 среди каменных 86 изделий обнаружен солютрейский наконечник с вогнутым основанием, острие типа шательперрон, но в целом каменный инвентарь отнесен к кантабрийскому нижнему мадлену. Основание этого слоя датировано по радиоуглероду 14 020±130 лет назад (GrN-18255). Из слоя происходит подвеска из подъязычной кости с нарезками и большая берцовая кость с тремя гравированными ланями. Эти гравюры имеют значительные различия со стереотипами, представленными на лопатках из Альтамиры и Эль Кастильо.

С последним памятником мы переходим к долине р. Налон, где недавно открытые и широко исследуемые такие стоянки как навес Ла Винья и грот Лас Кальдас впервые определенно характеризуют искусство среднего мадлена.

Ла Винья (Мансанеда, Астурия). Раскопки в навесе под скалами составляют часть выполнения проекта исследований в среднем течении р. Налон, проводимом Департаментом Доистории Университета г. Овьедо (Fortea, 1981). Навес имеет более 30 м длины. Общая последовательность слоев представляет: 1. голоценовый макролитический материал; 2. верхний мадлен; 3. средний мадлен с contours découpés головы лошади, кружком и замечательной коллекцией гравированных плакеток; 4. верхний солютре с наконечниками с боковой выемкой и вогнутым основанием; 5. «средний» солютре с многочисленными лавролистными наконечниками, некоторые изготовлены из горного хрусталя; 6. финальный граветт с микропластинчатым инвентарем; 7. несколько слоев граветта/верхнего перигора с резцами ноай – примечательный факт, поскольку граветт практически не был известен на западе Кантабрии; 8. несколько ориньякских слоев, в последнем XIII слое найден роговой наконечник копья с расщепленным основанием, украшенный вырезами на обеих фасах. Этот слой получил по радиоуглероду неожиданную дату в 19 930±220 лет назад (Lyon/OxA-4092), а слой IX – граветт с резцами ноай также значительно омоложенный возраст – 16 490±250 лет назад (Lyon 49/OxA) (Fortea Pérez, 1996).

Пункту 3 этой общей стратиграфии, очевидно, соответствует слой IV в более ранней работе (Fortea et al., 1987) с более подробным описанием. Слой IV максимальной мощностью 25-30 см перекрывает слой V верхнего солютре после очень влажной фазы, в течение которой эрозия глубоко выражена в верхней части последнего. Стратиграфия взята из поперечного разреза, реализованного в центральном секторе навеса. От основания до вершины она включает: слой V солютре, мощность 30-35 см; слои V и IV разделены значительным эрозионным несогласием; слой IV – средний мадлен, вариабельная мощность 15 см в среднем; слой III – мадлен, мощность 13-18 см.

Эрозия, наблюдаемая между слоями IV и V, соответствует возрастанию приноса водой ручья и дождя отложений, которые следует интерпретировать в связи с другими слоями, как возрастание влажности климата. Этот значительный климатиче-

ский фактор хорошо представлен и в других местонахождениях кантабрийского карниза: Расканьо, Ла Палома, Эль Юйо и т.д. Он совпадает с интерстадиалом англь и фазой кантабрийского вюрма IV. Указанное положение уточняется следующим образом: - это фаза, которая располагается под датировками, полученными для вышележащих слоев, и над отложениями, не представленными по причине эрозии, которой они были подвергнуты, но они соответствовали бы холодной фазе позже интерстадиала ляско. Следовательно, эта фаза может быть эквивалентна пребёллингу или англь. При современном уровне знаний можно сказать, что из этих двух интерстадиалов один кажется отчетливо представленным в кантабрийском регионе и что радиоуглеродные даты совпадают с датами интерстадиала англь. Характерные климатические черты менее суровые и более влажные, чем в предшествующую фазу, устанавливаются в верхней части слоя IV. Климат рассматривается как свежий и очень влажный. Интенсивность и продолжительность морозов значительно уменьшается. Эта фаза может располагаться в интерстадиале бёллинг. Предварительные результаты палинологического анализа показывают открытый пейзаж с редкими деревьями. Самые высокие проценты древесной пыльцы принадлежат ели, затем следует орешник и дуб, в малых количествах ольха, вяз, береза, липа, падуб (остролист) и кипарисовые. Преобладающие травянистые – сложноцветные, злаковые, подорожник, маревые, крестоцветные, полынь и т.д. В целом, 8 полученных спектров довольно однородны и кажутся принадлежащими к периоду относительно холодному, хотя климатические условия не были столь суровыми, чтобы исключить такие лиственные как липа, вяз или падуб, возможно, укрывавшихся в защищенных зонах. Данные микрофауны не противоречат полученным результатам. Макрофауна еще в процессе изучения.

В каменном инвентаре слоя IV высок процент орудий на пластинках, главным образом пластинок с притупленной спинкой, имеются тронкированные и зубчатые пластинки, а также разносторонние треугольники. Костяной инвентарь включает многочисленные наконечники с расщепленным основанием, реже с двойной гранью в основании; палочки с полукруглым или прямоугольным сечением и геометрическим декором на внешней стороне; шилья, иглы и т.д. Примитивные гарпуны и протогарпуны появляются только в верхней части слоя IV, точно перед слоем III. Среди произведений искусства встречены гравюры на необработанной костяной основе и на каменных плакетках. В слое IVc найдены вырезанные по контуру предметы, которые представляют первые экземпляры этого типа на Кантабрийском побережье. Это изображение рыбы и характерные головы лошадей: две классические, в то время как предмет, который первоначально должен был изображать тот же сюжет, имеет древний излом, возможно, побудивший мастера вырезать голову лани (Fortea Pérez, 1983). Один камень и 7 каменных плакеток гравированы фигурами лошадей. В слое IVa найдено изображение ночного хищника (обычной или лесной совы) в виде дифференцированного рельефа на роге оленя (Fortea, 1983: 34-35). Этот слой предварительно отнесен к мадлену IV с протогарпунами (Moure Romanillo, 1985: 114). По утверждению Х. Фортеа и его соавторов, Ла Винья, как и Лас Кальдас, могут войти в развитой кантабро-пиренейский средний мадлен, скорее даже его позднюю фазу. Название – комплекс с первоначальными гарпунами начальной или пиренейской фации (Fortea et al., 1987: 17).

Грот **Лас Кальдас** (Сан Хуан де Приорио) исследуется с 1972 г. Соледад Корчон (Corchon, 1991-1992). В зале II секвенция была распределена на несколько стратиграфических единств. Финальное единство (слои III-II-I) отнесено к мадлену верхнему (финальному по каменному и костяному инвентарю). Верхнее единство разделено на две части: верхняя (уровни I-III) классифицируется как мадлен средний, развитой или поздний, с обильным инвентарем, в котором следует подчеркнуть наличие протогарпунов и один гарпун в уровне III; нижняя (уровни IV-V) также отнесена к мадлену среднему позднему, но обнаруживает различие в каменном инвентаре и большее разнообразие и развитие в костяном инвентаре. Нижнее единство (уровни VI-IX) обозначено как мадлен средний классический. Кроме обилия каменного инвентаря и хорошо сохранившейся фауны, отмечен богатый костяной инвентарь с различными типами наконечников. Из уровня VII происходит и большая часть произведений искусства. Уровень X представлен стерильными водными отложениями, уровни XI-XII относятся к нижнему мадлену баскской фации (Fortea Perez, 1996). Ниже лежат солютрейские слои (Bernaldo de Quiros, Cabrera Valdes, 1988в).

В совместном докладе испанских ученых на Международном Коллоквиуме, посвященном искусству малых форм, дана несколько иная стратиграфия мадлена (Fortea et al., 1987). В седиментационной последовательности различаются 4 уровня (снизу вверх): IV – видимая мощность 20-25 см, соответствует археологическому слою X и состоит из зеленых песчанистых илов с несколькими стерильными более песчанистыми линзами; III – мощность 80-90 см, средний мадлен, соответствующий археологическим слоям VI-IX. Это отложение находится в эрозионном несогласии с предшествующими седиментами; II – мощность 18-20 см, мадлен средний развитый (археологи-

ческие слои V и IV), состоящий из каштановых и зеленоватых глин, включающих булыжники с немного более выветрелой поверхностью, чем в предшествующих слоях. Стратификация массивная, слой деформирован. Перед отложением слоя IV произошла частичная эрозия слоя V во внутренней зоне грота; I – мощность 25-30 см, отложения булыжников и угловатых известняковых блоков; блоки мелких размеров преобладают в восточной части. С седиментационной точки зрения характерные черты этого единства аналогичны чертам единства II. Реактивация подземной циркуляции воды в последовательности IV должна соответствовать этапу возрастающей влажности. Зафиксировать хронологическое положение этого этапа при наличии хиатуса между слоями X и IX трудно. Что касается влажности, то она немного более значительна в основании и в верхней последовательности III; но более слабая, чем в предшествующей климатической фазе.

Слой VI может быть рассмотрен как переход к условиям менее холодным и более влажным. В хронологическом плане этот этап должен располагаться в холодной фазе дриаса, который заключен между интерстадиалами англь и бёллинг, учитывая, что здесь как и во многих других местонахождениях кантабрийского побережья, пре-бёллинг не улавливается. Климатические характерные черты, менее суровые и более влажные, чем в предшествующей фазе, соответствуют последовательности II (как и верхней части слоя IV Ла Винья). Климат может быть определен как свежий и очень влажный. С хронологической точки зрения эта фаза может располагаться в интерстадиале бёллинг. Результаты палинологических анализов смотри в описании Ла Винья.

В согласии с седиментами каменный и костяной инвентарь мадленских слоев подразделяется на два единства. Верхнее (слои I-V) содержит пластинчатую индустрию небольших размеров (±3 см). Очень высока граветтская группа из-за обилия пластинок с притупленной спинкой и пластинок дюфур, а также усеченных и микрограветт. Нижнее единство (слои VI-IX) показывает некоторые специфические черты внутри технического и стилистического родства, которое существует между всеми мадленскими слоями Лас Кальдас. Каменная индустрия более крупных размеров (длина 5 см), но пластинки более разнообразны, встречаются зубчатые и редкие разносторонние треугольники. В костяном инвентаре верхнего единства наиболее частый тип – цилиндрический наконечник с двойной гранью в основании. Имеются наконечники с четырехугольным или треугольным сечением с коническим или пирамидальным основанием. Также многочисленны расщепленные наконечники, полукруглые палочки с геометрическим орнаментом. Встречаются протогарпуны различных типов с намеченными зубцами на одной или обеих сторонах и редкие гарпуны с овальным сечением и одним рядом зубцов. В нижнем единстве к упомянутым наконечникам присоединяются мощные орудия с овальным сечением и заостренным основанием, часто украшенные линейными мотивами. Эти изделия напоминают региональные типы позднего нижнего мадлена в Куэто де ла Мина или Ла Палома. Расщепленные наконечники дают большое разнообразие форм и размеров. Вместе с полукруглыми встречаются палочки с прямоугольным сечением. Имеются различные протогарпуны, возможно, копьеметалки. Радиоуглеродные даты дают следующую картину: мадлен средний, развитой или поздний – слой III – 13 400±150 лет назад (Ly-2427); мадлен средний – слой VII: 12 860±160 лет назад (Ly-3318) и слой VIII – 13 310±200 лет назад (Ly-2936); мадлен нижний – слой X – 13 755±120 лет назад (Ly-2734), слой XII – 14 495±190 лет назад (Ly-2735), слой XII – 14 835±130 лет назад (Ly-4300), слой XIII – 15 165±160 лет назад (Ly-4301): солютре – 17 380±215 лет назад (Ly-4302). Приводятся аргументы, что даты слоев XI и XII омоложены (Fortea Perez, 1996: 334).

Что касается произведений искусства, то два единства в Лас Кальдас показывают также определенные различия стиля (изображения динамичные и упрощенные в верхнем единстве противостоят натуралистическим сюжетам в нижнем), различия в частоте встречаемости сюжетов, предпочтительно выбранных (как бизоны, антропоморфы и рыбы, характерные для нижнего слоя), различия в технике (техника, связанная с непосредственной передачей объема как рельефы, скульптура, вырезание и моделирование) концентрируется в нижнем единстве, которое по стилю, сюжетам и техническим приемам представляет достаточную параллель со слоем VI Ла Винья. Авторы делят произведения искусства на две группы: одна на необработанной или мало подготовленной основе, другая – на предметах определенной формы. В первую группу входят многочисленные гравюры на обломках кости и каменных плакетках. В верхнем единстве фигура животного на костяной основе представляет мощный и упрощенный стиль, в котором условные анатомические зоны обычно не указываются; гривы просто предполагаются короткими параллельными линиями в виде дуги круга и конечности передаются в виде набросков двумя иногда сходящимися линиями. Примером могут служить две лошади, гравированные на тазовой кости из слоя V. Представленные сюжеты – это лошади, козлы, олени или изолированные или находящиеся рядом в бинарной ассоциации. Этот стиль и этот тип ассоциаций встречается и в нижнем единстве и в слое IV Ла Винья. Но стиль наиболее характерный

отмечен в нижнем единстве. Это сложный стиль, в котором внутренняя часть фигур моделирована посредством серий параллельных штрихов, которые отмечают волосы гривы, бороды, подгрудка и т.д. или ограничивают условно определенные анатомические зоны. Одним из самых замечательных примеров, является обломок подъязычной кости из слоя VII, тонко гравированный на каждом фасе головой бизона.

Гравированные каменные плакетки обильны в слоях VII и VIII. В техническом плане один и тот же предмет может комбинировать обычную и тонкую непрерывную или прерывистую линию с штриховой линией. Наряду с изолированными сюжетами встречаются очень запутанные композиции, в которых с трудом различаются фигуры животных или одного вида или двух разных видов. Довольно часто встречаются множественные контуры. Натуралистические сюжеты нередко соседствуют с более схематическими. По общему правилу, сюжеты покрывают все доступное поле. На более выработанных основах представлена по существу техника дифференцированного рельефа, барельефа, как одного из видов скульптуры и самой скульптуры. Одним из лучших примеров служит рельеф на палочке из рога оленя, происходящий из слоя IXc. Палочка с прямоугольным сечением и заглаженными ребрами размерами 17.3x1.2x1.3 см несет рельеф высотой 2 мм по отношению к окружающему полю, изображающий часть головы лошади. Что касается скульптуры, надо упомянуть человеческое изображение с зооморфными чертами, так называемую «Венеру из Лас Кальдас», моделированную в рельефе и вырезанную из рога благородного оленя. Она происходит из слоя VII около основания мадленских отложений.

В целом, искусство Лас Кальдас и Ла Винья принадлежит к среднему мадлену, который в точном смысле практически не был известен в Кантабрийском районе. Слои I - IX Лас Кальдас и слой IV Ла Винья покрывают длинный период непосредственно после интерстадиала англь (Лас Кальдас, слой IXc): холодная фаза верхнего древнего дриаса (Ла Винья, слой IV нижний; Лас Кальдас, слои IXa-b, VIII и VII) и бёллинг (Ла Винья, слой IV верхний, Лас Кальдас, слои VI и V). Последовательность продолжается в холодную фазу дриаса (Ла Винья, слой III; Лас Кальдас, слои III – I). Абсолютная хронология двух мадленских секвенций помещает их в центр пиренейского среднего мадлена и его вторую половину, если учитывать даты вокруг 14 300 лет назад, которые отмечают его нижнюю границу в пиренейских пещерах.

Эрмиттия (Деба, Гуипускоа) – грот, раскопанный Х.М. Барандиараном в 1924-1926 гг. Стратиграфия включает в основании слои солютре, возможно, верхнего, мадлена III – IV и верхне-финального, перекрытого азильским слоем. Из слоя среднего мадлена происходит фрагмент небольшой гальки из темно-зеленого шифера со следами использования в качестве отжимника. На одной стороне тонкой линией выгравирована фигура лошади в правый профиль. Хорошо передан контур тела с отсутствующей головой и сдвоенными ногами. Три косые линии пересекают седловидную спину. На другой стороне видна менее отчетливая фигура, возможно, также лошади в левый профиль (Barandiaran, 1973: 129, lam. 36, 2).

Бальмори (Льянес, Овьедо) – пещера, известная с древности. В 1903 г. ее посетил Э. Алькальде дель Рио, установивший наличие палеолитической фауны. Раскопки проведенные Ла Вега дель Селья с участием Г. Обермайера в 1917-1918 гг., выявили последовательность: финальный солютре, «древний» мадлен, мадлен III или IV, азиль с элементами финального мадлена и астурийская культура. Из произведений фигуративного искусства отмечены гравюра головы животного, возможно горного козла в правый профиль на обломке лопатки или ребра, отнесенная к мадлену III или IV (там же: 86-87, lam. 47, 4); гравюра животного без головы в левый профиль на закругленном конце гальки со следами использования в качестве отбойника или отжимника. На теле животного нанесены две глубокие параллельные косые нарезки. Вега дель Селья отнес этот предмет к азилю или финальному мадлену (там же: 69, lam. 55, 10) и наконец, замечательная реалистическая фигура быка в левый профиль на необычной основе – обломке панциря крупной черепахи. Вега дель Селья помещает этот предмет в эпоху соединения мадлена и азиля, С. Корчон – в астурийский средний мадлен (там же: 89-90, lam. 45, 6).

Тито Бустийо (Рибадезилья, Овьедо) – грот с наскальными изображениями открыт в 1966 г., Первоначально он был отнесен к гроту-близнецу Эль Рамю, но получил название Тито Бустийо в память погибшего здесь члена спелеологической группы Торребланка, обнаружившего эту полость. Грот является частью той же карстовой сети, что и Эль Рамю и Ла Льозетта, представляющей один из наиболее важных ансамблей среди испанских памятников с настенным искусством. Первые археологические зондажи были поставлены в 1970 г. М.А. Гарсиа Гинеа, который раскопал небольшие отложения у подножия главного ансамбля с полихромными росписями и два участка во входе в пещеру (Garcia Guinea, 1975).

Начиная с 1972 г. грот стал объектом систематических исследований как стоянки (Moure Romanillo, 1975б, 1979а, б; Moure Romanillo, Cano-Herrera, 1976, 1978, 1979), так и наскальных изображений. Археологический материал и произведения искусства малых форм происходят, глав-

ным образом, из стоянки, расположенной во входе в грот, который можно рассматривать как зону обитания, но культурные остатки находятся также под главным панно с полихромными росписями. Существовала связь между этой зоной и слоем 1 во входной части, где открыты два стратиграфических комплекса: первый классифицирован как верхний мадлен и подразделен на несколько горизонтов: 1a, 1b, 1bc, 1c. Горизонты 1a и 1b являются соответственно поверхностью и заполнением уровня заселения, замощенного камнями, с очагами in situ, обильными фаунистическими остатками и инвентарем. Горизонт 1c – интенсивно черный с обильным органическим материалом, заполняющим углубления в нижнем слое (Moure Romanillo, 1979a).

В более поздней работе Х.-А. Моуре-Романийо дает другое более дробное расчленение горизонтов слоя 1: 1a, 1b, 1c1, 1c2, 1c3 и 1c4 (Moure Romanillo, 1985: 102). Хотя все горизонты принадлежат к верхнему мадлену с гарпунами с одним рядом зубцов, отмечаются мелкие различия, которые позволили установить две однородные группы: верхний комплекс: 1a – 1c1 и нижний комплекс: 1c2 – 1c4. Эта серия кажется соответствующей хронологически тому что считалось древним или первоначальным этапом верхнего мадлена со всеми нюансами, которые могут дать обычную хронологическую модель. Вся серия представляет высокий процент резцов, широко преобладающих над скребками и пластинками с притупленной спинкой. Тем не менее, хотя археологическая классификация будет одной и той же и в обоих комплексах найдены гарпуны с одним рядом зубцов, улавливаются мелкие различия между ними, как в каменном, так и костяном инвентаре. В обоих случаях индекс резцов выше индекса скребков, это различие более подчеркнуто в верхнем комплексе. Возрастание скребков в абсолютном исчислении отмечено от более древних к более поздним горизонтам и вследствие этого уменьшается количество пластинок с притупленной спинкой. В костяном инвентаре везде найдены наконечники с округлым или овальным сечением, так же как и полукруглые палочки. Наконечники с четырехугольным сечением возрастают в верхних горизонтах за счет наконечников с треугольным сечением. Возрастают заостренные основания и уменьшаются основания, имеющие грани.

Как фаунистический состав, так и пыльцевые диаграммы указывают на суровый климат. Абсолютные датировки ставят проблему, поскольку два из образцов нижнего комплекса дали даты более поздние, чем даты верхнего комплекса (Bernaldo de Quiros, Moure Romanillo, 1978: 23). Моуре Романийо склоняется к признанию последовательной серии образцов угля: 14 250 и 14 350 лет назад для горизонта 1a; 14 930±70 лет назад для 1c2. Если принять эти даты, будет очевидной непрерывность заселения, но тогда возникает новая проблема о причине совпадения этих дат с хронологией стоянок, помещенных в нижний средний мадлен как Расканьо, Эль Юйо, Альтамира, Ла Винья и др. Возможно следует искать объяснение скорее во внутренней вариабельности кантабрийского мадлена, чем в традиционной тенденции основываться на шкале однолинейного характера. Следует отметить совпадение между этими датами по углю из горизонта 1a и датами, полученными по радиоуглероду и палеомагнетизму из зон под наскальными росписями (Moure Romanillo, 1975a: 79-80).

Все горизонты слоя 1 особенно богаты костяным инвентарем и произведениями искусства, хотя все анималистические фигуры и антропоморфные стилизации происходят из верхнего комплекса (рис. 30). Это серия плакеток с фигурами животных, гравированные костяные лопаточки и круглая скульптура, которая изображает голову горного козла (Moure Romanillo, 1979б, 1982a, 1983, 1985). Наряду с реалистическими фигурами, находятся полу-натуралистические, полу-схематические образы, как, например, на долоте с вереницей возможных изображений рыб (Moure Romanillo, 1975б: 64-66, fig. 33) или изображением женщины (Moure Romanillo, 1984). Всего в слое 1b найдено 83 плакетки из песчаника и сланца, которые по большей части концентрировались на площади 5 м² вокруг продолговатой ямы, в глубине которой найдено стилизованное женское изображение. На 25 плакетках представлен идентифицируемый тип декора, 12 изображают неопределенных животных в виде целых фигур или их частей, остальные покрыты простыми нарезками. В коллекции можно установить, по крайней мере, три случая использования фрагментов: плакетки гравировались прежде излома, позже излома или они имеют гравюры намеренно неполные. Основная часть фрагментов с изображениями животных (плакетки 8, 10, 13, 32, 50, 62) принадлежит к первой группе, так как изображения резко прерывались на краю излома. Напротив, на двух фасах плакетки 11 выгравированы соответственно головы лошади и северного оленя, которые полностью занимают доступное поле и вписываются в неправильную форму фрагмента. Нет никаких оснований считать, что такое совпадение случайно. Очевидно, в этом случае гравюры были выполнены после излома плакетки или на плитке естественной формы, в момент когда она была подобрана.

Можно упомянуть еще ряд памятников верхнего мадлена, таких как Экаин, Оскура де Аниа, Льонин, Коллюбиль, Аицбитарте IV, Куэто де ла Мина.

Экаин (Дева, Гуипускоа) – грот, известный своими наскальными изображениями, располо-

жен на восточном склоне холма Экаин. Только передняя часть грота была известна, когда в 1969 г. С. Альбицурри и Р.Рецебаль открыли подземную водную сеть и настенное искусство. Археологические отложения находятся при входе в пещеру и в маленькой (2 х 13 м) боковой галерее. Первоначально раскопки производились между 1969 и 1975 гг. И. Барандиараном и Х. Альтуной (Barandiaran, Altuna, 1977). В дальнейшем изучении материалов приняли участие специалисты различных дисциплин (Altuna, 1984, 1997).

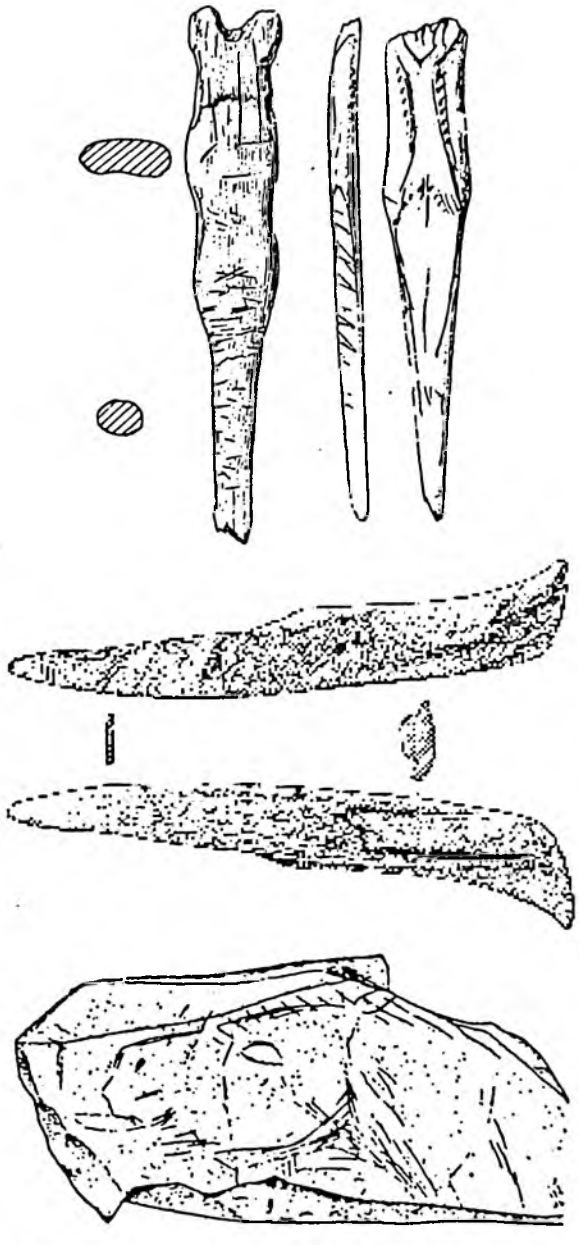

Рис. 30. Скульптуры и гравюры. Рог и камень. Тито Бустийо.

Пещера расположена при слиянии двух долин в 8 км от современного берега Бискайского залива. Стратиграфия общей мощностью 5 м включает 12 слоев. По описанию Альтуны, базальные слои 12 и 11 стерильны, слой 10 богат остатками пещерного медведя и содержит несколько вероятных шатель-перронских кремней. Слой 9 также с обильными костями пещерного медведя включает кости серны и немногие артефакты, возможно ориньякские. Слой 8, отложенный, кажется, в течение интерстадиала вюрм III/IV, не имеет остатков пещерного медведя. Вместе с костями серны, кабана, косули встречен неопределенный инвентарь, но радиоуглеродная дата 20 900±450 лет назад может соответствовать раннему солютре. Слой 7 содержит первые признаки интенсивного заселения грота человеком. Основание этого слоя было отложено при умеренном и влажном климате и, возможно, относится к концу интерстадиала ляско. Имеются и доказательства двух кратких холодных эпизодов в начале комплекса дриас I, прерванных другой умеренной фазой. Остальная часть слоя была отложена при холодных условиях, которые соответствуют последней части дриаса I. Радиоуглеродные даты помещают этот период между 16 500 – 15 400 лет назад остатки копытных ясно указывают на сезонность. Благородный олень был основой существования. Проанализировав возраст молодых особей в момент смерти, Х. Альтуна установил, что из 22 животных, возраст которых может быть определен в месяцах, 18 были убиты в первый месяц их жизни (около июня) и 4 других добыты летом. Часто в пещере были брошены целые скелеты детенышей.

Каменный инвентарь кажется специализированным. Наряду с немногочисленными резцами, скребками и скреблами, представлено обилие микролитических пластинок с притупленной спинкой, возможно, использованных в составных орудиях охотничьего и/или рыболовного вооружения. Эта специализация также может указывать на сезонное использование пещеры, хотя при большом количестве отбросов расщепления кремня, заселение могло быть достаточно долгим, чтобы включать обработку сырья на месте. Об этом свидетельствует и наличие первичных отщепов и остатки обновления нуклеусов. Костяной инвентарь ясно отражает характерные черты кантабрийского нижнего мадлена: наконечники с квадратным сечением и плоским основанием, наконечники с двумя заостренными концами, с плоско-выпуклым сечением и с глубоким продольным желобком. Многие из них тщательно обработаны, что свидетельствует об их использовании при охоте. Наличие обломков рога (заготовки) указывает, что некоторые изделия производились на месте.

Слой 6 относится к верхнему финальному мадлену. Согласно седиментологическим и палинологическим анализам, нижняя половина слоя (6b) была отложена в очень холодных сухих условиях. Этот период должен совпадать с дриасом II, имея радиоуглеродную датировку 12 050±190 лет назад. В фауне преобладающим видом становится

пиренейский горный козел (Capra pyrenaica). Имеются кости северного оленя, пиренейской серны и лисицы. Вслед за холодным периодом наступает климатическое улучшение, возможно, аллерёд, за которым следует другой холодный период. Анализ фауны показывает, что стоянка заселялась сезонно, а именно летом, хотя доказательства этого не так сильны как в слое 7. Целые скелеты были брошены в пещере более редко, но это объясняется тем, что теперь предпочитаемой дичью был взрослый козел, т.е. животное, на которое нужно охотиться на более трудно доступных участках, чем на детенышей оленя. Каменный инвентарь также дает некоторые доказательства сезонности. Наиболее обильными продолжают оставаться микролиты, хотя пластинки не такие мелкие как в слое 7. Количество резцов возрастает, что может быть связано с обработкой кости. Если в нижней части слоя (6b) нет микроострий с притупленной спинкой, то в верхней (6a) они присутствуют. Костяной инвентарь этих двух частей слоя также различается: в 6b отсутствуют гарпуны, в то время как в 6a они имеются. Уже упомянутая (рис. 26) каменная плитка песчаника, состоящая из 7 фрагментов, найдена в слое 6a. Она гравирована на одном фасе двумя изображениями пиренейского горного козла, благородным оленем и возможной лошадью (Barandiaran, Altuna, 1977: 44-45; Altuna, Apellániz, 1978: 146-150).

Следующие слои 5-2 – азильские. Слои 3 и 2 особенно показывают заметное улучшение климата, соответствующее пребореалу, о чем свидетельствует значительное возрастание в пыльце орешника, ольхи, вереска и др., минимальное количество криокластических компонентов, возрастание остатков косули.

Грот **Оскура де Анна** (Овьедо, Астурия) расположен на берегу р. Андайон, притока р. Налон и составляет часть экосистемы, куда входят Ла Палома, Лас Кальдас, Пенья де Кандамо и др. В гроте сохранились значительные палео-мезолитические отложения, о которых стало известно около 1958 г. вследствие экскурсии учащихся Института Бачиллерато из г. Градо. Некоторые материалы они предоставили М. Перес Пересу.

Археологические работы начались в 1975 г. под руководством Х.М. Гомес-Табанера и первые результаты опубликованы в том же году (Gomez-Tabanera et al., 1975). Стратиграфия состоит из трех слоев: 1. типичный азиль кантабрийской Астурии; 2. азиль очень своеобразный и 3. частично изолированный от вышележащих слоем беловатой глины предварительно датированный кантабрийским верхним мадленом. В его инвентаре практически нет округлых скребков, характерных для верхних слоев, но присутствуют нуклевидные и двойные. Резцы многочисленные и тщательно обработанные. В костяном инвентаре представлены фрагменты наконечников копий, иглы и шилья. Отмечен один гарпун с подтреугольным сечением и одним рядом зубцов, с продольными каннелюрами на фасе и короткими нарезками на зубцах. В этом слое найдены 2 предмета: гарпун и обломок плоской кости с зооморфными изображениями. На гарпуне фигура быка выгравирована одной простой линией. Тело заштриховано короткими черточками, обозначающими шерсть (Gómez-Tabanera, 1980: 69). Фрагмент кости, открытый в 1979 г. в слое 3A, имеет неправильную форму, близкую к треугольной, возможно, часть лопатки (тамже: 117) или тазовой кости оленя, ближе не определенного (Perez-Perez, 1993). Наибольшие размеры обломка 9.2 см длиной, 2.8 см шириной и 0.9 см толщиной. На обоих фасах представлены гравюры: на выпуклом – голова животного, вид которого трудно определить, на вогнутом – прекрасное изображение целой фигуры лани.

Грот **Льонин** дал следующую секвенцию: 1. остатки бронзового века; 2. азильские материалы; 3. верхний мадлен (два последовательных слоя); 4. средний мадлен; 5. древний мадлен, который еще требует подтверждения; 6. верхний солютре; 7. граветт (финальный перигор); 8. мустье. Самый древний уровень верхнего мадлена дал замечательные образцы искусства с темой горного козла как декоративного мотива. В слое среднего мадлена найден типичный кружок (Fortea et al., 1990; Fortea-Perez, 1996).

Коллюбиль (Амиева, Астурия) – мадленский грот, уже известный Г. Обермайеру и включенный им в свою монографию (Obermaier, 1925), где представлена замечательная репродукция обломка ребра с гравюрой головы пиренейской серны. Впоследствии предмет был утерян и произведение публиковалось лишь по сохранившимся рисункам (Barandiaran, 1973: 115-116, lam. 53, 8; 1976, fig. 17, 2). Когда лоток с материалами и в том числе ребро были обнаружены заново, М. Гонзалес-Моралес смог выполнить более углубленное исследование. Как часто бывает с гравюрами на кости или роге, изображение животного приспособлено к естественной форме основы и это показывает, что его поза вынужденная. Техника исполнения – изолированная простая линия с сечением в виде V, с различными указаниями деталей и внутренней моделировки, среди которых можно указать на форму фронтального пятна и шерсть на передней поверхности тела. Согласно Гонзалес-Моралесу, инвентарь, хранящийся в Музее г. Овьедо вместе с этим предметом, кажется, относится к кантабрийскому верхнему мадлену (Gonzalez-Morales, 1977).

Анцбитарте IV (Рентериа, Гуипускоа) – грот, входящий в группу из 6 полостей, большая часть которых является археологическими местонахождениями. Он находится на высоте 220 м на

юго-восточном склоне массива недалеко от г. Сан-Себастьян. Раскапывался с 1892 г. М. Дель Валле, затем Г. Обермайером и Ж. Буиссони, но самые значительные исследования произведены Х.М. Барандиараном в 1960-1964 гг. (Barandiaran, 1965а, б). Х. Альтуна (Altuna, 1972) дал следующее описание стратиграфии: 1. Азиль – 0.4 м. Верхнюю часть слоя составляет черная почва, насыщенная углем с известняком. В нижней части она иногда замещается светлой глиной. Фауна состоит из благородного оленя, крупного быка, серны. Встречаются горный козел, косуля, лошадь; 2. Финальный и верхний мадлен в верхней части слоя, средний мадлен в нижней – 0.4 м. Бурая земля с известняком, составляющим в основании слоя скопления, лежащие на огромных блоках, упавших с потолка. Фауна: благородный олень, серна, крупный бык. Отмечены также северный олень, горный козел, лошадь; 3. Солютре средний и верхний – 0.4 м. Бурая земля, иногда глинистая, желтая, насыщенная известняком; 4. Ориньяк – 0.4-0.5 м. Бурая земля; 5. Стерильный гравий.

Единственное произведение искусства – каменная плитка с гравировкой головы оленя отнесена Х.М. Барандиараном к верхнему мадлену, поэтому остановимся на характеристике только слоя финального и верхнего мадлена (Marsan, 1979). В каменном инвентаре 351 орудие, все мелких размеров и не могут считаться чисто пластинчатой серией, из них резцы составляют 23,6 %, пластинки с притупленной спинкой – 20,4 %, скребки – 16,6 %, скребла и пластинки-скребла – 12,5 %, зубчатые (анкоши, скребла, скребки) – 10,6 %, острия с притупленной спинкой – 5,7 %, тронкированные пластинки с притупленной спинкой – 4,6 %, тронкированные орудия – 2,8 %, орудия с крупной ретушью – 1,6 %, острия с тронкированной спинкой – 0,8 %, чешуйчатые орудия – 0,3 %. В довольно обильном костяном инвентаре отмечено 60 наконечников, целых или фрагментированных с сечением различной формы. Среди них 19 с одной гранью в основании, 2 с двумя гранями, 2 с укороченным основанием и один – двойное острие. Имеется также 8 гарпунов и их фрагментов, главным образом, с двумя рядами зубцов и двумя выступами в основании, лопаточки, иглы, отжимники и фрагмент просверленного жезла без орнамента. Гравюра головы оленя в правый профиль расположена в центре каменной плитки крупнозернистой породы с заглаженными краями и ровной поверхностью. Голова намеренно изображена изолированной. Контур отчетливый и достаточно детализированный. Изображены в виде коротких линий рога и длинное ухо, глаз в виде дугообразной линии, но отсутствует рот. На пропорциональной шее две прямые линии расположены под углом друг к другу, но не соприкасаются. По мнению И. Барандиарана, это скорее благородный олень, чем северный (Barandiaran, 1973: 69, lam. 55, 9).

Куэто де ла Мина (Льянес, Астурия) – многослойное классическое местонахождение Кантабрийского региона, раскопанное графом Ла Вега дель Селья в 1914-1915 гг. Обнаружена сложная стратиграфия, давшая снизу вверх граветт, солютре, мадлен, азиль и астурийскую культуру. Каменный инвентарь слоев D (нижний мадлен) и C очень беден, но костяной инвентарь слоя C включает просверленный жезл и несколько изделий с геометрическим орнаментом. Слой B, отнесенный к верхнему мадлену, характеризуется гарпунами с одним рядом зубцов и просверленным основанием, а также просверленными жезлами, украшенными фигурами рыб в рельефе и стилизованных горных козлов (Bernaldo de Quiros, Cabrera Valdes, 1988г; Barandiaran, 1973: lam. 31, 2).

Большой интерес представляют памятники с разновременными мадленскими слоями, содержащими произведения искусства. Их только два: Ла Палома и в меньшей степени Сантимаминье.

Грот **Ла Палома** (Сото де Лас Регерас, Астурия) открыт в 1912 г. Х. Карбальо и Э. Миранда, раскапывался Э. Эрнандес-Пачеко, П. Вернером и др. в 1914-1915 гг., установившими здесь 9 слоев (Hernandez-Pacheco, 1923). В основании слой 8 дал каменный инвентарь, характерный для кантабрийского развитого нижнего мадлена, где преобладал благородный олень, хотя встречается и северный олень. Инвентарь вышележащего слоя 6 типичен для среднего мадлена. Палеоклиматические анализы свидетельствуют о влажном и прохладном климате во время отложения этого слоя. Основной охотничьей добычей был благородный олень. Именно к слою 6 относятся гравированные каменные плакетки, главной темой которых были изображения лошади. Стерильный слой 5 отделяет его от слоя 4, содержащего материалы позднего мадлена с гарпунами с двумя рядами зубцов. Палеоклимат – сухой и холодный. В фауне представлены горные козлы и хищники, благородный олень преобладает. Слой 2 включает азильский инвентарь, очень близкий к материалам финального мадлена. В фауне также преобладает благородный олень (Bernaldo de Quiros, Cabrera Valdes, 1988д).

Из произведений искусства заслуживают внимания: в нижнем мадлене – фрагмент крупного наконечника с треугольным сечением и гравюрой передней части благородного оленя (там же: 155-156, lam. 17, 4); в среднем мадлене – фрагмент диафиза кости с крошечным изображением головы оленя (там же: 110, lam. 53, 4), - конец сланцевой гальки с изображением головы оленя скорее, чем лошади (там же: 159-160, lam. 59, 2), – каменная плакетка с неполным контуром животного в правый профиль, голова отсутствует, но это также скорее олень, чем

лошадь (там же: 158, lam. 55, 1), - каменная плакетка с наложенными друг на друга изображениями двух лошадей в левый профиль: бегущей и более мелкой стоящей. Различаются также дополнительные ноги и частичный контур лошади в правый профиль, прорисованный очень тонкой линией (там же: 157-158, lam. 54); в верхнем мадлене – неполная фигура животного на гладком камне (там же: 163, lam. 55, 4), - фрагмент наконечника с округло-уплощенным сечением и гравюрой животного, скорее всего, лошади с упрощенным контуром в левый профиль. Непосредственно ниже ее по периметру наконечника изображена стилизованная голова козла (там же: 164-165, lam. 18, 3).

А. Моуре-Романийо описывает еще два предмета. Один был открыт И. Барандиараном в фондах Национального Музея Естественных наук в Мадриде. Нет указания на его стратиграфический контекст и, более того, неясно его точное происхождение, так как он лежал вместе с материалами из местонахождений Ла Куэвона (Рибадезилья) и Ла Палома, хотя все данные указывают на принадлежность к последнему (Chapa, Martinez-Navarrete, 1977). Речь идет о фрагменте локтевой кости королевского орла (Aquila chrysaëtos), на котором выгравированы две головы оленей, может быть, северных, ориентированные в противоположных направлениях. Основываясь на деталях, авторы статьи относят гравированную кость к верхнему мадлену (справедливости ради, следует заметить, что верхний мадлен засвидетельствован и в Ла Куэвона). Что касается второго предмета, то он был открыт в 1973 г. на поверхности отвалов из грота (Pérez-Pérez, 1975). Это дистальный конец ребра, на котором, согласно Пересу, вместе с другими не фигуративными мотивами, прорисована одной простой линией голова лани (Moure-Romanillo, 1985, 114-115).

Сантимаминье (Кортесуби, Бискайя). Названный так грот Базондо расположен в 4 км от Герники и на высоте 150 м. Он был открыт в 1916 г. группой детей и позже изучен Э. де Эгуреном. Известный, главным образом, своим наскальным искусством грот раскапывался в 1918-1926 гг. Т. Аранто, Х.М. Барандиараном и Э. де Эгуреном. Затем раскопки были возобновлены в 1960 и 1962 гг. одним Х.М. Барандиараном (Barandiaran I., 1967).

Стратиграфия – одна из самых полных в регионе – включает в основании слой VIII, ныне отнесенный к древнему ориньяку, хотя наличие острий шательперрон позволяет некоторым исследователям поместить его в нижний перигор. В этом слое найдены также наконечник с расщепленным основанием, украшенный «охотничьими знаками». Вышележащий слой VII содержит или финальный солютре с изделиями мадлена III или мадлен III, о чем свидетельствует находка возможной копьеметалки, в слое «затерялись» два солютрейских наконечника. Слой VI отнесен к верхнему мадлену с гарпунами с одним или двумя рядами зубцов и с костяной палочкой, на которой выгравирован бык. Затем идет азильский слой V с азильскими наконечниками, пластинками à dos, дисковидными скребками и несколькими треугольниками (Leroi-Gourhan, Taborin, Thiébault, 1988б).

Из произведений фигуративного искусства отмечены также: в мадлене нижнем или III предмет из кости или рога с заостренно-закругленным концом, на одной стороне которого вырезана схематизированная голова лошади с преувеличенным глазом и ушами, лежащими на шее. На другой стороне представлены крестообразные знаки и голова животного с простым контуром (Barandiaran, 1973: 211-212, lam. 40, 2); в мадлене V или VI – округлая сланцевая галька со следами интенсивного использования на концах и многочисленными тонкими линиями, среди которых выделяется фигура четвероногого с длинным телом и большими ушами, напоминающими лисицу. Упоминается, что среди наскальных изображений пещеры Альчерри есть фигура животного экстраординарного сходства (там же: 214, lam. 36, 1); в мадлене IV – крупная костяная плакетка с гравюрой нижней части головы, передних ног и шерсти быка (там же: 214, lam. 53, 1).

Ряд памятников относится к заключительной фазе мадлена – финальному мадлену или мадлену VI. По обилию произведений искусства на первом месте стоит Эль Пендо.

Эль Пендо (Эскобадо де Камарго, Сантандер) – пещера, археологическая стоянка в которой была открыта, как и в Альтамире, М. де Саутуолой с участием Д.Х. Виланова-и-Пиера. Раскопки, проведенные в 1878 и 1880 гг., были продолжены перед 1910 г. А. Брейлем и Э. Алькальде дель Рио, в 1910 г. Х. Карбальо, в 1914 г. О. Сендреро и в 1915 г. Г. Обермайером. Наиболее значительными были работы Х. Карбальо и Б. Ларина с 1925 по 1941 гг. и Х.М. Санта Олайя в 1950-ые. Стратиграфия включает 18 слоев. После мустьерских слоев идет почти полная секвенция верхнего палеолита: слой VIIIa, отнесенный к архаичному ориньяку, полностью сравним со слоями 8 и 9 пещеры Морин. Вышележащий слой VIII соответствует верхнему перигору, VII – типичному ориньяку, VI и Vb – развитому ориньяку, V и Va – граветту. Слои IV и III представляют финальный ориньяк с возможной примесью орудий типичного и среднего ориньяка и заметным влиянием граветта. Слой II – верхний мадлен. Во время его отложения существовал холодный климат, прогрессивно становящийся теплым (переход дриас II/аллерёд). Слой I содержит азильский инвентарь (Leroi-Gourhan, Vega-Toscano, Bernaldo de Quiros, 1988). В этом описании опущен слой верхнего солютре («кантабрийский средний солютре», по

Corchon, 1971), из которого происходит так называемая «Венера из Эль Пендо».

В монографии И. Барандиарана (Barandiaran, 1973) вся обширная коллекция произведений искусства из Эль Пендо, за исключением этого предмета, отнесена к финальному мадлену, но поскольку мадленский слой – один, он, видимо, приравнивает его к верхнему мадлену. Очень своеобразно изделие, соединяющее в себе скульптуру и гравюру. Это пластинка длиной 20 см, шириной 3 см и толщиной 4 мм, вырезанная из кости крупного травоядного. Она несомненно изображает рыбу. Часть, соответствующая голове, не сохранилась, зато хвост отчетливо обозначен. Тело покрыто сеткой, расположенной в центре и по бокам (Barandiaran, 1973: 186-187, lam. 28, 2. fig. 15). Гравюры нанесены на различные основы из рога и кости, но нет ни одной на камне: - гарпун с одним рядом зубцов имеет на дистальном конце гравюру передней части лошади в правый профиль. Изображение крошечное, но различаются грива, ухо, глаз и ноздря. Передняя нога вытянута под головой (там же: 179-180, lam. 23, 2); - просверленный жезл, найденный в 1926 г., с замечательными гравировками голов оленя, трех ланей и лошади (там же: 180-182, lam. 33, 2); - боковой фрагмент просверленного жезла с фигурой горного козла в фас, достаточно реалистической для интерпретации (там же: 182-183, lam. 28, 1); - дистальный конец жезла с указанием на существование отверстия. В верхней части – две схематизированные головы козлов в фас (там же: 183-184, lam. 31, 8); - просверленный жезл со схематичным изображением рыбы, где отверстие играет роль глаза (там же: 184-185, lam. 46, 3, fig. 13); - просверленный жезл, дистальный конец которого и орнамент трансформируют его в изображение рыбы (там же: 185, lam. 46, 7); - обломок просверленного жезла, покрытого зооморфным орнаментом, вдоль расположена фигура животного с маленькой головой и длинной извилистой линией спины в левый профиль, над нею – поперек длинной оси жезла – две схематичные фигуры с маленькой головой, обращенной к отверстию и треугольной шеей (у первой фигуры) (там же: 185-186, lam. 46, 6); - неполная орнаментированная подвеска, два фрагмента которой были найдены в разных местах. Это тонкая костяная пластинка плоско-выпуклая в сечении, суживающаяся к концам. Целый конец имеет округлую форму с круглым же отверстием в центре. Среди различных штрихов на этом обломке прослеживают голову лани, на втором – переднюю часть тела оленя, возможно, северного, в правый профиль, т.е. обращенного к узкому концу. Остальная часть фигуры унесена изломом (там же: 187-189, lam. 45, 1); - обломок – дистальный конец наконечника из рога оленя с уплощенно овальным сечением. Близ обломанного конца сохранилась гравюра головы быка или оленя с направленными вперед изогнутыми рогами, что свидетельствует в пользу быка, контур головы простой, различаются ухо и глаз. Под головой расположены короткие и тонкие ноги животного (там же: 190, lam. 18, 5); - обломок наконечника с округлым сечением, покрытый серией мотивов, среди которых главный – хищная птица с открытым ртом (там же: 190, lam. 17, 1); - наконечник с обломанными концами. Развертка показывает много смешанных образов, достаточно дискуссионных (там же: 191-192, lam. 17, 5); - осколок диафиза с остатками гравюр лошади и быка (там же: 196, lam. 53, 2, fig 14); - крупный фрагмент кости с отверстием в левом верхнем углу и сильной забитостью поверхности у другого конца. На поверхности тонко и отчетливо вырезана фигура лошади в левый профиль (там же: 196-197, lam. 45, 5; fig, 28); - обломок намеренно заостренного ребра с фигурой лошади в правый профиль, помещенный в центре. В отличие от предыдущей фигура мало детализирована и выполнена более глубокой и широкой линией. Ноги также представлены только в верхней части. На другой стороне ребра изображен змеевидный мотив (угорь или гадюка) (там же: 197-198, lam. 17, 3; fig. 14), - наконечник копья длиной 20 см, вырезанный из рога оленя, украшен стилизованными головами горного козла и геометрическими мотивами (там же: 199, lam. 47, 1). В целом, наблюдается несомненное сходство с искусством позднего мадлена французских Пиренеев.

Торре (Ойарцун, Гуипускоа) – грот, расположенный в 20 км от франко-испанской границы, поблизости от моря. Он был открыт в 1966 г. А. Лабуру из отряда Общества «Аранзади» Сан-Себастьяна, во время разведочных работ которого найдено много изделий из камня, фрагмент рогового наконечника с геометрическим орнаментом и фаунистические остатки, включающие кости северного оленя, оленя ближе не определенного, крупного быка, лошади и пещерной гиены. На поверхности около входа в грот вне всякого стратиграфического контекста найдена кость со сложной гравированной композицией. Кость сломана в древности на две части, отсутствует дистальный эпифиз. По определению Х. Альтуны, это левая локтевая кость морской птицы типа пеликана, возможно, Sula bassana. Современные размеры: длина 18 см, диаметр 0.8-1.4 см. Гравировка в развертке дает 2.5 см высоты. Семь реалистических изображений расположены в два горизонтальные ряда, ориентированные в разных направлениях. В ряду, ориентированном влево, помещены олень, лошадь и самка козла, в другом ряду – антропоморф, пиренейская серна, самка козла и корова. У этих фигур изображены только голова, шея и начало груди. Несколько па-

раллельных линий ниже оленя, лошади, серны и коровы, несмотря на их бесформенность, могут быть интерпретированы как изображения передних ног. Согласно И. Барандиарану, кость должна быть отнесена к верхнему или финальному мадлену (Barandiaran, 1971; 1973: 219-2208, lam. 51).

Эль Валле (Рамалес, Сантандер) – грот, открытый в 1905 г. Л. Сиерра и раскопанный под эгидой Института Палеонтологии Человека в 1909-1911 гг. Л. Сиерра, Г. Обермайером, А. Брейлем и Ж. Буиссони. В левой части главного грота представлена следующая стратиграфия (Obermaier, 1925: 158), сверху вниз: d – сталагмитовая корка – 20 см; c – азильский слой (впервые открытый в Испании) – 50 см; b – позднемадленский слой, включающий гарпуны с одним или двумя рядами зубцов и различные костяные орудия, в том числе с простыми условными орнаментами, просверленный жезл без орнамента, а также остатки северного оленя; a – самый нижний слой – насыщенная щебнем глина с немногочисленными атипичными орудиями. Другая мадленская серия материалов была найдена в переходе справа ниже крупного обвала. В ней вне стратиграфического контекста Г. Обермайер обнаружил в 1911 г. лучевую кость птицы, украшенную различными знаками, среди которых выделяются две фигуры лошади, следующие одна за другой (Obermaier, 1925, fig. 70; Barandiaran, 1973: 234-236, lam. 50). Еще более интересная находка была сделана Л. Сиерра между 1909 и 1911 гг. – просверленный жезл из рога благородного оленя с прекрасной головой лани, перед которой расположено 5 схематичных человеческих силуэтов (Obermaier, 1925, fig. 67; Barandiaran, 1973: 236-237, lam. 32, 3). Возраст этих предметов определяется как финальный мадлен.

Уртнага (Дева, Гуипускоа) – грот на юго-восточном склоне массива Сальватоременди на высоте 130 м, был открыт Х.М. Барандиараном в 1928 г. и раскапывался им в последующие годы. Стратиграфия сверху вниз (по Marsan, 1979): A, B – переотложенные слои железного века, энеолита и мезолита – 0.80 м; C- слой бурый, иногда красно-желтый – 0.40 м. Фауна: благородный олень, косуля, кабан, бык, горный козел, пиренейская серна. Встречены человеческие кости. Азиль. Дата по радиоуглероду: 8 700±170 лет назад; D – слой темного цвета, углистый – 1.0-2.03 м. Фауна: благородный олень, пиренейская серна, горный козел, косуля, редко северный олень и лошадь. Финальный мадлен. Дата по радиоуглероду: 10 280±190 лет назад; E – слой плотный, красноватый различной толщины. Фауна; благородный олень, горный козел, реже косуля, пиренейская серна, крупный бык, лошадь, отмечен северный олень. Верхний мадлен; F – слой желтоватый в верхней части, черный и углистый в основании – 0.5 м. Фауна: благородный олень, горный козел; встречаются косуля, пиренейская серна; отмечено наличие северного оленя, крупного быка, лошади. Мадлен. Радиоуглеродная дата: 17 050±140 лет назад; G – слой темный со щебнем и редкими находками; H – сталагмитовая корка; I – слой темный с мелким щебнем и фаунистическими остатками; J, K, M – сталагмиты.

Для нас интерес представляет только слой D, поскольку остальные лишены произведений искусства. Каменный инвентарь менее пластинчатый, чем в азильском слое C. Размеры орудий невелики: 4-5 см. Резцы значительно преобладают над скребками и пластинками с притупленной спинкой. Встречаются острия с притупленной спинкой, зубчатые пластинки, скребла и в малом числе тронкированные пластинки, проколки, чешуйчатые орудия. Костяной инвентарь обилен и разнообразен. Он включает 50 наконечников, часто фрагментированых с овальным, четырехугольным, округлым сечением, основанием коническим или с одной или с двумя гранями, а также биконическим. Найдены гарпуны различных размеров с одним рядом зубцов, иногда имеющих основание с двойным едва заметным выступом; палочки, иногда полукруглые в сечении, лощила, шилья, иглы с ушком (Marsan, 1979: 685). Согласно более позднему источнику в слое D найдено 16 гарпунов с двумя рядами зубцов (Bernaldo de Quiros, Cabrera Valdes, 1988e).

И. Барандиаран опубликовал ряд каменных плиток с изображениями различных животных. Округлый камень известняка имеет тонкие гравюры на двух сторонах: на одной передняя часть лошади в левый профиль, на другой фигура неопределимого животного также в левый профиль (Barandiaran, 1973: 224, lam. 36, 5); плакетка красного гематита с фигурой лошади в правый профиль (там же: 224-225, lam. 36, 3). Плитка песчаника, на одной стороне которого выгравирована фигура оленя, по всей вероятности, северного, в правый профиль. Слева от него неясное изображение какого-то другого животного. На противоположной стороне голова горного козла в левый профиль, обрывающаяся изломом на уровне шеи. Справа – часть тела животного другой фактуры и стиля (там же: 225-226, lam. 56); каменный отжимник, уплощенный, обломанный на одном конце и имеющий следы использования с двух сторон. Обе стороны несут гравюры своеобразные и трудно дешифруемые: можно видеть рога горного козла и быка, изображенные в фас и штриховку, покрывающую голову и переднюю часть тела (там же: 226, lam. 37). Кроме того, во время просмотра коллекций в Музее Сан Тельмо (Сан-Себастьян) К. Гонзалес-Саинс нашел два неизданных фрагмента песчаника, один из которых присоединяется к двум уже известным. К сожалению, статья этого автора (Gonzalez-Sainz, 1984) мне недоступна. Отмечено одно изображение на кос-

тяной основе (ребре): гарпун с одним рядом зубцов (Barandiaran, 1973: 227, lam. 48, 2).

Берроберрия (Урдакс, Наварра) – грот, открытый в 1935 г. Х.М. Барандиараном, с 1959 г. систематически раскапывался Х. Малюкер де Мотесом, установившим наличие четырех периодов заселения: мадлен VI, азиль, неолит и бронзовый век. Из мадленского слоя происходит своеобразный предмет из рога оленя, служивший разным целям как долото, отжимник, полировщик (гладилка). На двух срезанных под острым углом гранях расположены различные по теме и стилю изображения. На одной грани – верхняя часть головы оленя с великолепными рогами, вписанными в узкое пространство стёса. Они связаны непрерывной линией с лобной частью, где виден овальный глаз, и с маленькой частью линии шеи. На другом срезе – в более упрощенном стиле выполнены два изображения: в левом углу перевернутая голова, возможно, лошади в левый профиль без других деталей, кроме лежащего уха и черточки глаза, прерывистая линия груди и три прямые слегка расходящиеся линии (передние ноги). Напротив ее в нормальном положении находится также в левый профиль нижняя часть фигуры лошади с почти целой головой, имеющей маленький овальный глаз и рот. Далее идет линия шеи, две передние ноги, расставленные, но незаконченные, слабо выпуклая линия живота и одна вертикальная черточка (намек на заднюю ногу) (Barandiaran, 1973: 92-93, lam. 39).

Ла Чора (Секадура де Арас, Сантандер) – пещера, открытая в 1955 г. А. Гарсиа Лоренцо. В 1962 г. раскопки выявили наличие финального мадлена и, возможно, азиля в одном или нескольких верхних слоях (Gonzalez Echegaray, Garcia Guinea et al., 1963). Во время пересмотра красящих веществ в фондах Регионального Музея Доистории в Сантандере был обнаружен линзовидный диск красного гематита диаметром 9.6x7.9 см и 3 см максимальной толщины. Один из фасов покрыт многочисленными продольными штрихами, которые, по-видимому, указывают на техническое использование. Среди штрихов идентифицирована гравюра головы лошади, выполненная позже использования диска (San Juan Diaz, 1983). Мадленский слой, из которого, очевидно, происходит этот диск, отнесен к мадлену VIa. Изученная Б. Мадариага фауна (благородный олень, бык, лошадь) свидетельствует о лесном пейзаже, умеренном и влажном климате. Среди раковин отмечено наличие Littorina littorea (Sonneville-Bordes, 1965).

Линар (Торрелавега, Сантандер) – пещера, в которой открыт только один культурный слой, отнесенный к верхнему – финальному мадлену. С ним связан осколок кости с гравюрой лошади (Barandiaran, 1973: 138, lam. 47, 5). И. Барандиаран считает ее сомнительной, тем не менее, на приведенном им рисунке отчетливо видна нанесенная тонкой линией фигура лошади в левый профиль, задняя часть которой унесена изломом.

Ла Пила (Миенго) – очень важная стоянка, позволяющая внести новые данные для периода перехода от мадлена к азилю. Грот находится в дер. Кочия внутри карьера для добычи известняка в 200 м от правого берега лимана Сан Мартин де ла Арена. Стоянка занимает весь вход в грот 10 м длины при ширине около 4 м. Быстрое продвижение карьера мотивировало срочные спасательные раскопки, которые проводились с 1982 по 1985 гг. под руководством Кармен Гуттиерез-Саез и Фредерико Бернальдо де Кироса (Bernaldo de Quiros et al., 1992). Стратиграфия включает два верхних слоя (I и II) с переотложенными поздними материалами, перекрывающие два нижних слоя III и IV. Слой III состоит из раковин Littorina littorea и Patella vulgata, включает азильский инвентарь и делится на 4 горизонта (1-4). Слой III – 4b – истечение глины, содержащее материал, идентичный инвентарю нижележащих мадленских горизонтов (1-4), составляющих слой IV. Горизонты 2, 3 и 4 разделены локально глинистыми отложениями.

Материалы слоя IV были подвергнуты антракологическому анализу, впервые выполненному в кантабрийской зоне. Установлено, что хвойные, в которых преобладает можжевельник, доминируют над лиственными. Процент содержания можжевельника возрастает от IV-1 до IV-4. Отмечено скромное наличие сосны и других голосемянных. Мотыльковые довольно хорошо представлены в горизонтах IV-1 и IV-2, уменьшаясь в нижних горизонтах. Встречается береза пушистая (Betula pubecens). Другие лиственные не очень представительны, они лучше отмечены в азильском слое. В горизонтах IV-3 и IV-1 имеется слабое наличие Castonea salina. С точки зрения климата можно говорить о «холодных условиях», насколько они отражаются на хвойных, хотя уже встречаются растения, характерные для азильского слоя III. Тепловая регуляция, обязанная близости моря и хорошая экспозиция долины играли важную роль, которая объясняет наличие лиственных в позднеледниковье. Климат не был суровым. Нельзя забывать и то, что можжевельник является предшественником леса, возвещающим климатическое улучшение. Данные слоя III свидетельствуют об этом улучшении по мере того как поднимаются горизонты секвенции с еще прохладной окружающей средой и, возможно, сильной влажностью. Оптимум березы приходится на горизонт III-1. Береза также является пионерским видом, который прогрессирует во время климатического улучшения. Затем ее место занимают дубы с опадающей листвой. Благодаря этим элементам, даже не имея абсолютных радиоуглеродных датировок, Ла Пила может быть помещена, согласно антракологическим данным,

в определенную хронологическую последовательность между 12 000 и 10 000/9 000 лет назад. Независимо в Лаборатории слабой радиоактивности Жиф-сюр-Иветт получены две радиоуглеродные даты: для азильского горизонта III-3: 11 700±70 лет В.Р. (Gif-8148): для верхнемадленского горизонта IV-2: 12 200±70 лет назад (Gif-8147).

Главная характерная черта каменного инвентаря обоих слоев – высокое содержание орудий из пластинок, так в горизонте IV-1 их 42.86 %, в горизонте IV-4 – до 60 %. Именно этот фактор придает определенное единство всей секвенции. Детальный анализ инвентаря не показывает резких изменений, идет плавный процесс сложных и прогрессивных трансформаций. Костяной инвентарь достаточно разнообразен. Гарпуны распространены по всему мадленскому слою с преобладанием цилиндрических орудий с одним рядом зубцов, появляются и плоские гарпуны с отверстиями в основании. На двух гарпунах с округлым сечением выгравированы изображения змей. Один найден в промежуточном горизонте III-4b, где представлены отчетливо мадленские изделия; второй – в горизонте IV-3 (Bernaldo de Quiros et al., 1992: fig. 2, 2 et 1). В том же наиболее богатом горизонте III-3 найдены гравюра лошади в левый профиль на продолговатом обломке тазовой кости (там же: fig. 4, 13) и костяная лопаточка, напоминающая по форме рыбу, орнаментированная сериями косых нарезок (там же: fig. 4, 3). Изображение хвоста рыбы сохранилось на обломке – проксимальном конце костяного наконечника из горизонта IV-1 (там же: fig. 4, 1) и изображение рыбовидной формы на наконечнике из горизонта IV-2 (там же: 265).

Мадленские произведения искусства достаточно многочисленны, чтобы составить представление об основах и сюжетах в их развитии от нижнего до финального мадлена. Для указания возраста предмета используем условные обозначения: НМ – нижний мадлен, СМ – средний мадлен, ВМ – верхний мадлен, ФМ – финальный мадлен.

Прежде всего, все изображения делятся на скульптуру и гравюру, по материалу : рог, кость, камень, затем по их назначению: имеющие или не имеющие функций (орудия, украшения – обломки и осколки рога, кости, камня). Скульптура чрезвычайно редка. Это человеческие головы из каменных желваков, найденные в Эль Юйо (НМ) и Энтрефосез (НМ). В последнем обнаружен и отросток рога с головой животного. Из Лас Кальдас (СМ) происходит так называемая «Венера», передающая условную мужскую фигуру, вырезанную из рога, из Тито Бустийо (ВМ) – голова горного козла из рога оленя. В Ла Винья (СМ) отмечен барельеф, изображающий сову на роге оленя, в Лас Кальдас (СМ) – рельеф ноги лошади и рельеф головы бизона на роговых стержнях.

Промежуточное положение между скульптурой и гравюрой занимают предметы, вырезанные по контуру из плоских костей: в Эль Юйо (НМ) – голова лани из ребра и в Ла Винья (СМ) – две головы лошади, голова лани и рыба. К этой серии может быть отнесено и крупное изображение рыбы из Эль Пендо (ФМ), сочетающее скульптуру и гравюру. Особое место занимает подвеска также из Эль Пендо: длинная отполированная пластина с отверстием на одном конце. От нее сохранились две несоединяющиеся части: на одной – неполная гравированная фигура лани в необычном положении, на другой – почти целая фигура северного оленя.

Все остальное искусство представлено в гравюре. Согласно основе оно делится на следующие категории:

гарпуны: все они относятся к верхнему или финальному мадлену и различаются гравированными сюжетами: Оскура де Аниа – фигура быка, Расканьо – горный козел, Кастильо – голова хищника (медведя или волка), Эль Пендо – гравюра лошади, Ла Пила – змеи;

наконечники: Ла Палома (НМ) – голова и шея оленя, (ВМ) – фигура лошади; Эль Пендо (ВМ) – фигура горного козла; - фигура животного; - рыба. Это чрезвычайно мало при сравнении с огромным количеством наконечников, украшенных нефигуративными мотивами;

просверленные жезлы и обломки жезлов: только обломки жезлов из Альтамиры относятся к НМ: один из них несет 2 головы пиренейских серн и два крупа животных, второй – остатки изображения рогов оленя; к СМ-ВМ отнесен жезл из Эль Кастильо с фигурой оленя; остальные принадлежат к ВМ-ФМ: Куэто де ла Мина – рыбы, представленные в рельефе; - стилизованные головы горных козлов; Эль Пендо – головы оленя, трех ланей и лошади; - фигура горного козла в фас; - две схематичные головы горных козлов в фас; Эль-Валле – головы лани и вереница схематичных человеческих фигур;

палочки (*baguettes*): Эль Юйо (НМ) – фигура лошади, Сантимаминье (ВМ) – фигура быка;

лопаточки (*spatules*): Сантимаминье (НМ) – а) схематичная голова лошади, б) голова животного; Тито Бустийо (ВМ) – две фигуры лошади; Эль Пендо (ФМ) – фигуры животных;

долота: Альтамира (НМ) – голова животного; Эль Кастильо (ВМ-ФМ) – голова лошади, схематичная рыба; Тито Бустийо – вереница возможных рыб; - изображение женщины;

орудие из рога: Берроберрия (ФМ) – фигура оленя;

лощило из ребра: Альтамира (НМ) – а) фигура оленя, б) голова горного козла, фигура животного;

фрагменты лопаток: Альтамира (НМ) – 6, Эль Кастильо (НМ) – 33; Эль Сиерро (НМ) – 2 головы ланей; Эль Юйо (НМ) – голова и передняя часть лошади; - голова лани; Расканьо (НМ) – задняя часть фигуры быка; Ла Винья (СМ) – голова оленя; Бальмори (НМ-СМ) - голова горного козла (?), возможно, на обломке ребра; Оскура де Аниа (ВМ) – фигура лани, возможно, на обломке тазовой кости;

обломки ребер: Палома (отвал) – голова лани; Коллюбиль (ВМ) – голова пиренейской серны; Уртиага (ФМ) – гарпун;

обломки диафизов: Гюэльга (НМ) –3 фигуры ланей; Лас Кальдас (СМ) – женская фигура; – рыба; Ла Палома (СМ) – голова оленя; Эль Пендо (ФМ) – фигуры быка и лошади; – фигура лошади; – фигура лошади;

обломки тазовой кости: Лас Кальдас (СМ) – фигура лошади; Ла Риера (ФМ) – фигура фантастического животного;

обломок панциря черепахи: Бальмори (СМ) – фигура быка;

кости птиц: Ла Палома (ВМ) – 2 головы ланей; Эль Валле (ФМ) – две фигуры лошадей; Торре – сцена (см. выше);

орудия из камня: отжимник-отбойник: Альтамира (НМ) – часть головы оленя: Болинкоба (НМ) – две фигуры козлов; Эрмиттиа (СМ) – фигура лошади; Бальмори (СМ) – фигура животного; Сантимаминье (ВМ) – фигура животного; Уртиага (ФМ) – схематичная штриховка горного козла и быка; Эль Пендо (ФМ) – голова оленя;

каменные плакетки и окатанные гальки: Кастильо (НМ) – голова лошади; Кастильо (ВМ-ФМ) – фигура лошади; Ла Винья (СМ) – фигура лошади; - фигура лошади; Лас Кальдас (СМ) – гравюры неопределимых животных; - женская фигура; Тито Бустийо (ВМ) – а) голова лошади, б) голова оленя; - фигура бизона. Всего 83 плакетки; Аицбитарте IV (ВМ) – голова оленя; Ла Палома (СМ) – голова оленя или лошади; - фигуры лошадей; неполная фигура оленя (?); Ла Палома (ВМ) – остатки фигуры животного; Экаин (ВМ) – фигура козла, оленя, лошади; Уртиага (ФМ) – а) передняя часть лошади, б) фигура животного; - фигура лошади; - а) фигура оленя, по всей вероятности северного, фигура животного, б) голова горного козла, часть фигуры животного; - фигура лошади; Ла Чора – диск гематита – голова лошади.

Сюжеты кантабрийского искусства, за малым исключением относятся к изображениям животных. Их статистический анализ невозможен по причине не только неполного охвата источников, но и по тем обширным вкладам, которые делает Кастильо и в меньшей степени Альтамира, лопаток с фигурами/головами ланей, совершенно искажающими общие подсчеты. Также и распределение по видам новых обширных материалов из Тито Бустийо и местонахождений в долине р. Налон неизвестно. Следует учитывать и произвольную идентификацию так называемых неопределимых или неполных фигур, что делает необходимым устранение этой довольно большой категории из анализа. Подавляющее большинство сюжетов – изолированные, редко на одной основе изображения животных одного вида, еще реже разных видов и в совершенно исключительных случаях на гравюрах представлены сцены или композиции.

Антропоморфные изображения чрезвычайно редки в хронологическом плане и представлены в необычных и довольно странных формах. Единственная человеческая фигура, самая древняя в Кантабрии, из пещеры Морин, гравюра на каменном отжимнике из граветтского слоя, иногда подвергается сомнению. Обломок жезла из слоя среднего солютре Эль Пендо лишь условно может быть отнесен к женским скульптурам. К нижнему мадлену принадлежат разные по стилю человеческие каменные головы из Эль Юйо и Энтрефосес. Наибольший интерес представляет серия изображений из среднего мадлена Лас Кальдас, которая заслуживает особого описания.

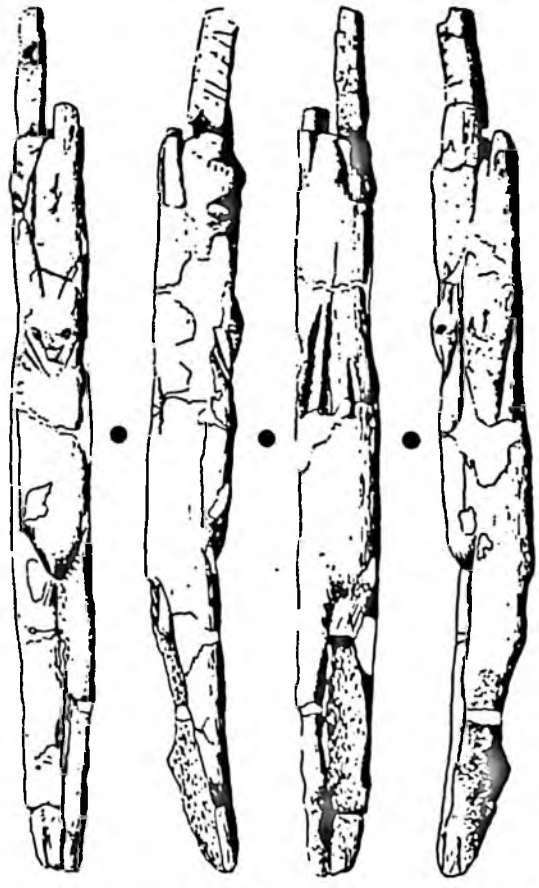

Рис. 31. Антропозооморфная фигура из рога оленя. Лас-Кальдас, слой VII.

Это, прежде всего, антропоморфно-зооморфная фигура, названная во время открытия «Венерой из Лас Кальдас» (Fortea et al., 1987: 206-207, fig

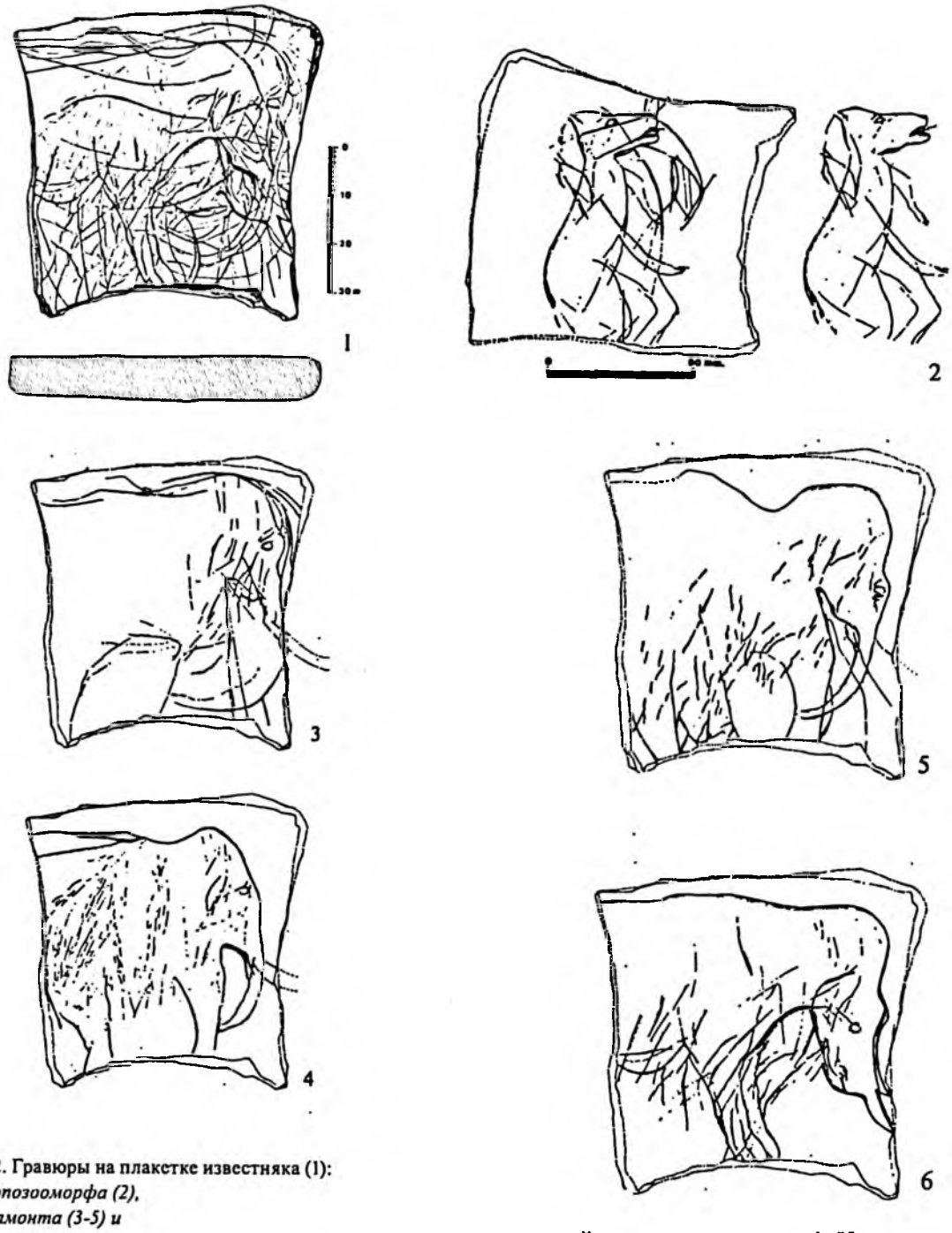

Рис. 32. Гравюры на плакетке известняка (1): *антропозооморфа (2), три мамонта (3-5) и носорога (6).*
Лас Кальдас, уровень IXa.

13). Она вырезана из рога оленя и имеет размеры 19.8x1.75.x1.75 см (рис. 31). Форма основы, так же как и комбинация гравированных и скульптурных мотивов сближает этот предмет с мадленскими скульптурами в виде цилиндра (Delporte, 1977), хотя в отличие от последних фронтальный вид был предпочтительнее остальных. Центральная тема состоит из двух тел, симметрично противопоставленных, одно обладает головой. Как часто бывает в среднем мадлене, комбинируются круглая скульптура (туловище и нижние конечности), рельеф (голова и рога), простая гравюра (копыта, знак пола, серия нарезок на нижних конечностях) и очень легкий гравированный рельеф (глаза, боковой изолированный глаз и знак на спине). Целая главная фигура имеет человеческий облик, комбинированный с зооморфными элементами. Характерные черты человека – пропорции туловища (50 % целого), положение грудной клетки и живота по отношению к лобку, грацильность туловища с отмеченными плечами, моделирование лобка и полового органа. В противоположность этому, голова представляет голову животного, так же как и раздвоенные копыта. Точнее, это голова козла, изображенная по хорошо известной в регионе схеме для фронтальных изображений козлов (Болинкоба, Эль Пендо, Куэто де ла Мина): два косые параллельные надреза ограничивают фас, а два поперечные надреза указывают морду и бороду. Короткие и цилиндрические рога, посаженные на голову вертикально, заставляют ду-

мать о рогах самки. Верхние конечности не были изображены, что касается нижних, то их длина и худощавость контрастируют с крепкими и короткими ногами козлов, изображаемых в палеолитическом искусстве.

Второй мотив – изолированный глаз имеет желобок и четыре зарубки, которые его окружают, возможно, передающих условную границу между выпуклым лбом и шевелюрой. На спине предмета находится последний мотив, связанный со вторым телом. Это искривленная фигура с руками неравной длины. Их трудно поставить в связь с другими темами: знак вульвы (?), раздвоенные копыта, видимые в фас, как в Лурде или в Плакаре (Chollot-Varagnac, 1980: 419, 398). Предмет теряет свой натурализм и принимает символический характер (двойное тело, изолированный глаз, знак пола). Это антропоморфно-зооморфное изображение находилось в обитаемом месте. Характерные женские черты, аккумулированные в главной теме (пол, сюжет животного-самки) еще усилены открытием других стилизованных женских изображений и в том же слое VII и в слое VI, лежащем непосредственно выше (Fortea et al., 1987: fig 10, 2, 4). Еще один возможный антропо-зооморф (рис. 32, 1, 2) выгравирован последним на плакетке № 1042 из слоя IXa пещеры Лас Кальдас с тремя последовательными фигурами мамонтов и одного носорога (?) (Corchon, 1991-1992: 47, 51, fig. 7). Фигура передана в правый профиль и имеет то же горизонтальное положение, что и образы животных, но ее лучше рассматривать в вертикальной позе, свойственной человеку. Тело умеренных пропорций, линия спины плавно изогнута и заканчивается хвостом из трех расходящихся линий. Голова посажена под прямым углом к телу и слегка обращена вверх. В верхней части затылка помещено короткое незаконченное ухо. Выпуклый лоб переходит в удлиненную морду типа лошадиной с открытым ртом. Над глазом овальной формы видна бровь. Линия груди – живота слегка выпуклая. Руки и ноги – человеческие.

Мамонт. На упомянутой гравированной плитке № 1042 из Лас Кальдас выгравированы последовательно три фигуры мамонта в одном направлении в правый профиль (рис. 32, 3-5). Основа состоит из четырехугольной плитки плотного тонкозернистого песчаника. Левая часть плитки, возможно, обломана, поскольку гравюры обрываются примерно посередине, теряя заднюю часть (Corchon, 1991-1992: 45-47, fig. 4-7).

Фигура, прорисованная первой, наибольших размеров представляет мамонта, реализованного техникой многократных линий, хорошо обозначающих угловатый профиль. Горб и затылочная впадина слабо выражены. Голова закругленная, объемистая с отмеченной челкой. Округло-овальный глаз расположен напротив орбитальной выпуклости. Длинный хобот закруглен и направлен назад в область передних ног. Начало бивней намечено, но они, видимо, унесены изломом. Ноги переданы неотчетливо, но хорошо видна подковообразная линия живота. Нижняя часть головы и грудь покрыты штрихами, обозначающими шерсть.

Второй мамонт более укороченный и меньших размеров напоминает изображения молодых животных. Более глубокие линии гравюры отчетливо выделяются на фоне линий первой фигуры. Более выпуклая голова отделена от спины плавным понижением. Четко выражены предорбитальный выступ, овальный глаз и маленькое ухо. Хобот довольно короткий, закругляется к толстой передней ноге. Тонкие бивни направлены вперед, они нарисованы в перспективе, т.е. правый пересекает хобот, а левый отходит от внешней линии хобота. Передняя нога, толстая, суживается книзу, задняя моделирована и ее касается короткий хвост. Круп обломан. Почти вся поверхность тела, за исключением головы, шеи и ног покрыта тонкими неясными штрихами, что, заметим, в общем, не свойственно детенышу – он лишен шерсти.

Третий мамонт промежуточной пропорции с более выраженными горбом и затылочной выемкой. Голова крупная, округлая, предорбитальный выступ с округло-овальным глазом сильно выражен, хобот закругляется и его конец пересекает переднюю ногу. Бивни в виде двух тонких параллельных линий отходят от нижней челюсти, пересекают хобот и немного расходятся. Передняя нога отчетливая, колоннообразная, в то время как задние ноги как бы сдвоены и покрыты мелкими штрихами, заметными на всей нижней части тела и на голове.

С. Корчон ссылается на другие изображения мамонтов в Ла Льюера, Куэто де ла Мина и Лос Казарес, оставшиеся мне неизвестными, отмеченные же черты сходства с настенными изображениями мамонтов из пещер Кантабрии и Франции несомненны. Что касается фигуры носорога (рис. 32, 6)на той же плакетке, что и изображения мамонтов и антропозооморфа, она кажется мне недостоверной.

Олень. Учитывая хорошо известные изображения оленей и особенно ланей из Кастильо и Альтамиры, они составляют наиболее многочисленную группу среди животных. В ряде случаев трудно определить благородный это олень или северный и тогда появляется общая идентификация – олень, в ряде случаев существует неопределенность олень это или лошадь, что вынуждает исключить эти образы из рассмотрения. Наиболее показательны и неоспоримы изображения ланей и, в первую очередь, их головы в единичных случаях вырезанные по контуру и наиболее хорошо

представленные в гравюре. Известны только два контура, один, найденный в слое 4 в Святилище Эль Юйо, вырезан из ребра оленя (рис. 33; Utrilla, 1987: fig. 2, 6), второй – из подъязычной кости лошади, переделанный из неудавшейся попытки изобразить голову лошади, происходит из слоя IVc Ла Виньи. Замечательные гравюры голов оленя, трех ланей и лошади нанесены на почти целый просверленный жезл из рога благородного оленя, найденного в 1926 г. в Эль Пендо – одно из лучших произведений палеолитического искусства малых форм (рис. 34). Круглое отверстие было реализовано прежде нанесения гравюр, доказательством может служить, что оно не повредило рисунки, напротив, расположение рогов оленя обусловлено контуром отверстия. Любопытно, что головы оленя и ланей переданы в одной манере с мелкой штриховкой только верхней части морды, в то время как голова лошади заштрихована почти полностью, хотя нет никаких сомнений, что все они были выполнены в одно время и одной рукой – рукой гениального рисовальщика, разместившего на уплощенно-овальной поверхности жезла семейство благородного оленя, без которого не обходился ни один пейзаж того времени. Исходя из общей формы жезла Г. Обермайер предположил, что изделие имеет форму головы животного. Х. Карбальо и Б. Ларин пошли дальше, утверждая, что она представляет голову лошади (Barandiaran, 1973: 180-182, lam. 33, 2). Вызывает удивление, что они не заметили бесспорное сходство этого предмета с жезлом – рыбой, также найденной в Эль Пендо (там же: 185, lam. 46, 7). Жезл с гравюрами представляет фигуру рыбы с намеченной головой, границы которой передают угловатые нарезки – жабры, и открытым ртом. Проксимальный конец имеет в профиль форму хвостового плавника с пятью радиальными линиями.

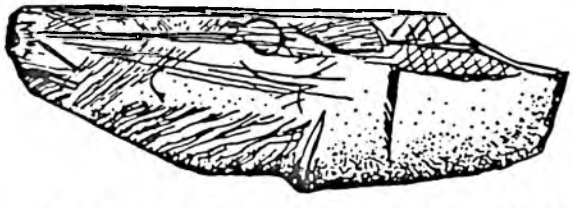

Рис. 33. Голова лани, вырезанная из ребра оленя. Эль Юйо.

В качестве примера целой фигуры благородного оленя следует привести изображение на просверленном жезле из рога благородного оленя, происходящего из верхне-мадленского слоя Эль Кастильо (рис. 35). Фигура, вырезанная в левый профиль глубокими и отчетливыми линиями, удачно размещена на поверхности рога: разветвленная роговая система направлена вперед в суженный дистальный конец, а мощное тело занимает толстую часть ствола. На небольшой голове указаны незаконченное ухо, глаз и рот. Немногие детали пропорционального тела передают слабый горб на прямой линии спины, короткий, прилегающий к крупу хвост, прямые слегка отклоненные назад передние и согнутые задние ноги. Совершенство изображения позволяет сравнивать эту гравюру с лучшими произведениями искусства Аквитании (Breuil, Obermaier, 1913: 5, fig. 2; Barandiaran, 1973: 107-108, lam. 32, 1).

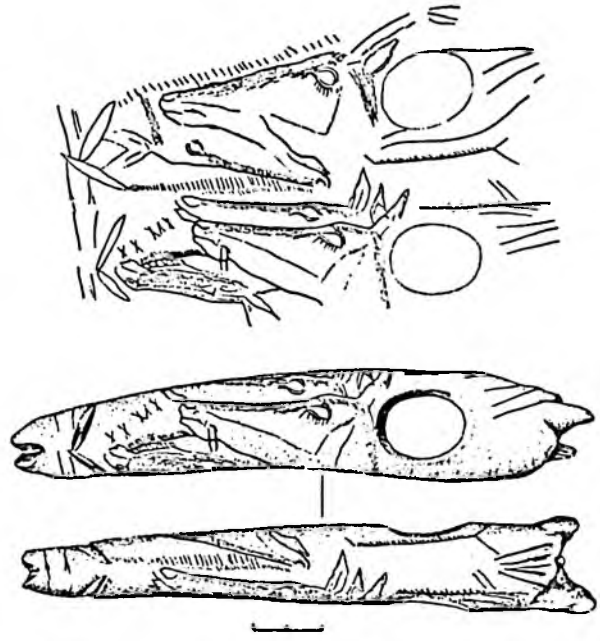

Рис. 34. Гравюры голов оленя, трех ланей и лошади на просверленном жезле. Эль Пендо.

Рис. 35. Гравюра благородного оленя на просверленном жезле. Эль Кастильо.

Примерами изображений северного оленя могут служить фигуры на двух плакетках песчаника из Лас Кальдас (рис. 36). Плакетка № 6079 размерами 5.8x5.0x1.5 см относится к первому заселению пещеры, отмеченному однообразными седиментами слоя IXb, отложенными непосредственно на стерильную глину слоя X. Фигура животного в левый профиль неполная, у него отсутствуют ноги, хотя кажется, что для передачи задних ног места было бы достаточно. Голова на короткой шее поставлена прямо как у спокойно стоящего животного. Она увенчана рогами: длинным стволом с двумя разветвлениями и направленными вперед тремя короткими отростками. На голове отчетливо вырезан овальный глаз с бровью и короткая изогнутая линия рта. Горб на спине выделен слабо. Круп закруглен, согласно заглаженному краю плакетки. Линия груди прервана неясными штрихами,

расположенными на месте начала ног. Линия живота состоит из двух выпуклых линий: отчетливой и неясной (Corchon, 1991-1992: 41, fig. 1).

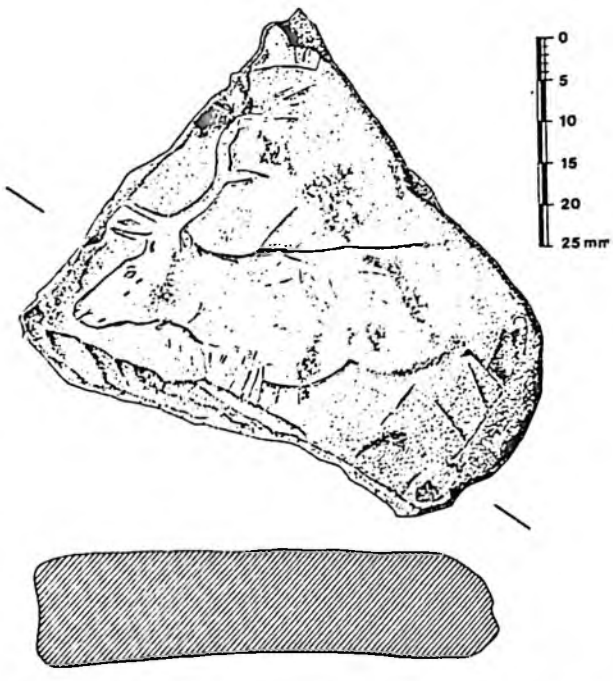

Рис. 36. Гравюра северного оленя на плакетке песчаника. Лас Кальдас, уровень IXб.

Вторая плакетка № 950 с максимальными размерами 6.7x6.8x1.1 см гравирована с двух сторон (рис. 37). Фигура северного оленя в правый профиль неполная: у нее отсутствует, видимо, из-за излома плакетки задняя часть. Это изображение спокойно стоящего животного с головой, направленной вперед. Система рогов передана небрежно, как и длинное ухо на мощной короткой шее. Овальный глаз, ноздря и линия рта отчетливые. Горб на спине слабый. Моделирован подгрудок и детально изображены длинные тонкие передние ноги, расходящиеся в нижней части и снабженные копытами (там же: 43, fig. 2).

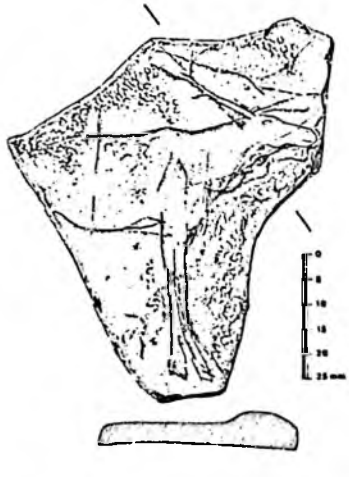

Рис. 37. Гравюра северного оленя на плакетке песчаника. Лас Кальдас., уровень Ixa.

Лошадь занимает второе место после оленей и встречается в виде гравюр целых фигур, отдельных частей тела и отдельных голов нередко намеренно изображенных изолированно. Особое место среди последних занимают головы, вырезанные по контуру из подъязычных костей лошади. Два таких изделия найдены в навесе Ла Винья. Одно почти целое, размерами 5.2x2.4x0.4 см , поврежденное лишь в проксимальной части, имеет четкий контур головы лошади, дополненный с двух сторон гравированными деталями с небольшими различиями на каждой стороне. Так на одном фасе над овальным глазом расположена бровь, на другом нарисованы нижнее веко и слезный мешочек. Шерсть бороды изображена параллельными короткими косыми штрихами. Одно отверстие находится на уровне ноздрей, второе было позади глаза, но оказалось обломанным (Fortea et al., 1990: 235, fig. 7).

Не останавливаясь на многочисленных гравюрах голов лошади перейдем к наиболее интересным фигурам и затем к изображениям, связанным с другими видами одной основой. Из целых фигур наиболее репрезентативна одна, нанесенная на обломке диафиза крупной кости длиной 21 см из Эль Пендо (рис. 38). Любопытно, что этот бесформенный обломок, негравированная часть которого несет интенсивную забитость, имеет в левом верхнем углу круглое отверстие одностороннего сверления. Фигура лошади, лишенная частично ног, нанесена в левый профиль в спокойном положении. Она обладает точными пропорциями и определенными реалистическими деталями такими как ухо, глаз, характерные очертания морды и пушистый, отставленный от тела хвост. Наибольший интерес вызывает трактовка гривы в виде удлиненного четырехугольника, плотно заполненного косыми параллельными штрихами (Barandiaran, 1973: 196-197, lam. 45, 5). Значительно более скромно изображение фигуры лошади в левый профиль на обломке тазовой кости из Ла Пила. Оно обладает всеми характерными признаками устремленного вперед животного без лишних деталей (Bernaldo de Quiros et al., 1992: fig. 4, 13).

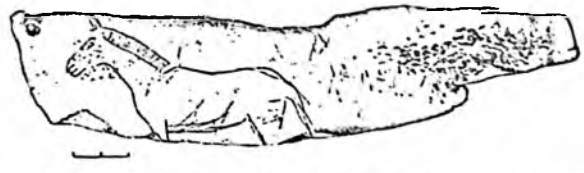

Рис. 38. Гравюра лошади на крупном фрагменте кости. Эль Пендо.

Из обычных статичных фигур выделяется гравюра лошади на каменной плитке из Ла Палома (рис. 39). Эта фигура в левый профиль хорошо вписывается в треугольную поверхность плитки, но художник был вынужден подогнуть единствен-

но изображенную переднюю левую ногу, как передающую движение и выполненную вполне реалистически. Параллельные и тесно сближенные задние ноги согнуты в такт движению, которое подчеркивает и откинутый назад хвост. В контур мощной головы вписывается более тонкая голова другой фигуры лошади меньших размеров, выполненной по ряду признаков первой. Борода, переданная короткими штрихами, кажется общей для обеих голов. Вторая фигура выгравирована более тонкой линией. На воспроизведенной прорисовке она лишена ног, но, на мой взгляд, именно к ней относится тонкая прямая нога, изображенная перед передней ногой первой лошади. Развевающийся хвост этой лошади отчетливо виден на крупе первой фигуры. Перед ее грудью расположены две загадочные фигуры, напоминающие ноги какого-то существа. По тонкости линий их можно было бы приписать второй лошади, но, если верхняя может соответствовать ее размерам, то нижняя непомерно длинна. Окончания этих «ног» далеки от реальности (Barandiaran, 1973: 157-158, lam. 54).

Рис. 39. Гравюры двух лошадей на каменной плакетке. Палома.

Привлекает внимание и другой обломок диафиза из Эль Пендо, гравюры которого повреждены изломами, но, тем не менее, легко читаются изображения животных в правый профиль, следующих одно за другим. Слева голова и шея лошади с обилием деталей: взъерошенная грива, отделенная горизонтальной линией, вертикально поставленное ухо, овальный глаз, ноздря и рот. Масса мелких тонких штрихов расположена пятнами. Лошадь почти вплотную следует за практически целой фигурой быка с характерной линией спины и свисающим хвостом. Голова частично повреждена, сохранились начало ног, линия живота с отчетливо переданным половым признаком. Передняя часть тела и область паха тонко заштрихованы (там же: 196, lam. 53, 2; fig. 14). Это единственное свидетельство непосредственной ассоциации лошади и быка на одной основе.

Другой интересный пример сочетания дает плакетка из Ла Винья, правда, там изображения помещены на разных сторонах основы (рис. 40). На одном фасе фигура лошади в правый профиль хорошо вписывается в трапециевидную форму плакетки. Голова крупная с челкой и тонкой лохматой гривой, переданными частыми короткими беспорядочными штрихами. Тело коренастое, спина подчеркнуто седловидная, живот объемистый. Передние ноги переданы двумя треугольными выступами. Такой же формы, возможно, и одна из задних ног, вторая, если это нога, значительно тоньше. Если фигура лошади вполне реалистична, то другая сторона несет бесспорно знаковые гравюры: внизу расположен треугольник, который можно трактовать как женский признак пола, над ним малых размеров клавиформа. Упоминается наличие и второй клавиформы, которую трудно идентифицировать на рисунке (Fortea et al., 1990: 233, fig. 4, 1).

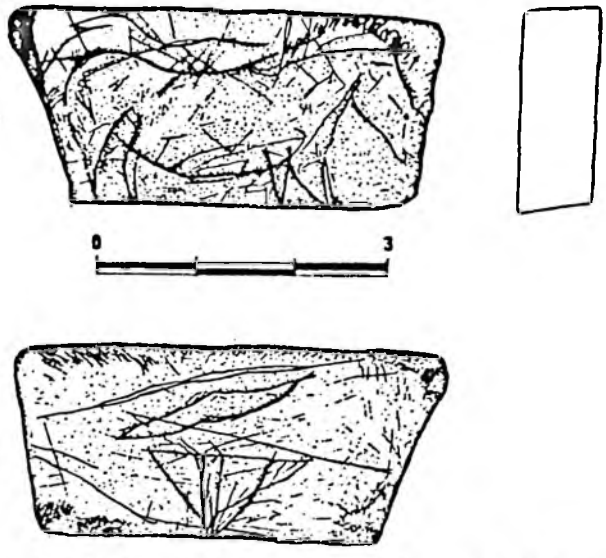

Рис. 40.Гравюра лошади на каменной плакетке. Ла Винья.

Бык/бизон довольно редко представлен в искусстве малых форм Кантабрии и связан, прежде всего, с декорацией предметов небольшого объема: гарпун, наконечники, палочка. Из таких изолированных фигур наиболее импозантно изображение быка в левый профиль на обломке панциря крупной черепахи из пещеры Бальмори (рис. 41).

Эта пластина длиной 20 см имеет круглое отверстие для подвешивания, расположенное позади фигуры быка, т.е. при ношении изображение оказывалось головой вниз, случай, не столь уж редкий в палеолитическом искусстве. Голова несоразмерно мала по отношению к мощному телу. Из деталей отмечены характерные очертания морды, глаз и начало уха, унесенного, как и рога изломом. Линия спины слабо извилистая и заканчивается длинным хвостом, обозначенным двумя параллельными линиями, отстоящими от тела под углом примерно 45°. От передней ноги сохранилось только начало, задняя моделирована, но кончается на уровне голени. Линия живота слабо выпуклая со схематично изображенным половым признаком. Позади фигуры и отверстия расположен ромбический знак с 4 горизонтальными короткими нарезками в центре. Уже после нанесения хвоста животного на этом конце пластины прорезаны тонкие параллельные штрихи неравной длины, частично затрагивающие ромб (Barandiaran, 1973: 89-90, lam. 45, 6).

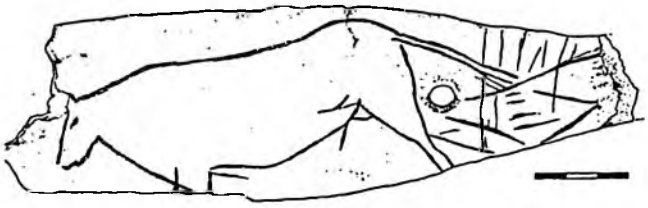

Рис. 41. Гравюра быка на обломке панциря крупной черепахи. Бальмори.

Два интересные предмета происходят из Лас Кальдас. В слое VIIIb найдена подвеска, вырезанная из зуба кашалота или моржа. На одной стороне выгравирована реалистическая фигура бизона в правый профиль, расположенная также вниз головой по отношению к просверленному биконическому отверстию на закругленном конце. В этом образе сосредоточены все черты, характеризующие кантабрийско-пиренейское искусство среднего мадлена. Под животом зверя расположена линия коротких неравных нарезок. На другой стороне подвески представлена овальная фигура, по мнению авторов, крупного морского животного, скорее всего, кашалота (Fortea et al., 1990: 241, fig. 15, 2).

На втором предмете из слоя VII – подъязычной кости лошади с двух сторон нанесено по одной гравированной голове бизона, великолепно исполненных и характерных для этого вида. Головы, из которых одна более мелкая и тонкая, трактованы в профиль (одна в левый, другая в правый) с рогами в нормальной перспективе. Естественная форма основы была учтена при нанесении декора. Борода подчеркнута резкими параллельными штрихами. Детализированы типичный для бизона пучок волос над лбом, морда, глаз и рога. Напротив, уши не были изображены, как это случается для многих настенных фигур бизонов из того же хронологического этапа, например, в Нио (там же: 231, fig. 11, 3).

Горный козел достаточно хорошо представлен в Кантабрии. Он, пожалуй, единственный из всех видов животных передан и в реалистической, и в крайне стилизованной формах. В первой, прежде всего, следует отметить плоскую скульптуру – подвеску в виде головы из слоя Ia, b Тито Бустийо (рис. 42). Подвеска вырезана из рога по контуру с указанием деталей, применяя различные техники гравюры и глубокую просверлину с цилиндрическим профилем на месте глаз, предназначенную для инкрустации красящего вещества. На ушах имеется другое отверстие, которое бесспорно служило для подвешивания. Оба фаса несут одни и те же детали, правый немного более точный. С морфологической и функциональной точек зрения эта скульптурная голова горного козла очень близка к предметам contours découpés, хотя первичный материал и техника изготовления абсолютно отличны (Moure-Romanillo, 1985: 109-111, fig. 6).

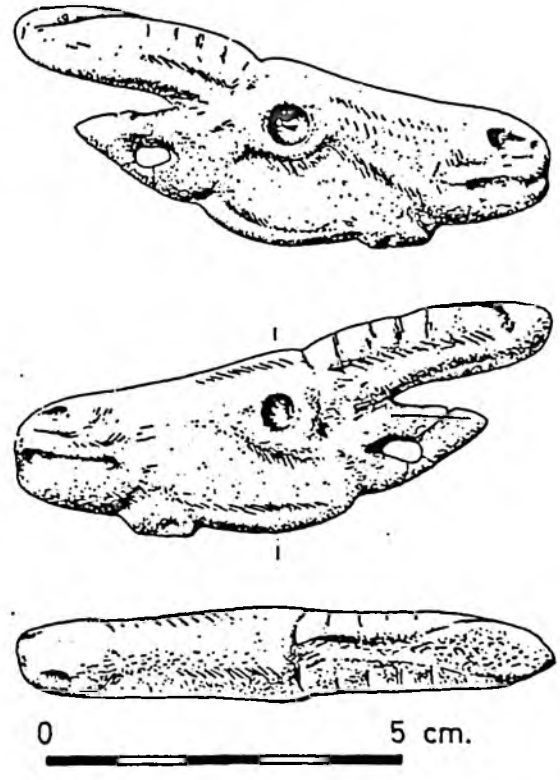

Рис. 42. Скульптура головы горного козла из рога. Тито Бустийо.

Из гравированных изображений следует отметить фигуры на уплощенной удлиненной гальке из Болинкоба, использованной как отжимник. На одном фасе точно вырезаны два горных козла, следующих один за другим в левый профиль. Первый с опущенной головой и падающей линией спины не закончен. У второго, более крупного, передняя нога направлена вперед. У обоих одинаково длин-

ные и переданные в одной манере извилистые рога (Barandiaran, 1973: 97, lam. 36, 4).

На одном из обломков плитки песчаника, происходящем из слоя D Уртиаги, выгравирована очень четкой линией голова горного козла в левый профиль без излишней детализации, но вполне узнаваемая по характерным очертаниям морды и рогам (рис. 43). На найденном позже присоединяющемся фрагменте поверхность сохраняется чистой, следовательно голова была намеренно изображена изолированной. Интерес этой находки в том, что на обратной стороне другого прилежащего фрагмента изображена почти целая фигура северного оленя в правый профиль с опущенной головой и разветвленной системой рогов (Barandiaran, 1973: 225-226, lam. 56; Moure-Romanillo, 1985, fig. 10). Таким образом, здесь отмечается достаточно редкая в этом регионе, хотя и опосредованная ассоциативная связь между животными различных видов.

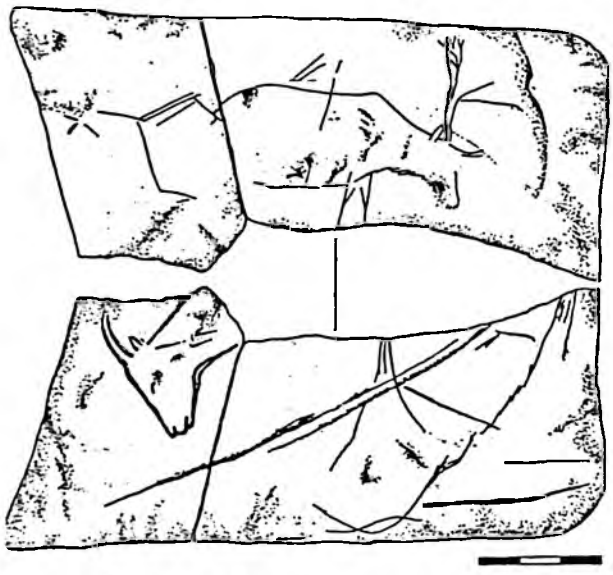

Рис. 43. Гравюры: а) северного оленя, б) головы горного козла на плитке песчаника. Уртиага.

Очень любопытна вполне узнаваемая фигура горного козла из Эль Пендо, изображенная в фас на боковом фрагменте просверленного жезла. В вертикальном положении рядом с сохранившейся частью отверстия твердой линией прорисована голова с торчащими ушами и прямыми расходящимися рогами, посаженная на тело овальной формы. Линия тела продолжается, видимо, внешним контуром правой ноги. Эта нижняя часть покрыта рядами коротких глубоких нарезок(Barandiaran, 1973: 182-183, lam. 29, 1, fig. 16).

Из Эль Пендо происходит и обломок просверленного жезла из дистального конца рога со стилизованными головами горных козлов с расходящимися в виде V рогами (Barandiaran, 1973: 183-184, lam. 31, 8). И. Барандиаран приводит показательную таблицу постепенного развития стилизации фаса горных козлов во многих стоянках Кантабрии (там же: fig. 45).

В противоположность горному козлу, особенно стилизованному, пиренейская серна изображалась крайне редко. Из Альтамиры происходит центральный фрагмент просверленного жезла из рога благородного оленя (рис. 44). На развертке гравюры видны слева две головы пиренейских серн, из которых одна оказывается перевернутой, справа – две задние части неопределимых животных. Головы определенно стилизованы, но характерная форма рогов позволяет их идентифицировать (Cartailhac, Breuil, 1906: 253-256, fig. 176; Barandiaran, 1973: 79-80, lam. 33, 1). Выразительная голова пиренейской серны, гравированная в левый профиль на обломке ребра, происходит из пещеры Коллюбиль (там же: 115-116, lam. 53, 8). Две великолепные головы этого животного представлены в сцене из Ла Торре, на которой остановимся ниже.

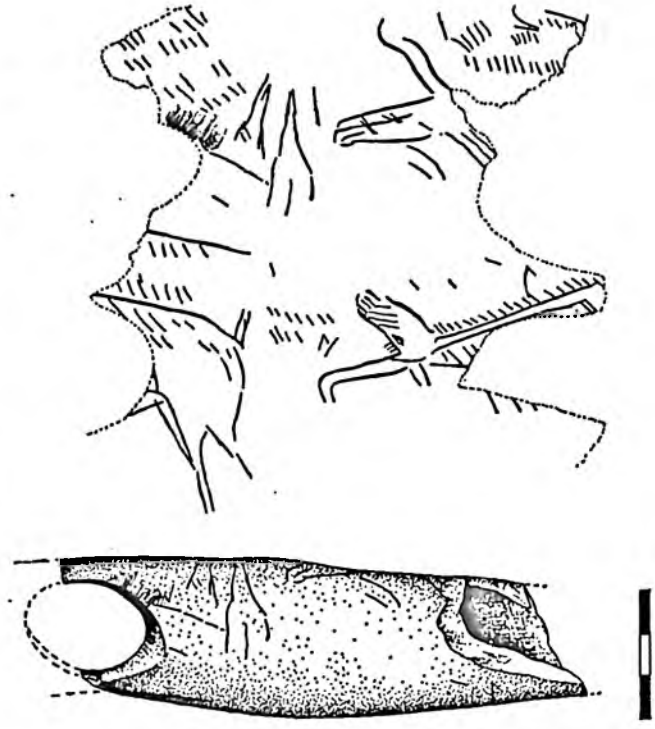

Рис. 44. Гравюры голов пиренейских серн на обломке просверленного жезла. Альтамира.

Удивительна редкость изображений хищников в этом районе. Мне известны только 3 предмета: два из Кастильо и один из Сантимаминье. Напомним, что из граветтского слоя Кастильо происходит уплощенная сланцевая галька, использованная как отжимник. На одной стороне тонкой линией передана отчетливая целая фигура в правый профиль, напоминающая животное из семейства кошачьих (там же: 106, lam. 35, 2). На обломке гарпуна с одним рядом зубцов из верхнемадленского слоя того же местонахождения выгравирован левый профиль медведя или волка (там же:

108-109, lam. 23, 3). Округлая сланцевая галька из Сантимаминье покрыта тонкими линиями, среди которых выделяется фигура четвероногого, ближе других напоминающего лисицу. Галька несет многочисленные следы использования в качестве отжимника (там же: 214, lam. 36, 1). Сантимаминье относится к мадлену V или VI и невольно возникает вопрос почему в столь отдаленные эпохи как граветт и верхний мадлен образ хищника украшал отжимники. Следует заметить, что все три изображения не имеют достаточно характерных черт для точной идентификации образов, но их принадлежность к хищникам представляется вполне допустимой.

Чрезвычайно редки и изображения птиц – достаточно сомнительная находка из Эль Бучу и несколько более выразительная из Ла Виньи: фрагмент рога оленя из слоя IV с дифференцированным рельефом, изображающим птицу в профиль (Fortea et al., 1990: 234, fig. 5, 1).

Значительно больше внимания уделено рыбам. Из старых находок можно отметить крупную костяную плакетку из Эль Пендо, имеющую в длину 20 см на 3 см ширины и 4 мм толщины и рыбовидную форму. Часть, соответствующая голове, не сохранилась, зато хвост очень выразительный с его кривыми линиями по три с каждой стороны хвостового плавника. Тело покрыто сеткой, расположенной в центре и по бокам (Barandiaran, 1973: 186-187, lam. 28, 2, fig. 15). Помимо еще двух рыбовидных предметов, в Эль Пендо найден обломок наконечника с гравированными мотивами, где главным сюжетом является рыба с подчеркнуто зубастым открытым ртом (там же: 190, lam. 17, 1). Из новых находок интересна аналогичная плакетке из Эль Пендо, но значительно меньших размеров, происходящая из слоя 4 Ла Виньи, подвеска, вырезанная по контуру из тонкой костяной пластинки размерами 6.5x1.8 см. Хвост короткий, но слабая перемычка, отделяющая его от тела, позволяла подвешивать предмет вниз головой (Fortea et al., 1990: 235, fig. 4, 2). Реалистические гравюры трех рыб, несомненно лососевых, найдены в Лас Кальдас на двух обломках ребер (там же: 231, fig. 10, 2). Более схематичные изображения отмечены в Ла Пила (Bernaldo de Quiros et al., 1992: fig. 4, 1, 3).

Змеевидные мотивы достаточно часты в этом районе, но за изображение змей приняты лишь фигуры на двух гарпунах из Ла Пила: одна достоверная, другая сомнительная (там же: fig. 2, 1, 2).

Из предметов представлено лишь изображение гарпуна на обломке ребра (Barandiaran, 1973: 227, lam. 48, 2).

Что касается сцен или композиций, состоящих из различных участников, они немногочисленны, но достигают высокого уровня художественного совершенства. Это, прежде всего, гравированная кость птицы из Торре с двумя уровнями фигур (рис. 45). В нижнем уровне доминируют две крупные неполные (голова и шея) фигуры пиренейских серн, следующих одна за другой в правый профиль. Позади второй расположена голова антропоморфа, пересеченная двойной дугообразной линией. Между сернами находится странная фигура, обращенная к подобной фигуре верхнего ряда в левый профиль. Интерпретация этих фигур затруднена. Над второй фигурой серны и антропоморфом расположена голова и шея лошади в левый профиль и перед нею голова и шея благородного оленя с короткими рогами. Сцена несомненно имеет мифологический смысл, ускользающий от любой интерпретации (Barandiaran, 1971, 1973: 219-220, lam. 51).

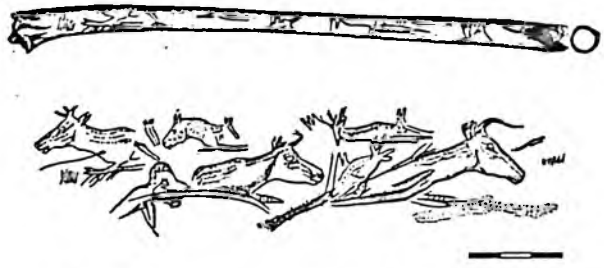

Рис. 45. Гравюры антропоморфа и животных на кости птицы. Ла Торре.

Более проста, но также насыщена различными знаками, в том числе и рыбовидными, сцена на кости птицы из Эль Валле (рис. 46). Среди знаков выгравированы в правый профиль две лошади, следующие одна за другой (там же: 234-236, lam. 50).

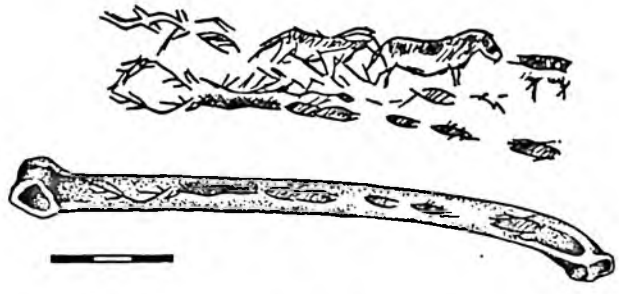

Рис. 46. Гравюры двух лошадей и схематичных рыб на кости птицы. Эль Валле.

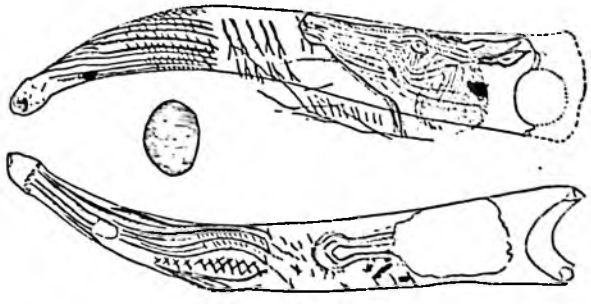

Рис. 47. Гравюры головы лани и схематичных человечков на просверленном жезле. Эль Валле.

Вторая сцена из Эль Валле выполнена на жезле из дистального конца рога оленя, обломанного на половине просверленного отверстия: великолепная голова лани с откинутыми назад ушами, моделированная мелкой штриховкой, противостоит двум сериям схематических человеческих силуэтов (рис. 47; там же: 236-237, lam. 32, 3).

СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ИСПАНИИ.

Эта обширная территория восточной прибрежной полосы Иберийского полуострова обычно рассматривается как отличная по культуре от франко-кантабрийской зоны и входящая в круг верхнепалеолитических памятников северного Средиземноморья. Вместе с тем, имеются и значительные культурные различия между местонахождениями Восточных Пиренеев (Каталония), Леванта и южных провинций, отражающих адаптацию различных человеческих групп к достаточно разнообразной природной среде, например, дифференцированное потребление кролика в Леванте или рыбы и других морских животных на юго-востоке.

Эта территория была мало известна исследователям, за исключением, может быть, такого уникального памятника как Парпальо в Валенсии, до появления детального обзора верхнего палеолита средиземноморской Испании, выполненного В. Виллаверде, Х.Э. Аура и К.М. Бартоном (Villaverde et al., 1998). Широко рассматривая пространственную и хронологическую вариабельность восточного и юго-восточного побережья Испании авторы отмечают, что суровые условия последнего цикла оледенения – межледниковья в позднем плейстоцене были на этом пространстве более умеренными, особенно южнее 40-й параллели. Вне Кантабрии и Пиренеев признаки позднеплейстоценового оледенения были установлены только в самых высоких (около 2 350 м) точках горных массивов. Тем не менее, некоторые из глобальных процессов, связанных с последним оледенением, оказывали заметное воздействие на окружающую среду. Предполагается, что в западной части Средиземного моря значительное понижение температуры воды совпадало с максимальной морской регрессией около 18 000 лет назад. В течение раннего голоцена уровень моря поднялся снова и к 9 000 лет назад оказался на 40 м выше, затопив континентальный шельф. Береговая линия отступила к краю возвышенностей в одних местах и сузила прибрежную равнину в других.

Палеоботанические данные из палеолитических стоянок показывают значительные снижения температуры в течение верхнего плейстоцена и вариабельные более сухие и менее холодные условия южнее 40° с.ш. Возможно, были и существенные различия между фаунистическими комплексами, хотя авторы оговаривают, что млекопитающие крупных и средних размеров имеют ограниченную ценность для детальной биогеографической реконструкции, они излагают некоторые общие наблюдения. Такие виды как северный олень, бизон, слон, гиена, которых они называют евросибирскими, отмечены в Каталонии и южнее 40-ой параллели, копытные включают фауну, близкую к современной: благородный олень, пиренейский козел, бык, лошадь. Это может указывать или на изменения в окружающей среде или на высокую степень адаптационной гибкости этих видов. Указания на более холодные условия присутствуют и в авифауне и морской фауне, найденной в стоянках Андалусии и Валенсии. Так, в пещере Нерья найдены кости пингвина (Alca impennis), в пещере Сендрес – кости желтоклювой альпийской галки (Pyrrhocorus gracilus) и из грызунов – полевка обыкновенная.

Авторы приводят таблицу схематической корреляции между хронологией и палеоокружающей средой в средиземноморской Испании, основанную на последовательности изотопов углерода, альпийской ледниковой секвенции, западно-европейской палинологической и археологической секвенции и радиоуглеродным датировкам недавно исследованных многослойных памятников Малладетес и Сендрес в Валенсии (Villaverde et al., 1998: tabl. I).

Начнем обзор с граветта, поскольку именно к этой эпохе относятся древнейшие, установленные в настоящее время произведения искусства малых форм, открытые в Парпальо и Малладетес. В целом ориньякских стоянок с адекватно описанным материалом в стратиграфическом контексте настолько мало, что это не дает возможности выделения локальных вариантов. Пространственная вариабельность начинает появляться только в граветте, но и эти данные позволяют дифференцировать лишь три региона: Каталония (Арбреда, Реклау Вивер), Валенсия (Малладетес, Парпальо, Барранк Бланк, Кова Бенеито), Андалусия (Куэва Нерья, Байондильо). Хотя в граветте появляется региональное разнообразие, существуют большие трудности в корреляции комплексов внутри регионов и даже еще большие трудности в связи с их сходством с инвентарем стоянок средиземноморской Франции и Италии или с инвентарем Португалии и Кантабрии.

В целом, граветтские памятники немногочисленны, их материалы происходят частично или полностью из относительно ранних раскопок с небольшим числом данных по хронострати графии и палеоокружающей среде. Оговаривая, что любая интерпретация в этих условиях должна считаться предварительной, Виллаверде и его соавторы (Vil-

laverde et al., 1998: 152) утверждают, что начало граветта в средиземноморской Испании предшествует перигору V (фации с резцами ноай) Кантабрии, юго-восточной Франции и северной Италии и его конец совпадает с начальным иберийским солютре. Они предлагают обозначать эти памятники как средиземноморскую фацию с недифференцированным во времени граветтским инвентарем, включающим пластинки с притупленной спинкой, костяное острие с одной гранью, двойные острия и шилья.

Данные о палеоокружающей среде из Малладетес (слои VII и X) и Бенеито (слой IV) указывают, что граветтское население этих стоянок существовало в условиях сурового климата, характеризующегося физическим выветриванием, с включенными незначительными улучшениями, которые могут соответствовать интерстадиалу тюрсак. Что касается фауны, то лошадь более обычна в северном Средиземноморье, в то время как горный козел чаще встречается в центральном и южном районах. Часто фаунистические остатки характеризуются сверхизобилием одного или двух более крупных видов, хотя лагоморфы являются постоянно значимым компонентом.

В граветтских слоях Парпальо и Малладетес встречается ограниченное, но важное число плакеток известняка, гравированных зооморфными или более редко абстрактными фигурами. Эти гравюры служат примером стилей, которые традиционно связываются с очень ранними фазами верхнепалеолитического искусства. Они включают тела животных, диспропорционально крупные по сравнению с головами и ногами, животных с отвислыми животами, шейно-спинными линиями, редкими анатомическими деталями и штрихами, изображающими шерсть.

Наличие солютрейских наконечников в комплексах, датируемых между 21 000 и 17 000 лет назад, отмечает появление новой технологии в Средиземноморской Испании. Географическая вариабельность солютрейских бифасиальных орудий показывает различие между Каталонией и остальной средиземноморской зоной, которую Ф. Хорда (Jorda, 1955) предложил назвать зоной иберийского солютре. Данные о палеоокружающей среде и экономике этой зоны фрагментарны и часто плохого качества, особенно на юге, но уравновешиваются большим числом солютрейских стоянок. Кроме того, многие из них недавно раскопаны и многие находятся в процессе изучения.

В Северной Каталонии раскопки Н. Солера и Х. Марото стоянки Арбреда обнаружили выше граветтского слоя отложения толщиной 30 см без хронологических дат, но с характерным солютрейским плечиковым наконечником. Выше лежит другой слой 30-40 см толщины с радиоуглеродной датой 17 320±290 лет назад (Gif-6418) с различными типами солютрейских наконечников. Еще выше залегает тонкий слой с круто ретушированными плечиковыми наконечниками, сходными с орудиями из развитого солютре в остальной средиземноморской Испании.

Что касается иберийского солютре, то его начало и конец противоречивы. По поводу его первоначального появления Ф. Смит (Smith, 1966) утверждал, что это был французский феномен, который распространился на Иберийский полуостров в эпоху среднего солютре. Споры о конце иберийского солютре возникли по причине его очевидно позднего существования и замещения бифасиальных наконечников наконечниками из рога и кости в его финальных фазах. Ранний иберийский солютре найден в Парпальо и Малладетес. Эти древнейшие солютрейские слои, датированные 21 000 – 20 000 лет назад, одновременны первоначальным солютрейским поселениям в Португалии и юго-западной Франции. Это означает, по утверждению В. Виллаверде и др., что начальный солютре был широко распространенным явлением в юго-западной Европе (Villaverde et al., 1998: 157). Единственное свидетельство палеоокружающей среды происходит из слоя IV в Малладетес, где частые находки плакеток от морозного растрескивания и малое количество пыльцы древесных пород указывают на относительно холодные и сухие условия.

Большое число стоянок со слоями среднего иберийского солютре хорошо характеризует этот период в центральной и южной средиземноморской Испании, тем более, что они представлены в Парпальо и Малладетес богатыми комплексами. Каменный инвентарь находит близкие аналогии в одновременных памятниках Кантабрии и Франции. В Парпальо может быть прослежено развитие искусства на месте: гравированные плакетки показывают стилистическую непрерывность от раннего к позднему солютре (Villaverde, 1994).

Данные по реконструкции регионального палеоокружения единичны. В слое V Малладетес наблюдается климатическое улучшение, которое можно коррелировать с интерстадиалом ложери. Часть солютрейского слоя D Арбреда может быть датирована около 20 000 лет назад и, следовательно, коррелироваться со слоем V Малладетес. Этот слой D содержит до некоторой степени необычное смешение фауны, включающей сравнительно теплолюбивые виды: гидрунтиновый осел, кабан и серна вместе с такими показателями холодного климата как полевка обыкновенная, полевка-экономка. В Нерья изучение древесного угля подтверждает относительно теплые и влажные условия для слоя V 8. Хронометрические зоны помещают слои V 10 и V 8 между 20 000 и 17 000 лет назад.

Развитой иберийский солютре продолжался три тысячелетия от 19 500 до 16 500 лет назад с соответствующим замедленным появлением мадлена в регионе. В некоторых стоянках отмечено в начале развитого иберийского солютре изменение к более суровым климатическим условиям. Рога северного оленя, кости овцебыка и суслика найдены в слоях Арбреды с инвентарем развитого солютре, свидетельствуя о замещении умеренной фауны видами, адаптированными к более холодным условиям. Слои развитого солютре в Малладетес, возможно, коррелируются с интерстадиалами и ложери и ляско. Древний дриас, по-видимому, представлен более холодным интервалом, ассоциированным с позднейшими фазами развитого солютре, такими как слой II в Малладетес и слой II в Бенейто. Слои IV-II в Ратла дель Бубо, возможно, также соответствуют интерстадиалу ложери/ляско, причем уголь из слоя II датирован по радиоуглероду 17 360±180 лет назад (Ly-5809). Палинологический анализ указывает на холодный сухой интервал. Можжевельник преобладает в пыльце деревьев, за ним следует сосна (Pinus nigra). Следующий слой I обнаруживает более умеренные и влажные условия с более высоким содержанием ясеня (Fraxinus) и Pistaria terebintus. Такие же ассоциации между развитым солютре и климатическими фазами были предложены и для южной средиземноморской зоны. Так, в Амброзио развитой солютре связан с отложениями, обнаруживающими умеренные условия.

Стоянки развитого солютре распространены в этой области шире, чем любая предшествующая фаза верхнего палеолита. Художественный стиль, достигший расцвета в Парпальо, прослежен в других одновременных стоянках с наскальным искусством (Коске во Франции, Фоз Коа в Португалии). Что касается каменного инвентаря, отмечается сходство в высшей степени стандартизированными формами плечикового наконечника развитого солютре в средиземноморской Испании и наконечниками в солютрейской, аренианской и сальпетриерской культурами Франции, солютре Португалии и раннего эпиграветта Италии. Виллаверде и др. отмечают, что было бы крайним упрощением рассматривать эти культуры как родственные на основании единственной формы наконечника, особенно при разнообразии других аспектов этих инвентарей.

Конец солютре характеризуется изменениями в наконечниках метательных орудий. Типичные каменные наконечники замещаются костяными, которые имеют мадленские формы и декоративные стили, что показывает новые связи с франко-кантабрийским регионом.

Систематическое изучение средиземноморского мадлена значительно возросло в последние годы, особенно в области хроностратиграфии и технологии, но секвенция еще неполная. В то время как верхний мадлен хорошо документирован в нескольких важных стоянках Центрального и Южного регионов, ранний мадлен менее известен. Первая фаза отмечена только в Парпальо с оговорками, присущими старым раскопкам, влияющим на интерпретацию ее взаимосвязей с предшествующим развитым солютре и последующим верхним мадленом. Ранний мадлен определяется на основании редкой пластинчатой технологии и типологического сходства с бадегулем (18 000 – 16 000 лет назад). Нет прямых данных о палеоокружающей среде. Немногие материалы из Парпальо коррелируются с умеренными и влажными условиями интерстадиала англь и пребёллинг. Это может объяснить обширную эрозию, ответственную за отсутствие сравнимых отложений в других стоянках средиземноморского прибрежного района.

Средиземноморский верхний мадлен, напротив, широко распространен по всему побережью. Он заключен в хронологических рамках 13 000 – 11 000 лет назад и характеризуется развитием орудий на пластинках с притупленной спинкой. Различаются две фазы развития каменного и костяного инвентаря. В мадленских отложениях **Кова де Сендрес** (слои XI-IX) наличие полевки обыкновенной и клушицы в фауне и преобладание черной сосны и можжевельника в окружающей растительности помещают стоянку в мезосредиземноморскую зону со средней температурой на 4-6° ниже, чем ныне, хотя радиоуглеродная дата 13 320±170 лет назад (Ly-5585) подтверждает отнесение соответствующего комплекса к верхнему мадлену с гарпунами. Отложения в **Нерья**, содержащие верхнемадленский инвентарь с гарпунами, коррелируются, возможно, с интерстадиалом бёллинг на основании реконструкции палеоокружающей среды, что подкрепляется радиоуглеродными датами 12 270±220 (UGRA-98) и 11 930±160 (UBAR-154) для этих отложений. Поэтому дата из Кова де Сендрес кажется слишком древней для молодого дриаса. Слой XII дал комплекс, который классифицирован как средний мадлен, хотя его дата 15 820±150 лет назад из среднего уровня слоя кажется слишком древней. Секвенция из внутренней части **Тоссаль де ла Рока** также параллельна секвенции Нерья. Слой IV был датирован 15 360±1 100 лет назад (UGRA-130). Отложения на основании седиментологических и палеоботанических данных кажутся отражающими холодный интервал; инвентарь может быть одновременен инвентарю слоя IV Сендрес. Слой III показывает более умеренный климат, слой II – снова холодный. Эти два слоя содержат верхнемадленские комплексы и датированы вокруг 12 000 лет назад. В верхней части секвенции, отделенной от слоя II эрозионным несогласием,

эпипалеолитический слой I, был отложен при умеренном климате, возможно, раннего голоцена.

Секвенция на стоянке **Матутано** делится на нижнюю и верхнюю свиты слоев, разделенные заметным эрозионным несогласием. Условия палеоокружающей среды и инвентарь в основании нижней свиты сходны с обнаруженными в слое IV Тоссаль де ла Рока. Далее идет чередование холодного и умеренного климата. Даты вокруг 12 000 лет назад кажутся коррелированными с холодным дриасом. Данные из верхней свиты слоев указывают на значительно более умеренный климат, эквивалент голоцена. Однако, радиоуглеродные даты этих слоев между 12 000 и 11 000 лет назад делают отложения слишком древними – пребореальными. Корреляция с более умеренным интерстадиалом аллерёд кажется более приемлемой.

Палеоэкологические данные для раннего мадлена отсутствуют, даже в отложениях Парпальо нет фаунистического материала. Для остального мадлена большая часть доступной информации происходит из центральной средиземноморской зоны, где раскопан и изучен ряд важных стоянок: Бенеито (Iturbe et al., 1994), Сендрес и Блаус (Martinez Valle, 1996), Тоссаль де ла Рока (Perez Ripoll, Martinez Valle, 1995) и Матутано (Olaria et al., 1985), не считая Парпальо и Малладетес (Davidson, 1989). На севере проведены повторные анализы старых коллекций из Арбреда, Реклау Вивер, Бора Гран (Estevez, 1980, 1987) и некоторых недавно изученных стоянок. В Андалусии данные доступны только из Амброзио (Ripoll, Lopez, 1988) и Куэва де ла Нерья (Aura, Perez Ripoll, 1992; Perez Ripoll, 1998).

Среди фаунистических остатков крупных травоядных первое место занимают благородный олень и горный козел. В мадленских слоях обнаруживается характерный фаунистический спектр высоко специализированной охоты. Или благородный олень или горный козел преобладают, превосходя 65 % всех определимых остатков. Особенно показательны коллекции из Сендрес, Тоссаль де ла Рока и Нерья. В слое XI Сендрес благородный олень составляет 91 % остатков копытных, указывая на явный отбор этого вида. Преобладают молодые самцы в возрасте около 3 лет, кости которых несут признаки раскалывания и использования. В слое X благородный олень составляет около 85 % копытных, но в комплекс входят взрослые различного возраста и молодые особи, не достигшие 20 месяцев. Сходная ситуация наблюдается в верхне-мадленских слоях III и IV Тоссаль де ла Рока, но там преобладает горный козел: в слое II он составляет 89,4 % остатков копытных. В двух верхне-мадленских слоях Нерья горный козел представляет 87,2 % и 88,1 % костей копытных.

Большое фаунистическое разнообразие прослеживается в слоях, непосредственно предшествующих верхнему мадлену с гарпунами. Хотя благородный олень преобладает среди копытных в слое II в Тоссаль де ла Рока, он встречается реже, чем в слое III. Сходным образом, горный козел и лошадь представлены в слое XII в Сендрес и определенные параллели видны в фаунистических комплексах слоев IV и III Матутано. Верхнепалеолитические слои Парпальо дали костные остатки благородного оленя и горного козла в более равных пропорциях в контексте обычно более разнообразного фаунистического спектра. Причина этой продолжительной добычи более разнообразной фауны в верхнем мадлене Парпальо может быть связана частично со специфическим расположением стоянки с использованием горной и прибрежной зон. Более того, тысячи гравированных плакеток, найденных в Парпальо неоспоримо свидетельствуют об особой роли этого памятника.

В заключение следует отметить, что и благородный олень, и горный козел не имеют тенденции мигрировать на значительные расстояния, это соответствует их адаптации к топографическим условиям средиземноморской зоны Иберийского полуострова, в которой значительные высотные колебания на коротких расстояниях отделяют прибрежную зону от гор.

Помимо копытных, важным источником существования в верхнем палеолите были лагоморфы, что подтверждается уже в ориньякских и граветтских памятниках, подобных Кова Бенеито и во многих солютрейских и мадленских стоянках. Хотя лагоморфы – мелкие животные с относительно низким содержанием жира, они играли большую роль в рационе: доступны круглый год, имеют высокое воспроизводство, являются стадными и обитают в норках, т.е. могут быть легкой добычей. В верхнем палеолите возрастает и значение птиц: высокий процент костей серой куропатки, сохраняющих следы расчленения, содержится в мадленских слоях Кова де Блаус. В Парпальо известны гравюры водоплавающей птицы и куропатки.

Что касается морских ресурсов, которые могли быть значительными для прибрежных областей, следует учитывать, что соответствующие позднеледниковые стоянки были затоплены постледниковым поднятием уровня моря. И Сендрес, и Нерья лежат на современном берегу. В Сендрес понижение ледникового уровня моря обнажило континентальный шельф в виде прибрежной равнины, отдалившей пещеру от моря. Морская фауна была мало значительной в Сендрес, но наряду с остатками рыб и моллюсков встречены немногочисленные кости тюленя-монаха (Monachus monachus). Ситуация в Нерья совершенно отлична: пещера в настоящее время расположена в 1 км от моря на

высоте от его уровня 158 м. Из-за узости континентального шельфа в этом месте расположение Нерьи в позднем плейстоцене отличалось от современного. Фауна Нерьи свидетельствует о значении морских ресурсов: число остатков рыб (Sparidae, Labridae, Gadidae, Murenidae, Serranidae) в 2-3 раза превосходит число наземных видов. Наличие мелких костяных поделок, интерпретированных как рыболовные крючки, также свидетельствует о значении рыболовства (Aura, 1989, 1995). Имеются многочисленные данные об использовании моллюсков. В позднепалеолитических отложениях Нерьи открыты кости тюленя-монаха и рисунки этих животных отмечены на стенах пещер, указывая на возрастающее значение охоты на морских млекопитающих в конце палеолита (Perez Ripoll, Raga, 1997). Свидетельства о растительной пище скудны: в солютрейских и мадленских слоях Куэва де Нерья найдены карбонатизированные фрагменты сосновых шишек, пригодных для потребления. Итак, охотничий уклад жизни показывает специализированную добычу благородного оленя или горного козла, дополненную лошадью, быком, кабаном, разнообразной мелкой дичью, включающей лагоморф, птиц, моллюсков, рыб, и др.

Антропологические находки здесь, как и в Кантабрии, крайне редки. Для мадлена это грот Барранк (Аликанте), где найдена фрагментированная коронка правого нижнего первого моляра и грот Парпальо, где во время раскопок Х. Вилланова-и-Пиера около слоев среднего или верхнего мадлена были обнаружены фрагмент неполной нижней челюсти и 4 зуба. Изучение этих останков показало, что правая часть нижней челюсти принадлежала маленькой и грацильной взрослой женщине, а 4 зуба – крупные и мощные, мало изношенные моляры – скорее всего взрослому мужчине (Garralda, 1992: 66, 68). Немногие данные существуют и для предшествующих эпох: остатки протосолютрейца в Парпальо, солютрейцев в Бенеито. Кости эпипалеолитических людей из Рок дель Мигдио, Барранк Бланк, Тоссаль де ла Рока подсказывают мысль о популяции, в общем более грацильной или менее мощной, чем популяция в северной Испании, в которую редкие мадленцы могли войти без труда (там же: 68).

Многочисленные открытия последних лет активизировали изучение географического распространения, хронологии и возможно смысла палеолитического искусства средиземноморской Испании. Одновременно оценивается его широкая взаимосвязь с европейским искусством на фоне предложенного П. Грациози его деления на западное и восточное (Graziosi, 1964).

По сравнению с кантабрийским районом искусство средиземноморской Испании мало известно. В 1913 г. А. Брейль посетил пещеру Парпальо в Гандии и нашел на поверхности плакетку известняка с зооморфным изображением, которое он интерпретировал как фигуру рыси. В дальнейшем пещера стала объектом археологических раскопок, которые убедительно показали, что Парпальо является одним из самых важных памятников верхнего палеолита западного Средиземноморья, особенно для понимания эволюции средиземноморского палеолитического искусства. Этому искусству было присвоено имя парпальского (Aparicio Perez, 1987). Название находит свое объяснение в природе и количестве художественных произведений, которые служили для его определения и в то же время для его дифференциации от современного ему кантабрийско-аквитанского искусства.

Парпальо (Гандия, Валенсия). Пещера, расположенная в горном массиве Мондубер, открыта Х. Вилланова-и-Пиера в 1872 г. и с 1922 по 1931 г. раскапывалась Л. Перико-Гарсия (Pericot-Garcia, 1942). Существуют попытки оценить по-другому стратиграфию, установленную Л. Перико, в особенности ее верхних слоев, соответствующих мадлену, но или выдвинутые аргументы не убедительны или новые трактовки сводятся к простым комментариям с небольшими документальными доказательствами и даже без них. Таким образом, первоначально установленная стратиграфия сохраняет свое значение.

В основании лежит слой верхнего перигора (граветта), соответствующий первому заселению пещеры, когда она была полностью лишена отложений. Характерными для этого слоя являются острия граветт и плакетки, расписные и гравированные в однородном стиле (рис. 48). Радиоуглеродная дата в 40 000 лет, полученная для этого слоя, не может быть принята. По всем данным, граветтский слой относится к периоду 27 000 – 22 000 лет назад.

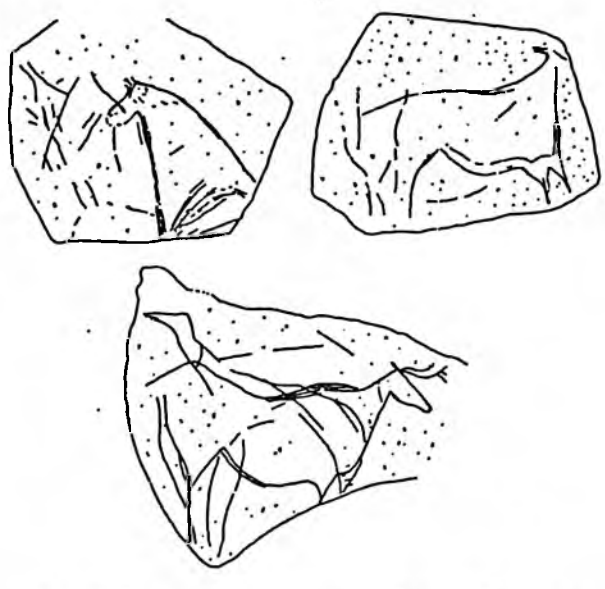

Рис. 48. Гравированные плакетки. Граветт. Парпальо.

Далее, на глубине 4.5-7.25 м от поверхности идут слои, культурная принадлежность которых определенная как солютре-ориньяк или солютре-граветт, очень противоречива. Каменный инвентарь характеризуется наконечниками с боковой выемкой и крутой ретушью. Эти элементы входят в контекст эпиграветта и других пост-солютрейских культур Средиземноморья, особенно сальпетриер.

Л. Перико позразделил эти слои на три части. Нижний солютре или прото-солютре залегает на глубине 7.25-6.25 м. Наконечники обработаны лишь с одной стороны. Наиболее широко развиты гравюры (рис. 49, 1) и росписи на плакетках, именно отсюда происходят красные лошади и черная лань. Радиоуглеродные даты, полученные по костям, 18 540 лет до н. э. (BM-859) и 18 216 лет до н. э. (BM-520), вполне пригодны.

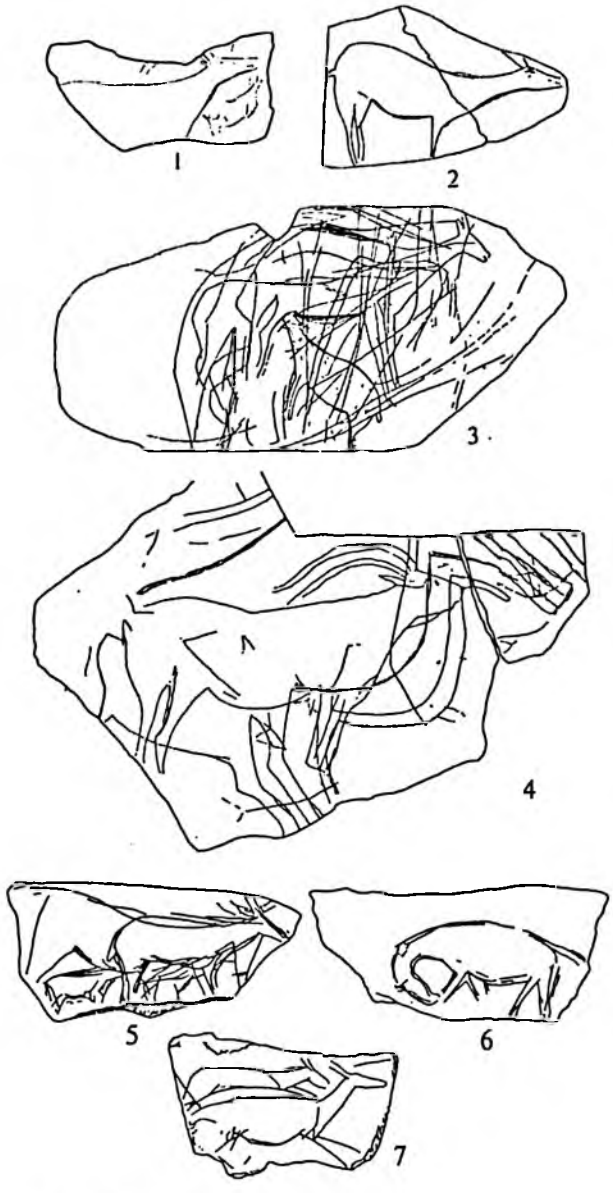

Рис. 49. Гравированные плакетки:
1 – нижний солютре;
2-4 – средний солбтре;
5, 6 – верхний солютре;
7 – солютре-граветт («парпалью»). Парпалью.

Средний солютре, лежащий на глубине 6.25-5.25 м, согласно Х. Фуйола, на которого ссылается Хосе Апарисио-Перес (Aparicio Perez, 1990: 103), состоит из двух подразделений: архаичный средний солютре в нижней части и развитый средний солютре в верхней. Искусство продолжает развиваться, на многочисленных плакетках изображены благородные олени, горные козлы, быки и т.д. (рис. 49, 2-4). Для этих слоев нет радиоуглеродных дат, но правдоподобно, что между 18 000 и 17 000 лет назад грот был интенсивно заселен, хотя и с перерывами. Начиная с верхней части среднего солютре встречаются кремневые наконечники с черешком и крылышками.

Верхний солютре, отмеченный на глубине 5.25-4.5 м, по Перико, и 5.25-4.75 м, по Фуйола соответствует интенсивному и продолжительному времени заселения, как показывают многочисленные очаги и кости животных. Искусство развивается на плакетках, несколько более крупных (рис. 49, 5, 6). Красочные изображения становятся более обильными, хотя и гравюры продолжают существовать, или оригинального сюжета или повторение красочной фигуры. Хронологически этот этап помещается между 17 000 и 16 000 лет, что подтверждает и радиоуглеродная дата 16 190 лет назад.

Затем идет собственно «парпальский» уровень, который Л. Перико назвал солютре-ориньякским, но позже его обозначили как солютре-граветтский. В стратиграфическом разрезе Л. Перико он был заключен между 4.5 и 4.0 м, в разрезе Х. Фуйола он опустился до 4.75 м. Искусство на плакетках идентично плакеткам верхнего солютре (рис. 49, 7). Слой относится к отрезку времени между 16 000 и 15 000 лет назад, что совпадает с радиоуглеродной датой в 15 946 лет до н. э.

От глубины 4 м до поверхности идут мадленские слои, содержащие пластинки с притупленной спинкой, длинные ладьевидные и нуклевидные скребки. Костяной инвентарь состоит из наконечников с одной гранью в основании, полукруглых палочек, острий и иголок. Мадлен I заключен между 4.0-3.5 м. В искусстве продолжает существовать красная роспись и более редко черная. Гравюра или дополняет роспись или существует самостоятельно. Мадлен II заключен между 3.5 и 2.6-2.5 м. Гравюры (рис. 50, 1) преобладают над росписью. Время существования этого пласта определено между 15 000 и 13 300 лет назад. Мадлен III находится на глубине 2.5-0.8 м, он соответствует моменту наибольшего распространения и наибольшей интенсивности заселения: посещались даже верхние галереи (рис. 50, 2, 3). Дата в 11 846 лет назад кажется Х. Апарисио-Пересу чрезмерно заниженной. В мадлене IV также была заселена вся площадь. Очаги и культурные остатки очень

многочисленны. Гравюры типично средиземноморского стиля (рис. 51). Представлена и роспись (рис. 52; Aparicio Perez, 1990).

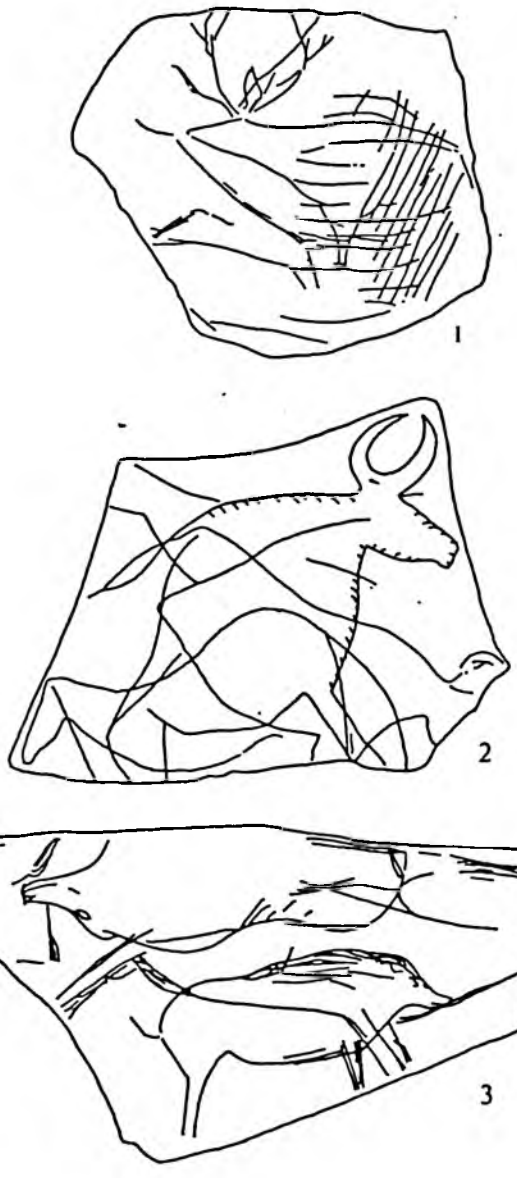

Рис. 50. Гравированные плакетки:
1 – мадлен II,
2 – мадлен II-III,
3 – мадлен III. Парпальо.

В Парпальо подсчитано в общей сложности 5 084 плакетки с росписями и гравюрами или 6 245 декорированных поверхностей, представляющих 766 зооморфных фигур и 11 306 абстрактных знаков. Особо отмечается значение искусства солютрейского времени: 56 % плакеток Парпальо относятся к солютре. Они включают 386 зооморфных изображений, выполненных бихромной росписью, комбинированной с гравюрами. Что касается сюжетов, то большинство зооморфных сюжетов в Парпальо составляют благородный олень (самок больше, чем самцов), лошадь, горный козел и первобытный бык.

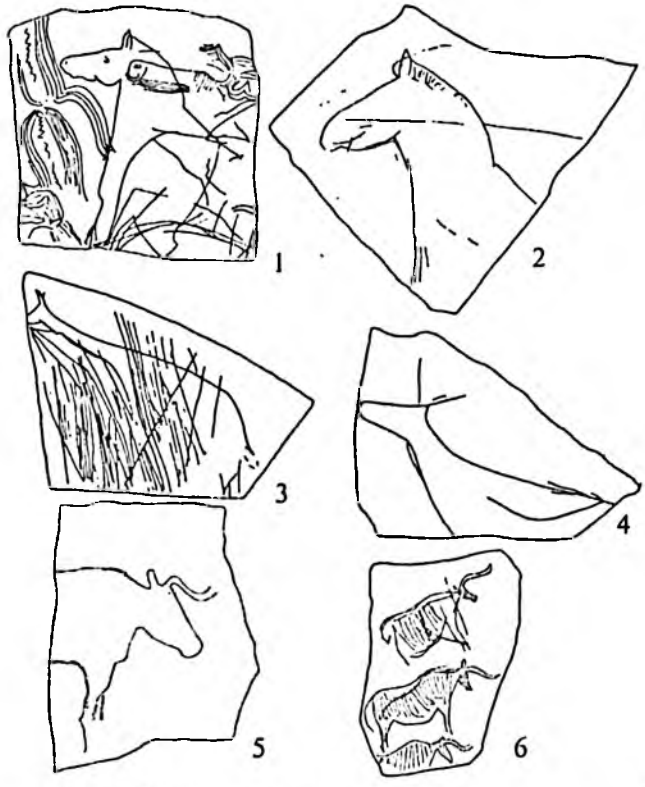

Рис. 51. Гравированные плакетки:
1-4 – мадлен IV, 5-6 – мадлен. Парпальо.

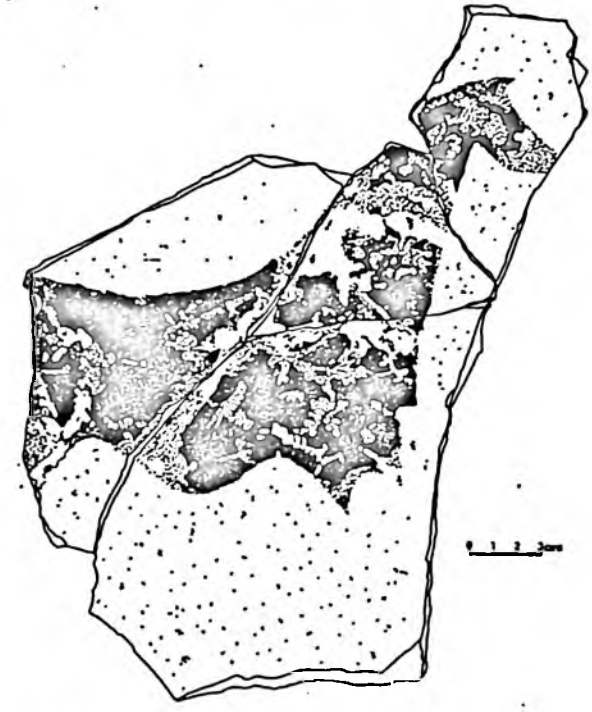

Рис. 52. Фигура лошади, нанесенная красной на каменную плакетку. Мадлен IV. Парпальо.

С 1931 г., когда была проведена последняя кампания раскопок в Парпальо, до 1981 г., когда Х. Апарисио Перес открыл гравированную плакетку в Тоссаль де ла Рока, только плакетки Парпальо и одна из Малладетес были единственными доступными источниками для изучения искусства.

Грот **Малладетес** (Бариг, Валенсия) расположен недалеко от Парпальо и раскапывался Службой доисторических исследований Валенсии под руководством Л. Перико и Ф. Хорда в 1946-1949 гг. В 1970 г. Х. Фортеа поставил два небольших зондажа для установления точной стратиграфической секвенции. Дальнейшие исследования Х. Фортеа и Ф. Хорда описали стратиграфию, включающую слои от ориньяка до конца верхнего палеолита (Fortea, Jorda, 1976). Согласно этому разрезу, нижние слои (XIV-XI), залегающие на глубине 2.95-1.77 м, отнесены к развитому ориньяку на основании находки рогового наконечника, уплощенного в сечении, хотя каменный инвентарь мало характерен. Слой XII имеет радиоуглеродную дату 29 690±560 лет назад или 27 740 лет до н. э. – дата, сходная с датой ориньяка из пещеры Морин. Плакетка с гравюрой была обнаружена в слое XIII на глубине между 2.90 и 2.75 м и отнесена к граветту на основании стиля и техники (Aparicio Perez, 1990).

Амброзио (Велез Бланко) – грот, расположенный на севере провинции Альмерия, в настоящее время является самым южным местонахождением Испании, из которого происходит сюжетное искусство малых форм. В начале XX века здесь производили раскопки А. Брейль и Ф. де Мотос, во время которых был найден первый наконечник с боковой выемкой, обработанной крутой ретушью, характерной чертой в каменном инвентаре испанского Леванта. С 1958 г. Э. Риполл Перелло начал систематические исследования, которые продолжались до 1964 г. Им было установлено, что под верхним неолитическим слоем и между блоками обвала находится эпипалеолит, перекрывающий несколько слоев солютре (Ripoll Perello, 1960-1961; Ripoll Perello, Ripoll López, 1988).

С 1980 г. грот стал объектом раскопок С. Риполл Лопеса. После удаления переотложенных седиментов был обнаружен непотревоженный сектор со стратиграфией мощностью свыше 7 м, в которой отмечено 7 слоев, четыре из них были стерильными, а три других с очагами свидетельствуют об интенсивном заселении во время интерстадиала вюрма III/IV и,. возможно, начало вюрма IV. В нижнем (V) слое уже представлен комплекс наконечников с плоским фасом, с боковой выемкой и с черешком и крылышками, что в испанской солютрейской последовательности может соответствовать средней фазе. Выше, слой IV включает меньшее число наконечников с черешком, но в нем появляются лавролистные наконечники и продолжают существовать наконечники с боковой выемкой. В слое III собран тот же инвентарь, но в нем значительно возрастают наконечники с черешком и крылышками и орудия на пластинках. Остальной инвентарь изготовлен из отщепов, но, тем не менее, индекс пластинчатости относительно высок. В фауне преобладает кролик (Oryctolagus cuniculus), представлены олень, горный козел, лошадиные, бычьи, свиные. Отмечены также птицы и раковины (Bernaldo de Quiros, Cabrera Valdes, 1988ж: 36). Получены радиоуглеродные датировки для среднего солютре – 16 590±1 400 лет назад и для верхнего солютре – 16 560±280 лет назад (Ripoll López, 1987). Во время раскопок 1982 г. при просеивании земли из отвалов найдена маленькая известняковая галька, на гладкой стороне которой изображена голова и шея лошади. Галька использовалась как отжимник-ретушер (Ripoll-López, Cacho Quesada, 1990: fig. 1).

Кова дель Барранк (Аликанте) – навес, который находится в основании известнякового утеса внутри глубокого ущелья. Был открыт членами «Центра любительских исследований» и с 1982 г. в нем начали раскопки С. Риполл Лопес и К. Качо Квесада, установившие, что речь идет о стоянке более ранней, чем расположенная поблизости Тоссаль де ла Рока. Она предварительно отнесена к нижне-среднему мадлену, «хотя эта атрибуция должна быть удостоверена будущими раскопками» (там же: 289). Найденное здесь произведение искусства с одной стороны, обычно, с другой, очень своеобразно. Это фрагмент гальки известняка, на одном фасе которого выгравирована голова и шея лошади и вся внутренняя часть силуэта заполнена красной охрой. Авторы отмечают, что это изображение представляет «определенный классицизм и реализм в своей передаче и его можно поставить рядом с некоторыми произведениями из Парпальо, отнесенными раскопщиком к мадлену III (Pericot Garcia, 1942: fig. 414) или к мадлену IV (там же, fig. 511). Его стиль напоминает стиль фигуры из грота Амброзио, но более близок стилю IV А. Леруа-Гурана (Ripoll López, Cacho Quesada, 1990: fig. 2).

Грот **Матутано** (Виллафамес, Кастельон) известен с 1924 г. Он состоит из единственного зала 13 м глубиной и 8 м максимальной шириной. В 1979 г. поставлен стратиграфический зондаж и обнаружено 4 слоя, разделенные на горизонты, в ряде случаев с радиоуглеродными датами, свидетельствующими, что в заселении грота не наблюдается перерыва от верхнего мадлена 13 370±260 (UGRA-225) до эпи-мадлена – 11 410±610 (Cacho Quesada, 1996), т.е. идет развитие мадлена в его средиземноморской фации. Произведения искусства с зооморфными изображениями могут войти в парпальское искусство как по сюжетам, так и по стилю, и в особенности, по их стратиграфическому положению, опирающемуся на радиоуглеродные датировки. Так, из слоя I горизонт В, лежащего ниже горизонта А с датой 12 090±170 лет назад происходит галька, возможно, служившая отбой-

ником. На одной стороне выгравировано неполное изображение лани, на другой – еще более неполная фигура, которая также может быть ланью (Aparicio Perez, 1990: fig. 16). Это самая северная из стоянок с сюжетным искусством на средиземноморском берегу Испании.

Грот или большой навес **Тоссаль де ла Рока** (Валь д'Алькала, Аликанте) находится в нескольких километрах от Кова дель Баранк на северо-востоке провинции Аликанте у подножия высокой известняковой скалы. Открыт в 1976 г. Д. Аскерино и между 1976 и 1978 гг. в нем проводились небольшие раскопки. С 1982 г. исследуется К. Качо (Cacho et al., 1983). Заполнение включает мощную стратиграфию от верхнего мадлена до эпипалеолита, таким образом, памятник является одним из главных для изучения валенсийского палео-мезолита. Четыре нижних слоя отнесены к финальному палеолиту. Слой IV считается верхнемадленским, а слои III и II вписываются в фазу, переходную к азилю, отчетливо представленному в слое I. Слой IV залегает прямо на скале. Инвентарь и датировка этого слоя 15 360±1100 лет назад позволяют отнести его к мадлену IV. Палеоклиматические, палинологические и седиментологические исследования показывают, что отложение слоя III происходило в сухом и умеренном климате (бёллинг). Слой II, имеющий две даты 12 480±210 лет назад и 12 390±250 лет назад, отложен при климате холодном и сухом, который мог быть одновременен дриасу I (Cacho, 1989: 461-463). Имеется еще одна дата по углю для уровня III слой 5 (верхний мадлен): 12 640±190 лет назад (Gif-9817) (Cacho Quesada, 1996: 356). Гравированные плакетки были собраны вне стратиграфии, причем плакеток и галек с изображениями животных только 5, наряду с множеством камней, несущих различные нарезки и линии, не составляющие фигур или знаков. Крупная плакетка с изображением горного козла, перекрытого неполной фигурой лани, была использована для растирания красной охры (Aparicio Perez, 1990, fig. 13). На фрагменте морской гальки прорисовано изображение хищника, возможно, лисицы. На фрагменте плоской гальки различается неясный контур головы лошади (?), на крупном блоке – силуэт быка и на фрагменте плакетки – головы лани (Ripoll Lopez, Cacho Quesada, 1990: fig. 3-6). В целом, искусство из Тоссаль де ла Рока достаточно схематично и, хотя представляет определенные параллели с искусством Парпальо, является несколько более поздним.

Таким образом, для нашей цели оказались пригодными только 6 стоянок, распространенных от самой северной Матутано до самой южной Амброзио. Парпальо является единственной многослойной стоянкой с граветтским, солютрейским и мадленским искусством на плакетках (гравюры и роспись), получившим по своему стилю наименование парпальского, служащего эталоном. Из других стоянок одна Малладетес с единственной гравюрой быка отнесена к граветту, одна – Амброзио с гравюрой головы лошади к солютре, одна – Кова дель Барранк с гравюрой головы лошади к нижнему-среднему мадлену, одна – Матутано с гравюрой лани – к мадлену и одна – Тоссаль де ла Рока с гравюрами на плакетках, собранных вне стратиграфии – к верхнему-финальному мадлену. Нет ни одной скульптуры или барельефа, только в Парпальо и Кова дель Барранк к гравюре добавляется краска. Основой служили преимущественно плакетки, реже гальки и блоки, в одном случае (Кова дель Барранк) основа служила для растирания краски, в другом (Амброзио) – отжимником, в третьем (Матутано) – отбойником. Все сюжеты исключительно зооморфные, почти все – копытные: благородный олень/лань, лошадь, горный козел, первобытный бык, т.е. виды, свойственные данному региону. В Тоссаль де ла Рока отмечен хищник (лисица ?).

В заключение, необходимо остановиться еще на одном произведении искусства, имеющем исключительно большое значение для заполнения того пустого пространства на карте, которое, существует между Кантабрийским и средиземноморским центрами (Jimeno et al., 1995). Из внутренней части Испании известны настенные изображения в гротах Лос Казарес (Гвадалахара), Эль Ниньо (Альбусете) и др., а также сравнительно недавно обнаруженные наскальные гравюры на открытом воздухе в Доминго Гарсия (Сеговия), Сиега Верде (Саламанка), Мацуоко (Португалия) и др.

Сведения об искусстве малых форм во внутренней части полуострова почти отсутствуют. Оно представлено только несколькими неопределенными подвесками в гроте Ла Бланка и просверленным жезлом, ныне исчезнувшим, с гравюрой стилизованной головы горного козла из грота Кабайон. Эти предметы относят к кантабрийскому центру. Упоминается еще скульптура в виде круглого тела животного из семейства куньих в местонахождении Харама II в провинции Гвадалахара.

Поэтому открытие гравированной плитки в Вильальба (Сория), о которой пойдет речь, очень важно (рис. 53). Плитка была найдена в месте, называемом «Барранко Ондо» (Глубокий овраг) на берегу ручья, впадающего в р. Морон недалеко от Дуэро. В мелких промоинах, прорезавших остатки террасы, вместе с плиткой собран мало значащий каменный инвентарь пластинчатого типа. Плитка черного палеозойского шифера имеет длину 36.5 см при ширине 7.6 см и средней толщине 1.2 см. Края ее кажутся обрезанными, одна из поверхностей частично отслоилась. На одном фасе (А) широкой и глубокой линией выгравированы

три фигуры животных в левый профиль: слева целая фигура горного козла, в центре нарисованная не полностью голова и передняя часть лошади, справа – другая лошадь, от которой после излома плитки сохранились только голова, шея и грудь. В промежутках между этими главными фигурами располагаются очень тонкие гравюры, особенно переплетенные между козлом и центральной лошадью. Пространство между двумя лошадьми заполнено двумя перевернутыми фигурами лошадей в левый профиль, одна над другой, разных размеров, выполненных очень тонкими линиями. В целом, на фасе А представлено 13 животных: 8 горных козлов и 5 лошадей (Jimeno et al., 1995: fig. 4 вверху).

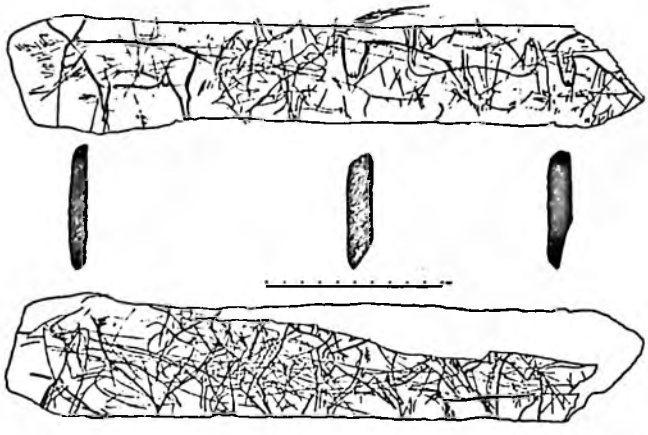

Рис. 53. Гравюры животных на плитке черного шифера. Вильальба.

На фасе В различаются, прежде всего, нанесенные более широкой и глубокой линией 3 фигуры в левый профиль: наклонно головой вверх неполная фигура лошади (отсутствует задняя часть) и две фигуры горных козлов, также наклонно, но под другим углом, головой вниз. Их задние части унесены расслоением плитки. Еще одна фигура горного козла нарисована на уцелевшем правом конце плитки в перевернутом горизонтальном положении в левый профиль, т.е. смотрящей в другую сторону. Остальные гравюры, нанесенные тонкой линией, группируются на пространстве между лошадью и козлами. В целом также насчитывается 13 фигур: 10 горных козлов и 3 лошади (там же: fig. 4 внизу). Из 26 животных только 7 представлены целыми фигурами: 2 лошади и 5 горных козлов, из них одна самка. К ним можно добавить 4 почти целых фигуры лошади и 3 горных козла без головы. Изображения сведены к простому профилю, в ряде случаев дополненному деталями головы: уши, рот, ноздри, глаза, а также челка на лбу, грива, рога, хвост. Некоторые фигуры козлов имеют признак пола.

Стилистический анализ изображений позволяет А. Химено и его соавторам в их пространной содержательной статье обрисовать отнесение гравюр к эпохе развитого стиля III или началу стиля IV А. Леруа-Гурана, что соответствует развитому солютре или мадлену III-IV. Интересны приводимые авторами аналогии с некоторыми произведениями кантабрийской зоны, в частности из гротов Палома или Эль Пендо (Barandiaran, 1973). Вместе с тем, очевидно, что серия характерных черт позволяет говорить о средиземноморских связях. Несомненное значение имеет напоминание о том, что в Кантабрии искусство на каменных плитках сравнительно мало развито и оказывается достаточно представительным только со среднего мадлена, а в средиземноморской зоне, напротив, наибольшее использование каменной основы относится к солютре. Так, в Парпальо представлены некоторые формы изображения и трактовка деталей, которые можно наблюдать в Вильальба, говоря более точно, рисунок головы, где существует сходство с анатомическими характеристиками лошади и особенно рисунок рогов горного козла – двойных коротких или прорезанных и изогнутых (Pericot, 1942: fig. 253, 254, 304, 395, соответствующие солютре – финальному ориньяку и мадлену III).

ПОРТУГАЛИЯ.

Палеолитическое искусство Португалии мало известно (карта-схема VI). Помимо **Эскураль** с росписями и гравюрами на стенах (Santos et al., 1981), отмечена, по моим сведениям, единственная стоянка **Грута де Кальдейрао** (Томар), где в солютрейском слое в 1983 г. найдена плоская сланцевая галька трапециевидной формы длиной около 74 мм и толщиной 8 мм при ширине от 29 до 52 мм (Zilhao, 1988). На одном фасе гальки нанесена тонкая гравюра, которая может быть интерпретирована им как рыбовидная форма, прорезанная многочисленными поперечными чертами, часто выступающими за пределы формы, или возможное изображение задней части и спины животного, может быть, оленя, тело которого изборождено нарезками. Зильао находит «удивительные параллели» между этими мотивами из Кальдейрао и некоторыми фигурами оленей на плакетках из солютре-граветта Парпальо. В центре второго фаса гальки расположен очень стилизованный антропоморфный силуэт.

Кроме этого предмета, найденного в слое, но с изображениями достаточно сомнительными, из Португалии происходят еще два, пожалуй, еще менее достоверные. Речь идет о кремневом желваке антропоморфного облика, найденного на поверхности в гроте **Токо до Пан Лопес** в зоне атлантического побережья около Сетубаля (Santos M.F., 1980/81). М.Ф. Сантос считает этот желвак женской статуэткой того же типа как некоторые французские фигурки из кремня, отнесенные к мадлену. Во втором случае находка представляет собой

костяную статуэтку, «практически идентичную» Венере из Ложери-Бас (Zilhao, 1988: 108). Она была найдена случайно в поле около Эскуриаля и ее подлинность и древность ничем не подкрепляются.

АПЕННИНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ ИТАЛИЯ

Распространение памятников палеолитического искусства на Аппенинском ролуострове представлено на карте-схеме VII. Согласно представлениям Ж. Лапласа, во франко-кантабрийской зоне граветтская последовательность прерывается последовательностью солютре-мадлен-азиль-совтер-тарденуаз. Это дифференцированные комплексы составляют франко-кантабрийский эпиграветт, включающий три главные фазы: древний эпиграветт (солютрейский или мадленский комплексы); развитый эпиграветт (мадленский комплекс); финальный эпиграветт (азильский, совтерский и тарденуазский комплексы). В Италии позже ориньяка не наблюдается никакого перерыва в последовательности культур, характеризующихся пластинками с притупленной спинкой, поэтому к ним может быть применен термин граветт. Тем не менее, возраст большей части этих культур относительно поздний. А. Брольо, Ж. Лаплас и Ф. Зорзи в 1963 г. сгруппировали эти «индустриальные ансамбли» под термином поздний граветт. Ж. Лаплас выделил стадии: древний, развитый, финальный полуостровной и финальный сицилийский. Позже А. Брольо предпочел термин итальянский эпиграветт для обозначения индустрий позднеледниковья от Сицилии до Лигуро-Провансальского региона. Итальянский эпиграветт делится на древний, развитой и финальный. Древний эпиграветт позже соединился с фазой, обладающей остриями с плоским фасом, с листовидными элементами,

Карта-схема VII. Распространение памятников палеолитического искусства на территории Аппенинского полуострова. Италия:
1 – Бальци Росси (Гримальди), 2 – Арене Кандиде, 3 – Виллабруна, 4 – Тальенте, 5 – Савиньяно, 6 – Кьоцца ди Скандьяно, 7 – Вадо алл'Арансио, 8 – Сеттеканелле, 9 – Полезини, 10 – Пагличчи, 11 – Мура, 12 – Альпо, 13 – Романелли, 14 – Парабита, 15 – Кавалло, 16 – Ла Порта, 17 – Кала, 18 – Мадонна, 19 – Ромитьо, 20 – Джованна
(по: Dictionaire de la Préhistore, 1988. Doc. 12; D'Errico, Ucelli Gnesutta, 1999, fig. 1).

наконечниками с боковой выемкой. Все эти типы орудий рассматривались как следующие один за другим и относились к периоду, заключенному между 20 000 и 16 000 лет назад (принимая во внимание фазу «древнего первоначального эпиграветта», предварительно выделенную А. Пальма ди Чеснола в Рипаро Мочи и в гроте Пагличчи). Развитый эпиграветт должен был продолжаться от 16 000 до 14 500 лет назад. Он характеризуется определенными количественными соотношениями между резцами и скребками, резцами простыми и на ретушированном усечении, скребками длинными и короткими. Финальный эпиграветт заканчивается 8 000 лет назад или даже менее и частично перекрывает то, что другие итальянские исследователи называют мезолитом. Дифференциация между региональными культурными фациями становится особенно наглядной в течение этой последней фазы эпиграветта. Ценность этой жесткой классификации с фиксированными «эволюционными» ступенями, которые не учитывают таких факторов как локальные традиции, специализированную деятельность на некоторых стоянках или в различных частях одной стоянки и т.д. становится сомнительной в свете некоторых радиоуглеродных датировок, которые не соответствуют ожидаемым. Например, дата 18 750±350 для древнего эпиграветтского слоя с наконечниками с боковой выемкой из грота Ромито; даты между 16 000 и 15 500 для серии тауризано в Пулье, верхние слои которой отнесены Ж. Лапласом к финальному эпиграветту; дата 11 330±50 лет назад для неизданного инвентаря из Вадо аль Арансио в Тоскане, который был отнесен к развитому эпиграветту. В голоцене, в VIII и VII тысячелетиях индустрии, связанные с эпиграветтской традицией, представлены в различных гротах, в том числе Ла Порта в районе Салерно, в гроте Ромито в Калабрии и других эпироманеллийских стоянках Пульи (Laplace, 1964; Broglio, 1976; Mussi, , Orliac, 1988). Очень сложно найти соотношение между финальным эпиграветтом и культурой романелли. Название этой культурной фации итальянского палеолита было введено А.К. Бланком в 1939 г. после его раскопок грота Романелли, но инвентарь стоянки-эпонима никогда не был опубликован полностью и детальным образом. Вместе с тем термин романелли был распространен впоследствии на другие индустрии финального верхнего палеолита, включающие пластинки с притупленной спинкой, сегменты круга и особенно мелкие округлые скребки. Таким образом, эта дефиниция стала применяться для стоянок Лацио, Лигурии, южной Франции. В 1972 г. М. Тачини и А. Биетти предложили ограничить его использование стоянками Пульи, поскольку эта индустрия не достаточно хорошо известна, чтобы позволить обоснованные сравнения.

Согласно А. Биетти, романелли имеет предшественников в других более древних стоянках на полуострове Саленте (Пулья), в особенности, в Тауризано в слоях, датированных по радиоуглероду между 16 000 и 15 500 лет назад. Там имеются те же типы скребков коротких и на мелких отщепах, хотя и менее обильных, так же как призматические (или нуклевидные) резцы и заостренные пластины типа романелли. Пальма ди Чеснола видит прямой дериват романелли в другой индустрии этой зоны, происходящей из Поццо Зекка (Уженто) и датированной по радиоуглероду около 14 000 лет назад.

Помимо грота Романелли, индустрия романелли была представлена именно в Саленте в гроте Парабита, но она неиздана. Напротив, имеются многочисленные стоянки со слоями, которые относят к эпироманелли. Индустрия эпироманелли всегда сопровождается фауной, лишенной холодостойких видов, и часто характеризуется значительными раковинными кучами. Она была найдена в гроте Ковалло, Рипаро С делла Чиполиане, гроте Улуццо и т.д. и относится, возможно к началу голоцена (Blanc, 1938-1939; Mussi, 1988a).

Согласно абсолютным датам по AMS и радиоуглероду, ориньяк существовал в Италии от 37 000-36 000 лет до 30 000 лет назад, а граветт от 28 000 до 20 000 лет назад. Таким образом, временной ряд одинаков, так же и примерное число идентифицированных стоянок. В ориньяке полностью отсутствует фигуративное искусство, поэтому рассмотрение природных условий начнем с рубежа 30 000 лет назад.

Граветтское заселение Италии началось 28 000-26 000 лет назад, после того, как исчез ориньяк. Заселение полуострова происходило с севера, постепенно охватывая новые районы, но не оставляя старые. М. Мусси дает краткий обзор окружающей среды, начиная с 30-го тысячелетия, когда уровень Средиземного моря был приблизительно на 20 м ниже современного и прибрежная полоса на 1-2 км шире (Mussi, 1999). Во время ледникового максимума, когда уровень моря опустился на 120 м, прибрежная равнина была расширена на 10-20 км. В северной Адриатике равнина распространилась далеко к югу. В восточных предгорьях Апеннин реки, текущие в широтном направлении, отложили грубые седименты. Широко распространенные в Италии утесы и скалы с их пещерами и навесами давали прибежище человеческим группам.

В течение холодных фаз плейстоцена ледники развились на южных склонах Альп и на Апеннинах, которые делят полуостров на две части: северо-западную и юго-восточную. Нет никаких признаков развития ледников в Сицилии или Сардинии. Остатки огромных морен еще окружают

южные склоны пре-альпийских озер, таких как Лаго Маджиоре или Лаго де Комо. На Апеннинах десятки мелких ледников, редко превышающих 5-6 км, развились на самых высоких хребтах так далеко к югу как Калабрия. Они распространялись вниз минимум на 600-700 м в северных Апеннинах и 900-1000 м в центральных.

В течение всего плейстоцена вулканы были активными в центральной и южной Италии. Отложения вулканических пеплов вместе с радиоуглеродными измерениями хорошо датируют археологические слои. В центре и на юге полуострова педогенез повредил вулканические пеплы, как и другие седименты. Далее к северу сходным образом были затронуты и лессы. Позднее, между 30 000 и 20 000 лет назад нет никаких признаков вулканической деятельности, столь же интенсивной, как прежде, или какой-либо крупной фазы образования почвы. Б. Нарсизи, однако, пытался поместить древнейшее Плиниево извержение Везувия в 25 000 лет назад (Narcisi, 1996), в то время как возраст 20 000±200 лет назад был подтвержден М. Патерном и др. – 19 800 лет назад для туфов, происходящих из извержения вулканов Ичия (Paterne et al., 1986). Несколько педогенезов также наблюдались в горах центральной Италии в 27-25 тысячелетиях назад и, возможно, даже позже.

Фаунистические остатки в археологических слоях обычно включают представителей семейства лошадиных (Equus caballus, иногда вместе с Equus hydruntinus) и бычьих (и первобытный бык, и бизон), а также благородного оленя. Малое число стоянок не позволяет детального статистического анализа костей животных, но все же благородный олень может быть уверенно принят за основную охотничью добычу многих человеческих коллективов. Лошадь и горный козел были объектами охоты и для граветтийцев, гидрунтиновый осел более часто встречался в ориньякских стоянках, а горный козел в граветтских. Первобытный бык более редок и, очевидно, добывался только во время отложения некоторых слоев в гроте Пагличчи. Северные олени никогда не жили на территории Италии.

Широкая характеристика климата во время максимума оледенения выведена из обычных данных по Средиземноморью. Температура поверхности моря на западном побережье Италии была между 13°C и 19°C летом (в настоящее время 22°C-24°C) и между 7°C и 13°C зимой (современная средняя 13°C-15°C). Более точные данные могут быть получены из геоморфологических исследований, которые ведут к детальной реконструкции нестабильной окружающей среды в центральных Апеннинах. Корреляции на длинные расстояния сделали доступными отложения вулканических пеплов, в то время как различия в температуре, сравнимые с настоящим временем, были подсчитаны по высоте конечных морен, скальных ледников и прошлых границ снежного покрова.

Граветтские стоянки кажутся оставленными немногочисленными человеческими группами, пришедшими на полуостров после некоторого промежутка в заселении территории. Заселение могло происходить теоретически и с востока, и с запада, т.е. с Балкан и из Франции. Малое число стоянок средней поры верхнего палеолита в северо-восточной Италии и в прилежащей бывшей Югославии, так же как и Греции, контрастирует со значительными археологическими материалами из Прованса (Onoratini, 1982) и Лигурии. Продвигаясь к югу полуострова человеческие группы концентрировались в некоторых районах. Первые группы граветтцев пришли на полуостров, когда климат заметно ухудшился. На своем пути рассеянные популяции встречались с различными трудностями, требующими усилий для адаптации к новой среде. Непрерывные секвенции гротов Ла Кала и Пагличчи, также как и существенные археологические данные, показывают заселение, охватывающее весь финальный плейстоцен. Этот период особенно богат антропологическими находками: 16 погребений с 26 особями открыты в Лигурии и Апулии, включая двойные и тройные захоронения. Погребения имеют различное положение и ориентацию внутри гротов, погребальные ямы с большим или меньшим количеством охры, часто с богатым набором погребального инвентаря. Украшения включают просверленные клыки благородного оленя, разнообразные морские раковины, позвонки рыб, подвески из бивня, нашитые на шапочки, одежду и образующие искусные декоративные композиции.

Украшения встречаются и в культурных слоях поселений вместе с другими произведениями искусства. Искусство граветта включает как фигуративные и геометрические нарезки на кости (гроты Арене Кандиде, Пагличчи), так и скульптурные фигурки и росписи. Датировка последних менее уверенная, чем первых, но ряд аргументов указывает на их возраст не позже 25 000-18 000 лет назад. По своему географическому положению и характеру произведений искусства: женских, антропоморфных и антропо-зооморфных статуэток наибольший интерес представляют гроты **Бальци-Росси** (Бауссе-Руссе французских авторов, Гримальди, Ментона).

Гроты расположены на итальянской территории близ итало-французской границы между Ривьерой и Лазурным берегом. Они открываются в нескольких метрах высоты на линии протяженностью около 250 м на узкой прибрежной полосе, отделяющей последние отроги Альп от Средиземного моря. Еще до установления их научной значимости гроты были потревожены многочис-

ленными раскопщиками-любителями и кладоискателями. Когда Эмиль Ривьер начал интересоваться местной археологией в 1869 г. уже говорили, что «гроты издавна были настолько опустошены, что там не осталось ничего из того, что было» (Rivière, 1887: XII). Строительство железной дороги в 1870-х годах и разработка карьеров привели к полному или частичному разрушению некоторых гротов. В 1880-х годах раскопки были продолжены Луи Александром Жюльеном. Между 1883 и 1895 гг. Л. Жюльен нашел или приобрел серию женских статуэток, подлинность которых была оспорена Г. де Мортилье и Э. Ривьером. Последний упоминает о том, что многочисленные поделки продавались у входа в гроты в 1892 г. Как отмечает А. Дельпорт, «открытия» Жюльена совершались в эпоху, когда статуэтки из Брассампуй еще не были опубликованы, а фигурки из Ложери-Бас и Тру Магрит были мало известны (Delporte, 1979). Л. Жюльен верил, что статуэтки палеолитические, но при отсутствии сравнительных данных, он боялся, что они будут рассматриваться как более поздние. Это уменьшило бы не только их цену, но и значение местонахождения, поэтому он решил скрыть их существование. Но к 1895 г. открытия в Брассампуй изменили положение, можно было без особого риска обнародовать собранную коллекцию. В 1896 г. С. Рейнак купил у Л. Жюльена для Музея Национальных Древностей Франции в Сен-Жермен-ан-Ле (M.A.N.) статуэтку из желтого стеатита и между 1900 и 1902 гг. Э. Пьетт приобрел еще 5 фигурок, которые также хранятся в M.A.N. Женившись на жительнице Квебека Л. Жюльен около 1900 г. переехал в Канаду, захватив с собой оставшуюся коллекцию. Существование других фигурок было известно в научной среде. А. Брейль сделал попытку восстановить контакт с Жюльеном через посредство монреальского аббата Дюпена и в 1915 г. получил информацию о происхождении предметов и схематические рисунки двух из них. Он опубликовал эти материалы, упомянув, что остальные хранятся у наследников Л. Жюльена или у американских и канадских коллекционеров (Breuil, 1928). Поиски, предпринятые А. Дельпортом не дали результатов, но оказалось, что одна из фигурок («Янус»), опубликованных А. Брейлем, была продана наследниками Л. Жюльена в Музей Пибоди Гарвардского Университета, где она и была благополучно заново открыта А. Маршаком (Marshack, 1986). С этого времени начинается новейшая история обнаружения фигурок из Бальци Росси. Пьер Больдюк купил 5 статуэток у антиквара в Монреале, проданных ему внуками Жюльена, и установив с ними связь, приобрел последние 2. Таким образом, фигурок из Бальци Росси 15, как и сообщал Л. Жюльен в письме к Э. Пьетту: 7 – в M.A.N., 1 – в Гарварде, 7 – недавно открыты в Монреале (Bolduc et al., 1996).

Согласно информации, сообщенной Жюльеном Пьетту, согласно указаниям, собранным С. Рейнаком, согласно данным из статей Л. Вильнёва и Э. Ривьера, две-три статуэтки были найдены в Барма Гранде в 1884 г. Ситуация других находок более неопределенна. Жюльен указывал, что все статуэтки происходят из грота, названного им «Туннелем». Различные уточнения привели к тому, что этот грот приравнен к Гроту Принца. При раскопках этого грота в 1895-1902 гг. Л. Вильнёв нашел в нем только мустье. Следовательно, или Жюльен дал неверную информацию намеренно, или он был обманут другим раскопщиком, который уступил ему статуэтки. Возможно также, что заполнение грота перед раскопками Вильнёва было более мощным и мустьерский слой был перекрыт верхнепалеолитическими слоями, полностью уничтоженными раньше. Как бы там ни было, точное место нахождения статуэток, как и их стратиграфическое положение, неизвестны.

Имеются некоторые сведения о статуэтках, найденных в Барма Гранде. В письме, адресованном Э. Пьетту, Л. Жюльен описывает верхнюю часть стратиграфии следующим образом: A. конгломерат; 2. двухметровая толща слоев, перемешанных Э. Ривьером; C. скопление раковин, золы, очагов, очажных камней в слое мощностью 1 м. Здесь найдены кремневые мелкие нуклеусы, пластины, мелкие скребки, резцы, обломок глинистой голубоватой породы с нарезками, а также костяные шило и лощило, 2 клыка благородного оленя с отверстиями; D. слой мощностью 1.2 м со скоплениями раковин, крупных галек, очень мелких кремневых галек, а также нуклеусы, пластины и пластинки из кремня и яшмы, резцы, скребки, плоские камни, служившие для растирания охры, несколько каменных отжимников (2 из них с нарезками по краям), 88 раковин с отверстиями, 3 костяных шила, костяная статуэтка женщины (у левой стены), скелет волка, целые рога и челюсти благородного оленя; E. слой мощностью 0.5 м: пепел и красноватая песчанистая земля, скопление раковин, скопление крупных галек, 4 кремневых наконечника с боковой выемкой, из которых один очень маленький, резцы, гальки серпентинита с орнаментом в виде квадратов, резцы оленя (один из них с нарезками), костяные шилья, ребро быка с сериями нарезок, статуэтка женщины из стеатита, приобретенная M.A.N. Из фауны отмечены кости быка и благородного оленя.

А. Брейль опубликовал также две фотографии предметов, найденных Л. Жюльеном и происходящих, вероятно, из Барма Гранде (Breuil, 1928). На этих фотографиях представлены скребки, резцы, ретушированные пластины и большая серия наконечников с притупленной спинкой типа граветт, которые, возможно, соответствуют «pointrolles»

Жюльена. Нельзя определенно утверждать, что эти орудия происходят из тех же слоев, что и две статуэтки, но факт тем не менее правдоподобный.

Сколь бы ни были достоверными или недостоверными сведения Жюльена, но учитывая их и наблюдения, опубликованные Ривьером, можно предполагать, что статуэтки из Барма Гранде сопровождались инвентарем с остриями граветт (частично микрограветт) и наконечниками с боковой выемкой. В коллекции M.A.N., в сущности, происходящей из раскопок Ривьера, имеются довольно многочисленные острия граветт и микрограветт, по форме напоминающие острия, опубликованные А. Брейлем. Инвентарь такого рода Р. Вофрей, вслед за Уго Реллини, предложил называть гримальдийской культурой, имеющей связь с верхним перигором юго-западной Франции (Vaufrey, 1928). Следует напомнить также, что из Барма Гранде происходят два произведения искусства: фрагмент каменной плитки, гравированный неполной из-за излома фигурой лошади в левый профиль и галька, на поверхности которой из переплетения линий выделяется голова быка в правый профиль (Graziosi, 1973: tav. 42).

Фактически, все исследователи, которые и позже работали в Гримальди, и все, кто изучал коллекции, настаивали на типологической однородности различных слоев верхнего палеолита этого местонахождения. Они указывали, что в целом различные типы орудий появляются и исчезают без наличия резких разрывов. На стоянках Гримальди могло идти непрерывное развитие от достаточно типичного ориньяка, обладающего роговыми наконечниками с расщепленным основанием до граветта (гримальдийская культура), который, в свою очередь, эволюционировал к эпиграветту и, возможно, к пост-палеолитической культуре романелли с многочисленными мелкими скребками, редкими резцами и значительным набором микрограветт и пластинок с притупленной спинкой. Точное положение в этой последовательности женских статуэток неясно, но А. Дельпорт полагает, что учитывая довольно скудные указания, логичнее всего поместить их в граветт (Delporte, 1979: 101).

В настоящее время никто не оспаривает это предположение, даже после обнаружения новой серии статуэток, часть которых не имеет никаких аналогий в палеолитическом искусстве. М. Мусси и ее соавторы (Bolduc et al., 1996; Mussi et al., 1999) смело ассоциируют все 15 фигурок с Барма Гранде и Гротом Принца («Грот Туннеля» или «Грот со статуэтками»). Они отмечают, что Барма Гранде была интенсивно заселена в течение среднего верхнего палеолита, а Грот Принца почти полностью сохранил среднепалеолитические отложения.

Из 15 статуэток 10 изготовлены из стеатита, 2 из хлорита, 2 из бивня мамонта и одна из рога. Статуэтки носят условные названия. Выделяется группа женских статуэток, преимущественно из стеатита. Почти все они целые, лишь у некоторых повреждены концы ног. Высота их колеблется от 2,7 до 6,2 см. Наиболее характерны «Желтая Венера» (рис. 54,1; M.A.N. N 35308; Reinach, 1898: 28, 31, tabl. I-II; Абрамова, 1966, N 125, табл. IV, 5); «Ромб» (рис. 54, 2; M.A.N. N 49282; Piette, 1902: 9; Абрамова, 1966, N 126, табл. VI, 6); «Полишинель» (рис. 54,3; M.A.N. N 49 281; Piette, 1902: 9, fig. 4; Абрамова, 1966: № 128, табл. III, 3). Интересна плоская фигурка «Янус» с двусторонним женским барельефом и отверстием в области шеи (Музей Пибоди, США; Breuil, 1928: 28, tabl. I, 1; Абрамова, 1966: № 131, табл. II, 4; Marshack, 1986). Две статуэтки новой серии вырезаны из бивня мамонта, их отличают более крупные размеры и наличие отверстий: одна окрашена охрой в темно-красный/рыжевато-коричневый цвет ("Dame ocrée"; Bolduc et al., 1996: 30, fig 10), вторая "Abrachial", т.е. «Лишенная рук»; там же: 28, fig. 9). Из остальных находок отметим головку «Негроида» из стеатита размерами 2,5x1,4x2.4 см (рис. 55). Любопытно изображение шапочки или прически, составленной из пересекающихся под прямым углом линий (M.A.N. N 29 284; Piette, 1902: 7, fig. 3; Абрамова, 1966: № 127, табл. IX, 1).

Рис. 54. Женские статуэтки. Гримальди.

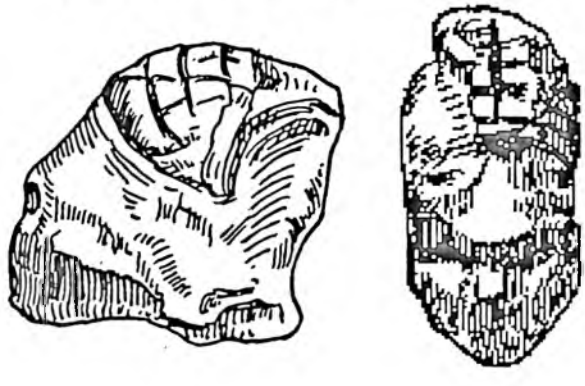

Рис. 55. Голова «Негроида». Гримальди.

В целом, из 15 фигурок 12, считая «Бюст» передают женский образ, иногда в двойном воплощении («Янус», «Монашка»); одна фигура сочетает в себе образы женщины и животного «Дуплет» или «Красавица и

Зверь»; «Негроид» и «Маска» дополняют ансамбль.

Другие находки женских статуэток в Италии – случайные и не имеют никакой документированной стратиграфической привязки и, следовательно, точной хронологии.

В 1924 или 1925 гг. была случайно найдена Венера из **Савиньяно** в месте, называемом «Иль Конфине» или «Ка ди Пра Мартин» недалеко от дер. Савиньяно на границе провинций Болонья и Модена. Обнаружена во время земляных работ на глубине около 1 м. Отец известного итальянского доисторика Паоло Грациози скульптор Джузеппе Грациози, которому статуэтка была показана, оценил археологическое значение фигурки, приобрел ее и передал в дар Доисторическом музею Пигорини в Риме, где она продолжает храниться (рис. 56).

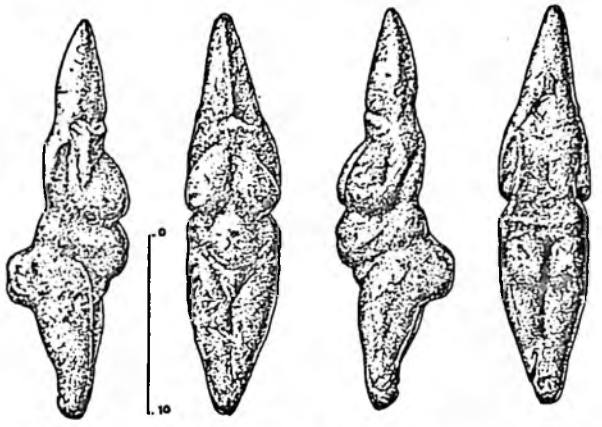

Рис. 56. Женская статуэтка. Савиньяно.

Хотя место находки точно известно, нет никаких данных для ее датировки. Она лежала под большим камнем в аллювиальных глинистых красноватых отложениях террасы р. Панаро, правого притока р. По. Контрольные раскопки, предпринятые Службой древности провинции Эмилия, не дали датирующих материалов. Известно только, что на той системе террас найдены мустьерские орудия, орудия на пластинах верхнепалеолитического облика и неолитические орудия.

Не удивительно, что возраст статуэтки вызвал оживленные дискуссии между теми, кто относил ее к неолиту, в особенности директор музея Пигорини Уго Антониелли (Antonielli, 1925, 1926 а. б, в)) и теми кто рассматривал ее как ориньякскую, по меркам того времени или, по крайней мере, как верхнепалеолитическую. Аргументы первых сводились к тому, что статуэтка «не может быть палеолитической», в то время как вторые справедливо настаивали на совпадении стиля и воспроизведения, которое существует между статуэткой из Савиньяно и статуэтками палеолитическими, в особенности из Гримальди. Р. Вофрей отметил, что Паоло Грациози нашел в окрестностях Савиньяно кремни верхнепалеолитического облика: острие граветт и резец ноай (Vaufrey, 1926). А. Дельпорт подчеркивал также, что коллекции кремня, близкие к верхне-перигорским с резцами ноай или без них, были собраны в 50 км к югу от Савиньяно, в Латерина и в Сан Савино. Анализ этих коллекций, проведенный А. Пальма ди Чеснола, показал черты сходства с французскими комплексами. А. Дельпорт считал поэтому законным предположение о принадлежности фигурки к культуре гримальди, т.е. к разновидности граветта на Апеннинском полуострове.

Стилистические особенности статуэтки показывают, что различные части тела трактованы в соответствии с нормами палеолитических изображений и даже более точно характерны для верхнего перигора. Как и многие другие статуэтки этой эпохи, она вписывается в ромб, масса живота отчетливо занимает центр.

Если некоторые статуэтки из Гримальди могут показаться спорными, если статуэтка из Савиньяно не обладает ни геологическим, ни археологическим контекстом, которые позволили бы ее объективно датировать, то положение со статуэткой из окрестностей **Тразименского озера** еще более сложно. В действительности, она была найдена в ящике. А. Дельпорт передает следующую историю, рассказанную ему П. Грациози: около 1935 г. А. Пальма ди Чеснола приобрел в Ареццо ящик кремневых орудий, собранных в различных местонахождениях Тосканы в конце XIXвека неким Фунжини. На этом маленьком ящике была надпись «Castel secco» – название древнего акрополя Ареццо. Сортируя его содержание с помощью Л. Кардини, Пальма ди Чеснола обнаружил эту необычную фигурку. Ни место открытия, ни возраст установить невозможно, но тем не менее, Грациози и Кардини с некоторой долей вероятности удалось установить, что статуэтка может происходить из стоянки на поверхности в районе Тразименского озера на границе между Умбрией и Тосканой, и что она может датироваться верхним палеолитом, поскольку в ящике имелись острия граветт (Graziosi, 1939). А. Дельпорт справдливо замечает, что все это несомненно очень гадательно (Delporte, 1979: 111, 112).

Во время раскопок энеолитических погребений в глинистом карьере в **Кьоцца ди Скандиано** (Реджио Эмилия), т.е. в районе не очень отдаленном от Савиньяно в 1940 г. была открыта новая статуэтка. Как и статуэтка из Савиньяно, она была найдена в отложениях голоценового аллювия, поэтому возраст ее не определяется объективно. Раскопки 1941 г., выполненные П. Лавиоцца-Залиботти, не принесли никаких данных для уточнения возраста. Предлагаются две гипотезы: или она палеолитическая и находится во вторичном залегании, или она энеолитическая

(Graziosi, 1943).

Возможно, точку в этом споре должна поставить недавняя находка крупной женской статуэтки из стеатита неолитическом поселении Ла Мармотта в четких стратиграфических условиях (Fugazzola Delpino, 2000-2001).

Все описанные ранее итальянские статуэтки палеолитические они или нет, были открыты на севере или в центре полуострова. В 1966 г. в южной Италии поблизости от Романелли в гроте **Парабита** (провинция Лечче) были найдены две фигурки бесспорно палеолитические. В гроте сохранились остатки трех культурных подразделений: погребение бронзового века, которое в большей или меньшей степени нарушало стратиграфию древних слоев; комплекс верхнего палеолита, в котором А. Радмилли различил два культурных этапа: позднее романелли с многочисленными геометрическими орудиями и инвентарь с крупными пластинами и крутой ретушью. Статуэтки были найдены в зоне, перемешанной погребением эпохи бронзы, поэтому не установлено из какого слоя они происходят, хотя на статуэтках сохранились следы седиментов, сравнимые с заполнением слоев в ненарушенных секторах грота. Авторы выражают надежду, что статуэтки палеолитические и что в дальнейшем раскопки позволят впервые в Италии уточнить возраст женских изображений (Piscopo, Radmilli, 1966a, б; Radmilli, 1966, 1969). Мне неизвестно оправдалась ли эта надежда, возможно, что статуэтки не выходят за пределы палеолита.

Обе фигурки изготовлены из осколков длинных костей животных, возможно, первобытного быка или лошади, остатки которых обильно представлены в отложениях грота. Как установил Радмилли, обе статуэтки происходят из одного и того же слоя красной глины, но цвет их различен: белый у первой, желтоватый у второй. Свойственная им блестящая патина соответствует кости, которая кажется заполированной от долгого трения руками.

Первая статуэтка имеет высоту 9 см, максимальную ширину 2.1 см и толщину в области живота 2.2 см (рис. 57; Radmilli, 1966, fig. 1, 2). Голова яйцевидной формы с заостренно-закругленной макушкой. Трактовка лица совершенно необычна и не находит ни аналогии, ни интерпретации. От короткой и толстой шеи спускаются покатые плечи, продолжающиеся длинными четко очерченными руками, которые сходятся в виде заметных утолщений под животом. Близко расположенные груди имеют грушевидную форму и возвышаются над выступающим округлым животом, снабженным ямкой пупка. Ниже кистей рук определенно выражен пубический треугольник. Бедра слегка расширены. Ноги, неровно обломанные ниже колен, разделены глубокими надрезами и спереди и сзади. На поврежденном правом боку отчетливо выступает губчатая структура кости. Очертания спины переданы пластично в сочетании верхней половины тела и поясничного изгиба. Радмилли отмечает, что при рассмотрении в профиль статуэтка отражает достаточно точно позу женщины в последней фазе беременности. «В целом, наша Венера представляет гармоничную игру объемов без преувеличения и без искажения форм» (там же: 128).

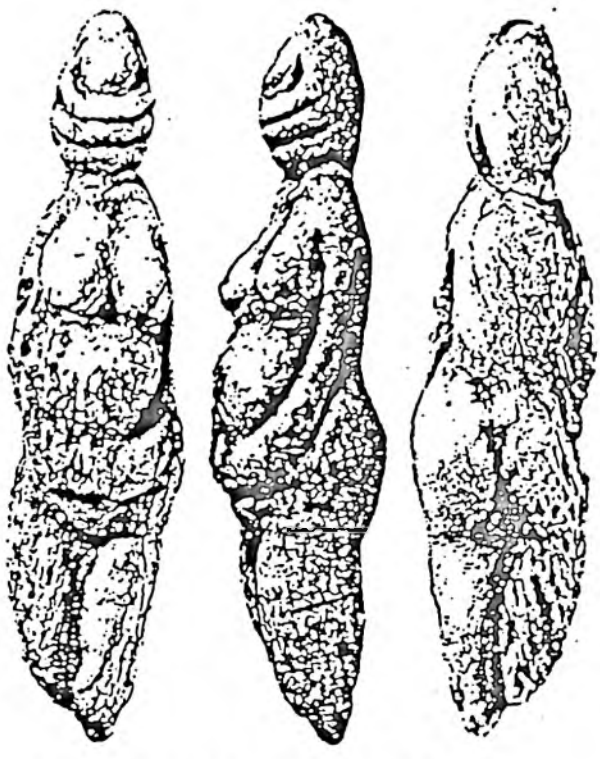

Рис. 57. Женская статуэтка. Парабита.

Вторая статуэтка высотой 6.1 см, максимальной шириной 1.5 см и толщиной в центральной части 1.2 см имеет веретенообразный профиль (там же: fig. 3). Отличие от первой статуэтки заключается в суммарной и достаточно грубой передаче пластичной трактовки, возможно, обусловленной формой осколка кости, из которого она вырезана. А.М. Радмилли замечает, что обе статуэтки, трактованные различным образом, принадлежат к одной культурной традиции, которая обнаруживается в форме грудей и особом положении рук (там же: 131).

Прежде чем перейти к описанию памятников, необходимо остановиться на антропологическом материале, очень богатом в Италии, особенно в Западной Лигурии, где отмечено 23 погребенных особи, в то время как в южной Италии – 17. Вне этих групп найдено 3 погребения: два в Вадо аль Арансио (Центральная Италия) и одно в Рипаро Тальенте на северо-востоке страны. Такое неравномерное распределение объясняется тем, что Лигурия находилась на пути передвижений с

территории Франции и Испании, а южная Италия представляла собой географический тупик, благоприятствующий генетической изоляции человеческих групп (Fabri, 1992).

Что касается хронологии погребений, то все они относятся к эпиграветту, который, как уже упоминалось, характеризует поздний верхний палеолит и в целом соответствует эпохе солютре-мадлена. Антропологические материалы (намеренные захоронения и разрозненные части скелета) редкие в начале эпиграветта (около 19 000 лет назад), становятся многочисленными к концу палеолита (около 10 000 лет назад) и в мезолите. Если начало эпиграветта четко отмечено слоем 18а грота Пагличчи (Palma di Cesnola, Bietti, 1983), то определение его верхней границы проблематично, как и размежевание палеолита-мезолита. П.Ф. Фабри считает, что хронологическая граница между этими эпохами сдвигается и совпадает теперь с концом четвертичного периода. Такие культуры как романелли и финальный эпиграветт считаются палеолитическими. Эта новая граница, установленная по радиоуглеродным датировкам, вызвала изменение «статуса» для ряда антропологических материалов. Наиболее важное местонахождение – это погребальный комплекс Арене Кандиде, на статус которого несомненно повлияли абсолютные даты на тысячу лет более древние, чем определенные ранее (Bietti, 1987). С другой стороны, Арене Кандиде квалифицируется как «мезолитический некрополь (Mussi, 1986).

Арене Кандиде – это единственный грот в Италии, где сохранилось погребение, относящееся к раннему эпиграветту. В 1941-1942 гг. и в 1948-1949 гг. Л. Кардини в раскопе площадью 12 м² обнаружил над палеолитическими слоями, лежащими на глубине 4.2-8 м, отложения всех эпох, включая мезолит. Палеолит представлен 13 слоями, из которых самый нижний был очень бедным. Слои 12-8 (очаги 6-4) характеризуют листовидные орудия, слои 7-1 (очаги 3-1) – орудия с боковой выемкой.Ж. Лаплас отнес палеолит к позднему граветту-древнему эпиграветту (Laplace, 1966).

Над очагом 5 было найдено погребение подростка 12-14 лет мужского пола в вытянутом положении на спине, засыпанного охрой. Несколько камней кажутся намеренно расположенными на руках, кистях, ступнях. Сетка из сотен просверленных раковин Nassa neritea окружала голову, 4 просверленных жезла находились на плечах, торсе и рядом с левым боком (Mussi, Mohen, 1988).

Все погребения позднего эпиграветта располагались в восточной части грота на площади около 20 м² на разных глубинах, прорезая иногда слои древнего эпиграветта (могила II). У 11 особей кости еще были в анатомической связи, по меньшей мере частичной. В некоторых случаях скелеты лежат намеренно тесно, чтобы дать место для нового захоронения. Некоторые изолированные кости были смешаны с заполнением захоронений. Следует заметить, что это довольно частое явление в итальянском палеолите, где помимо целых непотревоженных захоронений встречаются изолированные, иногда сильно фрагментированные кости. Причина такого явления не устанавливается, если отказаться от гипотезы каннибализма. Можно предположить, что намеренные захоронения не были единственной формой погребального обряда. Лишь Арене Кандиде в какой-то мере объясняет этот феномен. Если в хронологическом плане определение грота как мезолитический некрополь дискуссионно, то дефиниция некрополь справедлива.

Фабри отмечает, что до сих пор нет полного исследования возраста и пола погребенных. Выделяются лишь три главные возрастные группы: утробные дети, подростки, взрослые. Утробных только 2 и вместе с особями не достигшими взрослого возраста они входят в 35 % всего комплекса. Более точные данные получены по антропологическим материалам из Романелли: 6 взрослых, 1 подросток и 5 детей до 10 лет (Fabri, 1987). Определения пола были сделаны, главным образом по черепам, не учитывая показателей тазовых костей. Поэтому все выводы касательно палеодемографии преждевременны.

Из стоянок, содержащих произведения искусства выделяется многослойный грот Пагличчи с полной колонкой граветтских и эпиграветтских слоев.

Грот **Пагличчи** (Пулья, Фоджа) на южном склоне масссива Гаргано, случайно открыт кладоискателями и в 1955 г. упомянут Р. Батталья. С 1961 г. начались методические раскопки Ф. Зорзи и Ф. Меццена. Именно тогда Зорзи обнаружил наскальные росписи в глубокой части грота. В 1970 г. Пальма ди Чеснола и Меццена поставили стратиграфический зондаж, в котором открыли ашельские и мустьерские слои у входа в грот под навесом. Внутренняя часть грота была заселена в более позднее время и содержала стратиграфию из 22 слоев. Самые поздние слои отнесены к эпиграветту. Напомним, что под этим термином группируются комплексы, происходящие из граветта с резцами ноай и финального граветта, занимающие хронологическое положение, параллельное солютре, мадлену и эпипалеолиту атлантической провинции. Стратиграфия (сверху вниз): 1-4 – финальный эпиграветт с геометрическими орудиями. Даты по радиоуглероду для слоев 2-3 11 440±180 лет назад; слоев 4а-4с 11 950±190 лет назад; 5-7 – финальный эпиграветт с орудиями с притупленной спинкой и на усечениях. Даты для слоев 5в-5с 13 590±220 лет назад; слоев 7а-7с 14 820±210 лет назад. Более поздние раскопки обнаружили в сло-

ях 1-7 большее количество мелких наконечников с притупленной спинкой и геометрических форм, чем в предшествующие сезоны; 8-9 – развитый эпиграветт. Даты между 15 270±220 и 15 460±220 лет назад; 10-16 – древний эпиграветт с наконечниками с боковой выемкой. Для слоя 10a получена дата 15 320±250 лет назад; 17 – древний эпиграветт с листовидными наконечниками, обработанными двусторонней ретушью; 18a – эпиграветт «первоначальной древней фации». Далее граветтские слои (18b-22) могут быть сгруппированы в три комплекса, отличающиеся характерными чертами каменного инвентаря: 18b-19a – финальный развитый граветт характеризующийся многочисленными мелкими остриями с угловатой спинкой, остриями с плоским фасом, скребками и резцами, тяготеющими к типу нуклевидных. Даты: 20 720±290 лет назад и 20 160±160 лет назад; 19b и 20 – развитый граветт с остриями с притупленной спинкой и усечениями (25 %), с многочисленными скребками и остриями граветт. Даты: 21 260±340 лет назад и 22 630±390 лет назад; 21 – развитый граветт с единственным острием фон-робер, что позволяет сопоставлять этот слой с перигором Va, с многочисленными резцами на ретушированном сечении и остриями микрограветт. Даты от 23 040±380 лет назад до 24 720±420 лет назад; 22 – граветт фации с наконечниками с притупленной спинкой.

Особо отмечено, что граветтский инвентарь грота не включает резцы ноай, тогда как на других итальянских стоянках этой поры они представлены в изобилии. Наличие острия фон-робер в слое 21 является новым интересным фактом, но, к сожалению, это орудие было единственным в обильном инвентаре. Костяной инвентарь граветтских слоев количественно незначителен и типологически беден. А. Пальма ди Чеснола отмечает два наконечника типа истюриц, один из слоя 18b, другой – из слоя 21. такие наконечники с основанием, покрытом тонкими бороздками, найдены в Абри Пато и в Истюриц в слоях перигора V с резцами ноай. Следует напомнить, что дата в Абри Пато была более древней: 27 060±370 лет назад.

Изучение фауны указывает на конец цикла умеренно холодного и влажного в слоях 22a-21c (тюрсак?), затем на период интенсивного холода в 21b-20c (вюрм III), наконец, два климатических периода менее суровых (ложери и ляско), разделенные периодом более холодным, заключенным между слоями 20b и 13. Слои 12 и 11 почти не содержали фаунистических остатков. В цикле от 10 по 2 слой после возможного свидетельства интерстадиала англь-сюр-англен серия осцилляций, несмотря на некоторые лакуны, относится к большей части второй половины вюрма IV.

Фрагменты человеческих костей были найдены в нескольких слоях, особенно интересно открытие погребения подростка, стратиграфически соответствующего самому началу образования слоя 21. Оно было засыпано тонким слоем гематита и сопровождалось погребальным инвентарем. Просверленные зубы оленя находились на черепе, в виде браслетов на руках и лодыжках; в области груди – раковина Cyprea, десяток кремневых и костяных орудий на скелете и вокруг него. На больших берцовых костях лежала каменная плитка.

Наиболее древнее произведение искусства найдено в 1971 г. в граветтском слое 20 (дата 22 600±450 лет назад), определенном Пальма ди Чеснола как аналогичный перигору V2 Западной Европы. На фрагменте большой берцовой крупного млекопитающего выгравирован горный козел, хорошо различимый благодаря важным деталям (рис. 58). Над этим реалистическим изображением многочисленные линии покрывают всю поверхность кости. Линии косые и составляют главный мотив – шевроны. Любопытно, что ассоциация между фигуративным и геометрическим мотивами, особенно выраженная в более позднем средиземноморском искусстве была подтверждена в довольно древнюю эпоху. Это хорошо датируемое произведение ставит различные проблемы, касающиеся происхождения средиземноморского искусства и его связей с искусством западных районов.

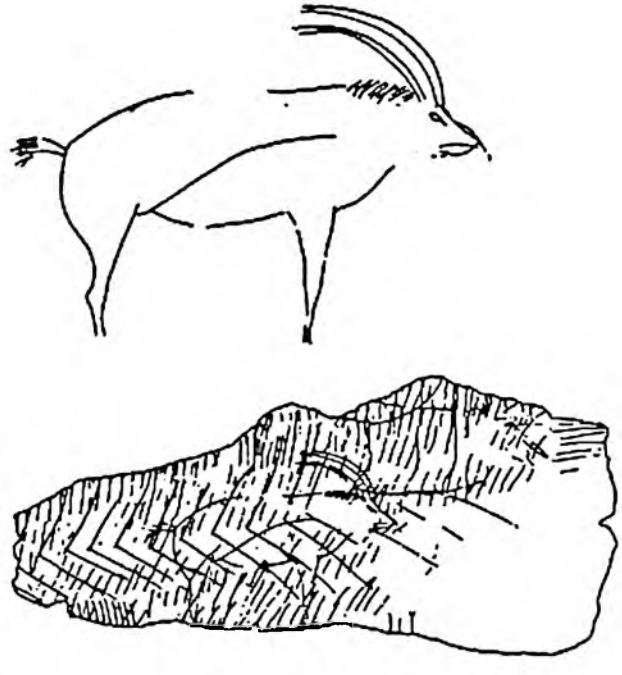

Рис. 58. Гравюра горного козла на кости. Граветт. Пагличчи.

Эпиграветтские слои грота дали несколько гравированных изображений. В слое 13 на корке обработанного кремня имеется гравированная фигура трудной интерпретации. В слое 8 гравированная кость была открыта Ф. Зорзи в 1961-1963 гг. Это диафиз длинной кости крупного млекопи-

тающего, на поверхности которого выгравирована сложная сцена с гнездом, заполненным яйцами, двумя птицами и змеей (рис. 59). Из того же слоя происходит подвздошная кость лошади, гравированная на обоих фасах. Она была найдена Ф. Зорзи, который дал следующее описание: на одном фасе изображена голова и шея какого-то животного из семейства бычьих с рогами, острия которых направлены вперед; в средней части виден профиль молодого оленя: голова и передняя часть; под шеей первого быка находится маленькая голова другого животного из того же семейства; на втором фасе изображена сцена охоты: лошадь, бык и олень окружены стрелами. Более подробно эта сцена будет рассмотрена в дальнейшем.

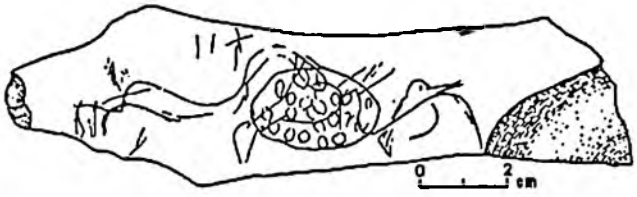

Рис. 59. Гравюра сложного содержания на фрагменте кости. Эпиграветт. Пагличчи.

Таким образом, грот Пагличчи оказывается стоянкой наиболее важной для понимания итальянского палеолитического искусства: в нем представлено и наскальное искусство и искусство малых форм в слоях, где археологическое заполнение позволяет определить абсолютный возраст для каждой культурной фазы (Zorzi, 1962; Mezzena, Palma di Cesnola, 1967; Palma di Cesnola, 1975; Mussi, Piperno, Baffier, 1988).

Грот **Мура** (Бари) расположен в глубине маленькой скалистой бухты. В 1950 г. раскопки проводил М. Анелли, в 1960-1966 гг. О. Корнаджио Кастильони установил стратиграфию, различив 7 археологических слоев. Самый поздний слой С содержит инвентарь типа романелли с тенденцией к микролитизации: острия, орудия с притупленной спинкой, микрорезцы. Геометрические формы редки. Костяной инвентарь включает наконечники и шилья. Слои D, E и F относятся к среднему эпиграветту с тенденцией к микролитизации. Костяной инвентарь включает наконечники с уплощенным сечением. Слой G дал инвентарь граветтской традиции, отнесенный к древнему эпиграветту. Слой H – мустьерский.

В фауне эпиграветтских слоев отмечено преобладание быков и лошадей. Благородный олень и кабан редки. В слое С, относящемуся к романелли, лошадей становится меньше, чем быков, благородные олени и кабаны становятся более многочисленными. Эти изменения соответствуют переходу от прерии к лесостепи, отмечая более влажный климат.

В 1952 г. М. Анелли нашел гальку, имеющую на одном фасе гравюру быка с длинными извилистыми рогами (рис. 60, 1). Другая гравированная галька открыта в 1957 г., ее трудно расшифровать, хотя П. Грациози приводит рисунки двух лошадей (рис. 60, 2). Оба произведения искусства не связаны достаточно точно со стратиграфией. Их сходство с гравюрами из гротов Пагличчи, Полезини и Леванцо позволило отнести их к эпиграветту (Anelli, 1952, 1957; Grazioſi, Cadeo, Brambilla, 1958; Graziosi, 1973: tav. 39, b, c, d).

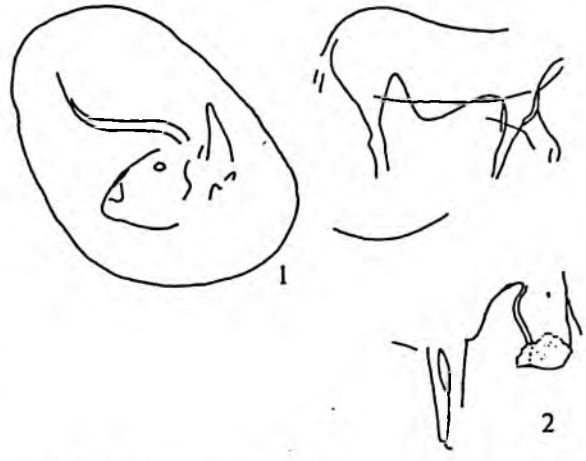

Рис. 60. Гравюры на гальках:
1 – голова быка, 2 – фигуры двух лошадей. Мура.

Остальные памятники принадлежат к различным более поздним ступеням эпиграветта или романелли.

Тальенте (Рипаро, Верона). Многослойный навес под скалами в горах Лессини на высоте 250 м. Регулярные раскопки начаты в 1932 г. Ф. Меццена и продолжены с 1962 г. П. Леонарди, А. Брольо и А. Гуериччи. Недавние исследования обнаружили стратиграфический разрез мощностью 2.8 м, отложения начали образовываться в течение фазы вюрма, возможно, непосредственно следующей за интерстадиалом брёруп. Слои 52-31 содержат обширный мустьерский инвентарь. Слой 25, который может соответствовать интерстадиалу денекамп-арси, был установлен только в ограниченном секторе навеса: речь идет об обрывках слоя максимальной толщиной 35 см, потревоженного медвежьими берлогами и явлениями солифлюкции. Инвентарь разнородный, поврежденный псевдоретушью. Характерные формы скребков (ладьевидные и à museau), резцы и сравнительно многочисленные пластинки дюфур позволили отнести этот слой к древнему ориньяку. В фауне преобладают косуля и благородный олень. Это одно из редких свидетельств ориньяка на адриатическом склоне полуострова.

После сильной эрозии и значительного перерыва в осадконакоплении идет серия слоев с 18 до

5, состоящих из галечника в илисто-песчанистых отложениях. Культурные остатки представлены во всех слоях этой серии вюрмского позднеледниковья, для которой получено несколько абсолютных дат по радиоуглероду: слой 15 - 13 330±160 лет назад и 13 430±180 лет назад или 11 380±160 лет до н. э. и 11 480±180 лет до н.; слой 14 - 12 000±400 лет назад или 10 050±400 лет до н. э.; слой 10-8 - 12 040±70 лет назад и 10 090±170 лет до н. э. На основании различных данных эта серия помещается в период между древним дриасом и осцилляцией аллерёд. Каменный инвентарь представляет последовательное развитие финального эпиграветта в северо-восточной Италии. Как известно, эта фация характеризуется наличием микрограветт, изделий à dos и tronqués, геометрических форм. Укороченные скребки, а также скребки ногтевидные и веерообразные появляются в конце последовательности, начиная со слоя 10.

Климат сухой и холодный в начале эпиграветта становится более умеренным в конце. Этот процесс прослеживается в изменении фауны: горный козел, лось и байбак исчезают постепенно, замещаясь благородным оленем, косулей и кабаном. Изменение растительности отражает ту же эволюцию: сосна сильвестра, можжевельник, злаковые замещаются сосной, березой и орешником. Навес был заселен в течение длительного времени. Интенсивно велась на месте обработка кремня. Около стены навеса было устроено жилище, причем ямки от столбов указывают на наличие структуры, изолирующей углубленную часть от внешней среды. Открытое под навесом погребение особенно интересно из-за находки под скелетом гравированного камня. Гравировка представляет собой изображение крупного кошачьего, возможно, льва. На той же плоскости над задней частью кошачьего выгравирована верхняя часть головы быка с характерным рогом.

Кроме этого гравированного блока известняка, другие произведения искусства, найденные в эпиграветтских слоях навеса, образуют наиболее значительный ансамбль в долине р. По. К сожалению, не все они оказались в непотревоженном положении. Среди них имеется замечательное изображение головы и передней части тела горного козла. Изображения двух бизонов были найдены на месте: одно представлено довольно реалистическим образом на гальке известняка, другое, более грубое, на фрагменте кости. На небольшой плитке известняка изображена голова травоядного (оленя?). Имеется также ряд геометрических фигур и фигур, отражающих цифровые понятия. В целом, произведения искусства наделены характерными чертами, промежуточными между представленными во франко-кантабрийской и в средиземноморской провинции (Graziosi, 1973; Bartolomei et al., 1982; 1992; Leonardi, 1988; Mussi, 1988б).

Вадо аль Арансио (Масса Маритима, Гроссето). В эпиграветтских слоях грота Ф. Минеллоно и Пуччинелли нашли в 1960-х и 1970-х годах несколько изображений быков и оленей, гравированных на фрагменте кости (Minellono, 1972). Изображения отчетливо реалистические, но все фрагментированные. Обращенный влево профиль бородатой головы человека выгравирован на обломке известняковой плитки.

Грот **Джиованна** (Сиракузы, Сицилия). Раскопки отложения финального эпиграветта под руководством Л. Кардини в 1967-1968 гг. дали около 70 блоков известняка с линейными гравюрами различных типов. Некоторые воспроизводят геометрический мотив в виде пучка более или менее сближенных параллельных горизонтальных линий (Cardini, 1971: 35). Заслуживает особого упоминания треугольная плакетка известняка длиной 13.5 см, на которой отчетливой линией выгравировано изображение крупного быка с сильно подчеркнутой линией спины. Голова отсутствует вследствие излома плакетки.

Ла Порта (Позитано, Салерно). Грот находится в 40 км к востоку от Салерно на западном побережье полуострова. При раскопках А. Радмилли в 1956-1957 гг. установлена стратиграфическая последовательность из 9 слоев, сгруппированных в два ансамбля. Верхний ансамбль включает слои A-D, он образован, главным образом, материалами, принесенными в грот эрозией склона. Слои B и C содержат инвентарь с большими скоплениями наземных и морских раковин. В нем представлены пластинки с притупленной спинкой, скребки, резцы, проколки и гальки, окрашенные охрой.

Нижний ансамбль включает слои E-I, образованные, главным образом, щебнем от дескамации потолка грота. Два слоя: E и H содержат инвентарь, сходный с инвентарем верхних слоев, но менее обильный; имеются пластинки с притупленной спинкой, скребки и костяное шило. Фаунистические остатки очень многочисленны. Относительные пропорции костей горных козлов и кабанов отмечают климатическую эволюцию. Горный козел – единственный вид, представленный в слое I, в три раза более обилен, чем кабан в верхней части слоя C. Кабан становится более частым, чем горный козел в слое B. Эти изменения в фауне показывают переход от континентального сухого климата к климату более мягкому и влажному, соответствующему постгляциалу. В нижнем комплексе открыта гравированная галька, к сожалению, плохой сохранности. Гравюра трудна для прочтения: она представляет голову неопределимого животного и интересна тем, что стиль рисунка напоминает некоторые изображения грота Романелли или пещеры Парпальо в Испании (Radmilli, 1963; Graziosi, 1973: t. 39a).

Сеттеканелле (Витербо) – одна из редких итальянских стоянок, раскопанных недавно и давших богатый набор разнообразных и хорошо датированных произведений эпиграветтского искусства. Грот находится примерно в 100 км к северу от Рима и в 20 км от побережья Тирренского моря, на берегу притока р. Фиора. Это полость длиной 20 м, шириной 10 м и высотой до 3 м. Раскопки производились с 1985 г. под руководством Паолы Учелли-Гнесутта в сотрудничестве с междисциплинарной командой Пизанского Университета (Ucelli-Gnesutta, 1996, 1998; D'Errico, Ucelli-Gnesutta, 1999).

Раскоп во входной части грота площадью 16 м² глубиной 2.5 м вскрыл 6 эпиграветтских слоев, разделенных слоями речных песков и обвалов. Практически стерильный слой очень тонкого ила (слой 11) отделяет слои древнего и развитого эпиграветта (слои 16, 14, 12) от слоев финального эпиграветта (слои 10, 8, 6). Произведения фигуративного искусства встречены только в слоях финального эпиграветта, особенно в слое 10. Каменный инвентарь этого слоя состоит из скребков, коротких и треугольных, округлых коротких с боковым выступом; проколок; пластинок и реже микропластинок с притупленной спинкой. Резцы редки, геометрические формы отсутствуют. Отмечается, что по каменному инвентарю этот памятник сходен с другими местонахождениями финального эпиграветта (Пагличчи, Полезини)). В фауне преобладает благородный олень, встречаются лошадиные, особенно гидрунтиновый осел, быки и кабаны. Для слоя 10 получены 3 радиоуглеродные даты: 12 700±170 лет назад (OZC-163), 12 540±100 лет назад (GrN-21842) и 12 050±150 лет назад (OZC-164).

К произведениям фигуративного искусства отнесен осколок кости и 2 гальки-ретушеры. Первый представляет собой фрагмент диафиза, частично обожженный и гравированный трудным для прочтения рисунком. Контур из очень тонких косых штрихов мог передавать голову мохнатого животного (D'Errico, Ucelli-Gnesutta, 1999: 138, fig. 19, 2). Одна из галек была открыта на площади с углистым заполнением. Она уплощенная, округлой формы и имеет явные следы использования в качестве ретушера-отжимника на обоих концах. На одной из плоских сторон выгравирована фигура животного, в которой считают возможным видеть бурого медведя. Изображение, реализованное повторной линией, было нанесено после использования ретушера (там же: 134, fig. 13, 3). Вторая галька, открытая летом 1998 г. публикуется лишь предварительно. Она также служила отжимником или ретушером и гравирована на обоих фасах неполными фигурами быков (там же: 129, fig. 15).

Полезини (Понте Лукано, Лигурия). Грот находится между Тиволи и Римом на правом берегу р. Аньене, притока Тибра. Вода неоднократно заполняла грот, повредив большую часть отложений. Раскопки на площади 114 м² были выполнены в 1952-1956 гг. А. Радмилли. В 2.5 м от поверхности инфильтрация воды была столь обильной, что пришлось устанавливать помпы. На глубине 5 м раскопки стали полностью невозможны. По этой причине стратиграфия нарушена, но собран обильный материал: огромное количество костей и более 400 000 расщепленных кремней, в том числе 24 500 орудий. Фауна может относиться к поздней поре вюрмского оледенения: благородный олень составляет 70-80 % фаунистических остатков, среди них 10 % особей в возрасте 1 года, что свидетельствует о зимнем заселении пещеры. Кабан занимает второе место, но значительно менее обилен. Найдены также кости горного козла, серны, лошади, сурка. Очень фрагментарные останки человеческих костей принадлежали, по крайней мере, 14 особям.

Половину каменного инвентаря составляют пластинки с притупленной спинкой, в том числе микроострия, микрорезцы и геометрические микролиты. Скребки значительно более многочисленны, чем резцы, обычно на сечениях. Среди скребков встречаются округлые или близкие к ним типы. В костяном инвентаре найдены наконечники, шилья, лощила. Многочисленные украшения включают окрашенные охрой позвонки рыб с отверстиями, просверленные клыки благородного оленя, просверленные морские раковины, главным образом, Cyclonassa и Columella rustica. Слой 7 датирован 10 090±80 по радиоуглероду и 10 300 по методу racémisation de l'acide aspartique. Что касается искусства, то грот Полезини дал исключительно важный набор гравированных фигуративных изображений и геометрических мотивов. Они нанесены на речные гальки, фрагменты лопаток оленей и быков. Особенно интересна маленькая галька с тонкой гравюрой, интерпретируемой как изображение волка. Оно покрыто ямками, очевидно полученными при ударах гальки острым орудием. На одной гальке нанесена гравюра замечательно изображенной головы зайца. Очень интересны, даже если художественный уровень их недостаточно высок, другие предметы с изображениями животных. Геометрические и схематичные фигуры также многочисленны. Некоторые напоминают меандры, некоторые – оперенные стрелы. Ассоциация, установленная А. Радмилли, с инвентарем культуры романелли позволяет отнести это искусство к позднему палеолиту (Radmilli, 1974; Mussi, 1988в).

Романелли (Терра д'Отранто). Грот находится на южном конце Пульи на берегу Адриатиче-

ского моря. Впервые упомянут У. Ботти в 1881 г. Раскопки производились П.Э. Стази и Э. Регалия в 1904 г., затем в 1914 г. А. Бланк предпринял исследования, впервые в Италии применив систему картезианских координат для регистрации всех предметов. Работы, прерванные Первой Мировой войной, возобновились только в 1938 г. Затем последовал долгий перерыв, но с 1961 по 1970 гг. Л. Кардини продолжил раскопки. Стратиграфия содержит 8 слоев. Слои A-E составляют верхнюю формацию «коричневой земли» с инвентарем, давшим название всей фазе – романелли и фауной или банальной или отчетливо холодной. В верхнем слое А собрано почти равное количество лесных и степных видов животных, авиафауна скорее ксеротермическая, хотя содержатся и арктические виды. В растительности преобладают ясень и тополь. В слоях B-E доминируют степные виды животных, в авиафауне – арктические. Флора включает сосну сильвестра, ясень и тополь. Особо отмечается, что в слое Е преобладают лесные виды, сопровождаемые гидрунтиновым ослом; в авиафауне наиболее многочисленны ксеротермические виды и, согласно антракологическим анализам, флора содержит ясень и дуб. Ниже лежат стерильные и мустьерские слои.

Для слоев A-E получены две серии датировок. Лаборатория Римского Университета получила для слоя А – 9 050±100 лет назад (предусматривается возможность загрязнения образца) и для слоя В – 11 930±520 лет назад. Гронингенская Лаборатория дала для слоя А – 9 880±100 лет назад и для слоя D – 10 640±100 лет назад. Слой Е отнесен к концу аллерёда, слои D-B к дриасу III, конечная фаза которого представлена слоем А. Инвентарь романелли характеризуется наличием мелких округлых скребков и пластинок с притупленной спинкой. Во всех слоях скребки всегда более многочисленны, чем резцы. Заметно возрастание коротких форм и, в особенности, мелких округлых скребков в поздних слоях. Среди резцов, большинство которых на ретушированном усечении, призматический тип, часто трудно отличимый от нуклеуса, появляется в слое D и становится частым в слое А. Орудия с притупленной спинкой и в особенности пластинки, в том числе усеченные, обильны. Имеется значительное число заостренных пластин, типичных для романелли. Геометрические формы редки. Среди костяного инвентаря и украшений отмечены прекрасные шилья, просверленные клыки благородного оленя и раковины Pectunculus и Nassa.

В 1905 г. в гроте Романелли были открыты первые в Италии палеолитические наскальные произведения. Исследования Бланка и Кардини в 1914-1921 гг. позволили обнаружить новые наскальные рисунки и несколько произведений искусства малых форм в особенности в слое D. Наскальные произведения включают гравюры фигур веретенообразных и овальных форм, первые интерпретируются как женские профили, вторые – как изображения вульв. Фигура быка дана в почти реалистическом стиле.

Произведения искусства малых форм включают 110 гравированных камней с реалистическими или стилизованными изображениями, а также геометрическими и абстрактными мотивами, которые широко преобладают количественно. Реалистические фигуры все зооморфные. Профиль животного обычно неполный, гравированный легкой и неуверенной линией. Анатомические детали воспроизводятся редко. Наиболее реалистическое изображение, согласно П. Грациози, это изображение быка, ближе не определенного. Другой фас того же блока несет фигуры двух животных, возможно, из семейства оленей, в довольно статичной позе, перекрытых мотивом в виде клетки. Геометрические рисунки включают группы параллельных линий и зигзагов. Некоторые группы линий образуют волнистые мотивы. Эти геометрические и абстрактные фигуры аналогичны изображениям на стенах грота (Blanc, 1928; Cassoli, Serge, 1979; Mussi, 1988г).

Кавалло (Санта Катарина аль Баньо, Лечче). Грот находится в мезозойских известняках, обрамляющих залив Улуццо в 3 км к северо-западу от г. Санта Катарина аль Баньо в Саленто. Отмечен К. Косма в 1960 г., зондаж и систематические раскопки были предприняты А. Пальма ди Чеснола соответственно в 1961 и 1963-1966 гг. Заполнение достигает около 7 м толщины: мустьерские слои мощностью более 4 м составляют одну из самых выразительных секвенций среднего палеолита Южной Италии. Выше лежит серия слоев (EIII, EII, EI, DII, DI), архаичный инвентарь которых сопоставляется с шательперроном Франции. А. Пальма ди Чеснола назвал его культурой улуццо, средняя/развитая фаза которой датирована по радиоуглероду > 31 000 лет назад. В фауне грота Кавалло от слоя EIII к слою DI идет прогрессивное возрастание семейства лошадиных: Equus caballus, к которой добавляется Equus Hydruntinus в слое D. Они достигают своего максимума в EII-EI, тогда как количество быка, благородного оленя и кабана уменьшается, чтобы снова возрасти в D. Это позволило Пальма ди Чеснола предположить хронологическую атрибуцию – вюрм III.

Покраснение почвы в D и стерильная известняковая корка, покрывающая слой D, свидетельствуют, возможно, об интерстадиале вюрм III-IV. После стерильного вулканического пепла (слой С) и перерыва в стратиграфии бурый слой В содержит инвентарь эпироманелли и в прорезающих его ямках неолитическую керамику. Инвентарь эпиро-

манелли, возможно, уже голоценовой культуры, характеризуется многочисленными пластинками с притупленной спинкой и мелкими округлыми скребками, которые возрастают количественно в верхней части слоя. Фауна включает лошадь, гидрунтинового осла, быка. Найдены многочисленные морские и наземные раковины, которые в верхней части слоя находятся в виде скоплений.

Из грота Кавалло без точного стратиграфического контекста происходит 11 мелких блоков известняка, покрытых тонкими нарезками или фигурами быков. Отмечена также чрезмерно схематичная мужская фигура (Palma di Chesnola, 1964, 1965, 1966; Vigliardi, 1972; Mussi, Piperno, 1988).

Очень сложен вопрос о некоторых графических проявлениях искусства, которые П. Леонарди (Leonardi, 1988) относит ко времени, предшествующему верхнему палеолиту. Наиболее заметные из них описаны следующим образом.

Дель Альто (Нардо, Саленто, Пулья). Грот находится недалеко от г. Санта Катарина. В верхнем уровне слоя С найдены две гальки известняка с тонкими нарезками. Согласно исследователям (Borzatti von Löwenstern, Magaldi, 1967: 210) речь идет о мустьерском слое, но более поздние исследования привели к заключению, что слой более древний, возможно, по мнению А. Пальма ди Чеснола, относящийся к финальному ашелю. На одной из этих галек виден легкий эскиз, возможно, зооморфное изображение, представляющее, как считают, слона. Дополнительные знаки без очевидного значения могли быть, по крайней мере, частично, не намеренно нанесенными, а находящимися в связи с использованием гальки (Leonardi, 1988: 140, fig. 1).

Некоторое число гравюр было найдено П. Леонарди в уже упоминавшемся гроте Тальенте в слоях определенно мустьерских, что подтверждается обильным каменным инвентарем. Здесь отмечены различные условные гравюры на корке кремневых отщепов и на фрагментах костей. Среди них наиболее интересна и определенно соответствует графическому «дофигуративному» проявлению гравюра, найденная в слое 41, где видна часть двух округлых параллельных и концентрических линий, крайне тонко прорисованных на фрагменте кости. По мнению П. Леонарди, это, без всякого сомнения, намеренный геометрический рисунок (там же: 141).

Таким образом, в Италии имеется 15 местонахождений, обладающих произведениями искусства малых форм, причем одно из них – Альто сомнительно в смысле возраста, а случайные находки статуэток в Савиньяно, Кьоцца ди Скандьяно и в окрестностях Тразименского озера лишь небезоговорочно относятся к палеолиту. В этой связи можно отметить, что на всех известных стоянках Италии не найдено ни одной скульптуры животных.

Статуэтки и две гравюры из Барма Гранде (Гримальди), две статуэтки из Парабиты могут быть отнесены к граветту (древнему эпиграветту). Особый интерес представляет хорошо стратифицированный грот Пагличчи, где из граветтского слоя 20 происходит изображение горного козла, а из двух эпиграветтских слоев различные гравюры. К древнему эпиграветту причислены и две гальки с гравюрами из грота Мура. Единственная стоянка Вадо аль Арансио относится к развитому эпиграветту и остальные 8 стоянок как к финальному эпиграветту, так и к романелли – как уже говорилось, различие произвести трудно и можно следовать лишь за итальянскими авторами: Тальенте, Ла Порта, Кавалло, Джиованна – финальный эпиграветт; Полезини и Романелли – романелли.

В целом, фигуративное искусство эпиграветта Италии не многочисленно и не очень разнообразно. Представлены только гравюры и только на фрагментах костей и камней (главным образом, известняка), а также гальках, которые в редких случаях служили отбойниками-ретушерами (Сеттеканелле). Единственной скульптурой можно считать блок известняка с изображением человеческого лица (Романелли).

Обломков костей, несущих изображения, всего 8. Они происходят из Тальенте (фигура бизона), Вадо аль Арансио (3 осколка, каждый с головой быка), Полезини (1 с головой оленя и 1 с головой зайца). наибольший интерес представляют 2 кости из Пагличчи: обломок диафиза, на котором изображены змея, гнездо, полное яиц, птица и обломок подвздошной кости лошади с так называемой охотничьей сценой.

Изображения на каменной основе встречены в большем числе стоянок и в большем количестве. Гравюры на блоках и обломках камня отмечены в Тальенте – 2 (фигура крупного кошачьего; голова оленя и фигура бизона); Вадо аль Арансио (мужская голова), Полезини – 3 (задняя часть оленя; голова лошади; голова зайца), Джиованна (фигура быка), Романелли – 5 (фигура кошачьего, фигура быка и 3 фигуры травоядных, ближе не определенных); Кавалло – 3 (2 с фигурами быка, 1 с фигурой лошади). !0 гравированных галек происходят из Пагличчи (слой 8) с гравировкой с двух сторон: антропоморфа и головы животного, Тальенте с передней частью фигуры горного козла, Муры – 2 (одна с головой быка, другая с двумя противостоящими фигурами лошади). Сеттеканелле – 2 (одна с фигурой медведя; другая с одиночными фигурами быков на каждой стороне), Полезини – 4 (2 с головами быка, 1 с фигурами лошадей на каждой стороне, 1 с фигурой волка).

Репертуар сюжетов достаточно беден. Оговорюсь, что здесь учитывались только бесспорные

изображения и только в редких случаях при недостатке деталей высказывались определенные сомнения.

Человек. Изображения единичны и разнородны. П. Леонарди в своей сводке по палеолитическому искусству Италии опубликовал, ссылаясь на Л.А. Стелла (Stella, 1935), рисунок блока известняка из Романелли в виде человеческой головы (рис. 61), оговариваясь, что он не имел возможности осмотреть оригинал, чтобы высказать точное суждение (Leonardi, 1988: 172, fig. 65). На рисунке виден грубый рельеф с двумя глубокими глазными впадинами, которые кажутся подправленными тонкими линиями, передающими веки. Выделяется гладкая правая часть лба, нос и левая щека. Вся остальная поверхность передает шероховатую и изломанную структуру камня.

Рис. 61. Скульптурное лицо человека на блоке известняка. Романелли.

На обломке известняковой плитки, найденной в Вадо аль Арансио, выгравирована мужская голова в левый профиль (рис. 62). Различаются выпуклый лоб, вдавленная переносица, толстый нос «картошкой», борода «лопатой». На уровне переносицы расположен овальный глаз. Судя по фотографии, рот передан прямой линией. Очертания темени и затылка не прослеживаются. Лицо и шею обрамляет нечто вроде капюшона, нижний конец которого изображен двумя зубцами (Graziosi, 1973: 26, Tav. 10, a). П. Грациози, ссылаясь на Ф. Минеллоно (Minellono, 1972: 212), отмечает сходство этой гравюры с изображениями человека из грота Ла Марш и приходит к заключению, что речь идет о подлинном портрете.

Из грота Пагличчи происходит неясная фигура, переданная в левый профиль на овальной гальке известняка длиной 6 см (рис. 63). Различается голова с возможными чертами лица, выпуклая

Рис. 62. Гравюра мужской головы на обломке плитки. Вадо аль Арансио.

линия спины до поясницы, направленная вперед рука в виде коротких заостренных придатков. Ниже расположен более крупный придаток, интерпретация которого гадательна, и незаконченная нога (Graziosi, 1973: tav. 17b, c). На другой стороне гальки такими же тонкими линиями выгравирована неопределенная голова животного. П. Леонарди упоминает возможное антропоморфное изображение на фрагменте кости из Полезини, хотя не считает его приемлемым (Leonardi, 1988: 161, 162, fig. 46d).

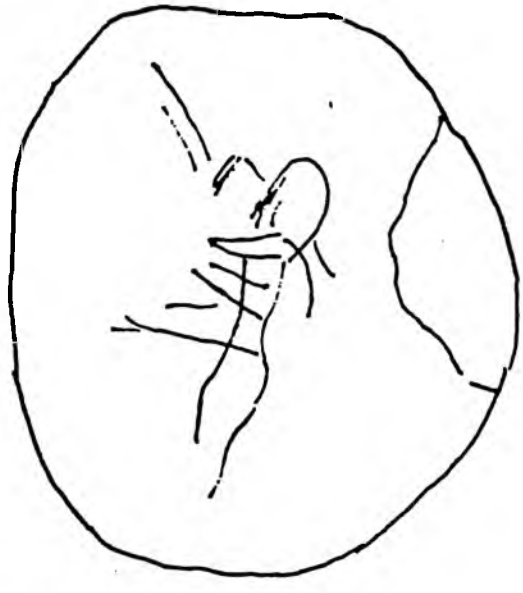

Рис. 63. Гравюра человека на гальке. Пагличчи.

Бык/бизон – самая многочисленная группа изображений животных, представленная как фигу-

рами, так и отдельными головами. Из фигур наиболее репрезентативна гравюра бизона из навеса Тальенте, выполненная в левый профиль на блоке известняка длиной 33 см (рис. 64). Фигура неполная: отсутствует линия живота и задней части тела. Характерны горбатая спина и короткая «антропоморфная» морда с бородкой. В области шеи и плеча заметны мелкие выбоины (Leonardi, 1987: fig. 1).

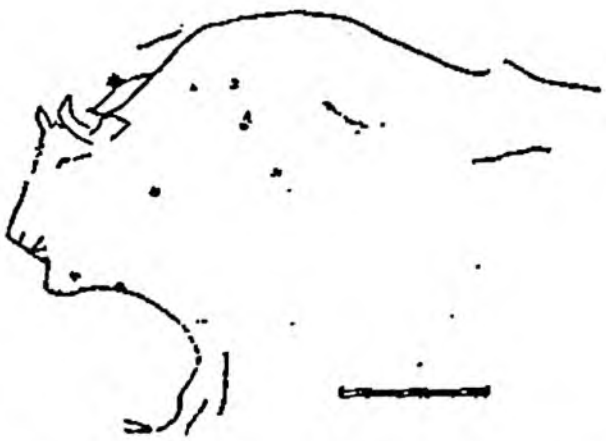

Рис. 64. Гравюра неполной фигуры бизона на галькс. Тальенте.

Фигура быка происходит из грота Джованна (рис. 65). Переданная в левый профиль, она вписывается в треугольную форму известняковой плитки длиной 13.5 см, излом которой унес голову, шею и грудь. Твердая и отчетливая линия оконтуривает на спине горб, сильную седловину с характерным низким крупом и отставленным в сторону хвостом. Контур нижней половины тела состоит из направленной вперед короткой ноги (ног?), выпуклого живота с обозначенным знаком пола и задней ноги с мощным бедром. По мнению П. Грациози, это одно из лучших произведений средиземноморского анималистического стиля (Graziosi, 1973: 42, tav. 38).

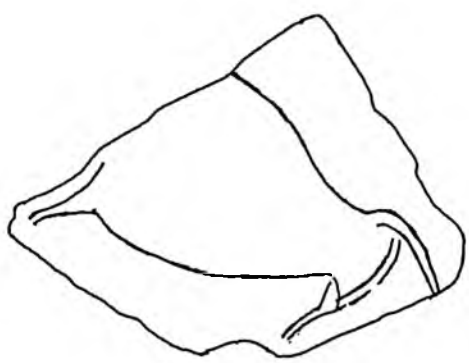

Рис. 65. Гравюра неполной фигуры быка на плакетке известняка. Джованна.

Из многочисленных фигур быков грота Романелли приведем одну, обладающую характерными чертами быка (рис. 66), несмотря на ее малые размеры: она вырезана в левый профиль на обломке известняка длиной 8.3 см почти непрерывной линией контура, короткая морда с направленными вперед рогами, мощная передняя часть тела с горбатой спиной, сниженный круп с толстым корнем хвоста, расставленные передняя и задняя пары ног (Grazoisi, 1973: tav. 22a).

Рис. 66. Гравюра быка на фрагменте камня. Романелли.

Не менее характерны отдельные головы быков, чаще всего намеренно изображенные изолированно: короткая морда, короткие прямые или извилистые рога, направленные вперед. Они нанесены на обломках костей как в Вадо аль Арансио (рис. 67; Graziosi, 1973: tav. 10b, c, d) или на подвздошной кости из Пагличчи, известной по расположенной на обратной стороне «охотничьей сценой» (см. ниже). Не менее великолепные головы быков отмечены и на каменных основах, чаще всего, гальках, как в гротах Мура (рис. 60, 1; там же: tav. 39b, c, d), Сеттеканелле (рис. 68, 1, 2; D'Errico et al., 1999: fig. 15) или Полезини (рис. 69; Graziosi, 1973: tav. 12b).

Рис. 67. Гравюры голов быка и оленя на фрагментах костей. Вадо аль Арансио.

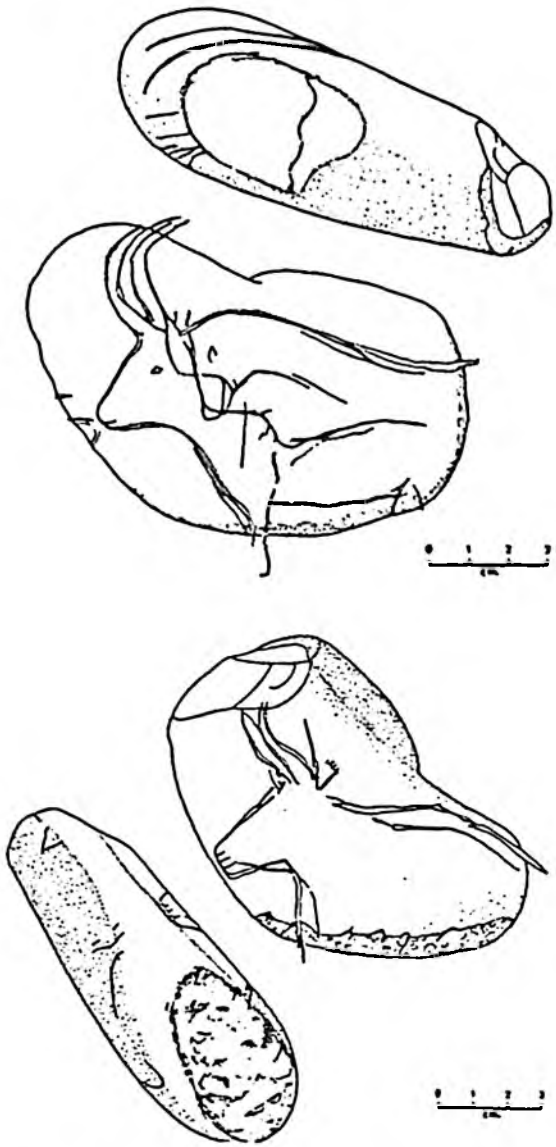

Рис. 68. Гравюры быков на двух фасах гальки-ретушера. Сеттеканелле.

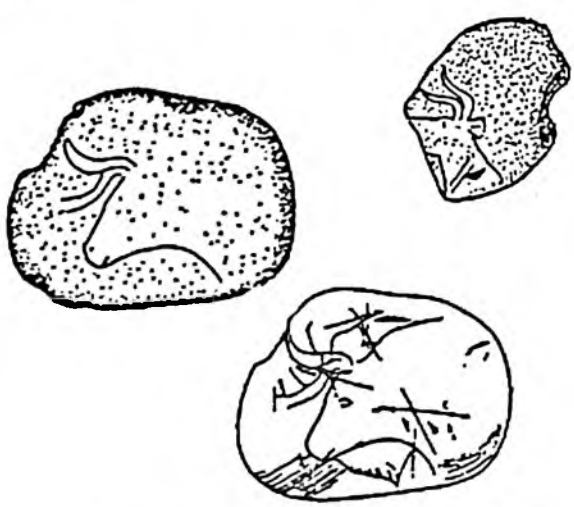

Рис. 69. Гравюры голов быков на гальке. Полезини.

Лошадь встречается значительно реже и ее образ не обладает такими художественными достоинствами как образ быка. Одна из лучших фигур представлена в упомянутой уже неоднократно «сцене охоты» из Пагличчи. Два незаконченные контура лошадей, следующих одна за другой, нанесены на гальке из грота Мура (рис. 60, 2; Graziosi, 1973: tav. 39c, d). Из Полезини происходит галька длиной 9.5 см с гравюрой передней части лошади в левый профиль, с большой верностью природе воспроизведены голова (хотя конец морды не представлен) с глазом и двумя торчащими ушами, длинная шея с намеком на гриву, в виде коротких черточек, подгрудок и две передние ноги, почти прямые линии спины и живота. На другом фасе гальки изображены две фигуры животных: одно, по мнению П. Леонарди, несомненно соответствует кабану (рис. 70, 1а, б; Leonardi, 1988: 159; см. Graziosi, 1973: tav. 14a, b). На мой взгляд, она значительно ближе напоминает медведя и формой морды и мощной передней лапой. Из Полезини также происходит гравюра головы лошади в правый профиль на плакетке травертина длиной 7 см. Передан только контур с незначительными деталями, но лошадь узнается без труда (рис. 70, 2; Graziosi, 1973: tav. 11b).

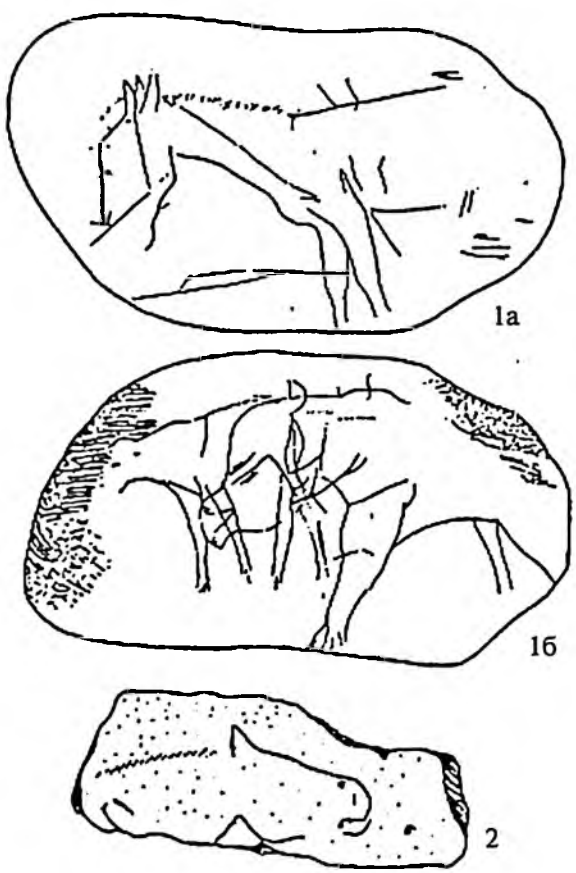

Рис. 70. Гравюры:
1 – на гальке: а – неполная фигура лошади, б – медведь (?); 2 – на плакетке травертина – голова лошади. Полезини.

Олень представлен единичными изображениями, нет ни одной фигуры. Лишь в Пагличчи выразительная голова оленя находится рядом с головой лошади в «сцене охоты». Другая голова, вырезанная на обломке кости длиной 7.5 см, найдена в Полезини, откуда происходит несколько других фрагментов с остатками подобных голов (Graziosi, 1973: tav. 12a, b: Leonardi, 1988: 159, fig. 43c, 44a). Следует упомянуть найденный также в Полезини обломок крупной каменной плитки размерами 28.5 см, на котором сохранилась задняя часть упитанного животного с мощным крупом и двумя ногами (рис. 71). Общий вид и особенно короткий треугольный хвостик позволяют видеть здесь неполное изображение оленя (Graziosi, 1973: tav. 11a).

Рис. 71. Гравюра задней части оленя на обломке камня. Полезини.

Горный козел представлен во всей коллекции эпиграветтского искусства Италии только двумя изображениями, исключительными по своему качеству и совершенству. Напомним, что из граветта/раннего эпиграветта происходит единственное зооморфное изображение – это фигура горного козла из слоя 20 Пагличчи (рис. 58). Она нанесена на фрагменте кости длиной 23 см в правый профиль и почти полностью заштрихована параллельно расположенными угловатыми линиями-шевронами. Два саблевидных параллельных рога, каждый из двух линий, незамкнутых на конце, венчают голову с короткой мордой и глазом каплевидной формы. Короткими неправильными штрихами покрыт загривок. Четкой линией передан контур тела с передней и задней ногами, причем первая вытянуто-конусовидная, а последняя моделирована. Концы их незамкнуты. Перпендикулярно расположен короткий пушистый хвостик (Graziosi, 1973: tav. 16).

Из слоя позднего эпиграветта навеса Тальенте происходит замечательная передняя часть фигуры горного козла, выгравированного в левый профиль на половине крупного булыжника известняка высотой 18,7 см, хорошо вписывающаяся в форму основы (рис. 72). По фотографии (Graziosi, 1973: tav. 8) создается впечатление, что художник имел дело с основой, уже подготовленной природой, о чем свидетельствует окатанная форма излома и отсутствие продолжения линий рисунка у этого края. Фигура экстраординарна по излучаемой ею жизненности и по твердости линий. Великолепный рог с волнистой внешней стороной повторяет закругленную форму основы. Голова с горбатой мордой, овальным глазом и бородой очень характерна. Шея с выступающим сильным подгрудком и моделированная передняя нога с обозначенным копытом передают ощущение мощи (Graziosi, 1973: tav. 8; Leonardi, 1988: 148-149, fig. 18).

Рис. 72. Гравюра горного козла на гальке. Тальенте.

Заяц. Две очень выразительные головы этого лагоморфа найдены в Полезини: одна на осколке кости диаметром 12.5 см в левый профиль с настороженными ушами и овальным вертикально поставленным глазом (рис. 73; Graziosi, 1973: tav. 18e); вторая – на обломке камня (кремня ?)длиной 3.2 см в правый профиль с такими же длинными ушами, но миндалевидный глаз расположен горизонтально. Конец морды обломан (там же: tav. 19c, b). П. Леонарди опубликовал еще одну голову, полностью аналогичную предыдущей, но еще более мелких размеров, и два фрагментарных изображения (Leonardi, 1988: 159, fig. 41).

Рис. 73. Гравюра головы зайца на фрагменте кости. Полезини.

Хищники в целом очень редки: две фигуры крупных кошачьих, фигура медведя и фигура волка.

Кошачьи. Первая мощная фигура льва на блоке известняка происходит из навеса Тальенте (рис. 74). Блок связан с погребением человека, что особенно подчеркивает его значение. Лев передан в левый профиль. Голова изображена с большой тонкостью и реализмом, тогда как тело трактовано более суммарно. Линии спины и живота повторяются на коротких отрезках, хвост передан тремя чертами разной длины. Особенно небрежно нарисованы ноги, передние кажутся направленными вперед, задняя – видимо, одна – имеет столбообразную форму. Концы ног не прослеживаются. Выше фигуры льва расположена небольшая часть головы быка с изящно изогнутым рогом (Leonardi, 1988: 140, fig. 33).

Рис. 74. Гравюра крупного кошачьего и рогов быка на блоке известняка. Тальенте.

Вторая фигура крупного кошачьего найдена в Романелли. Она нанесена на треугольный блок известняка длиной 15 см, разбитого так, что излом снял голову животного. Однако, сохранившаяся линия спины с хвостом и задние ноги не оставляют сомнения, что это также фигура льва (львицы?) но выполненная в иной, чем в Тальенте, средиземноморской на этот раз, манере. Вся нижняя часть камня, в том числе почти все изображение, плотно заштриховано (Graziosi, 1973: tav. 20). На противоположном фасе камня выгравирована с определенной степенью неумелости фигура лани (Leonardi, 1988; 172).

Медведь – единственная незаконченная фигура в правый профиль на гальке-ретушере из Сеттеканелле. Отсутствие головы, хвоста и схематичная передача контура затрудняют точность определения. Некоторые черты: массивное тело, слабо выпуклая линия спины, короткие и толстые ноги при большей длине задней, выпуклая грудная клетка позволяют предположить, что это изображение бурого медведя. Линия живота в виде неправильного зигзага может передавать или густую шерсть или сосцы самки. Последнему предположению противоречит их распространенность (D''Errico, Ucelli-Gnesutta, 1999: 134, fig. 13, 3).

Волк – единственная фигура животного из семейства псовых, возможно, волка нанесена на гальке длиной 5 см, найденной в Полезини (рис. 75). Фигура передана в левый профиль и ее поза свидетельствует о желании изобразить животное раненым и падающим на землю. Голова с открытым ртом поникла, передняя нога подгибается, пушистый хвост обвис. Туловище разделено вдоль неровной линией, состоящей из фестонов различной формы, своего рода чепрак, возможно, передающий различную окраску шкуры. Предположение А. Радмилли о смертельном ранении зверя согласуется со следами ударов на изображении и рядом с ним (Graziosi, 1973: tav. 13a; Leonardi, 1988: 157, fig. 40).

Рис. 75. Гравюра волка на гальке. Полезини.

Репертуар итальянского эпиграветтского искусства включает только две многофигурные, так называемые сцены или композиции разных сюже-

тов – обе из одного слоя (8) Пагличчи. Прежде всего, это неоднократно упоминавшаяся «охотничья сцена» на обломке подвздошной кости лошади длиной 23 см (рис. 76а). Центральное место на прекрасно сохранившейся гладкой поверхности кости занимает фигура лошади в левый профиль с полным детальным контуром, заполненным многочисленными беспорядочными штрихами, сосредоточенными главным образом в области передней части спины, груди и живота. Голова и шея нормальных пропорций, соблюдены все основные характеристики морды, но темя и уши не указаны. Тело коренастое с седловидной спиной и объемистым животом. Отчетливо выделяются пары передних и задних ног. Передние в виде заштрихованных коротких обрубков направлены вперед, задние, как это часто бывает, более моделированы, правая выдвинута вперед, левая поставлена вертикально и заканчивается заострением. Длинный хвост свисает вдоль тела.

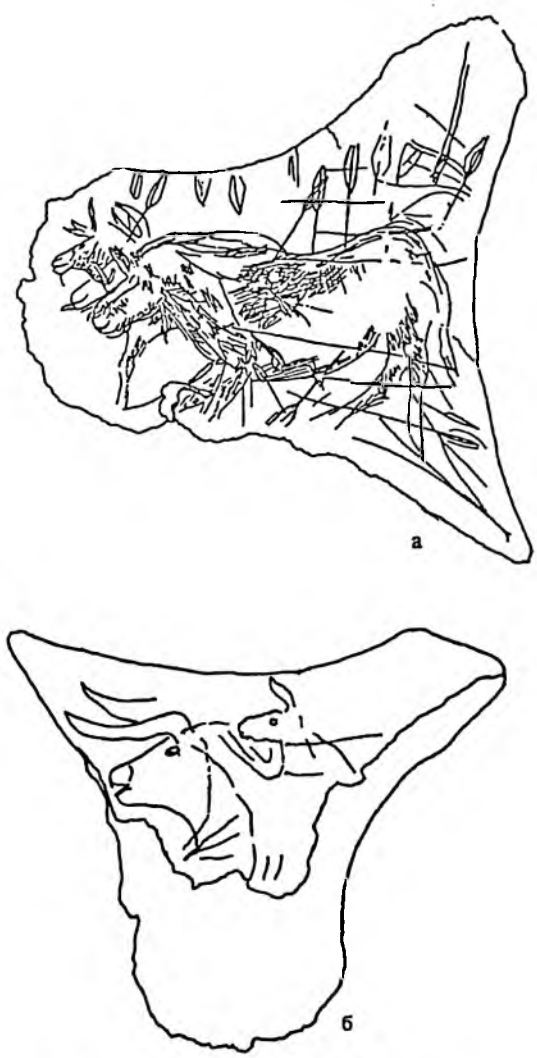

Рис. 76. Гравюры на подвздошной кости лошади:
а) лошадь и олень, окруженные стрелами,
б) головы быков. Пагличчи.

За головой лошади видны две головы оленей также в левый профиль. Одна, более крупная, параллельная голове лошади, почти полностью перекрыта другой, более мелкой и более художественно исполненной. Она снабжена тремя отростками рогов, трактована детально и ее шея полностью заштрихована. Интерес этим реалистическим изображениям придают пронзающие их тела и расположенные в верхнем свободном пространстве знаки, несомненно изображающие оперенные стрелы. А. Маршак насчитал 27 стрел, из которых 19 с оперением (Marshack, 1969).

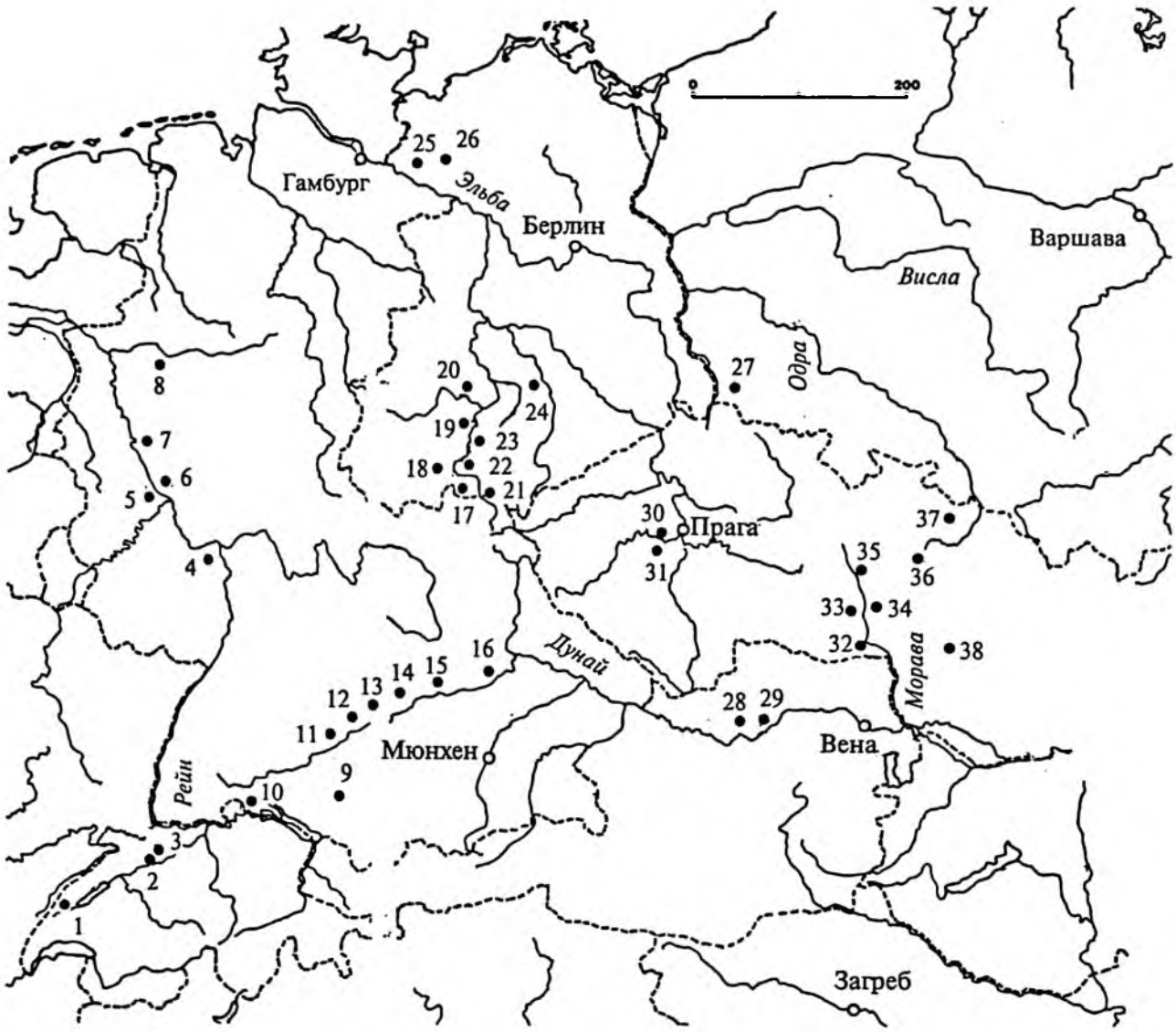
На другом фасе обломка кости, но повернув его на 90° расположена гравюра двух голов быков в левый профиль разных размеров (рис. 76б). Первая, более крупная с полуоткрытым ртом, овальным глазом и направленными вперед изогнутыми рогами, изображенными в перспективе, производит впечатление высокого художественного качества. Обе головы частично перекрыты неясной фигурой, точнее передней частью какого-то животного (олененка?) (Graziosi, 1973: tav. 17a, 189, 19a; Leonardi, 1988: 168-169, fig. 61).

Любопытно отметить, что в этом произведении искусства представлены два стиля, свойственные палеолитическому искусству Италии: сцена с лошадью несомненно тяготеет к франко-кантабрийскому мадленскому стилю, головы быков – типично средиземноморского стиля.

И, наконец, гравюра, которая напротив не находит никаких аналогий ни в Италии, ни в других странах. Она нанесена на продолговатом обломке камня длиной 14 см (рис. 59). В представленном рисунке видят змею, как бы заглатывающую яйца, лежащие в гнезде четких овальных очертаний. Поверх яиц нарисована наискось птица из семейства перепончатокрылых (?) с головой и хвостом, выходящими за пределы гнезда. Рядом с гнездом, но отвернувшись от него находится другая птица с длинным тонким клювом (Graziosi, 1973: tav. 19b,; Leonardi, 1988: 170, fig. 61). Можно лишь гадать имеет ли эта гравюра мифологическое, вызванное воображением художника, или увиденное им в реальности содержание.

ШВЕЙЦАРИЯ

В настоящее время принято думать, что имелся значительный промежуток времени между нижним палеолитом Швейцарии и заселением этой территории в конце вюрмского оледенения, хотя не исключаются случаи спорадического проникновения людей прежде распространения здесь мадленской культуры. Первые открытия мадлена были сделаны в 70-е годы XIX столетия в кантоне Шаффхаузе, многие данные по этим старым раскопкам утрачены, поэтому создается лишь неполная картина заселения Швейцарии в конце палеолита (карта-схема VIII, N 1-3). Открытые памятники свидетельствуют о связи с охотой на северного оленя, т.е. о наличии постоянных перемещений с

Карта-схема VIII. Распространение памятников в палеолитического искусства в Центральной Европе.
Швейцария:
1 – Рислисбергхёле, 2 – Розенхалде (Фройденталь),3 – Швайцерсбильд, Кесслерлох;
Германия:
4 – Майнц-Линзенберг, 5 – Андренах, 6 – Гённерсдорф, 7 – Оберкассель, 8 – Бальвер Хёле, 9 – Шуссенквелле, 10 – Петерсфельс, 11 – Гайсенклостерле, 12 – Холенштайн-Штадель, 13 – Фогельхерд, 14 – Холенштайн, 15 – Вайнбергхёле, 16 – Миттлере Клаузе, Обере Клаузе, 17 – Заальфельд (Тёйфельсбрюке), 18 – Бэренкеллер (Гарзитц), 19 –Заалек, 20 – Небра, 21 - Урдхёле, 22 – Книгротте, 23 – Ёлкниц, 24 – Гроитч, 25 – Майендорф, 26 – Поггенвиш;
Польша:
27 – Дзиержислав; Австрия: - *Виллендорф, 29 – Гальгенберг;*
Чехия:
30 – Хостим, Дерава Скала, 32 – Дольни-Вестонинце, Павлов, 33 – Брно II, 34 – Пекарна, 35 – Кульна, 36 – Пшедмость, 37 – Петржковице;
Словакия:
38 – Мораваны

более или менее длительными остановками в местах, благоприятных для охоты. Стоянки находятся в маленьких гротах, навесах под скалами или на открытых местах. Они невелики по площади, что указывает на немногочисленность охотничьих групп, но археологические слои, напротив, могут быть достаточно мощными: некоторые наиболее удобные места, такие как Кесслерлох около Таингена, посещались неоднократно в течение долгого периода.

Сырье для каменных орудий почти исключительно местного происхождения. Поскольку кремневые желваки, как правило, небольших размеров, орудия мелкие по сравнению с инвентарем районов более богатых кремнем. Что касается техники расщепления и типологии каменных орудий, швейцарский мадлен почти не отличается от мадлена Франции или других стран (Sauter, 1949/1952; Bandi, 1954, 1969; Feustel, 1961a; Sonneville-Bordes, 1963). В инвентаре мадленских стоянок находятся

различные типы скребков, резцов, проколок, двойных или комбинированных орудий, пластин и пластинок с тщательно ретушированным краем (притупленной спинкой). Помимо стандартных форм, существует целая серия изделий, изредка появляющихся на стоянках: треугольники или сегменты.

В костяном инвентаре наиболее многочисленны наконечники копий из рога северного оленя. Самые мелкие экземпляры могли использоваться, как полагает Х.-Г. Банди (Bandi, 1969: 61), в качестве наконечников стрел. Наконечники дифференцируются, главным образом, по форме их основания, с одной или двумя скошенными гранями, или конические. Некоторые экземпляры имеют желобки. Найдены и характерные для мадлена копьеметалки, но очень мелких размеров, и гарпуны с одним или двумя рядами зубцов, жезлы с округлыми отверстиями и иглы с ушком.

В Швейцарии полностью отсутствует наскальное искусство, но старые раскопки дали ряд произведений искусства малых форм. Все они, за малым исключением находок в пограничном с Францией районе Салев, концентрируются на территории кантона Шаффхаузе.

История исследования палеолитического искусства малых форм длительна по времени, но включает мало событий. В 1874-1875 гг. произошли открытие и раскопки Кесслерлоха К. Мерком. Они дали наиболее известные в настоящее время изображения: гравировку «пасущегося оленя» и скульптурную голову овцебыка. Впервые «пасущйися олень» был описан А. Хеймом (Heim, 1874), и превосходный рисунок был дан в книге Э. Ларте и Г. Кристи (1865-1875: fig. 98). В 1876 г. во Франции вышла статья И. Месторфа (Mestorf, 1876), содержавшая подробный обзор находок из Кесслерлоха.

В 1874 г. в нескольких км от Кесслерлоха в долине р. Фройденталь Г. Карстеном обследованы пещеры, в одной из которых найден фрагмент просверленного жезла, аналогичный, как и весь другой материал из культурного слоя этой пещеры, находкам из Кесслерлоха (Karsten, 1874). При исследовании пещеры Швайцерсбильд в 1891-1893 гг. Ж. Нюш открыл каменную плитку с гравюрами на обеих сторонах и гравированный жезл (Nüesch, 1902).

В эти годы разгорелась дискуссия по поводу подлинности обнаруженных в Кесслерлохе произведений – она достаточно широко известна. В 1904 г. Кесслерлох был описан О. Шотензаком. Затем Г. Обермайер уделил большое внимание этой пещере, поскольку он считал, что в ней представлены все ступени мадлена, в частности скульптурная голова овцебыка может относиться к нижней ступени мадлена. Образцы искусства из Швайцерсбильда отнесены Обермайером к самому концу мадлена (Обермайер, 1913).

Затем наступил длительный перерыв и только во время II-й Мировой войны была опубликована статья, посвященная копьеметалке из Кесслерлоха (Guyan, 1944). В 1947 г. появилась обобщающая работа по позднему палеолиту и палеолитическому искусству Швейцарии (Bandi, 1947), затем он заново опубликовал швейцарский материал во французском издании, включив несколько произведений искусства с новыми фотографиями (Bandi, 1969). Позже материал увеличился за счет находки в Рислисбергхоле под Ойзингеном (кантон Золотурн) гравированной головы горного козла (Barr, 1977; Barr, Müller, 1977). В том же году состоялась выставка материалов из Кесслерлоха, приуроченная к столетию Конгресса в Констанце Германского антропологического общества.

Швайцерсбильд и Кесслерлох до сих пор остаются главными мадленскими и вообще верхнепалеолитическими памятниками Швейцарии. В **Швайцерсбильде**, согласно старым отчетам, которые частично противоречат друг другу, под неолитическим слоем с погребениями, залегали два главных слоя верхнего мадлена. Фауна нижнего слоя, включающая северного оленя, бизона, лошадь, носорога, росомаху, рысь, лемминга и др., свидетельствует об аркто-альпийском климате. Фауна верхнего слоя с северным оленем, горным козлом, благородным оленем, кабаном, диким ослом, лошадью и др. показывает климат субарктической степи. Каменный инвентарь состоит из резцов, скребков, проколок и пластинок с притупленной спинкой. Имеются также цинкен и изделия с выемкой (à cran) и усечениями (troncatures). В костяном инвентаре представлены наконечники копий, шилья, иглы.

Произведения искусства включают: - жезл из рога северного оленя длиной 29 см. Конец стержня заострен и несет многочисленные угловатые знаки. Около середины стержня прорисована лошадь в левый профиль. Позади за нею следует вторая лошадь, переданная более суммарно (Bandi, 1969: 63, fig. 5; Bosinski, 1982: Kat. 7, 1; S. 31, Taf. 20); - обломок стержня из рога северного оленя с частично сохранившейся фигурой лошади. Голова начинается непосредственно около остатков отверстия и сохраняет только нижнюю часть морды с лохматым подбородком. Ж. Нюш (Nüesch, 1902: 96) видит здесь изображение северного оленя и к этому мнению присоединяется Х.-Г. Банди (Bandi, 1969: 63). Однако, Г. Бозински настаивает на том, что рисунок представляет собой лошадь (Bosinski, 1982: Kat. 7, 4; S. 32, Taf. 23, 3). Имеется еще один фрагмент кости с рисунком неопределенного животного (Nüesch, 1902: 109; Bosinski, 1982: Kat. 7, 5, S. 32, Taf. 23, 2) и стилизованное изображение, может быть, рыбы на куске рога северного оленя (Bandi, 1969: 63).

Из Швайцерсбильда происходит также плитка известняка с гравировками на обоих фасах. На одном фасе наслаиваются друг на друга 5 фигур в правый профиль. Центральное место занимают две почти совпадающие по контуру наиболее выразительные фигуры лошадей. Три других, расположенные под разными углами к ним, трудно идентифицировать. На другом фасе представлены три фигуры, скорее всего, из семейства оленьих. Две фигуры даны в горизонтальном положении в левый профиль. Верхнее центральное место занимает крупная фигура, под нею – значительно более мелкая. Слева от крупной фигуры, касаясь головой ее шеи, расположена наклонно третья фигура таких же размеров, что и вторая, но в правый профиль. Все три однородные, почти лишены деталей, ноги сведены на удлиненной конус, близко напоминая изображения ног у лошадей другого фаса. Крупная фигура странных очертаний, затрагивающая два первых изображения, рассматривается как возможное женское стилизованное изображение (Bosinski, 1982: Kat. 7, 2, 3, S. 31-32, Taf. 21, 22).

Кесслерлох, самое знаменитое из швейцарских палеолитических местонахождений, находится в 8 км к северо-востоку от Шаффахаузе. Оно было открыто в 1873 г. К. Мерком. Раскопки производились К. Мерком в 1874 г., Ж. Нюшем в 1898-1899 гг. и Ж. Хейерли в 1902-1903 гг. Недавно Лаборатория доистории Базельского Университета произвела зондажи в доступных отложениях перед гротом. Грот небольшой с двумя входами и общей площадью около 200 м². Древность раскопок объясняет отсутствие стратиграфических данных, за исключением указаний Ж. Хейерли (Heierli, 1907): 1 – гумус; 2 – слой серый с немногочисленными находками; 3 – вымостка (?); 4 – слой каменистый; 5 – слой желтого суглинка мощностью 2 м составляет главный археологический слой, подразделенный на три горизонта; 6 – суглинок, лежащий на террасе р. Фюбах. Фауна чрезвычайно обильная: заяц-беляк (более 1000 особей), северный олень (500 особей), горный тетерев (170 особей) и лошадь (более 50 особей). Затем в небольших количествах идут горный козел, лань, барсук, шерстистый носорог, мамонт, волк, песец, лисица, медведь, воротничковый лемминг, бизон и др. Эта холодостойкая фауна соответствует суровому климату. По археологическим данным слой мог быть отложен во времена древнего дриаса до аллерёда. Каменный (более 30 000) и костяной инвентарь соответствуют мадлену IV-VI, по классификации А. Брейля. Из костяного инвентаря копьеметалки, костяные просверленные кружки и полукруглые багетт с бугорками могут принадлежать мадлену IV, а гарпуны с одним или двумя рядами зубцов, наконечники с одной или двумя гранями в основании – финальному мадлену.

В Кесслерлохе найдены замечательные произведения искусства, из которых наиболее знаменит «пасущийся олень», гравюра на просверленном жезле из рога северного оленя (рис. 77). Голова животного низко опущена, глаз, бровь и челюсть переданы детально. Выступающие обширные рога – несомненно рога самца. Штриховка шерсти подгрудка расположена между мордой и передней ногой. Ноги нарисованы тщательно: левая передняя твердо поставлена вертикально, а правая слегка отклонена назад. Правая задняя нога направлена вперед, а левая стоит прямо. Это положение ног прекрасно передают «пасущееся» или «идущее» положение оленя. Есть и другие интерпретации его позы. Короткий хвост животного поднят вверх (Bosinski, 1982: Kat. 6, 1, S. 27, Taf. 8 и 89, 3).

Рис. 77. Гравюра северного оленя на просверленном жезле. Кесслерлох.

На фрагменте рога северного оленя в самом широком его месте выгравирована голова северного оленя (рис. 78). Стержень обломан и край излома сильно закруглен, что свидетельствует об использовании предмета в качестве рабочего инструмента для заглаживания. Из-за коррозии поверхности с трудом распознается голова с ноздрями и бородой, также передана бровь (там же: Kat. 6, 2, S. 27-28, Taf. 9, 1). А. Маршак (Marshack, 1969: fig. 6) упоминает, что на голове животного видны дважды прорисованные ноздри и что они сравнимы с удвоенной линией гравировки из Полезини. Г. Бозински не согласен с такой трактовкой, он считает, что за переднюю пару ноздрей Маршак принял тонкую линию, не имеющую отношения к рисунку.

Рис. 78. Гравюра головы северного оленя на фрагменте рога. Кесслерлох.

Массивный жезл из рога северного оленя, на котором гравюра лошади нанесена уже после изготовления отверстия. Животное изображено так, что край отверстия является нижней линией шеи. Голова вытянута выше отверстия и по отношению

к нему имеет небольшие размеры. На той же стороне, но на другом конце жезла находятся расположенные одна за другой две фигуры животных. От передней четко видны только нижний конец передних ног и нижняя часть шеи. При определенном освещении можно проследить линию задней части тела. От второго животного остались нижняя часть задних ног, линии левой передней ноги и глубоко выгравированные линии груди. С трудом прослеживаются линии задней части тела (Bosinski, 1982: Kat. 6, 4, S. 28, Taf. 10). Банди без сомнений видит здесь двух противостоящих самок северного оленя (Bandi, 1969: 63).

Просверленный жезл из рога северного оленя с изображением лошади, обладающей относительно маленькой головой, что позволило назвать эту фигуру «жеребенком». Грива заштрихована прямыми вертикальными черточками. Сплошной контур включает грудь, живот и заднюю часть тела, заполненную серией коротких тонких нарезок. Ноги нарисованы «крестом», правая передняя нога – вперед, правая задняя – назад (Bosinski, 1982: Kat. 6, 12, S. 29, Taf. 16 и 89, 2). Банди считает, что речь идет скорее об изображении не жеребенка, а осла (Bandi, 1969: 63).

Х.-Г. Банди упоминает другие головы лошадей на фрагменте отростка рога и на ребре (Bandi, 1969: 63). Г. Бозински дает описание двух предметов. На обломке ребра, носящем с двух концов свежие изломы, видна гравюра головы лошади, задуманной так намеренно: шея заканчивается краем ребра. Линия контура относительно широкая и глубоко вырезанная. Грива и борода переданы многочисленными тонкими царапинами, глаз – двумя полудугами (Bosinski, 1982: Kat. 6, 14, S. 29, Taf. 15, 3). Второе изображение необычно: на тонкий изогнутый стержень из рога оленя нанесена голова животного в фас. Морда остроконечная, ноздри вырезаны обособленно, как и две глаза. Переданы уши, между которыми находятся два коротких глубоких штриха, рассматриваемых как изображение рогов (там же: Kat. 6, 18, S. 29, Taf. 17).

На фрагменте рога сохранилась задняя часть фигуры животного, в которой Г Обермайер видит рисунок дикого кабана (рис. 79; Обермайер, 1913: 304, рис. 174а). Х.-Г. Банди считает, что речь идет скорее об изображении северного оленя (Bandi, 1969: 63, 67). К мнению о том, что это изображение какого-то оленя присоединяется и Г. Бозински (Bosinski, 1982: Kat. 6, 17, S. 29, Taf. 15, 4). Линии глубоко вырезаны. Между спиной и бедром существует промежуток, что создает впечатление короткого хвостика. Задняя нога заканчивается внизу без завершения. Линия живота двойная. Все фигура слишком массивна и тучна, чтобы передавать изображение оленя (см. «пасущегося оленя»).

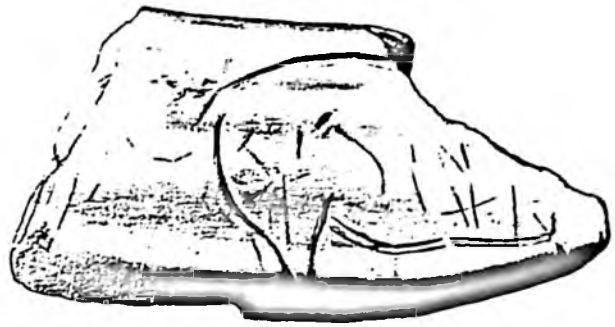

Рис. 79. Гравюра задней части кабана (?) на фрагменте рога. Кесслерлох.

Х.-Г. Банди приводит также три конца копьеметалок, декорированных каждая суммарной головой лошади; ухо дано в низком рельефе, остальное выгравировано (Bandi, 1969: 67; см. также Bosinski, 1982: Kat. 6, 7, 10, 8 и др.). Возможно, обломками копьеметалок являются два предмета. Один представляет фрагмент скульптуры из рога северного оленя – голову овцебыка в технике contour découpé (рис. 80).. Внутри контура вырезаны глаз, бровь, рог в полурельефе. Позади рогов сохранилась часть тела животного, заполненная параллельными рядами мелких насечек (там же: Kat. 6, 16, S. 29, Taf. 14 и 88, 2). Второй предмет является скульптурным концом копьеметалки также из рога северного оленя. Левый обломанный конец представляет собой моделированную голову животного. Левое ухо передано в полурельефе (правое ухо не представлено), глаза и брови – в той же манере, как у овцебыка. Определение животного затруднено, как указывает Бозински, тем, что голова соединена с рукояткой копьеметалки. В литературе упоминается голова лошади (там же: Kat. 6, 5, S. 28, Taf. 11 и 88, 5). Банди считает возможным предположить, наряду с лошадью, и другую версию: самка северного оленя (Bandi, 1969: 67). Несколько мелких скульптур, возможно, являются стилизованными изображениями рыб.

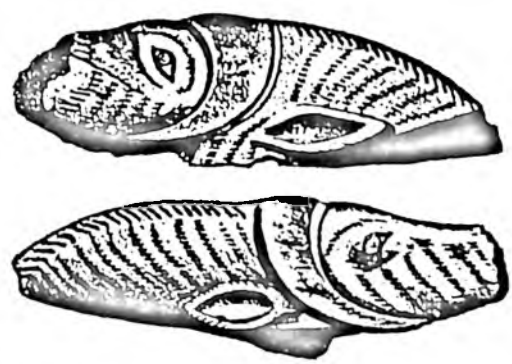

Рис. 80. Скульптурная голова овцебыка на фрагменте копьеметалки. Кесслерлох.

Имеются две плитки гагата (черного янтаря). Одна – прямоугольная, на каждом фасе выгравi-

ровано по одной голове лошади. На одном фасе плохой сохранности голова передана в левый профиль. Борода, ноздри и большой глаз, нарисованы детально, ухо – в виде треугольного выступа. На другом фасе рисунок сохранился лучше. Контуры головы – угловатые. Борода передана двумя рядами штрихов. Подобный же ряд расположен выше головы и очевидно изображает гриву. Ноздри нарисованы тщательно, глаз имеет овальную форму (Bosinski, 1982: Kat. 6, 13, S. 29, Taf. 9, 4). На второй плитке очень плохой сохранности гравюра целой фигуры лошади распознается с трудом. Бозински дает ее описание по рисунку Хейерли (Heierli, 1907: Taf. 31, 1 и Abb. 11). Гравировка выполнена в виде эскиза. Глаз указан простой точкой. Грива нарисована штрихами. Левая передняя нога направлена вперед как бы в положении шага, правая стоит прямо. Середину спины пересекает вертикальная линия (Bosinski, 1982: Kat. 6, 15, S. 29, Taf. 15, 2).

В Швейцарии имеется ряд находок или не получивших общего признания, или слишком схематичных, чтобы быть отнесенными к сюжетному искусству. В том же кантоне Шаффхаузе в пещере **Розенхалде** в Фройденталь, исследованной А. Карстеном в 1874 г. был обнаружен культурный слой с мадленскими находками. Среди них оказался скульптурный стержень, который рассматривается в качестве аналогии со стилизованными изображениями рыб из Кесслерлоха (Bandi, 1969: 67; Bosinski, 1982: Kat. 8, 1, S. 32, Taf. 23, 5). Х.-Г. Банди упоминает три предмета из **Баарбурга** в кантоне Цуг, принадлежность которых к мадлену давно обсуждается. Речь идет о черепной крышке человека с гравюрой животного из семейства оленьих, подвеска из камня с гравировкой животного из семейства кошачьих и грубой скульптурой (первобытный бык?) (Bandi, 1969: 67). Г. Бозински описывает также находку из **Арлесхейма** в кантоне Базель, однако, не включая ее в свой каталог и не давая рисунка. Он упоминает, что Р. Бай нашел обломок «стилизованной женской фигурки» (Bay, 1950/52: 176). Знакомство с оригиналом показало его близость к произведениям из Гённерсдорфа (Bosinski, 1982: 33). Более подробно пишет об этой находке А. Дельпорт: в навесе под скалами Хёлленберг в Арлесхейме Р. Бай нашел слой финального мадлена, содержащий довольно большое число пластинок с притупленной спинкой. Вместе с просверленным диском обнаружен фрагмент плакетки, который Р. Бай рассматривает как нижнюю часть статуэтки, аналогичной фигуркам из Петерсфельса. Если это подтвердится, такая аналогия будет очень интересной, поскольку стоянки находятся на расстоянии не более 30 км (Delporte, 1979: 130).

Таким образом, бесспорное палеолитическое искусство в Швейцарии относится только к мадленской эпохе и происходит из старых раскопок конца XIX века. Исключение составляет **Рислисбергхёле** (Ойзинген, кантон Солер) – маленький навес, расположенный в местности, где узкое ущелье Бальсталь выходит на швейцарское плато. Высота над уровнем моря 488 м. Открытый в 1969 г., раскопанный в 1971 и 1973 гг. навес содержал слой верхнего мадлена с тремя очагами. Фаунистические остатки представлены костями горного тетерева, зайца, сурка, северного оленя, благородного оленя, лошади, бурого медведя, горного козла, росомахи, барсука. Каменный инвентарь с двумя тысячами орудий включает в убывающем порядке пластинки и отщепы с непрерывной ретушью, пластинки с притупленной спинкой, скребки, резцы, проколки. В костяном инвентаре представлены гарпуны с одним и двумя рядами зубцов, наконечники с одной гранью в основании, многочисленные иглы с ушком (9 целых и 64 фрагмента в различной степени изготовления и использования). Радиоуглеродная датировка показала 11 860±230 лет назад. Единственное произведение искусства – передняя часть фигуры горного козла в правый профиль выгравирована на обломке лопатки (рис. 81; Stampfli, 1983; Barr, 1977; Barr, Müller, 1977; Egloff, 1988).

Рис. 81. Гравюра головы горного козла на обломке лопатки. Рислисбергхёле.

Что касается сюжетов, то в швейцарском мадленском искусстве нет изображений человека, за

исключением пока неизданного обломка стилизованной фигурки из Арлесхейма. Почти нет скульптурных поделок, кроме обломков копьеметалок из Кесслерлоха, две из которых могут изображать головы овцебыка и три лошадей. К скульптурам могут быть отнесены стерженьки из Кесслерлоха, которые исследователи считают возможным рассматривать в качестве стилизованных изображений рыб.

Остальные находки представляют собой гравюры, которые отличаются как по своей основе, так и по сюжетам. Из основ наиболее многочисленны жезлы и их обломки – 2 из Швайцерсбильда и 4 из Кесслерлоха. Из сюжетов на жезлах преобладают лошади – 4 целых фигуры и одна частичная., в отношении которой нет единства в определении, возможно, это фигура северного оленя. Северный олень также представлен, помимо замечательного изображения «пасущегося оленя» из Кесслерлоха, из этой же стоянки происходит голова на фрагменте жезла и две неполных фигуры на одном жезле с лошадью – они определяются как изображения самок северного оленя. В качестве других основ представлены два обломка рога из Кесслерлоха (на одном – круп кабана? северного оленя?, на другом – морда неопределенного животного анфас) и обломок ребра с головой лошади. В Швайцерсбильде найдена плитка известняка, на одном фасе которой представлено 5 фигур лошадей (ослов?), на другом – 3; в Кесслерлохе – две плитки гагата плохой сохранности. Тем не менее на одной плитке читается по голове лошади на каждом фасе, на другой плитке – целая фигура лошади.

Если подсчитывать сюжеты, то наиболее частым будет лошадь: 14 целых фигур (одна из них может быть северным оленем), 3 головы гравированные и 3 головы скульптурные копьеметалки). Значительно меньше северных оленей: целая гравюра, две неполные, задняя часть (которая может принадлежать кабану), голова. Два навершия копьеметалок представляют овцебыка. Г. Бозински (Bosinski, 1982: 55) отмечает, что копьеметалки с рудиментарными головами животных в технике contours découpés характерны для мадлена IV. Они особенно хорошо представлены в Кесслерлохе. Г. Бозински упоминает, что в Кесслерлохе найдено 5 копьеметалок с рудиментарными головами лошади: на двух из них прорезаны треугольные ушки, а другие детали вообще не переданы. Одна из копьеметалок имеет клювовидный крючок, выделенный с двух сторон глубокими линиями; на поверхности с обеих сторон крючка выгравированы два глаза. Г. Бозински считает возможным видеть здесь изображение птицы. По его мнению, эти копьеметалки можно отнести к ранней стадии конца позднепалеолитического искусства в Центральной Европе.

Ярким примером техники contour découpé является голова овцебыка. Внутри контура обозначены глаза, моделированы морда и уши. На части тела видна гравированная штриховка. Эта особенность присуща многим поделкам contours découpés во Франко-Кантабрийской области.

Многие находки из Кесслерлоха трудно соотнести с определенными хронологическими периодами. Жезлы, найденные также и во Фройденталe вместе со стержнем с навершием, относятся, вероятно, к мадлену IV (Bosinski, 1978). Хотя большинство жезлов из Кесслерлоха украшены гравировкой, один фрагмент, как и жезл из Фройденталя, имеет ровную неорнаментированную поверхность. Другие произведения искусства из Кесслерлоха классифицировать трудно. Речь идет об изображениях «пасущегося оленя» и лошади, выгравированной несколькими короткими штрихами на поверхности жезла. О них можно сказать лишь, что они не относятся к заключительной фазе палеолитического искусства. Изображения оленей поздней фазы во всех известных вариантах выглядят иначе, чем «пасущийся олень», что наглядно показывает сравнение с изображениями из Петерсфельса, а также Лимёй, Тейжат или Абри Морен. Так как олень в средней фазе мадлена, по-видимому, не изображался, то, возможно, что «пасущийся олень» вместе с копьеметалками относится к древней фазе конца палеолитического искусства. К ней же, по-видимому, можно причислить и изображение лошади, как показывает сравнение с относящимися к мадлену VI гравюрами из Ла Мадлен, Ложери Бас, Абри Морен. Лучшую параллель можно привести с изображением из грота Эспелюг в Арюди (Piette, 1907: t. 30, 6). К мадлену V может быть отнесено гравированное изображение рыбы на стержне из Кесслерлоха, аналогичное изображению на багетт из грота Эспелюг в Арюди. К поздней фазе – мадлену VI – Г. Шаафхаузен отнес и произведения искусства из Швайцерсбильда: жезлы с изображением лошадей, овал с острием, сравнимый с аналогичным рисунком из Петерсфельс. Гравировка на каменной плитке из Рислисбергхоле имеет возраст 11 910±230 лет назад и отнесена к поздней фазе позднего палеолита по своему инвентарю, имеющему позднемадленский облик. Самка оленя, выгравированная на плитке из Швайцерсбильда, имеет близкую аналогию во французской стоянке Виллепэн.

ГЕРМАНИЯ

Согласно трехчленной периодизации верхнего палеолита Германии, предложенной Г.Бозински (Bosinski, 1982), ранний период определяется границами интерстадиалов хенгело (36 000 лет) и денекамп (30 000 лет). Верхнепалеолитические находки, соответствующие климатическому периоду интерстадиала хенгело до сих пор не известны.

Возможно, до этого рубежа простирается позднейший период среднего палеолита. В Южной Германии это инвентарь с листовидными наконечниками группы альтмюль, в Северной – инвентарь типа бальве IV с леваллуа-мустьерскими формами. Верхний палеолит Южной Германии начинается с ориньяка. Стоянки относятся к холодному периоду между 35 000 и 30 000 лет назад, следующему за интерстадиалом хенгело (карта-схема VIII, N 11-13). Три памятника: Гайсенклостерле, Фогельхерд и Холенштайн-Штадель представляют важный центр художественной традиции этой эпохи. Найденные в них фигурки из бивня мамонта – одно из самых древних известных свидетельств палеолитической скульптуры Европы показывают удивительное техническое совершенство их исполнения и высокий эстетический уровень.

Гайсенклостерле (Блауберен-Вайлер, округ Альб-Донау, Баден-Вюртемберг). Грот находится около г. Ульм в Швабской Юре в 60 м над уровнем р. Ах в древней долине Дуная. Он был открыт Г. Риком в 1957 г., но только в 1973 г. Э. Вагнер поставил зондаж, систематические раскопки начаты И. Ханом в 1974 г. (Hahn, 1982, 1988a). Заполнение грота состоит, главным образом, из обвалов с илистыми, бедными глиной отложениями. Слои плохо дифференцируются и различаются преимущественно по археологическим остаткам, дающим следующую секвенцию. Под потревоженным голоценовым слоем с остатками мезолита находится бедный слой мадлена в буро-желтых отложениях и затем 6 ориньякских и 2 среднепалеолитических слоя. Анализы отложений и пыльцы дают радиоуглеродные датировки и хронологические рамки этой секвенции.На основе нескольких дат ориньяк располагается между 36 000 и 30 000 лет назад. Верхний ориньякский слой IIn переотложен, лежащий ниже слой IIa состоит из крупных блоков обвала и перекрывает слой IIb. Нижний ориньякский слой III залегает в буро-красных отложениях. Палинологический анализ ориньякских слоев указывает на открытый пейзаж с небольшим количеством сосны и других деревьев. Эта климатическая осцилляция коррелируется с интерстадиалом арси. В основании ориньякского слоя располагается другая климатическая осцилляция, сравнимая с интерстадиалом котте. Таким образом, ориньякские слои заключены в рамках двух интерстадиалов, причем верхний слой имеет признаки солифлюкции. Фауна состоит преимущественно из костей пещерного медведя и лисицы, аккумулированных естественным образом. Человеком были принесены остатки мамонта, горного козла, лошади, северного оленя, шерстистого носорога, крупных птиц и рыб.

Ориньяк включает две фазы, которые различаются каменным сырьем, техникой расщепления и костяным инвентарем. Древняя фаза, отмечена в слое II, датированном между 36 000 и 31 000 лет назад и состоящем из обожженных костей. Здесь обнаружено скопление культурных остатков, включающее помимо галек, покрасневших от огня, несколько кремневых долотовидных орудий, костяной наконечник копья с расщепленным основанием, крупную подвеску из рога северного оленя и наиболее интересный предмет: прямоугольную пластинку бивня мамонта с вырезанным на ней полурельефным изображением человека в фас в позе оранты (рис. 82; Hahn, 1982; Bosinski, 1982, Kat. 3, 4, Taf. 90).

Рис. 82. Пластинка бивня с барельефом человека. Гайсенклострле.

Вышележащий слой IIa, датированный 32 000 – 30 000 лет назад, характеризуется кремневыми заостренными пластинками и костяными наконечниками с расщепленным основанием. Для изготовления подвесок с двумя отверстиями, просверленного жезла и багетт был использован бивень мамонта. Из бивня же вырезаны фигуративные скульптуры животных, сохранившиеся во фрагментарном состоянии. Одна из них хорошо определена на видовом уровне – это мамонт (Bosinski, 1982, Kat. 3, 2; Taf. 6,3). Имеются еще возможный обломок фигурки мамонта и головка животного, точно не определенная, принадлежащего семейству или кошачьих или медвежьих.

Фогельхерд (округ Хейднхейм, Баден-Вюртемберг). Грот находится к северу от г. Штеттен-об-Лонеталь в 480 м над уровнем моря на берегу р. Лоне. Он был открыт случайно в 1930 г., благодаря терьеру, разрывшему нору барсука, изучен полностью в том же году Г. Риком (Riek, 1934). Река Лоне течет по одной из живописных долин, которая извивается среди высоких утесов юрских формаций Белой Юры в юго-западной части Швабских Альп. Расположение грота в нескольких метрах от вершины горы, со склонов которой палеолитические охотники могли осматривать горизонт, было особенно благоприятно для стоянки. Грот имеет два входа. Раскопки перед юго-западным входом дали следующую стратиграфию (в метрах): 1. гумус с мелкими обломками известняка и более крупными блоками от обвала свода – 0.20;

2. темно-бурый глинистый гумус с лесной фауной. Неолит – 0.20; 3. темно-бурый рыхлый слой, богатый гумусом и обломками известняка – 0.15; 4. светло-желтый плотный слой обвала известняка – 0.10; 5. аналогичный слой с остатками мадлена – 0.05; 6. аналогичный слой с линзами угля, но без культурных остатков – 0.25; 7. светло-желтая брекчия. Мадлен – 0.05; 8. щебень известняка, местами промытый – 0.20; 9. желто-серый очень компактный слой обвалов известняка. Верхний ориньяк – 0.25; 10. щебень известняка в буро-сером или песчанистом заполнении. Средний ориньяк – 0.70; 11. слой с фрагментами скелетов Homo sapiens fossilis (мощность не указана). 12. глина легкая с мелкими обломками известняка – 0.20 лежит на скальном дне (Riek, 1934: 153, fig. 3). Около южного входа установлен мустьерский слой в желтой глине под обвалом.

Два ориньякских слоя отчетливо отделены друг от друга по цвету и плотности заполнения. Более темная окрашенность внутри грота может быть отнесена за счет обилия органических остатков. Грот был раскопан полностью, что сделало невозможным проведение палинологических анализов. Фаунистические остатки даны списком без указания количества костей и особей. Верхний ориньякский слой (IV) включает мамонта, шерстистого носорога, лошадь, бизона, северного оленя, пещерного медведя, пещерной гиены, волка; нижний ориньякский слой (V) дает мамонта, носорога, лошадь, бизона, северного оленя, пещерного льва, волка, песца, пещерного медведя. Отсутствие остатков птиц и рыб, возможно, связано с методикой раскопок.

Что касается каменного инвентаря, то ориньякские слои V и IV содержат мало типичных для этой эпохи скребков, но много резцов, заостренных пластин и долотовидных орудий. В слое V представлены костяные наконечники копий с расщепленным основанием, в слое IV только одно такое орудие. Обработка бивня засвидетельствована серией багетт, просверленных жезлов и особенно мелкими фигурками животных. Среди фигуративных изображений отмечено лишь одно антропоморфного характера – стерженек с выделенной головкой, происходящий из слоя IV. В том же слое найдены рельеф мамонта на кости и две выразительные фигурки, одна бесспорно бизона, другая, скорее всего, пещерного льва (рис. 83; Bosinski, 1982, Kat. 1, 7-11).

Пластика из слоя V более многочисленна и разнообразна: две фигурки мамонта, великолепная статуэтка лошади, удлиненная фигурка пантеры, фигурка северного оленя (?), покрытая сложным орнаментом и изображение двух животных, в идентификации которых нет уверенности (рис. 84; там же: Kat. 1, 1-6). Имеются еще три фигурки без указания слоя. Возраст слоев устанавливается по их археологической культуре и подтверждается всеми специалистами, а в последнее время и серией радиоуглеродных дат от V/7 31 300±1100 (H4056-3208) до V/6 23 020±400 (H4055-3209) (Hahn, 1977, 1995).

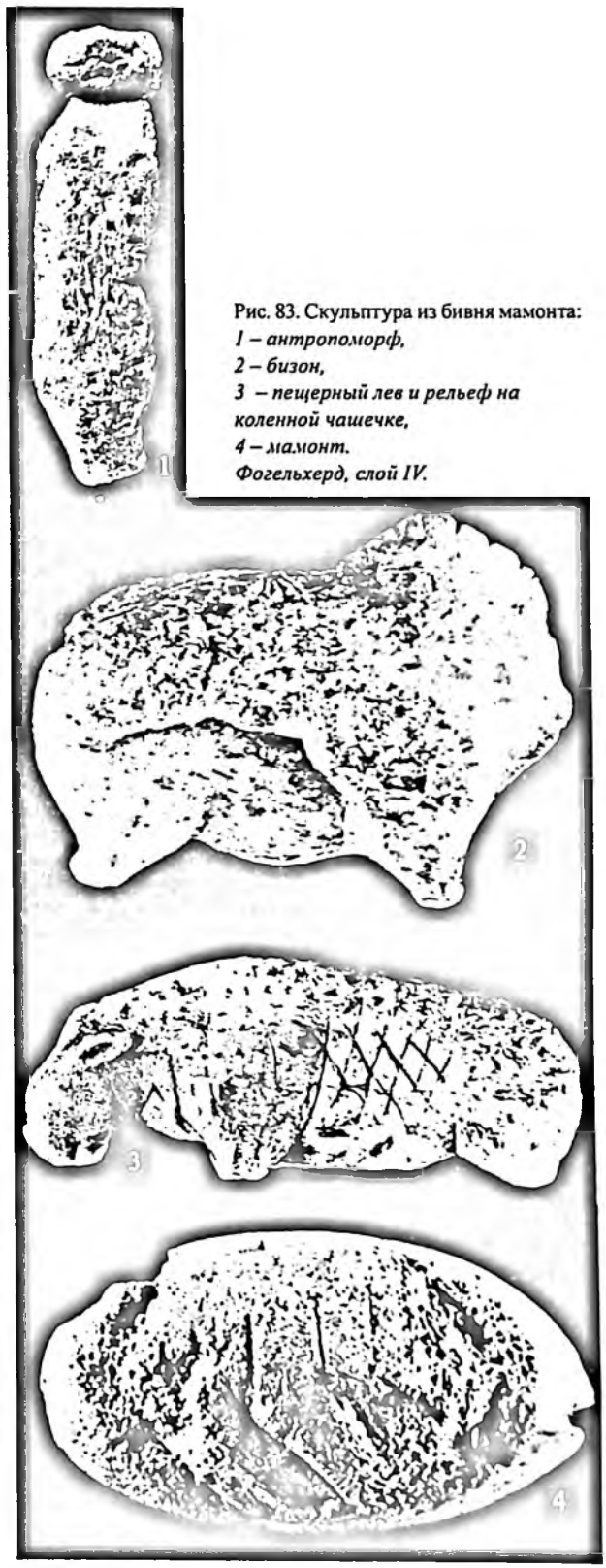

Рис. 83. Скульптура из бивня мамонта:
1 – антропоморф,
2 – бизон,
3 – пещерный лев и рельеф на коленной чашечке,
4 – мамонт.
Фогельхерд, слой IV.

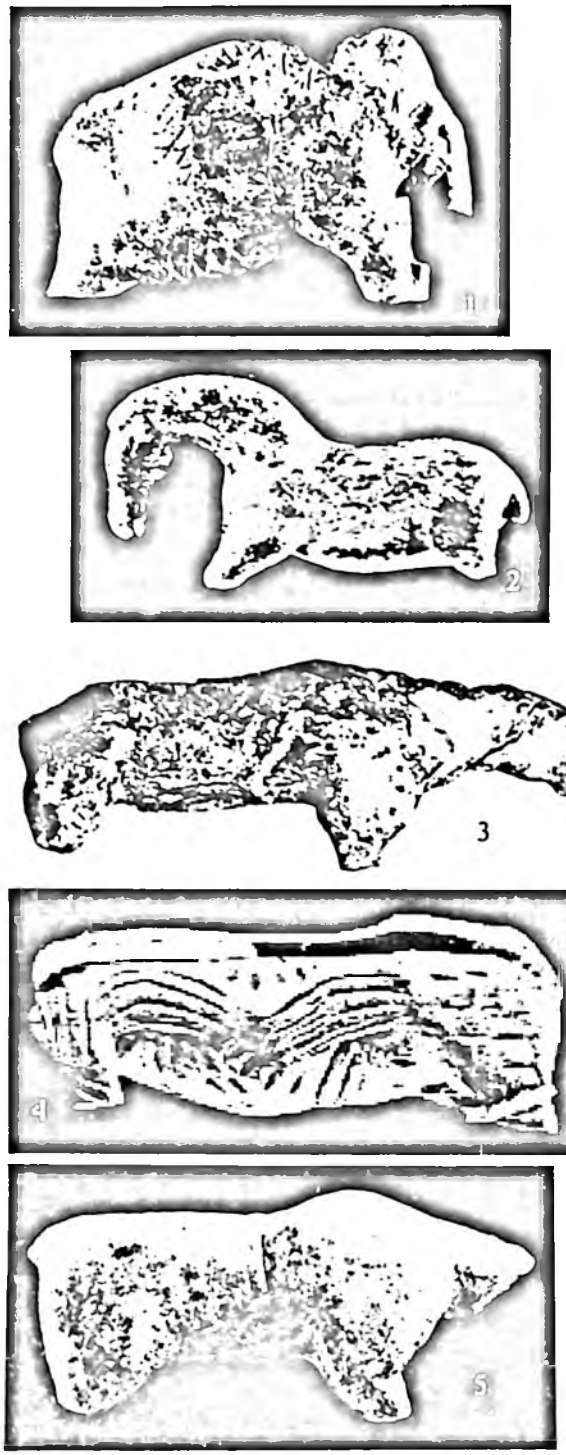

Рис. 84. Скульптуры из бивня мамонта:
1 – мамонт,
2 – лошадь,
3 – пантера,
4 – северный олень (?),
5 – медведь.
Фогельхерд, слой V.

Холенштайн-Штадель (Альб-Донау, Баден-Вюртемберг). Грот расположен в долине р. Лоне в 2 км к западу от Фогельхерда. Холенштайн состоит из двух параллельных гротов – Штадель и Бэренхёле, известных издавна, но первые раскопки были предприняты только между 1935 и 1939 гг. Р. Ветцелем и Ф. Фёльцингом, затем раскопки производились в 1957 и 1961 гг. В Штадель последовательность слоев в гроте и перед ним была примерно одинаковой и при описании стратиграфии за основу взят идеальный профиль Р. Ветцеля, несколько уточненный И. Ханом (Хан, 1971: 212). Под современной почвой лежал серый слой с остатками неолита и мезолита, перекрывающий щебнистый слой с постпалеолитическими остатками. Далее идут тонкие желтоватые отложения, насыщенные мелким известняковым щебнем, содержащим мадлен. Ниже отмечены два слоя типичного ориньяка в желтой лессовой и красно-желтой породе со щебнем средней величины, подстилаемые темно-бурыми отложениями, которые содержат мустьерские находки. И. Хану удалось установить, что именно к нижнему красно-желтому слою с ориньякским инвентарем, залегавшему на глубине 1.0-1.2 м от поверхности, относятся фрагменты крупной статуэтки из бивня мамонта, которые он обнаружил в музейных фондах. Из этих фрагментов сложилась почти целая крупная фигурка человека с головой льва (рис. 85). Ориньякский слой содержал кости северного оленя, мамонта, шерстистого носорога и лисицы. По инвентарю это средняя фаза ориньяка Швабии. Радиоуглеродные даты: 32 000±550 (H-3800-3025) и 31 750±1150 (ETH-2877) (Street, Terberger, 1999: 284).

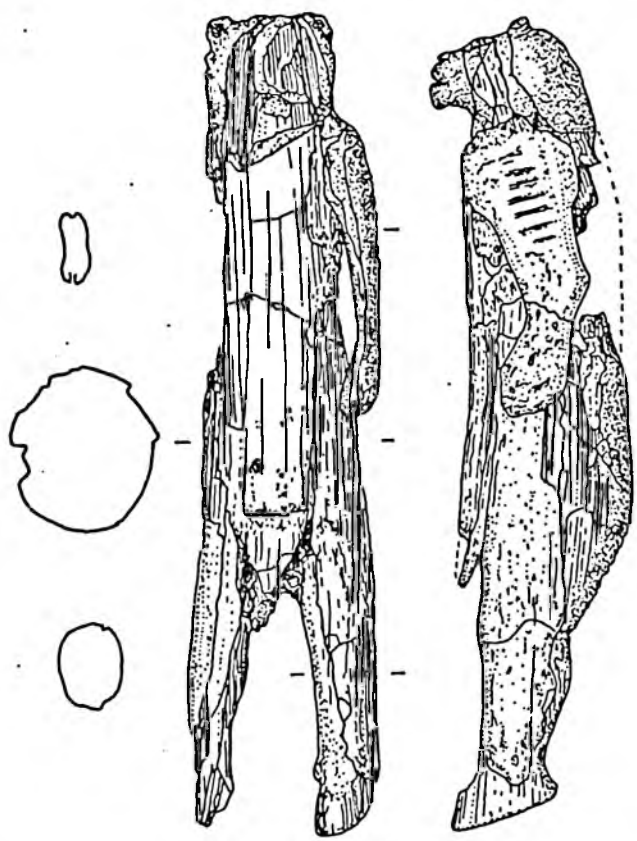

Рис. 85. Скульптура чловско-льва из бивня мамонта. Холенштайн-Штадель.

К *среднему этапу верхнего палеолита* Г. Бозински относит отрезок времени, заключенный между интерстадиалом денекамп и началом интерстадиала ляско – по радиоуглеродным датировкам от 32 000 до 18 000 лет назад. На это время приходится наиболее холодная фаза последнего оледенения. Максимум похолодания и максимум ледникового покрова приходятся на 22 000 лет назад. Хотя интервал подразделяется на мелкие интерстадиалы, заселение запада Центральной Европы, в основном, происходило, по-видимому, в самом начале этого периода примерно между 32 000 и 27 000 лет. Затем следует период до конца середины верхнего палеолита, лишенный следов заселения ((Bosinski, 1999).

Наиболее хорошо изучены граветтские памятники в пещерных стоянках Швабской Юры с их особыми характеристиками отложений (карта-схема VIII). Были проанализированы отложения из Гайсенклостерле и Холе Фельс (Laville, Hahn, 1981) и в предварительной форме из Брилленхёле (Riek, 1973). В Брилленхёле граветтские отложения слоя VII с высоким лессовым компонентом и многими термальными трещинами указывают на довольно сухой и холодный климат. Слой VI с большим количеством глины и окатанными фрагментами известняка свидетельствует о более влажных климатических условиях.

В Гайсенклостерле отложения основного граветтского слоя 7/It были подвергнуты выщелачиванию, образуя сухие обвалы. Слой был отнесен к интерстадиалу – осцилляции тюрсак. За нею последовала холодная и влажная климатическая фаза. Вышележащий слой был разбит полигональными трещинами. Он перекрыт буроватым слоем с раздавленными артефактами и костями из нижележащих граветтских уровней.Сходная ситуация отмечена в Холе Фельс.

В Южной Германии первые анализы пыльцы пещерных отложений были выполнены для Вайнбергхёле во Франконской Юре и затем в двух стоянках Швабской Юры: Гайсенклостерле и Холе Фельс. Упрощенная пыльцевая диаграмма показывает, что в Гайсенклостерле слой It из 41% гвоздичные составляют 4%, осоковые 3%, злаковые 32% и древесные породы 2%, в то время как в Вайнбергхёле из 72% гвоздичных нет, осоковые составляют 30%, злаковые 37% и древесные породы 5%. В Гайсенклостерле редкая пыльца деревьев (ивы, ели, березы) не соответствует образцу для интерстадиальной осцилляции (максимум 5% вместо необходимых 20%). Травянистая пыльца преобладает. Граветтский слой II в Холе Фельс характеризуется более высоким содержанием пыльцы зонтичных.

Экологическая интерпретация для граветта указывает на более влажный климат, чем в течение раннего ориньяка, который был менее суровым. В среднем ориньяке климат более сухой и холодный. Из этого следует единственный вывод: климат в граветте был более влажный, чем в ориньяке. Главная проблема в том, что нет многих данных по окружающей среде; намечается только тенденция к изменению климата от ориньяка к граветту.

Обычно, остатки крупных млекопитающих указывают на постепенное изменение климата от умеренных до прохладных и до холодных условий. Это проявляется в большей редкости благородного оленя и красной лисицы, а также в наличии мамонта и горного козла. Минимальное число низкое, обычно 1-2 особи. Это не может указывать на специализацию охоты на определенные виды или отражать природу пещерных памятников. Типичным примером является фауна Вайнбергхёле. Для характеристики экологических и климатических условий И. Хан приводит данные по рыбам, птицам и микрофауне из граветтских стоянок (Hahn, 1999: 253).

В той же работе И. Хан дает условные радиоуглеродные даты по коллагену: Вайнбергхёле – 28 265±325 (GrN-6059) по древесному углю, Брилленхёле VII – свыше 25 000 лет по обожженной кости, Холе Фельс IIb и Гайсенклостерле Ia – около 23 000 лет по обожженной кости. Кроме того, осадок обожженной кости из Холе Фельс показал аномальную дату в 30 000 лет. По методу AMS получены следующие датировки: Гайсенклостерле It – 5 дат между 26 540 и 29 200 лет; Is – 28 050 (древнее, чем ожидалось, см. Hahn, 1995); 5a – 5в – между 16 940 и 30 950, исключая дату в 16 000 лет, которая, возможно, является результатом загрязнения; Холе Фельс IIc – 29 000 лет – две даты по роговым орудиям. Согласно датам AMS из древних граветтских слоев, датированных 27 000 – 26 000 лет, в Холе Фельс и в Гайсенклостерле представлен хиатус в седиментации более 10 000 лет, поскольку мадленские слои, датированные 13 000 лет (Холе Фельс) перекрывают их непосредственно (Hahn, 1999: 250). Согласно датам AMS граветт следовал за поздним ориньяком достаточно непосредственно в Фогельхерд IV, Холенштайн-Штадель IV, Бокштайн-Тёрле VII, Холенштайн-Бэренхёле II. Здесь могло быть перекрывание слоев, но ранний граветт встречается только в долине р. Ах, где поздний ориньяк не был установлен. В долине р. Лоне нет раннего граветта.

Насколько репрезентативна пыльца и фауна, экологические изменения между 40 000 и 20 000 лет назад были минимальными и не могли быть использованы как аргумент для адаптации к изменяющейся природной среде. С другой стороны, А. Шеер отмечает, что в согласии с радиоуглеродными датами Гайсенклостерле и Холе Фельс развивались параллельно осцилляции тюрсак (Laville, Hahn, 1981) – холодный и влажный пери-

од в долине р. Ах, переходящий к холодному и сухому. Даты AMS очевидно древнее и сравнимы с тем периодом, который Х. Мовиус назвал осцилляцией лез эйзи (кессельт). Помимо климатических сопоставлений, упомянутые слои Гайсенклостерле коррелируются по типологии каменного инвентаря с ранним французским граветтом (Абри Пато), поэтому А. Шеер относит их к раннему граветту (Scheer, 1999).

В целом, для граветта большая часть дат располагается между 30 000 и 23 000 лет назад, что ставит южно-германский граветт в рамки центрально-европейской культуры этого периода (павловской) и верхнеперигорской вообще (Street, Terberger, 1999). Много граветтских дат предшествует 25 000 лет, что особенно засвидетельствовано двумя стоянками с широкими сериями дат из Холе Фельс и Гайсенклостерле. Обе даты из Вайнбергхёле также находятся в центре этого распределения. Немногие даты из Обере Клаузе в Баварии, Книгротте в Тюрингии и Магдаленахёле в Эйфеле попадают в ряд, близкий к 25 000 лет. Особую проблему ставит наличие радиоуглеродных датировок моложе основных показателей для граветта и находящихся между ними и отнесенных к верхнему мадлену (вокруг 13 000 лет назад).

Граветт Германии беден произведениями искусства, особенно фигуративного, которое отмечено лишь в **Линзенберге** в Рейнской области и в Вайнбергхёле в Швабской Юре. Г. Бозински отмечает в Рейнской области 15 стоянок, включающих лессовые, пещерные и поверхностные сборы и относящиеся к периоду 30 000 – 20 000 назад (Bosinski, 1999). Линзенберг – единственная стоянка, представляющая базовый лагерь. Он расположен на плато, возвышающемся над г. Майнц в южном течении Рейна. Раскопки производились в 1920-х годах О. Шмидтгеном и Э. Неебом (Neeb, 1924; Neeb, Schmitgen, 1921/1924). Стратиграфия в верхней части состоит из светло-желтого лесса, мощностью 2,7 м. В основании залегает культурный слой толщиной 30-40 см над зоной почвообразования. Ниже прослеживается слой лесса еще на 5.5 м. Зона почвообразования соответствует периоду климатического потепления, отнесенного к интерстадиалу штилфрид В. Этот известный в Центральной Европе интерстадиал получил абсолютную дату около 28 000 лет назад. Согласно последним данным, он считается вюрмской почвой II (Bosinski, 1999: 271). Следовательно культурный слой, расположенный выше горизонта денудации на вершине почвы, принадлежит к первой части лессовой седиментации и относится, видимо, к периоду наступления более холодных климатических условий. Фауна включает северного оленя и лошадь, как основные виды добычи. Найдено несколько костей носорога и, возможно, мамонта. Упоминается пещерный медведь. По словам Г. Бозински, доказано собирательство растений. Известняковые камни и огромные плиты, принесенные с соседних склонов, могли служить для устройства жилищ и вымосток. Открыты два очага разных размеров и рассеянные вокруг них культурные остатки. Кремневый инвентарь не богат. Наиболее многочисленны пластинки с притупленной спинкой и микрограветты. Заметную группу составляют резцы двугранные и полиэдрические. Отмечается, что индустрия отнесена к граветту, но представляет оригинальную фацию, отличную от граветта, происходящего из гротов, и сходную с граветтом Моравии (Art et Civilisations, 1984: 173). Г. Бозински считает культуру Линзенберга соответствующей французскому перигору VI/VII и находящей параллели в 7 слое Молодовой V (Bosinski, 1999: 272). Свою известность стоянка получила благодаря находке двух фрагментов женских статуэток из мягкого песчаника, лежащих поблизости от маленького очага (рис. 86; Hahn, 1969: 62).

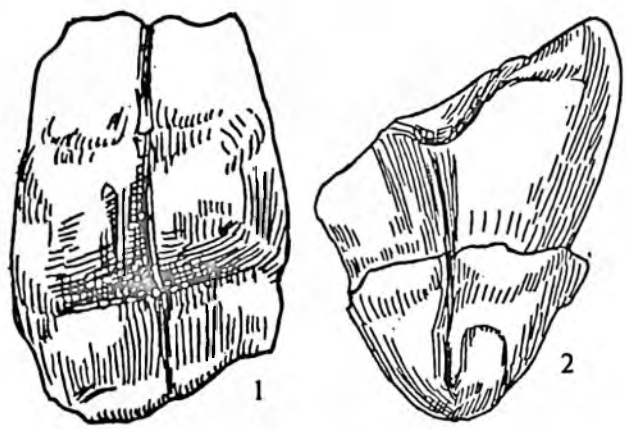

Рис. 86. Фрагменты женских статуэток из песчаника. Линзенберг.

Во Франконской Юре основополагающим является грот **Вайнбергхёле** (Мауэрн, Нейбург, Бавария) – один из гротов в сети Мауэрн на маленьком притоке Дуная. Первые раскопки в этой сети были произведены в 1937-1938 гг. Р.Р. Шмидтом, затем А. Бомерсом. В 1947-1949 гг. ограниченные по площади работы выполнил Л. Цотц, между 1967-1970 гг. Х.-Ю. Мюллер-Бек (Zotz, 1951, 1955a; Hahn, 1984). Стратиграфия следующая: под голоценовыми отложениями идет зона 1 с криокластическими обвалами и тонким лессовидным материалом, в котором заключен граветт, затем зона 2 с признаками почвообразования; зона 3 с криокластическими обвалами и песком в основании; зона 4 разнородного состава, представленная темно-бурыми илами с выветрелыми обломками, следами солюфлюкции и образованием почвы с инвентарем «группы альтмюль», и зона, содержащая очень выветрелые обломки вверху, страти-

фицированные суглинки и супеси с материалами центрально-европейского микока внизу. Седиментологическое изучение показало наличие холодного и сухого климата в граветте. Флора была определена путем изучения растительных макроостатков – обожженного дерева: сосны, дуба черешкового, вяза и ивы.

Фауна происходит частично от деятельности человека, частично от деятельности хищников, но составляющие трудно выделить особенно для нижних слоев. Слой С в зоне 1 с граветтским инвентарем содержал остатки северного оленя, горного козла, бизона или первобытного быка, лошади, мамонта, шерстистого носорога, зайца, а также различных хищников: пещерной гиены, пещерного льва, медведя, волка, лисицы, песца, горностая, куницы, выдры. Среди многочисленных грызунов преобладают лемминги – характерные представители холодной и сухой степи.

В итоговой работе И. Хана (Hahn, 1999) для юго-западной Германии приводится уточненный список для Вайнбергхёле. Минимальное число мамонтов (6) выше, чем в других комплексах, но пещерный медведь (6) более редок по сравнению с его наличием на других памятниках. Наиболее часто встречается заяц (9), затем песец (3), пещерная гиена (3), лошадь (3), лисица (2), северный олень (2), волк (1), носорог (1), бык/бизон (1). Кремневый инвентарь содержит острия микрограветт, пластинки с притупленной спинкой, много резцов и долотовидных орудий, встречаются ножи костенковского типа. Костяной инвентарь включает цилиндрические наконечники копий, лощила, подвески из бивня. Из произведений искусства отмечена своеобразная женская статуэтка из камня (рис. 87; Zotz, 1951б). Две радиоуглеродные даты получены по материалам из раскопок Л. Цотца. Почва, лежащая ниже граветтского слоя, имела возраст 28 265±325 лет назад (GrN 6059). Другая дата для граветтского слоя 29 410±470 (GrN 5000) не считается уверенной.

Рис. 87. Женская статуэтка из известняка. Вайнбергхёле.

Поздний период верхнего палеолита Германии относится по времени между началом интерстадиала ляско и началом интерстадиала аллерёд, т.е., согласно радиоуглеродным датам между 18 000 и 12 000 лет назад. Большое значение для заселения севера Центральной Европы после отступания ледника сыграло потепление климата (интерстадиал бёллинг). В южной и центральной областях Германии распространилась мадленская культура, в северной – гамбургская (карта-схема VIII).

Мадлен обладает произведениями искусства значительно более многочисленными, чем в предшествующие периоды, и обогащается за счет гравировок, хотя и скульптура продолжает играть существенную роль. Чтобы показать динамику, присущую всему собранному материалу, нужно наметить его хронологическое распределение. Здесь существуют большие сложности, обусловленные старыми раскопками с несовершенным описанием стратиграфических наблюдений. Классификация материала по различным временным отрезкам возможна лишь на основе суммы аргументов. Важнейшие из них – геохронологическое датирование, радиоуглеродный возраст, соотносимость с другим археологическим материалом, стилистический сравнительный анализ как внутри самого региона, так и с эталонными формами франко-кантабрийской области. Материалы, связанные с интерстадиалом ляско, очень редки. Это трудно объяснимо, так как климатические характеристики были благоприятными. Неясно также имеются ли произведения искусства, которые могут быть отнесены ко времени, предшествующему интерстадиалу бёллинг.

Все мадленские стоянки, раскопанные недавно, размещаются между концом дриаса I и дриаса II. Г. Альбрехт (Albrecht, 1989: 55) использует классическую терминологию, применяемую в Германии, чтобы обозначить стадии растительности в конце ледниковой эпохи, даже если в последнее время это подразделение подвергается критике, связанной с археологическими открытиями на озере Нёйебург в Швейцарии. На конференции, проведенной в Тюбингене в 1987 г., речь шла о богатом растительными остатками периоде, существовавшем между 13 000 и 11 800 лет назад. Фауна и флора еще показывают влияние оледенения, хотя в растительности установлено несколько видов, сохранившихся спорадически в более благоприятном биотопе в защищенных местах (дуб, орешник). Растительность создавала необходимые условия для развития стад северных оленей и табунов лошадей, составляющих главную добычу мадленских охотников. Мамонты и носороги – характерные виды для самых холодных фаз оледенения на территории Германии, уже не играли суще-

ственной роли в пищевом рационе, тем более, что они постепенно исчезли.

Указания на более древнее мадленское заселение этой области, отмеченные в инвентаре старых раскопок, например, в Мюнцингене, подтверждаются исследованиями И. Хана в Холе Фельс. Радиоуглеродные даты 17 100±150 (H 5120-4569) и 15 700±140 (H 5113-4898), опубликованные Г. Венигером (Weniger, 1982), и наличие мамонтов в охотничьей фауне нижнего мадленского (?) слоя (IIa), свидетельствуют о появлении важной информации касательно периода, непосредственно следующего за ледниковым максимумом.

С началом аллерёда наблюдается радикальное изменение условий жизни на юге Германии в короткий период времени. Быстрое распространение лесов полностью отодвинуло к северу стада северных оленей, жизненное пространство лошади оказалось значительно ограниченным. Резко возрастает число животных, адаптированных к лесной зоне. Для человека финального палеолита особое значение приобретает косуля. Даже легкое ухудшение климата в течение дриаса III не меняет того, что именно с аллерёда устанавливаются голоценовые условия окружающей среды, наступает конец ледниковой эпохи.

Г. Венигер подробно анализирует фаунистические остатки, позволяющие реконструировать окружающую среду в двух крупных культурно-исторических областях Германии во времена последнего оледенения (Weniger, 1987). В юго-западной Германии, в Швабских Альпах, горной известняковой цепи высотой до 1000 м, территория была покрыта различными ледниками. В фауне большинства крупных мадленских стоянок встречаются десятки и даже сотни особей копытных с явным преобладанием северного оленя. Данные о сезонности, основанные на изучении рогов, зубов и костей утробных детенышей, указывают на осенне-зимнее заселение крупных стоянок и весенне-летнее стоянок средних и мелких размеров, причем в последних количество костей лошади может равняться или преобладать над остатками северного оленя. 8 других видов копытных, в которые включаются и мамонт и шерстистый носорог, а также бизон, лось, благородный олень, овцебык, горный козел и серна, свидетельствуют о солидной экономической базе для адаптации охотников на крупную дичь. Г. Венигер замечает, что произведения искусства находятся только на крупных стоянках и, возможно, отражают вариации в социальной деятельности.

Во второй области – Центральной Германии мадленские стоянки найдены на южном крае Северо-Европейского плато. Они локализуются в горном районе между Тюрингским лесом на юге и долиной Эльбы на севере. Эта область, подобно юго-западной Германии была покрыта в эпоху последнего оледенения богатыми травянистыми пастбищами. В аллерёде обе области медленно трансформировались в лесные ландшафты (сосна, береза). Большая часть стоянок – на открытом воздухе, даже на поверхности. Как и в юго-западной Германии, многие из этих стоянок были раскопаны прежде, чем были выработаны современные полевые методы и поэтому полученные данные фрагментарны. В фауне мадленских стоянок, там, где она сохранилась, преобладает лошадь, а северный олень, если он представлен, всегда находится в меньших количествах. Полные фаунистические списки содержат только 6 видов копытных: лошадь, северный олень, мамонт, шерстистый носорог, антилопа-сайга и лось. Наличие антилопы-сайги указывает, что в Центральной Германии были и участки суровой степи.

Рассматривая памятники, обладающие произведениями искусства, можно выделить лишь один, который существовал в период, предшествующий интерстадиалу бёллинг и соответствующий в юго-западной Европе мадлену III. Это **Книгротте** (Дебрец, округ Пёсснёк, Бец Жера в Тюрингии). Грот находится в массиве Цегштайн в долине Орла. Раскопки производились М. Рихтером между 1930 и 1938 гг. Археологический слой, достигавший 1 м толщины, был исследован без прослеживания стратиграфии (Feustel, 1979a). Очень богатая фауна моллюсков указывает скорее на аллерёд, фауна млекопитающих, по Р. Музилю, свидетельствует скорее о дриасе II (преобладание лошади и северного оленя, наличие антилопы-сайги, песца, волка). Фактически могло быть несколько уровней заселения, относящихся и к дриасу II и к аллерёду. Две абсолютные даты значительно расходятся и мало совпадают с климатическими определениями: 13 582±165 (Bln-7564) по кости и 10 175±90 (GrN-6649) по древесному углю. Инвентарь образует, по Р. Фойстелю, региональный вариант верхнего мадлена, близкий группе ёлкниц. Наиболее характерными типами являются разносторонние треугольники. Присутствуют также различные варианты ножей с притупленной спинкой или с параллельными краями и прямоугольники, проколки и микропроколки, резцы на косом вытянутом усечении. Среди произведений искусства отмечены гравюры носорога, лошади и схематично переданной женской фигуры на кости (рис. 88). Г. Бозински имел полное основание предполагать, что эти находки относятся хронологически ко времени, предшествующему интерстадиалу бёллинг, и представляют древнейшую фазу позднепалеолитического искусства Германии (Bosinski, 1982: 51).

Рис. 88. Гравюра стилизованной женской фигуры в фас на обломке орудия из рога. Книгротте.

Большая группа произведений искусства может быть отнесена к интерстадиалу бёллинг и стадиалу древний дриас. К этому периоду, продолжавшемуся 1 000 лет, принадлежат в юго-западной Европе мадлен IV (конец древнейшего дриаса и начало интерстадиала бёллинг), мадлен V (интерстадиал бёллинг) и мадлен VI (древний дриас). Искусство этого времени может быть разделено на древнюю, среднюю и позднюю фазы. Скульптуры животных в виде вырезанных контуров (contours découpés) дают указание на хронологическую и культурную принадлежность памятника (Veil, 1996: 158). Именно поэтому **Оберкассель** (Вестфалия) – стоянка на открытом воздухе в 5 км к юго-востоку от Бонна может быть отнесена к мадлену IV. Эта стоянка известна своими погребениями, мужского и женского, открытыми в 1914 г., несомненно принадлежащими кроманьонской расе. Помимо обломка контура животного, в произведениях искусства отмечен крупный костяной стержень, увенчанный головкой лошади (?) (Bosinski, 1982, Kat. 19). Радиоуглеродные даты кажутся слишком поздними для культурной атрибуции мадлена IV, поскольку они группируются вокруг 11 700 и 12 200 лет назад (Street, Wüller, 1996).

Упоминается как относящаяся к этому времени пещера **Тёйфельсбрюке** (округ Заальфельд, Тюрингия), исследованная Р.Фёйстелем в 1970 г. и опубликованная лишь частично (Feustel 1979a, 1980). Из слоя, датированного радиоуглеродным методом по кости 13 023±85 лет назад (Bln-1573), происходит копьеметалка – самая восточная находка этого рода с рудиментарной головкой лошади. Упоминаются также каменные плитки, гравированные разными сюжетами, в том числе стилизованными женскими фигурами гённерсдорфского типа (Bosinski, 1982, Kat. 29). Это свидетельствует о близости Тёйфельсбрюке к следующей фазе.

Средняя фаза (мадлен V, интерстадиал бёллинг) характеризуется стоянкой **Гённерсдорф** (Фелькирхен, округ Нёйвид, Рейнланд-Пфальц). Стоянка на открытом воздухе находится на правом берегу Рейна. Обнаружена в 1968 г. и раскопана Г. Бозински на площади около 700 м². В бассейне Нёйвуд толстый слой пемзы – результат вулканического извержения в середине осцилляции аллерёд покрывает плейстоценовую поверхность. Мадленский слой, близкий к этой поверхности датирован концом бёллинга, согласно палинологии и радиоуглеродным датам 10 710±370 лет до н. э. (Ly-1172), 10 430±230 лет до н. э. (Ly-766), 9 150±650 лет до н. э. (Ly-1173). Палеолитические люди охотились особенно на лошадь, но также на северного оленя и песца. Редко встречаются остатки волка, носорога, мамонта, бизона, благородного оленя, сайги, серны, птиц и рыб. Открыты следы жилищ разных размеров, одни крупные с ямами и вымостками, другие более мелкие. Судя по составу костей, они использовались в разное время: зимой или летом (Bosinski, 1969a, б; 1979a).

Каменный инвентарь богат и разнообразен. Многочисленны резцы, часто типа лакан, проколки, пластинки с притупленной спинкой, долотовидные орудия, скребки на пластинках. Костяной инвентарь включает наконечники с двумя гранями в основании, гарпуны, полукруглые палочки-багетт и кружки. Последние также изготавливались из сланца. Исключительным фактом является открытие каменных светильников, которые обычно встречаются только в гротах, особенно в гротах с настенными росписями и гравюрами. Раковины, использовавшиеся как украшения, происходят из Майнцского и Парижского Бассейнов, но также из Средиземноморья, что свидетельствует об отдаленных связях.

В Гённерсдорфе, как ни в одной другой стоянке Германии обильно представлена гравюра на камне. В отношении сюжетов заметное место принадлежит женскому образу, достаточно стилизованному, но, тем не менее, легко распознаваемому. В таких же формах женский образ воплощен и в мелкой скульптуре из рога северного оленя (Bosinski, Fischer, 1974, Bosinski, D'Errico, Schiller, 2001). Широко воспроизведены и представители животного мира, особенно мамонт и лошадь (Bosinski, 1979б, 1984; Bosinski, Fischer, 1980). Имеются также гравюры носорога, быка, медведя, оленя, сайги, волка и льва. Наряду с крупными животными, отмечены изображения тюленя, рыбы, птиц (Bosinski, 1982).

К стоянке Гённерсдорф очень близка по культуре расположенная напротив ее на левом берегу Рейна стоянка **Андернах** (Мартинсберг, округ Майен-Кобленц, Рейнланд-Пфальц). Раскопки производились Г. Шаафхаузеном в 1883. г., в наши дни

С. Файлем в 1977-1982 гг. (Bosinski, Hahn, 1973; Файль, 1982; Veil, 1982). Между слоем вулканического пепла вверху и базальтовым слоем внизу залегает лессовый слой со следами почвообразования в верхней части. Это образование относится к первой половине осцилляции аллерёд и содержит материалы финального палеолита. Мадленский слой находится в лессе, относящемся, возможно, к переходу от интерстадиала бёллинг к дриасу II.

Фауна финального палеолита характеризуется лосем, благородным оленем, бобром и мегацеросом, фауна мадлена включает типичные континентальные арктические виды, как лошадь, северный олень и песец. Мамонт и благородный олень представлены только сырьем для инвентаря в первом случае (бивень) или украшений во втором (атрофированные клыки). Кроме того, отмечены заяц-беляк, ласка, лемминг, полевая мышь и среди птиц лебедь, гусь и ворона. Залегание костей в жилищах, имеющих вид двух скоплений культурных остатков, свидетельствует о сезоне образования этих концентраций. Наличие песца в концентрации I указывает на зимнюю охоту, как и костей гуся–мигранта и остатков эмбрионов лошади. Молочные зубы лошади относят конструкцию или восстановление этого жилища к концу осени – началу зимы. Кости лосося в концентрации II указывают, что он был, возможно, выловлен в мае-июне во время его миграции вверх по Рейну (Veil, 1996: 157).

Кремневый инвентарь мадленского слоя характеризуется специализированным пластинчатым расщеплением, скребками на длинных пластинах, более редкими резцами, среди которых представлены резцы типа лакан, пластинками с притупленной спинкой, долотовидными орудиями и проколками, особенно на краевых отщепках резцов. Этот набор инвентаря соответствует мадлену Гённерсдорфа и группы Небра в Центральной Германии. Различия в процентных отношениях, возможно объясняются, как это бывает и на других стоянках в других культурах, различными видами деятельности. В костяном инвентаре Андернаха встречаются наконечники из рога северного оленя и бивня с одной или двумя гранями в основании, просверленный жезл и иглы с ушком. Из старых раскопок происходят гарпуны с одним или двумя рядами зубцов. Произведения искусства соответствуют найденным в Гённерсдорфе гравюрам на каменных плитках женщины, лошади, различных знаков (Bosinski, 1994) и женским статуэткам из рога (Bosinski, 1993). К мадлену относится, по-видимому, и фигурка птицы из рога, открытая Г. Шаафхаузеном (Bosinski, Hahn, 1972, Taf. 70).

Стоянка **Альтенбург**, обычно называемая **Небра** находится на открытом воздухе. Раскопки производили Х. Ханитч и В. Тёпфер. Отмечены остатки жилищ, окруженных ямками диаметром 25 см и глубиной 30 см, а также каменными плитками. Обильный кремневый инвентарь включает скребки на пластинках, вогнуто-ретушные резцы, резцы-скребки, долотовидные орудия, проколки из кремневых отщепков резцов, пластины и пластинки с притупленной спинкой. Костяной инвентарь характеризуется наконечниками с одной гранью в основании и крупными палочками из бивня мамонта. Искусство представлено тремя стилизованными женскими статуэтками гённнерсдорфского типа: две из бивня мамонта, одна из рога северного оленя (Toepfer, 1965; Bosinski, 1982, Kat. 28). Стоянка датируется дриасом II (Hanitzch, Toepfer, 1963) или интерстадиалом бёллинг и по культуре относится к мадлену V (Bosinski, 1982).

К этому же кругу памятников принадлежит **Ёлкниц** (округ Иена, Бец Жера) – стоянка на открытом воздухе, расположенная на террасе р. Заале к югу от г. Иены. Раскапывалась Р. Фойстелем и Г. Бем-Бланке (Feustel, 1961б, 1970, 1979а). На вскрытой площади 850 м^2 обнаружены остатки 8 жилищ, ограниченных ямками от столбов и вымостками из плиток песчаника. Видимо, это стоянка охотников на лошадей, кости которых значительно превосходят по числу остатки северного оленя. Флора, представленная, главным образом, елью и березой, свидетельствует о довольно умеренном климате. Из полученных радиоуглеродных дат одна 12 542±79 лет назад (Bln-1565) по кости помещает стоянку в конец бёллинга, другая 11 750±250 лет назад (Bln-830) по углю – в начало аллерёда. Последняя дата кажется более приемлемой (Burdukiewicz, 1988).

В многочисленном кремневом инвентаре наиболее обильны орудия на пластинках: с притупленной спинкой, усеченные с притупленной спинкой, зубчатые, прямоугольники. Остальной набор состоит из скребков, резцов, преимущественно вогнуто-косоретушных, и проколок различных типов. На основании кремневого инвентаря Р. Фойстель выделил региональную фацию мадлена, объединяющую ряд стоянок Центральной Германии и обозначенную как «группа ёлкниц» (Feustel, 1979а). Костяной инвентарь представлен наконечниками, долотами, иглами с ушком, просверленными жезлами и особенно двумя гарпунами с одним рядом зубцов. Они также являются характерными для региональной фации мадлена. Произведения искусства столь же специфичны. Кроме двух, вырезанных из тонких пластинок бивня стилизованных женских фигурок гённерсдорфского типа, найдены гальки, примыкающие к ним по своей естественной форме и слегка подправленные для придания большего сходства. Крупное изображение вульвы, гравированное на песчанике, до сих пор не имеет аналогов среди центрально-европейских находок. Отмечено и несколько гравюр ло-

шадей (Feustel, 1961б, 1969, 1970, 1971; Bosinski, 1982, Kat. 24, Taf. 74).

Стилизованные гравюры женщин гённерсфдорфского типа на известняковых плитках известны из грота **Холенштайн** (Нёрдлинген, Бавария), раскопанного Ф. Биркнером. Довольно плохо определенный инвентарь, включающий скребки, резцы на усеченных пластинах, проколки и пластинки с притупленной спинкой, должны относиться к мадлену, возможно, верхнему (Birkner, 1928).

Несколько произведений искусства, приписываемых этому периоду, происходят из **Митлере-Клаузе** (Нёйе-Эссинг, Бавария). Средний из четырех гротов, откуда и название, довольно обширный, но низкий и темный, раскапывался в 1914 г. экспедицией Института Палеонтологии Человека в Париже под руководством Г. Обермайера (Obermaier, 1914). В основании ил, смешанный со щебнем, содержал редкие ашельские кремни. Выше в мустьерском слое встречались орудия из кварцита. Еще выше залегал солютре, представленный только редкими фрагментами лавролистных наконечников. Затем грот заселяли мадленцы, нижний и верхний мадлен смешаны и между собой и с мустье. Особо отмечены шилья с головкой, гарпуны с одним рядом зубцов, два наконечника копий с двумя гранями в основании, иглы и несколько просверленных зубцов. В одном из закоулков собрано несколько плиток известняка, покрытых многочисленными линиями, Гравюра лошади на одной из плиток стилистически близка гённерсдорфским изображениям. Интересен барельеф антропоморфно-зооморфной личины, вырезанной на просверленном жезле.

Неясна датировка гравюры мамонта на обломке бивня, найденной Ж. Фрауенхольцем в соседнем гроте Обере Клаузе. Очевидно лишь, что она не может быть отнесена к поздней фазе (Obermaier, Frauenholz, 1926).

Для характеристики поздней фазы позднепалеолитического искусства Германии необходимо привлечь материалы грота **Петерсфельс** (Бителъбрун, округ Констанца, Баден-Вюртемберг). Грот был открыт в 1927 г. Э. Петерсом, производившим раскопки в гроте в 1928 г. и на террасе перед ним в 1930 г. (Peters, 1930; Peters, Toepfer, 1932). Обширную протяженность культурных остатков на террасе и наличие нескольких мадленских слоев установили раскопки Г. Альбрехта (Albrecht, 1974, 1979, 1984). Самый нижний из них залегал в отложениях светло-желтого щебня, связанных с холодным климатом дриаса I около 13 000 лет назад; следующий находится в отложениях более умеренного климата, отнесенного к бёллингу около 12 650 лет назад и третий снизу – снова в холодных условиях – в щебнистом слое, датированном 12 000 лет назад. Было установлено, по крайней мере, 5 мадленских горизонтов заселения. Один из них (P1 AK 3) датирован точно по человеческой кости 12 440±100 лет назад (ETH-11518, Hahn, 1996).

В фаунистических остатках преобладает северный олень, на которого охотились преимущественно осенью. Заяц также хорошо представлен. Менее часто встречается лошадь, горный тетерев, бык, ближе не определенный, серна, горный козел и благородный олень. Из хищников отмечены волк, лисица и росомаха. Среди каменного инвентаря найдены многочисленные резцы, особенно типа лакан, проколки и цинкен, пластинки с притупленной спинкой, острия с выпуклой спинкой, своеобразные ножи (тип петерсфельс) и гамбургские наконечники с боковой выемкой. Костяной инвентарь включает гарпуны с двумя рядами зубцов, наконечники с двумя гранями в основании, просверленные жезлы, иглы с ушком, клинья, кружки, просверленные зубы.

Разнообразны и произведения искусства. Среди гравюр имеются изображения северного оленя. Это животное не было представлено в более ранних мадленских памятниках Германии, его нет даже в многочисленных гравировках Гённерсдорфа. По наблюдениям А. Леруа-Гурана, северный олень привлекал внимание мадленских художников лишь короткое время – в самом конце палеолитической эпохи (Leroi-Gourhan, 1965: 73). Таким образом, изображения северного оленя можно считать отличительной чертой поздней фазы мадлена. В этой связи особенно интересен просверленный жезл, гравированный идущими друг за другом северными оленями. На куске угля нарисована лошадь, на разных основах – рыбы в различной степени стилизации. Своеобразна серия стилизованных женских фигурок из гагата (Bosinski, 1982, Kat. 10).

В Центральной Германии к поздней фазе (мадлен VI) относятся материалы из **Гройтча** (округ Эйленбург) – комплекса стоянок на открытом воздухе, обнаруженного в 1930 г. на холме Капелленберг, недалеко от Лейпцига. Х. Ханитч во время раскопок 1952-1961 гг. установил наличие 4 стоянок (A, B, C и D) с несколькими мастерскими и жилищами. В целом была вскрыта площадь 1100 м². Из скопления D происходит плакетка шифера с гравюрами трех лошадей. Скопление D датировано Х.Ханитчем концом дриаса II и аллерёдом (Hanitzch, 1972).

Другая стоянка на открытом воздухе – **Зааленк** (округ Наумбург) в долине Зааля дала несколько сланцевых плиток, покрытых беспорядочными линиями, среди которых различаются голова лошади и антропоморфная фигура (Taute, 1969).

Особое место в палеолите Германии занимает гамбургская культура или культурная фация, ко-

торая была выделена в 1931 г. в районе Гамбурга. Сначала она была ассоциирована с мадленом, но затем раскопки А. Руста в Штельмоore и Майендорфе позволили обозначить ее как особую индустрию. Последние исследования, кажется, подчеркивают ее определенную связь с мадленом.

Палинологические анализы первоначально поместили гамбургский слой Майендорфа в дриас I, теперь он отнесен к интерстадиалу бёллинг, что кажется лучше соответствует радиоуглеродным датировкам. Считается, что гамбургская культура продолжала существовать в дриасе II и, может быть, даже в начале аллерёда. Радиоуглеродные даты Майендорфа колеблются от 15 750±800 (W-172) до 10 760±250 (Y-158).

Майендорф (Аренсбург, округ Стомаре, Шлезвиг-Гольштейн). Стоянка на открытом воздухе обнаружена в 1932 г. А. Рустом, производившим раскопки сначала на берегу, а затем на расположенном рядом торфяном болоте. Культурный слой залегал в песчаных отложениях, перекрытых несколькими толстыми слоями торфа. Он богат органическими остатками, в частности, содержал макрочастицы полярной ивы, кустарниковой березы и др. Палинологические анализы подтвердили отнесение слоя к интерстадиалу бёллинг. В фауне определены остатки 72 особей северных оленей, из которых большую часть составляют молодые, а также небольшое количество костей лошади, зайца, барсука, лисицы и росомахи. А. Руст нашел целый скелет северного оленя в древнем пруду, грудная клетка которого была заполнена камнями (Rust, 1937).

Археологический анализ остатков добычи гамбургской культуры, особенно материала из Майендорфа, привел С. Файля к заключению, что не следует генерализировать образ специализированной культуры охотников на северного оленя. Правдоподобно, что около 25 северных оленей были убиты на каком-то расстоянии от стоянки, но только 20 из 72 установленных особей должны были использоваться на месте. Согласно различной частоте встречаемости костей северного оленя, шейный и крестцовый отделы могли употребляться на стоянке, в отличие от более мясистых частей. Разделение по возрасту рогов северного оленя совпадает с разделением по наиболее часто встречающимися крестцовым костям, что скорее объясняется охотой, чем сбором рогов. Именно рога взрослых животных выбирались для использования. Рога осенних северных оленей заставляют думать об охотничьем лагере в этот сезон, когда ловили только зайцев и снежных куропаток. Кости пернатых принадлежат птицам, добытым летом. Они могли быть принесены в лагерь в конце лета, что также допустимо для костей туши лошади в качестве провизии. Излишек мяса, возможно, позволял продолжить пребывание на месте до зимы (Veil, 1996: 161).

Каменный инвентарь состоит из двух частей: одна, собранная в песке, другая – в древнем пруду. Они различаются только по количеству орудий, но не по составу. Орудия представлены скребками, резцами, проколками-провертками (цинкен) и довольно значительной серией характерных гамбургских наконечников с боковой выемкой. Костяной инвентарь включает мелкие наконечники, гарпун с одним рядом зубцов, жезл с незаконченным отверстием и три рукояти из рога северного оленя. В одной из рукоятей сохранился вставленный косо заостренный отщеп, два другие покрыты геометрическим орнаментом в технике полурельефа. Найдены и единичные фигуративные изображения: лошади, кошачьего, птиц (Bosinski, 1982, Kat. 30).

К той же культуре и к тому же, может быть, немного более позднему периоду относится стоянка **Поггенвиш**, находящаяся в том же округе. Интерес к этой стоянке заключен в уникальном роговом стержне с рельефом антропоморфной головы (Bosinski, 1978б; 1982, Kat. 31).

Антропоморфные изображения в раннем верхнем палеолите (***ориньяке***) представлены в единичных экземплярах на трех стоянках. Объединяет их то, что все они изготовлены из бивня мамонта, разъединяет то, что они воплощают различные образы.

Одно из них, найденное в Гайсенклостерле, представляет барельеф, вырезанный из прямоугольной пластинки бивня размерами 38 x 14 x 4.5 мм (рис. 82). На внешней гладкой поверхности бивня нанесены 4 продольные ряда знаков округлых или в виде запятой. На внутренней слоистой поверхности пластинки вырезана по контуру человеческая фигура в фас. Отчетливо различаются голова, поднятые вверх руки в позе оранты по обе стороны от головы, худощавый торс и расширенная нижняя часть тела. Эта человеческая фигура довольно схематична, возможно, по причине ее малых размеров. Расширенные бедра могли бы рассматриваться как женский признак, но у художника, видимо, была необходимость показать между ногами существа некий признак , который можно трактовать как фаллос или, возможно, хвост (Bosinski, 1982, Kat. 3, 4, Naf. 90).

Схематична и антропоморфная фигурка из слоя IV Фогельхерда высотой 6.9 см в виде стерженька с выделенной уплощенной головкой, перегибом одной из сторон в области поясницы и сужением укороченного нижнего конца, видимо, передающего ноги. Детали тела не обозначены, но поверхность одной стороны, судя по фотографии, покрыта продольными рядами круглых ямок (рис. 83, 1; Riek, 1933: 176, fig. 12; Hahn, 1986: 94-96, N 11, Abb. 32).

Исключительный интерес представляет крупная скульптура с человеческим (мужским) телом и головой льва или медведя из Холенштайн-Штаделя (рис. 85). Неполная фигура, собранная из множества фрагментов бивня, имеет высоту 28.1 см, ширину 5.6 см и толщину 5.9 см. Мощное тело с раздвинутыми хорошо моделированными ногами и единственной (левой) сохранившейся верхней конечностью, которая напоминает скорее короткую, толстую лапу, слегка согнутую в локтевом суставе, увенчано крупной головой, обладающей округлыми ушами и вытянутой вперед мордой по рисунку ближе напоминающей львиную, чем медвежью (Хан, 1971; Hahn, 1986: 110-114, N 15, Taf. 16, 17).

Средний верхний палеолит (*граветт*) также представлен единичными скульптурами, но они определенно женские и изготовлены не из бивня, а из камня. Фигурка из Вайнбергхёле высотой 7.2 см, вырезанная в округлых формах из известняка, очень своеобразна (рис. 87). Сильно выпуклые бедра и ягодицы противостоят совершению плоскому фасу и небольшому выступу, означающему ноги. Статуэтка окрашена в интенсивно красный цвет (Zotz, 1951б). Она имеет определенное сходство с фигуркой из Тюрсак, что неоднократно отмечалось в литературе. Возможно, к этому кругу принадлежит и Тразименская находка, происхождение и возраст которой неизвестны. Случайная находка из Сирёй более реалистична.

Фрагменты статуэток из стоянки Линзенберг более традиционны и принадлежат к широкому горизонту граветтских «Венер», который в своем удивительном единстве, не исключающем и разнообразия в воплощении форм женского тела, распространен от Дона до Атлантики. В Линзенберге 3 фрагмента фигуры найдены поблизости от маленького очага. Они изготовлены из сероватого песчаника (рис. 86). Первый фрагмент представляет нижнюю часть тела в виде характерного широкого конуса. Косо направленный излом снял верхнюю часть правого бедра, в то время как левое бедро сохранилось целиком вместе с примыкающим нижним участком живота. Глубокая черта отделяет живот от ног, перпендикулярно черте, разделяющей ноги. Колени моделированы в виде небольших выступов. Ноги ниже колен очень короткие и представляют закругленный конус (Hahn, 1969: 62, 64, Abb. 11, 14). Второй фрагмент высотой 3 см очень плохой сохранности склеен из 4-х обломков и представляет лишь заднюю сторону женской фигурки худощавого типа, лишенный ступней и верхней части тела (там же: 64, Abb. 11, 6). Еще один обломок песчаника, возможно, является частью груди статуэтки (там же: 64, Abb. 11, 15).

В *мадлене* Германии широко представлены достаточно однородные женские изображения как в скульптуре, так и в гравюре. Выпадает из этого круга наиболее ранняя гравюра из Книготте и наиболее поздние фигурки из Петерфельса.

Гравюра из Книготте нанесена на долото из рога оленя (рис. 88). Ее необычность в том, что она изображена в фас. Оба конца ее незавершены. Верхний представлен в виде расширяющейся воронки с двумя горизонтальными штрихами внутри. Она трактуется как голова, соединенная тонкой шейкой с телом овальной формы. Внутри тела некий контур, прерванный с двух сторон. Здесь нарисована короткая спираль с двумя горизонтальными линиями, которые Р. Фойстель интерпретировал как груди. Нижняя часть тела состоит из двух вертикальных линий, представляющих ноги. Несмотря на исключительно высокую степень стилизации в этой условной фигуре можно усмотреть именно женскую фигуру(Bosinski, 1982: Kat. 23, 5, Taf. 71, 4).

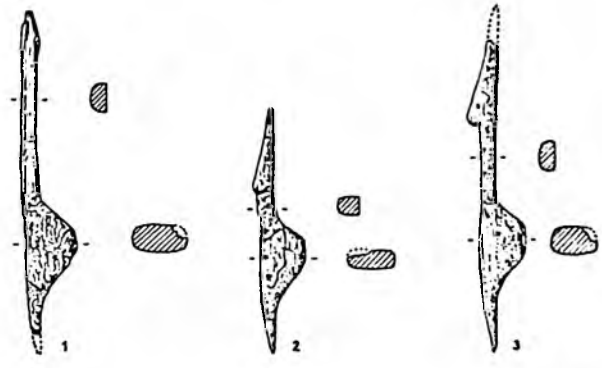

Рис. 89. Стилизованные женские фигурки из бивня и рога. Небра.

В среднем мадлене женские изображения так же условны, но легко узнаваемы. Все они отнесены к гённерсдорфскому типу – по имени стоянки, где они наиболее многочисленны и стилистически однородны. Статуэтки изготовлены из бивня, рога или кости. Чаще всего, это удлиненный тонкий стерженек с характерным ягодичным выступом закругленной или треугольной формы. Некоторые из них обладают грудью. Все они небольших размеров (4-6 см). Известны в Гённерсдорфе (там же: Kat. 18a, Taf. 56, 1-5), Андернахе (там же: Kat. 17, 6, 7, Taf. 91, 5-6), Небре (рис. 89; там же: Kat. 28, 1-3, Taf. 75, 1-3), Ёлкнице (там же: Kat. 24, 2-3, Taf. 74, 1-2). Недавно подобная фигурка найдена в Польше. Следует отметить также, что из Андернаха происходит крупная статуэтка из бивня высотой 20 см при толщине 9.6 см, имеющая определенные отличия от упомянутой группы фигурок не только своей величиной и массивностью, но и общими пропорциями и наличием орнамента на теле в виде правильного зигзага из двух углов, прочерченных двойной линией (рис. 90; там же: Kat. 17, 10, Taf. 92). Кроме того, из Гённерсдорфа и Ёлк-

ница происходят естественные формы с очертаниями, напоминающими статуэтки. В Гённерсдорфе это фрагменты шифера (там же: Kat. 18a, Taf. 57, 1-3), в Ёлкнице – окатанные гальки (там же: Kat. 24, 4-6, Taf. 74, 3-5).

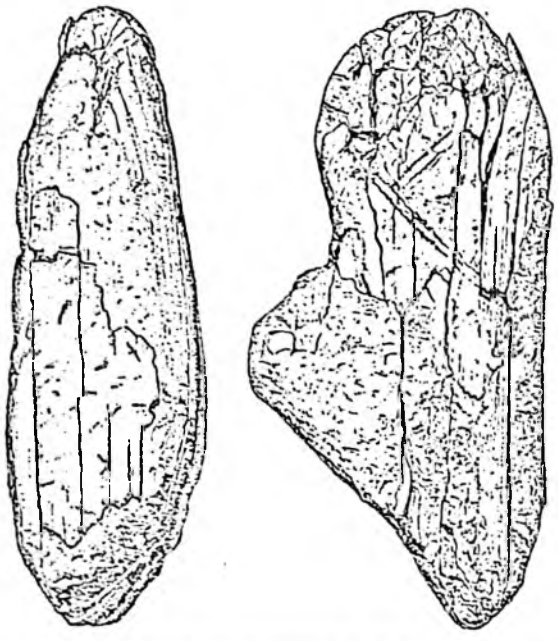

Рис. 90. Стилизованная женская скульптура из бивня мамонта. Андернах.

Еще более, чем статуэтки гённерсдорфского типа, характерны гравировки женской фигуры в ее условном воплощении. По их количеству и стилистическим особенностям Гённерсдоф представляет уникальное явление. Все фигуры нанесены на каменных плитках небольших размеров, иногда они единичны, иногда сгруппированы. Все фигуры лишены головы, явно намеренно упущенной. Все изображены в профиль, имеют удлиненное туловище и выступающую ягодичную выпуклость (рис. 91). Линии гравюр часто очень легкие, но отчетливые с чистым контуром рисунка. Фигуры с двумя руками или двумя ногами редки. Только у одной нарисована маленькая грудь, хотя иногда выступ руки настолько короткий, что его можно принять за изображение другой груди. Этому предположению мешает, правда, заостренная форма выступа. Особенно интересны фигуры, внутреннее пространство которых заполнено горизонтальными, вертикальными или косыми линиями (рис. 92). Этот рисунок варьирует и, возможно, по мысли Г. Бозински, изображает одежду, татуировку или раскраску тела. Наиболее приемлемо, как кажется, первое предположение. Женским изображениям из Гённерсдорфа посвящены две великолепные монографии (Bosinski, Fischer, 1974; Bosinski et. al., 2001). Аналогичные изображения условных женских гравировок известны из Андернаха (Bosinski, 1982: Kat. 17, 2, Taf. 52, 1), Тёйфельсбрюке (там же: Kat. 29, 2, Taf. 99, 1d) и Холенштайна (там же: Kat. 13, Taf. 39-42), но в единичных экземплярах.

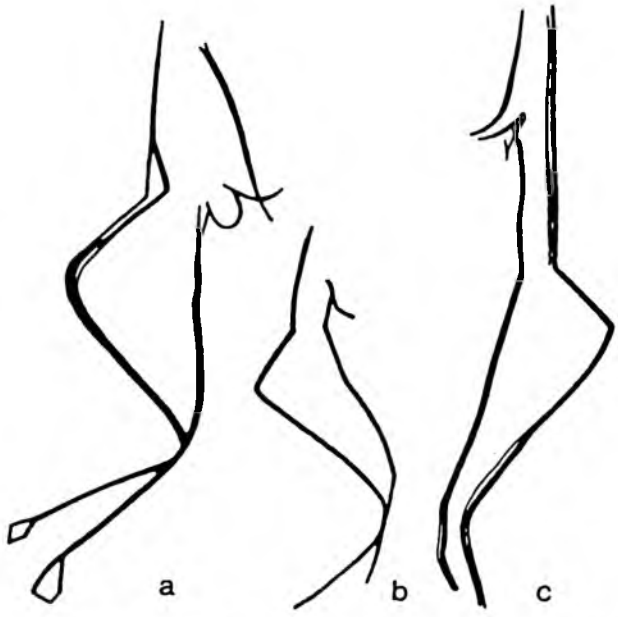

Рис. 91. Гравюры стилизованных женских фигур на каменной плитке. Гённерсдорф.

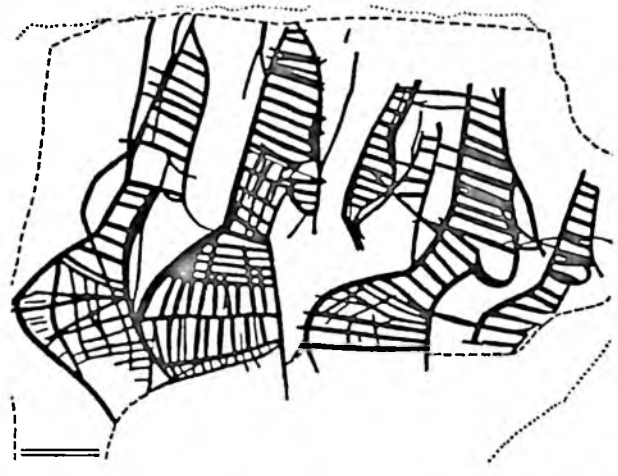

Рис. 92. Гравюры стилизованных женских фигур на каменной плитке. Гённерсдорф.

К заключительной фазе мадлена относятся статуэтки из грота Петерсфельс. Кроме одной фигурки гённерсдофского типа, вырезанной из рога оленя, все они изготовлены из гагата или черного янтаря и невелики по размерам: не более 4 см в высоту (рис. 93). Вся серия стилистически однородна, отличаясь от гённерсдорфских фигурок, хотя они также не имеют деталей: голова, руки и ноги отсутствуют. Резко выпуклая средняя часть тела по общим очертаниям напоминает профиль так называемых стеатопигических женских статуэток. На уплощенном верхнем конце просверлено круглое отверстие, свидетельствующее, что эти поделки служили подвесками. Часто край отверстия

обломан (Bosinski, 1982: Kat. 10, 23-25, 27-29; Taf. 34, 3-8; 10, 30-34; Taf. 35, 1-5). Не исключено, что особенности стиля являются здесь не хронологическим, а локальным показателем. Влияние Гённерсдорфа распространялось не только к востоку – в Тюрингию и даже в Польшу, но и на крайний юг Германии и там приобретало свои специфические черты. Возможно, играло роль и место нахождения стоянки людей – в гроте или на открытом воздухе. Мы видели эту разницу и в граветте между фигурками из Линзенберга и Вайнбергхёле.

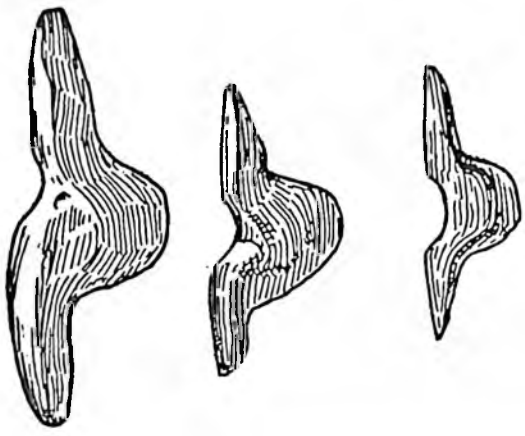

Рис. 93. Стилизованные фигурки женщин из гагата. Петерсфельс.

Другие человеческие изображения в мадлене Германии единичны и маловыразительны, может быть, за исключением двух. На просверленном жезле из рога северного оленя длиной 42 см, найденном в Миттлере Клаузе, вырезана в технике барельефа голова в фас с длинными и пышными отвисшими усами. Выпуклая вертикаль носа соединяется со лбом, имеющим форму полумесяца, острия которого заканчиваются длинными ушами с подчеркнутыми кисточками шерсти. Выше расположены неясные рисунки в виде перьев и шевронов (Obermaier, Frauenholz, 1927; Bosinski, 1982: Kat. 15, 2, Taf. 47-48). Такая антропо-зооморфная личина находит определенное соответствие в искусстве французского мадлена. Барельеф человеческой головы происходит также из Поггенвиша. Он вырезан на расширенном конце рогового стержня длиной 14.8 см и шириной 1 см. Различаются подбородок, крупный нос, щеки и лоб, над которым возвышаются уши (Bosinski, 1982: Kat. 31, Taf. 83-84).

Изображения животных в палеолите Германии представлены только в двух памятниках ранней фазы – Фогельхерд и Гайсенклостерле и в многочисленных мадленских стоянках, главным образом, в виде гравюр на каменных плитках. Рассмотрим их по видам.

Мамонт. В Фогельхерде фигурки мамонта найдены в обоих ориньякских слоях. Две, происходящие из слоя V, вырезаны из бивня мамонта. Одна из них длиной 5 см, высотой 3.1 см и толщиной 2.2 см наиболее выразительна (рис. 84, 1). Шишковатая голова отделена от спины плавной выемкой. Глаза изображены в виде ямок, уши в виде выемок. Выступающий вперед хобот был обломан, но очевидно, он первоначально касался передних ног. Бивни отсутствуют. Передние и задние конечности, соединенные попарно были просверлены и таким образом, фигурка могла служить подвеской. Концы ног обломаны, но задние ноги были явно направлены назад. Мускулатура животного передана округлыми и сглаженными формами. Серии нарезок в виде косых крестов нанесены на череп, плечи, грудную клетку и живот (Bosinski, 1982: Kat. 1, 1, Taf. 1, 1). Вторая представляет собой обломок – заднюю часть крупной фигурки мамонта.

Изображения из слоя IV существенно отличаются от скульптур слоя V. Рельефная фигура мамонта вырезана на коленной чашечке мамонта длиной 6,9 см, высотой 3,3 см, толщиной 5,5 см (рис. 83, 4). Это единственное свидетельство простого и нового образа действий в палеолитическом искусстве. Верхняя сторона продолговатой овальной коленной чашечки почти полностью занята рельефной фигурой мамонта с хоботом, направленным вниз на закругление кости. Бивни не представлены, но хвост указан. На плечах и животе нанесены параллельные резные шевроны. Тело моделировано с намерением придать ему жизненность и произведение сохраняет какой-то особенный облик законченности. У мастера не было намерения получить точное отображение реальности форм, но скорее стилизовать их. Наличие отверстия на одном из концов коленной чашечки свидетельствует, что она могла быть подвеской (Bosinski, 1982: Kat. 1,7;Taf. 2, 2). Из слоя IV происходит другой овальный диск с незаконченным полурельефом фигуры мамонта. По мнению Г. Рика, он аналогичен предшествующему (Riek, 1934: 295). В коллекции имеется также статуэтка обобщенных форм из песчаника, которая может и не быть фигурой мамонта.

Возможно, что статуэтка животного из слоя IIc грота Гайсенклостерле имеет и другую идентификацию, кроме мамонта. Она вырезана из куска бивня наискось к направлению его пластин, что привело фигурку в состояние большой фрагментации и, главное, потере части головы, от которой осталась только верхушка. Размеры фигурки: длина 6,7 см, ширина 3,8 см, толщина 2,9 см, т.е. она достаточно объемная. Линия спины плавно покатая, без горба, но с остатками короткого хвоста. Линия живота почти плоская без характерного наклона от более длинных передних ног к задним. Сдвоенные передние и задние ноги короткие, одинаковой длины. На темени и на бедрах, а также на боках и животе видны параллельные нарезки (Bosinski, 1982: Kat. 3, 2; Taf. 6, 2).

Как уже отмечалось, неизвестна датировка гравюры мамонта из Оберс Клаузе, но, кажется, нет оснований относить ее к граветтскому времени. Она нанесена на обломок бивня мамонта размерами 9,3x5,6 см (рис. 94). Фигура передана в левый профиль. Линия макушки головы и спины сливается с верхним закругленным краем плакетки. Вогнутая линия лба продолжается отвесно падающим хоботом с повернутым к телу суженным концом. Две твердо прорезанные линии, которые намечаются по обе стороны хобота безусловно изображают бивни, направленные вперед и вниз. От колоннообразной передней ноги отходит вогнутая в виде арки линия живота. К задней половине этой линии присоединяется задняя нога, явно не на своем месте, что позволило Г. Обермайеру говорить об ее принадлежности к другой фигуре мамонта. Центральная часть тела густо заштрихована. Более редкая штриховка видна на конце хобота и внешней стороне ноги (Obermaier, Frauenholz, 1926; Bosinski, 1982: Kat. 16, 1; Taf. 50). Представляется, что все детали этого изображения исключают возможность подделки.

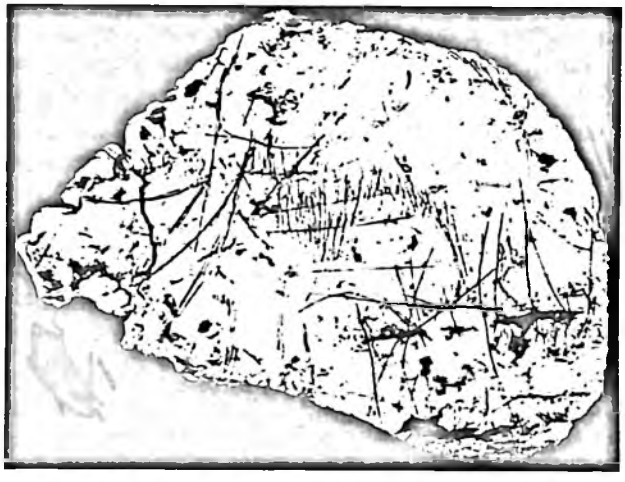

Рис. 94. Гравюра мамонта на обломке бивня. Оберс Клаузе.

Из Гённерсдорфа (мадлен V) происходит наиболее богатая коллекция изображений мамонта во всем палеолитическом искусстве Европы: 61 фигура (полная или только часть) на 46 фрагментах шифера. Г. Бозински, тщательно проанализировавший материал, утверждает, что у художников не было намерения изображать отдельные части фигуры, их неполнота зависит от фрагментации основы (рис. 95). Размеры целых фигур колеблются от менее 5 см до более 25 см, но большинство имеет около 10 см длины. 36 фигур представлены в левый профиль. Детали изображений соответствуют природе животных, передается форма головы, глаз, хобот, горб, покатая линия спины, хвост, передние и задние ноги. Наиболее важный критерий стиля – это верность натуре. В отличие от сокращенных женских фигур, у мамонтов условные атрибуты отсутствуют. В то же время нет канона, нет следования условной традиции, каждое животное

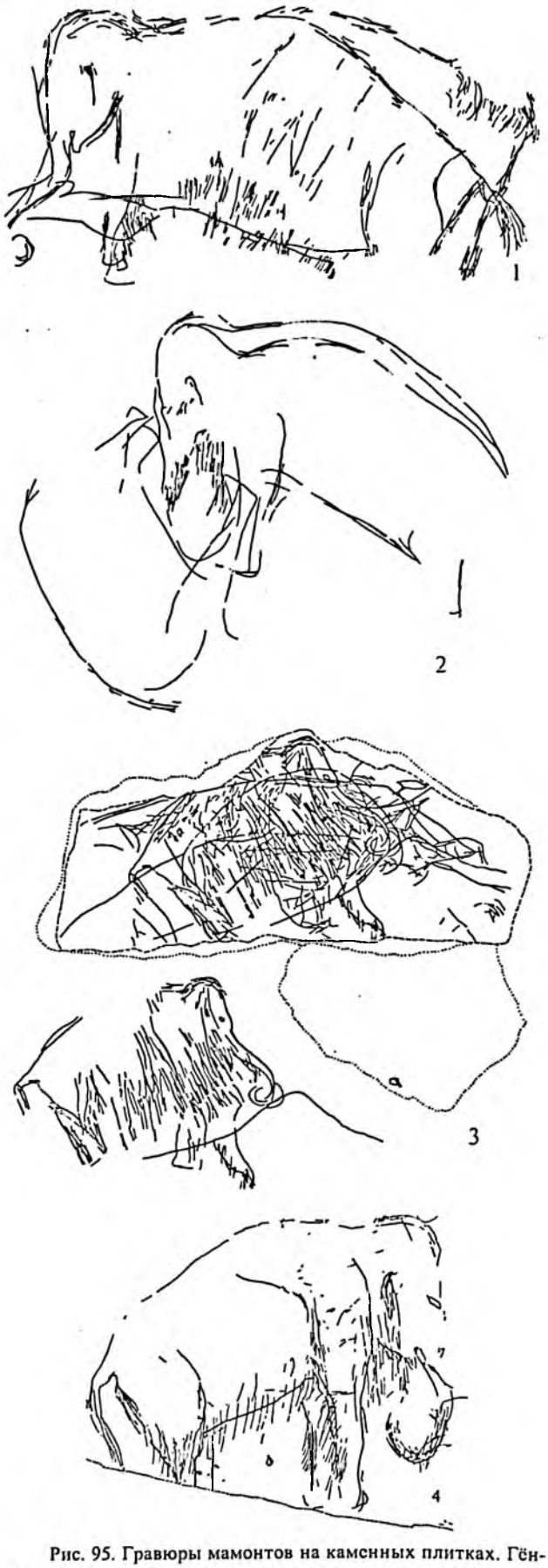

Рис. 95. Гравюры мамонтов на каменных плитках. Гённерсдорф.

нарисовано по-своему. Гравировка осуществлялась не одним рисовальщиком. Неумелых или неудачных изображений немного. Иногда фигуры определенно выгравированы на целых, специально избранных фрагментах, их форма соответствует очертаниям камня, но часто плакетки разбиты, что делает невозможным восстановить вероятную композицию. 25 из 61 изображения мамонта представлены на одной поверхности с другими мамонтами, но чаще всего нельзя установить намеренно ли они сгруппированы вместе. На 28 камнях вместе с мамонтами нарисованы другие животные и/или женщины. В 12 случаях это лошадь, в двух тюлень или носорог, по одному – олень, бык, лев. Мамонт и женщина встре чаются на одной плакетке 12 раз (Bosinski, 1984; Bosinski, Fischer, 1974). Любопытно, что на стоянке Тёйфельсбрюке найдено такое же сочетание фигур мамонта и женщины. На гальке длиной 12.6 см, шириной 4.3 см, толщиной 1.3 см выгравирована серия изображений животных и среди них голова мамонта в левый профиль. Различается остроконечный череп с детально нарисованным вертикально поставленным глазом и характерной выпуклостью черепа на его уровне (Bosinski, 1982: Kat. 29; Taf. 95).

Носорог. Представлен только в двух мадленских памятниках. В Книгротте это гравюра на длинном просверленном жезле из рога северного оленя. На одной стороне жезла Р. Фойстель различил рог и линию спины животного в правый профиль. Штрихи в нижней части рисунка передают шерсть (Feustel, 1979б). Рядом в том же направлении изображена голова лошади (Bosinski, 1982: Kat. 23, 2; Taf. 72, 1c). В Гённерсдорфе количество гравюр носорга на каменных плитках точно не подсчитано, видимо, не менее 7. Воспроизведен рисунок носорога в левый профиль с низко опущенной головой, несущей два рога, и со всеми характерными деталями реалистически переданной мощной фигуры (рис. 96; там же: Kat. 18b; Taf. 63, 1).

Рис. 96. Гравюра носорога на каменной плитке. Гённесдорф.

Лошадь. Изображения лошади в палеолитическом искусстве Германии наиболее многочисленны по сравнению с другими видами животных. Хронологически их открывает удивительная по изяществу и совершенству исполнения фигурка лошади из слоя V Фогельхерда (рис. 84, 2). Она вырезана из бивня мамонта и имеет в длину 6.8 см, высоту 2.5 см, толщину 0.68 см, т.е. она плоская, но обработанная с двух сторон. Голова узкая, посаженная на «лебединой» шее. Простые короткие нарезки отмечают рот, глаз, ноздри и уши. Линия спины умеренно седловидная, виден короткий хвост. Живот объемистый, но не отвислый. Ноги, переданные соединенными парами, были отбиты в древности, но, тем не менее, сохранившиеся части показывают, что поза животного не была статичной. На спине виден ряд почти соприкасающихся правильных крестиков. Это одно из самых реалистических и художественных изображений лошади (Riek, 1933: 171, fig. 2; Bosinski, 1982: Kat. 1, 3; Taf. 1, 3).

В мадлене образ лошади встречается как в скульптуре, так и в гравюре. Скульптур – 3. Это костяной стержень из Оберкасселя длиной 20 см, увенчанный головкой животного с плоскосрезанной верхушкой (Bosinski, 1982: Kat. 19, 1; Taf. 70). Полной уверенности, что это изображение головы лошади нет. В Тёйфельсбрюке найден конец копьеметалки с крючком и рудиментарной головой лошади. Крючок слабо закруглен над лбом лошади. По обе стороны крючка скульптурно переданы уши. Глаза, детали головы и ноздри гравированы (там же: Kat. 29, 1; Taf. 79, 2). Копьеметалка близка изделиям из Кесслерлоха и некоторых мадленских стоянок Франции и, видимо, является самой восточной находкой этого рода. Наконец, кусок ребра с суммарно вырезанной головой лошади происходит из Петерсфельса. Голова узкая, линия шеи в верхней части удвоена (там же: Kat.10, 7; Taf. 28, 1). Таким образом, все 3 скульптурных головки мало выразительны, в отличие от художественных, по большей части, гравюр.

Если следовать хронологическому принципу и материалу основы, то, прежде всего, можно упомянуть гравюры из Книгротте. Одна из них на долоте из рога оленя представляет целую фигуру лошади в правый профиль. Это, скорее, набросок, лишенный других деталей, кроме гривы и хвоста. Вторая нанесена на жезле из рога оленя, где Р. Фойстель различил также фигуру носорога. Контур головы лошади передан не сплошной линией, а косой штриховкой, на манер прорисовки гривы и бороды (там же: Kat. 23, 1; Taf. 71, 5 и 23, 2; Taf. 72, 1a). Любопытно, что другая гравюра также на долоте из рога происходит из одного из самых поздних памятников мадлена VI Германии, Петерсфельса, где представлена узкая голова, линия шеи и перед-

няя нога. По описанию очень близка скульптуре из этой стоянки, но с трудом различима на фотографии (там же: Kat. 10, 5; Taf. 27, 1).

Все остальные гравюры воспроизведены на плитках шифера/сланца и других пород камня. Так, в Андернахе найдены 3 плитки, на двух из которых выгравировано по одной голове лошади, а на третьей – задняя нога этого животного (там же: Kat. 17, 3-5; Taf. 52, 2-4). Из Миттлере-Клаузе происходит разбитая на несколько фрагментов плитка известняка. На одном из них выгравирована голова лошади в левый профиль, в обычной манере с четкой линией морды и густой штриховкой гривы и бороды. На том же фрагменте видна передняя нога лошади в движении (рис. 97; там же: Kat. 15, 1a; Taf. 43 и 44). В Ёлкнице отмечена продолговатая окатанная галька длиной 9.6 см, шириной 3 см, с гравированным изображением целой фигуры лошади в правый профиль с вытянутой тонкой мордой (там же: Kat. 24, 1, Taf. 79, 1в). Другая гравюра лошади, но в левый профиль нанесена на крупном блоке песчаника, ограждавшем очаг в жилище по соседству с блоком, несущим гравюру вульвы. Фигура лошади достигает 20 см длины. На мягкой линии сохранившегося контура нет следов гривы, но видно маленькое заостренное ухо. Морда незаконченная, можно предположить, что она тонкая, продолговатая. Линия спины седловидная, круп с намеченным хвостом закруглен. Сохранилась часть выпуклой линии живота. Внутри тела лошади выгравирован заостренный овал (там же: Kat. 24, 10; Taf. 93).

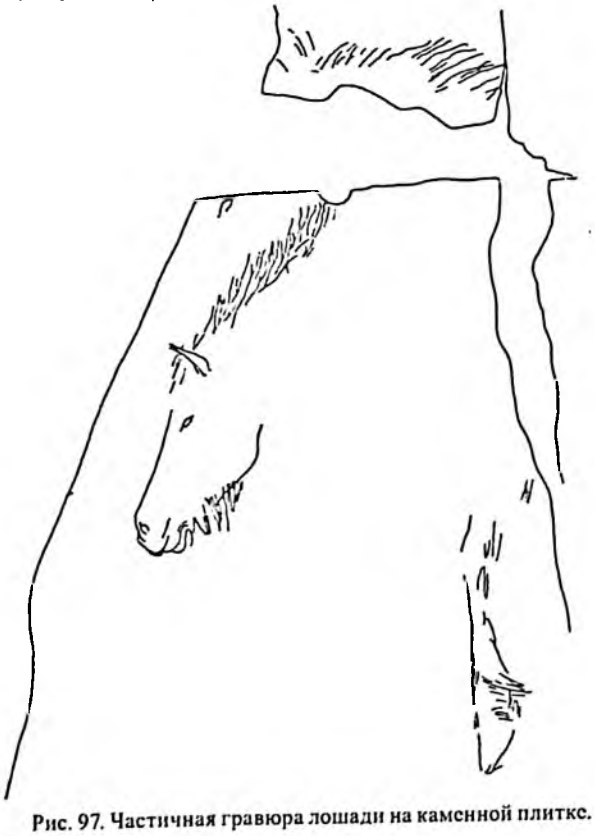

Рис. 97. Частичная гравюра лошади на каменной плитке. Миттлере Клаузе.

Из Заалека происходят две сланцевые плитки с гравированными головами лошадей аналогичной формы: у одной излом уничтожил лоб, ухо и затылок; у второй, обломанной на том же уровне, но дополненной другим куском при ремонтаже, голова оказалась еще более длинной и продолженной взъерошенной гривой (там же: Kat. 27, 1-2 и 3; Taf. 76-77 и 78). Несколько изображений лошадей нанесено вместе с другими сюжетами на окатанной гальке из Заальфельда (там же: Kat. 29, 2; Taf. 94-95). Они плохо различимы на фотографиях, так же как и гравюры голов лошадей из Гройтч (там же: Kat. 26, 1; Taf. 75, 4), Бальвер Хеле (там же: Kat. 20; Taf. 71, 2) и Майендорфа (там же: Kat. 30, 1; Taf. 80-81). В Петерсфельсе очень красивая фигура лошади в правый профиль выгравирована на гладкой поверхности плитки шифера. Концы ног не завершены, но это не мешает видеть, что лошадь передана в движении (там же: Kat. 10, 4; Taf. 26, 3).

Рис. 98. Гравюра головы лошади на каменной плитке. Гённерсдорф.

На этом фоне разрозненных изолированных, часто поврежденных образов исключительное явление представляет Гённерсдорф, где найдено 74 изображения лошади, хотя и в разной степени сохранности от целых фигур до отдельных, но узнаваемых частей тела (Bosinski, Fischer, 1980). Из-за сильной фрагментации плиток целых фигур немного, но если их соединить с теми, где отсутствуют какие-либо детали, то наиболее многочисленными будут образы, переданные в правый профиль. В то же время отдельные головы дадут значительную группу представленных в левый профиль (рис. 98). Любопытно отметить, что изображения переданы сочетанием сплошной отчетливой линии (спина, живот, верхняя часть морды) и коротких косых штрихов для волосатых частей тела (грива, борода). Иногда живот и ноги поверх сплошной линии покрыты мелкими штрихами. Этот прием существовал и в других уже упомянутых памятниках. Его можно считать стилистической особенностью мадленской гравюры Германии. Морда умеренных размеров, редко узкая и длинная; спина с

небольшой седловиной; живот выпуклый, но не отвислый, хвост, чаще всего отставленный от крупа, реже длинный и развевающийся. Ноги достаточно тонкие, иногда переданные в движении.

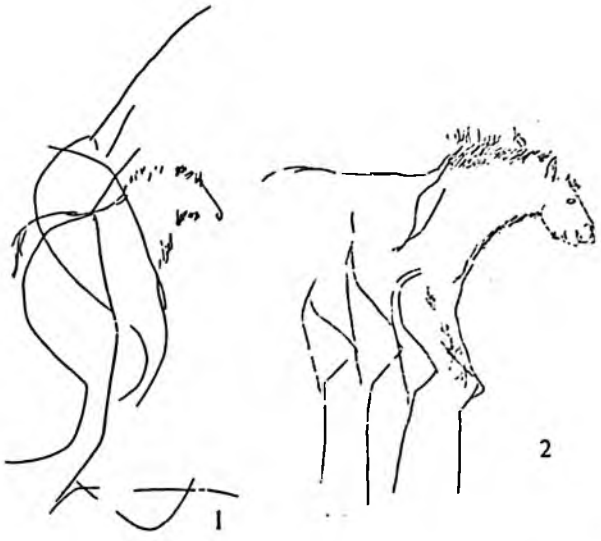

Рис. 99. Гравированные сочетания фигур женщины и лошади на каменных плитках. Гённерсдорф.

Рис. 100. Сочетание гравированных образов женщины и лошади на плитке известняка. Холенштайн.

Из-за фрагментарности плиток на одной основе редко встречаются 2 или 3 изображения лошади, но достаточно часто рядом с изображением лошади имеются образы других животных, условные женские фигуры и «антропоморфы». На 21 плитке лошадь нарисована вместе с мамонтом, причем фигура мамонта настолько неразборчива, что может оказаться быком, в двух случаях вместе с мамонтом и лошадью нарисованы женские профили, в одном случае лев (?), если судить по длинному гладкому хвосту. Кроме того, отмечаются единичные сочетания с носорогом, оленем, тюленем. Чаще всего, фигуры нарисованы раздельно и не могут быть связаны тематически. Иначе обстоит дело с женскими фигурами, которые в ряде случаев непосредственно наложены на тело животных (рис. 99; см. также Bosinski, Fischer, 1974). Отмечен подобный случай и в Холенштайн (рис. 100; Bosinski, Fischer, 1980: Taf. 103, 5).

Особый интерес представляет плитка № 168 – единственный образец сценического искусства в мадлене Германии (рис. 101; тамже: Taf. 95-97). Верхний край крупной плитки обломан. Излом унес часть головы и спины лошади, занимающей почти всю поверхность и представленной в правый профиль. Лошадь нарисована с четырьмя ногами, как бегущая одновременно и галопом и рысью. Это быстрое движение передается двумя птицами, расположенными под животом лошади. В левом верхнем углу сцены, т.е. над крупом лошади расположена антропоморфная личина, названная "Mondgesicht" (образ Луны). Это бесспорная композиция, которую Г. Фишер трактует как охотничью сцену, где «антропоморф» олицетворяет мужчину-охотника (Fischer, 1979).

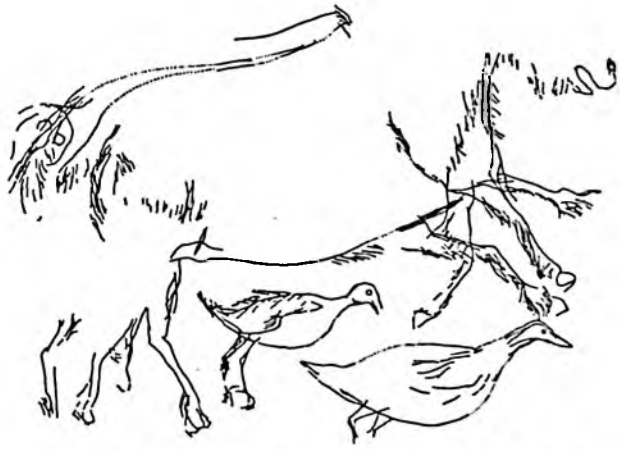

Рис. 101. «Охотничья сцена», гравированная на обломках каменной плитки. Гённерсдорф.

В Гённерсдорфе встречены также единичные гравюры травоядных: быка, оленя и сайги и редких животных: тюленя, а также птиц и рыб.

Из Фогельхерда происходят по одной фигурке *бизона* и *северного оленя* из бивня мамонта, причем бизон описан как барельеф, у которого голова была отделена от тела изломом или сколом, очень четко подчеркнут горб. Ноги переданы в виде коротких обрубков, между ними симметричная выпуклость живота. На горбе и спине нанесены поперечные нарезки, параллельные линии прослеживаются на груди и на животе, несколько точек составляют ряд, остальные рассеяны по всему телу. Размеры фигурки: длина 7.2 см, высота 6.5 см, толщина 0.8 см (рис. 83, 2; Riek, 1933: 176, Taf. N 3).

Статуэтка северного оленя неполная, у нее в древности обломана голова и концы ног. На спи-

не прослеживается расслоение бивня. Фигурка плоская: длина ее 6.2 см, толщина 0.8 см. Поверхность покрыта глубоко врезанными линиями, образующими орнаментальный узор (рис. 84, 4; там же: 176, Taf. N 1).

Любопытно, что в Германии имеется единственная мадленская стоянка, давшая изображение северного оленя. Это Петерсфельс, где найдено три предмета из рога северного оленя, гравированные фигурами данного животного. На первом, почти целом просверленном жезле две фигуры следуют одна за другой – сюжет частый в мадленском искусстве. Они сходны и изображены в левый профиль, т.е. направлены к нижнему концу орудия. Грудь передана двойной линией. Голова заднего животного поднята и вытянута вперед, голова переднего слегка опущена. Линии спины образуют горб на уровне плеча. На теле первого видны внутренние надрезы, идущие от линии спины к задней части тела. Одна нарезка параллельна линии живота. Ноги первого оленя существенно детализированы, передние ноги второго более схематичны и его задняя часть неполная ((Bosinski, 1982: Kat. 10, 1; Taf. 24-25). Г. Бозински так описывает гравюры на втором предмете: «части двух изображений северных оленей, которые Э. Петерс (1930a, Taf. 23, 2) соединил в одну фигуру. На первом обломке кости представлены части голов с отростками рогов, передние части линии спины и начало передней ноги. На другом костяном фрагменте различаются части задней ноги и прилежащая часть линии живота» (там же: Kat. 10, 3; Taf. 26, 1). Интересно, что на приведенном рисунке изображена почти целая фигура северного оленя в правый профиль на одной основе (ребро ?). Третий предмет представляет собой долото из рога, на внешней стороне которого нанесена фигура северного оленя. Линия спины прорисована несколько раз, возможно, она присутствовала с самого начала и вдохновила художника на передачу целой фигуры. В тонких штрихах можно признать ухо, отросток рога, спинку носа, шерсть на шее и волосатую линию передней части живота, в то время как остальная часть тела не видна или не нарисована (там же: Kat. 10, 3; Taf. 26, 2). В Петерсфельсе найдены также изображения рыб.

Особо следует остановиться на иконографии хищников, которые происходят из двух стоянок: скульптура из ориньяка Фогельхерда, гравюра из мадлена Гённерсдорфа.

Кошачьи. В Фогельхерде в слое IV представлен очень определенный барельеф пещерного льва длиной 9.2 см, высотой 3.5 см, толщиной 1.1 см с толстой мордой и четко вырезанным лежащим ухом (рис. 83, 3). Ноги с обломанными концами хорошо моделированы. Тело покрыто орнаментом. В центре над животом расположена сетка из перекрещивающихся под косым углом линий: 6 направлены назад и 4 вперед. Над этой сеткой из замкнутых и незамкнутых ромбов, как бы опоясывая ее с боков и сверху идут ряды мелких точек. Основной ряд точек продолжается на голове выше уха. Два коротких ряда повторяют очертания крупа. Другая сторона фигурки не обработана. Следует заметить, что не все исследователи согласны с зоологической интерпретацией животного, в частности Р. Вентцель, А. Брейль и Р. Лантье, к мнению которых сначала примкнул И. Хан, определяют его как молодого носорога (Hahn, 1984: 283-284). Мне представляется более убедительной идентификация первооткрывателя Г. Рика, с которым согласны А. Руссо и Г. Бозински, хотя последний ставит определение в кавычки, но все-таки относит фигурку к кошачьим (Bosinski, 1982: Kat. 1, 9; Taf. 2, 4). И. Хан в упомянутой статье пишет, что речь идет, возможно, об очень массивном кошачьем. Эта интерпретация, указывает он, опирается на детали рта и головы, на размеры и на конечности, слишком тонкие для носорога, на которого, тем не менее, указывают заостренные уши.

Другое изображение представлено бесспорной фигуркой пантеры. Она происходит из слоя V Фогельхерда, имеет в длину 6.8 см и передает вытянутые пропорции этого хищника, более, чем всякого другого зверя. Прослеживаются зарубки на животе, пунктирные ряды ямок на туловище, плече и задней ноге, а также черточки на затылке (там же: Kat. 1, 5; Taf. 1, 5). Дополнительно описывается голова льва, длиной 3.0 см, вырезанная из пластинки бивня. На тупой морде четко моделирована щека, передан глаз в виде ямки и рельефное ухо. Позади уха спускается полоса косых крестиков (там же: Kat. 1, 14; Taf. 3, 4).

Медведь. В слое V Фогельхерда найдена фигурка животного длиной 5.8 см, зоологическая интерпретация которого затруднена, по словам Г. Бозински, тем, что недостает половины тела и головы, однако, на фотографиях фигурка представлена целой, повреждена лишь голова и обломаны концы ног (рис. 84, 5; Riek, 1933, fig. 4; Bosinski, 1982: Kat. 1, 6; Taf. 1, 4). Г. Рик видел в этой фигурке с мощной мускулатурой плеча изображение медведя (?), К. Сивальд – северного оленя (?), Г. Бозински осторожно называет ее «телом зверя». Он отмечает, что это единственная из всех фигурок Фогельхерда, не имеющая на своей поверхности никакого орнамента.

Таким образом, в ориньяке Южной Германии представлена великолепная серия палеолитической скульптуры из бивня мамонта. Кажется, лишь единственное изображение пещерного льва из Фогельхерда передано с одной стороны. Все другие фигуры из бивня были объемными и в настоящее время по большей части расслоились

вдоль пластинчатой структуры материала, причем, некоторые части утрачены. По технике изготовления уникальны два изображения мамонта: одно на костяном диске в технике камеи, другое на овальной подвеске в технике барельефа.

Что касается сюжетов, то антропоморфы единичны: обобщенная фигура человека без признаков пола и крупная мужская статуэтка, обладающая головой льва (И. Хан) или медведя (Г. Бозински). Совершенные по своей выразительности и искусному моделированию фигуры животных переданы реалистически (по Бозински, натуралистически) – условно, это не фотографическое отражение природы. Так, объемная фигура мамонта не имеет бивней. Шея лошади чрезмерно длинна, но эта длина и изгиб ее оживляют образ. Бизон покоится на коротких ногах, но именно эта деталь подчеркивает массивность и мощь фигуры при всей ее условности. Изображения мамонта наиболее часты и это вполне оправдано, удивительно другое – частота кошачьих, которые не относятся к промысловым животным, в то время как бизон, лошадь и северный олень имеют по одной фигуре.

На скульптурах часто представлены следы орнаментальных гравировок: наряду с прямыми нарезками, образующими косые крестики или косую сетку, представлены ямки или точки. Любопытно, что такие ямки нанесены на теле пещерного льва и на маленькой человеческой фигурке. На сохранившейся левой руке мужской статуэтки с львиной головой из Холенштайн-Штадель видны ряды из параллельных прямых нарезок. Особенно замысловатый узор из дугообразных линий и резных насечек или ямок представлен на фигурке «северного оленя». Г. Бозински отмечает, что эти орнаменты не служили для моделирования тела животного или передачи шерсти. По его мнению, они близко соответствуют знакам (символам), широко распространенным в палеолитическом искусстве Франко-Кантабрийской области. И. Хан и Э. Вагнер установили, что подобные знаки отсутствуют на статуэтках средней поры верхнего палеолита (Hahn, Wagner, 1975: 169).

А. Шеер отмечает удивительную редкость граветтского искусства в Южной Германии по сравнению с ориньяком этого региона и с его представительностью на западе и востоке Европы, несмотря на то, что и здесь достаточно хорошо представлено такое сырье как бивень. Многочисленные подвески из бивня в виде капли найдены в Гайсенклостерле, Брилленхёле, Холе Фельс, Вайнбергхёле, Обере Клаузе. Имитирующие, возможно, атрофированные клыки благородного оленя такие подвески характерны для этого периода и особенно этого района, являясь таким образом хронологическим и региональным показателем (Scheer, 1999: 261).

Другим показателем являются женские статуэтки. Г. Рик упоминает женскую фигурку, которая была разбита во время раскопок Брилленхёле (Riek, 1973), но, по словам А. Шеер, никто никогда ее не видел. В описании Г. Рика говорится о фрагменте бивня как части груди «Венеры», который мог быть фрагментом подвески. Статуэтка из Вайнбергхёле, как и два фрагмента из расположенной севернее стоянки на открытом воздухе Линзенберг находят аналогии в граветтских женских изображениях достаточно широко.

Что касается искусства в долине р. Ах, то лишь в 1994 г. появилось первое надежное свидетельство. В слое IIc пещеры Холе Фельс был обнаружен топор из рога с тонкой гравюрой животного, возможно, принадлежащего к семейству бычьих (Scheer, 1999: 261-262: fig. 2). Топор был датирован по радиоуглеродному методу 28 920±400 (OxA-4599). Вторая дата 26 000±360 (OxA-4598) получена по плечевой кости медведя из этого слоя (Hahn, 1996: 181). Гравюру быка А. Шеер сравнивает с гравюрой из Пагличчи и с изображением горного козла из Гаргас. Возможно, к граветту относится и неопределенная хронологически гравюра мамонта из Обере Клаузе (Freund, 1963). Говоря о граветтском искусстве особо нужно подчеркнуть, что в Германии пока не открыто ни одного изображения животного в скульптуре.

Что касается мадлена, то в Германии известно свыше 20 местонахождений, содержащих произведения искусства. Среди них главную роль играют стоянки на открытом воздухе. Отнесение их к мадлену представляется убедительным по многим показателям, хотя не решен окончательно вопрос о выделении северо-германских стоянок Майендорф и Поггенвиш как принадлежащих к гамбургской культуре. Чаще всего, фигуративные образы встречены в единичных экземплярах и на их фоне Гённерсдорф оказывается уникальным явлением не только по количеству и по широте охвата изображенных видов животных, но и по их реалистическому воплощению в отличие от условных изображений женщин.

Касательно техники исполнения, то в мадленском искусстве Германии преобладает гравюра, нанесенная в подавляющем большинстве случаев на каменную основу: плитки и обломки сланца/шифера, известняка, песчаника. Скульптурные произведения очень редки и, если женские статуэтки из бивня и рога северного оленя, отнесенные к гённерсдорфскому типу, не встречены нигде, кроме Польши, то единичные изображения животных обнаруживают явное французское влияние (вырезанный контур из Оберкасселя, обломок копьеметалки из Заальфельда). Напротив, гравюры женщин гённерсдорфского образца представлены и во французском мадлене.

Серия гравюр мамонта, выполненная в Гённерсдорфе, как показал Г. Бозински несколькими рисовальщиками, значительно отличается от устойчивого выразительного образа этого животного, вырезанного на каменных плитках Ла Марш и ряда других французских памятников. Исключительное обилие изображений лошадей, по сравнению с другими животными в Германии позволяет разделить их на два подвида по форме головы, причем лошади, обладающие тонкой и длинной мордой представляют особенность германского мадленского искусства, отмеченную еще в ориньяке Фогельхерда. Другой особенностью, отличающей это искусство от французского, является почти полное отсутствие изображений быка/бизона и горного козла. Из других травоядных интересны северные олени, вырезанные на костяной основе в Петерсфельсе, очень близкие к швейцарским гравюрам, что не удивительно из-за территориальной близости. Хищники очень редки, но птицы представлены достаточно широко.

Хотя гравюра несомненно более многочисленна, чем скульптура, в ней почти нет связных сочетаний («ассоциаций») различных сюжетов, а также композиций или сцен. Исключение составляет «сцена охоты» из Гённерсдорфа. Можно говорить о неслучайности сочетания женского образа с мамонтом или с лошадью и более редкого сочетания лошади с птицами и рыбами. Напомним, что лошадь и рыба на одной основе – один из сквозных сюжетов в мадленском искусстве Франции.

ПОЛЬША

Я. Козловский отмечает, что в последние годы наметился явный прогресс в изучении мадлена Польши. Вновь открытые мадленские стоянки вписываются в рамки дифференциации этого этапа, где почти каждая стоянка принадлежит различной фации. Распространение мадлена на эту территорию было, по его словам, результатом нескольких интрузий, идущих как прямо с запада (например, мадлена с наветт), так и из более близких мадленских центров в Моравии, Богемии и Тюрингии. Одна из стоянок **Дзиержислав 35** в Верхней Силезии (карта-схема VIII, N 27), датируемая дриасом I или началом бёллинга, содержит каменный инвентарь, близкий к инвентарю в Границе (Моравия) и в Книжотте (Тюрингия). Большой интерес представляет находка антропоморфной статуэтки из гематита типа небра. Я. Козловский упоминает и о находке подобной статуэтки, но из бивня мамонта в **Вильчице** около Сандомира в средней части бассейна Вислы (Kozlowsky, 2001: 90). Фигурка из Вильчице, на мой взгляд, по своим очертаниям (Fiedorczuk, 2001, рис. 2а) напоминает скорее значительно более крупную статуэтку из Андренаха. Вторая фигурка, опубликованная Я. Федорчуком (там же, рис. 2в), представляет кремневый отщеп с выпуклым ретушированным краем, напоминающим ягодичный выступ.

Следующий центр распространения палеолитического искусства находится в среднем течении Дуная и его левых притоков. Если в чешских ранних верхнепалеолитических культурах богунице, селета и ориньяк не отмечено ни одного проявления изобразительного искусства, то из Австрии происходит единственная женская фигурка, найденная в ориньякской стоянке Гальгенберг. Несмотря на центральное положение Австрии в Европе и близость значительной концентрации палеолитических стоянок в соседней Моравии, палеолит представлен в Австрии очень неполно. Большая часть страны – гористая и могла быть необитаемой в течение определенных периодов плейстоцена. Тем не менее, межледниковья создавали оптимальные климатические условия и благоприятную окружающую среду (карта-схема VIII, 28, 29).

АВСТРИЯ.

Стоянка **Гальгенберг** находится в 3 км к северу от г. Кремса на левом берегу Дуная. Первые палеолитические находки были сделаны в 1941 г. Э. Вайнфуртер собрал остатки плейстоценовых млекопитающих, включающих мамонта и северного оленя, образец древесного угля в вюрмском лессе, многочисленные кремневые отщепы и ряд орудий, отнесенных к раннему верхнему палеолиту (Weinfurter, 1950). С 1985 г. в связи со строительством плотины на стоянке были начаты спасательные работы под руководством К. Нейгебауэр-Мареш (Neugebauer-Maresch, 1989). Важнейшим результатом было открытие плоской женской скульптуры из мягкого камня: серпентинита или сланца (рис. 102). 6 образцов из культурного слоя

Рис. 102. Плоская женская фигурка из серпентинита. Ориньяк. Гальгенберг.

дали радиоуглеродные даты, группирующиеся вокруг средней датировки, которая немного более 30 000 лет назад, что помещает стоянку в начало второго вюрмского интерстадиала. Образец древесного угля, собранный в непосредственных окрестностях стоянки в том же литологическом слое, что и фрагменты фигурки, дал дату 31 790±280 лет назад (GRO-16135) (Bednarik, 1989: 118).

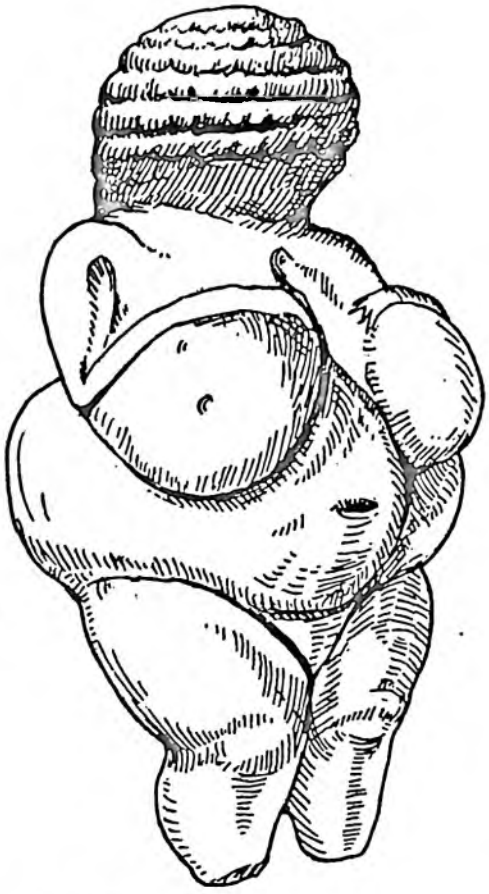

Рис. 103. Женская статуэтка из известняка. Граветт. Виллендорф II.

В Нижней Австрии находится и одна из интереснейших граветтских стоянок Европы – **Виллендорф II**, расположенная в 20 км к юго-западу от Гальгенберга на левом берегу Дуная. Она была открыта в 1889 г. Ф. Бреном. Первые раскопки, в которых принимали участие Ж. Байер и Г. Обермайер были предприняты Ж. Зомбати в начале XX в. и именно тогда в 1908 г. открыта знаменитая «Виллендорфская Венера» (рис. 103). Раскопки были продолжены Ж. Байером, позже Ф. Фельгенхауэром и с 1981 г. М. Оттом и П. Азартсом (Felgenhauer, 1956 – 1959; Otte, 1981, 1991). Благодаря последним Виллендорф II стала главной эталонной секвенцией для верхнего палеолита и лессовой стратиграфии последнего оледенения в Нижней Австрии (Haesaerts et al., 1996). Работами Пола Азартса и его команды было выделено 4 основных седиментационных единства: D – первая половина межледниковья, C – вторая половина межледниковья, B - соответствующее верхнему плениглациалу. В средней части единства B тонкий гумусированный горизонт B_2 содержал главную концентрацию древесного угля в структуре, напоминающей очаг, которая может относиться к культурному слою 8 (Damblon, Haesaerts, 1997). Напомним, что стратиграфия стоянки Виллендорф II включает 9 культурных слоев от архаичного верхнего палеолита до граветта, к которому относятся 5 верхних слоев (5 – 9). Фрагменты древесного угля, согласно радиоуглеродному измерению, охватывают период между ± 42 000 лет и ± 25 000 лет назад. Антракологический анализ показал, что во всей секвенции наиболее широко представлена ель (Picea), в верхней части разреза встречается сосна, преимущественно Pinus sembra. Фрагменты угля широколиственных деревьев: бука, дуба, клена были собраны в переходной зоне между верхним и поздним лессом и в основании покровной почвы. Не исключено, что эти фрагменты, как полагает Ф.Дамблон, могли попасть в верхний лесс по норам грызунов. Дамблон отмечает также, что в предшествующих анализах упоминаются пихта и можжевельник. Попытка палинологического анализа для этой стоянки оказалась безуспешной (Damblon, 1997).

Фауна граветтских слоев характерна для среднего вюрма и соответствует открытому ландшафту с рощицами деревьев. Слои 8 и 9 показывают эволюцию к более суровым климатическим условиям. Охота была особенно ориентирована на горного козла, северного оленя и мамонта. Согласно М.Отту, похолодание, проявившееся во время граветтского заселения, возможно, соответствует периоду, продолжающему умеренную осцилляцию кессельт (Otte, 1981).

Радиометрические результаты образуют связную систему дат для 8 культурного слоя и тонкого гумусированного горизонта B_2, которая относится к периоду времени между 25 800 и 25 200 лет назад. Знаменитый верхнеграветтский слой 9 не представлен в разрезе 1993 г., но две крупные кости из этого слоя, сохранившиеся в Музее Естественной Истории в Вене, дали две даты, близкие к 25 000 лет назад: 24 370±290 (GrN 22208); 24 910±150 (GrA-5006) или 23 180±120 (GrA-5005) назад (Damblon et al., 1997; Haesaerts et al., 1996). Поскольку Ж.Байер (Bayer, 1930) определенно установил положение женской статуэтки, найденной Ж.Зомбати в 1908 г., в лессе B_1, ее возраст должен быть промежуточным между 25 500 и 25 000 лет назад.

ЧЕХИЯ

В граветтскую эпоху на территории соседней с Австрией Моравии (карта-схема VIII) распространилась выразительная и сложная павловская

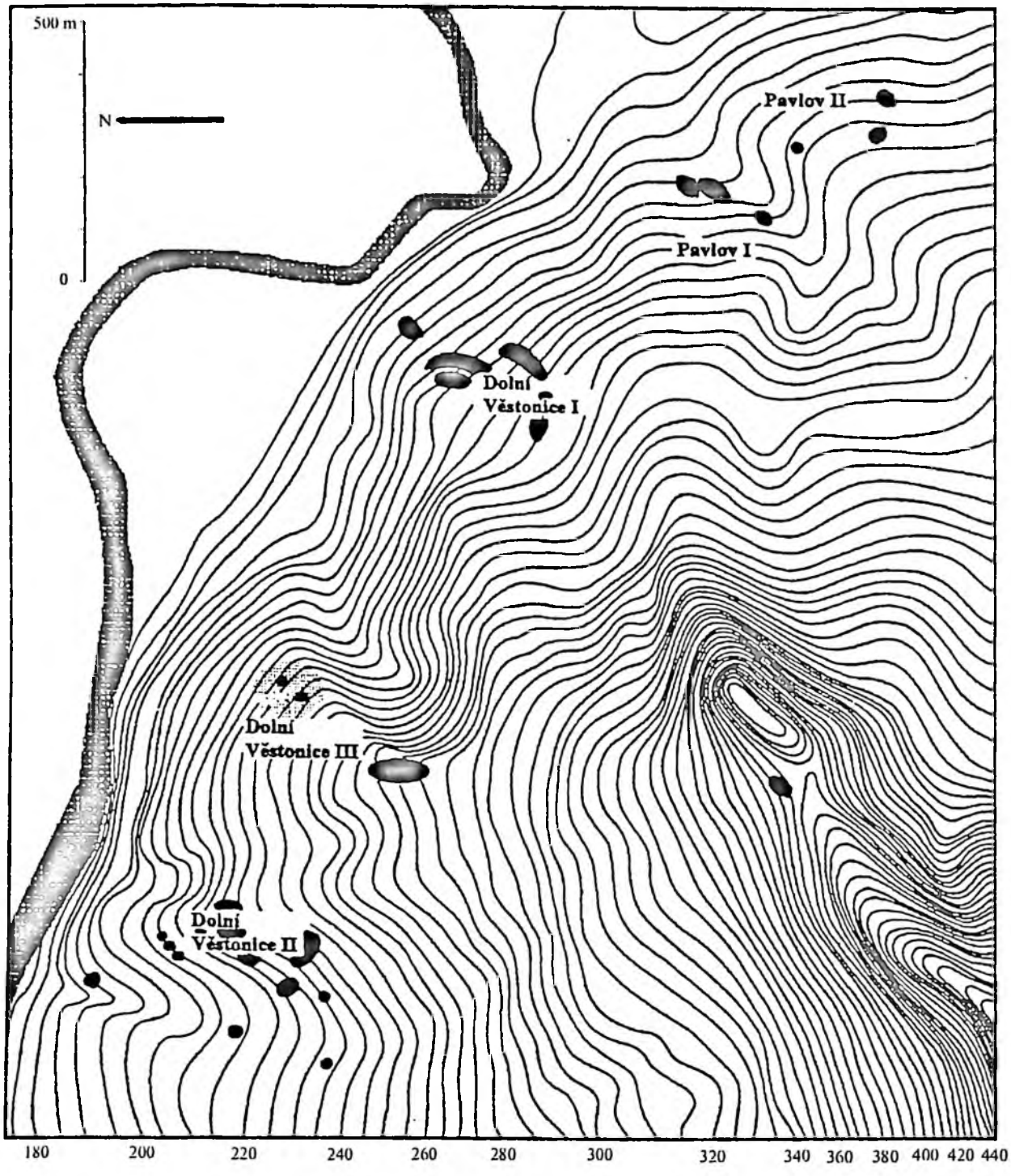

Рис. 104. Топографичсский план палеолитических поселений на Павловских холмах (по: Svoboda, 2001: fig. 3).

культура, получившая название от наиболее полно раскопанной стоянки Павлов I (округ Брно). В развитии этой культуры большое значение имело географическое положение Моравии как естественного коридора, отделяющего Богемский Массив от Карпат и позволяющего миграции животных и человека из долины Дуная в Северо-Европейскую равнину. Граветтское население предпочитало широкие моравские речные долины Дие, Моравы, Бечвы и Одры. Особое место занимала изолированная цепь Павловских холмов, составляющая часть Карпатской внутренней зоны и сложенная из вторичного юрского известняка. Обширные палеолитические поселения Дольни Вестонице и Павлов лежат на склонах восточного отрога холмов, который простирается от берега р. Дие до вершин (Klima, 1954a; Svoboda et al., 1999). Эти поселения располагаются на более низких высотах (200 – 300 м над уровнем моря), чем стоянки раннего верхнего палеолита, но достаточно высоко для обозрения долины.

Павловские поселения по геологическим условиям залегания и радиоуглеродным датам древнее значительной части граветтских памятников Западной Европы. Они превосходят последние и по своей концентрации и по богатству произведений искусства, а по времени принадлежат к периоду вюрм II/вюрм III, по чешской хронологии, соответствующей периоду вюрм III/вюрм IV западно-европейской схемы (Klima, 1990a). В отличие от многослойной стоянки Виллендорф II с вертикальной стратиграфией в Дольни Вестонице наблюдается комплекс стоянок, расположенных по горизонтали одни рядом с другими: Дольни Вестонице I на трех уровнях: верхняя, средняя, нижняя; Дольни Вестонице II и Дольни Вестонице-Кирпичный завод, Дольни Вестонице III, которые датируются по радиоуглероду между 30 000 и 25 000 лет назад, как и слои 5-9 Виллендорфа II (рис. 104). К. Валох считает неоспоримым, что существующие здесь комплексы, как одновременные, так и последовательные, очень специфичны и отличаются один от другого (Valoch, 1996).

Дольни Вестонице I является наиболее важной стоянкой для поздней поры межледниковья, что было особенно выявлено во время спасательных работ 1980-х годов, которые вместе с результатами предыдущих раскопок представляют отчетливую картину (Svobodova, Svoboda, 1988). Авторы отмечают, что эволюция моравского верхнего палеолита началась в конце первого вюрмского оледенения прежде 40 000 лет назад, когда развились культуры типа богунице. В последующий межледниковый период различаются два периода потепления, один в районе 38 000 лет с культурами поздняя богунице и селета, второй в районе 31 000 лет, к которому относится ориньяк.

Поздние фазы межледниковья (28 000 – 25 000 лет) характеризуются седиментацией последнего вюрмского лесса, местами прерванного слабым педогенезом, который обычно достигает только стадии первоначального псевдоглея (Klima, 1958). Именно в этот период степная малакофауна Pupilla замещается комплексом с преобладанием Columella (Ložek, 1980). В Дольни Вестонице культурный слой, датированный около 28–26 тыс. лет, находился над второй межледниковой почвой. Он образован тонкими слоями, подвергнутыми солифлюкции, иногда более гумусированными, содержащими древесный уголь, обожженные куски глины, кости и инвентарь павловской культуры (рис. 105).

Что касается растительности, то образец, происходящий из человеческого черепа (Дольни Вестонице XI) показал 26.4% древесных элементов. Среди обычных деревьев, таких как сосна, береза и ель представлены более теплолюбивые лиственные (дуб и бук). Наличие бука в этот период подтверждено антракологическими исследованиями классической стоянки Дольни Вестонице (Knebłova, 1954). Эти деревья, возможно, сохранялись на юго-восточных склонах Павловских холмов, защищенных от ветров и они распространялись более широко в каждом климатическом улучшении. Травянистые представлены особенно осоковыми, злаковыми и полынью. Относительное уменьшение злаковых происходило одновременно со значительным возрастанием спор папоротникообразных (Pteridophyta, Bryophyta). Это позволяет предположить климат умеренный, более влажный, чем прежде, и более широкое распространение лесотундры.

Культурный слой стоянки Павлов I, датированный около 26 – 25 000 лет назад, был акже образован горизонтами древесного угля в лессе (Klima, 1959). Первоначальная палеопочва этого времени кажется лучше развитой в стоянке Павлов II (Klima, 1976, abb. 4). Это поселение одновременно по радиоуглеродным датировкам водным седиментам, открытым бурением около Булгари в 8 км от Павлова, соответствующим, вероятно, древнему ложу реки. Палинологический анализ, выполненный Е.Рыбничковой, показывает высокий процент древесных (до 30 %). Наряду с соснами Pinus silvestris и Pinus cembra определена многочисленная пыльца ели, можжевельника, березы и лиственницы. Виды более теплолюбивые, такие как вяз, ольха, дуб и граб держались в лесах. Открытый пейзаж представлен злаковыми, осоковыми, полынью, васильковыми и другими видами. Количество пыльцы влаголюбивых растений и спор находилось, кажется, под непосредственным влиянием окружающей среды (Svobodova, Svoboda, 1988).

Таким образом, граветтская эпоха в среднем течении Дуная соответствует времени образования межледниковой почвы, получившей название странска скала, датируемой около 30 000 лет назад, и отложениям вышележащего лесса до последнего ледникового максимума (20 000 – 18 000 лет назад). К этому периоду относятся лучшие стратиграфические секвенции в таких многослойных поселениях как Виллендорф II и Молодова V. В крупнейших моравских кластерных стоянках под ограниченными или прерывистыми лессовыми отложениями залегает комплекс культурных горизонтов, которые проанализированы группой специалистов во главе с Иржи Свободой (Svoboda et al., 1999).

В основании находится межледниковая почва странска скала. Позиция и микростратиграфия культурных слоев, всегда лежащих выше этой почвы, были опубликованы Б. Климой (Klima, 1994), тогда как Л. Смоликова описала литологию этих слоев (Smolikova, 1991). В конце граветтского периода наблюдается нестабильность, которая иногда была причиной очень глубоких тектониче-

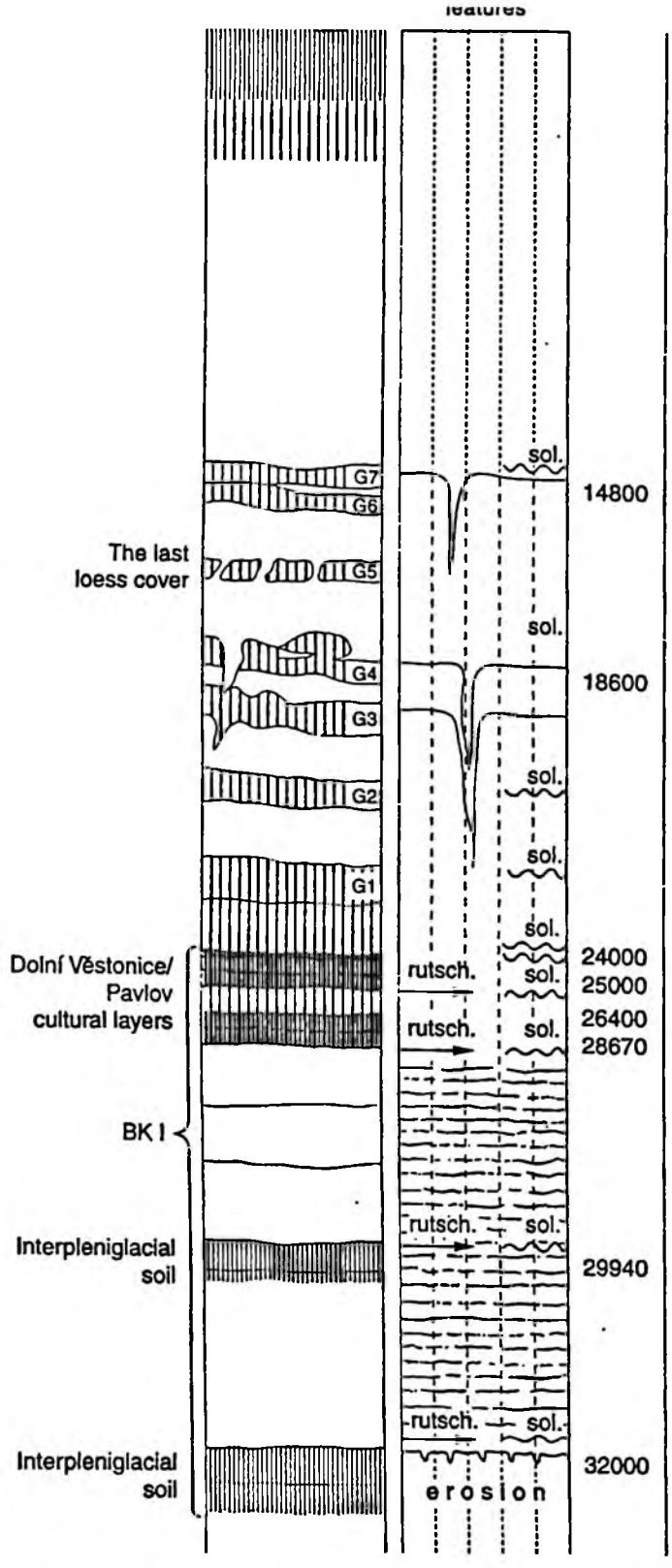

Рис. 105. Сводный стратиграфический разрез лессового покрова Павловских холмов (по: Svoboda, 1995: fig. 2).

ских трещин (Дольни Вестонице, Петржковице) и последующих смещений целых блоков культурного слоя (Дольни Вестонице). Все эти процессы произошли раньше отложения последнего лессового покрова, расположенного выше культурного слоя на каждой стоянке. Лессовый покров был детально описан Б. Климой в Дольни Вестонице I, Л. Смоликовой в Дольни Вестонице II и Милович и П. Азартсом в Виллендорфе II. Эти авторы наблюдали и описывали ряд псевдоглеевых горизонтов, эолового песка и слоев, подвергнутых солифлюкции внутри лесса без следов пребывания человека.

Хронология климатических событий рассматривается в период, заключенный между 50 000 и 10 000 лет назад. Она основана, главным образом,

на радиометрических датировках, полученных по древесному углю и в настоящее время делится на три эпохи: межледниковье (50 000 – 25 000 лет назад), последнее оледенение (25 000 – 13 000) и позднеледниковье (13 000 – 10 000) (Damblon, 1997: 245, 246). Дольни Вестонице I и Павлов I, северо-западная часть, представляют стратиграфическую серию, отложенную во время холодных периодов и более умеренных осцилляций, среди которых, по крайней мере, одна отмечена гумусовым горизонтом (почва II/III, странска скала), соответствующим интерстадиалу штилфрид B и датированном на кирпичном заводе 29 940±300 (GrN-10525) и на стоянке Дольни Вестонице I 31 700±1000 (GrN-11189) (Haesaerts, 1996).

Радиоуглеродные даты подразделяются на три группы, согласно их стратиграфическому положению, первая группа, единственная, которая нас интересует, происходит из главного культурного слоя, который распространен в основании стоянок Дольни Вестонице I, II, III и Павлов I. Из 35 датировок 18 из Дольни Вестонице I и II указывают на основное заселение между 27 500 и 25 000 лет назад. Остальные даты отброшены по различным причинам (Damblon et al., 1996).

Анализы пыльцы и древесного угля из граветтских культурных слоев свидетельствуют, что ландшафт был частично покрыт лесными участками (древесная пыльца обычно превышает 50 %) с доминирующими хвойными и сопровождающими лиственными деревьями, включая такие требовательные виды как дуб, бук и тис. Для верхнего граветта и эпиграветта палеоботанические данные более скудны, но анализы из Пшедмости II показывают уменьшение древесной пыльцы (31 % - 16 %) и возрастание светолюбивых растений в слоях, непосредственно следующих за граветтским заселением (Svoboda et al., 1999).

Ф. Дамблон отмечает, что антракологические анализы в лессовых стоянках отражают локальную окружающую среду, но могут повторяться на большие расстояния. Хвойные с преобладанием ели доминировали в лессовом поле в течение всего ледникового периода. Некоторые палинологи считают это положение очевидным, хотя оно находится в несогласии с палинологическими данными, полученными в лессах Центральной Европы и в других регионах. В отношении состава растительности, обожженные остатки указывают на существование во время периода между 40 000 и 15 000 лет назад смешанной окружающей среды, состоящей из травянистой степи и еловой тайги. На современном этапе исследований невозможно оценить пропорции степи и леса. Разумеется, они должны колебаться между более влажными фазами, благоприятными для ели, и более сухими периодами, ведущими к распространению степных трав и кустарников (Damblon, 1997: 250).

Интересные данные получены для отдельных памятников. Очаг в северо-западной части поселения Павлов I, датированный по фрагменту угля ели 26 170±450 лет назад (GrN-20371), показывает преобладание хвойных, главным образом, ели, лиственницы, двух видов сосны (Pinus cembra и Pinus sylvestris), пихты. По данным Э. Оправила, имеются угли сосны Pinus mugo и можжевельника (Damblon, 1997: 247). Обожженные фрагменты корней растений из семейства сложноцветных, были найдены в очаге D Дольни Вестонице II, датированном 26 390±270 лет назад (ISGS-1744) (Mason et al., 1994: 56). Согласно этим авторам, палинологические анализы интерпретируют окружающую среду как лесостепь со злаковыми, осоковыми, полынью и другими представителями семейства сложноцветных вместе с маревыми, губоцветными, лютиковыми и рассеянными можжевельниками. Имелись также островки хвойных (сосна, ель, лиственница) и листопадных (дуб, липа, граб, бук, орешник, береза, ива, ольха), включающих как теплолюбивые, так и виды, сконцентрированные, возможно, в речных поймах.

Изучение моллюсков, по контрасту, показывает ощутимо более холодные условия окружающей среды, чем растительный мир, и свидетельствует о существовании холодной субарктической тундры (Svoboda et al., 1999).

Фаунистический комплекс в крупных стоянках кажется относительно стабильным с огромными скоплениями костей мамонта. И в Дольни Вестонице I и в Павлове I особенно много костей песца, зайца и лисицы, в Павлове также много волка. В обеих стоянках имеются кости быка, лошади, росомахи, кошачьих, северных оленей, в Дольни Вестонице – рыси, в Павлове – благородного оленя. Любопытно, что в Дольни Вестонице определены кости пещерного, а в Павлове – бурого медведя (Valoch, 1989, Tab. 5). Для двух разных участков Павлова I представлено следующее процентное отношение костей животных (Svoboda et al., 1999, Tab. 2, по Musil, 1997).

Животное	NW раскоп (1957-1958 гг.)	SO раскоп (1952-1953 гг.)
Мамонт	18.9	7.5
Волк	14.6	15.5
Северный олень	15.1	10.1
Лошадь	9.0	4.6
Заяц	19.2	18.5
Песец	13.9	16.9
Лисица	3.2	12.7
Медведь	0.6	1.6
Росомаха	2.8	3.1
Лев	0.3	0.5
Носорог	0.9	-
Птицы	1.7	8.3
Кошачьи	-	0.7
Рысь	-	0.5
Благородный олень	0.3	0.2

Серия человеческих захоронений в Моравских граветтских стоянках является одной из наиболее представительных в рамках всего верхнего палеолита. Антропологические исследования рассматривали морфологические особенности скелетов, демографические вопросы, палеопатологические черты и включали широкие сравнительные анализы. В результате установлено, что большая часть погребений принадлежит к популяции типа Брно с мощными мужчинами (ростом до 180 см) и более грацильными женщинами (ростом около 160 см). Другой тип популяции включает мужчин с менее крепким телосложением и менее высокого роста (около 170 см). В Моравии открыты останки нескольких десятков особей, но только в исключительных случаях речь идет об истинных ритуальных захоронениях. Кости более 20 особей из Пшедмости представляют с большой долей вероятности следы частичных, может быть, даже вторичных, погребений (Valoch, 1996). Мартин Олива отмечает, что сложные социальные связи в павловской культуре проявляются в захоронениях. В Моравии известно 5 пунктов находок: Пшедмость, Дольни Вестонице I и II, Павлов I , Брно II. Для некоторых пунктов установлено, что мы имеем дело с вторичными отложениями целых тел: Дольни Вестонице I, погребение 3, или только частями тел: Пшедмость, «массовое захоронение» 18 человек, Павлов I и, возможно, Брно II (Oliva, 1999a: 226).

Эта моравская верхнепалеолитическая культура получила название павловской по предложению А. Дельпорта после ознакомления с материалами стоянки Павлов I (Delporte, 1959). Предложение было поддержано Б. Климой (Klima, 1961; 1967) и К. Валохом (Valoch, 1981). По общему мнению, культура представляет граветтскую фацию Центральной Европы и соответствует интерстадиалу вюрм III/IV французской схемы. К. Валох видит недостаток этой концепции в том, что дефиниция не имеет совершенно ясного содержания. Его уточнение сводится к тому, что вследствие благоприятных экономических условий в Моравии возник никогда не виданный прежде взлет культуры, не имеющий аналогий ни в одной части Европы в ту эпоху. Экономическая база такого процесса состояла в охоте на мамонта, которая не только доставляла достаточное количество пищи для возрастающей популяции, но позволяла также организовать определенную социальную систему и уделять время и энергию искусству, обрядам и культам, изобретению необычных технических приемов (резание и полирование камня, расчленение бивня, моделирование и обжиг глины). Таким образом, Павлов представляет собой апогей культурного взлета граветта в бассейне среднего Дуная (Valoch, 1986/87).

Действительно, географическое положение Моравии благоприятствовало возникновению многочисленных и наиболее структурированных поселений павловской культуры. Как уже было сказано, Моравские Ворота и широкие речные долины образовали доступный проход с юга на север между долиной Дуная и Северо-Европейской равниной и с запада на восток вдоль Дуная. Но в то же время, как отмечает М. Олива (Oliva, 1999a: 219), Моравия – это относительно закрытая территория, отделенная от Богемии Чешско-Моравскими возвышенностями и от Словакии западными отрогами Карпат. Это способствовало связям локальной культурной системы и с заселенными областями Южной Польши с их богатыми кремневыми источниками и с граветтскими стоянками Нижней Австрии на Дунае.

Все граветтские поселения этого района со всеми проявлениями материальной и духовной культуры – на открытом воздухе. За исключением нескольких граветтских находок в неясной стратиграфической позиции в пещере Кульна с относительно поздними радиоуглеродными датами около 23 – 22 000 лет назад (Valoch, 1988a: 47), граветт отсутствует в пещерах Моравского Карста. Это сильно отличается от ситуации в Южной Германии, где богатейшие граветтские коллекции происходят из пещер, хотя климатические условия в ту эпоху были одинаковыми и в Моравии и в Южной Германии.

Упомянем лишь наиболее важные для нашей темы граветтские памятники Моравии. Из них несомненно первое место и по времени открытия на Павловских холмах и по богатству проявлений материальной и духовной культуры занимает Дольни Вестонице I, известная по находкам костей мамонта с XVII в. Она изучалась в 1924-1938 гг. К. Абсолоном, впервые открывшим глиняную скульптуру, в 1939-1942 гг. А. Бомерсом и начиная с 1945 г. в течение многих лет Б. Климой (Absolon, 1945; Klima, 1952, 1963). В дальнейшем И. Свобода проводил контрольные и спасательные работы. На площади стоянки известняковый субстрат подвергся значительным изменениям, вызвавшим западины, в которых аккумулировались обрывки слоев. Вследствие этих оползней палеолитические охотники селились каждый раз более высоко на склоне холма. Это позволило подразделить поселение на несколько зон: нижнюю, которая содержит ряд последовательных уровней заселения; среднюю с группой жилищ, из которых наибольшее значение имеет жилище № 1 (Klima, 1981a), и верхнюю с изолированным жилищем № 2. Предполагается, что на этом обширном пространстве первоначально было около пяти независимых поселений, очень близких по времени. Культурный слой залегает следуя конфигурации участка на различной

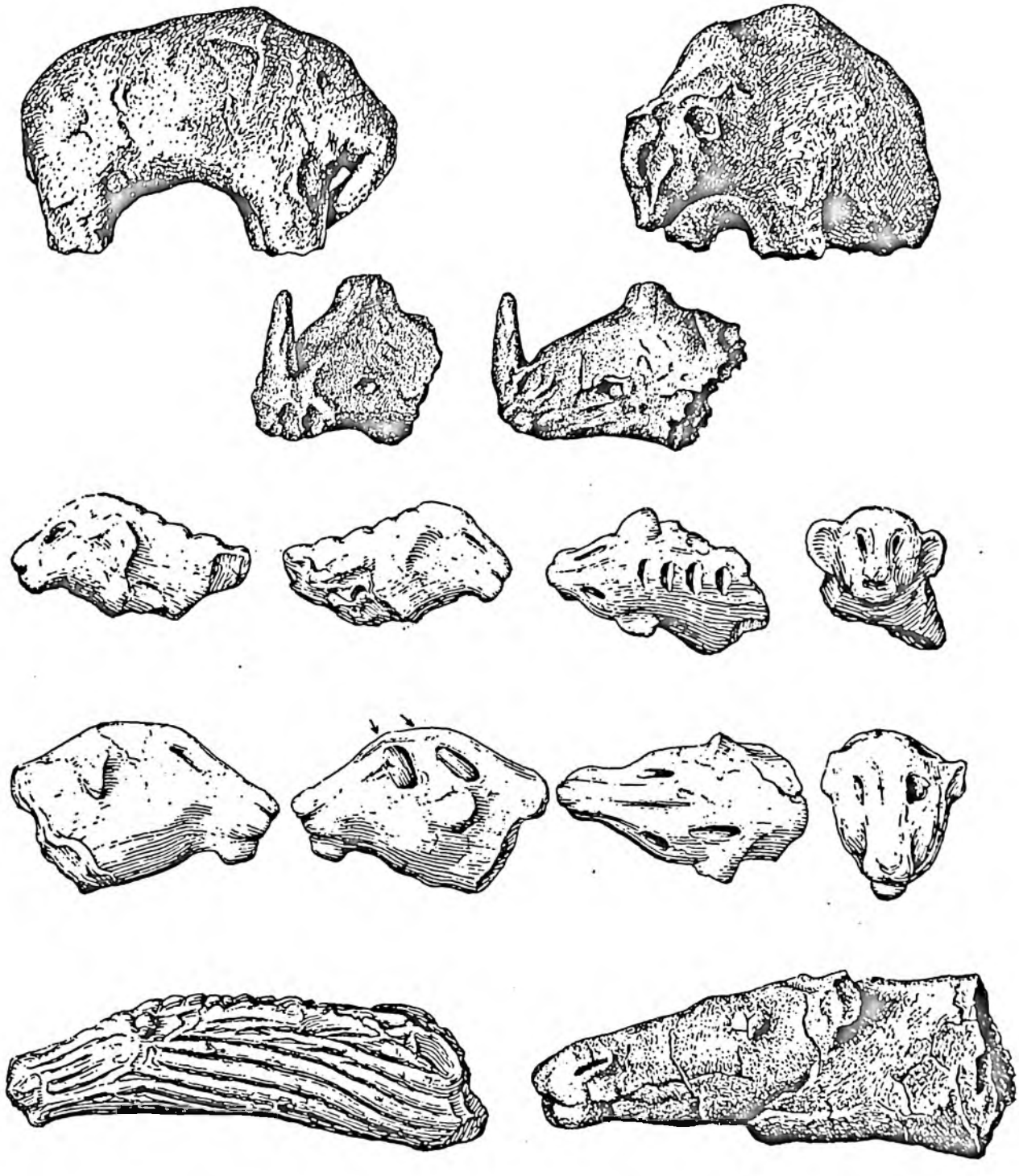

Рис. 106. Фигурки животных из обожженной глины. Дольни Вестонице. Павлов.

глубине, но всегда около ископаемой почвы педокомплекс I. В нижней стоянке культурный слой находится над почвой, разрушенной солифлюкцией. В других местах заселение приурочено к самому солифлюкционному слою или непосредственно над ним. Именно в нижней стоянке, раскопанной раньше других, найдены фигурки животных из обожженной глины (рис. 106), головка человека из бивня (рис. 107), а также погребение ребенка с ожерельем из зубов лисицы. Верхняя часть состоит из двух зон, разделенных оврагом. Слева от оврага раскрыты жилища разных типов, которые были интерпретированы как легкие конструкции. К. Абсолон нашел здесь самую известную женскую статуэтку, названную «Черной Венерой» (рис. 108). Целые серии обломков женских статуэток из обожженной глины найдены, помимо Дольни Вестониц, и в Павлове (рис. 109).

Стоянка – эпоним Павлов I находится в 500 м южнее Дольни Вестонице. Она изучалась с 1952 г.

по 1973 г. Б. Климой, открывшим остатки, по меньшей мере, 13 жилищ – углублений округлой, овальной или неправильной формы, оконтуренных скоплениями костей мамонта. Большая часть содержала один или несколько очагов, устроенных в выемке и защищенных стенками из костей мамонта или плоских камней. Один из очагов заключал в себе многочисленные куски обожженной глины, что позволяет рассматривать его как печь для обжига глиняных изделий. Стратиграфически стоянка относится к несколько более позднему времени, чем Дольни Вестонице, поскольку культурный слой лежит в нижней части позднего моравского лесса (вюрм III) на 40 см выше межледниковой бурой почвы (вюрм II/III), в которой залегает культурный слой Дольни Вестонице. Фауна более холодостойкая: здесь меньше остатков мамонта и больше костей северного оленя, чем в Дольни Вестонице (Klima 1954б, 1955a, 1957; Klima et al., 1994).

Рис. 107. Головка человека из бивня мамонта. Дольни Вестонице.

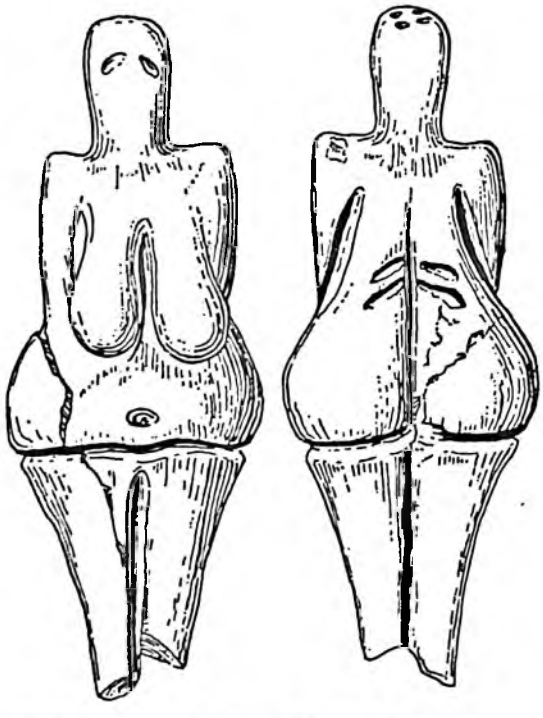

Рис. 108. «Черная Венера». Дольни Вестонице.

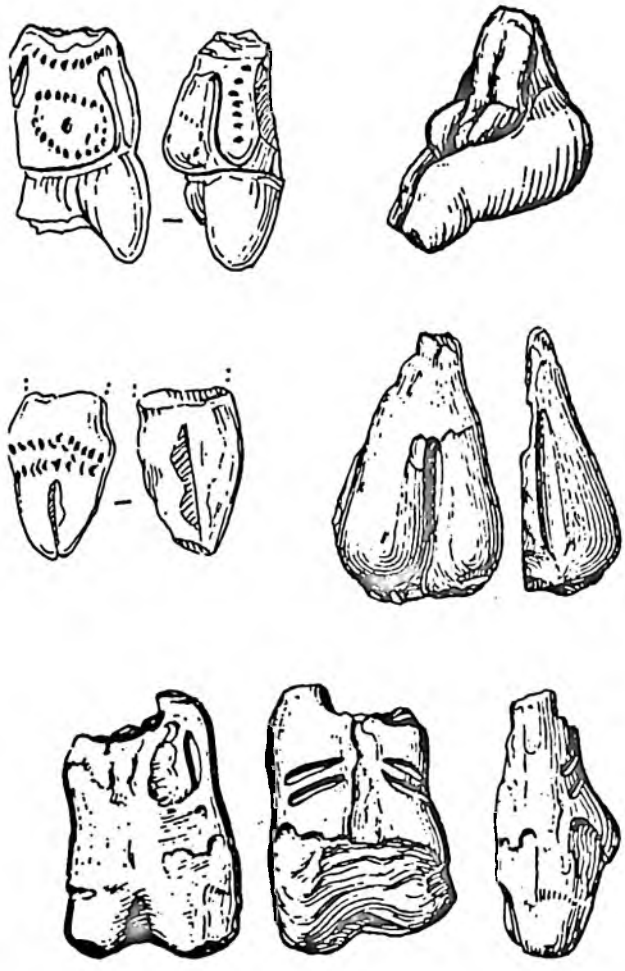

Рис. 109. Женские фигурки из обожженной глины. Дольни Вестонице, Павлов.

Особенно полно опубликована северо-западная часть стоянки (Svoboda, 1997), характеризующая этот памятник как одно из наиболее важных граветтских местонахождений Европы. Чрезвычайно обильный каменный инвентарь основан на кремне и радиолярите – сырье высокого качества и отдаленного происхождения (Силезия). Заметное место в инвентаре занимают изделия с притупленной спинкой, преимущественно микролитические пластинки и геометрические формы: сегменты круга и разносторонние треугольники. Среди других орудий резцы преобладают над скребками, многочисленны усеченные пластинки, отмечены ножи костенковского типа и плоская вентральная ретушь. Существенным компонентом инвентаря являются грубые орудия на гальках кварца, кварцита и других пород. В костяном инвентаре, помимо обычных длинных багетт с круглым сечением из бивня мамонта, ребер мамонта со следами изношенности и различного использования, крупных «лопат» из отщепов длинных костей мамонта, имеются орудия уникальных форм. Особо отмечены топоры типа лингби из рогов северного оленя. Многочисленны и разнообразны украшения в виде просверленных зубов животных, ископаемых

раковин и подвесок из бивня, кости и камня. Оригинальны кольца и диадемы, вырезанные из бивня. Исключительно богаты и произведения искусства, в том числе сюжетные: особенно замечательны миниатюрная статуэтка сидящей женщины, головка носорога и фигура медведя из обожженной глины; плоские фигурки мамонта (рис. 110) и переданной в прыжке львицы из пластин бивня мамонта (рис. 111; Svoboda, 1995).

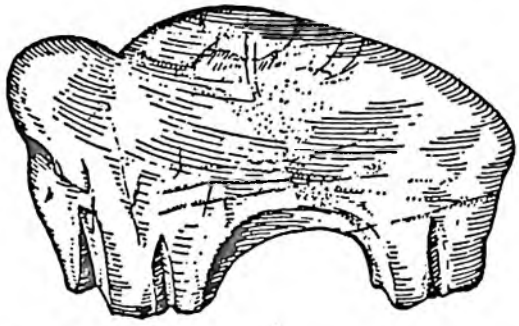

Рис. 110. Плоская фигурка мамонта из бивня мамонта. Павлов.

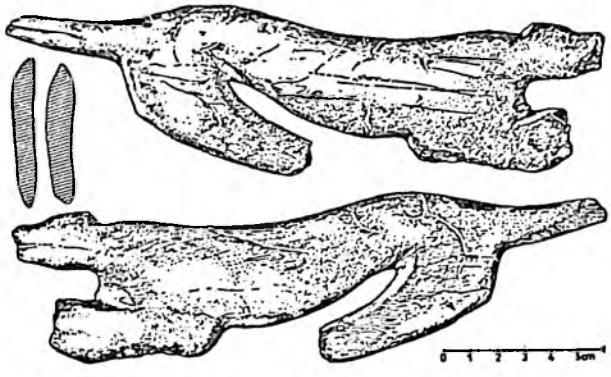

Рис. 111. Плоская фигурка львицы из пластинки бивня мамонта. Павлов.

Существенно дополняют материалы граветта с Павловских холмов находки в Пшедмости. Это обширное лессовое местонахождение на правом берегу р. Бечва, недалеко от ее впадения в Мораву (Северная Моравия), было открыто в 1880 г. Х. Ванкелем, затем раскапывалось К. Машкой, М. Крижем, К. Абсолоном и Б. Климой. Раскопки Б. Климы обнаружили несколько слоев, поврежденных солифлюкцией, представляющих два независимых горизонта с обильными культурными остатками. Верхний слой отнесен к павловской культуре, нижний определен как ориньякский, согласно типологии кремневых орудий (Absolon, Klima, 1977; Klima, 1981b; 1990б).

Граветтский – основной – культурный слой, отмеченный в лессе на глубине 2-3 м, заключен в ископаемую почву педокомплекса I (интерстадиал штилфрид 3), датирован радиоуглеродным методом по образцу кости 26 870±250 лет назад (GrN 6801) и 26 320±240 лет назад (GrN 6852) (Svoboda, 1995: 261, tab, 1). Фауна холодостойкая, состоит, главным образом, из мамонта (за все годы раскопок подсчитано около 1 000 особей) с концентрациями черепов, челюстей и длинных костей. Коллективное человеческое погребение, открытое в 1894 г. К. Машкой, включало остатки 20 особей (8 взрослых и 12 детей и подростков). Инвентарь относится к павловской культуре. Среди многочисленных произведений искусства из старых раскопок происходит уникальная схематизированная фигура женщины, выгравированная на бивне мамонта (рис. 112), статуэтка мамонта из бивня (рис. 113), 8 фигурок из метаподий мамонта, схематизированное человеческое лицо, глубоко вырезанное на мыщелке бедренной кости мамонта. К. Валох упоминает также антропоморфную гравюру на фрагменте рога северного оленя (Valoch, 1988б). Из новых раскопок отмечена лишь фигурка росомахи из обожженной глины (рис. 114; Klima, 1974a).

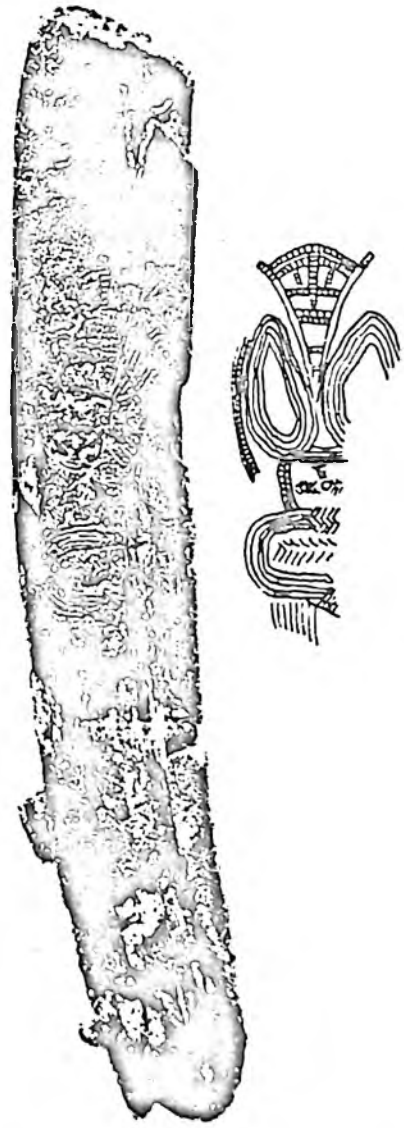

Рис. 112. Схематизированная гравюра женщины на бивне мамонта. Пшедмость.

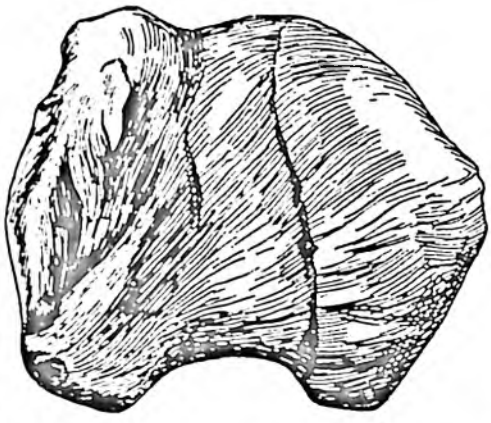

Рис. 113. Фигурка мамонта из бивня мамонта. Пшедмость

Рис. 114. Фигурка росомахи из обожженной глины. Пшедмость.

Местонахождение Брно II. Из г. Брно и его предместий происходит несколько захоронений человека в разной степени сохранности, получивших цифровые обозначения: Брно I – черепная крышка, найденная на территории кирпичного завода в Червени Копец в 1885 г. вне всякого археологического контекста, но недалеко от отложения, содержащего вюрмскую фауну; Брно II - мужское погребение, открытое на бульваре Франца-Иосифа (ныне Французская ул.) в 1891 г. и Брно III – женское погребение, обнаруженное в районе Брно-Заборовски в 1927 г. (Jelinek, 1988).

Погребение Брно II представляет особый интерес, прежде всего потому, что оно бесспорно относится к граветту. Его положение на самом низком уровне р. Свитава в основании верхнего лесса датирует его временем непосредственно перед максимумом последнего оледенения. Это подтверждается и радиоуглеродной датой 23 840±200 лет назад, полученной в Оксфордской лаборатории. Около черепа погребенного лежали лопатка, ребра и бивень мамонта, в области нижней части тела – бивни мамонта, череп и ребра носорога, зуб лошади (Oliva, 1999б). Среди находок уникальна мужская фигурка из бивня мамонта (рис. 115; Valoch, 1959).

Следует упомянуть еще две стоянки павловской культуры с единичными, но замечательными каждая в своем роде женскими статуэтками.

Стоянка **Петржковице** находится на левом берегу р. Одры близ г. Острава в северной Моравии на песчаной возвышенности Ландек. Культурный слой залегает на глубине около 1 м. Он перекрыт двумя слоями лесса, нижний из которых прорезан значительной серией морозобойных трещин. Явления солифлюкции повредили культурный слой и очаги оказались переотложенными. Древесный уголь из очагов принадлежит сосне – Pinus silvestris. Из костей сохранились только те, которые были обожжены. Определены мамонт, северный олень, лошадь. Первоначально Б. Клима, исследовавший памятник, считал культурный слой одновременным интерстадиалу кессельт и помещал его между Павловом I и Дольни Вестонице I (Klima, 1955б). Во время раскопок 1994 г. стоянка была датирована 20 790±270 лет назад и 23 370±160 лет назад (Svoboda, 1995: 269). Почти целая фигурка: отсутствуют голова и нижняя часть ног, небольших размеров (высота 4.6 см) вырезана из гематита. Она передает изящные очертания стройной молодой женщины без излишних накоплений жировой ткани (рис. 116).

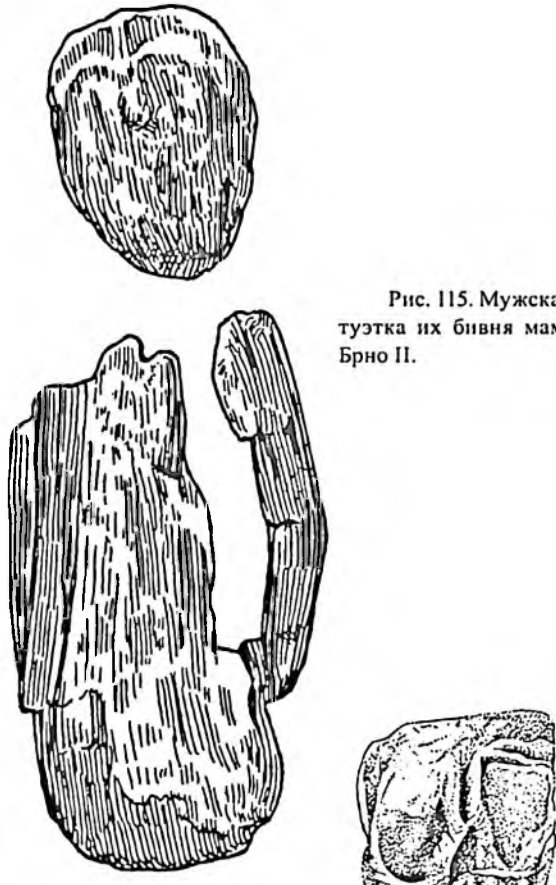

Рис. 115. Мужская статуэтка их бивня мамонта. Брно II.

Рис. 116. Женская статуэтка из гематита. Петржковице.

СЛОВАКИЯ

Обширное поселение **Моравапы** (карта-схема VIII, N 28), состоящее из ряда стоянок расположено на левом берегу р. Ваг. Оно известно с начала 30-х годов прошлого столетия, исследовалось Л. Цотцем, К. Абсолоном, Ф. Прошеком и Ю. Бартой. Большая часть материала находится в верхней части лесса или в слоях, близких к пахотной земле, поэтому трудно определить его геохронологическое положение. В пункте Моравапы-Подковица каменная индустрия отнесена к граветту . Видимо, отсюда происходит женская статуэтка из бивня мамонта (рис. 117; Barta, 1965, 1967). У этой фигурки высотой 7.6 см также отсутствуют голова и ноги ниже колен, но она в отличие от статуэтки из Петржковице обладает характерными чертами костенковской женской пластики. Другой пункт Моравапы–Лопата наряду с обильным граветтским инвентарем сохранил в культурном слое многочисленные фаунистические остатки: определены мамонт, северный олень, пещерный медведь, лошадь, заяц, какое-то животное из семейства кошачьих, птицы. Л. Цотц обнаружил овальную жилую структуру размерами 2.6x1.3 м с большим очагом в центре. Упоминается также о находке фрагмента женской статуэтки из обожженной глины и голова животного из мергеля (Valoch, 1988в).

Рис. 117. Женская статуэтка из бивня мамонта. Моравапы-Подковицс.

Не останавливаясь на других проявлениях павловской культуры, что увело бы нас далеко в сторону, отметим лишь наиболее характерный момент.

Существенным фактом граветта Моравии является наличие обожженных глиняных фигурок человека и животных, серии которых собраны в Дольни Вестонице I и Павлове I. Отдельные образцы отмечены в Дольни Вестонице II, Павлове II, Пшедмости, Петржковице и недавно на стоянке Кремс-Вахтберг в Нижней Австрии.

Эти коллекции дают бесценный материал для исследований в области арт-зоологии, основанной на сравнении изображений животных с фауной той эпохи, которую можно реконструировать по костным остаткам, сохранившимся в культурных слоях (Klima, 1984). Таким образом устанавливаются отношения между охотничьей добычей (кулинарный образец, по А.Дельпорту) и изображенными видами животных (фигуративный образец). Очевидно, что результаты такого анализа не могут быть абсолютно надежными, поскольку костные остатки не соответствуют полностью числу и составу убитых животных. Кости большинства мелких животных не сохраняются целыми, часть других костей была выброшена за пределы стоянки и не может быть установлена во время археологических раскопок. На некоторые виды не охотились регулярно, чтобы обеспечить пропитание. Их добывали из-за меха, рогов или по другим причинам. Сохранившиеся остатки фауны также не дают ни точности, ни уверенности в пропорциях пищи, которую они могли доставлять, поскольку на деле нужно учитывать не только число особей, но и вес животного. Звери мелких размеров составляли лишь незначительную часть пищи, притом только в определенное время года. Количество пищи, полученной от мелких животных, не идет ни в какое сравнение с мясом, доставляемым мамонтом. Обширные скопления костей мамонта в Дольни Вестонице достаточно отчетливо свидетельствуют об этом.

Эта констатация соответствует подсчетам числа особей. Так, в Дольни Вестонице К. Абсолон (Absolon, 1939) поставил мамонта на первое место, за ним следовали лошадь, северный олень, затем волк и лисица. Р. Музиль (Musil, 1959a) разместил наиболее обычные костные остатки в сходном порядке: мамонт, лисица, заяц, волк, лошадь, северный олень. Естественно, что списки варьируют согласно комплексам, выделенным на стоянках, в большинстве случаев незначительно, иногда, напротив, существенно. Так, среди крупных костей мамонтов остатки других видов появляются очень редко, но в некоторых комплексах кости мамонта и лошади идут после волка, лисицы, зайца и северного оленя.

В Павлове те же 6 видов животных следуют в том же порядке (Musil, 1959b). Другие виды появляются значительно реже или даже изолированно на обеих стоянках. Интересно отметить, что кости медведя, которые были более многочисленными на площади жилища № 2 в Дольни Вестонице даже здесь занимают пятое место.

Фигурки животных также ни в коей мере не представляют полного ансамбля произведений, выполненного в ту эпоху на обоих поселениях. Некоторые из них повреждены намеренно, разбиты или практически разрушены. Другие не были достаточно обожжены и распались сами. Множество отломанных конечностей и различных фрагментов показывают, что первоначально целых статуэток было значительно больше.

Несмотря на всю неполноту информации, которую дают эти два разнородных источника, их сравнение показывает удивительную диспропорцию. Согласно интерпретации, обычно принимаемой для этих миниатюрных фигурок, следовало бы ожидать, что мамонт, как основа существования, должен был бы быть воспроизведен наиболее часто. Однако, это не так и фигурки мамонта занимают только третье место в серии скульптур из Дольни Вестонице. Напротив, среди животных, наиболее часто изображенных, находятся виды, мясо которых почти или совсем не ценилось как пищевой ресурс. В Дольни Вестонице и Павлове в 77 скульптурах, сохранившихся в целом в хорошем состоянии представлено почти все животное царство окружающей среды, некоторые звери даже в сериях. При этом, животные, служившие основной пищей, не преобладали, а напротив, можно говорить о доминировании тех видов, которые внушали страх, как представляющие для человека смертельную опасность (Klima, 1984). Наиболее часто воспроизведены медведь (21) и лев (9). За ними следуют мамонт (8), лошадь (6), волк (5), лисица (3), носорог (4), сова (6). Есть и единичные изображения других животных: северного оленя, росомахи, песца, зайца, быка/бизона. Преобладание медведя могло бы быть большим, если учесть, что многие фрагменты, которые точно не удалось определить, могли принадлежать этому зверю. Б. Клима (Klima, 1984: 326, 328)) приходит к заключению, что охотничьи коллективы верхнего палеолита символизировали различные качества животных и, в первую очередь, силу медведя и льва, а также хитрость лисицы, мудрость и сообразительность совы и что именно по этой причине животные были выбраны как модели.

Не углубляясь в интерпретацию этого феномена можно заметить, что здесь происходит невольный перенос современных представлений о характерных чертах зверя на воззрения палеолитического человека, который, являясь частью природы, безусловно гораздо лучше знал повадки и качества животных. Б.Клима не упоминает мамонта, хотя его изображений не так уж и мало, видимо, не желая приписывать мамонту свойства современных слонов. В рассматриваемых мелких фигурках схвачены и раскрыты внешние характерные черты каждого вида, хотя подчастую и опущены некоторые детали. Следует заметить, что изображения иногда столь схематичны, что трудно решить какой вид представлен, причем далеко не всегда речь идет о поврежденных, деформированных фигурках или о фрагментах, но и о подлинных произведениях искусства, точная дефиниция которых ускользает. Так, например, в дневнике раскопок Дольни Вестонице в 1933 г. маленькая продолговатая голова с выпуклыми глазами была определена как голова крокодила. Немного времени спустя она была интерпретирована в журнальных статьях как голова северного оленя, затем лошади (Absolon, 1945). Точно также иногда трудно различить поврежденные головки медведя и льва, очень сходные по общей форме и более тонкой морфологии. Этим и объясняется, что они встречаются в публикациях под разными дефинициями. Маленькая законченная головка льва, имеющая отверстие в области левого глаза и левой половины лба, иногда определялась как представляющая медведя (Absolon, 1934, 1949a; Kühn, 1934; Zotz, 1951a). Как и другие изображения льва, этот образ характеризуется более округлой головой и расширением нижней части пасти, которое отсутствует у медведя и которое так хорошо представлено в наскальных росписях Франции. Далее, передняя верхняя часть пасти льва у наиболее реалистических изображений отличается от медвежьей.

Второй важный вопрос, на котором следует остановиться = это сравнение фигуративного искусства палеолитических охотников-собирателей на Павловских высотах и ранних земледельцев трипольской культуры. Такая попытка, насколько мне известно, производится впервые и ввиду необъятности второго компонента требует определенных ограничений. Речь пойдет только об искусстве моделирования фигурок из глины и только о материалах, с одной стороны, уникальных граветтских памятников Моравии (группа Дольни Вестонице), с другой ранненеолитических материалах трипольского поселения Лука Врублевецкая на Днестре.

Открытие керамических фигурок в Моравии примерно за 15 000 лет до первого появления на евразийском континенте глиняных сосудов оказалось в свое время сенсацией. Ныне считается твердо установленным, что непрерывное производство утилитарной керамики начинается с 12 500 лет назад в период культуры дзёмон в Японии. Вместе с тем, известны немногие палеолитические произведения из глины в мадлене Пиренейских пещер, фрагмент возможной керамической фигурки в Костенках 1 и плохо обожженная глиняная статуэтка человека в Майнинской стоянке на Енисее. Но все это – разрозненные и разновременные факты и только в моравских стоянках лепка и обжиг глиняных фигурок животных и людей приобрели систематический характер.

Во время открытия в 1924 г. К. Абсолоном первой и, надо сказать, лучшей статуэтки, названной «Черной Венерой», материал из которого она изготовлена, был неясен (Absolon, 1949б). Количественный химический анализ фрагмента Венеры, произведенный М.Ф. Келаунером, заставил К. Абсолона поверить, что фигурка вылеплена из жира мамонта и толченой кости, смешанных с золой и местным лессом. Другой количественный анализ установил наличие карбонатизированной кости или бивня и ряда минералов, но исключил глину, как первичное сырье. В 1954 г. Б. Клима, основываясь на количественном химическом анализе, выполненном В. Шишке, показавшем наличие алюминия, пришел к выводу, что фигурки животных были сделаны из обожженной глины, и использовал термин терракота. И, наконец, О. Соффер привлекла к работе крупного специалиста в этой области Памелу Вандивер из Аналитической Лаборатории Консервации Смитсоновского Института. Используя новейшие методы и высокоточную аппаратуру П. Вандивер подвергла анализу свыше 10 000 фрагментов обожженной глины (более 6 750 из Дольни Вестонице I, приблизительно 3 500 из Павлова I и десяток из Пшедмости, где отмечен поразительный факт – единственная целая фигурка из массы обломков – это росомаха – редкое животное в фауне палеолитических стоянок).

Анализы установили, что керамика Южной Моравии изготовлена из местного лесса при использовании постоянной техники. Лесс был увлажнен и обработан в виде комочков теста, приложенных один к другому и сдавленных вместе, чтобы получить тело. К этому телу присоединяли предварительно изготовленные отдельные части: голову и ноги. Затем поверхность фигурки заглаживалась с помощью пальцев и микролитических кремневых орудий и фигурка подвергалась обжигу при относительно низкой температуре 500°С-800°С. Потом, видимо, медленно охлаждалась в золе. Сырье – лессовая порода состоит из 80 % кварца и других грубых частиц с минимальным количеством иллювиальной глины, хлорита и слюды. Увлажненная паста имеет низкую пластичность, затрудняющую ее моделирование. Вместе с тем, она обладает низким термальным растяжением и высокой пористостью, что делает обжиг легким. Такое лессовое изделие имеет великолепную огнеупорность. В костре или простой печи для обжига не было верхней границы температуры. Эксперименты показали, что поделка из лесса не делает усадки или раздувания при нагревании до 1250°С, поэтому было удивительным обнаружить, что около 60 % обломков на участке обжигательной печи в Дольни Вестонице оказались подвергнутыми термальному шоку во время обжига (Vandiver et al., 1989; Soffer et al., 1993).

Фигуративные керамические изображения с трудом классифицируются на определенные категории по причине их избыточной фрагментарности. Принято основное деление на две группы: антропоморфные и зооморфные, первые делятся на женские и крайне редкие мужские, вторые – согласно видам изображенных млекопитающих, к которым присоединяются птицы (сова). Все они мелких размеров (Klima, 1984).

Среди антропоморфных эталоном может служить Черная Венера из Дольни Вестонице I, она отличается своими более крупными размерами (высота 11 см), изощренной формой и относительно хорошей сохранностью (рис. 108). Излом в основании ног кажется произведенным после обжига. Возможно, эта статуэтка служила прототипом и ее классическая форма повторилась в других женских фигурках, вылепленных из глины или вырезанных из бивня мамонта. Часто встречаются фигурки без головы, но обладающие теми же особенностями; фигурки без головы и ног; части тела, в том числе груди, нижние половины торса конусовидной формы и отдельные ноги со ступнями. Привлекает внимание крошечная фигурка сидящей женщины из Павлова I с мощными бедрами и фрагмент мужской фигурки из Дольни Вестонице с подчеркнутым первичным половым признаком. Отдельные конусы ног составляют ряд от довольно статичных прямых и массивных до слабо согнутых, выражающих степень динамичной стилизации. Они обладают диагональными волнистыми изломами, возможно, в результате термального воздействия.

В ряде случаев возникают удивительные аналогии с керамикой Луки Врублевецкой, ранне-трипольского поселения на Днестре, изученном и монографически изданном С.Н. Бибиковым (1953). Коллекция глиняной скульптуры состоит из почти 300 изображений человека и животных, причем из антропоморфных исключаются фигурки, связанные с сосудами, а среди зооморфных учитываются налепы на бытовой керамике, которые в силу их большой законченности стоят ближе к скульптурным фигуркам и могут рассматриваться как самостоятельные единицы. Точные подсчеты невозможны из-за слишком большой фрагментарности. Можно сказать только, что целые фигурки составляют менее 2 % от общего числа.

Большая часть статуэток вылеплена из хорошо отмученной глины, некоторые из глины более грубой и комковатой. Состав теста не отличается от смеси для изготовления бытовой (но не кухонной) посуды. Моделировка производилась из одного комка, реже из двух соединенных вместе продольных половинок. Обжиг фигурок различный и их цвет зависит от степени обжига. Размеры женских статуэток варьируют от наиболее крупной, высотой 15 см, найденной в очажной яме жилого

комплекса N 4, до миниатюрной, высота которой не превышает 3 см. Учитывая фрагментарность фигурок их средняя величина колеблется от 5 до 10 см, что в целом свойственно и палеолитической пластике.

Основную массу составляют именно женские изображения. Общей стилистической особенностью являются определенные приемы формирования туловища. Головки, по заключению С.Н. Бибикова, имеют вполне установившийся и всегда повторяющийся вид конических отростков. Они лишены какой бы то ни было натуралистической проработки лица, но иногда форма головок закругленно-вытянутая, абсолютно аналогичная головке Черной Венеры. Руки изображены в виде конических отростков, расположенных под прямым углом по отношению к туловищу. Соединенные вместе ноги образуют конус. Характерным элементом женских фигурок является наличие небольших округлых грудей и массивные расширения тазобедренной области. Они часто сплошь орнаментированы. Излюбленным мотивом декорации были ромб и треугольник. Присутствуют и некоторые элементы одежды и украшений: поясок, передник, поясная бляха и др. (Бибиков, 1953, табл. 81, 82а). Мужских фигурок лишь 2. Одна из них обладает гипертрофированным первичным половым признаком, но не будь этого, она ничем не отличалась от большинства обломков женских статуэток, лишенных грацильности и изящества (Бибиков, 1953, рис. 27, б; табл. 75 а, б). Обе фигурки имеют характерно раздвинутые ноги. Представлены и отдельные окончания ног со ступнями.

Стилистическое сходство двух групп человеческих изображений выражается, прежде всего, в каплевидной форме головы, очень редкой, даже исключительной в палеолитическом искусстве. Головки статуэток из бивня и камня имеют отчетливую шаровидную форму. Характерна диспропорция тела, достаточно уплощенного в верхней части и расширенного в тазобедренной области. Такая диспропорция представлена почти во всех палеолитических женских скульптурах и особенно развита в позднем верхнем палеолите, захватывая и гравюру (гённерсдорфский тип). Ноги чаще всего переданы в виде конуса, аналогия здесь полная, на одном фрагменте из Луки Врублевецкой сохранилась характерная нарезка, отделяющая ноги от туловища. Совершенно одинаковые окончания ног со ступней (форма валенка) свидетельствуют, что статуэтки не могли на них стоять. Помимо материала и стиля общим, является характерный признак: голова и ноги обломаны.

Вместе с тем, между моравскими и трипольскими фигурками существуют и определенные различия в схематическом изображении рук у последних в виде конических отростков и в форме женских грудей: маленькие округлые как бы девичьи груди находятся в явном несоответствии с тяжелой нижней частью. Но, несмотря на это, и в трипольских статуэтках наблюдается очевидная гармония, заставляющая вспомнить женскую статуэтку из Елисеевичей. Основное же различие заключается в наличии в Луке Врублевецкой некоторых статуэток, покрытых полностью криволинейным орнаментом.

Что касается изображений животных, то, согласно подсчетам Б. Климы, в Дольни Вестонице заметное место, как уже упоминалось, занимают изображения мамонта, в меньшем числе лошади и носорога. Единичны головки горного козла и северного оленя. Над травоядными явно преобладают хищники: медведь и лев, волк и лисица, а также сова. Необходимо сразу же отметить характерную особенность: головки животных изготавливались специально именно как головки, которые никогда не прикреплялись к телу. Примером служит голова носорога размерами 5.26x2.67x1.78 см из Павлова (Soffer, Vandiver, 1994).

В Луке Врублевецкой зооморфные изображения занимают скромное положение в коллекции, что характерно и для других трипольских памятников. Выделено всего 16 фигурок, вылепленных из глины, состав которой тот же, что и для изготовления сосудов. Фигурки неодинаковы по обжигу, цвету и степени приближения к натуре. Определения не всегда возможны и основаны главным образом на наличии какой-либо характерной детали. Головки быков, определенные по форме рогов, наиболее многочисленны(9). Они могли служить в качестве налепов на сосуды. Отмечена также фигурка и головка свиньи и по одной головке козы, собаки и птицы. Две фигурки могли изображать овцу. Количественное соотношение отдельных видов в пластике в известной степени соответствует костным остаткам в фауне, в частности, бык выступает в трипольском хозяйстве как ведущее животное. В сюжетном отношении скульптуры на всей большой территории юго-восточной Европы передают, как правило, домашних животных. Любопытно стилистическое единство зооморфных изображений. Найденные в жилище N 5 головы свиньи, козы, быка (?), собаки очень сходны, причем голова свиньи в целом идентична голове почти целой фигурки этого животного, найденной в жилище N 8. С наибольшей верностью натуре передана голова козы. В том же жилище обнаружен глиняный черпачок со скульптурной головой птицы.

Естественно, нет никаких оснований говорить о преемственности в развитии культур, разделенных огромным отрезком времени и способом существования, нет никаких промежуточных вех, которые могли бы свидетельствовать традициях, но, тем не менее, поразительное сходство керами-

ческих произведений даже в деталях должно найти какое-то объяснение. Представляется, что это яркий пример отражения в искусстве идеологии двух различных обществ, в которой немалую роль играет женский образ. В обществе охотников-собирателей, тесно связанном с природой и, в первую очередь, с окружающим животным миром, населенным мощными и опасными для человека существами, какую бы форму эта связь не принимала, женщина занимает свое место, которое можно трактовать по-разному. О роли растительности можно говорить умозрительно, основываясь лишь на орудиях для растирания злаков. Идеология земледельцев, также связанная с окружающей средой, опиралась, прежде всего, на женское начало, мир животных играл меньшую роль, он представлен не врагами, а союзниками и помощниками в борьбе за выживание. Опорой существования стала растительность, недаром в глину для моделирования фигурок подмешивали зерна злаков. Безусловно, значительную роль в сходстве двух групп изображений играл и первичный материал, который диктовал свои законы моделирования.

Вопрос адаптации к крайне холодному климату верхнего плениглациала около и после 20 000 лет назад остается неясным. Что касается плотности граветтских и эпиграветтских стоянок, то отмечается определенная непрерывность заселения в долине Дуная и частично в Южной Польше, в то время как в Моравии эпиграветтские стоянки достаточно редки. Скопления костей мамонта исчезают и это животное редко встречается после максимума последнего оледенения.

Позднеледниковая стратиграфия (после 15 000 лет назад) представлена в разрезах входов в пещеры. Самая крупная мадленская стоянка в пещере Пекарна существовала в течение более теплого периода (бёллинг), согласно двум радиоуглеродным датам между 13 000 и 12 500 лет назад. Палинологические анализы разреза перед пещерой Барова в Моравском Карсте показали три периода распространения лесов в эпоху позднего оледенения: домадленское, мадленское и эпимадленское (аллерёд). Мадлен, связанный с франко-кантабрийскими проявлениями искусства, ясно показывает интрузивную культуру, стимулированную миграцией с запада в течение более теплых осцилляций позднего ледниковья. В Моравии мадленцы должны были встретиться с эпиграветтцами и это могло послужить причиной почему миграция не пошла дальше Карпатского Бассейна. Территориальное распространение мадлена ограничено более влажными карстовыми областями.

В эталонной пещере **Пекарна**, все виды позднеледниковой фауны: заяц, северный олень, лошадь, птицы (определения Р. Музиля) были объектами охоты. В некоторых более мелких комплексах преобладали или северные олени или лошади, в то время как роль мамонта и носорога оставалась маргинальной.

Пещера Пекарна находится в 10 км от северу от г. Брно в девонских известняках Моравского Карста. Открыта в 1880 г. М. Крижем, который произвел в ней в 1884-85 гг. обширные раскопки. Систематические исследования начались в конце 1920-х годов К. Абсолоном и продолжались в начале 1960-х Б. Климой. К. Абсолон установил наличие двух бесспорно мадленских слоев G и H с соответствующим инвентарем и находкой ребра лошади, гравированного фигурами бизонов (рис. 118, 1), и еще одного слоя J, отнесенного им к ориньяку, со стилизованной женской фигуркой (рис. 119; Absolon, Cžizek, 1932). В настоящее время этот слой также считается мадленским. Раскопки Б. Климы у входа в пещеру обнаружили близ скальной стены под огромными блоками камня и двумя перемешанными со щебнем слоями серо-бурой глины в верхней пачке лесса остатки очагов, поврежденных солифлюкционными процессами. В 1963 г. в слое глины, смешанной с золой, найдены кости северного оленя и лошади, многочисленный мадленский инвентарь и второе ребро лошади с гравированными фигурами лошадей (рис. 118, 2; Klima 1964/1965, 1974). Р. Музиль отмечает, что лошади принадлежит более 20 % всех костей животных, собранных в Пекарне в ранние годы раскопок (Musil, 1958) и что, по мнению палеонтологов, это не лошадь Пржевальского, а определенный вид европейской лесной лошади, близкой тарпану (Equus gmelini). Большой интерес представляют и другие произведения фигуративного искусства из Пекарны, описанные К. Валохом (Valoch, 1970): просверленный жезл из рога северного оленя длиной 17.5 см, на одном фасе которого выгравирована фигура медведя (fig. IV, 1); два предмета, вырезанные из нижних челюстей лошади в форме ложек. На одной стороне первой ложки длиной 28 см прорисована голова лошади (fig. VII). У второй ложки длиной 34 см украшены оба фаса. На одном различаются две противостоящие друг другу головы лошадей и третья, более мелкая, расположена под одной из них. На другом фасе находится крупная голова бизона, которой противостоит в перевернутом положении более мелкая голова, возможно, принадлежащая серне (fig. VIII); голова северного оленя, выгравированная на куске рога этого животного (fig. VI, 3). В целом, все произведения из Пекарны ни в чем не уступают лучшим образцам мадленского искусства Франко-Кантабрийского района. Радиоуглеродная дата по кости, происходящей из мадленских слоев, открытых К.Абсолоном, равна 12 940±250 лет назад (Valoch, 1988г).

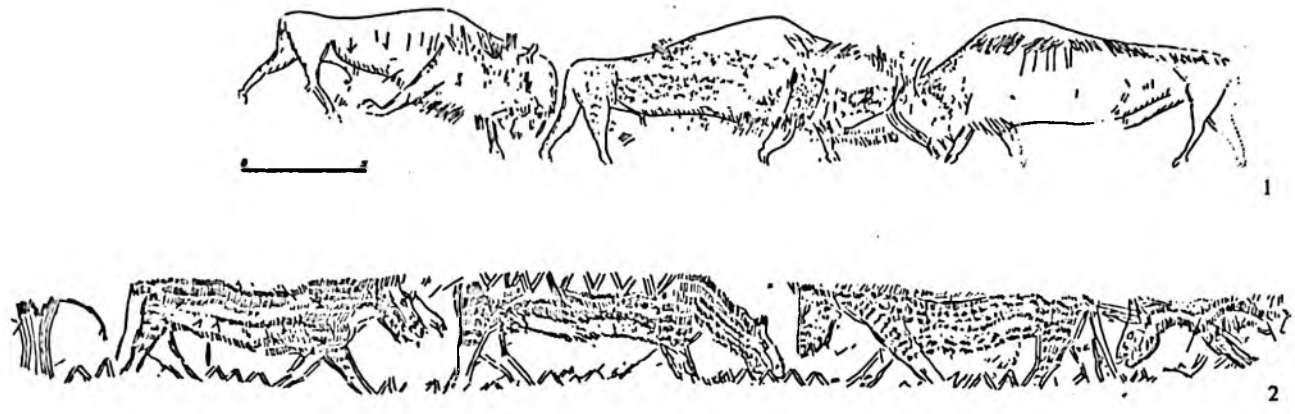

Рис. 118. Гравюра верениц бизонов и лошадей на ребрах лошади. Пекарна.

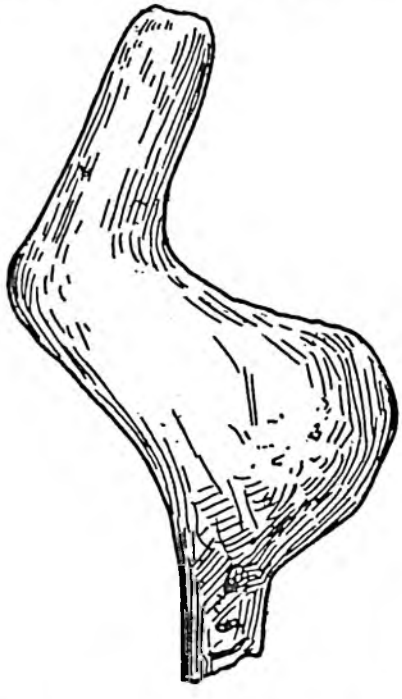

Рис. 119. Стилизованная женская статуэтка из бивня мамонта. Пекарна.

Гравюры на каменных плитках найдены в мадленском слое пещеры **Дерава Скала** в Богемии, открытой в 1913 г. венгерским археологом И. Гиллебрандом и исследованной в 1950 годах Ф. Прошеком. В качестве образца незаурядного искусства этого памятника можно привести гравюру горного козла на собранной из мелких кусков сланцевой плитке (рис. 120; Klíma, 1985: taf. 1).

Следует упомянуть также стоянку на открытом воздухе **Хостим** в районе Моравского Карста на левом берегу р. Берунка. Раскопки произведены С. Венцлом в 1963-1969 гг. на площади около 260 кв.м. Культурный слой залегал в верхней части лесса, который в течение голоцена трансформировался в красно-бурую почву. В фауне преобладает лошадь. Заяц и северный олень хорошо представлены, шерстистый носорог более редок. Антракологический анализ показал наличие ели. Округлая структура жилища диаметром около 7 м содержала гравюры животных на сланцевых плитках. Каменный инвентарь типично мадленский. Радиоуглеродная дата по кости равна 12 420±470 лет назад (Ly-1108). К сожалению, мне доступны лишь краткие сведения об этом памятнике (Vencl, 1976, 1981) и недоступна монография (Vencl, 1995).

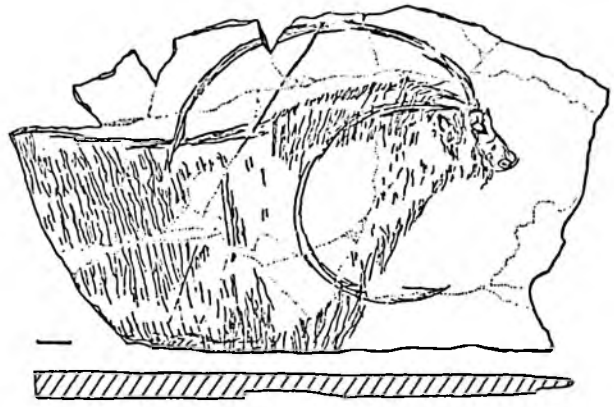

Рис. 120. Гравюра горного козла на сланцевой плитке. Дерава Скала.

Единственное мадленское произведение искусства в Австрии – это гравюра головы северного оленя, очень тонко вырезанная на фрагменте локтевой кости орла из пещеры **Гуденус** (Нартенштайн) в долине Кремса (Eppel, 1972: 80, fig. 6).

ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ РАВНИНА

В верхнем палеолите Восточной Европы (карта-схема IX) выделяются три разновременные центра развития культуры, находящиеся в особых условиях окружающей среды. Согласно А.А.Величко (1973), максимальное оледенение и максимальное похолодание не совпадали по времени. Максимум похолодания (климатический минимум) приходится на заключительный этап валдайского оледенения, когда ледниковый покров находился в фазе деградации. В Европе последний ледниковый покров был опоясан широкой перигляциальной зо-

Карта-схема IX. Восточная Европа. Основные памятники верхнего палеолита с произведениями фигуративного искусства: *1 – Костенки, 2 – Сунгирь, 3 – Зарайская, 4 – Гагарино, 5 – Авдеево, 6 – Хотылево, 7 – Елисеевичи, 8 – Мезин, 9 – Межирич, 10 – Добраничевка, 11 – Молодова 5, 12 – Косоуцы, 13 – Мураловка, 14 – Капова пещера, 15 – Игнатьевская пещера (по: Синицын, Праслов, 1997: рис. 6-8).*

ной, где в условиях сильного холода происходило накопление лессов. Исследования погребенных почв, лессов и криогенных явлений свидетельствуют о последовательном нарастании континентальности и суровости климата, под влиянием которого возникали особые природные ландшафты. На этих исследованиях с учетом радиоуглеродных дат строится и хронология верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины, обладающей самобытными и разнообразными археологическими культурами.

Первый центр – это Костенковско-Борщевский район на Дону, памятники которого показывают очень раннее появление фигуративного искусства (Костенки 14, IV слой, датированный 34 000 – 32 000 лет назад и II слой – 28 000 лет назад), и его расцвет в эпоху, соответствующую граветту (Костенки 1, I слой; Костенки 13, Костенки 4 и т.д.). К этому времени (24 000 – 20 000 лет назад) относится Гагарино на Дону, Авдеево на Сейме, Хотылево 2 на Десне, существовавшие в очень холодных условиях. Второй центр развития верхнего палеолита перемещается в бассейн Десны – среднего Днепра, где стоянки (Елисеевичи, Юдиново, Мезин, Межирич) располагаются в меридиональном направлении и относятся к поздней хронологической группе (19 000 – 13 000 лет назад). На юго-западе региона в бассейне Днестра существовал третий центр – единственный в Восточной Европе центр автохтонного развития верхнего палеолита, представленного многослойными молодовскими стоянками. Интересно отметить, что активное заселение Приднестровья началось не в теплое межледниковье, а в начале ледниковой поздневалдайской эпохи.

РОССИЯ

Костенковско-Борщевский район имеет на Русской равнине исключительно важное значение, благодаря сосредоточию памятников на ограниченном участке правого берега Дона в его среднем течении. Здесь на всем протяжении верхнего палеолита царили настолько благоприятные условия существования, что этот участок долины Дона можно назвать истинным Эльдорадо древних охотников. Коренные меловые породы прорезаны широкими балками (логами), выходящими к реке. На прибрежной полосе, длиной порядка 9 км по прямой от самой северной стоянки (Костенки 19) до самой южной (Борщево 2) отмечено к настоящему времени свыше 20 пунктов в разной степени изученности. Учитывая многослойность некоторых из них, число стоянок и поселений возраста-

ет до 50. Все эти памятники приурочены к мысам, образованным балками и долиной реки, или внутри балок отвершками логов, и располагаются, как правило, на I и II надпойменных террасах или соответствующих седиментационных уровнях. Несколько стоянок лежат гипсометрически выше, в склоновых отложениях. Такое богатство разновременных в рамках верхнего палеолита и разнокультурных памятников служит для решения ряда естественно-исторических и историко-социальных проблем. Оно уникально и в определенной мере сравнимо лишь с ситуацией на р. Везер в Дордони (Франция) с многочисленными и многослойными гротами и скальными навесами или с ситуацией на Павловских холмах в Чехии с граветтскими поселениями на открытом воздухе.

Не умаляя значения других районов и отдельных памятников в Восточной Европе, следует признать, что именно району Костенки-Борщево принадлежит главенствующая роль в становлении и развитии науки о верхнем палеолите и палеолитическом искусстве на Русской равнине (Абрамова, Синицын, 2002).

В настоящее время в 24 культурных слоях 15 стоянок отмечены предметы неутилитарного характера и только в 7 из них фигуративные произведения: статуэтки женщин (Костенки 1, Костенки 13), фигурки животных (Костенки 1, Костенки 4, Костенки 11, Костенки 14), фигурки человека (Костенки 1, Костенки 2, Костенки 14), гравюры женщины (Костенки 1) и животных (Костенки 21).

Естественно произведения искусства должны быть рассмотрены в их историческом развитии, хотя установление хронологии стоянок, из которых они происходят, достаточно сложно и требует сопоставления различных данных. Для Костенок наибольшее значение имеет разработанная хроностратиграфическая схема, основанная на наличии в лессовидных отложениях гумусированных толщ и прослоек вулканического пепла, являющихся надежными маркирующими горизонтами (Лазуков, 1982). К наиболее древним отложениям нижней гумусированной толщи относится IV культурный слой Костенок 14, к верхней гумусированной толще II культурный слой этого памятника. Все остальные, упомянутые выше стоянки связаны с отложениями покровных суглинков, образующих делювиальный шлейф II и I надпойменных террас, и расчленение их производится, главным образом, на основании радиоуглеродного датирования, которое получает в настоящее время все большие размеры и больший вес. Тем не менее, необходимо заметить, что абсолютным датам не всегда можно придавать решающее значение и особенно выбирать наиболее подходящие к вкусам и представлениям исследователя. Лишь совпадение различных показателей поможет установить относительную древность памятников.

В недавней работе, посвященной радиоуглеродной хронологии, авторы уверяют, что в Костенковско-Борщевском районе «надежная стратиграфическая база явилась основой трехчленной периодизации костенковского палеолита, а привязка к ней большого количества памятников Восточной Европы на основе аналогий археологического материала, определила распространение трехчленной периодизации схемы на всю территорию Русской равнины» (Синицын, Праслов, 1997: 25). Теперь, с появлением большой серии радиоуглеродных дат, авторы предлагают хронологические границы трех групп памятников: древняя – 36 000 – 32 000, средняя – 32 000 – 27 000, поздняя – 27 000 – 20 000 лет назад. Эта схема кажется неоправданной: две первые формально должны быть объединены в древнюю со смещением нижней границы – 36 000 – 28 000 лет или разделены на две подгруппы , поздняя группа тогда получит обозначение как средняя, поскольку несомненное наличие поздней группы 19 000 – 12 000 лет по непонятным причинам выпало из поля зрения авторов. Предложенная схема позволит ввести Костенковско-Борщевский район в европейскую схему хронологии верхнего палеолита (см., например, Bosinski, 1982) и действительно привязать к ней стоянки других районов Русской равнины.

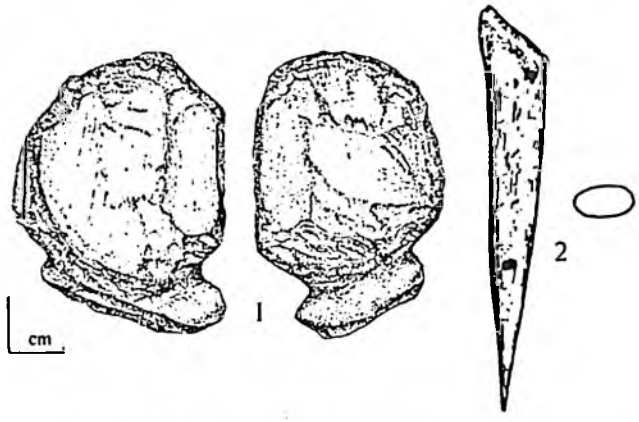

Рис. 121. Древнейшие произведения палеолитического фигуративного искусства на Русской Равнине:

1 – скульптурная головка человека из бивня мамонта (культурный слой IVб, раскопки А.А. Синицына),

2 – костяное шильце со скульптурным навершием в виде головы волка (культурный слой II, раскопки А.Н. Рогачева). Костенки 14.

Единственным памятником древней группы, который содержит первые на нашей территории фигуративные изображения: человеческую головку из IVб слоя и костяное шильце из II слоя, является **Костенки 14** (рис. 121). Эта многослойная стоянка находится на Маркиной горе – овражном мысе, образованном Покровским логом и его правым отвершком Ермишиным логом. Мыс возвышается над днищем Покровского лога на 15-20 м, над уровнем Дона – 30-35 м. Геологические условия

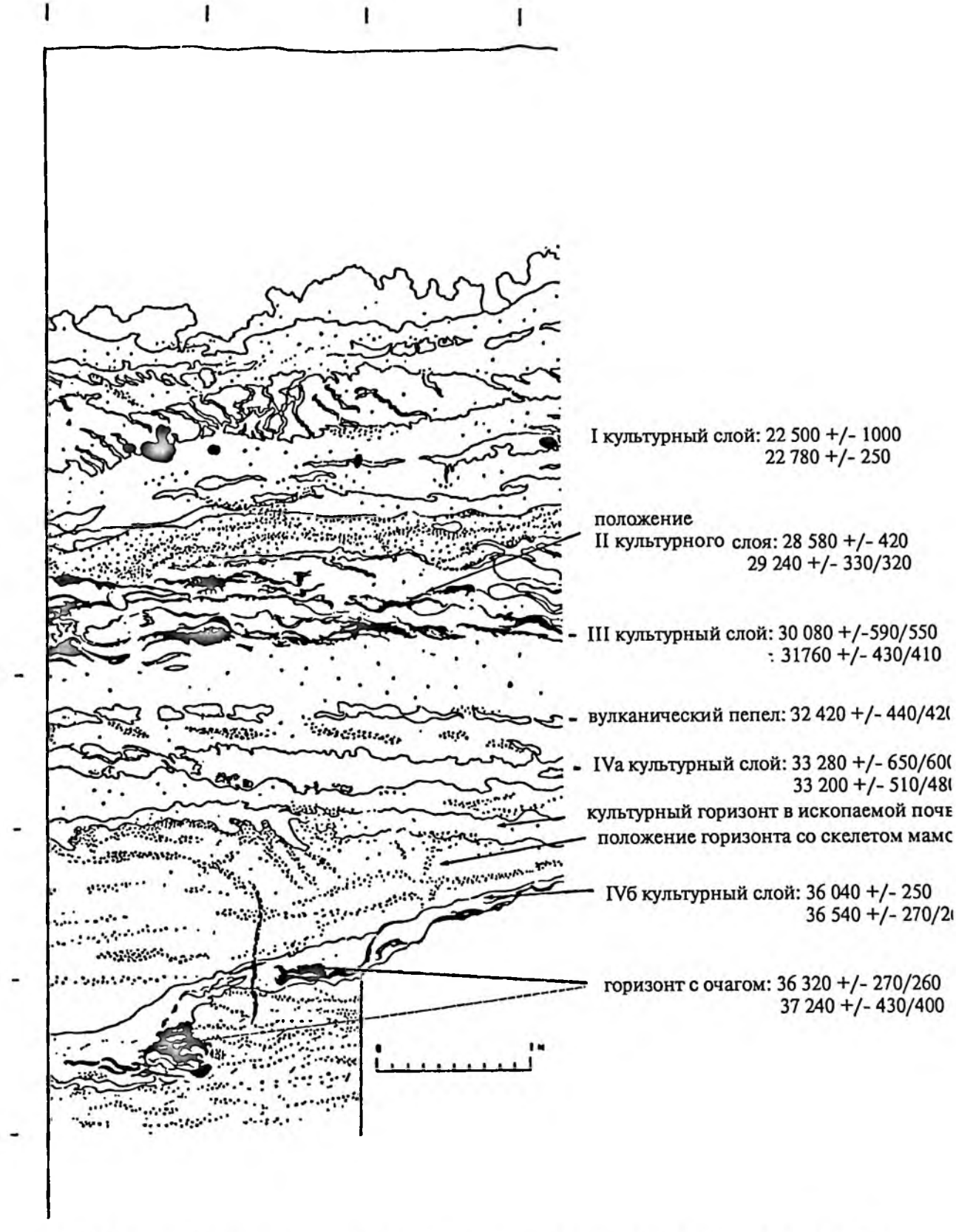

Рис. 122. Стратиграфическое положение культурных слоев в стоянке Костенки 14 (по: Sinitsyn et al., 2002б: fig. 1).

залегания культурных слоев являются типичными для стратиграфии памятников второй надпойменной террасы Дона и балок (Рогачев, Синицын, 1982). Вскрытая недавно А.А. Синицыным нижняя толща обнаруживает большую сложность (рис. 122). Самый нижний культурный слой IVб приурочен к горизонту слоистого серовато-сизого суглинка с включениями линз меловой щебенки, залегающего в основании отложений слоя 23 стратиграфического разреза на глубине порядка 4 м от

поверхности. В 1999 г. было установлено, что основная масса находок, связанных с этим слоем, залегает в переотложенном состоянии и происходит, видимо, из кратковременной стоянки, представленной «горизонтом очагов», сохранившем первоначальное положение на стрелке мыса, образованного слиянием двух небольших ручьев. Раскопки 2001 г. вскрыли противоположный склон одного из них, где остатки культурного слоя оказались явно переотложенными, при этом процесс разрушения слоя и перемещения находок был предельно быстрым (Синицын, 2002а, б).

По данным палинологического анализа, древесные породы представлены в этом слое в основном пыльцой ели (71-82 %), меньше сосны (10-22 %) и березы (3-6 %). Отмечены единичные зерна ольхи и дуба. Из травянистых растений преобладают злаковые (до 43 %), в нижней части слоя много пыльцы полыней и маревых. Разнотравье представлено пыльцой сложноцветных, цикориевых, гераниевых. Отмечены подтаежные растения. Среди споровых многочисленны зеленые мхи (80-91 %), встречаются папоротники (9-17 %) и гроздовник (3 %). Время существования слоя отнесено к оптимальной фазе раннего потепления среднего валдая – кашинского межстадиала (Спиридонова, 2002: 239, табл. I).

Этому заключению не противоречат радиометрические данные. Даты, полученные традиционным методом, дают: 34 940±630/590(GrA-13302), 36 040±250 (GrA-15957) и 36 340±270/260 (GrA-15961) (Sinitsyn, Hasaerts et al., 2002). Также по древесному углю из раскопа 1998 г. даты Оксфордской лаборатории оказались более молодыми: 32 600±280 (OxA-9568) и 35 280±330 (OxA-9569) (Sinitsyn, Otte, Hedges, 2002).

Вышележащий II культурный слой Костенок 14 установлен практически только в центральной части стоянки, в непосредственной близости к гребню мыса. Он приурочен к низам слоя темно-бурого интенсивно гумусированного суглинка (средняя прослойка верхней гумусированной толщи) (Рогачев , Синицын, 1982: 148-156).

По данным спорово-пыльцевого анализа II и III слоев Костенок 14 и аналогичного по залеганию IV культурного слоя Костенок 11 прослежен межстадиальный ритм, состоящий из нескольких спорово-пыльцевых комплексов, которые сменяют друг друга постепенно, что может указывать на непрерывность седиментации во время формирования этих горизонтов. В начале образования ритма в спорово-пыльцевом спектре велика роль пыльцы травянистых растений, но пыльца древесных пород составляет 50 %. Вверх по разрезу значение пыльцы древесных пород возрастает до 70 % в среднем, а пыльца травянистых, в которых во время всего ритма доминирует разнотравье, доходит до 30 %. Среди древесных выделяется смена преобладающих пород: сначала велика была роль пыльцы сосны, затем возросло значение ели, которая вверх по разрезу сменилась березой и сосной. На этих же глубинах отмечается увеличение в спектре пыльцы ольхи до 10 % , появляется пыльца вяза до 3 % и единично дуба. Среди травянистых отмечены сложноцветные, цикориевые, бобовые и гвоздичные, присутствует также пыльца полыни и маревых/лебедовых. В этих спорово-пыльцевых спектрах различна развитость пыльцы сосны. Выше по разрезу рецессивные формы отсутствуют, а пыльца сосны становится единственной доминантой в группе древесных пород. Весь ритм завершается вновь, как и в низах толщи, господством пыльцы ели, где она составляет 50 % пыльцы древесных (Малясова, Спиридонова, 1982: 240).

В фаунистических остатках из слоя II Костенок 14 преобладает лошадь – 19/2083, обилен заяц – 13/818, встречается благородный олень – 1/41, носорог – 1/16, северный олень – 1/11, мамонт – 1/8, тур или бизон – 1/1, сайга –1/1, из хищников волк – 1/4 и пещерный лев – 1/1, многочисленные грызуны: степная пеструшка, степная пищуха, полевка, желтая пеструшка, водяная крыса, хомяк и птицы (Верещагин, Кузьмина, 1977: 107).

Радиоуглеродные даты по кости: 19 300±200 (ЛЕ-1400), тот же образец в другой лаборатории – 25 090±310 (ЛУ-б/н); другие образцы кости 25 600±400 (ГИН-8030); 26 400±660 фракция А (ЛУ – 59а) и 28 200±700 фракция Б (ЛУ-59б); 28 580 ± 420 (OxA-4115). Единственная дата по древесному углю дала 28 380±220 (GrN-12598). Три последних даты почти совпадают, и по всей вероятности, являются наиболее точными (Синицын, Праслов, 1997: 51).

Для среднего хронологического этапа в Костенках характерно широкое развитие фигуративной скульптуры из бивня и известнякового мергеля. Эталонное место буквально со времени первых открытий принадлежит верхнему I слою **Костенок 1**, многослойной стоянки, расположенной на второй надпойменной террасе левого берега Покровского лога – сильно сглаженном мысу, образованном тальвегом лога и его отвершком – Козловым логом. Стоянка была открыта в 1879 г. И.С. Поляковым, верхний слой исследовался неоднократно, но только с 1923 г. П.П. Ефименко предпринял систематические раскопки 1 жилого комплекса, а с 1971 г. началось широкое исследование 2 жилого комплекса А.Н. Рогачевым и Н.Д. Прасловым (Ефименко, 1958; Рогачев, Праслов, Аникович и др., 1982).

Верхний культурный слой, который в дальнейшем будет обозначаться как Костенки 1, залегает в отложениях серо-коричневого суглинка толщиной 0.5 м непосредственно под мощным слоем

современной почвы. Палинологические анализы имеют значение только для нижележащих слоев. Фаунистические остатки определены частично по результатам раскопок 1936 г. и шурфов А.Н. Рогачева 1950 гг. Из травоядных отмечены единичные кости лошади, северного оленя и овцебыка. Много костей зайца (8/236) и волка (9/370), встречаются кости песца (3/139) и лисицы (3/28), единичные – росомахи и бурого медведя. Из грызунов, отмечены слепыш, бобр, хомяк (Верещагин, Кузьмина, 1977: 100). Необходимо подчеркнуть обилие костей мамонта, по самым скромным подсчетам они могли принадлежать не менее 150 особям.

В настоящее время для Костенок 1 имеется более 40 радиометрических измерений. Часть их исключена из рассмотрения по полному несоответствию, как, например, широко вошедшая в западную литературу дата 14 020±60 (ГИН-86) по костному углю, полученная в начале разработки метода. Часть измерений в диапазоне 20 000 – 18000 лет считаются «несомненно омоложенными». Большинство дат заключено в интервале 23 820 – 22 000 лет назад (Синицын, Праслов, 1997: 29).

Бесспорно к этому времени относится и стоянка **Костенки 13**, расположенная в непосредственной близости от Костенок 1 и, по всей вероятности, связанная с этим поселением. Обнаружена А.Н. Рогачевым и вскрыта на небольшой площади в 1958 и 1974 гг., материалы невелики, но представляют большой интерес, в том числе находка костей от более 20 особей песца (Рогачев, Беляева, 1982), в то время как остальная фауна представлена единичными остатками мамонта, северного оленя, тура или бизона, зайца, лисицы, пещерного льва. Даже 80 костей волка принадлежали одной особи (Верещагин, Кузьмина, 1977: 106).

Далее, к той же эпохе, но к другой археологической культуре относится верхний слой стоянки **Костенки 4**. Стоянка находится в устьевой части слившихся при впадении в долину Дона двух глубоких оврагов: Александровского и Бирючьего. Она расположена по левому борту оврага у самого края поймы в отложениях первой надпойменной террасы, открыта в 1927 г. С.Н. Замятниным. Раскопки были продолжены в 1928 г. П.П. Ефименко и в 1937-1938 гг. А.Н. Рогачевым, обнаружившим два культурных слоя, сближенных до слияния, но тем не менее, резко отличающихся по формам жилищ, кремневому и костяному инвентарю. Они залегают в светло-буром суглинке на глубине 0.8 м под мощным слоем чернозема. Суммарная толщина культурных слоев 0.45 м (Рогачев, 1955; Рогачев, Аникович, 1982).

Как в Костенках 1, условия залегания не дают возможности провести палинологический анализ. Исходя из того, что культурные слои практически налегали друг на друга, в большинстве случаев костные остатки не были разделены, поэтому фаунистический список дается суммарно: мамонт – 2/272, лошадь – 6/421, северный олень – 2/76, сайга – 1/6, тур или бизон – 1/5, благородный олень – 1/3, носорог – 1/2, кабан – 1/1, заяц – 99/3356, песец – 6/163, волк – 2/105, пещерный лев – 2/58, росомаха – 1/3, пещерный медведь – 1/2; грызуны: хомяк, суслик, слепыш, слепушонка, бобр, сурок (Верещагин, Кузьмина, 1977: 102).

Для Костенок 4 (без указания слоя) получены две радиоуглеродные даты: 22 800±120 (ГИН-7995) по ребру мамонта из раскопок 1937 г. и 23 000±300 (ГИН-7994) по фаланге лошади из раскопок 1927-1928 гг. (Синицын, Праслов, 1997).

Следующий памятник – многослойная стоянка **Костенки 11** (Аносовка 2) расположена на мысу между Аносовым логом и его отвершком на высоте второй надпойменной террасы 20-25 м над уровнем Дона. Открыта в 1951 г. А.Н. Рогачевым и исследовалась им в последующие годы. Четыре культурных слоя залегают в толще лессовидного суглинка. К сожалению, они не имеют привязки к стратиграфическому разрезу в шурфе на площади стоянки, описанному М.Н. Грищенко (Рогачев, Лазуков и др., 1981; Рогачев, Попов, 1982). По той же причине нельзя воспользоваться детально разработанными результатами спорово-пыльцевого анализа. Для интересующего нас II культурного слоя имеются лишь фаунистические данные. В список входят мамонт – 1/21, носорог – 1/2, лошадь – 1/3, благородный олень – 1/1, заяц – 5/251, волк – 5/228, песец – 5/134, росомаха – 2/3, пещерный лев – 1/6, бобр – 2/2 (Верещагин, Кузьмина, 1977: 105). Любопытно, что среди костей в этом слое нет остатков северного оленя. Во II культурном слое открыты два жилища в виде линз культурных остатков диаметром 6 м на расстоянии 15 м друг от друга. Радиоуглеродная дата 15 200±300 (ТА-34) получена по кости из южного жилища. В 1981 г. костный уголь дал значительно более древнюю датировку 21800±200 (ГИН-2531). Последняя дата подтверждается данными вышележащего слоя Ia с остатками жилища из костей мамонта: 19 900±350 (ГИН-2532) по костному углю и 18 700±80 (ГИН-8079) по кости мамонта.

Особое место занимает III, нижний слой стоянки **Костенки 21**, расположенной на низкой надпойменной террасе Дона, интенсивно размываемой рекой. Стоянка открыта Н.Д. Прасловым в 1956 г. и исследовалась им в последующие годы. В 1971 г. открыт нижний слой, который в ходе дальнейших работ был обозначен как III-й. Он приурочен к ископаемой почве, разбитой многочисленными трещинами на мелкие блоки с волнистой поверхностью. Люди поселились здесь, когда завершилось почвообразование на аллювиальных

отложениях во время понижения уровня Дона. В дальнейшем уровень Дона повысился и терраса стала заливаться во время весенних паводков. На это отчетливо указывают слоистые осадки, перекрывающие ископаемую почву. Затем начались интенсивные процессы делювиальных размывов склонов и накопление слоистого делювия. Ископаемая почва имеет дату около 23 000–22 000 лет, поэтому формирование вышележащих суглинков приходится на максимум верхнеплейстоценового похолодания, которое имело место в Европе около 20 000 лет назад (Праслов, Иванова и др., 1981; Праслов, Иванова, 1982).

Спорово-пыльцевые анализы позволили выделить снизу вверх три палинологических комплекса. I комплекс характеризует аллювиальную часть разреза. В спектре абсолютно господствует пыльца полукустарничков и травянистых растений – 60-95 %. Доминирует пыльца полыни, маревых и астровых. Пыльца древесных пород представлена единичными зернами ели, сосны, ольхи, березы древовидной и кустарниковой. Судя по ряду признаков, здесь развивались ксерофитно-полукустарниковые опустыненные степи с господством маревых, полыни и ксерофитного разнотравья.

II комплекс характеризует погребенную почву и культурный слой. В составе спектров, хотя и преобладает пыльца полукустарничков и травянистых растений (55-60 %), но по сравнению с первым комплексом заметно увеличивается количество пыльцы древесных пород (до 40 %). Преобладает пыльца сосны обыкновенной (56 %), в меньшем количестве представлена пыльца ольхи (22 %) и березы древовидной и кустарниковой (18.7 %). Среди полукустарничков и трав доминирует пыльца полыни (30 %) и маревых (20 %). По сравнению с первым комплексом в большем количестве отмечена пыльца злаковых (до 12 %) и разнотравья (розоцветные, лютиковые, гвоздичные, бобовые и др.). Судя по составу спектров, во время формирования почвенного горизонта также господствовали степи, но более мезофильного облика по сравнению со степями предыдущего этапа. Изменение климата и особенно усиление влажности привели к появлению в этом районе небольших островков леса. По древесным углям из III культурного слоя определена исключительная роль ели Picea excelsa.

III комплекс характеризует суглинки, перекрывающие ископаемую почву. В составе спектров абсолютно преобладает пыльца полукустарничков, полыни, маревых (35-55 %) и ксерофитного разнотравья (цикориевые, васильковые, вьюнковые, гвоздичные и др.). Этот комплекс отражает полное безлесие территории и господство ксерофитных полукустарничковых опустыненных перигляциальных степей (Праслов, Иванова и др., 1981: 11, 14). Фаунистический список включает мамонта – 3/298, лошадь – 3/21, северного оленя – 1/36, бизона – 1/4, зайца – 6/214, песца - 2/11, волка – 1/23, сурка – 1/2 (Верещагин, Кузьмина, 1977: 110). Обращает на себя внимание сочетание таких холодостойких видов как северный олень и песец с типичными обитателями умеренной зоны – лошади и бизона. Наличие костей сурка указывает на существование степных условий. В фауне моллюсков, определенной В.М. Мотузом, из ископаемой почвы и из культурного слоя, представлены как наземные, так и пресноводные формы. Среди наземных преобладает Succinea oblonga D., Succinea elegans R. и др. Среди пресноводных много Anisus spirorbis L., Anisus vortex L., Gyraulus laevis A., Gyraulus albus и др. Этот тафоценоз может относиться к стоячей воде, которая существовала в прибрежной части реки. Некоторые моллюски свидетельствуют о накоплении вмещающих фауну суглинков в водной среде. Наземные моллюски поселялись в траве во время спада воды (Праслов, Иванова и др., 1981: 11).

Возраст памятника основан на трех радиоуглеродных датах, две из которых получены по одному образцу древесного угля, поделенному пополам: 16 960±300 (ЛЕ-1043) и 22 270±150 (GrN-7363). Позже в Гронингенской лаборатории получена еще одна дата по древесному углю: 21 260±340 (GrN-10513). Учитывая, что даты этой лаборатории чаще рассматриваются как омоложенные, их, видимо, следует считать более достоверными. Еще одна дата 26 765±2 000 (TATL), полученная в Таллинской лаборатории по термолюминисцентному анализу образца обожженного суглинка из стенки очага, скорее всего, соответствует времени накопления суглинка, подстилающего культурный слой. Отмечается, что анализ данных различных методов «... позволил достаточно надежно реконструировать природную среду времени поселения нижнего культурного слоя Костенок 21. Это было короткое слабое потепление внутри набирающего силу максимального похолодания в Европе, от которого остались следы в культурном слое в виде эпигенетических морозобойных трещин» (Праслов, Иванова, 1981: 209).

Стоянки поздней группы бедны произведениями искусства. Среди них выделяются **Костенки 2**, единственная стоянка, имеющая фигуративное изображение – костяной стерженек антропоморфного облика (рис. 123). Костенки 2 находится на пологом мысу левого борта приустьевой части Аносова лога. Открыта в 1923 г. экспедицией П.П. Ефименко, раскапывалась в 1927 г. С.Н. Замятниным, в 1950-х годах П.И. Борисковским (Борисковский, Дмитриева, 1982). Раскопками вскрыто три комплекса, представляющих, возможно, три участка одного поселения. Единственный культурный

слой связан со светло-палевым суглинком со значительным содержанием обломков мела (слой 3 стратиграфии Г.И. Лазукова).

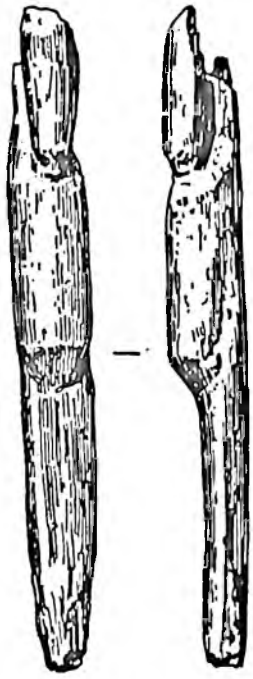

Рис. 123. Костяной стержень антропоморфного облика. Костенки 2.

Культурные остатки первого комплекса залегают в нижней части суглинка и представляют собой развалины жилого сооружения из костей мамонта. С юго-восточной стороны к жилищу примыкает «камера», тщательно выложенная из костей мамонта, заключавшая в себе нижнюю часть скелета человека, верхняя же часть находилась в самом жилище. По мнению П.И. Борисковского (1963: 55-59), это останки намеренно погребенного человека в сидячем положении со связанными ногами в специально построенной погребальной камере. Упомянутая выше фигурка человека была найдена на полу жилища, в том же месте что и разрозненные кости человека. Хотя авторы утверждают, что «положение находок не дает оснований говорить о каком-то ее отношении к погребальному обряду» (Борисковский, Дмитриева, 1982: 72), все же непосредственная близость к человеческим костям заставляет вспомнить о погребении в Брно.

Остатки человеческого скелета были изучены М.М. Герасимовой (1982). Череп сохранился очень плохо, его реставрация и реконструкция были проведены М.М. Герасимовым (1964), ему принадлежит и реконструкция внешнего облика. Анализ костей позволяет определить пол скелета как мужской. Возраст пожилой, все швы заросли совершенно, их почти не видно. Очень сильно почти до полного сечения коронки стерты зубы. Череп крупный, вместимость равна 1500 см^3. Лицо крайне низкое, в скулах крайне широкое. Вертикальный профиль лица резко ортогнатен. Подбородок ясно выражен, затылок округлый. Фрагментарность затрудняет детальное сравнение с другими ископаемыми находками. Характерное сочетание длинного крупного черепа с крайне низким и широким лицом позволяет включить эту находку, по мнению М.М. Герасимовой, в группу «кроманьонцев» в понимании французских антропологов, но этому противоречит резко ортогнатный череп.

Фауна дается списком без указания пропорций: мамонт (более 28 особей), лошадь, северный олень, песец, лисица, пещерный лев, заяц, носорог, волк, бурый медведь, щука. В целом, можно сказать, что она холодостойкая.

Вопрос о возрасте стоянки Костенки 2 спорен. В работе А.А. Синицына и Н.Д. Праслова (1997: 32) приводится лишь одна «не поддающаяся объяснению» дата в 37 900±900 (ГИН-7993) по кости мамонта (хотя, возможно, причина столь древнего показателя заключается именно в материале – древней кости, принесенной на стоянку). Странно, что четыре других даты, указанные в списке, в тексте даже не упоминаются. Одна из них 23 800±150 (ГИН-7992) по другой кости мамонта соответствует периоду I слоя Костенки 1, другая 11 000±200 (ГИН-93) по кости получена давно и может быть отнесена за счет неразработанности метода, но две оставшиеся 16 190±150 (ЛЕ-1599) и 17 300±100 (ГИН-8570), по костям в недавнее время и в разных лабораториях, могут реально, на наш взгляд, отвечать возрасту стоянки. Это представление не противоречит мнению П.И. Борисковского (1963: 79), который ссылается на заключение П.П. Ефименко, относившего стоянку к раннемадленскому времени, считая ее более поздней, чем Костенки 1 и Тельманская и более древней, чем Борщево 2 (Ефименко, 1953: 315,316). К тому же мнению пришли Г.И. Лазуков (1961: 411) на основании геолого-геоморфологических данных и Г.Ф. Дебец (1955: 48), установивший, что человеческий скелет обнаруживает наибольшее сходство с поздними кроманьонцами мадленского времени.

А.Н. Рогачев и Н.Д. Праслов (1982: 263-267) отмечают, что материалы раскопок палеолитических памятников в Костенковско-Борщевском районе на Дону со всей определенностью подчеркивают своеобразие развития материальной и духовной культуры верхнепалеолитического населения Восточно-Европейской равнины. Исследование многослойных стоянок, сосредоточенных на ограниченном участке долины Дона, позволило решить многие спорные вопросы хронологии памятников и полностью отказаться от использования стратиграфической схемы развития верхнего палеолита, выработанной во Франции. Усовершенствование

радиоуглеродного метода позволило получить серии абсолютных дат для основных костенковских стоянок, дающих возможность показать своеобразие культуры на разных территориях.

Как уже говорилось, фигуративное искусство раннего этапа представлено только в двух разновременных слоях Костенок 14. Любопытно, что материальная культура IVб при столь большой бесспорной древности не обладает признаками «архаизма». Кремневый инвентарь характеризуется пластинчатой техникой первичного расщепления и набором орудий из скребков, асимметричных двугранных резцов, долотовидных и двустороннеобработанных изделий овальной и подтреугольной формы. Эта коллекция, по словам А.А. Синицына, не имеет прямых аналогий в материалах Костенок. В костяном инвентаре отмечены роговые «мотыги», ребро с искусственно прорезанным продольным пазом, острия, стержень из бивня мамонта с поперечными нарезками орнаментального характера и пр. (Синицын, 2002а). Наряду с таким развитым инвентарем особое значение имеет головка человека, вырезанная из куска бивня мамонта. Она, видимо, не закончена и сломана в процессе изготовления, но общие овальные очертания и четко выраженный перехват шеи не оставляют сомнений в ее идентификации как древнейшей скульптуры человека в палеолите Европы (рис. 121, 1; там же: 228-229, рис. 9).

Удивительно, что II культурный слой Костенок 14 по своим типологическим характеристикам каменного инвентаря оказывается «наиболее архаичным». В нем преобладает мустьероидная техника обработки кремня и кварцита, почти нет пластин и полностью отсутствуют резцы, хотя в коллекции имеется много костяных изделий, в том числе с достаточно сложным геометрическим орнаментом. II культурный слой приурочен к среднему горизонту верхней гумусированной толщи и относится по радиоуглероду к 28-му тысячелетию. Он входит в так называемую городцовскую археологическую культуру, к которой отнесены также несколько отличающиеся материалы из Костенок 15 и Костенок 16. Эта археологическая культура полностью отличается от одновременной ей пока еще неопределенной культуры, представленной II культурным слоем Костенок 8. Более того, в литературе отмечается, что сами памятники городцовской культуры по кремневому инвентарю «не идентичны» и даже «весьма различны» (Рогачев, Аникович, 1984: 183). Создается даже впечатление, что они объединены, главным образом, по наличию своеобразных костяных лопаточек с рукоятью. С другой стороны, указывается на определенное сходство подвесок и орнаментов II слоя Костенок 8 и II слоя Костенок 14 (Рогачев, Аникович, Дмитриева, 1982: 107).

Большое разнообразие в культуре характерно и для последующего этапа – времени отложения лессовидных суглинков и лесса выше верхней гумусированной толщи. Наиболее выразительная костенковская археологическая культура представлена стоянками, сосредоточенными в Покровском логу (I слой Костенок 1, Костенки 13, 18 и I слой Костенок 14). Благодаря исключительному сходству главной из этих стоянок с Авдеево культура получила название костенковско-авдеевской. Каменный инвентарь представляет призматическую пластинчатую технику расщепления с однополярными нуклеусами. Среди орудий находятся резцы различных типов, скребки на конце пластины, ножи и наконечники костенковского типа: с боковой выемкой и подтеской с брюшка; листовидные наконечники, проколки, пластины и пластинки с притупленной спинкой. Обильный костяной инвентарь с широким использованием бивня мамонта и рога включает шилья, иглы, наконечники копий, лопаточки, лощила, мотыги, стержни, просверленные жезлы и т.д. Характерны произведения искусства, особенно фигуративные (рис. 124 – 129): серии великолепных женских статуэток из бивня мамонта и мергеля, единственная в Восточной Европе гравюра женщины на плитке мергеля, серия мергелевых фигурок мамонта и животных, намеренно изображенных без головы, отдельные головы хищников: льва, медведя, волка, неопределимых животных и птиц. Заметное место принадлежит знаковой скульптуре, имеющей отношение к женщине; антропоморфно-зооморфные и полиэйконические головки; серии различных украшений, как вырезанных из бивня и мергеля, так и естественного происхождения: фрагменты диадем и браслетов, подвески. Широко развит орнамент (Ефименко, 1958; Рогачев, Праслов и др., 1982; Праслов, 1986).

Материалы костенковско-авдеевской культуры настолько обильны и впечатляющи, что именно на их основании устанавливаются культурные параллели не только внутри Костенковско-Борщевского района, но и значительно шире, в материалах стоянок Восточной и Центральной Европы.

Ряд стоянок с фигуративным искусством относится к той же эпохе, но и к другим, пока еще четко не обозначенным археологическим культурам. Так, верхний слой **Костенок 4** имеет заметные отличия от Костенок 1: иной характер жилища, отсутствие самого типичного в кремневом инвентаре орудия – наконечника с боковой выемкой, а среди произведений искусства – отсутствие образа женщины. Найденные в Костенках 4 антропоморфные , по мнению А.Н. Рогачева, поделки из бивня мамонта удлиненной формы с овальным концом очень далеки от обычного реалистического изображения женщины (Рогачев, 1955). О свяР

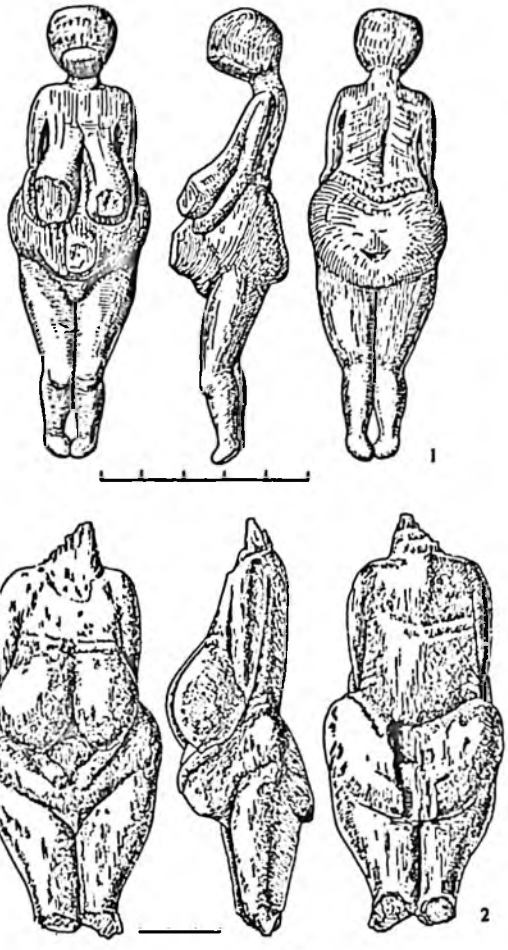

Рис. 124. Женские статуэтки из бивня мамонта. Костенки 1.

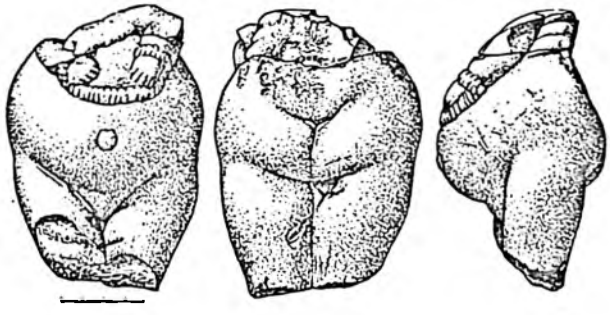

Рис. 125. Женская статуэтка из мраморовидного известняка. Костенки 1.

Рис. 126. Головка женской статуэтки из известняка. Костенки 1.

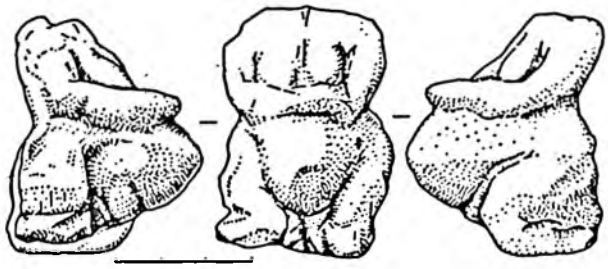

Рис. 127. Женская статуэтка из известняка в позе роженицы. Костенки 13.

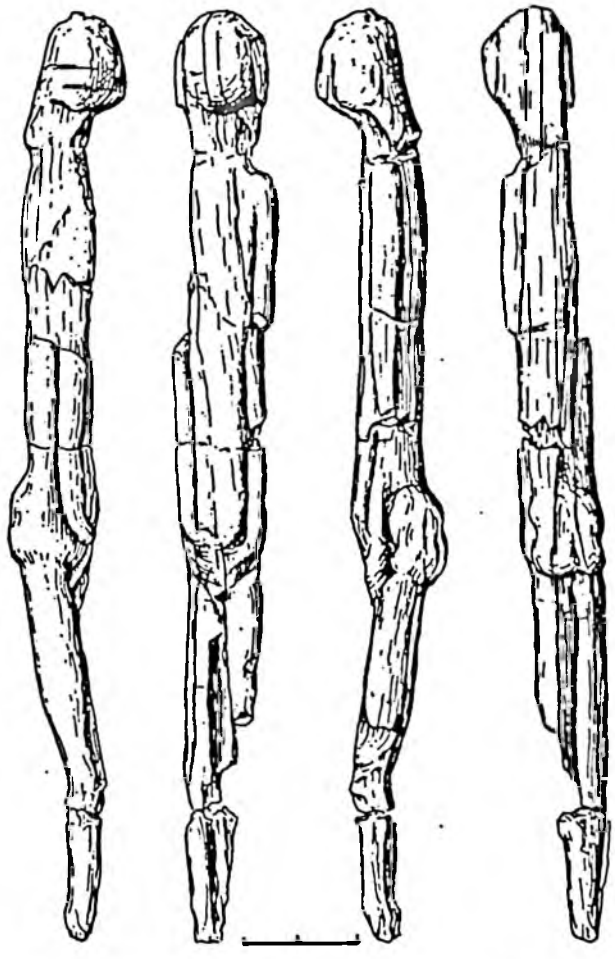

Рис. 128. Статуэтка человека из бивня мамонта. Костенки 1.

зях Костенок 4 с Костенками 1 свидетельствуют, главным образом, фигурки животных из мергеля: 5 мамонтов, 3 бизона, зооморфная голова (барана?), фрагменты и заготовки неопределимых животных. Наиболее выразительны изображения мамонта, которые, хотя и кажутся различающимися с первого взгляда, но в частностях имеют много общего. Так, крупная фигура мамонта из Костенок 4 по общему контуру совершенно аналогична лучшим фигуркам мамонта из Костенок 1 (Абрамова, 1962: 24, табл. XX, 2).

Значительно более мелкие фигурки животных, также вырезанные из мергеля, происходят из слоя II **Костенок 11**. Это 12 целых и 3 фрагмента

статуэток мамонта, целая и 3 фрагмента статуэток носорога (Рогачев, 1962). Они обнаруживают определенное сходство со скульптурными поделками из Костенок 1 и Костенок 4 не только по материалу, но и по форме, несмотря на своеобразную передачу облика мамонта. Особенно показательна в этом отношении фигурка сидящего мамонта из Костенок 4 того же типа, что и в Костенках 11. К сожалению, верхняя часть этой фигурки отбита в древности, что, как и более крупные ее размеры, не позволяет говорить об их полной тождественности (Абрамова, 1962: 24, табл. XX, 4). С другой стороны, крошечная фигурка стоящего мамонта из Костенок 11 близка по общим контурам типичным статуэткам из Костенок 1. Схематичные, но легко узнаваемые фигурки носорога не имеют аналогий, хотя статуэтки животных, намеренно лишенные головы, из Костенок 1 могли изображать носорога (впрочем, так же вероятно, как и медведя). Костяное шильце с навершием в виде головы животного близко не только подобному изделию из слоя II Костенок 14, но и стерженькам с зооморфным навершием из Авдеева или Хотылево 2 за пределами Костенковско-Борщевского района.

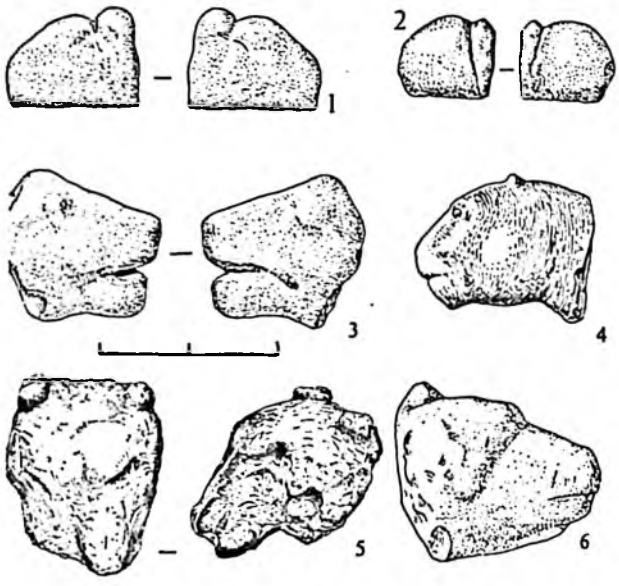

Рис. 129. Фигурки и головки животных из известняка. Костенки 1.

Несколько моложе перечисленных памятников должен быть III (нижний) слой **Костенок 21**, залегающий в отложениях первой надпойменной террасы Дона. Этот самобытный памятник, тем не менее, имеет ряд связующих элементов с другими стоянками, обладающими произведениями искусства. Прежде всего, в нем отмечены гравированные изображения животных, единственные в Костенковско-Борщевском районе и в целом на Восточно-Европейской равнине (рис. 130; Праслов, 1985). Исключение составляет только гравюра женщины из Костенок 1. Плоский «жезл» из крупной пластинки бивня, украшенный орнаментом, в определенной степени, сходен с «жезлом» из верхнего слоя Костенок 4 (Праслов, Иванова, 1982).

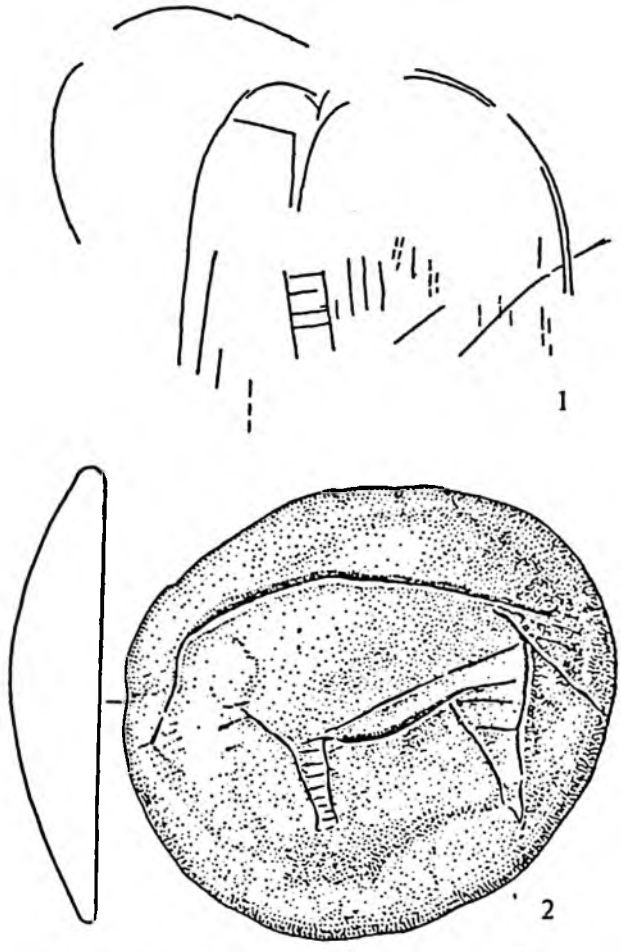

Рис. 130. Гравюры животных:
1 – мамонта на плитке сланца,
2 – гравюра зверя на гальке песчаника.
Костенки 21, III культурный слой.

Как отмечают А.Н. Рогачев и Н.Д. Праслов (1982: 266), ко времени максимального похолодания, наступившего после гмелинского интервала, соответствующего интерстадиалу тюрсак во Франции, относится слой Ia Костенок 11 с остатками жилищ из костей мамонта. Они считают возможным отнести к этому времени культурный слой **Костенок 2**. Представляется более вероятным, что эти памятники должны были существовать после максимума похолодания, когда ледник уже отступил к северу и создались благоприятные условия для нового заселения этой территории. Нет никаких оснований согласиться с утверждением о полной незаселенности Костенковско-Борщевского района после максимального похолодания.

Вне Костенковско-Борщевского района на всей территории Восточно-Европейской равнины до сих пор не открыты памятники, соответствующие древнейшему этапу верхнего палеолита в Кос-

тенках. Интересно, что на стоянках стрелецкой культуры, достаточно широко представленных в Костенках на древних этапах, не выявлено ни одного предмета, имеющего отношение к искусству. Тем более странно причислять к этому этапу стоянку Сунгирь в бассейне Оки (см., например, Hoffecker, 1988). Действительно, в каменном инвентаре Сунгиря имеются некоторые соответствия инвентарю стрелецкой культуры, но на этой стоянке присутствует истинный «взрыв» творческой деятельности в области украшений и произведений искусства, в том числе фигуративного (изображения животных) из бивня, кости и камня. Разумеется, Сунгирь не является и ориньякским памятником. Сопоставление всех данных, в том числе и радиоуглеродных, позволяет отнести его к средней хронологической группе стоянок на Русской равнине, но к более древнему времени, чем Костенки 1 (I слой).

Стоянка находится у восточной окраины г. Владимира в около 200 км к восток-северо-востоку от Москвы, на высоком левом берегу р. Клязьмы, притока Оки, и на правом берегу, впадающего в нее ручья Сунгирь. Стоянка была открыта в 1955 г. машинистом экскаватора А.Ф. Начаровым, раскапывалась О.Н. Бадером в 1956-1975 гг. (Бадер О.Н., 1978), Н.О. Бадером в 1986-1995 гг. (Бадер Н.О., Лаврушин, 1998). Полная колонка отложений зафиксирована в северо-западной стенке раскопа 1986-1989 годов по описанию Н.О. Бадера, Л.А. Михайловой и С.М. Цейтлина (там же: 170). Культурный слой связан с нижней зоной почвообразования – темно-серым гумусированным суглинком (глубина залегания вместе с верхней зоной почвообразования, т.е. слоев 8 и 9 – 2.7 – 3.7 м). Обе почвы нарушены солифлюкцией. Согласно схеме С.М. Цейтлина (1965), культурный слой стоянки приурочен к основанию толщи покровных суглинков, в которой выделяются различные возрастные генерации и несколько погребенных почв.

Палинологические анализы 1987 г., выполненные Е.А. Спиридоновой, позволили охарактеризовать не только среду обитания древнего человека, но и впервые проследить изменение палеоландшафтов большой части верхнего плейстоцена, начиная со среднего валдая. Установлено, что во время образования гумусового горизонта создавались наиболее благоприятные условия для произрастания еловых лесов. На некоторых участках ель могла образовывать леса северо-таежного типа и только иногда в их состав входили береза и сосна. Некоторые участки были заняты разнотравными лугами, где преобладали астровые, цикориевые и злаковые. Пыльца зеленых мхов свидетельствует, что пониженные участки представляли собой болота. Этот цикл, как отмечает Е.А. Спиридонова, соответствует времени межстадиального оптимума среднего валдая. Климат был прохладным, влажным, близким к бореальному типу (Бадер Н.О., Лаврушин, 1998: 205).

Фауна из раскопок 1955-1964 гг. определена В.И. Громовым (Сукачев и др., 1966: 74). Отмечено много остатков мамонта; лошади, сходной с таубахской, и песца; очень много северного оленя, тогда как заяц-беляк представлен 17 костями, копытный лемминг – 2-5 и пеструшка – 3-5. Из травоядных упоминается бизон ? (Bison sp.) – 1-3 кости и сайга – 1-2; из хищников волк – 16-17 костей, бурый медведь – 1, пещерный лев (Felis sp. Gold f.) – 1; из птиц по одной кости дикой курицы, тетерева и чайки серебристой.

Л.И. Алексеева дает примерный подсчет особей/костей по данным раскопок 1973 г. (Бадер Н.О., Лаврушин, 1998: 257): песец – 3/29, северный олень – 2/20, лошадь – 1/7, мамонт – 1/6, волк – 2/2, заяц – 1/1 и, кроме того, приводит в той же работе полный список фаунистических остатков в культурном слое. К уже перечисленным добавляются лесная куница и грызуны: пищуха, полевка, суслик; вносится уточнение в определение лошади, пещерного хищника и лемминга (см. ниже). Большой интерес представляет заключение Л.И.Алексеевой по характеру фауны в целом и рассмотрение отдельных видов как охотничьей добычи. «По составу основных видов фауна стоянки Сунгирь – это типично мамонтовая фауна, существовавшая в условиях своеобразной ландшафтно-климатической обстановки типа достаточно холодной тундро-степи (Верещагин, Кузьмина, 1977), развившейся в перигляциальной зоне последней (валдайской, вюрмской) ледниковой эпохи» (Бадер Н.О., Лаврушин, 1998: 240). Приводя данные О.Н. Бадера (1978: 70) о скоплениях крупных костей мамонта, беспорядочно залегавших в культурном слое, Л.И.Алексеева отмечает значительную раздробленность костей, позволяющую думать, что на мамонтов охотились. Об этом же свидетельствуют и нередкие находки костей и зубов молодых особей. Интерес к мамонту нашел отражение в одной из фигурок (рис. 131, 3). Сильная измельченность костей северного оленя затрудняет его отнесение к тундровой или лесной форме. По предположению Л.И. Алексеевой, северные олени, обитавшие в позднем плейстоцене на территории западных и центральных областей Европы, тяготели к полуоткрытым лесным участкам. Потепление климата и связанные с ним изменения ландшафтов и растительности повлекли за собой резкое сокращение ареала. Там, где остатки северных оленей встречаются вместе с костями песцов и леммингов, они могут входить в состав тундрового биотопа. Песцы стоянки Сунгирь крупных размеров и хотя, как подчеркивает Л.И. Алексеева, это весьма относительный признак, они стоят

ближе к тундровому типу, чем к лесному. Лемминг был первоначально определен как копытный (Dicrostonyx cf. torquatus Pall.), позже А.К. Маркова, по материалам раскопок 1974 г. установила наличие Dicrostonyx guilielmi Sant. По всей вероятности, в списке должен остаться только этот последний вид, который является непосредственным предком современного вида Dicrostonyx torquatus. Именно он был широко распространен в позднем плейстоцене Европы.

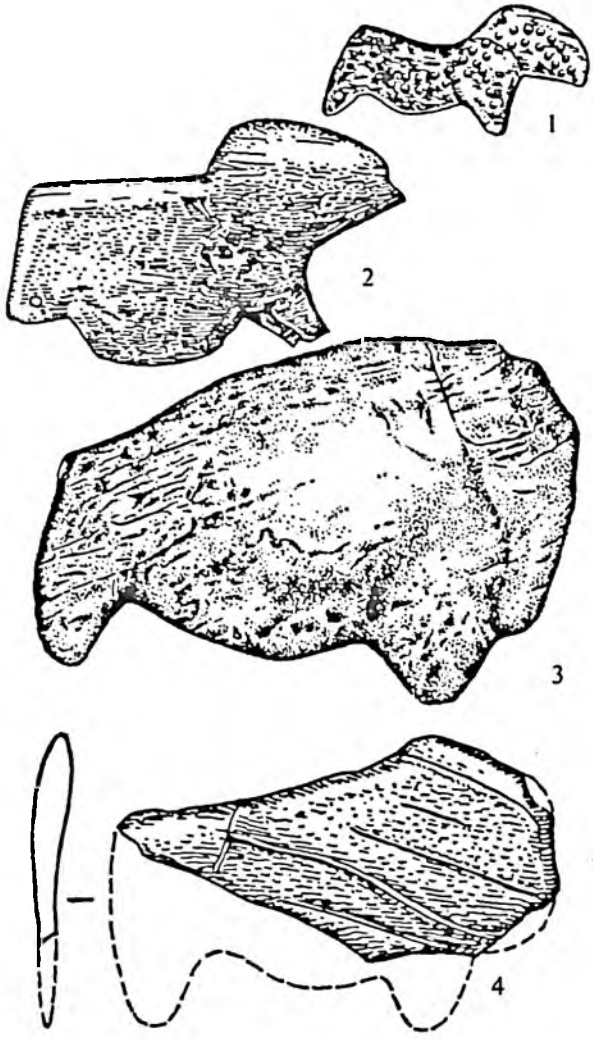

Рис. 131. Плоская скульптура из бивня мамонта:
1, 2 – лошадь;
3 – мамонт;
4 – бизон. Сунгирь.

Наибольший интерес для нас имеет лошадь, представленная, помимо многочисленных костей, двумя фигурками, одна из которых найдена в культурном слое, вторая в двойном погребении (рис. 131, 1, 2). В свое время В.И. Громова (1949) установила наличие в Костенках широкопалой лошади Equus latipes, которая рассматривалась как особый подвид кабаллоидных лошадей с широкими копытами. Позже И.Е. Кузьминой (1980) удалось доказать, что Equus latipes была самостоятельным видом, распространенным в верхнем плейстоцене в равнинных районах Восточной Европы. Особенности строения ног позволяли им обитать в лесах, на плоскогорьях и в тундре. Сравнение размеров и пропорций костей нижних отделов конечностей лошадей из Костенок и Сунгиря показало их полное соответствие. Остатки крупных быков очень редки в Сунгире, как, впрочем, и в других верхнепалеолитических стоянках региона. В.И. Громов условно отнес единственную находку – вторую фалангу к Bison sp. (Сукачев и др., 1966: 78), животному, называемому отечественными палеонтологами зубром. По заключению Л.И. Алексеевой, «Редкость находок зубров (при полном отсутствии быков рода Bos) позволяет думать, что зубры не являлись обычными обитателями этой части перигляциальной зоны и, следовательно, вероятнее всего, так же как и сайга, не являлись регулярными объектами охоты сунгирского человека» (Бадер Н.О., Лаврушин, 1998: 247). В этой связи интересно отметить наличие в Сунгире фигурки бизона (если эта дефиниция корректна по отношению к фрагментарному предмету (рис. 131, 4). Сайге принадлежит лишь фаланга передней конечности.

Кости хищников единичны. Лучше других представлен волк – животное, легко адаптирующееся к условиям лесотундры, лесостепи и степи. Остатки бурого медведя, росомахи и куницы позволяют предположить, что в районе стоянки имелись облесенные участки, как обычно, в низинах по долинам оврагов. Пещерный лев первоначально определен по третьей (когтевой) фаланге как Felis cf. spelaea Goldf. Позже были найдены кости лапы в анатомическом порядке, позволившие уточнить видовое определение как Panthera (Leo) spelaea Gold f. Отмечено, что на поверхности плечевой кости сохранилась охра.

Хотя статистический учет фауны из Сунгиря не был произведен, работа Л.И. Алексеевой имеет большое значение для понимания и климатических условий и взаимоотношений человек – животное.

Определение возраста памятника оказалось трудной задачей по геологическим и археологическим данным. К сожалению, даже радиоуглеродные даты не позволяют решить этот вопрос однозначно. Первые радиоуглеродные датировки, выполненные в лаборатории ГИН: 14 600±600 (ГИН-14) по кости из культурного слоя и 16 200±400 (ГИН-15) по почве из основания культурного слоя признаны омоложенными вследствие несовершенства метода, так же как и дата 19 780±80 (ЛЕ-1058) по углистому прослою. Далее, из двух дат: 21 800±1000 (ГИН-326а) и 22 500±600 (ГИН-326б) по древесному углю из очага (Борисковский, 1984: 357) или по костному углю (Николаев, 1995: 37) или по древесному углю из могилы 1, отобранному Н.В. Кинд (Бадер Н.О., Лаврушин, 1998: 217), первая имеет допуск в 1 000 лет и, следовательно, сделана по не-

достаточному количеству материала. Более надежными считаются датировки, выполненные в Гронингенской лаборатории: 25 500±200 (GrN-5425) по древесному углю и 24 430±400 (GrN-5446) по коллагену из кости северного оленя. Наконец, кость мамонта дала дату 27 500±500 (ГИН-5880) (Синицын, Праслов, 1997). Ю.А. Лаврушин отмечает, что это был обломок кости бизона, извлеченный в 1987 г. из пилообразной текстуры, т.е. деформированного фрагмента погребенной почвы в раскопе III (Бадер Н.О., Лаврушин, 1998: 217 и 192). Эта дата рассматривается как завершающая этап формирования нижней почвы. Вместе с тем, представляется спорным на основании этой даты удревнять, как это предлагает Ю.А. Лаврушин, культурный слой Сунгиря на 2 000 лет по сравнению с гронингенскими датами, которые можно считать корректными.

Каменный инвентарь включает призматические нуклеусы, часто атипичные, иногда дисковидные, многочисленные отщепы, редко пластины, нуклевидные и долотовидные орудия, скребки, резцы, скребла и бифасиальные треугольные наконечники типа найденных в 5 культурном слое Костенок 1. В костяном инвентаре отмечены наконечники из бивня мамонта и орудия из рога северного оленя.

Исключительный интерес стоянке придают многочисленные погребения, из которых наибольшей известностью пользуется двойное захоронение детей в возрасте 7-9 и 12-13 лет, лежащих в одной могильной яме на спине головами друг к другу. Скелеты усыпаны множеством бусин из бивня мамонта, очевидно, нашитых на одежду. Просверленные зубы лисицы украшали шапочки, браслеты и кольца – руки.По обе стороны погребенных располагались копья, острия и кинжалы, вырезанные из бивня мамонта. В инвентаре, сопровождающем старшего ребенка, сохранились две фигурки: лошади, лежащей на груди и мамонта – на левом плече. Кроме того, в культурном слое находилась другая статуэтка лошади лучшего исполнения и фрагмент возможной статуэтки бизона. Все скульптуры – плоские, вырезанные из пластин бивня мамонта (Бадер, 1978). Изображений человека не найдено.

За пределами Костенковско-Борщевского района к кругу памятников костенковско-авдеевской культуры («восточный граветт») относятся Гагарино на Дону, Зарайская на Оке, Авдеево в бассейне Сейма и Хотылево 2 на Десне.

Гагарино находится на левом берегу Дона в 5 км выше впадения в него р. Быстрая Сосна, в 45 км к северо-западу от г. Липецка. Расположена на северной окраине д. Гагарино на правом склоне древней балки. Дон протекает здесь по восточной окраине Среднерусской возвышенности, восточнее простирается Окско-Донская равнина. Открыта в 1926 г. С.Н. Замятниным, исследовалась им в 1927 и 1929 гг., затем Л.М. Тарасовым в 1961-1969 гг. (Замятнин, 1935; Тарасов, 1979).

Стоянка однослойная. Согласно А.А. Величко (1961: 196-197), культурный слой залегает на глубине 1.0 – 1.1 м от поверхности в самой верхней части суглинистых отложений первой надпойменной террасы Дона. Позже М.Н. Грищенко (1976) связывает стоянку с второй надпойменной террасой, считая, что близкие в археологическом отношении Гагарино и Костенки 1, I залегают в одинаковых геологических условиях – верхней части суглинков (второй) низкой надпойменной террасы Дона.

Спорово-пыльцевой анализ показал следующие характерные черты окружающей среды: древесные породы (ель, сосна, карликовая береза, береза, ольха) сочетаются с травянисто-кустарниковыми (вересковые, злаковые, полыновые, лебедовые, осоковые, маревые, эфедровые, лютиковые, грушанковые, гвоздичные, сложноцветные), а также папоротниковыми, зелеными и сфагновыми мхами, грибами. Такой состав флоры свидетельствует о достаточно суровых условиях и находит аналогии в фауне (Тарасов, 1979: 35)..

Фауна из раскопок С.Н. Замятнина определена В.И. Громовым (1935: 264 – 265; 1948: 202 – 204): мамонт – 4 особи (по хвостовым позвонкам), около 20 целых бивней. С.Н. Замятнин упоминает 7 – 8 особей/61 кость (1935: 40 – 42); шерстистый носорог – 3/14 (по зубам); бык (бизон или тур) – 1 обломок черепа; северный олень – 1/6; песец – 24 особи (по плечевым костям). Всего 656 костей, 80 % определимых остатков принадлежат всем частям скелета; лисица – 2 особи (по астрагалам и пяточным костям). Всего 30 костей; суслик рыжеватый – 1 особь; заяц – 1 особь; кречет – 1 особь (несколько костей плечевого пояса).

Фауна из раскопок Л.М. Тарасова определена Н.М. Ермоловой (Тарасов, 1979: 32): мамонт – 3 особи: одна взрослая и две молодые (по черепам и зубам). 47 костей. Отмечено, что при сооружении жилища использовались несколько черепов мамонта и несколько бивней; шерстистый носорог – 1 особь (8 фрагментов зубов); бык – 1 ребро; северный олень – 1/2; песец – 12 особей (видимо больше: 37 лучевых). Всего 1007 костей; лисица – 1/13; суслик – 1/7; полевка – 1/3; птицы – 2 (?) особи – 9 костей; рыбы – игла из ребра крупной рыбы. По заключению Л.М. Тарасова, «фауна Гагаринской стоянки в целом состоит из представителей холодолюбивых видов животных, приспособленных к суровым климатическим условиям с малоснежьем, соответствующим ландшафту лесостепного приледниковья» (Тарасов, 1979: 34).

Определение абсолютного возраста Гагарино по радиоуглероду дает разброс от 30 до 18 тыс. лет назад. Самая древняя дата 30 000±1 900 (ИГАН-83), даже, если признать отрицательную поправку, т.е. 28 100 лет, неприемлема, поскольку она сделана по зубам, происходящим из черепа молодого мамонта, нижняя челюсть которого отсутствовала, а мозговая коробка была целой. Легко согласиться с Л.М.Тарасовым, что этот череп мог быть принесен на стоянку в уже фоссилизованном виде. В лаборатории ГИН получены три даты по бивню: 17 900±120 (ГИН-7991), 19 160±130 (ГИН-7990), 21 600±140 (ГИН-7989) и одна по костному углю 21 800±300 (ГИН-1872). Даты из лаборатории ИИМК имеют примерно такие же расхождения. Они произведены по единственному зубу мамонта: 17 930±100 (ЛЕ-1432а), 20 150±300 (ЛЕ-1432) и 20 820±300 (ЛЕ-1432). Л.М. Тарасов, не принимая во внимание более молодые даты, считает последнюю дату ГИН несколько омоложенной, поскольку датированный костный уголь собирался в 1960-е годы из мешаного грунта на месте раскопок С.Н. Замятнина. По его мнению, «в целом, же абсолютный возраст Гагарино безусловно выше 20 000 лет и соответствует середине этапа позднего палеолита» (Тарасов, 1979: 150).

Что касается материальной культуры Гагарино, то, прежде всего, необходимо упомянуть наличие остатков жилища, округлого в плане, диаметром в среднем 5 м. С севера к жилищу примыкают две ямы, разные по размерам, но близкие по конструкции. На полу жилища и в ямах находились женские статуэтки из бивня мамонта. Кремневый инвентарь, несомненно связанный с костенковско-авдеевской традицией, отличается большим своеобразием. Две характернейшие для этой традиции группы орудий – наконечники с боковой выемкой и ножи костенковского типа представлены в Гагарино в значительно меньших количествах и отличаются меньшей вариабельностью форм. Среди скребков встречаются орудия с основанием, приостренным резцовыми сколами. Среди орудий на микропластинках около половины составляют изделия с притупленным краем. Имеются микроострия, в том числе с вентральной ретушью концов, «прямоугольники» с притупленными краями и поперечной ретушью на конце; у некоторых микропластинок край притуплен встречной ретушью. Костяной инвентарь, бедный типами, включает иглы, шилья, острия, стержни. Некоторые предметы: обломок лопаточки с нарезками по краю и «игольник» из трубчатой кости крупной птицы находят аналогии в костенковско-авдеевской культуре. Орнамент слабо развит. Из украшений отмечены клыки песца с прорезанными отверстиями и три характерные подвески из бивня мамонта, имитирующие атрофированные клыки оленя. Набор круглой скульптуры очень своеобразен и включает не только бесспорные женские фигуры, разнообразные и впечатляющие (рис. 132). Из 14 экземпляров 8 происходят из раскопок Л.М. Тарасова. Из них 5 – полностью законченные статуэтки женщин, 4 не до конца оформленные или обломанные, 1 двойная, 1 антропоморфного облика и 3 отдельных фрагмента. Изображений животных не найдено.

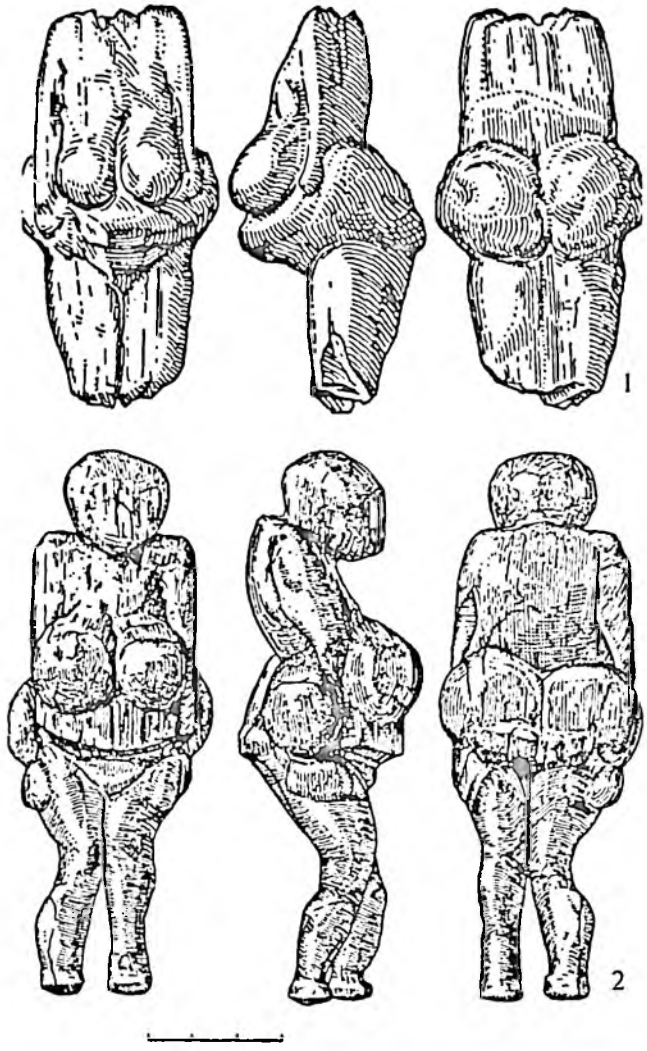

Рис. 132. Женские статуэтки из бивня мамонта. Гагарино.

К северу от Гагарино находится **Зарайская** стоянка с пока единственной открытой недавно великолепной скульптурой животного. Этот самый северный памятник восточного граветта расположен на правом берегу р. Осетр, правого притока Оки в пределах г. Зарайска в 150 км к юго-юго-востоку от Москвы. Открытый Л.И. Максимовой и А.В. Трусовым, он исследовался А.В. Трусовым с 1982 г. (Трусов, 1994) и в широких масштабах Х.А. Амирхановым с 1995 (Амирханов, 2000). Археологические остатки залегают в двух литологически разнородных горизонтах: красноватой (местами коричневатой) супеси и непосредственно перекрывающей ее погребенной почве. На основании обобщения всех данных сложная толща

археологических отложений разделена на четыре культурно-стратиграфических уровня, которые соответствуют четырем этапам обитания: 1 – этап первоначального заселения площади в короткий отрезок временив пределах 23-22 000 лет назад с остатками структуры поселения костенковского типа; 2 – этап существования другого поселения также характерного для костенковской культуры (21 000 лет назад); 3 – этап формирования культурных остатков, перекрывающих систему мерзлотных трещин второй генерации (в промежутке 19-18 000 лет назад); 4 – этап образования культурного слоя, связанного с верхней погребенной почвой (в промежутке 18-16 000 лет В.Р.). Состояние изученности в настоящее время свидетельствует о костенковско-авдеевской принадлежности памятника (Амирханов, Праслов, 2001). Особенно интересна находка в одной из ям нижнего уровня обитания, примыкающей к центральной линии очагов: крупная статуэтка бизона, скорее всего самки, вырезанная из бивня мамонта (рис. 133; Амирханов, Лев, 2002а, б; 2003).

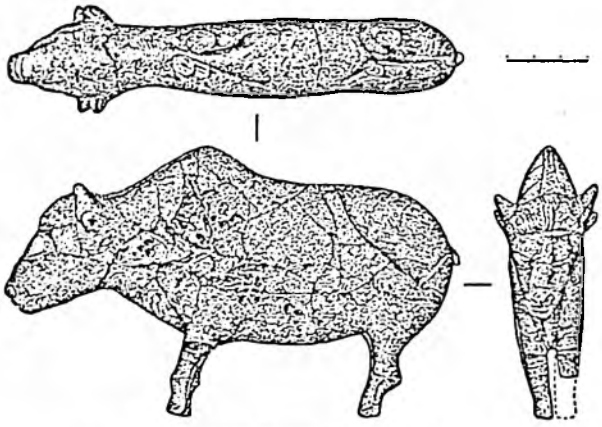

Рис. 133. Статуэтка самки бизона из бивня мамонта. Зарайская.

Стоянка **Авдеево** находится в 40 км к западу от Курска на правом берегу р. Сейм при впадении в него речки Рагозны в 2 км от ее устья. Открыта в 1941 г. местными жителями, исследовалась в 1946-1948 гг. М.В. Воеводским и М.Д. Гвоздовер, в 1949 г. А.Н. Рогачевым, с 1972 г. по настоящее время М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьевым (Воеводский, Алихова-Воеводская, 1950; Рогачев, 1953; Амирханов, Праслов, 2001).

Геоморфологическое положение стоянки своеобразно. Она расположена на плоском останце, возвышающемся над поймой на 0.5 – 1.0 м и отделенном от правого борта долины руслом р. Рагозны. Стратиграфия достаточно необычная. Верх разреза до глубины 0.2 – 0.3 м представлен темно-серым гумусированным суглинком. Нижележащая толща имеет сложное строение. В ее кровле залегают слои 2 и 3, представленные серовато-бурым суглинком мощностью 0.3 м с многочисленными кротовинами. В качестве слоя 4, согласно принятому при археологическом изучении делению, считается светлый серо-желтый песок, иногда с признаками микрослоистости. Он залегает в виде линз, расположенных почти на одном уровне, толщина его 0.2 – 0.5 м. Ниже идет слой 5 – зеленоватая супесь, включающая культурные находки. Там, где их немного, слой приобретает темно-серый оттенок и выделяется в особый слой 7. Культурный слой подстилается слоем 6 – слоистыми супесями (0.2 – 0.4 м). В основании разреза залегают в виде линз и прослоев: слой 8 – супесь светло-коричневая, глинистая (0.1 – 0.2 м); слой 9 – песок светлый, желто-серый (0.2 – 0.3 м); слой 10 – суглинок светло-коричневый (0.1 – 0.2 м). Толща, включающая культурные остатки в ряде мест характеризуется нарушенным залеганием, несет следы измятости, напоминающие криотурбации и инволюции. Развитые на этом уровне мелкие структуры, соответствующие псевдоморфозам по элементарным мерзлотным жилам, свидетельствуют о том, что в формировании столь своеобразного облика толщи участвовали естественные криогенные процессы (Величко, Гвоздовер и др., 1981).

Результаты спорово-пыльцевого анализа отложений показывают, что нижняя часть толщи – культурный слой и покрывающие его суглинок (супесь) и песок характеризуются типичными степными спектрами. Наличие большого количества пыльцы карликовой березы и ольховника указывает на перигляциальные условия формирования этих отложений. Палинологический анализ свидетельствует, что человек обитал на стоянке Авдеево при господстве сурового климата перигляциальной степи (Губонина, 1977: 65). Это заключение хорошо согласуется с данными о фауне.

Фаунистические остатки из раскопок 1972-1980 гг. определены Э.А.Вангенгейм (Величко, Гвоздовер и др., 1981: 52-53): мамонт – кости от многих особей. Имеются остатки 4 ранних эмбрионов и двух полугодовалых детенышей; носорог – 1/9; Bison priscus sp. – 1/6; лошадь – 3/20; северный олень – 3/6; причем одна особь очень старая; песец – 62/2586; росомаха – 32/263; волк – 26/1429 – среди костей этих трех хищников молодых особей нет; бурый медведь – 2/13, одна из особей очень крупная; Panthera sp. Gold – 3/81, только кости черепа и стоп; сурок – 28/134; заяц – 1/6; суслик – 1/1; птицы – более 20 костей. Фауна в целом характеризует перигляциальные условия: лесные виды отсутствуют. О сезоне существования стоянки можно судить по двум фактам: полугодовалые детеныши мамонтов не могли быть добыты весной; наличие только взрослых особей хищников говорит об осенне-зимнем времени их добычи.

Возраст стоянки определяется по большому количеству радиоуглеродных дат. Самые молодые

даты: 11 950±310 (ИГАН-15) и 13 900±200 (ИГАН-78) определены по зубам мамонта в самом начале разработки метода. Две кости из раскопок 1948 г. дали 16 565±270 (QC-886) и 18 500±2100 (QC-887), одна кость из раскопок 1978 г. – 16 960±420 (QC-621). Серия из 16 дат, полученных в лаборатории ГИН, распределяется в интервале от 19 500±500 (ГИН-7727) до 23 400±700 (ГИН-7729) по зубам мамонта. Большинство дат определено по костному углю и дает разброс от 19 800±1200 (ГИН-1570а) до 22 700±700 (ГИН-1571а). При этом необходимо отметить, что последний образец по вытяжке до разложения HCl дал всего 17 200±1 800 (ГИН-1571б), так что здесь нельзя ссылаться на то, что разновозрастные образцы взяты из различных мест стоянки: последний образец извлечен из очага 2. Вот как оценивают эти расхождения А.А. Синицын и Н.Д. Праслов: «Оценка более, чем 10-тысячного диапазона расхождений радиоуглеродных датировок Авдеево была бы иной без дат ИГАН и QC, явно выходящих за допустимые рамки и выпадающие из общего контекста. К сожалению, иных оснований для их исключения нет, до обобщения исследований нового комплекса стоянки, раскопки которого близки к завершению. Информация о геологическом возрасте стоянки и условиях ее обитания, доступная на настоящий момент для каких-либо суждений недостаточна и не может служить основанием для отказа от заведомо омоложенных дат, как имело место для Костенок 1» (1997: 34).

Обычная мощность культурного слоя 20-30 см. В многочисленных ямах и западинах она увеличивается до 50-60 см, что свидетельствует о долговременности поселения. Отмечается, что культурный слой сохранился in situ и лишь местами потревожен последующим воздействием природных процессов (Величко, Гвоздовер и др., 1981: 53-54). Вскрыты два крупных жилых объекта – овальные площадки с линией очагов по центральной оси, полуземлянками и ямами по периферии. Они сходны с комплексами верхнего слоя Костенок 1, сохранившимся лучше, поскольку культурный слой Авдеево поврежден последующим воздействием природных агентов.

Материальная культура Авдеева во многих отношениях идентична костенковской, различаясь только в некоторых не очень существенных деталях. Из обоих жилых комплексов происходят великолепные женские статуэтки из бивня мамонта, во втором комплексе отмечены фрагменты фигурок из известнякового мергеля. Фигурки мамонта единичны, но они изготовлены из различных материалов и очень выразительны (рис. 134; Гвоздовер, 1952, 1953, 1993, 1998; Gvozdover, 1995).

Стоянка **Хотылево 2** находится в 18 км к северо-западу от г. Брянска на правом берегу Десны. Она открыта в 1960-е годы Ф.М. Заверняевым и раскапывалась им с 1969 по 1981 г. С 1993 г. исследования стоянки продолжены К.Н. Гавриловым (Величко, Заверняев и др., 1981; Гаврилов, 1998, 2001).

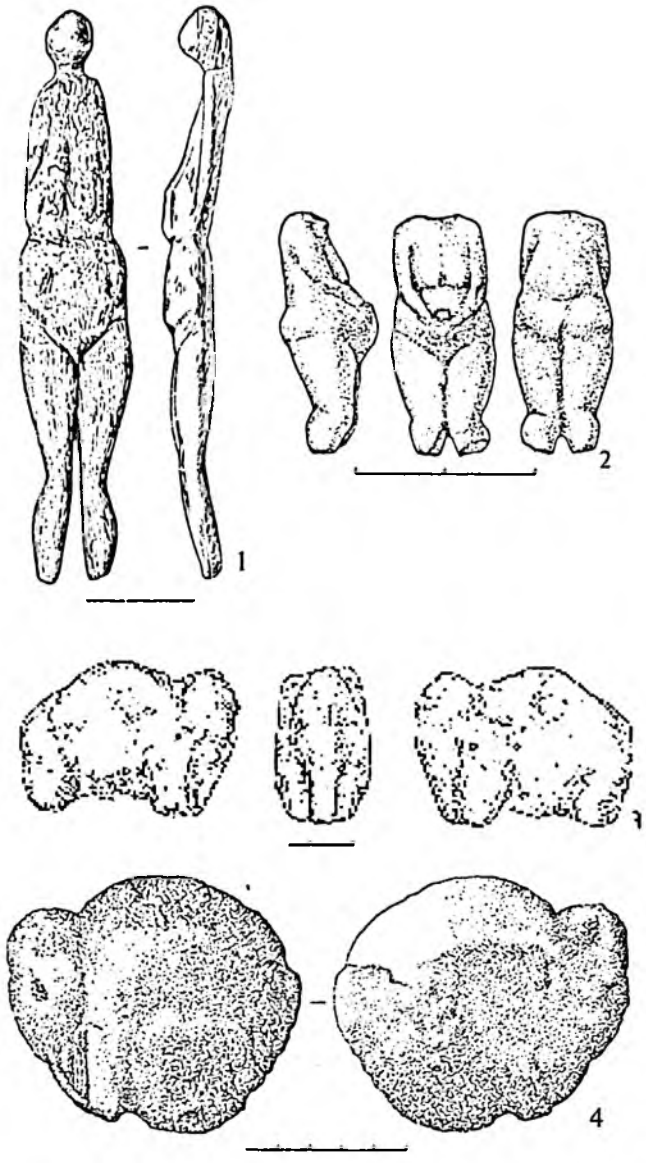

Рис. 134. Женские статуэтки
1 – из бивня мамонта,
2 – из мергеля; статуэтки мамонта:
3 – из песчаника,
4 – из кости. Авдеево.

Стоянка расположена на высоте 17 м над уровнем реки в краевой части водораздельного плато. Толща склоновых отложений мощностью 5 – 7 м залегает на коренных меловых породах. Стратиграфия следующая (глубина слоев в м): 1 – гумусовый горизонт современной почвы – 0.15; 2 – горизонт В современной почвы – 0.9; 3 – супесь лессовидная, светло-палевая – 1.95; 4 – слабо выраженный горизонт гумусированности; 5 – супесь лессовая палево-желтая с тонкими линзами мелкозернистого песка – 2.8; 6 – супесь лессовая, коричневатая с признаками нечеткой слоистости

– 3.45; 7 – супесь тяжелая, коричнево-серая. В ней на глубине 4.1 м залегает культурный слой в виде гумусированных линз (2-3 см). Нижний контакт неровный с языками и затеками – 4.6; 8 - суглинок коричнево-серый с сизым оттенком, сильно перемешанный с меловой крошкой, отмечены смятия типа криотурбаций – 5.2; 9 – мел-сурка.

На площади мыса, где расположена стоянка, в основании покровных суглинков хорошо прослеживается горизонт криотурбированных суглинков – остатки мезинского почвенного комплекса, впоследствии трансформированных мерзлотно-солифлюкционными процессами. Деформации могли происходить в две фазы – в начале валдайского времени и после формирования брянской ископаемой почвы (30 000 – 24 000 лет назад). На остатках почвы залегает неоднородная масса лессовидных отложений, наиболее полно представленная на стоянке. Гумусированный материал слоя 8 напоминает гумусовый горизонт брянской почвы, что позволило высказать предположение, что он имеет непосредственно послебрянский возраст (Величко, Заверняев и др., 1981: 62).

Согласно палинологического анализа, спектры образцов из культурного слоя характеризуются небольшим содержанием пыльцы древесных пород и кустарников (9 – 24 %) и подавляющим преобладанием пыльцы травянистых растений. Видовые определения показали наличие пыльцы и спор 19 видов и родов растений. Особенно много цикориевых. Деревья и кустарники представлены холодоустойчивыми бореальными и арктобореальными породами ели, сосны и березы (Picea abies, Pinus silvestris, Betula pubescens, B. verrucosa, B. nana, B. humilis), в том числе сибирскими: Pinus sibirica, Alnaster fruticosus (ольховник). Непосредственно выше культурного слоя обнаружена пыльца лиственницы. Травянистые растения разнородны по своей экологической и фитоценотической приуроченности, но все они способны произрастать в суровых неблагоприятных условиях. Все это приводит авторов к заключению, что стоянка Хотылево 2 характеризовалась очень суровыми резко континентальными условиями. Стоянку окружали открытые тундро-степные ландшафты. На понижениях, на пойме распространялись некоторые элементы лесотундры, в которых находили убежище лесные виды млекопитающих (там же: 67).

Точных данных по фауне Хотылево 2 не приводится, предварительная оценка дана О.Соффер (Soffer, 1985, tabl. 2, 7). Она упоминает более 615 костей мамонта, число особей не подсчитано. Носорог представлен двумя костями от одной особи. 991 кости северного оленя принадлежали 14 особям и только 5 костей степного бизона (Bison priscus) – двум особям. Из хищников наиболее многочисленен волк – 276/6, затем росомаха – 159/6 и песец – 191/2, бурый медведь, как и в других стоянках этого круга, редок - 6/1. Отмечено наличие зайца – 8/1 и птиц: белой куропатки – 80/10 и гоголя. Грызуны определены А.К. Марковой: суслик – 1; обский лемминг – 49; копытный лемминг – 13; узкочерепная полевка – 43; темная полевка – 1; полевка – 10 (Величко, Заверняев и др., 1981: 65-66).

Эти авторы приходят к заключению, что фаунистические остатки из Хотылево 2 принадлежат к трем основным группировкам. Песец и лемминг – представители зоны тундры, к которой тяготеют северный олень и узкочерепная полевка с ее характерными особенностями (более крупные размеры и морфология зубов, отличные от признаков степных узкочерепных полевок). Имеющиеся данные свидетельствуют, что вымершие виды – мамонт, шерстистый носорог и первобытный бизон обитали в перигляциальных лесотундрах и лесостепях Евразии. Для них были необходимы открытые пространства, достаточное количество зеленой массы травянистых растений, невысокий снежный покров. К таким условиям тяготеют и суслики – типичные степные животные. В третью группу входят лесные виды – росомаха, бурый медведь, темная полевка. Они немногочисленны и в настоящее время обитают в лесотундре и тайге.

Возраст культурного слоя Хотылево 2 определяют 10 радиоуглеродных дат, из них 6 из лаборатории ГИН: 5 по зубам мамонта от 21 170±260 (ГИН-8497) до 23 300±300 (ГИН-8497а) и один образец по костному углю 21 850±170 (ГИН-8886). В Гронингенской лаборатории анализ одного образца кости дал немного расходящиеся результаты: 24 220±110 (GrN-21899 фракция II) и 23 870±160 (GrN-22216 фракция II). К последним определениям близки результаты по кости из других лабораторий: 23 660±270 (ЛУ-359) и по зубу мамонта 24 960±400 (ИГАН-73), подтверждающие предположение о непосредственно послебрянском времени существования стоянки. А.А. Синицын и Н.Д. Праслов резонно замечают, что «Диапазон вариабельности датировок Хотылево 2 свидетельствует о более древнем времени обитания стоянки по сравнению с Авдеево и Гагарино и о максимальной близости по возрасту Костенкам 1 (I)» (1997: 34).

Культурный слой характеризуется остатками большого жилого комплекса, на котором сохранились два крупных зольника, отделенные скоплениями костных остатков, часто заполняющих округлые ямки, следы углубленных и наземных очагов. Как заметил К.Н. Гаврилов, эти зольники по сути дела, являются одним скоплением костного угля и золы, которое характеризуется неравномерной мощностью и плотностью залегания расщепленного кремня и фаунистических остатков, а также неодинаковой степенью окрашенности минеральной краской (Гаврилов, 1998: 184).

Определение культурной принадлежности Хотылево 2 встретило большие затруднения при рассмотрении кремневого инвентаря. Если достаточно богатый и разнообразный набор изделий из бивня и кости, включающий орудия труда и охоты, украшения и произведения искусства, главным образом, женские статуэтки (рис. 135; Заверняев, 1978, 1981, 1987) позволяет говорить о близости к костенковско-авдеевской культуре, то кремневый инвентарь имеет черты значительного своеобразия (Заверняев, 1991; Гаврилов, 2002). Отмечается широкое использование техники резцового скола и крупных широких пластин в качестве заготовок для резцов, скребков и реже ножей костенковского типа, а также острий. Наиболее характерен комплекс орудий с притупленным ретушью краем: острия микрограветт и вашон. Пластинки и микропластинки с притупленным краем включают «пилки», широкие пластинки с симметрично ретушированными концами, микропластинки с заостренными концами, покрытыми вентральной ретушью. Наконечники с боковой выемкой немногочисленны, но разнообразны. Эти и другие особенности позволили К.Н. Гаврилову высказать мнение, что стоянка Хотылево 2 может рассматриваться как самостоятельный тип памятника восточного граветта, не относящийся к поселениям костенковско-авдеевского типа (Гаврилов, 2002: 147).

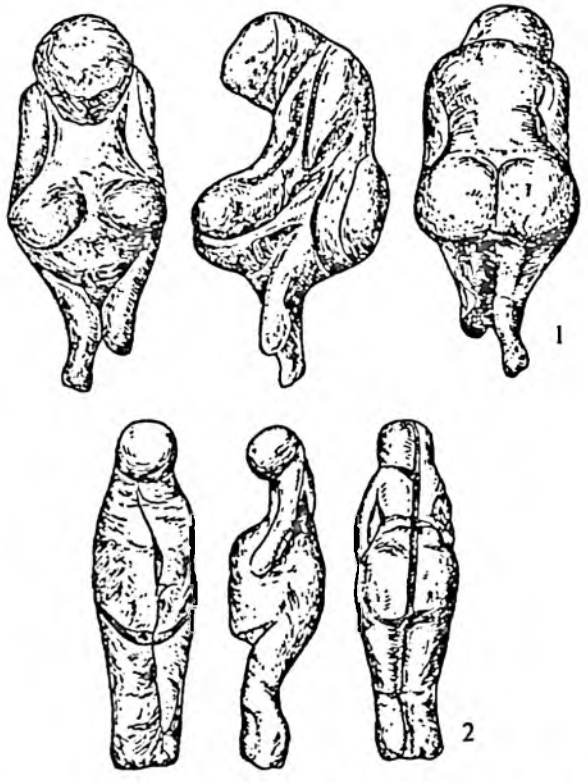

Рис. 135. Женские статуэтки из бивня мамонта. Хотылево 2.

Среди донских и днепро-деснинских стоянок средней и поздней поры верхнего палеолита выделяется **Елисеевичи**. Она находится на правом берегу р. Судости правого притока Десны, в 30 км к северу от г. Почеп Брянской области. Первые открытия костей мамонта в отложениях высокой террасы реки восходят к 1870 г., но только в 1930 г. К.М. Поликарпович открыл здесь палеолитическое поселение. Планомерные раскопки производились К.М. Поликарповичем в 1935, 1936, 1946, 1948 гг.; В.Д. Будько в 1963 и 1965 гг.; Л.В. Греховой с 1970 по 1986 гг. с перерывами. Памятник изучен и опубликован монографически (Поликарпович, 1968; Величко, Грехова и др., 1997).

Стоянка расположена на небольшом, но отчетливо выраженном мысу, образованном правым бортом долины Судости и левым склоном балки Елисеевичская, в пределах небольшого участка второй надпойменной террасы, сохранившейся в ее тыловой части. В геологическом строении этого участка выделяются три основные фациальные толщи, представленные аллювиально-пойменными, аллювиально-делювиальными и эолово-делювиальными отложениями, сформировавшимися в различные циклы развития террасы. Наличие в разрезе крупных клиновидных криогенных деформаций свидетельствует о том, что в этот период район стоянки входил в область сплошного распространения многолетней мерзлоты, сохранившейся на протяжении всего времени существования стоянки (Величко, Грибченко и др., 1999: 30).

Культурный слой приурочен к верхней части толщи, перекрывающей аллювиальную часть разреза. Он расположен несколько выше слабо выраженного уровня гумусированности, представляющего собой скорее всего эфемерно развитую ископаемую почву. В ненарушенном состоянии слой залегает на глубине от 1 до 1.5 м от поверхности. Согласно геоморфологическим условиям залегания и стратиграфии вмещающей толщи отложений, возраст памятника не может быть древнее времени брянского почвообразования. Особенности культурного слоя и его взаимоотношение с вмещающими отложениями указывают на то, что стоянка существовала после максимума похолодания и должна быть моложе 20 000 – 18 000 лет.

По данным Э.М. Зеликсон (Величко, Грехова и др., 1997: 80-85), в палинологических спектрах выделен 31 вид растений и 9 родов, точнее до уровня вида не определенных. Спектры характеризуются преобладанием пыльцы травянистых растений, преимущественно семейства цикориевых. Древесные породы представлены в основном пыльцой сосны и березы (как древесных, так и кустарниковых видов), соотношение которых в ценозах не оставалось постоянным. Роль лиственницы и ели невелика. Наряду с растениями, обладающими широкой экологической амплитудой, присутствуют криофилы (карликовая береза, гроздовник северный), а так же ксерофиты и ксерогалофиты (терескен, кохия). Не менее разнообразны и компоненты фло-

ры по своим ценотическим связям. Наибольшее число определенных таксонов – 17 или 27 % свойственно лесным ценозам. 8 таксонов принадлежит степным растениям: терескен, кохия, подорожник и др. 14 таксонов относятся к компонентам пионерных группировок на грунтах с нарушенным или несформировавшимся почвенным покровом, очень характерных для перигляциальной зоны и условий лессонакопления. Эта экологическая группа разнообразна по флористическому составу и включает, помимо видов семейства маревых, также два вида гречихи, синий василек, щавелек и другие виды. К числу интерзональных ценозов относят луга и болота (4 и 5 таксонов соответственно), но водные растения не обнаружены. Все компоненты рассмотренных спектров присутствуют в спектрах из культурного слоя. Палеоклиматические реконструкции показывают, что во время накопления культурного слоя средняя температура января была-17.5° – -18.5°С, июля +15.5° – +17.5°С (там же: табл. 3).

Фауна из раскопок 1935-1936 гг., за исключением мамонта, изучена И.М. Громовым (Поликарпович, 1968, табл. на с. 50). В таблице указано около 30 особей мамонта под вопросом, но в тексте К.М. Поликарпович упоминает 46 черепов этого животного. Из копытных в списке приводится лишь 1 особь лошади, определенная по одной кости. В тексте К.М. Поликарпович упоминает о единственной ветви рога северного оленя, обработанной в виде мотыги. Вместе с тем, многочисленны хищники с широким преобладанием песца – 95/3188 (подсчеты особей по проксимальному концу правой ульны), причем данные о возрасте этих животных, полученные по коренным зубам из нижних челюстей 40 особей, собранных в 1935 г., показывают, что добывались и молодые и взрослые зверьки: до 8 месяцев – 6, около 1 года – 16, около 2 лет – 13, около 3 лет – 5. Необычность этого состава, которую подчеркивает К.М. Поликарпович и принимает Ю.Н. Грибченко (Величко, Грехова и др., 1997: 86) не в преобладании взрослых (это обычная, легко объяснимая картина), а в довольно большом количестве молодняка. По нижним челюстям определены 4 особи мелкой лисицы-корсака и по хорошо сохранившейся ветви нижней челюсти 1 особь крупной волкообразной собаки, отличающейся от домашней собаки пропорцией хищнического зуба и изогнутости линии зубного ряда выпуклостью наружу. Собаке принадлежат, вероятно, еще две кости: обломок метаподии и шейный позвонок (Поликарпович, 1968: 49). Достаточно много костей волка (196 – 6 особей определены по проксимальному концу левой ульны) и бурого медведя (23 – 6 особей по коренным зубам верхней челюсти). Найдены также 1 кость зайца-беляка, 7 костей обского лемминга (от 3 особей, установленных по нижней челюсти), 9 костей хомяка (1 особь по нижней челюсти) и по одной кости птиц: ворона, филина и белой куропатки.

Пересчет фаунистических остатков из раскопок К.М. Поликарповича был произведен Н.К Верещагиным и И.Е. Кузьминой (1977). Полностью совпадают показатели по лошади, корсаку и птицам; увеличивается число остатков мамонта (тысячи костей от не менее 60 особей), волка – 39/903 (определение особей по голени), песца – 287/14 564 (на этот раз по нижней челюсти), бурого медведя – 10/89 (по разным костям),зайца – 2/3, лемминга – 5/17, хомяка – 3/13 и появляются новые виды: благородный олень – 1/1, росомаха – 1/1, лисица – 2/2 и степной хорек – 2/5.

К этим данным следует добавить результаты определений И.В. Кирилловой и В.Н. Ударцева по раскопкам Л.В. Греховой 1970-1978 гг. (Величко, Грехова и др., 1997: 171-173). Здесь также много мамонта – около 20 особей (около 700 костей), волка – 6/123, песца – 14/410; единичны кости корсака – 1/5, бурого медведя, зайца-беляка, лемминга, но добавляются кости северного оленя – 1/2 и лося или благородного оленя – 1/1. Авторы приходят к заключению, что основным объектом охотничьего промысла был мамонт. Единичные находки костей лошади, северного оленя или медведя свидетельствуют о случайности попадания их костей на стоянку. Песец и волк, кости которых часто находятся в анатомической связи, были объектами пушного промысла.

Для Елисеевичей существует значительный разброс радиоуглеродных дат даже в группах по одному материалу. Так, 6 дат по зубам мамонта размещаются от 12 630±360 (ГИН-4137) до 17 340±170 (ЛУ-360); 4 даты по костному углю от 12 970±140 (ЛУ-102) до 15 600±1 350 (QC-889). Единственная дата по древесному углю самая древняя – 20 570±430 (ЛЕ-450). Эти даты были подробно проанализированы Л.В.Греховой (1990) и разделены ею на три хронологические группы. В позднюю группу входят две даты, полученные в разных лабораториях ЛУ-102 и ГИН-4137. Средняя группа из пяти дат показывает возраст порядка 14 000 лет: три по зубам мамонта: 14 470±100 (ЛУ-126), 14 590±140 (ГИН-4136), 14 100±400 (ГИН-4139); две по костному углю: 14 240±120 (ГИН-5475) и 14 080±70 (ГИН-4135). Древняя группа из двух дат по зубам мамонта: 16 850±120 (ГИН-4138) и 17 340±170 (ЛУ-360). Непонятно по какой причине опускается дата по древесному углю. По мнению Л.В. Греховой, эти группы не могут быть случайными, поскольку они сопоставляются с конкретным фактическим материалом и конкретной ситуацией. Возникает вопрос, почему же зубы мамонта, взятые в 1970 г. из ямы 1 с глубины 1.3 м дали самую молодую (ГИН-4137) и одну из самых древних дат (ГИН-4138)? К тому же трудно допустить, чтобы палеолитическое посе-

ление могло функционировать, даже с перерывами, 4 000 – 5 000 лет.

Н.Д. Праслов, принимая единственную дату 17 340±170 (ЛУ-360), указывает, что она относится к плюсскому интерстадиалу, сопоставляемому с интерстадиалом ляско. К этому же времени он причисляет V-ый слой Молодовы 5 и, возможно, такие памятники бассейна Днепра как Добраничевка, Мезин, Межирич (Борисковский, 1984: 40). На мой взгляд, если для Елисеевичей приемлем такой возраст, то другие упомянутые стоянки несомненно более молодые.

Елисеевичи занимает особое место в верхнем палеолите Восточной Европы. Несмотря на длительное и интенсивное исследование и монографическое описание, стоянка остается одним из самых загадочных памятников верхнего палеолита Поднепровья. Невосполнима утрата плана первого года раскопок К.М. Поликарповича (1935 г.), когда было обнаружено так называемое «чурингохранилище»: на пространстве в 20 кв.м залегало множество костей мамонта, среди них 27 черепов. Особенно интересно скопление костей в северо-западной части раскопа длиной около 1.5 м и шириной около 0.75 м, как бы окруженное черепами, поставленными на разных расстояниях от него, вкопанных альвеолами вниз, т.е. в естественном положении. Среди черепов находилось более 30 бивней (преимущественно дистальных концов) молодых особей. На некоторые бивни нанесена резьба. Кроме того, обнаружено свыше 10 крупных овальных пластин из бивня мамонта, покрытых геометрическим орнаментом, и ниже, в юго-западной части скопления, статуэтка женщины также из бивня (Поликарпович, 1940: 83-84).

Кремневый инвентарь Елисеевичей за все годы раскопок отличается, по Л.В. Греховой, удивительной однородностью использованного сырья, происходящего из месторождений, расположенных поблизости от стоянки (Величко, Грехова и др., 1997: 122). Резцы составляют наиболее многочисленную группу орудий с небольшим преобладанием боковых. Характерны узкие правильных форм пластинки с параллельными краями, один из которых обработан полностью или частично притупливающей ретушью, второй имеет лишь следы использования. Специфичной чертой является обработка края ретушью с нижней поверхности. Длина этих пластинок от 4 до 6.5 см при ширине 7-10 мм, т.е. они относятся к пластинкам средних размеров. Ни настоящих пластин, ни микропластинок Л.В. Грехова не выделяет. Немногочисленные скребки не образуют устойчивых серий и различаются по форме рабочего края и по характеру ретуши. Отмечается отсутствие двойных, округлых и близких к округлым форм. Далее, Л.В. Грехова выделяет группу индивидуальных форм, в которую входят «пластинки с концевой ретушью и выемкой на конце, пластины крупные с мелкой притупливающей ретушью на краю, орудия на сработанных нуклеусах» (там же: 127).Такое отсутствие стандартизованных заготовок, форм и типов орудий отличает Елисеевичи от памятников типа Тимоновка–Юдиново и Межирич–Добраничевка. По заключению Л.В. Греховой, Елисеевичи принадлежит по кремню к кругу поселений Деснинского бассейна и входит в регион Среднего Днепра, но в целом не имеет прямых аналогий ни с одним из упомянутых памятников.

Об этом же свидетельствует и костяной инвентарь и искусство Елисеевичей. Для изготовления охотничьего вооружения и предметов домашнего обихода здесь широко использовались бивни мамонта и кости различных животных, в том числе мамонта (ребра). Любопытно, что все эти инструменты, так же как и украшения, не имеют ни малейших следов сложного геометрического орнамента, который широко представлен на так называемых «чурингах» - крупных заполированых пластинах бивня и на бесформенных кусках этого материала (Поликарпович, 1968; Величко, Грехова и др., 1997). Эти предметы и украшающий их орнамент составляют наиболее яркую своеобразную черту культуры Елисеевичей, не представленную на других стоянках.

Фигуративное искусство представлено единичными экземплярами, но их сочетание заслуживает внимания. Женская статуэтка из бивня мамонта имеет свои особенности по сравнению с женской скульптурой Костенок-Авдеево (рис. 136). Фигурка мамонта, сохраняющая естественную форму железистой конкреции, напротив, по общему облику очень близка к изображениям из мергеля (рис. 137). Любопытно отметить, что эта фигурка была обнаружена в 1976 г. в верхней части зольника среди костей песца и обломков бивня в нескольких метрах к юго-востоку от находки орнаментированных пластин и женской статуэтки (Грехова, 1980).

Другая известная стоянка на Судости – **Юдиново** относится по всем данным к позднему времени и входит в круг памятников бассейна Десны – Днепра заключительного этапа валдайского оледенения. Стоянка достаточно полно опубликована (Поликарпович, 1968; Абрамова, 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Абрамова, Григорьева, 1997). Она обладает широко развитым геометрическим орнаментом, но лишь двумя произведениями фигуративного искусства: скульптурной головой птицы на стержне из бивня мамонта (Будько, 1967) и в определенной мере гравировкой птицы и двух рыб на обломке плоской кости мамонта (Григорьева, 1995: рис. 20).

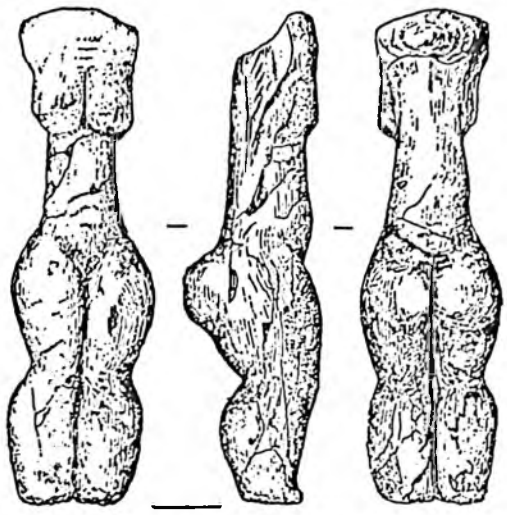

Рис. 136. Женская статуэтка из бивня мамонта. Елисеевичи.

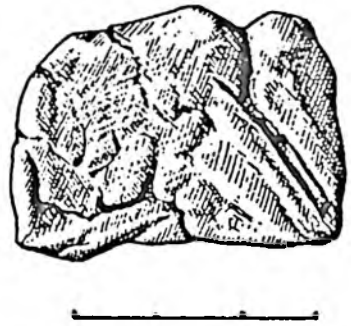

Рис. 137. Фигурка мамонта из железистой конкреции. Елисеевичи.

УКРАИНА

На территории Украины к этому времени и этой культуре принадлежат Мезин, Межирич и Добраничевка.

Стоянка **Мезин** расположена на правом берегу р. Десна в 25 км ниже по течению г. Новгород-Северского. Открыта случайно в 1907 г. во время сельскохозяйственных работ, изучалась Ф.К. Волковым, Л.Е. Чикаленко, М.Я. Рудинским (Мізин, 1931)) и с 1954 г. И.Г. Пидопличко и И.Г. Шовкоплясом, который издал ее монографически (Шовкопляс, 1965). Расположена на правом борту оврага на высоте 10-12 м над уровнем реки. Стратиграфия включает отложения мощностью более 7 м. Культурный слой залегает в слое серовато-желтого лесса на глубине 4.8 м от поверхности.

Данные палинологического анализа показывают наличие пыльцы сосны и липы (изредка и в верхних уровнях), разнотравья, а также спор мхов, папоротников и диатомовых водорослей. Кроме того, в культурном слое были найдены кусочки древесного угля дуба, ивы, сосны (Пидопличко, 1969: 85-86; Шовкопляс, 1965: 111).

И.Г. Пидопличко приводит сводный список фауны из раскопок 1908-1961 гг., разделив его на промысловые и непромысловые группы животных. К первой относятся мамонт: 116/3186, носорог – 3/17, лошадь – 63/659, овцебык – 17/188, зубр первобытный (Bison priscus) – 5/19, олень гигантский (Megaceros giganteus) – 1/1, северный олень – 83/443, бурый медведь – 7/35, росомаха – 5/28, волк – 59/1004, собака (Canis lupus domesticus) – 1/1, песец – 112/1826, заяц – 11/37, байбак –4/5, белая куропатка – 7/14. Во вторую группу входят грызуны: суслик рыжеватый – 1/1, суслик крапчатый – 1/1, тушканчик большой – 1/1, лемминг копытный – 56/291, водяная крыса – 1/1, узкочерепная полевка – 16/29, слепушонка – 1/1 и птицы: белая сова – 1/1, каменка обыкновенная – 1/1.

И.Г. Пидопличко указывает, что основным объектом постоянной охоты для мезинцев был мамонт. На втором месте по экономической значимости идет северный олень, на которого охотились поздней осенью, зимой и ранней весной. Отсутствие этого животного летом засвидетельствовано тем, что среди костного материала нет костей новорожденных и совсем молодых северных оленей. Постоянным компонентом фауны в Мезине были лошадь и зубр. Находка костей овцебыка указывает на то, что эти животные могли придти с севера в зимнее время. Широко представлен песец, но вопрос о том держался ли он здесь летом и размножался ли на месте еще не решен. Многочисленны и волки. Большое количество черепов и скелетов заставляет думать, что часть их представляет одомашненных животных. Признаками одомашнения И.Г. Пидопличко считает относительную укороченность носового отдела, относительное расширение лобной кости и укороченность метаподиев.

Согласно И.Г. Пидопличко, животные, представленные в Мезинской стоянке могут быть хорошо распределены на эколого-ландшафтные группы. Водоразделы и возвышенности заселялись представителями степной и лесостепной фауны, а формы, характерные в настоящее время для тундры, обитали на лугах и болотах в долине реки. Находка костей белой совы и преобладание среди грызунов копытного лемминга свидетельствует о том, что белые совы, из погадок которых происходили кости грызунов, появлялись в районе стоянки в холодное время года, когда все грызуны, кроме леммингов, находились в спячке (Пидопличко, 1969: 82-85).

Радиоуглеродные даты Мезина ставят исследователей в тупик своей большой древностью, особенно даты, полученные в Институте радиогеохимии окружающей среды АН Украины в Киеве: 29 700±800 (Ки-1053) и 29 100±700 (Ки-1052) по раковинам моллюсков и 27 500±800 (Ки-1051) по зубу мамонта (все образцы из раскопок 1953 г.). Такие датировки могут объясняться случайным попаданием более древних моллюсков в культурный слой и свойствами самого материала. Остает-

ся противоречие между датами по зубам мамонта: 21 600±2 200 (ГИН-4) и 15 100±200 (OxA-719). В первой, полученной в начале разработки метода в ГИН, настораживает ее чрезвычайно большое допущение; вторая представляется вполне приемлемой, соответствующей другим данным и, прежде всего, близостью Мезина к деснинским памятникам позднего этапа верхнего палеолита.

План поселения восстановлен по архивным материалам, но полностью достоверен лишь комплекс, раскопанный И.Г. Шовкоплясом в 1954-1955 гг., центр которого составляет округлое в плане жилище диаметром около 6 м в виде скопления костей мамонтов. К северо-востоку и востоку от жилища располагались четыре крупных долговременных очага в виде обширных линзовидных углублений на местах более ранних ям, заполненных костями животных. Еще одна яма, но без следов очага, находится к северу от жилища и таким образом вокруг него существовало дугообразное окаймление из пяти ям, размещенных на почти равных расстояниях как друг от друга, так и от жилища (Шовкопляс, 1965, рис. 40 и 41).

Материальная культура выделяет Мезин из других среднеднепровских памятников по богатству и разнообразию кремневого и костяного инвентаря в такой мере, что он может служить эталоном в выделении археологических культур и более крупных объединений. Кремневый инвентарь Мезина, полученный во время первых раскопок, описан П.П. Ефименко (1913) настолько полно и всесторонне, что он явился образцом и для последующих описаний материала и из других палеолитических стоянок, даже таких отдаленных как Мальта. П.П. Ефименко подчеркнул, что обилие орудий придает Мезину особый интерес. Только в раскопе 1909 г. площадью 18 кв.м собрано свыше 1 000 вполне законченных и определенных орудий, поражающих разнообразием типов: «Здесь представлены не только обычные виды их, такие как скребки на конце пластинки, различные резцы, пластиночки с притупленным краем, но много и таких видов орудий, которые в европейских находках свойственны только наиболее усложненной технике позднего палеолита. В Мезине они имеют характер мелких, тщательно изготовленных орудий специальных видов и форм, предназначенных, очевидно, для всякого рода домашних работ, связанных с обработкой кости и рога, дерева, кожи и т.п. К ним относятся многочисленные проколки с прямым и изогнутым жальцем, либо широким, более массивным, либо узким и длинным, затем небольшие острия с тонким режущим концом, также самых разнообразных, но вполне определенных типов; далее встречаются так называемые выемчатые скребки, часто усложненной формы – в виде выемчатого инструмента, комбинирующегося с резцом или острием, иногда двойным, по обе стороны выемки, и т.п.» (Ефименко, 1953: 463-464).

При детальном описании кремневого инвентаря Мезина И.Г. Шовкопляс отмечает общие черты с инвентарем других стоянок среднеднепровского бассейна: Елисеевичи, Юдиново, Супонево, Юровичи (верхний слой), Чулатово I и др., которые он считает раннемадленскими. По его мнению, комплекс Мезина не является обособленным и необычным, как это представлялось ранее. Отличия состоят в большой численности и в преобладании отдельных типов орудий. «Первое объясняется тем, что Мезинская стоянка раскопана полностью и имела хорошо сохранившийся культурный слой, второе – тем, что обработка кости здесь была более интенсивной и ее техника более совершенной» (Шовкопляс, 1965: 176). Это позволило И.Г. Шовкоплясу выделить особую среднеднепровскую позднепалеолитическую этнокультурную область Восточной Европы.

Костяной инвентарь Мезина исключительно богат и разнообразен. В качестве сырья особенно широко использовался бивень. Одной из отличительных черт является наличие крупных костей мамонта, покрытых линейными узорами, нанесенными красной краской. Вторая характерная черта – это сложный геометрический орнамент, украшающий браслеты из бивня, где особое внимание привлекает меандр, и символические фигурки сложной семантики (рис. 138, 139). Символика этих уникальных скульптур, убедительно раскрытая А.Д. Столяром, определенно относится к теме женщины (Столяр, 1972).

Рис. 138. Символическая фигурка из бивня мамонта («птичка»). Мезин.

Рис. 139. Символическая фигурка из бивня мамонта («фалличсская»). Мезин.

Стоянка **Межирич** находится на правом берегу Днепра при слиянии рек Роса и Росава в 2 км от Днепра и 18 км от Канева. Открыта в 1965 г. местными жителями и исследовалась с 1966 г. И.Г. Пидопличко и позже Н.В. Корниец, М.И. Гладких и др. (Пидопличко, 1969, 1976; Корниец, Гладких и др., 1981). Расположена на конусе выноса крупной балки, сопряженной с отложениями второй надпойменной террасы. Культурный слой залегает в толще тонкой, пылеватой, лессовидной супеси светло-палевого цвета на глубине 2.97 – 3.15 м.

Спорово-пыльцевой анализ проведен Э.М. Зеликсон. Состав спектров показывает, что в период обитания стоянки были распространены преимущественно степные ценозы. Представлены виды семейства сложноцветных (включая полынь), подорожник и другие. Имеются и относительно теплолюбивые растения, ареалы которых в настоящее время ограничены степной зоной (некоторые виды васильков, ворсянки и др.). По флористическому составу эти ценозы были очень разнообразны, в то время как роль маревых в растительности кажется небольшой. Пыльца и споры пионерных растений, как маревых, так и других, встречаются редко; из них наиболее регулярно присутствуют споры печеночных мхов. Это значит, что территория вокруг стоянки была в достаточной степени задернована. Участки лесов, главным образом сосновых, играли подчиненную роль в растительности, но то, что они росли поблизости, доказывает довольно большое содержание в образцах древесных пород, а также наличие спор лесного плауна, которые обычно не переносятся на большие расстояния. По всей вероятности, лесным видам принадлежат и споры папоротниковых. Березняки и сероольшанники, кустарниковые березки, смородина укрывались в речных долинах. В этих сообществах могли произрастать некоторые виды крупных трав (рода василистник, недотрога). О существовании луговых ценозов с участием ксерофитов свидетельствует наличие в спектрах спор гроздовника северного. Присутствие в спектрах единичных зерен пыльцы липы, граба и орешника, очевидно, объясняется переотложением, так как в большинстве случаев они сильно изменены. Особенности растительности характеризуют климат, существовавший во время обитания стоянки как сухой и относительно холодный (Корниец, Гладких и др., 1981: 109-111).

Фаунистические остатки из раскопок 1966-1978 гг. представлены в следующем списке: мамонт – 149/3677, лошадь – 2/2, бизон (Bison priscus Boj.) – 6/7, северный олень – 10/37, дикий кабан – 1/2, песец – 11/146, волк – 12/79, росомаха – 8/59, медведь – 3/12, пещерный лев (Panthera sp. Gold) – 2/3, лисица – 2/2, корсак – 2/2, заяц-русак (Lepus europaeus Pall.) – 73/2576; грызуны: сеноставка малая, слепыш подольский, суслик большой, суслик крапчатый, хомяк обыкновенный, мышь лесная, полевки, в том числе серая и узкочерепная, пеструшка степная и птицы: белая куропатка, тетерев, гусь-гуменник, утка, лебедь, орлан, черный гриф, филин, белая сова, ворон, каменка обыкновенная. Отмечено также наличие чесночницы и щуки. Основным промысловым животным, как и на всех стоянках этого круга, был мамонт. Преобладание среди остатков мамонта молодых животных и присутствие утробных детенышей указывает на осенне-зимний сезон охоты. Многочисленны остатки пушных зверей: зайца, волка, песца, которые добывались в зимнее время, поскольку костные остатки принадлежали взрослым животным. На северных оленей, судя по обломкам черепов с оставленными рогами, охотились в весенне-летнее время, как и на водоплавающих птиц. В целом, фауна Межирича носит лесостепной характер, обусловленный ландшафтными особенностями района. На откры-

тых пространствах высоких берегов Роси и Росавы обитали мамонт, бизон, лошадь, северный олень, песец, лисица, корсак, мелкие грызуны. В долинах и поймах рек с их приречными лесами находили убежище бурый медведь, росомаха, волк, заяц, дикий кабан. Значительный интерес представляет наличие тетерева среди широкого спектра птиц (там же: 111, 113, 115).

Пять определений возраста по радиоуглероду выполнено в Институте Радиогеохимии окружающей среды АН Украины. Они варьируют от 17 855±950 (Ки-1054) по костному углю из жилища 4 до 19 280±600 (Ки-1058) по зубу мамонта из жилища 1. Другие лаборатории дали более молодые датировки. В ГИН РАН три даты (ГИН-2593 по зубу мамонта, ГИН-2595 по костному углю из жилища 2 и ГИН-2596 по костному углю из жилища 4) оказались в пределах 14 тысяч лет, а четвертая дата 11 700±800 (ГИН-2597) по костному углю без указания места взятия выпадает из этого ряда. Пять дат из зарубежных лабораторий группируются вокруг 14 тысяч лет от 12 900±200 (OxA-709 по зубу мамонта из жилища 1) до 15 245±1080 (QC-900). Без указания причины интервал 19.5 – 18.5 тыс. лет кажется А.А. Синицыну и Н.Д. Праслову (1997: 38) предпочтительным определением времени существования стоянок Межирич, Елисеевичи и Юдиново, но после того как древние даты Юдиново оказались фиктивными (Abramova, Grigorieva, 2000: 83), а в Елисеевичах и Межириче они единичны, нет никаких оснований считать их единственно верными. Нельзя не заметить, что из одного жилища 1 происходит и самая древняя дата 19 200±600 (Ки-1056) и одна из самых молодых 12 900±280 (OxA-709) – обе по зубам мамонта, возможно, один из образцов попал на стоянку случайно.

К настоящему времени на стоянке раскопаны4 жилых комплекса, включающие жилища диаметром 5 – 6 м и окружающие их ямы-хранилища, очаги, рабочие площадки. По размерам, форме, конструкциям, состоящим из костей мамонта, жилища полностью аналогичны мезинским.

Кремневый инвентарь включает резцы разных типов, преимущественно боковые, скребки, пластины с ретушью и следами использования, микропластинки с притупленным краем, острия, скобели, пилки, орудия с подтеской, проколки. И.Г. Пидопличко видел определенную близость этого инвентаря с материалами Добраничевки, Гонцов и Мезина, что подтверждает выделение И.Г. Шовкоплясом отдельной среднеднепровской позднепалеолитической этнокультурной области Восточной Европы (Пидопличко, 1976: 149). Костяной инвентарь в целом близок мезинскому, но имеет и черты своеобразия. Особенно интересен череп мамонта с нанесенным красной краской узором, требующим расшифровки. Стилизованные женские статуэтки значительно отличаются от фигурок Мезина (рис. 140; Филиппов, 1984; Iakovleva. 1992).

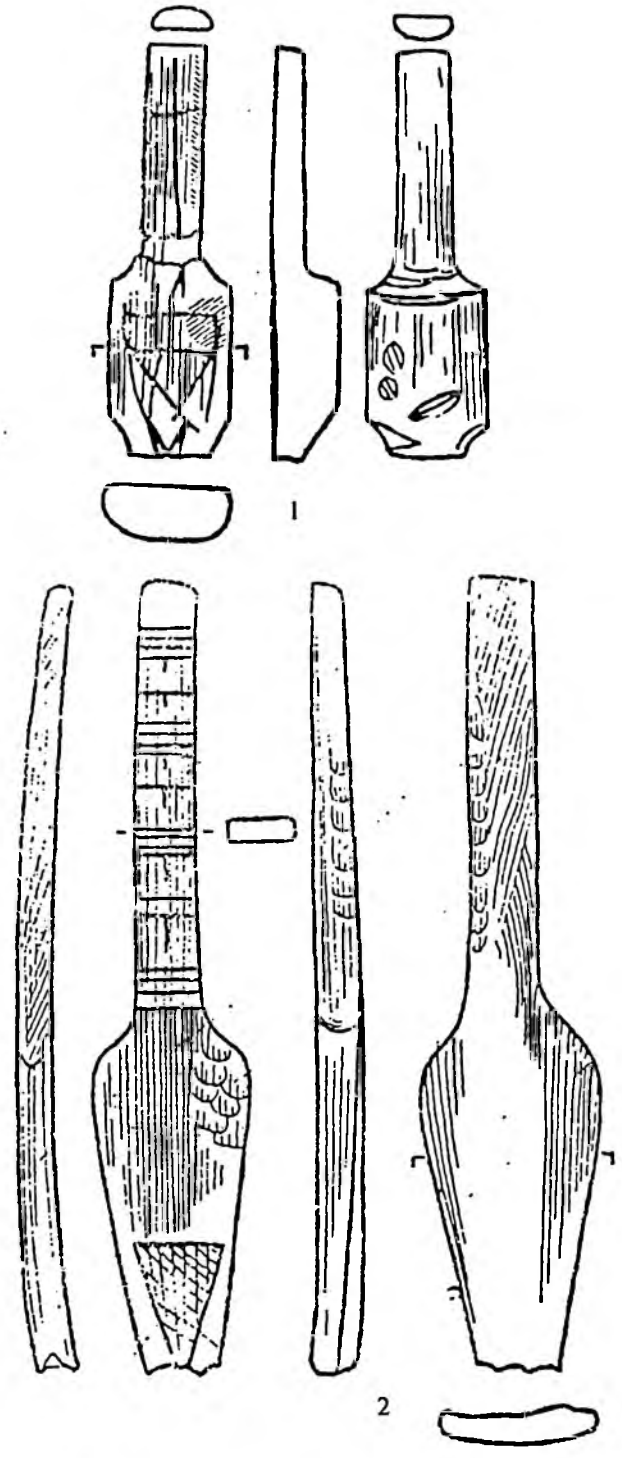

Рис. 140. Стилизованные женские фигурки из пластин бивня мамонта. Межирич.

Стоянка **Добраничевка** находится на левом берегу р. Супой, левого притока Днепра в 130 км к юго-востоку от Киева. Открыта в 1952 г. и исследовалась И.Г. Шовкоплясом в последующие годы (Шовкопляс, 1972;1992; Шовкопляс и др., 1981). Расположена на мысовидном выступе второй тер-

расы левого борта речки Ташанка при выходе ее в долину Супоя. Культурный слой залегает на глубине 1.2 м от поверхности в отложениях палево-желтого лесса толщиной 3.9 м, перекрытых слоем современной черноземной почвы. Под лессовидным слоем отмечена ископаемая почва, представленная желто-бурым суглинком и подстилаемая слоем палевого лесса. Ниже идут слой валунной глины мощностью 5 м, желтый суглинок и сизый озерный суглинок. Культурный слой приурочен к прослою эмбриональной почвы в причерноморском лессе.

Согласно Г.А. Пашкевич, спорово-пыльцевые спектры эмбриональной почвы (образцы с глубин 1.2 и 1.5 м) формировались в условиях некоторого смягчения климата по сравнению с данными спектров причерноморского лесса. На это указывает увеличение количества пыльцы деревьев (от 4 до 33 %) и ее более разнообразный состав. Преобладает пыльца сосны. В небольших количествах встречена пыльца ели, ольхи, березы и единичная пыльца дуба и липы. Среди трав преобладает пыльца разнотравья, - много пыльцы осоковых и злаков. Наряду с пыльцой мезофитного разнотравья (лилейные, лютиковые, злаковые, бобовые), много ксеро- и галофитов из семейства маревых: лебеда, марь, терескен. Обнаружена также пыльца прибрежно-водных растений – ежеголовник, рдест, кувшинка. Разнообразен состав спор. Наряду со спорами зеленых мхов, встречены споры папоротников и плаунов. Постоянно отмечались споры гроздовника северного, изредка плаунка (Selaginella selaginoides). Наличие спор плаунка указывает на то, что потепление было незначительным. Стоянка существовала в условиях довольно сурового континентального климата в окружении перигляциально-степной растительности с небольшим участием сосновых и березовых лесов (Шовкопляс и др., 1981: 99, 101).

Фаунистические остатки составляют следующий список: мамонт – 91/2768, шерстистый носорог – 1/2, северный олень – 5/30, зубр (Bison priscus) – 1/2, овцебык – 1/2, заяц 2/2, песец – 7/64, волк – 5/53, медведь – 1/13, лисица – 1/2, росомаха – 1/1, сурок степной – 1/4, белая куропатка – 1/1. Как замечают авторы, эти цифры занижены, поскольку ряд ям-хранилищ и одно жилище представляют собой музейные экспонаты, оставшиеся неразобранными. Часть культурного слоя была разрушена до раскопок. Основным объектом охоты был мамонт. Северный олень представлен, в основном, отдельными костями конечностей и орудиями из рога. Кости песцов сохранились в виде целых скелетов или отдельных их частей. Как и в других стоянках этого круга, песец и волк добывались из-за их шкур. Редкость костей зубра, овцебыка, шерстистого носорога авторы объясняют охотой на них вдали от места стоянки (Шовкопляс и др., 1981: 103, 104).

Что касается возраста Добраничевки, то интересно привести мнение И.Г. Пидопличко: «Эта стоянка является как бы одним из последних памятников деятельности охотников на мамонтов, ведших временно оседлую жизнь и оставивших свое место обитания, как и другие сородичи, после исчезновения основного промыслового животного – мамонта. Добраничевские охотники беспощадно уничтожали мамонтов. Это видно из того, что из всех 28 особей убитых мамонтов только 2 были старые, 3 – взрослые, 20 – полувзрослых и 3 – совсем молодые (до 5 лет). Следовательно, в основном, истреблялось маточное поголовье этих животных» (Пидопличко, 1969: 69).

Для подтверждения этого взгляда, помимо условий залегания, немалую роль играет и единственная радиоуглеродная дата 12 700±200 (ОхА-778), возможно, несколько заниженная, поскольку и некоторые другие даты, полученные в Оксфордской лаборатории по зубам мамонта представляются омоложенными (Бердыж, Чулатово 1, Межирич, Юдиново).

Стоянка, как и Мезин, представляет собой один из редких случаев верхнепалеолитического поселения, исследованного на всей сохранившейся площади около 2 000 кв. м, к сожалению, поврежденной до раскопок. Здесь обнаружены остатки четырех хозяйственно-бытовых комплексов: округлых жилищ аносовско-мезинского типа с костями мамонта в качестве конструктивного материала, окруженных ямами-хранилищами, очагами и площадками для обработки кремня.

Кремневому инвентарю Добраничевки уделено в литературе, особенно в работах И.Г. Шовкопляса и М.И. Гладких, большое внимание, произведен даже сравнительный анализ отдельных комплексов между собой и с кремневым инвентарем Межирича и Мезина, но итоговое описание, равное мезинскому, отсутствует. Среди орудий преобладают резцы и скребки. Резцы преимущественно боковые на пластинках, срединные и угловые очень редки. Скребки на пластинках, на обломках пластинок, отщепах более разнообразны: концевые, двойные, выемчатые или даже «совсем круглые, напоминающие скребки азильского типа». Имеются резцы-скребки, серии режущих острий на пластинках со скошенным концом, мелких пластинок с притупленным краем, пластинок с ретушью и выемками по краям, проколок и пр. И.Г. Шовкопляс отмечает, что по характеру кремневых изделий Добраничевка ближе всего стоит к Гонцам и Межиричу, с которыми она близка территориально и обладает также жилищами из костей мамонта. Эта близость подтверждена и костяным инвентарем, в производстве которого, наряду с

бивнем, большую роль играл рог северного оленя. Немногочисленные законченные орудия характерны для стоянок этого времени на среднем Днепре и Судости. Из произведений искусства отмечены две стилизованные женские статуэтки: одна из янтаря, другая из песчаника (Шовкопляс, 1972).

Что касается третьего центра фигуративного искусства в Восточной Европе, то территория Приднестровья в эпоху верхнего палеолита существенно отличалась от двух других, описанных выше. Роль мамонта меняется коренным образом. Все более и более заметное место начинает принадлежать северным оленям и крупным лошадям. Затем шерстистые носороги и мамонты, адаптированные к обитанию в суровых условиях перигляциальной зоны, исчезают, усиливаются лесные виды. В частности кости лося появляются в Молодове I так рано, как III-й мустьерский слой. А.И. Давид (1980: 97) отмечает, что остатки мамонта найдены почти во всех исследованных верхнепалеолитических стоянках Приднестровья, но в небольших количествах и главным образом в виде разрушенных зубов. Однако, наличие молочных зубов свидетельствует о размножении мамонтов на месте. И.А. Борзияк упоминает, что редко встречаемые на стоянках остатки мамонта представлены обломками бивня (Borziyak, 1993: 69) или редкими поделками из бивня как в Косоуцах.

Для нас наибольший интерес имеют две стоянки, обладающие фигуративными произведениями искусства: Молодова 5 и Косоуцы.

Многослойная стоянка **Молодова 5** находится на правом берегу Днестра в Черновицкой области Украины. Открыта в 1948 г. А.П. Чернышом и исследовалась им в 1950-1960 гг. (Черныш, 1961; Иванова, Цейтлин, 1987). Приурочена к мысообразному выступу Голый Щовб высотой 45-65 м, представляющему собой выположенный склон от III к II надпойменной террасе. 19 культурных слоев и горизонтов от мустье до мезолита включительно залегают в толще лессовидных суглинков с горизонтами ископаемых почв, покрывающей склон и аллювий второй террасы.

Согласно описанию И.К. Ивановой (Иванова, Цейтлин, 1987: 107-109), но в обратном порядке сверху вниз, под голоценовой почвой (1) залегает слой 2 желтовато-серого суглинка, в котором А.П. Черныш выделил 7 культурных слоев. Два верхних отнесены к раннему мезолиту, остальные 5 к позднему палеолиту. Для нас особый интерес представляют культурные слои III, VI и VII.

Палинологические анализы образцов из слоя III, лежащего на глубине 1.6 – 1.8 м показывают преобладание травянистой растительности (70 % от общего состава), но в редких зернах пыльцы древесных пород, кроме можжевельника и березы, встречена единичная пыльца сосны. В фауне преобладают остатки северного оленя – 14/470 (42.4 % по количеству особей и 80 % от общего количества костей), затем идет лошадь – 6/60 (18.18 %), мамонт – 3/30 (9 %), зубр – 3/26 (9 %), лось – 2/6 (6 %), единично благородный олень, песец, заяц, бык. По радиоуглеродному анализу древесного угля слой датируется 13 370±540 (ГИН-9). Эта дата, положение в разрезе, а также характер культурного слоя подтверждают его принадлежность к древнему дриасу.

Нижний в этой пачке VI культурный слой находится на глубине 2.8-2.9 м. Палинологический анализ показал, что слой образовался по окончании больших холодов. Существовал лесостепной ландшафт с преобладанием хвойных, особенно ели, имевших развитие в холодное время. Однако, пыльцы кустарниковых берез и ольховника, спор холодоустойчивых форм уже встречено не было. Очевидно, этот период связан с интерстадиалом ляско, датируемом временем 17-16 тыс. лет назад. Радиоуглеродная дата по зольной массе 16 750±250 (ГИН-105), возможно, не точна, поскольку вышележащий слой V дал более древнюю дату: 17 100±180 (ГИН-52) по тому же материалу. В фауне преобладает северный олень – 16/1050 (38 %), достаточно хорошо представлены лошадь – 8/100 (19 %) и мамонт – 6/250 (14 %). Далее следуют лось – 3/70, олень – 1/4, зубр – 2/20, заяц – 1/1, волк – 1/5 и птица – 1/2. В фауне наземных моллюсков присутствовали холодостойкие виды.

Ниже идут стерильные желтовато-сероватые суглинки (3) и полосчатый суглинок (4) со следами оглеения, от коричневатой до светло-серой окраски. В северной части раскопа замещается затемненным, слегка комковатым суглинком шоколадного оттенка мощностью 0.3 м. С ним связан самый богатый VII культурный слой, отмеченный на глубине 3.25 м. По данным Г.А. Пашкевич, он попадает в нижнюю часть палеозоны III, которая характеризуется большими значениями пыльцы и спор микротермных видов. Пыльца кустарниковых берез составляет 12.7 %, плаунка плауновидного – 6.4 %, гроздовника северного – 3.6 %. Отмечена и пыльца ольховника, кустарника, который в настоящее время ограничен пределами южной границы распространения вечной мерзлоты. В составе спорово-пыльцевых спектров преобладает пыльца трав. Древесная пыльца составляет 33 %, она представлена пыльцой ели, сосны обыкновенной и кедровой, можжевельника, а также ольхи, березы древовидной и кустарниковой. В группе травянистых растений основной является пыльца злаков и осок. Разнотравье представлено 15-ю семействами, среди которых наиболее многочисленны губоцветные, лютиковые, крестоцветные, сложноцветные, бобовые. Отмечена также пыльца эфедры. Среди многочисленных спор доминируют

споры зеленых мхов и гроздовников.

В целом, эта растительность соответствовала условиям сурового климата, наиболее холодного на глубинах 3.0-3.4 м. На водоразделах в этот период распространялась своеобразная перигляциальная лесостепь с кустарниковыми березами и ольховником. Редкостойные сосновые и еловые леса встречались на склонах речных долин и балок южной экспозиции. Наряду с этим, пыльца терескена, лебеды, эфедры, кохии указывает на распространение ценозов нарушенных субстратов и ксерофитных условий обитания. Карликовые березы, вместе с гроздовником северным, входили в состав болотных ценозов, как и представители семейств вересковых, злаковых, осоковых, сфагновых и зеленых мхов, которые распространялись на участках с повышенной увлажненностью. Таким образом, травянистый покров состоял из тундровых формаций, галофитов и ксерофитов, характерных, как установил В.П. Гричук (1973) для растительности типа перигляциальной (Иванова, Цейтлин, 1987: 149-150).

Как и в слое VI в фаунистических остатках слоя VII преобладают кости северного оленя – 13/606, затем идут кости лошади – 11/709 и мамонта – 7/105. Остальные виды единичны: носорог – 1/4, зубр – 2/12, благородный олень – 1/10, олень неопределенный – 1/11, лось – 1/7, заяц – 2/10, волк – 1/4, песец – 1/3, пещерный лев – 1/6, лисица – 1/2, птица (тетерев ?) – 1/10. Появление костей песца свидетельствует о достаточно холодных климатических условиях. Среди наземных моллюсков преобладают раковины пупиллы и валлонии. Колумелла отсутствует.

Радиоуглеродный анализ древесного угля показал дату 23 000±800 (Mo-11), по ископаемой почвы 23 700±320 (ГИН-10). «В целом не возникает сомнений в принадлежности слоя VII к концу брянского интерстадиала, когда сохранились еще некоторые признаки относительно мягкого климата, но появились уже явные элементы нарастающего похолодания» (Иванова, Цейтлин, 1987: 115). Исследования последних лет по международной украинско-молдавско-бельгийско-французской программе по уточнению стратиграфии Молодовой 5, установили, что нижележащие слои IX и X соответствуют брянской ископаемой почве. Согласно И.К. Ивановой, эта ископаемая почва в стратиграфии стоянки состояла из двух горизонтов, лесс между которыми указывает на короткий период похолодания. И.К. Иванова отметила, что слои IX и X являются одним и тем же уровнем обитания – древнейшим граветтом в бассейне Днестра (Iakovleva, 2001: 38).

Слой III. Скопление культурных остатков размерами 5.3x3 м с центральным кострищем и ямками от столбов А.П. Черныш отнес к постоянным жилищам. Кремневый инвентарь не богат количественно и категориально и изготовлен главным образом из пластинок 4-5 см длиной. Наиболее многочисленны резцы разных типов. Скребков значительно меньше, среди них преобладают орудия на коротких пластинках. Пластинки с притупленным краем редки, острия граветт и рубящие орудия единичны, в то время как терки, отбойники и песты из галек песчаника и аргиллита составляют представительную группу. В костяном инвентаре отмечено уникальное изделие из конца небольшого бивня мамонта с симметрично расположенными углублениями, возможно, следами от незаконченных отверстий. К произведениям искусства отнесена антропоморфная фигурка, вырезанная из мергеля (рис. 141, 1; Иванова, Цейтлин, 1987: 61-67).

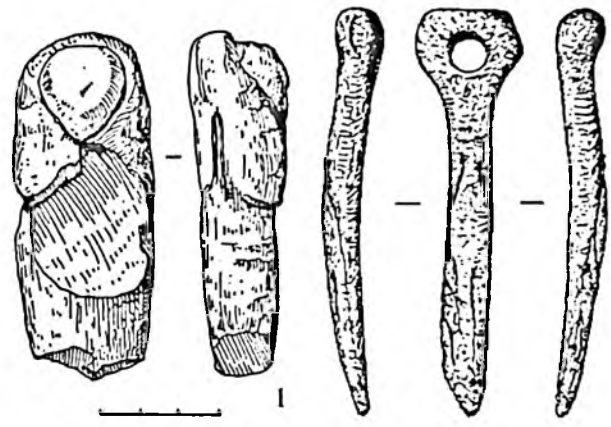

Рис. 141. Рис. 141. Произведения искусства:
1 – женская фигурка из известняка (слой III).
2- гравюра мужской фигуры на просверленном жезле (слой VII). Молодова 5.

Слой VI. Скопление культурных остатков овальной формы размерами 7x6 м с тремя кострищами. Центральная часть пола скопления углублена на 40 см ниже уровня древней дневной поверхности. Отмечено наличие многочисленных ямок, по-видимому, от столбов, поддерживающих перекрытие. Кремневый инвентарь достаточно разнообразен, но немногочислен, изготовлен преимущественно из пластинок длиной 6-8 см. Преобладают резцы различных типов, одной из характерных форм являются двойные срединные. Далее, с большим отрывом идут пластинки со следами ретуши и использования по краям, скребки на целых и укороченных пластинках и различные единичные орудия, в том числе 3 проколки, 3 пластинки с выемками на концах, острие граветт, орудие с подтеской, резец-острие. Имеются терки, песты и отбойники. Костяной инвентарь представлен обычным набором изделий из бивня мамонта и рога северного оленя. Следует отметить наличие киркообразного орудия из рога, аналогичного изделиям из нижележащего VII слоя. Из произведений искусства

привлекает внимание антропоморфная статуэтка из бивня мамонта, найденная в специальной ямке на площади западного скопления. Размеры ее 17.5x2.2x0.8 см. Выделена головка со следами углублений на лицевой стороне, имитирующих, по мнению А.П. Черныша, глаза и рот. «На задней стороне прослеживаются следы вырезанного хвоста. Края изделия орнаментированы параллельными нарезками. Статуэтка напоминает костенковские лопаточки, которые П.П. Ефименко считал схематизированными статуэтками» (там же: 51).

Слой VII. Скопление культурных остатков трактуется как следы недолговременных наземных построек типа шалашей. Слой VII отнесен к самому концу брянского интерстадиала. При заметном похолодании климата встречено очень немного костей животных, которые могли бы служить каркасом жилищ. Преобладают небольшие кости: обломки ребер, позвонки, челюсти различных животных, кости конечностей. Многие кости были раздроблены (там же: 35). Кремневый инвентарь чрезвычайно богат и разнообразен. Большая часть орудий изготовлена из пластинок в среднем 8-12 см длиной. А.П. Черныш упоминает о наличии орудий как с ориньякской, так и с плоской ретушью. Доминируют резцы различных типов с преобладанием угловых и срединных. Среди скребков отмечены единичные ладьевидные. Пластинки с притупленным краем имеют разброс длины от 2.1 до 4.5 см, т.е. среди них несомненно имеются микропластинки, что подтверждается и наличием микроострий. А.П. Черныш выделяет особую группу игольчатых острий, в том числе и острия с плоской ретушью на вентральной стороне с одного или с двух концов. Отмечается также наличие острий граветт и атипичных наконечников с боковой выемкой. Среди костяного инвентаря особый интерес представляют киркообразные орудия из рогов северного оленя, а также серия просверленных жезлов, на одном из которых вырезано изображение человека (рис. 141, 2), на другом, возможно, грива лошади (там же: 37-47).

МОЛДОВА.

Многослойная верхнепалеолитическая стоянка **Косоуцы** на второй террасе западного берега Днестра находится в округе Сорока в северо-восточной части Молдовы. Открыта в 1978 г. И.А. Борзияком и М.В. Аниковичем и раскапывалась И.А. Борзияком между 1981 и 1993 гг. С 1994 г. в работах принимала участие команда Льежского университета в рамках проекта SC-004 (Борзияк, Давид, 1986; Borziak, 1993). Главный интерес стоянки заключается в том, что ее 18 м отложения, состоящие из сложного чередования лессовидного суглинка, супеси и эмбриональных почв, содержат в себе 21 культурный горизонт, составляющих 10 культурных слоев от 19 410±100 лет назад (10 слой) до 16 050±170 лет назад (1 слой).

Несмотря на большое количество древесного угля во всей секвенции, он дает довольно бедный спектр, в котором отмечены только три древесных вида (Damblon, 1997). От самого нижнего 10 слоя до слоя 2a преобладают угли ели и только в слоях 1 и 1b представлено больше сосны. Найдены также угли, определение которых двояко ель/лиственница. В первом слое отмечены угли ивы. Такая картина находится в противоречии с палинологическими данными.

Для наших целей интерес представляет только слой II, залегающий на глубине 7.75–8.40 м от поверхности и состоящий из трех горизонтов (a, b и c). В фауне этого слоя, по определению А.И. Давида, преобладает северный олень – 11/2003, имеются широкопалая лошадь – 3/210, бизон – 1/4, бурый медведь –1/1, лисица – 2/6, полевка, птицы (Борзияк, 1989: 12). Ранее упоминался также волк 1/12 (Борзияк, Давид, 1986: 134). Для слоя II получена серия радиоуглеродных дат по древесному углю в четырех лабораториях: слой IIa – 16 940±1215 (СОАН-2460) и 17 230±140 (GrN-21792); слой II (a и b) – 16 860±770 (ЛЕ-3304); слой IIb – 15 520±800 (ЛЕ-3305), 18 200±500 (ГИН-4148) и 19 620±925 (СОАН-2461); слой IIc – 17 620±210 (GrN-21793) (Синицын и Праслов, 1997: 59). Авторы замечают, что «В отношении колонки дат стоянка Косоуцы, признавая инверсии не выходящими за пределы допустимой точности метода, можно лишь констатировать близость культурных слоев во времени и их исключительную важность для сравнительного анализа археологического материала» (там же: 40).

В слое II вскрыто несколько скоплений находок с очажными пятнами в центре, видимо, остатками небольших легких наземных жилищ. Кремневый инвентарь включает пластинки и микропластинки с притупленным краем; резцы, более многочисленные, чем скребки, и единичные острия, скребла и нуклевидные орудия. Найдены также наковаленки, отбойники и песты-терочники из песчаника. Основным сырьем для производства костяного инвентаря служил рог северного оленя. Особо упомянуты молотковидные изделия и мотыги-лопаты. Здесь открыты и единственные фигуративные изображения во всей последовательности стоянки Косоуцы: фигурка бизона и статуэтка женщины, изготовленные из известняка-мергеля (рис. 142, Борзияк, 1989). Согласно предварительному анализу И.А. Борзияка, инвентарь обнаруживает определенную близость к материалам слоев VI – III Молодовы 5, отнесенных к «восточному граветту», корни которого, по его мнению, следует искать не в мустье юго-запада Восточной Европы и смежных областей, но в памятниках Центральной Европы, именно на территории Венгрии (Borziac, 1990: 65).

Итак, фигуративное искусство на территории Восточной Европы представлено образами челове-

ка и животных, выраженного за малым исключением в скульптуре. Исключение составляют единичные гравюры: женщины в Костенках 1, мамонта и неопределенного зверя в Костенках 21. Нет ни одного непосредственного сочетания сюжетов.

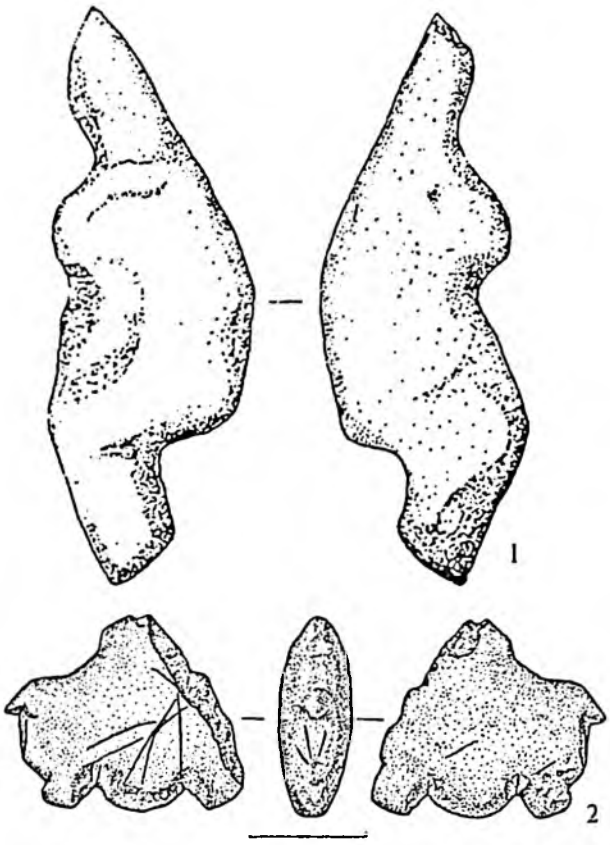

Рис. 142. Скульптуры:
женщины (1) и
бизона (2) из мергелистого известняка.
Косоуцы, слой II.

Первое, наиболее древнее изображение – объемная головка человека, вырезанная из бивня мамонта (Костенки 14, слой IVб) отделено от следующей временной группы более чем 10-ти тысячелетним перерывом. Только в период 25-21 000 лет назад в центре Русской равнины появились стоянки «восточного граветта» с многочисленными и впечатляющими проявлениями женского образа. Лучшие экземпляры реалистически исполненных статуэток, мастерски вырезанных из бивня мамонта и рисующих характерные черты женщины-матери, происходят из Костенок 1 (2 комплекса), Авдеева (2 комплекса) и Гагарина. Все они составляют общее целое, несмотря на уникальные особенности каждой фигурки, не имеющей полной реплики даже в одном комплексе. И вместе с тем, отдельные скульптуры обнаруживают определенное сходство, находясь в разных комплексах. Это касается, прежде всего, фигурок с преувеличением или подчеркнутостью некоторых частей тела: огромных, падающих, как бы наполненных молоком грудей; выпуклого объемистого живота; расширенной области таза. Эти детали сочетаются с достаточно уплощенным торсом, узкими плечами и моделированными руками и ногами, создавая в целом гармоничный образ. Головки статуэток, там где они сохранились, обычно округлые, небольших размеров, со следами орнаментальных насечек. Область лица гладкая, хотя имеются исключения в виде статуэтки из Авдеева, обладающей четко переданными чертами лица на головке, украшенной сложным рельефным узором (Gvozdover, 1995; fig. 100), или статуэтки из Костенок 1 с намеченными чертами лица и более скромной передачей прически или шапочки (Praslov, 1986: 1-3).

И в Костенках 1, и в Авдееве встречены статуэтки из известковистого мергеля, часто в виде обломков, не имеющих большой художественной ценности. Исключение составляют три великолепных произведения из 2-ого комплекса Костенок 1: целая фигурка, обладающая всеми чертами статуэток из бивня, с отбитой головкой, найденной позже на довольно значительном расстоянии, и отбитыми же ногами ниже колен (Praslov, 1986: 4-5); обломок крупной статуэтки от поясницы до колен, изумительной по качеству материала и передаче деталей, особенно кистей рук с пальцами и браслетами, лежащих на животе. Ниже рук располагается рельефная узорная лента (рис. 125; Praslov, 1993); исключительно крупная головка, украшенная орнаментом, оставляющим свободным лицо (рис. 126; Праслов, 1979). Подобная головка, но меньших размеров происходит из Авдеева (Gvozdover, 1995, fig. 110).

В серии статуэток из Гагарина, в целом отличающихся от костенковско-авдеевских, имеется экземпляр вытянутых пропорций с длинными ногами, концы которых обломаны. Он очень близок к статуэтке из 1-ого комплекса Авдеева, отличаясь лишь меньшими размерами (ср. Замятнин, 1935: рис. 24 и Гвоздовер, 1953, рис. 21). Так называемая «шагающая фигурка из Гагарина», сутулая с крупной головой, широкими прямыми плечами, стоит особняком, хотя округлые формы ее грудей и ягодиц почти идентичны соответствующим частям тела других гагаринских статуэток (рис. 132, 2).

Любопытно, что эти статуэтки из Гагарина находят достаточно близкие аналогии в фигурках из Хотылево 2. Их 3 и они очень различны. Наибольшим своеобразием отличается статуэтка N 1 (Заверняев, 1978: рис. 1). Голова ее повреждена, но по оставшейся части можно судить об ее исключительно малых размерах по отношению к общей высоте тела. Определенная диспропорция между верхней и нижней частями тела, которая отличает эту фигурку от всех известных палеолитических статуэток и, прежде всего, от гармоничных и соразмерных костенковско-авдеевских. Упомянутая Ф.М. Заверняевым в качестве аналогии фигурка

из Лесной характеризуется уравновешенностью закругленных, даже несколько геометризованных объемов. У хотылевской статуэтки к тому же отсутствуют признаки стеатомерии. У другой статуэтки N 3 (рис. 135, 1; там же: рис. 2, 1 и 3, 7) довольно крупная головка в характерной позе наклонена вперед. Округлые груди, нормальной толщины руки, сильно выступающий живот напоминают трактовку этих частей тела у фигурки N 1. Сутулая широкая спина и округлые ягодицы противостоят тощим бедрам и хилым ножкам. Ф.М. Заверняев отметил, что эта статуэтка, несмотря на некоторые отличия, близка к фигурке N 1 (1927) из Гагарина. К этому можно добавить, что, хотя, у гагаринской статуэтки высоко обломаны ноги, форма и толщина бедер соответствуют таковым у статуэтки N 1 из Хотылево 2. Продолжая сравнение упомянем, что посадка и форма головы, сутулость и ширина спины, положение и форма ног хотылевской фигурки N 3 аналогичны по передаче деталей у «шагающей» статуэтки из Гагарина. Статуэтка N 2 из Хотылево 2 (рис. 135, 2; там же: рис. 2, 3 и 3, 6), несмотря на обощенность очертаний, а может быть, благодаря ей, напоминает значительно более художественно исполненные скульптуры женщин из Костенок 1 – Авдеево и особенно фрагмент фигуры (нижняя половина тела) из Гагарина. Привлекает внимание расположение на ее спине выше поясницы двух параллельных нарезок («перевязь»?). Отдельная головка и обломки ножек, найденных в Хотылево 2, также находят параллели в упомянутых стоянках.

Выпадает из круга «восточно-граветтских» единственная статуэтка из Елисеевичей – стоянки, несомненно более поздней и обладающей своеобразной культурой. Эта крупная фигурка, традиционно вырезанная из бивня мамонта, без головы, рук и нижней части ног с вытянутыми пропорциями, длинным округлым в сечении торсом со слабо выступающим животом и небольшими тесно сближенными грудями, покоится на мощных четко моделированных ногах. Округлые ягодицы сильно выступают назад.

Все эти статуэтки найдены в долговременных поселениях, преимущественно в жилищах, сооруженных с помощью костей мамонта, в специальных ямах-хранилищах вместе с предметами неутилитарного характера. Образ женщины-матери передан традиционно с небольшими отклонениями от канона, отражающего в известной мере ее социальной статус и в этой связи исключительно важны две фигурки в позе рожениц, найденные в стоянке Костенки 13 (рис. 127), возможно являющейся частью Костенок 1, и во 2-ом комплексе Авдеева.

Тенденция связи образа женщины с жилищами сложной конструкции продолжается в более позднее время в более южных областях бассейнов Днепра и Днестра. Образ женщины претерпевает значительные изменения, обнаруживая явные соответствия с условными женскими фигурками мадленской культуры. Он представлен в различной стилистической манере и может быть разделен на 3 группы. Первая – мезинская – состоит из двух подгрупп: 1) так называемые «птички», напоминающие птицу с маленькой головкой, выпуклой грудью и длинным плоским хвостом, в перевернутом виде близки условным женским статуэткам гённерсдорфского типа. Эти «женщины-птицы» покрыты сложным орнаментом, который, согласно А.Д. Столяру (1972), был женским по своей тематике и отражал отвлеченное понятие темы женщины; 2) так называемые «фаллические» фигурки, сочетающие женский и мужской образы.

Вторая группа представлена на стоянке Межирич в виде уплощенных лопаточек с расширениями, в нижней части которых нанесен треугольный знак пола. К третьей группе относятся естественные формы каменных желваков, имеющие в профиль схематичные очертания женского тела и слегка подправленные для придания большего сходства. Три таких предмета, найденные в Добраничевке и один в Косоуцах 2, нередки в мадленских стоянках Западной и Центральной Европы. Особняком стоит известняковая фигурка из 3-го слоя Молодовой 5, странные очертания которой, возможно, зависят от современной обработки этого камня соляной кислотой.

Как и во всем палеолитическом искусстве мужские скульптурные изображения редки и маловыразительны. С большей или меньшей долей вероятности, к ним можно отнести очень различные по своему облику лишенные половых признаков тонкую стержнеобразную фигурку из 2-го комплекса Костенок 1 (рис. 128) и мощную статичную, возможно, незаконченную статуэтку из 2-го комплекса Авдеева. К просто человеческим изображениям принадлежат двойная фигурка из Гагарина и более упрощенный стерженек из Костенок 2. Имеется также серия фигурок антропоморфного характера, у которых выделена головка, а другие детали не указаны. Они найдены почти во всех упомянутых стоянках средней поры верхнего палеолита Русской равнины. Нельзя не упомянуть и серию антропоморфных и полиэйконических головок из Костенок 1 – возможное воплощение полуреальных, полумифических существ, типа личин, хорошо известных в западном палеолитическом искусстве.

Что касается изображений животных, то к раннему этапу верхнего палеолита принадлежит лишь навершие костяного шильца из II культурного слоя Костенок 14 в виде головки небольшого хищника (волка?). В Сунгире отмечены 4 плоские

фигурки из бивня: мамонта, двух лошадей и, возможно, бизона. И по материалу и по характеру воплощения скульптура Сунгиря отличается от мелкой пластики «восточного граветта», включающей целые фигурки, в которых можно различить мамонта, носорога, бизона и лошади, а также отдельные головки, главным образом, хищников: пещерного льва, медведя, волка. Наиболее многочисленны фигурки мамонта – в общей сложности их около 40. В Костенках 1, Костенках 4, Костенках 11 (II слой) они мелкие, изготовлены из мергеля и переданы в условно-обобщенной манере, имеющей для каждой из этих разнокультурных стоянок свои особенности, хотя есть и прямые аналогии. К этой группе примыкает и фигурка мамонта из Елисеевичей, в основу которой положена железистая конкреция, имеющая соответствующие очертания, и в то же время три фигурки мамонта из Авдеева существенно отличаются и по размерам, и по характеру передачи. Из первого комплекса этой стоянки происходит крупная статуэтка из овального куска губчатой массы, возможно, извлеченного из позвонка мамонта; из второго комплекса – две фигурки из песчаника, одна из которых, еще более крупная (длина 10.6 см) является лучшим воспроизведением этого животного в палеолитической пластике Европы.

Обобщенные фигурки носорога из мергеля – еще одна особенность палеолитического искусства Русской равнины. Они немногочисленны, найдены только в Костенках 11 (II слой), но достаточно характерны для определения. Фигурки бизона более проблематичны, найдены, помимо Костенок 4 и Костенок 1, в Косоуцах 2, изготовлены из одного материала, но существенно отличаются по стилю. Мергелевые головки хищников известны только в Костенках 1, среди них необходимо отметить такой шедевр мелкой пластики как миниатюрная головка львицы, реалистически передающая все характерные черты головы этого хищника.

Из определимых гравюр особое место занимает фигура мамонта в левый профиль, тонко прорисованная на плоской и гладкой поверхности куска сланца неправильной формы, из III, как полагают, слоя Костенок 21.

Окидывая мысленным взором Европейский полуостров необъятного Евро-Азиатского материка эпохи верхнего палеолита, можно отчетливо различить центры распространения палеолитического искусства. Они разновременны, разнообразны и в целом отражают неравномерность развития и локального своеобразия единого в своих общих закономерностях древнейшего творчества. Именно в палеолитическом искусстве, может быть, даже в большей степени, чем в материальной культуре (домостроительстве, каменном и костяном инвентаре) проявляются локальные особенности в культуре тех или иных территорий на разных этапах существования. Неравномерность обнаруживается наиболее ярко на среднем и позднем этапах развития верхнепалеолитического искусства. Если на раннем этапе фигуративное искусство представлено спорадически на всей территории, то своего апогея оно достигает на среднем этапе в Восточной и Центральной Европе, а на позднем этапе в Западной Европе. Именно на основании палеолитического искусства намечаются очертания этнокультурных областей на разных хронологических этапах верхнего палеолита.

Первый этап традиционно начинается с ориньякских навесов под скалами в окрестностях Лез Эйзи в Дордони (Франция): Бланшар, Ла Ферраси, Белькэр, Селье, Кастане. Искусство представлено гравюрами, выбитыми в технике пикетажа, или прочерченными на каменных блоках дескважационного происхождения и формально может быть отнесено к настенному монументальному виду искусства, однако, нахождение половины этих блоков в точном стратиграфическом положении в культурных слоях различных подразделений ориньяка позволяет рассматривать гравюры в этом разделе. Поверхность многих блоков покрыта ямками и изображениями вульв, что несомненно свидетельствует о знаковом характере этих произведений, имеющих отношение к женскому образу. Мотив сексуальности подчеркивается и находкой в нижнем слое (ориньяк I) навеса Бланшар вырезанного из рога северного оленя предмета фаллического облика. Появляются первые сокращенные гравюры животных: горного козла и лошади (?) в Селье и более полной, но ацефальной фигуры горного козла в Белькэр. Хотя точная дата последней остается неизвестной, она может принадлежать как в ориньяку I, так и к ориньяку II и III, гравюра рассматривается как самое древнее изображение животного в Европе.

Нечеткость и неопределенность характерны и для других очень редких ориньякских гравюр животных во Франции (Истюриц, Терм Пиала и др.), свидетельствуя не только о неумелости, но и о зыбкости образа в представлении художника.

Помимо единичных ориньякских находок, таких как маленькая человеческая фигурка из рога северного оленя (Тру-Магрит, Бельгия) существует истинный очаг ориньякской скульптуры в Южной Германии. В гротах Гайсенклостерле, Фогельхерд, Холенштайн-Штадель в слоях, образовавшихся в холодный период между 35 000 и 30 000 лет назад, обнаружено поразительно развитое фигуративное искусство, в том числе такой сложный композитный образ как человек-лев и замечательные фигурки животных: мамонта, бизона, лошади, пещерного льва, пантеры, медведя. Исходным материалом для скульптуры служил бивень мамонта. Особо следует подчеркнуть, что женский образ здесь не представлен.

Далее следуют единичные изолированные находки, относящиеся к тому же древнему этапу. В стоянке Гальгенберг (Австрия) в слое второго вюрмского интерстадиала, согласно дате более 30 000 лет, обнаружена уплощенная женская фигурка из мягкого камня. В 2001 г. в IVб культурном слое стоянки Костенки 14 открыто древнейшее на Восточно-Европейской равнине фигуративное изображение – скульптурная головка человека, вырезанная из бивня мамонта. Это слой датируется 34 000 – 32 000 лет назад. В слое II той же стоянки с датой 28 000 лет назад. отмечено костяное шильце, увенчанное зооморфной головкой. В материалах II слоя Костенок 8 имеется тщательно заполированная скульптурная поделка из бивня мамонта, форма которой позволяет предположительно отнести ее к антропоморфным и, более того, связать с женским образом в своеобразной передаче.

Таким образом, можно констатировать, что образы человека и зверя, хотя и очень редкие, появляются на заре творческой деятельности Homo sapiens sapiens в удивительно разнообразном воплощении.

Следующий – средний – этап развития, который можно назвать граветтским, широко распространен в приледниковой зоне Европы, но главные центры искусства существуют не в западных, а центральных и восточных областях этой зоны.

На территории Франции перигорские (граветтские) памятники многочисленны, но произведения искусства достаточно редко представлены в четких стратиграфических условиях. Фигуративное искусство полностью отсутствует в шательперроне и только верхний перигор IV и V (собственно граветт) может дать более или менее полную характеристику сюжетного искусства. Интересно, что памятники, обладающие обильным каменным и костяным инвентарем, бедны изображениями людей и животных. В великолепной стратифицированной стоянке Абри Пато (Дордонь) найден единственный барельеф женской фигуры в фас на маленьком блоке песчаника, но точное положение его в слоях перигора неизвестно. Единственная женская скульптура, вырезанная из бивня мамонта в лучших традициях граветтских статуэток, обнаружена в гроте Ридо (Леспюг, Верхняя Гаронна) вне стратиграфии. Помимо своеобразной каменной фигурки из Тюрсак (Дордонь) стратиграфически привязана к слою серия фрагментов статуэток из бивня мамонта, собранных в конце XIX в. в гроте Пап (Брассампуй, Ланды). Нельзя не упомянуть также замечательные барельефы, высеченные на блоках камня в Лоссель (Дордонь), но они скорее относятся к монументальному настенному искусству и связаны с культурными слоями достаточно случайно. Наряду с тучными женскими изображениями здесь представлена и худощавая фигура мужчины, как бы бросающего копье, что дало место блестящей интерпретации С.Н. Замятниным ритуальной сцены (Замятнин, 1935). Это дает основу для обнаружения связей сюжетов не только в гравюрах, нанесенных на одну основу, но и с помощью планиграфии изолированных предметов. Изображения животных в граветте Франции редки и не дают таких шедевров как женские статуэтки и барельефы.

Произведения искусства малых форм в Бельгии и Кантабрийской Испании, прилегающих к территории Франции с севера и с юга, не позволяют на этом этапе выявить локальные различия. Иное дело – средиземноморское побережье Иберийского полуострова – зона локального своеобразия не только в целом по сравнению с Кантабрией, но и отдельных ее частей: Каталонии, Леванта и южных областей, зависящим, прежде всего, от природных условий. Исключительное значение имеет многослойный грот Парпальо (Валенсия), где граветтское искусство представлено гравюрами и росписями на каменных плакетках. Считается, что начало граветта в средиземноморской Испании предшествует перигору V в Кантабрии и его конец совпадает с началом иберийского солютре. Гравюры исключительно зооморфного характера и своеобразного очень однородного стиля с непропорционально маленькими головами и ногами по отношению к крупному телу с отвислым животом. Сюжеты немногочисленны: лошадь, лань, горный козел.

Граветтское искусство на средиземноморском побережье Франции и в Италии достаточно бедно, если исключить такой памятник как гроты Бауссе Руссе (Бальци Росси, Ментона, Гримальди) на франко-итальянской границе. Этот памятник, давший целую серию статуэток, подробно описан выше. Здесь же отметим, что часть статуэток может быть сопоставлена с известными бесспорно палеолитическими скульптурами, часть обладает большим своеобразием и не находит параллелей в других коллекциях.

На Апеннинском полуострове исключительное значение имеет грот Пагличчи (Фоджия) с полной секвенцией граветтских и эпиграветтских слоев. Наиболее древнее произведение искусства найдено в граветтском слое 20, датированном 22 600±450 лет назад. К тому же эта гравюра горного козла на фрагменте кости крупного травоядного является единственным зооморфным изображением в эпоху, соответствующую как считают, перигору V, 2 во Франции.

После высокого совершенства ориньякской скульптуры в Южной Германии произведения искусства среднего этапа крайне немногочисленны, не обладают художественными достоинствами и ограничиваются антропоморфными образами. Гра-

веттский слой в пещере Вайнбергхёле (Мауэрн) дал единственную статуэтку своеобразного облика («гермафродит», по определению Л. Цотца). В стоянке на открытом воздухе Линзенберг (Рейнланд) найдены два обломка женских статуэток. Считается, что слои, из которых они происходят, относятся к наиболее холодной фазе последнего оледенения.

Крупный центр граветтского искусства охватывает Моравию (Чехию), Словакию и Нижнюю Австрию. Здесь существуют стоянки на открытом воздухе с богатейшим каменным и костяным инвентарем как всемирно известная Виллендорф II, как Мораваны или Петржковице, где найдены единичные, высоко художественные женские скульптуры из камня и бивня мамонта. Но своеобразие этому центру придают памятники с серийным производством фигурок человека и животных из обожженной глины. Это знаменитые стоянки Дольни Вестонице и Павлов, которые по геологическим условиям залегания и по абсолютным датам древнее значительной части граветтских памятников Западной Европы. Они превосходят последние и по концентрации культурных остатков и по совершенству произведений искусства и, главное, что их отличает – это материал – пластичная глина, впервые освоенная человеком для изготовления произведений сюжетного искусства: статуэток женщин и животных. Терракотовые коллекции имеют исключительно важное значение для артзоологии. Со всеми возможными оговорками сравнение «кулинарного» и художественного образцов показывает удивительную диспропорцию.

Исключительно важен и другой вопрос, связанный с открытием свойств глины как превосходного пластичного материала, техники лепки и обеспечения сохранности изделий путем обжига примерно за 15 000 лет до первого появления на другом конце континента в Японии керамических сосудов, а на близколежащих территориях намного раньше.

Сравнительный анализ фигуративного искусства из глины охотников-собирателей на Павловских холмах и Моравии и ранних земледельцев на взятом для примера трипольском поселении Лука Врублевецкая на Днестре убедительно показывает самостоятельно развившиеся черты сходства в изобразительной передаче женского образа, играющего и тут и там значительную роль. Выбор образов животных подчеркивает определяющую разницу в системе существовании обществ, стоящих на разных ступенях развития.

Другой крупный центр культуры, родственный граветту, находится на Восточно-Европейской равнине. В него входят, прежде всего, стоянки костенковско-авдеевской культуры: Костенки 1 (I слой), Костенки 13, Гагарино, Авдеево, Хотылево 2 и др., существовавшие в период 24 000 – 20 000 лет назад, когда основой экономики была охота на мамонта, неисчислимые стада которого заселяли равнину. Для этой группы памятников характерно широкое развитие фигуративной скульптуры из бивня мамонта и известнякового мергеля и песчаника. В отличие от моравской группы, где женский образ, за немногими исключениями, лишен реалистической передачи, здесь особое внимание уделялось именно женщине с объемистыми формами и различными художественно исполненными деталями вплоть до черт лица и замысловатых головных уборов (причесок ?). И в Моравии и в центре Русской равнины присутствует намеренная фрагментация фигурок. Среди изображений животных значительно преобладает мамонт. Хищники представлены единичными головками пещерного льва, львицы, медведя и волка. Несколько головок птиц не имеет художественной ценности.

К той же средней поре верхнего палеолита, но к другим археологическим культурам относятся верхний слой Костенок 4 и второй слой Костенок 11, давших серии мергелевых фигурок животных, находящих определенное сходство в отдельных случаях и между собой и с фигурками из Костенок 1. Особое место занимает стоянка Костенки 21, III слой с единичными гравюрами животных, единственными на этой территории (одна гравюра женщины в фас найдена на каменной плитке из Костенок 1). Отметим, что в фауне этой зоны имело место сочетание таких холодостойких видов как северный олень и песец с типичными обитателями умеренного климата как лошадь и бизон, но мамонт всюду преобладает.

К среднему периоду развития верхнего палеолита на Украине относится VII культурный слой стоянки Молодова 5 на Днестре с инвентарем граветтского облика. На одном из просверленных жезлов из рога северного оленя выгравирована человеческая фигура в фас. Эта трактовка вызывает некоторые сомнения, поскольку и основа, и мотив свойственны мадленскому искусству Франции. Такое противоречие может объясняться, скорее всего, неравномерностью развития даже отдельных типов инвентаря. Дата слоя VII 23 700±320 (ГИН-10) лет назад. Она принимается всеми авторами, несмотря на то, что получена в начале разработки метода радиоуглеродного анализа. Возможно, в этом сыграла роль многослойность памятника, демонстрирующая автохтонное развитие культуры на берегах Днестра.

Особое место в периодизации занимает солютрейская культура, имеющая ограниченное распространение на территории Франции и Испании. В хронологическом плане она занимает промежуточное положение между граветтом и мадленом и сосуществует в некоторых районах с начальной

фазой мадлена. В древнем солютре отмечены два главных центра: Дордонь (Ложери-От, Лоссель, Бадегуль) и нижняя долина Роны (Фигье, Шабо, Улен). Начиная со среднего солютре происходит освоение более северных областей. На севере Дордони (Фурно-дю-Дьябль), в Коррезе, Шаранте (Плакар, Рок-де-Сер) средний солютре эволюционирует к позднему, распространяющемуся далее в департаменты Вьенна, Эндр, Майенна. На юге в Пиренейской зоне (Брассампуй, Истюриц) и в Кантабрии солютре представлено в своей средней и особенно в поздней и финальной стадии. Специфическая региональная фация отмечена в испанском Леванте (Парпальо, Куэва де Амброзио).

Время существования солютре имеет ограниченную продолжительность: во Франции от около 21 000 лет назад до около 18 000 лет назад, в Испании поздний солютре мог существовать позже примерно на одну тысячу лет. Солютрейцы оставили замечательные по совершенству барельефные фризы на стенах навесов, которые вследствие обвалов оказались в заполнении культурных слоев, но солютрейское искусство малых форм, собственно говоря, значительно менее выражено как во Франции, так и в Испании. Исключение составляют гравюры голов ланей, нанесенные на фрагменты лопаток оленей из верхнего уровня солютрейского слоя в Альтамире. Вопрос об их более позднем возрасте подробно рассмотрен выше.

Большой интерес представляет солютрейское искусство средиземноморского побережья Испании, где доминирует такой замечательный памятник как пещера Парпальо, в котором прослежено автохтонное развитие творческой деятельности: гравированные плакетки демонстрируют стилистическую непрерывность от раннего к позднему солютре. Испанские авторы отмечают, что развитый иберийский солютре продолжался три тысячелетия от 19 500 до 16 500 лет назад с соответствующим замедленным появлением мадлена в этом регионе.

В поздний период фигуративное искусство достигает своего апогея в мадлене Франции, которому ввиду его исключительного богатства посвящена следующая глава. Расцвет и наибольшее распространение мадленской культуры происходит в 14-ом тысячелетии назад. Она выплескивается далеко за пределы Франции. Наиболее близко к французскому позднемадленскому стоит фигуративное творчество Швейцарии, гле основное место занимают гравюры на просверленных жезлах и навершиях копьеметалок. И те, и другие полностью аналогичны французским и по представленным сюжетам. То же можно сказать и о Бельгии, территория которой, по всем данным, оставалась незаселенной в течение наиболее сурового периода максимального оледенения. Мадленцы появились в долине р. Лес, о чем свидетельствуют культурные остатки в гротах и навесах. Заселение несомненно происходило с юга из Франции, судя по типологическому сходству материалов Бельгии и Парижского Бассейна. В Парижском Бассейне кость и произведения искусства не сохранились, но и в Бельгии они немногочисленны. Сюжеты и характер исполнения гравюр соответствуют мадленским рисункам Франции, иногда обнаруживая поразительное сходство (ср. головы и фигуры быков и бизонов на плитках из Тру де Шалё и Ла Марш).

Совершенно иначе сложилось ситуация в Германии, мадленское искусство обладает своеобразными чертами и, хотя является специфической мадленской фацией, правильнее, вслед за Г. Бозински, обозначать его как искусство позднего периода верхнего палеолита. Своеобразны, прежде всего, женские изображения как в скульптуре, так и в гравюре, рисующие тот же контур. Они очень многочисленны в Гённерсдорфе и, несмотря на то, что известны давно, в том числе и во Франции, получили название гённерсдорфского типа. В отличие от тучных Дам из Ла Марш, они схематичны и сводятся к тонкому стержню без головы, снабженному подчеркнутым ягодичным выступом. Такая стилизация достигает высшего уровня в подвесках из Петерсфельса и распространяется от Рейнской области к востоку в Тюрингии, достигая Польши. Им в определенной степени соответствуют фигурки из Пекарны в Моравии и Мезина, Межирича и Добраничевки на Украине, обладающие своими особенностями в каждой из этих стоянок.

Изображения животных в германском мадлене также имеют существенные отличия от французских материалов. Достаточно сравнить, например, изображения мамонта из Ла Марш и Гённерсдорфа, представленных серийно, как ни в каких других стоянках. Здесь возможно не только региональное, но и хронологическое различие, если художники из Ла Марш могли наблюдать животное мирно пасущееся в окрестностях стоянки, то для граверов Гённерсдорфа это уже был в определенной степени исчезающий представитель фауны, его рисовали по памяти и отсюда динамичность фигур, неполнота и даже небрежность в исполнении.

Со времени первых открытий испанского кантабрийского палеолита стало очевидным, что ни его специфические характеристики, ни его последовательное развитие не были точной копией классической схемы периодизации палеолита Франции. Тем не менее, этот наиболее мощный очаг палеолитического искусства, особенно монументального, существует под общим названием франко-кантабрийского. Эти две области неразрывно связаны не только территориальной близостью и сходными условиями окружающей среды, но и стилем и сюже-

тами изображений. В Кантабрийской Испании более развиты памятники нижнего мадлена, иногда связанные с солютре, но сюжетные мотивы в них редки и между нижним и верхним мадленом имеются существенные различия. В последнее время пробел между ними заполняется стоянками среднего мадлена, особенно хорошо представленного в долине р. Налон: Лас Кальдас и Ла Винья, давшим ряд фигуративных изображений. Нижний и средний мадлен Кантабрии традиционно определяется как мадлен III французской схемы, хотя хронологически он более поздний (фация эль юйо).

В искусстве верхнего мадлена (IV и V) большее внимание уделяется деталям, сюжеты становятся более сложными, возникают многофигурные композиции и сцены с участием людей и животных. Как и во Франции, одновременно существуют и реалистические и схематические воплощения одной и той же темы, например, фигура горного козла, реалистическая в профиль и наряду с этим передача его в фас настолько схематична, что может перейти в орнаментальный мотив.

Скульптура в мадлене Кантабрии встречается крайне редко; головы животных, вырезанные по контуру, немногочисленны и представляют лань, лошадь, рыбу – сочетания, встречающиеся в гравюрах Франции, где олень (самец) заменяет лань. Техника гравюры в Кантабрии применялась очень широко на разнообразных основах. Что касается сюжетов, то антропоморфные изображения редки и имеют странный облик. Так же редки и северный олень и мамонт. Второе место после ланей и благородных оленей занимает лошадь. Далее идут бык/бизон, горный козел, пиренейская серна. Удивительно почти полное отсутствие изображений хищников.

Основы и сюжеты мадленского искусства средиземноморского побережья более однообразны. Те же виды животных нанесены на каменные плакетки в так называемом линейном стиле, не блещущем художественными достоинствами.

К средиземноморской зоне относится и поздний палеолит Апеннинского полуострова. Как известно, граветт здесь без всяких перерывов продолжается эпиграветтом, распространенным от Сицилии до района Лигурии – Прованса. Эпиграветтское искусство Италии немногочисленно и не особенно разнообразно. Если фигурки из Парабиты и часть фигурок из Бальци-Росси действительно принадлежат к этому периоду, они будут единственными представительницами скульптуры en ronde bosse, поскольку нет ни одной фигурки животного. С некоторой натяжкой к скульптуре можно отнести блок известняка с изображением человеческого лица из Романелли. Гравюры человека достаточно аморфны, хотя в одной из них (Вадо аль Арансио) видят сходство с изображениями бородатых мужчин из Ла Марш. Среди изображений животных наиболее многочисленны фигурки и головы быков/бизонов. Лошадь встречается значительно реже и ее образ не обладает такими художественными достоинствами как образ быка. Олень представлен единичными гравюрами, родовое определение которых невозможно. Фигур горного козла всего две, но они поразительны по своему артистическому воплощению. Выразительны и две головы зайца, одна на кости, другая на гальке (Полезини).

Наличие хищников, хотя и редких, отличает искусство этого периода от средиземноморского испанского. Легко распознаются зверь из семейства кошачьих, медведь и волк. Необходимо упомянуть гравюры, нанесенные на достаточно редкую в палеолитическом искусстве основу – обломок подвздошной кости лошади – из грота Пагличчи. Рисунки на двух сторонах кости различаются по стилю. На одной стороне изображена динамичная фигура лошади, окруженная оперенными стрелами, и две головы оленей. Вся сцена и ее сюжеты определенно тяготеют к франко-кантабрийскому искусству. На другой стороне кости представлена голова быка в отчетливом средиземноморском стиле. В этом образце наглядно проиллюстрирован двойственный характер эпиграветтского искусства Италии. Очевидно был прав Паоло Грациози, выделив в свое время средиземноморскую зону палеолитического искусства Европы. Права и Маргарет Мусси, утверждающая вхождение искусства Италии в европейский контекст.

Далее к востоку на территории Моравии имеется лишь один памятник – пещера Пекарна, искусство которой указывает на внедрение мадленской культуры в течение кратковременных теплых осцилляций позднего ледниковья. Никого не удивило бы, если бы ребра лошади из Пекарны с гравированными вереницами лошадей и бизонов, были найдены в какой-либо мадленской стоянке Франции. Более того, фигурка женщины с ярко выраженным ягодичным выступом – вполне в стиле позднего периода верхнего палеолита.

Следующей вехой является II слой стоянки Косоуцы 2 в Молдове, по всем данным относящейся к начальной поре позднего периода. Радиоуглеродные даты этого слоя располагаются в пределах 18 – 16 000 лет назад. Молдавский памятник уникален в своем роде и культура его не может быть точно обозначена. Здесь нет мамонта, который встречен на той же широте, но на другом берегу Днестра даже в III культурном слое Молодовой 5. Поэтому особый интерес вызывают единственные во всей секвенции Косоуцы 2 и вообще на территории Молдовы фигуративные изображения – статуэтки женщины и бизона, изготовленные из известнякового мергеля.

К той же начальной поре позднего периода могут быть отнесены стоянки Костенки 2 на Дону со схематической костяной фигуркой человека и Елисеевичи в бассейне Десны со статуэткой женщины из бивня и фигуркой мамонта из железистой конкреции. Так же как и в Косоуцы 2 их культурная принадлежность гадательна и каждая из них отличается большим своеобразием и вместе с тем экономика этих двух стоянок основана на охоте на мамонта, кости и бивни которого применялись для домостроительства и для изготовления орудий. С одной стороны, фигуративное искусство свидетельствует о переживании традиций, связанных с костенковско-авдеевской культурой, а с другой стороны, широкое использование бивня мамонта и орнамент вводят ее в круг днепро-деснинских памятников: Юдиново в России, Мезин, Межирич, Добраничевка на Украине.

Эти памятники позднего этапа, во многих отношениях соответствующие мадленской культуре, бедны фигуративным искусством. Наиболее примечательны обладающие сложным семантическим содержанием широко известные скульптуры из Мезина. Они не имеют четких дефиниций («женщина» - «птица» - «фаллос»), но в своей основе бесспорно несут женский образ с выступающей ягодичной областью в сочетании с мужским символом (Столяр, 1972). Более понятны стилизованные уплощенные женские фигурки из Межирича. И те и другие вырезаны из бивня мамонта, в то время как повторяющие форму каменного желвака фигурки из Добраничевки близки и по материалу и по очертаниям к женской фигурке из Косоуцы 2. Здесь как и в ряде других случаев в искусстве палеолита Европы, сама основа подсказывала определенный образ.

ГЛАВА IV. МАДЛЕНСКОЕ ИСКУССТВО МАЛЫХ ФОРМ НА ТЕРРИТОРИИ ФРАНЦИИ. ВЗАИМОСВЯЗИ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ

Высший расцвет фигуративного палеолитического искусства малых форм отмечен в среднем (III – IV) мадлене Франции, но уже к мадлену VI произошел постепенный упадок, наиболее ярко проявившийся в азиле, и феномен палеолитического искусства прекратил свое существование, несмотря на все усилия найти его продолжение на евразийском континенте.

Исключительно обильное искусство мадлена представлено в различных материалах, различных техниках, различных локальных стилях, с различной степенью реализма, схематизации и художественного совершенства. Первичным материалом служили бивень мамонта (редко), зубы животных (резец и клык лошади, зуб кашалота), кость (часто), рог северного оленя (очень часто) и благородного оленя (значительно реже, главным образом, в финальном мадлене), различные породы камня (преобладающий материал).Чрезвычайно разнообразны и технические приемы, создающие круглую скульптуру с всесторонним обзором предмета, барельеф, champlevé (техника поднятого поля по сравнению с силуэтом), гравюру с различной формой, глубиной и шириной от очень широких и глубоких до тончайших прорезанных линий, что зависело от формы каменного орудия, использованного для работы. Большим своеобразием отличается техника countour découpé, вырезания по контуру чаще всего из подъязычных костей лошади, затем дополненных гравюрой головок лошади и других животных. Значительно реже эта техника применялась для целых фигур.

Основой для нанесения гравюр служили предметы долговременного утилитарного и неутилитарного использования как из органических материалов (просверленные жезлы, копьеметалки, наконечники копий, стержни, baguettes-палочки с полукруглым сечением, просверленные в центре кружки, подвески, в том числе и зубы животных), так и из камня: ретушеры, отбойники, отжимники, преимущественно из галек. Значительно чаще гравюры наносились на бесформенные обломки и осколки костей животных и различного рода фрагменты камней от тонких плакеток до плит и блоков.

Наиболее яркие примеры различных сюжетов в искусстве среднего и позднего мадлена Франции предваряют анализ сочетаний, которому посвящена данная глава. Далеко не все они имеют точную стратиграфическую привязку, поскольку преобладающая часть предметов происходит из старых раскопок конца XIX – начала XX веков, когда еще не была разработана методика тонкой фиксации места нахождения вещей в культурном слое и главной целью был сбор коллекции раритетов. Иногда уже после извлечения из земли производилось отнесение их к определенному этапу мадлена на основании стилистических особенностей и сравнительного анализа. Опираясь на работы А. Брейля, А. Леруа-Гурана, А. Дельпорта и многих других можно сказать, что наиболее реалистические и высоко художественные произведения относятся к среднему мадлену, а в позднем мадлене отчетливо видны признаки схематизации и большей условности в передаче фигур. Чаще всего, это зависит от самого памятника: насколько устойчивы в нем тенденции реализма в автохтонном развитии мадленского искусства. В целом, мадленское искусство малых форм Франции – единственное, позволяющее установить взаимосвязи различных сюжетов.

Под взаимосвязями подразумевается сосуществование (сочетание) гравированных фигур на одной основе. Связи могут быть непосредственные и косвенные. Первые определяются нахождением на одной поверхности изображений различных существ, объединенных одним действием и составляющих сцену или композицию. Персонажи могут быть направлены в одну сторону, противопоставлены друг другу, направлены в разные стороны, но при непременной обязательности условия, что они выполнены одной техникой, в одном стиле и даже одной рукой. Если эти условия не соблюдены, изображения могут считаться разновременными, независимыми друг от друга и связь между ними будет опосредованной. Это касается и сюжетов, нанесенных на разных сторонах одной основы, которые могут и не быть связанными между собой; хотя при наличии достаточного числа примеров наличие косвенной (внутренней) связи нельзя отрицать.

Такие сочетания часто называют ассоциацией, т.е. словом, имеющим в русском языке другое значение, поэтому кажется более корректным применять обоснованное доктором Палем понятие coexistence или coo-figuration.

Изучение сочетаний изображений женщины – мужчины/человека, человека и определенного вида в животном мире, различных видов животных между собой является еще мало разработанной проблемой в палеолитическом искусстве малых форм.

Работы М. Рафаэля, А. Ламинь-Эмпрер, А. Леруа-Гурана и их последователей, касающиеся этой проблемы, основаны, по существу, на материалах монументального искусства, на многочисленных и обширных панно, сохранившихся в пещерах и гротах Франко-Кантабрии. Широкий охват и углубленное исследование панно привели к заключению о наличии центральных сюжетов лошади и бизона, окруженных по периферии другими видами животных. Такая констатация оставляет много неясного в связи с особенностями локального распределения тех или иных сочетаний, как центральных, так и периферийных видов животных. Это позволяет думать, что не существует единой системы размещения, которой подчинялись бы все изображения на данной территории.

В этой перспективе представляется важным рассмотреть вопрос о существовании каких-либо закономерностей в сочетаниях изображений в значительно более скромном по масштабам и воплощению искусстве малых форм. Единственный материал, пригодный для такой цели – это многочисленные гравюры, выполненные на костяных и каменных основах, происходящие из мадленских стоянок Франции. На одном или двух фасах этих основ сосуществуют, но не обязательно связаны между собой следующие категории персонажей, порядок которых выбран произвольно, лишь для удобства изложения: женщина, мужчина, человек, мамонт, бык/бизон, лошадь, северный олень, благородный олень, горный козел, антилопа-сайга, пиренейская серна, кошачьи (лев, тигр, пантера, рысь), медведь, птица, рыба, змея.

Как известно, в палеолитическом искусстве существует много изображений, не поддающихся точному определению, Помимо женских и мужских фигур, выделенных по первичным и вторичным половым признакам, имеются фигуры и особенно отдельные головы, пол которых неопределим. Мы вынуждены объединить их в категорию человек, которая имеет тесную связь с животным миром. Среди животных первобытный бык (Bos primigenius или Aurochs французских авторов) и бизон имеют существенные отличия, но иногда они не улавливаются и тогда образ получает двойное название или bovidé – из подсемейства бычьих. Легко различаются северный и благородный олени, но, если различия не очевидны, животное именуется олень – cervidé. Наиболее трудно определить животное из семейства кошачьих (Felidae), оно часто именуется львом или пещерным львом (Felis spelaea), объединяющим как известно по костным остаткам, признаки льва и тигра. Чаще всего такие изображения обозначаются как крупное кошачье. В определении медведя не всегда ясно бурый это медведь или пещерный, хотя к мадлену пещерный, кажется, уже вымер.

Основное затруднение в решении поставленной темы – это точная идентификация изображений, без которой нельзя построить классификацию. Многие авторы считают, что изображения животных далеки от того, чтобы быть правдоподобными портретами. Изображения были в высшей степени стандартизированными и часто уходили от визуального реализма, даже, когда они могут быть четко идентифицированными. Среди других были использованы два условные процесса: аббревиатура и преувеличение. На мой взгляд, именно условности делают палеолитическое искусство искусством – это не моментальный снимок природы, а результат творческого подхода к передаче действительности. Мне значительно ближе взгляды Д. Бафье, фотографа по профессии. Использование художниками условностей не создает канона, а приводит к большому разнообразию. Животные редко снабжены первичными половыми признаками и, чтобы определить пол, необходимо рассматривать вторичные признаки, которые присутствуют достаточно часто, но не всегда (Baffier, 1984).

Большая и содержательная статья Ж. Клотта всесторонне рассматривает возможности идентификации фигур человека и животных в европейском палеолитическом искусстве (Clottes, 1989a). Правда, она касается, главным образом, монументального пещерного искусства, где многие образы стерты временем, воздействием природных и антропогенных факторов. Различия между двумя видами искусства ставят совершенно различные проблемы. Малые размеры предметов требовали точности в изображении. По мнению А. Леруа-Гурана, искусство малых форм составляло «условный фаунистический комплекс, основанный на определении социо-религиозных традиций» (Leroi-Gourhan, 1981-1982: 478). Охотничий образ жизни не только требовал от художника острой наблюдательности, но и давал ему при расчленении добычи анатомические знания, которые он применял в создании образа в уме и в последующем изображении зверя.

Идентификация изображенного существа является решающей стадией в процессе исследования и одним из условий дальнейшего анализа. По словам А. Леруа-Гурана, «смысл фигур даже наиболее абстрактных, оставался ясным от начала до конца тем, кто их использовал» (Leroi-Gourhan, 1965: 60), но для нас будет, прежде всего, простой констатацией того, что изображено. На процесс идентификации, как отмечает Ж. Клотт, влияют две главные, но не исключающие друг друга позиции. Они зависят от того, какие внутренние или внешние характеристики изображения рассматриваются. Внутренние характеристики – это отличительные черты их формы и позы, которые основаны на опыте и интуиции исследователя. Внешние

характеристики возникают от помещения образа в прямоугольные рамки канона, созданного набором измерений (Pales, 1969: 104).

Хотя художники видели животных в естественном состоянии в различных ситуациях и действиях, они наиболее часто рисовали статичные фигуры. Это не исключало того, что некоторые образы «оживлены», по выражению А. Леруа-Гурана, различными видами поведения (Leroi-Gourhan, 1984a). Ф. Поплен убедительно показал, что можно идентифицировать животное по характерному профилю его силуэта (Poplin, 1984: 234). Это правдоподобно объясняет почему животные почти всегда изображались в профиль.

Ментальный образ, созданный на основе наблюдения, был конкретным и эта трансформация имела неизбежное следствие, присущее всему искусству: стилизации и уменьшению в размерах (Ucko, Rosenfeld, 1967: 48). Именно сюда вмешиваются выбор художника и набор условностей в зависимости от времени и места, определяющих степень реализма. Однако идентификация одного и того же существа иногда может быть очень различной у тех или иных авторов и здесь играет роль по возможности объективный выбор исследователя или исключения этого образца из списка анализируемых.

Палеолитический бестиарий, вопреки всем его условностям, далек от того, чтобы быть стереотипным и во многих случаях композиция и творческая фантазия художника могли быть значащими факторами. На одной и той же стоянке, в одном и том же культурном слое могут быть найдены и истинные шедевры и грубые неумелые рисунки, не позволяющие точной идентификации. Это явление давно установлено и разнообразно интерпретировано как наличие «школ» или «мастерских» с мэтром и учениками, как, например, в Лимёй (Capitan, Bouyssonie, 1924: 39). Возможно, временами отсутствие мастерства у художника было намеренным с целью создать именно неопределенную форму.

Большое значение для идентификации имеют форма и размер основы, которые часто определяют выбор сюжета, давая возможность вписать сюжет в естественные очертания. С другой стороны, идентификация часто затруднена тем, что основа редко бывает целой. Различного рода изломы уносят характерные части тел и определение ограничивается безличным «травоядное».

Со времен работ А. Леруа-Гурана статистические данные обычно используются и для образцов палеолитического искусства, но очевидно, что строгость метода сталкивается с малым количеством пригодных материалов и, следовательно, приводит к неточным и случайным процентным отношениям. В этих подсчетах необходимо учитывать всевозможные оговорки, чтобы избежать предубежденного взгляда на реальное состояние дел. В этой связи большое значение приобретает именно правильность идентификации изобразительных сюжетов.

Естественно, приведенный ниже репертуар не мог охватить все многообразие мадленского искусства малых форм Франции. Мы стремились показать наиболее яркие и характерные образцы в изолированном исполнении и затем их взаимосвязи с другими категориями сюжетов. Для возможности сравнительного анализа привлекались материалы из разных регионов Франции, преимущественно из Пиренеев и Дордони и особо выделяя такой уникальный памятник как Ла Марш (Вьенна), имеющий исключительное значение не только по количеству, но и совершенству и живости изображений. Более подробное изложение материалов из Ла Марш продиктовано их меньшей известностью в России и возможностью заполнить этот пробел, благодаря бесценному подарку доктора Леона Паля – четырем монографиям о результатах титанического труда, выполненного им в сотрудничестве с Мари Тассен-де-Сен-Перёз по дешифровке гравюр из этого замечательного памятника.

ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ в мадлене Франции представлен редкими достаточно реалистическими статуэтками (рис. 143; Ложери-Бас, Мас д'Азиль, Энваль, Фаринкур, Курбе) и значительно более многочисленными гравюрами, где наряду с сюжетами, имеющими легко узнаваемые женские характерные черты, присутствуют стилизованные и знаковые изображения женщин. Связи (сосуществование): женщина – мужчина , женщина – животное единичны, но показательны. Из более древнего периода отмечена лишь одна пара женщина – мужчина, достаточно сомнительная по своей идентификации. Она происходит из старых раскопок в **Терм-Пиала**. Две неполные человеческие фигуры высотой 14.5 и 10 см вырезаны в технике барельефа на плитке известняка (рис. 144). Они в целом неопределенны и могут изображать двух женщин или женщину и мужчину, поскольку первый, меньший, силуэт, переданный в левый профиль, имеет отвисшую грудь, округлый живот и седловидную спину. Вторая фигура представлена скорее в фас и не обнаруживает отчетливых признаков пола, тем более, что нижняя половина обломана (Delugin, 1914). Датировка этого барельефа затруднительна, обычно его относят к ориньяку и мы приводим его лишь для памяти.

Истинным шедевром чисто мадленского искусства является костяная пластинка из слоя II Большого Зала **Истюриц**, гравированная с двух сторон, где расположены связные сюжеты (рис. 145). Она обломана в древности с двух концов и ее современные размеры 12x2.3x0.3 см. На одной стороне размещены горизонтально две неполные

фигуры: одна бесспорно женская, голова которой утрачена из-за излома, у второй, сохранилась только голова и руки, простертые к первой фигуре. Принятая в литературе гипотеза об изображении мужчины, преследующего женщину, была оспорена А. Леруа-Гураном, увидевшим под рукой второй фигуры остатки нарезки, свидетельствующей о наличии у нее женской груди. Это предположение не кажется убедительным: во-первых, линия груди не прослеживается и, во-вторых, голова другого персонажа совершенно аналогична голове бесспорно мужской фигуры на костяном кружке из Мас д'Азиль (Piette, 1902: fig. 2).

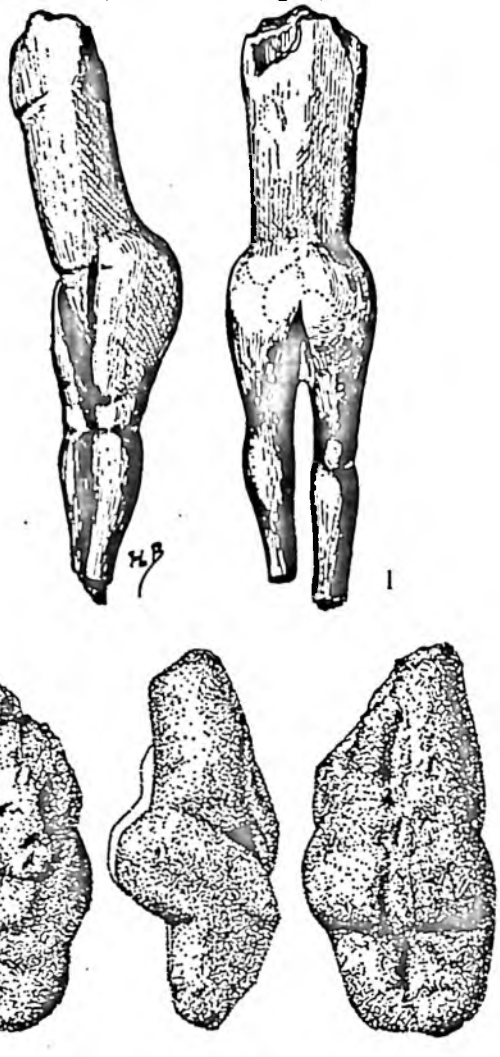

Рис. 143. Женские статуэтки в мадлене Франции:
1 – из бивня мамонта. Дожери Бас;
2 – из камня. Энваль.

На обратной стороне плакетки изображены также следующие одна за другой две фигуры бизонов. Одна из них целая, с опущенной головой, великолепна по исполнению. Ее поза создает впечатление готовности бизона атаковать или преследовать другого бизона, от которого сохранилась только задняя часть. Эти две пары объединяет не только то, что они нарисованы в правый профиль: одинаковые зубчатые знаки выгравированы один на бедре женщины и два на теле бизона (Saint-Périer, 1932: 23-25, fig. 2).

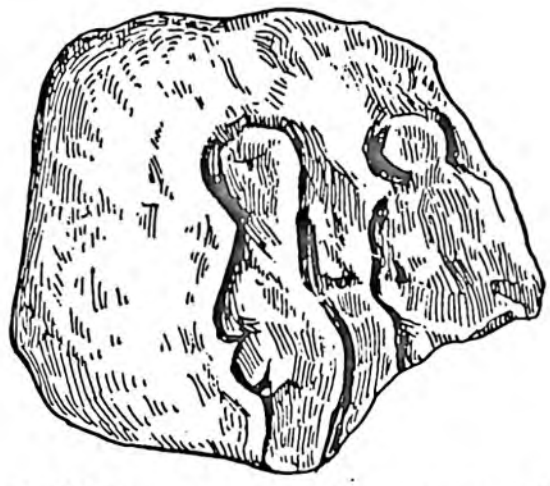

Рис. 144. Гравюра человеческих существ на камне. Терм-Пиала.

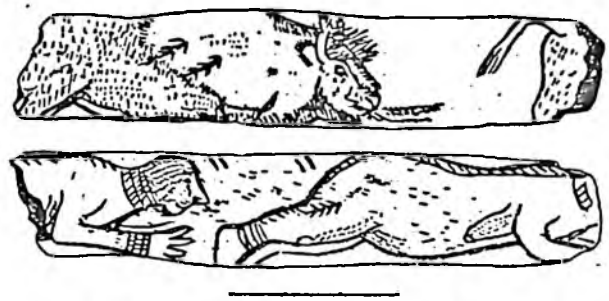

Рис. 145. Гравюра на костяной пластине. Истюриц, Большой Зал, слой II.

На плакетке известняка обломанной после нанесения гравюры размерами 10x8x0.5 см из **Ла Марш** выгравированы на одной стороне фигуры женщины и мужчины, на другой мамонта (рис. 146). Человеческие фигуры выделяются отчетливо. Первый персонаж передан в согнутой позе в правый профиль, ягодичный выступ унесен изломом камня. Голова кажется слишком объемистой по сравнению с телом. Профиль лица ортогнатный. Миндалевидный глаз нарисован тщательно. Изображены нижняя половина бедра, согнутое колено и довольно длинная и незаконченная голень. От ступни угадывается только пятка. На высоте колена четко вырисовывается контур в виде пальца перчатки, который интерпретируется как пенис в положении полуэрекции, характерном для маленького ребенка, которого и напоминает этот персонаж, по мнению Л. Паля.

Вторая фигура выгравирована более легко и поэтому менее заметна, хотя контур чистый, особенно голова. Она вписывается в верхний правый угол камня и, как показывает тело, передана в правый профиль. Затылок и лоб замаскированы волосами в виде тонких и коротких прядей, очень хорошо нарисованных. Нос вогнутый и курносый, профиль ортогнатный. Фигура производит жизнен-

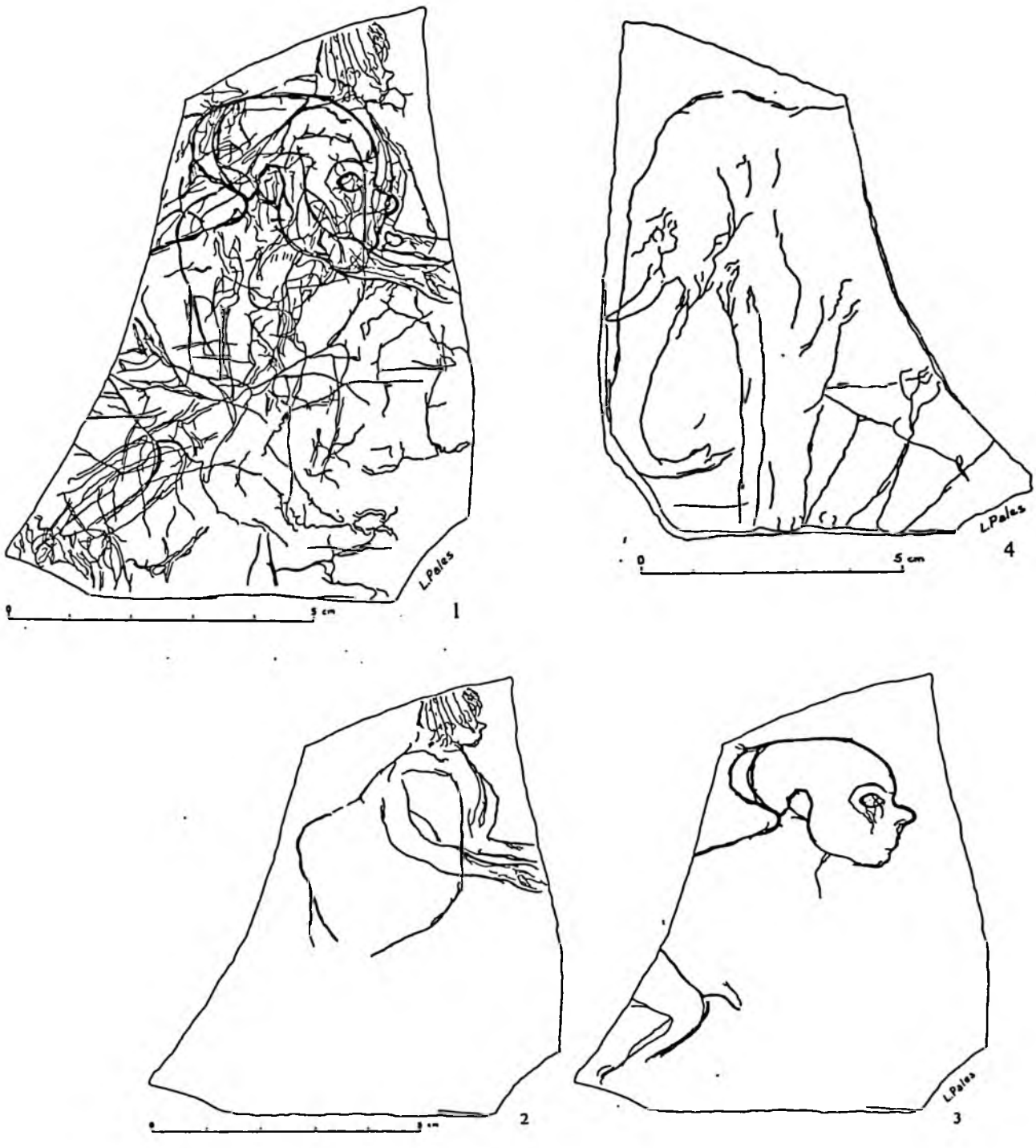

Рис. 146. Гравюры на плакетке известняка:
1 – общий вид,
2 – женщина,
3 – мужчина (ребенок),
4 – мамонт. Ла Марш.

ное впечатление. Толстая и короткая шея посажена на массивное тело, нижняя часть которого не прослеживается. Оно слегка наклонено вперед, как и полусогнутые руки. Грудная клетка выпуклая, но груди не видны. Позвоночник изогнут, что придает вес ягодицам. Тучный персонаж кажется женщиной в одежде, закрывающей ноги в виде конуса (Pales, 1976: obs. 35, pl. 94, 95).

Из-за излома плитки на другой стороне сохранилась лишь передняя часть фигуры мамонта в левый профиль, нанесенная очень тонкой, но отчетливой линией, делающей идентификацию легкой. Мамонт стоит на вертикальных, соединенных вместе передних ногах, задние ноги вытянуты косо вперед, как если бы он садился. На концах ног видны наброски ногтей. Линия живота немного

скошена назад и довольно высоко расположена. Округлый череп выступает незначительно, лоб выпуклый, глаз маленький и округлый. Хорошо нарисована нижняя челюсть. Хобот свисает до земли и изгибается к телу. Его конец интересен анатомически, так как он показывает переднюю губу (здесь нижнюю), отчетливо более длинную, чем противоположный сегмент. Бивень правильной формы, но слишком короткий (Pales, 1989: obs. 80, pl. 78, 79).

Следует упомянуть еще гальку из **Ла Мадлен**, где мужское и женское изображения помещены на разных фасах (рис. 147). Галька твердого известняка имеет в высоту 8.6 см. На каждой стороне представлено по одной фигуре в левый профиль, хотя и обладающих зооморфными головами, имеющих несомненные признаки женского и мужского пола (Capitan, Peyrony, 1928: N 55, fig. 32, 33).

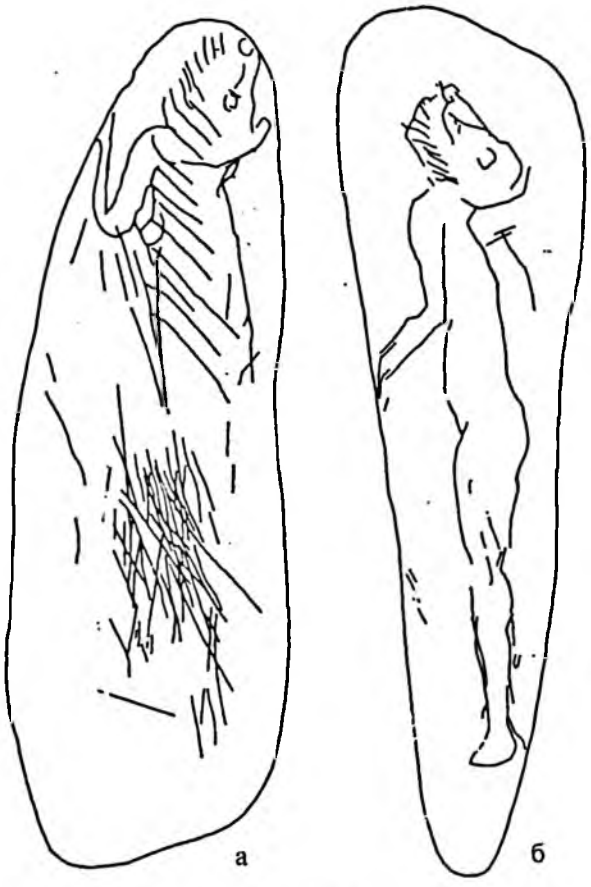

Рис. 147. Гравюры на гальке-отжимнике:
а – женщина,
б – мужчина. Ла Мадлен.

На костяной пластинке из **Абри Мюра** выгравированы два силуэта, в которых видят изображения мужчины и женщины (рис. 148). Женская фигура наклонена вперед в характерной позе. Мужской силуэт отчетливо фаллический. Головы зооморфные, как у персонажей из Ла Мадлен (Capitan et al., 1924: N 114, fig. 99,1). На другой костяной пластинке сюжет аналогичный, но выполнен более неопределенно (там же, fig. 99, 2).

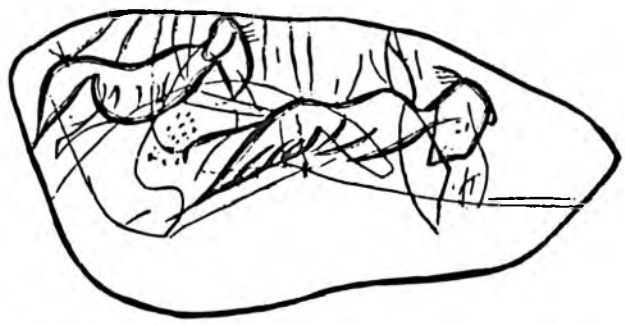

Рис. 148. Гравюра мужчины и женщины на костяной пластинке. Абри Мюра.

К этому же кругу изображений принадлежит гравюра на плитке песчаника из **Лимёй** (рис. 149). Среди тонких запутанных линий выделяются два человеческих силуэта. Один, наклоненный вперед, стоит на широко раздвинутых ногах. Четко прорисованная правая рука с отмеченной кистью, согнута в локте. Голова дана обобщенно. Перед этой фигурой расположена другая, более крупная, лежащая на спине. Ее левая рука поднята вверх, как у женщины из Ложери-Бас, на которой остановимся ниже. Вокруг головы нанесены дополнительные линии. Ноги не закончены. Справа от этой фигуры и под ней рисунки неопределенного вида напоминают изображение языков пламени или заросли растений, а также перевернутые ноги животного (Capitan, Bouyssonie, 1924: N 126).

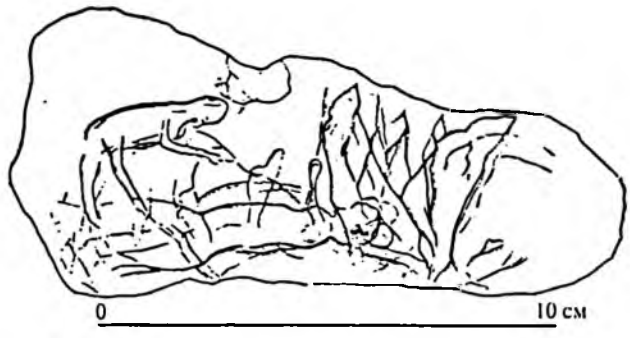

Рис. 149. Гравюра мужчины и женщины на плитке песчаника. Лимёй.

Особняком стоит многофигурная гравюра на широком и плоском фрагменте лопатки или тазовой кости мамонта высотой 17.8 см из **Ла Коломбьер** (рис. 150). Различаются, лежащая на спине женская фигура в левый профиль с выпуклым животом и головой, унесенной изломом кости, и стоящая мужская фигура в правый профиль с четко выделенными чертами лица и вытянутой вперед рукой, на которой черточками обозначены пальцы. Нижняя половина тела утрачена. Эту фигуру частично перекрывает передняя часть северного оленя в левый профиль с великолепно прорисованными рогами и круглым глазом на голове. Поврежденная фигура медведя также в левый профиль точная и может соответствовать молодому жи-

вотному и, следовательно, его родовая идентификация невозможна. Подчеркнутый объем и горб плеча могут быть преувеличенными из-за меха животного (Mayet, Pissot, 1915: 137-144, t. XXIV, 1; Morel, Garcia, 1997: 5). Необходимо отметить, что фигура женщины в этой композиции подвергается сомнению.

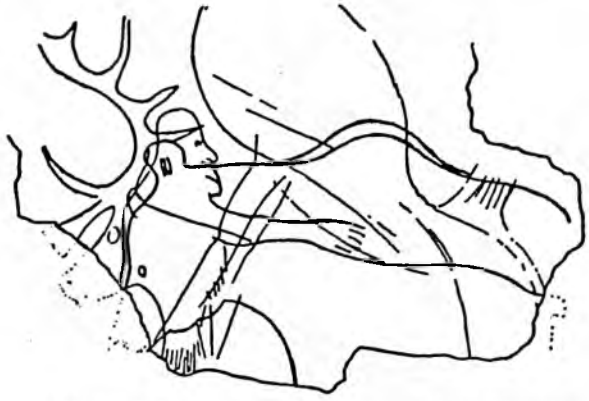

Рис. 150. Гравюра мужчины, женщины (?), северного оленя и медведя на фрагменте кости мамонта. Ла Коломбьер.

Сочетание фигуры женщины с человеческими головами и фигурой медведя представлено на крупной плите серого известняка из **Ла Марш**, сложенной из двух фрагментов и имеющей размеры 60x42x6-11 см (рис. 151). Сюжеты занимают различные позиции на одном фасе. В нижней части плиты выгравированы две человеческие головы, противостоящие друг другу, в профиль, и маленькая фигура женщины, расположенная головой вниз под левым человеческим профилем. Упоминается и голова травоядного. Фигура медведя в полный рост нанесена легкой линией и Л. Палю, по его словам, понадобились годы, чтобы различить ее в камне.

Фигура женщины изображена в сидячем положении. Ее ноги могут быть прочтены в двух версиях: или соединенными, или раздвинутыми. Бедра и голени сильные, контур ступни закрытый. Рука падает вдоль тела и украшена браслетом около локтя. На тяжелом теле покоится голова в правый профиль. Выше и левее женской фигуры расположен левый профиль головы животного, нанесенный сильной линией, но прерванной на уровне излома камня. Можно думать, что она выгравирована на уже отделенном фрагменте, поскольку на соседнем обломке нет ни малейших следов ее продолжения. Эта неполная голова может принадлежать или быку или оленю (Pales, 1981, obs. 68, pl. 87 внизу). Если перевернуть камень на 180°, то над нижним его краем вырисовывается человеческий правый профиль (I) с выраженным прогнатизмом. Лицом к нему расположена другая голова в левый профиль более крупных размеров (II) (Pales, 1976: obs. 30, pl. 71-76). Фигура медведя кажется идущей по краю камня. Линию спины продолжает сзади падающий круп, дорсальная седловина переходит в сильный выступ лопатки, затем шея склоняется вниз, голова вытянута вперед. Несколькими чертами выражена враждебность зверя. Нижняя часть тела передана более небрежно (Pales, 1969: obs. 19, pl. 52-54).

Женщина – животное. Сочетание женского образа с образом животного следует начать с описания одного из шедевров палеолитического искусства, издавна названного «женщиной с северным оленем» на костяной плакетке из **Ложери-Бас** (рис. 152). Плакетка обломана в древности и длина ее в настоящее время 10 см. Сохранилась только нижняя часть несомненной сцены с двумя участниками: женщины, распростертое на спине тело которой расположено позади ног северного оленя. Из-за изломов женщина утратила голову, северный олень все тело, за исключением задних ног и части живота с признаком самца. Тело женщины в левый профиль представлено с объемистым, несомненно беременным животом, согнутой в локте и поднятой вверх рукой и ногами, переданными в перспективе. Представляется, что высказанное А. Леруа-Гураном определение животного как бизона опровергается сравнением конечностей бизона и северного оленя, и что первоначальная идентификация остается правильной (Piette, 1895a: 145; см. изложение полемики Абрамова, 2002). На другой стороне плакетки сохранилось протоме лошади, что добавляет новый элемент к сочетанию лошадь – северный олень, на котором остановимся ниже.

Из **Ла Марш** происходит фрагмент плоской гальки серо-бурого цвета размерами 11x7.5x2 см, на одном фасе которого выгравированы две женские фигуры, а на другом – одна женская фигура и голова оленя (рис. 153). Прежде всего, волнистая линия передает очень отчетливо, благодаря 3-5 репризам гравировального острия, и с большой правдивостью линию позвоночника с тремя анатомическим изгибами, за которыми следуют замечательно исполненные очертания ягодицы и бедра сидящей женщины в правый профиль (I). В вершине изгиба шеи нарисована голова, сильно опрокинутая назад так, что лицо поднято вверх. Правая рука согнута в локте и поднята на уровень лица. Обозначены кисть и браслеты на запястьях, что близко напоминает изображение из Ложери-Бас. Если повернуть камень на 90° влево, появятся контуры персонажа II так же в сидячем положении. Голова его теряется в области ягодиц персонажа I. На другой стороне камня выделяется тело в правый профиль (III), в котором наиболее различимы линия позвоночника, бедро и начало голени, а также кисть с пальцами на фоне шаровидного контура, который может быть объемистой грудью. Голова маленькая по сравнению с пропорциями тела и хорошо

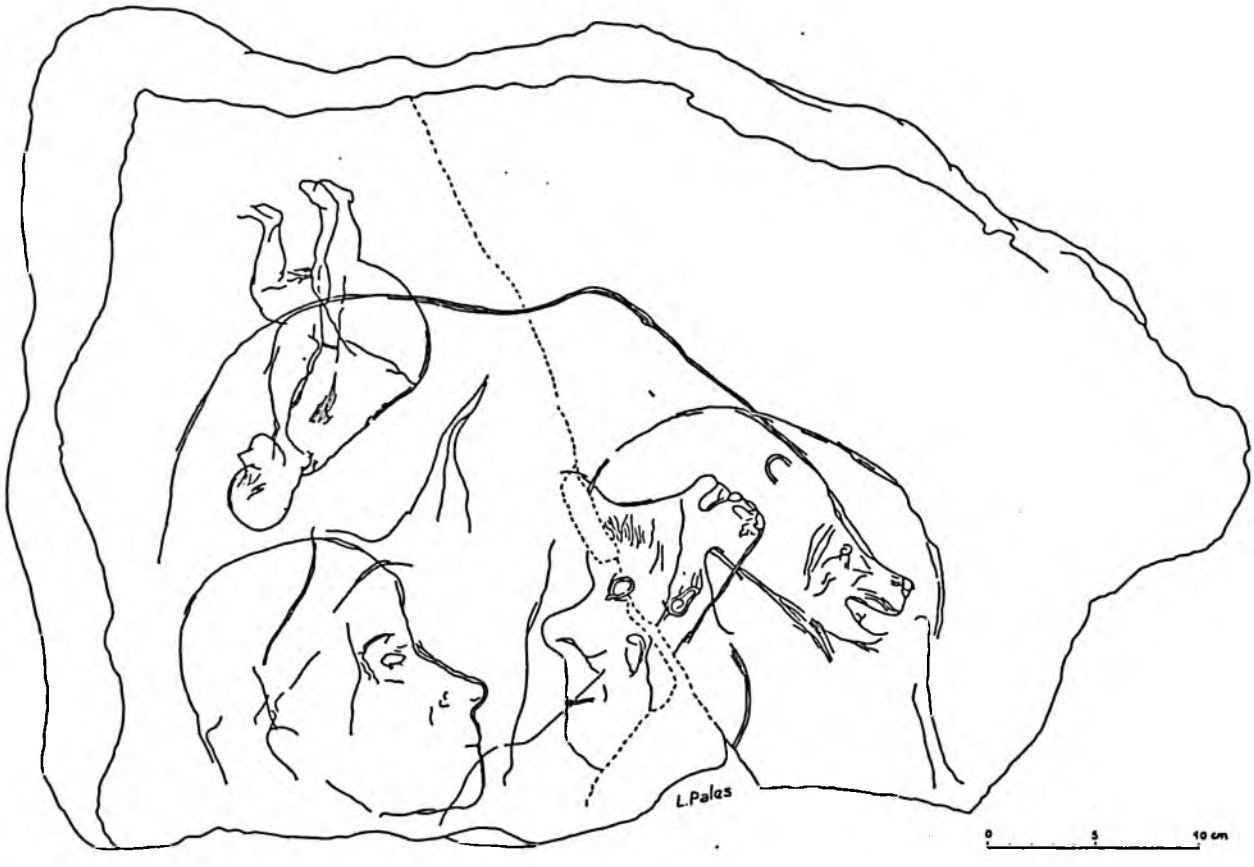

Рис. 151. Гравюры женщины, двух человеческих профилей, морды травоядного и фигуры медведя, выделенные из неопределенных линий на крупной плите известняка. Ла Марш.

нарисованная. На треугольном конце гальки за спиной женщины находится голова оленя в левый профиль, т.е. в противоположном направлении. Морда квадратной формы, напоминающая скорее северного оленя (Pales, 1976: obs. 37, pl. 99-104). В дальнейшем, Л. Паль проявил большую осторожность, говоря о том, что дешифрированное животное из семейства оленьих и что оно упоминается только для памяти (Pales, 1989: obs. 37).

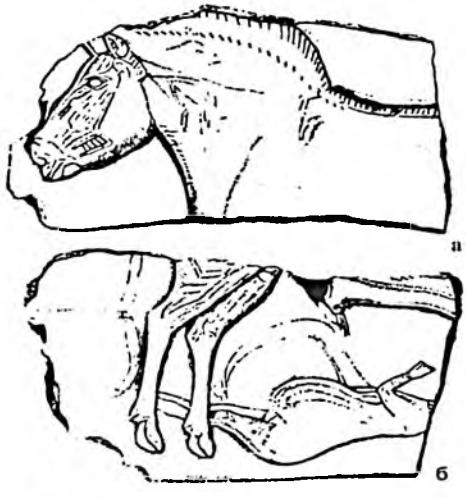
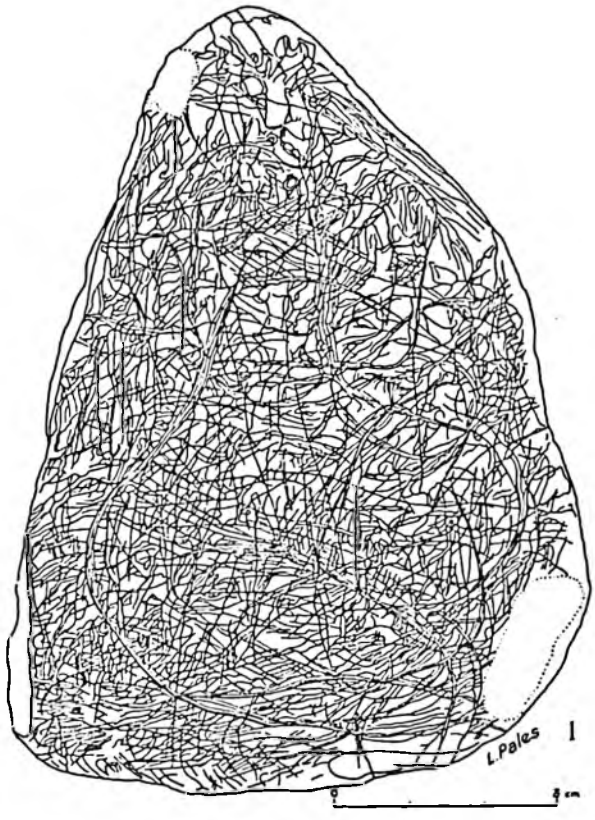

Рис. 152. Гравюры:
а – лошади,
б – «женщины с северным оленем» на костяной плакетке. Ложери-Бас.

Продолжение темы женщина – олень можно встретить в более позднем (мадлен VIc) памятнике **Фонталес**, где реалистическое женское тело заменяется его стилизацией (рис. 154). Одна из плоских сторон крупной плитки размерами 31-25x18.5-16.5x4.5 см намеренно заглажена и покрыта многочисленными гравюрами. В переплетении линий различаются две женские фигуры в условной манере. Одна состоит только из бедра, очень сильно выпуклого назад, ягодицы и торса, слегка расширяющегося кверху. Вторая вырезана более глубоко и полно, четко обозначены ноги, сильно выгнутые ягодицы и также расширяющийся кверху торс. В правом верхнем углу плитки различается голова оленя, передняя нога направлена вперед, под нею женские фигуры, расположенные под углом друг к другу, занимают центр плитки и ниже их видна голова птицы. Все изображения даны в левый профиль (Darasse, Guffroy, 1960: fig. 19).

Интересное сочетание нанесено на просверленном жезле из **Ла Мадлен**, имеющем размеры 21.8x2.0x1.3 см, обломанном ниже отверстия (рис. 155). На каждой стороне представлен барельеф лошади на одной стороне в левый, на другой – в правый профиль, т.е. головой к отверстию. Головы, ноги и хвосты свидетельствуют о бегущих животных, изображенных с большим реализмом и

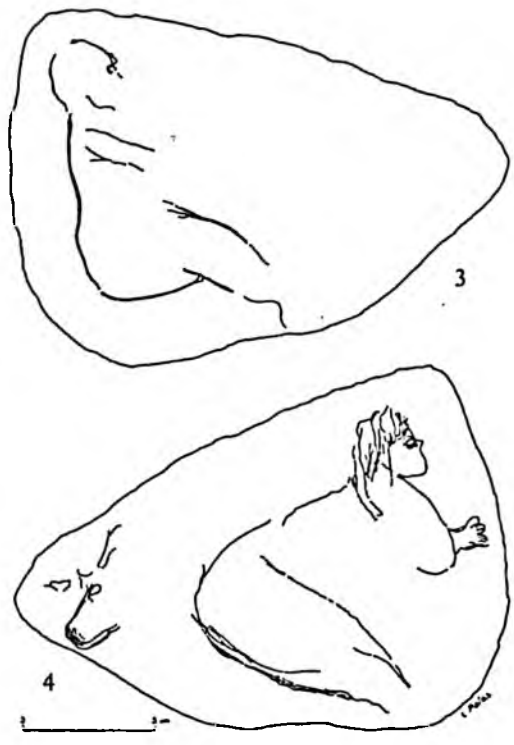

Рис. 153. Гравюры на гальке:
1 – общий вид;
2, 3 – фигуры двух женщин;
4 – фигура женщины и голова оленя. Ла Марш.

Рис. 154. Гравюры двух стилизованных женских фигур, головы оленя, головы птицы на каменной плитке. Фонталес.

живостью. Позади одной лошади нанесена схематичная женская фигура, отличающаяся от других позднемадленских гравюр тем, что она передана в фас, а не в профиль. Рядом с нею расположена фигура рыбы, соединенная с аналогичной фигурой на другом фасе так же позади лошади (Sieveking, 1987: 314, pl. 32).

Рис. 155. Гравюры:
а) лошадь, схематичная женская фигура в фас, рыба;
б) лошадь, рыба на просверленном жезле. Ла Мадлен.

МУЖСКОЙ ОБРАЗ еще более редок, чем женский. Помимо упомянутых выше сочетаний с женщиной, среди собственно мужских фигур следует привести их сочетания с изображениями животных. Наиболее показательны и в то же время необычны персонажи из **Ла Марш**, сосредоточенные вместе с фигурами животных на крупном почти четырехугольном блоке известняка размерами 33x23x2-7.5 см (рис. 156). На плоском фасе представлены две мужские фигуры, мамонт, лошадь и медведь, на выпуклом – бизон. Более целый и более заметный из мужских персонажей – это маленький человечек в полный рост, высотой 14 см в левый профиль (I). Тело его может быть прочитано в двух версиях: как шаровидное и как плоское. Различаются верхние и нижние конечности. Пенис хорошо заметен на своем месте. Слева от этого персонажа видны ноги другого человека меньших размеров (II). Они вписываются в зону очень насыщенную гравированными линиями и прорезаются крупом и хвостом лошади, падением спины мамонта, головой и передней лапой медведя. Эти ноги суммарные, но бесспорно человеческие. Остальные части тела смешиваются с другими гравюрами, которые, несмотря на высокое качество исполнения, стерты с течением времени. Можно сказать лишь, что живот этого персонажа, переданного в левый профиль, смешивается с горлом медведя. Отмечен и признак мужского пола. Л. Паль очень осторожен в признании достаточно фантастических деталей, которые были выделены С. Львовым (Pales, 1976: obs. 34, pl. 90-92). Целая фигура мамонта в правый профиль занимает почти всю площадь камня и с большим трудом выделяется из сложного сплетения линий. Отчетливо видна линия крупной головы, плавно переходящей в покатый контур спины и крупа, снабженного тонким хвостом. Череп выпуклый, но не высокий. На уровне тщательно прорисованного глаза отщепление чешуйки разрушило профиль лба и носа. Немного ниже силуэт появляется снова в виде тонких бивней, направленных горизонтально вперед. Между ними виден хобот, выделенный только по внутренней стороне. Он опускается до земли и затем повернут к телу. Передняя и задняя ноги представлены в виде колонн с открытыми окончаниями. Линия свисающего живота, тяжесть которого подчеркнута пучком изогнутых линий, продолжает контур грудной клетки. На той же плоскости изображены у задней части мамонта голова медведя, у хобота – голова лошади и на линии крупа голова человека (II) (Pales, 1989: obs. 85, pl. 84, 85).

Л. Паль пишет, что без большого труда можно выделить фигуры лошади и медведя, переданные в правый профиль и занимающие каждая, как и мамонт, всю площадь камня. Изображение лошади – одно из лучших в коллекции по своим пропорциям и великолепному точному профилю. Лошадь опирается на задние ноги, передние слегка согнуты, голова наклонена к земле. Она хороших пропорций и трактована с большой тщательностью, ноздри, глаз, поднятые уши, шанфрен, ганаш нарисованы детально. Имеется даже немного шерсти на подбородке. Шея опущена и вытянута в очень естественном движении. Негустая грива изображена штрихами, направленными вперед. Спина слегка седловидная, круп подчеркнут параллельными линиями, которые продолжают отделенный от тела падающий хвост средней длины. Детально переданы ноги: раздвинутые задние и сближенные передние. Живот относительно тяжелый, грудь мохнатая. Л. Паль замечает, что этот рисунок работа опытного анималиста. Лошадь вместе с медведем, который с нею почти совпадает, и с пузатым человечком, который ее прорезает, обнаруживает более высокое качество по сравнению с ними (Pales, 1981: obs. 22, pl. 25). Медведь изображен в полный рост с головой, склоненной к земле. Силуэт вписывается в границы камня и в верхней части местами ощутимо совпадает с его контуром, действительно напоминающим очертания этого животного. Линия округлого крупа параллельна контуру камня. Линия спины заметно соответствует немного извилистому верхнему краю основы, сильный выступ плеча, четко выраженный у медведя, вписывается в округлость камня, шея и голова размещаются в аналогичном выступе. Горизонтальная линия живота расположена довольно низко, как это и должно быть у медведей с тяжелыми формами и мохнатой шкурой. Ноги прорисованы не только отчетливо, но и с анатомической точностью. Они опираются на почву, представленную нижним краем камня, и снабжены когтями. Тщательно трактованная голова с полуоткрытой пастью с заметными клыками, выражает враждебность. Этот медведь, по словам Л. Паля, полон жизни и реализма (Pales, 1969: obs. 18, pl. 48-51).

На противоположной стороне камня представлено довольно курьезное изображение бизона в полный рост и правый профиль. Его прочтение затруднено большой насыщенностью гравированных линий. Тело животного занимает почти всю площадь основы. Конечности, особенно передние, хорошо прорисованы, так же как глаз и рога. Горб

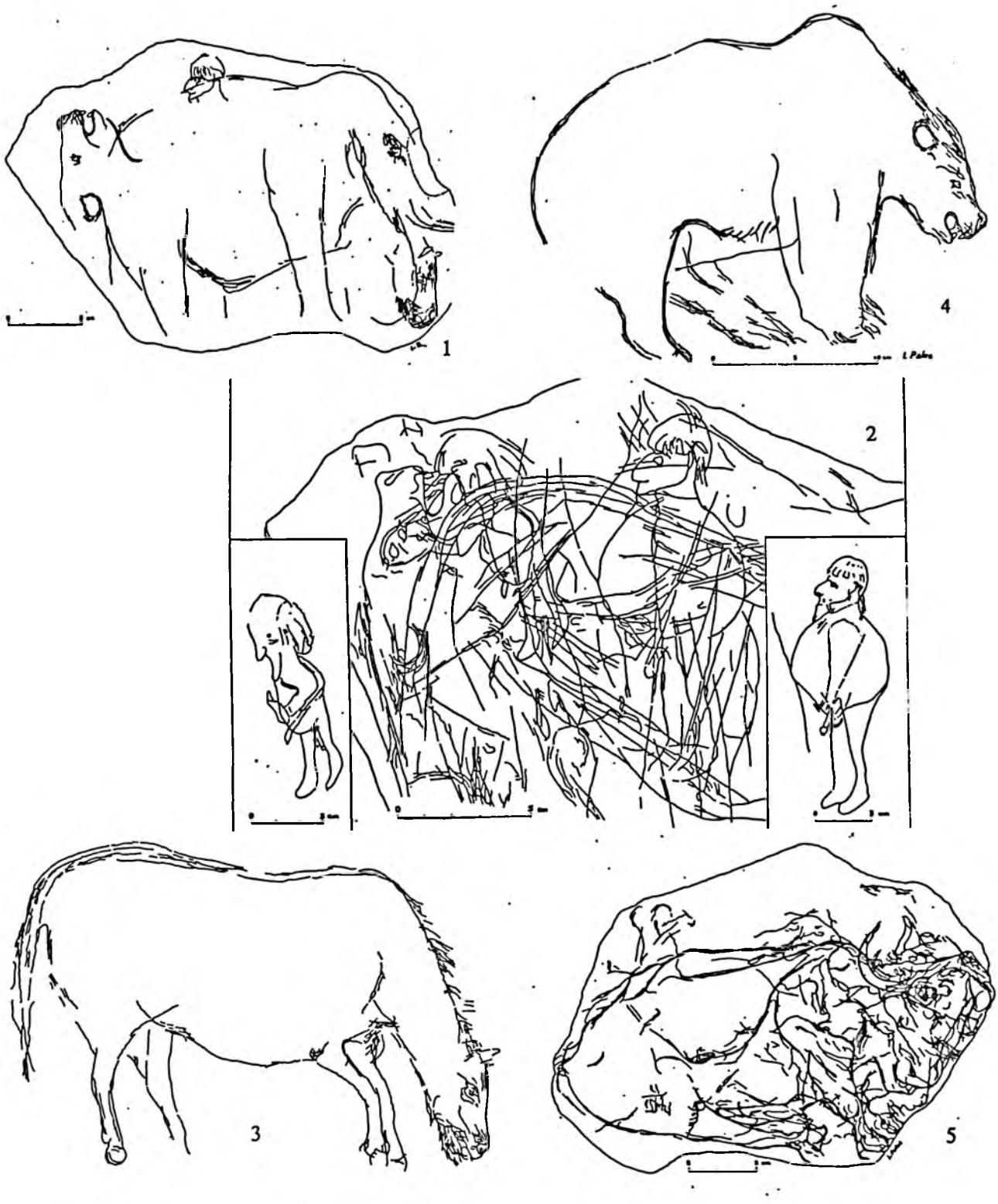

Рис. 156. Гравюры на крупном блоке известняка:
1 – общий вид с выделенными фигурой мамонта, головами человека, лошади и медведя;
2 – часть рисунка с мужскими фигурами и головой медведя;
3 – фигура лошади;
4 – фигура медведя;
5 фигура бизона.

значительно менее заметен. Ухо и контуры морды дискуссионны. Вытянутые вперед задние ноги помещены под тело, которое кажется осевшим на них, тогда как передние стоят отвесно и голова откинута назад. Эта поза может быть обязана выпячиванию поясничного района. Л. Паль приводит в качестве аналогии бизона, гравированного на пальметке рога северного оленя из раскопок Э. Ларте и Г. Кристи в Ложери-Бас (Pales, 1981: obs. 77, pl. 99).

Сочетание человека и медведя можно видеть на обломке костяного кружка из **Мас д'Азиль**, на котором сохранились две человеческие фигуры по одной на каждой стороне (рис. 157). Диаметр кружка достигал, видимо, 7.5 см, обломано больше его половины. На одной стороне представлена мужская фигура в левый профиль. Голова передана достаточно суммарно: различаются короткий подбородок, толстый нос, покатый лоб и уплощенное темя. Отдельными штрихами намечены рот, глаз и ухо. Линия спины почти прямая. Грудь и живот объединены слегка выпуклой линией. Короткие руки вытянуты вперед. Ноги также укорочены по сравнению с длинным туловищем, правая выставлена вперед, левая согнута в колене и направлена вперед сильнее, чем при ходьбе. Ступни короткие и толстые. Подчеркнут знак мужского пола в эрекции. На уровне живота человека под руками нарисована как бы протянутая к нему медвежья лапа.

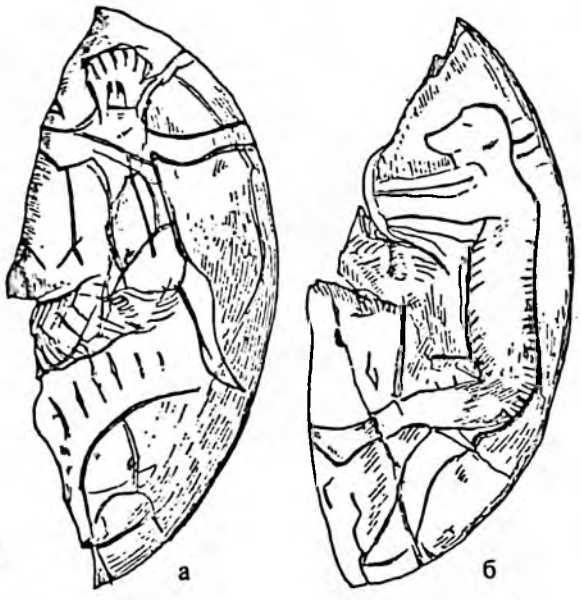

Рис. 157. Гравюры:
а) человеческая фигура в фас, лапа медведя;
б) мужская фигура, лапа медведя на обломке костяного кружка. Мас д'Азиль.

На противоположной стороне обломка изображена человеческая фигура в фас – случай редкий в палеолитической гравюре. Голова неправильной округлой формы. Лицо обрамлено сверху короткими прямыми черточками, представлены нос и рот. Шея короткая и толстая, линия подбородка не выделена. Руки раздвинуты в стороны на уровне плеч, правая почти целиком унесена изломом. Туловище довольно широкое и прямое, его низ замаскирован лапой медведя и какой-то непонятной фигурой с поперечными насечками. За ее пределами выступает слегка отставленная в сторону левая нога со ступней, по форме аналогичная ногам первого персонажа. Это ясно доказывает, что оба рисунка выполнены рукой одного мастера (Piette, 1902: 772, fig. 1 и 2).

Остальные человеческие фигуры не имеют признаков пола и, хотя некоторые из них изображены в охотничьем действии, у нас нет формальных признаков для выделения их в мужскую группу. В принципе, все фигуры, не имеющие заметных женских признаков, могут считаться мужскими. Мы объединяем их вместе с человеческими головами, по которым трудно судить мужские они или женские, и рассматриваем их под рубрикой: ЧЕЛОВЕК – ЖИВОТНОЕ.

Человек – мамонт. Имеются только 2 случая, оба из **Ла Марш**, один из них достаточно сомнительный: – оба фаса ромбовидного фрагмента окрашенного охрой известняка размерами 7.3x4.8x0.5 см покрыты чрезвычайным смешением тонких линий. На одном фасе большая, слегка угловатая линия, которая идет почти параллельно левому краю камня, может напоминать контур позвоночника и конечностей человека в правый профиль. На другом фасе извилистая линия, ощутимо параллельная левому верхнему краю, напоминает позвоночник человека также в правый профиль. Здесь же улавливается рисунок хобота в левый профиль. Предполагаемый позвоночник первого сюжета становится крупом и задней конечностью этого животного. Ссылаясь на данное предположение Л. Праделя, Л. Паль считает его правдоподобным (Pales, 1976: obs. 55, pl. 149), но, тем не менее, не помещает его в раздел, посвященный мамонтам.

Бесспорное, но, возможно, разновременное сочетание представлено на плите известняка размерами 50x55 см и толщиной 2-7 см (рис. 158). Человеческая голова в правый профиль находится в верхнем узком конце камня под углом 90° по отношению к мамонту. Первоначально этот профиль, нанесенный очень тонкой линией, не был включен в список человеческих изображений. Оказалось, что здесь прорисован выразительный и даже красивый профиль, несмотря на большой нос, гравированный двойной линией, глаз неправильной формы, прямой выступающий подбородок. Приоткрытый рот придает лицу живое выражение. Непосредственно под этим профилем расположена передняя часть великолепной фигуры мамонта в левый профиль, намеренно изображенной неполной при наличии большого свободного пространства. Эта частичная фигура высотой 35 см от макушки до подошвы является одним из лучших, если не самым лучшим изображением мамонта в Ла Марш по его размерам, его изоляции от линий-паразитов и, несомненно, по качеству и точности изображения. Не очень глубокие ясные и чистые линии рисунка вырезаны острым орудием и исключительно уверенной рукой опытного анималиста. Высокий череп, мощный свисающий хобот с загнутым к телу и детально прорисованным концом, довольно короткие бивни, переданные в истинной перспек-

тиве, колоннообразные ноги и густая шерсть, покрывающая тело – все эти характерные черты мамонта представлены в совершенстве. Отмечаются тщательно изображенный глаз и закругленная форма ступни (Pales, 1989: obs. 76, pl. 73-74).

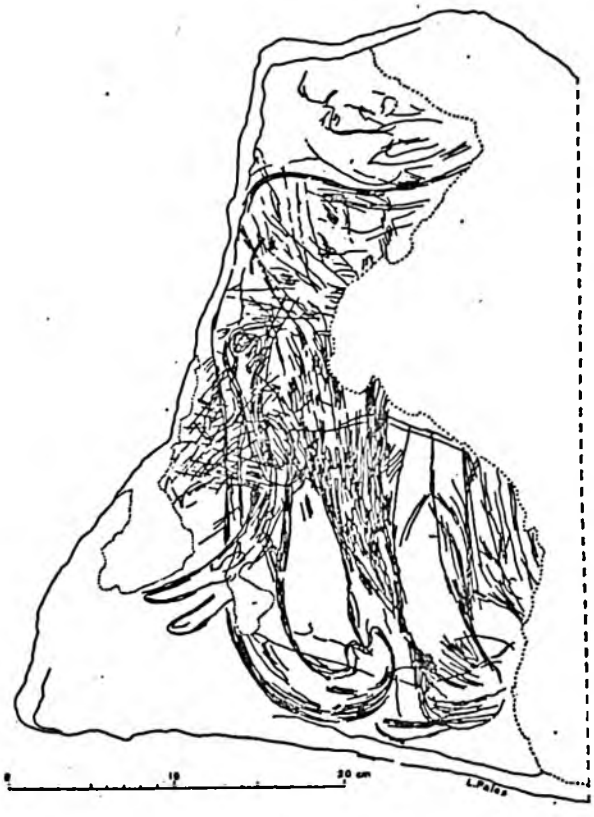

Рис. 158. Гравюра головы человска и фигуры мамонта на плите известняка. Ла Марш.

Человек – бык/бизон. Единственное бесспорное изображение мужчины вместе с бизоном – это охотничья сцена, выгравированная на роге северного оленя длиной 19 см, найденного в 1868 г. в **Ложери-Бас** Эли Массена (рис. 159; Massénat, 1869: 353, t. 21, 1). Эта сцена известна под названием «Охотник на первобытного быка», хотя фигура животного является изображением бизона, представленного в левый профиль. Мохнатая, чрезмерно крупная даже для бизона, голова опущена. Длинный рог направлен вперед в угрожающей позе. Борода и подгрудок закрывают грудь. Линия живота изгибается, чтобы передать половой признак самца, и затем поднимается к задней ноге. Линия шеи-спины извилистая, круп и задняя часть невелики по сравнению с передней частью тела, что свойственно именно бизону, хвост изогнут и отделен от тела. Полосы коротких параллельных косых штрихов передают шерсть. Верхняя часть тела животного пересечена длинной почти прямой чертой. За бизоном следует человек в горизонтальном положении с поднятой головой на длинной шее. Обе руки вытянуты вперед. От уровня шеи поднимается вверх какой-то предмет, который обычно трактуется как правая рука, но положение ее слишком неестественно. Туловище довольно объемистое, вытянутые ноги переданы раздельно (Piette, 1907: pl. XXVII, 6). На другой стороне жезла находится гравюра, принадлежащая также подсемейству бычьих, но голова и передняя часть тела покрыты известковым натеком (Girod, 1900: 317). Жезл датируется средним мадленом.

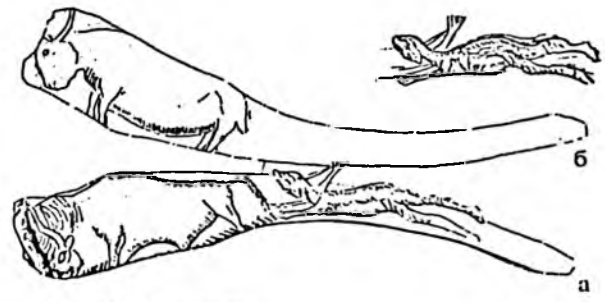

Рис. 159. Гравюры:
а) бизон и человек,
б) бизон на просверленном жезле. Ложери-Бас.

К той же эпохе относится плакетка слоистого песчаника из пещеры **Энлен** (сеть р. Вольп в Арьеже). Она неполная, состоит из 6 фрагментов, собранных в разные годы общими размерами 21x15.6 см (рис. 160). Ее гравировки, очевидно, не связаны общим сюжетом. Центральное место занимает фигура бизона в правый профиль. Она сохранилась неполностью, но, тем не менее, является одной из самых красивых в искусстве малых форм. Выразительная голова с овальным глазом и тонкой мордой увенчана извилистыми рогами и снабжена густой бородой. Под передними ногами бизона расположены два человеческих силуэта ногами к нему и лицами в другом направлении, т.е. тоже в правый профиль. Силуэты наложены один на другой и трактованы как участники сексуальной сцены – если это так, первой и единственной в палеолитическом искусстве. Третий персонаж находится в области задних ног бизона также в правый профиль. От этой фигуры сохранилась только голова и грудь (Bégouën et al., 1984: fig. 3).

На плакетке известняка из **Лабастид** фигура бизона в левый профиль занимает всю доступную площадь. Около морды бизона намечена схематичная человеческая голова. Перевернув плакетку на 180° в ее верхней части находится фигура пиренейской серны, а так же живот и конечности другого бизона, фигура которого очевидно унесена изломом (Clottes, 1989б: fig. 20).

Большой интерес представляют сцены с участием человека и животных, причем чаще всего, фигуры человека даны в обобщенном виде, а фигуры животных вполне реалистические и высокого художественного качества. В сочетании человек – бизон все три примера происходят из старых раскопок и относятся к концу мадлена.

Рис. 160. Гравюры бизона и трех человеческих фигур на плакетке песчаника. Энлен.

В **Раймонден** найдена гравированная подвеска длиной 8.5 см из костяной пластины, обломанной с обоих концов (рис. 161). На одном конце сохранились остатки отверстия для подвешивания украшения. Две серии маленьких персонажей с округлой головой расположены с той и другой стороны (4 и 3) «зубчатой» линии, которая примыкает к великолепной реалистической голове бизона в левый профиль. Эта линия получила, кажется, наиболее приемлемую трактовку как позвоночник бизона. Перед головой вытянуты две гравированные конечности, традиционно рассматриваемые как передние ноги бизона(Capitan et al., 1910: fig. 211), хотя есть мнение, что это могут быть ноги лошади (Welté, 1994: 52, 53).

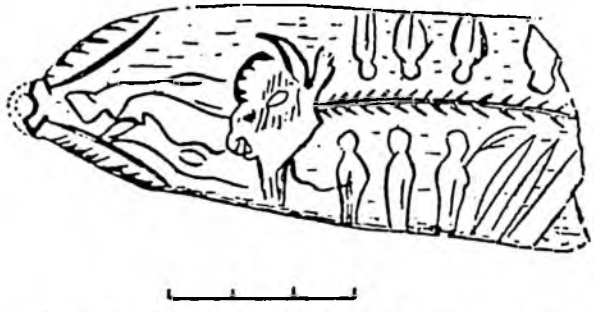

Рис. 161. Гравюра бизона и человеческих силуэтов на костяной подвеске. Раймонден.

Из **Шато дез Эйзи** происходит ребро длиной 16 см, на правом конце которого видна передняя часть фигуры быка (бизона, по Д. Пейрони) в левый профиль (рис. 162). К быку обращено 8 (9) схематичных человеческих силуэтов с округлой головой и сведенным на конус туловищем, лишенном каких бы то ни было деталей. На плече нанесены косые линии, по всей видимости изображающие палки, дротики или другое вооружение (Peyrony, 1921: 5-9, fig. 2).

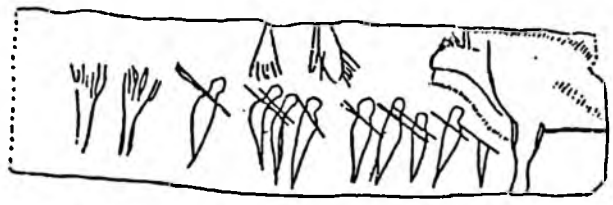

Рис. 162. Гравюра быка и человеческих силуэтов на обломке ребра. Шато дез Эйзи.

Найденный в **Курбе** фрагмент костяной пластины был приобретен Этнографическим Музеем Берлина перед I Мировой войной и с тех пор исчез. Его последовательные зарисовки показывают большие расхождения. Несомненно одно: гравюра включала, по крайней мере, один схематический человеческий силуэт, обращенный к крупному быку, фигура которого сохранилась наполовину (рис. 163; Capitan et al., 1910: fig. 188, 2; Ladier, Welte, 1995: 64).

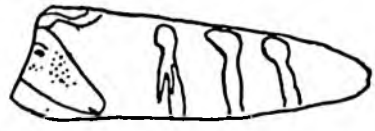

Рис. 163. Гравюра головы быка и человеческих силуэтов на фрагменте костяной пластины. Курбе.

Три случая сочетания *человек–лошадь* включают дополнительные сюжеты. Все три сцены нанесены на просверленные жезлы. В сцене из **Ла Мадлен** человеческий персонаж имеет вполне реалистический облик (рис. 164). Он изображен в правый профиль с головой, смотрящей вперед, с согнутой в локте правой рукой, держащей палку на плече и с раздвинутыми при ходьбе ногами, причем правая имеет ступню, левая незакончена. Человек по всем правилам перспективы перекрывает крупную голову лошади в левый профиль с четко переданными деталями. Вторая голова лошади, расположенная вслед за первой, непосредственно перед человеком, сохранилась неполностью из-за излома жезла. Позади человека на фоне рядов горизонтальных линий с шевронами нарисована крупная фигура змеи. На противоположной стороне жезла выгравированы две головы бизонов (Lartet, Christy, 1865-1875: 15, 16, pl. BII, 8a, b).

Очень любопытна так называемая «сцена инициации» из **Ла Ваш**. Эта великолепная многофигурная гравюра нанесена на трубчатой кости крупной птицы длиной 16.3 см (рис. 165). Слева расположена «ритуальная процессия» из 6 чело

Рис. 164. Гравюры человека, двух голов лошадей, змеи на просверленном жезле. Ла Мадлен.

веческих силуэтов в правый профиль с шаровидной головой и схематизированным телом. Затем маленький медведь, переданный в фас, размещен под хвостом большой лошади – жеребца в правый профиль, замечательного по качеству исполнения, затем идет рыба, возможно, лосось и под ней голова бизона, данная в 3/4 (Nougier, Robert, 1968; Delporte, 1975: 129, 130, fig. 10). Жезл из **Абри Мэж** в Тейжат представляет собой рог благородного оленя длиной 31 см (рис. 166). На блестящей поверхности рога выгравирована голова лани, большая фигура лошади, неполная маленькая лошадь, лебедь и три загадочных фигуры антропоморфного вида. Они расположены в ряд, имеют высоту 5.2, 4.7 и 4.2 см, каждая состоит из увенчанной рогами головы с длинными заостренными ушами, округлым телом, покрытым длинными параллельными нарезками, очевидно, изображающими шерсть и двумя изогнутыми в коленях ногами. Если головы напоминают головы животных, скорее всего, серн, то ноги отчетливо человеческие. Об этом свидетельствует и вертикальное положение фигурок (Capitan et al., 1910: 62-76, fig. 11).

Рис. 165. Гравюра: 6 человеческих силуэтов, медведь, лошадь, рыбв, голова бизона на кости птицы. Ла Ваш.

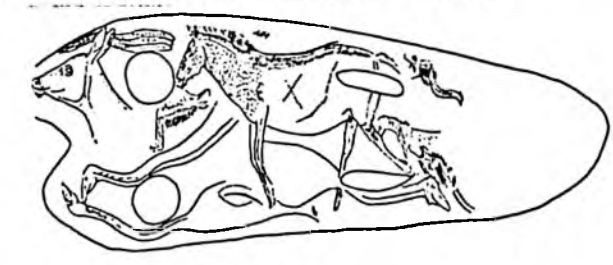

Рис. 166. Гравюры на просверленном жезле. Абри Мэж в Тейжат.

Сцена с участием людей и медведя нанесена на плитке шифера длиной 18.5 см из **Пешиале** (рис. 167). Центр ее занимает фигура медведя в правый профиль, стоящего на задних лапах. Пасть его широко открыта. Он протягивает переднюю лапу к склоненному перед ним человеческому существу. Человек значительно меньших размеров, чем медведь, и передан настолько суммарно, что трудно различить отдельные детали. Прослеживаются только голова и конечности. Второй человек стоит позади медведя, как бы направляясь к нему с широко раздвинутыми ногами и раскинутыми по сторонам руками. Несмотря на схематичность фигуры, хорошо передана динамика движения (Breuil, 1927: 103-105, fig. 1).

Рис. 167. Гравюра: медведь и вдс человеческие фигуры на плитке шифера. Пешиале.

Особо выделяются плитки из Ла Марш, имеющие сочетания человека с лошадью, северным оленем и хищниками.

Человек – лошадь – тема довольно частая в **Ла Марш**. Отмечена треугольная плакетка светло-серого известняка размерами 9.5x8.5x0.8 см, гравированная с двух сторон: на одной стороне две противостоящие человеческие головы, на другой фигура лошади (рис. 168). Тонкость многочисленных беспорядочных линий и изношенность камня, особенно в центральной части лицевой стороны может объяснить трудность прочтения человеческих голов и тем более, определения их пола и возраста. У той и другой головы нарисованы длинные волосы, может быть косички. Левая (I), возможно, имеет налобную повязку. Шея правой головы (II) – вытянутая. Можно было бы попытаться увидеть в них двух женщин, но ничто не позволяет говорить об этом с уверенностью. Если же изображены оба пола или только мужчины, следует допустить, что все люди носили длинные волосы (Pales, 1976: obs. 22, pl. 41-42). Возможны все три варианта, но мое личное впечатление от этих голов, бесспорно исполненных одной рукой, близко к сочетанию юноши и девушки. На другой стороне плитки из переплетения линий хорошо выделяется силуэт лошади в правый профиль. Мощная голова довольно грубо нарисована. Конец морды отсутствует. Тело прекрасно вписывается в треугольную форму основы. Шея короткая и толстая. Грива из штрихов, направленных вверх и вперед, как бы отделена от контура шеи. Спина слегка седловидная. Круп длинный, живот сильно

выпуклый. Для того, чтобы фигура поместилась в форму основы, соединенные задние ноги направлены вперед, а передние, поставленные вертикально, укорочены(Pales, 1981: obs. 30, pl. 33).

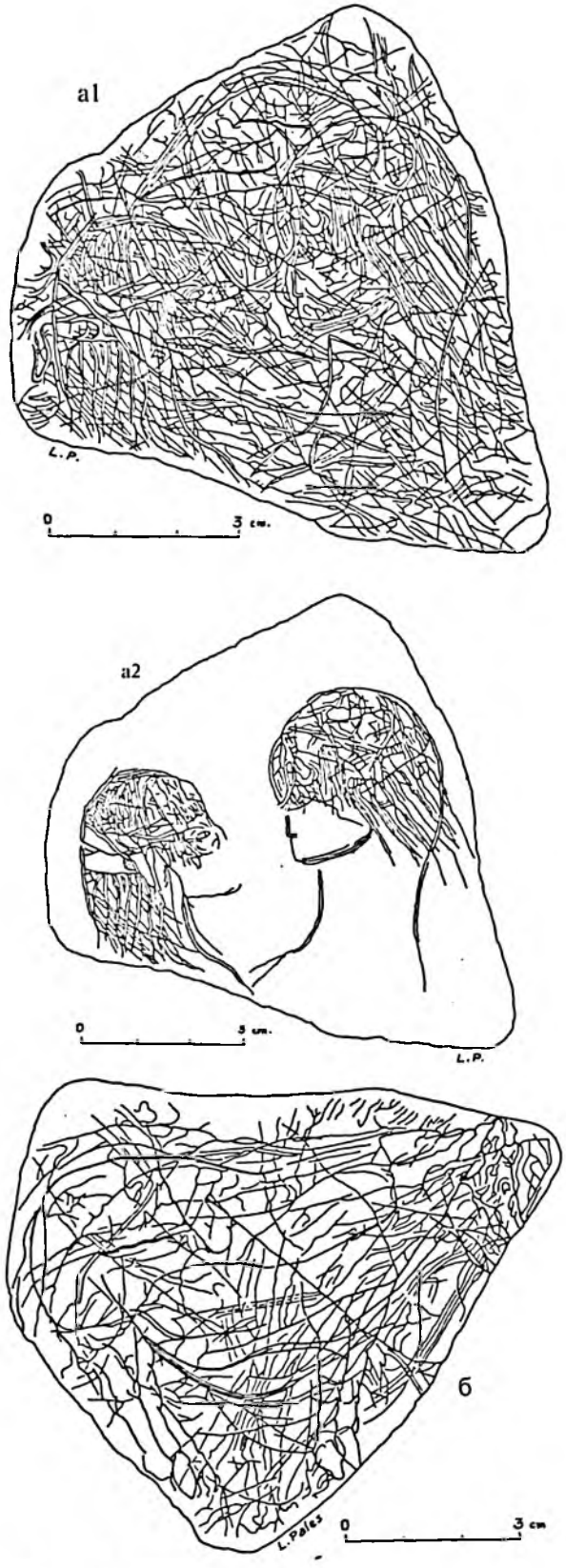

Рис. 168. Гравюры:
а) 1 – общий вид, 2 – две человеческие головы;
б) фигура лошади на плакетке известняка. Ла Марш.

Тот же сюжет, но с единственной человеческой головой, которая расположена на одном фасе с фигурой лошади, нанесен на фрагменте плакетки, состоящем из двух кусков: один имеет размеры 9.8x12 см, другой – 5.5x7.4 см при толщине обоих 2.5 см. Человеческая голова представлена в правый профиль под углом 90° к телу лошади. Свод черепа высокий, выпуклый, лоб покрыт бахромой. Нос вогнутый, глаз овальный с двойным контуром. Из-под косичек, которые покрывают затылок, видны очертания уха. Низ лица не был обнаружен. Фигура лошади представлена в левый профиль. Тело слишком длинное по отношению к высоте. Голова наклонена. Контур головы прорисован двойной, иногда тройной линией. Овальный глаз и поднятые маленькие уши занимают свое место. Грива изображена длинными, скошенными назад штрихами – то, что необычно для Ла Марш. Спина слегка седловидная. Длинный хвост исчез по линии излома плитки, но его конец виден на уровне скакательного сустава. Передние и задние ноги сдвоены, но не завершены на концах. Живот выпуклый, но не преувеличенный. На маленьком фрагменте, повернув его на 90° справа налево, можно видеть заднюю часть животного, возможно, лошади в левый профиль(Pales, 1981: obs. 46, pl. 51).

Маленькая плакетка представляет собой пример утилизации естественных контуров основы для человеческих изображений. Это трапециевидный фрагмент желтовато-серого известняка размерами 7x3.6x0.5 см, правый угловатый край которого является левым профилем человеческого лица. Игра природы была дополнена первобытным гравером так, что у Л. Паля не оставалось сомнений в этом намерении. Край камня представляет вертикальный лоб, прямой нос, скошенный назад сегмент ниже носа, который продолжается убегающим подбородком. Неровность нижнего края камня рисует очертания нижней челюсти. Кривая линия, гравированная раздвоенным острием, изображает ноздрю, маленькая черта – рот. Но именно глаз привлекает внимание и снимает сомнения. Глаз крупный, миндалевидной формы, глубоко гравированный и снабженный зрачком, вписывается в переднюю часть фигуры медведя (Pales, 1976: obs. 31, pl. 77-78). Если повернуть плитку горизонтально фигура медведя в правый профиль четко выделяется, несмотря на ее миниатюрные размеры (длина 4.5 см). Голова, взятая изолированно, напоминает скорее волка, но тело безусловно медвежье, тяжелое, с массивными лапами, снабженными когтями. Круп округлый, без видимого хвоста (Pales, 1969: obs. 16, pl. 42-44). На противоположной стороне плитки голова лошади гравирована двойной линией, выполненной зубчатым орудием. Сохранилась лишь суммарная морда со стоящими ушами и округлым глазом. Другие де-

тали перекрыты дополнительными линиями, которые позволяют улавливать некоторые черты быка или оленя(Pales, 1981: obs. 6, pl. 6).

На фрагменте известняка размерами 12x7.5x3.5 см с одной стороны представлен незаконченный профиль головы человека, а с другой – протоме лошади. Гладкая поверхность первой несет очень тонкие гравированные линии в сложном переплетении. Различается крупный овал, внутри которого расположен кружок меньших размеров, своего рода глаз со зрачком. Твердо вырезанный волнистый контур представляет выступающую орбитальную дугу, опускающуюся вниз, как бы изображая гребень носа. Паль считает возможным видеть здесь незаконченный контур человеческой головы в правый профиль (Pales, 1976: obs. 18, pl. 32, 33). Вторая сторона изборождена значительно более глубокими линиями, из которых выделяется протоме лошади в правый профиль. Посаженная на мощную шею голова смотрит прямо перед собой. Она короткая с выпуклым лбом и прямолинейным шанфреном. Ноздри и рот выполнены тщательно. Овальный глаз и поднятое ухо детализированы (Pales, 1981: obs. 11, pl. 11).

На одном фасе крупной плиты серого известняка размерами 60x30-40x3-13 см сосредоточены изолированные головы человека и лошади, на другом фасе – фигура кошачьего. Поверхность плитки волнистая с несколькими впадинами. Левый нижний угол дает впечатление человеческого профиля, смотрящего влево, как и некоторые неровности, ретушированные или подправленные рукой человека. Этого было достаточно, чтобы выделить нижнюю челюсть, рот, глаз и дугу брови. Сюжет был слишком неопределенным, чтобы включить его в список человеческих изображений. В центре расположена возможная голова лошади в правый профиль и ближе к правому нижнему углу определенное протоме лошади в правый профиль (Pales, 1981: obs. 16, pl. 16). На другой стороне в правый угол вписывается голова крупного кошачьего. Учитывая ее размеры, предполагаемое тело должно было покрывать всю площадь камня, поэтому удалось различить передние лапы, затем живот и задние лапы, которые были прорисованы без присоединения к телу. Паль отмечает, что прорисовка не может выразить то, что представлено неровностями камня. Так, большой рельеф посередине соответствует выступу плеча. Голова зверя очень красива. Лоб плоский, слегка выступающий на уровне брови, затем идет лобно-носовое углубление и морда с прорисованной ноздрей. Пасть полуоткрыта. Ухо, помещенное на точном месте, кажется листовидным. Выделен глаз. Интересно замечание Л. Паля, что вопреки сложности сплетения различных линий, может быть, по его причине, немногие из мадленских львиных голов имеют такую правдивость. От мощной груди, подчеркнутой рельефом камня, отделяются две передние лапы: левая, вытянутая, опирается на землю, правая – полу поднята. Задние лапы слабо различаются, хвост не виден. Неясно какой зверь изображен: пантера, тигр или лев. Общая форма и контуры головы свидетельствуют в пользу двух последних. Прямолинейная и даже легкая вогнутость нижнего края нижней челюсти характерны для тигра, но именно здесь для палеолитического искусства аргументы очень шатки. Ничто не противоречит тому, что изображен лев, самка или самец без гривы, такой, как себе представляют Felis spelaea. В левом верхнем углу камня различаются контуры и атрибуты животного в левый профиль. Его трудно интерпретировать, хотя, возможно, речь идет о другом кошачьем (Pales, 1969: obs. 9, pl. 22-25).

Человек–северный олень. Наиболее характерные примеры такого сочетания также происходят из **Ла Марш**. Так, на одном фасе крупной плиты известняка трапециевидной формы и размерами 51.5x34x8.5 см выгравированы два замечательные изображения: голова человека и фигура северного оленя, перекрывающие друг друга и великолепно вписанные в контуры камня (рис. 169). Человеческая голова в правый профиль – самая крупная в Ла Марш: от макушки до нижнего края нижней челюсти 19 см. Затылок плоский, свод черепа высокий, лоб прямой, нос вогнутый курносый с отмеченной ноздрей. Рот закрыт, но очертания губ оставляют легкий выступ вперед. Хорошо очерченный подбородок имеет округлую форму, за которой угадывается крупная нижняя челюсть. Голова покоится на довольно сильной шее, прерванной изломом плиты. Глаз передан в виде горизонтальной миндалины, он необычно изображен лучше, чем глаз животного. Несколько вертикальных линий в районе темени и затылка могли быть передачей довольно длинных волос, как бы собранных в кадаган, что придает этому профилю «неизвестно как», по словам Паля, сходство с портретами членов Конвента (Pales, 1976: obs. 3, pl. 7-9).

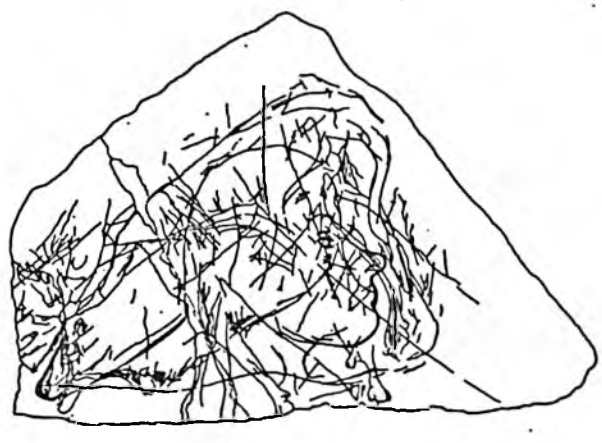

Рис. 169. Гравюра головы человека и фигуры северного оленя на крупной плите известняка. Ла Марш.

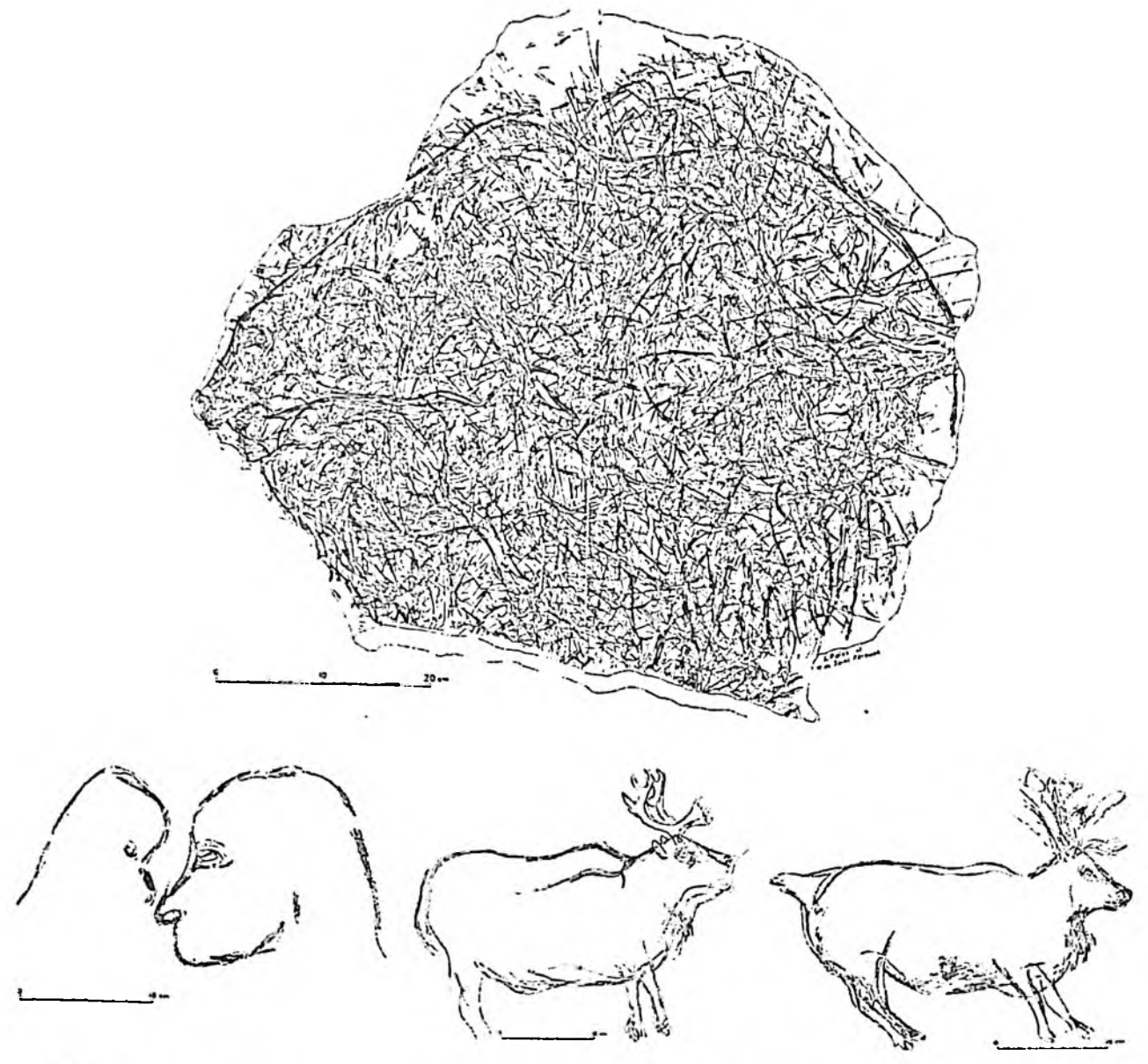

Рис. 170. Гравюры двух человеческих голов, медведя и двух северных оленей на крупной плите известняка. Ла Марш.

Фигура северного оленя имеет в длину 39 см от ноздрей до хвоста и 23 см в загривке. Он смотрит влево и в этой позиции кажется спускающимся со склона, который здесь представлен на камне. Но, если немного повернуть камень, чтобы животное оказалось в горизонтальном положении, видно, что оно стоит на трех ногах. Передние ноги раздвинуты: левая вытянута вперед и опирается на нижний край камня. Правая поставлена вертикально и заканчивается раздвоенным копытом. Тело упитанное, но не тяжелое. Голова слегка склонена к земле, что подчеркнуто выступом лопатки. Спина прямолинейная до закругленного крупа, где прослеживается набросок хвоста. Шея мощная с мохнатым подгрудком. Линия живота выпуклая. Изменение цвета шерсти передано одной чертой. Голова была объектом особого внимания гравера. Рот полуоткрыт, ноздри нарисованы в нескольких репризах так же, как и шанфрен. Овальный глаз очерчен кривыми линиями, рисующими орбитальные контуры. Маленькое ухо поднято вверх. По примеру довольно большого числа его сородичей в Ла Марш, его рога не стали предметом большой заботы художника. Это своего рода букет расходящихся, довольно схематичных линий, где нельзя выделить ствол и отростки. Есть только один отросток с достаточно хорошо определенным контуром. Как бы там ни было, гравюра принадлежит опытному анималисту (Pales, 1989: obs. 67, pl. 57, 58).

Значительно более сложно сосуществование фигур на большой округлой плите серого известняка диаметром 72 см и толщиной 2-15 см (рис. 170). Они включают две человеческие головы, расположенные лицом к лицу на линии спины медведя, но в перевернутом виде и две фигуры северных оленей.

Не будучи ранее опубликованными в репертуаре человеческих изображений из Ла Марш, они, тем не менее, оставляют впечатление déjà vu, особенно правый, более крупный и представленный в левый профиль. Прямой невысокий лоб, выпуклый свод черепа, который прослеживается по штрихам, спускающимися на скошенный затылок. Нос длинный, слегка горбатый и острый с выраженными крылом и ноздрей. Подчеркнут прогнатизм. Хорошо нарисован нижний край нижней челюсти. Глаз расположен на своем месте в виде вытянутого овала. Противоположная голова – маленькая, очень неполная: видны плоский свод черепа, высокий лоб и скошенный по прямой линии затылок, который непосредственно переходит в шею. Нос, спинка которого передана повторяющимися штрихами, курносый. Суммарно нарисованный глаз находится на своем месте. Если пропорции этих двух голов соответствуют реальности, то одна из них принадлежит взрослому, другая ребенку, но ничто не позволяет подтвердить это предположение.

В чрезвычайно сложном переплетении линий выделяются две фигуры северных оленей. Более крупная – самец, нарисованный местами многократно повторяющимися линиями. Спина слегка седловидная между умеренным рельефом крупа и сильным выступом лопатки. От вертикально поставленных задних ног схвачено только направление. Живот слабо выпуклый. Его линия продолжается вперед, прорезая верхние части передних ног без соблюдения перспективы. Расставленные ноги переданы достаточно детально, копыта раздвоены. Шея мощная, подгрудок мохнатый. Голова красивая, несмотря на древний излом края камня, который повредил конец морды. С большой тщательностью выгравирован глаз, яблоко и зрачок нарисованы двойными линиями. Хорошо выделяются поднятые уши. Рога короткие, но мощные с отростками и пальметками в истинной перспективе.

Вслед за этой фигурой и на ее высоте изображен второй северный олень меньших размеров. Они имеют соответственно длину 33.5 и 29.3 см от ягодицы до конца морды и 21.5 и 19.5 см высоты в загривке. На линии спины второй фигуры менее выражены седловина и выступ лопатки. Круп чистый и хвост изображен очень отчетливо. Соединенные задние ноги хорошо нарисованы вплоть до копыт. Живот выпуклый и мохнатый, обильная шерсть представлена и на подгрудке. Раздвинутые передние ноги довольно схематичны. Голова более тонкая, чем у первой фигуры, рот закрыт. Нарисованы ноздри и глаз овальной формы. Рога изображены в виде беспорядочного «букета из сухих ветвей».

Выступ плеча второго оленя привел Л. Паля к выделению контура медведя в левый профиль. Его выраженный рельеф в вершине камня продолжался слабой впадиной и затем изгибом, который мог быть только крупом. Именно этот круп продиктовал поиски головы на противоположном конце камня. Не стоило труда найти ее благодаря обычному реперу – наличию глаза. Это самая большая фигура медведя из обнаруженных в Ла Марш: высота головы 13.8 см, находится в связи с размерами тела, которое от ягодицы до конца морды равно диаметру камня – 72 см. Голова короткая и массивная, пятачок объемистый, пасть полуоткрыта, обнажая верхний и нижний клыки. Вздутое горло вместе с формой пасти показывает, что животное рычит. Глаз передан очень детально (Pales, 1989: obs. 70, pl. 61-63 и obs. 2, pl. 2).

Для полноты картины можно упомянуть еще одно сочетание из Ла Марш, где вместе с человеком изображена фигура травоядного, которое относится к так называемым композитным существам (рис. 171). На большой прямоугольной плите размерами 65x50x8-19 см выгравированы 3 человеческие головы и фигура животного, несомненно травоядного, но имеющего признаки различных видов. Человеческие головы, все в левый профиль, расположены рядом; они разной величины и в разной степени законченности. Наиболее крупный и полный профиль лица (I) имеет выпуклый лоб, прямую спинку носа с отмеченной ноздрей и хорошо развитый сегмент ниже носа с закрытым ртом и округлым подбородком. Глаз с двойным контуром маленький и овальный. Справа от него находится более крупный, но менее определенный профиль (II) с высоким сводом черепа, шевелюра (?) нависает над лицом. Лоб низкий и прямой, нос сильно вогнутый, курносый с нарисованной ноздрей. Нижний сегмент угловатый, без деталей. Глаз вписывается в ноздри расположенного рядом травоядного. Он, может быть, играл две роли. Непосредственно ниже первой головы расположен самый маленький профиль (III) с убегающим лбом, отчетливой седловиной переносицы и прямым носом, за которым следует вертикальный сегмент с закрытым ртом и стертым подбородком. Край нижней челюсти сильно выпуклый. Глаз округлый, нормальных размеров. Все три лица прогнатные. Фигура животного в левый профиль имеет тяжелые формы, короткую и массивную шею и о животном нельзя сказать лошадь это или бык. Определение усложняется тем, что оно имеет поднятые рога оленя. Задняя часть слишком небрежно нарисована, чтобы можно было установить принадлежит ли короткий хвост оленю или длинный хвост двум первым. Видимо, речь идет о композитном животном (Pales, 1976: obs. 25, pl. 50-52; 1981: obs. 67, pl. 87).

МАМОНТ.

Скульптурные изображения мамонта единичны и мало напоминают реалистический и живой образ, который создают гравюры, особенно гравю

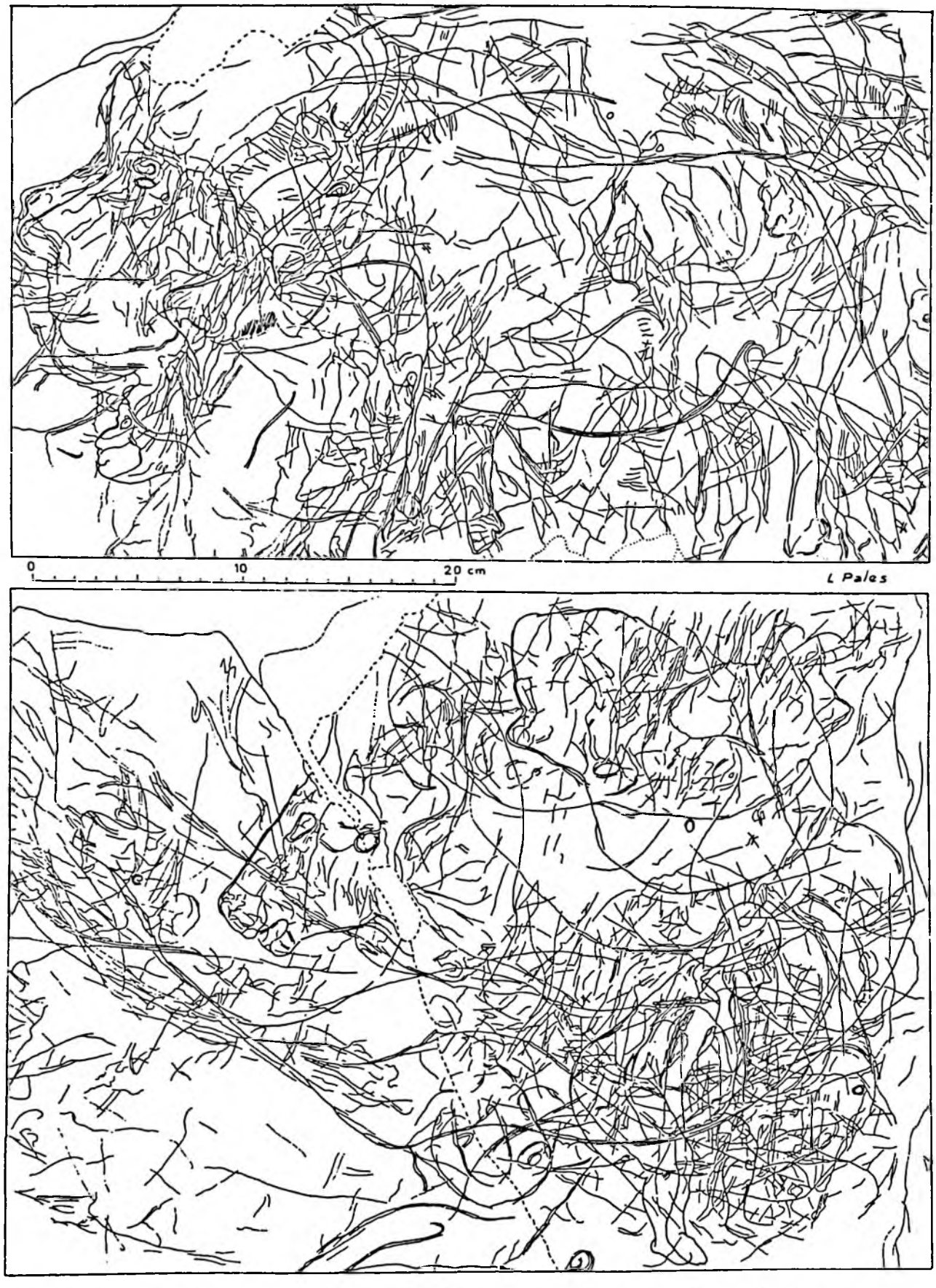

Рис. 171. Гравюры трех человеческих голов и композитной фигуры травоядного на крупной плите. Ла Марш.

ры на камне из Ла Марш. Это прежде всего, два навершия копьеметалок из рога северного оленя, разные по стилю и трактовке. Изделие из **Канекод I** (Од) имеет размеры 8.7x5.7x1.8 см и отчетливо передает силуэт животного с выпуклой головой и падающей линией спины (рис. 172). Лоб прямой, хобот выступает вперед и затем, уходя под изогнутый бивень, замечательно заканчивается характерным закруглением. Передняя нога в виде усеченного конуса длинней более толстой задней, между ними расположен отвисший живот. Грудь, ноги и живот покрыты параллельными тонкими линиями, передающими шерсть. Д. Саки отмечает великолепное изображение глаз, несмотря на их асимметричное расположение (Sacchi, 1984: 27, 28, N 25).

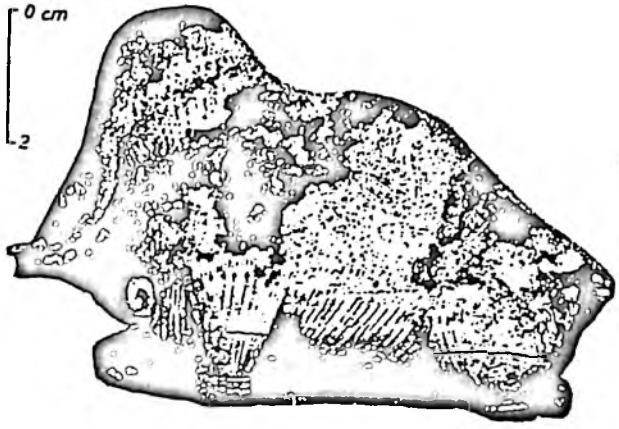

Рис. 172. Скульптура мамонта – навершие клпьеметалки из рога. Канекод I.

Навершие копьеметалки из **Монтастрюк** (Тарн-и-Гаронна) имеет размеры 12.6x6.0x1.5 см, т.е. еще более плоское, поэтому фигура создает впечатление как бы созданной из двух соединенных барельефов, что легко объясняется толщиной пальметки рога, из которого оба предмета вырезаны (рис. 173). Линия спины следует линии стержня копьеметалки и после небольшой выпуклости макушки головы бивни в неестественном положении направлены вперед. Возвышающийся над спиной хвост первоначально являлся крючком орудия. Передние и задние ноги соединены вместе, образуя замкнутое пространство между ними (Capitan et al., 1910: fig. 144, 2; Sieveking, 1987: 65, pl. 71).

Более художественно и с большей верностью природе исполнен барельеф двух противостоящих мамонтов на просверленном жезле из рога северного оленя, найденном в **Ложери-От** (рис. 12, 4). Жезл обломан на уровне отверстия и имеет длину 15 см. Излом уничтожил заднюю часть фигуры мамонта, представленной в правый профиль. Уплощенная верхушка головы совпадает с верхним краем жезла. Четко выражена затылочная впадина треугольной формы, переходящая в плавно

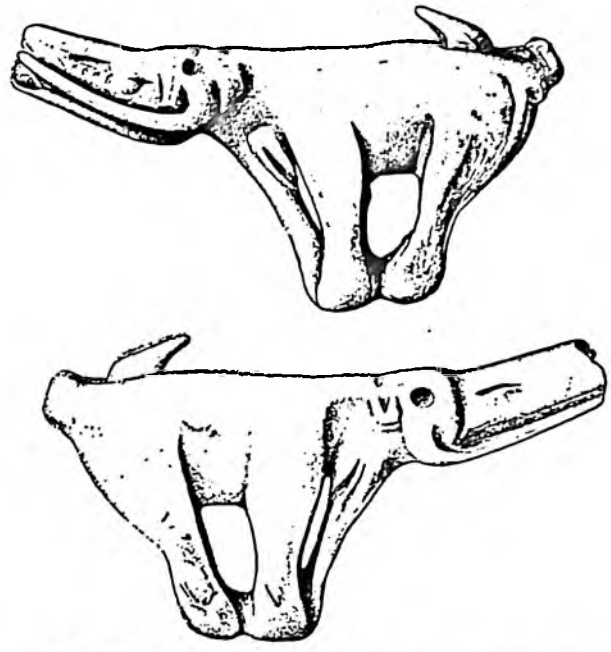

Рис. 173. Скульптура мамонта – навершие копьеметалки. Монтастрюк.

спускающуюся линию спины. Фас фигуры почти прямой. Различаются глаз и возможный бивень. Контур живота, тела и внутренней стороны хобота передан достаточно грубо, но на теле намечены твердо нанесенные линии, создающие нечто вроде части изображения другого животного. Фигура второго мамонта в левый профиль смыкается лицевой частью с фасом первой, но ее лоб – скошенный и голова имеет более округлые очертания. Область головы и груди несет следы какой-то вмятины и неровных нарезок. Затылочная впадина выражена слабо, непомерно длинное тело заканчивается отставленным и согнутым под прямым углом толстым хвостом. Положение и форма хвоста типичны для изображений мамонта в гравюре, хотя чаще всего он передается одной линией. Очертания живота совпадают с нижним краем жезла. Судя по фотографии можно представить очертания хобота и передней ноги (Sonneville-Bordes, 1972: fig. 68).

Что касается гравюр на органической основе, то лучшая и наиболее известная происходит из **Ла Мадлен** (рис. 174). Найденная в культурном слое стоянки в 1864 г. она впервые показала одновременность существования мамонта и первобытного человека. Фигура мамонта в левый профиль вырезана на крупном, тонком и продолговатом куске бивня мамонта – материала исключительно редкого в мадлене Франции. Выпуклый череп и резкий изгиб между ним и горбатой спиной являются характерными чертами мамонта. Легко распознаются маленький глаз, длинный, опущенный и утончающийся книзу хобот, направленные вперед бивни, лохматая шерсть, переданная длинными штрихами. Поднятые вверх бивни придают

фигуре агрессивность и устремленность вперед, что очень отличает ее от спокойно стоящих мамонтов из Ла Марш (Lartet, Christy, 1865-1875B: 168, pl. XXIII).

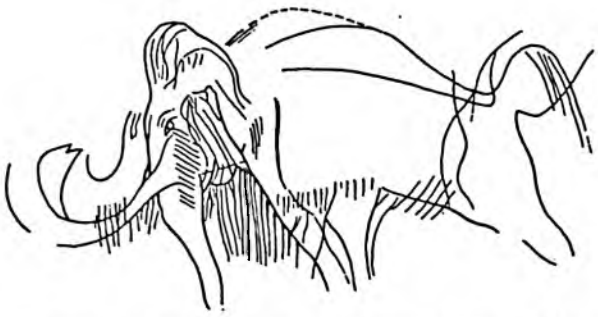

Рис. 174. Гравюра мамонта на обломке бивня. Ла Мадлен.

Следует упомянуть еще в числе оригинальных обломок крупного заполированного костяного кружка из **Раймонден** (рис. 175). Сохранились следы просверленного отверстия в центре и остатки гравюр на обоих фасах: на одном – голова мамонта с изогнутым хоботом, четко очерченным глазом и мелкими насечками в области лба; на другом – верхняя часть фигуры мамонта, нижняя часть утрачена изломом, т.е. голова и фигура на обоих фасах несомненно нанесенные одной рукой, находятся под углом 90° друг к другу. Этот кружок, как и гравюра мамонта на бивне из Ла Мадлен, исключителен не только для Дордони, но для всего палеолитического искусства Франции (Féaux, 1905: 87, 88, N 2091; Capitan et al., 1910: fig. 111; Reinach, 1913: 54, fig. 7).

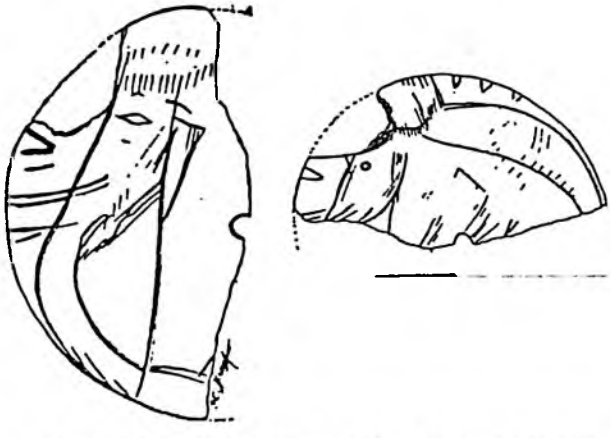

Рис. 175. Гравюры мамонта на обеих сторонах фрагмента костяного кружка. Раймонден.

Не менее исключительна и обширная серия изображений мамонта на камнях из **Ла Марш**. Помимо описанного выше блока, сочетающего фигуру мамонта с двумя мужскими фигурами, лошадью, медведем и бизоном (рис. 156), следует отметить парные фигуры мамонтов и сочетания их фигур с другими животными.

На конце крупной плитки известняка размерами 33x22x3-9 см, разбитой после нанесения гравюры, сохранилось частичное изображение двух мамонтов (рис. 176). Прежде всего, прослеживаются три глаза. Самый близкий к верхнему краю плитки не мог быть связан с какой-либо организованной фигурой. Два других, напротив, принадлежат двум мамонтам в левый профиль, от которых остались только передние части. Левая фигура представляет легкий набросок. Лоб следует заглаженному гребню грани камня несомненно намеренно. Позади предорбитальной выпуклости и схематичного орбитального контура расположен хорошо нарисованный округлый глаз. Падающий и затем изгибающийся к телу хобот указан только с внешней стороны. Правая фигура совершенно другой фактуры. Хотя она усечена изломом плитки, чувствуется, что черепной свод должен быть высоким. Предорбитальная лобная выпуклость выражена. Позади ее расположен очень красивый глаз. Маленькое глазное яблоко дублировано складками века и контурами, которые должны обозначать орбиту. Хобот дугообразно спускается вниз. Он изображен слегка ломаной линией между двумя бивнями и это сначала показалось Л. Палю анормальным, но наблюдение за слонами в Венсенском зоопарке убедило его в большой верности рисунка (Pales, 1989: obs. 77, pl. 75).

Рис. 176. Гравюры двух мамонтов на крупной плитке известняка. Ла Марш.

Две фигуры мамонтов нанесены на крупной плите или блоке размерами 62x67x7-13 см. В переплетении линий безнадежной тонкости и плотности Л. Палю все же удалось выявить с почти монашеским, по его выражению, терпением две фигуры в левый профиль, расположенные раздельно. Первая фигура обнаружена у нижнего края камня. Все ее контуры прорисованы, по меньшей мере, двумя, а иногда и до восьми параллельными, густо расположенными линиями, но единственным острием. Район головы запутанный; кажется, что он имел три контура черепа. Ниже нарисован внешний край изогнутого хобота, который мог быть общим с тремя контурами черепа. Нельзя сказать являются ли они простыми повторениями или указанием на различные положения или наложением друг на друга трех мамонтов, идущих в одном направлении, тело ближайшего маскирует тела двух других. Спина его, включающая круп – прямолинейная и заканчивается отставленным волосатым хвостом. Слегка вогнутая задняя часть – с двумя близко стоящими задними ногами, ступни которых закруглены. Довольно высоко расположенная линия живота, немного скошенная назад и вниз, подчеркнута десятью прерывистыми штрихами. Вертикально поставленные передние ноги разъединены и их подошвы также закруглены. Они длиннее задних, этому впечатлению помогает падение крупа. Правее этой фигуры в переплетении линий выделяются элементы головы другого мамонта. Она более предполагаемая, чем нарисованная, благодаря хорошо выраженному глазу позади неясно переданного лба, продолжение которого сначала прямолинейное, затем изогнутое назад, может быть внешним краем хобота. Изогнутый конец хобота прорезан двумя кривыми бивнями, которые являются наиболее определенными в этом образе (Pales, 1989: obs. 82, pl. 80,81).

Еще две фигуры мамонтов в левый профиль нанесены на плитке размерами 15x19.5x5 см. В центре плитки расположена фигура стоящего мамонта, который изображен бицефальным, или две фигуры мамонтов, стоящих рядом; круп одного маскирует другого. Более близкий из этих контуров не имеет макушки головы, отделенной от спины перегибом, как свойственно силуэту мамонта, а линия спины лишена горба. Он рисует соразмерный круп и вертикальную сильно подчеркнутую заднюю часть. Склоненная вниз голова обладает падающим довольно коротким хоботом. Маленький овал указывает на глаз, расположенный на своем месте. Бивней нет. Передняя нога очень крупная, столбообразная, начинается высоко на теле. Ни задних ног, ни живота не заметно. От второй фигуры, расположенной немного выше первой, сохранилась шишковатая голова, часть линии спины, короткий, направленный слегка вперед и вниз хобот. Заметен овальный глаз(Pales, 1989: obs. 89, pl. 91).

Мамонт – северный олень. Из соседнего с Ла Марш грота **Фадет** происходит фрагмент плитки размерами 4.5x11.8x0.6 см, на одной стороне которого сохранилась задняя часть мамонта, на другой – неполная фигура северного оленя. От мамонта остались 2/3 фигуры в правый профиль, передняя треть унесена изломом. Заметные особенности изображения включают высоко расположенную линию живота, лежащий на земле конец хобота, две задние и одну переднюю конечности с ногтями и закругленной подошвой, довольно толстый хвост, поднятый анормально высоко. Расположенное под хвостом прерывание линий может быть трактовано как анус или широко открытая вульва (Pales, 1989: obs. 81, pl. 79).

На другой стороне плитки изображен северный олень в левый профиль с сильным упитанным телом. Линия спины, дублированная короткими последовательными штрихами, извилистая: от выступающей лопатки идет седловина, переходящая в округлый круп, заканчивающийся коротким хвостом. Задние ноги согнуты, правая почти целая. Сохранилась часть живота, которая как и бедро густо заштрихована. Голова должна была быть красивой, судя по законченным рисункам глаза и левого уха. Виден острый конец правого уха. Рога детализированы и прекрасно вписываются в угол плакетки. Эта гравюра из Фадет ни в чем не уступает шедеврам из Ла Марш, может быть художники были одни и те же (Pales, 1989: obs. 60, pl. 49).

Одним из таких замечательных произведений является рисунок на крупной плите известняка из **Ла Марш** размерами 112x45x6-15 см, покрытый неправдоподобным сплетением линий, идущих во всех направлениях (рис. 177). В центре выделяются две фигуры противостоящих мамонтов, которые представлены, может быть, целиком, может быть частично, но патина и изношенность поверхности мешают это установить. Здесь несомненно представлена анималистическая сцена, основанная на противостоянии двух мамонтов в полный рост, правый достигает в высоту от макушки до подошвы 34 см. Видимо, и левый таких же размеров. Именно в этом центре и заключается главный смысл рисунка, гравюра и особенно правая фигура закончена и детализирована. Череп высокий, но не куполообразный, а уплощенный. Район шеи не седловидный, а представляет собой простое прямолинейное углубление, за которым следует слабо поднимающаяся спина и падающий круп, снабженный тонким хвостом. Задняя часть неразборчива, ноги, если они и были нарисованы, невозможно различить. Череп левой фигуры не закончен. Выраженная кривая с прямой вогнутостью образует ее задний контур. На полувысоте этой кривой прерывистая линия опускается. Здесь находятся концы двух вертикальных колонн, которые должны быть

неполными задними ногами. Вернувшись к правой фигуре видим прямой лоб, который продолжается предорбитальным выступом, выполненным несколькими линиями, частично перекрывающими лоб противостоящего мамонта. В орбитальном контуре мелкие, тщательно выполненные линии изображают глаз с его элементами. Глаз левой фигуры трактован в том же стиле. Хобот нарисован двойной, слабо выраженной кривой, его определенный конец представляет переднюю губу, более длинную, чем задняя. Контур края нижней челюсти отчетливый. Бивни почти прямые, укороченные, что свидетельствует в пользу молодого возраста изображенных животных. Хобот левой фигуры падает вертикально вниз и заканчивается неотчетливо. Для каждого животного наиболее четко выделяется передняя нога. Эта мощная, хорошо нарисованная колонна, опирающаяся на почву и выдерживающая вес тела. Заметно размещение ногтей, которые не разделены, за исключением, может быть, трактовки ноги у правой фигуры (Pales, 1989: obs. 87, pl. 87-89).

На теле левого мамонта, если оно существовало, размещается великолепное протоме северного оленя в левый профиль. Оно представлено на рисунке изолированно от фона. Голова точно гравирована. Контуры рта и ноздря четко показаны. Глаз, окруженный орбитальный контуром, с его округлым яблоком и зрачком скрупулезно изображен. Ухо отклонено назад. Шея вытянута вперед. Животное немного поднимает голову и отбрасывает рога назад. Хорошо видны имплантация рога и отростки с пальметкой, имеющей фестончатый передний край. Возможно, здесь изображены рога самца и само произведение в целом принадлежит анималисту большого таланта (Pales, 1989: obs. 54, pl. 42).

Левее оленя в левый нижний угол камня вписывается голова крупного кошачьего в левый профиль; гравер безусловно использовал для нее естественную форму основы: край камня образует верх головы и морду. Были использованы и естественные рельефы поверхности. Пасть полуоткрыта, но клыки не выделены. Подбородок имеет обычный выступ, определяемый как бородка. Глаз и ухо неразличимы. О фигуре этого зверя нельзя сказать ничего, кроме того, что на противоположном конце камня, особенно около нижнего края различаются большие косые или параллельные линии, которые могут изображать задние лапы (Pales, 1969: obs. 14, pl. 38).

В **Ла Марш** есть еще одно сочетание мамонта и льва. Оно нанесено на маленькой плакетке известняка размерами 10.2x7.3x1.4 см. Фигура мамонта представлена в правый профиль. Две параллельные вертикальные колонны изображают передние ноги. Падающий хобот продолжает линию черепа с уплощенным сводом. В основании хобота округлый контур представляет отчетливый глаз, но его позиция и его размеры анормальны, даже если речь идет об орбитальном контуре, а не о глазном яблоке. Горизонтальная линия спины понижается к крупу и затем теряется. На нижнем краю камня появляются задние конечности, немного смешанные с передней ногой животного, которое может быть отнесено к кошачьим. Оно представлено в левый профиль. Голова имеет прямоугольную форму. Маленький круглый глаз помещен позади прямолинейного лба, ведущего к криволинейному черепному своду. Длинный горизонтальный хребет простирается до правого края камня. Задняя часть смешана с линиями мамонта и должна быть отнесена к его задним ногам, которые косо вытянуты вперед. Одна из передних ног этого зверя поднята и тоже направлена вперед (Pales, 1989: obs. 86, pl. 86).

НОСОРОГ.

Изображения носорога очень редки и встречаются во Франции исключительно в гравюре. Наиболее полные и лучшие фигуры представлены на двух гальках из **Ла Коломбьер**, густо гравированных изображениями и других животных, наложенных одно на другое в пределах небольшого пространства. На одном из фасов известняковой гальки размерами 8.3x7.2x2.7 см, происходящей из слоя D раскопок М. Майе и Ж. Писсо нарисована фигура носорога в левый профиль с массивными коренастыми формами тела и короткими ногами, заканчивающимися трехпалой ступней (рис. 178). Толстая длинная

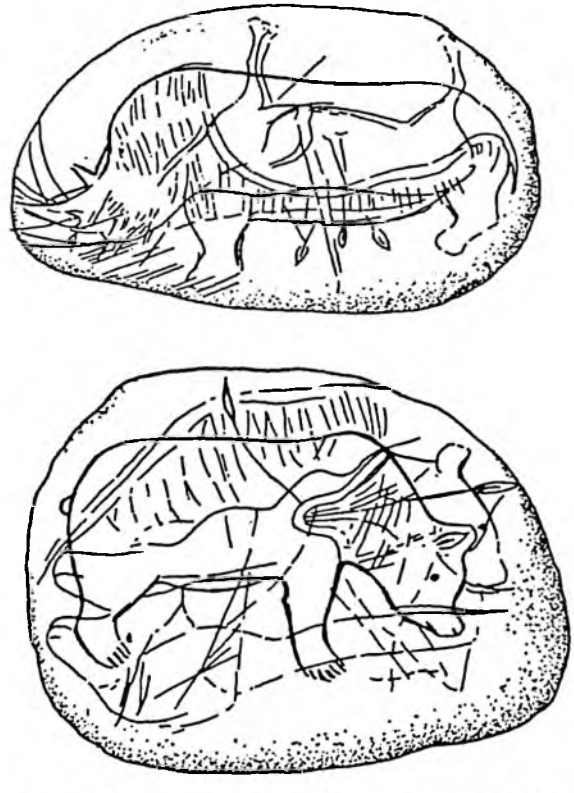

Рис. 178. Гравюры на двух сторонах гальки. Ла Коломбьер.

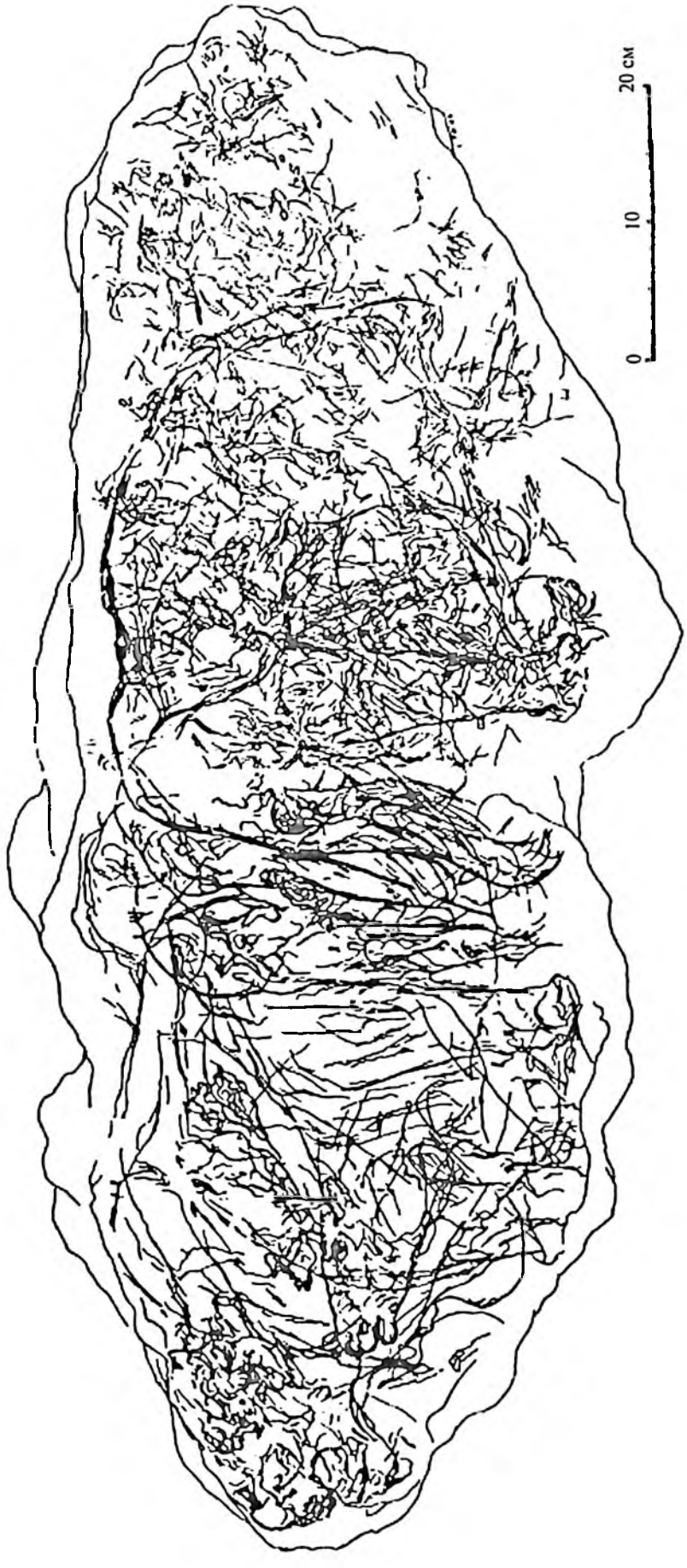

Рис. 177. Гравюры двух мамонтов, голов северного оленя и льва на крупной плитке известняка. Ла Марш.

шерсть гривы ниспадает на переднюю часть тела, более короткие штрихи покрывают низ живота. Большая голова с горбатой мордой несет два рога: маленький фронтальный и очень крупный изогнутый носовой. Серия косых линий с листовидным оперением пронзает живот. В направлении обратном этой фигуре нарисованы фигура горного козла или серны, а на другом фасе гальки – медведь, которого определяют как пещерный, и две перевернутые головы оленей или лошадей (Mayet, Pissot, 1915: 126, 128, fig. 56; Nougier, Robert, 1957a: 20, fig. 3; Sieveking, 1986/1987: fig. 6).

Бестиарий на другой гальке из Ла Коломбьер, найденной при раскопках Х. Мовиуса в 1948 г., еще более богат (рис. 179). Здесь также первое место занимает носорог по своему облику очень близкий предшествующему и также переданный в левый профиль. Задняя часть рисунка унесена изломом конца гальки. В передней части можно увидеть набросок второй головы носорога и контур передней части мамонта. На этой же стороне выделяются целая и две неполные фигуры лошади, фигура северного оленя, голова кошачьего и возможная голова антропоморфа. На другой стороне гальки изображены великолепный жеребец, северный олень, горный козел, медведь, а также неполные контуры оленя и бизона (Movius, Judson, 1956).

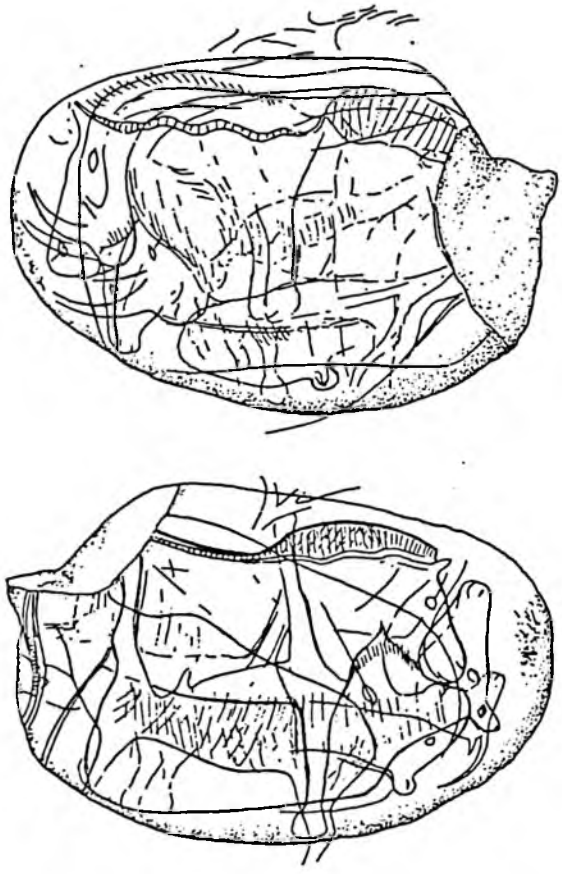

Рис. 179. Гравюры на двух сторонах гальки. Ла Коломбьер.

Оставив в стороне единичные изолированные гравюры носорога, упомянем рисунок на сланцевой плитке, найденной Леоном Нелли в гроте Эспелюг (Лурд). Среди переплетения глубоко врезанных линий выделяются две головы: правая напоминает волка, левая не оставляет сомнений, что она принадлежит носорогу с двумя рогами (Capitan et al., 1910: 149, fig. 117).

БЫК/БИЗОН.

В мадленское время намечаются два центра распространения изображений быка/бизона в южной половине Франции: пиренейская зона (с которой связана кантабрийская зона Испании) и Дордонь. В первом центре выделяются Атлантические Пиренеи с такой уникальной стоянкой как Истюриц, Верхние Пиренеи, Арьеж с пещерами р. Вольп, Ла Ваш, Мас д'Азиль, Бедейяк, Лабуиш. К этим районам с севера примыкают единичные пункты: Брассампуй (Ланды), Гурдан (Верхняя Гаронна), Газель (Од). Вокруг второго центра – Дордони с ее гротами и навесами Ла Мадлен, Ложери-Бас, Лимёй и др. концентрируются с запада Абри Морен (Жиронда), Плакар и Монгодье (Шаранта), несколько севернее Ла Марш (Вьенна), Пюи-де-Лакам (Коррез). Промежуточное положение между двумя центрами занимают единичные памятники в Брюникель (Тарн-и-Гаронна), на севере Сен-Марсель (Эндр), на востоке Гут-Роффа (Луара) и Арле (Юра). На остальной территории Франции изображений быка/бизона в искусстве малых форм найти в литературе не удалось.

В мадлене применялись различные материалы и различные техники. Распространение их обнаруживает специфические черты тех памятников и тех областей, где изображения бизонов встречены в сериях.

Редкая скульптура из рога северного оленя отмечена лишь в отдельных стоянках Дордони и Арьежа. Это, главным образом, навершия копьеметалок и просверленных жезлов. Среди них такие шедевры палеолитического искусства как «бизон, облизывающий бок» из нижнего слоя **Ла Мадлен**. Скульптор сначала вырезал тело животного и, не имея достаточно материала для изображения головы, передал ее в легком рельефе, повернув на тело (Capitan, Peyrony, 1928: fig. 25). Не менее замечательна уплощенная скульптура быка с отбитой головой и частью передних ног из **Мас д'Азиль** (рис. 180; Piette, 1907: pl. LXV, 6). Из **Ложери-Бас** происходит навершие в виде двух соединенных голов бизона (рис. 181; там же: pl. VI, 1), а в **Мас д'Азиль** найден другой предмет изощренного овладения материалом для передачи желаемого сюжета: фрагмент копьеметалки украшен скульптурой, точнее соединением двух барельефов выразительной головы бизона и лежащими под нею передними ногами (рис. 182; там же: pl. LXV, 2, 2a).

Любопытно, что геометрический декор на этих скульптурах, передающий шерсть, почти идентичен. Он представлен и на каменной скульптуре из Энлен (Clottes, 1989б: 311, fig. 15).

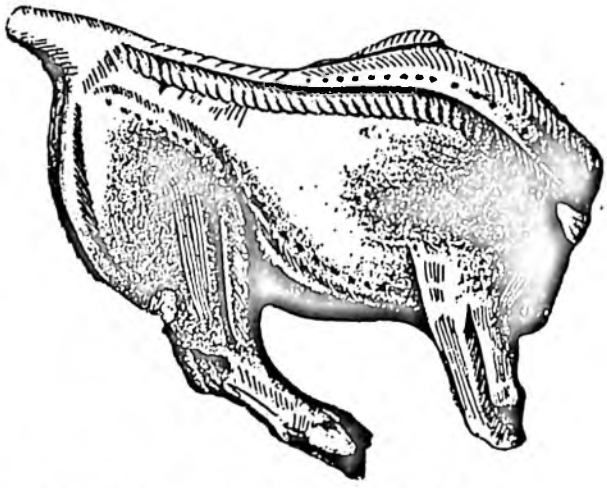

Рис. 180. Скульптура быка из рога. Мас д'Азиль.

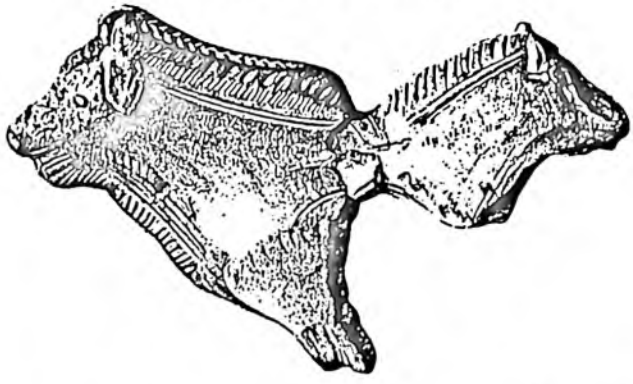

Рис. 181. Скульптура: две головы бизонов – навершие копьесметалки. Ложери-Бас.

Рис. 182. Скульптура: голова бизона – навершие копьесметалки. Мас д'Азиль.

В **Истюриц** найден обломок жезла с головой бизона в технике champlevé: форма и природа материала диктуют условия передачи образа (Saint-Périer 1930: 107-108, pl. XI, 2, 2a). Профили бизонов в этой технике на цилиндрической основе известны из мадленских коллекций **Эспелюг, Брюникель, Ложери-Бас.**

Большой интерес представляет изображение фигуры бизона в технике contour découpé, т. е. вырезанной по контуру из плоской кости. Если обычно предметы этой техники ограничивались лишь головами животных малых размеров, то целая фигура из Истюриц имеет в длину 22.75 см. Согнутые ноги, передняя часть тела вытянутая в положении полулежащей, глаз в легком рельефе, рот, ноздри – т.е. все детали, выгравированные на одном или другом фасе переданы реалистически. К ним добавляются геометрические элементы, линия спины подчеркнута серией шевронов, заключенных между двумя линиями. Подобный рисунок украшает и подгрудок, от него идут длинные параллельные линии, по всей видимости, изображающие бороду (Passemard, 1922: 34, 35, fig. 31; 1944: 55, 56, pl. XXXIV; Mons, 1986/1987: 95, pl. II, 17).

Наиболее многочисленны воспроизведения бизона в технике гравюры, часто достигающие значительного совершенства. Они выполнены на обычных традиционных основах из различных материалов, в том числе и на орудиях. К уникальным основам может быть отнесен целый гарпун длиной 14.1 см с двумя рядами зубцов из **Абри Морен**, слой AIII. На лицевой стороне проксимальной части изображен бык в левый профиль с головой, направленной к дистальному концу. Морда продолговатая и закругленная, направленные вперед рога даны в перспективе. Глубокими линиями нарисованы шея, загривок, слегка седловидная спина, грудь и живот. Хвост длинный и падающий. Изображены все четыре, хотя и незаконченные ноги. На загривке и на груди видны два легких шеврона, возможно, представляющие метательные наконечники. Форма головы и рогов позволяют отнести это животное к первобытному быку (Deffarge et al., 1975: 30, fig. 26, 1). По силуэту и позе оно близко напоминает корову с теленком из Мас д'Азиль, которая также имеет шевроны на плече.

Следует сказать, что сюжет самки с малышом наиболее отчетливо представлен именно в группе гравюр подсемейства бычьих. В том же слое **Абри Морен** найден фрагмент костяной пластинки длиной 4.7 см, шириной 2 см, являющейся обломком лощила (рис. 183). Сохранились фигуры двух

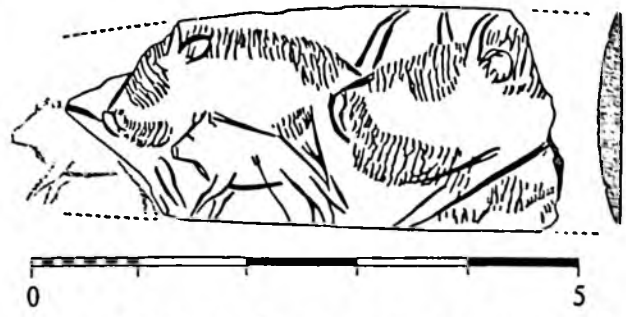

Рис. 183. Гравюра бизонов на фрагменте лощила. Абри Морен.

взрослых бизонов, следующих один за другим в левый профиль. Первая фигура видна лишь частично, поскольку она перекрыта маленькой фигурой и головой второго животного, от которого из-за излома

сохранилась только часть. Рисунки бизонов переданы техникой, соединяющей линии и штриховку, благодаря чему создается впечатление мохнатой шерсти, покрывающей тела животных. Любопытно, что на малыше, расположенном на первом плане, нет штриховки (там же: 30, fig. 27).

Из **Мас д'Азиль** происходят два предмета с сюжетом самки и малыша. Первый – это фрагмент ребра размерами 8.1x2.6 см, также служившего лощилом. Изображены корова и теленок в левый профиль. Это первое определение было сделано Э. Пьеттом, который обозначил основу как фрагмент рога северного оленя, обработанный в виде лопаточки (Piette, 1907: pl. LXIX, 1). А. Брейль отнес фигуру коровы к виду Bos primigenius или taurus, выполненную на костяной пластинке (Capitan et al., 1910: 198, fig. 187, 3) и лишь М. Шолло подвела итог (Chollot, 1964: N 47 358). Второй предмет – костяной кружок с отверстием в центре, на каждом фасе которого выгравированы животные в левый профиль. Более крупное считается изображением коровы, представленной только передней частью, отсутствует и конец ноги, для которого не хватило места. Замечательный по своим пропорциям силуэт выполнен твердой линией без повторений. Животное на другом фасе представлено целиком и бесспорно является фигурой теленка (Péquart, 1962: 232, fig. 149, 3). Менее убедительна подобная трактовка для двух довольно неумелых рисунков на костяном отщепе размерами 10x4.5 см из **Брассампуй** (Delporte, 1980: 70; Chollot, 1964: N 47 320).

Любопытно отметить, что быки редко изображались в виде вереницы, которая обычна для лошадей и оленей. Можно упомянуть лишь крупный фрагмент ребра из **Абри Меж** (Тейжат) с тремя фигурами бизонов в левый профиль, две из них передают пропорции современных бизонов с умеренным горбом и короткими рогами; третий рисунок небрежный и деформированный, кажется, отягощен образом хищника. В отношении дефиле голов можно привести пример из **Ла Ваш**, лощило из длинного и тонкого ребра жвачного размерами 21.2x3.6 см, толщиной 1.2-1.5 см. Оба конца обломаны. На одном фасе представлены две замечательные головы бизонов в левый профиль, расположенные по горизонтали. Характерные черты переданы линией исключительной твердости и уверенности. На другом фасе две головы бизонов – той же фактуры и также в левый профиль (Nougier, Robert, 1976a: 31-41, fig. I-VI).

Что касается каменной основы, то немногие скульптуры, главным образом, из **Истюриц** довольно посредственны в отличие от барельефов из того же памятника. Отметим найденный в Зале Сен-Мартен блок песчаника, на котором вырезана в рельефе фигура бизона в правый профиль с опущенной головой. Контур отделен от фона. В целом, деталей немного, голова достаточно хорошо трактована, рога переданы эскизно, глаз объемный. Круп и задние ноги изображены суммарно, хвост отсутствует. Передние ноги выполнены четко, одна из них выставлена вперед. Это движение, соединенное с положением головы, кажется соответствующим позе бизона, который роет землю перед нападением – жест обычный для всех бычьих (Saint-Périer, 1930: 106, 107, fig. 91, pl. X, 6). В слое Е Большого Зала найден блок розового песчаника, на котором изображен в барельефе бизон в правый профиль, контур спины и крупа которого совпадает с контуром камня. На теле бизона выгравирована маленькая фигура другого бизона (Passemard, 1944: 54, pl XXXI, 1). Великолепны и гравировки бизонов из этого памятника, как, например, готовый к прыжку бизон, все тело которого усеяно стрелами (Saint-Périer, 1930: 89-91, fig. 73-75; Mons, 1986/1987: 97, t. II, 20).

В эталонной стоянке **Ла Марш** оказалось 13 изображений быков/бизонов на 12 камнях (один из камней имеет по фигуре на каждой стороне). Это 6 голов, 2 протоме, 4 фигуры в полный рост, 1 конечность. Наиболее сложны «композитные» образы, как фигура в правый профиль, нанесенная на крупную плиту размерами 31x58.5x15 см (рис. 184). Л. Паль отмечает, что эта фигура представляет в некотором роде переход между Equidés и Bovinés: на массивной бычьей шее покоится лошадиная голова. Шея соответствует тяжести передней половины тела и некоторыми чертами это животное напоминает быка из Тру де Шалё в Бельгии (Pales, 1981: obs. 66, pl. 84-86). На другой большой плите из Ла Марш размерами 50x63.5x8-19 представлена фигура в левый профиль тяжелых форм с массивной шеей. О голове нельзя с уверенностью сказать лошадиная она или бычья, тем более что она увенчана рогами оленя. Видимо, речь идет об еще более слитном образе, чем предыдущий. Особо следует отметить, на том же фасе три человеческие головы также в левый профиль (там же: obs. 67, pl. 87 вверху). Еще на одной плите голова животного в левый профиль, четко вырезанная, но не полная из-за излома камня, может быть в равной степени головой быка или оленя, тем не менее, Л. Паль помещает ее среди быков. На той же плите нанесены две человеческие головы, фигура женщины в полный рост и фигура медведя (там же:obs. 68, pl. 87 внизу), т.е. сюжет еще более усложняется. На одном из фасов четвертой плиты из сложного переплетения линий выделяются две задние ноги лошади и прекрасная детально проработанная голова бизона в левый профиль (там же: obs. 75, pl. 95, 96). Других связей бык/бизон Ла Марш не имеет, за исключением одной плитки, где бизон представлен вместе с мужской фигурой, мамонтом, лоша-

дью и медведем, но на противоположной стороне. Выше упоминались сочетания этих животных с человеком как косвенные (Истюриц), так и прямые (Ложери-Бас, Энлен, Лабастид, Раймонден, Шато дез Эйзи, Курбе). Сочетание бизона и мамонта отсутствует. Пара бизон – лошадь не столь многочисленна и впечатляюща, как можно было бы судить по монументальному искусству.

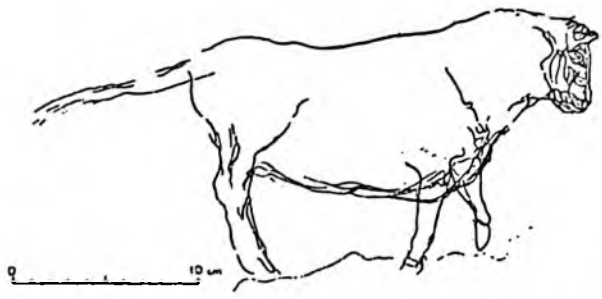

Рис. 184. Гравюра «композитного» бизона на крупной плите известняка. Ла Марш.

Бизон/бык – лошадь. Сосуществование быка и лошади может быть представлено как на одном фасе основы, так и на обоих. В качестве примеров первого может быть упомянут фрагмент плоской кости размерами 12.5x5.5 см из **Брассампуй**, на котором среди переплетения линий различаются голова и шея лошади в левый профиль. Здесь же расположено изображение быка, которого Э. Пьетт считал лошадью (Piette, La Porterie, 1898: 541, fig. 18; Chollot, 1964: N 48 725D; Delporte, 1980: 69). На фрагменте тонкой пластинки-лопаточки из ребра, найденной в **Ложери-Бас**, сохранилась небольшая задняя часть быка, за которой следует почти целая фигура быка и затем голова лошади (Cartailhac, Breuil, 1907: 29, fig. 11b). На обломке кости из **Абри де Шато** нанесено несколько силуэтов лошадей и фигура быка (Cartailhac, 1903б: 147, fig. 50).

К изображениям на разных фасах относится фрагмент кости крупной птицы из **Монтастрюк**. Он имеет размеры 6.75x0.8x0.6 см, обломан с обоих концов и расколот вдоль. На поверхности уцелевшей стороны выгравированы серия шевронов и неполная фигура лошади в правый профиль, представленная линией спины, головой и гривой. На поверхности другой стороны имеется справа часть (голова и туловище) большой лошади в левый профиль и слева бизон в правый профиль. Эти противостоящие фигуры повреждены расщеплением кости, но учитывая малые размеры площади, пригодной для декорации, они тщательно выгравированы. Изображенный здесь бизон является единственным случаем использования этого животного для декорации кости или рога в Монтастрюк, хотя есть несколько примеров гравюр на каменных плакетках. Ассоциация лошадей и бизона оказалась на жезле из **Лафай**: животные расположены спина к спине, но этот случай уникален для района. Бизон не был нарисован ни в Курбе, ни в серии мадлена VI из Ла Мадлен и пример из Монтастрюк принадлежит стилистически к серии более раннего мадлена IV (Sieveking, 1987: 627, pl. 85). В **Истюриц** найдена половина костяного кружка, на одном фасе которого сохранилась голова и передняя нога бизона, на другом – протоме лошади (Saint-Périer, 1930: 95, fig. 78). Из **Эспелюг** происходит фрагмент рога северного оленя с гравировкой на одной стороне двух голов быка, расположенных по вертикали, и на другой стороне две задние части лошадей (Piette, 1907: pl. XXXII, 1, 1a). В **Абри Морен** на обломке лопатки размерами 12.8x6.4 см, гравированном с двух сторон, на плоском фасе представлена фигура лошади в правый профиль: короткая голова с крупной мордой, толстая шея, прямая спина, падающий круп, толстый длинный развевающийся хвост. Незаконченные ноги с трудом выделяются среди вторичных линий. Это касается и контура живота. На гребне с одного края видна фигура быка, с другого края – задняя часть лошади с широким падающим хвостом. Остальная часть фигуры уничтожена изломом (Deffarge et al., 1975: 10, fig. 5, 1).

Рис. 185. Гравюра: две фигуры бизонов. Истюриц, Зал Сен-Мартен.

Из рисунков на каменной основе особенно интересны представленные на двух сторонах плитки розового песчаника из **Истюриц**. На одной стороне почти всю плоскость плитки занимает фигура бизона в левый профиль, гравированная широкой уверенной линией (рис. 185). Животное кажется лежащим с головой поднятой в энергичном движении. Вторая фигура бизона нарисована в обратном направлении, т.е. в правый профиль, она меньших размеров и вписывается в первую. Почти все тело усеяно изображениями стрел. Здесь же представлена и меньшая фигура лошади. На другом фасе плитки выгравирована легкой линией голова и глубокой линией контур спины бизона. Выделяются и стреловидные знаки (Saint-Périer, 1930: 89-91, fig. 73-75). В **Мас д'Азиль** на одном фасе маленькой продолговатой гальки размерами 5.3x1.1 см нарисована в правый профиль фигура быка, ближе не определенного, на другом – фигура лошади также

в правый профиль (Chollot, 1964; N 47 162). Окатанная галька из **Монтастрюк** с рисунками на двух сторонах имеет размеры 13x11x2 см. На лицевой стороне представлена почти целая фигура лошади в левый профиль, перекрытая быком также в левый профиль. На обратной стороне изображена лошадь в правый профиль, голова которой теперь стерта. Эта пропорциональная и упрощенная лошадь типична для мадлена IV (Sieveking, 1987: N 686, pl. 110). По мнению Л. Капитана и др., бык представляет собой Bos primigenius (Capitan et al., 1910: fig. 188, 1).

Бык – лошадь – лев. На фрагменте длинной кости травоядного размерами 13x2 см из **Ложери-Бас** с лицевой стороны нанесены одна над другой две головы животных: льва и быка, с внутренней стороны – две головы в противоположном направлении. Одна принадлежит лошади с очень толстой мордой, вторая, имеющая заостренную морду, неопределима (Chollot, 1964: N 47 148).

Бизон – лошадь – медведь. На плитке длиной 17 см из **Эспелюг** вместе с фигурами бизона и лошади отмечена голова медведя с плоским лбом, очень маленьким глазом и тонкой ноздрей (Capitan, Breuil, Peyrony, 1924: 132, fig. 11, 6).

Бык/бизон – олень. Среди сочетаний бизона с другими животными имеется уникальный пример применения для этого двух техник. В нижнем слое **Ла Мадлен** найдена скульптура бизона из рога северного оленя, на теле которого выгравирована перевернутая фигура северного оленя (Capitan, Peyrony, 1928: 51, fig. 27).

В гроте **Бланшар** (Ла Гаренн, Сен-Марсель) найден обломок крупного рога северного оленя, разбитого современными вандалами и восстановленного насколько было возможно, из более чем 200 фрагментов. На выпуклом фасе прорисована фигура бизона, одна из самых крупных на костяной основе. На вогнутом фасе различаются три фигуры животных, отнесенные к семейству оленьих. У Ж. Аллена нет никаких сомнений, что гравировки на обоих фасах сделаны одной рукой (Allain, 1968: t. II).

Из рисунков на каменной основе следует отметить сланцевую плакетку из **Ложери-Бас** с классической гравюрой, названной «битвой северных оленей», хотя на самом деле, по мнению А. Брейля, ни о какой битве на может быть и речи. Из случайного переплетения линий могут быть выделены самец, следующий за самкой и другие фигуры. На обратной стороне плакетки представлена фигура бизона в правый профиль длиной 12 см (Cartailhac, Breuil, 1907: 24-27, fig. 10 и 16). В верхнем слое **Ла Мадлен** на каменной плитке фигура северного оленя, переданного в движении в левый профиль, перекрывается другой менее отчетливой фигурой, у которой видна голова с рогами, направленными вперед. Предполагается, что она изображает первобытного быка (Capitan, Peyrony, 1928: 111, pl. XV, 1). В **Лимёй** плакетка слоистого известняка несет легкие эскизы взрослого оленя и детеныша на фоне головы быка. Все три изображения нанесены в правый профиль (Capitan, Bouyssonie, 1924: pl. XVI, 62). В **Гурдан** на плитке сланца размерами 11.0x10.8 см голова бизона с очень толстой шеей перекрыта головой оленя, поднятой вверх, рога слабо развиты. Э. Пьетт относит оленя к северному (Piette, 1904: fig. 39), за ним следуют и другие авторы (Capitan et al., 1910: 192, fig. 174), но М. Шолло считает его благородным (Chollot, 1964: N 47 264).

Бык/бизон – горный козел. На фрагменте ребра длиной 19.8 см из **Ла Ваш** один конец которого обработан в виде лопаточки, представлены фигура очень красивого быка и голова горного козла. Различная манера их исполнения заставила А. Дельпорта придти к заключению об их «случайной ассоциации» (Delporte, 1975: 126, fig. 5).

На плитке сланца из **Ложери-Бас** смешаны силуэты бизона, горного козла, представленного только его рогами, и – северного оленя с неразвитыми рогами или бизона с рогами, направленными назад и слабо изогнутыми (Bourlon-Breuil, 1916: 17, fig. 12).

Бизон – пиренейская серна сочетаются на упомянутой выше (человек – бык/бизон) плакетке из **Лабастид** (Clottes, 1989б: fig. 20; см. также Simonnet, 1984: 535; 1990: fig. 13).

Бык/бизон – лев. На фрагменте лопатки размерами 11x4 см из **Мас д'Азиль** нарисован на одном фасе возможный лев в правый профиль и задняя часть быка. На другом фасе видна задняя часть другого четвероногого (Chollot, 1964: N 48 684).

Бык – медведь. В гроте **Газель** найдена галька зеленокаменной породы, на одной стороне которой изображена небольшая фигура первобытного быка в левый профиль, на другой стороне – занимающая почти все пространство фигура медведя также в левый профиль (Sacchi, 1984: 30-31).

Бизон – волк. На фрагменте кости размерами 5x2.1 см из **Фонталес** представлена, кроме бизона, ставшего ацефальным из-за излома кости, голова хищника, несомненно, по убеждению авторов, волка, согласно очень развитому орбитальному выступу около продолговатого глаза и другим признакам (Lorblanchet, Welté, 1990: 53, fig. 21, 6).

ЛОШАДЬ.

Изображения лошади не только наиболее многочисленны в мадленском искусстве малых форм, изготовлены в различных материалах и техниках, но и наиболее художественны и впечатляющи. Они дают наибольшее число сочетаний с другими видами в гравюре. Перед тем как приступить к этой основной теме, приведем в качестве приме-

ров несколько истинных шедевров изолированных изображений в скульптуре, барельефе и технике contour découpé.

Из **Эспелюг** (Лурд) происходит почти целая статуэтка, вырезанная из бивня (рис. 186). Передняя часть куска бивня была слишком узкой, чтобы мастер мог изготовить голову, пропорциональную телу. Выделены длинные и заостренные уши, поднятая грива. Хвост короткий, возможно, по причине излома. Ноги сдвоены, обломаны, передние больше, чем задние. Правая сторона кажется законченной, она покрыта многочисленными рядами мелких нарезок, передающих шерсть (Piette, 1907: pl. XI).

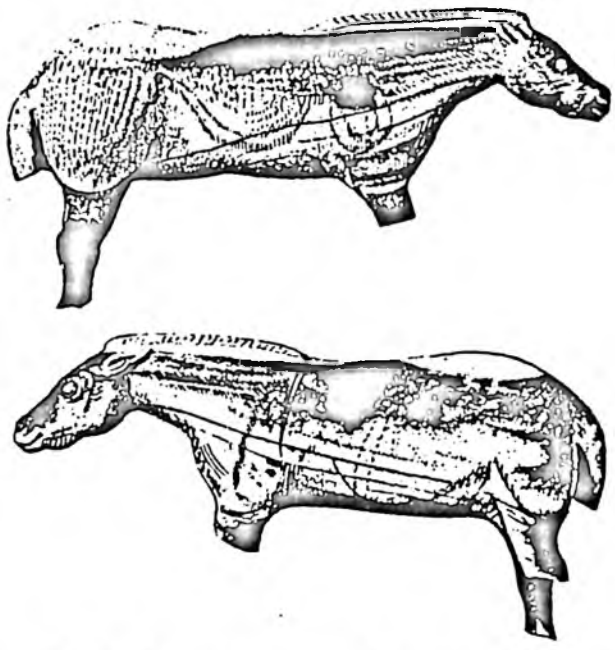

Рис. 186. Статуэтка лошади из бивня мамонта. Эспелюг.

Знаменитая «прыгающая лошадь» из **Монтастрюк** (Брюникель) изготовлена из стержня рога северного оленя с отверстием в основании. Другой конец заканчивается объемной фигурой лошади в положении прыжка: передние ноги согнуты под грудью, задние вытянуты вдоль стержня и вырезаны в полурельефе. Изображены различные детали: глаза, уши и ноздри на голове; грива, хвост, копыта, шерсть на теле. Этот предмет долгое время относился к копьеметалкам, что, по определению знатока копьеметалок П. Катлена, кажется ошибочным, поскольку изделие лишено приспособления, предназначенного для опоры рукоятки копья (Cattelain, 1988).

В **Мас д'Азиль** просверленный жезл из рога северного оленя имеет необычное украшение в виде протоме лошади, которое было вырезано из пальметки рога, заканчивающей стержень и затем гравировано с двух сторон. В художественном отношении выполнение головы с поднятыми ушами и стилизованной гривой совершенно замечательно, в нем заключено и мастерство рисунка и правдивость и выразительность скульптурных воплощений лошадей античных памятников (Péquart, 1962: 290-292, fig. 199-203, pl. XXIV). В той же пещере найдена и голова «ржущей» лошади из рога северного оленя, возможное навершие копьеметалки или просверленного жезла, размерами 5.4x2.9x1.1 см (рис. 187). Она удивительна по своей жизненности, несмотря на то, что использована лишь одна – внешняя сторона рога. Внутренняя ткань рога не позволила обработать другую сторону. Этот барельеф – один из самых известных шедевров и обычно воспроизводится в публикациях с большим увеличением, отчетливо передающим движение рта, ноздри, выразительный глаз. Борода, грива, расположение шерсти переданы разнообразными нарезками (Piette, 1907: pl. LXV).

Рис. 187. Скульптура головы лошади из рога. Мас д'Азиль.

Большим разнообразием отмечается исполнение голов лошадей, вырезанных по контуру из подъязычных костей лошади и детально гравированных на обеих сторонах. Они особенно хорошо представлены в Истюриц (рис. 188), **Мас д'Азиль** и Эспалюнг (Сен-Мишель д'Арюди). Среди находок из Мас д'Азиль (Piette, 1907: pl. LXI, 1-1a, 3-3a, 6-6a, 7-7a) выделяется оригинальное изделие из пластинки бивня с изображением двух противостоящих голов лошадей в технике semi-contours découpés (Chollot, 1964: N 47205).

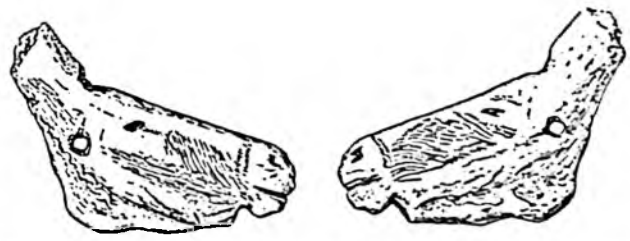

Рис. 188. Контуры головы лошади, вырезанной из подъязычной кости лошади. Истюриц, Зал Сен-Мартен.

Широко известны скульптурные фигуры и головы лошадей, вырезанные из различных пород камня, иногда представленных сериями как в **Истюриц**, но не имеющих выдающегося художественного значения (рис. 189; Mons, 1986), в отличие от изображений лошади в **Дюрюти**, где найдены статуэтка из песчаника, необычно больших размеров (26.3x19.9x5.0 см) и замечательного исполнения, а

также головка лошади – подвеска из мраморовидного известняка (рис. 190; Arambourou, 1962: 464, fig. 4; 1976a: 23, fig. 5).

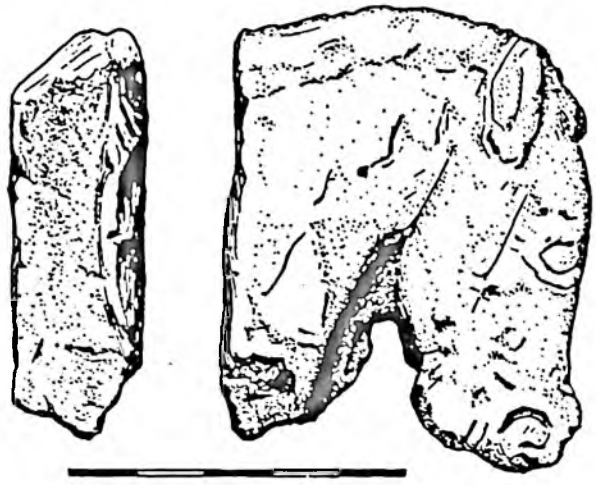

Рис. 189. Скульптура головы лошади из песчаника. Истюриц, Зал Сен-Мартен.

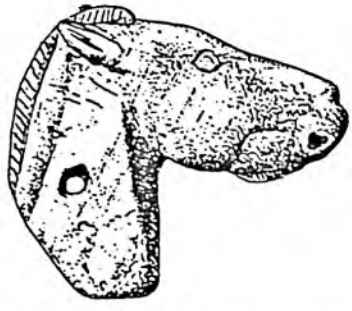

Рис. 190. Скульптура головы лошади из камня. Дюрюти.

Исключительно велика серия барельефов и гравюр лошадей на различных основах. В качестве примера приведем коллекцию просверленных жезлов из рога северного оленя, происходящих из **Ла Мадлен** и хранящихся в Британском Музее. Один почти целый жезл размерами 29.1x2.4x1.2 см, т.е. овальный в сечении, обломанный на концах, имеет два отверстия, одно из них на изгибе рога повреждено (рис. 191). Ствол декорирован на обеих поверхностях фигурами лошадей в левый профиль, на одной стороне направленных к отверстию, на другой стороне – от отверстия. На одной стороне фигуры глубоко вырезаны, головы преувеличены, гривы переданы в виде выступа. У самца, следующего за самкой, длинная черта пересекающая грудь, возможно, является изображением дротика. Вторая пара существенно отличается своими вытянутыми пропорциями. Первая фигура неполная, у нее отсутствует задняя часть, другая фигура не закончена. Любопытно, что форма ее хвоста полностью совпадает с изображением хвоста у самца первой пары (Sieveking, 1987: 308, pl. 20 и 21). А. Сивкинг замечает, что многие из гравированных лошадей в Ла Мадлен показывают преувеличенные головы и гривы, но толстые морды, нарисованные на этом жезле, и хвосты, оканчивающиеся кисточкой, менее обычны (там же: 20).

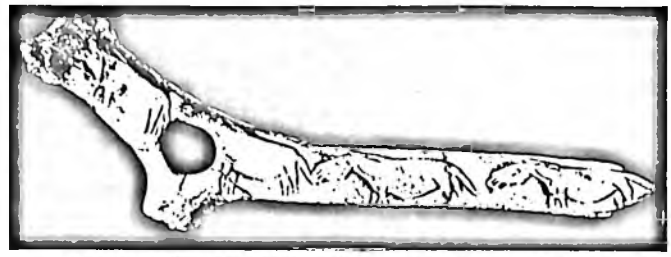

Рис. 191. Гравюры лошадей на просверленном жезле. Ла Мадлен.

Опишем ряд гравюр на различных основах и, в первую очередь, на таком редком для этого региона материале как бивень мамонта. В **Гурдан** найден маленький фрагмент бивня размерами 5x3 см с двумя противостоящими головами лошадей, как бы обнюхивающих друг друга. Длинные штрихи передают гривы и бороды (Piette, 1907: pl. LXXIII; Chollot, 1964: N 48 603).

Наиболее часто встречаются одиночные фигуры, но имеются и вереницы. Так, например, в слое AIV **Абри Морен** найдена проксимальная часть наконечника из рога северного оленя, длиной 13.7 см и шириной 1 см. Каждый плоский фас гравирован в легком шамплеве вереницей из 4-х лошадей в левый профиль на одном и 4-х в правый профиль на другом. Во главе вереницы представлен хвост у первой, хвост и круп у второй. Длина фигур: 1 – 2.2 см, 2 – 2.5 см, 3 – 3 см, 4 –2.5 см. Лошадь во главе отчетливо отделена от хвоста фрагментированной, которая ей предшествует, и еще более от головы лошади, которая за ней следует; напротив, нос третьей лошади касается хвоста второй и ее хвост слегка прорезается носом четвертой. Все лошади изображены аналогичным способом: непрерывная линия рисует контур, со слегка седловидной спиной и тонким вытянутым хвостом с пучком на конце. Продолговатая голова имеет плоский лоб и округлую морду. Длинная линия отмечает рот. Глаз указан черточкой или двумя. Ганаш выпуклый. На шее косая маленькая линия ограничивает гриву. Незаконченные ноги переданы попарно. Они изображены в положении хода: передняя вытянута вперед, задняя – назад. Живот слегка вздутый, бедро расширено. У третьей и четвертой лошадей, косая линия, идущая от бедра, отделяет живот от бока. У второй вереницы длина фигур: 1 – 2.7 см, 2 – 2.5 см, 3 – 2.6 см, 4 – 2.8 см. За исключением последней лошади, вытянутый хвост которой полностью виден и изображен двумя линиями, хвосты частично скрыты головами и нарисованы одной линией. Эта вереница менее реалистична, чем предшествующая, морды более условны, ганаш менее отчетлив, линия рта смещена. Деградация фактуры указывает, возможно, на то, что вторая вереница была нарисована позже первой и выпол-

нена с меньшим вниманием (Deffarge et al., 1975: 13, fig. 8 и 9).

Обломок ребра из **Ложери-Бас** гравирован на обеих сторонах: на одной представлена почти целая лошадь в левый профиль. Голова с мордой, переходящей на другой фас, короткая и очень толстая, сильно бородатая, с большим глазом. Линия спины – вогнутая, совпадает с краем ребра, часть тела заштрихована. Хвост довольно длинный, но не лохматый. Он перекрывает голову лошади, также в левый профиль, с теми же характерными чертами. На другом фасе различаются 4 головы или части голов, также массивные и короткие. Они сгруппированы парами, 2 более красивые вместе, но повернутые направо и налево; две другие ориентированы направо и сведены к ушам, лбу и глазу (Maury, 1914a: fig. 3, 2, 3; Breuil, 1935: 94, 97, fig. 5, 2).

Из **Лез Эйзи** происходит фрагментированная заполированная костяная пластина, просверленная на одном конце и сломанная на другом. Она естественно была разбита при дроблении брекчии и много мелких фрагментов было утрачено. В общей сложности пластина могла иметь длину около 32 см. Эта прямая baguette слишком толстая, чтобы быть извлеченной из расколотой метаподии северного оленя, могла принадлежать метаподии лошади или бизона. Оба края предмета были усечены ровным изломом перед нанесением декора. Следовательно, это не предмет вооружения или орудие, предназначенное для какой-то работы, а возможный охотничий амулет. Оба тщательно заполированных фаса гравированы: на одном две фигуры лошадей в левый профиль и небольшая часть третьей, на другом фасе – также в левый профиль одна целая, за которой следует вторая, представленная из-за отсутствия места только передней половиной. Лошади нарисованы с довольно коротким телом, круглым крупом и длинным хвостом. Из-за недостатка места ноги изображены только в верхней части. Голова большая и широкая с толстой мордой, выступающей ноздрей, маленьким глазом, высоко помещенном около короткого уха. По фактуре и характеру, так же как и по их расположению en file, эти изображения сближаются с многочисленными другими гравированными рисунками мадлена VI. Известно, что в эту эпоху в Дордони, наряду с глубоко вырезанными фигурами и даже с рельефами на предметах из рога северного оленя, существуют гравюры, выполненные очень тщательно (Breuil, 1931: 9, 10, fig. 1 и 2).

Упомянем еще грот **Арпон в Леспюг**. Из слоя B происходит фрагмент ребра, тщательно заполированный на двух фасах. На одном нанесен правый профиль лошади, впереди которой виден конец хвоста другого животного, унесенного изломом кости. Под головой лошади видна голова и шея другого животного меньших размеров. Это подсказало Р. де Сен-Перье мысль, что здесь хотели изобразить кобылу и жеребенка. На противоположном фасе представлены 2 фигуры лошадей с взъерошенной гривой в правый профиль (Saint-Périer, 1920: 226, fig. 6).

Приведем несколько примеров изображений лошадей на каменной основе. Из грота **Лез Эйзи** происходит плакетка сланца размерами 10.7x5.1x1.0 см с отбитым правым краем. Гравирована лишь на лицевой стороне (рис. 192). Справа расположена передняя половина молодой лошади в левый профиль, ее задняя часть унесена изломом. Слева находится целая маленькая лошадь в правый профиль. Между ними имеется голова лошади в левый профиль и ниже задняя часть другой в правый профиль. Лошадь, расположенная справа, является наиболее легко узнаваемой фигурой на этом камне. Она была опубликована в 1864 г. и таким образом имеет историческую и доисторическую ценность. А. Сивкинг отмечает, что высокая грива и отсутствие копыт характерны для позднемадленского стиля в этом районе и можно сравнивать лошадей на данном камне с гравировками на кости из той же стоянки (N 104) или из Ла Мадлен (N 421) (Sieveking, 1987: 124, pl. 5).

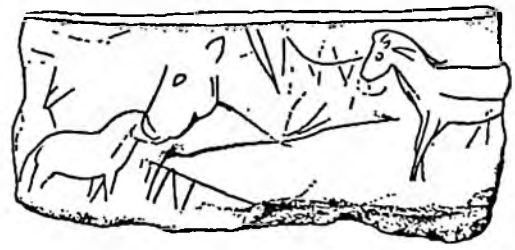

Рис. 192. Гравюры лошадей на каменной плакетке. Лез Эйзи.

В верхнем слое **Ла Мадлен** на блоке известняка выгравирована в левый профиль бегущая лошадь. Блок был разбит на два куска, лежавшие на расстоянии 9 м один от другого. Пропорциональная фигура лошади передана в совершенстве (Capitan, Peyrony, 1928: 110, pl. X).

Из **Монтастрюк** происходит тонкая каменная плакетка размерами 17.5x12.0x2.7 см. На одной стороне нарисована фигура лошади в левый профиль с головой, повернутой назад и лежащей таким образом на плече. Форма головы задана контуром камня, так, что часть носа, челка и верхняя часть гривы естественные; ухо, глаз, продолжение морды, щеки и части гривы выполнены гравировкой. Была сделана попытка нарисовать контур ее второй задней ноги. Линия выпуклого живота очень глубокая. Это не могла быть жеребая кобыла, поскольку ясно изображен знак пола самца. А. Сивкинг подчеркивает, что данная гравюра представляет интересный пример пути, по которому естественный контур камня вдохновил рисунок

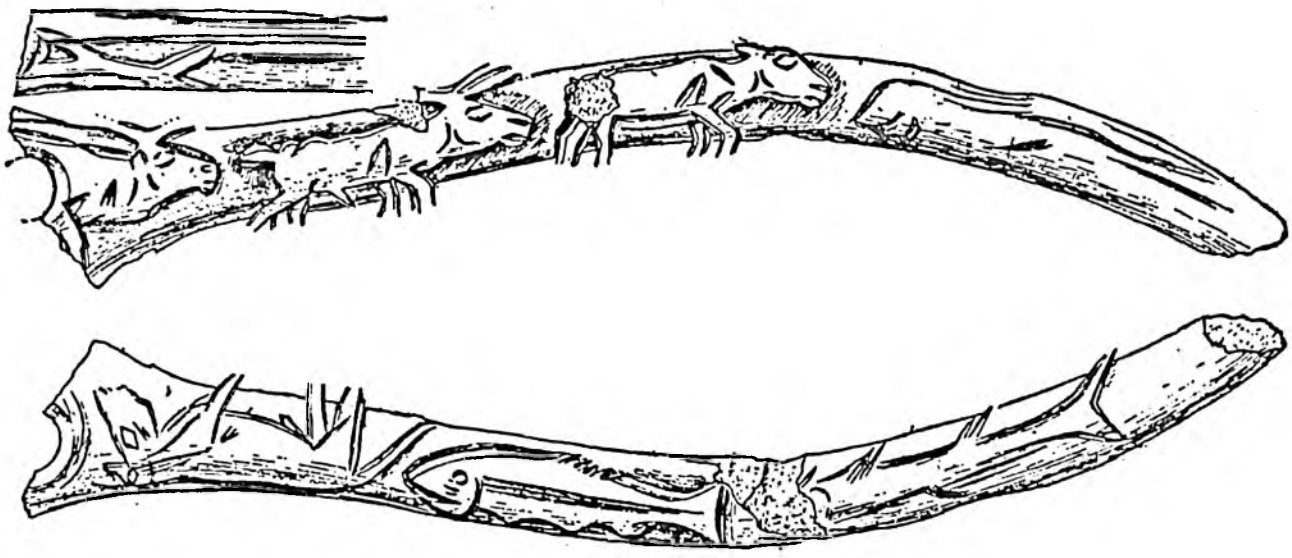

Рис. 193. Гравюры северных оленей, лошади и рыб на просверленном жезле. Лимёй.

и форму передней части животного и что это типично для Монтастрюк (Sieveking, 1987: 667, pl. 97).

Имеются сочетания лошадей с различными животными и, в первую очередь, с оленями.

Лошадь – северный олень. Представлен ряд великолепных барельефов и гравюр. Из Лимёй происходит жезл из изогнутого рога северного оленя длиной 26 см с остатками отверстия в расширенной части и обломанным нижним концом (рис. 193). На одном фасе представлены 3 фигуры северных оленей, следующие одна за другой в правый профиль. Рядом с отверстием расположена передняя часть северного оленя с ветвистыми рогами, перед ней целая фигура самца, следующая за самкой. В области шеи первой фигуры и на лопатках других фигур нанесен символический знак стрелы. На другом фасе – фигура лошади с подобным знаком на боку и две рыбы (Capitan, Bouyssonie, 1924:25, fig. 10). В **Мас д'Азиль** на фрагменте (стержне) жезла размерами 16x4 см в технике очень слабого рельефа и гравюры переданы 4 головы животных в левый профиль. Центральное место занимают две крупные головы северных оленей, под ними – третья маленькая голова северного оленя в легком champlevé и вверху маленькая голова лошади (Piette, 1894: fig. 5; Capitan et al., 1910: fig. 153; Chollot, 1964, N 47 187). В той же стоянке найден целый жезл размерами 15.3x4.7 см с небольшим круглым отверстием в расширенной части. На одном фасе близ отверстия, смотрящая в сторону от него нарисована голова северного оленя в легком рельефе. На другом фасе, но на нижнем конце, расположено протоме лошади (Chollot, 1964: N 47 180).

Из **Курбе** происходит фрагмент рогового стержня размерами 11.4x2.1x1.2 см, обломанный с обоих концов. Слева выгравирована голова северного оленя в левый профиль с одним рогом, переходящим на противоположную сторону. Справа в перевернутом виде изображена голова лошади в левый профиль более посредственного исполнения. А. Сивкинг замечает, что хотя контуры головы иногда различных животных, смотрящих в противоположных направлениях, характерны для мадлена V, расположение голов в различных планах является исключительным. Есть только один предмет из **Ложери-Бас** (Girod, Massénat, 1900: pl. XV, 2) с двумя довольно неумело исполненными головами, но обе принадлежат лошади(Sieveking, 1987: 458, pl. 62). В **Курбе** найден фрагмент ребра лошади размерами 15.1x4.2x0.7 см, обломанный на обоих концах. На одной стороне слева расположены две головы лошади в левый профиль; справа – голова оленя в правый профиль. На противоположной стороне выгравированы тонкой линией три головы лошади в левый профиль. Их бороды, гривы и челки переданы штрихами, контуры глаза двойные, уши направлены назад. Голова оленя – более мелкая, менее детальная, - передана в перспективе позади голов лошадей (Sieveking, 1987: 508, pl. 68).

Из нижнего слоя **Ла Мадлен** происходит фрагмент рога северного оленя, на котором сохранилась только задняя половина фигуры северного оленя в левый профиль. Развертка показывает, что, если обломок перевернуть, то видна задняя половина фигуры лошади в правый профиль (Capitan, Peyrony, 1928: 43, fig. 20, 1). На лицевой стороне фрагмента ребра размерами 15x3.5 см из **Гурдан** выгравированы в левый профиль две головы животных. Справа расположена голова лошади со взъерошенной гривой, сильно выпуклым ганашем, тонко очерченной линией рта. Слева находится голова северного оленя без рогов с очень хорошо нарисованным глазом, где указан слезный мешочек. Замечательна чистота рисунка, но тем не менее, идентификация второй головы вызвала разнотол-

ки. Так, Э. Пьетт полагал, что это головы двух лошадей. А. Брейль утверждал, что маленькое овальное ухо и тонкая морда этой головы представляют характерные черты голов северных оленей, лишенных рогов. А. Леруа-Гуран считает ее возможной головой лани, но никак не северного оленя (Chollot, 1964: N 47 036). На другом фрагменте ребра из **Гурдан** размерами 16.6x4 см представлена прекрасная голова северного оленя в левый профиль с поднятой мордой и точно нарисованными рогами. В противоположном направлении выполнена маленькая голова лошади (Capitan et al., 1910: fig. 153, 1; Chollot, 1964: N 47 352).

На фрагменте кости из **Ложери-Бас** представлены гравюры лошади и северного оленя, ориентированные в разных направлениях. Изломы унесли их головы. Задняя часть лошади в левый профиль особенно мастерски исполнена (Maury, 1914б: 295, fig. 3, 2). В слое AII **Абри Морен** найден фрагмент лопатки размерами 5.6x3.1 см. На одном фасе среди переплетенных линий различается фигура лошади в правый профиль, на другом – две схематичные фигуры оленей также в правый профиль с тонкими головами, несущими рога. Первая фигура целая с двумя суммарно нарисованными ногами, коротким хвостом и легкими штрихами на боку. Вторая фигура лишена задней части, но у нее изображены две передние ноги (Deffarge et al., 1985: fig. 23, 3).

Три камня с сочетанием лошадь – северный олень происходят из **Монтастрюк**. Пятиугольный блок размерами 16.3x10.5x2.4 см, окатанный на 4-х краях и разбитый на одном после нанесения гравюр. Обе плоские поверхности гравированы. Лицевая сторона покрыта группой животных, которые все даны в правый профиль. Среди них отмечены 3 лошади, 2 из которых имеют отдельные головы, но обладают общей задней частью, хвостом и пенисом. Самая маленькая из лошадей (b), расположенная в левой части композиции имеет одну переднюю и обе задние ноги, направленные назад. Голова поднята вверх, как если бы лошадь была в легком галопе. Более крупная фигура справа (c) нарисована стоящей. Передние ноги, грудная клетка и морда этого животного переданы двойной линией, чтобы создать третью лошадь и в повторении передних ног получить впечатление, что животное идет. Последний в правой части блока – северный олень (d) с отсутствующей из-за излома этого края камня головой. Его передние и задние ноги подогнуты под тело. Поверхность реверса этой плакетки изношена. Остались следы гравировки, в которых Брейль различил и опубликовал (Cartailhac, Breuil, 1906: fig. 111, 1) северного оленя, но его транскрипция, как отмечает А. Сивкинг, не убедительна. Фигуры, особенно маленькая лошадь и северный олень – элегантные, композиция и расположение этой группы на площади выполнены с большим мастерством, но они крайне слабо гравированы и различаются с трудом (Sieveking, 1987: 691, pl. 116-118).

Пятиугольный фрагмент известняка размерами 14.8x13.0x2.1 см, разбитый со всех краев до гравировки. Поверхность лицевой стороны покрыта группой наложенных одна на другую фигур животных в правый профиль. Самая верхняя лошадь представлена туловищем, задней частью и передними ногами, которые согнуты, как если бы лошадь галопировала, хотя ее задние ноги остались прямыми. Эта фигура не имеет головы и шеи. Вторая фигура существует только в форме крупа, хвоста и спины. Эта последняя линия совпадает с северным оленем, который в контрасте с первой лошадью имеет прямые передние и согнутые задние ноги. Задняя четверть и хвост этого животного нарисованы двойной линией. Животное имело короткую шею и неполностью гравированную голову, вырезанную на краю камня без рогов. Однако, излом здесь более старый и «неполная» голова могла быть подсказана как визуальное целое формой камня. Это подтверждается и короткой шеей. А. Сивкинг замечает, что эта декорация очень изощренная не только использованием формы камня для композиции в целом, но в адаптации формы к площади, чтобы создать голову северного оленя и в использовании удвоения (Sieveking, 1987: 692, pl. 121-123).

Четырехугольный блок размерами 20x9.5x5 см, треугольный в сечении и оббитый по всем краям. Гравирована лишь лицевая сторона. Вверху слева расположена неполная лошадь: голова, плечи и передние ноги в правый профиль. Ниже и в обратном направлении, т.е. в левый профиль – неполная голова оленя и в центре, немного ниже и в том же плане как лошадь – северный олень в левый профиль. Голова этого животного ныне неотчетливая и ее затылок отсутствует, но пучок шерсти на горле и форма плеча подтверждают идентификацию. Передняя нога согнута под тело. Морда лошади имеет не один контур, а передняя нога нарисована и прямой, и согнутой. Пропорции фигур с чрезмерно большими головами и натуралистический стиль гравировки указывают на позднемадленский возраст этого камня. Он отличается от остальной серии из Монтастрюк и сравним с гравировкой камня из Лез Эйзи (N 124), датируемой мадленом VI (там же: 695, pl. 124).

На большом блоке известняка из **Ла Мадлен**, покрытого многочисленными линиями, которые с трудом поддаются дешифровке, выделяются тщательно выполненные фигура лошади, три фигуры северных оленей в правый профиль и голова четвертого (Capitan, Peyrony, 1928: 110, t. XI). В **Лимёй** на плитке довольно твердого кальцини-

рованного известняка фигуры северного оленя и лошади перекрываются в обратном направлении (рис. 194). Северный олень представлен передней частью в правый профиль. Морда, помещенная на краю плитки, немного стерта, передняя пальметка рога отчетливо нарисована на прямом срезе плакетки (Capitan, Bouyssonie, 1924: t. VI, 17). На той же стоянке найдена крупная плита известняка размерами 48x22x8 см, в левой части которой выгравирована великолепная фигура остановившегося северного оленя, бесспорно, одна из лучших в серии. Ее длина 16 см. Переданы обычные черты животного: толстая вытянутая шея, тонкие ноги с большими копытами, точно схваченная короткая задняя нога. Отчетливо указана линия почвы. Другие фигуры трактованы иначе. В направлении, противоположном главному сюжету, расположена голова северного оленя, далее, неумело выполненная фигура лошади, фигура быка (?) с большими изогнутыми рогами, затем снова северный олень в левый профиль и другое животное в правый профиль. Задние части этих животных смешаны, немного дальше можно увидеть фигуру детеныша (там же: t. VII, 20 и t. XXXVI). На плакетке сланца из **Гут Роффа** на одном фасе нанесена фигура северного оленя, а на другом две прыгающие друг на друга лошади, первая диспропорциональная, с длинным и почти вертикально поднятым хвостом, вторая более тонкая, но слишком упрощенная (Larue, Combier, Roche, 1955: 410, fig. 6, 2). На маленькой сталагмитовой плитке из **Лабастид** в одном углу легко выгравирована голова лошади, ниже ее расположена голова северного оленя (Bégouen H., 1938: 9).

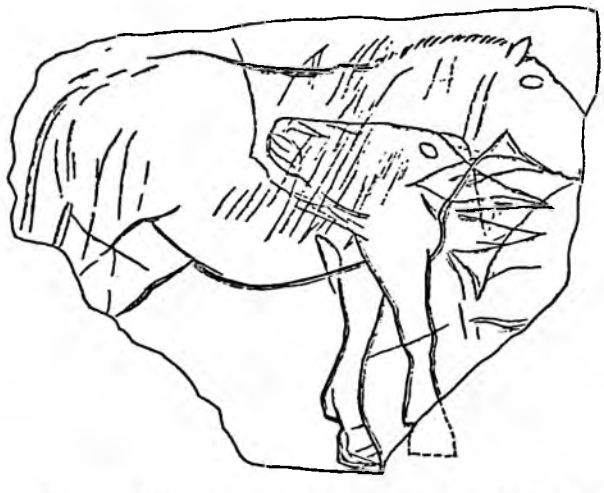

Рис. 194. Гравюры лошади и северного оленя на плитке известняка. Лимёй.

Целая серия камней, на которых сосуществуют изображения лошади и северного оленя происходит из **Ла Марш**.

На треугольном блоке довольно мягкого и хрупкого известняка размерами 30.6x46x14.5 см выгравирована миниатюрная фигура лошади, неповрежденная эрозией. Она изображена в правый профиль, твердо стоящей на четырех ногах. Небрежно нарисованная голова наклонена. Она толстая, горбатая с глазом в виде точки и длинными стоячими ушами. На шее средней длины нарисованы грива из штрихов, скошенных вверх и вперед. Спина горизонтальная, круп падающий. Короткий и пушистый хвост помещен высоко. Ноги хорошо моделированы, задние соединены, передние раздвинуты. Живот выпуклый. Если повернуть камень на 180°, то можно прочитать крупную фигуру северного оленя в левый профиль. Отчетливо видна голова с остатками рогов, угадываются сильно стертые передние ноги и линия спины (Pales, 1981: obs. 47, pl. 52-53).

Значительно более выразительны рисунки на большой прямоугольной плите серого известняка размерами 62x94x6-11 см. Один край плиты обломан в древности. Плоская и блестящая сторона покрыта плотным переплетением линий, среди которых выделены голова и фигура лошадей и 4 фигуры северных оленей. Фигура лошади (А) в левый профиль – посредственной фактуры и неполная: отсутствуют передние ноги и живот. Лучше исполнена задняя часть, особенно нога с четко переданным копытом. Вторая лошадь (В) представлена только головой совсем другой фактуры, гравированной вдоль задней ноги большого северного оленя и погруженной в нижнюю часть основы. Голова квадратной формы, верных пропорций, с ноздрями, суммарно переданным глазом и лежащим ухом (там же: obs. 48, pl. 54). Доминируют фигуры северных оленей. Все они разных размеров. Самый большой (А) длиной 51 см от морды до хвоста передан в правый профиль. Он занимает почти всю поверхность плиты. Это упитанное животное с мощной задней частью, с полными, но не тяжелыми формами. Задние ноги с раздвоенными копытами соединены. Можно выделить только одну переднюю ногу, вытянутую вперед так, что она параллельна шее и голове. Поставленное на задние ноги, животное сильно склонено вперед. Голова красивая, рот полуоткрытый с четко нарисованной нижней губой, глаз, ноздри и морда тщательно переданы. Рога очень несовершенны. Л. Паль особо отмечает, что у всех четырех оленей рога не были изображены правильно в контурах и объемах. Их элементы представлены простыми линиями, указывающими только направление. Такая трактовка достаточно неожиданна, поскольку на той же самой плите поражает тщательность исполнения тела и конечностей, а также совершенство передачи рогов на других камнях. Надо думать, подводит итог Паль, что в Ла Марш были различные граверы с различными техниками. В передней части и голове северного оленя А поме-

щена самая маленькая фигура этой серии – 18 см от конца морды до хвоста. Животное в правый профиль стоит на четырех ногах, почти вертикальные задние соединены, передние – раздвинуты и слегка вытянуты вперед. Формы тела полные. Голова исполнена тщательно, пасть закрыта, ноздри переданы детально. Глаза очень точные. Рога переданы небрежно, хотя и более полно, чем у А. Поднятая голова отклоняет их к шее. Два других северных оленя выполнены с большой заботой. Больший из них (С) в левый профиль имеет 42 см от конца морды до хвоста, высоту 25 см в загривке и почти полностью заполняет площадь левого фрагмента. Он стоит на четырех ногах, соединенных попарно. Ноги слегка вытянуты вперед, особенно передние. Это также упитанное, но не тяжелое животное, все контуры которого хорошо нарисованы. Голова передана детально, рот закрыт, хотя губы раздвинуты. Глаз окружен двойным контуром и снабжен зрачком. Рога – линейные, лишь указывающие направление. Четвертый олень (D), без сомнения, самый выработанный. Расположенный вверху и правой части плиты он передан в правый профиль и имеет 35 см длины и 25 см высоты. Стоит на четырех раздвинутых ногах и кажется более художественным, чем предшествующие. Красивая голова слегка наклонена к земле. Закрытый рот, точно нарисованный овальный глаз и особенно ухо с двойным контуром – все очень чистые. Рога, хотя и трактованные в схематичной манере, значительно более полные и больших размеров. Этот олень нанесен рукой опытного анималиста (Pales, 1989: obs. 75, pl. 69-72).

На дугообразном фрагменте плакетки трещиноватого известняка размерами 8x15x1.5 см гравированы обе стороны: на одной две фигуры лошадей, фигура северного оленя и голова кошачьего, на другой – фигура кошачьего (рис. 195). Фигуры лошадей в левый профиль значительно более мелкие, чем другие изображения на этой плитке. Большая из них (В) кажется поставленной на нижний край камня. Голова и шея ее не были гравированы или исчезли с течением времени. Посаженный высоко хвост вытянут по горизонтали. Выше расположена вторая лошадь (А) с конечностями, подогнутыми под тело. Передние и задние ноги, а также живот прорисованы двойным контуром. Голова бесформенная, шея средней толщины, спина слегка седловидная. От крупа отходит длинный хвост, вытянутый косо назад и вниз (Pales, 1981: obs. 46, pl. 46). До того, как камень подвергся новой фрагментации, на нем, занимая всю площадь, была нарисована фигура северного оленя в левый профиль, которую вторичный излом лишил головы, оставив часть рогов и тело животного. Конечности суммарные, очевидно, незаконченные. Спина с выраженным выступом лопатки заканчивается коротким характерным хвостом. Рога изображены реалистически: два ствола разъединены и дополнены пальметками (Pales, 1989: obs. 69, pl. 60). На той же стороне упоминается в одном случае голова кошачьего, прорезанная задней частью северного оленя (Pales, 1981: obs. 46), в другом, большая голова лошади (Pales, 1969: obs. 4), но описания этой, видимо, одной и той же головы не дано. На другом фасе плитки, очень отличающемся от верхнего, поскольку это плоскость расщепления, нанесена фигура крупного кошачьего в левый профиль, который хорошо вписывается в очертания основы. За плоским лбом следует отчетливая орбитальная впадина, продолжающаяся укороченной мордой с открытой пастью. Позади пасти нарисовано довольно большое листовидное ухо. Овальный глаз кажется расширенным. Тело толстое, короткое, задняя часть унесена изломом. Мощные передние лапы раздвинуты и заканчиваются очевидными когтями. Задние лапы также короткие и массивные, но менее четко трактованные, чем передние. Стиль этой гравюры отличается от стиля рисунков на верхнем фасе. Все детали хорошей натуралистической фактуры, но этот хищник имеет более схематичный характер. Чувствуется, что он сделан другой рукой (Pales, 1969: obs. 4, pl. 16).

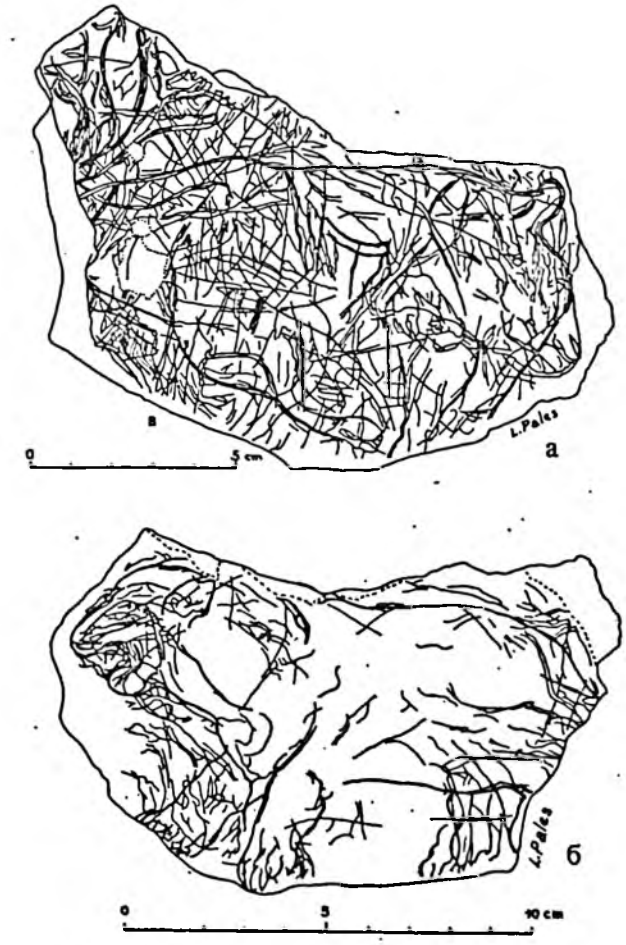

Рис. 195. Гравюры:
а) две лошади, северный олень, голова кошачьего;
б) фигура кошачьего на фрагменте плакетки. Ла Марш.

Еще одна основа из **Ла Марш** относится к числу наиболее мелких и в то же время наиболее гравированных (рис. 196). Это маленькая плоская галька размерами 4x8x0.8 см неопределенно трапециевидной формы. Материал – твердый известняк, на котором плохо прорезаются линии. Множественность большей части линий затрудняет их прочтение. Тем не менее, на одной стороне выделены фигуры лошади и хищника, на другой – северного оленя. Фигуры лошади и хищника смешаны, обе в правый профиль, хищник хорошо вписывается в контуры камня, а лошадь – меньших размеров – в его контуры. Фактура лошади довольно посредственная по сравнению с фактурой хищника. Лошадь спокойно стоит на четырех ногах с опущенной головой. Голова массивная с настороженным хорошо нарисованным ухом. Шея средней толщины, за нею следует выступающий загривок.

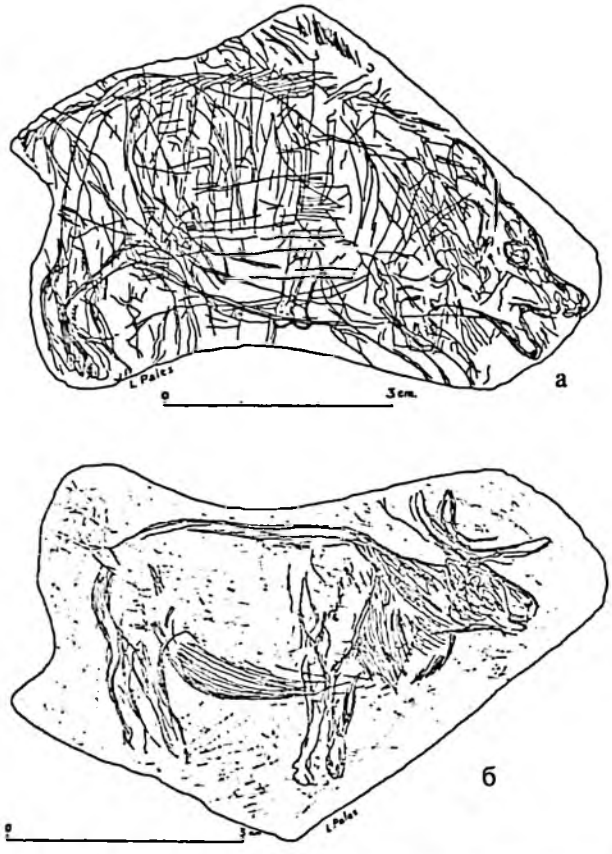

Рис. 196. а) лошадь и фигура хищника, б) северный олень на мелкой плоской гальке. Ла Марш.

Тело толстое. От закругленного крупа отходит чрезмерно длинный хвост. Одна задняя нога дана лишь наполовину, смежные передние ноги полностью. Объем и форма живота позволяют предположить, что это изображение жеребой кобылы. Определение динамичной и агрессивной фигуры хищника чрезвычайно затруднено, он может быть медведем, волком, гиеной или росомахой (Pales, 1981: obs. 23, pl. 26). Другая сторона гравирована миниатюрной фигурой северного оленя, так же хорошо вписывающейся в контур гальки, малое пространство которого не повлияло на качество изображения. Выделенный из бесчисленных неорганизованных линий олень твердо стоит на ногах. Тело упитанное, пропорциональное. Спина почти прямая с легким выступом лопатки и округлым крупом, который заканчивается коротким поднятым хвостом. Задние ноги разъединены, концы их не закончены. Передние ноги исполнены достаточно небрежно, «без особых поисков анатомических деталей», по словам Л. Паля. Выпуклый контур живота сопровождается многими параллельными линиями, создающими объем или передающими разницу в окраске шерсти. Шея, грудь и подгрудок покрыты густой шерстью. Голова передана детально. Рот слегка полуоткрыт. Ноздри, овальный глаз со зрачком, поднятое ухо выполнены с большой тщательностью. Рога короткие, но хорошо очерченные. Несмотря на малые размеры, это одно из лучших воплощений северного оленя в Ла Марш (Pales, 1989: obs. 68, pl. 59).

На одной стороне отщепа, отделенного от линзы серого известняка размерами 8.5x12.5x0.5-2.5 см, нанесены фигура лошади, передняя часть северного оленя и лапа медведя. По описанию Л. Паля, среди тонких линий распознается северный олень, прорезанный более мелким животным в левый профиль и, кажется лишенным задней части. Голова довольно длинная и узкая передана суммарно: нет ни ноздрей, ни глаза. Шея без гривы продолжается почти по горизонтали, спина и круп немного подняты. Паль увидел в этом животном плохо исполненную лошадь, а вверху справа от нее остатки когтистой лапы медведя (Pales, 1981: obs. 43, pl. 48 вверху). Позже описание несколько изменилось. Помимо лошади посредственного исполнения и лапы медведя, Паль пишет о передней части северного оленя, занимающего правую часть камня. Хорошо нарисована голова с закрытым ртом и суммарно переданными ноздрями. Овальный глаз трактован тщательно. Наличие рогов засвидетельствовано развитым отростком с пальметкой, передний край которой фестончатый. Различается мохнатый подгрудок, откуда выходит вниз конец передней ноги с раздвоенным копытом (Pales, 1989: obs. 58, pl. 67, 68 вверху).

На маленьком блоке трапециевидной формы размерами 14.6x19x1-5 см выделяется подобный сюжет, но иначе исполненный. Камень разделен гребнем на два склона, из которых левый, треугольный и плоский гравирован тонкими линиями. Здесь различают двух травоядных животных, ориентированных в противоположных направлениях. Оба тела немного смешиваются. Слева расположена лошадь в левый профиль с заостренной головой с двойным контуром, с округлым глазом и небольшим выступом надо лбом. Почти горизонтальная шея не имеет гривы и далее идет слегка седловид-

ная спина. Здесь линии сливаются с передней частью оленя, нарисованного в правый профиль. От скошенной линии груди отходит полусогнутая передняя нога, усеченная на конце. Горизонтальная линия живота ограничивает длинное тело. Видна согнутая и направленная вперед задняя нога. Животное кажется нарисованным в галопе. Присоединенное к его задней части протоме другого животного в правый профиль имеет заостренную голову с вогнутым шанфреном. Шея вытянута вперед, тело теряется в смешении линий. Следы рогов над головой могут указывать на изображение оленя, ближе не определенного (Pales, 1981: obs. 44, pl. 48 внизу). Позже Л. Паль уверенно идентифицировал это животное как северного оленя. Кривая линия рисует рельеф выступа лопатки. В нижней части предполагаемой груди два отростка могут быть началом разъединенных передних ног. Более отчетливы вытянутая шея и слегка поднятая голова. Ее контуры обведены двойной линией, они отчетливые, но немного схематичные. Шанфрен слегка вогнутый, ганаш изображен. Между ними виден суммарный глаз (Pales, 1989: obs. 59, pl. 48 внизу).

Подтреугольная плитка серого известняка размерами 13x23x1-1.2 см известна своим великолепным изображением крупного кошачьего (рис. 197). Имея эту фигуру перед глазами, следует повернуть плитку на 180°, чтобы увидеть фигуру лошади в правый профиль с головой, смотрящей прямо перед собой. Ноздри, глаз, настороженное ухо, ганаш, нарисованный несколькими линиями, трактованы с большой тщательностью. Шея нормальных размеров, ее верхний край нанесен двойной линией, может быть, для указания на гриву. Эта двойная линия продолжается на спине и крупе. Посаженный высоко хвост – длинный, вытянутый косо назад. Задняя нога, поставленная почти вертикально, передана суммарно, конец ее касается края камня. Живот среднего объема. Короткие передние ноги сближены и нарисованы с определенной верностью натуре. Все придает этой лошади хорошей фактуры намеренную одеревенелость (Pales, 1981: obs. 21, pl. 22). На уровне лошади, но в противоположном направлении в левый профиль расположена фигура оленя, ближе не определенная. Она может быть рассмотрена в двух версиях. В одной животное кажется худощавым с относительно тонкой шеей, за которой следует хребет с едва заметным выступом лопатки и незаконченный в области крупа. По другой версии животное более массивное с мощной и короткой шеей, за которой следует горизонтальная линия спины. Все другие части тела – общие для двух версий. Тонкая голова с ее округлым глазом, снабженным слезным мешочком и поднятым ухом, передана тщательно. Возможно, что она снабжена рогами, но столь мало различимыми в переплетении линий, что Паль предпочел их не прорисовывать. Если их не было на гравюре, то речь могла бы идти о благородном олене (?) после сбрасывания рогов или о лани. Тело слишком длинное и обладает мохнатым подгрудком. Все 4 конечности разъединены, направлены вперед, достаточно суммарны, но копыта раздвоены (Pales, 1989: obs. 4, pl. 30). Если поместить камень длинным краем вниз, то почти вся его площадь занята фигурой крупного кошачьего в левый профиль. Голова, линия спины и правая передняя нога выгравированы глубоко и замечательно чисто. Незначительно выпуклый лоб продолжается плоским носом и четко нарисованной ноздрей. Пасть открыта и два противоположных клыка очень заметны. Нижний край нижней челюсти слегка вогнутый, как у современного тигра, тогда как у льва этот край выпуклый. Ископаемый Felis spelaea иногда представляет эту характерную черту. Овальное левое ухо отклонено назад, верхушка правого появляется симметрично над затылком. На месте, где должен находиться глаз, естественные неровности камня помешали резцу гравера. Эта зона и весь фас зверя пересечены параллельными линиями. Многие из них принадлежат другим фигурам. Голова опущена к земле и создается впечатление, что животное рычит. Выпуклый контур шеи соединяется с выступом лопатки, затем спина продолжается слегка дугообразно до крупа. Хвост размещен почти горизонтально и заканчивается утолщением – характерной для льва кисточкой. Задние лапы вытянуты вперед, как если бы животное делало усилие притянуть к себе добычу. Рисунок лап легкий и теряется в переплетении с другими фигурами. Линия живота едва указана, но изображение передних лап, особенно правой, стало объектом исключительной заботы (Pales, 1969: obs. 1, pl. 1-10).

Лошадь – благородный олень. Характерный пример сочетания этих животных происходит из коллекций Г. Кристи (Британский Музей) стоянки Ла Мадлен. Это гравюра на неполном просверленном жезле из рога северного оленя размерами 26.3x3.5x2.8 см (рис. 198). Концы его обломаны. На одной стороне выгравированы следующие друг за другом два самца благородного оленя в левый профиль, а на другой стороне – две лошади в правый профиль, т.е. обе пары направлены к отверстию и они размещены вокруг жезла таким образом, что рога первого самца погружаются в голову первой лошади, в то время как рога второго нарисованы вдоль его спины. Концы ног лошадей переходят на другую сторону (Sieveking, 1987: 306, pl. 18 и 19). А. Сивкинг отмечает, что все 4 фигуры выгравированы настолько крупными, насколько позволяла площадь без смешения линий или перекрывания фигур. Каждая фигура исключительного качества, выполненная с уверенностью и плавностью. Характерно, что лошади вырезаны

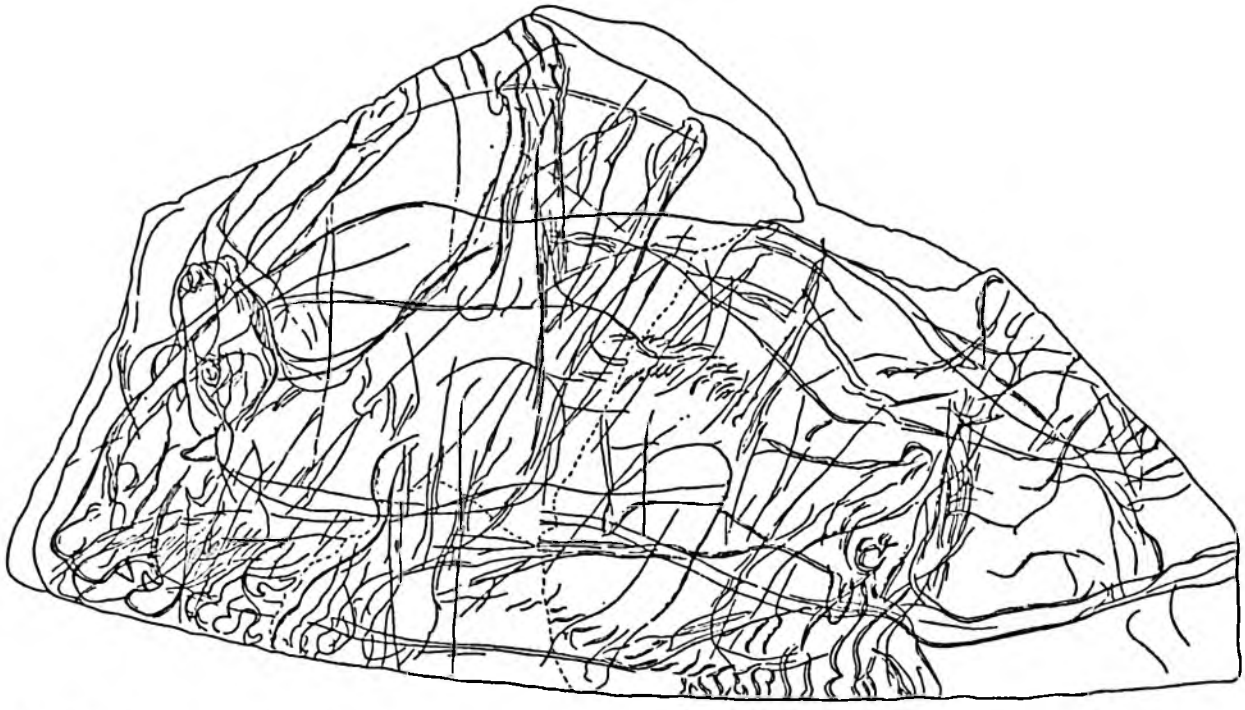

Рис. 197. Гравюры кошачьего, лошади и оленя на каменной плитке. Ла Марш.

более глубоко и более преувеличенными, чем олени. С высокими гривами, толстыми мордами они типичны для позднемадленского стиля, в то время как самцы благородного оленя показаны в почти натуралистической манере, однако, аранжировка фигур совершенна.

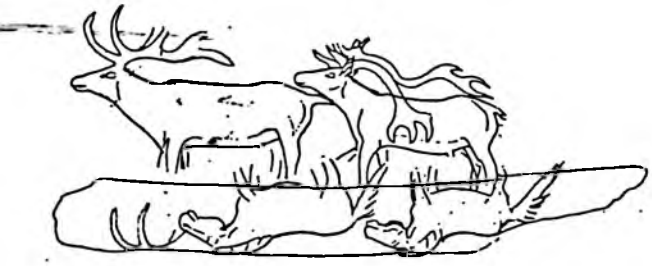

Рис. 198. Гравюры:
а) два самца благородного оленя,
б) две лошади на просверленном жезле. Ла Мадлен.

В Британском Музее хранится и галька из **Монтастрюк** с подобным сюжетом. Галька размерами 10.8x7x2.5 см гравирована с двух сторон. На одной стороне нарисован самец благородного оленя в правый профиль. Его хвост нанесен в углублении от снятия отщепа на краю камня, нос и рога переходят на прилежащие стороны, а ноги, обусловленные формой камня, продолжаются на нижнюю поверхность и оказываются под прямым углом друг к другу. Противоположная сторона гравирована с большей сложностью. В дополнение к ногам упомянутого благородного оленя имеется другой олень в правый профиль. Эта фигура диспропорциональна, она смешана с ногами животного. Имеются также две лошади, наложенные одна на другую и смотрящие в обратную сторону. В правом от них углу прослеживается другой неполный олень в правый профиль. Брейль определил самца благородного оленя по причине его тонкой заостренной морды и отсутствия подгрудка, который является отличительной чертой северного оленя. Рогатый олень на противоположной стороне описан как северный олень предположительно из-за его более тяжелой нижней челюсти, но у него также отсутствует подгрудок и эта идентификация неуверенна, особенно потому, что фигура не очень хорошо нарисована. Самец, гравированный на лицевой стороне, элегантный и совершенно пропорциональный, за исключением длины ног. Их диспропорция на противоположной стороне необычна, хотя фигура лошади на этой стороне пропорциональна и по форме подобна другим в Монтастрюк (Sieveking, 1987: 684, pl. 105-107).

В **Гурдан** на фрагменте жезла размерами 27.3x2.8 см техникой легкого champlevé и гравюры на одной стороне нанесены три ревущих оленя, следующие один за другим в левый профиль. Их объемистые рога обвиваются вокруг стержня. На другой стороне глубокой линией вырезаны две фигуры в противоположном направлении, затем один олень в правый профиль и довольно грубые изображения лошадей (Chollot, 1964: N 47 351). В работе Л. Капитана и других изображение фигур вереницей названо благородными оленями (Capitan et al., 1910: 192, fig. 174, 2).

Лошадь – олень. На некоторых примерах определение оленя еще более затруднено. Так, в **Ла Ваш** на подвеске, вырезанной из ребра, нанесена тонкая гравюра прыгающей лошади в правый про-

филь. Шерсть на теле передана твердыми косыми параллельными штрихами. Лошади противостоит неполная фигура животного, скорее всего, оленя в левый профиль, а позади лошади расположены две почти одинаковые системы рогов северного оленя с возможными наметками голов в фас (Nougier, Robert, 1970: 19-21; Delporte, 1990: 64, fig. 31). Ее динамичное движение очень близко к скульптуре лошади из Брюникель, а именно в движении и трактовке бедра, в форме передней ноги. На гравюре изображена только передняя нога с более отчетливо выступающим суставом, чем в скульптуре. Замечательна по своим деталям тонкая голова с поднятым ухом. Грива невысокая, но густая. Линия спины плавная, на линии живота нарисован небольшой крючок, очевидно, знак пола.

Можно упомянуть еще два камня из **Лимёй**. В центре немного вогнутого фаса одной крупной плиты (33x44.5 см) выгравирована фигура лошади длиной 16 см в правый профиль посредственного исполнения. Ноги переданы в нескольких репризах. Ниже расположена фигура молодого оленя в левый профиль (Capitan, Bouyssonie, 1924: pl. XXIII-98; Tosello, 1992: 288, fig. 6). На другой плитке расположена гравюра лошади в правый профиль, у которой особенно тщательно проработаны передние ноги, но правое копыто, как и морда, унесены изломом. Задние ноги не были изображены, поскольку плитка здесь целая. Вся фигура отчетлива и пропорциональна, в передней части перекрыта головой животного, возможно, лани, в левый профиль (там же: pl. XXII-91). Из **Ла Коломбьер** происходит галька желтого известняка округлой формы диаметром 8 см и толщиной 2 см, сильно изношенная. На одном фасе гравирована передняя часть оленя, лишенного рогов, а на другом – передняя часть лошади (Faure, 1978).

Лошадь – горный козел. Это сочетание встречено один раз в Ла Марш на фрагменте прямоугольной плакетки желтовато-серого известняка размерами 8.7x14.5x1-1.8 см. Судя по характеру линий, они были нанесены мастером, но, к сожалению, поверхность подверглась частичному расслаиванию. Голова лошади, вписанная в левый острый угол камня, передана в правый профиль. Верхняя линия шеи находится под гривой, нарисованной в стиле Ла Марш очень обильной, длинными и параллельными штрихами, скошенными вверх и вперед. Грива заканчивается челкой, расположенной впереди поднятого уха. Эта голова была тонкой, но довольно короткой, судя по контурам лба, восходящей ветви нижней челюсти и тем, что осталось от губы. Излом камня унес шанфрен и ноздри, но сохранился глаз, нарисованный на своем месте, округлый, снабженный слезным мешочком и окруженный орбитальным контуром. Шея и сама голова прорезаны рогатой головой животного из семейства козлиных, не менее хорошо выполненной, но очень поврежденной. На представленном рисунке она повернута вверх. Различаются глаз, основание рогов и особенно ухо (Pales, 1981: obs. 3, pl. 3 и obs. 81, pl. 103).

Лошадь – пиренейская серна. В **Монтастрюк** найдена окатанная галька размерами 22x15x5.5 см с гравюрами на одной стороне трех серн и лошади, выполненных в правый профиль. Слева расположен самец серны, перед ним и немного ниже – самка, между ними и выше – маленькая лошадь и внизу на правой части плакетки расположен лежащий второй самец серны. Серны имеют длинные ноги и элегантные формы. У двух искривленные рога нарисованы в перспективе 3/4. Рога третьей, возможно, были повреждены. Лошадь выгравирована очень слабо и ее линии прорезаны контурами серн. Лежащая фигура серны передана анатомически не совсем правильно. Серны редко изображались в палеолитическом искусстве, здесь они представлены группой и стиль гравировок исключительный (Sieveking, 1987: N 672, pl. 100).

Лошадь – антилопа-сайга. Из **Ла Ваш** происходит лощило, по-видимому, вырезанное из ребра, длиной 13.3 см, тщательно заглаженное и несущее на одном фасе две головы лошадей одна за другой в левый профиль, а на другом фасе две головы сайгаков, смотрящих друг на друга самцов, реалистически трактованных, с горбатой мордой, характерной для этого вида. Особенно выразительна голова, расположенная справа, где четко изображены рога, ухо, глаз и рот, так же как шерсть, переданная тонкими, довольно беспорядочными штрихами (Nougier, Robert, 1958: 15; Delporte, 1975: 128, fig. 7).

Лошадь – кошачье (крупный хищник). В **Ложери-Бас** найден обломок рога северного оленя, на одном фасе которого изображены головы лошадей, на другом – головы кошачьих, следующих одна за другой. А. Брейль отмечает, что резкий и грубый стиль соответствует финальному мадлену с гарпунами, имеющими два ряда зубцов (Bourlon-Breuil, 1916: 15, fig. 7). На просверленном жезле из среднего слоя **Ла Мадлен** различаются головы льва, рыбы, волка или лисицы, лошади и снова рыбы. Отмечается, что наибольшей определенностью обладает голова или лишенный покрова череп льва, легко узнаваемый по круглым глазам и короткой морде (Capitan, Peyrony, 1928: 71, fig. 38, 9).

Половина твердой гальки из **Истюриц** гравирована на двух фасах: на одном – довольно схематичная голова лошади, на другом – голова животного, которую Э. Пассемар первоначально сопоставил с бобром. Однако А. Брейль увидел здесь голову félin, «превосходящую по выразительности рисунок из Комбарелль» (Capitan et al., 1910: 122, fig. 107), с чем трудно согласиться.

Помимо упомянутых выше сочетаний животных, в **Ла Марш** имеются еще два камня с лошадью и кошачьим.

Крупная плита с первоначальными размерами 44.5x64x1.5-9 см в настоящее время состоит из двух фрагментов, на которых выгравированы передняя часть кошачьего и 3 фигуры лошадей (рис. 199). Правее головы кошачьего, расположенной на углу первого фрагмента в левый профиль, находится фигура лошади в правый профиль (A). Голова ее исчезла вместе с отсутствующим треугольным фрагментом. Лошадь довольно хороших пропорций, хотя немного длинная по отношению к коротким ногам. Она твердо стоит на сдвоенных попарно ногах. Шея довольно сильная и ее верхний край нарисован несколькими параллельными линиями. Над ними возвышается отдельно грива, переданная вставленными один в другой шевронами, открытыми вперед. Линия спины седловидная, круп поднят, высоко расположенный хвост очень густой, длинный, вытянутый назад. Бедро спускается на голень, копыто трактовано суммарно. Живот сильно выпуклый. Вторая фигура лошади (B) в правый профиль помещена ниже первой. Излом унес переднюю часть тела, но видно, что она значительно крупнее первой и кажется слишком длинной. Голова, расположенная на втором фрагменте, короткая и квадратная, очень чистого рисунка с ноздрями, ртом, губой и всеми тщательно прорисованными контурами. Глаз, рельеф фаса, поднятые уши четко выделены, ниже ганаша видна бородка. Нельзя ничего сказать о шее, кроме того, что она вытянутая и изогнутая, и о гриве. Сохранившаяся линия спины почти горизонтальная. Хвост такой же, как у A, густой, помещенный высоко и отставленный от тела. Задние ноги суммарные. Живот слегка выпуклый. Передние ноги, нарисованные близко к опущенной голове, согнуты. Третья лошадь (C) , расположенная под B и животом кошачьего, дана в левый профиль и довольно отличается от двух других. Она хороших пропорций, но задняя часть видна в 3/4 назад, тогда как передняя – в профиль, если не в 3/4 вперед. Достаточно небрежно трактованная голова опущена. Прямолинейный шанфрен продолжает слегка выступающий лоб. Глаз на своем месте, ухо поднято. Шея сильная. Шерсть гривы направлена вверх и вперед. Верхний край шеи и спина почти горизонтальные, хвост длинный, пушистый, падающий. Задние конечности направлены назад. Живот довольно тяжелый, подчеркнутый несколькими линиями, которые умножаются на уровне грудной клетки. Хорошо поставленные передние ноги направлены вперед и слегка согнуты. Их дистальные концы шаровидные. Между этими тремя лошадьми существуют отчетливые различия, хотя вряд ли можно говорить о различных породах (Pales, 1981: obs. 51, pl. 61-63). О размерах фигур лошадей: 23, 32 и 20 см длины соответственно упоминается в другом месте при описании кошачьего. Большая голова этого зверя повреждена от макушки до верхнего конца морды достаточно свежим изломом. Морда заслуживает особого внимания, прежде всего, потому, что здесь различается изображение линий, имитирующих ряды усов, нанесенные зубчатым резцом с определенной силой. Из полуоткрытой пасти виден верхний левый клык (Pales, 1969: obs. 13, pl. 35-37).

Вторая прямоугольная плита размерами 55x62x5-17 см определенно была более крупной, так как один край обломан в древности после гравировки. Выпуклая и неровная сторона покрыта крайне плотным переплетением различных линий, среди которых выделяются передняя часть лошади и протоме кошачьего более крупных размеров под углом 90° к лошади. Лошадь в правый профиль должна была быть нарисована в полный рост, но ее тонко гравированные контуры, прорезанные множеством линий, изолируются с трудом. От тела видна только горизонтальная линия спины и верхний край шеи, а также выпуклая грудь и нижний край шеи. Над шеей возвышается пышная грива, более высокая и лохматая, чем обычно в Ла Марш. Голова высокого качества, но излом края камня лишил ее шанфрена и ноздри. Тем не менее, она художественна и является одной из самых тщательно нарисованных. Контуры нижней челюсти и ганаша правдивые. Настороженно поднятое ухо очень подчеркнутое и покрытое шерстью. Лоб слегка выпуклый, закрытый челкой. Фас был трактован детально и рельефы его мускулатуры подчеркнуты. Глаз очень красив, яблоко нарисовано двойной линией, открытой спереди. Эта голова близко родственна по стилю и технике голове obs. 3, но, к сожалению, та и другая пострадали от одних и тех же причин (Pales, 1981: obs. 18, pl. 18-19).

Голова крупного хищника в правый профиль находится в правом верхнем углу плитки. Из-за неровностей рельефа она трудно различается. Голова продолжается линией спины с множественными повторениями. На контуре черепа видно округлое поднятое ухо. Глаз не устанавливается с точностью. Нижняя часть морды нарисована дважды, причем рисунки несколько различаются, но верхняя часть морды – общая. Отчетливо видна ноздря, складки верхней губы. Пасть полуоткрыта. Контуры нижней челюсти позволяют говорить о двух версиях. В одной подбородок более квадратный; горизонтальный край нижней челюсти соединяется с хорошо выраженным горлом. Голова в целом напоминает прямоугольник, свойственный львам. По другой версии нижняя челюсть более узкая и горло изображено прямой линией, которая соединяется с грудью. Голова принимает тогда

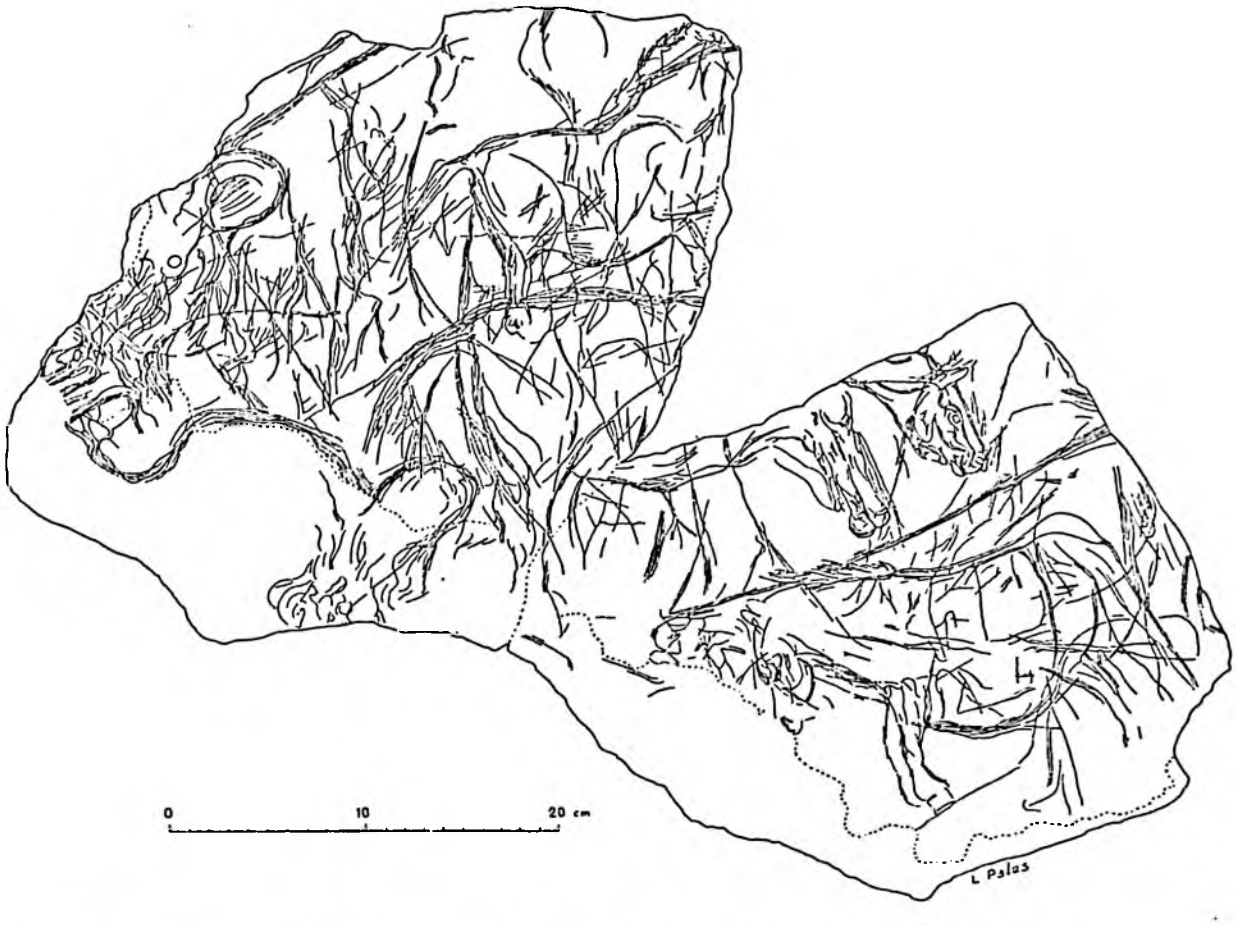

Рис. 199. Гравюры передней части кощачьего и трех лошадей на крупной плите известняка. Ла Марш.

форму усеченного конуса, напоминая немного медвежью. Животное твердо стоит на своих передних лапах, концы которых теряются в переплетении линий. Голова его поднята и оно настороженно смотрит прямо перед собой (Pales, 1969: obs. 10, pl. 26-28).

Лошадь – медведь. Фигуры лошади и медведя нанесены на разных сторонах костяной плакетки из **Бом-Нуар** (рис. 200). Они выполнены в одной технике, одном стиле и несомненно являются одновременными. Лошадь изображена в правый профиль, спокойно идущей с опущенной крупной головой, нарушающей пропорции (1/3 тела). Крайне преувеличенный нос, прямой лоб, шанфрен, подчеркнутый двумя линиями, создают толстую морду с выраженной нижней губой. В маленький и квадратный глаз вписывается овал зрачка. Четыре тонкие и глубокие надреза в виде V рисуют ганаш. Плакетка разбита на уровне лохматой гривы, изображенной параллельными штрихами, скошенными вперед и вверх. Шея тонкая, линия спины слегка седловидная. Круп, хвост, часть правой задней ноги повреждены изломом основы. Левая задняя нога передана кривой линией, в отличие от передних ног. Слегка выпуклый живот подчеркнут мелкими изогнутыми штрихами, направленными вперед и вниз. Передние ноги прямые, снабженные копытами и выгравированы после живота. Обратную сторону плакетки занимает фигура медведя в правый профиль, имеющая 4.4 см в длину и 3 см в высоту на уровне горба. В противоположность лошади медведь очень реалистический и пропорциональный. Голова обращена к земле, она усеяна более поздними повреждениями на уровне лба и морды. Глаз изображен естественным пятном на кости, подчеркнутым тонкой линией. Щека сильно заштрихована. Круглое пропорциональное ухо значительно выступает из контура темени. Шерсть

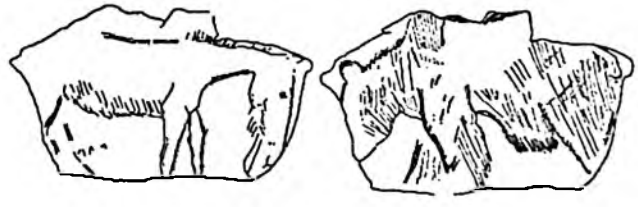

Рис. 200. Гравюры: а) лошадь, б) медведь на костяной плакетке. Бом-Нуар.

передана очень тонкими штрихами. Мощная шея, горб и спина нарисованы параллельными нарезками, ориентированными вверх и назад. Часть крупа отсутствует, но различается хвост, переданный тонкими, тесно сближенными штрихами. Правое бедро также нанесено штрихами. Линия живота горизонтальная. Густая шерсть нарисована тонки-

ми, длинными и правильными надрезами, ориентированными вниз и назад. Правая передняя нога широкая и массивная, левая изображена небрежно (Escola, 1989).

Лошадь – рыба. Это сочетание нередко в мадленском искусстве, хотя изображения рыб достаточно схематичны по сравнению с реалистическими образами лошадей. Они встречены только на органических основах, точнее, на предметах из рога северного оленя. В одном случае сама основа представляет ствол рога из **Истюриц**, конец которого был вырезан в форме хвоста рыбы. Это сочеталось с гравюрой лошади в правый профиль с массивным телом, крупной головой, стоящей гривой и глазом, расположенным очень близко к линии лба. Рисунок лошади, прерванный изломом рога, выполнен небрежно, что контрастирует со скульптурой и декором остальной части предмета (Saint-Périer, 1936: 94, fig. 56, 1).

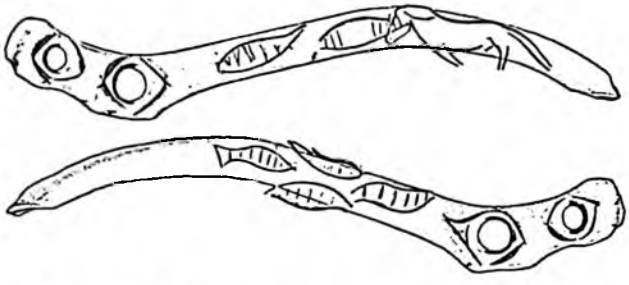

Рис. 201. Гравюры:
а) лошадь и две рыбы,
б) четыре рыбы на просверленном жезле. Ла Мадлен.

Что касается гравюр, из **Ла Мадлен** происходит целый просверленный жезл размерами 30.4x3.2x1.8 см, овальный в сечении с двумя отверстиями выше изгиба рога (рис. 201). На одном фасе выгравирован жеребец в левый профиль, которому предшествуют две схематичные рыбы. Хвост второй рыбы накладывается на морду жеребца. На другом фасе нанесены 4 рыбы в различной степени схематизации, нарисованные не вереницей, а стайкой (Sieveking, 1987: 312, pl. 29). А. Сивкинг замечает, что такие схематизированные рыбы, форма которых пересечена поперечными нарезками, популярны в мадленской орнаментации. В **Ложери-Бас** просверленный целый жезл длиной 23.4 см с одним круглым отверстием имеет на одном фасе неглубокие гравюры рыбы, без сомнения, лососевой, с незаконченным хвостом, на другом фасе – две фигуры лошадей разной величины, возможно, изображения кобылы и жеребенка. Тела коренастые, гривы хорошо отмечены. Р. де Сен-Перье упоминает фрагмент ребра из грота Арпон с подобным сюжетом (Saint-Périer, 1920: 225-226, fig. 6; Chollot, 1964: N 47 139). В **Ла Мадлен** найден неполный наконечник из рога северного оленя с двумя гранями в основании размерами 15.5x1.4x1.3 см с плоско-выпуклым сечением. На одной стороне изображена лошадь в левый профиль с большой головой, ясно нарисованным знаком пола. Далее следует неполная рыба с длинным хвостом и тремя надрезами на теле. Фигура лошади граничит с гротеском (Sieveking, 1987: 336, pl. 42). Из **Лорте** происходит долото-отжимник из рога благородного оленя размерами 11.5x2.8 см с изображением лошади в «летящем галопе» в левый профиль. На другой стороне представлена фигура рыбы и силуэт животного, посредственного исполнения, напоминающий движение лошади (Chollot, 1964: N 48 378).

Лошадь-тюлень. В 1870 г. во время раскопок Э. Пьетта в большой галерее Брассампуй был найден позвонок крупного животного, на плоскости которого выгравирована голова лошади в правый профиль, а на боковой поверхности – фигура тюленя в левый профиль (рис. 202; Piette, 1907: pl. LXXXI, 1, 2).

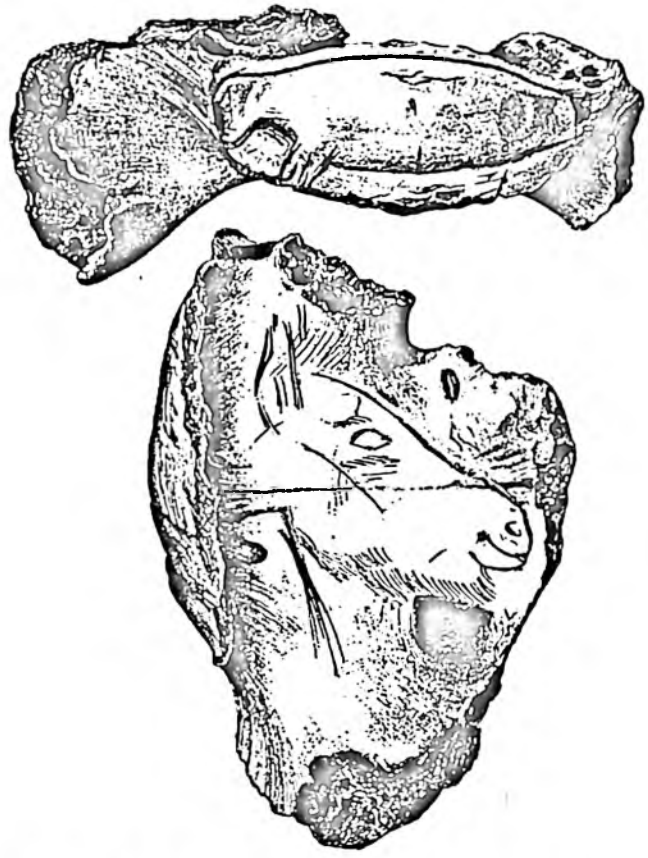

Рис. 202. Гравюры: тюлень и голова лошади на позвонке крупного животного. Брассампуй.

Лошадь – птица. На крупном изогнутом стержне из рога северного оленя, найденного в **Гурдан**, нанесена на одной стороне фигура лошади, на другой птица (утка) в правый профиль (Piette, 1904: fig. 71; Chollot, 1964: N 47 188).

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ.

Северный олень составляет одну из самых многочисленных категорий изображений живот-

ных в мадленском искусстве малых форм Франции. Поскольку бесспорные фигуры благородного оленя встречаются очень редко, мы относим к северным и ряд фигур, которые в литературе названы оленем (cervidé, cervid), специально оговаривая условность такой дефиниции.

Из-за трудности воплощения скульптуры единичны. Можно упомянуть некоторые из них. Из **Монтастрюк** происходит крупная и толстая пластина бивня мамонта (20.7x3.0x2.7 см) вырезанная в форме двух фигур северных оленей, следующих одна за другой (рис. 203). Передняя фигура – самка с небольшими рогами покрыта насечками на каждом боку и штрихами, передающими шерсть. Следующий за нею самец с более крупными, но линейными рогами, имеет и более крупные размеры (его длина 11.5 см). На каждой фигуре рога лежат вдоль спины, ноги поджаты под телом, за исключением левой задней ноги самца, которая вытянута вперед. Гениталии каждого животного переданы в рельефе (Peccadeau, 1868: 217-218, fig. sur p. 219; Capitan, Breuil, Peyrony, 1910: 169, fig. 144, 1; Sieveking, 1987: N 550).

Рис. 203. Скульптура двух фигур северных оленей из бивня мамонта. Монтастрюк.

Изделие из **Энлен**, как и все скульптуры из рога северного оленя мадленской эпохи, имеет два симметричных профильных фаса, согласующиеся в совершенстве. Говоря об аналогичных изделиях Э. Пьетт писал, что статуэтка в действительности является только ансамблем двух барельефов (наибольшая длина 8.9 см, наибольшая высота 4.1 см). Голова и ноги отбиты в древности, но можно видеть, что передние ноги вытянуты, а задние были согнуты под телом. По мнению А. Бегуэна, форма тела, тонкие ноги, очень заметная ягодичная складка, мускулы выступающей надколенной впадины, короткий и толстый хвост, расположение линий, нанесенных на теле, чтобы передать шерсть – все это позволяет увидеть в скульптуре, по всей вероятности, самку северного оленя (Begouen, 1912: 293-298, fig. 3-6). В другой работе упоминается, что фигурка – навершие копьеметалки (Begouen, Breuil, 1958: pl. XXXI, a).

Один предмет из **Ложери-Бас**, названный «кинжалом», вырезан из стержня рога северного оленя, на пальметке которого в низком рельефе изображено тело северного оленя со скульптурно переданной головой. Задние ноги, вытянутые вдоль стержня, не имеют деталей, передние ноги подогнуты под живот. Морда поднята вверх, короткие уши и толстая шея свидетельствуют о точности идентификации северного оленя (Lartet, Christy, 1865-1875: 147, pl. XIX-XX, 5).

Имеется целый ряд великолепных барельефов на жезлах и копьеметалках, часто вместе с изображениями лошади (см. выше). Например, в нижнем слое **Ла Мадлен** найден фрагмент жезла с остатками отверстия, рядом с которым нанесены барельефы голов северных оленей в правый и левый профиль, т.е. обращенными друг к другу. Э. Ларте и Г. Кристи описали их как принадлежащие быкам, но один из профилей позволяет отчетливо видеть начало рога, который расширяется и не может быть рогом быка (Capitan et al., 1910: 169, fig. 142). Несколько барельефов на жезлах и копьеметалках найдено в Истюриц.

Головы северных оленей в технике contour découpé единичны. Так в слое II Большого Зала Истюриц найдена вырезанная из кости, точная по пропорциям и форме (Saint-Périer, 1936: 118, 120, fig. 68, 3). Там же найден другой предмет, вырезанный из фрагмента лопатки – тело животного, обломанное на уровне передней части живота и задней ноги. Вдоль линии шея-спина на обоих фасах нанесены короткие косые нарезки. Размеры предмета: длина – 4.9 см, ширина – 3.0 см, толщина – 0.2 см. Хвост, хотя он обломан, возможно, был коротким. Это позволяет думать, что речь шла о cervidé или capridé (Saint-Périer, 1936: fig. 5; Buisson, Pinçon, 1984/1985: 66).

Гравюры очень многочисленны и нанесены на различные основы. Это, по преимуществу, одиночные фигуры, иногда в точно переданном движении, но встречаются и пары, и вереницы. В **Ложери-Бас** на обломке стержня рога северного оленя развертка рисунка показывает фигуру лежащего северного оленя в технике champlevé. Голова с ветвистыми рогами, короткий хвост и подвернутые ноги очень характерны (Capitan et al., 1910: fig. 159). В **Ла Ваш** (слой I) обнаружен рог северного оленя, по А. Дельпорту, «толстое ребро, очевидно жвачного, расколотое продольно», по Л.-Р. Нужье и Р. Роберу, длиной 12.5 см, шириной 2.5 см и толщиной 0.8 см. На выпуклом фасе две фигуры северных оленей гравированы с исключительным реализмом. Линия глубокая, точная, без повторений. Фигуры в левый профиль следуют одна за другой (Nougier, Robert, 1974: 17-21, fig. I; Delporte, 1975: 129, fig. 9).

Две пары северных оленей изображены на просверленном жезле из рога северного оленя, происходящего из раскопок Э. Ларте и Г. Кристи стоянки **Ла Мадлен** (рис. 204). Жезл имеет размеры 21.6x3.5x1.7 см. Концы его обломаны, на одном из них видны остатки отверстия. На каждой стороне выгравировано по паре бегущих северных оленей: в левый профиль (от отверстия и к отвер-

стию). Фигуры упрощенные и не имеют указания на пол. Головы подняты, ноги согнуты, что передает движение. Глаза и копыта не изображены, рога незакончены (Sieveking, 1987: 305, pl. 17). А. Сивкинг подчеркивает, что эти фигуры сведены к простому, но узнаваемому контуру, одновременно и жизненному, и стереотипному. В нижнем слое **Ла Мадлен** найден фрагмент жезла – часть изогнутого стержня. На одном фасе расположены две фигуры северных оленей, направленных друг к другу: передняя часть одного, как бы бегущего, и целая фигура другого, переданного в прыжке (Capitan, Peyrony, 1928: 92, fig. 54, 19).

Рис. 204. Гравюра двух пар северных оленей на просверленном жезле. Ла Мадлен.

В слое II Большого Зала **Истюриц** найден маленький заполированный фрагмент костяной поделки с отверстием. Сохранилась верхняя часть головы, гравированной с большой тонкостью и стремлением передать детали. Речь идет о молодом cervidé, может быть северном олене. Другой фас несет морду северного оленя (Saint-Périer, 1936: 108, fig. 62, 1). В слое E был найден фрагмент костяного кружка, гравированного на двух сторонах головой и двумя ногами северного оленя (Passemard, 1944: 66, fig. 33). Д. Бюиссон и Ж. Пенсон соединили удачно эти два предмета, установив, что речь идет не о кружке, а об изделии découpé и просверленном, форма которого не кажется классической геометрической фигурой. Они не сомневаются, что речь идет по существу о северных оленях, один из которых представляет молодую особь (Buisson, Pinçon, 1984/1985:65, fig. 1).

В **Дюрюти** на обломке лопатки длиной около 15 см вырезана замечательная гравюра северного оленя, переданного в «искривленной перспективе». «Изящество и уверенность линии, мощь изображенного животного позволяют поместить эту гравюру в слой со скульптурами, найденными в 1961 г.» (Rigaud, 1982: 424, fig. 15). На фрагменте лопатки из **Плантад** (Брюникель), покрытой переплетением линий, четко выделяется фигура северного оленя, ревущего и бегущего вправо (Capitan et al., 1910: fig. 157).

Можно отметить гравюры, нанесенные на кости птиц: одну из **Тейжат** и две из Абри Морен. В верхнем слое грота Ла Мэри в Тейжат на лучевой кости орла нанесен большой фриз северных оленей, необычный по своему решению: изображены только три передние и последняя фигура, промежуток заполнен штрихами и лесом рогов, подразумевающих наличие множества особей, переданных в правый профиль (Nougier, Robert, 1979: 30-31, fig. 4). В **Абри Морен** – фрагмент локтевой кости птицы длиной 7.8 см представляет переднюю половину и задние ноги северного оленя в правый профиль. Задняя часть исчезла вследствие излома. Голова и шея преувеличенного объема кажутся диспропорциональными по отношению к телу. Многочисленные анатомические детали изображены с точностью: рога, поднятое ухо, глаз, толстая морда с рисунком ноздри и рта, выступающий загривок, 4 тонких ноги, незаконченные, видимо, из-за недостатка места, подгрудок. Фигура находится в движении, которое выражено вытянутыми вперед головой и шеей и положением левой передней ноги. Пропорции тела, поза и некоторые детали, рисунок глаза и шерсти подгрудка тесно сближают эту гравюру с северным оленем из Ложери-Бас (Deffarge et al., 1975: 19, fig. 11, 2). На обломке диафиза кости крупной птицы длиной 4.6 см сохранилась часть головы ревущего оленя с вытянутой шеей, расширенной ноздрей и отброшенными назад рогами. Эти детали поразительным образом выражают движение. Анатомически точно передан глаз с хорошо выраженным слезным мешочком (там же: 36, fig. 33).

Гравюры на камне еще более интересны в смысле передачи движения. Упомянем три плитки твердого известняка из **Лимёй** с одиночными фигурами ревущих северных оленей. На одной плитке животное представлено в левый профиль (рис. 205). Рога и верхняя губа не очень отчетливы, но остальная часть рисунка, хотя и нанесена неглубокой линией, передана в совершенстве (Capitan, Bouyssonie, 1924: t. V, 12). На другой плитке фигура дана в правый профиль с отчетливой постановкой головы. Рога и копыта этого животного очень стерты и почти не видны (там же: t. X, 34). На третьей плитке глубокой и уверенной линией нанесена только передняя часть животного. Детали, за исключением рогов, тщательно отделаны (там же: t. III, 2). В Зале Сен-Мартен **Истюриц** на маленьком блоке желтоватого песчаника передняя часть северного оленя передана в слабом рельефе. Голова вытянута вперед в живом движении, рот открыт, что позволило назвать эту фигуру «ревущим северным оленем». Ухо откинуто назад. Рога даны только эскизно. Нижняя челюсть отмечена глубокой нарезкой. Подгрудок подчеркнут длинной глубокой линией. Передняя нога подвернута под тело, что создает впечатление падения. Р. де Сен-Перье сравнивает эту фигуру с другим ревущим северным оленем из Лимёй (Saint-Périer, 1930: 105-106, fig. 90, t. X, 1). На плитке песчаника из слоя E **Истюриц** голова северного оленя выполнена в горельефе вместе с техникой пикетажа, а тело покрыто знаками в форме перевернутого V (Passemard,

1944: 54, t. XXXI, 2). В том же слое найдена плитка песчаника, резко контрастирующая с полными жизни сюжетами. На обеих сторонах плитки расположены фигуры северного оленя, оригинально трактованные Э. Пассемаром, одна – как умирающий олень, другая – как мертвый олень. Первый держится только на передних ногах, второй лежит (там же: 54, t. XXX, 1, 2). Еще один умирающий северный олень представлен на гальке размерами 10.7x7.5 см из **Гурдан**. Животное дано в левый профиль, стоящим на коленях (Chollot, 1964: N 48 682).

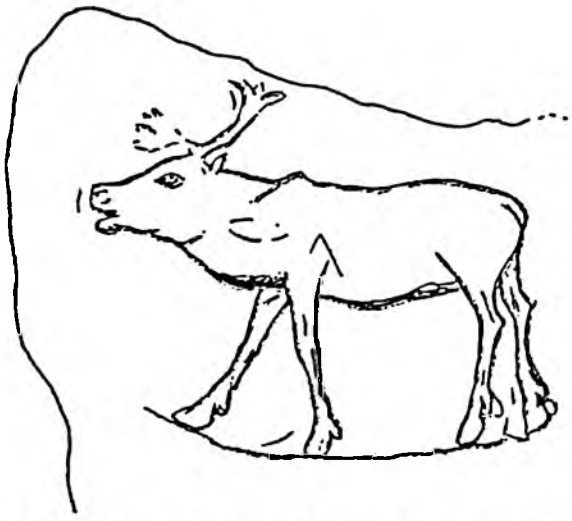

Рис. 205. Гравюра северного оленя на плитке известняка. Лимёй.

На двух камнях из **Монтастрюк** представлено по несколько фигур северных оленей. Первый пятиугольный фрагмент размерами 10.5x7.5x3.3 см гравирован палимпсестом из 3 фигур северных оленей. Целая фигура с поднятой головой дана в правый профиль. Ноги соединены вместе как бы в легком галопе и приспособлены к выступу на контуре камня. Совпадая с этими ногами и под прямым углом к первой фигуре еще 2 северных оленя, наложенные один на другой, оба нецелые, даны также в правый профиль. Более крупный из них, возможно, никогда не имел целой головы. Третья фигура не закончена (Capitan et al., 1910: fig. 155, 2; Sieveking, 1987: N 690). Второй – пятиугольный блок размерами 16.3x10.5x2.4 см, окатанный водой с четырех сторон и разбитый с одной после гравировки. Обе плоских поверхности гравированы. На одной из них А. Брейль дешифрировал фигуру северного оленя (Cartailhac, Breuil, 1906: fig.. 111, 1; Capitan et al., 1910 : fig. 154, 2), но, по словам А. Сивкинг, его транскрипция неубедительна. На другой стороне в переплетении с другими фигурами ей удалось дешифровать фигуру северного оленя в правый профиль, с подогнутыми ногами. В области шеи нарисовано копье (Sieveking, 1987: N 691d).

Как и в других категориях животных, некоторые изображения можно трактовать как самку с детенышем. Из **Ла Мадлен** происходит плита размерами 75x41 (или 65x48 по другим источникам) см с ровной поверхностью и тонким зерном. На ней нанесена замечательная гравюра идущей самки северного оленя в правый профиль с теленком, бегущим рядом. Ниже почти перпендикулярно этим фигурам расположена другая небольшая фигура северного оленя в левый профиль. Имеются и другие, менее заметные изображения, в том числе голова северного оленя (Capitan, Peyrony, 1928: 108-109, t. II). В **Лимёй** найдена плитка твердого известняка, гравированная двумя фигурами в левый профиль, возможно, детеныша, следующего за матерью (рис. 206). Они кажутся пасущимися. Головы животных и копыта первой фигуры переданы твердой линией, контуры живота и рогов немного завуалированы конкрециями. На ее боку изображены два символических знака. Меньшая фигура представлена только передней частью, нога ее расположена на срезе камня, что свидетельствует о целостности основы (Capitan, Bouyssonie, 1924: t. IV, 6).

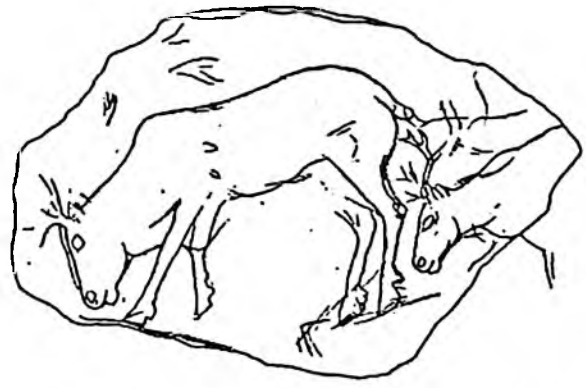

Рис. 206. Гравюра двух северных оленей на плитке известняка. Лимёй.

Северный олень – горный козел. В **Курбе** найден обломок ребра размерами 11.3x2.2x0.5 см, сломанного посередине и на обоих концах. На нем выгравированы 4 головы, все в левый профиль. Л. Капитан, А. Брейль и Д. Пейрони увидели головы лани, горного козла и двух благородных оленей (Capitan et al., 1910: 190, fig. 171). А. Сивкинг, к которой мы присоединяемся, помимо отчетливой головы горного козла, видит три головы северных оленей (Sieveking, 1987: N 505).

Северный олень – кошачье. На обломке рога из **Ложери-Бас** изображена фигура северного оленя, за ней следует крупный хищник из семейства кошачьих, у которого, к сожалению, отсутствует голова. Однако, форма и положение хвоста, как и общий силуэт тела, подтверждают эту идентификацию. Позиция двух животных не кажется случайной, об этом свидетельствует повернутая назад, к хищнику, голова оленя (Capitan et al., 1910: 156, fig. 125).

В **Ла Марш** обнаружено 20 фигур северного оленя, из которых 4 изображены в различных позах, тогда как остальные относительно неподвижны. Выше мы уже касались некоторых сочетаний, здесь же остановимся на его сосуществовании на одной основе с хищниками: кошачьим и медведями.

В Ла Марш есть три примера подобных сочетаний. Маленький отщеп неопределенно трапециевидных очертаний размерами 4x7.5x0.3-1.6 см был отделен в древности, но после нанесения гравюры, от плитки серого известняка с белыми прожилками. Одна сторона покрыта множеством линий, тонко гравированных резцом на твердом камне. Некоторые из линий заставляют думать о гриве, другие о пальметке рога северного оленя, большая часть неопределенна. Пальметка рога наиболее правдоподобна, но, как считает Л. Паль, это не дает оснований говорить о сосуществовании северного оленя и кошачьего, голова которого четко определяется (Pales, 1989: obs. 52). Голова кошачьего правый профиль следует контурам края камня. Продолжая шейный отдел позвоночника, поставленная горизонтально она склонена вперед. Поднятое округлое ухо хорошо нарисовано концентрическими линиями. За плоским лбом следует легкая лобно-носовая впадина. Морда прослеживается на выпуклости камня. Между мордой и ухом легко выделяется округлый глаз. Пасть полуоткрыта, зубы не различаются, но нижняя губа обнаруживается в профиль, как это обычно бывает у кошачьих. Морда передает впечатление рычащего зверя, которое усиливается формой горла. Тело животного должно было продолжаться за изломом камня (Pales, 1969: obs. 8, pl. 20, 21).

Северный олень–медведь. Одна сторона плитки известняка из **Ла Марш** размерами 17x21x1.8-4.5 см была обработана глубоким скоблением, чтобы выделить в одном углу нечто вроде мыса в рельефе. Именно в этот мыс вписывается голова медведя в правый профиль (рис. 207). Фигура этого медведя была выгравирована после фигуры северного оленя, нарисованной на противоположном конце в левый профиль. Олень кажется мирно идущим по нижнему краю камня. Голова слегка склонена к земле. Тело пропорциональное, спина слегка седловидная между выступом лопатки и рельефом крупа, снабженного маленьким поднятым хвостом. Задние ноги, особенно правая, исполнены небрежно. Передние ноги разъединены и вытянуты вперед, копыта у тех и других отсутствуют. Живот прямолинейный, густо заштрихованный параллельными линиями, как и подгрудок. Особенно заботливо выполнена голова. Рот закрыт, ноздри хорошо трактованы. Красивый овальный глаз очерчен по орбитальному контуру. Довольно крупное ухо поднято вверх. Потрясающая черта животного – его великолепные рога с выраженными передними отростками, снабженными пальметками, явно сильно преувеличенные по сравнению с телом. Два мощные вогнутые ствола четко разъединены и заканчиваются тот и другой широкой пальметкой в виде полумесяца. Они занимают свободное пространство камня и реалистично прикрепляются к черепу. Изображение этих рогов – одно из лучших в Ла Марш (Pales, 1989: obs. 64, pl. 53-54).

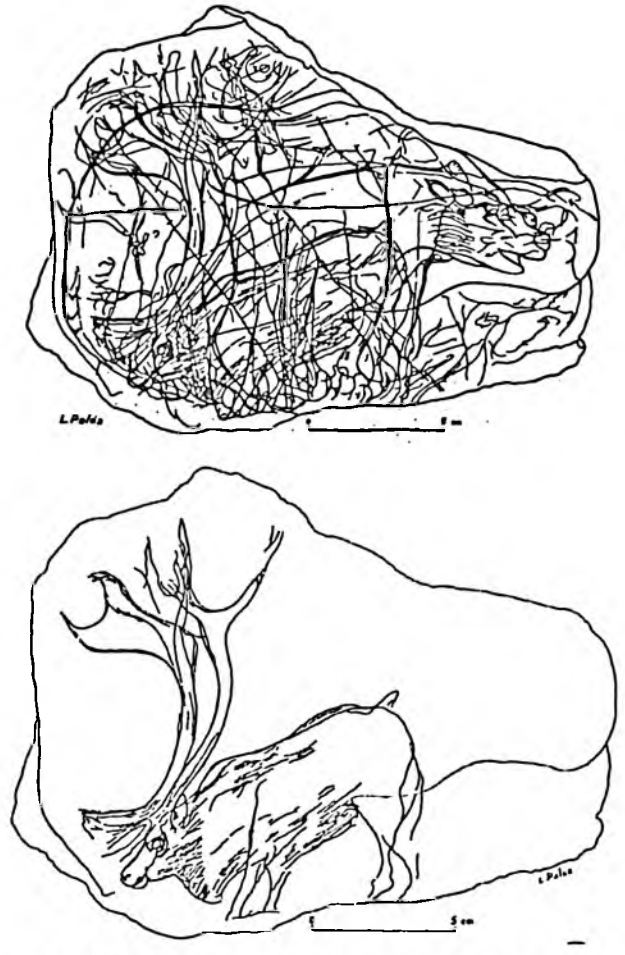

Рис. 207. Гравюра: медведь и северный олень на плитке известняка. Ла Марш.

Фигура медведя, выгравированная позже, также прекрасной фактуры. Зверь остановился, опираясь на задние лапы. Внутренний контур конечностей и расположенная низко линия живота тонут в массе тонких линий, но концы лап выделяются на уровне земли, т.е. нижнем крае камня. Контур спины сильно поднимается на загривке, как обычно у медведя. От этого выступа спускается до земли глубоко гравированный внешний край передней ноги. Голова трактована сдержанно, но с большим реализмом. Линия черепа продолжает шейный отдел позвоночника. Лоб плоский, как у бурого медведя по сравнению с пещерным, хотя существуют вариации у того и другого. Морда в виде усеченного конуса, пасть полуоткрыта, без видимых клыков, нижняя челюсть клювовидная. Маленькое, листовидное, заостренное на конце ухо

направлено назад. Глаз очень хорошо нарисован в его предорбитальной впадине. От уха до нижней челюсти идут параллельные штрихи, изображая обильную в этой области шерсть (Pales, 1969: obs. 17, pl. 45-47).

Северный олень – рыба. Из **Ложери-Бас** происходят два предмета с этим сочетанием: лощило из рога северного оленя, по Капитану и др., или фрагмент рога северного оленя, по Картальяку и Брейлю, с гравюрой головы северного оленя, молодого, как уточняют последние, в правый профиль, которая предшествует изображениям рыб (Capitan et al., 1910,fig. 158, 5; Cartailhac, Breuil, 1907: 29, fig. 11c); фрагмент ребра с головой северного оленя в правый профиль, перед которой изображены две рыбы (salmonidés – лососевые). Первая, ближняя к голове оленя, нанесена позже ее, вторая – позже первой. Композиция выполнена слева направо. Изображения рыб очень близки к рисункам из Ла Ваш и здесь пропорции их по отношению к голове оленя сохраняются (Caralp et al., 1973: 18, 19). В слое I Большого Зала Истюриц крупная лопаточка, очень тонкая и заполированная, украшена несколькими гравюрами, среди которых различается посредственно выполненная фигура северного оленя в левый профиль. Перед нею находятся два изображения рыб. Если перевернуть изделие, то внутри фигуры северного оленя видны две фигуры оленей (может быть, благородных?), тонко гравированные и сведенные к существенным линиям (Saint-Périer, 1936: 76, fig. 43, 5).

Одной из самых насыщенных различными сюжетами является плакетка метаморфической породы из **Монгодье**, открытая Л. Дюпором во время раскопок после 1966 г. По описанию Л. Дюпора, главная фигура – ревущий северный олень – самая крупная и наиболее глубоко врезанная. На ее бедре нарисованы голова молодого быка и голова лошади и в обратном направлении – на подгрудке голова льва и на уровне головы главной фигуры – задняя часть быка. Тело северного оленя прорезает наискось задняя часть другого северного оленя, на круре которого выгравирована голова молодой лошади. На противоположном фасе плакетки видна гравюра рыбы – лосося, с животом проткнутым гарпуном. После внимательного изучения фотографий и прорисовок, не имея в руках оригинала, место хранения которого не уточняется, А. Руссо сделал несколько ремарок. Ему удалось установить, что задняя часть бычьего относится к бизону, и в целом на плакетке изображены два оленя (возможно, северные), голова молодого оленя, голова льва и на другом фасе – рыба (Roussot, 1984).

БЛАГОРОДНЫЙ ОЛЕНЬ.

Благородный олень (Cervus elaphus) значительно уступает в числе северному, может быть потому, что его рисунки более неопределенны и могут идти под рубрикой олень. Иногда происходит просто смешение с северным и авторы колеблются в точном определении. В этом отношении показательна история с великолепной гравюрой из Лорте с «оленями, переходящими реку» (рис. 208). Она нанесена на обломок рога северного оленя, возможно, жезла. Первоначально олени рассматривались как северные (Piette, 1894, fig 15; 1904, fig. 53; 1907: pl. XXXIX, 1). В настоящее время предмет плохой сохранности, но его развертка представляет ясную сцену. Сохранилась передняя часть фигуры оленя с повернутой назад головой. Развитая система рогов позволила отнести животное к благородному оленю. Перед ним расположена другая фигура, от которой сохранились только часть рогов, круп и нижняя половина тела. Впереди видна лишь задняя нога третьей фигуры. Все они изображены в левый профиль. Несмотря на фрагментарность, вся сцена производит очень живое впечатление, усугубляющееся тем, что между ног оленей резвятся реалистически трактованные лососи (Capitan et al., 1910: 191, fig. 169, 3).

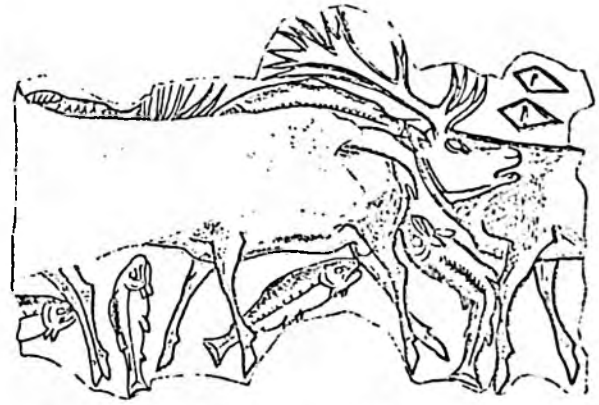

Рис. 208. Гравюра: «олени, переходящие реку», на просверленном жезле. Лорте.

В **Ла Мадлен** найден неполный жезл размерами 26.3x3.5x2.8 см. Две фигуры благородных оленей следуют одна за другой в левый профиль (к отверстию). Рога первого оленя распространяются на боковую и противоположную поверхность, рога второго расположены вдоль спины и частично на его теле. Каждый олень обладает большим глазом и знаком пола самца, ноги показаны без нижних частей (Lartet, Christy, 1865-1875, B: pl. VII и VIII, 6; Capitan et al., 1910: fig. 166, 2; Sieveking, 1987: N 306). Из этой стоянки происходит и обломок жезла, фигура лежащего благородного оленя в правый профиль обращена к отверстию. Форма головы с открытым ртом вытянутая, расположение рогов обычно для благородных оленей. Ноги поджаты под тело (Lartet, Christy, 1865-1875, B: pl. II, 3; Capitan et al., 1910: fig. 166, 1). На жезле с обломанным отверстием две фигуры животных следуют одна за другой в левый профиль (к отверстию). Первый изображает фигуру лани, покрытую пятна-

ми на шее и теле, вторую очень плохо исполненную фигуру относят к благородным оленям, на что указывает заостренная голова, крючковатые отростки рогов и общая легкая форма (Capitan et al., 1910: fig. 167, 3). Эти определения противоречат первоначальным, сделанным Э. Ларте и Г. Кристи, которые видели в первой фигуре изображение антилопы, а во второй – cervidé, возможно, северного оленя (Lartet, Christy, 1865-1875, B: pl. XXIV, 1).

В **Ото** найден целый жезл длиной 24 см с фигурой оленя, по мнению М. Буля (1895: 315, fig. 1), благородного в летящем галопе с маленькой и вытянутой головой, рогами с крючковатыми отростками – что делает его одной из самых характерных фигур этого животного (Capitan et al., 1910: 189, fig. 170, 1). Заметим, что по общему облику он близок к предыдущей гравюре из Ла Мадлен, отличаясь лишь большей живостью и формой рогов.

Из **Ложери-Бас** происходит обломок ребра с гравюрой благородного оленя в галопе. Тонкая голова направлена вверх, рога лежат на спине. Их строение: толстый ствол и два фронтальные отростка характерны именно для рода благородных оленей. Типична и штриховка, изображающая шерсть на боку и подгрудке (Breuil, 1935: 94, fig. 5, 1). В **Мас д'Азиль** на обломке кости птицы размерами 18.9x1.7 см изображена фигура ревущего благородного оленя в левый профиль, за которой следует другая, фрагментированная (Chollot, 1964: N 47 175). В отличие от изолированных голов благородного оленя, переданных, как обычно, в профиль, в **Мас д'Азиль** рельефная голова на крупном долоте из рога благородного оленя, нарисована в фас. Она легко различима, хотя и сохранилась неполностью (Breuil, 1913: fig. 37, 1).

Что касается каменной основы, то можно привести две окатанные гальки из **Монтастрюк** с гравюрами на двух сторонах (рис. 209). На одном фасе гальки размерами 10.8x7x2.5 см изображена фигура благородного оленя, на другом северного. Отличия животных очень ощутимы и могут служить реперами. Самец благородного оленя в правый профиль, тонкая заостренная голова держится на гладкой шее без намека на подгрудок и увенчана немного изогнутым рогом, который заканчивается букетом из четырех отростков. На нем представлены также два отростка, разделенные значительным промежутком, заостренные и направленные вперед. Конусы ног переходят на другой фас гальки, где они переплетаются с эскизами лошади и северного оленя (Capitan et al., 1910: 190, fig. 173; Sieveking, 1987: N 684).

Вторая галька из **Монтастрюк** имеет размеры 13.7x13x2.4 см. Один фас представляет комплекс перекрывающих друг друга фигур: самец благородного оленя в правый профиль с вытянутой шеей и открытым ртом. Круп и задняя нога переданы контуром камня. Под прямым углом к этой фигуре расположены две других в левый профиль, головы их совпадают. По мнению А. Сивкинг, это фигуры оленей (Sieveking, 1987: N 687), Л. Капитан и др. видят здесь силуэты лошади и лани (Capitan et al., 1910: 190, fig. 172, 1). Второй фас этой гальки достаточно изношен и гравированные линии, ясные только на левом краю, изображают голову благородного оленя со сложной системой рогов в левый профиль. Передние ноги и линия спины видны неотчетливо (Sieveking, 1987: N 687 reverse). Рисунок в монографии о Фон-де-Гом передает целую фигуру животного, которого авторы называют северным оленем (Capitan et al., 1910: 176, fig. 155, 1).

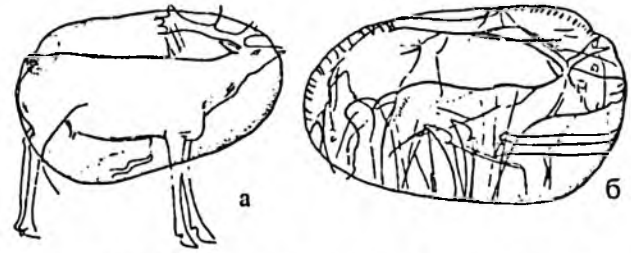

Рис. 209. Гравюры: а) благородный олень, б) лошадь и северный олень на гальке. Монтастрюк.

Что касается сочетаний благородного оленя с другими видами животных, то они редки, что может объясняться частично неточной идентификацией оленей, частично определенным упадком искусства в поздней фазе мадлена, во время условий, благоприятных для их существования. Уже приводились сочетания с северным оленем и ланью. Лишь в одном случае имеется упоминание о косуле. На обломке кости из **Лорте** нанесены фигуры двух животных, следующих друг за другом. Первая бесспорно принадлежит благородному оленю, вторая, по мнению Капитана и др., косуле (Capitan et al., 1910: 191, fig. 175). Если это так, то фигура косули будет единственной в палеолитическом искусстве. С равным успехом можно предположить, что изображена лань.

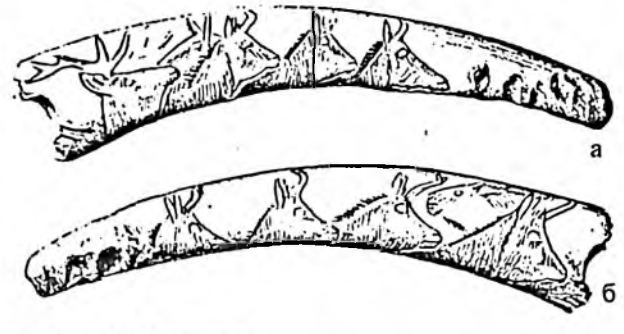

Рис. 210. Гравюры:
а) голова благородного оленя и трех серн,
б) четыре головы серн на жезле из рога благородного оленя. Гурдан.

Благородный олень – серна. Исключительное по тематике и качеству исполнения, это сочетание нанесено на просверленный жезл из маленького отростка рога благородного оленя размерами 12.8x2.2 см из **Гурдан** (рис. 210). На одном фасе 4 головы пиренейской серны переданы вереницей в правый профиль с удивительным реализмом, о котором свидетельствуют длинные заостренные уши и изогнутые крючком рога. Между первой и второй головами расположена голова сурка или барсука (и тот, и другой не имеют аналогий в палеолитическом искусстве). На другом фасе голова благородного оленя и 3 головы пиренейской серны разделены неясной головой из семейства лошадиных (Chollot, 1964: N 47 261). По Э. Пьетту, это рог северного оленя (Piette, 1907: pl. LXXXIII, 4).

ЛАНЬ.

Лань или самка благородного оленя выделяется особо, поскольку обладает характерными признаками для определения и вместе с тем ее изображения очень редки. В технике скульптуры – это единственная голова из **Эспелюг**, вырезанная из рога северного оленя, плоская, с асимметричными сторонами (Piette, 1907, pl. XXV, 2). В технике contour découpé – единственная голова из **Тюк д'Одубер**. На вырезанном силуэте кружок обозначает ноздри, в центре его расположено отверстие для подвешивания; ниже прямая линия указывает рот; другая на левом фасе немного ниже и сзади, более тонкая, ограничивает подбородок. Левая сторона кажется более тщательной, даже в ее упрощенности, чем правая, что довольно часто встречается в этой технике. Внутренность уха указана довольно широкой бороздкой и точка совсем маленькая, почти неразличимая, но достаточная, чтобы сделать намек, указывает на глаз (Bégouën, 1926: 223, fig. 5, 3, 4).

В **Ложери-Бас** найден фрагмент жезла с барельефными изображениями на двух сторонах: на одной фигуры ланей en file, первая целая, вторая в виде передней половины (остальное унесено изломом), даны в левый профиль, по направлению к отверстию. На другой стороне две фигуры ланей расположены спиной друг к другу, одна в левый профиль лишена головы, вторая – целая (Cartailhac, Breuil, 1907: 20, fig. 7, 6).

В **Ла Ваш** отмечен фрагмент ребра с гравюрой целой головы лани в левый профиль (рис. 211). Верхняя линия морды горизонтальная, следующая верхней грани ребра с легким орбитальным выступом. Глаз овальной формы удлинен слезным мешочком, что придает сильное выражение взгляду лани. Линия гравюры уверенная, без малейшего повторения передает морду, ноздрю и губу. Очень тонкие штрихи показывают удачную и тонкую моделировку, создавая рельеф верхней челюсти. На шее шерсть отмечена нарезками более длинными и иногда перепутанными. Направо от головы лани сохранились одна над другой две головы рыб (Caralp, Nougier, Robert, 1973: 13). А. Дельпорт упоминает, что этот рисунок нанесен на фрагмент костяной багетт (Delporte, 1975: 124, fig. 1).

Рис. 211. Гравюра головы лани и двух рыб на фрагменте ребра. Ла Ваш.

Изображения ланей на камне еще более редки, чем на роге и кости и еще менее выразительны.

ОЛЕНЬ.

В мадленском искусстве существует много изображений животных из семейства оленьих без идентификации рода. Некоторые из них заслуживают особого внимания, как в отношении основы, так и темы. Большой интерес представляет уникальный предмет – обломок ложки из **Фонталес**, вырезанной из рога северного оленя с изображениями на внешней выпуклой стороне оленей, или противостоящими друг другу или совмещенные головами в одном ряду, и оленей, расположенных вереницей в другом ряду (Lorblanchet, Welté, 1990: 58, fig. 24). В Мас д'Азиль найден обломок крупной багетт, вырезанной из редчайшего в мадлене материала – бивня мамонта, имеющей размеры 11.5x2.5 см и, возможно, представляющей собой обломок копьеметалки. На нем выгравировано тело травоядного с коротким приподнятым хвостом, характерным для оленьих или козлиных. Голова обломана. Тело покрыто тонкими насечками (Chollot, 1964: N 47 784).

Олень – кошачье. Плитка твердого известняка неправильной формы из **Ла Марш** с максимальными размерами 16x27 см и неравной толщиной от 0.5 до 5 см, возможно, подвергнутая обжигу, имеет почти плоскую поверхность, гравированную фигурами оленя и кошачьего, обращенными в разные стороны к концам камня (рис. 212). Олень, расположенный почти в середине плитки, передан в левый профиль. Тело его кажется тем более тяжелым, что оно стоит на коротких и тонких ногах, разъединенных, достаточно детализированных, с раздвоенными копытами. Любопытно, что левая передняя нога согнута в колене и таким образом приподнята. Вытянутая вперед шея довольно короткая. Голова смотрит прямо перед собой. Выпуклый лоб и горбатый нос могли бы принадлежать козлу, если бы над его головой не возвышался пучок тонких линий в виде букета, который может изображать рога без очевидной организации, как

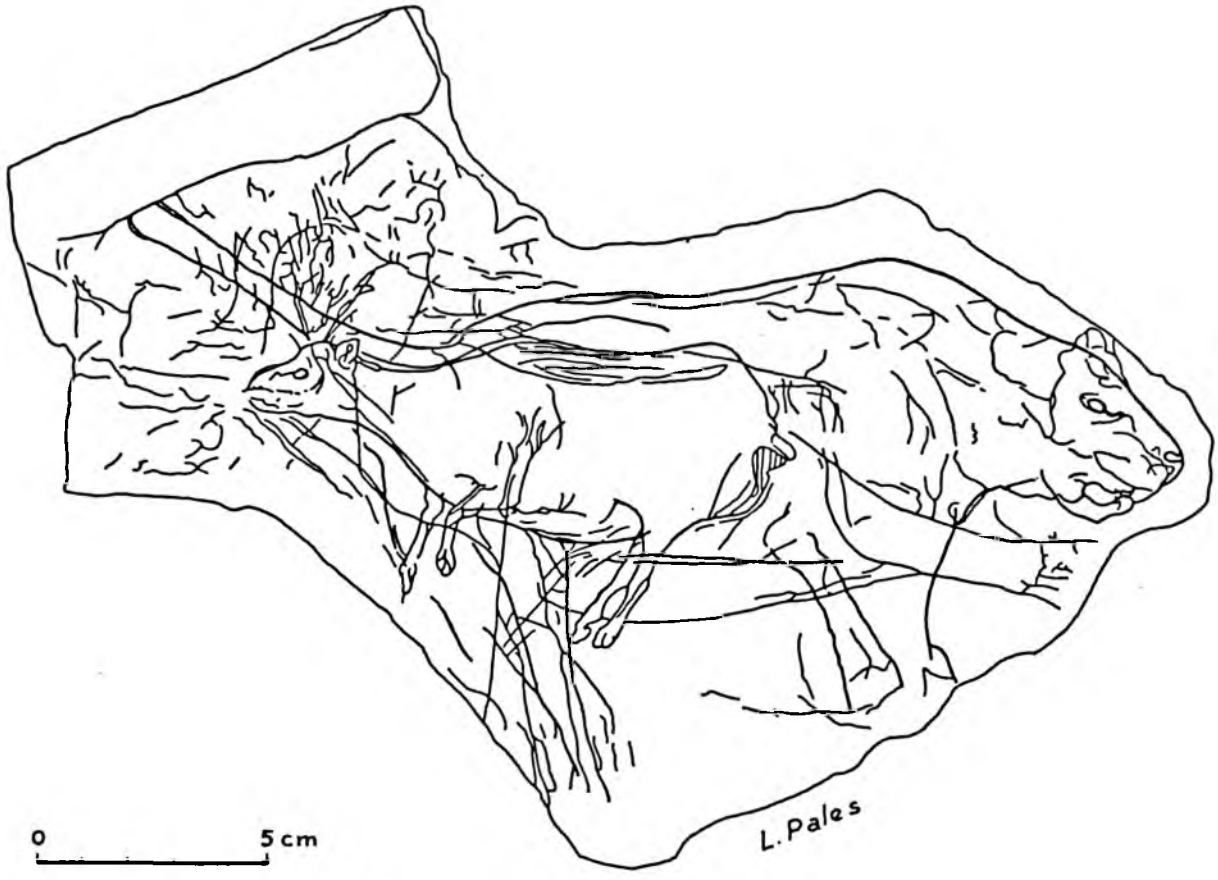

Рис. 212. Гравюры оленя и кошачьего на плитке известняка. Ла Марш.

это иногда бывает в Ла Марш. Хорошо нарисовано поднятое ухо, виден овальный глаз и полуоткрытый рот. Если линии, возвышающиеся над черепом, являются рогами, речь может идти о самке северного оленя. В противоположном случае о лани благородного оленя. В обоих случаях тяжелые формы говорят в пользу самки. Сосуществование большого кошачьего с благородным оленем допустимо. То и другое животное могли существовать во время фазы смягчения климата в вюрме IV. Сосуществование северного оленя и крупной кошки может быть совместимым с холодной фазой, подходящей не только для северного оленя, но и пещерному льву и пантере (Pales, 1989: obs. 66, pl. 56 внизу).

Фигура кошачьего в правый профиль значительно более крупная и расположена от одного до другого края камня. Спина, затылок и голова следуют контурам камня, выступ лопатки и выступ морды вписываются в формы основы. Концы ног и хвост приписываются к другим краям. Гравер привлек всю поверхность, которой он располагал, к созданию силуэта. Деталей мало, или они не были изображены или, скорее, тонкие линии исчезли в зависимости от изношенности камня. Глаз овальный с большой продольной осью. Ноздри хорошо нарисованы. Пасть закрыта, морда квадратная, подбородок в виде носовой части корабля. Передние лапы могут быть прочитаны в двух версиях: или обе вертикальные, или правая направлена вперед под морду. Хвост поставлен по горизонтали, он длинный, цилиндрический и заканчивается вздутием, которое может изображать кисточку, характерную для хвоста льва (Pales, 1969: obs. 2, pl. 11-13).

Олень-медведь. В **Раймонден** найдена багетт, вырезанная из самой изогнутой части рога северного оленя. Верхний выпуклый фас гравирован двумя головами медведей с мощными мордами и мохнатыми ушами, перед ними расположена третья голова, которая, скорее всего, принадлежит cervidé (Féaux, 1905: N 2103, 89-90). К сожалению, описание в каталоге Фео не сопровождается изображением.

Олень-рыба. На фрагменте крупного ребра размерами 11.0x3.6 см из **Эспалюнг** выгравирована на одном фасе голова оленя с рогами, расположенными в продолжение головы. Многочисленные штрихи передают шерсть. На другом фасе представлен эскиз тела рыбы (Chollot, 1964: N 47 350).

ГОРНЫЙ КОЗЕЛ.

Горный козел (каменный козерог, Capra ibex, Ibex, Bouquetin) достаточно хорошо представлен в искусстве малых форм, но географическое распространение изображений весьма ограничено и касается преимущественно мадлена Пиренейской зоны. Скульптурные формы, кроме маленькой головы, по-видимому, молодой особи, вырезанной из камня, найденной в слое II мадлена Большого

Зала **Истюриц** ((Saint-Périer, 1936: 132, fig. 74, 3, pl. XII, 3), являются навершиями копьеметалок, вырезанных из рога северного оленя. Исключительный интерес имеют именно изделия с фигурами молодых особей, скорее детенышей, что и нашло отражение в их названиях. Великолепный экземпляр такого "Faon" происходит из раскопок Марты и Сен-Жюста Пекаров в Галерее **Мас д'Азиль**. Он венчает копьеметалку длиной 33.4 см и представляет собой плоскую скульптуру козленка, повернувшего голову назад и наблюдающего как две птицы склевывают его экскременты, отсюда и название"Faon aux oiseaux". Эта сценка не лишена юмора и свидетельствует, по словам Пекаров, об острой наблюдательности, передаваемой со скрупулезными реализмом (Garrod, 1956; 27, fig. 3, 1; Delporte, 1990; 151, 152, fig. 195, 196). Подобное изделие происходит из грота **Бедейяк**, расположенного всего в 30 км от Мас д'Азиль, отличаясь лишь некоторыми деталями, в частности изображением только одной птицы ("Faon à l'oiseau", Garrod, 1956; 29, fig. 3, 2; Delporte, 1990; 153, fig. 197). Следует упомянуть также замечательное изделие из **Энлен**, вырезанное из широкой пальметки – две намеренно лишенные голов фигуры горных козлов, как бы обнявшиеся, стоя на задних ногах (рис. 213; Bégouen L., 1933. pl. Ic). Известны обломки наверший роговых копьеметалок из Эспалюнг (Сен-Мишель д'Арюди), Труа-Фрер, Гурдан, Эспелюг (Лурд).

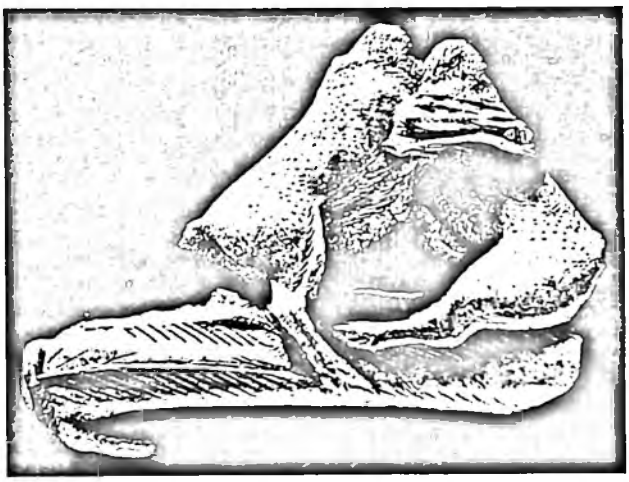

Рис. 213. Скульптура двух горных козлов – навершие копьеметалки из Рога. Энлен.

Из **Мас д'Азиль** происходит уникальный по материалу, технике и совершенству исполнения предмет. На зубе кашалота, определенного Ф. Попленом (Poplin, 1983), высотой 12.5 см вырезаны в горельефе на двух сторонах перпендикулярно одна другой две фигуры горных козлов (рис. 214). Они сильно выделяются из основы, возвышаясь над нею на 1 см, поверхность фигур заглажена и контуры очень отчетливы (Delporte, 1990: 134, fig. 150).

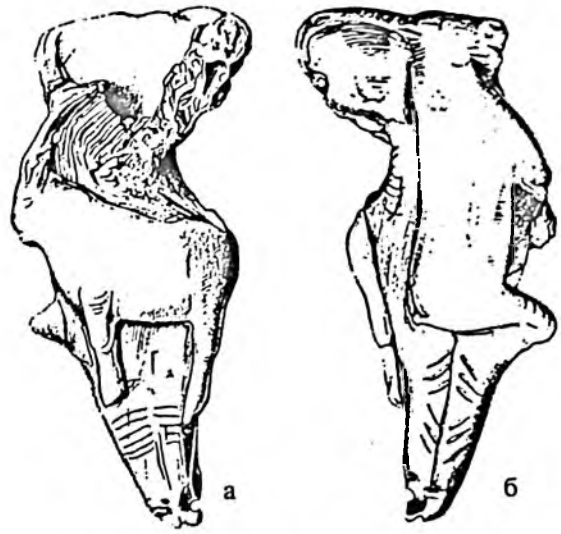

Рис. 214. Барельефы двух горных козлов на зубе кашалота. Мас д'Азиль.

Большой интерес представляют барельефы на изделиях из рога и, прежде всего, просверленных жезлах. Отметим почти целый жезл размерами 19.3x2.3 см из **Эспалюнг**. На одном фасе голова горного козла дана в левый профиль, рог повторяет продолговатый изгиб стержня, кольца рога отмечены нарезками. Четко передано рельефное ухо. Морда частично повреждена. Борода длинная, направленная вперед. Точки и штрихи изображают шерсть. На другом фасе – голова горного козла в правый профиль с рогом, согнутым на щеку. Замечательно вырезана морда с языком, выступающим из рта. Борода длинная, заостренной формы (Piette, 1907: pl. VIII, 2, 2a; Chollot, 1964: N 47 011). На фрагменте (стержне) жезла из **Мас д'Азиль** размерами 8.38x1.8 см сохранились две противостоящие головы горных козлов различной степени законченности. Голова с линиями шеи и груди – экстраординарного качества по чистоте и уверенности рисунка. Она трактована в технике champlevé. Тонкими гравированными линиями отчетливо указаны ноздри, рот, глаз и орбита. Хорошо передан изгиб рога, так же как и его кольца. Вторая голова имеет вид значительно менее законченный (Clottes, Alteirac, Servelle, 1981: 63, 64, fig. 17 и 18). За пределами Пиренейской зоны в **Ла Мадлен** отмечены два неполных просверленных жезла, орнаментированные фигурами горных козлов, расположенных вереницей по направлению к отверстию. На первом жезле представлены три фигуры самок в правый профиль, причем только центральная фигура изображена целой; первая, расположенная около отверстия, намеренно передана лишь в виде протоме, а последняя – обломана на уровне шеи. А. Брейль называет трактовку этих фигур суммарной и посредственной (Breuil, 1936/1937: 14, fig. 13, 1), хотя, на мой взгляд, они

переданы очень живо и выразительно. Совсем иная трактовка барельефа на целой копьеметалке размерами 26.5x2.3 см из **Мас д'Азиль**. Горный козел изображен в фас. Его рога обвиваются вокруг стержня. Коренастое тело покоится на двух хорошо детализированных передних ногах (Piette, 1907: 77, fig. 60, 60a; Chollot, 1964, N 47 025).

Изображения горного козла в технике contour découpé известны только из северных Пиренеев. Целая серия головок происходит из **Лабастид** (очаг мадлена IV). Оба фаса у них сходны. Каждая обладает двумя отверстиями для подвешивания: одно расположено между рогом и ухом, другое на шее (Simonnet, 1952: fig. 1). Они вырезаны из плоских костей, так же как и две головки из **Гурдан**, отнесенные к мадлену IV верхнему, и обработанные также с двух сторон с гравировкой (Chollot, 1964: 61, N 47 052, N 47 310). Головка, вырезанная из подъязычной кости животного, имеющая два отверстия, известна из мадленского слоя Зала Сен-Мартен **Истюриц** (Saint-Périer, 1930: fig. 85). Еще одна головка с обломанной передней частью и двумя отверстиями, расположенными на разных концах поделки, вырезанная из фрагмента лопатки, найдена в **Мас д'Азиль** (Piette, 1904: fig. 9; 1907: fig. 67).

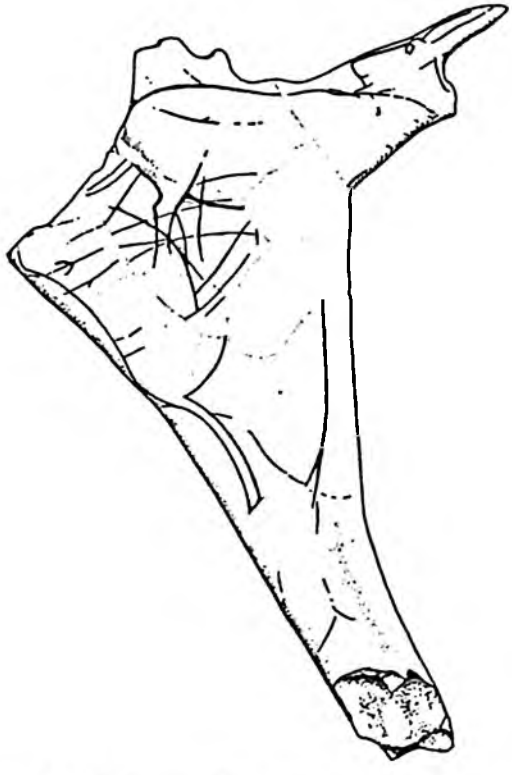

Рис. 215. Гравюра горного козла на фрагменте рога северного оленя. Ложери-Бас.

В гравюре естественный контур обломка пальметки рога северного оленя из **Ложери-Бас** был использован для гравировки головы и передней части тела горного козла, таким образом, что рог изображен на реальном стержне рога (рис. 215). На одной стороне пальметки животное смотрит влево, а на другой вправо. Размеры обломка 8.8x6.3x1.1 см (Lartet, Christy, 1865-1875B: 15, pl. II; Sieveking, 1987: N 202, pl. 12). На фрагменте рога северного оленя, на этот раз стержня из **Ла Ваш** нанесена группа голов животных. Центральный мотив образован двумя противостоящими головами горных козлов. Морфология их кажется различной. Животное слева имеет короткий кольчатый рог и заостренное ухо, животное справа, кроме длинного и сильно изогнутого рога, обладает замечательно хорошо трактованным ртом и характерной бородой. А. Дельпорт предполагает, что это головы самки и самца соответственно. Слева третья голова в левый профиль кажется независимой от первых двух. На другом конце обломка различается голова четвертого животного, заостренная морда которого напоминала волка, но после снятия кальцитового натека появился рисунок кольчатого рога (Delporte, 1975: 128, 129, fig. 8).

В слое II Большого Зала **Истюриц** найден почти целый наконечник из рога размерами 7.7x1.1x0.9 см с одной гранью в основании. На нем выгравирована стилизованная голова горного козла в фас. Линии вдоль стержня могут изображать рога, надрезы – очертания морды (Buisson, Pinçon, 1884/1985: 69, fig. 24). Эти авторы отмечают, что такая же стилизация козла на наконечнике из **Мас д'Азиль** была интерпретирована А. Брейлем (Breuil, 1903: pl. 26, 2), как морда лошади, но наличие длинных рогов заставляет их изменить эту точку зрения.

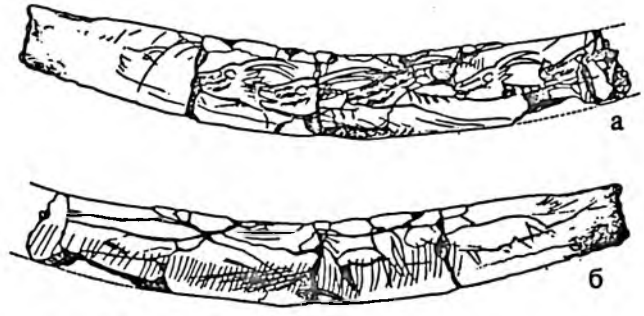

Рис. 216. Гравюра:
а) шесть голов горного козла,
б) две лошади на фрагменте ребра. Лез Эйзи.

Достаточно много изолированных, сдвоенных и в редких случаях ряда фигур и голов горного козла, выгравированных на различных костяных основах, в том числе большого художественного достоинства. Так, например, из грота **Ришар** (Лез Эйзи) происходит фрагмент крупного ребра длиной 19.4 см плохой сохранности (рис. 216). Поскольку он извлечен из блока знаменитой брекчии, он разбит на множество кусков, которые недостаточно хорошо склеены. Ребро гравировано с двух сторон: на одном фасе различается вереница из 6 голов горного козла в левый профиль, как бы налегающих друг на друга. Наложение голов на шеи

предшествующих все более и более тесное к передней голове создает впечатление перспективы. Рога короткие, дугообразные, не разделенные поперечными нарезками. Это дает основание думать о стаде самок или молодых особей альпийского горного козла. Шерсть передана короткими штрихами. 4 головы почти целые, тщательно исполненные, с двумя тонкими рогами. Последняя голова повреждена изломом, а первая передана в виде наброска (Breuil, 1936/1937: 12, fig. 11, 1; Sonneville-Bordes, Laurent, 1968). В Курбе на кости, точнее не обозначенной, нанесено 7 голов молодых горных козлов или самок. Они сближены и все даны в левый профиль (Cartailhac, 1903a: fig. 63).

Единственное изделие, изготовленное из камня, гравированное фигурой горного козла – это замечательный светильник из песчаника, открытый в 1899 г. Э. Ривьером в мадленском очаге грота Ла Мут (рис. 217). Галька пермского красного песчаника из окрестностей Брива была разбита при раскопках на 4 фрагмента, из которых один никогда не был найден. Из этой гальки была вырезан и заполирован на всех фасах, светильник овальной формы с треугольным выступом-рукояткой на одном конце. Размеры лампы 17.1x12 см, высота 4.5 см, длина рукоятки – 4 см. Выпуклый реверс несет гравированную голову горного козла в левый профиль. Согласно Ривьеру, этот рисунок удивительно напоминает горного козла, гравированного на правой стене зала в том же гроте, называемого зал Хижины (Hutte). Хорошо видны ноздри, рот, глаз, уши и рога, очень длинные, сильно изогнутые. Легкий пикетаж на уровне ноздрей и глаза мог быть выполнен намеренно или просто повторяющимися ударами по лампе. А. Руссо, который детально опубликовал это изображение, отнес его путем сравнения к верхнему мадлену с элегантным качеством изображения лучших гравюр на плакетках, например, из Лимёй (Roussot, 1969-1970: Beaune, 1987: 195, fig. 82, 9, pl. II, 3).

Рис. 217. Гравюра горного козла на светильнике из песчаника. Ла Мут.

Изображения горного козла из Лимёй, выгравированные на камне, все, за исключением одного, благодаря новейшим исследованиям Ж. Тозелло, оказались под вопросом. Бесспорна лишь передняя часть фигуры, нанесенная на плитку твердого тонкозернистого известняка высотой 17.5 см, обломанную с двух краев. Оставшаяся половина дана в правый профиль отчетливой и уверенной линией. Голова с ее тонким ртом, большим глазом, точной постановкой рогов передана с замечательным изяществом. Рога дугообразные. Передние ноги тщательно детализированы. Немного ниже и правее этой фигуры расположено второе животное, у которого отсутствует морда, но сохранилось отчетливое ухо. На рогах заметны характерные для горного козла шишковатости, но загривок и шея напоминают скорее северного оленя (Capitan, Bouyssonie, 1924: pl. XV, 61).

Характерно протоме горного козла, нанесенного в правый профиль на фрагмент сталагмитовой плитки из Энлен (рис. 218). Конец морды слегка поврежден, как и конец некрупного рога с хорошо отмеченной шероховатостью. Круглый глаз расположен несколько высоко. Контур головы, особенно грива и ухо переданы штрихами (Bégouën, Breuil, 1958: fig. 106).

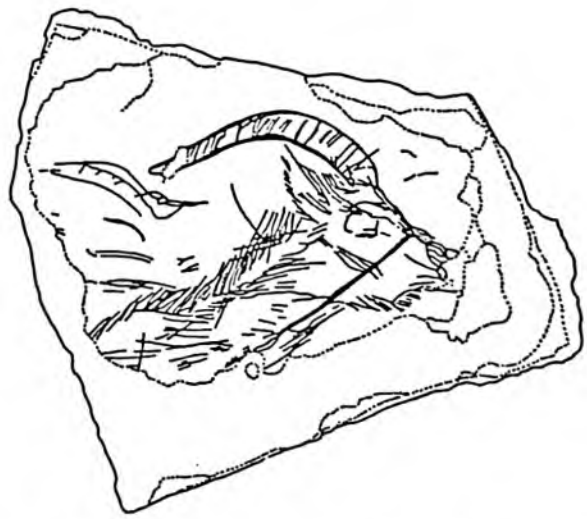

Рис. 218. Гравюра горного козла на плитке сталагмита. Энлен.

Можно упомянуть также замечательную голову горного козла в левый профиль на обломке разбитой пополам плоской гальки из Ла Ваш. Размеры обломка 4x5.8x1.3 см. Гравюра тонкая, но очень отчетливая. Изогнутые параллельные рога отброшены назад (Nougier, Robert, 1971: 19). Остальные гравюры не вносят ничего принципиально нового в репертуар образа горного козла.

В заключение, приведем данные по Ла Марш – единственной стоянке с точными подсчетами сюжетов, но здесь возникла непредвиденная ситуация. В виду сложности идентификации животных подсемейства козлиных Л. Паль объединил под общей рубрикой Ovi-Caprines – род баранов

и род козлов и включил в нее по крайней мере, 13 сюжетов, гравированных на 9 камнях. В одном случае сюжет с общей головой имеет три различных позы, поэтому можно допустить, что здесь изображены 3 особи. В другом случае на одной поверхности представлены две головы и две соединенные задние ноги. В целом, 7 камней имеют каждый один сюжет, 2 камня – несколько сюжетов. Представлено 7 животных в полный рост, 3 головы, дважды изображение конечностей и 1 раз пара рогов. Трудность идентификации иллюстрирует один пример. Фрагмент тонкой плакетки желтовато-серого известняка размерами 5.5x9.2x0.6 см был идеально подготовлен для нанесения гравюр. Вся поверхность покрыта запутанным переплетением линий, в котором различаются с первого взгляда изогнутые и длинные рога горного козла в полный рост и в левый профиль. Если нижний край плакетки представляет почву, то конечности будут аномально короткими, вся же остальная фигура замечательно правдива. Шея, вытянутая в продолжение линии спины, несет голову, склоненную к почве. Шанфрен прямолинейный, лоб едва выступающий, ноздри и глаз очень отчетливо нарисованы, ухо, длинное и поднятое, слегка скошено назад. Большой рог с широким основанием дугообразно опускается на спину. Хвост короткий. Длина рогов и наличие бороды были достаточны, чтобы определить самца. Это очевидный Ovi-Capriné, но какой? Ibex, Bouquetin des Pyrénées или муфлон? Морфология и расположение рогов исключают Ibex; длинное ухо было немного в его пользу. Слабо выпуклый лоб более ovin, чем caprin. «До более полной информации о наличии плейстоценового муфлона во Вьенне в мадлене мы склоняемся к une Chèvre des Pyrénées, область распространения которой в эту эпоху кажется протяженной до этих регионов» (Pales, 1981: obs. 78, pl. 100). Несмотря на относительно большое количество образа этого животного, сочетания его с фигурами других видов очень редки. Выше были отмечены случаи сосуществования на одной основе с бизонами, оленями, более часто лошадьми. К ним можно добавить 3 случая сочетания с сайгой.

Горный козел – сайга. Из **Ложери-Бас** происходит обломок (средняя часть) плоской костяной палочки, на котором в технике champlevé вырезаны две изолированные головы травоядных в левый профиль: одна из них может быть головой молодого горного козла или самки, поскольку у нее отсутствует борода, вторая с искривленными назад рогами и горбатой мордой позволяет думать о сайге (Breuil, 1935: 97, fig. 4, 4). В **Мас д'Азиль** найдена основа, вырезанная из кости конечности лошади, от нее сохранилась только часть верхнего сочленения, но внутренний фас и края тщательно заглажены перед нанесением гравюр. На выпуклом фасе нарисована целая фигура горного козла по длинной оси, на вогнутом фасе – две головы сайги и рог третьей, уничтоженной изломом (рис. 219; Breuil, 1903: pl. III, 1, 1 bis). Менее определенна гравюра на кости птицы из **Ла Рош**. Из двух неполных фигур животных от самки горного козла, по определению А. Брейля, сохранилась лишь голова, впереди которой изображено другое рогатое травоядное, судя по форме рогов скорее сайга, чем горный козел (Breuil, 1936/1937: 12, fig. 12, 5). Плакетка – фрагмент сталагмита размерами 21x17 см из очага А в **Портель** несет 2 головы животных: одна, очень стертая, без всякого сомнения, принадлежит горному козлу; вторая – очень странная: к морде félin присоединяются два поднятых коротких уха и два параллельные изогнутые рога, вогнутость которых направлена вперед неестественным образом. 5-6 горизонтальных штрихов пересекают низ головы (Vézian, 1955: 29, tabl. V, 3).

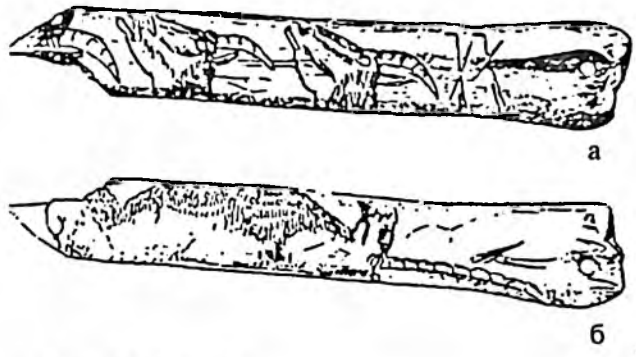

Рис. 219. Гравюра:
а) две головы сайги,
б) фигура горного козла на обломке кости. Мас д'Азиль.

Сочетания горного козла с другими видами животных достаточно сомнительны и мы приводим лишь для памяти: **Дюрюти** – 2 головы горных козлов и голова медведя (?), **Ла Ваш** – передняя часть горного козла, 3 головы козла в фас и рыбы.

СЕРНА, ПИРЕНЕЙСКАЯ СЕРНА.

Изображения этого типичного горного животного из подсемейства козлиных единичны и ограничиваются пиренейской зоной, лишь два найдены в Дордони в таких гигантах искусства малых форм как Ложери-Бас и Ла Мадлен. Любопытно, что почти все они нанесены на каменные основы. Исключение составляют лишь предметы из Гурдан, Ложери-Бас и Эспелюг. Наибольший интерес представляет жезл из **Гурдан**, который, согласно принятому условию помещен в раздел благородных оленей, хотя по всем данным он должен был занимать первое место в этой рубрике. Затем идет находка в **Ложери-Бас** – вырезанный из ребра силуэт лежащего животного, возможно, молодой пиренейской серны или серны. Голова – маленькая, короткая, небольшой рог сильно направлен вперед, шея – длинная. Косые полосы нарезок изображают шерсть спины, гребневидные полосы отмечают

бока и край шеи, на холке беспорядочные насечки передают взъерошенную шерсть. Неполностью сохранилась одна передняя согнутая нога (Bourlon-Breuil, 1916: 15, 16, fig. 9). Из Эспелюг происходят два обломка рога в одном случае с фигурой, в другом лишь задней частью серны, обе в правый профиль (Piette, 1907: pl. XXXIII, 1; XXIII, 3).

В **Мас д'Азиль** найден фрагмент известняка с гравюрой пиренейской серны или серны в правый профиль с головой, повернутой назад. Отчетливо видны крючковатые рога, передняя нога, живот, покрытый штриховкой. Штрихи под нижней челюстью, возможно, изображают бороду (Pequart, 1962: fig. 167-169). В **Ла Мадлен** несколько камней посвящено этому сюжету: известняковая галька гравирована на двух фасах. На одном целая фигура серны в левый профиль точно идентифицируется, на другом – почти целая в правый профиль (ее ноги не нарисованы из-за отсутствия места), рог поднимается как у серны, но его крючок слишком велик и изгибается как рог горного козла (Breuil, 1936/1937: 8, fig. 7, 1, 2); известняковый камень с почти целой фигурой пиренейской серны или серны в правый профиль, поскольку вертикально поставленный и тонкий у основания рог не позволяет другой идентификации (там же: 6-7, fig. 7, 3); два камня с гравюрой передней части пиренейской серны (Capitan, Peyrony, 1928: pl. XIII, 3 и fig. 20, 4). Другие изображения серны на камнях (Ла Коломбьер, Ла Рош, Виллепен) рассматриваются как возможные.

АНТИЛОПА-САЙГА.

В палеолитическом искусстве Европы изображения этого животного крайне редки. Помимо Франции, можно упомянуть лишь единственную гравюру головы на сланцевой плитке из Гённерсдорфа (Bosinski, 1982: 41, pl. 64, 1). Те, что найдены во Франции трудны для идентификации и, не видя оригинала, нельзя судить по фотографиям и прорисовкам о степени их достоверности. Единственная скульптура представлена целой плоской фигурой на конце копьеметалки из рога северного оленя, найденной в пещере **Энлен** в 1983 г. (Bégouen et al., 1986: 11-12). Лишь немногие гравюры не вызывают сомнений. Это, прежде всего, сюжеты на костяном лощиле из **Ла Ваш** (см. Лошадь). Голова сайги выгравирована на обломке ребра из **Гурдан** длиной 10.7 см. Речь идет о самце, поскольку самки сайгаков не имеют рогов. Излом основы унес другую голову, от которой остались только замечательно трактованные длинные заостренные уши с частью темени и затылка. Предположению Л. Нужье и Р. Робера, что это могли быть уши самки, противоречит форма и посадка уха на голове самца (Nougier, Robert, 1958: 22; Piette, 1907: 90, pl. LXXXIII, 5; Crémades, 1994a: fig. 58). Другие изображения сайгаков менее определенны. Это гравюра головы с большой бородой на обломке кости из **Эспелюг** (Piette, 1907, pl. XXIII, 4) и рисунки на происходящем из Лорте отщепе длинной кости, согласно М. Шолло, или фрагменте костяной пластинки, согласно А. Брейлю, на котором сохранились остатки фигур двух животных, следующих одна за другой. А. Брейль предположил, что это могут быть изображения сайги, поскольку у одной из голов остался конец довольно горбатой морды (Breuil, 1936/1937: 9, fig. 9, 2). М. Шолло более осторожно отмечает, что они могут принадлежать семейству козлиных (Chollot, 1964: N 47 548).

Помимо упомянутых выше сочетаний с лошадью и горным козлом, можно отметить еще фрагмент диафиза заглаженной и заполированной кости длиной 8.4 см из раскопок Андре Тавозо 1971 г. слоя верхнего мадлена **Большого Грота Биз**. Гравированная фигура, которую Д. Саки без колебаний определяет как самца антилопы-сайги, дана в левый профиль и сохранилась неполностью. За нею следует реалистически изображенная рыба, хотя наполовину унесенная изломом, но легко идентифицируемая как лосось (Sacchi, 1984: 32, N 35). Напомним, что до сих пор такое сочетание считалось характерным для лошадей и оленей. Имеется еще одно косвенное, возможно, разновременное сочетание сайги и бизона. На блоке песчанистого известняка размерами 37x40x8 см, найденного в отвалах раскопок О. Хаузера близ навеса **Ла Сукет** в знаменитой ложбине Кастельмерль (Сержак, Дордонь), выгравирована, помимо давно известной фигуры бизона, голова сайги. Бизон изображен в левый профиль. Глубоко прорезанные линии следуют очертаниям камня. Извилистость фаса головы хорошо совпадает с выпуклостями лба, морды и бороды. Овальный глаз на своем месте, хотя он слишком велик. Над ним возвышается рог с одним изгибом. Линия груди прорезает обрубок направленной вперед ноги. На линии живота намечен заостренный знак пола, направленный назад. Трактовка задней части придает замечательный реализм этой фигуре, не особенно реалистической в других отношениях. В левом верхнем углу – наиболее высокой части другого фаса камня расположена голова животного. Гравюра отчетливая, неравномерной глубины, подчеркивающая естественный рельеф. Голова передана в правый профиль. Непрерывная верхняя линия рисует горбатый шанфрен, уплощенный лоб, изогнутый назад рог небольших размеров. Позади него находится второй рог, исполненный менее тщательно и более прямоугольный. В нижнем контуре головы виден выступающий ганаш и подбородок. Там, где соединяется верхняя и нижняя линии образуется морда с мягким и падающим концом, дополненным широко открытой ноздрей. Ниже основания рога расположен миндалевидный глаз. Идентификация

этой головы основана на форме горбатого шанфрена, заканчивающегося привеском в виде хобота. Маленькое округлое ухо и ноздря, направленная вперед и вниз, так же соответствуют образу сайги. Авторы замечают, что обе гравюры различаются и по манере исполнения и по стилю, что, возможно объясняется их разновременностью. Они выполнены на блоке, упавшем с потолка навеса и, если бизон мог быть выгравирован до падения блока (хотя этому противоречит форма фигуры, местами совпадающая с очертаниями блока), то сайга несомненно нанесена после падения камня (Dubourg et al., 1994). Каков бы ни был промежуток времени между их исполнением, говорить о сосуществовании в данном случае не приходится.

КОШАЧЬИ.

Животные из семейства кошачьих – Felidae – представлены в искусстве малых форм в относительно небольшом числе, но значительном разнообразии. Определение их рода и подрода чрезвычайно затруднительно, тем более, что наиболее распространенный крупный хищник из семейства кошачьих – Felix spelaea или пещерный лев, кости которого находятся на стоянках, вымер. Реальный облик этого животного, совмещающего в себе признаки льва и тигра, неизвестен. Если головки животных в среднем периоде верхнего палеолита в Восточной и Центральной Европе носят название пещерный лев, то дефиниции изображений в Западной Европе более разнообразны и часто произвольны, не говоря уже о том, что общее определение может быть неправильным. Это и лев, и пантера, и даже рысь, но чаще всего, во французской литературе применяется название Félins. Поскольку диагностика изображений отсутствует, мы вынуждены относить их к этой группе, лишь в бесспорных случаях оговаривая их дефиницию.

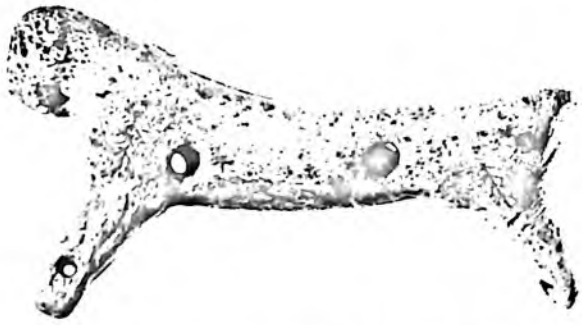

Рис. 220. Статуэтка кошачьего из рога. Истюриц, Зал Сен-Мартен, слой E.

Скульптуры кошачьих единичны. Это, прежде всего, замечательная «заколдованная» фигурка длиной 9.9 см из рога северного оленя, найденная в слое E древнего мадлена **Истюриц** (рис. 220). Округлая головка, вытянутое тело, сдвоенные пары ног, направленных соответственно вперед и назад, схематично, но верно передают образ гибкого хищника, напоминающего пантеру. Особый интерес этой фигурки заключается в наличии отверстий в области подбородка, нижней челюсти, груди, живота и на концах лап, а также зубчатых знаков на теле, точно таких же как на костяной пластинке с фигурами бизонов на одном фасе и человеческими фигурами на другом (см. выше) (Passemard, 1944: 50-51, pl. XXVI, 1).

В технике contour découpé представлен лишь один предмет, найденный в **Эспалюнг**. Это плоский силуэт, изображающий, по мнению авторов, не тигра или льва, но маленькую кошку. Он происходит из нижнего «гурданского» слоя Э. Пьетта, так же как и contours découpés лошадей (Capitan et al., 1910: 154, fig. 122).

Жезл из **Лафай** (Брюникель) с частично обломанным отверстием имеет на одной стороне барельеф животного в правый профиль, обращенного головой к отверстию (рис. 221). Линия живота и длинные ноги продолжаются на другой стороне жезла. Длина фигуры 20 см. Открывший жезл В. Брэн осторожно отнес ее к роду собачьих (Brun, 1867: 42, pl. IV). Э. Картальяк колебался между хищниками рода Canis или "скорее Felis» (Cartailhac, 1903a: fig. 47). С последним определением согласился А. Брейль. Голова с открытой пастью, короткой мордой, широкими, круглыми, хорошо разделенными ушами соответствует фигуре félin, как и концы ног, присущие хищнику с мягкими лапами (Capitan et al., 1910: 156, 157, fig. 126).

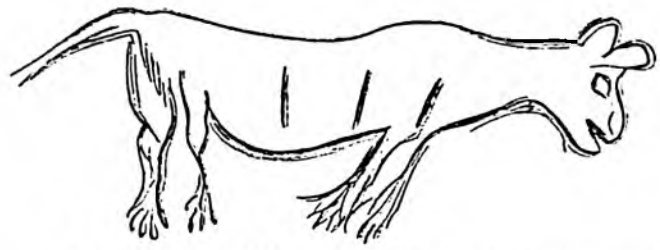

Рис. 221. Барельеф фигуры кошачьего на просверленном жезле. Лафай.

В технике гравюры привлекает внимание жезл из рога северного оленя. найденный в слое B (мадлен IV) **Ложери-Бас**. Длина жезла 20.2 см, навершие обломано, но следы отверстия сохранились. Фигура крупного кошачьего, возможно, пантеры, дана в левый профиль, головой к отверстию. Глубоко вырезанный рисунок умело обвивается вокруг стержня (Capitan et al., 1924: 120, fig. 104; Breuil, 1935: 94, fig. 4, 1). В путеводителе выставки в Брюсселе отмечено, что это единственный просверленный жезл с изображением félin (Exposition ..., 1990: 192, N 126), хотя, на мой взгляд, это почти полная аналогия жезлу из Лафай.

Одно из лучших произведений этого рода на кости происходит из слоя 4 Зала Моники в **Ла Ваш** (рис. 222). На заполированной внешней по-

верхности двух фрагментов расщепленного ребра общей длиной 16.6 см сохранились остатки великолепного фриза из трех фигур львов – центральной целой и двух частичных. Поражает точность передачи и внимание к деталям (Buisson, Delporte, 1988: 4, fig. 3).

Изображения кошачьих на каменной основе значительно многочисленнее, чем на кости и роге, но не все они бесспорные. К образу льва может быть отнесена фигура на плитке песчаника из **Лабуиш**. Плитка размерами 28.5x17 см состоит из 7 фрагментов, при этом надо отметить, что фрагментация современная, поскольку плитка находилась на поверхности. Лев в правый профиль твердо стоит на четырех лапах. Легкое скобление камня передает в рельефе мощную мускулатуру правого плеча. Длинный хвост заканчивается вздутием, соответствующим кисточке. Исследователи рассматривают 4 прямые линии перед головой зверя как наконечники копий, аналогичные изображенным в Ла Коломбьер (Méroc, 1959: 28, fig. 14, 15; Nougier, Robert, 1965б: 42-43).

Наиболее выразительны и точны изображения кошачьих в **Ла Марш**, где они составляют целую серию из 15 экз.: 5 целых фигур, 3 передних части, 6 голов и 2 – передние лапы в барельефе. Известняковые основы включают 3 плакетки, 1 линзовидный отщеп, 1 отщеп, 3 плитки, 6 плит и 1 блок. Отметим изображение на фрагменте тонкой линзы трещиноватого известняка, отделенной от плитки и вторично разбитой на несколько кусков, из которых соединены только 4. Общие размеры 11.5x14 см, толщина 0.3-1.2 см. Камень несет единственный рисунок, который занимает всю его поверхность – это голова félin в левый профиль. Возможно, тело было выгравировано полностью, от него осталась только передняя часть до загривка и часть передних лап. Голова – одна из самых красивых не только в Ла Марш. Лоб плоский с легким углублением при переходе к носу. Ноздри четко нарисованы. Верхняя губа открывает клык, она пересекается горизонтальными складками, которые ее морщат. Пасть широко разинута, открывая и нижний клык. Ухо нарисовано дважды. Округлый глаз передан детально. Правая передняя лапа, массивная и короткая, показывает, что животное стоит на земле или в позе защиты или готовое прыгнуть. Левая передняя лапа уничтожена изломом и за нею идет линия живота, которая теряется. Очень тонкие многочисленные линии на морде и шее, очевидно, изображают шерсть (Pales, 1969: obs. 7, pl. 19a).

Особый интерес вызывают сочетания félin с другими животными: мамонтом, бизоном, лошадью, оленем, горным козлом и лишь в одном случае край плакетки, на которой нанесены протоме лошади и фигура кошачьего, имеет человеческий профиль (см. выше соответствующие разделы).

В двух случаях изображение кошачьего может быть идентифицировано как рысь. В верхнем слое **Ла Мадлен** найдена плитка сланца, на которой выгравирована передняя часть félin, может быть рыси. Голова, грудь и передняя нога выделяются отчетливо среди переплетения линий вместе с двумя протоме северных оленей (Capitan, Peyrony, 1928: 115, pl. XVIII). На другой плитке, найденной в отвалах Э. Ларте, по Брейлю (Breuil. 1936/1937: 3-4, fig. 2), Капитан и Пейрони выделяют в сложном переплетении линий несколько изображений félins, в том числе и рыси. Плитка треугольная, в правой части выступает передняя часть рыси в левый профиль. Видны круглая голова, короткая и толстая морда с округлым глазом, треугольные уши, большая лапа и вытянутое тело. Впереди другая голова того же типа различается с большим трудом. Перед нею расположена человеческая нога с массивной ступней, заканчивающаяся только 4 пальцами. На колене располагаются 4 округлые элемента, возможно, пальцы второй ступни, которую не смогли различить. Перевернув рисунок сверху вниз, справа видна передняя часть животного. Общие характерные черты: круглые голова и глаз, большая лапа, несмотря на эскизность, позволяют отнести ее также к félin. Впереди нос к носу с первой рысью располагается другое животное, félin или медведь?, плохо определимое из-за многочисленных случайных линий, которые его перекрывают (Capitan, Peyrony, 1928: 114, fig. 67, t. XVII).

На фрагменте плакетки твердого известняка из **Лимёй** сохранилась гравюра задних ног и хвоста животного. Капитан и Буиссони считают, что низкая подколенная впадина и ступня позволяют думать о félin, а короткий хвост может указывать только на рысь (Capitan, Bouyssonie, 1924: t. XXVIII).

МЕДВЕДЬ.

В отличие от животных семейства кошачьих (Felidae), медвежьи (Ursidae) достаточно хорошо идентифицируются по присущим им характерным морфологическим признакам. Существующие трудности в различении бурого и пещерного медведей преодолеваются соображением, что пещерный медведь к мадленскому времени вымер или находился на пути к вымиранию, обычно любое изображение относят к бурому и это специально не оговаривается (Nougier, Robert, 1957б).

В скульптурном воплощении только одна голова вырезана из рога северного оленя. Она происходит из **Ложери-Бас**, хотя Жиро и Массена не совсем уверены в этой идентификации (Girod, Massénat, 1900: pl. I, 1a. b), общий вид короткой морды и округлых ушей, особенно хорошо заметных на правом профиле, позволяет отнести эту головку к медведям (Capitan et al., 1924: 128).

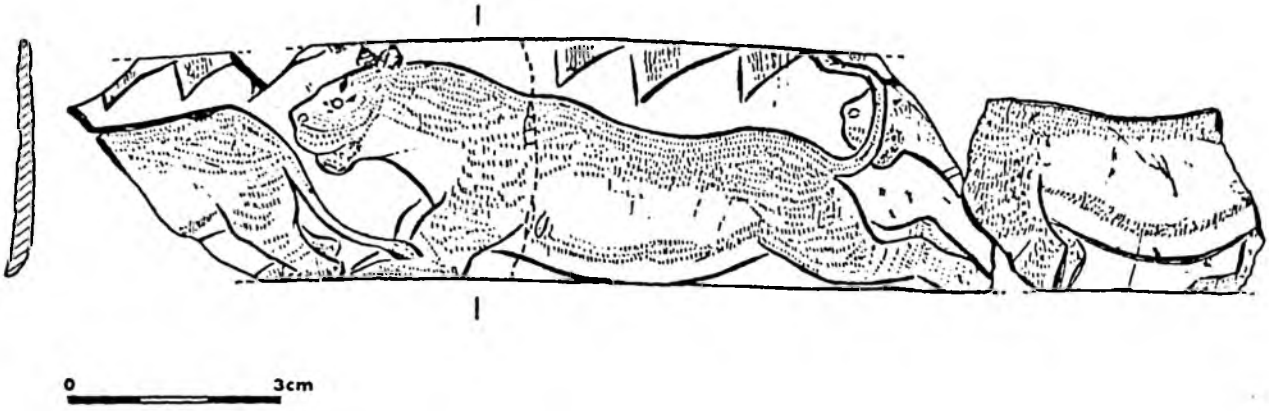

Рис. 222. Гравюра: фриз кошачьих на фрагменте ребра. Ла Ваш.

Прекрасная серия скульптур медведя из камня происходит из **Истюриц**. Маленькая голова из желтоватого довольно прочного песчаника найдена в нижней части слоя E (рис. 223). Э. Пассемар отметил ее поистине блестящее исполнение с экстраординарной свободой и виртуозностью. Это совершенная круглая скульптура без следов стилизации (Passemard, 1944: 52, pl. XXVI, 4). Другим шедевром является фигурка медведя из мягкого песчаника, обнаруженного в слое II среднего мадлена Большого Зала (рис. 224). Ноги ее повреждены в древности. Биконически просверленное отверстие пересекает тело животного позади плечевого пояса (Saint-Périer, 1936: 132, 133, pl. XII, 5). В Истюриц найдена в том же слое головка медведя из кости в технике contour découpé (Saint-Périer, 1936: 118, 120, fig. 68,4, pl. X, 2). Интересно отметить, что второй предмет в той же технике и того же происхождения так же необычен по сюжету, представляя голову северного оленя. К числу уникальных, но не по сюжету, а по материалу относится вырезанная по контуру в слегка моделированном стиле головка из глиняной плакетки, найденная в гроте Бедейяк. По мнению А. Дельпорта и Л. Монс, несмотря на наличие рогов, кажется, что силуэт головки ближе напоминает медвежью, чем бычью (Delporte, Mons, 1973: 26, fig. 3).

Рис. 223. Скульптурная голова медведя из песчаника. Истюриц, Большой Зал.

Рис. 224. Фигурка медведя из песчаника. Истюриц, Большой Зал, слой II.

Из гравюр на роговой основе привлекает внимание орнаментация своеобразного жезла из рога северного оленя, найденного в слое I **Ла Ваш**. На каждой стороне очень тонко выгравировано по две фигуры медведя (Nougier, Robert, 1975: 74, 75). Композиция и облик фигур имеют удивительное сходство с гравюрами на «лощиле с медведями» из слоя II этой стоянки (см. ниже). В гроте **Масса** на обломке (толстом конце) просверленного жезла выгравирована голова медведя в фас (рис. 225). Пропорциональная морда, круглые уши, широкий лоб и узкий нос передают характерные черты зверя. Глаза не прослеживаются (Breuil et al., 1956: 42, fig. sur le p. 43). На отростке рога из того же местонахождения также близ обломанного отверстия выгравирована голова медведя в левый профиль с маленьким ухом и продолговатой мордой, имеющей хорошо выраженный «пятачок» (рис. 226). Из открытой пасти выходят штрихи, расположенные в виде елочки. Изогнутый конец этого рога был интерпретирован как голова птицы с клювом , разделенным продольной линией, параллельной

выпуклой стороне, и ромбическим глазом (Capitan et al., 1924: 130, 131, fig. 115, 2). Аналогичное изображение головы медведя в левый профиль найдено в среднем слоя **Ла Мадлен** на обломке полукруглой багетт из рога северного оленя (рис. 227). Голова с полуоткрытой пастью обращена к странному рисунку, в котором видят изображение мужских и женских гениталий (Capitan, Peyrony, 1928: 72, fig. 40, 2).

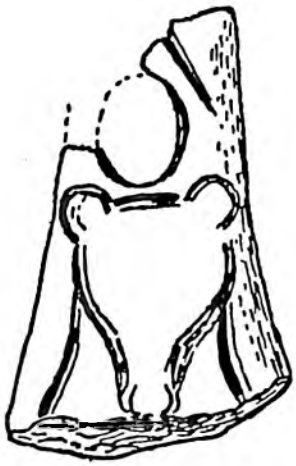

Рис. 225. Гравюра головы медведя в фас на обломке просверленного жезла. Масса.

Рис. 226. Гравюра головы медведя на просверленном жезле. Масса.

Рис. 227. Гравюра головы медведя на полукруглой багетт. Ла Мадлен.

Из гравюр на кости очень выразительна голова медведя в левый профиль, вырезанная на обломке пластины из **Лез Эйзи**. Излом основы прошел на уровне шеи. Голова, несмотря на малые размеры, хорошей фактуры со всеми необходимыми деталями (Breuil, 1936/1937: 5, fig. 4, 2). Учитывая, что вся обработанная кость из этого грота добывалась из брекчии, можно думать, что рисунок имел продолжение. В **Абри Морен** вне стратиграфии найден фрагмент трубчатой кости лошади длиной 17.1 см и шириной 3.4 см. Использованная как отжимник, эта кость гравирована отчетливой и твердой линией фигуры медведя в левый профиль, лишенной головы. Тело массивное, линия спины слегка седловидная, круп резко падает, живот прорисован двумя линиями. Изображены одна передняя нога, отчетливо более длинная, чем задняя, и направленная вперед (Deffarge et al., 1975: 53, fig. 45, 1a). По ряду признаков это изображение сопоставимо с фигурой медведя на камне из Лимёй (см. ниже).

Из слоя II грота **Ла Ваш** происходит лощило из крупной костяной пластины – расщепленного ребра, тщательно заполированного на фасах (рис. 228). Один фас дает композицию, исключительную по теме и трактовке. Представлен фриз из четырех медведей: 3 фигуры в правый профиль, в противоположном направлении от острого конца. Последняя фигура наиболее полная и выразительная, две фигуры перед ней частично перекрывают друг друга и на некотором отдалении от них – голова и шея медведя в фас, частично затронутая изломом. На противоположном фасе единственная фигура оленя, представленная протоме в левый профиль (без описания) (Breuil et al., 1956: 18). Следует также упомянуть находку из слоя А грота Арпон (Леспюг) тщательно заполированного с двух сторон фрагмента кости, на котором изображена голова медведя в фас вместе со стрелами и рыбой (Saint-Périer, 1920: 221, 222, fig. 4).

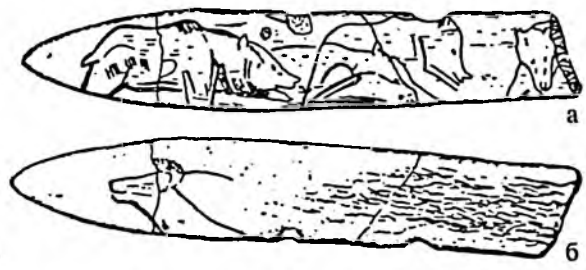

Рис. 228. Гравюры: а) три медведя, б) олень на лощиле из ребра. Ла Ваш.

Неполная фигура медведя, выгравированная на кости мамонта из **Ла Коломбьер** перекрывается изображениями человека и северного оленя (рис. 150; Mayet, Pissot, 1915: 140, fig. 71). В гроте **Эспалюнг** (Сен-Мишель д'Арюди) в слое мадлена IV найден фрагмент плечевой кости медведя, на котором А. Брейль расшифровал довольно плохое и неполное изображение этого животного (Breuil, 1936/1937: fig. 5, 2; Chollot, 1964, N 48 125/A). В гроте **Бом Нуар** (департамент Верхняя Сона) на костяной плакетке с поврежденными краями нарисована фигура медведя в левый профиль, реалистическая и пропорциональная (Escola, 1989: 188, fig. 3 и 4).

Все остальные, известные мне изображения медведей в мадлене Франции – это гравюры, нанесенные на каменной основе. Из найденных в **Ложери-Бас** приведем две полные фигуры, переданные в движении: одна в левый профиль на трапециевидной плакетке сланца, другая в правый профиль на каменном блоке (Capitan et al., 1924: 130, fig. 111, 4 и 128, fig. 113 соответственно). Сре-

ди неравноценных гравюр из **Лимёй** выделяется выразительная фигура медведя длиной 24 см в левый профиль на крупной плитке известняка. На боку животного отмечено изображение стрелы (рис. 229; Capitan, Bouyssonie, 1924: pl. XXVIII, 119). На гальке известняка из **Ла Коломбьер** из сложного переплетения линий выделяется фигура медведя в правый профиль с опущенной головой (Mayet, Pissot, 1915: 130, fig. 61). На гальке сланца из **Масса** нарисована фигура медведя в левый профиль. Морда вытянута, передние ноги раздвинуты. По причине выпуклого лба его считают изображением пещерного медведя, хотя Масса – это памятник развитого мадлена (Capitan et al., 1924: 130, fig. 115, 1).

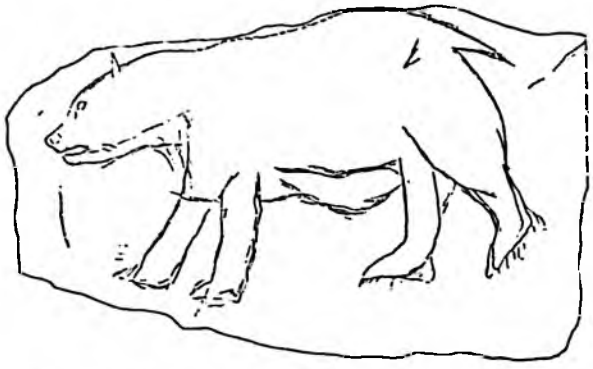

Рис. 229. Гравюра медведя на плитке известняка. Лимёй.

Окатанная галька из **Монтастрюк** (Брюникель) несет фигуру животного в левый профиль, дешифровка которой затруднена. По мнению А. Сивкинг – это не горный козел, как предполагал А. Брейль, а скорее бизон или медведь (Breuil, 1936/1937: 9, fig. 10, 3; Sieveking, 1987: N 679). Мы предпочитаем последнее определение. На фрагменте сланцевой плитки из **Гурдан** размерами 9x8.5 см нанесены замечательные кроки, перекрывающие друг друга. Среди них выделяется голова медведя, морда которой усечена изломом плитки (Capitan et al., 1924: 131, fig. 114, 1; Chollot, 1964: 77, N 47 265).

Наконец, в **Ла Марш** найдена серия живых и выразительных изображений. На 4-х камнях нанесено 4 фигуры медведя, все в правый профиль, на одном камне – лапы и отдельные части фигуры, на другом – лучше всего читается голова в левый профиль, хотя не исключено, что тело скрыто в переплетении линий. Любопытно, что на всех основах, за исключением одной с изображением лап, медведь сосуществует с другими образами, в том числе и человеческими. В ряде случаев, частично уже отмеченных и на других местонахождениях рядом с медведем присутствуют бизон, лошадь, олень.

ВОЛК.

Единственный представитель семейства собачьих (Canidae) в палеолитическом искусстве присутствует в мадлене Франции, хотя явно уступает и кошачьим и медведям и по количеству и по точности изображения. Ряд примеров, в том числе и тех, которые считаются изображениями лисиц, сомнительны. Изображения как на костях, так и на каменных основах почти все представлены изолированно или фигурой, или головой, но встречаются интересные сочетания с другими видами (Nougier, Robert, 1960).

К числу наиболее достоверных относится сильная фигура волка-самца в правый профиль, нанесенная на костяную пластинку из брекчии грота **Лез Эйзи**. Волк преследует животное, видимо, жвачное, от которого сохранилась задняя часть (Breuil, 1936/1937: 6, fig. 6). На конце тонкой костяной пластинки из **Лорте** позади фигуры оленя изображена голова животного в левый профиль, в которой А. Брейль видит «морду волка» (Capitan et al., 1910: 158, fig. 131, 2). Об этом писал и Э. Пьетт: «Конец костяной лопаточки, на котором, выгравирована голова, которая кажется головой волка» (Piette, 1907: pl. XLI, 2; см. также Chollot, 1964: N 47 283). К этому же кругу может быть отнесен фрагмент кости из **Фонталес**, на котором помимо бизона с обломанной головой, нарисована особенно интересная голова хищника. «Речь идет, без сомнения, о волке, согласно очень развитому орбитальному выступу над удлиненным глазом, снабженным слезным мешочком, прямому и длинному шанфрену отделенному от лба отчетливым углублением, длинной широко разинутой пасти, сильной зубной системе» (Lorblanchet, Welté, 1990: 59, fig. 21, 6).

Фрагмент лопатки из мадленского слоя II Большого Зала **Истюриц** гравирован на двух фасах тонкими линиями (рис. 230). На одном фасе изображена передняя часть волка, трактованная с большим реализмом, на другом фасе – голова волка, обломанная на уровне затылка (Buisson, Pinçon, 1984/1985: 65, 66, fig. 3).

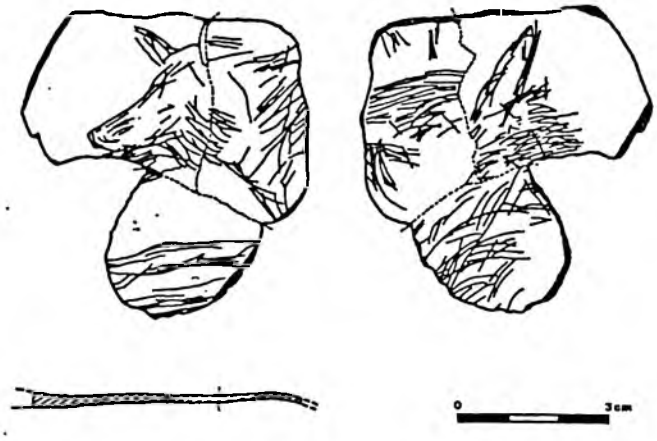

Рис. 230. Гравюры голов волка на фрагменте лопатки. Истюриц, Большой Зал, слой II.

Среди изображений волка на камне большой интерес представляют гравюры из **Гурдан**, одна на плитке песчаника неправильных очертаний размерами 8x4.5 см, другая на маленькой (3.3x1.8 см) гальке. На первой отчетливо виден на фотографии волк в левый профиль в позе «летящего галопа» (рис. 231). Над его головой начато сверление круглого отверстия, что предполагает намерение изготовить подвеску. На второй темная фотография не позволяет видеть очень легкую, по описанию гравюру, представляющую «эскиз галопирующего животного, несомненно, волка» (Chollot, 1964: N 48 585 и N 48 140/P соответственно, см. прорисовку первой фигуры: Capitan, Breuil, Peyrony, 1910: fig. 132, 3).

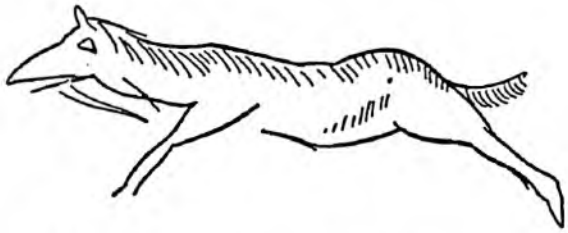

Рис. 231. Гравюра волка на плитке песчаника. Гурдан.

Изображение *птиц* занимают заметное место в искусстве малых форм (Buisson, Pinçon, 1984/1985; Crémades, 1994б), хотя их связи достаточно редки. Наибольший интерес представляет так называемый «скипетр» из слоя IV **Ла Ваш**, относящегося к финальному пиренейскому мадлену. Это целое, вырезанное из рога северного оленя, длиной 25 см, увенчано скульптурной головой птицы с мощным крючковатым клювом. Возможно, голова принадлежит горному тетереву, виду, кости которого составляют 95 % костей птиц в Ла Ваш. Второй конец обладает отчетливым сужением, предназначенным для захватывания или вставления в древко. На одной стороне стержня выделены в рельефе голова оленя и ближе к рукояти – рыба. На другой стороне прослеживаются также в рельеф голова лошади и передняя часть льва. Таким образом, на этом уникальном изделии объединены 5 различных анималистических тем, которые авторы трактуют как символы Воздуха, Земли и Воды (Nougier, Robert, 1976б).

Фигуры *рыб* и их сочетания с другими темами более многочисленны (см. Breuil, Saint-Périer, 1927; Cleyet-Merle, 1987). Существуют также редчайшие изображения других представителей животного мира: лагоморф, грызунов, черепах, ящериц, но кроме тюленя и змеи они не обнаруживают тематических связей. Просверленный жезл из рога северного оленя , найденный в 1885 г. в слое верхнего мадлена грота **Монгодье**, гравирован на одном из фасов фигурами серых тюленей. Между тюленями и змеевидным изображением на другом фасе нанесены значительно более мелкие фигуры, издавна считающиеся загадочными и условно обозначенные как лошади. Ныне они определены как каты – животные, впервые отмеченные в палеолитическом искусстве и следовательно представляющие древнейший образ этого представителя морской фауны (рис. 232, Robineau, 1984).

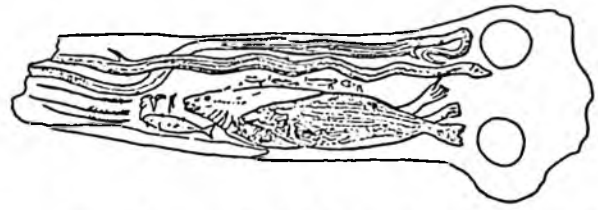

Рис. 232. Гравюры змей, рыб и китов (?) на просверленном жезле. Монгодье.

Подведем итоги. Выражая в цифрах значение того или иного сюжета в сочетании с другими образами как в прямой связи (одном фасе основы), так и косвенной (на разных фасах), мы получим частоту встречаемости этих связей. Поскольку гравюры нанесены обычно на одной плоскости основы, число прямых связей значительно превосходит число косвенных и, если образы на обратной стороне основы вырезаны в той же технике и в том же стиле, что и на лицевой стороне, можно не сомневаться в их одновременности. Разновременных остается немного и все эти случаи оговариваются. Вне зависимости от количества изображенных на одной поверхности сюжетов одного вида для ясности картины они принимаются за единицу, как это принято при подсчете состава панно в монументальном палеолитическом искусстве. При изложении итогов сочетаний прямая связь будет обозначаться знаком тире, косвенная знаком плюс, в скобках будет указываться количество сочетаний (см. таблицу).

Женский образ – 11 основ, 13 поверхностей. В сочетании женщина – мужчина отмечено 6 прямых и одна косвенная связь (галька из Ла Мадлен, изображения одновременные). В трех случаях они дополняются другими видами: женщина – мужчина + мамонт (1), женщина – мужчина + бизон (1), женщина – мужчина – северный олень – медведь (1). Кроме того, имеются сочетания: женщина – человек – медведь (1), женщина – северный олень + лошадь (1); женщина + женщина и северный олень (1), женщина – олень – птица (1), женщина – лошадь – рыба + лошадь – рыба (1).

Мужской образ – 2 основы, 3 поверхности: одной многофигурной: мужчина – мамонт – лошадь – медведь + бизон; другой с одинаковыми сюжетами: человек – медведь + мужчина – медведь. Данные слишком малы, но после женщины (6 сочетаний), медведь занимает второе место (3 сочетания).

Образ человека – 20 основ, 26 поверхностей. Сочетания: человек – мамонт(2), человек – бизон

Сочетания различных видов изображений

Сюжет	Мужчина	Человек	Мамонт	Бык/бизон	Лошадь	Северный олень	Благородный олень	Олень	Лань	Косуля	Горный козел	Серна	Сайга	Кошачье	Медведь	Волк	Птица	Рыба	Тюлень	Змея	Итого
Женшина	6/1	1/-	-/1	-/1	1/2	2/1	1/-								2/-		1/-	1/1			15/7
Мужчина		-/1	1/1	-/1	1/1										2/1						4/4
Человек			2/-	7/2	5/3	3/-			1/-					-/1	4/-		1/-	1/-		1/-	26/6
Мамонт				-/1		1/1								2/-							3/2
Бык/бизон					12/5	4/2					1/-	1/-	1/-	2/1	2/1	1/-					24/9
Лошадь						17/5	-/2	3/-	1/-		1/-	1/-	-/1	6/2	1/1	2/-	-/1	5/3	-/1	1/-	38/16
Северный олень											1/-			1/1	2/1			1/-			4/3
Благородный олень										1/-		1/-						1/-			3/-
Олень														1/-	1/-			1/-			3/-
Лань																		1/-			1/-
Косуля																					
Горный козел													2/-	1/-	1/-			1/-			5/-
Серна																					
Сайга																		1/-			1/-
Кошачье																					
Медведь																		1/-			1/-
Волк																					
Птица																					
Рыба																					
Тюлень																					
Змея																					
Всего:																					128/47

Примечание: в числителе указаны прямые связи, в знаменателе – косвенные.

(6): из них 3 сцены (Раймонден, Шато дез Эйзи, Курбе), в одном случае добавляется прямая связь – пиренейская серна, в другом случае – косвенная – бизон. В трех случаях образы быка/бизона и лошади включают 3 многофигурные композиции (Ла Мадлен, Ла Ваш, Тейжат). Встречены также человек – лошадь и человек + лошадь. Далее идут человек – северный олень (2), к одному из них добавляется медведь. Следует отметить еще связную сцену человек – медведь (Пешиале). Остальные сочетания единичны. Итак, список персонажей, сопутствующих человеку включает женщину (1), мужчину (1), мамонта (2), быка/бизона (9), лошадь (8), северного оленя (2), лань (1), серну (1), кошачье (1), медведя (4), птицу (1), рыбу (1), змею (1).

Мамонт. Несмотря на довольно неожиданную значительную представительность мамонта в мадленском искусстве Франции, особенно в Ла Марш, сочетания его редки и состоят из: мамонт + женщина и мужчина (1), мамонт – мужчина (1), мамонт – человек (2), мамонт – северный олень и кошачье (1), мамонт + северный олень (1), мамонт – лев. Все эти сочетания происходят из Ла Марш и лишь одна косвенная связь мамонта с северным оленем из Фадет.

Носорог. Мы исключаем из таблицы связи носорога, поскольку его изображения неоднократно наносились на одну и ту же основу – две гальки из Ла Коломбьер вместе с целым набором животных:
- горный козел, медведь, лошадь; лошадь – северный олень, горный козел, медведь, олень, бизон;
- лошадь – северный олень – хищник. Из-за наложения одной фигуры на другую говорить о связях невозможно.

Бык/бизон обнаруживает разнообразные связи, количественно не слишком значительные, за исключением лошади, хотя и в этом случае они намного уступают паре бизон – лошадь в монументальном искусстве. В целом на 29 основах выгравированы 42 поверхности, т.е. здесь присутствуют значительные косвенные связи. Не останавливаясь на уже упомянутых сочетаниях, пара бык/бизон – лошадь представлена на 13 основах, 21 поверхности (12 прямых и 5 косвенных связей – см. таблицу). Только в одном случае к изображению быка добавляется лев, и в одном случае к паре добавляется медведь. Чтобы закончить с хищниками имеются еще сочетания бизон – лев (1), первобытный бык + медведь (1) и бизон – волк (1). Из других связей отметим: бык/бизон – северный олень (6) и бык + северный олень (1), бизон – горный козел (1), бизон – пиренейская серна (1). Объединенный список дает следующие сочетания: бык/бизон – человеческое существо – 11, мамонт – 1, лошадь – 17, северный олень – 6, горный козел – 1, пиренейская серна – 1,сайга – 1, лев – 3, медведь – 2, волк – 1. Как видно, изображения быка/бизона не слишком отягощены многофигурными гравюрами. В этом отношении и в ряде других его превосходит лошадь.

Лошадь – 66 основ, из них 32 гравированы на двух сторонах, т.е. поверхностях. Отсылая к вышеизложенным связям лошади с человеческими существами и бизоном, рассмотрим 42 основы, на которых обнаружены 27 прямых и 15 косвенных сочетаний. Они распределяются следующим образом: лошадь – северный олень (17) и лошадь + северный олень (5). Эти сочетания только в отдельных случаях дополняются хищниками и рыбами. Лошадь + благородный олень (2), лошадь – олень (3), лошадь + олень (2), единичные прямые и чистые (т.е. без дополнений) связи с ланью, горным козлом, пиренейской серной и сайгой. Наибольший интерес представляют связи с хищниками, особенно принадлежащими к семейству кошачьих: 6 прямых и 2 косвенных. Имеются сочетания лошадь – медведь (1) и лошадь + медведь (1). Отмечены также единичные лошадь + тюлень и лошадь + утка. Привлекает внимание немалое число рыб, как в прямых (5), так и косвенных связях (3), не осложненных дополнительными фигурами. Таким образом, общий список сочетаний лошади дает: женщина – 3, мужчина – 1, человек – 8, бизон – 17, северный олень – 22, благородный олень – 2, олень – 3, лань, горный козел, серна, сайга – по одной, лев – 8, медведь – 2, волк – 2, птица – 1, рыба – 8, тюлень – 1, змея – 1.

Северный олень – 28 основ, 33 поверхности. К отмеченным выше сочетаниям добавляется одно прямое с горным козлом, одно прямое и одно косвенное с кошачьим, одно косвенное с медведем и 2 прямых с рыбой. К ним можно добавить сочетание олень – кошачье (1), олень – медведь (2) и олень – рыба (1).

Благородный олень. Помимо упомянутых двух косвенных сочетаний с лошадью, имеются единичные прямые связи с серной, косулей и рыбой (великолепный рисунок на жезле из Лорте).

Лань – представляет единственное косвенное сочетание с рыбой.

Горный козел кроме упомянутых выше прямых единичных сочетаний с бизоном, лошадью и северным оленем, имеет прямые же сочетания с сайгой (2), львом (1), медведем (1) и рыбой (1). Остальные связи травоядных очень редки (сайга-рыба).

Что касается хищников, то *Кошачьи* относительно многочисленны. Они нанесены на 16 основах, несущих 21 поверхность, и обнаруживают наибольшее число сочетаний с лошадью – 6 прямых и 2 косвенных. Напомним и другие: лев – человек (1), лев – мамонт (2), лев – бизон (2) и лев + бизон (1), лев – северный олень (2), олень – (1), горный козел (1).

Медведь представлен на 17 основах, имеющих 22 поверхности. Он соседствует с женщиной

– 2 прямых, с мужчиной – 2 прямых и 1 косвенная связь, с человеком – 4 прямых сочетания, с бизоном – 2 и 1, с лошадью – 1 и 1, с северным оленем – 3 прямых, с горным козлом – 1 прямая. Кроме того, имеется единственное для хищников сочетание с рыбой (Арпон).

Итак, первое место по количеству связей занимает лошадь, особенно с северным оленем и значительно менее с быком/бизоном. По сравнению с другими травоядными необычно много сочетаний с хищниками, прежде всего, с кошачьими, а также с рыбой. Лошадь связана и со всеми отмеченными сюжетами, за исключением косули, которая представлена лишь одной фигурой и то при условии, что ее идентификация правильна.

Второе место по числу сочетаний принадлежит человеческому образу, включающему женские, мужские и обобщенно человеческие изображения. При меньшем количестве связей с сюжетами сочетания с быком/бизоном и с лошадью почти равноценны. Сочетания с хищниками превосходят в числе сочетания с другими травоядными. Бык/бизон уступает человеку по количеству связей, но не по их разнообразию. Семейство оленьих представлено почти исключительно северным оленем. Последний связан с 9 сюжетами, но количество сочетаний с отдельными видами незначительно. Для полноты картины необходимо упомянуть мамонта, по сравнению с другими травоядными достаточно редкого в искусстве малых форм Франции. Подсчитано в общей сложности 43 фигуры, особенно за счет Ла Марш, давшего половину изображений. Мамонт представлен, по преимуществу изолированно, в некоторых случаях противостоящими или наложенными друг на друга фигурами. В отличие от лошадей, быков/бизонов и оленей мамонт в этом виде искусства никогда не изображался вереницами. Помимо человека, северного оленя, быка/бизона, отмечены также единичные связи с кошачьими. Кошачьи и медведи обнаруживают достаточное количество сочетаний, но с небольшим числом сюжетов.

Таким образом, в отличие от монументального искусства главная пара в сочетаниях не лошадь – бык/бизон, а лошадь – северный олень. Поле, на которое нанесены фигуры, очень ограничено и ни в коей мере не может быть сравнимо с площадями настенных панно, поэтому нельзя говорить о центральных фигурах и фигурах маргинальных, они все являются центральными и рыба, например, занимает равноценную позицию на основе, что и лошадь. Однако, такое сочетание разных видов на одной основе свидетельствует о выборе человека главных сюжетов и сюжетов второстепенных, если исходить из их числа, отражающих дуалистическое мышление, что отмечено А. Ламинь-Эмпрер и развито А. Леруа-Гурана для монументального искусства. Уже было немало толкований этого явления, нам остается только подчеркнуть его наличие в искусстве малых форм, но с другими главными героями.

Человек никогда не был во главе угла палеолитического искусства и, хотя женский образ играл определенную роль в идеологии, ведущими были образы крупных травоядных, составлявших основу жизни человека и в меньшей степени образы угрожавших ему хищников, его врагов и соперников в окружающем мире.

Мы ни в коей мере не стремимся интерпретировать эти многочисленные и разнородные сочетания. Можно сказать только, что общая картина существенно отличается от той, которая установлена в настенном искусстве пещер, гротов и навесов, но сравнение двух систем – это другая задача.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сказать, что полный охват всех областей Европы с верхнепалеолитическими поселениями, в которых содержатся фигуративные изображения, представлен впервые в мировой научной литературе. Анализ материалов произведен на широком хроно-климатическом фоне в рамках периодизации, которая для удобства изложения и различного рода сопоставлений разделена на три этапа развития: ранний, средний и поздний. Эти этапы, называемые иногда эпохами, согласно французской схеме (ориньяк, перигор, солютре-мадлен) включают в себя различные культурные образования (археологические культуры, этнокультурные области). Схема давно разработанная во Франции, часто распространяется и на другие территории, иногда без должной аргументации.

Природные условия всегда оказывали большое влияние на жизнь людей и, чем далее вглубь веков, тем более человек зависел от природы, он никогда не был ее властелином в каких бы социальных условиях он не находился, он мог лишь научиться адаптироваться и, чем выше было это умение, тем большим было материальное благополучие коллектива, способность не только выжить, но и продолжить род.

Проблема адаптации человеческих групп к окружающей среде может быть рассмотрена в тесной связи с искусством малых форм. Она еще недостаточно разработана, но уже на данной ступени кажется несомненным, что природные условия в которых жил человек, и животный мир, из которого он выделялся только своим разумом, оказывали определяющее влияние на его художественное восприятие образов внешнего мира и воспроизведение их на мелких предметах, окружавших человека в повседневной жизни.

Человек жил по законам природы, как ее неотъемлемая часть, и условия, в которых он существовал, насколько надежно был защищен от превратностей климата в своих естественных или созданных им убежищах, насколько обеспечен пищей и одеждой, материалами для изготовления орудий труда и охоты – все зависело от окружающей среды и особенно от животного мира. Безусловно, растительность играла определенную роль в рационе, снабжала топливом и материалом, но она не нашла почти никакого отражения в искусстве – темами были только человек , прежде всего, женщина, воплощенная в образах беременной, роженицы или чаще полной жизни кормящей матери, и в значительной большей степени – зверь.

По современным данным, фигуративное искусство малых форм зародилось в Европе в освещенных дневным светом неглубоких гротах в гористых районах Перигора и Швабской Юры и продолжало развиваться в последующие периоды, охватывая все более обширные площади предгорий и невысоких гор, прорезанных обильно обводненными долинами. Здесь создавались идеальные условия для травоядных животных, особенно табунов лошадей, и мигрирующих стад северных оленей. Именно лошадь и северный олень во все периоды верхнего палеолита составляли основу в гористых районах Западной Европы, дающих пищу и шкуры для одежды, а северный олень еще и неоценимый материал – рога, которые на гравюрах изображались обычно с большим вниманием и тщательностью. Не малое место в жизни и в искусстве занимал бизон, местами замещаясь первобытным быком. Иногда эти представители бычьих сосуществуют на одной стоянке, но в целом первобытный бык встречается наиболее часто в Средиземноморье. Мамонт, как и северный олень, характерен для приледниковой зоны, но использование бивня очень ограничено и изображения мамонта немногочисленны и даже странны, за исключением гравюр из Ла Марш.

Картина резко меняется в Центральной и Восточной Европе. В граветтское время в Нижней Австрии и Моравии люди выходят из естественных убежищ на открытые пространства, приспосабливаясь к жизни на лессовых равнинах и в этой адаптации немалую роль играл мамонт, в изобилии представленный в фаунистических остатках. И если на Павловских холмах в домостроительстве определенную роль играл камень, то в поселениях средней поры верхнего палео-

лита в центре Восточно-Европейской равнины именно кости мамонта были главным строительным материалом и в последующий период. В граветтскую же эпоху фигурки мамонта, изготовленные из разных материалов, играли весьма заметную роль и в павловской, и в костенковско-авдеевской культурах. Можно сказать, что люди осознавали роль мамонта в своей жизни, только благодаря этому мощному животному они могли адаптироваться к суровым климатическим условиям, царившим в то же время на необъятных приледниковых просторах.

Отсутствие мамонта и северного оленя в южной средиземноморской зоне и, следовательно, отсутствие бивня и рога привело к развитию в этой зоне исключительно гравюры на каменной основе, хотя встречаются и редкие гравюры на кости. Сюжеты соответствуют окружающему животному миру: бык, лань, горный козел, немногочисленные хищники.

В целом, в работе раскрыты три главные положения:

- единство палеолитического искусства, выраженного в двух видах: монументального на стенах пещер и малых форм, сохранившихся в культурных слоях поселений, и в то же время фундаментальные различия этих двух видов;

- искусство малых форм в большей степени, чем монументальное, отражает природную среду, что подтверждается конкретно-историческим анализом развития локальных культур на разных территориях Европы. Локальные культуры представляют исторические подразделения, свидетельствующие о неравномерности развития палеолитического искусства, которая в большей степени зависела от изменений природой среды и состава животного мира, свойственного этой среде;

- по возможности точная идентификация изображений и анализ сочетаний (ассоциаций, связей, сосуществований) человека/женщины и различными видами животных и различных видов животных между собой, выгравированных на одной основе и происходящих в достаточном количестве только из мадленского искусства Франции

Основная цель книги – ознакомление русского читателя хотя бы с частью духовного наследия, дошедшего до нас из глубокой древности.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы. СА, №3,1960: 6-16.

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ, А4-3, М.-Л., 1962.

Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.-Л., 1966.

Абрамова З.А. Древнейшие формы изобразительного творчества (Археологический анализ палеолитического искусства). Ранние формы искусства. М., 1972: 8-29.

Абрамова З.А. В пещерах Арьежа. Звери в камне. Новосибирск, 1980:62-95.

Абрамова З.А. Палеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб, 1995.

Абрамова З.А. О «женщине с северным оленем». Первобытная археология. Человек в искусстве. Новосибирск, 2002: 32-38.

Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб, 1997.

Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 2, СПб, 1997.

Абрамова З.А., Синицын А.А. Искусство в контексте проблемы периодизации верхнего палеолита Костенок. ОРВПВЕ, СПб, 2002: 167-177.

Алексеева Л.И. Териофауна верхнего плейстоцена Восточной Европы. Труды ГИН, вып. 455, М. 1990.

Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М., 2000.

Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Работы Зарайской экспедиции. АО 2001 года. 2002а: 90-91.

Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Сравнительная характеристика и стилистический анализ статуэтки бизона с Зарайской стоянки. АЭАЕ, 3(11), 2002б: 22-31.

Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки: археологический и знаково-символический аспекты изучения. РА, №1, 2003: 14-28.

Амирханов Х.А., Праслов Н.Д. Работы по палеолиту в Европейской России. Le Paléolithique supérieur Européen. Bilan quinquennal 1996-2001, ERAUL, 97, Liège, 2001: 15-25.

Бадер О.Н. Сунгирь, верхнепалеолитическая стоянка. М. 1978.

Бадер Н.О, Лаврушин Ю.А.(ред.) Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998.

Бибиков С.Н. Поселение Лука Врублевская. МИА, № 38, М.-Л., 1953.

Борзияк И.А. Предметы изобразительной деятельности человека на многослойной позднепалеолитической стоянке Косоуцы на Среднем Днепре. Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. Кишинев, 1989: 11-26.

Борзияк И.А., Давид А.И. Позднепалеолитическая стоянка Косоуцы. В кн.: Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья. Ред. О.М. Адаменко. 1986: 130-137.

Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. МИА, №121, М.-Л., 1963.

Борисковский П.И. (ред.) Палеолит СССР. Археология СССР. М., 1984.

Борисковский П.И. Палеолит Японии. Палеолит Центральной и Восточной Азии. СПб, 1994: 139-204.

Борисковский П.И., Дмитриева Т.Н. Костенки 2 (стоянка Замятнина). ПКБР., 1982: 67-72.

Будько В.Д. Юдиновское верхнепалеолитическое поселение. АО 1966 года. 1967: 27-29.

Величко А.А. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М., 1961.

Величко А.А. Природный процесс в плейстоцене. М. 1973.

Величко А.А., Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П., Губонина З.П., Ударцев В.П., Вангенгейм Э.А., Сотникова М.В. Авдеево. АППППРР. 1981: 48-56.

Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М. 1997.

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И., Новенко Е.Ю. Геохронология палеолита Восточно-Европейской равнины. Ландшафтно-климатические изменения, животный мир и человек в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1999: 19-50.

Величко А.А., Заверняев Ф.М., Грибченко Ю.Н., Губонина З.П., Зеликсон Э.М., Маркова А.К., Ударцев В.П. Хотылевские стоянки. АППППРР. 1981: 57-69.

Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне. Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. Труды ЗИН, т. 72, Л., 1977: 77-110.

Вишняцкий Л.Б. Проблема происхождения искусства в современной науке. Первобытное искусство. Кемерово, 1998: 13-30.

Воеводский М.В., Алихова-Воеводская А.Е. Авдеевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, вып. XXXI, 1950: 7-16.

Гаврилов К.Н. Структура Хотылевского верхнепалеолитического поселения. Восточный граветт. М., 1998: 177-190.

Гаврилов К.Н. Хотылево II. Характеристика культурного слоя на площади раскопов №12-14. Le Paléolithique supérieur Européen. Bilan quinquennal 1996-2001, ERAUL, 97, Liège, 2001: 21-23.

Гаврилов К.Н. О культурной принадлежности Хотылевской верхнепалеолитической стоянки. Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб, 2002: 143-147.

Гвоздовер М.Д. Скульптурное изображение мамонта из Авдеевской палеолитической стоянки близ Курска. Ученые записки МГУ, вып. 158; Ископаемый человек и его культура на территории СССР, М., 1952: 211-215.

Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки. МИА, №39, М.-Л., 1953: 192-226.

Гвоздовер М.Д. Обработанная кость из нового жилого объекта Авдеевской палеолитической стоянки (раскопки 1982-1988 годов). Антропология и история культуры. М., 1993: 25-59.

Гвоздовер М.Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки. Восточный граветт. М., 1998: 234-278.

Герасимов М.М. Люди каменного века. М., 1964.

Герасимова М.М. Палеоантропологические находки. ПКБР, 1982: 245-257.

Грехова Л.В. Фигурка мамонта со стоянки Елисеевичи. История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ, вып. №51, М., 1980: 4-7.

Грехова Л.В. Археологический аспект радиоуглеродных дат стоянки Елисеевичи. БКИЧП, N 59, 1990: 111-115.

Григорьева Г.В. Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995г. СПб, 1995.

Гричук В.П. Растительность Европы в эпоху максимального развития верхнеплейстоценового оледенения. Палеогеография Европы в позднем плейстоцене. М., 1973.

Грищенко М.К. Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. М., 1976.

Громов В.И. Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита Восточной Европы и Сибири. Известия ГАИМК, вып. 118, М.-Л., 1935: 246-270.

Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Труды Института геологических наук. АН СССР, вып.64, геологическая серия, №17, М., 1948.

Громова В.И. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. Труды ПИН, т. 17, ч. 1, 1949.

Губонина З.П. Предварительные результаты палинологического изучения Авдеевской позднепалеолитической стоянки. Палеоэкология древнего человека. М., 1977: 57-66.

Давид А.И. Териофауна плейстоцена Молдавии. Кишинев, 1980.

Дебец Г.Ф. Палеоантропологические находки в Костенках (предварительное сообщение). СЭ, №1, 1955: 62-73.

Ефименко П.П. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине Черниговской губ. Ежегодник Русского антропологического общества при С.-Петербургском университете. Т.IV, СПб, 1913.

Ефименко П.П. Первобытное общество. 3 изд., Киев, 1953.

Ефименко П.П. Костенки I. М.-Л., 1958.

Заверняев Ф.М. Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки. СА, №4, 1978: 145-161.

Заверняев Ф.М. Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки. СА, №3, 1987: 111-130.

Заверняев Ф.М. Кремневый инвентарь Хотылевской верхнепалеолитической стоянки. СА, №4, 1991: 164-181.

Замятнин С.Н. Раскопки у села Гагарина (верховья Дона, ЦЧО). Палеолит СССР. Известия ГАИМК, вып. 118, М.-Л., 1935: 26-77.

Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды ИЭ АН СССР, н.с., т.XVI. М., 1951: 89-152.

Иванова И.К., Цейтлин С.М. (ред.) Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М., 1987.

Корниец Н.Л., Гладких М.И., Величко А.А., Антонова Г.В., Грибченко Ю.Н., Зеликсон Э.М., Куренкова Е.И., Халчева Т.А., Чепалыга А.Д. Межирич. АППРР. 1981: 106-119.

Кузьмина И.Е. Позднеплейстоценовая широкопалая лошадь Верхнего Дона. Труды ЗИН, т. 93. Л., 1980: 91-118.

Лазуков Г.И. Относительный возраст стоянок Костенковско-Борщевского района (по геолого-геоморфологическим данным). Материалы Всесоюзного Совещания по изучению четвертичного периода. Т. 1, М., 1961: 405-411.

Лазуков Г.И. Характеристика четвертичных отложений района. ПКБР. 1982: 13-37.

Малясова Е.С., Спиридонова Е.А. Палеогеография Костенковско-Борщевского района по данным палинологического анализа. ПКБР. 1982: 234-245.

Мізин. І. Визначніші серії кістяних виробів Мізинської палеолітичної стації в освітленні Федора Вовка. За ред. М. Рудиньского. Київ, 1931.

Николаев В.И.(ред.) Палеоклимат позднего плейстоцена – голоцена Северной Евразии по данным изотопных исследований древних атмосферных осадков (постановка проблемы и возможные подходы). М., 1995.

Обермайер Г. Доисторический Человек. СПб, 1913.

Окладников А.П. К вопросу о происхождении искусства (в связи с критикой взглядов Н.Я.Марра на первобытное искусство). СЭ, №2, 1952: 3-22.

Окладников А.П. Против вульгаризации в вопросе о происхождении и сущности первобытного искусства. Вопросы философии №2, 1954: 232-243.

Окладников А.П. Утро искусства. Л., 1967.

Окладников А.П. Центрально-азиатский очаг первобытного искусства. Новосибирск, 1972.

Окладников А.П. К проблеме происхождения искусства. СЭ, №6, 1976: 80-88.

Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.

Пидопличко И.Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976.

Поликарпович К.М. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933-1935 гг. СА, V, 1940: 81-87.

Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968.

Праслов Н.Д. Палеолитическое искусство Костенок. У истоков искусства. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. Л., 1979.

Праслов Н.Д. Гравированные изображения животных в Гмелинской позднепалеолитической стоянке (Костенки 21). Млекопитающие Северной Евразии в четвертичном периоде. Л., 1985: 114-118.

Праслов Н.Д. Скульптурное изображение мамонта из раскопок Костенок 1 в 1985. Млекопитающие четвертичной фауны СССР. Л., 1986: 107-108.

Праслов Н.Д., Иванова М.А., Гугалинская Л.А., Кузьмина И.Е., Мотуз В.М., Малясова Е.С., Медникова Е.Ю., Просвирина Е.Ю, Писаревский С.А., Холмовой Г.В. Костенки 21 (Гмелинская стоянка). АППРР. 1981: 6-18.

Праслов Н.Д., Иванова М.А. Костенки 21 (Гмелинская стоянка). ПКБР, 1982: 198-209.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. Некоторые итоги полевых исследований. Праслов Н.Д., Рогачев А.Н. (ред). Л., 1982.

Рогачев А.Н. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейме в 1949 г. МИА, N 39, М.-Л., 1953: 137-191.

Рогачев А.Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. МИА. N 45, М.-Л., 1955.

Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, N 59, М.-Л., 1957: 9-134.

Рогачев А.Н. Схематичные скульптуры животных из Костенок (Аносовка II). САИ А4 - 3, М.-Л., 1962: 78-80.

Рогачев А.Н., Аникович М.В. Костенки 4 (Александровская стоянка). ПКБР. 1982: 76-85.

Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. Палеолит СССР, М., 1984: 162-271.

Рогачев А.Н., Аникович М.В., Дмитриева Т.Н. Костенки 8 (Тельманская стоянка). ПКБР. 1982: 92-109.

Рогачев А.Н., Беляева В.И. Костенки 13 (Кельсиевская стоянка). ПКБР. 1982: 140-145.

Рогачев А.Н., Лазуков Г.И., Кузьмина И.Е., Малясова Е.С., Попов В.В., Свеженцев Ю.С. Костенки 11 (Аносовка 2). АППРР. 1981: 35-44.

Рогачев А.Н., Попов В.В. Костенки 11 (Аносовка 2). ПКБР. 1982: 116-132.

Рогачев А.Н., Праслов Н.Д. Заключение. ПКБР. 1982: 260-267.

Рогачев А.Н., Праслов Н.Д., Аникович М.В., Беляева В.И., Дмитриева Т.Н. Костенки 1 (стоянка Полякова). ПКБР. 1982: 42-66.

Рогачев А.Н., Синицын А.А. Костенки 14 (Маркина Гора). ПКБР. 1982: 145-162.

Синицын А.А. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина Гора) (раскопки 1998-2001 гг.). ОРВПВЕ. 2002а,: 219-236.

Синицын А.А. Работы Костенковской экспедиции ИИМК. АО 2001 года. 2002б: 207-209.

Синицын А.А., Праслов Н.Д. (ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы . СПб, 1997.

Спиридонова Е.А. Палинологическое обследование возраста отложений стратиграфической колонки стоянки Костенки 14 (Маркина Гора). ОРВПВЕ. 2002: 237-246.

Столяр А.Д. К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита. МИА, N 185, Л., 1972: 202-219.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. Изд-во «Искусство», М., 1985.

Сукачев В.Н., Громов В.И., Бадер О.Н. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. М., 1966.

Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979.

Трусов А.В. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки. Древности Оки. Труды ГИМ. Вып. 85. М., 1994: 94-116.

Файль Ш. Новые раскопки мадленской стоянки в Андернахе. Тезисы докладов XI Конгресса ИНКВА, т. I, М., 1982: 265-266.

Филиппов О.К. Обробка та вікористання кістяніх предметов на пизн' опалеолітичному поселенні Межірічі. Археологія, 48, Київ. 1984: 35-47.

Филиппов А.К Происхождение палеолитического искусства. СПб., 1997.

Формозов А.Н., Житков В.М. (ред.). Животный мир СССР. Птицы. М.-Л., 1940.

Хан И. Верхнепалеолитическая статуэтка из бивня со стоянки Холенштайн-Штадель. СА, N 3, 1971: 211-217.

Цейтлин С.М. Геология района верхнепалеолитической стоянки Сунгирь во Владимирской области. Стратиграфия и периодизация Восточной и Центральной Европы. М., 1965: 66-85.

Черніш О.П. Палеолітична стоянка Молодове V. Київ, 1961.

Шер Я.А. Первобытное искусство. Кемерово, 1998.

Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. К истории Средне-днепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. Киев, 1965.

Шовкопляс И.Г. Добраничевская стоянка на Киевщине (некоторые итоги исследования). МИА, N 185, Л., 1972: 177-192.

Шовкопляс И.Г. Добраничевская позднепалеолитическая стоянка на Украине: исследование, экспонирование. КС ИА, 206, 1992: 85-90.

Шовкопляс И.Г., Корниец Н.Л., Пашкевич Г.А. Добраничевская стоянка. АППППРР, 1981: 97-106.

Abramova Z.A. Les correlations entre l'art et la faune dans le paléolithique de la Plaine russe (la femme et le mammouth). CZE, 1984: 333-342.

Abramova Zoya A. L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie. Grenoble, 1995.

Abramova Z.A. Grigorieva G.V. The Upper Paleolithic site of Yudinovo and its place in the Paleolithic of the Central Russian plain. Radiocarbon and Archeology I. 2000:80-85.

Absolon K. Bedeutende Diluvial funde bei Wisternitz. Tagesbote, 84, Brno, 1934: 547.

Absolon K. Die Erforschung der diluvialen Mammutjägerstation von Unter-Wisternitz an den Pollauer Bergen in Mähren. Arbeitsbericht über das dritte Jahr. 1926. Brünn. 1945.

Absolon K. Moravia in palaeolithic times. American Journal of Archaeology, LIII, 1, January-March, 1949a.

Absolon K. The diluvial antropomorphic statuettes and drawings, especially the so-called Venus statuettes discovered in Moravia. Artibus Asiae 12 (3), Switzerland, Ascona, 1949б: 201-220.

Absolon K., Czižek R. Palaeolithický výzkum jeskyně Pekárny na Moravě (Treti předběžná Zprdva za rok 1927). Časopis Moravskéno Zemskéno Musea, r. 1929-1930, Acta Musei Moraviensis, Brno, 1932: 479-598.

Absolon K., Klima B. Předmosti. Ein mammutjägerplatz in Mähren. Praha, 1977.

Acanfora O.M. Nuove figurazioni di arte naturalistica della grotta Romanelli. Simposio international de arte rupestre. Barcelona, 1966. Barcelona, 1968: 3-11.

Airvaux J., Chollet A. L'Art magdalénien de la grotte des Fadets à Lussac-les-Château (Vienne). BSPF, t. 80, N 1, 1983.

Airvaux J., Chollet A. Figuration humaine sur plaquette à la grotte des Fadets à Lussac-les-Chateaux. BSPF, t. 82. N 3, 1985: 83-85.

Albrecht G. Neue Untersuchungen am Magdalénien Fundplatz Petersfels bei Engen im Hegau. Vorbericht zur Kampagne 1974. AK, 4, 1974: 285-287.

Albrecht G. Magdalénien Inventare vom Petersfels. Archeologica Venatoria. 6. Tübingen, 1979.

Albrecht G. Inventare vom Petersfels. Monographien zur Urgeschichte. Bd. 8, Tübingen, 1984.

Albrecht G. Remarques sur le Magdalénien du Sud-Ouest de l'Allemagne. ME, 1989: 53-61.

Allain J. A propos d'un bois de renne gravé magdalénien de la Garenne-commune de St.-Marcel (Indre). Art pariétal et art mobilier. R Ar du Centre , N 26, 1968: 155-166.

Allain J. Informations archéologiques Circonscription du Centre. GP, t. 17, f. 2, 1974: 466-469.

Allain J. Les civilisations du Paléolithique supérieur dans le sud-ouest du Bassin Parisien. PF, 1976: 1315-1320.

Allain J., Desbrosse R., Kozlowski J.K., Rigaud A. avec la collabotion de M.Jeannet et A.Leroi-Gourhan. Le Magdalénien á navettes. GP, t. 28, f. 1, 1985: 37-124.

Allain J., Fritsch R. Le Badegoulien de l'abri Fritsch aux Roches de Poligny – Saint-Pierre (Indre). BSPF, t. 64, N 1, 1967: 83-93.

Almagro Basch M. Los omoplates decoradas de la cueva de "El Castillo", Puente Viesgo (Santander). TP, 39, 1976: 9-112.

Alonso Silió M.R. El modelado interior en los grababos rupestres del Norte de la Peninsula Ibérica. Ars P., 2, 1982: 143-146.

Altuna J. Fauna de mamiferos de los yacimientos prehistoricos de Guipuzcoa. Munibe, 24, 1-4, 1972.

Altuna J. La Faune des Ongulés du tardiglaciare en Pays Basque et dans le reste de la Région Cantabrique. FTGE, 1979: 85-96.

Altuna J. The Prehistory of Ekain Cave. Current Antropology, vol. 25, N 4, August-October, 1984: 529-530.

Altuna J. L'Art des cavernes en Pays Basque. Les grotte d'Ekain et d'Altxerri. Paris, 1997.

Altuna J., Apellaniz J.-M. Las Figuras rupestres paleoliticas de la cueva de Ekain (Deva, Guipuzcoa). Munibe, 30, 1/3, 1978: 146-150.

Altuna J., Barandiaran-Maestu J., Bernaldo de Quiros F. et al. Chronostratigraphie et écologie des cultures du Paléolithique final en Espagne cantabrique. FTGE, 1979: 713-719.

Andrieu P. La grotte d'Esclauzur à Lissac, Corrèze. Mélanges à Marius Vazeilles, 1974: 45-63.

Anelli F. Scavi eseguiti nella grotta delle Mura di Monopoli. Archivio storico pugliese, v. V, f. 1, 1952.

Anelli F. La grotta delle Mura di Monopoli, stazione paleolitica sulla costa adriarica della Puglia. BPI, v. 66, 1957: 231-234.

Antonielli U. Una statuetta feminile di Savignano sul Panaro e il problema delle figure dette "steatopigi". BPI, v. 45, 1925: 35-61.

Antonielli U. La statuetta feminile steatopigica di Savignano sul Panàro (Emilia). JPEK, 1926a: 46-51.

Antonielli U. Savignano sul Panaro. Esame litologico di una statuetta feminile steatopigica e saggio di scavo nel sito del rinvenimento. Atti Accademia Nazionale. Lincei, Notizie e Scavi di Antichità, v. II, serie VI, f. 4, 5, 6, 1926б: 149-162.

Antonielli U. La statuetta feminile steatopigica di Savignano sul Panaro. Riv A, vol. 27, 1926в: 283-299.

Aparicio Perez J. Bases objectives de la chronologie dans l'Espagne méditerranéene. Pre-Actes CIAMP, 1987: 105-106.

Aparicio Perez J. Chronologie de l'art mobilier paléolithique dans l'Espagne méditerranéene. AOP, t. 1, Foix, 1990: 101-120.

Arambourou R. Sculptures magdaléniennes découvertes à la grotte Duruthy. L'A, t. 66, N 5-6, 1962: 457-468.

Arambourou R. Grotte Duruthy. Commune de Sorde-L'Abbaye. Livret-guide de l'excursion A4a. IX Congrès UISPP, Nice, 1976a: 19-24.

Arambourou R. Les civilisations du Paléolithique supérieur dans le Sud-Ouest (Pyrénées-Atlantiques). PF, 1976б: 1237-1242.

Armstrong A.L. Excavations at Mother Grundy's Parlour, Creswell Crages, Derbyshire, 1924. Journal of Royal Anthropological Institute, v. 55, 1925a: 146-178.

Armstrong A.L. The engravings from Mother Grundy's Parlour. Nature, v. 115, 1925б: 27-28.

Armstrong A.L. Pin Hole Cave Excavations, Creswell Crags, Derbyshire. Discovery of an engraved drawing of a masked Human figure. PPS, East Anglia, v. 6. 1928a: 27-29.

Armstrong A.L. Pin Hole Cave Excavations, Creswell Crags, Derbyshire. Discovery of an engraved drawing of a masked Human figure. Proceeding Prehistoric Anthropological Institute, v. 55. 1928б: 146-178.

Art of Civilisations des chasseurs de la Préhistoire 34 000 – 8 000 ans av. J.-C. Paris, 1984.

Aujoulat N. Le Fourneau du Diable. ArtC, 1984: 89-91.

Aura J.E. A preliminary report on marine resources exploitation on the Andalusian coast. The gorges from the Cave of Nerja (Malaga, Spain). Paper presented at the Fifth Meeting on the ICAZ. Fish Remains Working Group, Götenborgh, 1989.

Aura J.E. El Magdaleniense mediterraneo la Cova del Parpallo (Gandia, Valencia). Serve de Trabajos Varios, 91, Valencia, 1995.

Aura J.E., Perez Ripoll M. Tardiglaciar y Postglaciar en la region mediterranea de la peninsula Iberica (13 500 – 8 500 B.P.): transformations industriales y economicas. Saguntum – PLAV, 25, 1992: 25-48.

Baffier D. Les caractères sexuels secondaries des mammifères dans l'art pariétal paléolithique franco-cantabrique. CZE, 1984: 143-154.

Bahn P. From Vulva and France to Indian Dance. Past, N 8, 1990: 7-8.

Bahn Paul J. Pleistocene Images outside Europe. PPS, N 57, p. 1, 1991: 91-102.

Balbin Behrman R. de, Alcolea Gonzalez J.J., Moure Romanillo J.A., Gonzalez Pereda M.D. Le Massif de Ardines (Ribadesella, Les Asturies). Nouveaux travaux de prospection archéologique et de documentation artistique. L'A, t. 104, N 3, 2000: 383-414.

Bandi H.G. Die Schweiz zur Rentierzeit. Switzerland, 1947.

Bandi H.-G. Das silex material der Spätmagdalénien – Freiland – station Moosbühl bei Mooseedorf (Kt. Bern). JBHM. Bd. 32-33/1952-53. Bern, 1954: 77-134.

Bandi H.G. Le Paléolithique supérieur en Suisse. BSPA, t. 24, 1969: 55-71.

Barandiaran I. El paleomesolitico del Pirineo occidental. Bases para una sistematizacion tipologica del instrumental oseo paleolitico. Monografias Arqueologicas, v. 3, Zaragoza, 1967.

Barandiaran I. Os d'oiseau gravé du magdalénien cantabrique, dans la grotte de Torre (Espagne). L'A, t. 75, N 7-8, 1971: 621-626.

Barandiaran Maestu I. Arte mueble des Paleolitico Cantabrico. Monografias arqueologicas, 14. Zaragoza, 1973.

Barandiaran I. El Arte mobilar cantabrico. La Prehistoria en la Cornisa Cantabrica. 1976.

Barandiaran Maestu I., González Echegaray J. Arte mueble de la cueva del Rascaño (Santander): campaña 1974. Quartär, Bd. 29/30, 1979: 124-132.

Barandiaran J.M. de. Excavaciones en la caverne de Aitzbitarte IV (campaña de 1963). Noticiario Arqueologico Hispanico, VII, Madrid, 1965a: 35-48.

Barandiaran J.M. de. Excavaciones en Aitzbitarte IV (Campaña de 1964). Minibe, 14, San Sebastian, 1965б: 21-37.

Barandiaran J.-M., Altuna J. . Excavaciones en Ekain. Memoria de las campañas 1969-1975. Munibe, 29/3, 1977: 3-58.

Barr J.H. Die Rislisberghöle, ein neuer Magdalénien Fundplatz in Schweinzer Jura. AK, 7, 1977: 85-87.

Barr J.H., Müller J. Die Rislisberghöle in Oensingen. Eine Siedlung altsteinzeitlicher Jäger (Cataloque d'exposition, Soleure. Museum der Stadt Solothurn). 1977.

Barrière Cl. L'Art pariétal de Rouffignac. Paris, 1982.

Barta J. La Slovaquie au Paléolithique et au Mésolitique. Bratislava, 1965.

Barta J. Stratigraphische Übersicht der paläolithischen Funde in der Westslowakei. Quartär, Bd. 18, 1967: 57-80.

Bartolomei G., Broglio A., Cattani L., Cremaschi M., Guerreschi A., Mantovanni E., Peretto C., Sala B. I depositi würmiani del Riparo Tagliente. Annali dell' Università di Ferrara, n.s., Sez. XV, III, 1982: 61-105.

Bartolomei G., Broglio A., Cattani L., Castelletti L., Cremaschi M., Guerreschi A., Mantovanni E., Maspero A., Peretto C. et Sala B. Abri Tagliente. Colloque international: Adaptations . . . Livret-quide Università di Ferrara, 1992: 47-60.

Bay R. Die Magdalenienstation am Hollenberg bei Arlesheim (Kanton Baselland). Tätigkeitsbericht Naturforschenden Gesellschaft Baselland, 19, 1950/52: 164-178.

Bayle des Hermens R. de. L'industrie osseuse du Magdalénien final de la grotte du Rond-du-Barry, commune de Polignac, Haute-Loire. Note préliminaire. L'A, t. 73, N 3-4, 1969: 253-260.

Bayle des Hermens R. de. Les niveaux supérieurs du Magdalénien de la grotte du Rond-du-Barry. Polignac (Haute-Loire). FTGE, 1979: 601-611.

Beaune S.A. de. Lampes et godets au Paléolithique. Paris, 1987.

Beden M. Les Proboscidiens. PF, 1976: 416-418.

Bednarik R.G. The Galgenberg figurine from Krems, Austria. Rock Art Research, v. 6, N 2: 118-123.

Bednarik R.G. The Pleistocene Art of Asia. JWP, vol. 8, N 4, 1994: 351-375.

Bégouën H. Sur une sculpture en bois de renne provenant de la caverne d'Enlène. L'A, t. 23, N 3-4, 1912: 287-305.

Bégouën H. L'art mobilier dans la caverne du Tuc d'Audoubert (Ariege). JPEK, 1926: 219-228.

Bégouën H. Les plaquettes de pierre gravées de la grotte de Labastide (Haute-Pyrénées). JPEK, 1938: 1-10.

Bégouën H., Bégouën L. Quelques plaquettes gravées ou peintes des cavernes pyrenéennes. CPF C.R. de la XI session. Périgueux, 1934. Paris, 1935: 267-269.

Bégouën H., Bégouën L. Deux petites statuettes magdaléniennes de la caverne des Trois Frères (Ariège). CPF. C.R. de la XII session, Toulouse-Foix, 1936. Paris, 1937: 297-299.

Bégouën H., Breuil H. Les cavernes du Volp: Trois-Frères – Tuc d'Audoubert. Paris, 1958.

Bégouën L. Notre campagne de fouilles dans la caverne des Trois Frères (1930-1931) (Ariège). CIAAP. C.R. de la XV session. Paris, 1931. Paris, 1933: 333-340.

Bégouën L. Pierres gravées et peintes de l'époque magdalénienne. Mélanges de préhistoire et d'antropologie offers au Comte Bégouën, t. 1, Toulouse, 1939: 289-305.

Bégouën R., Clottes J. Galet gravé de la Caverne d'Enlène, à Montesquieu–Avantès (Ariège). Caesaraugusta, 49-50, 1979: 57-64.

Bégouën R., Clottes J. Apports mobiliers dans les cavernes du Volp (Enlène, Les Trois Fréres, le Tuc d'Audoubert). Altamira Symposium, Actas del Symposium internationale sobre Arte prehistorico. Madrid, 1981: 157-188.

Bégouën R., Clottes J. Portable and wall art in the Volp caves, Montesquieu–Avantès (Ariège). PPS, v. 57, p. 1, 1991: 65-79.

Bégouën R., Clottes J., Giraud J.-P., Rouzaud F. Compléments à la grande plaquette graveé d'Enlène. BSPF, t. 81, N 5, 1984: 142-148.

Bégouën R., Clottes J., Giraud J.-P., Rouzaud F. Le propulseur au saïga d'Enlène. BSPA-P, t. 41, 1986: 11-22.

Bégouën R., Clottes J., Giraud J.-P., Rouzaud F. Les foyers de la Caverne d'Enlène (Montesquieu–Avantès, Ariège). Actes du Colloque de Nemours 1987. Mémoires du Museé de Préhistoire d'Ile de France, 2, 1989: 165-180.

Bellier C., Bott S., Cattelain P., Fritz C., Jardin I. La rondelle au mammouth de Chaleux. Préhistoire d'os: Recuiel d'études sur l'industrie osseuse préhistorique offert à Henriette Camps-Fabrer. Aix-en-Provence, 1999: 97-121.

Bernaldo de Quiros B. Le Paléolithique supérieur dans la région Cantabrique (1991-1995). UISPP, Congrés XIII de Forli, Commission Paléolithique supérieur. Bilan 1991-1996. ERAUL 76, Liège, 1996: 323-327.

Bernaldo de Quiros F., Cabrera Valdes V. Rascaño (grotte du). DP, 1988a.

Bernaldo de Quiros F., Cabrera Valdes V. Bolinkoba. DP, 1988б.

Bernaldo de Quiros F., Cabrera Valdes V. Caldas (grotte de Las). DP, 1988в.

Bernaldo de Quiros F., Cabrera Valdes V. Cueto de la Miña. DP, 1988г

Bernaldo de Quiros F., Cabrera Valdes V. Paloma. DP, 1988д.

Bernaldo de Quiros F., Cabrera Valdes V. Urtiaga (grotte d'). DP, 1988e.

Bernaldo de Quiros F., Cabrera Valdes V. Ambrosio (grotte d'). DP, 1988ж.

Bernaldo de Quiros F., Cabrera Valdes V., Leroi-Gourhan A. Altamira. DP, 1988.

Bernaldo de Quiros F., Cabrera Valdes V., Vega-Toscano L. Morin (Cueva). DP, 1988.

Bernaldo de Quiros F., Guttierez Saez C., Heras C., Laguera M.A., Pelayo M., Pumarejo P., Uzquiano P. Nouvelles données sur la transition magdalénien superieur – azilien. La grotte de "La Pila" (Cantabria, Espane). PM, 1992: 259-269.

Bernaldo de Quiros F., Moure-Romanillo J. Cronologia del Paleolítico y Epipaleolítico Peninsulares, C 14 y Prehistoria de la Peninsula Iberica. Fundacion Juan March, Seria Universitaria, 77, Madrid, 1978: 17-35.

Betirac B. L'abri Montastruc à Bruniquel (Tarn-et-Garonne). L'A, t. 56, N 3-4, 1952: 213-231.

Bietti A. Some remarks on the new radiocarbon dates from the Arene Candide Cave (Savona, Italie). HE, 2, 1987: 185-190.

Billey G. Les Hommes du Paléolithique supérieur. PF, 1976: 595-603.

Billy G. La Morphologie de l'Homme de Chancelade. Un siècle de controverses. PM, 1992: 71-77.

Birkner F. Paläolithische Kunst aus dem Ries in Bayern. JPEK, 1928: 97.

Blanc A.C. Dipinto schematico rinvenuto nel Paleolitico superiore della Romanelli in Terra d'Otranto. RivA, vol. 32, 1938-1939: 101-113.

Blanc G.A. Grotta Romanelli II. Dati ecologici e paletnologici. Atti della prima riunione scientifica dell'IIPU. 1927. Firenze, 1928: 365-411.

Bolduc P., Cinq-Mars J., Mussi M. Les figurines des Balzi Rossi (Italie): une collection perdue et retrouveé. BSPA.-P., t. 51, 1996: 15-53.

Bonifay M.-F. Les carnivores: Canidés, Hyaenidés, Félidés et Mustélidés. PF, 1976: 371-375.

Bordes F., Fitte P., Laurent P. Gravure féminine du Magdalénien VI de la Gare de Couze (Dordogne). L'A, t. 67, N 3-4, 1963: 269-281.

Borzatti von Löwenstern E., Magaldi D. Ultime ricerche nella Grotta dell'Alto. RSP, vol. 22, 2, 1967: 205-250.

Borziac I.A. Quelques données préalables sur l'habitat tardipaléolithique pluristratifié de Cosseoutsy sur le Dniestr moyen. Le Paléolithique et le Néolithique de la Roumanie en contexte Européen. Bibliotheca Archaeologica jassiensis, IV, Jaşi, 1990: 56-71.

Borziyak I.A. Subsistence Practices of Late Paleolithic Groups along the Dnestr River and its Tributaries. From Kostenki to Clovis, New York – London, 1993: 67-84.

Bosinski G. Der Magdalénien – Fundplatz Feldkirchen – Gönnersdorf, Kr. Neuwied. Vorbericht über die Ausgrabungen 1968. Mit einer Einleitung von H.Eiden. Germania, 47, 1969a: 1-38.

Bosinski G. Jägerkulturen der älteren und mittleren steinzeit im Niederrheingebiet. Führer zu vor und frühgeschicktlichen Denkmälern, 14, 1969б: 13-21.

Bosinski G. Eine zusammengesetzte Magdalénien – Geschoßspitze aus der Höhle im Freudenthal, Kanton Schaffhausen (Schweiz). AK, 8, 1978a: 87-89.

Bosinski G. Der Poggenwischstab. Bonner Jahrbuch 178. Festschrift für R. von Uslar. 1978б: 83-92.

Bosinski G. Die Ausgrabungen in Gönnersdorf 1968-1976 und die Siedlungsbefunde der Grabung 1968, Wiesbaden, 1979a.

Bosinski G. Mammut – und Pferderarstellungen von Gönnersdorf der Ausgrabung, 1968. Der Magdalenien Fundplatz Gönnersdorf 1, Wiesbaden, 1979б.

Bosinski G. Die Kunst der Eiszeit in Deutschland und in der Schweiz. Kataloge Vor– und Frühgeschichtlicher Altertümer. Vol. 20, Bonn, 1982.

Bosinski G. The mammoth engraving of the magdalenien site Gönnersdorf (Rhineland, Germany). CZE, 1984: 295-322.

Bosinski G. Die Frauenstatuetten des Magdalénien von Gönnersdorf und Andernach. JR-GZM, N 40. 1993.

Bosinski G. Die Gravierungen des Magdalénien Fundplatztes Andernach–Martinberg. JR-GZM, N 41. 1994: 19-58.

Bosinski G. The period 30.000 – 20.000 B.P. in the Rhineland. HGA, 1999: 270-280.

Bosinski G., d'Errico F., Schiller P. Die Gravierten frauendarstellungen von Gönnersdorf. Stuttgart, 2001.

Bosinski G., Fischer G. Die Menschendarstellungen von Gönnersdorf der Ausgrabung 1968. Der Magdalenien – Fundpaltz Gönnersdorf 1, Wiesbaden, 1974.

Bosinski G., Fischer G. Mammut – und Pferdedarstellungen von Gönnersdorf. Der Magdalenien – Fundpaltz Gönnersdorf 5. 1980.

Bosinski G., Hahn J. Der Magdalénien – Fundplatz Andernach (Martinsberg). Mit Beiträgen von F. Poplin und F. Malec. Rheinische Ausgrabungen, 11, Bonn, 1972: 81-257.

Bouchud J. Essais sur le renne et la climatologie du Paléolithique moyen et supérieur. Périgueux. 1966.

M.B. (Boule). C.R. Tournier (Abbé) et Guillon (Charles). Les hommes préhistoriques dans l'Ain. Bourg, 1895. L'A., t. 6, N 3, 1895: 314-317.

M.B. (Boule). Nouvelles découvertes paléolithiques en Angleterre. L'A., t. 35, N 1-2, 1925: 190-191.

Boule M., Vernière A. L'abri sous-roche du Rond, près Saint-Arcons-d'Allier (Haute-Loire). L'A., t. 10, 1899: 385-396.

Bourdelle Y. L'abri Durif à Enval (Vic-le-Comte, Puy-de-Dôme). I. Etude préliminaire du magdalénien final du fond l'abri. GP, t. 22, f. 1, 1979: 87-112.

Bourgeois et Delaunay. Notice sur la grotte de La Chaise. RAr, n.s., sixième année. Vol. 12, Paris, 1865: 90-94.

Bourlon (Le Capitane) – Breuil H. Nouvelles découvertes à Laugerie-Basse: rabots, os utilisés, oeuvres d'art. L'A., t.27, N1, 1916: 1-26.

Bouvier J.-M. Le gisement de la Madeleine. C.R. du III-e Colloque franco-soviétique DIMNSP, 1979: 69-70.

Bouvier J.-M., Debenath A. La Chaire à Calvin (Mouthiers, Charente). Etude sédimentologique, note préliminaire. Quaternaria, XI, 1969: 215-226.

Bouvier J.-M., Duport L. Pièces osseuses magdaléniennes de Montgaudier. Bulletin de la Société archéologique et historique de la Charente. 1970: 55-63.

Boyer-Klein A. Nouveaux résultats palynologiques de sites solutréens et magdaléniens cantabriques. BSPF, t. 77, N 4, 1980: 103-107.

Boyle K.V. La Madeleine (Tursac, Dordogne). Une étude paléoéconomique du Paléolithique superieur. Paléo, N 6, 1994: 55-77.

Breuil H. Rapport sur les fouilles dans la grotte du Mas d'Azil (Ariège). BACTHS, 1903: 421-436.

Breuil H. La dégénérescence des figures animaux en motifs ornementaux à l'époque du Renne. C.R. de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1905: 105-120.

Breuil H. Essai de stratigraphie de l'Age de Rennes. CPF. I. Périgueux, 1905, Paris, 1906: 74-83.

Breuil H. Les gisements présolutréens du type d'Aurignac. Coup d'oeil sur le plus ancien Age du Renne. CIAAP, C.R. de la 13-e session, Monaco, 1906. Monaco, 1907: 323-350.

Breuil H. L'Aurignacien présolutréen. Epiloque d'une controverse. RP, t. 4, 1909: 229-248; 265-286.

Breuil H. Les subdivisions du paléolithique supérieur et leur signification. CIAAP. C.R. de le la 14 session. Genève, 1912, t. I, 1913: 165-238.

Breuil H. Oeuvres d'art paléolithiques inédites du Périgord et art oriental espagnol. RAn, 1927: 101-108.

Breuil H. Renseignements inédits sur les circonstances de trouvaille des statuettes aurignaciennes des Baoussé Roussé. Archivio per d'anthropologia e la etnologia, vol. LVIII, f. 1-4, Florence, 1928: 281-290.

Breuil H. Lame d'os graveé de la grotte des Eyzies. JPEK, 1931: 9, 10.

Breuil H. Les oeuvres d'art magdaléniennes des fouilles Le Bel-Maury à Laugerie-Basse, donnés à la sociétè préhistorique. CPF.C.R. de la XI session. Périgueux, 1934. Paris, 1935: 89-101.

Breuil H. De quelques oeuvres d'art magdaléniennes inédites ou peu connues. JPEK, XI, 1936-1937: 1-16.

Breuil H. Quatre cents siècles d'art pariétal. Montignac (Dordogne). 1952.

Breuil H., Nougier L.-R., Robert R. Le lissoir aux Ours de la grotte de La Vache, à Alliat et l'Ours dans l'art franco-cantabrique occidental. BSPA, t. 11, 1956: 15-77.

Breuil H., Obermaier H. Les premiers travaux de l'Institut de Paléontologie Humaine. L'A., t. 23, 1912: 1-27.

Breuil H., Obermaier H. Insitut de Paléontologie Humaine. Travaux exécutés en 1912. L'A., 24, Paris, 1913: 1-16.

Breuil H., Saint-Périer R., de. Les poissons, les batraciens et les reptiles dans l'art quaternaire. AIPH, mém. 2, Paris, 1927.

Brezillon M. Informations archéologiques. Circonscription d'Ile de France. GP, t. 20, f. 2, 1977: 349-351.

Brochier J.-L. Les remplissages de grottes et abris sous roche du Wurmien récent et du Post-glaciare en Languedoc. PF, 1976: 236-240.

Brochier J.-E., Brochier J.-L. Les gisements de Saint-Nazaire-en-Royans. Congrès de l'UISPP IX. Livret-guide de l'excursion A8. Nice, 1976: 170.

Broglio A. L'Epipaléolithique de la vallée du Pô. Congrès de l'UISPP, Colloque XIX, Nice, 1976: 9-31

Brun V. Notice sur les fouilles paléontologiques de l'âge de pierre executées à Bruniquel et Saint-Antonin. Montauban, 1867.

Buisson D., Delporte H. Intérét d'un raccord pour l'authentification d'une oeuvre d'art. BSPF, t.85, N 1, 1988: 4-6.

Buisson D., Pinçon G. La grotte d'Isturitz (Pyrénées Atlantiques): Pièces inédites de la Collection Saint-Périer. AN, N 16/17, 1984/1985: 65-77.

Buisson D., Pinçon G. Nouvelle lecture d'un galet gravé de Gourdan et essai d'analyse des figurations d'oiseaux dans l'art paléolithique français. AN, N 18/19, 1986/1987: 75-90.

Burdukiewicz J. Oelknitz, Kr. Jena, Bez-Gera, Thuringe, RDA. DP, 1988.

Burkitt M.C. Prehistory: a study of early cultures in Europe and the Mediterranean basin. 2-d ed. Cambridge University press. 1925.

Cabrera Valdes V. Pieza inédita del arte mueble de la cueva del Castillo (Puente Viesgo, Santander). TP, 35, 1978: 403-406.

Cabrera Valdes V. El Yacimento de la cueva "El Castillo" (Puente Viesgo, Santander). Biblioteca Praehistorica Hispana, XXII, Madrid, 1984.

Cabrera Valdes V., Leroi-Gourhan A. Castillo (El). DP, 1988.

Cacho C. Structuration du Magdalénien dans l'Espagne méditerranéenne. ME. 1989: 459-475.

Cacho Quesada C. Le Paléolithique supérieur en Espagne Meditérranéenne: Valence, Murcie et Andalousie (1991-1996). UISPP, Congrès XIII de Forli, Commission Paléolithique supérieur. Bilan 1991-1996 ERAUL 76, Liège, 1996: 353-367.

Cacho C., Fumanal P., Lopez P. et al. Contribution du Tossal de la Roca (Alicante) à la chronostratigraphie du Paléolithique supérieur final dans la région de Valence (Espagne). RSP, 38, 1-2, 1983: 69-90.

Capitan L., Bouyssonie J. Limeuil. Son gisement à gravures sur pierres de l'âge du renne. Paris, 1924.

Capitan L., Breuil H., Bourrinet P., Peyrony D. La grotte de la Mairie à Teyjat (Dordogne).REAn, t. 18, 1908: 155-158.

Capitan L., Breuil H., Peyrony D. La caverne de Font-de-Gaume aux Eyzies (Dordogne). Paris, 1910.

Capitan L., Breuil H., Peyrony D. Les Combarelles aux Eyzies (Dordogne). Paris, 1924.

Capitan L., Peyrony D. La Madeleine: son gisement, son industrie, ses oeuvres d'art. Paris, 1928.

Caralp E., Nougier L.-R., Robert R. Le thème du "Mammifère aux poissons" dans l'art magdalénien. BSPA, t. 28, 1973: 11-23.

Cardini L. Rinvenimenti paleolitici nella Grotta Giovanna. Atti della XIII Riunione Scientifica dell'IIPP, Siracusa-Malta, 1968. Firenze, 1971: 29-35.

Cartailhac E. L'art chez les chausseurs de renne de l'Europe préhistorique. BSHNT, 1877a: 188-216.

Cartailhac E. Les grottes de Bize et de la Crouzade (Aude). MHPNH, vol. 12, t. VIII, 1877б: 319-326.

Cartailhac E. Les stations de Bruniquel sur les bords de l'Aveyron. L'A, t. 14, 1903a: N 2: 129-150, N 3: 295-315.

Cartailhac E. Gravure inédite de l'âge du Renne. Grotte du Chaffaud (Vienne). L'A, t. 14, 1903б: 179-182.

Cartailhac E., Breuil H. La caverne d'Altamira à Santillane près Santander (Espagne). Monaco, 1906.

Cartailhac E., Breuil H. Les oeuvres d'art de la collection du Marquis de Vibraye au Museum. L'A, t. 18, N 1-2, 1907: 1-36.

Cassoli P., Serge A.G. et E. Evolution morphologique et écologique de la côte de Castro (Pouilles) dans le Pleistocène final. FTGE, 1979.

Cattelain P. Fisches propulseurs. Fisches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. Cahier II. Université de Provence. 1988.

Chaline J. Les Lagomorphes. PF, 1976a: 419.

Chaline J. Les Rongeurs. PF, 1976б: 420-424.

Chapa T., Martinez-Navarrete M.-J. Pieza inédita del arte mueble asturiano. Actas del XIV Congresso Nacional de Arqueologia (Vitoria, 1975). Zaragoza, 1977: 165-174.

Chauvet J.M., Brunel Deschamps E., Hillaire Ch. La Grotte Chauvet à Vallon-Pont-d'Arc. Paris, 1995.

Cheynier A. Badegoule. Station solutréenne et protomagdalénienne. AIPH, mém. 23, Paris, 1949.

Chollet A., Airvaux J. Bases objectives de la chronologie de l'art mobilier paléolithique en Poitou. AOP, t. 1. 1990: 77-82.

Chollet A., Boutin P., Debenath A., Delpech F., Marquet Y.-Cl. La grotte du Bois-Ragot à Gouex (Vienne). Industrie, géologie, paléontologie. FTGE, 1979: 365-380.

Chollot M. Museé des Antiquités Nationales. Collection Piette. Art mobilier préhistorique. Paris, 1964.

Chollot-Varagnac M. Les Origines du graphisme symbolique: essai d'analyse. Les écritures primitives en Préhistoire. Paris, 1980.

Cleyet-Merle J.-J. Les figurations de poissons dans l'art paléolithique. BSPF, t. 84, N 10-12, 1987: 394-402.

Clot A., Omnès J. Premiers datages radiocarbone du Magdalénien des Hautes-Pyrénées. BSPF, t. 76, N 10-12, 1979: 324-339.

Clottes J. Informations archéologique. Circonscription de Midi-Pyrénées. GP, t. 22, f. 2, 1979: 627-671.

Clottes J. The idenfication of human and animal figures in European Palaeolithic art. In: Morphy H. (ed.). Animal into Art. New York, 1989a: 21-56.

Clottes J. Le Magdalénien des Pyrénées. ME, 38, 1989б: 281-360.

Clottes J. Les cavernes de Niaux. Art préhistorique en Ariège. Paris, 1995.

Clottes J., Alteirac A., Servelle Ch. Oeuvres d'art mobilier magdalénien des anciens collections du Mas-d'Azil. BSPA, t. 36, 1981: 37-70.

Clottes J., Garcia M., Guicharnaud R., Lautier J., Lorblanchet M., Rouzaud F., Vialou A., Vialou D. Vrais et faux bisons de Mayrière supérieur (Bruniquel, T. et G.): problèmes d'observations et de méthode. BSPF, t. 78, N 3, 1981: 71-74.

Clouet M. Médaillon et pierre à dessins du Paléolithique supérieur saintongeais. CPF. C. R. de la XI session. Périgueux, 1934. Paris, 1935: 176-181.

Collie G.L. The aurignacians and their cullture. Logan Museum Bulletin, vol. 1, N 1. Wisconsin, 1928.

Combier J. Le Paléolithique de l'Ardèche dans son cadre paléoclimatique. Publication de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux, mém. 4. Bordeaux, 1967.

Combier J. Solutré. Congrès de l'UISPP IX. Livret guide de l'excursion A8. Nice, 1976a: 111-117.

Combier J. La Goutte Roffat. Congrès de l'UISPP IX. Livret guide de l'excursion A8. Nice, 1976б: 146-149.

Combier J. La Colombière. Congrès de l'UISPP IX. Livret guide de l'excursion A8. Nice, 1976в: 51-56.

Combier J. Informations archéologiques. Circonscription Rhône – Alpes. GP., t. 20, f. 2, 1977: 604-605, 623.

Combier J. Faciés et chronologie du Paléolithique final et de l'Azilien dans le sillon rhodanien. FTGE, Paris, 1979: 260-264.

Combier J. Styles et chronologie de l'art mobilier paléolithique dans la région rhodanienne. AOP, t. 1, 1990: 83-86.

Combier J. Vuillemey M. La grotte d'Arlay. Congrès de l'UISPP IX. Livret-guide de l'excursion A8. Nice, 1976: 74-81.

Corchon M.S. El solutrense en Santander. Santander, 1971.

Corchon M.S. El arte mueble paleolitico de la Region Cantabrica. Tesis Doctoral. Salamanca. 1981.

Corchon S. Represtaciones de fauna fria en el Arte mueble de la Cueva de Caldas (Asturias, España). Significacion e implicationes en el Arte parietal. Zephyrus, XLIV-XLV, Salamanca, 1991-1992: 35-64.

Couteaux M. A propos de l'interprétation des analyses polliniques de sédiments minèraux, principalement archéologiques. In: Laville H., Renault-Miscovsky J. Approche écologique de l'Homme fossile. Paris, 1977: 259-276.

Crémades M. Oeuvres d'art mobilier inédites de la Madeleine (Tursac, Dordogne) (fouilles J.-M. Bouvier). Paléo, N 6, 1994a: 233-248.

Crémades M. Sédentarité et migrations animales à travers les figurations d'oiseau de l'art paléolithique français. BSPA-P, 1994б: 191-210.

Damblon F. Palaeobotanical study of representative Upper palaeolithic sites in the Central European Plain: A Contribution to the SC-004 Project. PE, 11, 1997: 245-253.

Damblon F., Haesaerts P. Radiocarbon Chronology of representative Upper Palaeolithic sites in the Central European Plain: A Contribution to the SC-004 Project. PE, 11, 1997: 255-276.

Damblon F., Haesaerts P., Van der Plicht J. New dating and considerations on the chronology of Upper Palaeolithic sites in the Great Eurasiatic Plain. PE, 9, 1996: 177-231.

Darasse P., Guffroy S. Le Magdalénien supérieur de l'abri de Fontalès, près de Saint-Antonin (Tarn-et-Garonne). L'A, t, 64, 1960: 1-35.

Daugas J.P. Les gisements préhistoriques de la Grotte du Cheix à Saint-Diery et de Neschers (Puy-de-Dôme). FTGE, 1979: 537-543.

David N. Excavations of the Abri Pataud, Les Eyzies (Dordogne). The Noaillian (Level 4). Assemblages and the Noaillian culture in the Western Europe. ASPR. Bull. 37, 1985.

Davidson J. La economia del final del Paleolitico en la España oriental. Serie de Trabajos Varios, 85. Servicio de Investigaciones Prehistoricas, Valencia, 1989.

Dawkins W. Boid. On the Mammal Fauna of the Caves of Creswell Crags. Quaternary Journal of the Geological Society, 33, 1877: 580-612.

Debenath A., Tournepiche J.-F. Henri-Martin. A la recherché des Hommes fossils en Charente. Cataloque et exposition. (без указания года издания).

Deffarge R., Laurent P., Sonneville-Bordes D. de. Art mobilier du magdalénien supérieur de l'abri Morin à Pessac-sur-Dordogne (Gironde). GP, t. 18, f. 1, 1975: 1-64.

Delibrias G., Guillier M.-T., Evin J., Thommeret J., Thommeret I. Datations absolues des dépôts quaternaires et des sites préhistoriques par la méthode du Carbon 14. PF, 1976: 1499-1514.

Delluc B. et G. Les manifestations graphiques aurignaciennes sur support rocheux des environs des Eyzies (Dordogne). GP, t. 21, 1978: 213-438.

Delluc S. Les galets gravés de l'abri Labattut (Sergeac, Dordogne). Sarlat et le Périgord, Actes du 39-e Congrès de la Fédération historique du Sud-Ouest, Sarlat 1986. Périgueux, 1987: 203-223.

Delpech F. Signification paléoclimatique des associations d'herbivores reconnues dans un gisement archéologique. BSPF, t. 70, N 6, 1973: 187-189.

Delpech F. Les faunes du Paléolithique supérieur dans Sud-Ouest de la France. Thése de Doctorat ès Sciences. Bordeaux, 1975.

Delpech F. Les Artidactyles: Suidés. PF, 1976: 384-385.

Delpech F. Les faunes de la fin des temps glaciaires dans le Sud-Ouest de la France.FTGE, 1979: 169-175.

Delpech F. La faune magdalénienne de la salle des Morts à Enlène, Montesquieu–Avantès (Ariège). CPF. C. R. de la XXI session. Quercy, 1979, t. I, 1981: 65-69.

Delpech F., Heintz E. Les Artiodactyles: Bovidés. PF, 1976a: 386-394.

Delpech F., Heintz E. Les Artiodactyles: Cervidés. PF, 1976б: 395-404.

Delporte H. Notes de voyage leptolithique en Europe Centrale. La Tchécoslovaquie. RSP, vol. 14, 1959: 19-57.

Delporte H. Le Paléolithique dans le Massif Central. I, Le Magdalénien des vallées superieures de la Loire et de l'Allier. BSPF, t. 63, N 1, 1966: 181-207.

Delporte H. L'abri du Facteur à Tursac (Dordogne). Etude générale. GP, t. 11, f. 1, 1968a: 1-112.

Delporte H. Rapport du directeur de la circonsription Auverne et Limousin. GP, t. XI, f. 2, 1968б: 421-454.

Delporte H. Les fouilles des Antiquités Nationales à la Ferrassie. AN, N 1, 1969: 15-28.

Delporte H. Figurations anthropomorphes sur bâtons perforés de la Grotte du Placard (Charente). AN, N 2, 1970: 5-13.

Delporte H. Informations archéologiques. Circonsription d'Auvergne et Limousin. GP, t. 13, f. 2, 1971: 472-473.

Delporte H. Proto-Magdalénien du Blot, commune de Cerzat (Haute-Loire). CPF, C.R. de la XIX session, Auvergne 1969. 1972a: 190-199.

Delporte H. Informations archéologiques. Circonsription d'Auvergne et Limousin. GP, t. 15, f. 2, 1972б: 482.

Delporte H. Informations archéologiques. Circonsription d'Auvergne et Limousin. GP, t. 17, f. 2, 1974: 612-616.

Delporte H. Le Magdalénien de la grotte d'Aurensan à Bagnères-de-Bigorre (Hautes-Pyrénées). AN, N 6, 1974 [1975]: 10-25.

Delporte H. Les oeuvres d'art magdaléniennes de la grotte de La Vache (Ariège). La revue du Louvre et des Musées de France. 25-e année, N 2, Paris, 1975: 123-130.

Delporte H. L'organisation du Périgordien supérieur en France et ses rapports avec le Périgordien d'Europe occidentable. Congrès IX de l'UISPP, colloque XV, Nice, 1976: 7-51

Delporte H. Figurations sculptées sur cylindres des Magdaléniens pyrénéen et périgourdin. AN, N 9, 1977: 6-14.

Delporte H. L'Image de la femme dans l'Art Préhistorique. Paris, 1979.

Delporte H. Brassempouy. La grotte du Pape, station préhistorique. Paris, 1980.

Delporte H. La collection Saint-Périer et le Paléolithique d'Isturitz: une acquisition prestigieuse. AN, N 12/13, 1980-1981: 20-26.

Delporte H. L'image des animaux dans l'art préhistorique. Paris, 1990.

Delporte H., Mons L. Notes de Technologie et de Morphologie de l'art paléolithique mobilier: III. Bison gravé sur plaquette de limon de Bedeilhac (Ariège). AN., N 5, 1973: 20-32.

Delugin A. Relief sur pierre aurignacien à représentation humaine découvert à Termo-Pialat. Bulletin de la Société Historique et Archéologique du Périgord, t. XLI, Périgueux, 1914: 117-125.

D'Errico F., Ucelli-Gnesutta P. L'Art mobilier épigravettien de la grotte de Settecanelle (Viterbo, Italie). Contexte archéologique, analyse technique et stylistique. L'A, t. 102, N 1, 1999: 121-160.

Desbrosse R. Les civilisations du Paléolithique supérieur dans le Jura et en Franche-Comté. PF, 1976a: 1348-1357.

Desbrosse R. Grotte des Hoteaux. Congrès IX de l'UISPP. Livret-guide de l'excursion A8. Nice, 1976б: 42-45.

Desbrosse R. Recherches entre Saône et Rhône en 1978. Nouvelles archéologiques du Museé d'Histoire Naturelle de Lyon, t. 16, 1978: 63-69.

Desbrosse R., Prat F. L'Elan magdalénien de Pierre-Chatel (Ain). Quartär, Bd. 25, 1974: 143-157.

Desse G., Granier J. Les Poissons. PF, 1976: 437-443.

Destinez P., Moreels L. Exploration de la caverne de Verlaine (Luxembourg). Notice préliminaire. Annales de la Société Géologique de Belgique, 15, 1887-1888: 113-148.

Dewez M. L'Art mobilietr paléolithique du Trou Magrite dans son contexte stratigraphique. BSRBAP, t. 96, 1985: 117-133.

Didon L. Faits nouveaux constatés dans une station aurignaciennne des environs de Sergeac. CIAAP. C.R. de la XIV session, Genève, 1912; Genève, 1913: 337-350.

Djindjian F. The Mid Upper Palaeolithic (30.000 to 20.000 B.P.) in France. HGA, 1999: 313-324.

Dubourg C., Bouvier J.-M., Castanet R. Un bloc gravé de l'abri de la Souquette (Sergeac – Dordogne). Une nouvelle figuration d'antilope Saïga. Paléo, N 6, 1994: 247-259.

Dupont E. Découverte d'objets gravés et sculptés dans le Trou Magrite à Pont-à-Lesse. BARS, 2 ème serie, 24, 1867: 129-132.

Dupont E. Une nouvelle Caverne en Belgique à Goyet. Important produit de l'art. MHPNH, t. 5, 1869a.

Dupont E. Les "batons de commandement" de la caverne de Goyet. MHPNH, t. 5, 1869б: 318-319.

Dupont E. Sur deux fragments d'objets appelés "batons de commandement" découverts dans les cavernes de Goyet (Prov. de Namur). BARS, 2-éme série, 27, 1869в: 274-275.

Dupont E. Les temps préhistoriques en Belgique. L'homme pendant les âges de la pierre dans les environs de Dinant–sur-Meuse. Bruxelles, 2-e ed. 1872.

Duport L. La grotte de Montgaudier. Commune de Montbron (Charente).Livret-guide de l'excursion A4. IX Congrès UISPP. Nice, 1976: 151-158.

Duport L. Grotte de Montgaudier. Commune de Montbron (Charente). Le foyer et les gravures magdaléniennes. Préhistoire de Poitou – Charentes. Problèmes actuels, Paris, 1987: 37-48.

Egloff M. Rislisberghöhle. DP, 1988.

Eppel F. Les objets d'art paléolithique en Autriche. BSPA, t. 27, 1972: 73-81.

Escalon de Fonton M. Quelques civilisations mediterranéennes du paléolithique supérieur au mesolithique. Mémoires de la Société Préhistorique Française, XV, Paris, 1959: 118-134.

Escalon de Fonton M. Grotte de la Salpêtrière. Livret-guide de l'excursion C2. IX Congrès UISPP, Nice, 1976: 165-180.

Escola M. La plaquette osseuse gravée de la Baume Noire à Frétigney (Haute-Saône). BSPA-P, t. 44, 1989: 181-192.

Estevez J. El aprovechamiento de los recursos faunisticos aproximacion a la economia en el Paleolitico catalan. Cypsela, 3, 1980: 9-30.

Estevez J. La fauna de l'Arbreda (sector Alta) en el conjunt de faunes del Pleistocen Superior. Cypsela, 6, 1987: 78-88.

Exposition: «Cinq millions d'années l'aventure humaine». Bruxelles, 1990.

Fabri P.F. Restes humains retrouvés dans la Romanelli (Lecce, Italie): étude antropologique. Bulletin et Mémoire de la Sociéte d'Antropologie de Paris, t. 4, s. XIV, 1987: 219-248.

Fabri P.F. Le Peuplement épigravettien de l'Italie. PM, 1992: 79-84.

Faure M. Révision critique d'une collection de gravures mobilières paléolithiques: les galets et les os gravés de la Colombiére (Neuville-sur-Ain, Ain, France). Nouv. Arch. Mus. Ist. Nat. Lyon, f. 16, 1978: 41-99.

Favraud A. La grotte du Roc, commune de Sers, Charente, avec superpositions de Solutréen sur l'Aurignacien. REAn, t. 18, 1908: 407-423.

Féaux M. Catalogue des collections préhistoriques du Museé du Périgord. Périgueux, 1905.

Felgenhauer F. Willendorf in der Wachau. Mitteilungen der prähistorischen Kommission der OAW, vol. 8-9, Wien, 1956-1959.

Ferry H. de. Note sur une figurine de pierre de l'âge du Renne trouvée dans la station de Solutré. RAr, Année 9, vol. 17-18, 1868.

Feustel R. Remarques sur le Magdalenien suisse. Archives Suisses d'Anthropologie Générale, vol. 26, N 1/2, 1961a: 29-40.

Feustel R. Jungpaläolitische Wildbeuter in Thüringen, JMUFT, 2, 1961б: 1-37.

Feustel R. Eiszeitliche Sexualdarstellungen und ihre Deutung. Wissenschaftlich Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. 18/5, 1969: 857-862.

Feustel R. Statuettes féminines paléolithiques de la Republique Démocratique Allemande. BSPF, t. 67, 1970: 12-16.

Feustel R. Sexuologische Reflexionen über jungpaläolitische Objekte. Alt–Thüringen, JMUFT, 11, 1971: 7-46.

Feustel R. Le Magdalénien final en Thuringe (R.D.A.). FTGE, 1979a: 877-887.

Feustel R. Eine Nashorn–Darstellung im Magdalénien der Kniegrotte bei Döbritz (Kr. Pößneck, Bezirk Gera). AK, 9, 1979б: 7-8.

Feustel R. Magdalénienstation Teuffelsbrücke. I. Archäologischer Teil. Weimarer Monographien zur Ur- und Frühgeschichte. Weimar, 1980.

Fiedorczuk J. Figurki Venus – wyt way magdalenskiej sztuki ruchomej z Wilzyc, Pow. Sandomierz. Przegled Archeologiczny, vol. 14, 2001: 141-144.

Fischer G. Eine "Jagdszene" aus Gönnersdorf. AK, 9, 1979: 243-249.

Fitte P., Sonneville-Bordes D. de. Le Magdalénien VI de la Gare de Couze. Commune de Lalinde (Dordogne). L'A, t. 66, N 3-4, 1962: 217-246.

Fortea J. Investigaciones en la Cuenca Media del Nalon , Asturias (Espaňa). Zephyrus, 32-33, 1981: 5-16.

Fortea J. Abrigo de la Viňa (Manzaneda). Subdirección general de Arquelogia y Etnografia. Arquelogia 82: Memoria de las Actuaciones Programadas en 1982. 1983.

Fortea J., Corchon M.S., Gonzales Morales M., Rodriguez Asensio A., Hoyos M., Laville H., Fernandez Tresguerres J. Trabajos recientes en los valles del Nalon y del Sella. Pre-Actes. CIAMP, 1987: 191-235.

Fortea J., Corchón M.-S., Gonzales Morales M., Rodriquez Asensio A., Hoyos M., Laville H., Dupré M., Fernandez Tresguerres J. Travaux récents dans les vallées du Nalón et du Sella (Asturies). AOP, t. 1, 1990: 219-244.

Fortea J, Jorda F. La cueva de les Malladetes y los problemas del paleolitico superior del Mediterraneo espanol. Zephyrus, XXVI-XXVII, 1976: 129-166.

Fortea Perez J. Perfiles recortados del Nalón Medio (Asturias). Homenaje al Prof. Don Martin Almagro-Basch, I, 1983: 343-353.

Fortea Perez J. Le Paléolithique supérieur en Espagne: Galice et Asturies (1991-1995). UISPP, Congrès XIII de Forli, Commission Paléolithique Supérieur. Bilan 1991-1996, ERAUL, 76, 1996: 329-344.

Freeman L.-G., Gonzalez Echegaray J. Magdalenian mobile art from El Juyo (Cantabria). Ars P., I, Madrid, 1982: 161-167.

Freund G. Die ältere und die mittlere Steinzeit in Bayern. Jahresler des Bayerischen Bodendenkmälpflege, 4, Munchen, 1963: 9-167.

Frossard E. et Ch. L. Note sur la grotte d'Aurensan, Pyrénées. – Age du Renne. MHPNH. 6 et 7 années 2-e série, 1870: 205-216.

Fugazzola Delpino M.A. La piccola «dea madre» del lago di Bracciano. BPI, vol. 91-92, Roma, 200-2001: 27-45.

Garcia Guinea M.A. Primeros sonderos estratigraficos en la Cueva de Tito Bustillo (Ribadesella, Asturias): Excavaciones de 1970. Publicaciones del Patronato de les cuevas Prehistóricas de la provincia de Santander, XII, 1975.

Garcia Guinea M.A. Los bastones magdalenienses en Cantabria. El hallaz go de Cualventi (Oreňa). UNED de Cantabria, lección inaugural curso 1986-87. Santander, 1986.

Garralda M.D. Les Magdaléniens en Espagne: Anthropologie et Contexte paléoécologique. PM, 1992: 63-70.

Garrod D.A.E. The Upper Palaeolithic Age in Britain. Oxford, 1926.

Garrod D.A.E. Paleolithic Spear-Throwers'. PPS for 1955, n.s., vol. XXI, London, 1956: 21-35.

Gaussen H. Les conditions écologiques des Pyrénées. CEPP, II/3, 4, Auvillar (France), 1973, Mouton, 1974: 27-64.

Gilot E. Datations radiometriques. In : Cahen D., Haesaerts P. (ed.). Peuples chasseurs de la Belgique préhistorique dans leur cadre naturel. Bruxelles, 1984: 115-125.

Girard M. La végétation au Pléistocène supérieur et au début le l'Holocène dans les Alpes, le Jura, la Bourgogne et les Vosges. PF, 1976: 517-524.

Girardot L.-A. La grotte d'Arlay (Jura) station magdalénienne. C.R. Congrès de l'AFAS. Session de Besançon, 1893: 280.

Girod P. La collection Massénat–Girod á l'exposition de 1900. REAn, t. 9, 1900: 293-321.

Girod P., Massénat E. Les stations de l'âge du renne dans les vallées de la Vézére et de la Corrèze. T. I, Paris, 1900.

Gómez Fuentes A., Bécarez Pérez J. Un Hueso grabado en la cueva del Cierro (Ribadesella Asturuas). Actas del XV CNA. Lugo, 1977. Zaragoza, 1979: 83-94.

Gomez Tabanera J.-M. La Caza en la Prehistoria Asturias, Cantabria, Euskal–Herria). Madrid, 1980.

Gomez Tabanera J.-M., Pérez Pérez M., Cano Diaz J. Première prospection de "Cueva Oscura de Ania" dans le basin du Nalón (Las Regeras, Oviedo) et connaissance de ses vestiges d'art rupestre. BSPA, t. 30, 1975: 59-69.

Gonzalez Echegaray J. Apreciaciones cuantitativas sobre el Magdaleniense de la Costa Cantabrica. Munibe, 2-3, 1971: 323-327.

Gonzalez Echegaray J. Stratigraphie du Paléolithique final à la grotte de Rascaňo (Santander). FTGE, 1979: 733-735.

Gonzalez Echegaray J., Barandiaran J. et al. El Paleolitico superior de la cueva del Rascaňo(Santander). Centro de investigacion y Museo de Altamira, 3, Santander, 1981.

Gonzalez Echegaray J., Freeman L.G. La Mascara del Santuario de la Cueva del Juyo. Altamira Symposium, 1981: 251-265.

Gonzalez Echegaray J., Freeman L.G. et al. Cueva Morin I, excavaciones 1966-1968. Santander, 1971.

Gonzalez Echegaray J., Garcia Guinea M.-A., Bejines Ramirez A. Cueva de La Chora. Excavaciones Arquelogicas en Espana, 26, Madrid, 1963.

Gonzalez Echegaray J., Janssens P. Excavaciones en la Cueva de El Juyo (1955-1956). Santander, 1958.

González Morales M. La Costilla decorada de la Cueva de Collubil (Amieva, Asturias). Actas del XIV CNA, Vitoria, 1975. Zaragoza, 1977: 175-178.

González Morales M.R. When the Beasts Go Marchin'Out! The End of Pleistocene Art in Cantabrian Spain. Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol. San Fransisco, 1997: 189-199.

Gonzalez Sainz C. Sobre la plaqueta grabada magdaleniense de la cueva de Urtiaga (Guipuzcoa). Munibe, 36, San Sebastian, 1984: 11-17.

Gosse. Station préhistorique de Veyrier et l'âge du renne en Suisse. MHPNH, 9 anneé, 2 série, Toulouse, 1873: 352-353.

Goury G. Origine et évolution de l'homme. Prècis d'Archéologie préhistorique. I. Epoque paléolithique. Paris, 2-e ed, 1948.

Graziosi P. Une nouvelle statuette paléolithique découverte en Italie. BSPF, t. 36, 1939: 159-162.

Graziosi P. La Venere di Chiozza. Studi Etruschi, vol. XVII, Firenze, 1943.

Graziosi P. L'art paléolithique de la "province artistique mediterranéenne" et ses influences dans les temps postpaléolithiques. In: Pericot L., Ripoll E. (eds.). Prehistoric Art of Western Mediterranean and the Sahara. Viking Fund Publications in Anthropology, 39, 1964: 35-46.

Graziosi P. L'Arte preistorica in Italia. Firenze, 1973.

Graziosi P., Cadeo G.C., Brambilla A. Ciottolo con fugure incise della grotta delle Mura di Monopoli (Bari). RSP, vol. 13, 1958: 187-191.

Griggo C. Establissement de courbes climatiques quantifiées à partir des communautés animales pléistocène d'une application aux gisements de l'abri Suard (Charente) et la grotte de Bois Ragot (Vienne). Paléo, N 8, 1996: 81-97.

Guérin Claude. Les Périssodactyles: Rhinocérotidés. PF, 1976: 405-408.

Guyan W.U. Eine Speerchleuder aus dem Kesslerloch Zeitschrift Schweizerischen Archäologie und Kunstgeschichte, 6, 1944: 75-84.

Gvozdover M. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo. Oxbow Monograph, 49, 1995.

Haesaerts P. Nouvelles Recherches au gisement de Willendorf (Basse Autriche). Bulletin de l'Institut Royal des Sciences Naturelles de Belgique, Sciences de la Terre, 60, 1996: 203-218.

Haesaerts P., Damblon F., Bachner M., Tmka G. Revised stratigraphy and chronology of the Willendorf II sequence. Lower Austria. AA, 80, 1996: 25-42.

Hahn J. Gravettien – Freilandstationen im Rheinland: Mainz–Linsenberg, Koblenz–Metternich und Rhens. Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landsmuseums in Bonn, 169, Köln, 1969: 44-87.

Hahn J. Aurignacien. Das Altere Jungpaläolithikum in Mittel- und Osteurope. Fundamenta, Institut für Urgeschichte der Universtät zu Köln, 9, 1977.

Hahn J. Demi-relief aurignacien en ivoire de la grotte Geissenklösterle près d'Ulm (Allemagne fédérale). BSPF, t. 79, N 3, 1982: 73-77.

Hahn J. L'art mobilier aurignacien en Allemagne du Sud-Ouest: essai d'analyse zoologique et éthnologique. CZE, 1984: 283-293.

Hahn J. Kraft und Aggression. Archaelogica Venatoria, Bd. 2. Tübingen, 1986.

Hahn J. Die Geißenklösterle – Höhle im Achtal b. Blaubeuren I. Forschungen und Berichte zur Vor– und Frühgeschichte in Baden–Württenmberg, 26, Stuttgart, 1988.

Hahn J. Neue Beschleuniger 14 C – Daten zum Jungpaläolithikum in Südwestdeutschland. Eiszeitalter und Gegenwart, 45, 1995: 86-92.

Hahn J. Le Paléolithique supérieur en Allemagne méridionale (1991-1995). UISPP, Congrès XIII de Forli, Commission Paléolithique Supérieur. Bilan, 1991-1996, ERAUL, 76, 1996: 181-186.

Hahn J. The Gravettian in Southwest Germany – environment and economy. HGA, 1999: 249-256.

Hahn J., Wagner E. Eine jungpaläolithische Elfenbeinplastik aus dem Geissenklösterle bei Blaubeuren. AK, 5, 1975: 167-170.

Hamal-Nandrin J., Servais J. La grotte dite "du Coléoptère", rapport sur les fouilles 1923-1924. RAn, 35, 1925: 120-144.

Hanitzsch H. Groitzsch bei Eilenburg. Schlag- und Siedlungsplätze der späten Altsteinzeit. Berlin, 1972.

Hanitzsch H., Toepfer V. Ausgrabungen auf der "Altenburg" bei Nebra (Unstrut). AF, Bd. 8, 1, 1963: 6-9.

Harlé E. La grotte d'Altamira, près de Santander (Espagne). MHPNH, vol. 16, t. 12, 1881: 275-283.

Heierli J. Das Kesslerloch bei Thaingen. Neue Denkschrift der Schweizerischen Naturforschenden Gesellschaft, vol. 43, Zürich, 1907.

Heim A. Ueber einen Fund aus der Renthierzeit in der Schweiz. MAG, 18, H. 5, Zürich, 1874: 123-136.

Henri Martin L. Manifestations artistiques solutréennes dans la vallée du Roc (Charente). JPEK, 1927a: 113-118.

Henri Martin L. Les sculptures de l'Atelier solutréen du Roc (Charente). C.R. de l'Académie des Inscriptions et Belles-Letters, séances du 18 novembre 1927. 1927б: 291-294.

Henri Martin L. (H. Martin). Etudes sur le Solutréen de la vallée du Roc (Charente), 1 partie: Les Troglodytes quanternaires de la vallée du Roc. Bulletins et Mémoires de la Société archéologique et historique de la Charente. Angoulême, 1928a: 1-64.

Henri Martin L. La Frise sculptée et l'atelier solutrêen du Roc (Charente). AIPH, mém. 5, 1928б.

Henri Martin L. L'atelier solutréen du Roc (Charente) Sa frise scultée. L'A, t. 38, N 1-2, 1928в: 1-16.

Hernandez Pacheco E. La vida de nuestros antepasados paleoliticos segun los resultados le Las excavationes en la Caverna de la Paloma (Asturias). Comission de Investigaciones Prehistórias y Paleontologicas, 21, 1923.

Hoffecker J. Early Upper paleolithic Sites of the European USSR. The Early Upper Paleolithic Evidence from Europe and the near East (ed. J.F. Hoffecker and C.A. Wolf). BAR International Series 437, Oxford, 1988: 237-272.

Iakovleva L. Les statuettes féminines en ivoire du mézinien de Meziritche (Ukraine). BSPF, t. 89, N 3, 1992: 68-71.

Iakovleva L. Recherches sur le Paléolithique supérieur de l'Ukraine (1997-2000). Le Paléolithique supérieur européen. Bilan quinquennal 1996-2001. ERAUL, 97, Liège. 2001: 35-43.

Iakovleva L., Pinçon G. La Frise sculptée du Roc-aux-Sorciers. Paris, 1997.

Iturbe G., Fumanal M.P., Carrion J.S., Cortell E., Martinez R., Guillem P.M., Garralda M.D., Vardermeersch B. Cova Beneito (MuroAlicante), una perspectiva interdisciplinar. Recenques del Museu d'Alcol-2. 1994: 23-88.

Jalut G. Le climat et la vegétation de l'extremité orientale des Pyrénées au Pleistocène supérieur et à l'Holocene d'après l'analyse pollinique. CEPP, II/3, 4, Auvillar (France), 1973, Mouton, 1974: 65-68.

Jalut G. La végétation au Pleistocenè supérieur et au début de l'Holocène dans les Pyrénées. PF, 1976: 512-516.

Jelinek J. Considérations sur l'art mobilier de l'Europe centrale. L'A, t. 92, N 1, 1988: 203-238.

Jimeno A., Fernandez Moreno J.J., Gomez Barrera J.A. La plaque paléolithique de Villalba (Soria, Espagne). L'A, t. 99, N 2-3, 1995: 325-356.

Joly J. Informations archéologiques. Circonscription Bourgone. GP, t. 13, 1970: 427-441.

Jorda Cerda F. El Solutrense en Espaňa y sus Problemas. Instituto de Investigaciones Arquelogicas, Oviedo, 1955.

Jordá F. Préhistoire de la Region Cantabrique (Oviedo). 1957.

Karsten H. Studie der Urgeschichte des Menschen in einer Höhle des Schaffhauser Jura. MAG, 18, H. 6, Zürich, 1874: 137-162.

Klíma B. Druký sídelní objekt a paleoliticka keramicka pec v Dolních Věstonicích. AR, r. IV, 1952: 193-197, 225-227.

Klíma B. Paleolithic Huts at Dolní Věstonice, Czechoslovakia. Antiquity, XXVIII, 109, 1954a: 4-14.

Klíma B. Pavlov, nové paleolitické sídliště na Jižni Moravě. AR, r. VI, s. 6, 1954б: 721-728.

Klíma B. Přínos nové paleolitické stanice v Pavlově k problematice nejstarších zemédélských nástrojů. PA, r. XLVI, č. 1, 1955a: 7-29.

Klima B. Výsledky archeologického výzkumu na tábořišti lovců mamutů v Petřkovicich okr. Ostrava v roce 1952 a 1953. Časopis Silezského musea (Acta Musei Silesiae), IV, Opava, 1955б: 1-34.

Klíma B. Výskum paleolitického sidliste u Pavlovy v Roce 1954. AR, r. IX, s. 2, 1957: 145-151.

Klima B. A contribution in the stratigraphy of the youngest loess cover. Antropozoikum, 7, 1958: 111-143.

Klíma B. Výskum paleolitického sidliste u Pavlovy v roce 1956. AR, r. XI, s. 1, 1959: 3-14.

Klíma B. Současný stav problematiky aurignacienu a gravettienu. AR, r. XIII, s. 1, 1961: 84-119.

Klíma B. Dolní Věstonice. Výskum tábořišti lovců mamutů v letech 1947-1952. Monumenta archaelogica 11, Praha, 1963.

Klíma B. Eine neue paläolitische Ritzzeichnung aus der Pekárna–Höhle in Mahren. Quartär, Bd. 15/16, Bonn, 1964/1965: 167-172.

Klíma B. Pavlovien a jeho vztahy ve střední Evropě. AR, r. XIX, s. 5, 1967: 558-566.

Klima B. Die grosse Mammutknochenanhäufung von Dolni Véstonice. Acta scientiarum naturalium Academiae scientiarum bohemoslovacae. 3 (6), Brno, 1969.

Klima B. Schieferplatten mit Gravierungen aus der Děravá-Höhle in Böhmen. Arbeits- und Forschelugsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpfluge , Bd. 19, Berlin, 1971: 9-15.

Klíma B. Mladopaleolitická keramika z Předmosti. PA, r. LXV, č. 2, 1974a: 229-240.

Klíma B. Archeologický výzkum plošiny před jeskyni Pekarnou. Studie Archeologického ústavu CSAV v Brně II/1, Praha, 19746: 1-78.

Klíma B. Die paläolithische Station Pavlov II. Acta scientiarum naturalium Academiae Scientiarum bohemoslovacae. Brno, 10 (4). Praha, 1976: 1-49.

Klíma B. Střední část paleolitické stanice u Dolních Věstonic. PA, LXXII, Praha, 1981a: 5-92.

Klíma B. The Mammouth–Hunters camp site at Predmosti by Přerov. Nouvelles archéologiques dans la republique socialiste Tcheque. UISPP, C.R. de la X session Mexico, Prague, Brno, 19816: 11-12.

Klíma B. Les représentations animales du Paléolithique supérieur de Dolní Věstonice. CZE, 1984: 323-332.

Klima B. Gravierte Tierbilder aus der Děrava – Höhle in Böhmen. JBHM, Bd. N 63-64, 1985: 199-209.

Klíma B. Chronologie de l'art mobilier paléolithique en Europe Centrale. AOP, t. 1. 1990a: 133-141.

Klíma B. Lovci mamutů z Předmosti. Praha, 19906.

Klíma B. Cadre stratigraphique du paléolithique superieur en Moravie. In: V. Nekuda, J. Unger (eds). El cadro geochronologico del paleolitico superieur inicial, Madrid, 1994: 67-71.

Klíma B.. Musil R., Opravil E., Přichystal A., Škrdla P., Soffer O., Svoboda J., Tamáškova S., Vandiver P. Pavlov I. Excavations 1952-1953. ERAUL, 66, 1994.

Kneblova V. Fytopaleontologicky rozbor uhliku z paleolitickeno sidliste v Dolnich Vestonicich. Anthropozoikum II, 1954: 297-299.

Kozlowski J. K. Nouvelles découvertes du Paléolithique supérieur en Pologne. Le Paléolithique supérieur européen. Bilan quinquennal 1966-2001. ERAUL, 97, Liège, 2001: 89-92.

Kühn H. Neue Funde einzeitlicher Kunst in Mähren. JPEK, 9, 1934: 152-157.

Ladier E., Welté A.C. Les figures anthropomorphes de la vallée de l'Aveyron. BSPA-P, t. 50, 1995: 57-83.

Lalanne G. Un atelier de sculpture de l'âge du Renne, Cap-Blanc. RP, 5 année, N 2, 1910: 33-34.

Lalanne G. Découverte d'un bas-relief à représentation humaine dans les fouilles de Laussel. L'A, t. 22, 1911: 257-260.

Lalanne G. Bas-relief à figuration humaine de l'abri sous roche de "Laussel" (Dordogne). L'A, t. 23, 1912: 129-149.

Lalanne J.G., Bouyssonie J. Le gisement paléolithique de Laussel. Fouilles du Dr. Lalanne. L'A, t. 50, N 1-2, 1946: 1-64; N 3-4, 1946: 65-116; N 5-6, 1947: 117-163.

Laming-Emperaire A. La Signification de l'Art rupestre paléolithique. Paris, 1962.

Laming-Emperaire A. Système de pensées et organisation sociale dans l'art rupestre paléolithique. L'Homme de Cro-Magnon. Paris, 1970: 197-212.

Lantier R. Las excavaciones del santuario solutrense del Roc-de-Sers (Charente) en 1951. Archivio español de Arqueologia, XXV/86, 1952: 321-335.

Laplace G. Les subdivisions du Leptolithique italien. Etude de typologic analytique. BPI, vol. 73, n. s., XV, 1964: 25-63.

Laplace G. Recherches sur l'origine et l'evolution des complexes leptolithiques. Paris. Ecole française de Rome, 1966.

Lartet E., Christy H. Reliquiae Aquitanicae; being contributions to the Archaeology and Palaeontology of Perigord and the adjoining provinces of Southern France. Londres, 1865-1875.

Larue M., Combier J., Roche J. Les gisements périgordien et magdalénien du Saut-du-Perron (Loire). L'A., t. 59, N 5-6, 1955: 401-428.

Laville H. Climatologie et chronologie du Paléolithique en Périgord. Etude sédimentologique des dépôts en grotte et sous abri. Thèse de Doctorat ès Sciences. Université de Bordeaux I, N 400, 1973.

Laville H. Climatologie et chronologie du Paléolithique en Périgord. Marseille. Ed. Labo. de Paléontologie humaine et de Préhistoire. 1975a.

Laville H. Climatologie et chronologie du paléolithique en Périgord: étude sédimentologique des dépots en grottes et sous abris. Etudes quaternaires. Mémoires 4, Université de Provence, 19756.

Laville H. Les remlissages de grottes et abris sous roche dans le Sud-Ouest. PF, 1976: 250-270.

Laville H., Hahn J. Les dépôts de Geissenklösterle et l'évolution du climat en Jura souabe entre 35 000 et 23 000 B.P. C.R. de l'Académie de Sciences, t.292, Paris, 1981: 225-227.

Lejeune M. L'Art mobilier paléolithique et mesolithique en Belgique. Treignes – Viroinval, 1987.

Lejeune M. Apport des fouilles récentes à l'attribution culturelle des témoins d'art mobilier provenant des fouilles anciennes du Trou Magrite. In: M.Otte, L.G.Straus (ed.) Le Trou Magrite: fouilles 1991-1992. ERAUL, 69, Liège. 1995: 217-228.

Lejeune M. L'art mobilier du Trou Magrite (Pont-à-Lesse, Belgique): Aurignacien ou Gravettien? L'A, t. 101, N 1, 1997: 238-247.

Lemozi A. La grotte-temple de Pech-Merle. Paris, 1929.

Lemozi A. Les figurations humaines préhistoriques dans la région de Cabrerets. CPF. C.R. de la 12 session, Toulouse – Foix, 1936: 660-672.

Lenoir M. Recherches sédimentologiques concernant quelques gisements magdaléniens de Guyenne occidentale. Thése du doctorat de 3-e cycle, N 832, Bordeaux, 1970.

Lenoir M. Le Magdalénien de la basse vallée de la Dordogne: Données anciennes et acquis récents. Périgueux, 1982: 121-131.

Lenoir M. Le peuplement magdalénien de basses vallées de la Dordogne et de la Garonne. PM, 1992: 97-101.

Leonardi P. Les bases objectives de la chtronologie de l'art mobilier en Italie. Pre-Actes du CIAMP. 1987: 115-122.

Leonardi P. Art paléolithique mobilier en Italie. L'A, t. 92, N 1, 1988: 139-202.

Leroi-Gourhan A. Les Religions de la Préhistoire. Paris, 1964.

Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'Art Occidental. Paris, 1965.

Leroi-Gourhan A. Resumé des cours et travaux. Annulaire du Collège de France, 82, 1981-1982: 477-494.

Leroi-Gourhan A. Le réalisme de comportement dans l'art paléolithique d'Europe de l'Ouest. CZE, 1984: 75-90.

Leroi-Gourhan A. Buxu (El). DP, 1988.

Leroi-Gourhan A., Taborin I., Thiébault S. Murat, Rocamadour, Lot. DP., 1988a.

Leroi-Gourhan A., , Taborin I., Thiébault S. Santimamine. DP, 19886.

Leroi-Gourhan A., Vega-Toscano L., Bernaldo de Quiros F. Pendo (El). DP, 1988.

Leroi-Gourhan Arl. Pollens et datation de la grotte de la Vache (Ariège). BSPA, t. 22, 1967: 115-127.

Leroi-Gourhan Arl. L'abri du Facteur à Tursac (Dordogne): analyse pollinique. GP, 11, 1968: 123-132.

Leroi-Gourhan Arl. Les interstades du Würm supérieur. In: J.Chaline (éd.). Problèmes de Stratigraphie Quaternaire en France et dans les pays limitrophes. Suppl. Bulletin de l'AFEQ, 1, 1980: 192-194.

Leroi-Gourhan Arl. Les pollens dans la caverne d'Enlène. CPF, C.R. de la XXI session, 1979, Quercy, vol. 1, 1981: 58-59.

Leroi-Gourhan Arl. et A. Chronologie des grottes d'Arcy-sur-Cure. GP, t. 7, f. 1, 1964: 1-65.

Leroi-Gourhan Arl., Allain J. et al. Lascaux inconnu. Paris, 1979.

Lorblanchet M. Les relevés d'art préhistorique. Art C. 1984a: 41-51.

Lorblanchet M. Grotte et abri Murat. Art C. 19846: 495-496.

Lorblanchet M. Art rupestre et compétition. INORA, N 5, 1993: 10-11.

Lorblanchet M., Welté A.-C. L'art mobilier paléolithique du Quercy: chronologie et thèmes. AOP, t. 1, 1990: 31-64.

Ložek V. Alterstellung und Umwelt des Aurignaciens. L'aurignacien et le gravettien (périgordien) dans leur cadre écologique. Nitra, 1980: 139-151.

Luquet G.H. L'art et la religion des humaines fossiles. Paris, 1926.

Luquet G.-H. L'art primitif. Paris, 1930.

Lwoff S. A propos de la Grotte de la Marche. BSPF, t. 39, 1942a: 51-64, 166-169.

Lwoff S. La Marche, commune de Lussac-les-Chateaux, industrie de l'os. BSPF, t. 39, 19426: 1-14.

Lwoff S. Grotte de La Marche. Commune de Lussac-les-Château (Vienne). Industrie de l'os – Iconographie humaine et animale du Magdalénien III. BSPF, t. 59, 1962a: 73-91.

Lwoff S. Les Fadets. Commune de Lussac-les-Château (Vienne). BSPF, t. 59, 5-6, 19626: 407-426.

Lwoff S. La Marche. L'outillage lithique. BSPF, t. 61, 1964: 271-288.

Maret A., de. Stations préhistoriques de la grotte du Placard près de Rocheberthier, Charente. Congrès archéologique de France, XLVI, Vienne, 1879; 1880: 162-178.

Maret A., de. Fouilles de la grotte du Placard près de Rocheberthier (Charente). MHPNH, vol. 16, t. XII, 1881: 229-233.

Marsan G. Les industries du Tardiglaciaire des Pyrénées Atlantiques et du Guipuzcoa. FTGE, 1979: 667-687.

Marsan G. Trois pièces d'art mobilier de la grotte d'Espalungue à Arudy (Pyrénées Atlantiques). BSPF, t. 77, N 6, 1980: 181-187.

Marshack A. Polesini: A reexamination of the Engraved Upper Paleolithic Mobilary Materials of Italy by a new methology. RSP, vol. 16, 2, 1969: 219-281.

Marshack A. Une figurine de Grimaldi "redécouverte": analyse et discussion. L'A, t. 90, N 4, 1986: 807-814.

Marshack A. Paleolithic Image Making and Symboling in Europe. Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol. San Fransisco, 1997: 53-91.

Martin Y. L'Art paléolithique de Gouy. Saint-Etienne de Ruvray. 1972.

Martin Y. Nouvelles découvertes de gravures à Gouy. L'A, t. 93, N 2, 1989: 513-546.

Martinez Valle R. Fauna del Pleistoceno superior en el Pais Valenciano: aspectos economicos, huellas de manipulation y valoracion paleoambiental. Ph. D. Dissertaion, Iniversitat de Valencia, 1996.

Mason S., Hather J., Hillman G. Preliminary investigation of the plant macro-remains from Dolny Vestonice II and its implications for the role of plant foods in Palaeolithic and Mesolithic Europe. Antiquity, 258, 1994; 48-57.

Massénat E. Objets gravées et sculptés de l'Augerie-Basse (Dordogne). MHPNH, t. V, 1869: 348-356.

Masset Cl. Grimaldi, une imposture honnête et toujours jeune. BSPF, t. 86, N 8, 1989: 228-230.

Maury J. Fouilles à Laugerie–Basse. BSPF, t. 11, N 1, 1914a: 50-57.

Maury J. Fouilles de M.A. Le Bel à Laugerie–Basse. BSPF, t. 11, N 5, 1914б: 291-297.

Mayet L., Pissot J. Abri sous roche préhistorique de la Colombière près Poncin (Ain). Annales de l'Université de Lyon. n. s. I. Sciences Médicine, 39, 1915.

Mazière G. Informations archéologiques. Circonscription d'Auverge. GP, t. 29, f. 2, 1986: 259-291.

Mazière G., Raynal J.-P. La fin des temps glaciaires en Limousin. FTGE, 1979: 503-513.

Menendez M., Olabarri E. Una pieza singular del arte mueble de la Cueva del Buxu (Asturias). Homenaje al Prof. Don Martin Almagro-Basch I, 1983: 319-329.

Méroc L. Prémoustériens, Magdaléniens et Gallo-Romains dans la Caverne de Labouiche (Ariège). GP, t. 2, 1959: 1-37.

Méroc L., Michaut L., Ollé M. La grotte de Marsoulas (Haute–Garonne). BSHNT, N 82, 1947: 284-320.

Mestorf J. La caverne ossifère, dite Kesslerloch, à Thayngen près Schaffhouse. MHPNH, t. VII, 1876: 97-114.

Mezzena F., Palma de Cesnola A. L'Epigravettiano della Grotta Paglicci nel Gargano. (Scavi F. Zorzi 1962-63). RSP, vol. 22, 1, 1967: 23-156.

Millotte J.-P. Informations archéologiques. Circonscription de Besançon Jura. GP, t. 3, 1960: 182-184.

Minellono F. Incisioni paleolitiche su osso e calcare rinvenute a Vado all'Arancio (Grosseto). Atti della XIV Riunione Scientifica dell'Istituto Italiano di Preistoria e Protostoria in Puglia 1970. Firenze, 1972: 207-214.

Miscovsky J.-Cl. Les remplissages de grottes et abris sous roche pendant le Wurmien et le Postglaciaire en Provence. PF, 1976, 225-230.

Mons L. Les bâtons perforés de la grotte du Placard (Charente) au Museé des Antiquités Nationales. AN, N 8, 1976: 11-20.

Mons L. Les statuettes animalières en grès de la grotte d'Isturitz (Pyrénées-Atlantiques): observations et hypothèses de fragmentation volontaire. L'A, t. 90, N 4, 1986: 701-712.

Mons L. Les figurations de bisons dans l'art de la grotte d'Isturitz (Pyrénées Atlaniques). Les particularismes techniques et stylistiques écrairent–ils les processus créatifs? AN, N 18/19, 1986/1987: 91-99.

Morel Ph., Garcia M.A. La chasse à l'ours dans l'art paléolithique. Colloque international "L'Homme et l'Ours" Auberives-en-Royans (Isere) du 4 au 6 novembre 1997.

Mortillet A. de. La grotte du Placard (Charente) et les diverses industries qu'elle a livrées. CPF, C.R. de la session 2, Vannes, 1906. 1907: 241-265.

Mortillet G. de. Le Préhistorique, Antiquité de l'Homme. 1883.

Moure-Romanillo J.-A. Datación arqueológica de las pinturas de Tito Bustillo (Ardines, Ribadesella, Asturias). TP, 32, 1975a: 176-181.

Moure-Romanillo J.-A. Excavationes en la cueva Tito Bustillo, Asturias. Campañas de 1972 y 1974. BIEA, 1975б.

Moure-Romanillo J.-A. Le Magdalénien superieur de la grotte Tito Bustillo (Asturias, Espagne). FTGE, 1979a: 737-743.

Moure-Romanillo J.-A. Una plaqueta grabada del Magdaleniense superior de la Cueva de Tito Bustillo (Asturais). Caesaraugusta, 49-50, 1979б: 43-54.

Moure-Romanillo J.-A. Placas grabadas de la cueva del Tito Bustillo. Valladolid, Studia Archaeologica N 69. Valladolid, 1982a.

Moure-Romanillo J.-A. Espatula decorada procedente del Magdaleniense de la cueva Tito Bustillo. BIEA, 107, 1982б: 667-681.

Moure-Romanillo J.-A. Escultura magdaleniense descubierta en la cueva de Tito Bustillo. Ars P. II, 1983: 169-176.

Moure-Romanillo J.-A. La Cueva de Tito Bustillo. Guias de arqueologica asturiana N 2. Oviedo, 1984.

Moure-Romanillo J.-A. Nouveautés dans l'art mobilier figiratif du Paléolithique cantabrique. BSPA, t. 40, 1985: 98-129.

Moure-Romanillo A. La cueva de Tito Bustillo (Ribadesella, Asturias): el yacimento paleolitico. Resumen de los trabajos 1972-1986. Excavationes arquelogicas on Asturias 1983-86, 1, 1990: 107-127.

Moure-Romanillo J.-A. , Cano-Herrera M. (eds.) Excavaciones en la Cueva de "Tito Bustillo" (Asturias): Trabajos de 1975. BIEA, 1976.

Moure-Romanillo J.-A., Cano-Herrera M. Magdalenian habitation structure at Tito Bustillo Cave (Asturias, Spain). Current Anthropology, 19-2, 1978: 392-394.

Moure-Romanillo J.-A. , Cano-Herrera M. Tito Bustillo Cave (Asturias, Spain) and the Magdalenian of Cantabria. World Archeology, 10, 3, 1979: 280-289.

Mourer-Chauviré C. Les oiseaux. PF, 1976: 430-434.

Mouton F., Joffroy E. Précisions nouvelles sur les stations magdaléniennes de Farincourt (Haute – Marne). RAE, N 7, 1956: 193-223.

Movius H.L. Excavation of the Abri Pataud, Les Eyzies (Dordogne). ASPR. Bull. N 30, 1975.

Movius H.L., Judson Sh. The rock-shelter of La Colombière. ASPR. Bul. N 19. 1956.

Musil R. Fauna moravských magdalenských stanic. Athropozoikum 7, 1957, Praha, 1958: 7-26.

Musil R. Poznámky k paleontologickému materialu z Dolni Vêstonic. Anthropozoikum 8, Praha 1959a: 73-82.

Musil R. Osteologický material z paleolitickeho sidliště v Pavlove. Antropozoikum 8, Praha 1959б: 83-106.

Musil R. Hunting game analysis. In: Pavlov I – Northwest. Dolnovéstonocké studie 4, Brno, 1997: 443-468.

Mussi M. Italian Paleolithic and Mesolithic burials. HE, 1, 1986: 545-556.

Mussi M. Romanellien. DP, 1988a.

Mussi M. Tagliente. DP, 1988б.

Mussi M. Polesini (grotte). DP, 1988в.

Mussi M. Romanelli, Terra d'Otranto. Italie. DP, 1988г.

Mussi M. Les statuettes italiennes de pierre tendre de Savignano et Grimaldi. La Dame de Brassempouy. Actes du Colloque de Brassempouy (juillet 1994). ERAUL, 74, Liège, 1995: 169-185.

Mussi M. Problèmes récents et découvertes anciennes: la statuette de Savignano (Modène, Italie). BSPA-P, t. 51, 1996: 55-79.

Mussi M. Heading south: the gravettian colonisation of Italy. HGA, 1999: 355-374.

Mussi M., Cinq-Mars J., Bolduc P. Echoes from the mammoth steppe: the case of the Balzi Rossi. HGA, 1999: 106-124.

Mussi M., Mohen J.-P. Arene Candide (Grotte delle Ligurie, Italie). DP, 1988.

Mussi M., Orliac M. Épigravettien (et Épigravettien italique). DP, 1988.

Mussi M., Piperno M. Cavallo (grotte du). DP, 1988.

Mussi M., Piperno M., Baffier D. Paglicci. DP, 1988.

Mussi M., Zampetti D. Carving, painting and engraving: Problems with the Earliest Italian Design. In: M. Conkey, O. Soffer and D. Stratmann (eds.). Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol. 1997: 217-238.

Narcisi B. Tephrochronology of a Late Quaternary lacustrine record from the Monticchio Maar (Vulture Volcano, Southern Italy). Quaternary Science Reviews, 15, 1996: 155-165.

Neeb E. Eine paläolithische Freilandstation bei Mainz. PZ, 15, 1924: 1-8.

Neeb E., Schmidtgen O. Eine altsteinzeitlich Freilandraststelle auf dem Linsenberg bei Mainz. MZ, 17/19, 1921/24: 108-112.

Neugebauer-Maresch Ch. Zum Neufund einer weiblichen Statuette bei den Rettungs grabungen an der Aurignacien – Station Strazing/Krems – Rehberg, Niederösterreich. Germania, Jahrgang 67, 2. Halbband Mainz am Rhein, 1989: 551-559.

Noiret P., Otte M., Straus L.-G., Leotard J.-M., Martinez A., Ancion V., Newman M., Lacroir Ph., Gautier A., Cordy J.-M., Haesaerts P. Recherches paléolithiques et mésolithiques en Belgique, 1993: Le Trou Magrite, Huccorn et l'Abri du Pape. Notae Praehistoricae, 13, 1994: 45-62.

Nougier L.-R., Robert R. Le rhinocéros dans l'art franco-cantabrique occidental. BSPA, t. 12, 1957a: 15-52.

Nougier L.-R., Robert R. L'Ours dans l'Art quaternaire. II. Compléments. BSPA, t. 12, 1957б: 53-54.

Nougier L.-R., Robert R. Le «lissoir aux antilopes saïga» et l'antilope saïga dans l'art franco-cantabrique. BSPA, t. 13, 1958: 13-27.

Nougier L.-R., Robert R. Les "Loups affrontés" de la grotte de la Vache (Ariège) et les canidés dans l'art franco-cantabrique. Festschrift für Lothar Zotz. Steinzeit der alten und neuen Welt. Bonn, 1960: 399-420.

Nougier L.-R., Robert R. Bouquetins affrontés, dans l'art mobilier magdalénien de la grotte de La Vache, à Alliat. Miscelánea en homenaje al Abate Henri Breuil, t. II. Barcelona, 1965a: 197-206.

Nougier L.-R., Robert R. "La frise des Lions", gravure sur os de la grotte de la Vache à Alliat, et les grands Félins dans l'art franco-cantabrique. BSPA, t. 20. 1965б: 18-84.

Nougier L.-R., Robert R. Scène d'initiation de la grotte de la Vache à Alliat (Ariège). BSPA, 23, 1968: 17-98.

Nougier L.-R., Robert R. Pendeloque "au cheval sautant" du magdalénien final des Pyrénées (Grotte de la Vache, Ariège). BSPA, t. 25, 1970: 17-28.

Nougier L.-R., Robert R. Galets gravés du magdalénien final des Pyrénées (Grotte de la Vache, Alliat, Ariège). BSPA, t. 26, 1971: 11-75.

Nougier L.-R., Robert R. De l'accouplement dans l'art préhistorique. BSPA, t. 29, 1974: 15-63.

Nougier L.-R., Robert R. Présentation de deux "bâtons perforés" de la Grotte de La Vache d'Alliat. BSPA, t. 30. 1975: 71-75.

Nougier L.-R., Robert R. Contribution à l'étude de la frise dans l'art mobilier du magdalénien terminal. BSPA, t. 31, 1976a: 31-45.

Nougier L.-R., Robert R. "Sceptre" du Magdalénien final pyrénéen. BSPA, t. 31, 1976б: 55-61.

Nougier L.-R., Robert R. Frise–perspective de bouquetins stylisés de la grotte de la Vache (Alliat, Ariège). BSPA, t. 34, 1979: 27-31.

Nüesch J. Das Schweizersbild, eine Niederlassung aus paläolithischer und neolithischer Zeit. 1902.

Obermaier H. Travaux de l'année 1913. Institut de Paléontologie Humaine. III. Fouilles in Bavière. L'A, t. 25, 1914: 254-262.

Obermaier H. El Hombre fosil. CIPP, mém. 9. 1925.

Obermaier H., Frauenholz J. Eine Mammutdarstellung aus Süddeutschland. JPEK, 1926: 29-32.

Obermaier H. Frauenholz J. Der Skulptierte Rengeweihstab aus der mitteleren Klausenhöhle bei Essing (Niederbayern). JPEK, 1927: 1-9.

Obermaier H., Vega del Sella C. de la. La Cueva del Buxu (Asturias). CIPP, mém. 20. 1918.

Olaria C., Gusi F., Estevez J., Casabo J., Rovira M.L. El yacimiento magdaleniense de Cova Matutano (Villafames, Castellon). Estudio del sondeo estratigrafico 1979. Cuadernos de Prehistoria y Arqueologia Castellones (Castellon), 8, 1985: 21-100.

Oliva M. Le Paléolithique supérieur de la république Tchèque (1991-1995). UISPP, Congrès XIII de Forli. Commision Paléolithique superieur. Bilan 1991-1996. ERAUL, 76, Liège, 1996a: 115-129.

Oliva M. Epiaurignacien en Moravie: le changement économoque pendant le deuxième interpléniglaciaire wurmien. Colloquium XI of XIII UISPP, Forli, 1996б: 69-81.

Oliva M. Some thoughts on pavlovian adaptations and their alternatives. HGA, 1999a: 219-229.

Oliva M. The Brno II Upper Palaeolithic burial. HGA, 1999б: 143-153.

Omnès J., Clot A.,. Jeannet M., Marsan G., Mourer-Chauviré C. Le gisement préhistorique des Espelugues à Lourdes (Hautes–Pyrénées). Essai d'inventaire des fouilles anciennes. Centre Aturien de Recherches sous Terre, mem. N 1. Tarbes, 1980.

Omnès J. et al. Le locus I des Espelugues de Lourdes, Hautes–Pyrénées, un habitat magdalénien en profondeur. BSPA, t.39, 1984: 85-101.

Onoratini G. Préhistoire, sediments, climats du Würm III ã l'Holocène dans le Sud-Est de la France. Marseille, 1982.

Otte M. Le Paléolithique supérieur ancien en Belgique. Bruxelles, 1979.

Otte M. Le gravettien en Europe centrale. Vol. 1-2, Brugge, 1981.

Otte M. Le Magdalénien de Belgique: un aperçu. ME. Actes du Colloque de Mayence, 1987, ERAUL, 38, 1989: 63-80.

Otte M. Révision de la séquence de Willendorf. Les basins du Rhin et du Danube au Paléolithique supérieur: environment, habitat et systèmes d'échange. ERAUL, 43, Liège, 1991: 46-59.

Otte M., Dewez M., Feheux E. Halte de chasse paléolithique à Mégarnie. Bulletin de la société royal belge d'études géologiques et archéologiques. Les Chercheurs de la Wallonet, XXVII, 1997: 213-227.

Otte M., Noiret P., Miller R. Le Paléolithique supérieur en Belgique (1996-2001). ERAUL, 97, Liège, 2001: 103-116.

Paccard M. Grotte de la Combette. Congrès de l'UISPP IX. Livret-guide de l'excursion C 2. 1976: 113-115.

Pailhaugue N. La faune de la Salle Monique, grotte de la Vache (Alliat, Ariège). BSPA-P, t. 50. 1995: 225-289.

Pales L., Tassin de Saint-Péreuse M. Les gravures de la Marche. I. Félins et Ours. Paris, 1969.

Pales L., Tassin de Saint-Péreuse M. Les gravures de la Marche. II. Les Humains. Paris, 1976.

Pales L., Tassin de Saint-Péreuse M. L'abri Durif à Enval (Vic-le Comte, Puy-de-Dôme). II. Gravures et sculptures sur pierre. GP, t. 22, f. 1, 1979: 113-142.

Pales L., Tassin de Saint-Péreuse M. Les gravures de la Marche. III. Equidés et Bovidés. Paris, 1981.

Pales L., Tassin de Saint-Péreuse M. Les gravures de la Marche. IV. Cervidés, Mammouths et divers. Paris, 1989.

Palma di Cesnola A. Seconda campagna nella Grotta del Cavallo presso S.Caterina (Lecce). RSP, vol. 19, 1964: 22-39.

Palma di Cesnola A. Notizie preliminari sulla terzo campagne di scavi nella Grotta del Cavallo (Lecce). RSP, vol. 20, 2, 1965: 291-302.

Palma di Cesnola A. Gli scavi nella Grotta del Cavallo (Lecce) durante il 1966. RSP, vol. 21, 1966: 289-302.

Palma di Cesnola A. Il Gravettiano della Grotta Paglicci nel Gargano. RSP, vol. 30, 1975: 3-177.

Palma di Cesnola Ar., Bietti A. Le Gravettien et l'Epigravettien ancien en Italia. RSP, vol. 38, 1983: 181-228.

Paquereau M.-M. Livret-guide excursions A5. VIII Congrès INQUA, 1969.

Paquereau M.-M. La végétation au Pleistocene supérieur et au début de l'Holocène dans le Sud-Ouest. PF, 1976: 525-530.

Passemard E. La caverne d'Isturitz. RAr, N 15, 1922: 1-45.

Passemard E. La caverne d'Isturitz en Pays Basque. Préhistoire, t. IX, Paris, 1944.

Paterne M. et al. Tyrrhenian sea tephrochronology of the Oxygen Isotope Record for the last 60.000 years. Marine Geology, 72, 1986: 259-285.

Patou M. Apports de l'archéozoologie à la compréhension du peuplement magdalénien dans le Bassin Mosan (Belgique). PM, 1992: 309-316.

Peccadeau de l'Isle. Notice sur des objets sculptés et gravés des temps préhistoriques, trouvés à Bruniquel (Tarn-et-Garonne). RAr, n.s., neuvième anneé. Paris, 1868: 213-220.

Péquart M. et S.-J. Grotte du Mas d'Azil (Ariège): Une nouvelle galerie magdalénienne. Annales de Paléontologie, t. XLVIII, 1962: 195-286.

Pérez Pérez M. Algunas piezas inéditas de la Cueva de la Paloma. BIEA, 86, 1975: 731-754.

Pérez Pérez M. Un os du Magdalénien de "Cueva de Ania" (Las Regueras, Asturias, España). BSPA-P, t. 48, 1993: 205-228.

Perez Ripoll M. Estudio arqueozoologico de la fauna de Nerja, Sala del Vestibulo. In: Trabajos sobre la Cueva de Nerja. Patronato de la Cueva de Herja, Malaga. 1998.

Perez Ripoll M., Raga J.A. Los mamiferos marinos en la vida y en el arte de la Prehistoria de la Cueva de Nerja. In: Aura J.E. (ed). I-er simposium de Prehistoria de la Cueva de Nerja. Las Culturas del Pleisoceno superior en Andalusia Oriental. Malaga, 1997.

Pericot-Garcia L. La cueva del Parpallo (Candia). Consejo superior de Investigaciones Cientifiegs. Instituto Diego Velazquez. Madrid, 1942.

Perpere M. Рецензия на Etudes sur l'abri Fritsch (Indre). XIX supplement à Gallia Préhistoire, 1984. L'A, t. 90, N 1, 1986: 137.

Peters E. Die altsteinzeitliche Kulturstätte Petersfels bei Engen. Augsburg, 1930a.

Peters E. Die Kunst des Magdalénien vom Petersfels. JPEK, 19306: 1-6.

Peters E., Toepfer V. Der Abschluß der Grabungen am Petersfels bei Engen im badischen Hegau. PZ, 23, 1932: 155-199.

Pettitt P. Chronology of the Mid Upper Palaeolithic: the radiocarbon evidence. HGA, 1999: 21-30.

Peyrony D. Nouvelles fouilles à Badegoule (Dordogne). Solutréen supérieur et transition du Solutréen au Magdalénien. RP, N 3, 1908: 5-24.

Peyrony D. Une gravure nouvelle du gisement magdalénien du Château des Eyzies. BACTHS. 1921: 5-9.

Peyrony D. Sur quelques pièces intéressantes de la grotte de la Roche, près de Lalinde (Dordogne). L'A, t. 40, 1930: 19-29.

Peyrony D. Les abris Lartet et du Poisson à Gorge d'Enfer. L'A, t. 42, 1932a: 241-268.

Peyrony D. Les gisements préhistoriques de Bourdeilles (Dordogne).AIPH, mém. 10, 1932б.

Peyrony D. Industries "Aurignaciennes" dans le Bassin de la Vézère. Aurignacien et Périgordien. BSPF, t. 30, N 10, 1933: 543-559.

Peyrony D. La Ferrassie. Préhistoire, t. III, Paris, 1934: 1-92.

Peyrony D. Le gisement Castanet, Vallon de Castelmerle de Sergeac. Aurignacien I et II. BSPF, t. 32, 1935: 418-443.

Peyrony D. Le Périgordien et l'Aurignacien (Nouvelles observations). Ext. BSPF, 1936.

Peyrony D. De l'importance de l'étude géologique des gisements préhistoriques pour la détermination de l'âge des différentes cultures. Ext. RAn, 49 année, N 1-3, 1939: 54-62.

Piette Ed. La grotte de Lortet pendant l'âge du renne. BSA, séance 16 avril, 1874: 298-317.

Piette Ed. Notes pour servir à l'histoire de l'art primitif. L'A, t. 5, 1894: 129-146.

Piette Ed. La station de Brassempouy et les statuettes humaines de la période glyptique. L'A, t. 6, 1895a: 129-151.

Piette Ed. Fouilles faites à Brassempouy en 1895. BSA, t. VI, 4-e série, 1895б: 659-663.

Piette Ed. Gravure du Mas d'Azil et statuettes de Menton. BSA, 5-e série, t. III, 1902: 771-777.

Piette Ed. Etudes d'Ethnographie préhistorique. VIII. Classification des sédiments formés dans les cavernes pendant l'Age du Renne. L'A, t. 15, 1904: 129-176.

Piette Ed. L'Art pendant l'âge du renne. Paris, 1907.

Piette Ed., Laporterie J. Fouilles à Brassempouy en 1896. L'A, t. 8, N 2, 1897: 165-176.

Piette Ed., Laporterie J. Fouilles à Brassempouy en 1897. L'A, t. 9, N 6, 1898: 531-555.

Piscopo G., Radmilli A.M. La prima campagna di scavi nella grotta delle Veneri a Parabita. La Zagaglian, 31, 1966a.

Piscopo G., Radmilli A.M. Sul rinvenimento di due veneri paleolitiche a Parabita (Lecce). Atti della Societa Toscana Scienze Naturale, vol. LXXII, 1966б.

Plenier A. L'Art de la grotte de Marsoulas. Thése du Doctorat 3-e cycle. Publication de l'Institut d'Art préhistorique. Toulouse, 1971.

Poplin F. La Dent de Cachalot sculpteé du Mas-d-Azil avec remarques sur les autres restes de Cétacés de la Préhistoire française. La faune et l'Homme préhistoriques. Mémoires de la SPF, t. 16, 1983: 81-94.

Poplin F. Sur le profil dorso-lombaire des bisons dans la nature et dans l'art paléolithique. CZE, 1984: 217-242.

Pradel L. la grotte magdalénienne de la Marche, commune de Lussac-les-Châteaux (Vienne). Mémoires de la SPF, 5, 1958. Paris, 1959: 170-191.

Praslov N.D. Neue Frauenstatuetten des Paläolithikums aus Kostenki 1 (Ud SSR). Das Altertum, XXXII, 1986: 14-17.

Praslov N.D. Eine neue Frauenstatuetten aus Kalkstein von Kostenki 1 (Don, Russland). AK, 23, 1993: 165-173.

Prat F. La faune du gisement de la Gare de Couze. L'A, t. 66, 1962: 248-254.

Prat F. Les Périssodactyles: Equidés. PF, 1976a: 409-415.

Prat F. Les Carnivores: Ursidés. PF, 1976б: 376-383.

Prat F., Sonneville-Bordes D. de. Découvertes récentes de Paléolithique supérieur à la grotte de Font de Gaume (Dordogne). Quaternaria, t. XI, 1969: 115-132.

Prost C. Nouvelles observations sur un objet en bois de renne de la Ferrassie. L'A, t. 75, 1971: 5-28.

Puisségur J.-J. Les Mollusques terrestres du domaine paléoarctique. PF, 1976: 444-446.

Radmilli A. M. La preistoria d'Italia alla luce delle ultime scoperte. Instituto Geografico Militare, Firenze, 1963.

Radmilli A. M. El due "Veneri" di Parabita. RSP,. vol. 21, 1966: 123-133.

Radmilli A. M. The chronological position of the Venuses of Parabita. JPEK, 22. Berlin, 1969: 10-14.

Radmilli A. M. Gli scavi nella grotta Polesini a Ponte Lucano di Tivoli e la piu antica arte nel Lazio.Origines, Sansoni, Firenze, 1974: 1-131.

Raphael M. Trois essais sur la signification de l'Art pariétal paléolithique. Paris, 1986.

Reinach S. Répertoire de l'art quaternaire. Paris, 1913.

Reinach R. Le bâton de Teyjat et les ratapas. CIAAP, C.R. de XIV session, Gèneve, 1912, t. I, 1913: 553-554.

Riek G. Les civilisations paléolithiques du Vogelherd près de Stetten-ob-Lonetal (Würtemberg). Préhistoire, t. II, f. II, Paris, 1933: 149-181.

Riek G. Die Eiszeitjägerstation am Vogelherd im Lonetal. Bd. I. Die Kulturen. Tübingen, 1934.

Riek G. Das Paläolithikum der Brillenhöhle bei Blaubeuren (Schwäbische Alb). Vols. I, II. Forschungen und Besichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Würtemberg, v. 4, 1973.

Rigaud J.-Ph. Informations archéologiques. Circonscription d'Aquitaine. GP, t. 21, f. 2, 1978: 627-659.

Rigaud J.-Ph. Informations archéologiques. Circonscription d'Aquitaine. GP, t. 25, f. 2, 1982: 416-426.

Rigaud J.-Ph. Human adaptation to the climatic deterioration of the last Pleniglacial in Southwestern France (30.000 – 20.000 B.P.). HGA, 1999: 325-336.

Ripoll López S. La Cueva de Ambrosio (Almería, Spain) y su posición cronoestratigráfica en el Mediterráneo Occidental. BAR International Series 462 (II), Oxford 1988.

Ripoll Lopez S., Cacho Quesada C. Art mobilier du paléolithique méditerranéen espagnol : quelques nouvelles découvertes. AOP, t. 1, 1990: 287-293.

Ripoll Perello E. Excavaciones en Cueva de Ambrosio (Vélez-Blanco, Almeria): campañas de 1958-1960. Ampurias, 22-23, 1960-1961: 31-44.

Rivière E. De l'antiquité de l'homme dans les Alpes-Maritimes. Paris, 1887.

Robineau D. Sur les mammifères marins du bâton gravé préhistorique de Montgaudier. L'A, t. 88, N 4, 1984: 661-664.

Roussot A. La lámpara decorada de la Mouthe (Dordogne). Ampurias. 31-32. Barcelona, 1969-1970: 91-103.

Roussot A. Sur une plaquette graveé de Montagaudier (Charente). BSPF, t. 81, N 4, 1984: 103-105.

Rowe M.W. Dater les peintires rupestres. INORA, 29, 2001: 5-13.

Rozoy J.G. Roc-La-Tour I et la demographie du magdalénien. ME. Liège, 1989: 81-100.

Rozoy J.G. Les plaquettes gravées magdaléniennes de Roc-La-Tour 1. AOP, t. 1, 1990: 261-277.

Rust A. Das Altsteinzeitliche rentierjägerlager. Meiendorf. Neumünster, 1937.

Saccasyn della Santa E. Les figures humaines du Paléolithique supérieur Eurasiatigue. Anvers, 1947.

Sacchi D. Découverte d'un propulseur sculpté magdalénien dans la grotte de Canecaude I (Villardonnel, Aude). C.R. de de l'Académie des sciences de Paris, t. 280, série D, 1975: 1075-1076.

Sacchi D. Grotte Gazel (Sallèles-Cabardès, Aude). Congrès de l'UISPP. Livret-guide de l'excursion C2. Nice, 1976a: 271-279.

Sacchi D. Aperçu sur les civilisations du paleolithique supérieur dans le bassin de l'Aude et en Roussillon. Bulletin de la Société d'Etudes Scientifiques de l'Aude , t. LXXVI, 1976б: 81-105.

Sacchi D. Cauna de Belvis (Aude). Congrés IX de l'UISPP. Livret-guide de l'excursion C2. Nice. 1976в: 306-312.

Sacchi D. Grotte Gazel. C.R. du III-e Colloque franco-soviétique. DIMNSP, 1979a: 195, 201-214.

Sacchi D. Canecaude I. C.R. du III-e Colloque franco-soviétique. DIMNSP, 1979б: 184-201.

Sacchi D. Cauna de Belvis. C.R. du III-e Colloque franco-soviétique. DIMNSP, 1979в: 169-183.

Sacchi D. (ed.). L'Art paléolithique de la France mediterranéenne. Carcassonne, 1984.

Sacchi D. Crouzade (La), Gruissan, Aude. DP, 1988.

Sacchi D. Le Paléolithique supérieur en Pyrénées et en Languedoc Mediterranéen (1991-1996). UISPP, Congrès de Forli, Commission Paléolithique Supérieur. Bilan 1991-1996, ERAUL, 76, 1996: 269-283.

Saint-Mathurin S. de. Les Biches du Chaffaud (Vienne). Vicissitudes d'une découverte. AN, N 3, 1971: 22-28.

Saint-Mathurin S. de. Reliefs magdaléniens d'Angles-sur-l'Anglin. AN, N 7, 1975: 24-34.

Saint-Périer R. de. La grotte des Harpons à Lespugue (Haute–Garonne). L'A, t. 30, N 3-4, 1920: 209-234.

Saint-Périer R. de. La grotte d'Isturitz I. Le Magdalénien de la Salle de Saint-Martin. AIPH, mém. 7, Paris, 1930.

Saint-Périer R. de. Deux oeuvres d'art de la grotte d'Isturitz. L'A, t. 42, N 1-2. Paris, 1932: 22-25.

Saint-Périer R. de. La grotte d'Isturitz II. Le Magdalénien de la Grande Salle. AIPH, mém. 17. Paris, 1936.

Saint-Périer R. et S. de. La grotte de Isturitz III. Les Solutréens, les Aurignaciens et les Moustériens. AIPH, mém. 25. Paris, 1952.

San Juan Diaz C. Un grabado unedito sobre un disco de ocre de la Cueva de La Chora (Cantabria). Ars P., t. II, 1983: 177-180.

Sanchez Goni M. F. L'Environnement de l'homme préhistorique dans le région cantabrique d'après la taphonomie pollinique des grottes. L'A, t. 98, N 2-3, 1994: 379-417.

Sanchidrian Torti J.L. Arte rupestre de la Cueva de Nerja. Trabajos sobre la Cueva de Nerja, núm. 4, 1994.

Santos M.F. Estatueta paleolitica descoberta em Setúbal-noticia preliminar. Setúbal Arquelogica, VI-VII, 1980/1981: 29-37.

Santos M.F., Gomes M.V., Monteiro J.-P. Descobertas de arte rupestre na Gruta do Escoural (Evora, Portugal). Altamira symposium, 1981: 205-243.

Sauter M.R. Contribution à l'étude de la typologie du Magdalénien suisse. Annuaire de la Société Suisse de Préhistoire, vol. 40, 1949/1952: 61-74.

Sautuola M. de. Breves apuntes sobre algunos prehistoricos de la provincia de Santander. Santander, 1880.

Sauvet G. et S. Fonction sémiologique de l'art pariétal animalier franco-cantabrique. BSPF, t. 76, N 10-12, 1979: 340-354.

Scheer A. The Gravettian in Southwest Germany: stylistic features, raw material resources and settlement patterns. HGA, 1999: 257-270.

Schmider B. Rond du Barry (Le) Polignac, Haute – Loire. DP, 1988a.

Schmider B. Roc La Tour I, Monthermé, Ardennes. DP, 1988б.

Sieveking A. Decorated scapulae from the Upper Palaeolithic of France and Cantabrian Spain. Homenaje al Professor Almagro Basch, 1983: 313-317.

Sieveking A. La Colombière réexaminée: une analyse de style des galets décorés. AN, N 18/19, 1986/87: 101-108.

Sieveking A. A Catalogue of Palaeolithic Art in the British Museum. London, 1987.

Simonnet G. Une belle parure magdalénienne. CPF, C.R. de la XIII session, Paris, 1950. 1952: 564-568.

Simonnet G., L. et R. Quelques beaux objets d'art venant de nos recherches dans la grotte orneé de Labastide (Hautes – Pyrénées): approche naturaliste. Bulletin de la Société meridionale de Spéleologie et de Préhistoire, XXIV, 1984: 25-36.

Simonnet G., L. et R. Art mobilier et art pariétal à Labastide. AOP, t. 1, 1990: 173-187.

Sinitsyn A.A., Haesaerts P., Damblon F., Van der Plicht J., Forman S.L. New absolute dates in Radiocarbon sequenses of Kostenki 14 (Markina Gora). ОРВПВЕ. СПб, 2002: 250-254.

Sinitsyn A.A., Otte M., Hedges R.E.M. New AMS radiocarbon dates: Oxford series (Brief communication). ОРВПВЕ. СПб, 2002: 255.

Smith Ph.E. Le Solutréen en France. Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. 5. Delmas. Bordeaux, 1966.

Smolikova L. Soil microscopic investigation of the section at Dolni Vestonice II. In: J. Svoboda (ed.). Dolni Vestonice II. ERAUL, 54, Liège, 1991: 65-74.

Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Academic Press INC. 1985.

Soffer O., Conkey M.W. Studying Ancient Visual Cultures. Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol. San Fransisco, 1997: 1-16.

Soffer O., Vandiver P. The Ceramics. In: J. Svoboda, ed. Pavlov I, ERAUL, 66, 1994: 151-162.

Soffer O., Vandiver P., Klima B., Svoboda J. The Pyrotechnology of Performance Art. Moravian Venuses and Wolverines. Before Lascaux, 1993.

Sollas W.J. Ancient Hunters and their Modern Representatives. London, 1924.

Sonneville-Bordes D. de. Le Paléolithique supérieur en Périgord. Bordeaux, 1960.

Sonneville-Bordes D. de. Le Paléolithique supérieur en Suisse. L'A, t. 67, N 3/4, 1963: 205-268.

Sonneville-Bordes D. de. C.R.: de Echegaray J.G., Garcia Guinea A., Beginez Ramirez A., Madariaga de la Campa B. Cueva de la Chora (Santander). Excavationes arqueologicas en España, N 26, 1960. L'A., t. 69, N 5-6, 1965: 547-548.

Sonneville-Bordes D. de. La Préhistoire moderne. Périgueux, 1972.

Sonneville-Bordes D. de., Laurent P. Un os gravé magdalénien de la grotte des Eyzies (Dordogne). In: La Préhistoire. Problémes et tendances. Paris, 1968: 411-420.

Stampfli H.R. (ed.). Rislisberghöhle. Archäologie und Ökologie einer Fundstelle aus dem Spätmagdalénien bei Oensingen im Solothurner Jura. Academia Helvetica, vol. 4 (1), Bern, 1983.

Stella L.A. Rappresentazioni figurate paleolitiche a Grotta Romanelli. RivA, vol. XXXI, 1935-1937: 21-32.

Straus L.G. Le magdalénien final l'abri Dufaure (Sordes-l'Abbaye, Landes). BSPA, t. 40, 1985: 169-184.

Street M., Terberger Th. The German Upper Palaeolithic 35.000 – 15.000 B.P. New dates and insights with emphasis on the Rhineland. HGA, 1999: 281-297.

Street M., Wüller B. Comments on the absolute dating of bones from Oberkassel. Archeometry, vol. 38, 1996.

Svoboda J. Art gravettien en Moravie: contexte, dates et styles. L'A, t. 99, N 2/3, 1995: 258-272.

Svoboda J. (ed.). Pavlov I – Northwest. The Upper Paleolithic burial and its settlement context. The Dolni Vestonice Studies 4, Brno, 1997.

Svoboda J., Klima B., Jarošova L., Skrdla P. The gravettian in Moravia: climate, behaviour and technological complexity. HGA, 1999: 197-217.

Svobodova H., Svoboda J. Chronostratigraphie et paléoécologie du paléolithique supérieur morave d'après les fouilles récentes. Actes du Colloque "Cultures et industries paléolithiques en millieu loessique". Amiens, 1988. RAr de Picardie, N 1-2, 1988: 11-15.

Taborin I., Thiébault S. Fontalès, Saint-Antonin-Nobre-Val, Tarn-et-Garonne. DP, 1988a.

Taborin I., Thiébault S. Deux-Avans (Les), Vallon, Ardèche. DP, 1988б.

Taborin I., Thiébault S. Esclauzur (grotte d'), Lissac, Corrèze. DP, 1988в.

Taborin I., Thiébault S. Marche (grotte de la), Lussac-les-Chateaux, Vienne. DP, 1988г.

Taborin I., Thiébault S. Chaffauld (Le) Savigné, Vienne. DP, 1988д.

Taborin I., Thiébault S. Hoteaux (grotte des), Rossilon, Ain. DP, 1988e.

Taute W. Eine Tierkopfgravierung aus dem Spätmagdalénien von Saaleck, Kreis Naumburg. Jahreschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. Bd. 53, Berlin, 1969: 193-198.

Tavoso A. La grotte Tournal ou Grand grotte de Bize. Livret-guide de l'excursion du III-e colloque franco-soviétique. DIMNSP, 1979: 215-231.

Toepfer V. Drei spätpalaeolitische Frauenstatuetten aus dem Unstrutal bei Nebra. Festschrift Gustav Riek. Fundberichte aus Schwaben. Neue Folge, 17, 1965: 103-111.

Tosello G. Magdalenian Engraved Blocks from Limeuil: The Logan Museum of Anthropology Collection. 1992: 277-345.

Trotignon F., Poulain Th., Leroi-Gourhan Arl. Etudes sur l'abri Fritsch (Indre). XIX-e supplément à Gallia Préhistoire. 1984.

Twisselmann F. Les représentations de l'homme et des animaux quaternaires découvertes en Belgique. Mémoire N 113 de l'IRSNB, 1951.

Twisselmann F. Description de trois gravures d'âge magdalénien provenant du Trou des Nutons et du Trou de Chaleux (vallée de la Lesse, prov. de Namur). BSRBAP , 86, 1975: 151-161.

Tymula S. La frise sculptée solutréenne du Roc-de-Sers (Charente): nouvelles données d'art pariétal. L'A, t. 102, N 2, 1998: 143-165.

Ucelli Gnesutta P. Manifestazioni artistische nei livelli Epigravettiani della grotta di Settecannelle (Ischia di Castro-Viterbo). 1 Abstracts. The sections of the XIII ICPPS, Forli, 1996: 207-208.

Ucelli Gnesutta P. Un nuovo reperto di arte mobiliare dai livelli epigravettiani della Grotta di Settecannelle. RSP, vol. 49, 1998: 123-139.

Ucko P.J., Rosenfeld A. Paleolithic Cave Art. World University Library. New-York-Toronto, 1967.

Ulrix-Closset M. Le Paléolithique moyen dans la bassin mosan en Belgique. Wetteren, Universa, 1975.

Utrilla-Miranda P. Acerca de la posición estratigràfica de los cérvidos y otros animales de trazo multiple en el Paleolitico Superior Español. Caesaraugusta, 49-50, 1979: 65-72.

Utrilla-Miranda P. El Magdalenienese inferior y medio en la Costa Cantábrica. Centro de Investigación y Museo de Altamira, numero 4. Santander, 1981a.

Utrilla P. Yacimientos y santuarios en el Magdaleniense IV Cantábrico. Algunas contradicciones. Altamira Symposium, Madrid, 19816: 353-357.

Utrilla P. Bases objectives de la chronologie de l'art mobilier sur la Côte Cantabrique. Pre-Actes CIAMP. 1987: 83-103.

Utrilla P. El magdaleniennse inferior en la costa Cantábrica. Le Magdalénien en Europe. Liège, 1989: 399-418.

Utrilla P. Bases objectives de la chronologie de l'art mobilier sur la Côte Cantabrique. AOP, t. 1, 1990: 87-99.

Vallois H.V. Anthropologie. In: Blanchard R., Peyrony D. et Vallois H.V. Le gisement et le squelette de Saint-Germain-la-Rivière. AIPH, 34, 1972.

Valoch K. Der fossile Mensch Brno II. Die Grabbeigaben. Anthropos, č. 9 (N.S. 1). Brno, 1959: 23-30.

Valoch K. Oeuvres d'art et objets en os du Magdalénien de Moravie (Tchécoslovaquie). BSPA, t. 25, 1970: 79-93.

Valoch K. Beitrag zur kenntnis des Pavlovien. AR, r. XXXIII, s. 3, 1981: 279-298.

Valoch K. Les questions du Pavlovien. AN, N 18/19, 1986/87: 55-62.

Valoch K. Die Erforschung der Kulna – Höhle. 1961-1976. Anthropos. N.S. 16, Brno, 1988a.

Valoch K. Prédmosti, Prerov, Moravie, Tchécoslovaquie. DP, 1988б.

Valoch K. Moravany nad Vahom, district de Trnava, Moravie, Tchécoslovaquie. DP, 1988в.

Valoch K. Pekarna. DP, 1988г.

Valoch K. Osidleni a klimatické d Změny v posledni dobé leové na Moravé. Acta Musei Moraviae. Časopis Moravského Musea, LXXIV, Brno, 1989: 7-34.

Valoch K. L'origine du Gravettien de l'Europe Centrale. Colloquium XII of XIII Congres UISPP. Forli, 1996: 203-211.

Vandermeersch B. Informations archéologiques. Circonscription de Poitou-Charentes. GP, t. 26, f. 2, 1983: 353-374.

Vandiver P.B. On investigation of some soft stone technologies of the Upper Paleolithic in Eurasia: ceramics and pigments. Chronostratigraphy of the Paleolith North, Central, East Asia and America, Novosibirsk, 1990: 244-248.

Vandiver P.B., Soffer O., Klima B., Svoboda J. The Origins of ceramic Technology: Evidence from Dolni Vestonice, Czechoslovakia. Science, N 246, 1989: 1002-1008.

Van Overloop E. Les origins de l'art en Belgique. Bruxelles, 1882.

Van Wetter G. Les origines de la parure aux temps paléolithiques. Bruxelles, 1920.

Vaufrey R. La statuette féminine de Savignano sur le Panaro (Prov. de Modéne). L'A, t. 36, N 3, 1926: 429-435.

Vaufrey R. Le paléolithique italien. AIPH, mém. 3, 1928.

Vega del Sella C. de la. El Paleolitico de Cueto de la Mina. CIPP, 13, 1916.

Veil St. Der späteiszeitliche Fundplatz Andernach, Martinsberg. Germania, 60, 1982: 391-424.

Veil St. Le Paléolithique supérieur et Final en Allemagne au Nord du Main (1991-1996). UISPP, Congrès de Forli, Commision Palèolithique Supérieur, Bilan 1991-1996, ERAUL, 76, 1996: 151-180.

Vencl Sl. Radiokarbonové datum pro magdalénien z Hostimi. AR, r. XXVIII, s. 4, 1976: 424.

Vencl Sl. Magdalenien Camp Site at Hostím, district of Beroun. Nouvelles archéologiques dans la République socialiste Tchèque. Praha – Brno, 1981: 15-17.

Vencl Sl. Hostim – Magdalenian in Bohemia. Prague, 1995.

Vézian J. Les Foyers magdaléniens de la grotte du Portel (Ariège). BSPA, IX-X, 1955: 13-32.

Vialou D. L'art pariétal en Ariège magdalénienne. Museum d'Histoire Naturelle, Laboratoire de Paléontologie Humaine et de Préhistoire. Mém. N 13. Paris, 1981.

Vialou D. L'art des grottes en Ariège magdalénienne. XXII-e supplément à Gallia – Préhistoire. Paris, 1986.

Vigliardi A. Le incisioni su pietra romanelliane della grotta del Cavallo (Uluzzo, Lecce, Puglia). RSP, vol. 30, 1, 1972: 56-115.

Villaverde V. Arte Paleolitico de la Cova del Parpallo. Diputació de Valencia. Valencia : Servei de Investigacion Préhistorica. 2 vol. 1994.

Villaverde V., Aura J.E., Barton C.M. The Upper Paleolithic in Mediterranean Spain: A Review of Current Evidence. JWP, vol. 12, N 2, 1998: 121-198.

Weinfürter E. Zwei neue Aurginacien – Fundstellen aus Niederösterreich. AA, 5, 1950: 97-100.

Welté A.-C. Bison et Aurochs dans l'art mobilier paléolithique. Aurochs, Le Retour. Lons-de-Saunier, 1994: 37-64.

Weniger G.-C. Wildbeuter und ihre Umwelt. Ein Beitrag zum Magdalénien Südwestdeutschlands aus ökologischer und ethnoarchäologischer Sicht. Archaeologica Venatoria, Tübingen, 1982.

Weniger G.-C. Magdalenien settlement pattern and subsistence in southwest Germany. PPS, 53, 1987: 293-307.

Zilhao J. Plaquette graveé Solutréen supérieur de la Gruta do Caldeirâo (Tomar, Portugal). BSPF, t. 85, N 4, 1988: 105-109.

Zorzi F. Pitture parietali e oggetti d'arte mobiliare del Paleolitico nella Grotta Paglici presso Rignano Garganico. RSP, vol. 17, 1962: 123-137.

Zotz L. Altsteizeitkunde Mitteleuropas. Stuttgard, 1951a.

Zotz L. Idoles Paléolithiques de l'Etre Androgyne. BSPF, t. 48, 1951б: 333-340.

Zotz L. Das Paläolithikum in den Weinderghöhlen bei Mauern. Quartär – Bibliothek, 2, Bonn, 1955: 152-219.

Zotz L. L'Aurignacien et le Périgordien en Allemagne. Bulletin de la Société Méridional de Spéleologie et de Préhistoire, 6-9, 1956-1959 (1963): 103-113.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. М.

АППППРР – Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М.

АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.

БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.

КСИА РАН – Краткие сообщения Института археологии Российской Академии Наук.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

ОРВПВЕ – Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.

ПКБР – Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л.

РА – Российская археология. М.

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников. М.

СЭ – Советская этнография. М.

AA – Archaeologia Austriaca. Wien.

AF – Ausgrabungen und Funde. Berlin.

AFAS – Association française pour l'avancement de Science.

AFEQ – Association Française pour l' Etude Quaternaire.

AIPH – Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine.

AK – Archälogisches Korrespondentzblatt. Köln.

AN – Antiquités Nationales. Paris.

AOP – L'Art des Objets au Paléolithique.

AR – Archéologické rozhledy. Praha.

Ars P – Ars Praehistorica. Barcelona.

Art C – L'Art des Cavernes. Atlas des grottes ornés paléolithiques françaises.

ASPR – American School of Prehistoric Research. Peabody Museum, Harvard University. Cambridge, Massachusets.

BACTHS – Bulletin Archéologique du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques. Paris.

BARS – Bulletin de l'Académie Royale Sciences, Letters et Beaux-Arts de Belgique.

BIEA – Boletino del Instituto de Esturios Asturianos. Oviedo.

BPI – Bulletino di Paletnologia Italiana.

BSAP – Bulletin de la Société d'Antropology de Paris.

BSHNT – Bulletin de la Société d'Histoire Naturelle de Toulouse.

BSPA – Bulletin de la Société Préhistorique de l'Ariège.

BSPA-P – Bulletin de la Société Préhistorique de l'Ariège Pyrénées. Tarascon-sur-Ariège.

BSPF – Bulletin de la Société Préhistorique française. Paris.

BSRBAP - Bulletin de la Société Royale Belge d'Antropologic et de Préhistoire. Bruxelles.

CEPP – Colloque sur l'écologie pyrénéenne et prépyrénéenne.

CIAAP – Congrès international d'Antropologie et d'Archéologie préhistoriques.

CIAMP – Colloque international d'art mobilier paléolithique. Foix – Mas d'Azil.

CIPP – Comision de Investigaciones prehistoricas y paleontologicas. Madrid.

CNA – Congreso Nacional de Arquelogia.

CPF – Congrès préhistorique de France.

CZE – La Contibution de la zoologie et de l'ethnologie à l'interprétation de l'art des peuples chasseurs préhistoriques. Fribourg.

DIMNSP – Dynamique des interactions entre de milieu naturel et des sociétés préhistoriques. Marseille.

DP – Dictionaire de la Préhistoire. Paris.

ERAUL – Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège.

FBW – Fundberichte aus Baden-Würtemberg.

FTGE – La Fin des Temps-glaciairs en Europe. Colloque international du C.N.R.S. N 271 (Talence 1977). Paris.
GP – Gallia Préhistoire.
HE – Human Evolution,
HGA – Hunters of the Golden Age. Analekta Praehistorica Leidensia, 31. Leiden.
IIPP – Istituto Italiano di Preistoria e Protoistoria, Firenze.
IIPU – Istituto Italiano di Paleontologia Umana, Firenze.
INORA – International Newsletter on Rock Art.
IRSNB – Institut Royale des Sciences Naturelles de Belgique. Bruxelles.
JBHM – Jährbuch des Bernischen Historischen Museums. Bern.
JPEK – Jährbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. Berlin.

JMUFT – Jähresschriff des Museum fur Ur- und Früngeschichte Thüringens, Weimar.
JR-GZM – Jährbuch des Romish – Germanischen Zentral Museum, Mainz.
JWP – Journal of World Prehistory.
L'A – L'Antropologie, Paris.
MAG – Mitteilungs Antiquarisch Gesellshaft, Zürich.
ME – Le Magdalénien en Europe. Actes du Colloque de Mayence 1987. ERAUL, 38.
MHPNH – Matériaux pour l'Histoire primitive de et naturelle l'Homme.
MZ – Mainzer Zeitschrift.
PA – Památky archeologické. Praha.
PE – Préhistoire Européenne.
PF – La Préhistoire Française. Paris.
PM – Le Peuplement magdalénienne. Actes du Colloque de Chancelade.
PPS – Proceedings of the Prehisoric Society, London.
PZ – Prähistorische Zeitschrift. Berlin.
RAn – Revue Antropologique.
RAr – Revue Archéologique.
RAE – Revue Archéologigique de l'Est et du Centre-Est. Dijon.
REAn – Revue de l'Ecole d'Anthropologie de Paris.
RP – Revue Préhistorique.
RivA – Rivista di Anthropologia.
RSP – Rivista di Scienze preistoriche. Firenze.
TP – Trabajos de Prehistoria.
UISPP – Union internationale des sciences préhistoriques et protohistoriques.

ABSTRACT

The monograph deals with one of the most intriguing and enigmatic aspects of prehistory, the early artistic manifestations originated in Europe in the Upper Paleolithic (25000 to 12000 BP). It seems hardly possible to embrace all relevant data within a scope of a book, so I decided to restrict myself by the analysis of figurative, mostly animalistic, art objects, thus omitting the discussion of those complicated issues as symbolic art and ornaments. Furthermore, I discuss only the so called portable art objects (l'art mobilier), associated with cultural layers of the sites, thus opposing to the cave art (l'art parietal), represented by paintings and engravings on the walls of caves and rock shelters. These two types of the Paleolithic art are thought to reflect different aspects of prehistoric communities, being the creations of large bands and small social units.

The chronological framework put forward for dating the art objects is based on the evidence of stratigraphy, sedimentology, paleontology, anthracology, and absolute dates. The monograph illuminates both general and regional patterns of the evolution of Paleolithic art in the area from Atlantic to the Urals Mountains. Generally, the stages defined corresponded to the periods identified at the Upper Paleolithic in France - Aurignacian, Perigordian/Gravettian and Solutreo-Magdalenian.

The most ancient phase of art development is represented by the two centers of artistic activity, located at Dordogne (France) and Swabian Jura (Germany), while some discoveries are reported from Austria and Russia. The middle phase is weakly represented in the periglacial zone of Western Europe, while more finds are known from the Mediterranean area. The Gravettian witnessed two large centers of creative productivity located at Moravia and European Russia. The Moravian center is remarkable for the early appearance of clay figurines while Russia evidenced rich series of realistic ivory and marl statuettes representing women and animals. The Solutrean art is reported only from France and Spain. The multicomponent cave of Parpalló is a key site for tracing the art development at the Spanish Levant. The Magdalenian art of France greatly influenced adjoining territories of Cantabrian Spain, Belgium, Switzerland, Germany, and even more distant Poland and Moravia. In Italy the Gravettian art gradually developed into the Epigravettian. The Ukrainian sites as their close counterparts in Russia located at the Dniepr River basin formed a distinctive culture group close to the Magdalenian (sometimes they are erroneously labeled the Epigravettian). In spite of general trends in the development of the Paleolithic art in Europe one can identify several distinctive culture zones connected with regional centers of creative activity.

The Magdalenian art of France, the richest and most expressive among the Upper Paleolithic artistic manifestations, witnessed human and animal representations combined together. Among animals, horse and reindeer dominated, which seems to reflect the faunal assemblage composition. The mobile art differs in this respect from the rock art; in the last case combinations of horse and bison prevailed. A provisional set of combinations of figures has been proposed while it seems hardly possible to interpret it.

This research has been supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Program 'Eurasia" of the Russian Academy of Sciences.

З.А.Абрамова

ЖИВОТНОЕ И ЧЕЛОВЕК

В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ ЕВРОПЫ

Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры

Труды
Том XV

Оригинал макет подготовлен ЗАО «ФИП-2»
Обложка: ООО «Европейский Дом»

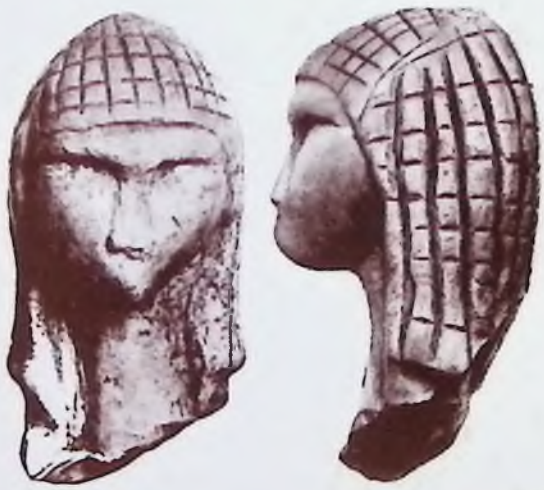
ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. листов 44
Тираж 300 экз.

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3, оф. 54, 56
Тел./факс: (812) 279-0833, e-mail: eurohouse@nm.ru

Монография Зои Александровны Абрамовой, одной из ведущих сотрудниц Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург), посвящена анализу сложного явления древнейшего творчества человека, искусству эпохи палеолита.

Это искусство изучают уже полтора столетия, оно неизменно вызывает большой интерес специалистов и широкой публики, однако тайны его еще далеко не раскрыты. Это самое древнее на земле художественное творчество очень своеобразно, и автор доказывает, что оно именно искусство своей эпохи, искусство утверждения человека разумного. В силу необъятности материала автор анализирует только фигуративное искусство, искусство малых форм, выраженное в мелкой пластике и гравюре, которое существовало на протяжении более 20 тысяч лет.

Впервые в мировой научной литературе по возможности воссоздается целостная картина развития палеолитического фигуративного искусства всей Европы от Атлантики до центра Русской равнины. Впервые обосновано различие искусства монументального, чаще всего пещерного, и искусства малых форм (скульптура, барельеф, гравюра и редко – роспись), установлено крайне неравномерное распространение этих двух видов и объяснена их разная мотивация (коллективная и домашняя). Значительное место в книге отведено хронологии памятников и периодизации верхнего палеолита Европы.

Цель, поставленная З.А.Абрамовой, – познакомить российского читателя хотя бы с частью наследия, дошедшего до нас из глубочайшей древности.